457

458
7-8-9

9(47)
Э88С79

~~316~~ - 1891 -

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ XXVII-й. ІЮЛЬ. 1896 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Императоръ Николай I въ 1828—1829 гг. (Изъ записокъ графа А. Х. Бенкендорфа). Гл. II. (Оконч.). 3—27

II. Россія и Англія въ Турціи въ 1877—1878 гг. II. 31—44

III. Кн. В. А. Черкасскій и гражданское управленіе въ Болгаріи. 1877—1878 гг. Гл. XVII. Д. Г. Анучина. 45—81

IV. Собственноручныя письма В. А. Жуковскаго къ Д. П. Северину. (1830—1833 гг.) 83—98

V. Основаніе русскаго флота. Историческій очеркъ. проф. Дм. Цвѣтаева. 99—112

VI. Замѣтка о домѣ Романовыхъ. Г. М. . . . . 113—117

VII. Замѣтка о родѣ князей Шуйскихъ вообще и о младшей его вѣтви князей Горбатовыхъ-Шуйскихъ. Г. М. . . . . 118—125

VIII. Императоръ Александръ I и гр. Армфельдъ 1811—1812 гг. Гл. I—III. . . . . 127—152

IX. Густавъ IV и вел. княжна Александра Павловна. 1794—1796 гг. Гл. VI. Барона Н. В. Дризена. 153—162

X. Автобіографія Юрьевскаго архимандрита Фотія. Книга третья. . . . . 163—199

XI. Воспоминанія, мысли и признанія человѣка, доживающаго свой вѣкъ смоленскаго дворянина. Гл. XVII—XIX. . . . . 201—226

XII. Записная книжка «Русской Старины»: Попытки къ заведенію торговли Россіи съ Японіей въ 1791 г. Сообщ. Н а р а н о в и ч ъ. (стр. 28).—Приказъ помѣщицы П. М. Черниковой о выборѣ рекрутъ. Сообщ. кн. А. Л. Голицынъ (82).—Высочайшій указъ отъ 8 мая 1801 г. О снятіи амбарго съ англійскихъ судовъ. (126).—Указъ изъ С.-Петерб. губернскаго правленія объ именованіи прапорщика Шервуда—Шервудъ-Вѣрный. (200).

XIII. Библіографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи. . . . . 227—230

XIV. Библіографическ. листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Виктора Григорьевича Теплякова. Грав. К. А д т ъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1896 г.

Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза», Большая Подъяческая, 39.

1896.

VII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюля 1896 г.

Библіографическій листокъ.

Д. И. Иловайскаго мелкія сочиненія, статьи и письма. Выпускъ второй. Москва. 1896 г.

Д. И. Иловайскій извѣстенъ какъ защитникъ истинъ, хотя и простыхъ, но не успѣвшихъ еще войти въ общественное сознаніе. Во второмъ выпускѣ мелкихъ сочиненій собраны статьи и письма, посвященныя нѣкоторымъ общественнымъ и политическимъ вопросамъ, — помѣщенныя въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, преимущественно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, за послѣднія 7—8 лѣтъ.

„Весь смыслъ этихъ статей и писемъ, — говоритъ авторъ въ предисловіи къ своей книгѣ,—можетъ быть выраженъ слѣдующими словами: проповѣдь строго національнаго направленія во всѣхъ общественныхъ сферахъ. И разумѣется, эта проповѣдь касалась наиболѣе важныхъ предметовъ, выдвигаемыхъ на передній планъ самою современной исторіей“.

Прежде всего авторъ останавливается на вопросахъ національной политики и экономіи; затѣмъ, разобравъ подробно еврэйско-нѣмецкій Drang nach Osten, онъ переходитъ къ обсужденію причинъ нашей культурной отсталости сравнительно съ Европой. „Я убѣдился,—говоритъ онъ,—что важнѣйшей причиной былъ недостатокъ постояннаго и неуклоннаго покровительства русской обрабатывающей промышленности и техникѣ, отъ развитія которыхъ непосредственно зависитъ усвоеніе европейской матеріальной культуры вообще. Эта неразрывная связь успѣховъ культуры съ покровительственною системою, или точнѣе — ихъ зависимость отъ сей послѣдней, является плодомъ личныхъ моихъ наблюденій“. Чему же должно покровительствовать по преимуществу? Задавшись такимъ вопросомъ, г. Иловайскій приводитъ, какъ слѣдствіе своихъ историческихъ наблюденій,—слѣдующій выводъ: недостаткомъ покровительства у насъ страдали тѣ именно отрасли промышленности, которыя называются „основными“ и развитіе которыхъ необходимо для успѣховъ у насъ европейской техники и всякой культуры; къ „основнымъ“ отраслямъ онъ относитъ машины и химическіе продукты, вмѣстѣ съ добычею желѣза и каменнаго угля.

Не мало мѣста отведено авторомъ въ его сборникѣ полемикѣ съ противниками главнаго его труда, т. е. „Исторіи Россіи“. Съ неослабѣвающимъ интересомъ читается и послѣдняя часть этого сборника, озаглавленная: „По тѣмъ же и другимъ вопросамъ исторіи, политики и культуры“.

Статьи г. Иловайскаго написаны прекраснымъ литературнымъ языкомъ и, благодаря умѣнію автора кратко и просто излагать самыя сложныя идеи, — онѣ доступны даже для людей, не имѣющихъ спеціальнаго образованія. Нельзя не пожелать такой книгѣ самаго широкаго распространенія.

Н. К-ш-ъ.

1) Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. В. Г Бѣлинскій, его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ М. А. Протопопова.

2) Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго въ четырехъ томахъ. Съ портретомъ и факсимиле автора, гравюрой съ картины Наумова и статьей Н. К. Михайловскаго. Дешевое изданіе Ф. Павленкова.

Много было писано о жизни и дѣятельности нашего маститаго критика; есть даже такіе труды, которые смѣло могутъ быть названы капитальными [1]), тѣмъ не менѣе біографическій очеркъ г. Протопопова, состоящій всего изъ 77 страницъ,—заслуживаетъ полнаго вниманія.

„Судъ общественнаго мнѣнія такъ же, какъ и судъ исторіи, такъ же, какъ и судъ совѣсти, не налагаютъ никакихъ формальныхъ каръ, но они страшнѣе суда уголовнаго для людей, не окончательно утратившихъ всякое нравственное чувство“,—говоритъ авторъ разсматриваемаго очерка въ своемъ введеніи. „Мы своимъ разсказомъ не убьемъ въ читателѣ ни одного благороднаго вѣрованія; ни горечи, ни разочарованія не испытаетъ онъ, познакомившись съ нравственной личностью нашего знаменитаго критика. Наоборотъ: это—одно изъ созерцаній, которыя освѣжаютъ душу и укрѣпляютъ вѣру,—вѣру въ человѣка и его достоинство. Безгрѣшенъ только Богъ, но и между людьми есть праведники, безъ которыхъ земля не стояла бы, и Бѣлинскій былъ однимъ изъ нихъ,—это мы заявляемъ съ перваго же шага и безъ малѣйшихъ сомнѣній“.

Жизнь Виссаріона Григорьевича столько же бѣдна внѣшними событіями, сколько богата внутреннимъ содержаніемъ. Ж. Ж. Руссо сказалъ про себя, что онъ явится на страшный судъ, держа въ рукахъ свои „Confessions“. Бѣлинскій можетъ явиться на тотъ же судъ, не выбирая между своими произведеніями, ни отъ чего не отрекаясь, ничего не скрывая. Онъ писалъ, какъ думалъ, и жилъ, какъ писалъ [2]).

---

[1]) А. Н. Пыпинъ. „Бѣлинскій, его жизнь и переписка“.—Два тома. О. Ѳ. Миллеръ. „Бѣлинскій, какъ педагогъ“ и др.

[2]) Въ полную противоположность своему учителю, профессору Надеждину, лекціи котораго Бѣлинскій усердно посѣщалъ и который въ нравственномъ отношеніи принад-

Дозвол. ценз. спб., 15 іюня 1896 г. тип. тов. «общ. польза», в подъяч., 39

ВИКТОРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ
ТЕПЛЯКОВЪ.

(Род. 15 августа 1804 г. † 2 октября 1842 г.).

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1896.

ІЮЛЬ.—АВГУСТЪ.—СЕНТЯБРЬ.

24994

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЙ

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., 39
1896.

РУССКАЯ СТАРИНА

Императоръ Николай I въ 1828—1829 г.г.

(Изъ записокъ графа А. Х. Бенкендорфа) [1].

II.

1829 годъ.

Убійство Грибоѣдова въ Тегеранѣ.—Положеніе цесаревича Константина Павловича въ Польшѣ. — Объ участіи польской арміи въ турецкой войнѣ. — Поѣздка императора Николая въ Варшаву для коронаціи. — Благосостояніе царства Польскаго.—Въѣздъ императора Николая въ Варшаву.—Коронація.—Поѣздка государя въ Берлинъ.—Дипломатическіе переговоры генералъ-адъютанта Бенкендорфа съ прусскимъ министромъ графомъ Бернсдорфомъ.—Извѣстіе о Кулевчинской побѣдѣ.—Путешествіе государя изъ Варшавы въ Кіевъ.—Пребываніе государя въ Тульчинѣ.—Пребываніе государя въ Кіевѣ.—Крѣпость Бобруйскъ.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Военныя поселенія.—Адріанопольскій миръ.—Хозревъ-Мирза въ Петербургѣ. — Благодарственный молебенъ на Царицыномъ лугу послѣ окончанія турецкой войны.—Болѣзнь императора Николая. — Извѣстіе объ англійскомъ фрегатѣ, вошедшемъ въ Севастополь, сообщенное графомъ Толстымъ государю во время его болѣзни. — Возвращеніе гвардіи въ Петербургъ.

Можно представить себѣ, что слѣдовавшая за симъ печальнымъ событіемъ зима была не изъ веселыхъ. Балы и театры прекратились; ихъ мѣсто заняли приготовленія ко второй кампаніи и политическія сплетни. Европейскимъ державамъ, всегда завидующимъ Россіи, крайне непріятна была наша война съ Турціею, и онѣ, предусматривая неминуемое пораженіе послѣдней, опасались, съ тѣмъ вмѣстѣ, новаго усиленія нашего могущества. Молодой монархъ, увлеченный на поприще войны и побѣдъ, не могъ, по мнѣнію этихъ

[1]) См. «Русск. Старину». іюнь 1896 г.

кабинетовъ, не потрясти системы европейскаго равновѣсія. Англія страшилась за свою торговлю на Средиземномъ морѣ; Франція, считая обязанностію оградить султана, стариннаго своего союзника, отъ вторженій Россіи, ограничивалась, впрочемъ, одними происками, заставляя дѣйствовать другіе кабинеты; наконецъ, Австрія, по своему сосѣдству съ Турціею, болѣе всѣхъ заинтересованная ея дѣлами, представляя себѣ Валахію и Молдавію уже русскими областями, тревожилась, участливо предлагала свое посредничество, молила Бога объ успѣхѣ турецкаго оружія и возбуждала противъ насъ недовѣріе берлинскаго двора. Всѣ заботливо ждали исхода войны и кричали противъ честолюбія императора Николая, не отваживаясь однако явно поднять забрала.

Государь, съ своей стороны, при увѣренности въ правотѣ дѣла и при твердой рѣшимости не употребить во зло побѣды, отклонилъ всѣ, такъ называемыя, услуги иностранной дипломатіи и дѣятельно готовился къ новой кампаніи.

Потери лошадей въ кавалеріи и артиллеріи были вскорѣ пополнены, а полки, приведенные утомленіемъ, болѣзнями и, наконецъ, чумою въ кадровый составъ, укомплектованы изъ резервныхъ батальоновъ.

Чума въ особенности свирѣпствовала въ Варнскомъ гарнизонѣ. Командовавшій имъ генералъ Головинъ былъ вынужденъ вывести войска за городъ и расположить ихъ лагеремъ въ окрестныхъ садахъ. Были полки, въ которыхъ на лицо оставалось не болѣе ста человѣкъ. Головинъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ съ примѣчательною распорядительностью, а добрые и покорные наши солдаты выказали, самымъ блестящимъ образомъ, свою терпѣливость и преданность. На сторожѣ отъ непріятеля, въ разрушенномъ городѣ, нуждаясь часто въ необходимѣйшемъ для жизни, поражаемые заразою, они ни единожды не позволили себѣ какого-нибудь ропота, и служба шла тѣмъ же порядкомъ и съ тою же дисциплиною, какъ бы гарнизонъ находился въ отличнѣйшемъ благосостояніи.

Графъ Витгенштейнъ былъ слишкомъ старъ для веденія новой кампаніи, и потому явилась необходимость замѣстить его другимъ главнокомандующимъ, и вмѣсто него назначенъ былъ графъ Дибичъ.

Въ это самое время одно, столько же неожиданное, сколько и

плачевное событіе прибавило еще новую помѣху нашему правительству. Г-нъ Грибоѣдовъ, посланникъ нашъ въ Персіи, человѣкъ умный, но можетъ быть не довольно осторожный, возбудилъ противъ себя умы тегеранскихъ жителей, которыхъ недавній, уничижительный миръ еще болѣе предрасположилъ противъ Россіи. Онъ пренебрегалъ общественнымъ ихъ мнѣніемъ, которое ждало только случая, чтобы вспыхнуть. Бездѣльная ссора между нѣсколькими персіянами и прислугою Грибоѣдова дала къ тому поводъ. Народъ выломалъ двери въ домѣ нашего посланника, и какъ самъ онъ, такъ и бо́льшая часть его чиновниковъ и служителей, пали жертвою разъяренной черни. Ихъ безчеловѣчно умертвили, прежде чѣмъ подоспѣла помощь отъ правительства, испуганнаго этимъ неслыханнымъ происшествіемъ. Раздраженный шахъ тотчасъ арестовалъ и наказалъ виновныхъ; но такое жестокое оскорбленіе не могло не угрожать разрывомъ едва лишь возстановленнаго мира, а продолжительность времени, необходимаго для соглашенія между Петербургомъ и Тегераномъ, оставляла надолго въ сомнѣніи вопросъ, какой ходъ приметъ это дѣло.

Въ это же время интересы, хотя совсѣмъ инаго рода, но не менѣе важные, обращали вниманіе государя на Варшаву.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, командовавшій русскими и польскими войсками въ Царствѣ Польскомъ и мало-по-малу сосредоточившій въ своихъ рукахъ управленіе и гражданскою частью, не умѣлъ стяжать народной любви. Подъ его начальствомъ состоялъ также и корпусъ, квартировавшій въ Литвѣ и носившій, какъ бы въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ, означавшихся нумерами, именованіе Литовскаго. Всѣ возвращенныя отъ Польши губерніи: Виленская, Гродненская, Минская, Волынская и Подольская и область Бѣлостокская состояли равномѣрно подъ управленіемъ цесаревича и вѣдались имъ на военную ногу. Эта централизація всего, принадлежавшаго нѣкогда Польшѣ; либеральная конституція, пожалованная Царству; польскіе малиновые воротники, вмѣсто красныхъ, на мундирахъ Литовскаго корпуса,—все это, вмѣстѣ взятое, было, конечно, большою политическою ошибкою со стороны императора Александра, который далъ полякамъ, въ противоположность намѣреніямъ и дѣйствіямъ императрицы Екатерины, надежду

на возстановленіе ихъ самостоятельности и огорчилъ чрезъ то русскихъ.

Императоръ Николай ясно понималъ неудобство такого порядка вещей, но въ то же время чувствовалъ и всѣ трудности выйти изъ него. Первая заключалась въ необходимости измѣнить личное положеніе старшаго его брата, имѣвшаго въ супружествѣ польку, влюбленнаго во ввѣренныя его начальству войска и благопріятствовавшаго желанію поляковъ присоединить къ Царству Польскому прочія одноплеменныя съ ними губерніи, уже столь давно находившіяся подъ русскою державою. Второю трудностью представлялось ниспроверженіе устройства, созданнаго императоромъ Александромъ. Преемникъ отказался бы, чрезъ то, отъ наслѣдственнаго имени освободителя и благодѣтеля Польши, вооружилъ бы противъ себя милліоны поляковъ, еще болѣе напугалъ бы Европу, уже безъ того устрашенную его могуществомъ, и, наконецъ, жестоко огорчилъ бы цесаревича, который, относя всю ввѣренную ему власть къ волѣ покойнаго императора, почелъ бы вопіющимъ неправосудіемъ отнятіе у него этой власти братомъ, которому онъ уступилъ престолъ.

Поляки, крайне недовольные управленіемъ цесаревича и уже начинавшіе постепенно забывать благодѣянія Александра, съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ ждали рѣшенія своей судьбы отъ новаго императора. Носились слухи, что онъ не жалуетъ поляковъ и негодуетъ на данныя имъ привилегіи; что въ характерѣ его преобладаетъ строгость, и что онъ никогда не согласится на присоединеніе къ Царству прежнихъ польскихъ областей. Никто почти еще не зналъ его, и всѣ колебались между страхомъ и надеждою.

Государь долгое время зрѣло соображалъ и обдумывалъ всѣ трудности своего положенія въ отношеніи къ цесаревичу, къ многочисленнымъ польскимъ своимъ подданнымъ, къ обязанностямъ своимъ касательно Россіи и къ той дани уваженія, которую налагала на него память его предшественника.

Онъ призналъ необходимымъ удостовѣриться во всемъ лично и, пользуясь одною изъ статей конституціонной хартіи, рѣшился ѣхать въ Варшаву для коронованія себя тамъ царемъ польскимъ.

Слухъ о томъ оживилъ новыми надеждами жителей возвращенныхъ отъ Польши губерній и не порадовалъ русскихъ.

Еще во время предшедшей кампаніи, государь, въ намѣреніи болѣе сблизить между собою обѣ націи и въ особенности ихъ войска, убѣдительно просилъ цесаревича прислать въ Задунайскую армію часть польской,—отвѣтъ Константина Павловича, въ которомъ онъ изъявлялъ на то свое согласіе, неописуемо обрадовалъ государя. Но уже въ слѣдующемъ за тѣмъ письмѣ цесаревичъ выставилъ опять всѣ трудности привести въ исполненіе мысль государя, настаивая въ особенности на томъ, какъ больно было бы для его чести отпустить въ бой сформированныя имъ войска, безъ возможности раздѣлить самому предстоящія имъ опасности. Эта фраза, прельстивъ благородное сердце государя, положила конецъ всѣмъ дальнѣйшимъ его настояніямъ.

Все было готово къ нашей поѣздкѣ. 22-го апрѣля государь отправился сперва въ Динабургъ, куда, два дня спустя, пріѣхала и императрица.

Работы по возведенію Динабургскихъ укрѣпленій значительно подвинулись впередъ и производились съ совершенствомъ, заслужившимъ полное одобреніе государя.

Оттуда императрица продолжала свой путь прямо на Варшаву, а мы поѣхали въ Вильну, куда прибыли ночью, при свѣтѣ нѣсколькихъ плошекъ, догоравшихъ отъ иллюминаціи, зажженой жителями вечеромъ, для встрѣчи новаго ихъ монарха.

Государь остановился во дворцѣ, который съ ранняго утра обступила многолюдная толпа. Посѣтивъ сначала русскій соборъ, его величество присутствовалъ потомъ на разводѣ одного изъ батальоновъ Литовскаго корпуса. Вся площадь и всѣ ведущія къ ней улицы были полны народомъ, жаждавшимъ, казалось, его видѣть, и на всѣхъ лицахъ сіяли радость и довѣріе. Государь осмотрѣлъ въ подробности университетъ и больницы и вездѣ остался доволенъ найденнымъ порядкомъ.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, мы уже были въ Гроднѣ, и здѣсь государь присутствовалъ на разводѣ и осмотрѣлъ всѣ общественныя заведенія; и здѣсь, такъ же какъ и въ Вильнѣ, народъ всюду стремился къ нему навстрѣчу.

Къ ночи мы пріѣхали въ Бѣлостокъ и остановились въ прекрасномъ дворцѣ, бывшемъ нѣкогда жилищемъ сестры послѣдняго

короля польскаго, гдѣ ожидалъ государя командиръ Литовскаго корпуса баронъ Розенъ. Переночевавъ здѣсь, еще впервые съ Динабурга не въ коляскѣ, мы утромъ пустились къ Тыкочину, лежащему на границѣ имперіи съ Царствомъ Польскимъ.

Хотя я не видалъ этихъ мѣстъ съ войны 1806 и 1807 годовъ, однако не сомнѣвался, что тотчасъ узнаю мѣстности, изъѣзжанныя мною верхомъ, съ небольшимъ за 20 лѣтъ, во всѣхъ направленіяхъ, и даже увѣрялъ государя, что объясню ему по дорогѣ всѣ позиціи, сраженія и марши нашихъ войскъ. Каково же было мое удивленіе, когда, съ самаго выѣзда изъ Бѣлостока, насъ, вмѣсто тогдашнихъ сыпучихъ песковъ и бездонныхъ болотъ, повезли по чудесному шоссе! Точно такъ-же измѣнилась мѣстность передъ Тыкочиномъ. Движущагося моста, топкой плотины, уже не было; самое мѣстечко приняло видъ опрятности и довольства; все преобразилось: край, самый бѣдный и самый грязный въ мірѣ, чуждый всякой промышленности, былъ превращенъ, какъ бы волшебствомъ, въ страну богатую, чистую и просвѣщенную. Роскошныя почтовыя дороги, опрятные города, обработанныя поля, фабрики, наполненныя чужеземными мастеровыми, общее благосостояніе, наконецъ, все, чего мудрое и отеческое правительство можетъ достигнуть развѣ съ усиліемъ въ пол-вѣка, было сдѣлано императоромъ Александромъ въ 15 лѣтъ. Самая закоренѣлая неблагодарность молодыхъ польскихъ патріотовъ вынуждена была, очевидностью, воздать дань истинѣ и сознаться, что покойный императоръ пересоздалъ эту часть Польши.

На полѣ сраженія близъ Пултуска я не могъ, въ разговорѣ съ государемъ, не перенестись воображеніемъ къ тому, что было 23 года тому назадъ и что съ тѣхъ поръ произошло.

Тогда Наполеонъ, торжествующій въ Варшавѣ и угрожающій Россіи; поляки, обольщенные мечтами о своемъ возрожденіи; наши войска, возвращающіяся къ своимъ границамъ, въ утомленіи и унынiи. А теперь?—Наполеонъ, уже давно перешедшій въ область исторіи; Парижъ, видѣвшій наши побѣдоносныя знамена; поляки—русскіе подданные и обязанные своимъ благосостояніемъ единственно великодушію русскаго императора, а я—въ коляскѣ возлѣ могущественнаго преемника этого императора, царя той же самой Польши, гдѣ въ то время я воевалъ для защиты собственныхъ нашихъ гра-

ницъ! Мы философствовали объ этихъ міровыхъ переворотахъ до самой той минуты, пока не остановились на городской площади, для принятія назначеннаго къ государю почетнаго караула.

Спустя нѣсколько минутъ пріѣхала императрица, и мы, переночевавъ въ Пултускѣ, на другой день всѣ вмѣстѣ отправились въ Варшаву.

Въ Яблонѣ, хорошенькомъ имѣніи князя Понятовскаго за 14 верстъ отъ Варшавы, ожидали насъ обѣдъ и —цесаревичъ Константинъ Павловичъ, съ почетнымъ рапортомъ. Княгиня Ловичъ прибыла вслѣдъ затѣмъ, и оба брата съ своими супругами провели вмѣстѣ остатокъ дня съ видомъ самой сердечной другъ къ другу пріязни.

Я въ тотъ же вечеръ отправился въ Варшаву, для нѣкоторыхъ распоряженій къ торжеству слѣдующаго дня.

Всѣ войска, русскія и польскія, стали подъ ружье уже съ ранняго утра: кавалерія по ту сторону Вислы, а пѣхота—вдоль тѣхъ улицъ, по которымъ должна была слѣдовать императорская чета. Чтобы показать городъ на большемъ протяженіи и вмѣстѣ для избѣжанія крутаго подъема съ Прагскаго моста, ниже его былъ устроенъ, нарочно для этой церемоніи, еще другой. Все населеніе польской столицы и множество прибывшихъ къ этому дню иностранцевъ и поселянъ заняло всѣ окна, балконы и улицы. Яркое солнце сіяло надъ городомъ и его окрестностями, уже убравшимися въ весеннюю зелень и цвѣты.

Передъ въѣздомъ на мостъ цесаревичъ и вся государева свита сѣли на лошадей. Мнѣ впервые случилось тутъ увидѣть войска, состоявшія подъ начальствомъ великаго князя Константина Павловича. Ихъ выправка, обмундировка и выборъ людей и лошадей были истинно великолѣпны. Русскіе полки—два пѣхотные и три кавалерійскіе—находились въ однѣхъ и тѣхъ же дивизіяхъ съ польскими. Видъ ихъ былъ одинаковъ, и по внѣшности между войсками обѣихъ націй царствовало полное сліяніе.

Цесаревичъ проѣхалъ со мною вдоль фронта первыхъ кавалерійскихъ полковъ; при похвалахъ моихъ блестящей ихъ выправкѣ, на лицѣ его выразилось очевидное удовольствіе. У перваго взвода

л.-гв. Подольскаго кирасирскаго полка онъ представилъ мнѣ поручика Александрова.

Наконецъ, показались кареты, везшія государя, императрицу и наслѣдника.

Они остановились у Прагской заставы, въ небольшомъ домикѣ, гдѣ ожидали ихъ высшіе придворные сановники и парадные экипажи и гдѣ императрица переодѣлась. Государь сѣлъ на лошадь—и шествіе тронулось.

Войско, еще впервые видѣвшее своего молодаго и прекраснаго императора, привѣтствовало его обычнымъ «ура!» Я внимательно наблюдалъ за выраженіемъ лицъ солдатъ. Казалось, всѣ, и поляки и русскіе, радостно смотрѣли на государя и одинаково одушевлялись желаніемъ заслужить его удовольствіе.

Въ ту минуту, какъ государь со всею свитою въѣхалъ на мостъ, лошадь цесаревича вдругъ повернула назадъ и, при всѣхъ усиліяхъ всадника, никакъ не хотѣла его слушаться. Взбѣшенный великій князь принужденъ былъ сойти съ нея и слѣдовать по мосту и частью по городу пѣшкомъ, пока привели заводную лошадь, въ замѣнъ той, которая, ходивъ подъ нимъ нѣсколько лѣтъ, теперь впервые заупрямилась. Командуя парадомъ и слѣдуя за государемъ, съ опущенною шпагою, цесаревичъ, отъ этой непріятной случайности, потерялъ все удовольствіе, обѣщанное имъ себѣ отъ блестящаго положенія, въ которомъ онъ думалъ представить свои войска. Черты его лица совершенно измѣнились, и привычные къ его вспышкамъ подчиненные легко могли угадать, что̀ ихъ ожидаетъ.

Эта нечаянность, какъ она ни была маловажна сама по себѣ, набросила облако на всю церемонію и, болѣе или менѣе, всѣхъ поразила.

Войско и народъ продолжали встрѣчать государя радостными кликами; дамы у оконъ и на балконахъ махали платками и казались въ восторгѣ отъ красоты императора, отъ безподобнаго личика его сына, отъ привѣтливыхъ поклоновъ и всей очаровательной осанки императрицы; словомъ, глазъ самый наблюдательный не открылъ бы въ варшавской встрѣчѣ ничего, кромѣ радости и привязанности вѣрнаго своему монарху народа. Такимъ сей послѣдній намъ предста-

вился; таковъ онъ былъ и въ сущности, по крайней мѣрѣ относительно массы.

Государь остановился передъ римско-католическимъ соборомъ и принялъ тутъ отъ привѣтствовавшаго его духовенства святую воду, къ общему восхищенію присутствовавшихъ.

Сойдя съ лошади у входа въ королевскій дворецъ, онъ остановился чтобы подождать императрицу и принять ее изъ кареты. Княгиня Ловичъ и знатнѣйшія польскія дамы встрѣтили ее внизу лѣстницы.

Послѣ обѣда государь пошелъ къ цесаревичу объ руку съ императрицею, одинъ, безъ всякаго конвоя или свиты. Этотъ знакъ довѣрія и эта простота очаровали всѣхъ жителей; единодушные виваты долго сопровождали августѣйшую чету по улицѣ.

На слѣдующее утро государь присутствовалъ у развода на Саксонской площади; несмѣтная толпа ожидала тамъ его прибытія.

Цесаревичъ старался подавать собою примѣръ почтительности и усердія. У развода онъ суетился какъ бы простой генералъ, устрашенный высочайшимъ присутствіемъ; при церемоніальномъ маршѣ становился самъ на правый флангъ и при второмъ проходѣ шелъ въ замкѣ, съ карманною книжкою въ рукѣ, для отмѣтки тутъ же высочайшихъ приказаній.

По наружности между обоими братьями царствовало величайшее согласіе, и государь прилагалъ всѣ силы, чтобы его поддерживать. Но пребываніе его тяготило цесаревича, привыкшаго въ продолженіе столькихъ лѣтъ не нести иныхъ обязанностей, кромѣ тѣхъ, которыя онъ самъ на себя налагалъ, и повелѣвать какъ первое лицо, тогда какъ теперь ему надлежало, по крайней мѣрѣ по виду, давать примѣръ покорности. Зная, что не одинъ голосъ поднимется противъ его самовластныхъ дѣйствій и противъ его насильственной, часто переходящей всякую мѣру строгости, онъ страшился проницательнаго взгляда своего брата. Ближайшіе изъ его наперсниковъ также боялись подпасть отвѣтственности, между тѣмъ какъ поляки, полные надеждъ, ожидали перемѣны и въ особенности ограниченія власти великаго князя. Все это крайне затрудняло государя. Идти среднимъ путемъ между сими крайностями казалось невозможнымъ: надо было или поссориться съ старшимъ братомъ, котораго самъ онъ призналъ своимъ монархомъ и который уступилъ ему престолъ,

или, предпочтеніемъ братскихъ связей благосостоянію края, упасть навсегда въ мнѣніи польскихъ своихъ подданныхъ.

Государь умѣлъ, конечно лишь временно, выйти изъ этого двусмысленнаго положенія благородною твердостію въ отклоненіи разныхъ желаній своего брата и тою внимательностію, съ которою онъ занялся дѣлами по управленію и финансамъ царства. Такъ, напр., государь велѣлъ, чтобы въ составъ Литовскаго корпуса поступали впредь рекруты изъ внутреннихъ губерній, а цесаревичъ всемѣрно старался выхлопотать отмѣну сего порядка, съ возстановленіемъ того, какъ было при Александрѣ, т. е. чтобы упомянутый корпусъ наполнялся исключительно людьми изъ губерній, возвращенныхъ отъ Польши. Какъ онъ лично, такъ и окружавшіе его, предпринимали все, чтобы достигнуть этой цѣли, но государь настоялъ на своемъ, и цесаревичъ принужденъ былъ скрыть свою досаду.

Въ доказательство того, что обѣ страны находятся подъ однимъ и тѣмъ же правительствомъ, государь велѣлъ привезти изъ Петербурга императорскую корону.

Въ назначенный для коронаціи день дворцовыя залы наполнились приглашенными сановниками и дамами; войска стали отъ дворца до римско-католическаго собора; улицы, балконы и даже кровли покрылись зрителями.

Императорская чета съ наслѣдникомъ, обоими великими князьями и всею военною свитою, въ предшествіи двора, вступила въ тронную залу королей польскихъ. Вокругъ залы помѣстились министры, сенаторы, прелаты и нунціи.

Государь на ступеняхъ трона, подъ королевскимъ балдахиномъ, возложивъ на себя корону, произнесъ присягу передъ распятіемъ. Въ выраженіи его голоса было столько величественности и правды, что всѣхъ предстоящихъ объяло глубокое умиленіе.

Потомъ царь съ царицею слѣдовали пѣшкомъ къ собору, среди восторженныхъ криковъ толпы.

Въ соборѣ, подъ древними сводами котораго столько королей воспринимали корону и столько поколѣній поклонялись своимъ владыкамъ, поляками не могло не овладѣть нѣкоторое самодовольство, при видѣ потомка Петра Великаго, отдающаго почесть вѣроисповѣданію ихъ края, и католическое духовенство не могло не

ощущать страннаго чувства, вознося молитвы о возведенномъ на престолъ православномъ царѣ. На насъ, напротивъ, все это произвело какое-то тягостное впечатлѣніе, какъ бы предзнаменовавшее ту неблагодарность, которою этотъ легкомысленный и тщеславный народъ отплатитъ современемъ за довѣріе и честь, оказанныя ему русскимъ императоромъ.

Возвратясь во внутреннія комнаты дворца, государь прислалъ за мною. При видѣ моего душевнаго смущенія, онъ не скрылъ и своего. Онъ принесъ присягу съ чистыми помыслами и съ твердою рѣшимостію свято ее соблюдать. Рыцарское его сердце всегда чуждалось всякой затаенной мысли.

Послѣ церемоніи былъ во дворцѣ банкетный столъ.

Этотъ день ознаменовался немалыми милостями, между прочимъ и пожалованіемъ князя Адама Чарторижскаго въ оберъ-камергеры, что̀ нѣсколько огорчило тщеславнаго князя, постоянно мечтавшаго носить тутулъ царскаго намѣстника.

За обѣдомъ мнѣ пришлось сидѣть между нунціями; жалуясь на жестокую грубость цесаревича и превознося привѣтливость новаго ихъ царя, они отзывались, что охотно отдали бы послѣднему свою конституціонную хартію, со всѣми ея привилегіями, лишь бы онъ управлялъ ими непосредственно, какъ управляетъ Россіею.

За церемоніею слѣдовали иллюминаціи, балы, театры и большіе смотры.

Въ Варшаву прибылъ братъ императрицы принцъ Вильгельмъ. Король прусскій, съ своей стороны, намѣревался пріѣхать въ одинъ изъ принадлежащихъ ему замковъ въ Силезіи, для принятія тамъ августѣйшей дочери и внука. Все уже было и приготовлено къ этому свиданію, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что здоровье короля не позволяетъ ему пуститься въ путь. Государь въ ту же минуту рѣшился самъ ѣхать въ Берлинъ; но, для полнаго сюрприза своему тестю, запретилъ мнѣ кому бы то ни было о томъ говорить.

Императрица уѣхала впередъ, а государь со мною отправился двумя днями позже. Кромѣ меня, при немъ были только фельдъегерь, скакавшій впередъ для заготовленія лошадей на мое имя, и графъ Орловъ. Мы пролетѣли не останавливаясь, черезъ Калишъ и Бреславль, до Грюнберга, гдѣ назначенъ былъ ночлегъ для импе-

ратрицы. Въ ту минуту, какъ ея карета остановилась у приготовленнаго для нея дома, государь отворилъ дверцы и, къ большому удивленію всѣхъ окружавшихъ, которые все еще воображали, что тутъ лишь одинъ я, принялъ императрицу въ свои объятія. Весь городокъ огласился виватами, и вѣсть о неожиданномъ никѣмъ присутствіи тутъ императора Николая произвела настоящій театральный эффектъ. Мы весело отъужинали и рано утромъ сѣли снова въ коляску, принявъ всѣ нужныя мѣры, чтобы эта вѣсть насъ не опередила.

У въѣзда во Франкфуртъ на Одерѣ лошади наши должны были идти почти шагомъ посреди толпы, скопившейся окрестъ и возлѣ дома, отведеннаго для обѣда императрицы. Навстрѣчу ей пріѣхали изъ Берлина наслѣдный принцъ, съ двумя своими братьями. Наша коляска, медленно подвигаясь черезъ массу народа, остановилась, наконецъ, у подъѣзда гостиницы. Одинъ изъ принцевъ въ окошко узналъ государя, и всѣ трое, выбѣжавъ на улицу, бросились обнимать его. Нельзя довольно описать восторга ихъ и всего населенія, офицеровъ и солдатъ, при этой нечаянной встрѣчѣ!

Императрица пріѣхала получасомъ позже, и радость принцевъ и народа вновь выразилась съ тою же живостію.

Послѣ обѣда всѣ вмѣстѣ отправились въ Берлинъ.

Король, съ остальными членами своего семейства, ожидалъ августѣйшую свою дочь въ одномъ маленькомъ загородномъ домѣ. Пріѣздъ императора и наслѣдника былъ и для него радостнымъ сюрпризомъ. Вѣсть объ этомъ вскорѣ достигла Берлина, и весь городъ поднялся на ноги и побѣжалъ ко дворцу; всѣ поздравляли другъ друга, кричали и толпились на улицахъ; казалось, Пруссію посѣтило какое-то неожиданное счастіе. Дѣйствительно, народное самолюбіе было польщено и появленіемъ русскаго монарха, и нѣжною предупредительностію его къ королю, столь любимому своимъ народомъ. Общій кликъ привѣтствовалъ короля, императора и императрицу, при входѣ ихъ во дворецъ, и перешелъ почти въ неистовый вопль, когда король показался на балконѣ, держа за руку своего маленькаго внука, наслѣдника русскаго престола.

Остановясь, въ первую минуту, въ гостиницѣ, я могъ, въ моей роли неизвѣстнаго зрителя, вполнѣ судить о радостномъ чувствѣ,

объявшемъ всѣхъ жителей города, до нижнихъ сословій. Потомъ, когда пригласили меня перейти изъ гостиницы въ отведенное во дворцѣ помѣщеніе, я, пробираясь сквозь толпу пѣшкомъ, снова убѣдился въ томъ же самомъ. Это было такое наслажденіе, которымъ одинаково могли гордиться и русскіе и пруссаки.

Король, желая показать своему августѣйшему зятю берлинскій гарнизонъ, назначилъ большой парадъ, подъ липами, передъ малымъ своимъ дворцомъ. Онъ самъ ѣхалъ впереди фронта и отдалъ честь нашему императору. Собравшійся густыми толпами народъ любовался красотою отца и сына, который находился верхомъ, съ принцами и генералами, въ царственной свитѣ.

Король, имѣвшій привычку проводить вечера свои всегда въ театрѣ, повезъ туда и нашу императорскую чету, которую публика приняла съ безконечными рукоплесканіями. Между прочими пьесами дали однажды и «Нѣмую изъ Портичи» (Фенеллу), восхищавшую въ то время всю Европу своею музыкою, но революціонныя сцены которой испугали бы, даже на театрѣ, всякое другое монархическое правительство кромѣ прусскаго, сильнаго любовію къ нему народа и общимъ благоденствіемъ.

Король возилъ также своихъ гостей въ Потсдамъ и Шарлотенбургъ, и всѣ были въ постоянномъ движеніи.

Сверхъ того, во время нашего пребыванія въ Берлинѣ, праздновалось бракосочетаніе принца Вильгельма съ принцессою Веймарскою, младшею дочерью великой княгини Маріи Павловны.

Государю нельзя было оставаться въ Берлинѣ долѣе 6-ти дней, почему, желая представить въ настоящемъ свѣтѣ прусскому кабинету турецкій вопросъ, столь живо и почти исключительно занимавшій тогда европейскую дипломатію, онъ велѣлъ мнѣ переговорить объ этомъ дѣлѣ съ графомъ Бернсдорфомъ, который, по случаю мучительной болѣзни, принужденъ былъ сидѣть дома. Прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ казался чрезвычайно испуганнымъ честолюбивыми видами, которые и онъ и прочіе кабинеты силились приписать императору Николаю. Онъ предвидѣлъ вѣроятность паденія Оттоманской имперіи, и положительное отклоненіе мною всякаго иностраннаго посредничества еще болѣе утвердило его въ этихъ мысляхъ.

Перечисливъ всѣ, уже извѣстныя причины нашей войны, возбужденной самою Портою, и неизбѣжность которой предвидѣлъ еще императоръ Александръ, столь всегда умѣренный въ своихъ требованіяхъ, я развилъ Бернсдорфу старанія къ сохраненію мира, употребленныя съ нашей стороны при Аккерманскихъ переговорахъ, и представилъ ему, что настойчивость государя продолжать начатую войну съ усугубленною еще дѣятельностію должно приписать препятствіямъ, полагаемымъ ему европейскими кабинетами,—и надеждамъ, которыя они подаютъ Дивану на ихъ посредничество; что если предстоящая кампанія не увѣнчается полнымъ успѣхомъ, то на слѣдующій годъ государь снова лично станетъ во главѣ своихъ войскъ, за которыми, въ случаѣ нужды, послѣдуетъ вся Россія, горящая желаніемъ показать свѣту, что она не страшится ничьихъ угрозъ и, для славы нашего оружія и молодаго нашего монарха, готова всѣмъ пожертвовать; что Европа своими интригами понудитъ насъ дойти до Константинополя и сама вызоветъ паденіе Турціи, тогда какъ сохраненіе ея входитъ въ обоюдные наши интересы; что если, напротивъ, кабинеты, вмѣсто ободренія султана къ борьбѣ съ Россіею и обѣщанія ему или помощи, или посредничества, постараются убѣдить его въ его безсиліи и въ необходимости просить того мира, который предложенъ ему былъ императоромъ Николаемъ еще при переходѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай, то они тотчасъ увидятъ готовность нашу предложить честныя условія и довольствоваться тѣми гарантіями, какихъ необходимо требуютъ наша торговля и обезпеченіе нашихъ азіатскихъ границъ.

— Но вы, вѣрно, оставите за собою, по крайней мѣрѣ, Молдавію и Валахію?—возразилъ Бернсдорфъ.

Я отвѣчалъ, что намъ нѣтъ въ нихъ ни малѣйшей надобности, и что ему надлежало бы имѣть болѣе довѣрія къ слову нашего императора, объявившаго передъ войною, что онъ начинаетъ ее не для завоеваній.

Я продолжалъ далѣе, что прибытіе наше въ Берлинъ даетъ прусскому кабинету поводъ принять на себя роль миротворца.

— Тестю,—сказалъ я,—прилично завести въ Константинополѣ рѣчь о мирѣ, въ качествѣ услуги и своему зятю, котораго умѣренныя и справедливыя требованія ему вполнѣ извѣстны, и доброму своему

союзнику — султану. Такая миссія, не имѣя вида посредничества и способствуя къ увеличенію славы Пруссіи, привела бы, по всей вѣроятности, къ послѣдствіямъ, одинаково полезнымъ и для Турціи, и для Россіи, и для всей Европы, желающей сохраненія мира.

Эта мысль понравилась прусскому министру. Обѣщаясь тотчасъ довести ее до свѣдѣнія короля, онъ прибавилъ, что вѣритъ въ искренность моихъ словъ и въ желаніе государя окончить дружественно эту борьбу, столь опасную для политическаго равновѣсія Европы.

Какъ нашъ государь, такъ и король остались довольны этимъ объясненіемъ, и было рѣшено немедленно отправить въ Константинополь съ мирными совѣтами генерала Мюфлинга.

По минованіи предназначенныхъ шести дней, которыя были для государя отдохновеніемъ и истинною отрадою, онъ отправился обратно въ Варшаву, а императрица осталась еще на нѣкоторое время въ Берлинѣ.

Близъ Бреславля государь остановился переночевать въ маленькомъ замкѣ «Sybillenort»[1]), чтобы на слѣдующее утро сдѣлать смотръ прусскому кирасирскому полку его имени, пришедшему для этого, по повелѣнію короля, довольно издалека.

Государь, въ мундирѣ этого полка, училъ его цѣлый часъ и командовалъ на нѣмецкомъ языкѣ, по прусскому воинскому уставу, ни единожды не ошибаясь, какъ будто бы всю жизнь только этимъ и занимался. Полкъ и всѣ зрители не могли довольно ему надивиться и порадоваться. Потомъ его величество провелъ полкъ церемоніальнымъ маршемъ передъ корпуснымъ командиромъ Цитеномъ и, пригласивъ всѣхъ офицеровъ къ обѣденному своему столу, пожаловалъ нѣкоторымъ изъ нихъ ордена, а нижнихъ чиновъ щедро одѣлилъ червонцами.

При въѣздѣ въ Царство Польское, государь остановился въ Калишѣ, для осмотра тамошняго кадетскаго корпуса и 2-го польскаго Конно-Егерскаго полка.

Потомъ мы останавливались, для подобнаго же осмотра, еще въ Ловичѣ, откуда поѣхали уже прямо въ Варшаву: государь съ

---

[1]) Названіе замка вставлено рукою императора Александра II.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

24994

выѣхавшимъ ему навстрѣчу цесаревичемъ, а я съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ нашего пріѣзда, государь былъ обрадованъ извѣстіемъ о побѣдѣ, одержанной графомъ Дибичемъ надъ верховнымъ визиремъ при К у л е в ч ѣ.

На слѣдующее утро это радостное событіе было праздновано посреди всѣхъ войскъ, собранныхъ на Позвонковскомъ полѣ, торжественнымъ молебствіемъ, совершеннымъ подъ двумя великолѣпными палатками, изъ которыхъ одна была раскинута для православнаго, а другая для римско-католическаго богослуженія. По окончаніи молебна, во время пушечной пальбы, государь самъ первый закричалъ «ура», повторенное за нимъ десятками тысячъ голосовъ, къ большому неудовольствію цесаревича, очень не желавшаго подобной демонстраціи и даже самаго слова «ура».

13-го іюня мы отправились обратно въ Россію. По пути государь пробылъ цѣлыя сутки въ небольшой крѣпости Замосцѣ, основанной въ мѣстечкѣ, купленномъ съ этою цѣлью императоромъ Александромъ у фамиліи Замойскихъ. Крѣпостныя работы, еще не совсѣмъ оконченныя, но уже доведенныя до такой степени, что могли выдержать осаду, совершенно удовлетворили государя, который благодарилъ за нихъ какъ инженеровъ, такъ равно цесаревича, особенно дѣятельно занимавшагося симъ дѣломъ.

Въ Ломжѣ государь, по осмотрѣ расположенной тамъ дивизіи Литовскаго корпуса, простился съ цесаревичемъ и послѣ того проѣхалъ, не останавливаясь, до Тульчина, гдѣ нашелъ палатку свою раскинутою въ лагерѣ Гвардейскаго корпуса, съ которымъ мы разстались въ прошломъ году, передъ Варною. Войско было въ восхищеніи, что увидѣло государя, онъ тоже былъ чрезвычайно радъ тому, что снова находился посреди своей гвардіи, въ которой зналъ не только всѣхъ генераловъ и офицеровъ, но и многихъ изъ нижнихъ чиновъ.

Лагерь былъ расположенъ въ прекрасной мѣстности, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Тульчина (собственности графовъ Потоцкихъ). Пребываніе здѣсь было для всѣхъ насъ настоящимъ празд-

никомъ. Государь любовался своимъ войскомъ, и на общихъ парадахъ, и на частныхъ смотрахъ, и на маневрахъ, и остался имъ вполнѣ доволенъ. Гвардейскій корпусъ былъ опять такъ же хорошъ, какъ и при выступленіи его изъ Петербурга. Слѣды утомленія отъ похода и военныхъ потерь совершенно исчезли; здоровый и бодрый видъ людей и лошадей не оставлялъ ничего желать.

Проведя три дня съ Гвардейскимъ корпусомъ и съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, его командиромъ, мы поѣхали въ Кіевъ, куда прибыли въ тотъ же день подъ вечеръ, измученные нестерпимымъ зноемъ и пылью. Государь впервые еще посѣщалъ эту древнюю колыбель русскаго православія. Онъ остановился у воротъ Печерской лавры, гдѣ ожидалъ его митрополитъ съ духовенствомъ и всею монастырскою братіею. Множество богомольцевъ, въ эту пору года стекающихся въ Кіевъ, наполняло всю монастырскую ограду. Древній соборный храмъ вмѣщалъ въ себѣ столько чиновниковъ, гражданскихъ и военныхъ, городскихъ дамъ и проч., сколько могло въ него вмѣститься.

Выйдя изъ монастыря, государь взялъ къ себѣ въ коляску стараго и почтеннаго фельдмаршала Сакена и отвезъ его въ занимаемую имъ квартиру, и потомъ уже поѣхалъ въ приготовленное для себя помѣщеніе.

На слѣдующее утро, осмотрѣвъ резервные батальоны и другія, находившіяся въ Кіевѣ войска, государь снова посѣтилъ Лавру, для поклоненія святымъ мощамъ, почивающимъ въ ея пещерахъ. Онъ осмотрѣлъ также важнѣйшія городскія церкви, общественныя заведенія, арсеналъ, крѣпостныя работы и турецкихъ плѣнныхъ, которые въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ участвовали въ этихъ работахъ; заботливо освѣдомился объ ихъ содержаніи и велѣлъ дать имъ денежное пособіе. На всѣ эти осмотры, при которыхъ отдавались многія приказанія объ исправленіяхъ и улучшеніяхъ, ему, при обычной его дѣятельности, довольно было двухъ дней, хотя въ тоже время онъ нисколько не задерживалъ текущихъ дѣлъ; курьеры, ежедневно пріѣзжавшіе, въ продолженіе высочайшаго путешествія, изъ Петербурга или изъ арміи, были отправляемы обратно въ ту же ночь. Государь ложился спать не раньше 3-хъ часовъ утра, чтобы только порѣшить и отослать всѣ

безъ изъятія поступившія бумаги. Такимъ образомъ доклады Государственнаго Совѣта, Комитета Министровъ, министерствъ: иностранныхъ дѣлъ, военнаго и финансовъ, и начальниковъ дѣйствовавшихъ армій возвращались точно такъ же не замедлительно, какъ бы государь проживалъ въ Петербургѣ, свободно располагая своимъ временемъ. Кромѣ того, онъ удосуживался ежедневно писать очень подробныя письма къ императрицѣ, прочитывать донесенія о здоровьѣ и ходѣ уроковъ его дѣтей, перелистывать газеты и часто даже пробѣгать вновь появлявшіяся въ печати книги, на русскомъ и французскомъ языкахъ.

Во время пребыванія нашего въ Кіевѣ было получено донесеніе о взятіи Силистріи.

Изъ Кіева отправились мы въ Козелецъ, для осмотра стоявшихъ тамъ 3-й кирасирской и 4-й гусарской дивизій, и оттуда—въ Бобруйскъ.

Государь, до восшествія на престолъ, управлялъ нѣсколько лѣтъ, въ званіи генералъ-инспектора по инженерной части, работами этой крѣпости, и потому онъ очень любопытствовалъ увидѣть, на сколько онѣ подвинулись впередъ съ тѣхъ поръ, какъ высшія государственныя заботы не позволяли ему болѣе заниматься исключительно инженерною частью. Едва выйдя изъ коляски, онъ тотчасъ пошелъ по работамъ, хотѣлъ все видѣть собственными глазами, вникнуть лично во всѣ подробности, все обсудить и всему дать дальнѣйшее направленіе. Я помнилъ эту крѣпость въ началѣ войны съ Наполеономъ: тогда она окружена была только песчаною насыпью въ видѣ вала; теперь Бобруйскъ обратился въ образцовую крѣпость, примѣчательную сколько прочностью ея построекъ, столько же и щеголеватостью всей отдѣлки.

И здѣсь, на крѣпостныхъ работахъ, находилось нѣсколько тысячъ плѣнныхъ турокъ. Государь явился среди нихъ совершенно одинъ и, разспросивъ объ ихъ нуждахъ, возвратилъ свободу нѣкоторымъ старикамъ, наиболѣе просившимся на родину.

Въ Бобруйскѣ привезли намъ цѣлый грузъ турецкихъ знаменъ, взятыхъ въ Силистріи и подъ Кулевчою. Государь велѣлъ помѣстить часть ихъ въ Бобруйской крѣпостной церкви, на память своего здѣсь пребыванія, а прочія отправить въ Петербургъ.

Пробывъ въ Бобруйскѣ три дня, мы поѣхали черезъ Могилевъ, Витебскъ и Великія-Луки, не останавливаясь, въ Старую Русу, не задолго передъ тѣмъ причисленную къ Новгородскимъ военнымъ поселеніямъ.

Жители этого города—все люди торговые, которыхъ я думалъ найти въ большомъ унынiи отъ такой перемѣны въ ихъ положеніи, подчинявшей ихъ, нѣкоторымъ образомъ, военной дисциплинѣ,—встрѣтили, напротивъ, государя, у заставы съ выраженіями живѣйшаго восторга. Правда, что эта перемѣна имѣла для нихъ и свои выгоды. Казна возводила въ городѣ множество значительныхъ построекъ, отчего чрезвычайно оживилась торговля, и, кромѣ того, жителямъ предоставлены были нѣкоторыя особыя преимущества и уменьшены прежнія казенныя ихъ повинности.

До государя, прежде восшествія его на престолъ, столько доходило жалобъ и вопля на военныя поселенія, въ особенности же на Новгородскія, что онъ не могъ сомнѣваться въ необходимости измѣнить во многомъ это любимое установленіе императора Александра. Впрочемъ, чувствуя всѣ неудобства военныхъ поселеній, онъ не рѣшался, однако же, совсѣмъ ихъ уничтожить, имѣя въ виду огромность употребленныхъ на нихъ издержекъ и принесенную уже ими важную пользу, черезъ обработку невоздѣланныхъ дотолѣ земель. Слезъ крестьянъ, оторванныхъ военною дисциплиною отъ прежняго спокойнаго ихъ образа жизни, нельзя уже было воротить. Онѣ изсякли въ то же время, какъ исчезло проливавшее ихъ населеніе, съ мирными его жилищами. Огромныя казармы, подъ названіемъ деревень, великолѣпные экзерциргаузы, настоящіе дворцы для генераловъ и офицеровъ, чудесныя дороги и мосты, роскошные госпитали совершенно преобразили этотъ край. Вмѣсто крестьянъ явились двѣ дивизіи гренадеръ; въ школахъ дѣти готовились къ строю или къ канцелярскимъ обязанностямъ; все, словомъ, было превращено и устроено на совсѣмъ иную отъ прежняго ногу. Надлежало, слѣдственно, обратить, по возможности, въ пользу эти результаты непоколебимой воли императора Александра, поглотившей столько милліоновъ и трудъ столькихъ рукъ.

Государь уже сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ образованіи военныхъ поселеній и еще помышлялъ о другихъ, въ видахъ улуч-

шенія участи поселенія и смягченія жестокихъ и самоуправныхъ мѣръ графа Аракчеева. Онъ велѣлъ также перемѣнить, на будущее время, однообразную и непривычную для нашего крестьянина архитектуру этихъ, выравненныхъ въ строй домовъ, имѣшій весь скучный видъ казармъ, безъ ихъ простора и удобствъ. Сдѣланы были, наконецъ, перемѣны и въ устройствѣ школъ, которыя, какъ по объему преподаваемыхъ въ нихъ наукъ, такъ и по содержанію воспитанниковъ, подходили къ кадетскимъ корпусамъ, будто бы какіенибудь разсадники будущихъ полководцевъ, тогда какъ назначеніе ихъ воспитанниковъ было—становиться подъ ружье наряду съ простыми солдатами.

13-го іюля мы прибыли, наконецъ, въ Красносельскій лагерь, гдѣ стояли гвардейскіе батальоны, не ушедшіе въ турецкій походъ, и вся 1-я кирасирская дивизія.

Осмотрѣвъ лагерь, государь снова сѣлъ въ коляску, и мы поскакали навстрѣчу императрицѣ, возвращавшейся изъ Берлина. Государь имѣлъ удовольствіе обнять ее за двѣ станціи отъ Нарвы, откуда они и возвратились вмѣстѣ въ Петербургъ.

Между тѣмъ Турецкая война, по плану для кампаніи 1829 года, предначертанному самимъ государемъ, шла съ блестящимъ успѣхомъ. Побѣды Паскевича въ Азіатской Турціи, Кулевчинское пораженіе, занятіе Адріанополя и Эноса на Средиземномъ морѣ, наконецъ, блокада нашею эскадрою Дарданеллъ, и нашъ флотъ, грозившій Босфору,—весь этотъ рядъ удачъ съ нашей стороны и несчастій для турокъ распространяли уныніе въ Константинополѣ и ужасъ въ Диванѣ. Въ народѣ царствовало общее смятеніе; янычары волновались; все предсказывало распаденіе Оттоманской имперіи, и какъ турецкое правительство, такъ и находившійся въ Константинополѣ дипломатическій корпусъ трепетали передъ близкою вѣроятностью кровавой революціи. Въ эту минуту прибылъ въ Константинополь генералъ Мюфлингъ, съ извѣстною своею миссіею.

Диванъ, съ восторгомъ ухватясь за эту спасительную нить, обратился къ помощи дипломатическаго корпуса. Сей послѣдній, страшась за самого себя въ случаѣ народнаго бунта и ища всемѣрно

отвратить грозу, носившуюся надъ державою, столь необходимою для политическаго равновѣсія Европы, рѣшился просить графа Дибича, посредствомъ особой депутаціи, не двигать далѣе своей арміи и спасти черезъ то Константинополь и султана отъ конечной гибели. Графъ отвѣчалъ, что онъ не въ правѣ принимать посредничество какой-либо чужестранной державы; но что какъ всѣ желанія его монарха клонятся къ прекращенію войны и къ сохраненію самобытности Оттоманской имперіи, то онъ останавливаетъ дальнѣйшее движеніе и самъ предлагаетъ миръ, составляющій всю нашу цѣль.

Въ предвидѣніи, что несчастное положеніе султана вынудитъ его, наконецъ, просить мира, государь еще прежде отправилъ въ главную квартиру графовъ А. Ѳ. Орлова и Ѳ. П. Палена, для возложенія на нихъ Дибичемъ мирныхъ переговоровъ.

Мирныя условія были составлены въ кабинетѣ государя, въ той самой силѣ, въ какой онъ предначерталъ ихъ еще при открытіи кампаніи. Мѣстомъ переговоровъ назначили главную нашу квартиру въ Адріанополѣ, и, несмотря на извилистую политику Дивана и недоброжелательство посланниковъ англійскаго, французскаго и австрійскаго, дѣло пришло къ тому концу, какой назначенъ былъ энергическою волею государя.

Послѣ подписанія извѣстнаго мирнаго трактата, обезпечившаго всѣ наши интересы и упрочившаго положеніе Придунайскихъ княжествъ, графъ Орловъ отправился въ Константинополь, для возобновленія тамъ политическихъ нашихъ сношеній и окончательнаго соглашенія объ исполненіи условій трактата. Успѣхъ его миссіи превзошелъ всѣ ожиданія. Графъ чрезвычайно полюбился султану, вошелъ въ ближайшія связи съ членами Дивана и умѣлъ даже привлечь къ себѣ иностранныхъ пословъ, какъ бы еще оглушенныхъ нашими успѣхами, а еще болѣе—тою умѣренностью и тѣмъ праводушіемъ, съ какими мы воспользовались силою обстоятельствъ.

Пока совершались эти громадной важности событія за Балканами и въ Азіи, Петербургъ принималъ персидскаго принца, присланнаго шахомъ для исходатайствованія, у подножія царскаго престола, прощенія въ убійствѣ нашего посланника въ Тегеранѣ.

Прибывшій для сего, въ сопровожденіи многочисленной свиты, Хозревъ-Мирза, любимый сынъ Абасса-Мирзы и предполагаемый наслѣдникъ персидской державы, имѣлъ торжественную свою аудіенцію въ первыхъ дняхъ августа.

Государственные сановники, дворъ, свита государева, генералы и офицеры гвардіи и городскія дамы были собраны въ Георгіевскую залу Зимняго дворца, обставленную дворцовыми гренадерами, и размѣщены по обѣимъ ея сторонамъ, а государь съ императрицею стали на ступеняхъ, ведущихъ къ трону. Оберъ-церемоніймейстеръ ввелъ молодаго принца съ его свитою и, послѣ трехъ поклоновъ тому, котораго онъ прибылъ умолять о пощадѣ именемъ своего дѣда, Хозревъ-Мирза прочелъ свою рѣчь, съ видимымъ для всѣхъ волненіемъ, внушеннымъ ему и ея цѣлью и высокимъ кругомъ предстоявшихъ слушателей. Отвѣтъ нашъ, написанный въ самыхъ дружественныхъ и успокоительныхъ выраженіяхъ, былъ прочитанъ вице-канцлеромъ графомъ Нессельродомъ.

По волѣ государя, приложено было все стараніе сдѣлать персидскому принцу пріятнымъ пребываніе его въ Петербургѣ. Его окружили всевозможнымъ почетомъ, разнообразными развлеченіями и самою нѣжною предупредительностью со стороны двора, даже ввели въ тѣснѣйшій кругъ императорскаго дома. Его возили по всѣмъ общественнымъ заведеніямъ, театрамъ, кадетскимъ корпусамъ, приглашали на разводы и на маленькіе маневры въ окрестностяхъ Царскаго Села; наконецъ, осыпали, вмѣстѣ съ чинами его свиты, подарками, достойными его высокаго сана и того монарха, отъ котораго они жаловались.

Хозревъ-Мирза уѣхалъ изъ Петербурга въ восторгѣ отъ сдѣланнаго ему пріема и отъ достигнутаго, черезъ его пріѣздъ, возобновленія дружественныхъ сношеній между Россіею и Персіею. Двѣнадцать пушекъ, посланныхъ въ даръ Аббасъ-Мирзѣ еще отъ императора Александра и взятыхъ у персіянъ съ боя въ продолженіе минувшей войны, были замѣнены равнымъ числомъ орудій превосходнѣйшей отдѣлки и отправлены въ Тавризъ съ прочими подарками для отца, принца-посланника.

Подъ конецъ осени послѣдовалъ обмѣнъ ратификацій съ Оттоманскою портою, и государь велѣлъ собрать на Царицыномъ лугу

всѣ войска, расположенныя въ Петербургѣ и его окрестностяхъ, которыя, хотя главная часть гвардіи еще только что тронулась изъ Тульчина, составили довольно значительную массу. Посреди площади воздвигли высокій и обширный амвонъ для императорской фамиліи, духовенства и двора. Ступени его были украшены турецкими знаменами, завоеванными въ Азіи и Европѣ, а войска стали вокругъ густыми колоннами. По командѣ государя всѣ головы обнажились, и началось благодарственное молебствіе. Огромныя толпы народа стояли за рядами войскъ и вмѣстѣ съ ними молились. Громъ орудій и многотысячнаго «ура!» возвѣстилъ окончаніе молебствія, какъ бы утверждая, знаменіемъ силы, прочность мира, силою же завоеваннаго. Потомъ войска прошли церемоніальнымъ маршемъ передъ государемъ, а турецкія знамена, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, были поставлены въ Преображенскій соборъ, украшенный впослѣдствіи оградою изъ орудій большаго калибра, отнятыхъ у турокъ въ эту достопамятную войну [1]).

На зиму предсказывали много удовольствій и празднествъ; но, къ несчастію, въ первыхъ числахъ ноября, государь опасно занемогъ. Сперва, при общей увѣренности въ крѣпкомъ его сложеніи, никто, даже и во дворцѣ, не предполагалъ, что болѣзнь его серьезна; но на третій день она такъ усилилась, что врачи испугались и потребовали консультаціи. Тогда и при дворѣ, и въ городѣ все перетревожилось. Входъ въ комнату, гдѣ лежалъ больной, былъ всѣмъ запрещенъ; толпились въ дворцовыхъ залахъ за извѣстіями о его положеніи; разспрашивали докторовъ, камердинеровъ, опасеніе несчастія увеличивало въ глазахъ всѣхъ его возможность; всѣ трепетали при мысли о потерѣ монарха, столь необходимаго для существованія, для блага, для славы имперіи. Императрица, съ ангельскою своею добротою, выходила по временамъ изъ комнаты своего супруга, съ заплаканными глазами, сообщать намъ о немъ вѣсти или спросить, нѣтъ ли чего пересказать для развлеченія. Нервиче-

---

[1]) „C'est faux; ils furent pris à Warna et donnés aux Polonais par moi comme souvenir de la mort du Roi Winceslas sous ces mêmes murs de Warna; les Polonais, par reconnaissance de ce don, les tournèrent un an après, contre nous; la garde les reprit; j'en fis cadeau à ceux qui deux fois en firent la conquête au prix de leur sang". Примѣчаніе императора Николая,

ская горячка въ нѣсколько дней совершенно ослабила государя и физически и морально. Врачи были въ большомъ безпокойствѣ и не таили его отъ меня. Я видѣлся съ императрицею по нѣсколько разъ въ сутки и не могъ довольно надивиться ея неутомимости въ ухаживаніи за больнымъ, котораго она не покидала ни днемъ, ни ночью; не могъ также не удивляться точности ея разума и правильности сужденій въ дѣлахъ, съ которыми, въ эту болѣзнь государя, многіе приходили, чтобы узнавать ея о нихъ мнѣніе.

Наконецъ, послѣ 12-ти томительныхъ длинныхъ дней, проведенныхъ между страхомъ и надеждою и лучше всего доказавшихъ искреннюю и общую привязанность къ государю, врачи объявили, что онъ начинаетъ выздоравливать, но что это выздоровленіе будетъ идти очень медленно, и больному легко можетъ сдѣлаться снова хуже при малѣйшемъ возбужденіи, о чемъ мы и были предваряемы неоднократно передъ допускомъ къ нему.

Первымъ удостоился этой чести князь А. Н. Голицынъ, на условіи не говорить ни слова о дѣлахъ. Вторымъ ввели въ спальню меня, и я былъ глубоко пораженъ найденною въ государѣ перемѣною. Кромѣ того, что онъ страшно исхудалъ, во всѣхъ чертахъ его отражались страданія и слабость. Онъ спросилъ меня, что̀ новаго случилось въ его болѣзнь и, удовлетворяя его любопытство, я долженъ былъ, однакожъ, всемѣрно стараться не проронить ни одного слова, которое дало бы работать его головѣ или имѣло бы видъ какой-нибудь утайки отъ него. Разговоръ, въ такомъ родѣ, продолжавшійся болѣе часа, былъ не легокъ, и подобныя бесѣды возобновлялись нѣсколько дней сряду, то утромъ, то вечеромъ, соображаясь съ приговоромъ врачей о бо̀льшей или меньшей степени его слабости и раздражительности. Наконецъ, онъ сталъ видимо оправляться и, съ возвращеніемъ силъ, все болѣе и болѣе настаивать на поставленіи его въ полную извѣстность о дѣлахъ.

Однимъ утромъ былъ призванъ не видѣвшійся еще съ государемъ графъ П. А. Толстой. Несмотря на всѣ предупрежденія, этотъ гость, на вопросъ государя: нѣтъ ли чего новаго, отвѣчалъ ему въ невинности своей души: «Кажется ничего, ваше величество, развѣ извѣстіе о томъ, что англійскій фрегатъ вошелъ въ Севастопольскую гавань». Государь тотчасъ весь измѣнился въ лицѣ,

началъ трястись отъ досады, бранить дерзость англичанъ, отважившихся вступить въ Черное море, и глупость турокъ, имъ то дозволившихъ, и велѣлъ немедленно позвать къ себѣ графа Нессельроде и князя Меншикова. Нельзя было ослушаться, и оба приглашенные явились внѣ себя отъ неосторожности Толстаго, которая могла имѣть самыя вредныя послѣдствія для государева здоровья, а вмѣстѣ—и для нашихъ политическихъ сношеній. Государь принялъ ихъ, въ страшномъ жару, приказаніемъ отправить линейный корабль и фрегатъ въ Босфоръ и потребовать объясненія отъ англійскаго кабинета, разославъ курьеровъ, съ депешами о семъ, непремѣнно въ тотъ же день.

По выходѣ отъ государя, Нессельроде съ Меншиковымъ долго совѣщались о томъ, какимъ бы образомъ привести въ дѣйствіе такое строгое приказаніе и какіе оно можетъ имѣть результаты, и порѣшили тѣмъ, что не возможно отсрочить, а тѣмъ болѣе не исполнить высочайшей воли. Къ счастію, извѣстіе объ отъѣздѣ обоихъ курьеровъ, съ нетерпѣніемъ ожиданное государемъ, тотчасъ ослабило усилившуюся въ немъ лихорадку; къ счастію также, благодаря разумнымъ мѣрамъ графа Орлова, еще находившагося въ Константинополѣ, вступленіе судовъ нашихъ въ Босфоръ не оскорбило турокъ, а лондонскій кабинетъ удовлетворилъ насъ блестящимъ образомъ, сдѣлавъ выговоръ посланнику своему при Оттоманской портѣ и отрѣшивъ отъ службы капитана несчастнаго фрегата. Такимъ образомъ остался въ накладѣ одинъ лишь графъ Толстой, а самое дѣло, въ сущности очень маловажное, но угрожавшее безконечною вознею съ Константинополемъ и Англіею, окончилось совершенно благополучно.

Вскорѣ здоровье государя совсѣмъ возстановилось, и все вошло въ обычный свой порядокъ.

Въ продолженіе зимы возвратился къ намъ Гвардейскій корпусъ, и петербургская общественная жизнь приняла обычное движеніе.

Сообщилъ **Н. Шильдеръ**.

Попытки къ заведенію торговли Россіи съ Японіей въ 1791 году.

По поводу исполнившагося, 5-го января, столѣтія со дня кончины извѣстнаго естествоиспытателя, академика Эрика Лаксмана, въ нѣкоторыхъ газетахъ было сообщено о немъ нѣсколько біографическихъ данныхъ. Въ нихъ сказано, что Э. Лаксману принадлежитъ первая попытка завязать торговыя и дипломатическія сношенія съ Японіею, недоступною въ то время для европейскихъ государствъ.

Въ помѣщаемомъ ниже письмѣ графа Александра Воронцова къ графу А. А. Безбородко, читатели найдутъ интересныя подробности по этому дѣлу.

С.-Петербургъ, 23 августа 1791 г.

Вслѣдствіе высочайшей ея величества воли, ваше сіятельство требовать изволили моего мнѣнія, на поданное вамъ отъ профессора Лаксмана подлинникомъ при семъ возвращаемое письмо, касательно заведенія съ Японіею торга, по случаю полагаемаго отправленія изъ Россіи паки въ Японію тѣхъ подданныхъ японскихъ, кои на кораблѣ своемъ, безъ руля и мачтъ, семь мѣсяцевъ по морю страдали, пока прибило ихъ къ одному Алеутскому острову, откуда, по прошествіи трехъ лѣтъ, а именно въ 1787 году, россійскими, тамъ случившимися, промышленниками привезены они, числомъ девять, въ Нижнекамчатскъ, гдѣ равно, какъ и въ Иркутскѣ, оставшіеся изъ нихъ напослѣдокъ въ живыхъ только шесть, содержимы были на казенномъ иждивеніи, котораго, однако, съ 1790 года, указомъ Правительствующаго Сената, даннымъ Иркутской казенной палатѣ, велѣно имъ болѣе не производить, а доставить способъ къ возвращенію въ ихъ отечество, но при всемъ томъ, они донынѣ безъ вѣрнаго пропитанія остаются неотправленными.

Къ пріобрѣтенію вящшаго объ оном обстоятельствѣ свѣдѣнія отъ означеннаго профессора Лаксмана, который изъ Иркутска на время сюда пріѣхалъ и привезъ съ собою начальника тѣхъ японцевъ, не безъ знатнаго японскаго купца, именемъ Коодая, не преминулъ я пригласить того профессора къ себѣ и взять отъ него надлежащія по сей матеріи объясненія, изъ коихъ краткую выписку [1]) имѣю честь при семъ сообщить вашему сіятельству, равно и слѣдующее мое на то мнѣніе.

Никакому европейскому народу нѣтъ столько удобностей имѣть торговыя съ Японіею обращенія, какъ россійскому, въ разсужденіи ближайшаго по морю разстоянія или, такъ-сказать, сосѣдства. Но поелику съ давнихъ временъ терпятся тамъ изъ европейскихъ народовъ одни только голландцы, а частью, какъ слышно теперь, и англичане, то потому, конечно, и были россійскіе промышленники всегда отвлекаемы отъ покушеній своихъ приближаться къ Японіи. Однакожъ, какъ нынѣ случай весьма удобный къ тому открывается по поводу тѣхъ въ Иркутскѣ находящихся японцевъ, то и можно бъ онымъ воспользо

[1]) Краткой выписки при письмѣ не оказалось.

ваться слѣдующимъ образомъ, дабы изъ того установить торговыя связи между нашими купцами и японцами.

1-ое. Поручить иркутскому генералъ-губернатору [1]), чтобъ для путешествія къ Японіи было на казенный коштъ нанято у Охотскаго порта одно надежное мореходное судно, съ искуснымъ кормщикомъ и потребнымъ числомъ работниковъ или служителей, довольно въ плаваніи испытавшихся. Но ежели къ тому времени случится, что морской капитанъ Биллингъ съ эскадрою своею обратно туда прибудетъ, то вмѣсто онаго найма, гораздо лучше употребить въ сію экспедицію одно изъ его судовъ, исправное, со всѣмъ нужнымъ къ оному экипажемъ.

2-ое. На ономъ суднѣ отправить, на всемъ казенномъ содержаніи, помянутыхъ японцевъ, но только четырехъ, поелику два, принявшіе тамъ греко-россійскую вѣру, должны оставлены быть въ Россіи для надобности, о коей ниже сего означено будетъ.

3-ое. Для препровожденія тѣхъ японцевъ въ ихъ отечество, можно употребить одного изъ сыновей профессора Лаксмана, кои при должности въ Иркутскомъ намѣстничествѣ находятся: они оба были хорошо воспитаны, имѣютъ познанія астрономіи и навигаціи, слѣдовательно, и замѣчанія ихъ могутъ быть не безполезны. При таковомъ отправленіи одного изъ сыновей профессора Лаксмана, при опредѣленіи ему пристойнаго содержанія, поручить должно смотрѣніе за тѣми японцами и возвращеніе ихъ туда, а въ пути и въ бытность его въ японскихъ мѣстахъ, чтобъ онъ дѣлалъ свои наблюденія на водахъ. островахъ и на твердой землѣ астрономическія, физическія и географическія примѣчанія, равно и о торговыхъ тамошнихъ обстоятельствахъ,

4-ое. Для установленія порядка управленія сей экспедиціи правящій должность иркутскаго генералъ-губернатора могъ бы взять замѣчанія отъ упоминаемаго профессора Лаксмана, который обыкновенно живетъ въ Иркутскѣ, будучи тамъ употребляемъ отъ Кабинета.

5-ое. При семъ обратномъ отправленіи японцевъ иркутскій генералъ-губернаторъ могъ бы отозваться къ японскому правительству съ привѣтствіемъ и съ описаніемъ всего происшествія, какъ они въ россійскія области привезены были и какимъ призрѣніемъ они пользовались, и что здѣсь тѣмъ охотнѣе на оное поступили по сосѣдству обоихъ государствъ, что всегда желали здѣсь имѣть сношенія и торговыя связи съ японскимъ государствомъ, увѣряя, что со стороны Россіи всѣмъ подданнымъ японскимъ, приходящимъ къ портамъ и предѣламъ оной, всевозможныя пособія и ласки изъявляемы будутъ.

6-ое. Для бо́льшаго еще обласканія японскаго правительства можно объ иркутскому генералъ-губернатору употребить изъ казны до тысячи рублей на покупку разныхъ товаровъ, кои бы онъ отъ имени своего въ Японію въ подарокъ послалъ.

[1]) Ивану Алферьевичу Пилю, генералъ-поручику.

7-ое. Иркутскій генералъ-губернаторъ при сей самой экспедиціи могъ бы старанія свои употребить, дабы склонить кого-либо изъ лучшихъ нашихъ иркутскихъ купцовъ отправиться для опыта на томъ же отъ Охотска суднѣ въ Японію, или изъ ихъ приказчиковъ, съ нѣкоторымъ количествомъ отборныхъ товаровъ, для жителей той страны потребныхъ, по продажѣ коихъ могъ бы онъ купить японскихъ товаровъ; а сей опытъ и далъ бы нѣкоторый свѣтъ и для будущихъ нашихъ торговыхъ предпріятій въ Японіи, ибо въ торговлѣ иногда и малыя начала приносятъ за собою большіе слѣды.

8-ое. Профессоромъ Лаксманомъ оказанное къ японцамъ призрѣніе, а паче, что онъ начальника ихъ Коодая на своемъ иждивеніи привезъ въ С.-Петербургъ, и стараніе его развѣдать отъ означеннаго японца обо всемъ, что только служить можетъ къ заведенію съ ними торга, равно и представленія его, чрезъ ваше сіятельство поднесенныя ея величеству, достойны, конечно, всякія похвалы; въ разсужденіи чего и не благоугодно ли будетъ ея величеству, сверхъ выдачи ему изъ казны обыкновенныхъ прогонныхъ денегъ до Иркутска на отправленіе его туда съ находящимся при немъ японскимъ купцомъ Коодаемъ, пожаловать ему какое-либо денежное награжденіе.

9-ое. Что жъ касается до другаго предложенія г-на Лаксмана, о изысканіи новаго пути по рѣкѣ Амуру, то по настоящимъ обстоятельствамъ нашимъ съ китайцами, я нахожу оное крайне неудобнымъ, ибо всякое тому подобное съ нашей стороны движеніе можетъ возбудить большое съ ихъ стороны вниманіе и въ какія-либо дальности завести.

10-ое. А какъ изъ числа японцевъ двое изъ нихъ приняли нашу вѣру, кои натурально въ ихъ землю ужъ и не возвратятся, можно бы ихъ употребить для обученія японскаго языка, который и нужнымъ будетъ, если установятся у насъ какія-либо торговыя сношенія съ японцами; для чего и не угодно ль будетъ иркутскому генералъ-губернатору предписать, чтобы онъ при какомъ-либо училищѣ, въ Иркутскѣ, ихъ приказалъ помѣстить, снабдя ихъ соразмѣрнымъ жалованьемъ; а на первый случай отдать имъ для обученія японскаго языка пять или шесть мальчиковъ, нарочно къ сему выбранныхъ изъ дѣтей солдатскихъ тамошняго гарнизона, или лучше еще изъ тамошнихъ семинаристовъ, дабы они современемъ могли служить переводчиками, когда произойдетъ у насъ желаемая связь съ японскимъ государствомъ.

Изъяснивъ, такимъ образомъ, вашему сіятельству мнѣніе мое на всѣ статьи учиненнаго профессоромъ Лаксманомъ представленія, имѣю честь быть навсегда съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью вашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорный и вѣрный слуга.

Сообщ. К. Нарановичъ.

Россія и Англія въ Турціи въ 1877—1878 гг.

II [1]).

Болгарскія звѣрства. — Война Сербіи и Черногоріи. — Константинопольская конференція и конституція. — Русско-Турецкая война.

Длинный періодъ волненій, началомъ которыхъ были изложенныя нами событія, долженъ былъ закончиться войною между двумя сосѣдними государствами. Послѣ манифестаціи софтовъ и низложенія султана наступило нѣкоторое затишье. Но вскорѣ тревожные слухи о возстаніи въ Болгаріи снова возбудили безпокойство публики. То подтверждаемые, то опровергаемые эти слухи распространялись и упрочивались, но Порта отвергала ихъ по недостатку ли свѣдѣній или въ надеждѣ втихомолку усмирить возстаніе. Наконецъ, донесенія адріанопольскихъ и софійскихъ консуловъ посламъ великихъ державъ не оставили больше мѣста сомнѣнію.

Теперь мы подходимъ къ печальной страницѣ исторіи Востока и, не вдаваясь въ подробности этой драмы, напоминающей ужасы религіозныхъ войнъ, мы ограничимся группировкой фактовъ такимъ образомъ, чтобы выяснить участіе, принятое въ ней оффиціальными или тайными органами двухъ державъ, политику которыхъ мы разсматриваемъ.

Въ первыхъ числахъ мая жители селенія Отлу-Кёй, расположеннаго у подножія Балканъ, по наущенію пришлыхъ подстрекателей и подъ

[1]) См. „Русскую Старину“ май 1896 года.

угрозою, въ случаѣ отказа, поджоговъ и грабежей ихъ имущества,— умертвили мѣстныя власти и нѣсколькихъ мусульманъ изъ окрестностей и затѣмъ, запасшись доставленнымъ этими подстрекателями оружіемъ, удалились въ сосѣднія горы. Этотъ бунтъ не замедлилъ распространиться, и вскорѣ мятежники могли удачно бороться съ турецкими властями.

Событіе было очень важно и имѣло особое значеніе для Турціи, въ виду ея положенія въ ту пору. Дѣйствительно, Герцеговина болѣе года съ успѣхомъ отражала всѣ усилія турецкихъ войскъ. Сербія, съ своей стороны, тоже волновалась и ей приписывали воинственные замыслы противъ ея падишаха. Среди этихъ обстоятельствъ возстаніе въ Болгаріи должно было поставить Порту тѣмъ болѣе въ критическое положеніе, что она уже въ то время считалась безсильной усмирить горсть непокорныхъ герцеговинцевъ. Неужели же ей вступать въ сдѣлку съ возстаніемъ, подкрѣпляемымъ недовольными изъ всѣхъ провинцій имперіи? Было весьма вѣроятно,—а сами турки были въ томъ вполнѣ увѣрены,— что болгары, сербы, босняки и герцеговинцы, связанные столь многочисленными племенными и религіозными узами, ялялись лишь покорнымъ орудіемъ иностраннаго вліянія, дѣятельнаго и могущественнаго.

Среди такихъ обстоятельствъ Порта имѣла бы полное право дѣйствовать со всею, требуемою въ подобныхъ случаяхъ, энергіею, чтобы подавить возстаніе въ самомъ его зародышѣ. Но была ли она права, когда, вмѣсто правильнаго и болѣе или менѣе законнаго подавленія, выпустила на всѣхъ, на виновныхъ и невинныхъ, на женщинъ и дѣтей, разнузданныя и дикія орды черкесовъ и баши-бузуковъ, находившихся по близости и воспользовавшихся случаемъ, чтобы на христіанскомъ населеніи удовлетворить свои гнусные инстинкты. Въ короткое время эти шайки предали огню и мечу богатѣйшую провинцію имперіи.

По поводу болгарскихъ звѣрствъ много писали, много спорили, многое утверждали и многое опровергали; газетные репортеры, оффиціальныя коммиссіи, разоблаченія съ самыхъ различныхъ сторонъ,—все способствовало затемнѣнію вопроса о происхожденіи и причинахъ возстанія, о числѣ жертвъ, о пространствѣ и свойствѣ варварскаго его усмиренія. Мы уже сказали то, что знаемъ и думаемъ о виновникахъ этого столь мало самостоятельнаго возстанія. Но мы не можемъ установить ни числа жертвъ, ни подробностей этой ужасной бойни. Всякое исправленіе, хотя бы основанное на самыхъ точныхъ данныхъ, не могло бы ни усилить, ни умалить ужаса, охватившаго общество во всѣхъ концахъ земли. Не все ли равно, въ самомъ дѣлѣ, доходило ли число людскихъ жертвъ, перебитыхъ разбойниками, до 12.000, согласно англійской версіи, или до 45.000, согласно увѣреніямъ славянофиловъ? И 12.000 слишкомъ много. Что въ томъ, что въ сожженныхъ черкесами школахъ было

столько-то дѣтей обоего пола, погибшихъ въ пламени? Что двѣ или болѣе церквей были набиты трупами? Что число разлагавшихся труповъ, покрывавшихъ, подобно желатину (картинное выраженіе очевидца изъ свиты г. Барита) сожженное селеніе Батакъ, доходило до 2.000 или 3.000? Развѣ все это не ужасно? Поэтому цифры не могутъ служить обстоятельствомъ ни отягощающимъ, ни умаляющимъ вину творцовъ этихъ звѣрствъ.

Никто не отрицаетъ, что звѣрства были вызваны возстаніемъ мятежниковъ. Но, несмотря на этотъ вызовъ, сама Порта, извлекая въ то же время изъ него выгоду, въ своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ постоянно выражала самыя искреннія сожалѣнія о звѣрствахъ, совершенныхъ ея иррегулярными войсками. Въ свое оправданіе она приводила превышеніе мѣстными властями данныхъ имъ полномочій и непониманіе ими ея намѣреній.

Способъ защиты, принятый Портою, ясно доказываетъ ея недобросовѣстность. Сверхъ того, снисходительность, даже благоволеніе, выказанное ею генералъ-губернатору Шефкету-пашѣ, палачу Болгаріи, какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ о ея виновности. Несмотря на настоянія графа Дерби, который громко и неугомонно требовалъ наказанія Шефкета-паши, послѣдній былъ назначенъ эрзерумскимъ генералъ-губернаторомъ и осыпанъ милостями. А онъ, именно, не только понялъ какъ слѣдуетъ данныя ему полномочія, не только не превысилъ власти, но, напротивъ, слѣпо руководился предписаніями Порты, телеграфировавшей ему дословно: «подавите возстаніе, не разбирая средствъ».

Но сама Порта, сознавая важность положенія и необходимость энергическаго подавленія, не слѣдовала ли она совѣту своихъ друзей? Лучшій другъ ея, пользовавшійся ея наибольшимъ довѣріемъ, хранилъ ли онъ молчаніе въ эту критическую минуту? этому трудно повѣрить. Дѣйствительно извѣстно, что сэръ Генри Элліоттъ, узнавъ о возстаніи и боясь новыхъ опасныхъ осложненій, первый далъ Портѣ совѣтъ потушить мятежъ «не разбирая средствъ». Это не было тайной ни для кого, пока не узнали, какимъ образомъ Порта воспользовалась даннымъ совѣтомъ. Понятый и осуществленный иначе, совѣтъ этотъ былъ бы въ сущности хорошъ. Но всякій совѣтъ, будь онъ самъ по себѣ прекраснъ, становится пагубнымъ и роковымъ, какъ скоро примѣняется людьми, лишенными такта. Быть можетъ, сэръ Генри не зналъ, что Порта прибѣгнетъ къ черкесамъ, быть можетъ, онъ не зналъ, на что эти дикари способны. Но онъ очень хорошо зналъ, что мусульмане всѣхъ слоевъ общества, какъ въ Стамбулѣ, такъ и въ провинціяхъ, одушевлены враждою и ненавистью къ христіанамъ, чему были даны кровавыя доказательства. Онъ долженъ былъ предвидѣть, что всякій совѣтъ, выраженный въ такой формѣ и направленный противъ христіанскаго насе-

ленія, могъ дать мѣсто прискорбнымъ злоупотребленіямъ. Поэтому, вмѣсто того, чтобы говорить Портѣ: «подавите возстаніе, не разбирая средствъ», онъ долженъ бы былъ посовѣтовать ей благоразуміе, употребленіе законныхъ средствъ; онъ долженъ бы былъ умѣрить ея пылъ, чтобы предотвратить его послѣдствія. Какъ могъ онъ не обратить вниманія турецкихъ министровъ на то обстоятельство, что, если нужно безъ промедленія водворить порядокъ среди мятежниковъ, то существенно важно, для спасенія нравственнаго кредита страны, не давать повода, ненужными жестокостями и пролитіемъ христіанской крови, къ новому неудовольствію Европы на Турецкую имперію и на фанатизмъ мусульманъ.

Среди страшнаго шума, вызваннаго во всемъ свѣтѣ этими сценами разрушенія и кровопролитія, сильно возбужденное общественное мнѣніе Англіи, напавъ на представителя королевы въ Константинополѣ, ставило ему, однако, въ упрекъ только то, что онъ не предупредилъ своевременно министерство о происходившемъ у самыхъ воротъ столицы и не постарался своими совѣтами удержать Порту въ предѣлахъ умѣренности. За его совѣтами дѣло не стало; но мы видѣли ихъ смыслъ, а также и то, что г. Элліоттъ сталъ настоящимъ,—мы охотно признаемъ,—безсознательнымъ соучастникомъ черкесовъ и баши-бузуковъ.

Въ то время, какъ посолъ былъ предметомъ ожесточенныхъ нападокъ со стороны Европы, а особенно его отечественной печати, въ то время, какъ графъ Дерби по мѣрѣ силъ старался его защитить, самъ онъ продолжалъ поступать по своему усмотрѣнію и руководиться личными побужденіями, не обращая никакого вниманія на инструкціи изъ Лондона. Такъ, когда ему было предписано отправить въ Болгарію, на самое мѣсто звѣрствъ, слѣдственную коммиссію, и когда министерство указывало ему для этой цѣли на вице-консула Вренча, сэръ Генри, собственною властью, замѣнилъ его однимъ изъ секретарей посольства, г. Бэрингомъ. Отчего? А оттого, что г. Вренчъ раздѣлялъ мнѣнія своего непосредственнаго начальника, сэра Филиппа Франсиса, генеральнаго консула въ Константинополѣ, и что оба они находились въ постоянномъ противорѣчіи съ посломъ.

Къ тому же г. Вренчъ, человѣкъ открытый и честный, не согласился бы ни смягчать факты, ни оцѣнивать ихъ съ намѣреніемъ уменьшить ихъ важность. Напротивъ того, г. Бэрингъ подчинялся непосредственно г. Элліотту, который, давая особыя инструкціи, могъ внушить ему представить положеніе вещей въ свѣтѣ, наиболѣе благопріятномъ его личному поведенію и дѣйствіямъ мѣстныхъ властей въ Болгаріи. Прибавимъ, что г. Бэрингъ, по своей ли иниціативѣ и чтобы быть въ состояніи сказать правду, не слишкомъ увеличивая общественнаго возбужденія, или въ силу секретнаго предписанія, представилъ своему началь-

нику два донесенія: одно содержало голую истину безъ всякихъ стилистическихъ прикрасъ и должно было остаться тайной; другое, изложенное болѣе сдержанно, предназначалось для одурманиванія, если можно такъ выразиться, англійскаго общества.

Какъ видно, сэръ Генри питалъ къ Турціи и туркамъ искреннія и какъ мы думаемъ, совершенно безкорыстныя симпатіи. Но развѣ теперь не въ модѣ подобныя симпатіи? Мы уже видѣли, что г. Монрое-Бёттлеръ Джонстонъ на свои средства поддерживалъ возстаніе софтовъ, а г. Давидъ перомъ служилъ на пользу исламизма. Уркхардтъ защищалъ его же въ теченіе полувѣка. Да развѣ Стюартъ Милль, философъ, экономистъ, публицистъ, политическій ораторъ, человѣкъ, выдающійся въ всѣхъ отношеніяхъ, не раздѣлялъ симпатій къ исламизму и не былъ его защитникомъ? Слишкомъ долго было бы перечислять здѣсь всѣхъ выдающихся на Западѣ людей, проникнутыхъ тѣми же чувствами. Впрочемъ эти стремленія легко объяснимы, если мы отдадимъ себѣ отчетъ въ идеяхъ, руководящихъ публицистами въ дѣлахъ религіи, нравственности и философіи. Многіе христіане — христіане только по имени, и тѣ изъ нихъ, которые открыто не принадлежитъ къ матеріалистамъ или нигилистамъ, охотно исповѣдуютъ натурализмъ или раціонализмъ, ученія, одинаково проводящія абстолютный деизмъ, безъ стѣснительныхъ таинствъ обрядовъ, что и есть въ сущности ученіе Магомета. Самой личностью пророка естественно не дорожатъ; онъ просто идетъ за великаго человѣка. Самыя омовенія совершаются сообразно требованіямъ гигіены и хорошаго тона. Что касается многоженства, то оно примѣняется сообразно обстоятельствамъ, пока какой-нибудь преобразователь отечества, наперекоръ извѣстной общественной стыдливости, не поставитъ открыто о томъ вопроса. Тогда многіе, безъ сомнѣнія, къ нему примкнутъ. На свѣтѣ, такимъ образомъ, кромѣ открытыхъ исповѣдниковъ ислама, существуютъ и другіе мусульмане. Наконецъ, вступленіе многихъ правовѣрныхъ въ ряды франкмасоновъ обезпечиваетъ за турками, со стороны братьевъ и друзей, партію защитниковъ, почтенную по числу и опасную по средствамъ дѣйствія.

Какъ бы то ни было, взрывъ негодованія, вызванный болгарскими звѣрствами во всѣхъ частяхъ свѣта, произвелъ удручающее впечатлѣніе на лучшихъ друзей Порты. Ихъ политическія убѣжденія были сильно поколеблены и они съ безпокойствомъ спрашивали себя, будетъ-ли поддержаніе неприкосновенности Оттоманской имперіи совмѣстимо съ чтимыми въ данную минуту принципами человѣчества, такъ какъ эти принципы были теперь грубо попраны турками.

Вспомнимъ волненіе, возникшее въ Англіи. Одинъ изъ ея выдающихся государственныхъ людей, во главѣ значительной партіи, до-

шелъ даже до проповѣди крестоваго похода противъ этого неизлѣчимаго варварства, одно существованіе котораго является настоящимъ позоромъ для Европы и цивилизаціи. Въ этомъ человѣкѣ не трудно угадать Гладстона.

Понятно, что въ Россіи броженіе умовъ было не менѣе сильно. Оно впрочемъ, имѣло свое особое основаніе въ личности жертвъ, этихъ братьевъ по крови и вѣрѣ, славянъ и православныхъ. Если въ Россіи волненіе не выразилось, подобно другимъ странамъ, съ торжественностью публичнаго диспута въ многолюдномъ собраніи, то печать взяла на себя дополнить послѣднюю силою рѣчи и постоянными совѣтами къ вооруженному столкновенію. На одномъ изъ собраній славянофиловъ въ Москвѣ, въ началѣ іюня, И. С. Аксаковъ, съ высоты предсѣдательскаго кресла, употребилъ все свое краснорѣчіе противъ турокъ и заключилъ свою рѣчь словами: «Братья наши въ Турціи должны быть освобождены; сама Турція должна прекратить существованіе; Россія имѣетъ право занять Константинополь, такъ какъ свобода проливовъ для нея вопросъ жизненной важности».

Между тѣмъ, несмотря на кровавый разгромъ Болгаріи, прекратившій пополненіе рядовъ возставшихъ, подстрекатели усилили ободренія, блестящія обѣщанія и всякую помощь мирнымъ сербамъ, чтобы убѣдить ихъ взяться за оружіе противъ ихъ сюзерена. Это было нѣсколько поздно; однако противникамъ турокъ удалось наэлектризовать массы, привлекши на свою сторону нѣсколько пылкихъ головъ, взявшихся распространять волненіе. И вскорѣ князю Милану предстояла альтернатива: или объявить войну, или быть сверженнымъ своимъ народомъ съ престола.

Достовѣрно, что князь Горчаковъ неоднократно пытался отклонить князя Милана отъ всякаго воинственнаго предпріятія. Но угроза предоставить его собственнымъ силамъ и формальное заявленіе, что онъ не долженъ разсчитывать ни на какую, хотя бы чисто нравственную, поддержку со стороны с.-петербургскаго двора, не произвели никакого дѣйствія. Тогда императоръ Александръ, какъ бы для приданія особой торжественности своимъ словамъ, избралъ для передачи ихъ иностраннаго дипломата, который долженъ былъ служить ему въ нѣкоторомъ родѣ свидѣтелемъ. Онъ поручилъ австро-венгерскому агенту въ Бѣлградѣ, князю Вреде, подтвердить отъ его имени князю Милану всѣ предыдущія заявленія князя Горчакова и снова увѣрить его, что, въ случаѣ неуспѣха и пораженія сербской арміи, онъ не долженъ ожидать никакого содѣйствія Россіи.

Дальнѣйшее извѣстно: царскому слову не вняли...

Сербія и Черногорія послѣдовательно взялись за оружіе. Тотчасъ же иностранная дипломатія, проникнутая сердечнымъ согласіемъ и тро-

гательнымъ единодушіемъ, удвоила свою дѣятельность и усилія передъ Портой, чтобы, примиреніемъ столкнувшихся интересовъ, положить конецъ и безъ того уже тяжелому и грозившему стать еще болѣе опаснымъ, положенію. Но это согласіе и единодушіе, бывшія, какъ мы по крайней мѣрѣ думаемъ, искренними со стороны кабинетовъ и монарховъ Запада, были ли въ такой же степени искренними среди ихъ представителей въ Турціи? Мы въ этомъ сильно сомнѣваемся. Всякаго, кто могъ по своимъ связямъ или по положенію слѣдить за сношеніями этихъ представителей въ Константинополѣ между собой и съ блистательной Портой, не могло не поразить столь мало правильное поведеніе великобританскаго посла. Совершенно пренебрегать категорическими предписаніями своего правительства, слѣдовать имъ только въ совершенно противоположномъ смыслѣ и какъ бы поднимать ихъ на смѣхъ; давать понять своимъ сдержаннымъ поведеніемъ, что графъ Дерби говоритъ, конечно, языкомъ, принятымъ другими кабинетами, но что онъ ни слову не вѣритъ изъ того, что говоритъ; давать побѣду своимъ личнымъ чувствамъ, ослабляя и разрушая дипломатическое воздѣйствіе, которое Европа обязалась произвести на Порту—таковою, кажется, была постоянная цѣль усилій и личной дѣятельности г. Элліотта.

Хотя его инструкціи категорически предписывали ему во всѣхъ случаяхъ дѣйствовать за одно со своими коллегами, онъ всегда держался въ сторонѣ, чтобы предоставлять болѣе простора Портѣ и ослаблять значеніе заявленій, вся нравственная сила которыхъ заключалась въ единодушіи. Такъ, въ моментъ предъявленія требованій по сербскому вопросу, когда, послѣ объявленія войны, державы старались остановить борьбу, совмѣстный образъ дѣйствія долженъ бы былъ имѣть чрезвычайное значеніе. И что же? Сэръ Элліоттъ и здѣсь отказался присоединиться къ своимъ коллегамъ, предложилъ имъ сдѣлать свои заявленія отдѣльно, а самъ, въ качествѣ старѣйшины дипломатическаго корпуса [1]), держался въ сторонѣ. Нѣсколько дней спустя его коллеги настойчиво требовали отъ него объясненій, выразилъ ли онъ достаточно твердо и ясно заключавшуюся въ заявленіи угрозу о прекращеніи шестью великими державами сношеній съ Портой и о предполагаемомъ отозваніи ихъ представителей. Сэръ Генри Элліоттъ отвѣтилъ съ усмѣшкою, что онъ дѣйствительно сказалъ Портѣ то, что ему было предписано, и тѣмъ далъ открыто понять, что онъ дѣйствовалъ только для очистки совѣсти въ столь маловажномъ дѣлѣ.

Съ одной стороны, кабинеты пребывали въ сердечномъ согласіи, съ другой—одинъ посолъ наносилъ ущербъ единодушному образу дѣйствія, своимъ личнымъ положеніемъ нейтрализуя его результаты! И каждый

[1]) За отсутствіемъ генерала графа Игнатьева.

разъ, какъ новыя инструкціи настоятельно требовали собранія представителей, послѣднимъ стоило не мало усилій добиться отъ временнаго старѣйшины, чтобы онъ ихъ созвалъ. Но по состоявшемся собраніи и по принятіи имъ представленія Портѣ, старѣйшина неизмѣнно передавалъ его черезъ своего драгомана, который, вопреки обычаямъ, никогда не присоединялся къ драгоманамъ прочихъ великихъ державъ.

Въ лѣтописи англійской дипломатіи на Востокѣ не рѣдки случаи подобнаго неповиновенія ея агентовъ, а равно и ихъ чисто личной политики, находящейся въ прямомъ противорѣчіи съ политикой правительства. Лордъ Страффордъ Редклиффъ, напримѣръ, вызвалъ войну 1854 года и коалицію противъ Россіи только потому, что далъ объясненіямъ, заключавшимся въ одной депешѣ графа Нессельроде, толкованіе, дѣлавшее ихъ совершенно недопустимыми; тогда онъ убѣдилъ Решидъ-пашу отвергнуть ихъ, несмотря на то, что лордъ Пальмерстонъ предписалъ ему настаивать передъ Диваномъ, чтобы Порта этими объясненіями удовлетворилась.

Но если это дѣло обычное для англійской дипломатіи, то послѣдствія этого, какъ мы видимъ, очень важны; и если бы с. джемскій кабинетъ отдалъ себѣ отчетъ въ томъ, какъ злоупотребляютъ его агенты своимъ авторитетомъ и личнымъ вліяніемъ, то, безъ сомнѣнія, подумалъ бы о средствахъ добиться менѣе двусмысленнаго ихъ повиновенія и содѣйствія.

Какъ бы ни было странное въ данномъ случаѣ поведеніе сэра Генри Эллиотта по отношенію къ своимъ коллегамъ въ ихъ общихъ сношеніяхъ съ Портою, это поведеніе стало просто скандальнымъ по случаю открывшихся въ Константинополѣ совѣщаній.

Мы не будемъ говорить ни о практическомъ значеніи, ни о пригодности принятыхъ на этихъ совѣщаніяхъ рѣшеній: проекта устройства Болгаріи, (выработаннаго молодымъ атташе посольства), назначенія христіанскихъ губернаторовъ, иностранной стражи и т. д. Мудрость государственныхъ людей имѣетъ тайны, недоступныя пониманію простыхъ смертныхъ. Въ качествѣ послѣднихъ, мы замѣтимъ только, что, въ отношеніи послѣдовательнаго хода трудовъ, уполномоченные шли навстрѣчу вѣрному неуспѣху, настоящей неудачѣ; собраніе пословъ Константинополя по вопросу о реформахъ для провинцій, или находившихся въ возстаніи или бывшихъ театромъ кровавыхъ сценъ, особенно когда ничего не было сдѣлано для провинцій, оставшихся покорными,—обезпечивало за Портой возможность легкаго торжества. Сверхъ того, отказались выслушивать Порту, имѣя въ виду навязать ей мѣры, принятыя безъ нея и направленныя противъ нея.

Дѣйствуя подобнымъ образомъ, упускали изъ вида важныя политическія соображенія. Прежде всего устранялся неотъемлемый принципъ

власти, который не дозволялъ Турціи какъ бы поощрять возстаніе и мятежъ, допуская только непокорныя провинціи къ пользованію выгодами реформъ и оставляя внѣ попеченія провинціи покорныя. Упускали изъ виду значеніе, которое придавала Порта своему собственному достоинству и своимъ правамъ независимаго государства, однимъ словомъ всему тому, что она всегда такъ ревниво охраняла. Не принимали также въ разсчетъ взаимоотношеній дворца и Порты съ тѣхъ поръ, какъ вліяніе общественнаго мнѣнія дало себя почувствовать сильно и не впервые по случаю возстанія софтовъ и слѣдовавшихъ за нимъ событій, и султана ставили въ необходимость или вызвать взрывъ уже безъ того возбужденнаго общественнаго мнѣнія, или проявить смѣлую независимость, давъ суровый урокъ шести великимъ державамъ. Не признавали также и законовъ логики, заявляя о желаніи сохранить въ въ силѣ Парижскій трактатъ въ ту самую минуту, когда совѣщались о внутреннемъ устройствѣ имперіи. На самомъ дѣлѣ это было нарушеніемъ статьи 9-ой этого трактата, въ силу которой державы запрещали себѣ всякое единичное или совмѣстное вмѣшательство въ отношенія Порты къ ея подданнымъ. Наконецъ, не принимали въ разсчетъ опытности и проницательности турецкихъ дипломатовъ, когда угрожали Портѣ—въ случаѣ не принятія ею мѣръ, выработанныхъ въ конференціи,—не прерваніемъ дипломатическихъ сношеній, что имѣло бы совершенно иное значеніе, но отъѣздомъ пословъ и спеціальныхъ делегатовъ. Секретари должны были остаться въ качествѣ повѣренныхъ въ дѣлахъ.

Требованіе, обращенное къ Дивану конференціей, при весьма слабой угрозѣ, не могло не пропасть даромъ. Портѣ было весьма пріятно проявить безъ всякихъ усилій твердость, лестную для національнаго самолюбія. Въ глазахъ населенія имперіи это было настоящимъ торжествомъ надъ объединеннымъ противъ Турціи Западомъ. И Порта, среди трудныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ она находилась, получала удовлетвореніе въ томъ, что освобождалась отъ назойливыхъ настояній иностранной дипломатіи. Министры султана знали, что соглашеніе великихъ державъ ограничится пустою угрозою; что дѣло не пойдетъ дальше; что различные интересы, вплетенные въ Восточный вопросъ, разъединятъ державы, какъ только та или другая изъ нихъ сдѣлаетъ видъ, что отъ словъ переходитъ къ дѣлу. Порта ясно сознавала положеніе. Странное дѣло, какъ послы, бывшіе въ числѣ членовъ конференціи, много лѣтъ прожившіе въ Турціи, могли хотя одно мгновеніе подумать, что турецкіе дипломаты, обезпокоенные или смущенные этою угрозою, подчинятся приказаніямъ знаменитаго ареопага? Допустимъ, что министры султана не обладали ни достаточною опытностью, ни прозорливостью, чтобы спокойно пренебречь отъѣздомъ пословъ, но у

нихъ были-же передъ глазами странныя взаимныя отношенія представителей королевы Викторіи и ихъ образъ дѣйствія въ конференціи. Одного этого было достаточно, чтобы побудить турокъ на отчаянное сопротивленіе.

Англійскій посолъ имѣлъ собратомъ маркиза Салисбюри, вельможу важнаго по своему оффиціальному положенію, но человѣка, не отличавшагося особенною гибкостью. Способности, необходимыя для успѣшнаго участія въ этомъ дипломатическомъ собраніи, блистали у него только своимъ отсутствіемъ, развѣ признать таковыми взгляды, мнѣнія и чувства, діаметрально противоположныя тѣмъ, которыя исповѣдывалъ сэръ Генри Элліоттъ,—изъ ряда вонъ выходящее невѣдѣніе людей и дѣлъ Востока, а равно и политической географіи Европы... Не разъ говорилось о немъ среди дипломатовъ Босфора, гдѣ лордъ Салисбюри оставилъ по себѣ неизгладимую и ироническую память.

Благородный лордъ счелъ полезнымъ, для лучшаго служенія взглядамъ своего правительства и интересамъ мира, придерживаться по отношенію турокъ оскорбительной рѣзкости и нескрываемаго презрѣнія. Благодаря этому странному поведенію онъ лишился передъ Портой всякаго личнаго кредита.

Не менѣе полезнымъ онъ счелъ примкнуть, въ нѣкоторомъ родѣ, къ русскому посольству, постоянно тамъ бывать, раздѣлять всѣ мнѣнія русскаго посла, стать его ревностнымъ приверженцемъ и поддерживать всѣ предложенія, иниціативу которыхъ послѣдній бралъ на себя, на конференціи. Все это свидѣтельствуетъ о ловкости его дипломатическихъ пріемовъ.

А вотъ образчикъ его географическихъ познаній.—На одномъ общемъ собраніи, на которомъ присутствовали представители Дивана, былъ поднятъ вопросъ объ уступкѣ Турціею порта на Адріатикѣ Черногоріи, которая того домогалась. Уполномоченные Порты стали возражать, какъ вдругъ лордъ Салисбюри съ живостью заявилъ, что эти возраженія относятся только къ упомянутымъ мѣстностямъ: «но что онъ не видитъ причины, почему султанъ не согласился бы уступить Черногоріи портъ и городъ Каттаро!»...

Можно судить объ изумленіи графа Зичи, австро-венгерскаго посла.

Очевидно спеціальный уполномоченный Foreign Office'а не подготовился къ обсужденію стоявшаго на очереди вопроса.

Помимо этого комическаго инцидента поведеніе маркиза Салисбюри обстоятельствамъ не особенно соотвѣтствовало. Въ глазахъ Порты оно компрометтировало англійское правительство и дѣлало еще болѣе оскорбительными для Дивана пріемы конференціи. Съ другой стороны, отношенія благороднаго лорда къ сэру Генри Элліотту изъ холодныхъ превратились просто въ дурныя; и это разногласіе, ясное для всѣхъ, ока-

зало на ходъ и исходъ конференціи болѣе сильное, чѣмъ вообще полагали, вліяніе.

На засѣданіяхъ сэръ Генри погружался въ абсолютное молчаніе, неускользавшее отъ вниманія турецкихъ уполномоченныхъ. Можно-ли думать теперь, какъ нѣкоторые предполагаютъ, а многіе даже утверждаютъ, что въ своихъ личныхъ сношеніяхъ съ Портою г. Эллиоттъ поддерживалъ ея сопротивленіе, увѣряя ее, что, каковы-бы ни были осложненія, англійскій кабинетъ никогда не станетъ на сторону враговъ Турціи? Это весьма правдоподобно. Но достовѣрно то, что разногласіе между двумя великобританскими уполномоченными отняло всякій кредитъ у совѣтовъ с. джемскаго кабинета.

Нельзя не сожалѣть, что этотъ кабинетъ, искренне желая прекращенія пререканій между Россіею и Портою, былъ настолько несчастливъ въ выборѣ своихъ дипломатическихъ агентовъ, что не могъ воспользоватьсявъ этомъ благомъ дѣлѣ принадлежавшимъ ему по праву авторитетомъ въ рѣшеніяхъ Дивана.

Еще болѣе обидно для чести европейской дипломатіи, что турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ, сидя спокойно у окна блистательной Порты и видя, какъ иностранныя военныя суда, увозившія пословъ, съ трудомъ разсѣкали поднятыя непогодою волны Мраморнаго моря, спрашивалъ у своего собесѣдника съ чисто восточною флегматичностью: «Но кого-же, наконецъ, здѣсь обманываютъ?»

Пока представители шести великихъ державъ доставляли Портѣ случай легкаго торжества, послѣдняя заканчивала законы и распоряженія, относившіеся до созыва народныхъ депутатовъ, сообразно постановленіямъ конституціи, дарованной султаномъ своимъ народамъ и обнародованной, какъ-бы для полной обстановки неожиданнаго зрѣлища, въ день перваго общаго засѣданія международной конференціи. Прибавимъ, что залпы, данные столичною артиллеріею по случаю чтенія императорскаго указа, раскатились эхомъ надъ Босфоромъ, и Савфетъ-паша, предсѣдательствовавшій въ засѣданіи, прервалъ его на минуту и въ напыщенныхъ выраженіяхъ объявилъ о преобразованіи государственной власти въ Турціи.

Другими словами, Порта этимъ давала понять, что, участвуя въ засѣданіяхъ конференціи, она напередъ твердо рѣшила отвергнуть всѣ ея постановленія. Но, со своей точки зрѣнія, она шла дальше того, что отъ нея требовали, даруя коренное измѣненіе формы правленія, въ чемъ видѣла для себя двойную выгоду добровольно принятаго рѣшенія и благодѣянія для всѣхъ провинцій имперіи. Къ тому же великимъ визиремъ былъ тогда Мидхатъ-паша и онъ не могъ не воспользоваться случаемъ, чтобы восторжествовать надъ сопротивленіемъ, встрѣчаемымъ имъ еще въ рядахъ мусульманскихъ консерваторовъ, и настоять на при-

нятіи проекта конституціи, которому уже давно онъ посвятилъ всѣ свои попеченія.

Разсматриваемое съ этихъ различныхъ точекъ зрѣнія обнародованіе конституціи было, конечно, дѣломъ ловкимъ. Но не грѣшило-ли оно излишнею ловкостью и не било-ли дальше цѣли? Говорятъ, что ничтожныя причины часто имѣютъ большія послѣдствія. Въ предшествующее въ Россіи царствованіе, учрежденіе въ Турціи конституціоннаго государства было бы само по себѣ достаточнымъ поводомъ для рѣшенія императора Николая немедленно объявить войну своему сосѣду на Черномъ морѣ. Но императоръ Александръ, потребовалъ для славянъ Турціи прочныхъ обезпеченій, хорошей администраціи, а въ этихъ обезпеченіяхъ отказывали и замѣняли ихъ конституціонною хартіею. Учрежденія зарождаются въ нравахъ народовъ, а не въ силу законовъ и указовъ. Конституціонная Турція не то же ли, что конституціонный Египетъ? Поэтому, слышалъ-ли кто-нибудь, чтобы феллахъ сталъ счастливѣе съ измѣненіемъ государственныхъ учрежденій и чтобы его трудъ въ потѣ лица теперь цѣнился немного дороже прежняго? Стали-ли лучше государственные финансы подъ контролемъ народа? Сдѣлало-ли когда-нибудь ужасающее банкротство больше жертвъ съ бо́льшимъ шумомъ? Наконецъ, самъ султанъ, со времени провозглашенія конституціонной формы правленія, не продолжалъ-ли назначать и смѣщать министровъ, не обращая никакого вниманія на палаты, на большинство и на его мнѣнія?

Очевидно, что съ этой точки зрѣнія Россія не могла казаться довольною щедростью султана, хотя бы и призрачною, мертворожденною и могущею быть принятою благосклонно лишь тѣми, кто добровольно давалъ себя въ обманъ.

Обнародованіе конституціи въ Турціи вызвало въ печати и въ русскомъ обществѣ всеобщій взрывъ смѣха.

На конституцію посыпались самыя злыя насмѣшки, самыя жесткія эпиграммы. Все казалось смѣшнымъ, потому что не доставало главнаго: опытности министровъ, умственнаго развитія и независимости въ представителяхъ народа, краснорѣчіе которыхъ должно было встрѣтить непреодолимое препятствіе въ разнообразіи нарѣчій разныхъ провинцій имперіи. Наиболѣе сдержанные органы печати, напуская на себя какъ-бы спокойную оцѣнку и соглашаясь разсуждать въ болѣе приличномъ тонѣ объ учрежденіяхъ, дарованныхъ султаномъ своимъ народамъ, видѣли въ нихъ только болѣе или менѣе удачно поставленную ловушку для довѣрчивой Европы, хартію, предназначенную остаться мертвою буквою послѣ того, какъ она дастъ Портѣ возможность отдѣлаться отъ постоянныхъ и назойливыхъ настояній западныхъ кабинетовъ,—однимъ словомъ, обманъ, одну изъ тѣхъ уловокъ, къ которымъ всегда умѣло

прибѣгали турецкіе министры, чтобы выпутаться изъ трудныхъ обстоятельствъ, и о которыхъ, по минованіи грозы, обыкновенно не бывало и рѣчи.

Таково было первое впечатлѣніе, произведенное въ Россіи обнародованіемъ оттоманской хартіи.

Между тѣмъ болгарскія звѣрства, негодованіе, вызванное ими въ Россіи, не прекращавшееся безпокойство Европы по поводу внутренняго положенія Турціи, пораженія сербовъ, съ которыми Россія была нравственно солидарна, вслѣдствіе значительнаго числа русскихъ офицеровъ и солдатъ, сражавшихся въ рядахъ побѣжденныхъ, роковыя заблужденія оффиціальныхъ круговъ С.-Петербурга относительно слабости и безпомощности классическаго б о л ь н а г о (Турціи), равно и относительно быстрыхъ побѣдъ, обезпеченныхъ за нападающею арміею, наконецъ, закончившаяся мобилизація русской арміи и заключенный съ этою цѣлью заемъ, —все это, по нашему мнѣнію, служило достаточнымъ поводомъ къ объявленію войны.

Многія войны, во всякія времена, возгорались изъ-за менѣе важныхъ причинъ. Но послѣ того удовлетворенія, которое кабинеты великихъ державъ дали Россіи при посредствѣ своихъ представителей на Константинопольскихъ конференціяхъ, раздѣляя ея мнѣнія и поддерживая всѣ ея требованія; послѣ доказательствъ уваженія этихъ требованій, доказательствъ, возобновленныхъ державами отозваніемъ пословъ, подписаніемъ Лондонскаго протокола и принятіемъ на себя въ нѣкоторомъ родѣ ручательства за исполненіе Портою реформъ—можно, даже должно полагать, что с.-петербургскій кабинетъ отказался бы отъ всякаго воинственнаго предпріятія, хотя бы изъ уваженія къ сочувствію, высказанному ему Европой съ такимъ постояннымъ и полнымъ единодушіемъ [1]). Однако дипломатія, какъ бы пламенно ни желала сохранить миръ, могла удовлетворить Россію лишь относительно высказанныхъ и оформленныхъ ею неудовольствій; а Россія имѣла неудовольствіе, которое она не могла не только высказать, но и дать о немъ понять: Россія не желала турецкой конституціи.

Вотъ почему обнародованіе ея было слишкомъ большою ловкостью, бьющею дальше цѣли. Вотъ почему мѣры, менѣе рѣшительныя и менѣе коренныя со стороны турецкихъ преобразователей и ихъ совѣтниковъ,

[1]) Нельзя не отмѣтить нѣкотораго преувеличенія въ томъ значеніи, которое авторъ придаетъ «постоянному и полному—какъ онъ говоритъ—единодушію Европы». Что европейскія державы дѣйствительно усиленно трудились надъ тѣмъ, чтобы отогнать надвигавшуюся грозу со всѣми ея непредвидѣнными послѣдствіями,—въ этомъ нельзя сомнѣваться; но одинаково не подлежитъ сомнѣнію, что сопротивленіе Порты вытекало именно изъ отсутствія нелицемѣрнаго единодушія въ образѣ дѣйствій представителей великихъ державъ. Ред.

мѣры, которыя хотя не измѣнили бы внутренняго положенія имперіи,—дали бы, по крайней мѣрѣ, Турціи возможность пользоваться благами мира, а не быть опустошенною войной, ближайшимъ послѣдствіемъ которой оказалось полное истощеніе ея средствъ на полстолѣтіе.

Предлагая великимъ державамъ Лондонскій протоколъ, Россія требовала отъ нихъ въ подтвержденіе единодушія взглядовъ, обнаруженнаго ими на конференціи въ Константинополѣ, взять на себя въ нѣкоторомъ родѣ поручительство за исполненіе Портою дѣйствительныхъ реформъ и, въ случаѣ неуспѣха, сообща приступить къ мѣрамъ, требуемымъ обстоятельствами. Россія не требовала, да и не могла требовать, чтобы Порта подписала протоколъ, такъ какъ онъ былъ направленъ противъ нея. Болѣе того, послѣдняя не должна была знать о его существованіи. Прибавимъ, что она проявила чрезмѣрную щепетильность, выразивъ согласіе неоффиціально съ нимъ ознакомиться и выступивъ затѣмъ съ тѣмъ знаменитымъ протестомъ, отъ котораго загорѣлся весь сыръ-боръ и который вызвалъ объявленіе войны со стороны Россіи.

Слабость Турціи въ военномъ отношеніи съ наибольшею очевидностью выразилась, какъ казалось, въ ея безсиліи усмирить герцеговинцевъ и въ напряженіяхъ въ войнѣ съ Сербіею, и существованіе этого роковаго заблужденія болѣе чѣмъ подтверждается численностью выступившей противъ нея арміи. Нынѣ неоспоримо, повидимому, что Россія начала войну, имѣя не болѣе 70 тысячъ войска на Дунаѣ и менѣе 60 тысячъ въ Азіи. Конечно, если бы Турція даже и была такъ слаба, какъ думали, самое простое благоразуміе требовало, чтобы нападающій призналъ за нею ту оборонительную силу, которую она всегда выказывала въ прежнихъ войнахъ, и онъ долженъ былъ это сдѣлать тѣмъ болѣе, что далеко не всегда могъ побороть встрѣчаемое сопротивленіе. Не представлялось-ли безусловно выгоднымъ принять эти данныя въ основаніе предстоявшей кампаніи? Разгромъ непріятеля, помимо обезпеченія въ удовлетвореніи чести, избавилъ бы Россію отъ крупныхъ расходовъ; а побѣжденный, лишенный всѣхъ симпатій, порождаемыхъ честною и славною защитою, оказался бы въ полномъ распоряженіи побѣдителя.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ Апрѣльской книжкѣ «Русской Старины» въ статьѣ «Россія и Англія на Востокѣ», на стр. 278 вкралась крупная опечатка: на 4-ой строкѣ снизу напечатано: «внутри женщинъ и евнуховъ»; слѣдуетъ—«среди женщинъ и евнуховъ.

КНЯЗЬ В. А. ЧЕРКАСКІЙ

и

ГРАЖДАНСКОЕ УПРАВЛЕНІЕ ВЪ БОЛГАРІИ.

1877—1878 гг.

ГЛАВА XVII [1]).

Гражданское управленіе съ 1-го января по 19-ое февраля 1878 г. до Санъ-Стефанскаго договора.

Неопредѣленность положенія князя Черкаскаго.—Назначеніе коммиссара.—Образованіе Филиппопольскаго и Сливенскаго санджаковъ.—Введеніе въ прочихъ частяхъ Забалканья военнаго управленія.—Внутреннее управленіе княжества Болгарскаго.—Проектъ учрежденія Совѣта управленія княжества Болгарскаго.—Записка о генералъ-губернаторахъ.

Полученное 7-го января 1878 г. изъ Петербурга извѣщеніе о томъ, что пребываніе князя Черкаскаго при арміи считается особенно необходимымъ, окончательно разрѣшило вопросъ о слѣдованіи и самого князя и его канцеляріи, вмѣстѣ съ главною квартирою, за Балканы, но не заставило тогда же отказаться отъ мысли объ учрежденіи въ Забалканскомъ краѣ исключительно военнаго управленія, не примѣняясь не только къ выработаннымъ и дѣйствовавшимъ основаніямъ гражданскаго управленія, но и къ тѣмъ началамъ, которыя

[1]) См. «Русскую Старину», май 1896 г.

были утверждены главнокомандующимъ въ іюлѣ 1877 г., именно для руководства начальникамъ войскъ отъ момента занятія края, до учрежденія въ немъ гражданскихъ властей. Чисто военное управленіе введено было въ округахъ Филиппопольскомъ, Казанлыкскомъ и Адріанопольскомъ. Все, что удалось тогда сдѣлать князю Черкаскому для гражданскаго управленія, было испрошеніе разрѣшенія ввести правильное гражданское устройство въ Софійскомъ санджакѣ.

Дальнѣйшія мѣропріятія по гражданской части, силою самыхъ обстоятельствъ, отлагались до прибытія въ Адріанополь, гдѣ ожидалось подписаніе перемирія съ Турціей, а слѣдовательно, и опредѣленіе района нашего непосредственнаго вліянія и гдѣ князь Черкаскій могъ соединиться съ своей канцеляріей. Перемиріе подписано было 19-го января, а канцелярія прибыла въ Адріанополь 25-го. Перемиріе отдавало въ наше распоряженіе огромное пространство земель по обѣимъ сторонамъ Балканъ, и такимъ образомъ наступало время, когда мы не только могли, но и обязаны были приступить къ прочному устройству занятаго края и возстановленію въ немъ гражданскихъ порядковъ.

Придется ли ему самому управлять Болгаріей, впредь до передачи ея народному правительству или онъ долженъ будетъ уступить эту работу другому лицу, князь Черкаскій въ точности еще не зналъ, но самый фактъ признанія необходимости его пребыванія при арміи былъ настолько серьезенъ и важенъ, что онъ, ставя всегда на первое мѣсто не личные свои интересы, а пользу государственную, всецѣло отдался соображеніямъ о будущей дѣятельности гражданскаго управленія. Продолжавшаяся однако неопредѣленность дѣла ставила его въ большое затрудненіе и не дозволяла работать какъ бы слѣдовало, зная къ чему идти и чего нужно достигнуть.

Исполняя требованіе оставаться на мѣстѣ, онъ въ то же время глубоко былъ убѣжденъ въ необходимости ѣхать въ Петербургъ, дабы тамъ условиться о будущихъ дѣйствіяхъ и получить обстоятельную инструкцію. Эти противорѣчія весьма его тревожили, возбуждали нервы и разрушительно вліяли на его мощный, но потрясенный уже организмъ. Чтобы освѣтить его положеніе и занимавшія его тогда мысли, привожу выдержки изъ писемъ его, отъ 8-го и 20-го января 1878 г. изъ Казанлыка и Адріанополя. Первое было напи-

сано тотчасъ по полученіи телеграммы изъ Петербурга, а второе—по подписаніи перемирія.

«Великому князю угодно было сообщить мнѣ телеграмму государя, въ которой его императорское величество соизволилъ милостиво выразить, что присутствіе мое здѣсь именно въ настоящую минуту считается наиболѣе необходимымъ. Это выраженіе довѣрія государева не могло не тронуть меня глубоко и не укрѣпить меня еще болѣе въ твердой рѣшимости сдѣлать съ своей стороны все возможное для выполненія воли государевой, посвятить на это весь мой посильный трудъ и малое умѣнье и принести въ жертву всякіе личные интересы и выгоды. Не знаю, какъ и въ какомъ смыслѣ разрѣшены тѣ коренные вопросы, которые истекаютъ изъ существа дѣла и которые я счелъ долгомъ изложить въ представленной мною запискѣ. Не знаю также, касается ли рѣшеніе государево временнаго моего здѣсь нынѣ пребыванія или будетъ мнѣ приказано оставаться здѣсь и въ будущемъ. Каково бы ни было это рѣшеніе, я подчиняюсь ему съ полнымъ забвеніемъ всего, касающагося лично меня и хотя бы даже въ моемъ умѣ остались бы сомнѣнія насчетъ будущаго» (8-го января).

Въ письмѣ отъ 20-го января князь Владиміръ Александровичъ писалъ:

«Съ одной стороны мнѣ еще неизвѣстны ни точная воля государя, ни то какимъ образомъ предрѣшены главные вопросы, на которые я позволилъ себѣ указать; мнѣ невозможно представить нынѣ никакихъ дальнѣйшихъ соображеній, хотя бы даже представленіе ихъ почему-либо оказалось необходимымъ; притомъ, излагая нынѣ мои мысли, при такой полной неизвѣстности, я рискую впасть въ ошибочное сужденіе по дѣлу, уже рѣшенному, чего я, конечно, желалъ бы избѣгнуть всѣми мѣрами, дабы не подать повода заподозрить меня въ упрямствѣ. Съ другой стороны, событія идутъ съ поразительною быстротою, и я невольно страшусь, что они опередятъ возможность своевременнаго принятія многихъ предварительныхъ мѣръ, настоятельно необходимыхъ для правильнаго и прочнаго обезпеченія въ будущемъ положенія и управленія императорскаго коммиссара, и обойтись безъ которыхъ окажется на дѣлѣ едва ли возможнымъ. Между прочимъ, кромѣ указанныхъ уже мною вопросовъ, необходимо точно и обстоятельно опредѣлить самый размѣръ коммиссарскихъ полномочій и предѣлы его власти. Притомъ, будущему коммиссару, задача котораго будетъ чисто политическаго свойства, необходимо, казалось бы, получить точную инструкцію, которою онъ могъ бы руководиться въ будущемъ по множеству вопросовъ—народныхъ, церковныхъ, организаціонныхъ и административныхъ. Ему необходимо также дополнить личный составъ чиновъ своего управленія не только лицами, предназначенными для общей администраціи, но еще и спеціальными по разнымъ спеціальнымъ отраслямъ управленія—по отраслямъ судебной, контрольной, желѣзнодорожной, шоссейной, телеграфной, горной, каменноугольной и проч., или, по крайней мѣрѣ, ему слѣдуетъ вступить въ Петербургѣ и Москвѣ въ надлежащее соглашеніе относительно постепеннаго выбора кѣмъ-либо и командированія этого рода чиновъ, въ Болгаріи на лицо не имѣющихся.

«Наконецъ, если бы государю угодно было возложить званіе коммиссара на меня, въ чемъ, впрочемъ, я не имѣю еще положительной увѣренности, то, независимо отъ настоящихъ чисто служебныхъ дѣлъ, мнѣ самому лично было

бы необходимо прибыть въ Россію на нѣсколько дней, хотя бы для самаго общаго и поверхностнаго учрежденія своихъ собственныхъ семейныхъ и имущественныхъ дѣлъ.

«Сколь ни сложны всѣ эти обстоятельства, тѣмъ не менѣе покуда шла война я, въ виду двойной службы, которую несъ при арміи, не помышлялъ даже и о кратковременномъ отпускѣ и не просилъ о немъ даже въ ту минуту, когда умиравшая мать моя настоятельно просила моего возвращенія хотя бы на одинъ день... Не вѣдая окончательныхъ рѣшеній его величества, я осмѣливаюсь вновь выразить самое твердое убѣжденіе, что будущему въ Болгаріи коммиссару необходимо испросить и получить подробныя личныя указанія въ Петербургѣ, по множеству самыхъ важныхъ вопросовъ, и заняться тамъ многими необходимыми предварительными распоряженіями. Съ другой стороны, если бы выборъ государя императора, паче чаянія, выпалъ бы на меня, я въ виду моихъ семейныхъ и имущественныхъ обстоятельствъ не предвижу возможности обойтись безъ кратковременной поѣздки въ Россію.

«Для такой, примѣрно шестинедѣльной, поѣздки удобнѣйшей минутой я смѣю считать нынѣшнюю или ту, которая послѣдуетъ между мирными переговорами генералъ-адъютанта Игнатьева въ главной квартирѣ и окончательнымъ рѣшеніемъ дѣла на европейскомъ конгрессѣ, котораго мы едва-ли избѣжимъ. Должность мою могъ бы временно править генералъ-лейтенантъ Анучинъ. Позволю себѣ для лучшаго разъясненія дѣла указать на примѣръ Польскихъ дѣлъ, весьма живо сохранившійся въ моей памяти и вашему высоко-пр—ству близко знакомый. Думаете ли вы, что покойный Николай Алексѣевичъ (Милютинъ) могъ бы завѣдывать этимъ дѣломъ успѣшно, если бы не были предварительно при его участіи и даже при участіи моемъ и покойнаго Самарина заранѣе разсмотрѣны и утверждены въ Петербургѣ положенія объ учредительномъ комитетѣ и другихъ тогдашнихъ мѣропріятіяхъ. А между тѣмъ дѣло Болгарское представляетъ по малой мѣрѣ не менѣе трудностей, чѣмъ Польское, и Николай Алексѣевичъ имѣлъ счастіе жить въ Петербургѣ при особѣ государя и лично пользоваться высочайшимъ руководствомъ... Казалось бы, что если здѣсь для Болгаріи, по самому роду дѣла, невозможно предварить составленіе подробныхъ положеній, тѣмъ не менѣе необходимо было бы установить и преподать къ руководству съ полною точностію нѣкоторыя общія и главныя начала.

«Кончаю слишкомъ длинное уже и безъ того письмо мое и передаю мою судьбу всецѣло на волю государя. По крайней мѣрѣ никому нельзя будетъ въ будущемъ обвинить меня въ томъ, что мною не указаны были заранѣе предстоящія затрудненія, и я съ спокойною совѣстью, хотя и съ тревожнымъ духомъ, могу встрѣтить ожидаемыя мною въ близкомъ будущемъ почти неизбѣжныя невзгоды.

«Что касается до личныхъ жертвъ, которыя могутъ быть отъ меня потребованы, то и послѣ печальнаго мною проведеннаго послѣдняго года, я съ радостью готовъ принести еще всякую новую личную жертву, которая можетъ быть угодна государю и полезна отечеству».

Первое изъ двухъ этихъ писемъ не было отправлено и даже не было окончено, а второе вполнѣ изготовленное должно было пойти съ курьеромъ, который везъ документы по перемирію. Письмо это помѣчено сперва 19-мъ января, но потомъ, цифра 19 передѣлана

на 20. Готовое къ отправленію, оно осталось въ бумагахъ князя Черкаскаго, потому что, въ самый моментъ его отправленія, получено было княземъ Владиміромъ Александровичемъ письмо военнаго министра отъ 27-го декабря 1877 г., которымъ генералъ Милютинъ увѣдомлялъ, что государь, вполнѣ соглашаясь съ заключеніемъ князя Черкаскаго о необходимости соединить въ Болгаріи власти гражданскую и военную въ однѣхъ рукахъ, изволитъ полагать «согласно и съ вашимъ мнѣніемъ, что лицо это должно быть избрано изъ числа высшихъ военныхъ чиновъ». Въ томъ же письмѣ прибавлялось:

«Но вмѣстѣ съ тѣмъ государь императоръ желаетъ, чтобы, до того времени когда выяснится будущая постановка Болгарскаго вопроса и пока продолжаются военныя дѣйствія, ваше сіятельство продолжали вашу полезную дѣятельность, какъ по завѣдыванію дѣлами гражданскаго управленія при особѣ главнокомандующаго, такъ и по даннымъ вамъ отъ Общества Краснаго Креста полномочіямъ. Его величество остается въ полной увѣренности, что подъ руководствомъ вашимъ не только будетъ продолжаемо постепенное водвореніе въ занятомъ нашими войсками краѣ временнаго управленія, но и выработаются основанія того будущаго политическаго и гражданскаго устройства, которое желательно даровать освобожденному русскимъ оружіемъ болгарскому народу. Государь императоръ полагается на ваши способности и патріотизмъ».

Князь Черкаскій отвѣчалъ немедленно.

«Письмо это вывело меня изъ томительной неизвѣстности и опредѣлило ясно будущій ходъ дѣла, въ которое я успѣлъ вложить если и мало знанія, то, по крайней мѣрѣ, добрую долю любви и добросовѣстнаго труда. Отнынѣ надѣюсь на его успѣхъ, будучи увѣренъ, что дѣло, созданное государемъ, вѣнчающее его славное царствованіе и довершающее историческую задачу его великихъ прародителей—Петра, Екатерины и въ Бозѣ почившаго императора Николая, передано будетъ въ вѣрныя, способныя и знающія руки. Самъ я почту себя счастливымъ исполнить свято волю его величества въ настоящемъ случаѣ, какъ постарался бы выполнить ее, по мѣрѣ крайняго разумѣнія и тогда, когда бы мнѣ было объявлено иное рѣшеніе государя. Убѣдительно прошу ваше высокопревосходительство благоволить повергнуть эти искреннѣйшія чувства мои и безыскуственное ихъ выраженіе къ августѣйшимъ стопамъ его императорскаго величества.

«Еще полнѣе и добросовѣстнѣе, если возможно, чѣмъ въ прежнее время, будутъ послѣдніе дни моего здѣсь пребыванія посвящены возложеннымъ на меня высочайшею волею временнымъ занятіямъ, и ничто, конечно, не будетъ мною опущено, что можетъ въ будущемъ сколько-нибудь облегчить дѣятельность лица, избраннаго довѣріемъ государя».

Подобное разъясненіе вопроса, ожидавшееся княземъ Черкаскимъ, по собственному его выраженію, «съ тревожнымъ духомъ», было большимъ ударомъ для его самолюбія и тѣмъ болѣе тягостнымъ,

что налагало на него тяжелую обязанность, подготовить все необходимое для будущаго политическаго и гражданскаго устройства создававшагося тогда княжества Болгарскаго, управленіе которымъ ввѣрялось однако не ему, а другому лицу. Суровый жребій выпалъ на долю князя Черкаскаго, но онъ былъ не изъ такихъ людей, которые при превратностяхъ судьбы впадаютъ въ малодушіе. Онъ забылъ о себѣ и рѣшительно принялся за остававшееся ему въ Болгаріи

Еще одно, послѣднее сказанье...

Къ сожалѣнію сказаніе это было дѣйствительно послѣднимъ... чего, конечно, никто не ожидалъ, ни самъ князь Владиміръ Александровичъ, ни его окружающіе.

Курьеръ, привезшій князю Черкаскому отвѣтное письмо военнаго министра, доставилъ соотвѣтственное извѣщеніе и главнокомандующему, но указаніе о предназначеніи на должность императорскаго коммиссара князя Дондукова-Корсакова, бывшаго тогда командиромъ 13-го армейскаго корпуса въ составѣ восточнаго отряда, получено только 8-го или 9-го февраля въ письмѣ государя отъ 26-го января.

Когда въ арміи получено было новое высочайшее повелѣніе, требовавшее, чтобы князь Черкаскій оставался на своемъ мѣстѣ до прибытія коммиссара, и ему самому сообщена была увѣренность государя, что подъ его руководствомъ «не только будетъ продолжаться постепенное водвореніе въ занятомъ нашими войсками краѣ временнаго управленія, но и выработаются основанія того будущаго политическаго и гражданскаго устройства, которое желательно даровать освобожденному русскимъ оружіемъ болгарскому народу» — всѣ прежнія недоразумѣнія и пререканія прекратились, и предложеніе князя Черкаскаго о немедленной замѣнѣ военнаго управленія за Балканами было принято безпрекословно, но съ тѣмъ ограниченіемъ, что гражданское управленіе не будетъ вводиться въ Адріанополѣ и тѣхъ ближайшихъ къ нему округахъ, которые и предполагаемыми условіями обсуждавшагося тогда мирнаго договора должны были остаться за Турціей. На остальномъ пространствѣ, входившемъ въ районъ, ограниченный демаркаціонными линіями,

должно было ввести новое гражданское управленіе на утвержденныхъ уже прежде основаніяхъ, примѣненныхъ въ санджакахъ: Тульчинскомъ, Тырновскомъ, Систовскомъ, Раховскомъ (Видинскомъ) и Софійскомъ.

Согласно прежде принятому порядку, оставлять санджаки въ ихъ старыхъ границахъ, гражданское управленіе за Балканами слѣдовало ввести въ двухъ санджакахъ—Филиппопольскомъ и Сливенскомъ, но такъ какъ они были раздѣлены между военными округами Филиппопольскимъ и Казанлыкскимъ и сохраненіе военнаго управленія на нѣкоторое еще время считалось необходимымъ, то и рѣшено было вводить гражданское управленіе сообразно границамъ не санджаковъ, а военныхъ округовъ, чѣмъ главнымъ образомъ и сохранялся порядокъ, учрежденный для обезпеченія движенія войскъ и ихъ тяжестей по линіи Шипка—Казанлыкъ и далѣе по желѣзной дорогѣ на Адріанополь.

При образованіи новыхъ санджаковъ положено было держаться прежнихъ нашихъ порядковъ, но теперь въ дѣлѣ введенія гражданскаго управленія рѣшилось принять участіе и высшее начальство арміи предоставленіемъ въ вѣдѣніе князя Черкаскаго: необходимаго числа военныхъ офицеровъ,—на первый разъ дали двадцать три человѣка преимущественно изъ гвардейскаго корпуса—и назначеніемъ въ каждый санджакъ нѣкоторыхъ частей войскъ исключительно въ распоряженіе губернаторовъ для охраненія въ краѣ порядка и поддержанія авторитета нашихъ властей, устанавливаемыхъ въ краѣ, бывшемъ только-что ареною жестокихъ преслѣдованій турокъ противу христіанъ и обратно.

Особенное вниманіе князя Черкаскаго обращалъ на себя Филиппольскій санджакъ, гдѣ военныя власти круто водворяли порядокъ, примѣняя крайне рѣшительныя мѣры. Можно было предвидѣть, что посылаемые туда чины гражданской администраціи встрѣтятъ тамъ немалыя затрудненія.

Въ докладѣ своемъ главнокомандующему отъ 1-го февраля 1878 г. [1]) князь Черкаскій просилъ:

---

[1]) Докладъ этотъ напечатанъ въ VII выпускѣ «Сборника офф. расп. и документовъ по Болгарскому краю».

*

1) Филиппопольскій санджакъ образовать, на первое время, изъ городовъ и округовъ этого санджака, бывшихъ въ вѣдѣніи генералъ-лейтенанта Столыпина.

2) Въ распоряженіе филиппопольскаго губернатора назначить на экстраординарные расходы по шести тысячъ рублей въ годъ.

3) Войти въ сношеніе съ начальникомъ полеваго штаба о предписаніи военному губернатору, генералъ-лейтенанту Столыпину, передать филиппопольскому губернатору всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя имъ собраны, на основаніи временнаго положенія о военномъ управленіи въ сихъ округахъ, какъ въ отношеніи военно-полицейскомъ, такъ и объ имуществахъ, принадлежащихъ бывшему турецкому правительству и оставленныхъ частными лицами, а равно и о тѣхъ хлѣбныхъ запасахъ, которые не переданы еще имъ въ интендантское вѣдомство.

4) Оставить въ вѣдѣніи новаго филиппопольскаго губернатора тѣхъ г.г. офицеровъ, которые состоятъ въ должностяхъ комендантовъ въ округахъ, прежде подчиненныхъ бывшему филиппопольскому военному губернатору, пока не представится возможности или отъкомандировать ихъ къ своимъ частямъ, или же просить объ окончательномъ назначеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ въ соотвѣтственныя по гражданскому управленію должности.

5) Поручить помощнику моему, генералъ-лейтенанту Анучину, съѣздить въ Филиппополь, для наблюденія за правильнымъ введеніемъ въ дѣйствіе гражданскаго управленія въ Филиппопольскомъ санджакѣ и образованіемъ надлежащаго личнаго административнаго состава въ самомъ Филиппополѣ и округахъ, а равно для возможнаго устраненія тѣхъ главнѣйшихъ затрудненій, которыя могутъ въ настоящихъ обстоятельствахъ встрѣтиться на мѣстахъ.

6) Увѣдомить начальника полеваго штаба, что, по волѣ вашего императорскаго величества, генералъ-лейтенантъ Столыпинъ освобождается отъ завѣдыванія гражданскими дѣлами.

7) За отсутствіемъ резервныхъ батальоновъ, предоставить немедленно же въ полное и постоянное распоряженіе филиппопольскаго губернатора, независимо отъ этапныхъ командъ и отъ гарнизона филиппопольскаго, собственно для нуждъ санджака, по крайней мѣрѣ, двѣ сотни казаковъ и одинъ батальонъ пѣхоты приблизительно въ полномъ комплектѣ, а въ случаѣ некомплекта—соотвѣтственно бо́льшее количество войска, для водворенія и сохраненія порядка въ краѣ, такъ какъ безъ этого самое введеніе гражданскаго управленія было бы немыслимо и не достигло бы цѣли.

8) Затѣмъ поручить начальникамъ военныхъ частей, расположенныхъ въ краѣ, оказывать во всѣхъ случаяхъ законное содѣйствіе губернатору.

Главнокомандующій написалъ на этомъ докладѣ «согласенъ» и приказалъ назначить въ распоряженіе губернатора двѣ сотни Донскаго казачьяго № 4-го полка и батальонъ пѣхоты отъ 31-й дивизіи.

Въ своемъ мѣстѣ было разсказано, что занятіе Филиппопольскаго санджака предполагалось еще въ іюлѣ 1878 г. и на должность губернатора предназначался генеральнаго штаба полковникъ Г. И. Бобриковъ, получившій потомъ особую командировку въ Сербію.

Такъ какъ въ февралѣ онъ порученія своего не окончилъ, то вмѣсто его филиппопольскимъ губернаторомъ назначенъ былъ вызванный княземъ Черкаскимъ изъ Петербурга полковникъ А. А. Шепелевъ, одинъ изъ самыхъ блестящихъ офицеровъ генеральнаго штаба [1]). Сборы А. А. Шепелева нѣсколько затянулись, а тутъ заболѣлъ князь Черкаскій, и моя поѣздка въ Филиппополь не состоялась. Опасенія князя Черкаскаго относительно недоразумѣній, могущихъ встрѣтиться въ этомъ городѣ — отчасти оправдались. 13-го февраля полковникъ Шепелевъ прибылъ туда и, явясь къ генералу Столыпину, предъявилъ приказъ о своемъ назначеніи и просилъ о сдачѣ дѣлъ и управленія. Генералъ Столыпинъ не рѣшился на это, такъ какъ еще не имѣлъ предписанія полеваго штаба, и вошелъ съ представленіемъ—слѣдуетъ ли ему сдавать должность прибывшему губернатору? 18-го февраля послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ, до полученія котораго правильность отношеній между гражданскими и военными властями не могла установиться на прочныхъ основаніяхъ. Всю вину въ этомъ надо отнести къ полевому штабу; онъ 18 дней не сообщалъ генералу Столыпину повелѣнія главнокомандующаго несмотря на то, что между Адріанополемъ и Филиппополемъ существовали телеграфъ и желѣзная дорога, переѣздъ по которой требовалъ всего нѣсколькихъ часовъ.

Сливенскій санджакъ образованъ по докладу отъ 10-го февраля 1878 г. Онъ долженъ былъ состоять изъ всѣхъ входящихъ въ него семи округовъ. Губернаторомъ назначенъ былъ начальникъ Казанлыкскаго военнаго округа, генеральнаго штаба полковникъ Ильяшевичъ, которому сверхъ того предписывалось: во-первыхъ—ввести гражданское управленіе въ округахъ Казанлыкъ, Карлово (нахія), Чирпанъ и Ески-Загра—составлявшихъ не упраздненный еще Казанлыкскій округъ—впредь до отчисленія ихъ по принадлежности къ Филиппопольскому санджаку и во-вторыхъ — оставаться въ Казанлыкѣ до того времени, пока не будетъ уничтоженъ Казанлык-

---

[1]) Потомъ онъ былъ: членомъ международной коммиссіи въ Румеліи, состоялъ при князѣ Александрѣ Болгарскомъ, былъ военнымъ агентомъ въ Вѣнѣ и утонулъ въ Баку, куда прибылъ съ генералъ-адъютантомъ княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ, при которомъ занималъ должность правителя канцеляріи по гражданскому управленію Кавказа.

скій военный округъ и не разрѣшено будетъ ему переѣхать въ Сливно [1]). Въ распоряженіе его, кромѣ бывшихъ уже въ его вѣдѣніи войскъ, назначена сотня казаковъ и батальонъ пѣхоты. Тогда же предрѣшено было присоединить къ Сливенскому санджаку округа Киркъ-Килиса и Кизилъ-Агачъ, отходившіе по предполагаемому договору къ Болгаріи изъ состава Адріанопольскаго санджака.

Ко времени образованія Сливенскаго санджака съ достаточною ясностью выказались нѣкоторые недостатки условій заключеннаго нами съ турками перемирія. Въ § 7 этого документа было сказано: «въ провинціяхъ, занимаемыхъ русскими или союзными войсками, въ которыхъ во время подписанія этихъ условій будутъ находиться турецкія административныя власти, онѣ должны остаться при исполненіи своихъ обязанностей для охраненія спокойствія и порядка въ населеніи. Они будутъ исполнять, по мѣрѣ возможности, требованія русскихъ военныхъ властей». Такъ какъ именно въ составъ Сливенскаго санджака входили такія мѣстности, то губернатору Ильяшевичу предложено было дѣйствовать въ подобныхъ случаяхъ со всевозможною осторожностью и не иначе, какъ по совѣщаніи съ военными властями, устраняя всякіе поводы къ столкновеніямъ и оставляя за симъ дѣйствовать военныя власти, требованія коихъ, по смыслу той же 7-й статьи, обязательны для остающейся на мѣстахъ турецкой администраціи. Къ счастью, турецкія власти бѣжали изъ Сливно и Ямболи, а въ другихъ мѣстахъ Сливенскаго санджака не встрѣтилось съ ихъ стороны препятствій. Не то было въ Виддинѣ, Варнѣ, Шумлѣ и другихъ мѣстахъ Сѣверной Болгаріи. Тамъ § 7-й повелъ ко многимъ совершенно напраснымъ усложненіямъ. Произошло это оттого, что о содержаніи § 7-го не было спрошено мнѣнія гражданскаго начальства, во время проектированія условій перемирія.

---

[1]) Докладъ 10-го февраля напечатанъ въ VII вып. «Сборника офф. расп.» Казанлыкскій округъ упраздненъ по докладу моему отъ 12 марта (Сбор. вып. VII, стр. 16), а разрѣшеніе полковнику Ильяшевичу переѣхать въ Сливно дано 6 апрѣля. Особой сотни казаковъ и батальона, сливенскій губернаторъ не получилъ, такъ какъ 20-го апрѣля главнокомандующій призналъ неудобнымъ разбрасывать войска и указалъ губернатору, въ случаѣ надобности, обращаться за содѣйствіемъ къ стоящимъ въ санджакѣ войскамъ.

Сдѣланными распоряженіями объ учрежденіи Забалканскихъ санджаковъ окончены были дѣйствія по введенію гражданскаго управленія на всемъ пространствѣ будущей Болгаріи, гдѣ мы могли распоряжаться самостоятельно и съ увѣренностью, что вводимъ новые порядки въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя уже никогда не возвратятся подъ владычество турокъ.

Засимъ на первый планъ выступалъ вопросъ о государственномъ устройствѣ не только занятаго нашими войсками края, но и будущаго княжества Болгарскаго.

Сдача Османа-паши и быстрые успѣхи нашего оружія, по направленію къ Софіи, несомнѣнно передавали въ руки Россіи будущее устройство Болгаріи. Объ этомъ недостаточно уже было только предполагать, необходимо было приступить къ окончательнымъ по этому предмету соображеніямъ, дабы не быть застигнутымъ врасплохъ готовившимися событіями, которыя, какъ и оказалось послѣ, слѣдовали одно за другимъ съ поразительною быстротою.

Поэтому, еще въ Боготѣ, въ первыхъ числахъ декабря 1877 г. князь Черкаскій приступилъ къ соображеніямъ о будущемъ устройствѣ Болгаріи и велъ о семъ со мною долгія и частыя бесѣды. Результатомъ этихъ совѣщаній было письменное изложеніе, какъ отдѣльныхъ мыслей о томъ или другомъ предметѣ, такъ и составленіе окончательныхъ положеній о центральномъ управленіи Болгаріи на время оккупаціи ея нашими войсками и приготовленія ко введенію въ ней національнаго правительства. Приступая нынѣ къ изложенію всѣхъ этихъ соображеній, я руководствуюсь различными составленными мною (съ декабря 1877 по конецъ февраля 1878 г.) записками, проектами и положеніями, одобренными княземъ Черкаскимъ и представленными потомъ или имъ самимъ великому князю главнокомандующему, или мною въ министерство иностранныхъ дѣлъ, гдѣ мои записки были отлитографированы.

За послѣднія двадцать лѣтъ, до войны 1877 г., болгарская народность заявила такую живучесть и силу, что народившійся «Болгарскій вопросъ» приковалъ къ себѣ вниманіе Европы и привелъ Россію, съ оружіемъ въ рукахъ, въ самое сердце Турціи для обезпеченія Болгаріи самостоятельнаго существованія.

Понятно, что при такомъ возникновеніи болгарскаго вопроса,

среди самаго народа, народъ этотъ заслуживалъ, чтобы, при дальнѣйшемъ устройствѣ его государственнаго быта, были искренно приняты къ сердцу тѣ проявленія національнаго духа, которыя помогли ему заявить о себѣ и получили уже фактическое осуществленіе въ тѣсныхъ предѣлахъ дѣятельности, предоставлявшейся болгарамъ ихъ угнетателями, турками.

Было ясно, что, приступая къ устройству гражданскаго строя Болгаріи, прежде всего слѣдовало обратить вниманіе на все хорошее, тамъ уже существовавшее, и энергически поддержать его. Затѣмъ ввести дѣйствительно необходимое для водворенія въ странѣ порядка, правосудія и правильнаго сбора и употребленія финансовыхъ средствъ края, а все остальное, безъ чего можно обойтись на первое время, отложить до той поры, когда юное Болгарское княжество начнетъ жить своею жизнью, получивъ свободу и начатки общественнаго и государственнаго устройства изъ рукъ великодушнаго Царя-Освободителя.

Хорошимъ изъ проявленій общественнаго и государственнаго быта въ Болгаріи слѣдовало признать: во-первыхъ—устройство духовной части и во-вторыхъ—школьное дѣло.

Сохраненіемъ вѣры православной, языка и народности во все время пятивѣковаго рабства, болгары главнымъ образомъ и прежде всего обязаны своему духовенству. Не будучи особенно образованнымъ, оставаясь даже въ большинствѣ случаевъ малограмотнымъ, оно жило одною жизнью съ народомъ, дѣлило его радости и горе, обнадеживало лучшею будущностью и, во время неистовства турокъ, принимало на себя первые удары изувѣровъ, не скрываясь отъ врага, а встрѣчая его впереди своихъ прихожанъ. Духовенство болгарское сослужило службу своему отечеству. Оно любимо и уважаемо народомъ. Оно имѣетъ несомнѣнное вліяніе на народъ.

Такимъ положеніемъ духовенства слѣдовало воспользоваться. Экзархатъ предполагалось перевести въ столицу княжества [1]), предоставя въ его распоряженіе достаточныя средства, для возобновленія разрушенныхъ церквей и монастырей, снабженія ихъ цер-

---

[1]) Болгарія имѣлась въ виду цѣлокупная, въ границахъ Санъ-Стефанскаго договора, а не урѣзанная Берлинскимъ конгрессомъ.

ковными вещами, открытія духовныхъ училищъ и улучшенія нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія духовенства.

Вмѣшательство въ дѣла духовныя признавалось вреднымъ, переустройство внутреннихъ порядковъ въ болгарской церкви — предполагалось всецѣло предоставить усмотрѣнію самого духовенства. Представители гражданской власти должны были во всемъ этомъ участвовать только доставленіемъ полезныхъ свѣдѣній, указаніемъ лучшихъ способовъ къ выполненію той или другой реформы и принятіемъ внѣшнихъ мѣръ къ охраненію православія.

Такъ какъ отношенія болгарскаго духовенства къ греческому могли подать поводъ къ разнымъ столкновеніямъ, то нашимъ властямъ предложено было возможно меньшее вмѣшательство въ подобныя дѣла (такъ было въ Тульчинскомъ санджакѣ) и вмѣшавшись дѣйствовать въ качествѣ благоразумнаго совѣтника, а не полновластнаго распорядителя.

Кромѣ того, высшее духовенство полагалось привлечь къ участію въ управленіи краемъ, назначеніемъ всѣхъ епархіальныхъ архіереевъ, по занимаемымъ ими мѣстамъ, членами совѣта, который полагалось поставить въ главѣ управленія страною. Вызовъ ихъ къ присутствованію въ совѣтѣ полагалось производить по-очереди, по соглашенію съ экзархомъ.

Предоставляя такое выдающееся положеніе духовенству, князь Черкаскій тѣмъ не менѣе рѣшился безповоротно и при первой же возможности покончить съ тѣмъ безобразнымъ способомъ, которымъ, при турецкомъ правительствѣ, обезпечивалось содержаніе высшаго духовенства. Оно содержалось сборами съ вѣнчилъ или такъ называемою «владычниною». Каждая брачная пара облагалась сборомъ, отъ 5 до 9 піастровъ въ годъ. Сообразно населенію, владычнина была различная въ разныхъ частяхъ страны, но распредѣленіе ея всюду было одинаково. Одна треть денежныхъ поступленій съ вѣнчилъ отчислялась въ пользу экзарха, другая треть—въ пользу епархіальнаго архіерея и остальная—на консисторскіе расходы, содержаніе училищъ и прочія духовныя потребности епархій. Сборъ этотъ, тягостный для населенія и по существу, дѣлался для него вполнѣ ненавистнымъ по способу взиманія. Въ виду уклоненія жителей отъ своевременной и безнедоимочной уплаты владычнины,

архіереи обращались къ содѣйствію турецкихъ властей, и тѣ посылали за сборомъ своихъ заптіевъ. Такой порядокъ, обременительный для жителей и унизительный для болгарскаго населенія, служилъ нерѣдко средствомъ для интригъ греческаго духовенства. Во время распрей съ возникавшимъ и постепенно усиливавшимся Болгарскимъ экзархатомъ, богатые архіереи-греки прощали владычнину, а какъ послѣдовать этому примѣру для болгаръ-епископовъ было невозможно, то греки выставляли народу ихъ алчность, чѣмъ и привлекали многихъ на свою сторону и вообще сѣяли въ странѣ смуту.

Подобные порядки стали извѣстны гражданскому управленію съ первыхъ же шаговъ его дѣятельности въ Болгаріи и теоретически были осуждены немедленно, но принятіе какихъ-либо противъ этого мѣръ считалось преждевременнымъ, такъ какъ до перехода за Балканы не было несомнѣнной увѣренности въ возникновеніи свободной Болгаріи, а потому, при неудачномъ оборотѣ дѣлъ, распоряженіе о прекращеніи сбора владычнины черезъ полицію могло только раздражить страсти, не принеся существенной пользы. Заключеніе перемирія, за полнымъ разгромомъ турецкихъ армій, совершено измѣняло дѣло, и распоряженіемъ, принятымъ изъ Адріанополя, князь Черкаскій предложилъ губернаторамъ немедленно и навсегда прекратить подобный способъ сбора владычнины, запретивъ всѣмъ административнымъ властямъ назначать для этого полицейскихъ чиновъ или какихъ бы то ни было иныхъ лицъ. Сообщая о такомъ распоряженіи архіереямъ, князь Владиміръ Александровичъ просилъ ихъ видѣть въ этой мѣрѣ искреннее его желаніе содѣйствовать возвышенію достоинства и увеличенія ихъ престижа, предваряя, что никто ближе его не принимаетъ къ сердцу интересы духовенства, обезпечить бытъ котораго онъ надѣется, въ недалекомъ будущемъ, назначеніемъ — на первое время высшимъ епархіальнымъ властямъ — постояннаго денежнаго жалованья изъ казны княжества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для необходимыхъ соображеній, онъ просилъ сообщить ему о дѣйствительномъ размѣрѣ доходовъ, доставляемыхъ владычниной.

Незадолго до принятія такой мѣры, князь Черкаскій бесѣдовалъ съ пріѣзжавшимъ въ Адріанополь сливенскимъ митрополитомъ Серафимомъ, котораго и просилъ войти въ сношеніе съ прочими архіе-

реями и разъяснить имъ сущность дѣла. При этомъ князь не преминулъ передать митрополиту и свои соображенія относительно включенія всѣхъ епархіальныхъ архіереевъ въ число членовъ совѣта. Серафимъ, конечно, не могъ отказаться отъ предложеннаго ему посредничества и, какъ я убѣдился потомъ въ Санъ-Стефано,—совѣщался съ своими коллегами. Предположенія князя Черкаскаго о замѣнѣ владычнины постояннымъ денежнымъ содержаніемъ впослѣдствіи осуществилось.

Положеніе школьнаго дѣла въ Болгаріи тоже было благопріятно. Заведеній средняго курса было мало, но зато, народныхъ школъ—достаточно. Въ санджакахъ—Филиппопольскомъ, Сливенскомъ, Тырновскомъ и Рущукскомъ, рѣдкое село оставалось безъ начальной школы. Въ городахъ и во многихъ мѣстечкахъ, кромѣ начальныхъ школъ, существовали, подъ именемъ «главныхъ», и училища съ четырьмя, пятью и даже шестью классами.

Всѣ эти школы, безъ исключенія, своимъ началомъ и существованіемъ обязаны были частной иниціативѣ и полному къ нимъ сочувствію мѣстнаго общества, во всѣхъ слояхъ котораго было большое стремленіе къ обученію дѣтей.

Съ началомъ войны, всѣ почти школы закрылись. Зданія многихъ изъ нихъ обращены были подъ военныя больницы (гимназія въ Габровѣ) или на другія временныя потребности, а многіе изъ учителей поступили въ войска переводчиками и даже охотниками въ ополченіе; нѣкоторые изъ нихъ заняли мѣста въ новомъ гражданскомъ управленіи.

Съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій предполагалось оказать городскимъ и сельскимъ обществамъ полное содѣйствіе къ возобновленію ученія въ закрытыхъ школахъ и увеличенію ихъ числа, держась прежняго порядка ихъ открытія т. е. предоставя все частной иниціативѣ. На устройство училищъ среднихъ и духовныхъ семинарій предполагалось затратить, если будетъ неизбѣжно нужно, и казенныя средства. Засимъ, на первое время, въ виду того, что мѣстныя школы еще долгое время не будутъ давать полнаго образованія ни средняго, ни высшаго, ни техническаго, ни наконецъ спеціально военнаго, полагалось создать на средства страны большое

число стипендій и организовать правильную высылку въ Россію молодыхъ людей для образованія въ русскихъ гимназіяхъ, университетахъ и военныхъ заведеніяхъ. Наблюденіе за стипендіатами, по возможности сосредоточенными въ нѣсколькихъ только пунктахъ (напр., Петербургъ, Москва, Кіевъ, Одесса), полагалось возложить на образованныхъ болгаръ, которыхъ и тогда было немало въ нашемъ учебномъ вѣдомствѣ. Для руководства, на этихъ началахъ, училищнымъ дѣломъ былъ вызванъ въ Болгарію профессоръ Харьковскаго университета—Дриновъ, болгаринъ родомъ, который и занимался дѣятельно собираніемъ необходимыхъ по этой части матеріаловъ и свѣдѣній. Для лучшаго знакомства съ училищнымъ дѣломъ на практикѣ, профессоръ Дриновъ, съ его согласія, назначенъ былъ вице-губернаторомъ въ Софію, что давало ему возможность непраздно ожидать времени вступленія въ исполненіе предназначенной ему должности въ центральномъ управленіи.

Признавъ серьезныя достоинства устройства въ турецкой Болгаріи организаціи православнаго духовенства и школьнаго дѣла и найдя сообразнымъ съ пользою дѣла ограничиться по этимъ частямъ только поддержаніемъ существовавшихъ порядковъ всѣми зависящими отъ правительства средствами, князь Черкаскій составилъ себѣ совершенно ясный взглядъ на дѣло введенія въ Болгарскомъ княжествѣ правильнаго государственнаго устройства и полагалъ осуществить его на слѣдующихъ основаніяхъ [1]):

1) Мѣстное самоуправленіе. Сельскимъ и городскимъ обществамъ и населенію отдѣльныхъ округовъ предоставить полное самоуправленіе посредствомъ учрежденія совѣтовъ, состоящихъ изъ выборныхъ лицъ безъ различія народностей и вѣроисповѣданій. Мысль эта уже была осуществлена возобновленіемъ въ селеніяхъ совѣтовъ старѣйшинъ, а въ городахъ и округахъ (казы)—устройствомъ городскихъ и окружныхъ управительныхъ совѣтовъ, въ которые почетными членами вошли представители всѣхъ вѣроисповѣданій. Совѣтамъ этимъ предоставлено широкое управленіе всѣми хозяйственными дѣлами и наблюденіе за распредѣленіемъ и сборомъ налоговъ.

2) Сѣть административно-полицейскихъ властей. Оставляя по возможности безъ измѣненія границы существовавшихъ при турецкомъ правительствѣ санджаковъ и округовъ, подчинить ихъ въ административномъ

---

[1]) Слѣдующія за симъ 10 статей вошли въ составъ записки, написанной мною для представленія въ министерство иностранныхъ дѣлъ, гдѣ она съ двумя другими была отлитографирована.

отношеніи, на первое время, русскимъ властямъ въ лицѣ губернаторовъ (мутесарифы) и начальниковъ округовъ (каймакамы), давъ имъ въ помощь вольнонаемную, изъ мѣстныхъ жителей, полицейскую стражу по разсчету четырехъ стражниковъ (треть конныхъ) на каждую тысячу душъ населенія.

3) Судебная часть. а) Предоставить населенію немедленно, за появленіемъ среди его русскихъ войскъ, скорый и близкій судъ, посредствомъ возобновленія прежнихъ судебныхъ совѣтовъ, долженствующихъ руководствоваться при рѣшеніи дѣлъ или существующими законами, или обычнымъ правомъ за отсутствіемъ права письменнаго,

и б) подготовить проекты преобразованія судебной части на болѣе прочныхъ основаніяхъ.

4) Милиція. Устроить національную милицію, распространивъ воинскую повинность на все населеніе края безъ различія народности и вѣроисповѣданія и ограничивъ военную службу возможно короткимъ срокомъ. Въ составъ милиціи полагалось ввести существовавшее при дѣйствующей арміи болгарское ополченіе, доведя его до полнаго штатнаго состава дружинъ (12), считая по тысячѣ человѣкъ въ каждой. Для развитія молодежи и облегченія ея обученія въ милиціи, предполагалось образовать во всемъ краѣ военныя стрѣлковыя общества и общественныя стрѣльбища, насколько это возможно было совмѣстить съ крайне желательнымъ уничтоженіемъ мусульманскаго обычая носить оружіе.

5) Учрежденіе совѣта. Для руководства текущими дѣлами, въ помощь императорскому коммиссару, предполагалось образовать совѣтъ управленія княжества Болгарскаго изъ лицъ русскихъ и мѣстныхъ. Самый край предполагалось раздѣлить на два генералъ-губернаторства.

6) Собраніе силъ страны. Обезпечивъ въ краѣ спокойствіе, порядокъ и тишину, устроивъ полицію, сѣть административныхъ властей и милицію, обезпечивъ на первое время правильное отправленіе правосудія, предполагалось, при посредствѣ вышеупомянутыхъ хозяйственныхъ, административно-полицейскихъ и судебныхъ органовъ, привести въ извѣстность и собрать нравственныя и матеріальныя силы страны, устроить финансы и кредитъ.

7) Собраніе нотаблей и законъ о выборахъ. По введеніи во всемъ краѣ первоначальнаго управленія на вышеприведенныхъ основаніяхъ—предполагалось собрать нотаблей въ лицѣ представителей духовенства, предсѣдателей управительныхъ и судебныхъ совѣтовъ и другихъ вліятельныхъ лицъ для обсужденія вопроса о выборномъ законѣ. Право избирать предполагалось предоставить всѣмъ безъ различія гражданамъ, достигшимъ извѣстнаго возраста (25 лѣтъ), имѣющимъ недвижимую собственность или платящимъ какія-либо казенныя подати. Право быть избраннымъ имѣлось въ виду поставить въ зависимость отъ образованія и владѣнія собственностью. Такъ полагалось, что избранными могутъ быть лица духовныя, учителя и владѣльцы недвижимыхъ имуществъ по установленному цензу для различныхъ мѣстъ края. Неграмотнымъ не предоставлялось бы права быть выбираемыми.

8) Собраніе представителей, избранныхъ населеніемъ. По изданіи закона о выборахъ, предполагалось приступить къ созыву представителей всего края, правильно выбранныхъ, для разработки различныхъ проектовъ будущаго устройства всѣхъ частей управленія.

9) Переходъ къ личному составу администраціи изъ мѣстныхъ жителей. Такъ какъ каждому губернатору назначены были

вице-губернаторы изъ мѣстныхъ уроженцевъ, то при переходѣ отъ администраціи временной къ постоянной - полагалось губернаторовъ изъ русскихъ замѣнить вице-губернаторами-болгарами, уже ознакомленными съ дѣлами и могущими остаться при томъ содержаніи, которое опредѣлено для нихъ штатами по должности вице-губернатора. Въ округахъ имѣлось въ виду постепенно сокращать число начальниковъ округовъ изъ русскихъ офицеровъ, соединяя по два округа подъ управленіемъ одного начальника съ назначеніемъ ему помощника изъ болгаръ съ тѣмъ, чтобы помощники эти замѣнили потомъ должности начальниковъ округовъ. Этимъ порядкомъ достигнуто было бы полное замѣщеніе всѣхъ административно-гражданскихъ должностей болгарами.

10) К н я з ь. Переходъ къ національному правительству, то-есть къ выбору князя, полагалось возможнымъ сдѣлать не ранѣе, какъ черезъ годъ или полтора послѣ заключенія мира.

Какъ извѣстно, 19-го февраля 1878 г. заключенъ Санъ-Стефанскій договоръ и въ тотъ же день, утромъ, умеръ князь В. А. Черкаскій. Совпаденіе этихъ обстоятельствъ даетъ чрезвычайно важное значеніе полному и по возможности подробному выясненію всего того, что было сдѣлано гражданскимъ управленіемъ арміи во время войны, т. е. въ теченіе десяти мѣсяцевъ, и чѣмъ теоретическія соображенія князя Черкаскаго объ устройствѣ Болгаріи выразились на практикѣ. Нижеприводимый перечень всего сдѣланнаго показываетъ какъ полноту и обширность, такъ и строго систематическую послѣдовательность плодотворныхъ трудовъ управлявшаго гражданскою частью на послѣднемъ поприщѣ его дѣятельности, весьма мало у насъ извѣстной и совсѣмъ не оцѣненной.

А. По части административно-полицейской. На точномъ основаніи утвержденнаго великимъ княземъ главнокомандующимъ 7-го іюля 1877 г. «проекта главныхъ основаній гражданскаго управленія въ санджакахъ и округахъ Болгарскаго края», правильное гражданское управленіе было введено (отчасти вводилось) въ 8-ми санджакахъ и 56 округахъ. Слѣдующая таблица показываетъ названіе учрежденныхъ санджаковъ, числа въ нихъ округовъ и фамиліи губернаторовъ и вице-губернаторовъ.

Названіе санджаковъ.	Число округовъ.	Губернаторы.	Вице-губернаторы.
1. Систовскій	3.	Ген.-м. Золотаревъ.	Г. Балабановъ.
2. Рущукскій	7.		Г. Доскаловъ.
3. Тульчинскій	10.	Над. сов. Бѣлоцерковецъ.	Полк. Юргенсонъ.
4. Раховскій (Виддинскій) .	8.	Ст. сов. Тухолка.	Н. С. Станишевъ.

Названіе санджаковъ.	Число округовъ.	Губернаторы.	Вице-губернаторы.
5. Тырновскій	7.	Кам.-юнк. Щербинскій.	Г. Драганъ-Цанковъ.
6. Софійскій	8.	Д. с. с. Алабинъ.	Проф. Дриновъ.
7. Филиппопольскій	7.	Полк. Шепелевъ.	Кол. сов. Ивановъ.
8. Сливенскій	6.	Полк. Ильяшевичъ.	(вакансія).

Варненскій санджакъ не былъ еще образованъ потому, что лежалъ за демаркаціонной линіей, и въ Адріанополѣ и его окрестностяхъ введено было исключительно военное управленіе [1]).

Всѣ губернаторы были русскіе, а всѣ вице-губернаторы, за исключеніемъ Тульчинскаго, — болгары. Изъ болгаръ же къ каждому губернатору были назначены особые совѣтники (по одному) по финансовымъ дѣламъ.

Начальники округовъ назначены были изъ командированныхъ въ распоряженіе князя Черкаскаго военныхъ офицеровъ, и затѣмъ всѣ второстепенныя и нисшія должности въ управленіяхъ санджаковъ и округовъ (за единичными исключеніями) и всѣ безъ исключенія въ совѣтахъ были замѣщены по назначенію и выбору (въ совѣтахъ) изъ мѣстныхъ жителей. Для подготовленія къ гражданской службѣ кандидатовъ изъ Болгаръ, еще въ Кишиневѣ, а потомъ въ Плоэштахъ, приглашено было нѣсколько молодыхъ людей, знакомыхъ съ русскимъ языкомъ, которые, по мѣрѣ образованія санджаковъ, поступали въ распоряженіе губернаторовъ, получившихъ возможность образовать изъ нихъ соотвѣтственный обстоятельствамъ комплектъ переводчиковъ. Впослѣдствіи, для той же цѣли, мѣстные уроженцы прикомандировывались къ канцеляріи гражданскаго вѣдомства, гдѣ, получая опредѣленное содержаніе (не свыше 80 р. въ мѣсяцъ), готовились къ службѣ. Весьма охотно на гражданскія должности въ санджакахъ и округахъ поступали учителя закрывавшихся во время войны сельскихъ и городскихъ училищъ. Какъ ни велика была приносимая ими польза, но разсчитывать на ихъ удержаніе на службѣ по заключеніи мира не только было невозможно,

---

[1]) Впослѣдствіи, уже при императорскомъ коммиссарѣ, гражданское управленіе въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, введено было и въ Адріанопольской губерніи.

но и нежелательно. Ознакомленные со школьнымъ дѣломъ, учителя, разумѣется, были болѣе полезны въ школахъ, нежели въ разныхъ гражданскихъ канцеляріяхъ. Съ осени 1878 г. слѣдовало ожидать возобновленія прежнихъ школъ и слѣдовательно ухода учителей изъ администраціи, а потому, чтобы приготовить имъ замѣстителей изъ мѣстныхъ уроженцевъ, князь Черкаскій рѣшился открыть въ Филиппополѣ «Практическіе курсы русскаго языка» на 40 стипендіатовъ и неограниченное число вольноприходящихъ. Попечительство надъ курсами было ввѣрено мѣстному губернатору, ближайшее же руководство предоставлено—начальнику курсовъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка, капитану Флейшеру и инспектору классовъ болгарину Начевичу, извѣстному потомъ политическому дѣятелю. На курсахъ, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, перебывало до 150 молодыхъ болгаръ, изъ коихъ на экзаменахъ, произведенныхъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, 76 чел. оказались весьма достаточно усвоившими русскій языкъ. Большинство изъ нихъ поступило въ военную службу во вновь формировавшееся народное войско. Вслѣдъ за экзаменами Филиппопольскіе курсы были переведены въ Софію, но уже съ преобразованіемъ въ юнкерское училище подъ завѣдываніемъ того же капитана Флейшера.

Для руководства вновь учрежденнымъ въ краѣ гражданскимъ властямъ, составлены, и съ утвержденія главнокомандующаго, введены въ дѣйствіе:

а) положеніе о гражданскомъ управленіи въ санджакахъ и округахъ (со штатами);

б) положеніе и штаты выборныхъ управительныхъ совѣтовъ въ округахъ и городахъ Болгаріи;

в) временныя правила для образованія въ Болгаріи полицейской вольнонаемной стражи и вооруженныхъ карауловъ изъ мѣстныхъ жителей, и

д) правила о подводной повинности съ населенія для удовлетворенія потребностей войскъ и для проѣзда отдѣльныхъ лицъ, слѣдующихъ по дѣламъ службы.

Всѣ инструкціи, по гражданскому управленію изданныя, были напечатаны отдѣльными выпусками «Сборника оффиціальныхъ распоряженій и документовъ по Болгарскому краю».

Устроенное княземъ Черкаскимъ первонально исключительно для надобностей арміи почтовое сообщеніе, весьма скоро стало служить и для выгодъ администраціи. Всѣхъ почтовыхъ станцій было 21 съ 320 лошадьми, законтрактованными въ окрестностяхъ Одессы у нѣмецкихъ колонистовъ, доставившихъ свои повозки и сбрую и принявшихъ на себя содержаніе ямщиковъ и лошадей. Соединяя главную квартиру съ базой и тыломъ, гражданская почта образовала три тракта: а) Систовъ—Рущукъ—Тырновъ, Шипка и Ени-Загра, гдѣ начиналась желѣзная дорога; б) Систовъ—Плевна и в) Плевна—Габрово—Шипка. Кромѣ того распоряжено было устройство тракта отъ Ени-Загры до Бургаса на Черномъ морѣ, чтобы получать почту изъ Имперіи моремъ помимо Константинополя. Почтовыя конторы были въ Систовѣ и Тырновѣ.

Такимъ образомъ не только была создана гражданская администрація въ 8 санджакахъ и 56 округахъ, но для руководства ея были составлены и изданы всѣ необходимыя для нея инструкціи и положенія. Огромный край, занятый нашею побѣдоносною арміей, былъ въ твердыхъ рукахъ гражданской власти, по требованію которой, въ каждое данное время, на всемъ пространствѣ страны, можно было осуществить ту или другую мѣру, вызываемую нуждами арміи, политическими или экономическими соображеніями.

Б. По части судебной. По мѣрѣ занятія нашими войсками Болгаріи, вездѣ возобновлены дѣйствія сельскихъ и городскихъ совѣтовъ, въ составъ коихъ, за уходомъ мусульманъ, поступали почти исключительно христіане. Возстановленные совѣты дѣйствовали прежнимъ порядкомъ, но для привлеченія въ нихъ болѣе надежныхъ лицъ составлены были штаты, по которымъ членамъ судебныхъ совѣтовъ назначено содержаніе наравнѣ съ членами управительныхъ совѣтовъ.

Для сужденія лицъ, предаваемыхъ суду военному, въ городахъ Систовѣ и Тырновѣ были учреждены отдѣльные полевые суды, для дѣйствія которыхъ главнокомандующимъ утверждены 9-го августа 1877 г. временныя правила.

Удовлетворивъ этимъ насущнымъ потребностямъ арміи и населенія, князь Черкаскій обратилъ особое вниманіе на составленіе проектовъ для необходимаго переустройства и улучшенія судебной

части въ Болгаріи. Осуществить эти преобразованія полагалось немедленно по составленіи проектовъ положеній, не ожидая организаціи въ княжествѣ національнаго правительства, такъ какъ существовавшее въ Болгаріи при туркахъ судебное устройство было до такой степени неудовлетворительно, что требовало неотложной реформы въ виду состоявшейся замѣны мусульманскаго режима христіанскимъ.

Признавая за этимъ дѣломъ чрезвычайную важность, князь Черкаскій, еще въ Петербургѣ, пригласилъ для завѣдыванія судебною частью вполнѣ компетентное лицо—члена консультаціи при министерствѣ юстиціи, дѣйст. стат. сов. Лукьянова (съ 1879 г. сенаторъ), которому тотчасъ же по прибытіи, въ половинѣ іюля 1877 г., въ Тырново и поручено заняться соображеніями по судебной реформѣ. Подъ его предсѣдательствомъ была составлена особая юридическая коммиссія, въ составъ коей вошли: профессоръ Новороссійскаго университета Богишичъ [1]), стат. сов. Тухолка, товарищъ прокурора Полтавскаго окружнаго суда Теохаровъ (родомъ болгаринъ) и исправ. должн. юрисконсульта при нашей миссіи въ Константинополѣ тит. сов. Каченовскій. Коммиссія основалась въ Систовѣ, откуда предсѣдатель ѣздилъ въ Тульчинскій санджакъ.

Благодаря тому, что Тульчинскій санджакъ былъ занятъ нами почти во всемъ его объемѣ и весьма мало пострадалъ отъ военныхъ дѣйствій, и что въ Тырновѣ и Систовѣ прежде существовавшіе суды, прекративъ было свою дѣятельность въ началѣ войны, весьма скоро возобновили ее и уже затѣмъ не прерывали, коммиссія могла ознакомиться съ ихъ организаціей, личнымъ составомъ и дѣйствіями на практикѣ и тѣмъ вполнѣ освоиться съ бывшими по судебной части порядками при владычествѣ турокъ. Получивъ отъ князя Черкаскаго, въ главныхъ и общихъ чертахъ, ближайшія указанія на цѣли будущей реформы, дѣйств. стат. сов. Лукьяновъ дѣятельно принялся за ввѣренное ему дѣло и, вскорѣ по заключеніи Санъ-Стефанскаго договора, прибылъ въ главную квартиру съ готовою

[1]) Г. Богишичъ, составитель черногорскаго уложенія, оставался недолго; прибывъ 28-го мая 1877 г. въ Плоэшти, онъ 7-го сентября былъ уже отчисленъ отъ гражданскаго управленія.

уже работою. Дѣло, ему порученное, настолько подвинулось, что министерство иностранныхъ дѣлъ, давая въ апрѣлѣ 1878 г. инструкцію императорскому коммиссару, могло сказать (дополнительная инстр. № 32), что руководствомъ судебнаго отдѣла должны служить основанія «готовящагося къ изданію положенія о судебномъ устройствѣ въ краѣ».

Составленные юридическою коммиссіей проекты были потомъ утверждены и введены въ дѣйствіе, а потому, всецѣло относя ихъ разработку къ періоду дѣятельности князя Черкаскаго, я считаю вполнѣ умѣстнымъ привести здѣсь подробное указаніе на все сдѣланное юридической коммиссіей, руководствуясь при этомъ запискою ея предсѣдателя [1]). Коммиссіею дѣйст. стат. сов. Лукьянова были изготовлены:

1) положеніе объ устройствѣ и предметахъ вѣдомства судовъ сельскихъ; 2) положеніе объ устройствѣ судовъ окружныхъ и губернскихъ; 3) положеніе о гражданскомъ и уголовномъ судопроизводствѣ въ сихъ судахъ; 4) правила о надзорѣ за опеками, о порядкѣ совершенія письменныхъ актовъ и договоровъ, о составленіи инвентарной описи и о порядкѣ охраненія наслѣдствъ.

Составлены были, равнымъ образомъ, предположенія объ учрежденіи судовъ административныхъ, о разграниченіи предметовъ вѣдомства по дѣламъ гражданскимъ между судами общими и судами духовными православнаго и другихъ вѣроисповѣданій, и наконецъ, положеніе о судѣ кадіевъ, для дѣлъ гражданскихъ, исключительно между мусульманами.

При составленіи сихъ положеній и правилъ, руководящею мыслью, какъ уже сказано выше, служило то основное начало, чтобы, избѣгая рѣшительныхъ нововведеній, не совмѣстныхъ съ тогдашнихъ неустановившимъ положеніемъ края, воспользоваться и формами судовъ уже существовавшими и узаконеніями еще неотмѣненными, по скольку они не противорѣчили новому государственному и христіанскому порядку, не лишая, вмѣстѣ съ тѣмъ, и мусульманскаго населенія того высокаго покровительства, которое даровано ему было въ прокламаціи государя.

---

[1]) Изъ перваго отчета князя Долгорукова-Корсакова отъ 13-го іюля 1878 г.

Касательно внутренняго порядка судебнаго устройства главная задача заключалась въ томъ, чтобъ въ составъ судовъ ввести лицъ болгарскаго происхожденія, получившихъ среднее, а по возможности, и высшее образованіе; опредѣлить съ точностью предметы вѣдомства каждаго суда, установить твердый, но простой и не сложный порядокъ производства гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ и обезпечить за судебными рѣшеніями возможность дѣйствительнаго приведенія ихъ въ исполненіе, что̀ при прежнемъ турецкомъ правительствѣ достигалось лишь съ большими затрудненіями.

В. По части финансовой. Во время продолжительныхъ своихъ досуговъ, прерванныхъ только службою по крестьянскому дѣлу, а потомъ въ Царствѣ Польскомъ и въ должности московскаго городскаго головы, князь Черкаскій серьезно изучалъ финансовое право и считалъ себя знатокомъ по этой части. Вступая въ должность завѣдующаго гражданскою частью, т. е. въ сущности правителя вновь, исподоволь, среди военныхъ дѣйствій, складывавшейся Болгаріи, князь Черкаскій всѣ финансовые вопросы, возникавшіе на практикѣ при его новой дѣятельности, обсуждалъ самъ и не считалъ необходимымъ имѣть для сего какое-либо особое лицо. Впослѣдствіи онъ имѣлъ въ виду пригласить какого-либо спеціалиста собственно для устройства финансовыхъ порядковъ и наблюденія за финансовыми учрежденіями края.

Дѣйствуя при обстоятельствахъ совершенно неустановившихся, князь Черкаскій твердо рѣшился, по части финансовой, ограничиться только собраніемъ матеріаловъ объ ея устройствѣ въ Болгаріи при турецкомъ правительствѣ; возстановленіемъ кассъ и низшихъ финансовыхъ учрежденій, завѣдующихъ собственно сборами и расходами всякихъ денежныхъ поступленій; принятіемъ мѣръ къ охраненію поступающихъ суммъ и вообще къ собранію силъ и средствъ страны и упорядоченію дѣйствій администраціи по сбору податей съ населенія. Всѣ свои дѣйствія онъ считалъ временными и полагалъ невозможнымъ приступить къ кореннымъ реформамъ существовавшей финансовой системы, потому что и времени было для сего недостаточно, и сравнительно незначительный районъ, занятый нашими войсками, не давалъ средствъ изучить на практикѣ тѣ условія края, народнаго быта, промышленности и торговли, ко-

торыя слѣдовало положить въ основаніе всѣхъ по сему предмету соображеній. Подобное право, по его взгляду, должно было всецѣло предоставить будущему національному правительству. Только оно могло перейти къ какимъ-либо новымъ финансовымъ системамъ, наиболѣе согласнымъ съ обстоятельствами мѣста и потребностями народа. Навязывать же ему что-либо спѣшное, выработанное людьми, мало знакомыми съ мѣстными условіями и дѣйствовавшими среди тревогъ браннаго времени—онъ считалъ несоотвѣтственнымъ.

При такомъ взглядѣ на дѣло, очевидно, что дѣйствія князя Черкаскаго по финансовой части не были особенно обширны и оживлены, но во всякомъ случаѣ они были цѣлесообразны и плодотворны.

Параллельно принятію мѣръ къ упроченію въ краѣ гражданскаго порядка, разработаны были и надлежащія инструкціи для первоначальнаго устройства и взысканія податей. Одна изъ большихъ податей—бедель—взимавшаяся съ христіанскаго населенія за изъятіе отъ воинской повинности, была уничтожена совершенно (5 іюня 1877 г.). За симъ особое вниманіе обращено было на устройство десятинной подати, столь тяжело ложившейся на населеніе Болгарскаго края при турецкомъ правительствѣ, не столько своею величиною, сколько способомъ взиманія посредствомъ откупщиковъ, дозволявшихъ себѣ крайнія злоупотребленія и высасывающихъ жизненныя силы изъ забитаго населенія.

Десятинный налогъ съ хлѣбныхъ полей и луговъ, согласно прокламаціи великаго князя главнокомандующаго, съ начала 1878 г. отмѣненъ навсегда съ замѣною его поземельною податью, взимаемой на правильныхъ основаніяхъ.

По прочимъ податямъ тоже были выработаны особыя правила, но по повелѣнію главнокомандующаго взиманіе податей съ населенія занятаго края временно было пріостановлено, впрочемъ только въ смыслѣ принятія понудительныхъ мѣръ противъ неплательщиковъ; вносимыя же подати принимались и даже удерживались изъ денежнаго вознагражденія, слѣдовавшаго населенію за реквизиціонныя поставки.

Приняты были также мѣры къ возстановленію правильнаго дѣйствія таможенъ, находившихся какъ по линіи Дуная на границѣ,

такъ и внутри края. Очевидно, что эту часть службы пришлось оставить, на первое время, безъ всякаго измѣненія противъ существовавшихъ при турецкомъ правительствѣ порядковъ. Однако, нужды войскъ заставили сдѣлать значительныя послабленія при пропускѣ въ край (черезъ Систовъ) заграничныхъ товаровъ, такъ:

во-первыхъ, освобождены были отъ всякихъ ввозныхъ пошлинъ всѣ транспорты: Краснаго Креста, товарищества Горвица и К°, продовольствовавшаго войска арміи, войсковыхъ маркитантовъ и коммиссіонерства Новосельскаго, и во-вторыхъ, допущенъ безпошлинный ввозъ, черезъ всѣ дунайскія таможни, соли, строительнаго дерева и всѣхъ вообще предметовъ отопленія.

Съ другой стороны, въ виду той же потребности войскъ въ теплой одеждѣ, запрещенъ былъ вывозъ изъ Болгаріи всякаго рода овчинъ. Въ тѣхъ же видахъ возможнаго облегченія нуждъ войскъ и солдата, порядокъ взиманія акциза съ табаку оставленъ прежній, безъ принятія особыхъ охранительныхъ мѣръ къ прекращенію безбандерольной его продажи.

Несмотря на такія обстоятельства, значительно вліявшія на уменьшеніе поступленія денежныхъ сборовъ, а также и на то, что большая часть турецкаго населенія бѣжала изъ Болгаріи, изъ сборовъ таможенныхъ, отъ акциза и отъ аренды казенныхъ имуществъ, а частію и отъ поступленія податей (десятины и верги) всѣхъ доходовъ, до половины февраля 1878 г., поступило до четырехсотъ тысячъ рублей, на счетъ коихъ и содержалась администрація санджаковъ—Тульчинскаго, Тырновскаго, Систовскаго и отчасти Рущукскаго. Затѣмъ, эти доходы стали быстро возрастать и къ 9-му мая 1878 г., т. е. ко дню замѣны гражданскаго управленія при арміи управленіемъ императорскаго коммиссара, цифра всѣхъ сборовъ, сдѣланныхъ гражданскимъ управленіемъ, достигла 1.300.000 рублей, изъ коихъ 500.000 было израсходовано на содержаніе администраціи, 100.000 руб. возвращены въ суммы государственнаго казначейства, а 700.000 руб. находились въ наличности. На эту наличность падалъ долгъ полевому казначейству въ 404.736 рублей 65 коп.; за покрытіемъ этого долга свободныхъ суммъ было бы 295.264 рубля.

Что касается до части организаціонной, то за время управле-

нія князя Черкаскаго, во-первыхъ, возобновлены, по мѣрѣ возможности, кассы сборщиковъ, существовавшія въ округахъ; во-вторыхъ, для наблюденія за финансовыми дѣлами въ санджакахъ, опредѣлены при каждомъ губернаторѣ совѣтники по дѣламъ казеннаго управленія, и въ-третьихъ—разработаны правила о санджаковыхъ казначействахъ, въ которыхъ должны были содержаться всѣ суммы, поступавшія въ счетъ доходовъ Болгарскаго края. Казначейства эти организовались, по требованіямъ завѣдывавшаго гражданскою частью, распоряженіемъ главнаго полеваго казначея, въ вѣдѣніи коего и считались. Составленіе положенія о санджанковыхъ казначействахъ нѣсколько затянулось и было утверждено уже послѣ смерти князя Черкаскаго—20 февраля 1878 г.[1]).

Въ видахъ устройства мѣстнаго кредита, гдѣ было возможно, возстановлялись ссудо-сберегательныя кассы, учрежденныя въ Болгаріи Митхадомъ-пашой. Вообще о нихъ собирались и были собраны весьма обстоятельныя свѣдѣнія для руководства въ будущемъ.

Г. По части военной. По этой части сдѣлано было менѣе всего, что и понятно, такъ какъ во время войны никакихъ болгарскихъ военныхъ учрежденій не существовало, а болгарское ополченіе входило въ составъ дѣйствующей арміи и было въ полномъ вѣдѣніи военныхъ властей. По инструкціи, гражданское управленіе обязано было содѣйствовать правильному содержанію и развитію болгарскаго ополченія, а въ будущемъ, когда оно (управленіе), по образованіи Болгарскаго княжества, становилось уже болгарскимъ правительствомъ, на него распространялась обязанность озаботиться правильной организаціей военнаго устройства въ молодомъ государствѣ.

Попытки князя Черкаскаго о развитіи болгарскаго ополченія, какъ это изложено выше, были многочисленны, но къ благимъ результатамъ не привели. Что касается до будущаго военнаго устройства края, то само собою разумѣется, что до опредѣленія мирнымъ договоромъ основныхъ условій существованія Болгаріи, никакихъ подробныхъ мѣропріятій исполнено быть не могло. Въ предвидѣніи

---

[1]) Вошли въ V выпускъ «Сборника офф. распоряженій и документовъ по Болгарскому краю».

же того, что болгарскія дружины, во всякомъ случаѣ, должны были войти въ составъ болгарскаго войска, гражданское управленіе обязано было приготовить всѣ предположенія къ пополненію его рядовъ правильнымъ призывомъ молодыхъ людей на службу, пользуясь первымъ удобнымъ случаемъ. Таковыя правила, на основаніи общеобязательной воинской повинности и двухлѣтней службы въ войскахъ, были разработаны еще въ Боготѣ и дѣйствительно, съ полнымъ успѣхомъ, примѣнены къ первому призыву на военную службу, свыше семи тысячъ болгаръ, исполненному въ началѣ мая 1878 г.

Относительно будущаго военнаго устройства края, князь Черкаскій, предоставляя подробности дѣла болѣе его компетентнымъ военнымъ людямъ, ясно сознавалъ, что въ какихъ бы размѣрахъ ни возродилась Болгарія, она долгое время не будетъ имѣть возможности содержать въ мирное время сильную армію и должна будетъ прибѣгнуть къ такому устройству военныхъ силъ, при которомъ бы большая часть подростающаго молодаго мужскаго населенія поступала въ постоянныя войска, обучалась тамъ въ возможно короткое время—не менѣе однако двухъ лѣтъ—и, возвращаясь затѣмъ въ свои дома, составляла бы запасъ, готовый во всякое время, въ случаѣ надобности, стать подъ знамена и довести армію до желаемаго размѣра. Такимъ образомъ въ основаніе военной системы слѣдовало положить общеобязательную воинскую повинность и короткій срокъ службы въ войскахъ. Для лучшаго подготовленія молодыхъ людей къ военной службѣ, а главное для усиленія вооруженныхъ силъ Болгаріи на первое время ея существованія, когда можно было разсчитывать на сильный подъемъ народнаго духа и особое одушевленіе, князь Черкаскій полагалъ обратиться къ широкому развитію гимнастическо-стрѣлковыхъ обществъ.

Впослѣдствіи, по проекту военнаго министерства, болгарскія военныя силы получили весьма стройную организацію, и въ населеніи, по мысли князя Черкаскаго, образованы стрѣлковыя общества. Изъ донесенія военному министру, начальника штаба 4-го армейскаго корпуса генералъ-маіора Духонина, отъ 28-го августа 1879 г. № 24, составленнаго въ Адріанополѣ по выходѣ нашихъ оккупаціонныхъ войскъ, видно, что въ то критическое время въ предѣлахъ Восточной Румеліи, т. е. въ Филиппольскомъ и Сливенскомъ

санджакахъ, кромѣ милиціи въ 7.500 чел., было 14-ть гимнастическо-стрѣлковыхъ дружествъ, въ которыхъ числилось 64.000 пѣшихъ вооруженныхъ людей и 1.000 всадниковъ. Въ запасахъ дружествъ находилось до 12.000 ружей. Какъ видимъ, основные принципы князя Черкаскаго по устройству военной части Болгаріи были осуществлены въ полномъ объемѣ. Имъ же избранный для завѣдыванія военнымъ устройствомъ Болгаріи, генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Золотаревъ (Рущукскій губернаторъ)—былъ назначенъ управляющимъ военнаго отдѣла совѣта управленія.

Въ видѣ завершенія всѣхъ своихъ предположеній объ устройствѣ возникавшаго государства, князь Черкаскій, за нѣсколько часовъ до своей смерти, 18-го февраля 1878 года подалъ главнокомандующему въ Санъ-Стефано послѣднюю свою работу — «Проектъ учрежденія управленія княжества Болгарскаго» со штатами и «Записку о генералъ-губернаторахъ».

Первый документъ состоялъ изъ XV статей, главнѣйшія изъ которыхъ были:

I. Во главѣ всѣхъ правительственныхъ учрежденій княжества Болгарскаго, находится императорскій россійскій верховный коммиссаръ, назначаемый высочайшею властью. Его права и обязанности опредѣляются особымъ наказомъ [1]).

II. Для руководства текущими дѣлами управленія и разработки, въ законодательномъ порядкѣ, различныхъ проектовъ и положеній, при верховномъ коммиссарѣ состоитъ «совѣтъ управленія княжества Болгарскаго».

IV. Совѣтъ управленія состоитъ изъ девяти членовъ, назначаемыхъ высочайшею властью. Сверхъ того, членами совѣта считаются, по занимаемымъ ими мѣстамъ, экзархъ и всѣ болгарскіе епархіальные архіереи, которые для присутствованія въ совѣтѣ вызываются

---

[1]) Проектъ наказа только еще соображался. Для его составленія необходимо было знать условія мирнаго договора и имѣть согласіе правительства на проектъ образованія высшихъ учрежденій княжества Болгарскаго. Составленіе наказа князь Черкаскій отлагалъ до поѣздки въ Петербургъ, гдѣ думалъ получить ближайшія указанія на обязанности и предѣлы власти императорскаго коммиссара.

въ порядкѣ, опредѣляемомъ императорскимъ коммиссаромъ по соглашенію съ экзархомъ.

VI. По распоряженію верховнаго коммиссара назначаются: одинъ изъ членовъ совѣта завѣдующимъ дѣлами совѣта, а другой директоромъ его канцеляріи.

VII. Каждый изъ прочихъ свѣтскихъ членовъ совѣта получаетъ званіе главноуправляющаго и завѣдуетъ особо одною изъ слѣдующихъ частей управленія: 1) внутренними дѣлами; 2) финансовыми; 3) дѣлами учебными и духовными; 4) судебною частью; 5) военными дѣлами; 6) почтой, телеграфами, путями сообщенія и общественными работами и 7) контролемъ.

IX. Разсмотрѣнію совѣта управленія подлежатъ: во-первыхъ—всѣ дѣла, внесеніе въ него коихъ будетъ указано верховнымъ коммиссаромъ; во-вторыхъ—дѣла по всѣмъ частямъ управленія, требующія новаго закона или принятія общихъ мѣръ; въ-третьихъ—дѣла по всѣмъ частямъ управленія, рѣшеніе коихъ превышаетъ власть, предоставленную начальникамъ отдѣльныхъ частей управленія, и въ-четвертыхъ—отчеты по всѣмъ учрежденіямъ.

XI. Дѣла въ совѣтѣ разсматриваются коллегіально и рѣшаются большинствомъ голосовъ. При раздѣленіи голосовъ поровну, перевѣсъ отдается той сторонѣ, съ которою согласенъ предсѣдатель. Для законности рѣшеній совѣта необходимо присутствіе, кромѣ предсѣдателя, трехъ членовъ.

XII. Всѣ журналы совѣта представляются верховному коммиссару, который или утверждаетъ ихъ, или, принимая на себя отвѣтственность, предлагаетъ совѣту направить дѣло согласно его указаніямъ.

«Запиской о раздѣленіи княжества на два генералъ-губернаторства», предполагалось отнести: къ сѣверному—санджаки Систовскій, Рущукскій, Варненскій, Тульчинскій, Тырновскій и Софійскій, и къ южному—санджаки Филиппольскій и Сливенскій. Генералъ-губернаторъ южной Болгаріи вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и вице-предсѣдателемъ совѣта управленія.

18-го февраля, на послѣднемъ докладѣ великому князю главнокомандующему, князь Черкаскій, передавъ ему «Проектъ учрежденія совѣта управленія» и «Записку о генералъ-губернаторахъ», закончилъ свое служеніе дѣлу. Ближайшихъ свѣдѣній о томъ, на какихъ именно основаніяхъ вводилось княземъ Черкаскимъ первоначальное гражданское управленіе въ Болгаріи, что онъ предполагалъ сдѣлать въ будущемъ и что было сдѣлано ко дню мира—никогда не было изложено ни въ отчетѣ, ни въ какомъ-либо особомъ докладѣ. Между тѣмъ, со смертью князя, необходимо было выяснить все это и сообщить въ Петербургъ, какъ для соображеній при составленіи наказа и инструкцій императорскому коммиссару, такъ и для свѣдѣнія князя Горчакова, который, по телеграфу, просилъ главнокомандующаго о присылкѣ этихъ данныхъ, нужныхъ ему и для представленія на предстоящемъ конгрессѣ.

По порученію главнокомандующаго мною были составлены три записки: въ первой, отъ 23-го февраля 1878 г., изложены основныя правила, которыми покойный князь Черкаскій имѣлъ въ виду руководствоваться при введеніи въ княжествѣ Болгарскомъ правильнаго государственнаго устройства; вторая, отъ 28-го февраля, «о принципахъ, которыми руководствовалась гражданская администрація Болгаріи, при установленіи первоначальнаго управленія краемъ», и третья, отъ 1-го марта 1878 г., «о положеніи гражданскаго управленія въ Болгаріи ко времени заключенія мира т. е. къ 19-му февраля 1878 г.».

Оканчивая составленіе записокъ, я докладывалъ содержаніе записокъ главнокомандующему, который внимательно выслушивалъ ихъ содержаніе, прерывая чтеніе разспросами и требованіями подробнѣе объяснить то или другое мѣсто. 28-го февраля, по прочтеніи записки о томъ, что было нами сдѣлано къ 19-му февраля, главнокомандующій сказалъ:

— Неужели все это сдѣлано и приведено въ исполненіе? Я никакъ не ожидалъ, чтобы по гражданскому управленію вы столько наработали.

— Въ запискахъ приведены только факты самые точные; ихъ всегда можно провѣрить,—отвѣчалъ я.

— Однако, покойный ничего мнѣ объ этомъ не докладывалъ.

— Князь Владиміръ Александровичъ не любилъ говорить о своихъ трудахъ; онъ работалъ для дѣла, а не для оглашенія о своей дѣятельности. Если онъ не докладывалъ вашему высочеству объ общемъ положеніи работъ, то это можно объяснить, во-первыхъ, тѣмъ, что текущія злобы дня отнимали у него возможность сдѣлать это, а во-вторыхъ, большинство принятыхъ имъ мѣръ, о которыхъ говорится въ запискѣ, послѣдовали по предварительномъ утвержденіи высочайшею властью или непосредственно вами, и безъ сомнѣнія князь Черкаскій полагалъ, что обстоятельства эти сохранились въ вашей памяти.

— Нѣтъ, нѣтъ, общая группировка фактовъ и представленная вами картина были мнѣ неизвѣстны. Очень жалѣю, что я не зналъ объ этомъ. Ваши записки будутъ очень интересны для министерства иностранныхъ дѣлъ; передайте ихъ Николаю Павловичу (графу Игнатьеву) и скажите, что я вполнѣ одобряю ихъ содержаніе.

Послѣ такаго милостиваго отзыва, я доложилъ его высочеству, что покойный князь, еще въ Боготѣ, задумалъ составленіе подробнаго отчета о дѣятельности гражданскаго управленія, и что работа было началась, но ходъ событій прервалъ начатый трудъ, отъ котораго осталось весьма немного.

Откровенное заявленіе главнокомандующаго о незнаніи имъ совокупности результатовъ дѣятельности князя Черкаскаго по гражданскому управленію глубоко врѣзалось въ мою память и тогда же было занесено въ мой дневникъ. Только много лѣтъ спустя выяснилось мнѣ, почему главнокомандующій такъ заинтересовался моими записками и почему, выслушавъ ихъ, выразилъ свое сожалѣніе о томъ, что не зналъ прежде о результатахъ занятій князя Черкаскаго.

Въ началѣ 1889 г. мнѣ стало извѣстнымъ содержаніе всеподданнѣйшаго письма главнокомандующаго отъ 13-го февраля 1878 года изъ Санъ-Стефано. Въ немъ, между прочимъ, написано: «Мнѣ пріятно также, что мы съ тобою сошлись въ выборѣ князя Дондукова коммиссаромъ и командующимъ оккупаціонными войсками въ Болгаріи. Я именно хотѣлъ тебѣ объ этомъ писать и просить. Долгомъ считаю тебѣ конфиденціально сказать, что я совершенно

недоволенъ княземъ Черкаскимъ въ отношеніи его управленія гражданскою частью въ Болгаріи. По этой части, почти что до сей минуты имъ ничего не сдѣлано и не подготовлено. Напротивъ, по дѣламъ Краснаго Креста, онъ выказалъ много энергіи и умѣнья. Князь Черкаскій теперь серьезно боленъ, и если выздоровѣетъ, то возстановленіе здоровья потребуетъ много времени. Его обращеніе съ болгарами и вообще съ подчиненными возбудило съ перваго начала уже нерасположеніе къ нему и росло оно все болѣе и болѣе; я лично съ нимъ ладилъ, хотя признаюсь — работать съ нимъ не легко. Теперь, по случаю его болѣзни, возможна замѣна его другимъ лицемъ: его страшное самолюбіе не будетъ такъ раздражено, и замѣну его для пользы дѣла нахожу до крайности необходимымъ».

Письмо это дошло до Петербурга уже послѣ смерти князя Черкаскаго и было единственнымъ, въ которомъ главнокомандующій дѣлалъ оцѣнку его дѣятельности и говорилъ о своихъ къ нему отношеніяхъ. Заключенія главнокомандующаго были, какъ видимъ, основаны на неполномъ ознакомленіи съ дѣломъ, а потому въ главномъ не соотвѣтствовали дѣйствительности. Пріятно замѣтить, что разъясненіе дѣла содержаніемъ моихъ записокъ вызвало и со стороны его высочества выраженіе сожалѣнія. Очевидно, что, дѣлая свой отзывъ о князѣ Черкаскомъ и говоря, что онъ ничего не сдѣлалъ и не подготовилъ по гражданской части, главнокомандующій дѣйствовалъ только по прискорбному недоразумѣнію.

Всѣ предположенія князя Черкаскаго объ образованіи центральнаго управленія Болгаріи, за исключеніемъ раздѣленія ея на два генералъ-губернаторства, были утверждены въ Петербургѣ и приведены въ исполненіе за самыми незначительными измѣненіями, чисто редакціоннаго характера. Генералъ-адъютантъ, князь Дондуковъ-Корсаковъ былъ назначенъ императорскимъ россійскимъ коммиссаромъ въ Болгаріи и при немъ образованъ «совѣтъ управленія княжества Болгарскаго».

Въ инструкціяхъ, данныхъ князю Дондукову-Корсакову 10-го апрѣля 1878 г. за №№ 30 и 32, всѣ вообще основанія, примѣненныя княземъ Черкаскимъ на практикѣ или имѣвшіяся еще въ виду,

были одобрены и многое изъ нихъ приведено въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, какъ это было изложено завѣдывавшимъ гражданскими дѣлами. Измѣненіе сдѣлано только въ значеніи совѣта управленія; по проекту князя Черкаскаго, члены его назначались высочайшею властью, и дѣла въ совѣтѣ рѣшались по большинству голосовъ, между тѣмъ какъ по положенію, одобренному въ Петербургѣ, совѣтъ сдѣланъ учрежденіемъ чисто совѣщательнымъ и назначеніе его членовъ предоставлено самому коммиссару. Такимъ образомъ, «совѣтъ управленія княжества Болгарскаго» лишенъ былъ той самостоятельности, какую хотѣлъ ему придать князь Черкаскій, и въ сущности былъ не совѣтомъ княжества, а совѣтомъ императорскаго коммиссара. Такое измѣненіе, впрочемъ, можно назвать исправленіемъ. Новому совѣту приходилось дѣйствовать крайне непродолжительно и спѣшно; руководить его работами изъ Петербурга не было возможности, и по необходимости слѣдовало ограничиться тѣмъ, что совѣтъ самъ сдѣлаетъ на мѣстѣ по указаніямъ императорскаго коммиссара.

Кромѣ этого существеннаго измѣненія, число членовъ совѣта ограничено семью, и должности вице-предсѣдателя не учреждено. Число членовъ уменьшено отъ соединенія отдѣла внутреннихъ дѣлъ съ почтами и телеграфами и отъ необразованія совсѣмъ отдѣла контрольнаго; директоръ канцеляріи назначенъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и завѣдующимъ дѣлами совѣта, и всѣ начальники отдѣловъ (члены совѣта) названы управляющими, а не главноуправляющими, какъ было въ проектѣ. Самое положеніе о совѣтѣ утверждено императорскимъ коммиссаромъ 26-го октября 1878 года и объявлено подъ заглавіемъ: «Предметы вѣдомства и кругъ власти членовъ совѣта, управляющихъ отдѣлами и директора канцеляріи». Въ этомъ постановленіи 26 статей; изъ нихъ 14 взяты цѣликомъ изъ проекта князя Черкаскаго, одна (12-ая) составлена взамѣнъ 11-й ст., а остальныя относятся исключительно до порядка дѣлопроизводства и правъ службы чиновниковъ.

Проектъ штатовъ, составленный княземъ Черкаскимъ, тоже былъ принятъ цѣликомъ, но съ увеличеніемъ окладовъ содержанія и отпуска денегъ на общіе расходы. Оклады увеличены однако немного, кромѣ членовъ совѣта, которымъ, вмѣсто предполагавшихся 8 тысячъ руб. каждому, назначено по 15 тыс. руб. На писцовъ и

канцелярскіе расходы, вмѣсто 13 тысячъ, ассигновано 20 тысячъ рублей.

Подводя итоги дѣятельности князя Черкаскаго по гражданскому управленію въ Болгаріи, по справедливости слѣдуетъ сказать, что на него пало не только бремя управленія краемъ во время войны, но и составленіе всѣхъ проектовъ и положеній для возстановленія и созданія вновь различныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, организація окружныхъ и губернскихъ административныхъ органовъ, изученіе вопросовъ экономическихъ, а также относящихся до народнаго образованія и положенія мѣстнаго православнаго духовенства; проектированіе судебной реформы и, наконецъ, составленіе устава центральнаго управленія, дѣйствительно осуществленнаго на практикѣ, хотя и въ менѣе самостоятельномъ видѣ, чѣмъ это имъ предполагалось. Словомъ, ко дню заключенія Санъ-Стефанскаго договора, князь Черкаскій ввелъ правильную администрацію въ краѣ, начерталъ проектъ будущаго центральнаго управленія и успѣлъ не только покрыть всѣ расходы полученными съ края доходами, но и сдѣлалъ еще нѣкоторый запасъ наличными деньгами, сохранивши почти нетронутыми податные ресурсы. Если припомнить, что въ послѣднее время онъ работалъ, зная, что не ему придется приводить въ исполненіе его работы по устройству новаго государства, то нельзя не сказать, что онъ не только сдѣлалъ все, что ему надлежало, но и гораздо болѣе... Его преемнику достался край не только съ стройной и хорошо дѣйствовавшей администраціей, но и съ массой вполнѣ разработанныхъ проектовъ, изъ которыхъ проекты судебной реформы и устройства совѣта управленія почти буквально, безъ дальнѣйшей работы, приведены были въ осуществленіе. Вообще, преемнику его не пришлось озабочиваться никакими новыми организаціонными работами по администраціи края, а можно было довольствоваться развитіемъ уже сдѣланнаго и осуществленіемъ подготовленнаго. Государственное устройство возрождавшейся Болгаріи было не въ однихъ мечтаніяхъ и неясныхъ представленіяхъ, а существовало уже на дѣлѣ въ цѣломъ рядѣ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, поставленныхъ на началахъ строго соображеннаго единства и отчетливо выполненныхъ

человѣкомъ энергичнымъ, способнымъ и знавшимъ свое дѣло, которому посвятилъ всѣ силы своей души и за которое сложилъ свою голову.

Оправдалось обѣщаніе князя Владиміра Александровича, помѣщенное въ письмѣ къ военному министру 20-го января 1878 г. «Еще полнѣе и добросовѣстнѣе, если возможно, чѣмъ въ прежнее время, будутъ послѣдніе дни моего здѣсь пребыванія посвящены возложеннымъ на меня высочайшею волею временнымъ занятіямъ, и ничто, конечно, не будетъ мною опущено, что̀ можетъ въ будущемъ сколько нибудь облегчить дѣятельность лица, избраннаго довѣріемъ государя».

Остается сказать нѣсколько словъ о мысляхъ князя Черкаскаго относительно будущаго политическаго устройства княжества Болгарскаго. Введенію въ Болгаріи національнаго правительства, князь Черкаскій предполагалъ предпослать весьма продолжительный періодъ русской оккупаціи. О кратковременномъ нѣсколько-мѣсячномъ занятіи Болгаріи онъ и не думалъ. Самое малое для этого время онъ опредѣлялъ въ два, полтора года, а при благопріятныхъ обстоятельствахъ допускалъ, что мы останемся тамъ три года. Въ виду такой продолжительной оккупаціи, вопросъ о политическомъ устройствѣ края не считался имъ въ числѣ требовавшихъ немедленнаго разрѣшенія; для обсужденія его было много времени впереди, а главное во время войны не было возможности изучить край, особенности и потребности населенія, безъ чего всѣ политическіе планы оказались бы построенными на пескѣ. «Все придетъ въ свое время,— говорилъ онъ;—край освобожденъ, надо его успокоить, собрать его силы, изучить во всѣхъ подробностяхъ, а тамъ явится возможность серьезно говорить и о политикѣ». Тѣмъ не менѣе приготовляясь къ будущимъ работамъ, князь (изъ Богота) выписалъ тексты конституцій Сербіи, Румыніи и Греціи и, по полученіи ихъ, прежде всего хотѣлъ изучить вопросъ о порядкѣ удаленія изъ предѣловъ названныхъ трехъ государствъ бывшихъ распорядителей ихъ судебъ— турокъ. Извѣстно, что турки совершенно выселились изъ Сербіи, Румыніи и Греціи. Опытомъ прошлаго князь Черкаскій хотѣлъ воспользоваться для скорѣйшаго достиженія той же цѣли въ Болгаріи. Запрещеніе туркамъ оставаться и владѣть имуществомъ въ дерев-

няхъ, сосредоточеніе ихъ въ городахъ и, наконецъ, обязательный выкупъ ихъ городскихъ имуществъ—вотъ что болѣе всего занимало князя Черкаскаго при обсужденіи будущей политики вновь созидавшейся Болгаріи. Приведись ему поработать въ этомъ направленіи, онъ, безъ сомнѣнія, освободилъ бы Болгарію не только отъ черкесовъ, но и отъ большей части турокъ, съ умысломъ разселенныхъ султанами въ разныхъ частяхъ страны. Не оставилъ бы онъ безъ вниманія и вопроса о возвращеніи помаковъ (потурченные болгары) къ вѣрѣ своихъ праотцевъ.

Д. Анучинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Приказъ помѣщицы П. М. Черниковой о выборѣ рекрутъ.

Деревни «Китаево» бурмистру Васькѣ Лютому.

ПРИКАЗЪ.

Уведомилась я, что съ моей экономіи скоро рекрутовъ брать будутъ, а по сему изволь, получивъ сіе, немедля собрать сходъ и миромъ выбрать рекрутовъ; да чтобъ выбирали изъ самыхъ отпетыхъ, ненадежныхъ, питьемъ балующихъ, беглыхъ, чѣмъ-либо подмеченныхъ и чтобы межъ ими не попало человѣка хорошаго, трезваго поведенія; а буде то—берегись Васька самъ.

Прошку конюха сдать безпремѣнно, а Гришку, беглаго отъ Маёра Юрасовскаго заковать и подъ крепкимъ карауломъ свѣзти въ сдачу, понеже Маёръ Юрасовскій уведомилъ меня письмомъ, что онъ отъ Гришки вовсе отступился и знать его совсѣмъ не хочетъ.

Обо всѣхъ выбранныхъ въ рекруты отпиши немедля ко мнѣ и дай доказательство, что эти люди—дурные люди и что выбраны они не по нападкамъ мира; ихъ же, особливо Гришку, свести въ сдачу бережно, чтобы они съ дороги не утекли и лиха ни какого не учинили бы и тебѣ бы не пришлось, особливо за утечку ихъ, въ отвѣтѣ быть.

Помещица ротмистерша Прасковья Михайлова Черникова.

Сообщилъ Князь **А. Л. Голицынъ.**

Въ Орлѣ.
1817-го года.

СОБСТВЕННОРУЧНЫЯ ПИСЬМА

В. А. Жуковскаго къ Д. П. Северину [1]).

1.

13 (25) апрѣля 1830 г.

Ты вѣрно сердишься на меня за мое молчаніе, мой милый, рѣзвый котикъ. Прошу тебя, не сердись и продолжай по-прежнему быть милостивъ и ко мнѣ и къ моему малюткѣ (Воейкову), о которомъ заботы твои трогаютъ меня до глубины сердца. Твоя жена знала нѣсколько его несчастную мать; ея судьба пускай ходатайствуетъ передъ тобою за ея сына. Продолжай, прошу тебя, извѣщать императрицу, но адресуй попрежнему письма къ Шамбо, дабы это имѣло видъ оффиціальный; что тебѣ до молчанія Шамбо! вѣдь ты не къ нему пишешь, а пишешь къ императрицѣ. Для меня же весьма важно, чтобы она была, такъ сказать, въ прямомъ сношеніи съ моимъ сиротою посредствомъ тебя. На мое же молчаніе не сердись: я давно имѣю несчастную привычку откладывать писать письма и это вѣчно заведетъ меня слишкомъ далеко.

Надѣюсь на твою снисходительную дружбу, которой право стою, ибо люблю тебя постоянно по-прежнему и никогда, никогда любить не перестану.—Я еще не исполнилъ твоего порученія, но непремѣнно исполню. На всякой страхъ (случай?) соберу все, что есть Пушкина, нѣсколько альманаховъ и даже романовъ, ибо у насъ принялись за романы. Булгаринъ состряпалъ два, по моему мнѣнію, весьма плохихъ: «Иванъ Выжигинъ» въ родѣ «Жильблаза» и «Дмитрій Самозванецъ», но есть и два прекрасныхъ: «Юрій Милославскій» Загоскина и «Монастырка», только первая часть, Перовскаго (Алексѣя). Сверхъ того вышелъ и полный переводъ Иліады

[1]) О Д. П. Северинѣ см. «Русскую Старину» 1896 г., № 1, стр. 79.

Гнѣдича. Журналы наши глупы по-прежнему и ведутъ между собою войну смертельную. Выберу лучшее и пришлю черезъ Нессельроде.—

Вотъ тебѣ нѣсколько вѣстей о нашихъ. Карамзины всѣ здѣсь и княгиня Мещерская съ мужемъ съ ними. На лѣто они ѣдутъ въ Ревель, а на будущій годъ вѣроятно отправятся за-границу, этого требуетъ здоровье Екатерины Андреевны. Вяземскій уже недѣли четыре какъ въ Петербургѣ; онъ вѣроятно вступитъ въ службу, а въ ожиданіи того литераторствуетъ и готовитъ изданіе полныхъ сочиненій Фонвизина, которое также доставлю тебѣ, какъ скоро оно выйдетъ. Блудовъ хвораетъ и служитъ; мы съ нимъ видаемся очень рѣдко, ибо каждый изъ насъ слишкомъ занятъ по своему. Дашковъ министерствуетъ вѣрою и правдою и женится на Пашковой, дочери Василія Александровича; Пушкинъ Александръ гуляетъ по Москвѣ. Пушкинъ Василій боленъ подагрою, а муза его водяною. Жихаревъ оберъ-прокуроритъ и желтѣетъ. О Батюшковѣ, который и теперь въ Москвѣ, куда уже два года, какъ перевезенъ изъ Зонненштейна [1]),—весьма худыя вѣсти: онъ почти при концѣ жизни и надобно желать, чтобы эта жизнь кончилась, чтобы его высокая душа вырвалась изъ тѣхъ цѣпей, которыя такъ страшно обременяли ее; надежды излѣченія для него нѣтъ никакой. Объ Иванѣ Ивановичѣ Дмитріевѣ слышу стороною, что онъ здоровъ и нисколько не вянетъ. Наконецъ, скажу о себѣ: живу въ своемъ кабинетѣ съ учебными книгами и не показываю никуда носа; мое дѣло идетъ довольно успѣшно, милый воспитанникъ мой [2]) разцвѣтаетъ, въ этомъ вся моя жизнь; все прочее миновалось, даже и поэзія, и въ памятѣ моей не найдешь ни одного стиха моей онѣмѣвшей музы. Прости, милый другъ, не забывай своего вѣрнаго Арзамасца и попроси любезную жену твою также не забывать его. Скажи мой поклонъ Фурману. Обнимаю тебя всѣмъ сердцемъ.

2.

1832 года [3]).

Здравствуй, мой милый, рѣзвый котъ. Обнимаю тебя по арзамасски. Віолье отдастъ тебѣ пакеты съ русскими новыми книгами, вышедшими въ теченіе 1831-го года, а я письменно благодарю тебя за твои дружескія добрыя попеченія о малюткѣ Воейковѣ, котораго снова поручаю въ твою милость. Если случится тебѣ покинуть твою Швейцарію и сдать

---

[1]) О пребываніи Батюшкова въ Зонненштейнѣ см. его біографію, составленную Л. Н. Майковымъ, С.-Петербургъ, изд. 1887 г. стр. 300. Ред.

[2]) Наслѣдникъ цесаревичъ, впослѣдствіи императоръ Александръ II. Ред.

[3]) Рукою Северина написано на письмѣ: отвѣчалъ 10 (22) мая.

мѣсто другому кому, то поручи его сему послѣднему, передавъ ему и обязанность увѣдомлять о немъ государыню. Віолье—живая грамота, онъ разскажетъ тебѣ о томъ, что у насъ творится. О моихъ же подвигахъ разсказывать нечего, они не на виду. Видимые же заключаются въ двухъ томахъ балладъ, кои найдешь въ книжномъ пакетѣ: между старыми есть и новыя, которыя поручаю твоей бархатной лапкѣ. Между нашими прежними арзамассцами есть уже два министра: Дашковъ и Блудовъ. Нашего почетнаго арзамассца Дмитріева видѣлъ я въ Москвѣ; онъ нисколько не перемѣнился, здоровъ, пополнѣлъ и въ домѣ его все на старомъ мѣстѣ; недостаетъ одной Елизаветы Петровны. Полетика все тотъ же квакеръ, каковъ былъ. Вяземскій волочится по старому, хотя у него есть уже и брюшко. Я начинаю плѣшивѣть. Карамзины здѣсь, здоровы, собираются въ Ревель, а оттуда въ Дерпть на житье. Вотъ тебѣ вся наша карта. Прости. Положи меня къ стопамъ твоей любезной жены и люби по-прежнему. Твой Жуковскій.

3.

31 іюля (12 августа) 1832 г. Эмсъ.

Рѣзвый котъ, погладь свою усатую морду своею бархатною лапкою: это будетъ значить, что къ тебѣ пріѣдетъ гость. А кто этотъ гость? Я, Свѣтлана. Удивляешься этому, котъ? Чего на свѣтѣ не дѣлается? Я занемогъ; доктора, по высочайшему повелѣнію, приняли меня въ свои не бархатныя лапы и положено было, чтобы я отправился въ Эмсъ пить воду и брать ванны, чтобы потомъ лѣчился виноградомъ, чтобы потомъ прожилъ зиму въ Италіи и чтобы, наконецъ, въ маѣ возвратился въ Петербургъ. Вотъ я и въ Эмсѣ: пилъ, купался. Теперь ѣду въ Висбаденъ на три недѣли, а оттуда отправлюсь въ Веве на виноградъ. Это значитъ, что я проѣду черезъ Бернъ, что мы съ тобою увидимся и что это весьма, весьма будетъ хорошо. Смотри же, чтобы я тебя нашелъ въ Бернѣ. Намъ пробыть вмѣстѣ будетъ не долго, но я поселюсь по твоему сосѣдству въ Веве, гдѣ пробуду три недѣли. Всему этому я очень радъ. Приложенную записочку доставь немедленно m-me Wildemett, она должна быть въ своемъ помѣстьѣ близъ Берна. Если же нѣтъ ее тамъ, то прошу тебя позаботиться о немедленномъ доставленіи пакета туда, гдѣ она теперь. Отъ тебя надѣюсь узнать, гдѣ ее найти, если получишь ея отвѣтъ. Я просилъ ее писать ко мнѣ въ Бернъ, или на твое имя или poste restante. Прости, котикъ, до свиданья. Мой дружескій поклонъ твоей любезной кошечкѣ.—Вотъ мой маршрутъ: завтра покидаю Эмсъ, въ Висбаденѣ

пробуду до 30-го августа, а въ Веве пріѣду къ 15-му сентября. Итакъ съ тобою, вѣроятно, увижусь около 10-го сентября. Обнимаю тебя въ ожиданіи этой пріятной минуты.

4.

5 октября 1832 г. Веве.

Мой милый котъ, пишу тебѣ нѣсколько строкъ изъ Веве (куда я пріѣхалъ третьяго дня, то-есть 3-го октября). Я останусь здѣсь три недѣли, слѣдовательно до 26-го числа, потомъ отправлюсь въ Женеву черезъ Лозанну, гдѣ погляжу на старика Лагарпа. Но дѣло не о Лагарпѣ, а о колескѣ. Ты одолжишь меня, если въ этой колескѣ пріѣдешь въ Женеву; тамъ мы и кончимъ торгъ нашъ. Хорошо бы было, если бы мнѣ уступилъ это великолѣпное созданіе вѣнскаго каретника за 2.000 рублей; если не можешь, то я согласенъ дать тебѣ и требуемую тобою сумму; только прошу тебя отложить уплату до моего возвращенія въ Петербургъ, гдѣ, по пріѣздѣ моемъ, деньги отданы будутъ твоему банкиру. Второе условіе: ты возьмешь мою императорскую коляску въ Женевѣ и отъѣдешь въ ней обратно въ Бернъ, гдѣ она и должна храниться, подъ эгидою нашей миссіи, до удобнаго случая отправленія въ Петербургъ. Иначе, что могу съ нею сдѣлать? а такимъ образомъ ты избавишь меня отъ безполезной издержки, не сдѣлавъ самъ никакой, ибо тебѣ нуженъ же будетъ экипажъ для возвращенія въ Бернъ. Наконецъ, третье: осмотри хорошенько коляску, дабы въ ней не было никакого такого несовершенства, отъ котораго могутъ приключиться хлопоты путешественнику; нѣкоторыя вещи нужно имѣть въ запасѣ, какъ-то шкворень, ремень для тормоза и тому подобное: все это можешь велѣть сдѣлать на мой счетъ, только заранѣе, дабы мнѣ не жить по пустому въ Женевѣ. Нынче начинаю ѣсть виноградъ, дай Богъ, чтобы это пошло мнѣ въ прокъ. Я очень поправился съ отъѣзда моего изъ Петербурга; но все чувствую большую слабость; сверхъ того, во мнѣ бродитъ ревматизмъ, это ни къ чорту не годится. Прости, милый котъ, до свиданія въ Женевѣ. Поцѣлуй за меня бархатную лапку твоей кошечки. Обнимаю тебя искренно твой Жуковскій.

5.

21 октября 1832 г.

На письмо твое, нацарапанное твоею бархатною лапкою, любезный мой рѣзвый котъ, отвѣчаю слѣдующее: не могу теперь пріѣхать къ тебѣ въ Женеву, ибо возобновившіеся пароксизмы (тому уже третій день) моей болѣзни требуютъ, чтобы я сидѣлъ дома и былъ весьма покоенъ.

Я даже не пользуюсь такъ, какъ бы желалъ прелестною погодою: мой сопутникъ Рейтернъ (вмѣстѣ съ Лори, который пріѣхалъ къ намъ изъ Берна, и съ Килемъ, который пріѣхалъ изъ Питера и ѣдетъ въ Италію) разъѣзжаетъ по берегамъ живописнаго Лемана и рисуетъ; а я тихохонько прохаживаюсь вдоль по шоссе и ѣмъ виноградъ. Вотъ уже другой разъ, какъ эта бѣда со мною случилась, и это заставило меня совершенно исковеркать планъ моего путешествія. Я вѣдь не путешественникъ, а просто больной, которому нужно будущею весною возвратиться въ Петербургъ здоровымъ. Мнѣ всего нужнѣе провести самую спокойную, самую уединенную зиму въ южномъ климатѣ. Нѣтъ удобнѣе для этого мѣста, какъ теплый, защищенный отъ всѣхъ вѣтровъ уголокъ между Веве и Монтрё. Я и намѣренъ тутъ поселиться на всю зиму. Но одинъ на это никакъ не рѣшусь: скука задушитъ. Рейтернъ хочетъ тамъ же со всею семьею со мною поселиться въ моемъ уединеніи; онъ уже писалъ объ этомъ къ женѣ и послалъ ей нужныя деньги. Если ей можно будетъ пріѣхать, то я останусь и не поѣду въ Италію. Если же нельзя будетъ устроить этого круга, то пущусь черезъ Альпы, хотя увѣренъ, что это мнѣ будетъ болѣе вредно, нежели полезно. Усталость отъ путешествія, удаленіе, самая жизнь, полная наслажденій новыхъ, но безпокойная и тревожная, и, наконецъ, возвращеніе,—все это не для больнаго, особенно не для моей болѣзни, которая требуетъ физическаго покоя. Долго, долго боролся я съ собою, наконецъ, разсудокъ побѣдилъ: я не имѣлъ права жертвовать удовольствію здоровьемъ; меня сюда не за тѣмъ послали. Если останусь въ Веве съ семействомъ Рейтерна, то проведу зиму прекрасно, ибо у меня будетъ много занятій и время мое будетъ принадлежать совершенно мнѣ, а для веселаго разнообразія и отдыха ты подъ бокомъ. Въ концѣ сего мѣсяца рѣшится, остаюсь ли здѣсь или нѣтъ. До сей эпохи я не тронусь изъ Веве. Между тѣмъ нанялъ квартиру прекрасную, которую можно будетъ устроить на русской образецъ и такимъ образомъ могу смастерить себѣ теплую зиму въ уголкѣ, защищенномъ отъ сѣвернаго вѣтра.

Когда рѣшится моя участь (а она должна рѣшиться дней черезъ десять) увѣдомлю тебя. Увѣдомь, долго ли пробудешь въ Женевѣ и не вздумаешь ли приплыть на пароходѣ въ Веве? Ты не ѣшь виноградъ, ты здоровъ, здѣсь теплѣе. А?

Цѣлую бархатную лапку у кошечки.

6.

9 (21) ноября 1832 г.

Мой милый Северинъ! наконецъ, моя судьба рѣшена, и я остаюсь въ своемъ гнѣздѣ на берегу Лемана. Помоги моему уединенію. Пришли

скорѣе каталогъ своихъ книгъ; вѣроятно, что мнѣ не многое изъ нихъ понадобится, но все не худо знать, что у тебя есть. Самонужнѣйшее для меня есть исторія Карамзина, которую прошу тебя выслать мнѣ немедленно. Также продолжай доставлять «Debats» и «Сѣверную почту». Нѣтъ ли у тебя какого литературнаго журнала, напримѣръ, «Bibliotheque Universelle» или «Revue encyclopedique». Не худо имѣть ихъ, ибо надобно знать, что творится въ литературномъ свѣтѣ. Нѣтъ ли «Revue Britannique»? Можешь быть увѣренъ, что все будетъ сохранено и возвращено съ возможною точностью. Вотъ какія книги, которыя далъ мнѣ Лагарпъ (я желалъ бы имѣть эту книгу): Geschichte des ausslandes des polnischen Volks in den Jahren 1830—1831 von Rischard Otto Spazier Altenbourg. 1832. 2 Band.—Ее можно имѣть черезъ бернскаго книгопродавца Ienni. Доставь мнѣ ее поскорѣе. При свиданіи сочтемся. Здѣсь пробуду безвыѣздно до половины апрѣля. Въ концѣ апрѣля явлюсь къ вамъ въ Бернъ, а въ началѣ мая отправлюсь чрезъ Вейльбахъ обратно на родину, вѣроятно, чрезъ Берлинъ, но заѣхавъ на двѣ недѣли въ Вейльбахъ, чтобъ повидаться тамъ съ моимъ котомъ и попить сѣрныхъ водъ. Если получишь какія-нибудь вѣсти изъ Россіи, увѣдомь. Обнимаю тебя и кошурку.

7.

24 декабря 1832 г.

Благодарствую Киска за книги, коихъ, однако, я не получилъ еще. На сихъ дняхъ я также получилъ нѣчто красное, вязаное, теплое, при коемъ вмѣсто письма былъ № франкфуртскихъ газетъ. Воображая, что это вязанье проистекаетъ изъ милыхъ рукъ или лапокъ твоей кошурки, прошу тебя за меня поцѣловать сіи милыя лапки, сказавъ при томъ, что мои губы не могутъ достать изъ Верне до Берна. Я соглашаюсь пересылать мягкіе листы Булгарина для употребленія Маріи Антоновны, но только прошу мнѣ прислать ф о р м у, какъ къ ней надписывать; съ полученія оной формы, газета будетъ отправляться исправно. Письмо за орломъ получено исправно; оно отъ великаго князя [1]). Рейтернъ нарисовалъ три маленькихъ моихъ портрета, которые я намѣренъ къ нему, т. е. къ великому князю, переслать. Какъ вѣрнѣе: прямо ли черезъ почту или черезъ тебя, также по почтѣ? Думаю просто адресовать на имя Булгакова.—Мы живемъ мирно и порядочно; но нельзя сказать, чтобъ совсѣмъ здорово. Воронъ, грызущій меня,

---

[1]) Александра Николаевича.

отъ меня отстать не хочетъ, а Рейтернъ также похварываетъ. Это печалитъ, и сердитъ, и мрачитъ будущее: что, если я отсюда поѣду такимъ же, каковъ пріѣхалъ,—въ Петербургѣ будетъ еще хуже. Увидимъ, что скажетъ конецъ зимы. Нѣтъ ли у тебя Коховой исторіи европейскихъ государствъ; она въ трехъ томахъ съ картами, генеалогическими и хронологическими таблицами. Мнѣ бы она была нужна для генеалогіи. Если есть, пришли. Изъ memoires я желалъ бы прочитать «Memoires de Louis XVIII»; хотя онѣ и подложныя, но прекрасно составлены, и авторъ мастерски поддѣлался къ своему герою.

Прости милый, обнимаю тебя и цѣлую еще разъ лапку кошурочки. Нынче 24 декабря, большой пиръ у Петербургскихъ моихъ дѣтей Weitnachtsbaum.

Поздравляю тебя съ будущимъ новымъ годомъ.

8.

11 (23) января 1833 г.

Посылаю тебѣ, котъ, мое письмо къ Шамбо, къ которому прошу тебя присоединить экземпляръ свидѣтельства о моей жизни, нужнаго въ Петербургѣ для полученія слѣдующихъ мнѣ жалованій денежныхъ всякаго рода. Прошу тебя сдѣлать это немедлено. Благодарю тебя, дорогая моя киска, за снабженіе меня книжными конфитюрами. Дюмона прочиталъ я съ особеннымъ удовольствіемъ: какая картина безумства и какое зеркало для нашего времени; но въ это зеркало никто не смотрится; и прежнее доказанное временемъ сумасшествіе принимаютъ теперь за высокую мудрость. Дочитываю четвертый томъ «Записокъ Лудвига XVIII» и жалѣю, что онѣ поддѣльныя: на нихъ печать истины. Пришли поскорѣе V и VI. Да нѣтъ ли у тебя «Memoires d'un homme d'état», приписываемыхъ Гарденбергу? Получаешь ли ты «Berliner Politische Wochenblatt»? Если нѣтъ, то совѣтую на него подписаться. Я подписался. Теперь читаю прошлый годъ и нахожу много прекраснаго. Революціи порядочно достается и подѣломъ. Я получилъ письмо отъ Вяземскаго весьма милое и забавное. Пришлю его тебѣ, какъ скоро напишу отвѣтъ, а ты, его прочитавъ, самъ напиши къ Вяземскому: онъ сѣтуетъ на твое забвеніе и любитъ тебя по старому. Вяземскій—славный человѣкъ, теперь опала его миновалась, и онъ служитъ отечеству съ пользою въ санѣ вице-директора департамента внѣшней торговли. Не забавно ли? Какъ у насъ умѣютъ употреблять людей! Потребуй службы, у тебя не спросятъ, къ чему ты способенъ и къ чему готовъ, а толкнутъ на первое

мѣсто, которое придетъ случайно въ голову. И русскій человѣкъ за все берется и все какъ-то идетъ.—Прости, котъ. Скоро книги тебѣ возвращу, а ты присылай новыхъ. Да все бы ты лучше сдѣлалъ, когда бы прислалъ мнѣ хоть выписку изъ твоего каталога. Посылку къ великому князю я рѣшился отправить прямо на имя Булгакова.

Дружескій поклонъ кискѣ. Возвратилась ли m-elle Wildemett?

9.

12 (24) февраля 1833 г. Веве.

Здравствуй, душа моя, котъ. Посылаю тебѣ пакетъ, заключающій въ себѣ брошюру, которую прошу переслать съ курьеромъ въ Петербургъ по адресу. Можешь отправить опять къ Аншгету, ибо у него случаевъ болѣе, нежели въ горахъ Швейцарскихъ. Что ты дѣлаешь? А у меня все идетъ какъ шло, ни хуже, ни лучше. А весьма бы весьма хотѣлось поскорѣе раздѣлаться съ чужою и отправиться во-свояси. Тамъ не все въ порядкѣ: Мердеръ такъ же какъ и я, по причинѣ болѣзни, долженъ ѣхать за границу, и это меня жестоко тревожитъ, а дѣлать нечего. Получилъ ли ты письмо Вяземскаго? Возврати. Правда ли, что вышло повелѣніе, чтобъ всѣ русскіе, находящіеся въ чужихъ краяхъ, возвратились въ Россію? Это было бы для многихъ крайне затруднительно. И не могу вообразить, чтобы такое повелѣніе было для всѣхъ безъ изъятія. Увѣдомь. Нѣтъ ли въ твоей библіотекѣ Neanders Geschichte der Religion? Пришли. Скоро возвращу тебѣ большую часть того, что имѣлъ. Шатобріана читалъ—болтовня и fatuité. Краснорѣчія много, а здраваго смысла ни на копейку. Кромѣ «Debats», которые берегу, чтобы тебѣ возвратить, получаю «Journal de Francfort» и «Berliniche Staats Zeitung». Беречь ли ихъ? Смерть какъ хочется поподчивать ими... тякъ мягко и приманчиво. Отвѣчай на этотъ важный вопросъ. Прошу знать напередъ, что одинъ изъ доставленныхъ мнѣ № «Voleur»—безъ первой страницы. Это не моя вина. Кисѣ нѣжный поклонъ.

Свѣтлана.

P. S. Нынче получилъ отъ Бахтеева письмо, въ которомъ онъ увѣдомляетъ меня, что моя посылка, за недостаткомъ курьеровъ, пролежала во Франкфуртѣ до 2 (14) февраля и отправлена съ Лабинскимъ въ Берлинъ. Боюсь, чтобы она и тамъ не залежалась. Не можешь ли ты сдѣлать мнѣ величайшаго одолженія написать въ Берлинъ къ Рибопьеру, чтобы ввѣренные Лабинскому пакеты были немедленно отправлены къ Булгакову, что въ нихъ находятся письмо и посылка къ великому князю. Въ то же время напиши отъ себя и къ Булгакову, что эти па-

кеты, адресованные на имя Мердера, должны быть отданы Кавелину съ тѣмъ, чтобы вынуть изъ нихъ письма и посылку (кои раздать по адресамъ, посылку же великому князю). Письма, принадлежащія Мердеру, переслать туда, гдѣ онъ будетъ находиться, ибо Мердеръ, вѣроятно, уже выѣхалъ изъ Петербурга. Прошу тебя объ этомъ убѣдительно, душа моя. Письмо же твое къ Булгакову пускай Рибопьеръ перешлетъ при моихъ пакетахъ. Обнимаю тебя.

И приложенную брошюру можешь отправить въ Берлинъ для доставленія Булгакову, онъ передастъ Жиляю (?).

10.

20 марта (1 апрѣля) 1833 г. Женева.

Милостивый государь
Дмитрій Петровичъ!

Покорнѣйше прошу васъ снабдить меня и ѣдущаго со мною подполковника Рейтерна, для проѣзда черезъ южную Францію, въ Италію, паспортомъ, засвидѣтельствованнымъ здѣшнею французскою миссіею. Дорога черезъ Симплонъ и Монъ-Сенисъ заперта снѣгами, и въ теперешнее время нѣтъ безопаснаго проѣзда для путешественниковъ. Мнѣ же откладывать невозможно, я долженъ быть къ концу мая опять по сю сторону Альповъ, дабы въ началѣ іюня ѣхать къ водамъ и потомъ въ Россію. Такъ какъ я ѣду не во Францію, а только хочу (для избѣжанія вреднаго мнѣ холода и альпійскихъ теперь непроходимыхъ снѣговъ) проѣхать отъ Женевы до Ліона, гдѣ намѣренъ сѣсть на пароходъ, чтобы плыть въ Марсель, а изъ Марсели, на другомъ пароходѣ, отправиться немедленно въ Неаполь, то и полагаю, что не можетъ быть никакого затрудненія въ доставленіи мнѣ требуемаго мною пропуска, тѣмъ болѣе, что прошу ваше превосходительство о сей моей просьбѣ и о причинахъ, заставившихъ меня съ нею къ вамъ отнестись, извѣстить высшее начальство.

Примите увѣреніе въ истинномъ почтеніи, съ коимъ честь имѣю быть
Милостивый государь
Вашего превосходительства
Покорнѣйшимъ слугою В. Жуковскій.

11.

21 марта (2 апрѣля) 1833 года. Женева.

Ты, вѣроятно, получилъ уже письмо мое, въ коемъ я извѣщаю тебя о своемъ намѣреніи съѣздить въ Италію. Я хотѣлъ было отправиться черезъ Монъ-Сенисъ или Симплонъ; но говорятъ, что нѣтъ никакого проѣзда отъ снѣга. Итакъ, надобно ѣхать черезъ Марсель. Но мнѣ нельзя ѣхать тихомолкомъ, и я рѣшился написать къ тебѣ оффиціальное письмо, которое дастъ тебѣ право доставить мнѣ пропускъ французскаго министра. Прошу тебя не замедлить мнѣ оный доставить, ибо думаю, что тебѣ это сдѣлать можно, опираясь на письмо мое и на изложенныя мною въ ономъ причины, особенно на томъ, что это пропускъ не для въѣзда во Францію, а только для проѣзда черезъ Ліонъ и Марсель въ Италію, о чемъ немедленно можешь увѣдомить свое начальство. Пожалуйста, возьми это на себя, иначе мнѣ надобно будетъ не видать Италіи, и грѣхъ останется на душѣ твоей.—Пришли поскорѣе паспортъ. Обнимаю тебя.

P. S. Мнѣ надобно быть къ 20-му въ Марсели, слѣдственно выѣхать отсюда не позже 12-го числа. Отвѣчай мнѣ въ Веве, куда нынче отправляюсь.

12.

28 марта (9 апрѣля) 1833 года.

Благодарствую, котъ, за паспорты. Ты снялъ ими великое бремя съ честнаго моего сердца: большая разница ѣхать черезъ южную Францію въ Марсель, нежели черезъ Симплонъ, заваленный снѣгами, въ Геную. Трактиры, деньги, холодъ—все это было бы великимъ затрудненіемъ. Я отправляюсь вмѣстѣ съ Рейтерномъ въ субботу. Ввечеру въ Женевѣ отслушаю заутреню, а на другой день, послѣ обѣдни на греческомъ языкѣ, съ Божіимъ благословеніемъ въ путь. Если еще въ Неаполѣ существуютъ карантины, то выйду на берегъ въ Чивитавеккіи и поѣду въ Римъ, оставивъ для будущихъ временъ Неаполь. Въ Римѣ дождусь парохода и на ономъ въ Ливорну, гдѣ опять выйду на берегъ и загляну во Флоренцію. Изъ Флоренціи черезъ Пизу берегомъ въ Геную, гдѣ сяду на пароходъ и въ Женеву. Изъ Женевы въ Верне, изъ Верне чрезъ Бернъ къ водамъ, а тамъ и въ Россію. Вотъ вся моя одиссея. Что-то Богъ велитъ!—Книги твои всѣ отправляются къ тебѣ завтра или послѣ завтра. Въ «Journal des Debats» нѣтъ 31 марта, который не былъ ко мнѣ

присланъ. Есть нѣсколько № «Galiani» и «Gazette de France», Богъ знаетъ почему ко мнѣ присылается «Berlinische Staats Zeitung», а «Journal de Francfort» потратила ж... «Сѣверная Пчела» отчасти досталась ж..., отчасти переслана въ Женеву. Напрасно ты мнѣ не прислалъ альманаха «Новоселье», я очень желалъ прочитать его и могъ бы тебѣ тотчасъ возвратить. Если еще по полученіи сего письма онъ можетъ успѣть быть посланъ въ Женеву и тамъ быть въ субботу, то пошли, если же нѣтъ, то удержи у себя до моего возвращенія. Прошу тебя всѣ мои письма пересылать, какъ до сихъ поръ. Ихъ получать будетъ Рейтернова жена, которая остается до нашего возвращенія въ Верне. Также прошу тебя доставлять ей и «Journal des Debats» и «Journal de Francfort» и «Staats Zeitung». Это скопится къ моему прибытію, а ей будетъ пища въ уединеніи. Обнимаю тебя, милый, и бархатную ручку кошечки цѣлую.—«Христосъ Воскресе» обоимъ вамъ. Если бы не Италія, то мы бы встрѣтили этотъ праздникъ вмѣстѣ въ Бернѣ.

P. S. Если будетъ присланъ на мое имя кредитивъ, то лучше удержи его у себя, а въ случаѣ отъѣзда передай m-lle Wildemett. Вопросъ, если не получу кредитива во-время, можешь ли мнѣ найти денегъ, ибо моя касса вся почти истратится. По моемъ возвращеніи въ Петербургъ немедленно будетъ все заплачено кому назначишь въ Петербургѣ. Если успѣешь, отвѣчай на этотъ пунктъ въ Женеву.

13.

1 (13) апрѣля 1833 года.

Я получилъ твое письмо, а «Новоселья» не получалъ. Что съ нимъ сдѣлалось?—Прости. Ѣду черезъ два часа, а на дворѣ мракъ и дождь. Говорятъ, что это знакъ хорошій для путешественниковъ. Посылаю тебѣ Сисмонди, коего забылъ отправить съ другими книгами. «Христосъ Воскресе», обнимаю васъ. Завтра слушаю обѣдню въ Женевѣ и послѣ обѣдни отправлюсь въ Ліонъ.

14.

6 (18) апрѣля 1833 года.

Что же ты мнѣ не отвѣчаешь, котище. Пришли паспорты мнѣ и Рейтерну для Италіи съ нужными отмѣтками австрійскаго, сардинскаго, тосканскаго и, если можно, французскаго посланниковъ. Я долженъ отправиться отсюда 12-го числа, чтобы захватить пароходъ или въ Мар-

сели или въ Генуѣ. Итакъ поспѣши. Не забудьте въ паспортѣ моемъ человѣка моего Ѳеодора Титова. Присылай скорѣе.

Обнимаю тебя и на всякій случай «Христосъ Воскресе» тебѣ и вашей женушкѣ. Я писалъ къ императрицѣ, что ѣду черезъ Ліонъ и Марсель.

P. S. Ѣду сейчасъ къ Лагарпу. Нынче день его рожденія.

15.

7 (19) іюня 1833 года. Верне.

Здравствуй котъ! я уже третій день какъ возвратился въ свой Эрмитажъ. Такъ усталъ отъ дороги, что не собрался по сію пору къ тебѣ написать. И теперь пишу не много, ибо надобно написать кучу писемъ, кои однако будутъ всѣ коротки. Мое путешествіе совершилось благополучно, вездѣ былъ, гдѣ хотѣлъ быть, даже и тамъ, гдѣ не хотѣлъ: въ Неаполѣ, Римѣ, Флоренціи, Пизѣ и Генуѣ; все видѣлъ, какъ сонъ, и голова еще кружится. Отдохнувъ и совершивъ здѣсь послѣднее важное дѣло моего лѣченія, отправляюсь въ обратный путь, разумѣется черезъ Бернъ. Но вотъ бѣда, чтобы ѣхать, надобны деньги, а мои всѣ истратились на дорогѣ. Между письмами же, кои ожидали меня въ Верне, нѣтъ письма отъ Шамбо, который долженъ былъ мнѣ прислать кредитивъ; не лежитъ ли это письмо у тебя.

Увѣдомь немедленно; между тѣмъ пришли мнѣ поскорѣе свидѣтельство о жизни, которое мнѣ надобно немедленно отправить къ Шамбо.

Прости, мой милый котъ, до свиданія. Отвѣчай поскорѣе на это письмо. Обнимаю тебя и цѣлую лапку у кошечки.

16.

18 (30) іюня 1833 года. Верне.

Я пробуду здѣсь до 10-го іюля, по крайней мѣрѣ, можетъ быть и долѣе. Причина тому, мой милый котъ, что я сдѣлалъ себѣ операцію, которой слѣдствіе держитъ меня теперь въ постели. Дѣло кончилось хорошо, но случиться можетъ, что операція возобновится, тогда опять придется пролежать дней десять. Кредитивъ получилъ и благодарю. Нѣтъ ли у тебя какой-нибудь новой очень интересной книги: нѣтъ ли хорошаго романа. Лежачему это раздолье. Что дѣло Бланшане и марсель-

скаго консульства? Прошу тебя его не выпускать изъ виду. Прости, до свиданія, ибо во всякомъ случаѣ поѣду черезъ Бернъ.

17.

27 іюня (9 іюля) 1833 г.

Мой милый котъ, я выѣзжаю вѣроятно 12-го іюля изъ Верне, 13-е пробуду въ Лозаннѣ, потомъ къ тебѣ въ Бернъ, на день. Рейтернъ также ѣдетъ 12-го, но не чрезъ Бернъ. Онъ проситъ тебя сдѣлать ему одолженіе, прислать паспортъ для проѣзда черезъ Германію, черезъ владѣнія Баденскія, Виртембергскія и прочія до Франкфурта. Устрой это самъ, какъ знаешь. Только перешли немедленно паспоръ въ Базель на имя Рейтерна, poste restante. До свиданія.

18.

3 (15) іюля 1833 г.

Возвращаю тебѣ твои книги, котъ, и всѣ журналы до нынѣшняго дня. Въ послѣдніе дни я ихъ не получаю. Я самъ отправляюсь отсюда 17-го числа, вѣроятно буду въ Бернѣ 18-го ввечеру. Этотъ переѣздъ пробный, ибо моя ранка не совсѣмъ зажила: я сподобился сдѣлать вторую операцію. Если нельзя будетъ ѣхать далѣе, то останусь дня на четыре въ Бернѣ или на недѣлю, смотря по обстоятельствамъ.

Жаль, что тебя съ нами не будетъ. Какъ скоро буду тамъ, то увѣдомлю тебя, тогда пріѣзжай для свиданья. Письма мои будутъ пересылаться къ тебѣ, а ты уже ихъ пересылай прямо въ Петербургъ на имя Булгакова, котораго увѣдомь отъ себя, что я въ дорогѣ и чтобъ онъ уже писемъ ко мнѣ не посылалъ. Прости, до свиданія.

19.

19 (31) іюля 1833 г. Франкфуртъ-на-Майнѣ.

Котъ, я попалъ дорогою въ западню доктора Коппа, который требуетъ, чтобъ я непремѣнно провелъ три недѣли въ Шлангенбадѣ, купался въ ваннѣ и пилъ воду. Этому я и радъ, и не радъ.

Пріѣду позже въ Петербуръ, зато пріѣду совсѣмъ здоровымъ, если Богъ велитъ. Рана моя не безпокоила меня дорогою, и я совсѣмъ въ порядкѣ. Но Шлангенбадъ довершилъ начатое. Можетъ быть увижу и кошечку твою въ Эмсѣ. Если будутъ ко мнѣ письма, то адресуй на имя Маркелова для доставленія мнѣ или прямо на мое имя. Я пробуду въ Шлангенбадѣ до 20-го августа. Итакъ, можешь самъ разсчесть. Послѣ же письма отправляй назадъ на имя Булгакова. Твою книгу, «Proverbes de Lecture», я отдалъ Мердеру, который самъ тебѣ ее доставитъ; а два тома «Людвига XVIII» перешлю отсюда. Обнимаю тебя.

20.

1833 года [1]).

Мой милый котъ, мнѣ очень, очень жаль, что такія грустныя обстоятельства заставили тебя на время удалиться изъ Берна; надѣюсь, что въ Карлсруэ вы найдете все въ лучшемъ порядкѣ и что пословица русская: «страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ» сбудется съ тобою на дѣлѣ. А я къ тебѣ съ просьбою. У меня здѣсь есть пріятель, господинъ Blanchenay, у котораго я вмѣстѣ съ Рейтерномъ былъ нѣсколько времени на пенсіонѣ. Отецъ семейства, честнѣйшій и добрѣйшій человѣкъ, но весьма недостаточный. Я ему истинно обязанъ, ибо всѣ возможныя услуги оказывалъ онъ мнѣ съ величайшимъ доброжелательствомъ. Онъ желаетъ отъ австрійскаго правительства получить упразднившееся мѣсто марсельскаго консула и адресовался уже съ просьбою къ посланнику австрійскому въ Бернѣ. Онъ проситъ меня, чтобы я попросилъ тебя попросить за него сего вышеозначеннаго посланника. Не откажи мнѣ въ этомъ, прошу тебя; очень меня одолжишь, ибо я усердно желалъ бы оказать услугу доброму старику, стѣсненному обстоятельствами и имѣющему необходимую нужду въ какомъ-нибудь мѣстѣ, которое дало бы ему вѣрный хлѣбъ. Можешь за него смѣло поручиться австрійцу, ибо его всѣ вообще здѣсь уважаютъ; онъ человѣкъ строгой честности, дѣятельный и весьма здраваго ума, словомъ, человѣкъ надежный. Мое письмо, вѣроятно, не застанетъ тебя въ Бернѣ и будетъ послано тебѣ въ Карлсруэ; напиши оттуда немедленно къ посланнику, а возвратясь пріударь въ него словесными убѣжденіями. А ко мнѣ напиши непремѣнно изъ Карлсруэ; очень нетерпѣливо желаю знать, что̀ тамъ дѣлается, и быть успокоеннымъ на твой счетъ. Богъ милостивъ. Прости, милый. Цѣлую ручки твоей мудрости.

---

[1]) Рукою Д. П. Северина написано: отвѣчалъ 14 августа.

21.

4 (16) августа 1833 г. Франкфуртъ-на-Майнѣ.

Вотъ я во Франкфуртѣ, пробылъ двѣ недѣли въ Шлангенбадѣ, купался и скучалъ; теперь ѣду прямикомъ въ Петербургъ. Хотѣлось бы поспѣть туда къ 30-му августа нашего стиля, но не надѣюсь. Возвращаю тебѣ твоего «Людвига XVIII» и при сей оказіи обнимаю тебя и благодарю за твое дружеское гостепріимство въ Швейцаріи. Скажу тебѣ однако, что карета твоя немного пошаливаетъ: кожа, служащая покровомъ въ самомъ кузовѣ, и фартукъ на козлахъ промокаютъ насквозь, какъ сукно, и я нашелъ необходимымъ ихъ перемѣнить, ибо вчера, при маленькомъ дождѣ, почти капало во внутренность, что же было бы при большомъ? Впрочемъ, я ею весьма доволенъ: легка и помѣстительна.— Найди поскорѣе случай сбыть съ рукъ мою придворную карету; только прошу тебя, не ввѣрять ее человѣку не аккуратному.—Прости, обнимаю тебя. Что-то у васъ теперь творится. Видно Швейцарія и была только до тѣхъ поръ тиха, пока я въ ней жилъ; я васъ покинулъ, и все взбунтовалось.

22.

17 (29) ноября 1833 г. С.-Петербургъ.

Благодарю тебя, милый котъ, за твою любезную писуличку. Скажу тебѣ, однако, что твой здѣшній повѣренный въ дѣлахъ черезчуръ ужь скроменъ: я по сію пору еще и слуху не имѣлъ о немъ, не является ко мнѣ, да и только, а я же не взялъ о немъ отъ тебя записки и не знаю ни имени его, ни жительства; зналъ ихъ прежде, но забылъ. Напиши къ нему, чтобы онъ мнѣ сказался. Я уже тебя увѣдомилъ, что расплата моя съ тобою не прежде можетъ быть, какъ въ началѣ января или февраля 1834 г. За это ты, я думаю, не разсердишься. У меня же всего на всего сотни двѣ рублей на всѣ мои расходы до конца года. Разбогатѣю только по полученіи моего жалованья, что́ не прежде можетъ случиться, какъ по истеченіи трети. Особенно коробитъ меня то, что въ эту минуту я не могу уплатить того, что я долженъ Лори и Жантону въ Веве, первому 850 франк., послѣднему—312 франк. 50 сантимовъ (монетою французскою). Не можешь ли одолжить меня, заплатить эту сумму въ Швейцаріи франками, тотчасъ по полученіи моего письма, а я заплачу ее здѣсь корреспонденту твоему рублями, въ январѣ вмѣстѣ съ прочими. Увѣдомь поскорѣе, можешь ли это сдѣлать, дабы я понапрасну не посылалъ векселя. Уди-

вляюсь, какъ мнѣ это не пришло въ голову гораздо прежде; я бы уже давно былъ спокоенъ насчетъ этого долга. Къ Жантону я писалъ. Теперь пишу къ Лори на всякій случай и прошу тебя передать ему письмо мое.

Вотъ уже болѣе мѣсяца, какъ мы переселились изъ Царскаго Села въ Петербургъ, погода у насъ стоитъ теплая; со вчерашняго дня показались легкіе морозы, а то все былъ туманъ или попытки наводненія, что̀ весьма, весьма не усладительно для очей и сердца. Я живу довольно уединенно, по сію пору не видался еще почти ни съ кѣмъ, то-есть не сдѣлалъ еще никому визитовъ и некогда. Часто, однако, бываю у Вяземскаго и Карамзиныхъ. Первый живетъ здѣсь отцомъ семейства: его дочери обѣ премилыя; но онъ все-таки волочится. Карамзины покинули Дерптъ, гдѣ Екатерина Андреевна похоронила сына и внука; старшіе сыновья, Андрей и Александръ, вступаютъ въ конные громовержцы, то-есть артиллерію. За нѣсколько времени до пріѣзда моего былъ здѣсь Дмитріевъ, но я его, къ сожалѣнію, не засталъ. Его здѣсь женятъ. Но все-таки онъ не женится. О тебѣ толкую съ Булгаковымъ, съ Радофиникинымъ и Бруновымъ; толку, однако, немного, хотя и увѣряютъ меня, что будетъ скоро для тебя сдѣлано, а что̀ будетъ, кто ихъ угадаетъ. По крайней мѣрѣ, все не перестану надоѣдать имъ. Прости. Поблагодари и обними Віолье за его письмо. Я еще не получалъ рисунка Лори. Съ кѣмъ онъ послалъ. Отвѣчай поскорѣе на это письмо. Кискину лапку цѣлую и тебя.

Жуковскій.

Хорошъ я! Написалъ къ тебѣ письмо, да и забылъ его послать: былъ увѣренъ, что послалъ. Не надобно ли будетъ тебѣ какихъ-нибудь русскихъ книгъ и на какую сумму. Увѣдомь, я могъ бы, разсчитываясь съ твоимъ невидимымъ коммиссіонеромъ, часть суммы моей заплатить и книгами. У насъ много теперь романовъ, есть и историческія книги. Хорошо бы, когда бы ты доставилъ мнѣ реестръ твоимъ русскимъ книгамъ, дабы я не прислалъ тебѣ чего-нибудь вдвойнѣ. Недавно былъ у меня толкъ о тебѣ съ Дашковымъ (который хотя и не въ ладу съ тобою, а все-таки за тебя стоитъ предъ зерцаломъ вице-канцлера) и съ Полетикою. Послѣдній увѣряетъ, что ты стоишь первымъ въ спискѣ для будущаго приличнаго тебѣ помѣщенія. Итакъ, терпи казакъ — атаманъ будешь. Обнимаю тебя и поздравляю васъ обоихъ съ новымъ годомъ. Увѣдомь о томъ, что̀ сдѣлаешь съ Лори и Жантономъ, я бы здѣсь заплатилъ деньги твоему коммиссіонеру. Если заплатишь за меня, то пришли росписки, просто тебѣ не повѣрю.

ОСНОВАНІЕ РУССКАГО ФЛОТА.

Историческій очеркъ [1]).

Положеніе вопроса въ исторической наукѣ. — Значеніе рѣкъ для русскаго судоходства и судостроенія. — Судоходство и торгово-военныя флотиліи въ удѣльный періодъ. — Суда въ Новгородѣ и ушкуйники. — Походы казаковъ и чайки. — Состояніе судостроенія въ Московскомъ государствѣ. — Попытки московскаго правительства къ заведенію торгово-военнаго флота. — Подготовка почвы и удобныхъ условій для дѣла Петра. — Сооруженіе Азовскаго флота. — Построеніе Балтійскаго флота. — Судостроеніе въ другихъ мѣстахъ. — Размѣры и организація военнаго флота. — Торговый флотъ. — Взаимодѣйствіе военнаго и торговаго флотовъ. — Значеніе дѣятельности Петра Великаго.

Въ исторической наукѣ, и въ общественномъ сознаніи основаніе русскаго флота долгое время всецѣло приписывалось Петру I, которому, какъ полагали, не предшествовало никакого опыта московско-русскихъ людей, послѣ потери Балтійскаго побережья утратившихъ будто-бы даже «не только сочувствіе, но и сознаніе въ потребности и пользѣ мореходства» [2]). Поэтому начало флота объясняли простымъ случаемъ—находкой англійскаго ботика въ сараѣ боярина Никиты Ивановича Романова, утверждая, что единственно этотъ-де случай заронилъ въ душу пылкаго юноши-государя стремленіе къ морскому дѣлу и мысль о созданіи у насъ флота [3]). Первое успѣшное морское дѣло Петра, подъ

[1]) Публичная лекція, произнесенная въ Варшавскомъ русскомъ собраніи, въ домѣ военнаго вѣдомства.

[2]) С. Елагинъ, «Исторія русскаго флота». Періодъ Азовскій. Спб. 1864, 16.

[3]) Не касаясь мнѣнія авторовъ болѣе раннихъ, вспомнимъ слова проф. Н. Г. Устрялова, которыми онъ сопровождаетъ сообщеніе о нахожденіи Пе-

Азовомъ, при помощи флота, построеннаго въ одну зиму за тысячеверстныя разстоянія отъ моря, не поддавалось уже никакому анализу, представлялось подвигомъ необъяснимымъ. Было много безпочвеннаго и загадочнаго въ изображеніи и всего дальнѣйшаго. Успѣхи науки русской морской исторіи и исторіи Россіи вообще постепенно, однако, проливали и проливаютъ все болѣе и болѣе свѣта и въ эту область; отдавая должное заслугамъ Петра, научная исторія старается не упустить изъ вниманія и предшествовавшихъ ему попытокъ заведенія у-насъ кораблей и вообще прежнихъ судебъ торговаго и военнаго русскаго флота, найти внутреннюю связь между предыдущимъ и послѣдующимъ и тѣмъ создать цѣльность представленія [1]).

Колыбелью нашего флота могли быть только тѣ воды, которыя находились во владѣніи Россіи, и онъ долженъ былъ соотвѣтствовать имъ. Русская страна — континентальная, для нашихъ предковъ слишкомъ долго загораживаемая отъ морей разными чужими племенами. Какъ бы

тромъ этого ботика: «Много было въ жизни Петра минутъ свѣтлыхъ и прекрасныхъ, ознаменованныхъ творческою силою его генія; но та минута, когда онъ, шестнадцати-лѣтній юноша, вперилъ вдохновенный взоръ въ полусгнившій ботъ, около полвѣка валявшійся въ дѣдовскомъ сараѣ, между всякимъ хламомъ, въ пыли, въ грязи, безъ мачты, безъ парусовъ, и въ умѣ его мелькнула, какъ молнія, мысль о русскомъ флотѣ,—принадлежитъ къ самымъ лучезарнымъ... Случайное обстоятельство пробудило въ Петрѣ охоту къ забавамъ инаго рода: эта вторая потѣха была началомъ русскагофлота»(«Исторія царствованія Петра Великаго». Спб. 1858, II, 26, 25). Близко къ этому воззрѣнію держался и Елагинъ (17–18). Вспомнимъ о почестяхъ, возданныхъ «Дѣдушкѣ русскаго флота» въ двухсотлѣтній юбилей рожденія Петра Великаго. Ботикъ найденъ Петромъ въ 1688 году, и въ 1887—1888 годахъ серіозно поднимался вопросъ, чтобы къ этому случаю пріурочить празднованіе двухсотлѣтняго юбилея нашего флота, пока въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ» не появилось сообщеніе, очевидно оффиціознаго характера, что юбилейное празднованіе «отлагается»—до истеченія двухсотлѣтія азовскимъ походамъ Петра...

[1]) Со стороны фактической, полную цѣну въ данномъ отношеніи имѣетъ трудъ Ѳ. Ѳ. Веселаго, выполненный по порученію морскаго министерства и изданный на его средства: «Очеркъ русской морской исторіи» (Спб. 1875, I, 1—652). Приведя соотвѣтственные факты изъ до-Петровской эпохи, авторъ, подъ вліяніемъ сыстари сложившихся воззрѣній и практиковавшейся терминологіи, недостаточно еще сближаетъ эти факты съ послѣдующими явленіями, ставитъ ихъ въ тѣни, съ усиліемъ указывая на значеніе случайности нахожденія ботика и о постройкѣ Петромъ Азовскаго флота, выражаясь, что «подобное событіе скорѣе походило на баснословный подвигъ какого-нибудь миѳическаго героя древности, нежели на дѣяніе монарха, жившаго только за полтора столѣтія до нашего времени» (73, 75, 145). Затѣмъ, существенное значеніе имѣетъ здѣсь трудъ Н. Боголюбова «Исторія корабля». М. 1880, I—II. Дальнѣйшая литература о «корабельномъ дѣлѣ» собственно до Петра Великаго приведена нами въ историческомъ изслѣдованіи «Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій». М. 1890, 723—725.

въ вознагражденіе за это, природа щедро надѣлила ее рѣками, которыя, при неустроенности надлежащихъ дорогъ и непроходимости лѣсовъ и болотъ, въ древнюю пору служили лучшими и главными путями сообщенія, а лодка представлялась самымъ подходящимъ, такъ сказать, экипажемъ, удобнѣйшимъ средствомъ для передвиженій. Системы важнѣйшихъ, идущихъ къ морямъ, рѣкъ, очень близко расположенныхъ между собою въ своихъ верховьяхъ, соединявшихся волоками, и Днѣпровскіе пороги опредѣляли размѣры и качества судовъ: представляя возможность безопаснаго плаванія по большимъ рѣкамъ и озерамъ, суда эти должны легко перетаскиваться или даже, мѣстами, переноситься на рукахъ чрезъ волоки и пороги.

За неимѣніемъ своихъ морскихъ гаваней, гдѣ бы можно было строить и хранить особыя суда, предки наши вынуждены были на этихъ рѣчныхъ лодкахъ совершать и свои морскія плаванія, почему ихъ морскія суда ничѣмъ существеннымъ не отличались отъ рѣчныхъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ приспособленій. На Днѣпрѣ изготовлялись по преимуществу «однодеревки», т. е. однодеревные челноки или днища, къ которымъ прикрѣплялись набойныя доски, продѣвались весла, а въ устьѣ Днѣпра при выходѣ изъ него, оснащались они всѣмъ необходимымъ (мачтами, парусами и проч.) для дальняго плаванія. Помѣщаться на нихъ могло человѣкъ до 40-ка и болѣе, или соотвѣтственное количество товаровъ. На нихъ древніе русскіе люди, держась ближе къ берегамъ, переплывали Черное море и привозили къ Константинополю товары или наводили на него ужасъ. Какъ купецъ того времени легко превращался въ воина, охраняя по пути свои товары, или же водилъ свои торговые караваны подъ охраной нанимаемаго имъ военнаго отряда, а главный воинъ, князь, велъ самую обширную торговлю, былъ главнымъ купцомъ, такъ и суда торговаго флота легко превращались въ суда флота военнаго: они были тѣ же самыя, лишь нагружаемыя не товарами, а военными запасами и оружіемъ. Отсюда легкость созданія военныхъ флотилій, въ случаѣ надобности. Число судовъ, на которыхъ совершали свои набѣги на Константинополь наши первые историческіе князья, въ древнихъ извѣстіяхъ опредѣляется тысячами: Святославъ вторгнулся въ Болгарію черезъ Дунай на ладьяхъ съ 60.000 войскомъ. Движеніе на русскихъ судахъ, военное и торговое, было настолько велико, что за Чернымъ моремъ усвоилось названіе моря Русскаго. Неразъ наши, большими массами, появлялись на Волгѣ и изъ нея на берегахъ Каспійскихъ.

Своеобразное устройство судовъ, мало замѣтныхъ издали и сподручныхъ и для волоковъ, помогало искуснымъ и навычнымъ храбрецамъ одерживать значительныя побѣды. Только удача легче доставалась въ моменты отсутствія подъ Константинополемъ большаго греческаго флота, съ которымъ наши лодки не выдерживали открытаго боя. Часто онѣ, на-

груженныя добычей и товарами, гибли и на возвратномъ пути при встрѣчѣ съ поджидавшимъ непріятелемъ.

За весь періодъ удѣльно-вѣчевой системы князьями не сдѣлано было почти ничего важнаго для усовершенствованія судостроенія; они предпочитали пользоваться тѣмъ, что было въ народѣ, и не основали верфи или адмиралтейства, гдѣ приносились бы большія матеріальныя жертвы и требовалась сложная и устойчивая организація. Флотъ, способный къ дальнимъ плаваніямъ, даже потомъ падалъ, военные походы подъ Византію и въ Каспій дѣлались все неудачнѣе и совсѣмъ прекратились; волны дикихъ инородцевъ, выбрасываемыя Азіей, гуще и гуще застилали устья южныхъ рѣкъ, пока новая, послѣдняя дикая степная волна, татарская, не затопила собою всѣ русскія владѣнія. О доступѣ къ Черному и Каспійскому морямъ нечего было и думать; оставшееся русское населеніе, не имѣя возможности жить по сосѣдству съ татарскими кочевьями, отхлынуло отъ юга, и только впослѣдствіи казаки напомнили намъ о немъ.

Морскія сообщенія съ остальною Европой поддерживали теперь одни новгородцы, флотъ которыхъ тоже былъ рѣчной и озерной, и лишь у важнѣйшихъ купцовъ, ведшихъ морскую торговлю, были свои корабли, судя по свидѣтельству былинъ, подобные скандинавскимъ. Охраняя выходъ въ Балтійское море изъ большихъ русскихъ рѣчныхъ путей, они еще въ годы татарскаго нашествія могли одерживать въ устьѣ Невы такія блестящія побѣды, какова была одержана подъ предводительствомъ князя Александра Ярославича, получившаго за нее названіе Невскаго. Но и ихъ упорная борьба, не поддержанная другими русскими областями, не приводила къ цѣли: почти все балтійское побережье было отнято у Россіи, а Ганза, успѣвшая монополизировать отпускную торговлю новгородцевъ, всѣми средствами старалась прекратить ихъ непосредственныя морскія торговыя сношенія. Новгородскую предпріимчивость и удаль напоминали еще вольныя дружины ушкуйниковъ, но и они, разъѣзжая на своихъ лодкахъ, хотя и чинили нападенія на инородцевъ и тревожили сосѣднія владѣнія шведовъ и норвежцевъ, однако отличались больше разбоемъ по русскимъ рѣкамъ—Волгѣ, Сѣверной Двинѣ и ихъ притокамъ, грабя русскіе города и села, почему встрѣтили суровый отпоръ со стороны крѣпнувшей московской власти.

Какъ бы на смѣну ушкуйниковъ, явились потомъ отважные русскіе люди въ другихъ мѣстахъ. То были — казаки, постепенно заселявшіе степныя мѣста, которыя прилегали къ низовьямъ Днѣпра и Дону. Сила татаръ, подъ напорами на нее снизу и расшатывавшаяся внутри, скоро обнаружила слабость, начала отступать; московскіе князья, сбросивъ татарское иго, насѣли уже на татарскія гнѣзда, царства Казанское и Астраханское; крымскіе татары подчинились Портѣ,—и казаки не упу-

скали теперь случая «промышлять» и на счетъ крымскихъ и др. татаръ, и на счетъ турокъ, иногда доставали себѣ на зипуны и въ Константинопольскихъ предмѣстьяхъ, отважно предпринимая рѣчные и морскіе походы на своихъ, наскоро сготовляемыхъ, челнахъ или чайкахъ. «Шестьдесятъ человѣкъ, искусныхъ въ дѣлѣ, успѣвали въ 15 дней построить челнъ». Маленькія компаніи, въ случаѣ сбора въ походъ, работали дружно, и весь ихъ флотъ, состоявшій иногда въ 100 и болѣе судовъ, могъ поспѣвать въ нѣсколько недѣль.

Суда эти своей конструкціей и размѣрами напоминали прежнія однодеревки. Полезнымъ нововведеніемъ былъ шедшій по верху борта толстый тростниковый поясъ, ослаблявшій губительность непріятельскихъ стрѣлъ и пуль и поддерживавшій челнъ на водѣ въ случаѣ поврежденій и большаго волненія. На такихъ лодкахъ легче было пускаться въ открытое море и не держась вблизи береговъ. И все же, настигаемые кораблями, вооруженными пушками, «челны» эти, по выраженію современника, «разсыпались какъ стая скворцовъ и гибли въ морской пучинѣ»; было крайне опасно пробираться въ море или возвращаться изъ него. Устья рѣкъ сторожились турецкими галерами; Донъ запирался крѣпостью Азовомъ, Днѣпръ — Очаковымъ. Обманывая вниманіе непріятеля, казаки проскальзывали мимо подобныхъ препятствій, пользуясь темнотою ночи и волоками. Разорительность набѣговъ и другія причины побуждали иногда султана заключать съ запорожцами миръ и союзъ, а донскимъ казакамъ однажды, въ сороковыхъ годахъ XVII в., до того посчастливилось, что они взяли было самый Азовъ, но удержать его были не въ состояніи. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ, какъ извѣстно, также не рѣшился вступить изъ-за него въ войну съ турками, и крѣпость была покинута.

Воднымъ путемъ донскіе казаки учиняли свои набѣги также на Востокъ. Поднявшись по Волгѣ и съ нея по Камѣ и Чусовой проникши въ сибирскія рѣки, знаменитый Ермакъ съ своими удальцами положилъ начало великому дѣлу—покоренію Сибири. Гуляя по Волгѣ и Каспію, донцы разоряли прибрежныя селенія и грабили торговыя суда, безразлично чужія или русскія. При самомъ дерзкомъ нападеніи ихъ, по обширности превзошедшемъ грабежи новгородскихъ ушкуйниковъ, произведенномъ подъ водительствомъ Разина, флотилія ихъ простиралась до нѣсколькихъ сотъ судовъ.

Дѣйствія казаковъ, какъ и ушкуйниковъ, противныя русскимъ интересамъ, требовали обузданія: политическимъ центромъ, цѣлесообразно направлявшимъ и объединявшимъ русскія силы, была уже Москва, правительство которой приняло на себя задачу постановки и организаціи, между прочимъ, и судоходнаго дѣла.

Роль древняго Днѣпра, Волхова и Невы занимаютъ теперь Волга и

Сѣверная Двина съ ихъ притоками. Торговые люди и выселенцы, колонисты изъ Новгорода и Днѣпровскихъ береговъ помогли первоначальному основанію здѣсь русскаго судоходства, которое, подъ охраной московскаго правительства, достигаетъ потомъ до такихъ размѣровъ, что уже въ концѣ XVI в., по словамъ англичанъ, по однимъ верховьямъ Волги плавало до 500 большихъ и малыхъ судовъ. Это были — лодки, барки и т. п., не считая плотовъ. Другія лица, продолжая русское дѣло, на судахъ-шитикахъ, кочахъ и т. п. входили въ глубь Сибири, безъ всякихъ научныхъ пособій проплывали одну ея рѣку за другой, извѣдывали все ея сѣверное поморье, узнали ближайшіе острова, добирались до острововъ Курильскихъ и Сахалина. Казакъ Дежневъ переплылъ (1648 г.) проливъ, получившій впослѣдствіи названіе Берингова. Московское правительство думало о настоящемъ морскомъ судоходствѣ, котораго, однако, нельзя было организовать безъ иностранной помощи, безъ чужихъ образцовъ и людей.

По невозможности добыть берега Балтійскаго моря и основать на немъ постоянный флотъ, какъ ни добивались того московскіе государи, для непосредственныхъ морскихъ сношеній съ западной Европой оставалось въ русскихъ рукахъ одно отдаленное—Бѣлое море, требовавшее большихъ кораблей и опытныхъ моряковъ. Какъ только англичане съ неимовѣрными опасностями проложили себѣ путь чрезъ него, царь Іоаннъ Грозный, наградивъ ихъ большими привилегіями, пригласилъ чрезъ нихъ мастеровъ, которые бы умѣли строить корабли и управлять ими. При помощи англійскихъ кораблестроителей онъ выстроилъ у Вологды до 20 кораблей, думалъ довести число ихъ до 40; его намѣренія шли далѣе: онъ выпытывалъ у англичанъ о самыхъ большихъ судахъ, бывшихъ въ англійскомъ военномъ флотѣ, досталъ описаніе ихъ на бумагѣ и рисунокъ лучшаго изъ нихъ. Но неудобства въ положеніи моря, послѣдующія неблагопріятныя политическія обстоятельства и упорные заговоры иностранныхъ торговыхъ людей, не дозволявшихъ русскимъ купцамъ ѣздить съ своими товарами въ европейскіе города, воспрепятствовали созданію морскаго флота и на сѣверѣ.

Оставалось снова обратиться къ внутреннимъ рѣчнымъ путямъ, и по преимуществу къ Волжскому, ведшему въ Каспійское море, наиболѣе доступное для насъ. Здѣсь иностранцы не могли быть монопольными хозяевами; напротивъ, они сами искали себѣ у правительства разрѣшенія на свободный проѣздъ и транзитную чрезъ Россію торговлю съ Персіей и другими странами Востока. Хлопоты эти особенно усилились послѣ Смутной эпохи: ими и задумало воспользоваться наше правительство, чтобы основать флотилію по иностранному образцу. Отказывая въ разрѣшеніи транзита англичанамъ и другимъ сильнымъ торговымъ націямъ, которыя могли бы подавлять самостоятельную русскую торговлю, Ми-

хаилъ Ѳедоровичъ предоставилъ его народу незначительному, голштинцамъ. По договору съ нами, Голштинская торговая компанія могла выстроить 10 кораблей, причемъ плотниковъ, въ прибавку къ своимъ корабельнымъ мастерамъ, должна была нанимать изъ русскихъ охочихъ людей, съ обязательствомъ «отъ тѣхъ плотниковъ корабельнаго мастерства не скрывать»; въ прибавку къ своимъ людямъ, компанія должна была нанимать русскихъ къ себѣ и на службу—въ провожатые, лоцманы и проч. Срокъ привилегіи опредѣлялся на десять лѣтъ, послѣ чего всѣ корабли, построенные и снаряженные такимъ способомъ, могли перейти въ русскія руки.

Первый корабль, длиною 120 футъ, шириною 40 футъ, сидѣвшій въ водѣ 7 футъ, съ разными каютами внутри, дѣйствительно выстроился съ помощью русскихъ плотниковъ, подъ управленіемъ иностранныхъ мастеровъ. Вооруживъ его пушками для отраженія разбойническихъ нападеній, голштинское посольство отправилось (1636 г.) на немъ изъ Нижняго Новгорода, но у береговъ Дагестана корабль потерпѣлъ крушеніе. Переговоры посольства съ персидскимъ правительствомъ не имѣли успѣха. Голштинія оказалась слишкомъ слабою для такой отдаленной транзитной торговли, вслѣдствіе чего не состоялось и строеніе остальныхъ кораблей.

Неудача съ голштинцами побудила правительство подумать о новыхъ средствахъ. Мысль о нихъ занимала правительственныя сферы. Среди бояръ весьма вліятельнымъ былъ двоюродный братъ Михаила Ѳедоровича, Никита Ивановичъ Романовъ, большой охотникъ до разныхъ «нѣмецкихъ» бездѣлушекъ и забавъ; англичане подарили ему ботикъ, получившій потомъ столь почетную извѣстность. Англичане, тѣмъ не менѣе, считались неудобными для насъ; дѣйствуя слишкомъ своекорыстно и крайне угнетая русскую торговлю, Англійская торговая компанія, утвержденная Грознымъ, потеряла свой кредитъ; царь Алексѣй Михайловичъ удалилъ ея членовъ къ Архангельску, лишивъ ихъ прежнихъ торговыхъ привилегій. Ихъ во многомъ замѣнили у насъ голландцы, съ тѣмъ отличіемъ, что, не составляя одной компаніи, они ближе держались къ русскимъ. Многіе изъ нихъ выполняли тогда важныя порученія правительства, другіе основывали заводы — желѣзные, кожевенные, хрустальные, бумажные; иные, предвидя приближеніе устройства у насъ флота, сулившее выгоды, отсылали своихъ сыновей за границу для изученія морской службы. Ближе къ голландцамъ стоялъ Ординъ-Нащокинъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ московскихъ людей своего времени и правая рука царя Алексѣя Михайловича по проведенію различныхъ проектовъ. Испробовавъ, но неудачно, устроить небольшой флотъ на Западной Двинѣ, Ординъ убѣдилъ государя воспользоваться помощью голландцевъ для заведенія хорошо вооруженныхъ судовъ на Волгѣ и Каспіѣ,

чтобы мы могли, за выгодную плату, перевозить и защищать персидскіе товары, направляемые въ Россію, какъ равно и отвозить товары изъ Россіи въ персидскія владѣнія. И Ординъ-Нащокинъ получилъ царскій указъ (19 іюля 1667 г.) «для посылки изъ Астрахани на Хвалынское море дѣлать корабли въ Коломенскомъ уѣздѣ, въ дворцовомъ селѣ Дѣдиновѣ».

Корабельные строители были уже готовы и на этотъ разъ все голландцы. Ихъ наняли чрезъ фанъ-Сведена, голландскаго купца, давно уже жившаго въ Москвѣ. Этотъ предпріимчивый голландецъ основалъ у насъ заводъ для писчей бумаги, обѣщалъ устроить шерстяныя фабрики, содѣйствовалъ учрежденію почты и теперь взялся нанять и доставить въ Москву своихъ земляковъ для постройки и управленія кораблей. Мѣсто для стройки избрано село Дѣдиново (на Окѣ, близъ устья Москвы-рѣки), какъ, по близости къ Москвѣ, удобное для наблюденія и какъ славившееся своими рѣчными плотниками, строившими лодки и барки для спуска по Окѣ и Волгѣ и уже соорудившими суда, на которыхъ царь Алексѣй Михайловичъ предъ тѣмъ совершалъ свой рѣчной походъ подъ Ригу. Подъ высшимъ надзоромъ Ордина-Нащокина и подъ руководствомъ голландцевъ, дѣдиновцы принялись за постройку корабля «Орла», яхты, бота и двухъ шлюпокъ. Какъ ни много встрѣчалось препятствій, особенно по доставкѣ желѣзныхъ и артиллерійскихъ запасовъ, эта торгово-военная флотилія, обошедшаяся правительству съ небольшимъ 9.000 рублей по тогдашнему курсу (около 100.000 рубл. нынѣшнихъ), чрезъ полтора года, именно весной 1669 г., была спущена на воду и потомъ изъ Нижняго Новгорода отплыла въ Астрахань. «Орелъ» былъ около 80 футовъ длины, 21 футъ ширины и сидѣлъ въ водѣ, не въ полномъ грузу, до 5 футовъ; вооруженъ 22 пушками отъ 2-хъ до 5-ти фунтоваго калибра. Команда его была человѣкъ изъ 20-ти иностранцевъ, къ которымъ въ Казани присоединилось 35 нижегородскихъ стрѣльцовъ для охраны судовъ. Капитанъ, племянникъ фанъ-Сведена, Бутлеръ, при своемъ пріѣздѣ въ Россію представившій «корабельнаго строю письмо», т. е. какъ бы небольшой морской уставъ, везъ съ собою карту Каспійскаго моря и инструменты для навигаціоннаго счисленія и астрономическаго опредѣленія широты мѣста. Въ Астрахани, гдѣ выстроили еще одно военное судно, флотилія встрѣтилась съ полчищами Стеньки Разина, который, усмотрѣвъ въ большомъ царскомъ кораблѣ опасность для своихъ мелкихъ судовъ, велѣлъ сжечь его. Разгромъ флотиліи случился наканунѣ эпохи Петра, года за два до его рожденія. Иноземная команда разсѣялась, двое изъ ея членовъ: именно корабельный пушкарь Карстенъ Брантъ, впослѣдствіи учитель Петра, и лѣкарь Термунтъ, лицо тоже ставшее близко извѣстнымъ Петру, возвратились въ Москву.

Нѣтъ нужды, что такой былъ печальный исходъ корабельнаго дѣла.

Попытки показывали возможность строенія кораблей въ Россіи, и послѣ этого мысль о созданіи флота представлялась хотя трудно исполнимою, но уже не могла казаться несбыточною. Важна идея, установленіе преданій, появленіе надобныхъ людей. Важно, что само правительство взяло это дѣло въ свои крѣпкія руки и находило вполнѣ естественнымъ вести его и до пріобрѣтенія удобныхъ морскихъ гаваней; часть русскихъ плотниковъ поознакомилась съ иностранною техникою построенія большихъ судовъ и могла на опытѣ видѣть ея преимущества; съ присоединеніемъ къ Московскому государству малороссійскихъ казаковъ и усмиреніемъ донскихъ, въ числѣ подвластныхъ московскому государю русскихъ людей оказалось много такихъ, которые были знакомы со всѣми опасностями мореплаванія и умѣли съ ними справляться. Среди жителей подмосковной Иноземной слободы было немало лицъ, изъѣздившихъ западно-европейскія моря, и нѣкоторые изъ нихъ предлагали правительству свои планы и услуги на устройство у насъ флота, указывая на многочисленныя выгоды отъ него и торговлѣ, и государственнымъ доходамъ, и военно-политическому дѣлу. Но крѣпче всего держалась у насъ мысль объ устройствѣ его чрезъ голландцевъ. Эта мысль была самой живой въ правительственныхъ сферахъ и въ средѣ, окружавшей Петра. Не безъ причины первые видные иноземцы, близкіе къ нему, были по преимуществу голландцы, которые обучали его плаванію и постройкѣ судовъ и на московскихъ прудахъ, и на Переяславскомъ озерѣ, и въ Архангельскѣ; они долго сохраняли въ этомъ дѣлѣ для него значеніе и послѣ. Тутъ, конечно, имѣли долю значенія и случайности, какъ нахожденіе ботика и т. п. Но англійскій ботикъ, никогда не видавшій русскихъ большихъ рѣкъ и морей и не бывавшій ни въ какомъ дѣлѣ, ни торговомъ, ни военномъ, въ сущности былъ дѣтской игрушкой, не Богъ знаетъ какъ далеко ушедшей отъ тѣхъ деревянныхъ корабликовъ и лошадокъ, деревянныхъ пушекъ и другихъ игрушекъ иностранной работы, которыми Петръ любилъ забавляться въ свое время; еще ранѣе нахожденія ботика, Петръ бралъ изъ Оружейной палаты модели даже кораблей. Случайности, въ родѣ нахожденія ботика, потому такъ возбудительно и дѣйствовали на Петра, что разъясняли ему знакомое уже преданіе, непосредственно знакомили и сближали его съ надобными людьми. Самъ Петръ, чествуя «Дѣдушку русскаго флота», признавалъ прямое значеніе для себя и попытки царя Алексѣя Михайловича построить флотъ въ Дѣдиновѣ.

Замѣчательно, что въ тѣхъ предпріятіяхъ, когда, на первыхъ порахъ, Петръ поспѣшно отступалъ было отъ указаній прежняго опыта, отъ создававшихся традицій, сама дѣйствительность возвращала его на надлежащій путь.

Извѣстна его тяжелая неудача подъ Азовомъ въ первый туда походъ,

въ 1695 году, куда онъ прибылъ съ однимъ сухопутнымъ войскомъ, которое ничего не могло сдѣлать съ турецкимъ флотомъ, подававшимъ крѣпости помощь съ моря. «Подступая къ Азову, царь полагалъ возможнымъ сначала овладѣть морскимъ берегомъ и потомъ на немъ построить флотъ; но тяжелый опытъ показалъ, что безъ содѣйствія морской силы невозможно было и самое завладѣніе берегомъ». Петръ на мѣстѣ убѣдился, что надобно было воспользоваться прежнимъ опытомъ и примѣромъ, какъ дѣйствовали донскіе казаки съ ихъ походными атаманами, и тѣмъ, что́ признавалъ необходимымъ и пробовалъ устроить при осадѣ Риги Алексѣй Михайловичъ,—и, отступивъ отъ Азова осенью, онъ рѣшилъ къ слѣдующей веснѣ, за зиму, изготовить большую флотилію, способную къ состязанію съ турецкимъ флотомъ.

Быстро, не какъ его предшественники, повелъ свое дѣло молодой государь-корабельный плотникъ, объединяя и ведя къ одной цѣли способныхъ, и своихъ и чужихъ, людей и отдѣльно разсѣянныя по Россіи средства. Въ ту пору привезли въ подмосковное Преображенское предназначавшуюся для Волги и Каспійскаго моря галеру, построенную въ Голландіи и доставленную въ частяхъ съ моделью и при мастерѣ для ея сбора. По ея образцу здѣсь, вдали отъ морей и даже большихъ рѣкъ, не медля начали строить суда, и къ концу февраля 1696 года срублены были изъ сыраго, мерзлаго дерева части 22-хъ галеръ и 4-хъ брандеровъ; работали солдаты преображенскіе и семеновскіе, плотники изъ Вологды, Нижняго, Дѣдинова и другихъ мѣстъ и группа иностранцевъ. Одновременно съ тѣмъ въ лѣсныхъ мѣстахъ, гдѣ, по близости, прежде рубили свои лодки донскіе казаки и куда Михаилъ Ѳедоровичъ посылалъ вологодскихъ судовыхъ мастеровъ къ постройкѣ судовъ для отправки хлѣба въ занятый было казаками Азовъ, т. е. въ верховьяхъ Дона, на Воронежѣ и др., 26.000 работниковъ должны были къ веснѣ соорудить надобное количество струговъ, лодокъ и плотовъ; работали по преимуществу жители Дона и Украйны, крупныя суда по планамъ и подъ руководствомъ людей, присылаемыхъ изъ Москвы; недостававшіе строительные матеріалы, провіантъ и боевые снаряды спѣшно свозились изъ разныхъ дальнихъ мѣстъ. Самъ Петръ наблюдалъ и трудился и въ Преображенскомъ, и въ Воронежѣ, — и флотилія была готова. Весною, когда вскрылись рѣки, болѣе 1.300 судовъ, отъ 15 до 19 саженъ длиною, покрыли воронежскія воды, не считая сотенъ мелкихъ лодокъ и разныхъ плотовъ; между большими судами были 2 корабля, 23 галеры и 4 брандера, главный изъ нихъ, подъ названіемъ «Апостолъ Петръ», вооруженный 36 пушками, длиною былъ 113, шириною 25 футовъ. На этотъ флотъ были посажены двигавшіеся къ Азову полки и нагружено все необходимое для осады крѣпости.

Вмѣстѣ съ сухопутными войсками флотъ успѣшно разрѣшилъ свою

нелегкую задачу: загородилъ дорогу турецкому войску къ устьямъ Дона и счастливо отгонялъ турецкія суда, а полевыя войска довершали остальное на сушѣ, отражая нападенія татаръ съ тыла и не безъ удачи бомбардируя крѣпостныя укрѣпленія и дома. «Городъ Азовъ»,—рапортовалъ осаждавшій его бояринъ и воевода,—«осажденъ накрѣпко, въѣзду и выѣзду изъ него и въ него нѣтъ; сухіе и водяные пути, море и устья Донскія всѣ заперты московскаго каравана судами, а на нихъ многочисленными великаго государя ратными людьми и пушками тѣ непріятельскія пути отняты». Стѣсненный со всѣхъ сторонъ и оставшійся безъ обычной помощи своего флота, Азовъ сдался 18 іюля.

Это было первое крупное и счастливое дѣло флота, созданнаго московскою властью. Флотъ съ честью обнаружилъ, на сколько полезенъ и надобенъ онъ,—и при тріумфальномъ вшествіи побѣдителей въ Москву ему отданъ былъ почетъ, равный съ арміей; всѣ наглядно видѣли, что важны не однѣ сухопутныя, но и морскія силы. Устроитель его, Петръ, потомъ на совѣты Гордона и другихъ иностранцевъ, что необходимо имѣть безопасныя гавани прежде, чѣмъ заводить флотъ и посылать его въ море, съ полнымъ убѣжденіемъ могъ отвѣтить: «флотъ самъ себѣ отыщетъ гавань».

Какъ бы развивая идею товариществъ, практиковавшуюся прежде донскими казаками при постройкѣ военно-походныхъ чаекъ, дальнѣйшую постройку судовъ для Азовскаго моря государь поручилъ учрежденнымъ затѣмъ компанствамъ, которыя и успѣли соорудить однихъ кораблей нѣсколько десятковъ, какъ вскорѣ онъ долженъ былъ обратить свое главное вниманіе и энергію въ другую сторону — по направленію къ Балтикѣ. По сложившимся обстоятельствамъ, азовско-черноморскій флотъ тогда не могъ получить надлежащаго развитія и даже, послѣ Прутскаго похода, вынужденъ былъ прекратить свое существованіе, тѣмъ не менѣе онъ сослужилъ намъ свою службу, и не одну только временную военно-политическую: «онъ далъ возможность пріобрѣсти широкую опытность въ кораблестроеніи, подготовилъ массу людей и (ближе) ознакомилъ правительство съ источниками средствъ, способныхъ быстрому созданію балтійскаго флота».

Уже при самомъ началѣ Сѣверной войны было замѣтно, что Петръ отстранялъ повтореніе ошибки, допущенной въ первый Азовскій походъ: онъ сразу обратилъ вниманіе на водяные пути и на развитіе и укрѣпленіе тамъ судостроенія. Несмотря на то, что въ заграничное предъ тѣмъ путешествіе вмѣстѣ съ своими волонтерами прошелъ превосходную школу въ кораблестроеніи на лучшихъ верфяхъ Голландіи и Англіи и воротился оттуда съ большимъ количествомъ нанятыхъ корабельныхъ мастеровъ и моряковъ, Петръ, за спѣшностію времени, первое, что сдѣлалъ теперь—велѣлъ переписать струги у прежнихъ владѣльцевъ близъ

театра начинавшихся военныхъ дѣйствій и готовить новые на рѣкѣ Сязи, впадающей въ Ладожское озеро, и переѣхать на нихъ служившимъ подъ Азовомъ. На этихъ уже судахъ наши успѣшно открыли свои дѣйствія на Ладожскомъ и Чудскомъ озерахъ и съ такою быстротой и такъ незамѣтно проплыли Неву, что въ устьѣ ея, весной 1703 г., неожиданно напавъ на нѣсколько шведскихъ судовъ, не подозрѣвавшихъ опасности, Петръ лично взялъ ихъ на абордажъ и тѣмъ воскресилъ въ памяти народа блистательную побѣду, одержанную здѣсь Александромъ Невскимъ. Не дожидаясь, пока устья этой рѣки будутъ уступлены намъ формально, онъ основалъ тамъ городъ-крѣпость, заложивъ адмиралтейство. Судостроеніе пошло теперь въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Работа, съ участіемъ Петра, кипѣла и на Ладожскомъ озерѣ, на берегахъ Свири, и въ устьяхъ Невы; строились уже и настоящіе корабли.

Флотъ этотъ, росшій съ замѣчательною быстротою, не былъ въ состояніи одержать побѣды, равной по размѣрамъ и значенію побѣдѣ Полтавской; но и онъ выигралъ такія серьезныя сраженія, какъ Гангутское и Гренгамское; оказывалъ нашей арміи важную помощь въ доставленіи провіанта, артиллерійскихъ орудій и другихъ необходимыхъ для нея предметовъ, и тѣмъ содѣйствовалъ взятію Выборга, Нарвы, Риги; защищая Кронштадтъ отъ нападеній шведскаго флота, сдѣлалъ устья Невы недоступными для непріятельскихъ нападеній, что обезпечивало безпрепятственное развитіе всего, заготовляемаго здѣсь для войны; разъединялъ шведскую армію отъ шведскаго флота, заставляя послѣдній держаться вдали отъ занимаемыхъ русскими береговъ, и даже пытался тревожить спокойствіе Стокгольма. Славными условіями Ништадтскаго мира, поэтому, мы несомнѣнно обязаны успѣхамъ и арміи, и флота.

Во время первой половины Сѣверной войны Петръ заботился о развитіи флота на Балтійскомъ морѣ, по окончаніи ея — на Каспійскомъ, по которому Петръ совершалъ свой походъ къ персидскимъ владѣніямъ; въ послѣдніе годы царствованія онъ принялъ мѣры къ возстановленію Воронежской верфи и сдѣлалъ распоряженіе и послалъ изъ Москвы людей для постройки судовъ въ Кіевѣ и Брянскѣ; за нѣсколько недѣль до кончины онъ начертилъ планъ морской экспедиціи Беринга, приказывая для нея «въ Камчаткѣ, или въ другомъ тамъ мѣстѣ, сдѣлать одинъ или два бота съ палубами».

Создавшійся флотъ достигъ весьма внушительныхъ размѣровъ. Онъ состоялъ изъ 48 линейныхъ кораблей и нѣсколькихъ сотенъ другихъ судовъ разныхъ наименованій. Всѣхъ судовъ—кораблей, фрегатовъ, галеръ, бригантинъ, ботовъ, эверсовъ и т. п.—въ царствованіе Петра на русскихъ верфяхъ построено было около 900, значительная часть коихъ осталась и послѣ него; наибольшими размѣрами отличался корабль «Гангутъ», имѣвшій длину 164, ширину 47, глубину 19 футовъ, и вооруженный 92 пушками.

Людей во флотѣ было тысячъ 27—28. Годовое содержаніе его опредѣлилось, къ концу царствованія, до $1^1/_2$ милліона рублей (по штатамъ 1720 г. цифра расходовъ на сухопутныя войска назначалась въ 4 милліона рублей). Флотъ выдѣлился въ особое самостоятельное вѣдомство, морское, съ адмиралтейскою коллегіею и адмираломъ во главѣ; явились для него узаконенія, уставы, регламенты, книги, карты, спеціальныя училища съ общеобразовательными предметами—навигаціонная школа и морская академія, доставлявшія контингентъ подготовленныхъ высшихъ чиновъ; нижніе чины комплектовались чрезъ рекрутскіе наборы; способные люди отправлялись для обученія и практики на иностранныя верфи и суда. Вырабатываясь въ періодъ непрестанныхъ дѣйствій, вся эта организація создававшагося флота пріобрѣтала характеръ практичности; получаемые съ Запада образцы, за исключеніемъ терминовъ, быстро видоизмѣнялись соотвѣтственно съ мѣстными условіями, заявлявшими о себѣ. Флотъ удерживалъ національный характеръ не только по преобладавшему составу членовъ, но и по духу его регламентовъ, узаконеній. Къ 1721 году почти всѣ матросы были уже одни русскіе; мѣры къ сокращенію числа иностранныхъ морскихъ офицеровъ и замѣнѣ ихъ русскими привели къ тому, что въ слѣдующемъ году Крюйсъ писалъ Апраксину: «по мнѣнію моему, ни одного иноземца въ офицеры не надлежитъ принимать, который не былъ добрымъ штурманомъ и констапелемъ, понеже здѣсь и своихъ русскихъ офицеровъ довольно»; важнѣйшія руководственно-отвѣтственныя должности—адмиральство, президентство въ коллегіи, предоставлялись исключительно однимъ русскимъ людямъ.

Нравственныя начала во флотѣ положены были тѣ же, что и въ арміи: при строгой дисциплинѣ тѣсная моральная связь между членами флота. Непосредственному главному начальнику его, генералъ-адмиралу, который, по регламенту, хотя и «презентовалъ собою персону своего государя», вмѣнялось относиться къ подчиненнымъ, «яко отцу», и «образомъ своего житія» подавать всѣмъ примѣръ въ храбрости, справедливости и ревности. Какъ и самъ Петръ, который постепенно былъ плотникомъ, басомъ, шкиперомъ, капитаномъ и, наконецъ, адмираломъ, дѣлившимъ съ сослуживцами заботы, дѣло, радость и горе, онъ долженъ былъ жить общею, неразрывною съ флотомъ жизнью.

Вмѣстѣ съ развитіемъ военнаго флота быстро росъ и флотъ торговый. Часть торговыхъ кораблей была построена отъ казны, и на нихъ отправлялись казенные и частные товары въ дальніе заграничные порты. Къ ихъ постройкѣ государь побуждалъ крупныхъ купцовъ, предоставляя предпринимателямъ различныя льготы. Морскимъ офицерамъ разрѣшалось поступать на торговыя и промысловыя суда капитанами, туда опредѣлялись и матросы. Для распространенія по нашимъ рѣкамъ и озерамъ

новыхъ судовъ, вмѣсто прежнихъ, староманерныхъ, Петръ посылалъ въ разныя мѣста Россіи офицеровъ, мастеровыхъ, подмастерьевъ и учениковъ изъ адмиралтейства. Посланные строили большею частію образцовыя суда, по которомъ окрестные жители сами могли бы учиться новому судостроенію. Принципъ взаимодѣйствія торговаго и военнаго флотовъ проводился вообще въ широкихъ размѣрахъ, оказывая тѣмъ помощь и сухопутнымъ войскамъ въ ихъ военныхъ предпріятіяхъ и нашей торговлѣ и промышленности, причемъ на всемъ мы видимъ яркій отпечатокъ воззрѣній и дѣятельности главнаго Строителя.

Не уступая въ отвагѣ древне-русскимъ князьямъ, учинявшимъ морскіе походы и набѣги, этотъ Строитель былъ вмѣстѣ и геніальный преемникъ московскихъ государей, которые, не довольствуясь уже рѣчными лодочками, посмотрѣли на флотъ съ точки зрѣнія общегосударственныхъ интересовъ. Но «московскіе государи надѣялись выполнить дѣло, не выходя изъ Кремля, путемъ указовъ и порученій»,—и оно не двинулось у нихъ далѣе попытокъ. А Петръ, бывши лучшимъ въ Европѣ корабельнымъ мастеромъ и опытнѣйшимъ морякомъ, «съ топоромъ въ рукахъ самъ сходитъ на верфь, строитъ лодки, закладываетъ галеры, корабли», влагаетъ въ дѣло всю свою душу, увлекая съ собой и за собой подвластныхъ и наймитовъ,—и флотъ, во всемъ его разнообразіи, получаетъ прочное существованіе, постоянно напоминая о мысли Великаго Преобразователя, что «всякій потентатъ (владѣтель), который едино войско сухопутное имѣетъ, одну руку имѣетъ; который и флотъ имѣетъ,—обѣ руки имѣетъ», и что флотъ долженъ быть способенъ не къ однимъ оборонительнымъ дѣйствіямъ, но и къ наступательнымъ, всегда быть въ состояніи, въ случаѣ надобности и потребности, самъ «сыскать себѣ гавань».

Профес. **Дм. Цвѣтаевъ.**

Замѣтка о домѣ Романовыхъ [1].

О происхожденіи дома Романовыхъ существуетъ два мнѣнія. Родоначальникомъ этого дома считаютъ то выходца изъ Пруссіи, то выходца изъ Литвы. Почти всѣ наши историки придерживаются перваго предположенія и, основываясь, какъ кажется, на заявленіи Кампенгаузена, доказываютъ, что прародитель дома Романовыхъ былъ братъ нѣкоего прусскаго князя,—Глянда Камбила Дивоновичъ, который прибылъ въ

[1]) 12-го іюля настоящаго года исполнится 300 лѣтъ со дня рожденія родоначальника дома Романовыхъ—царя Михаила Ѳеодоровича, а между тѣмъ и до настоящаго времени, помѣщаемыя въ родословныхъ сборникахъ росписи членовъ русскихъ дворянскихъ родовъ вообще и дома Романовыхъ въ особенности крайне неудовлетворительны въ научномъ отношеніи. На этомъ основаніи Костромская ученая архивная коммиссія уже нѣсколько лѣтъ занимается собираніемъ историческихъ матеріаловъ для возсозданія прошедшаго предковъ царя Михаила Ѳеодоровича, какъ со стороны его матери—великой инокини Марфы, такъ и со стороны отца—святѣйшаго всероссійскаго патріарха Филарета.

Собранные ученою архивною коммиссіею матеріалы настолько обширны и важны, что побудили предсѣдателя коммиссіи, члена Государственнаго Совѣта, статсъ-секретаря Н. Н. Селифонтова ходатайствовать объ учрежденіи при коммиссіи особаго отдѣла библіотеки и архива подъ наименованіемъ „Романовскій отдѣлъ архива и библіотеки Костромской губернской ученой архивной коммиссіи“. Въ этомъ отдѣлѣ предполагается сосредоточить, какъ собранные уже документы о домѣ Романовыхъ, такъ и тѣ, которые будутъ вновь найдены въ правительственныхъ и частныхъ архивахъ. Сюда же войдутъ всякаго рода замѣтки, ученыя изслѣдованія и монографіи, касающіяся дома Романовыхъ.—Къ числу такихъ замѣтокъ принадлежатъ и двѣ печатаемыя нынѣ на страницахъ „Русской Старины“. Онѣ помѣщаются въ томъ видѣ, въ какомъ доставлены торомъ.

Ред.

Россію, въ послѣдней четверти XIII вѣка и принялъ св. крещеніе съ именемъ Ивана, въ 1287 году. По другой же версіи, онъ былъ знатнымъ литовскимъ вельможею, пріѣхавшимъ въ Россію около 1280 года. Въ пользу этого послѣдняго предположенія говорятъ два обстоятельства: а) названіе Глянда Камбила—несомнѣнно литовскаго корня; вѣроятно отсюда произошло и прозваніе Кобыла, которое придано было сыну его Андрею Ивановичу, являющемуся уже историческимъ лицомъ, какъ занимавшій высокое положеніе при дворѣ Московскаго великаго князя Симеона Ивановича Гордаго, и б) время прибытія въ Россію, во второй половинѣ XIII вѣка, совпадаетъ съ происходившими тогда въ Литвѣ большими смутами, послѣ смерти великаго князя Миндовга, въ 1263 году, когда многіе знатные литовцы бѣжали отъ преслѣдованія своихъ; въ одинъ Псковъ удалилось до 300 семействъ и тамъ поселились, принявъ святое крещеніе.

Былъ ли родоначальникъ дома Романовыхъ выходцемъ изъ Пруссіи или изъ Литвы, во всякомъ случаѣ онъ былъ знатнымъ лицомъ, такъ какъ и сынъ его Андрей Ивановичъ Кобыла, и внукъ Ѳедоръ Андреевичъ Кошка были возведены въ боярскій санъ и занимали важныя государственныя должности, будучи приближенными людьми при московскихъ великихъ князьяхъ, у которыхъ пользовались большимъ довѣріемъ.

Знатность рода доказывается и тѣмъ, что уже Ѳедоръ Андреевичъ Кошка, въ 1391 году, выдалъ дочь свою Анну замужъ, за сына великаго князя Михаила Александровича Тверскаго—Ѳедора Михайловича Микулинскаго и тогда же породнился съ Рюриковскимъ домомъ. Такое родство происходило и впослѣдствіи неоднократно. Такъ, внучка того же Ѳедора Андреевича, дочь сына его, Ѳедора Голтяя, Марія была за княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ Боровскимъ, правнукомъ великаго князя Ивана Калиты [1]), а правнучка Ѳедора Андреевича, дочь предыдущей, Марія Ярославна была супругою великаго князя Василія III Темнаго.—На этой свадьбѣ произошелъ извѣстный споръ о драгоцѣнномъ поясѣ, отобранномъ у Галицкаго князя Василія Юрьевича Косого, что было поводомъ къ жестокой распрѣ между великимъ княземъ Василіемъ III и его двоюродными братьями, ознаменовавшейся столь печальными послѣдствіями для обѣихъ враждовавшихъ сторонъ. Въ четвертый разъ домъ Романовыхъ породнился съ домомъ Рюрика черезъ бракъ царя Ивана Васильевича IV Грознаго съ Анастасіею Романовною и, наконецъ, въ пятый разъ—черезъ женитьбу ея брата Ни-

---

[1]) У великаго князя Ивана Калиты былъ сынъ Андрей († 1353), внукъ Владиміръ Храбрый († 1410) и правнукъ Ярославъ.

киты Романовича на княжнѣ Евдокіи Александровнѣ Горбатой-Шуйской (22-ое колѣно отъ Рюрика) [1]).

У Никиты Романовича было пять сыновей, которые, за исключеніемъ Ѳедора, впослѣдствіи патріарха Филарета, и недужнаго брата его Ивана, всѣ погибли, не переживъ и года жестокаго съ ними обращенія въ ссылкѣ въ отдаленныхъ мѣстахъ, избранныхъ для жительства царемъ Борисомъ Годуновымъ въ 1601 году. Да и самое это гоненіе, основанное на подготовленной умышленно нелѣпой клеветѣ, не служитъ ли лучшимъ доказательствомъ, какъ родъ Романовыхъ, близко стоявшій къ престолу, даровитый и любимый народомъ, казался опасенъ для царя Бориса [2]).

Никита Романовичъ женатъ былъ два раза. Первая его супруга Варвара Ивановна, урожденная Ховрина, скончалась въ 1552 году, а вторая—Евдокія Александровна, дочь князя Александра Борйсовича Горбатаго-Шуйскаго, въ 1576 году. Самъ же онъ умеръ въ 1586 году.

Естественно является вопросъ—отъ какого брака какіе именно были дѣти?

Въ родословной фамиліи Романовы-Юрьевы-Захарьины, приложенной къ «Русской Старинѣ» за 1878 годъ, сказано, что старшій Ѳедоръ (въ монашествѣ Филаретъ) родился отъ перваго брака отца съ Варварою Ивановною Ховриной, около 1550 года и что всѣ остальныя дѣти были отъ втораго брака.

---

[1]) Родъ князей Горбатыхъ-Шуйскихъ ведетъ свое начало отъ сына св. Александра Невскаго—Андрея Суздальскаго, старшаго брата Даніила Московскаго. Ближайшимъ предкомъ этой отрасли считается Иванъ Городецкій, прозванный Горбатымъ, правнукъ великаго князя Дмитрія III Константиновича Суздальскаго. Отъ Рюрика до св. Александра Невскаго насчитываютъ 11 колѣнъ, отъ него до великаго князя Дмитрія III Суздальскаго четыре колѣна, затѣмъ до князя Ивана Горбатаго-Городецкаго еще три колѣна и, наконецъ, отъ сего послѣдняго до княжны Евдокіи Александровны четыре колѣна,—всего 22 колѣна.

[2]) Боярина Александра Никитича (пожалованъ въ бояры въ 1599 г.), по словамъ лѣтописцевъ, удавили въ ссылкѣ, у береговъ Бѣлаго моря. Братьевъ его Василія и Ивана сослали въ Пелымъ. Окольничаго Михаила Никитича уморили голодомъ, содержа въ землянкѣ-тюрьмѣ, въ Ныробской волости, въ окрестностяхъ Чердыни. Боярина Ѳедора Никитича (бояриномъ съ 1587 г.) насильно постригли въ монахи въ Сійскомъ-Антоніевомъ монастырѣ, въ Холмогорскомъ краю, подъ именемъ Филарета. Жену его Ксенію Ивановну, урожденную Шестову, постригли подъ именемъ Марфы и сослали въ Заонежье. Малолѣтнихъ дѣтей ихъ, будущаго царя Михаила, пяти лѣтъ, съ сестрою Татьяною, сослали на Бѣлоозеро, вмѣстѣ съ теткою ихъ—дѣвицею Анастасіею Никитичною, которая вышла потомъ замужъ за князя Бориса Михайловича Лыкова-Оболенскаго. Пострадали также и многіе другіе родственники изъ семейства Романовыхъ.

*

Между тѣмъ въ жизнеописаніи святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всея Россіи, составленномъ А. Смирновымъ, положительно утверждается, что онъ родился отъ второй супруги Никиты Романовича—Евдокіи, изъ рода князей Горбатыхъ, полагая время рожденія между 1554 и 1560 годами [1]).

Какое изъ этихъ двухъ противорѣчивыхъ показаній заслуживаетъ болѣе вѣроятія?

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, точнаго дня рожденія не обозначено,—слѣдовательно оба заявленія основаны не на неопровержимомъ фактѣ. Поэтому можно принять за достовѣрное лишь то предположеніе, которое наиболѣе отвѣчаетъ другимъ извѣстнымъ обстоятельствамъ.

Прежде всего необходимо установить время втораго брака Никиты Романовича. Не подлежитъ сомнѣнію, что бракъ этотъ былъ совершонъ вскорѣ послѣ смерти первой его супруги, послѣдовавшей въ 1552 году. Невозможно допустить, чтобы Никита Романовичъ, не возбуждая гнѣва грознаго царя Ивана Василіевича, могъ жениться, не только на дочери казненнаго боярина, но даже и такого, который впалъ въ немилость. Поэтому можно съ увѣренностью предположить, что бракъ состоялся задолго до казни [2]), еще при жизни родной сестры Никиты Романовича—царицы Анастасіи и при ея содѣйствіи.

Такъ какъ отецъ невѣсты, князь Александръ Борисовичъ Горбатый-Шуйскій, послѣ покоренія Казани, былъ первымъ намѣстникомъ въ этомъ городѣ, съ 1552 по 1555 годъ, то свадьба могла состояться по возвращеніи его въ Москву, т. е. въ 1555 же году, и въ такомъ случаѣ Ѳедоръ Никитичъ могъ родиться въ 1556 году.

Продолжая изслѣдованіе, нельзя не остановиться на времени вступленія въ бракъ Ѳедора Никитича, на времени ссылки его и постриженія въ монахи и, наконецъ, на времени его кончины. По приведенной родословной бракъ Ѳедора Никитича состоялся около 1585 года. Въ сочиненіи же А. Смирнова говорится, что Ѳедоръ Никитичъ женился при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, по принужденію, съ цѣлью унизить его (по

---

[1]) Въ родословной росписи рода Романовыхъ, составленной П. Хавскимъ, изданіе 1863 года, показано также, что Ѳедоръ Никитичъ родился отъ второй супруги своего отца.

[2]) Казнь князя Александра Горбатаго совершена при учрежденіи опричины въ 1565 году. Въ «Вивліоѳикѣ» Новикова, изданія 1791 года, боярина князь Александръ Борисовичъ Горбатый показанъ выбывшимъ изъ списковъ въ 1566 году (7074); въ томъ же году послѣдовала кончина дворецкаго Даніила Романовича Юрьева и назначеніе на эту должность боярина Никиты Романовича Юрьева (въ званіе боярина пожалованъ былъ въ 1563 году). Назначеніе на столь приближенную должность какъ дворецкаго подтверждаетъ, что царь Иванъ Васильевичъ продолжалъ благоволить къ Никитѣ Романовичу, несмотря на казнь его тестя.

мѣстническимъ понятіямъ) связью съ обѣднѣвшею фамиліею, но онъ нашелъ добрую жену въ Ксеніи Ивановнѣ, урожденной Шестовой.

Если причина такого брака справедлива, то кто же могъ стараться унизить Ѳедора Никитича, какъ не Борисъ Годуновъ? Съ другой стороны, окончательное вліяніе послѣдняго на царя Ѳедора Ивановича утвердилось лишь послѣ смерти Никиты Романовича, послѣдовавшей въ 1586 году, когда царь лишился высокочтимаго и любимаго имъ дяди. Надо поэтому полагать, что и бракъ Ѳедора Никитича состоялся послѣ 1586 года. Отъ этого брака было пять сыновей и одна дочь. Старшіе четыре сына померли еще въ младенческихъ лѣтахъ, въ періодъ времени съ 1592 по 1599 годъ; замужняя дочь умерла въ 1611 году; отца пережилъ только царь Михаилъ Ѳедоровичъ.

Опала постигла домъ Романовыхъ въ 1601 году. Извѣстно, что всѣ братья Романовы были тогда въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ. По удостовѣренію современниковъ, старшій изъ нихъ, Ѳедоръ Никитичъ, не только отличался умомъ, дарованіями и привѣтливостью, но обладалъ также замѣчательною ловкостью и красотою. Никто лучше его не ѣздилъ верхомъ; не было въ Москвѣ красивѣе и щеголеватѣе мужчины. Какъ же согласовать эти отзывы съ 50-ти-лѣтнимъ возрастомъ, если рожденіе его отнести къ 1550 году? Не служитъ ли это новымъ подтвержденіемъ, что онъ былъ значительно моложе и что ему было тогда не болѣе 45 лѣтъ.

Обращаясь затѣмъ ко времени кончины патріарха Филарета († въ 1663 г.), мы опять наталкиваемся на слишкомъ большую разницу лѣтъ между 83 и 77 годами. Если принять въ соображеніе, что до конца своей жизни, почти до послѣдней минуты, патріархъ проявлялъ замѣчательную энергію по управленію, не однимъ духовнымъ вѣдомствомъ, но и государственными дѣлами вообще, то едва ли онъ могъ быть столь преклонныхъ лѣтъ, какъ 83-хъ-лѣтній возрастъ, въ особенности послѣ тѣхъ физическихъ страданій и нравственныхъ потрясеній, которыя онъ испыталъ въ продолженіе своей жизни. Ссылка, постриженіе и заточеніе въ теченіе пяти лѣтъ, во время опалы; разлука съ женою и малолѣтними дѣтьми, что сокрушало его страшнымъ горемъ, и потомъ продолжительное, съ 1610—1619 годъ, пребываніе въ плѣну въ Польшѣ, при всякихъ лишеніяхъ и оскорбленіяхъ,—всѣ эти обстоятельства не могли содѣйствовать сохраненію глубокой старости, какъ бы онъ ни былъ крѣпко сложенъ.

Вышеизложенныя данныя приводятъ къ убѣжденію, что Ѳедоръ Никитичъ родился позже 1550 года и былъ не отъ перваго, но отъ втораго брака его отца съ княгинею Евдокіею Александровною Горбатою-Шуйскою, а потому въ благополучно царствующемъ нынѣ домѣ течетъ несомнѣнно Рюриковская кровь, и царь Михаилъ Ѳедоровичъ возсѣлъ на престолъ, не по одному только избранію народному, но и по законному прирожденному праву.

Г. М.

ЗАМѢТКА

о родѣ князей Шуйскихъ вообще и о младшей его вѣтви князей Горбатовыхъ-Шуйскихъ.

Занимаясь изслѣдованіемъ родственныхъ связей между домомъ Рюрика и царственнымъ домомъ Романовыхъ, мы должны были, по необходимости, войти въ разсмотрѣніе нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся суздальскихъ князей, какъ родоначальниковъ двухъ угасшихъ фамилій—князей Шуйскихъ (старшая вѣтвь) и князей Горбатовыхъ-Шуйскихъ (младшая вѣтвь). Къ этой послѣдней отрасли принадлежала вторая супруга боярина и дворецкаго Никиты Романовича Юрьева-Захарьина, дѣда царя Михаила Ѳеодоровича, которую считаемъ, какъ старались доказать въ предыдущей статьѣ, матерью его отца—святѣйшаго патріарха Филарета Никитича.

Наши историки, прежде всего, несогласны между собою насчетъ самаго происхожденія суздальскихъ князей, ведя родъ ихъ отъ брата св. Александра Ярославича Невскаго или отъ его сына. Причина такого разногласія заключается въ той путаницѣ, которая существуетъ въ родословныхъ русскихъ князей вообще и въ тѣхъ противорѣчивыхъ часто показаніяхъ, которыя встрѣчаются въ нашихъ лѣтописяхъ. Многое приходится потому основывать на догадкахъ, болѣе или менѣ удачныхъ, которыя являются неизбѣжно, при сопоставленіи сомнительныхъ данныхъ съ другими уже извѣстными фактами. Н. М. Карамзинъ, Н. Г. Устряловъ и нѣкоторые другіе историки, а въ послѣднее время П. Н. Петровъ и А. В. Экземплярскій, ведутъ родъ суздальско-нижегородскихъ князей отъ великаго князя Андрея Ярославича, втораго сына великаго князя Ярослава Всеволодовича, тогда какъ другіе изслѣдователи, начиная съ С. М. Соловьева, считаютъ этотъ родъ происходящимъ отъ великаго князя Андрея Александровича, сына св. Александра Яро-

славича Невскаго. При этомъ нашъ извѣстный историкъ, въ подтвержденіе своего предположенія, приводитъ два доказательства:

1) Въ Никоновской лѣтописи, годъ 1365, о старшемъ братѣ великаго князя Димитрія III Константиновича Суздальскаго выражено: «Преставися кроткій, и тихой, и смиренной, и многодобродѣтельный князь Андрей Константяновичъ Суздальскій, Новгорода-Нижняго и Городецкій, внукъ Васильевъ, правнукъ Михаиловъ, праправнукъ Андреевъ, препраправнукъ Александровъ, пращуръ Ярославъ... и т. д.»

Въ приведенномъ перечнѣ суздальскихъ князей, какъ поколѣніе св. Александра Невскаго, вкралась ошибка: согласно установившемуся нынѣ взгляду, князь Василій († 1309) приходился князю Михаилу († 1304) не сыномъ, а роднымъ братомъ.

А. В. Экземплярскій, указывая на эту ошибку, находитъ въ двухъ мѣстахъ Никоновской же лѣтописи, что Михаилъ былъ сынъ Андрея Ярославича, а не Александровича. Такъ, подъ 1264 годомъ, говорится: «Того же лѣта преставися князь великій Суздальскій Андрей Ярославичъ... Сего сынове: Юрьи, Михайло.» Подъ 1279 годомъ въ той же лѣтописи сказано: «Того же лѣта преставись князь великии Юри Андреевичъ Суздальскии, внукъ Ярославичъ, правнукъ Всеволожъ... ...И по немъ сяде братъ его (слѣдовательно внукъ Ярославичъ) на великомъ княженіи в Суздале князь Михайло Андреевичъ.»

Нельзя допустить, чтобы нашъ историографъ, которого труды отличаются замѣчательною добросовѣстностью, могъ не знать этихъ двухъ послѣднихъ указаній означенной лѣтописи; если же онъ не придалъ имъ значенія, а остановился на первомъ указаніи, то, по всей вѣроятности, потому, что оно казалось ему болѣе согласованнымъ съ другими обстоятельствами. Замѣтимъ при этомъ, что С. М. Соловьевъ спеціально занимался изученіемъ родовыхъ отношеній между князьями Рюрикова дома.

и 2) царь Василій Ивановичъ Шуйскій, въ грамотѣ о своемъ избраніи, говоря о происхожденіи своемъ, ведетъ общій родъ до Александра Невскаго, котораго называетъ своимъ прародителемъ, а послѣ Александра начинается развѣтвленіе рода на двѣ отрасли—отрасль Андрея Александровича, отъ котораго пошли они, князья Суздальско-Шуйскіе, и отрасль Даніила Александровича, отъ котораго пошли князья, потомъ цари московскіе.

А. В. Экземплярскій находитъ этотъ аргументъ болѣе чѣмъ слабымъ, усматривая въ словахъ царя Василія Ивановича одну похвальбу передъ боярами и толпою о происхожденіи отъ Невскаго, такъ какъ ему нуженъ былъ знаменитый предокъ для того, чтобы власть его была, такъ сказать, санкціонирована въ глазахъ народа.

Съ такимъ воззрѣніемъ А. В. Экземплярскаго согласиться безусловно

нельзя. Необходимо припомнить, что мѣстническія понятія сохранялись тогда еще въ полной силѣ, и каждый очень хорошо зналъ какъ свой, такъ и чужіе роды. Василій Ивановичъ Шуйскій, будучи одаренъ умомъ, обладалъ и большимъ лукавствомъ. Но если такое свойство его характера не мало способствовало ему къ достиженію престола, то оно же должно было, какъ искуснаго политика, удержать его отъ публичной лжи, которая, при извѣстности его происхожденія, могла ему только повредить въ общемъ мнѣніи. Поэтому мы не можемъ признать аргумента С. М. Соловьева слабымъ, а напротивъ того, находимъ его весьма сильнымъ и думаемъ, что царь Василій Ивановичъ Шуйскій объявилъ такое всенародное воззваніе потому, что самъ былъ убѣжденъ въ прямомъ своемъ происхожденіи отъ св. Александра Невскаго.

Въ доказательство противнаго мнѣнія, т. е., что родъ Суздальскихъ князей слѣдуетъ вести отъ брата Невскаго, великаго князя Андрея Ярославича, А. В. Экземплярскій приводитъ одинъ фактъ, на его взглядъ очень вѣсскій, на который уже указывалъ профессоръ Сергѣевичъ въ своихъ «Лекціяхъ по русскому праву» (издан. 1887 года). Фактъ этотъ, заключающійся въ женитьбѣ великаго князя Андрея Александровича (сына Невскаго) на дочери Ростовскаго князя Дмитрія Борисовича, изложенъ въ лѣтописномъ указаніи слѣдующимъ образомъ:

«Въ Воскресен: «преставись (въ 1294 году) князь Дмитрій Ростовскій... Того же лѣта женись князь Андрей Александровичъ (вторымъ бракомъ), поня княгиню Василису, дщерь Дмитріеву Борисовича Ростовскаго» (см. 183 примѣчаніе къ IV тому «Исторіи государства россійскаго»).

Обратимъ сначала вниманіе на то, что Н. М. Карамзинъ, какъ отмѣчено имъ въ скобкахъ, считаетъ этотъ бракъ вторымъ. А. В. Экземплярскій же, не находя источниковъ, на основаніи которыхъ сдѣлана такая отмѣтка, и относя ее къ простому соображенію историка, полагаетъ, что названный бракъ былъ первымъ; при чемъ ставитъ вопросъ: если Михаилъ Андреевичъ былъ сынъ Андрея Александровича, женившагося въ 1294 г., то могъ ли онъ самъ жениться въ 1304 г., когда ему было 10-ть лѣтъ, а въ 1305 г., когда ему было лѣтъ одиннадцать, избить вѣчниковъ? [1])

Какъ бы выводы логичны ни были, но они получаютъ серьезное значеніе лишь тогда, когда исходятъ изъ твердаго основанія. Но приписывать такому глубокому изслѣдователю, какъ Н. М. Карамзинъ, личныя одни соображенія, тогда какъ онъ пользовался богатыми матері-

---

[1]) Въ 1305 г., въ Нижнемъ-Новгородѣ, чернь избила бояръ великаго кн. Андрея Александровича; въ томъ же году возвратился изъ орды князь Михаилъ Андреевичъ и наказалъ вѣчниковъ.

алами, относясь къ нимъ критически, едва ли справедливо. Если же бракъ былъ не первымъ, а вторымъ, то и приведенныя разсужденія падаютъ сами собою.

По всѣмъ вышеизложеннымъ даннымъ, нельзя не согласиться съ С. М. Соловьевымъ и не придти къ заключенію, что вопросъ о происхожденіи князей Суздальско-Нижегородскихъ не можетъ быть пока рѣшенъ окончательно. Съ своей стороны, для бо̀льшаго его разъясненія, можемъ указать на одно обстоятельство въ пользу происхожденія ихъ отъ св. Александра Невскаго, которое, сколько намъ извѣстно, не принималось еще въ соображеніе. Въ ордѣ, при соисканіи на великое княженіе Владимірское, суздальскіе князья, соперничная съ московскими, указывали постоянно на свое родовое старшинство [1]). Такъ, по смерти великаго князя Семена Гордаго, соперникомъ его брату, Ивану Красному, явился суздальскій князь Константинъ Василіевичъ; точно также и послѣ кончины великаго князя Ивана II, соперникомъ его сыну, Дмитрію Донскому, былъ—сынъ Константина Суздальскаго—Дмитрій Константиновичъ III, который и получилъ сперва ярлыкъ на великое княженіе, но не надолго.

Отъ Рюрика до св. Александра Невскаго или до его брата Андрея Ярославича насчитывается 11-ть колѣнъ. Ведя счетъ далѣе до великаго князя Дмитрія III Константиновича, получимъ отъ Рюрика же, въ одномъ случаѣ, считая родъ Суздальскихъ князей отъ Андрея Ярославича,—14, а въ другомъ, если вести родъ отъ Андрея Александровича—15 колѣнъ. Поэтому, правнукъ Дмитрія III Константиновича, князь Иванъ Горбатый (Городецкій), который былъ родоначальникомъ младшей вѣтви князей Горбатыхъ-Шуйскихъ, представляетъ 17-ое, или 18-ое колѣно отъ Рюрика.

Между тѣмъ изъ XVII-го полутома энциклопедическаго словаря Брокгауза (стр. 215) узнаемъ, что князь Иванъ Василіевичъ, прозванный Горбатымъ, (19 колѣно отъ Рюрика) жилъ въ концѣ XV вѣка. Спрашивается, откуда явились эти 19 колѣнъ, вмѣсто упомянутыхъ выше 17 или 18, а также на основаніи какихъ данныхъ онъ жилъ въ концѣ, а не въ половинѣ XV вѣка?—Время его смерти, правда, неизвѣстно, но знаемъ однако, что князь Иванъ Горбатый, по договору съ великимъ княземъ Василіемъ Темнымъ, заключенному въ 1451 году, обязался отдать ему ярлыки на Суздаль и Нижній-Новгородъ, получивъ за то, въ видѣ простой уже вотчины, а не удѣла, Волжскій Городецъ.

---

[1]) При чемъ, разумѣется, имѣли въ виду старшинство Андрея Александровича предъ Даніиломъ Александровичемъ, который былъ его моложе, а не Андрея Ярославича, передъ братомъ своимъ св. Александромъ Невскимъ, который былъ его старше.

Въ слѣдующей статьѣ того же словаря, о князѣ Александрѣ Борисовичѣ Горбатомъ-Шуйскомъ, между прочимъ, сказано, что онъ сложилъ голову въ 1564 году и что старшая его дочь Евдокія была за Романомъ Юрьевичемъ Захарьинымъ, дѣдомъ царя Михаила.

Въ этихъ свѣдѣніяхъ, что ни слово, то ошибка. Казнь совершена 4 февраля 1565 года. Извѣстно, что царь Иванъ Василіевичъ IV Грозный отъѣхалъ изъ Москвы въ Александровскую слободу 3-го декабря 1564 г. и только спустя мѣсяцъ, именно 3-го января, прислалъ митрополиту списокъ объ измѣнахъ боярскихъ, послѣ чего учреждена была опричина и послѣдовали казни [1]). Княжна Евдокія Горбатая была замужемъ дѣйствительно за дѣдомъ царя Михаила Ѳедоровича, но только за Никитою Романовичемъ, а не за прадѣдомъ его Романомъ Юрьевичемъ. Да и старшая ли она была изъ дочерей князя Александра Горбатаго? По Бутурлинской родословной, старшею дочерью показана княжна Ирина († 1565), которая была за княземъ Иваномъ Ѳедоровичемъ Мстиславскимъ.

Мы уже говорили о недоразумѣніяхъ, которыя встрѣчаются въ нашихъ старыхъ родословныхъ. Новѣйшіе же ихъ составители не только не разъясняютъ возникающихъ сомнѣній, но, повидимому, еще болѣе затемняютъ дѣло. Какъ образчикъ путаницы, приведемъ выдержки о родѣ Суздальскихъ же князей изъ сочиненія П. Н. Петрова—«Исторіи родовъ русскаго дворянства», изданіе 1886 года.

На страницахъ 120—121 тома I мы видимъ, что у втораго сына князя Василія Юрьевича Шуйскаго (правнука великаго князя Дмитрія Константиновича и внука сына послѣдняго, князя Василья Кирдяпы Суздальскаго),—Михаила Висильевича было два сына: Иванъ Михаиловичъ Плетень († 1559) и Андрей Ивановичъ (а не Михаиловичъ), который былъ воеводою и убитъ въ 1553 году 29 декабря, при штурмѣ Полоцка. Далѣе излагается его краткая біографія: въ послѣдніе годы княженія Василія IV, онъ былъ на воеводствѣ въ Нижнемъ; въ первый годъ правленія Елены сохранялъ вѣрность ея правительству; въ 1540 году былъ намѣстникомъ въ Псковѣ; въ 1544 году—воеводой въ Казанскомъ походѣ, въ 1549 г.—въ Шведскомъ, въ 1550 г.—въ Полоцкомъ и тамъ сложилъ голову. Послѣ того говорится, что братъ Ивана Михаиловича Плетня—Андрей Михаиловичъ оставилъ одного

---

[1]) Лѣтосчисленіе велось тогда сентябрьскими годами; при переводѣ же этихъ годовъ на январскіе, данный годъ уменьшается на единицу въ томъ лишь случаѣ, когда событіе случилось въ мѣсяцахъ съ сентября по декабрь включительно; во всѣхъ же остальныхъ мѣсяцахъ, по общему правилу, изъ годовъ отъ сотворенія міра прямо вычитается 5.508—число лѣтъ, протекшихъ до Рождества Христова.

сына, боярина князя Ивана Андреевича († 1573 г.), отца четырехъ сыновей: царя Василія Ивановича и трехъ его братьевъ—Дмитрія, Александра и Ивана Василіевичей. Наконецъ, вслѣдъ за повѣствованіемъ о дѣйствіяхъ опекуна царя Ивана Грознаго—Василія Василіевича Шуйскаго (Нѣмаго), и о поступкахъ брата его Ивана Василіевича, втораго верховника, который вынужденъ былъ въ 1542 году покинуть власть и умеръ потомъ въ неизвѣстности, мы читаемъ: «Другихъ его пособниковъ судьба была больше суровая: Андрея Михайловича обрекъ казни гнѣвъ юнаго Грознаго, въ первый разъ проявленный. Его бросили—по приговору своей же братіи бояръ—псарямъ на растерзаніе на улицѣ (29 декабря 1543 г.)».

Между тѣмъ въ родословной таблицѣ, помѣщенной на страницахъ 122—123, вторымъ сыномъ Михайла Васильевича и братомъ Ивана Плетня показанъ Андрей бояринъ († 1543), а не Андрей, названный почему-то Ивановичемъ, а не Михайловичемъ, который былъ убитъ подъ Полоцкомъ въ 1553 году.

Если предположить, что въ родословной таблицѣ вкралась опечатка въ годѣ, т. е. вмѣсто 1543, должно стоять 1553, въ такомъ случаѣ, кто же былъ другой Андрей Михайловичъ, пособникъ Ивана Василіевича, втораго временщика, который былъ умерщвленъ псарями? Вѣдь это лицо было весьма значительное, а не откуда-то явившееся. Захвативъ власть въ 1542 году, послѣ удаленія отъ дѣлъ князя Ивана Василіевича, онъ былъ третьимъ олигархомъ въ малолѣтство царя Ивана Василіевича Грознаго. Онъ же считается дѣдомъ царя Василія Ивановича, хотя П. Н. Петровъ и полагаетъ, какъ выше изложено, что послѣдній приходился внукомъ Андрею Михайловичу (онъ же Ивановичъ), убитому при штурмѣ Полоцка въ 1553 году.

За разъясненіемъ этихъ противорѣчій обратимся къ «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева. Изъ тома VI, страницы 34, увидимъ, что послѣ Ивана Шуйскаго власть перешла въ руки троихъ его родственниковъ—князей Ивана и Андрея Михайловичей Шуйскихъ, да князя Ѳедора Ивановича Скопина-Шуйскаго и что между ними первенствовалъ князь Андрей. Эти три Шуйскіе, вмѣстѣ съ другими боярами, 9 сентября 1543 года, схватили любимца царя Ивана Васильевича Грознаго—Андрея Семеновича Воронцова, чтобы его убить, но, по усиленной просьбѣ царя, ограничились ссылкою его въ Кострому; 29 же декабря того же 1543 года, царь Иванъ Грозный велѣлъ взять первосовѣтника боярскаго, князя Андрея Шуйскаго, и отдалъ его псарямъ, которые его и убили. Относительно же происхожденія царя Василія Ивановича Шуйскаго въ «Исторіи государства Россійскаго» Н. М. Карамзина (глава I, томъ XII) положительно высказано, что онъ былъ внукомъ ненавистнаго олигарха, Андрея Шуйскаго, казненнаго во время Іоан-

новой юности, и сыномъ боярина воеводы, убитаго шведами, въ 1573 г., подъ стѣнами Лоде.

Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что названный въ сочиненіи П. Н. Петрова пособникомъ втораго временщика Ивана Шуйскаго, князь Андрей Михайловичъ († 1543), не кто иной какъ родной дѣдъ царя Василія Ивановича, и потому въ родословной таблицѣ показанъ правильно. Кто же затѣмъ другой Андрей Ивановичъ, значащійся въ текстѣ якобы сыномъ князя Михаила и братомъ князя Ивана Плетня,—остается пока вопросомъ.

Далѣе въ томъ же сочиненіи говорится, что сынъ Андрея Михайловича былъ воеводою, что онъ въ 1569 году возведенъ былъ въ боярскій чинъ и что потомъ палъ геройски въ окрестностяхъ Ревеля; названъ же онъ почему-то Андреемъ Ивановичемъ, а не Иваномъ Андреевичемъ, тогда какъ въ таблицѣ онъ показанъ на своемъ мѣстѣ—отцомъ царя Василія Ивановича и, согласно исторіи Н. М. Карамзина, умершимъ въ 1573 году. Затѣмъ читаемъ, что одноименный (?) съ нимъ княже Андрей Ивановичъ Шуйскій, сынъ втораго ненавистнаго временщика-самовольца, достигнувъ боярскаго сана по воцареніи Ѳедора Ивановича, т. е. въ 1585 г., умеръ въ Каргополѣ въ 1587 году и что въ томъ же году скончался на Бѣлоозерѣ сынъ его брата (слѣдовательно родной его племянникъ), князь Иванъ Петровичъ, знаменитый защитникъ Пскова отъ всѣхъ силъ Баторія.

Извѣстно, что двое князей Шуйскихъ, Андрей Ивановичъ и Иванъ Петровичъ, погибли въ 1587 году и, по словамъ современниковъ, были удавлены въ мѣстахъ ихъ ссылки, по распоряженію Бориса Годунова, но приходились ли они другъ другу дядей и племянникомъ, это требуетъ разъясненія. С. М. Соловьевъ, въ своей исторіи, (томъ VII, глава вторая, стр. 543), говоритъ, что въ наказахъ посламъ, отправлявшимся въ Литву, Борисъ Годуновъ поручаетъ, на случай если спросятъ, за что на Шуйскихъ государь опалу положилъ,—отвѣчать: государь князя Ивана Петровича за его службу пожаловалъ своимъ великимъ жалованьемъ, какое не давалъ еще ни одному боярину. Братья же его князь Андрей и другіе, стали передъ государемъ измѣну дѣлать, неправду, на всякое лихо умышлять съ торговыми мужиками, а князь Иванъ Петровичъ имъ потакалъ. При этомъ Борисъ Годуновъ поясняетъ, что государь велѣлъ казнить виновныхъ—пять или шесть мужиковъ, а Шуйскаго, князя Андрея, сослать только въ деревню; братья же князя Андрея, князь Василій, князь Дмитрій, князь Александръ и князь Иванъ—въ Москвѣ, а бояринъ князь Иванъ Петровичъ поѣхалъ къ себѣ въ отчину новую, въ государево данье, на Кинешму.

Изъ этого наказа видно, что князь Андрей Ивановичъ приходился Ивану Петровичу не дядею, а братомъ; родными же его братьями по-

именованы всѣ четыре сына князя Ивана Андреевича, т. е. царь Василій и его три брата. Такимъ образомъ, оставалось только предположить, что у князя Ивана Андреевича было не четыре, а пять сыновей, и мы старались найти подтвержденіе этой догадки.

Благодаря любезности профессора русской исторіи въ казанскомъ университетѣ Дмитрія Александровича Корсакова, догадки наши оправдались. Въ принадлежащей ему родословной книгѣ Россійскаго государства, помѣщенной въ X книгѣ «Временника» за 1851 годъ, которая составлена по списку, хранящемуся въ московской синодальной библіотекѣ и писанному, вѣроятно, при царѣ Василіѣ Ивановичѣ Шуйскомъ, на стр. 44 мы читаемъ:

«А у князя Михаила княжъ-Васильева, брата Блѣднаго дѣти: князь Иванъ Плетень, да князь Ондрей, и у князя Ондрея сынъ князь Иванъ; а княжъ Ивановы дѣти Андреевича: князь Андрей, да князь Василій (царь), да князь Дмитрій, да князь Александръ, да князь Иванъ».

Итакъ князь Андрей Ивановичъ († 1587 г.) былъ старшій братъ царя Василія Ивановича, а не сынъ втораго временщика. Поэтому, если поставить его въ таблицѣ на соотвѣтствующее мѣсто, то можно только предположить, что дядею князя Ивана Петровича и вторымъ сыномъ временщика Ивана Васильевича былъ тотъ Андрей Ивановичъ, убитый въ 1553 году подъ Полоцкомъ, который показанъ у П. Н. Петрова, въ текстѣ, сыномъ князя Михаила Васильевича, и которому не нашлось мѣста въ родословной таблицѣ.

Г. М.

Указъ его императорскаго величества самодержца всероссійскаго.

Изъ Правительствующаго Сената отъ 8 мая 1801 г. о снятіи амбарго съ англійскихъ судовъ.

ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ВСЕНАРОДНО.

Въ имянномъ его императорскаго величества высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату сего маія въ 6-й день за собственноручнымъ его величества подписаніемъ изображено: «Причины удерживавшія до селѣ насъ отъ разрѣшенія англинскихъ купеческихъ кораблей и прочаго имущества ихъ отъ наложеннаго на нихъ амбарго, которое мы почитаемъ болѣе отяготительнымъ частнымъ людямъ нежели правительству, теперь уже не существуютъ. Англинскій флотъ вступленіемъ своимъ въ Балтійское море и наконецъ, приближеніемъ къ Ревельскому порту мѣру сію нами предположенную наиболѣе остановившій, по требованію нашему удалился съ изъясненіями, что въ поступкѣ его не имѣлъ онъ ни какого виду не приязненнаго покушенія на наши берега, но руководствовался тѣми же мирными расположеніями, въ коихъ Англинское правительство дало намъ ясныя удостовѣренія. Произшествіе сіе поставило насъ въ возможности безъ нарушенія достоинства имперіи Россійской удовлетворить вмѣстѣ и справедливости правилъ нашихъ и взаимности мирныхъ сближеній; и въ слѣдствіе того повелѣваемъ наложенное на англинскіе купеческіе корабли амбарго во всѣхъ портахъ имперіи снять и имущества англичанамъ принадлежащія отъ секвестра на нихъ положеннаго повсѣмѣстно освободить, предоставляя государственной коммерцъ-коллегіи здѣлать удобнѣйшее и кратчайшее положеніе къ окончанію ращетовъ между подданными обѣихъ державъ со всевозможнымъ взаимныхъ ихъ пользъ и выгодъ соблюденіемъ». Правительствующій Сенатъ приказали: сей всемилостивѣйшій его императорскаго величества указъ объявить всенародно: что симъ и исполняется.

Императоръ Александръ I и графъ Армфельдъ.

(1811—1812 г.г.) [1]).

I.

Прибытіе Армфельда въ Петербургъ въ 1811 году.—Сближеніе его съ императоромъ. — Характеристика Александра I. — Его взглядъ на собственную власть и управленіе государствомъ.

Съ той минуты, какъ Армфельдъ сталъ финлядскимъ гражданиномъ, онъ безъ устали работалъ на благо своего отечества. Къ великому князю финляндскому, самодержцу всероссійскому, онъ съ самаго начала сталъ въ такія отношенія, которыя имѣли громадное значеніе для Финляндіи. Двѣ главныя цѣли поглощали мысли Армфельда въ послѣдніе годы его его жизни: во-первыхъ, «благо Финляндіи», а во-вторыхъ, «паденіе корсиканца» (Наполеона I). Находясь вблизи императора Александра I, онъ неустанно, съ свойственнымъ ему умомъ и энергіей, работалъ въ пользу этихъ двухъ главныхъ задачъ своей жизни. Сопровождая императора на борьбу противъ «всемірнаго тирана» ему удалось видѣть лишь пер-

[1]) Предлагаемая вниманію читателей статья есть извлеченіе изъ шведскаго сочиненія Е. Тегнера „Gustaf Mauritz Armfelt“ Stockholm. 1884.—Свѣдѣнія, сообщаемыя въ этой біографіи, прибавляютъ новыя черты къ характеристикѣ императора Александра и его отношеній, какъ къ Россіи, такъ и къ Финляндіи. Изслѣдованіе г. Тегнера рисуетъ передъ нами главнѣйшихъ дѣятелей Финляндіи ихъ же собственными словами, письмами и проч. Русскому читателю нѣтъ надобности указывать, съ какой точки зрѣнія онъ долженъ смотрѣть на нижеслѣдующія строки, но исторія должна быть безпристрастна и обязана принять во вниманіе показанія разныхъ сторонъ.—Р е д.

воначальныя неудачи этой борьбы. Во время побѣдъ 1813 и 1814 годовъ, Армфельдъ находился вдали отъ театра войны, что̀ не мѣшало ему попрежнему неутомимо и до мельчайшихъ подробностей слѣдить за военными дѣйствіями, оставаясь, однако, въ Петербургѣ. Когда пришло извѣстіе о паденіи Наполеона, Армфельдъ, чувствуя уже, что и ему не долго осталось жить, воскликнулъ, какъ Симеонъ: «Господи, нынѣ отпущаеши раба твоего съ миромъ!»

Въ 1812 и 1813 году Армфельдъ былъ временнымъ генералъ-губернаторомъ Финляндіи и, послѣ государя, наиболѣе вліятельнымъ лицомъ въ своемъ отечествѣ. Тотчасъ по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, съ той минуты, когда онъ сдѣлался вѣрноподданнымъ русскаго царя, мѣсто, которое долженъ былъ занять Армфельдъ, ему было указано. Соотечественники его заранѣе предвидѣли, какую важную роль онъ сыграетъ въ судьбахъ Финляндіи, особенно съ того момента, когда обнаружилось, что новый властелинъ сдержитъ данное имъ обѣщаніе и позволитъ вновь покоренной странѣ остаться въ исключительномъ положеніи относительно обширнаго Россійскаго государства. Новое великое княжество нуждалось въ томъ, чтобы близко къ царю стоялъ представитель его, который могъ бы поддерживать интересъ монарха къ вопросамъ, касающимся этой страны. Въ то время находились въ Финляндіи и другіе патріоты и сановники, стоявшіе во главѣ правленія, но современники находили, что то были скорѣе «чиновники, а не государственные дѣятели». Если чиновничьи традиціи способствовали сохраненію старыхъ унаслѣдованныхъ формъ, то съ другой стороны ихъ формализмъ мѣшалъ быстрому проведенію полезныхъ и неизбѣжныхъ реформъ. Отсюда слѣдуетъ, что Финляндія не имѣла своего представителя, способнаго оберегать ея интересы. Молодой баронъ Ребиндеръ, занимавшій впослѣдствіи эту должность, былъ въ ту пору еще совсѣмъ юнымъ. Оставшіеся въ живыхъ финляндцы 1788 года—въ родѣ Спренгпортена или Егергорна, искавшіе въ Петербургѣ защиты противъ законныхъ преслѣдованій Швеціи, надѣялись, вѣроятно, повліять и на судьбу Финляндіи. Но чувство правосудія въ финляндскомъ народѣ возстало противъ того, чтобы измѣнники и предатели сдѣлались главами страны; генералъ-губернаторство Спренгпортена было бы, по всѣмъ вѣроятіямъ, далеко не продолжительно: уже на ландтагѣ въ Борго, послѣдній почувствовалъ необходимость удалиться. Наконецъ, явился Армфельдъ. Имя его около столѣтія было почитаемо въ Финляндіи. Въ войну 1788—90 годовъ, своей храбростью онъ къ славѣ предковъ прибавилъ еще собственную. Жизнь его, богатая событіями, дала ему тотъ необходимый опытъ въ дѣлахъ государственныхъ, который не имѣли другіе. Армфельдъ обладалъ необыкновенной способностью, безъ малѣйшаго затрудненія, вращаться въ высшихъ сферахъ,

между царствующими лицами и ихъ приближенными. Несмотря на тѣнь, которую процессъ 1794 года бросилъ на личность Армфельда, многіе изъ его соотечественниковъ завидовали его блестящей карьерѣ и охотно бы помѣнялись съ нимъ. Густавъ Моритцъ Армфельдъ несомнѣнно былъ самый знаменитый изъ сыновъ Финляндіи. Его мужество, любовь къ отечеству не подлежатъ никакому сомнѣнію.

Внѣшнее положеніе его было независимо: онъ всюду выдѣлялся личными качествами и умѣлъ достигнуть власти. Всему этому способствовали, разумѣется, его прежнія отношенія къ русскому двору. Екатерина пожаловала ему высшій русскій орденъ; преемники ея относились благосклонно къ нему, а императоръ Александръ I зналъ его лично. Не удивительно, если финскіе патріоты смотрѣли на Армфельда съ большимъ вниманіемъ, въ особенности, когда пронесся слухъ, что онъ намѣревается поселиться на своей родинѣ. Самъ онъ предпочиталъ уединеніе и жизнь въ имѣніи Омине, откуда онъ писалъ женѣ своей, вскорѣ послѣ прибытія туда, слѣдующее:

«Да хранитъ тебя Господь, и да сподобитъ Онъ насъ окончить наши дни въ спокойствіи! Ужасно, что буря, которая кидала меня отъ одной судьбы къ другой, еще не улеглась. Въ Петербургъ я не поѣду, въ виду нынѣшнихъ финансовыхъ обстоятельствъ, и радъ, пока могу избѣжать этой поѣздки. Служить здѣсь я не намѣренъ, такъ какъ для Финляндіи и для меня было бы большимъ несчастьемъ, если бы мнѣ предложили, а я бы принялъ должность здѣшняго генералъ-губернатора. Ко всему этому, нынѣшній генералъ-губернаторъ великолѣпенъ, и его трудно замѣнить. Буду поэтому сидѣть спокойно на своемъ мѣстѣ; отдыхъ и забвеніе есть благо, котораго стоитъ добиваться».

Армфельдъ принялся ревностно управлять своимъ имѣніемъ, гдѣ онъ надѣялся найти отдыхъ, послѣ бурной жизни. Но не прошло и мѣсяца, какъ это спокойствіе было нарушено, и жизнь его получила то направленіе, которое дало послѣднимъ годамъ его существованія историческое значеніе.

Въ началѣ мая, два курьера, одинъ за другимъ, прибыли къ Армфельду изъ Петербурга, съ приказаніемъ немедленно явиться къ государю [1]). Нежданный вызовъ въ столицу не обрадовалъ его. При-

[1]) Государь писалъ: «Уваженіе, которое я питаю къ вашему отечеству, увеличивается по мѣрѣ того, какъ оно соединяетъ въ нѣдрахъ своихъ людей достойныхъ и принадлежащихъ ей. Я желаю видѣть васъ въ непродолжительномъ времени въ Петербургѣ, чтобы лично доказать вамъ мои чувства». Поводомъ къ этому письму послужило письмо Армфельда изъ Або отъ 8 апрѣля 1811 года, въ которомъ онъ, съ тѣхъ поръ какъ поселился въ Россійскомъ государствѣ, выражаетъ свои вѣрноподданскія чувства «Отцу и благодѣтелю Финляндіи» и одновременно хвалитъ стремленія генерала-губернатора Штейнгеля, на благо Финляндіи.

чина не была для него ясна, и Армфельдъ не могъ понять, почему императоръ желалъ его видѣть, такъ какъ онъ уже заявилъ ему, что избѣгаетъ всякаго рода службы. Онъ писалъ своей женѣ по этому поводу: «Войны не будетъ съ Франціей. Если бы она предвидѣлась, то я-бы понялъ, зачѣмъ меня вызываютъ въ Петербургъ. Теперь же я ничего не понимаю. Генералъ-губернаторъ (Фабіанъ-Штейнгель) ангелъ и почтенный человѣкъ, онъ думаетъ, что отъѣздъ мой имѣетъ что-нибудь общее съ финляндскими дѣлами, такъ какъ императоръ не доволенъ совѣтомъ (conseille). Я не знаю ни Финляндіи, ни дѣлъ ея, ни здѣшнихъ людей. Слѣдовательно я не могу имѣть «мнѣнія».

Боязнь, что въ Россіи предпринимаютъ что-нибудь противъ Швеціи, мучила его, и онъ писалъ женѣ: «Ничто на свѣтѣ не заставитъ меня забыть тѣ принципы, которыми я руководился всю мою жизнь, не зависимо отъ того, что Швеція поступила такъ низко и неблагородно со мною».

17-го мая Армфельдъ прибылъ въ Петербургъ, и уже 19-го мая обѣдалъ во дворцѣ. Послѣ обѣда императоръ имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ. Армфельдъ писалъ по этому поводу своей женѣ, что: «день окончился, многое сдѣлано, и кажется я не буду больше никогда совсѣмъ спокойнымъ». Армфельдъ нисколько и не сомнѣвался, что Александръ I исполненъ самыхъ благихъ намѣреній по отношенію къ своему новому великокняжеству. «Императоръ желаетъ счастья своему народу,—пишетъ онъ,—но въ особенности заботится онъ о Финляндіи». Подозрѣвая, что рѣчь будетъ идти о финансовыхъ дѣлахъ его отечества, Армфельдъ прибавляетъ: «Къ несчастію, я такъ мало знаю это дѣло, что совѣты мои не могутъ принести пользы, ибо, къ сожалѣнію, для этого не достаточно одного искренняго желанія». Одновременно страхъ и опасенія покинули Армфельда послѣ перваго разговора его съ государемъ, и онъ уже писалъ женѣ (20 мая 1811 г.): «Ауденція продолжалась полтора часа, нельзя быть болѣе довольнымъ монархомъ, чѣмъ я. Его заботы о благѣ Финляндіи таковы, что могутъ составить лишь счастье моего отечества, въ томъ случаѣ, конечно, если постороннія вмѣшательства не помѣшаютъ этому благополучію. Сожалѣю, что мои знанія въ дѣлахъ не достаточно велики, чтобы оправдать довѣріе императора ко мнѣ, къ моему патріотизму и къ способностямъ моимъ. Я буду, вѣроятно, принужденъ, въ качествѣ главнаго представителя Финляндіи, проводить зиму въ Петербургѣ и пользоваться правомъ входа къ его императорскому величеству. Императоръ заговорилъ о нашихъ законахъ и нашей конституціи. Я отвѣтилъ ему: вполнѣ понимаю, что ваше императорское величество затрудняетесь тѣми формами, которыя проситъ правительство Финляндіи. Но затрудненіе вашего императорскаго вели-

чества происходитъ лишь оттого, что эта форма правленія такъ рѣзко отличается отъ формъ остальныхъ частей имперіи.

— Добрѣйшій баронъ,—отвѣтилъ мнѣ государь,—клянусь вамъ, что эта форма нравится мнѣ болѣе, чѣмъ та, которая основывается только на моей власти и которая предполагаетъ у монарха принципы совершенства, увы! не существующіе въ человѣчествѣ. Тамъ я могу ошибаться лишь тогда, когда самъ этого пожелаю, и свѣтъ открытъ передо мной; здѣсь же я окруженъ неизвѣстностью, и такимъ образомъ могу руководствоваться только привычками, которыя почти всегда служатъ прибавленіемъ закону. Но тамъ, гдѣ найдется возможность сдѣлать перемѣну въ моемъ государствѣ, вы узнаете мои воззрѣнія на этотъ счетъ. Я хочу непремѣнно присоединить старую Финляндію къ новой, и дать ей ту же самую конституцію и тѣ же формы свободы, какъ и у васъ.

Съ этой минуты будущность Армфельда была рѣшена и дружба его съ императоромъ завязалась крѣпкими узами; дружба эта не имѣла того интимнаго характера, какъ отношенія того же Армфельда къ Густаву III; но онъ съ тѣмъ же восхищеніемъ и съ равной преданностью относился къ своему новому повелителю, какъ нѣкогда въ молодости относился къ обожаемому королю. Послѣ первой работы его съ государемъ, онъ писалъ: «Трудно встрѣтить болѣе свѣтлый умъ, лучшіе принципы, соединенные съ такимъ добрымъ сердцемъ. Но эти чудныя качества не привели къ болѣе блестящему результату только потому, что имъ помѣшала обстановка и извѣстная слабость характера. Онъ добръ, даже слишкомъ добръ; онъ желаетъ, чтобы всѣ люди были довольны». Въ другомъ письмѣ Армфельдъ говоритъ: «Государь—ангелъ, и у м н ы й ангелъ. Работать съ нимъ вмѣстѣ, все равно, что находиться въ царствіи небесномъ». Армфельдъ былъ больше всего благодаренъ государю за то, что онъ всегда желалъ слушать правду безъ увертокъ [1]).

II

Желаніе императора присоединить къ Финляндіи Выборгскую провинцію.—Реорганизація финляндской канцеляріи въ Петербургѣ.—Натянутое положеніе Россіи и Франціи.—Мнѣніе Армфельда о Наполеонѣ и о внутреннемъ управленіи Финляндіей.

Дѣла, которыя въ эту пору обсуждались императоромъ и его новымъ совѣтникомъ, касались главнымъ образомъ двухъ вопросовъ: во-пер-

[1]) Въ одной запискѣ (безъ числа) императоръ писалъ Армфельду: „Я далекъ отъ мысли осуждать вашу откровенность, генералъ; напротивъ, я вамъ очень признателенъ за нее, и прошу васъ въ будущемъ продолжать въ томъ же духѣ. Это лучшая и самая настоящая система быть мнѣ полезнымъ".

*

выхъ, присоединенія Выборгской провинціи къ остальной Финляндіи, а во-вторыхъ, реорганизаціи нѣкоторыхъ частей финляндскаго управленія, въ особенности финляндской канцеляріи въ Петербургѣ. Первый вопросъ послужилъ поводомъ къ пріѣзду Армфельда въ столицу, а второй былъ причиной того, что онъ поселился въ Петербургѣ. Результатомъ этихъ обсужденій былъ, въ первый же годъ, указъ императора (11-го дек. 1811 г.), касающійся присоединенія Выборга, и инструкція 6-го ноября, относившаяся къ финляндскому комитету въ Петербургѣ, въ которомъ Армфельдъ былъ назначенъ предсѣдателемъ. Онъ понялъ съ самаго начала, что большая часть разработывавшихся проектовъ выпадетъ на его долю. Это принудило его, вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ столицу, письменно изложить свое мнѣніе касательно разныхъ предметовъ. Даже по шведскимъ вопросамъ, когда послѣдніе касались Финляндіи, государь совѣтывался съ Армфельдомъ, помимо шведскаго посольства [1]). Когда Армфельдъ въ концѣ іюня уѣзжалъ изъ Петербурга, государь просилъ его вернуться къ осени въ столицу и принять на себя веденіе финляндскихъ дѣлъ.

Первоначальное обсужденіе дѣлъ окончилось обоюднымъ согласіемъ, и Армфельдъ радовался въ душѣ, что счастливая будущность ожидаетъ, повидимому, его отечество до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока оно находится подъ державой Александра I. Армфельдъ былъ въ душѣ финляндцемъ, и желалъ остаться имъ. «Съ Россіей у меня нѣтъ ничего общаго,—писалъ онъ изъ Омине, куда вернулся изъ Петербурга.—Но есть у меня отношенія къ императору Александру I, благодѣтелю моей родины, который выказалъ лично мнѣ и моимъ близкимъ необычайную милость; я обѣщалъ ему, что въ случаѣ войны съ Франціей, буду сопровождать его въ армію, которою онъ самъ будетъ командовать, а нынѣ организовать въ Петербургѣ канцелярію для веденія финляндскихъ дѣлъ. Я не просилъ для себя содержанія, ибо не хочу стать въ зависимое положеніе; буду довольствоваться казеннымъ помѣщеніемъ, отопленіемъ и освѣщеніемъ. Я не двинусь съ мѣста, если въ Россіи не пожелаютъ положиться на мои проекты и основныя мои правила. Его императорское величество самъ придерживается послѣднихъ».

Въ началѣ 1812 г., русскій дворъ былъ серьезно занятъ предстоящимъ нарушеніемъ Франціей европейскаго мира.

Континентальная система разоряла торговлю Россіи. Наполеонъ

---

[1]) „Когда вы возьмете въ свои руки дѣла Финляндіи", говорилъ государь Армфельду, „все устроится къ лучшему. Я не люблю имѣть дѣло со Стедингомъ, ни съ шведскимъ посольствомъ: съ этими господами, никогда не знаешь какъ быть".

относился презрительно къ ея интересамъ; родственникъ Александра I, герцогъ Ольденбургскій былъ безцеремонно изгнанъ изъ своихъ владѣній. Императоръ рѣшилъ поставить свое государство въ оборонительное положеніе, и по этому поводу начались долгіе переговоры его съ разными лицами: во-первыхъ, съ канцлеромъ графомъ Румянцевымъ, который, будучи поклонникомъ Наполеона, возставалъ противъ военныхъ дѣйствій, направленныхъ противъ него; далѣе—съ военнымъ министромъ Аракчеевымъ, готовымъ, если того пожелаетъ императоръ, начать немедля наступательную войну; наконецъ—съ учителемъ Александра I въ военныхъ наукахъ, нѣмецкимъ генераломъ фонъ-Пфулемъ (Phull), составившимъ подробный оборонительный планъ дѣйствій. — Нѣмецкій офицеръ, извѣстный полковникъ Вольцогенъ, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ императора и уже раньше составившій планъ будущихъ дѣйствій, получилъ приказаніе въ февралѣ 1811 года осмотрѣть западную границу въ томъ соображеніи, что Александръ I считалъ войну неизбѣжной. Въ виду ожидаемаго переворота въ политикѣ Россіи, можно было предполагать, что Армфельдъ, благодаря своему положенію и качествамъ, принесетъ громадную пользу. По всей Европѣ онъ слылъ за яраго антибонапартиста, и Наполеонъ ненавидѣлъ и преслѣдовалъ его. Армфельду лучше чѣмъ кому-нибудь были извѣстны помыслы новаго наслѣднаго принца шведскаго; а связи Армфельда со многими вліятельными лицами въ Европѣ, ненавидѣвшими Наполеона, дѣлали его почти необходимымъ для Александра I, который послѣ Тильзитскаго мира порвалъ со всѣми ими дружескія отношенія. Узнавъ, что императоръ готовъ «сбросить съ себя цѣпи», Армфельдъ сильно обрадовался и написалъ по этому поводу своей женѣ слѣдующее: «Когда я вчера видѣлъ императора, и по его приказанію долго обсуждалъ дѣла, то мнѣ удалось замѣтить, что онъ вполнѣ раздѣляетъ мое мнѣніе; но если онъ допуститъ нападеніе со стороны, тогда все кончено!» Армфельдъ находилъ, что прошедшее сообщало настоящему такой страхъ, что если не принудить себя къ войнѣ, то никогда не достигнешь самостоятельности.

Императоръ возбудилъ вопросъ о поѣздкѣ Армфельда въ Англію въ теченіе лѣта, дабы вести переговоры о мирѣ съ этой державой. Послѣдній согласился, прося лишь позволенія государя взять съ собой бывшаго секретаря при подписаніи Верельскаго мира (Еренсверда). Въ письмѣ къ своей женѣ, (17 іюня 1811 года) онъ сообщаетъ подъ страшнымъ секретомъ этотъ проектъ. По словамъ его, война съ Франціей, тотчасъ послѣ заключенія мира съ Турціей, неизбѣжна, «но пока она еще не разразилась»—говоритъ онъ женѣ—«я хочу, чтобы ты оставила Швецію; Бонапартъ разозлится еще болѣе на меня за всѣ тѣ услуги, которыя я

доставляю ему и которыя надѣюсь доставить еще въ будущемъ» [1]). Въ обширной и подробной статьѣ: «Memoire politique et militaire sur les circonstances presents»—съ девизомъ изъ Гамлета: «быть или не быть» Армфельдъ представилъ государю полное резюме своихъ воззрѣній на политику Россіи. Эта статья самая достопримѣчательная изъ всѣхъ статей, которыя когда-либо писались Армфельдомъ. Въ ней описаны въ общихъ чертахъ событія, происшедшія въ цѣломъ мірѣ въ теченіе 1812 и 1813 годовъ.

Послѣ ѣдкой характеристики Наполеона, показывающей горячую ненависть Армфельда къ «всемірному тирану» [2]), Армфельдъ умоляетъ самодержца всероссійскаго покончить обманчивый миръ, дѣйствующій такъ сильно на интересы торговли, и порвать сношенія съ коварнымъ союзникомъ. Слѣдуетъ предупредить врага,—говорилъ Армфельдъ,—и воспользоваться тѣмъ, что онъ занятъ Испаніей. Наполеонъ любитъ вести быструю войну,—надо заставить его вести войну продолжительную и гибельную. Благо государства не должно ставиться на карту, какъ сдѣлала это Австрія въ 1809 году; война должна вестись маневрами, отнятіемъ транспортовъ и неустаннымъ безпокойствомъ непріятеля. Надо заставить врага потерять даромъ четыре или пять мѣсяцевъ. Зима, холодъ, темнота, недостатокъ провіанта довершатъ остальное. Походъ долженъ начаться наступательнымъ движеніемъ на Вислу и Одеръ, съ занятіемъ Варшавы и Шлезвига; нужно воспользоваться настроеніемъ поляковъ и пруссаковъ. Если явится необходимость отступленія съ западной границы, то слѣдуетъ опустошить всю мѣстность, дабы непріятелю нечѣмъ было кормиться; нужно создать резервное войско, разсѣять непріятельскія силы; сражаться же лишь въ томъ только случаѣ, когда побѣда вѣрная.

---

[1]) Наполеону было извѣстно, что Армфельдъ не скрывалъ при русскомъ дворѣ свои воинственные замыслы. Неизвѣстно, какимъ образомъ попала записка изъ мемуаровъ Армфельда въ руки французскаго посланника въ Стокгольмѣ, который переслалъ ее въ свое отечество (смотри La Suède et la Russie en 1812, въ „Revue des deux mondes“ 1855 XII; 568).

[2]) Въ этой характеристикѣ онъ описываетъ всѣ дѣянія Наполеона. Онъ—человѣкъ, опьяненный своими побѣдами и *непасытный* въ своемъ самолюбіи—говоритъ Армфельдъ—желающій подчинять своей волѣ все; онъ хочетъ вычеркнуть славу другихъ и начертать собственное имя въ лѣтописяхъ всѣхъ народовъ. Онъ доходитъ до того, что жертвуетъ политикою своему тщеславію (Испанія) или ненависти; онъ болѣе въ тягость своимъ союзникамъ, нежели врагамъ, вычеркиваетъ тѣхъ, которые перестали бояться его оружія; его покровительство, его капризы—злы, не разсчетливы, пагубны одновременно для торговли, промышленности и процвѣтанія всей Европы. Намѣренія его противъ Россіи давно открыты, онъ не перестаетъ поддерживать дружескія отношенія съ державами, воюющими съ ней (Турція и Персія); онъ нанесъ сильное оскорбленіе русскому царскому дому покореніемъ Оль-

Политическія предположенія Армфельда для благопріятнаго исхода войны были слѣдующія: заключеніе мира съ Турціей и Англіей въ результатѣ дастъ нарушеніе континентальный системы, и торговля Россіи тогда спасена; оказаніе всевозможной помощи Испаніи; союзъ съ Австріей или, по крайней мѣрѣ, нейтралитетъ съ ея стороны; участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ Пруссіи; одновременно стараться произвести диверсію въ Тиролѣ, Италіи и Голландіи, равно какъ и на берегахъ Франціи, дабы разбить силы. Уговорить Швецію вступить въ союзъ съ Россіей и съ Англіей ради собственныхъ интересовъ, и съ этой цѣлью обѣщать Швеціи содѣйствіе въ покореніи Норвегіи.

«Въ рукахъ русскаго императора,—говоритъ Армфельдъ,—находится судьба всего цивилизованнаго міра. Исходъ похода неизвѣстенъ, но результатъ продолжительной войны несомнѣнно будетъ благопріятный; въ особенности противъ арміи безъ средствъ, если она не станетъ грабить, и безъ друзей, если она не побѣдитъ... Цѣль войны—освобожденіе Европы. Недостаточно построить плотину противъ врага, но надо его разбить; орудіе, которое все уничтожаетъ, должно быть само уничтожено».

Въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ Армфельдъ не занимался политикой, и государственные проекты, которые обсуждались Александромъ I и Армфельдомъ совмѣстно, не подвинулись къ осени ни мало впередъ. Миръ съ Турціей былъ еще вопросомъ отдаленнаго будущаго, благодаря интригамъ Франціи, а планъ поѣздки Армфельда въ Англію въ качествѣ посредника былъ еще не осуществленъ. Вмѣсто всего этого англійскіе крейсеры ходили взадъ и впередъ среди финскихъ шкеръ, въ ущербъ торговли. Надежда на войну Россіи съ Франціей казалась еще менѣе возможной осенью 1811 года, нежели весной того же года. Если политическіе вопросы Европы и перестали на время требовать услугъ Армфельда, зато дѣла Финляндіи сильно нуждались въ немъ. Армфельдъ искалъ себѣ помощниковъ и желалъ для этой цѣли имѣть вблизи себя людей, испытанныхъ имъ раньше. Ему хотѣлось, чтобы всѣ выдающіеся финляндцы покинули Швецію, и стали бы служить своему отечеству; одинъ человѣкъ былъ въ особенности дорогъ Армфельду, и его то онъ хотѣлъ во что бы то ни стало перевести въ Финляндію; это былъ другъ его и товарищъ по несчастію Еренстремъ. Другой другъ Армфельда, генералъ-маіоръ Аминовъ, послѣ войны 1809 года, рѣшилъ поселиться въ Финляндіи подъ державой русскаго царя. Послѣ совмѣстнаго тюремнаго заключенія съ Еренстремомъ въ крѣпости Карлстенъ, Аминовъ командовалъ въ 1798 году пол-

---

денбурга. Въ довершеніе всего онъ хочетъ на сѣверѣ загладить тѣ неудачи, которыя онъ потерпѣлъ на югѣ, и исполнить свои намѣренія относительно Испаніи.

комъ въ Финляндіи, принималъ участіе въ войнѣ 1808 и 1809 годовъ, хотя лично не командовалъ отрядомъ. По заключеніи мира, недовольный Швеціей, онъ навсегда поселился въ Финляндіи. Въ качествѣ представителя финляндской арміи, онъ былъ посланъ во главѣ депутаціи въ Петербургъ и исходатайствовалъ у императора разрѣшеніе войску получать содержаніе, несмотря на то, что вся армія была распущена (манифестъ 27-го марта 1811 г.). Благодаря этому успѣху, котораго Аминовъ достигъ большими усиліями, онъ сталъ пользоваться въ Финляндіи значительнымъ уваженіемъ. Армфельдъ былъ радъ имѣть возлѣ себя въ Петербургѣ своего пріятеля, тѣмъ болѣе что государь лично зналъ Аминова. Онъ нехотя повиновался настоятельнымъ просьбамъ Армфельда занять мѣсто въ финляндскомъ комитетѣ, который въ скоромъ времени долженъ былъ начать свою дѣятельность въ столицѣ Россіи [1]). Аминовъ находилъ въ началѣ, что совершенно достаточно, если Армфельдъ одинъ будетъ управлять дѣлами Финляндіи, и по этому поводу писалъ ему слѣдующее: «Употреби все твое превосходство и всѣ твои способности, чтобы склонить людей и обстоятельства на твою сторону—лучше если ты будешь одинъ въ родѣ министра, и съ помощью комитета оградишь наши интересы. Когда нашъ государственный совѣтъ будетъ организованъ, мы перестанемъ нуждаться въ существованіи петербургскаго комитета, ибо со-временемъ онъ можетъ сдѣлаться опаснымъ орудіемъ въ рукахъ деспотическаго правленія.»

Приглашая къ себѣ друзей, Армфельдъ избѣгалъ встрѣчи съ финляндцами, измѣнниками войны 1788 и 1808 годовъ. Въ письмѣ изъ Петербурга въ концѣ 1811 года, онъ пишетъ: «Всѣхъ негодяевъ, измѣнившихъ своему долгу и своему отечеству, презираютъ въ Россіи, хотя этимъ господамъ приходится подъ-часъ пользоваться милостями, которыми въ нашъ вѣкъ награждаютъ за низкіе поступки, одинаково какъ и за благородные. Несмотря на это, ни одинъ изъ подобныхъ субъектовъ не былъ до сихъ поръ допущенъ къ дѣламъ, и, надѣюсь, что впредь ихъ не допустятъ ни до какого вмѣшательства, по крайней мѣрѣ пока я нахожусь во главѣ. Спренгпортенъ и Кронстетъ—позоръ и безчестіе нашего отечества; я говорилъ императору, что слѣдовало бы прибавить имъ содержаніе, чтобы они никогда не показывались людямъ, и

---

[1]) Аминовъ получилъ въ награду за то, что сдѣлался членомъ комитета, чинъ тайнаго совѣтника и право владѣть имѣніемъ (Сари). Армфельдъ по его просьбѣ выхлопоталъ ему эту милость. Чтобы склонить Аминова сдѣлаться членомъ комитета, онъ сообщилъ ему слова М. М. Сперанскаго: „Если всѣ финляндцы будутъ отказывать е. и. в. служить своему отечеству и принимать участіе въ комитетѣ, то не придется жаловаться, если императоръ пригласитъ въ комитетъ иностранцевъ“.—„Эти слова,—говоритъ Армфельдъ,—удивительно вѣрны и не подлежатъ обсужденію“.

въ этомъ я совершенно правъ [1]). Было еще два человѣка эпохи 1788 года, съ которыми Армфельду пришлось поддерживать переписку, Егергорнъ и Ладау. Послѣдній въ Финляндіи считался русскимъ шпіономъ; онъ былъ назначенъ почтъ-директоромъ, съ правомъ засѣдать въ совѣтѣ; это обстоятельство породило между финляндцами неудовольствіе. Армфельда стали упрекать въ этомъ назначеніи, въ чемъ послѣдній не соглашался; что же касалось Егергорна, то онъ надѣялся, что ему удастся еще разъ сыграть роль въ своемъ отечествѣ. Въ Петербургѣ онъ управлялъ дѣлами Финляндіи во времена Сперанскаго [2]). Этотъ человѣкъ явился къ Армфельду, вскорѣ послѣ пріѣзда послѣдняго въ столицу, и сталъ съ жаромъ доказывать, какую громадную пользу принесетъ организованіе въ Петербургѣ Финляндскаго комитета. Мысль о самостоятельности Финляндіи всегда была близка сердцу Армфельда. Утвердить законнымъ образомъ эту самостоятельность—было самымъ горячимъ его желаніемъ; вообще, то была главная цѣль, къ которой стремилисьфинскіе патріоты. Извлечь для себя пользу изъ современныхъ обстоятельствъ, склонить императора къ тому, чтобы онъ съ уваженіемъ относился къ законамъ и правамъ Финляндіи, залечить раны, изъ которыхъ еще сочилась кровь, установить полезныя учрежденія для процвѣтанія умственной и матеріальной дѣятельности отечества—вотъ собственно цѣль, которой добивались финскіе патріоты, хотя случалось, что и между ними возникали подъ-часъ недоразумѣнія. Пока, все это были лишь однѣ мечты, и никто не могъ сказать, когда онѣ осуществятся. Многіе страшились за судьбу отечества и безнадежно смотрѣли на его будущность, негодуя и жалѣя о томъ, что горькая, роковая судьба разъединила ихъ съ Швеціей. Армфельдъ употреблялъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы противодѣйствовать такому настроенію своихъ соотечественниковъ и успокоить ихъ. Онъ самъ искренно добивался самостоятельности Финляндіи, но находилъ, въ свою очередь, что благоразумнѣе, въ виду собственныхъ ея интересовъ, сохранить хорошія отношенія съ могущественнымъ государствомъ, ставшимъ несомнѣнно опорой новаго княжества. Ради сохраненія политической сво-

---

[1]) Свою первую встрѣчу съ Спренгпортеномъ онъ описываетъ въ письмѣ къ женѣ своей, слѣдующими словами: „Среди прочихъ фигуръ, которыхъ я предпочелъ бы не встрѣчать, я встрѣтилъ 70-лѣтняго Спренгпортена; онъ былъ одѣтъ во фракъ безъ орденовъ; я не зналъ его, и страшно сконфузился, когда онъ назвалъ свою фамилію; что до него касается, то онъ былъ совершенно въ своей тарелкѣ, à san aise, какъ-будто чувствовалъ себя порядочнымъ человѣкомъ. О, Боже, какой вѣкъ!

[2]) Вскорѣ послѣ покоренія Финляндіи (1809 года), Егергорнъ задумалъ планъ, представивъ государю проектъ конституціи (26 февр. 1809 г.). Въ этой мемоpіи онъ льстилъ императору, новому владѣтелю Финляндіи, и издѣвался какъ надъ Густавомъ III, такъ и надъ самой Швеціей, говоря, что слѣдовало бы искоренить у финляндцевъ ихъ глупую преданность къ этой странѣ

боды, Армфельдъ стоялъ, главнымъ образомъ, за то, чтобы въ жертву были принесены всѣ притязанія на вопросы второстепенные. Онъ находилъ, напримѣръ, что знаніе русскаго языка должно быть обязательнымъ на государственной службѣ, и что языкъ этотъ долженъ преподаваться во всѣхъ финляндскихъ учебныхъ заведеніяхъ. По этому поводу онъ писалъ: «Когда люди не въ состояніи объясняться между собой, то самыя обыкновенныя мысли становятся загадочными, а при другихъ условіяхъ онѣ казались бы совершенно ясными». Тѣ же практическія цѣли заставляли его добиваться впослѣдствіи, чтобы команда въ финляндскихъ войскахъ произносилась на русскомъ языкѣ.

Благодарность императору Александру I за его милости, равно какъ и собственные интересы должны были заставить Финляндію забыть о Швеціи. Не разъ приходилось Армфельду вбивать въ голову своихъ недовольныхъ соотечественниковъ, что ихъ матеріальное положеніе гораздо лучше теперь, чѣмъ во времена шведскаго протекторства: нѣтъ ни новыхъ налоговъ, ни рекрутскаго набора; финляндскіе солдаты не служатъ, а между тѣмъ продолжаютъ получать жалованье; наконецъ, императоръ приказалъ съ необыкновенной щедростью выдать громадныя суммы на пенсіи и разныя полезныя учрежденія [1]). Въ одномъ письмѣ Армфельдъ говоритъ: «Нельзя иначе назвать тѣхъ, которые не желаютъ остаться финляндцами, какъ канальями; они считаютъ себя то русскими, то шведами, и отрекаются, слѣдовательно, отъ своего отечества». Тѣ, которые лебезили передъ Швеціей, были ему одинаково противны, какъ тѣ, которые искали счастья своего въ Россіи. Армфельдъ требовалъ, чтобы государственная служба въ Финляндіи уважалась ея сынами. «Служить—это единственное спасеніе для финляндскаго дворянства; чѣмъ болѣе люди въ этомъ убѣдятся, тѣмъ будетъ лучше для нихъ». Съ подобными взглядами началъ Армфельдъ свою государственную дѣятельность.

---

[1]) „Финляндія должна бы колѣнопреклоненно благодарить Господа за свое счастіе,—пишетъ Армфельдъ.—Счастіе это можетъ, однако, скоро окончиться, ибо существованіе одного только человѣка служитъ причиной нашего блаженства“. Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ: „Императоръ расточаетъ на насъ свои милости и осыпаетъ насъ деньгами. Академія въ Або въ настоящее время – самое богатое учрежденіе въ Европѣ. Если Финляндія будетъ продолжать свои жалобы, то она достойна кары Божіей, такъ какъ въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ стараются вылечить раны, нанесенныя ей послѣдней войной“.

III.

Участіе М. Сперанскаго въ управленіи Финляндіею. — Присоединеніе Старой Финляндіи къ Новой. — Устройство вновь присоединенной Выборгской губерніи. — Финляндскій комитетъ въ Петербургѣ. — Генералъ Штейнгель. — Отношенія Армфельда къ императору Александру I.

«Пока у насъ не будетъ существовать отдѣльнаго комитета, и дѣла Финляндіи будутъ обсуждаться одновременно или по-очередно съ дѣлами остальныхъ провинцій Россіи, до тѣхъ поръ намъ во всѣхъ отношеніяхъ будетъ не выгодно», — писалъ Армфельдъ другу своему Аминову. Устройство отдѣльнаго финляндскаго комитета было слѣдовательно важнымъ обстоятельствомъ и шагомъ къ самостоятельности Финляндіи и къ исключительному ея положенію въ обширномъ Русскомъ государствѣ. Послѣ покоренія великаго княжества Финляндскаго, дѣлами его занимался статсъ-секретарь Сперанскій имѣя помощникомъ молодаго Ребиндера. Сперанскій раздѣлялъ либеральныя тенденціи императора по отношенію къ Финляндіи, которая съ благодарностью относилась къ этому сотруднику Александра I. Завѣдуя всѣми дѣлами Русскаго государства и намѣреваясь одновременно проводить крупныя реформы, Сперанскій не могъ посвящать достаточно времени на текущія дѣла Финляндіи. Масса бумагъ лежала съ 1809 года не рѣшенными, такъ что самъ Сперанскій возбудилъ въ 1811 году вопросъ объ учрежденіи финляндскаго комитета, подъ предсѣдательствомъ особаго секретаря. Вопросъ этотъ обсуждался какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Армфельдъ прибылъ въ Петербургъ, а именно, весной 1811 года. Проектъ устройства этого комитета былъ разработанъ Армфельдомъ [1]), причемъ предполагалось основать его на слѣдующихъ началахъ: комитетъ долженъ былъ состоять изъ четырехъ членовъ, исключительно финляндцевъ, изъ коихъ одинъ—предсѣдателемъ, другой — докладчикомъ дѣлъ. Въ случаѣ присоединенія Выборгской провинціи къ остальной Финляндіи, предполагалось увеличить составъ комитета двумя членами. Послѣдніе должны были быть выбираемы на неопредѣленный срокъ русскимъ императоромъ. Задача комитета заключалась въ обсужденіи дѣлъ, которыя, согласно законамъ страны, подле-

[1]) Сперанскій увѣдомилъ Армфельда письмомъ (8 сент. 1811 г.), что государь сочувствуетъ его проекту и ожидаетъ его присутствія въ Петербургѣ, до извѣщенія остальныхъ членовъ комитета. Армфельдъ писалъ императору слѣдующее: „Устройство новаго комитета и доказательство отеческихъ попеченій вашего императорскаго величества произвели громадную сенсацію здѣсь, и даже въ Швеціи, такъ что большое число моихъ соотечественниковъ всѣхъ сословій мечтаютъ о переселеніи въ Финляндію“.

жали рѣшенію монарха. Всѣ главные пункты этого проекта были осуществлены, такъ что 6-го ноября 1811 года опубликованъ указъ императора, и одновременно издана инструкція для организаціи финляндскаго комитета. Дѣла, относящіяся къ Финляндіи и поступающія на воззрѣніе государя, должны были быть разсматриваемы въ комитетѣ и тамъ рѣшаться согласно законамъ, установленнымъ монархомъ. По настоянію Армфельда, въ члены комитета были назначены: генералъ-маіоръ Аминовъ и два юриста Хисингеръ и Валеéнъ, изъ коихъ послѣдній уже съ 1809 года состоялъ при финляндскихъ дѣлахъ въ Петербургѣ. Барону Ребиндеру было сначала поручено занять отвѣтственную должность финляндскаго статсъ-секретаря. Въ январѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года, когда Выборгъ былъ присоединенъ къ остальной Финляндіи, статскій совѣтникъ и секретарь русской законодательной коммиссіи Розенкампфъ былъ назначенъ членомъ финляндскаго комитета.

Всѣ члены комитета, исключая Аминова, были юристами, что являлось совершенно необходимымъ въ виду юридической дѣятельности названнаго учрежденія [1]). Дѣятельность комитета открылась въ началѣ декабря 1811 года, всѣ члены собрались къ этому времени кромѣ Аминова, который по болѣзни долженъ былъ отложить свой пріѣздъ, и только въ началѣ 1812 года вступилъ въ должность. Аминовъ, благодаря своему преклонному возрасту и уваженію, которое къ нему питали, былъ послѣ предсѣдателя однимъ изъ первыхъ въ комитетѣ. Впослѣдствіи, когда Армфельдъ, занятый другими важными дѣлами, принужденъ былъ оставить мѣсто предсѣдателя, то Аминовъ замѣнилъ его. Однимъ изъ выдающихся членовъ комитета, по своимъ способностямъ, считался молодой баронъ Ребиндеръ. Армфельдъ часто говоритъ о немъ въ своихъ письмахъ. Ребиндеръ продолжалъ дѣятельность Армфельда послѣ смерти послѣдняго и оставилъ въ исторіи Фин-

[1]) Армфельдъ разсказываетъ, что еще до устройства комитета ему были присланы на домъ четыре воза, наполненные дѣлами, совершенно позабытыми и заброшенными Сперанскимъ. Изъ писемъ Армфельда видно, что въ ту пору онъ былъ страшно заваленъ работой, приводя въ порядокъ цѣлую кучу запущенныхъ дѣлъ. При этомъ громадное количество бумагъ было затеряно. „Если будутъ продолжать посылать дѣла въ канцелярію статсъ-секретаря,— писалъ Армфельдъ Шерпвалю—то они слишкомъ затянутся или вовсе не будутъ пересмотрѣны, тогда я умываю себѣ руки. Держусь того мнѣнія, что ни одно дѣло, касающееся Финляндіи, не должно докладываться государю, не пройдя сначала черезъ нашъ комитетъ. Если бы, вопреки всякой вѣроятности, случилось подобное недоразумѣніе, то его императорское величество тотчасъ бы прислалъ ко мнѣ это дѣло черезъ своего фельдъегеря. Сперанскій совершенно согласенъ со мной; онъ никогда не говоритъ съ государемъ о дѣлахъ Финляндіи, не узнавъ сначала моего мнѣнія“.

ляндіи хорошую память о себѣ. Съ самаго начала своей дѣятельности, Армфельдъ смотрѣлъ широко на задачу, которая выпала на его долю. «Я не сижу здѣсь, чтобы заниматься пустяками,—писалъ онъ,—хочу дать администраціи правильный ходъ и возстановить нарушенный порядокъ». Текущія дѣла не отнимали бы у него столько времени, если бы онъ могъ посвятить себя всецѣло вопросамъ организаторскимъ. Когда онъ сталъ близокъ къ императору, мысль о созваніи всѣхъ государственныхъ чиновъ и земскихъ сословій въ Финляндіи не покидала его.

Еще въ началѣ 1811 года, Сперанскій говорилъ о пользѣ финляндскаго ландтага, замѣчая, что послѣдній послужитъ «твердой основой для современной организаціи страны». 1-го іюня 1811 года Армфельдъ писалъ изъ Петербурга: «Между нами будь сказано, я надѣюсь, что въ августѣ или въ сентябрѣ у насъ устроится ландтагъ». Надежды эти не сбылись, но продолжали жить въ душѣ Армфельда и остальныхъ финляндскихъ патріотовъ. Армфельдъ считалъ этотъ вопросъ лишь отложеннымъ на нѣкоторое время и часто возвращался къ нему. Приводимъ по этому поводу письмо его къ Шернвалю; оно интересно во многихъ отношеніяхъ. «Много есть причинъ для устройства ландтага въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1812 года (исключая народнаго ополченія). Наши уставы, не измѣняющіеся безъ согласія на это сословій, до того нелиберальны, такъ дурно составлены, такъ мало подходятъ къ современному состоянію просвѣщенія, что необходимо замѣнить ихъ другими. Если удастся намъ сохранить миръ послѣ перемирія въ Турціей, то я сильно надѣюсь на благопріятные результаты. Серьезное расположеніе императора къ Финляндіи не подлежитъ никакому сомнѣнію. Я имѣю много основаній думать, что въ чувствѣ государя къ нашему отечеству политика не играетъ никакой роли; если же все предполагаемое не осуществится, то это будетъ зависѣть лишь отъ нашего дурнаго «esprit public», отъ плохаго состава совѣта и отъ тайныхъ интригъ противъ насъ въ Петербургѣ. Я все-таки не намѣренъ уступить этимъ чудовищамъ съ нѣсколькими головами, до тѣхъ поръ пока не увижу, что мнѣ не осталось ничего другаго дѣлать, и тогда милое Омине [1]) станетъ для меня убѣжищемъ. Множество радикальныхъ перемѣнъ предположено у насъ съ государемъ. Хорошее начало выработано у насъ для устройства медицинскаго отдѣла; если тѣ, которые составляютъ «collegium medicum», люди порядочные, то отдѣлъ этотъ долженъ непремѣнно процвѣтать [2]). Что касается банка, то также рѣшено, и я на-

[1]) Имѣніе Армфельда.

[2]) Указъ императора объ улучшеніи медицинскаго отдѣла былъ изданъ 26 ноября 1811 года. Законъ о банковыхъ операціяхъ въ Финляндіи—12 декабря 1811 г. Уставъ о квартирной повинности—31 января 1812 года.

дѣюсь занять 1.500,000 рублей ассигнаціями у императора и размѣнять шведскую монету. Вопросъ о судопроизводствѣ и повинностяхъ также въ ходу; проектъ послѣдняго такъ отвратительно составленъ, что я убѣжденъ, что дворникъ генерала-губернатора написалъ его; думать же, что членъ совѣта такъ мало смыслитъ въ томъ, что̀ можно и чего нельзя предлагать,—было бы преступленіемъ».

Это извлеченіе изъ письма Армфельда очень характеристично и указываетъ, что масса занятій ожидала его на новомъ поприщѣ. Далѣе видно, съ какой поспѣшностью и реформаторскимъ жаромъ онъ принимался за дѣло. Изъ этого письма видно также, съ какимъ неудовольствіемъ Армфельдъ относился къ финляндскимъ чиновникамъ, и какъ непріятенъ былъ для него формализмъ и вялость государственнаго совѣта. Въ виду этого Армфельдъ сталъ думать объ его преобразованіи. Онъ предложилъ уничтожить финляндскій комитетъ и замѣнить его статсъ-секретаріатомъ и канцеляріей. Армфельдъ находилъ, что такимъ образомъ могъ бы уменьшиться во-первыхъ составъ управленія, за тѣмъ устранена двойственность власти, и наконецъ, сохраниться денежныя средства.

Проектъ реформы финляндскаго правленія остался безъ результатовъ въ теченіе всей дѣятельности Армфельда; опасно было измѣнить организацію новаго государства въ то время, когда оно не успѣло еще окрѣпнуть и привыкнуть къ новымъ условіямъ. Зато въ другихъ отрасляхъ реформа быстро пробивала себѣ дорогу. Еще въ концѣ октября 1811 года, Армфельдъ представилъ государю общій обзоръ положенія Финляндіи въ экономическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ; общій обзоръ этотъ касался преимущественно вопросовъ экономическихъ и реорганизаціи управленія. Многочисленныя распоряженія, выходившія въ въ то время, указываютъ на обширную дѣятельность финляндскаго комитета. Уставъ, касающійся медицинскаго отдѣла, допускалъ организацію медицинской коллегіи по шведскому примѣру, въ которомъ число провинціальныхъ докторовъ было увеличено до 20-ти человѣкъ. Двѣ недѣли спустя появился законъ, касающійся депозитнаго банка въ Финляндіи. До окончанія года вышелъ указъ императора о присоединеніи Выборгской провинціи къ остальной Финляндіи (23-го и 31-го декабря 1811 года).

Для установленія новыхъ порядковъ въ Выборгѣ, составленъ былъ въ Петербургѣ комитетъ.

Присоединеніе къ Финляндіи тѣхъ провинцій, которыя, по заключеніи мира въ Або и Нисшадѣ, были уступлены Россіи и находились около столѣтія подъ властью русскаго монарха, имѣло громадное значеніе для Финляндіи. «Старая Финляндія», какъ назывались въ то время

эти провинціи—увеличила новую Финляндію на 376 квадратныхъ миль, а населеніе этой страны увеличилось на 200,000 жителей. Въ это время важный для торговли городъ Выборгъ сдѣлался снова владѣніемъ Финляндіи. Было однако не легко соединить то, что такъ долго находилось въ разъединенномъ видѣ. Близкое сосѣдство Россіи и полная зависимость отъ этой страны совершенно измѣнили прежній характеръ Выборгскій провинціи. Вернуть прежній порядокъ управленія представлялось весьма трудной задачей; для этого было недостаточно однихъ императорскихъ указовъ. Надежда на желаемую перемѣну могла произойти лишь по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Сначала патріоты смотрѣли недовѣрчиво на это обстоятельство; баронъ Ребиндеръ говорилъ между прочимъ, «что Выборгъ будетъ той скалой, о которую разобьется независимость Финляндіи». Многіе находили, что самая блестящая страница изъ жизни Армфельда была именно его ходатайство о присоединеніи Выборга къ Финляндіи. Форма, въ которую эта идея была сначала облечена, принадлежала императору Александру I или, быть можетъ, Сперанскому. Этотъ даръ народу, который, по собственнымъ словамъ Александра I на ландтагѣ въ Борго (1809), вслѣдствіе перемѣны судьбы «возвышенъ между другими націями», былъ данъ имъ не столько въ силу политическихъ соображеній, сколько ради гуманныхъ цѣлей. Императоръ не могъ найти другаго болѣе вѣрнаго способа для того, чтобы получить преданность финляндскаго народа, какъ отдавъ ему обратно то, что около ста лѣтъ тому назадъ ему принадлежало; его императорское величество выказалъ лишь уваженіе законности и правдѣ, которою такъ гордились финляндцы, и въ доказательство присоединилъ имъ провинцію, начинавшую уже дѣлаться русской.

Вопросъ о присоединеніи Выборга уже обсуждался императоромъ при первой его встрѣчѣ съ Армфельдомъ весной 1811 года. Осенью того же года, проектъ этотъ былъ осуществленъ благодаря энергіи этого послѣдняго. Вскорѣ послѣ пріѣзда своего въ Петербургъ, Армфельдъ писалъ женѣ: «Сегодня я началъ свою трудную работу—соединеніе обѣихъ Финляндій; если мнѣ удастся выполнить эту тяжелую задачу, то я получу великое удовольствіе какъ человѣкъ, и какъ гражданинъ». Двѣ недѣли спустя онъ писалъ снова: «Я окончилъ свою меморію, которая похожа на длинный «opus» и которая принесетъ человѣчеству несомнѣнную пользу; несчастныя существа, живущія въ старой Финляндіи, получатъ снова благодаря ей «une existence civile». Завтра я представлю эту меморію Государственному Совѣту въ Петербургѣ, и увидишь, выйду ли я съ честью изъ этого дѣла. Самъ я доволенъ моей меморіей, хотя, вѣроятно, въ цѣломъ Петербургѣ не найдется ни одного человѣка, который взялся бы написать или, еще меньше, про-

читать ее въ присутствіи извѣстныхъ личностей. Въ ней встрѣчается прямое нападеніе на незаконное насиліе, которое тяготило Финляндію съ момента ея покоренія».

Содержаніе и тонъ меморіи, равно какъ и набросковъ ея, сохранившихся до сихъ поръ въ бумагахъ Армфельда, свидѣтельствуютъ, какъ непріятно было ему читать ихъ въ собраніи русскихъ. Онъ описываетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно грустную картину законодательства въ русской Финляндіи. Свобода крестьянъ могла бы быть защищена, въ силу мирнаго договора съ Швеціей, но указы изъ Петербурга были всѣ въ пользу помѣщиковъ, владѣющихъ пожалованными землями, и всѣ дѣла шли въ ущербъ крестьянскаго землевладѣнія; такимъ образомъ свободные люди въ этихъ помѣстьяхъ сдѣлались крѣпостными; они продавались вмѣстѣ съ землей. Отъ свободы оставалось лишь одно преимущество: невозможность быть проданными безъ земли отдѣльно. Изъ работающихъ и покорныхъ работниковъ, эти мужики превратились въ лѣнивыхъ, упрямыхъ, иногда приходившихъ въ отчаяніе людей. Правосудіе было въ упадкѣ, авторитетъ его унижался недостойными судьями, которые угнетали несчастныхъ. Народъ не былъ въ состояніи платить даже самыя незначительныя подати; богатые лѣса всюду вырубались, и страшная бѣдность царила по всей мѣстности. Чтобы вырвать эту провинцію изъ ея упадка, Армфельдъ предложилъ, чтобы Сюстербекъ у Ладожскаго озера снова сталъ границей между Россіей и Финляндіей; одновременно, чтобы изданъ былъ манифестъ для жителей старой Финляндіи, гарантирующій имъ право сохранить какъ законы, такъ и конституціонное правленіе, существующіе по всей остальной Финляндіи. Мѣстныя русскія власти, съ губернаторомъ во главѣ, должны быть замѣнены выборгскимъ губернаторомъ, который управлялъ бы губерніей по шведскому образцу. Должно установить правильный платежъ податей и размежеваніе земли подъ надзоромъ губернатора; организовать судебную палату въ Выборгѣ. Духовныя дѣла и народное просвѣщеніе оставить подъ вѣдомствомъ епископа въ Борго. Для осуществленія же предлагаемыхъ реформъ, учредить комитетъ въ Выборгѣ. Предложеніе о перенесеніи епископства изъ Борго въ Выборгъ, а судебной палаты въ Або, къ которой предлагалось прибавить еще двухъ членовъ изъ старой Финляндіи, принадлежало иниціативѣ Армфельда. Эти два предложенія служили поводомъ къ манифестамъ, изданнымъ 11-го и 31-го декабря 1811 года, въ силу которыхъ Выборгъ былъ присоединенъ къ Финляндіи и сталъ пользоваться конституціонными правами страны. Съ 1-го января 1812 года, законы финляндскіе стали примѣняться въ Выборгѣ, и доходы съ этой провинціи поступали въ финляндскій государственный банкъ. Всѣ русскіе чиновники, какъ

администрація такъ и юстиціи, за исключеніемъ магистратовъ, устранены отъ своихъ должностей; содержаніе оставлено имъ на полгода, въ томъ случаѣ, если они въ теченіе этого времени не найдутъ себѣ другихъ должностей. Милиція организована по образцу остальной Финляндіи. Въ манифестѣ отъ 31-го декабря было обращено особенное вниманіе на вопросъ объ ограниченіи правъ помѣщиковъ, относительно подчиненныхъ имъ крестьянъ, соотвѣтственно финляндскимъ законамъ. Указы изъ Россіи, которые, послѣ мирнаго договора въ Або и въ Нистадѣ, были изданы для народа, теперь прекратились. Совѣтъ долженъ былъ составить проектъ правильнаго платежа податей соотвѣтственно доходамъ отъ недвижимыхъ имуществъ.

Послѣ осуществленія своихъ желаній, Армфельдъ писалъ женѣ слѣдующее: «Если бы я теперь могъ покончить съ моимъ политическимъ поприщемъ, я былъ бы совершенно доволенъ; нахожу великой честью для себя—выигравъ побѣду, содѣйствовать уничтоженію человѣческаго гнета. Можетъ быть это—послѣднее, что удалось мнѣ совершить, и придется снова вернуться къ прежнему «ничтожеству». Когда всѣ проекты были распубликованы, наступила очередь ихъ осуществленія; требовалось однако для новой финляндской провинціи найти правителя, человѣка сильной воли, дѣятельнаго и съ организаторскимъ талантомъ. Выборъ Армфельда палъ съ самаго начала на Шернваля; время доказало впослѣдствіи, что найденъ былъ именно тотъ человѣкъ, котораго искали для столь трудной и совсѣмъ новой обязанности. Не безъ нѣкотораго страха принялъ Шернваль эту должность; это видно изъ нѣкоторыхъ писемъ Армфельда. Послѣдній писалъ младшему брату Шернваля: «Когда мнѣ удалось соединить Финляндію въ одно цѣлое, когда это великое дѣло въ политическомъ и нравственномъ отношеніи достигло своего осуществленія, когда я послѣ тяжелой борьбы добился, наконецъ, славы и побѣды на пользу человѣчества и Финляндіи—тогда я удивился, если бы благородный человѣкъ и хорошій патріотъ измѣнилъ мнѣ именно въ ту минуту, когда я зову его на помощь. Я знаю напередъ, что вашъ братъ своей дѣятельностью и энергіей достигнетъ хорошихъ результатовъ въ начатомъ мною дѣлѣ. Если нашъ добрый монархъ докажетъ ему свое довѣріе, то это тотъ пробный камень, на которомъ онъ можетъ построить все свое счастье въ будущемъ, не нуждаясь впрочемъ быть прикованнымъ къ одному мѣсту».

Армфельдъ употребилъ всю силу своего краснорѣчія, чтобы убѣдить Шернваля принять на себя званіе губернатора въ Выборгѣ. «Уже признано всѣми, дорогой другъ, что вы годитесь на эту должность,—писалъ онъ самому Шернвалю,—вамъ слѣдуетъ только взять подъ уздцы ваше патріотическое чувство и вашу живость, которыя не могутъ быть даже «à la hauteur du siècle». Выборгская провинція

представляетъ для человѣка старательнаго, добраго и любящаго правосудіе, самую легкую, въ смыслѣ управленія, губернію во всей Финляндіи, по крайней мѣрѣ на первые 5-ть и 6-ть лѣтъ. Во-первыхъ, нигдѣ народъ не былъ такъ несчастливъ какъ именно въ этой губерніи, слѣдовательно, когда онъ почувствуетъ, что съ нимъ обращаются почеловѣчески, и одновременно пойметъ, что ему слѣдуетъ исполнять извѣстныя обязанности, то непремѣнно будетъ доволенъ. Во-вторыхъ, не слѣдуетъ также забывать, что въ этой губерніи можно прибѣгать къ начальническому тону въ мелочахъ и даже употреблять нѣкоторую власть для достиженія благихъ цѣлей, потому что и уши, и глаза, и всѣ чувства привыкли къ этому. Въ третьихъ, перемѣна чиновниковъ представляетъ во всѣхъ областяхъ правленія случай дать своей дѣятельности то направленіе, котораго потребуютъ обстоятельства. Въ четвертыхъ, государь готовъ поддержать всѣ дѣйствія губернатора въ Выборгѣ, для того чтобы возстановить законный порядокъ и уничтожить отсутствіе въ этой губерніи демаркаціонной линіи между правомъ и долгомъ. Средства, которыя вы будете имѣть подъ рукой для исполненія вашей задачи, будутъ служить вамъ помощью: вы будете имѣть, кромѣ собственной силы воли, еще коммиссію, которая организуется въ Выборгѣ, духовенство, которое усиліями патріота-епископа будетъ переорганизовано; наконецъ юристовъ, по мѣрѣ того, какъ мнѣ удастся замѣнить неспособныхъ людей способными».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Армфельдъ не скрывалъ передъ Шернвалемъ невыгодныя стороны этого дѣла. Нѣкоторое время спустя онъ писалъ ему: «по пріѣздѣ вашемъ въ Выборгъ, васъ атакуютъ со всѣхъ сторонъ сплетнями, жалобами и ссорами. Выслушайте каждаго, помните все, а главное, посвящайте свое время на обсужденіе всего, что вы увидите и услышите. Дворяне обращаются варварски съ крестьянами; судьи скверные; среднее сословіе нисколько не лучше; духовенство безнравственное и лицемѣрное; крестьянинъ не лучше животнаго, онъ угнетенъ, озлобленъ, и въ особенности лѣнивъ. Соединеніе подобнаго зла съ неспособностью составляетъ такое цѣлое, до котораго опасно даже дотронуться безъ предосторожностей. Самолюбіе есть причина тому, что Выборгская губернія близка моему сердцу, и потому я отъ души радуюсь, что вы будете управлять ею».

Съ живымъ интересомъ слѣдилъ Армфельдъ за всѣмъ тѣмъ, что происходило въ новой Финляндской губерніи, почему новый энергичный губернаторъ находилъ въ Армфельдѣ огромную поддержку. Эта поддержка была дѣйствительно необходима, и если бы Армфельдъ не имѣлъ такого громаднаго вліянія на императора Александра I, то мудрено было бы искоренить аристократическій и варварскій помѣщичій духъ. Привилегированныя сословія старой Финляндіи, желая сохранить во-

сточные нравы, возмущались новыми реформами и не скрывали своего неудовольствія передъ Армфельдомъ, зная что инициатива принадлежитъ ему; послѣдній въ свою очередь не скрывалъ своихъ воззрѣній и съ ужасомъ смотрѣлъ на порядокъ, который царствовалъ въ старой Финляндіи [1]).

Вскорѣ послѣ присоединенія Выборгской провинціи, Армфельдъ написалъ меморію государю, по поводу того, что петербургскія власти продолжали одно время задерживать документы, планы и карты, касающіеся этой провинціи. Въ этой меморіи онъ выразилъ сожалѣніе, что «вліятельныя лица уже много лѣтъ тому назадъ отняли у простонародія законное право защиты», и просилъ императора приказать министру юстиціи прекратить задержку необходимыхъ бумагъ. О русскомъ же управленіи онъ въ своемъ письмѣ не стѣсняясь выразилъ искреннее негодованіе: «Боже мой, съ какимъ сбродомъ государь имѣетъ дѣло!—писалъ онъ.—Невѣжество, недоброжелательство противъ всего, что—не русское, поглощаетъ и уничтожаетъ справедливость». Армфельдъ противился желанію нѣкоторыхъ русскихъ дворянъ поступать въ финляндскую дворянскую палату. «Надо стараться,—писалъ онъ Аминову,—избавиться отъ варваровъ и искать людей съ либеральными принципами [2]). Хотя Армфельдъ и совѣтовалъ новому Вы-

[1]) Хотя предводитель дворянства въ Выборгѣ, генералъ Фокъ изъявлялъ въ своемъ письмѣ къ Армфельду благодарность русскому царю, но несмотря на это принадлежалъ къ числу недовольныхъ финляндцевъ. По случаю его скоропостижной смерти Армфельдъ писалъ: „Толстый Фокъ умеръ въ три дня; онъ, вѣроятно, умеръ отъ крика, такъ какъ былъ въ отчаяніи, глядя на реформы въ Выборгской провинціи. Если бы Господь прибиралъ почаще подобныхъ крикуновъ, то стало бы легче“.—Къ Шернвалю онъ писалъ 26 апрѣля 1813 г. „Много помѣщиковъ предпочли бы лучше продать свои помѣстья въ старой Финляндіи, нежели оставаться въ ней при новомъ порядкѣ. Законы и конституціонное правленіе кажутся имъ чѣмъ-то въ родѣ чумы, или другой заразной болѣзни“. Самъ Армфельдъ купилъ у русскаго помѣщика имѣніе возлѣ Ладожскаго озера (1812), но управленіе этимъ имѣніемъ доставило ему много хлопотъ.

[2]) Армфельдъ пишетъ Шернвалю 15 декабря 1811 г. „Министръ финансовъ одинаково глупъ и гордъ, онъ постоянно вмѣшивается въ финляндскія дѣла. Между тѣмъ желаніе государя, чтобы ни одинъ русскій чиновникъ, кромѣ нашего генералъ-губернатора, не касался нашей администраціи. Уничтоженіе русской таможни въ Выборгѣ—дѣло рѣшеное, и мнѣ уже оффиціально извѣстно, что она скоро прекратитъ свою дѣятельность“. Тому-же Шернвалю 20 іюня—1 августа 1812 г. „Выборгское дворянство нельзя считать финляндскимъ. Оно должно еще доказать, какимъ образомъ оно считаетъ себя принадлежащимъ къ намъ, дабы пользоваться нашими правами. Это важный вопросъ, и слѣдуетъ имъ дать понять это обстоятельство. Надо чтобы всѣ сословія были или равны между собой, или, чтобы дворянство имѣло свои права, которыя въ глазахъ философовъ считаются химерой; при всемъ томъ, необходимо, чтобы по такимъ вопросамъ существовали опредѣленныя понятія“.

*

боргскому губернатору быть осторожнымъ, но это не мѣшало ему самому прибѣгать къ довольно энергичнымъ мѣрамъ, которыя казались многимъ слишкомъ поспѣшными и произвольными; послѣднія имѣли однако цѣлью содѣйствовать благополучію угнетеннаго крестьянина; вопросъ этотъ былъ всегда близокъ сердцу Армфельда. «Если у васъ хватитъ силъ, мой другъ,—писалъ онъ Шернвалю 9 апрѣля 1812 г.,—то съ вашимъ умомъ и сердцемъ и съ Божіей помощью все можетъ устроиться. Но все же вамъ придется прибѣгнуть къ строгости, особенно по отношенію къ тѣмъ, которые рады надуть простолюдина. Если бы у васъ были достойные пасторы и истинные юристы, тогда дѣло было бы на половину легче».

Между тѣмъ не одни только русскіе помѣщики негодовали на то, что лишались крѣпостныхъ людей [1]). Тѣ изъ русскихъ чиновниковъ, которые видѣли исчезновеніе своего прежняго вліянія и осужденіе совершаемыхъ ими поступковъ, и даже нѣкоторые изъ соотечественниковъ Армфельда, стали качать головой, глядя на нововведенія и распоряженія, совершавшіяся иногда произвольно, или вслѣдствіе совѣтовъ съ новымъ членомъ комитета Розенкампфомъ. Послѣдній по своему происхожденію не былъ финляндцемъ [2]), и потому на него смотрѣли недовѣрчиво, боясь что онъ можетъ дурно повліять на Армфельда [3]). Ближайшее къ Армфельду лицо въ комитетѣ, Аминовъ, по поводу быстраго выселенія какой-то подозрительной личности изъ Выборга, говорилъ Армфельду: «Слишкомъ быстрое присоединеніе старой Финляндіи

---

[1]) Иные пробовали другимъ образомъ объяснить нѣкоторые пункты манифеста отъ 31 дек. 1811 г. и старались приписать своихъ финляндскихъ крестьянъ къ другимъ помѣстьямъ и недвижимымъ имуществамъ въ Петербургѣ, для того только, чтобы эти несчастные продолжали оставаться въ крѣпостномъ состояніи. Въ виду такихъ безобразій было особенно вмѣнено Выборгскому управленію строго слѣдить за происходящимъ.

[2]) Розенкампфъ былъ уроженецъ Лифляндіи, но съ назначеніемъ членомъ финляндскаго комитета, тотчасъ же получилъ званіе финляндскаго дворянина.

[3]) Другъ Армфельда, Еренстрёмъ писалъ Аминову 22 апр. 1812 г. «Тотъ способъ, который былъ примѣненъ при присоединеніи старой Финляндіи, не нравится многимъ; было бы желательно уменьшить это неудовольствіе. Дѣло хорошо въ принципѣ и вполнѣ соотвѣтствуетъ основнымъ законамъ управленія, на которые императоръ изъявлялъ свое согласіе; но кажется, что присоединеніе совершилось слишкомъ быстро. Вся вина падаетъ на одну личность (Розенкампфа), которая только благодаря своей симпатичной наружности понравилась его превосходительству (Армфельду) и пользуется его полнымъ довѣріемъ. Надѣюсь однако, что его превосходительство не будетъ имѣть причинъ раскаиваться въ томъ, что довѣрился такъ скоро человѣку, который даже не финляндскаго происхожденія». Этотъ Розенкампфъ не заслуживаетъ въ русской исторіи благосклоннаго отзыва. См. Bernhardi «Geschichte Russland». (XXI. 615, 641).

къ Россіи произвело враговъ у нашего добраго монарха». Онъ также предвидѣлъ грустныя послѣдствія, могущія произойти отъ подобной ошибки. Однако же Аминовъ относился сочувственно къ интересной дѣятельности Армфельда, какъ дѣятельности государственнаго лица. «Мнѣ лучше чѣмъ кому-либо извѣстны ваши побужденія,—говорилъ Аминовъ,—я знаю, что вы всѣмъ сердцемъ преданы нашему доброму монарху. Въ одномъ мы всегда будемъ расходиться съ вами: въ томъ что я не сочувствую вашему образу дѣйствій». Онъ же предупреждалъ Армфельда, что его неосторожныя выходки, слишкомъ гордый откровенный тонъ съ министрами можетъ имѣть пагубныя послѣдствія. «Вообразите себѣ,—пишетъ между прочимъ Аминовъ Армфельду,—что рано или поздно, когда бразды правленія снова перейдутъ въ ихъ руки, вся ненависть, которую они несомнѣнно чувствуютъ къ намъ нынѣ, повредитъ нашему бѣдному отечеству. Развѣ нельзя, вмѣсто того, чтобы выказывать гордость, надменный нравъ, раздражительный и повелительный тонъ, придти къ хорошимъ результатамъ помощью одной кротости, покорнаго нрава, съ сохраненіемъ извѣстной гармоніи? Мой другъ! Что я люблю и любилъ васъ всегда, о томъ свидѣтельствуютъ Господь и мои поступки относительно васъ; но я считаю своимъ долгомъ сказать вамъ, что не сочувствую тѣмъ пріемамъ, которые вы избрали, чтобы служить интересамъ нашего отечества; вы могли бы легко достигнуть счастья послѣдняго, благодаря вашимъ замѣчательнымъ способностямъ, вашему доброму сердцу и вашему рвенію къ дѣламъ; всѣ эти качества, вмѣстѣ взятыя, помогли бы вамъ не только составить счастье Финляндіи, но даже утвердить и продолжить это самое счастье». Въ другомъ письмѣ Аминовъ говоритъ Армфельду: «Не забывайте, мой другъ, что у насъ есть законы».

Предупрежденія эти были не напрасны. Даже Ребиндеръ, находившійся въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ къ Армфельду, часто задумывался надъ этимъ лихорадочнымъ стремленіемъ его къ реформамъ и надъ той необдуманной подъ-часъ поспѣшностью, съ которой онъ иногда дѣйствовалъ [1]). Но послѣдствія, которыхъ многіе страшились, не сбылись къ счастью. Отношенія Армфельда къ Александру I были таковы, что позволяли ему дѣйствовать въ томъ духѣ какъ онъ самъ выражался: «trancher toutes les difficultées par un coup d'autorité». Свой взглядъ на Петербургъ онъ высказывалъ въ одномъ письмѣ въ слѣдующихъ

---

[1]) „Я слышалъ, что присоединеніе Выборга къ Финляндіи не сочувственно было принято ни въ старой Финляндіи, ни генералъ-губернаторомъ; впрочемъ, я это предвидѣлъ, и пускай это обстоятельство послужитъ урокомъ Армфельду впредь слушаться совѣтовъ комитета". (Ребиндеръ—Манергейму).

выраженіяхъ: «Въ этомъ городѣ не годится уступать въ какомъ-нибудь вопросѣ въ ущербъ правды и чести».

Увлекаясь иногда поступками произвольнаго характера, Армфельдъ, несмотря на всѣ возникавшія непріятности, неустанно и безкорыстно работалъ ради присоединенія Выборга; онъ смотрѣлъ теперь съ возрастающимъ удовольствіемъ на энергичныя стремленія Шернваля къ той же самой цѣли. «Человѣкъ этотъ дѣлаетъ чудеса,—писалъ онъ къ Еренстрёму;—«его дѣятельность и ненависть къ мелкимъ интересамъ и ссорамъ сильно помогаютъ ему. Если бы намъ пришлось лишиться его, то я убѣжденъ, вся Выборгская провинція пропала бы, такъ какъ онъ не замѣнимъ [1]). Другой, не менѣе важный вопросъ, имѣющій въ политическомъ и конституціонномъ отношеніи болѣе значенія, нежели присоединеніе Выборга, занималъ также Армфельда и его соотечественниковъ. Вопросъ этотъ касался организаціи финляндской арміи. Финляндское войско было распущено послѣ ландтага въ Борго; сословія просили разрѣшенія новаго монарха, въ память тѣхъ узъ, которыя соединяли когда-то Финляндію съ Швеціей, не содержать въ теченіе 50-ти лѣтъ войска въ Финляндіи. Военная депутація отправленная въ началѣ 1810 года въ Петербургъ, возбудила вопросъ объ организаціи вольнонаемнаго войска единственно для защиты Финляндіи; но ходатайство это осталось безъ послѣдствій. Такимъ образомъ сыны отечества были лишены права, и имъ не вмѣнялось въ обязанность защищать свою родину, самостоятельность которой было главнымъ желаніемъ и цѣлью всѣхъ патріотовъ. Тяжело было видѣть вооруженное войско побѣдителя, заботившагося о защитѣ ихъ отечества. Квартирный постой въ городахъ и селахъ чужестранныхъ солдатъ палъ тяжелымъ бременемъ на финляндскій народъ. Несмотря на великую благодарность финляндцевъ за милости къ нимъ императора Александра I, отовсюду стекались жалобы и неудовольствія по случаю ожидаемаго прихода русскихъ солдатъ. Народъ страдалъ отъ совмѣстнаго сожительства съ ними, въ крошечныхъ и тѣсныхъ избахъ. Не менѣе страдало отъ того и имущество финляндцевъ, такъ какъ русское войско не подлежало финляндскимъ законамъ. Этотъ вопросъ сильно интересовалъ Армфельда. Со

---

[1]) Судя по письму Армфельда къ Шернвалю (29 іюня 1812 г.), примѣрный губернаторъ Шернваль самъ неразъ жаловался Армфельду, который отвѣчалъ ему на это слѣдующее: „Римъ не былъ построенъ въ одинъ день. Когда вся Выборгская провинція избавлена одновременно отъ рекрутскаго набора и отъ тѣхъ большихъ податей, которыми вся Россія манифестомъ отъ 11-го февраля обложена въ этомъ году, тогда простите меня, мой другъ, если самое названіе п а с ы н к о в ъ, которое вы себѣ даете, я найду не только преувеличеннымъ, но даже доказывающимъ черную неблагодарность вашу къ монарху, который d'un trait сдѣлалъ такъ много для Финляндіи“.

стороны Финляндіи онъ былъ еще возбужденъ до пріѣзда барона въ Петербургъ, причемъ испрашивалось разрѣшеніе построить казармы, на что послѣдовало высочайшее согласіе [1]). Армфельдъ написалъ собственноручно меморію, въ которой предлагалъ кромѣ казармъ построить еще рядомъ съ ними бараки; на содержаніе ихъ долженъ былъ взиматься сборъ съ каждой деревни въ теченіе 5-ти лѣтъ; далѣе, слѣдовало издать уставъ, дающій точныя инструкціи, въ предупрежденіе злоупотребленій, которыя въ этой области постоянно повторялись. Какъ предсѣдатель комитета, Армфельдъ принималъ живое участіе въ обсужденіи этого вопроса [2]). Въ концѣ декабря 1881 года Армфельдъ писалъ Аминову: «Вопросъ о квартирномъ постоѣ рѣшенъ, но вы увидите иной экземпляръ, нежели та дрянь, которую прислалъ сюда совѣтъ». Организація національной обороны была попрежнему главной цѣлью финляндскихъ патріотовъ. Весной 1811 г., когда Армфельдъ только прибылъ въ Петербургъ, этотъ вопросъ уже вызывалъ различныя мнѣнія [3]). Армфельдъ получалъ со всѣхъ сторонъ записки, съ изложеніемъ проектовъ по этому вопросу; поспѣшилъ изложить это дѣло императору, но встрѣтилъ сильный отпоръ со стороны монарха; на этотъ разъ не помогли ни вліяніе, которое Армфельдъ имѣлъ на государя, ни его дружескія съ нимъ отношенія. По этому поводу онъ писалъ Шернвалю 5-го ноября 1811 года: «Его императорское величество совершенно противъ организаціи въ настоящее время милиціи; онъ боится, что это можетъ быть причиной общаго неудовольствія. Если не ошибаюсь, то я узнаю въ этомъ дѣлѣ вліяніе нашего патріота епископа [4]), однако пускай мои

---

[1]) Манифестъ отъ 11-го февраля 1811 года.

[2]) „Квартирный постой долженъ существовать,—писалъ Армфельдъ,—до тѣхъ поръ, пока у насъ не будетъ собственнаго войска, но надо поставить границу злоупотребленіямъ, дать силу законамъ, поставить предѣлъ между претензіями солдатъ и правами народа. Моя обязанность этимъ заняться, и именно надъ этимъ теперь работаю".

[3]) Аминовъ въ письмѣ къ Армфельду (17 мая 1811 г.) отсовѣтовалъ ему не содѣйствовать организаціи національной милиціи, говоря, что „время для этого еще не пришло, и что это обстоятельство можетъ нарушить спокойствіе и выказать неблагодарность къ милостивому монарху. Неизвѣстно также, какъ поступило бы финляндское войско въ случаѣ войны со Швеціей".

[4]) Тенгстрёмъ въ Або, къ которому Армфельдъ относился недовѣрчиво. Вообще Армфельдъ смотрѣлъ недоброжелательно на финляндцевъ, которые дѣйствовали въ противномъ духѣ. Онъ былъ убѣжденъ, что нашлись лица, которыя увѣрили императора въ опасности организовать милицію въ Финляндіи; „это происходитъ—говорилъ онъ,—отъ полнаго отсутствія у насъ „esprit public", отъ фальшиваго нашего патріотизма и отъ нашихъ мелкихъ и фатальныхъ взглядовъ. Настанетъ день, когда эти безсмысленныя существа и узкоголовыя твари, которыя въ данный моментъ стоятъ противъ этого,

подозрѣнія останутся между нами. Дабы живѣе характеризовать нашего монарха, опишу вамъ конецъ нашего разговора съ нимъ. Чтобы доказать ему, что въ этомъ проектѣ не было ничего такого, что могло бы вызвать недовѣріе и отказъ, я представилъ императору многочисленные доводы. Его императорское величество на это отвѣтилъ мнѣ приблизительно слѣдующее: «Послушайте, чѣмъ больше я вдумываюсь въ этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что у меня совершенно достаточное количество войска, которое должно быть лишь правильно ведено. Для чего же въ такомъ случаѣ мнѣ возбуждать неудовольствіе, и ставить цѣлую націю въ затруднительное положеніе, особенно въ тотъ моментъ, когда она должна оправиться послѣ войны? Зачѣмъ мнѣ рисковать получить отказъ, въ случаѣ если бы я сталъ совѣтоваться съ націей, или подвергать себя недовѣрію и всеобщему неудовольствію, если я пожелалъ бы дѣйствовать произвольно; нѣтъ, лучше отложить этотъ вопросъ въ сторону и подумать о томъ, что̀ можетъ осчастливить Финляндію. Къ тому же мнѣ бы это стоило болѣе 100,000 человѣкъ. Я буду вполнѣ счастливъ, когда соотечественникамъ вашимъ въ старой Финляндіи вернутъ прежнія ихъ права, ибо нынѣшнее ихъ положеніе не можетъ жителямъ новой Финляндіи казаться иначе какъ ужаснымъ. Вотъ какъ я смотрю на это дѣло; вы же согласны ли со мной?»

Тронутый до глубины души мыслями и выраженіями императора, я высказалъ ему то, что въ подобныхъ случаяхъ чувствуется, но это не мѣшало мнѣ сожалѣть о недовѣріи, которое онъ, повидимому, питалъ къ нашему патріотизму и къ финляндской молодежи. Императоръ предложилъ устроить наемный полкъ, состоящій изъ 4-хъ батальоновъ съ удвоеннымъ числомъ офицеровъ. Я отвѣтилъ государю, что это будетъ un pis-aller, который также встрѣтитъ затрудненія. На этомъ пока окончился нашъ разговоръ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

будутъ кровавыми слезами оплакивать то зло, которому они сами стали причиной". (Ф. Шернвалю 16 января 1812 года).

ГУСТАВЪ IV

и

ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА.

1794—1796 г.г.

(По неизданнымъ документамъ шведскаго королевскаго архива).

VI [1]).

Въ Стокгольмѣ и безъ Стединга знали, что дѣло нужно поправить. На этомъ основаніи 26-го мая ст. стиля, герцогъ Зюдерманландскій пишетъ второе, конфиденціальное письмо императрицѣ, въ которомъ кратко, опредѣленно и прямо идетъ на встрѣчу вопросамъ, столь близкимъ Екатеринѣ II. «Прошу ваше императорское величество—пишетъ между прочимъ герцогъ-регентъ,—быть вполнѣ увѣренною, что нетерпѣніе мое видѣть скорѣе это сближеніе установленнымъ и утвержденнымъ, по крайней мѣрѣ, равно вашему и что я, съ своей стороны, употреблю все, чтобы ускорить желанную минуту. Я также льщу себя надеждою, что послѣднія объясненія посла короля при вашемъ величествѣ устранятъ ваши сомнѣнія относительно этого предмета и что секретъ, который онъ сообщитъ вамъ по моему приказанію, докажетъ вамъ по крайней мѣрѣ всю силу моего къ вамъ довѣрія. Я знаю, что вамъ можно говорить смѣло, ясно и откровенно и что изліянія дружбы сохраняются свято вашимъ императорскимъ величествомъ. Итакъ я не колеблюсь повѣрить

---

[1]) См. «Русскую Старину», май 1896 г.

вамъ (но покуда—вамъ только), что бракъ короля, моего племянника, который, какъ говорятъ, отложенъ до времени его совершеннолѣтія, не осуществится никогда, и въ этомъ я вамъ даю мое честное слово. Зная нѣжное участіе, которое ваше величество принимаете во всемъ, что касается короля, я увѣренъ, что секретъ его не можетъ быть въ лучшихъ рукахъ, будучи ввѣренъ вашему императорскому величеству... Я уже сообщилъ мекленбургъ-шверинскому кабинету, что совершеніе брака отлагается, и мы согласились съ королемъ, что во время его совершеннолѣтія, которое приближается такъ быстро, онъ самъ объявитъ остальное. Къ счастію, совершеннолѣтіе послѣдуетъ всего черезъ 5 мѣсяцевъ и удовольствіе мое быть такъ близко къ этому сроку удвоится, если, прежде чѣмъ онъ наступитъ, я буду въ состояніи видѣть, соотвѣтственно желанію моему, скрѣпленнымъ самымъ прочнымъ согласіемъ тѣсный союзъ, который посолъ короля имѣетъ приказаніе подписать, какъ только вашему императорскому величеству угодно будетъ на то согласиться. Вотъ мои истинные виды и желанія. Что касается до извѣстнаго дѣла, я не сомнѣваюсь, что оно будетъ окончено къ взаимному нашему удовольствію и увѣнчается полнымъ успѣхомъ, если съ обѣихъ сторонъ къ этому будутъ стремиться одинаково и съ осмотрительностью, которой безусловно требуютъ обстоятельства».

При такихъ условіяхъ, конечно, можно было на что-нибудь еще надѣяться, а съ другой стороны, неудивительно, что Стедингъ, чувствуя себя спокойнѣе и увѣреннѣе въ начатыхъ вновь переговорахъ, писалъ Рейтергольму 13-го (24) мая 1796 г.:

«Мой достойный другъ! Капитанъ Штирнваль пріѣхалъ въ прошлый вторникъ и привезъ мнѣ письмо отъ 12 мая. Въ тотъ же день я былъ у графа Маркова, но засталъ его во время совѣщанія съ прусскимъ министромъ, который съ нѣкотораго времени проявляетъ чрезвычайную дѣятельность. Я успѣлъ только отдать письмо уполномоченнаго по дѣламъ—г. Будберга, вложенное въ твое, которое онъ быстро прочиталъ. Онъ, повидимому, остался очень доволенъ имъ, и мы условились, что на другой день онъ будетъ у меня завтракать, чтобы посовѣтоваться со мной насчетъ содержанія твоего письма. Это совѣщаніе состоялось. Я поставилъ себя съ г. Марковымъ въ самыя откровенныя и интимныя отношенія, и потому не поколебался передать ему или даже перевести буквально нѣкоторыя мѣста изъ твоего письма, которыя должны были познакомить съ тобой его и императрицу, а именно то мѣсто, гдѣ говорилось о разрывѣ короля съ принцессой Мекленбургъ-Шверинской; все, что относилось къ обязательствамъ, которыя бароны Будбергъ заключили съ барономъ Эссеномъ и тобой въ Стокгольмѣ; мѣста, въ которыхъ говорилось о характерѣ нашего молодаго монарха, доказывающемъ его твердость и вмѣстѣ съ тѣмъ доброту, и, наконецъ, все то, что ты гово-

ришь мнѣ о своемъ взглядѣ на дѣло и о постоянствѣ въ рѣшеніи, которое ты принялъ, въ убѣжденіи, что оно будетъ самымъ лучшимъ для твоего короля и для твоего отечества, — г. Марковъ выслушалъ очень внимательно и не прерывалъ, но когда я кончилъ, онъ сказалъ, что чувствуетъ положительное отчаяніе по поводу только-что прочитаннаго. Нѣкоторыя мѣста въ этомъ письмѣ дѣйствительно могли бы доставить императрицѣ большое удовольствіе, но въ немъ находятся также другія, способныя еще болѣе утвердить во мнѣніи, которое, къ несчастью, сложилось у нея о недостаткѣ искренности съ нашей стороны. Онъ прибавилъ, что, сообщая ему все это, я поставилъ его въ величайшее затрудненіе, и поклялся, что если онъ дастъ императрицѣ подробный и точный отчетъ объ этомъ, она въ тотъ же моментъ дастъ своимъ войскамъ приказаніе выступить къ границѣ. Эти слова показались бы мнѣ еще болѣе странными и удивительными, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ, если-бъ мнѣ не было извѣстно одно обстоятельство, о которомъ я сообщалъ тебѣ въ прибавленіи къ моему послѣднему письму. Дѣло въ томъ, что у императрицы вновь возникли подозрѣнія и неудовольствіе противъ тѣхъ, кого она считаетъ виновниками этихъ раздоровъ. Теперь она вообразила, будто этимъ лицамъ удалось совершенно отнять у нея расположеніе короля. Для того, чтобы внушить ей эту мысль, пустили въ ходъ интриги, которыя на этотъ разъ идутъ, по моему мнѣнію, изъ болѣе высокихъ источниковъ, чѣмъ тѣ, на которыя я указывалъ въ прошлый разъ. Кромѣ того, эту мысль подтверждало и письмо короля, которое показалось императрицѣ очень холоднымъ, о чемъ я уже сообщалъ тебѣ. Если это убѣжденіе укоренится въ ея умѣ, она, по своему природному нетерпѣнію, можетъ предаться мысли о мщеніи. Вотъ, по крайней мѣрѣ, что показалось мнѣ наиболѣе вѣрнымъ и справедливымъ въ томъ, что говорилъ мнѣ г. Марковъ въ отвѣтъ на удивленіе, которое я высказалъ по поводу его словъ. Мнѣ казалось особенно страннымъ, что можно было говорить подобныя вещи послѣ пріѣзда г. Будберга, такъ какъ послѣдній долженъ былъ сообщить императрицѣ обо всемъ, что онъ видѣлъ и слышалъ. Если же подозрѣнія императрицы все еще продолжаются, то для меня это рѣшительно непонятно, и я безсиленъ помочь этому. Г-нъ Марковъ замѣтилъ мнѣ, что г. Будбергъ зналъ объ этомъ не болѣе остальныхъ особъ, которыя желали бы положить конецъ подобнымъ распрямъ. Далѣе онъ объяснилъ мнѣ, что императрица нашла, что г. Будбергъ зашелъ далѣе чѣмъ слѣдуетъ. Кромѣ того, по ея мнѣнію, онъ сдѣлалъ большую ошибку, слишкомъ поторопившись выѣхать изъ Стокгольма, не подождавъ приказанія остаться, которое уже было ему послано и запоздало только вслѣдствіе болѣзни Семенова. Поэтому г. Будбергъ былъ встрѣченъ не такъ милостиво, какъ того ожидалъ. Быть можетъ, смущенный этимъ пріемомъ, онъ говорилъ не такъ откровенно и правдиво, какъ долженъ

бы былъ это сдѣлать, и отсюда у императрицы получилось новое убѣжденіе, что дѣла въ Стокгольмѣ идутъ именно такъ, какъ хотятъ это представить ей наши враги [1]). Что поведеніе г. Будберга не было вполнѣ свободно отъ смущенія и замѣшательства, доказываютъ еще два обстоятельства. Во-первыхъ, онъ не былъ у меня съ визитомъ, хотя уже нѣсколько дней какъ пріѣхалъ; затѣмъ, когда я написалъ ему очень вѣжливую записку, посылая письмо повѣреннаго въ дѣлахъ, которое было вложено въ твоемъ конвертѣ, онъ мнѣ не отвѣтилъ на нее. Въ тотъ же самый день я встрѣтилъ его на костюмированномъ балѣ, который графъ Безбородко давалъ для молодыхъ великихъ князей. Здѣсь онъ поблагодарилъ меня за присылку письма, но когда я началъ разговоръ о дѣлахъ, онъ обнаружилъ величайшее замѣшательство. Онъ началъ говорить, что очень недоволенъ тѣмъ, что во всѣхъ депешахъ изъ Стокгольма говорилось, будто онъ уже заключилъ съ нами нѣкоторыя положительныя обязательства отъ имени императрицы, тогда какъ онъ дѣлалъ это только условно. Я попросилъ его сказать, кто говорилъ объ этомъ, желая узнать, не сообщалъ ли ему Марковъ о вашемъ письмѣ. Этотъ вопросъ смутилъ его, но онъ отвѣтилъ, что это былъ его двоюродный братъ въ Стокгольмѣ.—«Я вполнѣ убѣжденъ,—сказалъ я,—что вы не только исполните вѣрно то, что обѣщали въ Стокгольмѣ, но что вамъ удастся легко разрушить ложныя представленія, которыя объ насъ могли еще остаться у императрицы—по отношенію къ дѣламъ и лицамъ». Эти слова только еще больше смутили г. Будберга. Онъ началъ сильно протестовать противъ этого, увѣряя въ искренности своихъ намѣреній и въ готовности содѣйствовать успѣху переговоровъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ говорилъ, что здѣсь онъ не можетъ ничего сдѣлать. Одной изъ главныхъ причинъ, возбудившихъ снова недовѣріе императрицы, служитъ то, что наши сосѣди, датчане и особенно пруссаки, которые пріобрѣли здѣсь большой вѣсъ, сообщили русскимъ министрамъ о нашихъ попыткахъ расположить ихъ въ нашу пользу на случай разрыва съ Россіей. Разрывъ этотъ, котораго, быть можетъ, желаетъ Пруссія, но до извѣстной степени

[1]) Въ депешѣ Тауэнцина (Берлинскій Архивъ, см. Брикнера, «Вѣстникъ Европы» 1890, XIII, 799) отъ 6-го (17) мая сказано, напротивъ, совершенно иное: «Баронъ Будбергъ пріѣхалъ третьяго дня изъ Стокгольма, говорятъ, съ хорошими вѣстями». Въ письмѣ Ростопчина къ Воронцову, писанномъ также въ первой половинѣ мая (Арх. кн. Воронцова, VIII, 139), говорится о неожиданномъ пріѣздѣ въ Петербургъ Будберга, но тутъ же прибавлено, что поводомъ къ путешествію генерала были переговоры о бракѣ короля съ великою княжною. «Отъѣздъ его изъ Стокгольма,—говоритъ Ростопчинъ,—произвелъ много шума и безпокойствъ въ Стокгольмѣ, потому что не ожидали ничего иного, какъ объявленія войны. Послѣ пріѣзда Будберга между Марковымъ и Стедингомъ происходили частыя совѣщанія. Говорятъ, что Будбергъ не возвратится въ Швецію», и проч.

боится Данія, былъ тѣмъ не менѣе для нихъ обоихъ случаемъ угодить императрицѣ, чѣмъ они никогда не пренебрегаютъ. Если эти министры въ своихъ донесеніяхъ приписали намъ личныя и оскорбительныя выходки противъ императрицы и великой княжны Александры, то это объясняется тѣмъ, что клеветать на насъ сдѣлалось модой, а такъ какъ этимъ господамъ еще не извѣстно о новомъ оборотѣ, который дѣла приняли въ Стокгольмѣ, то они все еще руководствуются старымъ обычаемъ. Г-нъ Марковъ, не входя въ подробности по этому поводу, увѣрялъ меня однако, что императрица имѣетъ такія точныя свѣдѣнія о нашемъ отношеніи къ тѣсному сближенію съ ней, что ей невозможно не быть недовѣрчивой и она не удивится никакой неожиданности. Но мнѣ показалось, что г. Марковъ, несмотря на очевидное безпокойство, также рѣшилъ употребить все свое вліяніе, чтобы положить конецъ всѣмъ этимъ сплетнямъ. Онъ спросилъ, не желаю ли я написать императрицѣ письмо о томъ, что я ему сейчасъ довѣрилъ, и если я согласенъ на это, онъ предложилъ передать мое письмо ея величеству. Онъ увѣрялъ меня, что такой шагъ окажетъ больше дѣйствія, чѣмъ все то, что онъ самъ могъ бы сказать ей. Хотя мнѣ не понравилось это предложеніе, однако отказаться было невозможно, иначе противъ насъ возникли бы новыя подозрѣнія, и я согласился съ наружной любезностью. Мое письмо, копію котораго посылаю, было написано въ тотъ же день и на слѣдующій отослано г. Маркову. Чтобы выразить ему еще больше довѣрія, я присоединилъ къ своей запискѣ такую же копію, съ тѣмъ чтобы онъ возвратилъ мнѣ ее по прочтеніи. Вы, конечно, понимаете, какого труда стоило мнѣ составить это письмо, въ виду его важности. Надо было, чтобы это письмо вышло очень яснымъ и очень сердечнымъ и въ то же время сохранить достоинство короля, отъ имени котораго я долженъ былъ писать. Я писалъ его такъ, чтобы произвести какъ можно большее впечатлѣніе на императрицу, которую я изучилъ достаточно, чтобы знать, что́ для этого нужно. Въ тотъ же день я видѣлъ г. Маркова. Проходя мимо, онъ шепнулъ мнѣ, что мое письмо произвело самое лучшее дѣйствіе и что все идетъ хорошо. На другой день я получилъ отъ него письмо, которое посылаю въ оригиналѣ [1]). Письмо это

---

[1]) Письмо барона Стединга императрицѣ было слѣдующаго содержанія: «Ваше императорское величество! Я уполномоченъ со стороны короля, моего повелителя, и его королевскаго высочества герцога сообщить вашему императорскому величеству, и только вамъ однимъ, что бракъ, предполагавшійся между его величествомъ и принцессою Луизой-Шарлоттой Мекленбургъ-Шверинской, никогда не состоится. Но по личнымъ соображеніямъ короля и его королевскаго высочества этотъ разрывъ долженъ остаться въ глубокой тайнѣ во все время несовершеннолѣтія его величества и будетъ объявленъ только тогда, когда онъ самъ приметъ въ свои руки бразды правленія. Я увѣренъ,

доставило мнѣ большую радость, хотя и оставляло желать многаго, но зато было написано мягкимъ и умѣреннымъ тономъ и обѣщало намъ крупныя выгоды относительно вещей, которыя намъ желательно получить. Ты видишь, мой дорогой Рейтергольмъ, что уже нѣтъ болѣе рѣчи о бракѣ короля,—этотъ пунктъ оставленъ въ сторонѣ, независимо отъ нашего союза съ Россіей. Путешествіе же короля и его королевскаго высочества ради посѣщенія императрицы, котораго такъ желаетъ эта государыня, будетъ лишь политическимъ актомъ, который, вѣроятно, пріобрѣтетъ намъ большое вліяніе на этотъ кабинетъ. Дѣло въ томъ, что эта государыня, болѣе чѣмъ всякій другой монархъ въ свѣтѣ, руководится въ дѣлахъ тѣми чувствами, которыя она испытываетъ, а она навѣрное полюбитъ нашего короля. Скажу болѣе,—разъ король пріобрѣ-

---

что ваше величество въ этомъ знакѣ довѣрія короля и его королевскаго высочества увидите тѣ чувства, которыми они одушевлены по отношенію къ вамъ, и эту тайну, которую они желаютъ сохранить еще нѣкоторое время для всѣхъ остальныхъ, они смѣло ввѣряютъ охранѣ дружбы и лояльности, которой отличается ваше императорское величество.

«Да будетъ позволено мнѣ, государыня, къ выраженію глубочайшей преданности короля и его королевскаго высочества вашему величеству присоединить и мое пожеланіе, чтобы скорѣе вернулись тѣ прекрасные дни, которыми было отмѣчено мое первое пребываніе при дворѣ вашего величества. Къ этому клонятся желанія и намѣренія короля и его королевскаго высочества, а ваше величество слишкомъ великодушны и чувствительны, чтобы не идти въ этомъ случаѣ впереди короля, вашего родственника и союзника, который только что отдалъ себя въ ваши руки».

9-го мая 1796 г. Марковъ отвѣчалъ: «Посылаю вамъ, мой дорогой посланникъ, копію съ вашего письма къ императрицѣ, которую вы мнѣ давали. Оригиналъ я вручилъ ея величеству и, присутствуя во время его чтенія, могъ выслушать замѣчанія по поводу его.

«Прежде всего ея императорское величество изволила замѣтить, что съ тѣхъ поръ, какъ начались серьезные переговоры о сближеніи обоихъ дворовъ, это былъ единственный разъ, когда она нашла ясность и точность. Хотя она можетъ считать себя удовлетворенной въ этомъ отношеніи, тѣмъ не менѣе не перестанетъ желать, чтобы такимъ же образомъ были сдѣланы и другія разъясненія, касающіяся предметовъ не менѣе важныхъ. Она ясно чувствуетъ, что, находясь въ положеніи, противоположномъ тому, какого желательно достичь, невозможно вести посредствомъ одной корреспонденціи переговоры о такихъ важныхъ и щекотливыхъ вопросахъ, которые необходимо окончательно опредѣлить и установить. Это поведетъ лишь къ безконечнымъ проволочкамъ и даже къ совершенному пренебреженію цѣлью. Самымъ вѣрнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ сократить эти проволочки, по меньшей мѣрѣ неудобныя для обѣихъ сторонъ при настоящемъ положеніи дѣлъ, было бы свиданіе императрицы съ ея кузенами, королемъ и регентомъ. Одинъ часъ бесѣды поможетъ устранить больше трудностей, выяснить больше недоразумѣній и согласить больше интересовъ, чѣмъ цѣлый годъ переписки и дипломатическихъ переговоровъ. Въ силу этого мотива, достойнаго вниманія короля и регента, императрица приглашаетъ ихъ посѣтить ее въ теченіе этого

тетъ расположеніе императрицы, то она не поставитъ ему въ вину, если-бъ даже онъ и не думалъ никогда жениться на великой княжнѣ Александрѣ. Наконецъ, если мы желаемъ обезпечить себѣ спокойствіе съ этой стороны, если мы хотимъ получить вознагражденіе за то, что намъ должна императрица, если мы можемъ когда-нибудь надѣяться вернуть себѣ общее расположеніе, отнявъ у своихъ недоброжелателей самое лучшее ихъ средство,—если мы желаемъ всего этого, то будемъ держаться пути, который намъ указываютъ и который, несмотря на представляющіяся трудности, есть единственный, могущій привести насъ къ цѣли. Подумай, мой другъ, о милліонахъ твоихъ согражданъ, которые въ этотъ моментъ со страхомъ ожидаютъ рѣшенія своей участи, для которыхъ всѣ предметы любви служатъ уже предметомъ безпокой-

---

лѣта. Пріемъ, который ихъ здѣсь ожидаетъ, будетъ соотвѣтствовать какъ этому мотиву, такъ и ихъ сану и положенію, какъ самыхъ близкихъ родственниковъ ея величества. Сверхъ того она предупреждаетъ ихъ, что въ этомъ случаѣ рѣчь будетъ идти только о государственныхъ дѣлахъ; что касается дѣлъ семейныхъ, то они будутъ всецѣло предоставлены вкусу и взаимной склонности сторонъ, которыя больше всего въ этомъ заинтересованы.

«Вотъ, дорогой посланникъ, предложеніе, которое императрица поручаетъ вамъ, зная ваше усердіе по дѣлу сближенія обоихъ дворовъ, усердіе, которое она цѣнитъ и удостаиваетъ самаго полнаго одобренія. Принятіе этого предложенія болѣе, чѣмъ что-нибудь другое, убѣдитъ ее въ искренности намѣреній короля и его высочества регента по отношенію къ ней. Всѣ возраженія, которыя можно почерпнуть въ законахъ или въ завѣщаніи покойнаго короля, должны уступить передъ величайшей важностью укрѣпленія и продленія союза и добраго согласія между обоими государствами.

«Чтобы предупредить заранѣе сомнѣніе и недовѣріе, которыя, быть можетъ, внушатъ вамъ это письмо и его мотивы, я скажу вамъ, что не далѣе какъ по вчерашней почтѣ мы узнали изъ очень вѣрнаго источника слѣдующее: вашъ дворъ, стараясь сосредоточить вниманіе другаго двора на тѣхъ движеніяхъ, которыя совершались у насъ, внушаетъ ему ту мысль, что не въ его интересахъ допускать не только подавленіе Швеціи, но даже бракъ съ русской принцессой, которая не замедлитъ внести въ эту страну русское вліяніе. Вы сочтете это сообщеніе ложнымъ или злонамѣреннымъ,—я желалъ бы, чтобъ это было такъ. Но согласитесь, по вашему собственному опыту, что если такого рода извѣстія вызываютъ недоразумѣнія между самыми дружественными дворами, то гораздо болѣе сильное дѣйствіе должны они оказать на тѣ дворы, которые близки къ открытому столкновенію и отношенія которыхъ далеко не такъ прочны, какъ это можно пожелать для ихъ взаимнаго спокойствія. Во всякомъ случаѣ они оправдываютъ и подтверждаютъ необходимость предпринимаемыхъ мѣръ безопасности и предосторожности, особенно если сущность ихъ не представляетъ ничего дурнаго.

«Вотъ, дорогой посланникъ, тѣ соображенія, которыя я прошу васъ обсудить, руководясь голосомъ вашего сердца. Они въ большой мѣрѣ внушены мнѣ тѣмъ же самымъ желаніемъ мира, которое вы такъ ясно обнаружили въ моихъ глазахъ...»

ства и печали, и представь себѣ ихъ счастіе и радость, когда они узнаютъ, что король отправился въ Петербургъ, гдѣ ему будутъ оказаны многочисленные знаки любви императрицы. Сколько пожеланій и благословеній изъ дворцовъ и изъ самыхъ убогихъ хижинъ полетитъ тогда въ слѣдъ его величеству! Путешествіе при такихъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ можетъ повести только къ хорошимъ результатамъ. И чье сердце болѣе твоего можетъ понять то счастіе, которому оно такъ много способствовало. Только тогда твоя слава будетъ дѣйствительно прочной и блестящей, такъ какъ гораздо лучше дѣлать враговъ друзьями, чѣмъ сражаться съ ними и побѣждать ихъ. Ты, конечно, понимаешь, что отъ г. Маркова я заботливо скрылъ всѣ эти соображенія, которыя подсказаны мнѣ сердцемъ. Напротивъ, я говорилъ, что считаю эту поѣздку невозможной и подробно развилъ всѣ доводы, которые заставляли меня такъ смотрѣть. Но въ дѣйствительности я совсѣмъ не думалъ того, что говорилъ. Оно, напротивъ, кажется мнѣ и почетнымъ, и полезнымъ. Никто, безъ сомнѣнія, не будетъ думать, что король отправился выбрать себѣ супругу и, вѣроятно, во время его пребыванія здѣсь во всѣхъ церквахъ Швеціи будутъ приноситься молитвы за ту, съ которой онъ теперь обрученъ. Императрица еще разъ черезъ Маркова подтвердила мнѣ то, о чемъ уже писала, именно, что во время свиданія не будетъ поднято вопроса о бракѣ. Но вы не можете себѣ представить, какъ она желаетъ этого свиданія. Г-нъ Марковъ употребилъ все свое краснорѣчіе и ловкость, чтобы доказать выгоды, которыя дастъ намъ эта поѣздка. Онъ убѣдительно проситъ тебя, и я присоединяюсь къ его просьбѣ, чтобы ты сдѣлалъ все возможное и убѣдилъ короля и его королевское высочество не отказываться отъ приглашенія императрицы.

Генералъ Будбергъ также ободрился вслѣдствіе благопріятнаго оборота, какой приняли дѣла. Третьяго дня онъ былъ у меня и говорилъ очень сердечно и, повидимому, съ самыми благими намѣреніями о возстановленіи согласія между обоими государствами. Онъ открылъ мнѣ, что императрица думаетъ опять послать его въ Швецію и для этого ждетъ только отвѣта короля и его королевскаго высочества на письма, которыя она имъ писала. Но онъ испросилъ меня держать это въ секретѣ и поручилъ мнѣ увѣрить тебя, что онъ пользуется здѣсь всякимъ случаемъ, чтобы воздать тебѣ должную справедливость. Въ этихъ случаяхъ недостатка у него нѣтъ, такъ какъ по слухамъ онъ теперь въ большой милости у императрицы и имѣетъ съ ней продолжительныя совѣщанія. Когда я представилъ ему всю трудность, если не невозможность поѣздки короля, которой такъ желаетъ императрица, онъ просилъ сказать тебѣ, что ты и представить себѣ не можешь, до какой степени императрица увлечена этой идеей. Если же это совершенно невозможно, что́ очень его огорчаетъ, то онъ умоляетъ ради всего святаго не торопиться, по крайней мѣрѣ, съ отка-

зомъ и не присылать его прежде, чѣмъ онъ возвратится въ Стокгольмъ. Въ этомъ отношеніи я совершенно съ нимъ согласенъ, такъ какъ намъ предстоитъ не мало труда, чтобы выдержать бурю, которую опять вызоветъ этотъ отказъ. Всего хуже то, что едва только какое-нибудь государство подвергается опасности, какъ тотчасъ всѣ остальныя готовятся тѣмъ или инымъ способомъ извлечь себѣ отъ этого пользу. Теперь мнѣ извѣстно, что Пруссія была главнымъ виновникомъ послѣдней вспышки императрицы, о которой я говорилъ въ письмѣ, посланномъ съ Эльменомъ. Ей удалось внушить здѣсь мысль, что король ненавидитъ императрицу, что ему противенъ бракъ съ великой княжной, и что мы употребляемъ всевозможныя попытки, чтобы возбудить прусскій дворъ противъ Россіи. Объ этомъ разсказывалъ мнѣ г. Марковъ, но, какъ ты знаешь, онъ не называлъ именъ. Больше всего огорчило императрицу обвиненіе, которое мы будто бы взводимъ на нее, въ томъ, что она хочетъ заставить короля жениться на одной изъ великихъ княженъ. Это показалось величайшимъ униженіемъ достоинства и чести какъ ея, такъ и ея внучки, такъ какъ она пользуется репутаціей самой нѣжной и любящей матери и желаетъ устраивать браки своихъ дѣтей только справляясь съ ихъ желаніемъ. Я отвѣтилъ г. Маркову, что если оставить въ сторонѣ клеветы, сочиненныя относительно васъ и короля, то дѣйствительно, видя опасность со стороны Россіи, мы естественно могли бы искать помощи у своихъ сосѣдей; но если сопоставить между собою данныя, то будетъ очевидно, что упрекъ въ двоедушіи, который дѣлаютъ намъ, совсѣмъ нами не заслуженъ. Такой же отвѣтъ далъ генералъ Будбергъ императрицѣ, когда она заговорила объ этомъ. Всѣ эти козни нашихъ явныхъ и тайныхъ враговъ заставляютъ меня сильно желать минуты, когда они покроются стыдомъ, но раньше этого времени мы никогда не будемъ имѣть ни покоя, ни безопасности.

Прошу тебя, дорогой мой Рейтергольмъ, повергнуть къ стопамъ короля и его королевскаго высочества увѣреніе въ моей глубочайшей преданности. Скажи имъ, что одинъ изъ самыхъ старыхъ слугъ ихъ, для котораго преданность и готовность служить имъ замѣняютъ геній и таланты, могущіе дать нѣкоторое право на ихъ довѣріе, на колѣняхъ умоляетъ ихъ не отталкивать средства примиренія, которое представляется теперь. Мое сердце и какое-то предчувствіе говорятъ мнѣ, что это свиданіе короля съ императрицей будетъ началомъ его счастія и спокойствія Швеціи.

Третьяго дня здѣсь прошелъ какой-то полкъ, который направился въ Финляндію, названіе его сообщитъ тебѣ Штирнваль, такъ какъ я еще не могъ его узнать. Говорятъ, что на этихъ дняхъ ожидается еще два. Вмѣстѣ съ тѣмъ идетъ заготовка провіанта для Финляндіи, какъ будто въ ожиданіи войны, а въ то же самое время императрица занята

лишь планами пріема, какой она устроитъ королю. Мое сердце также радостно готовится къ этому пріему, но лишь въ твоихъ объятіяхъ я могу забыть всѣ страданія и непріятности, которыя перенесъ въ Петербургѣ. Удовольствіе видѣть тебя здѣсь примиреннымъ съ императрицей скинуло бы лѣтъ 20 съ моихъ плечъ. Поспѣши же и помоги мнѣ, мой добрый другъ, стряхнуть эти годы. А я очень нуждаюсь въ этомъ, такъ какъ удивительно слабѣю и старѣю. Но пока дышу, я весь твой. Прощай, еще разъ прощай!

Баронъ **Н. В. Дризенъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

АВТОБІОГРАФІЯ

Юрьевскаго архимандрита Фотія.

Книга третья.

ПОВѢСТВОВАНІЕ

Священно-архимандрита отца Фотія [1]).

Посланіе и апологія о. Фотія противу зловѣрія и нечестія.—Говорится, что восточная церковь Христа идолопоклонническою стала быть, и въ ней есть сатана; что восточной церкви не стало аки быть съ VIII вѣка; что аки-бы истинная церковь моравская—гернгутерская.—Говорится, что западная церковь все акибы отъ язычниковъ и есть идольская. — Угрозы революдіею, дабы въ своихъ замыслахъ успѣхъ имѣть карбонаріямъ.—Въ теченіе 12 лѣтъ до 1836 года предположена учинить.—Явное уклоненіе Филарета митрополита отъ дѣла Божія, отъ православныхъ: участіе въ зловѣріи въ самое важное время, когда всему духовенству нужно было дѣйствовать за едино; неудовольствіе императора на Фотія за анаѳему.—Болѣзнь Фотія; письмо гр. дѣвицы къ императору Александру; отвѣтъ императора о Фотіи дѣвицѣ; пріѣздъ его, императора, въ домъ къ дѣвицѣ; бесѣда его и расположеніе къ Фотію; ненависть зловѣрныхъ и козни истребить архимандрита Фотія.—Дѣйствіе на императора было различное и непрестанное противу сонмища зловѣрныхъ.—Объ адмиралѣ Александрѣ Семеновичѣ Шишковѣ.—О князѣ Платонѣ Ширинскомъ-Шихматовѣ. — О начальникѣ гвардіи Ѳедорѣ Уваровѣ. — Объ оберъ-полиціймейстерѣ Иванѣ В. Гладкомъ.—О состоящемъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Синодѣ Алексѣѣ Павловѣ. — О Михаилѣ Леонтьевичѣ Магницкомъ. — О графѣ А. А. Аракчеевѣ, любимцѣ императора Александра.—О лицахъ духовныхъ.—Продолженіе дѣйствій при самомъ гнѣвѣ императора.—Вліяніе иностранныхъ обычаевъ на Россію, и особенно на благородное сословіе и заведеніе для реформы.—Уничтоженіе проповѣди слова Божія въ придворной церкви.—Уничтоженіе древняго настоящаго пѣнія, и перемена на мірское неподобное.—Сказываніе поученій отъ людей въ свѣтскомъ званіи.—Опущеніе службъ церковныхъ.—Презрѣніе и умаленіе святыхъ Божіихъ церквей.—Обычай въ случаѣ осужденія духовныхъ лицъ въ военную службу или въ ссылку.—Обычай начальства для повышенія переводить часто на высшія мѣста безъ нужды и дѣла спасенія.—Перемѣщеніе архіереевъ частое съ епархіи на епархію и ихъ уклоненіе явное отъ правилъ вѣры и благочестія и несогласное съ саномъ житіе.—Занятіе монашествующихъ лицъ мірскими дѣлами.—Развратъ мірскаго сословія людей, охлажденіе къ церкви и вѣрѣ и благочестію.—Бесѣда съ царемъ, гнѣвъ царя, неустрашимость противу царя и явленіе Божіей милости и благодати предъ царемъ нечаянно и чудесно. — Отъѣздъ изъ С.-Петербурга въ Новгородъ въ монастырь и дѣло о вызовѣ Кіевскаго митрополита Евгенія.

Видѣвъ слухъ истиненъ по всему граду царствующему, что вождь враговъ вѣры и истины ересіархъ, и всѣ его обвиняются, первые вель-

[1]) См. «Русскую Старину» 1895 г. мартъ.

*

можи не благоволятъ уже къ открывшимся злодѣямъ, слугамъ сатаны, пришло въ помыслъ Фотію вскорѣ составить вообще и подробно изложеніе и открытіе тайны нечестія, которая опубликована подъ вліяніемъ кн. Голицына. И какъ онъ царю внушалъ все доброе о книгѣ, въ коей все напечатано и распространено, и самаго лжепророка Штиллинга убѣдилъ князь самого царя Александра видѣть въ проѣздъ по нѣмецкимъ странамъ [1]), то онъ, Апологію составляя, изложилъ нѣкоторыя статьи злобы напечатанныя, и надписалъ такъ: «планъ революціи, обнародованный тайно, или тайна беззаконія дѣемая, въ книгѣ «Побѣдная повѣсть», гдѣ предположено тайными обществами въ теченіе 12 лѣтъ къ 1836 году надъ Россіею и Европою все довершиться: религія христіанская исповѣданій всѣхъ уничтожится, царства разрушатся, и утвердится универсальная монархія подъ именемъ тысячелѣтняго царствованія въ Іерусалимѣ. Написалъ же и посланіе еще притомъ сильное царю, и все то отъ 7 мая 1824 года послалъ тайно царю прежнимъ путемъ чрезъ любимца царева, болярина Ѳедора Уварова.

ПОСЛАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Помазанникъ Божій!

Царствуй съ Богомъ и радуйся!

Господь съ тобою!

Богъ Отцевъ нашихъ,—Богъ, имъ же царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду, послалъ меня возвѣстить Тебѣ, царю, правду въ сіи смутныя времена. И я возвѣстилъ и возвѣщаю: Спаси Отечество, Царство, Церковь Христову, о великій слуга Бога Вышняго! тайна беззаконія великая, страшная дѣется, которую и я открываю тебѣ, о, сильный крѣпостію и духомъ Божіимъ! сотвори волю Божію и дѣла Божіи исправи вскорѣ. Я же дѣло мое сотворилъ, на кое призванъ отъ Господа, и правъ буду предъ Богомъ въ день страшнаго суда и на земли предъ человѣками. Господу содѣйствующу все возможно сотворить. Господь съ тобою! Съ нами Богъ! Аще Богъ за насъ, кто противу насъ? Господь силъ съ нами! Подвизайся, о царю, миръ тебѣ. Царствуй съ Богомъ и радуйся о Дусѣ Святѣ во вѣки. Аминь.

Рабъ Бога и Господа Іисуса Христа и Дусѣ Святѣ, ревнитель Св. Церкви. Вѣрно-вѣрноподданный царю,

1824-го года послѣднѣйшій, но правовѣрный

маія 7 дня. Архимандритъ Фотій.

---

[1]) Императоръ Александръ I въ 1814 году жилъ нѣкоторое время въ Баденѣ, гдѣ тогда находился и Ю. Штиллингъ. Здѣсь императоръ и видѣлъ Штиллинга, которому съ этого времени назначена была пенсія отъ русскаго правительства. Кромѣ того, Александръ I сдѣлалъ Ю. Штиллингу единовременное пособіе. Записки графини Эдлингъ, урожденной Стурдза. «Русскій Архивъ» 1887 г., кн. 3, стр. 296—297; 1892 г., кн. 12, стр. 355.

АПОЛОГІЯ,
то-есть,
раскрытіе плана
революціи, обнародываемой
или
тайны беззаконія дѣемой
и показанной
въ книгѣ: «Побѣдная повѣсть»
тайными обществами:

Что въ теченіе 12 лѣтъ къ 1836 году надъ Россіею и Европою все довершится; религія христіанская всѣхъ исповѣданій уничтожится, царства разрушатся и учредится акибы универсальная монархія подъ именемъ тысящелѣтняго Царствія Христова во Іерусалимѣ.

Толкованіе на Апокалипсисъ, книга «Побѣдная повѣсть» есть ложное пророчество, ложное толкованіе, въ коей вмѣсто истины обманъ принимается, вмѣсто вѣры невѣріе, вмѣсто благочестія нечестіе, вмѣсто христіанства анти-христіанство. Кратко сказать, книга сія есть торжество невѣрія, руководство вѣру христіанскую всѣхъ исповѣданій, Церковь восточную, западную и лютеранскую уничтожить и престолы и власти истребить. Ибо говоритъ «Побѣдная повѣсть», хуля и осмѣивая вѣру Христову нашу и восточную церковь такъ:

1) «Что съ 324 года, со времени Святаго императора Константина, «христіанская вѣра стала быть идолопоклонническою и въ самой цер-«кви сатана воздвигнулъ престолъ свой».

Симъ внушается, что съ 324 года по Р. Х. чрезъ всѣ годы во Іерусалимѣ, въ Царѣ-Градѣ и по всей вселенной и у насъ въ Россіи до сего 1824 года, есть вѣра христіанская идолопоклонническая, а въ церкви сидитъ акибы сатана, а не Христосъ; и что̀ называется у насъ христіанскою вѣрою въ Россіи и въ западной церкви, это есть акибы обманъ.

Такъ-то истинную вѣру Христову, книга «Побѣдная повѣсть», въ основаніи разрушивъ, далѣе съ начала до конца, толкуя Апокалипсисъ, только разрушаетъ ее и похваляетъ антихристіанскую вѣру.

2) А посему говоритъ, «что (въ VIII-мъ вѣкѣ) греческая церковь крайне повредилась такъ, что и свѣтильникъ съ мѣста сдвигнутъ и угашенъ»: т. е. восточной церкви не стало быть еще въ VIII вѣкѣ, и это акибы обманъ, что она нынѣ въ Россіи есть.

А явилось уже общество истинныхъ христіанъ въ Валенцахъ въ IX-мъ вѣкѣ; уже то общество называлось: моравская церковь, а нынѣ называется гернгутерская братская церковь и ѳеотирская, которая продолжается и до пришествія Христова на 1.000 лѣтъ царствовать,

которое пришествіе если не ранѣе, то не позже, какъ въ 1836 году будетъ.

3) Разрушивъ восточную церковь, теперь уничтожаетъ и западную, говоря: «что почти все отъ язычниковъ заняла и сотворила языческое христіанство или христіанское язычество: и есть она вавилонская блудница Іезавель».

4) А для сего «Побѣдная повѣсть» всѣхъ еретиковъ, карбонаріевъ, отступниковъ отъ религіи христіанской и враговъ правительства, какъ-то Таулера [1]), г-жу Гіонъ и проч., какіе только были въ западной церкви, называетъ ихъ истинными христіанами.

5) Далѣе отвергая и разрушая лютеранскую и кальвинскую съ прочими исповѣданіями, говоритъ: «что христіане изъ духовной ѳеотиры, т. е. изъ всѣхъ сектъ послѣ реформаціи, ими изъ братской гернгутерской церкви, изъ меннонистовъ, сепаратистовъ, піетистовъ всякаго рода, методистовъ, квакеровъ и проч., составляютъ одинъ союзъ, одно общество, церковь филадельфійскую, т. е. братолюбскую: и вотъ токмо они истинные христіане; а прочая партія, т. е. христіане прочихъ всѣхъ исповѣданій: восточнаго, западнаго или лютеранскаго и кальвинскаго, суть устные, лжеименные христіане».

И что Господь Іисусъ Христосъ акибы еще не явился на земли, говоритъ «Побѣдная повѣсть»: «1.800 лѣтъ ждать явленія Его и не дождаться. Ахъ! какъ это долго! Какъ мучительно!»

«О, братія! потерпимъ, пождемъ еще!»

6) «Вотъ грядетъ искушеніе на всю вселенную, происшедшее чрезъ долговременную роскошь, охлажденіе къ вѣрѣ, желаніе вольности или свободы отъ всякихъ узъ законовъ, однимъ словомъ, революціонный духъ, разорившій Америку, разрушающій Европу и угрожающій Азіи, который распространится по всей обитаемой землѣ. О! какъ страшенъ сей духъ! Ложное просвѣщеніе и проч. оно уже началось и есть всеобщее».

7) И что духъ революціи и ложное просвѣщеніе акибы служитъ обществу карбонаріевъ токмо къ успѣхамъ и торжеству, то говоритъ «Побѣдная повѣсть»: «ѳеотирцы, т. е. члены гернгутерской церкви, методисты и проч., вамъ владычество надъ языками; а филадельфійцы суть столпы храма (т. е. во грядущаго Антихриста), вамъ вручено славное

---

[1]) Изъ сочиненій Таулера переведены были на русскій языкъ слѣдующія: 1) «Краткія разсужденія о важнѣйшихъ предметахъ жизни христіанской» (были три изданія въ 1801, 1820 и 1821 гг.) и 2) «Благоговѣйныя размышленія о жизни и страданіяхъ Христа Спасителя» (напечатаны были въ 1823 году). Послѣднее сочиненіе издано по высочайшему повелѣнію и съ посвященіемъ высочайшему имени.—Галаховъ. Обозрѣніе мистической литературы—въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» 1875 г. ноябрь, 91.

устроеніе новаго гражданства, новаго Іерусалима и Царствія Божія, т. е. тысящелѣтняго, которое будетъ въ 1836 году. Ибо сіе славное (устроеніе новаго Іерусалима) царство будетъ ѳеократическое или богоначальственное, въ собственномъ смыслѣ, т. е. царе-священство».

8) Любезная братія, время близко, мы это видимъ изъ всѣхъ обстоятельствъ и проч., и говорится, что всѣ изъ вельможъ, содѣйствующіе вышеозначенному заговору, у какого-то самозванца будутъ министрами, а ожидаемый самозванецъ, акибы то будетъ царь царей и Господь Господей».

Страшный обманъ и ужасная бѣда подъ симъ скрывается.

9) Со временъ Константина Великаго (и можетъ быть дѣйствительно съ 324 года) св. церковь христіанская учитъ, что было обѣтованное Царство Христово на земли и что будетъ единое стадо и единъ Пастырь (Іоанна X, 16), уже сбылося.

Которое духовное царствіе святый Іоаннъ Богословъ въ откровеніи видѣлъ подъ именемъ тысящелѣтняго Царствія Христова (о чемъ и «Побѣдная повѣсть» упоминаетъ, но дабы отвергнуть оное, а новое ложное выдумать для цѣли своей), которое давно уже и кончилось; а посему Духъ Святыя Церкви говоритъ, что тысящелѣтнее Царствіе Христа на земли (т. е. съ 1836 года), предположенное быть, чувственно есть обманъ, дьявольская хитрость: почему сіе мнѣніе, во II-мъ вѣкѣ въ 117-мъ году по Р. Хр. бывшее, ересью названо: а послѣдователи хиліастами названы.

10) Но «Побѣдная повѣсть» убѣждая вѣровать, что будетъ тысящелѣтнее царствіе, надобно ожидать его и всячески все къ тому направлять, силится терминъ назначить и говоритъ, что между 1800-мъ и 1836-мъ годами всѣ счеты апокалипсическіе кончаются.

11) А посему говоритъ «Побѣдная повѣсть»: «что судъ надъ языческимъ Римомъ въ VIII-мъ и IX-мъ вѣкахъ кончился; но вотъ грядетъ судъ и надъ нѣкоторымъ великимъ царствомъ, особенно надъ такимъ, каковы были Вавилонская и Римская монархія (т. е. надъ Россіею). Подъ словомъ земля разумѣется область, экономическое, гражданское и общественное состояніе народа, имущество его и образъ правительства,— что все потрясено будетъ».

«Солнце знаменуетъ религію или источникъ оной, божество и божественное ученіе; луна — мудрость человѣческую, философію, просвѣщеніе народа; звѣзды — учителей, наставниковъ и предстоятелей церкви, какъ то и прежде сказано о знаменованіи звѣздъ въ рукѣ Господа. И такъ помраченіе солнца значитъ совершенное испроверженіе религіи въ томъ народѣ, испроверженіе ихъ боговъ. Помраченіе луны значитъ погруженіе въ варварство и невѣжество».

«Спаденіе звѣздъ съ небеси на землю означаетъ разрушеніе іерар-

хическаго порядка (т. е. чрезъ введеніе духовнаго министерства), представляющаго небо и землю, презрѣніе священства и учителей церковныхъ, которые съ высоты своей ниспадаютъ на землю, т. е. лишаются блеска сана своего, частію и самаго пропитанія, и смѣшиваются съ чернію, какъ незрѣлыя смоковницы, теряющія свою силу жизни, или, съ которыхъ сильный вѣтръ обиваетъ незрѣлые плоды». Ахъ! чего же далѣе ожидать можно отъ разрушенія порядка іерархіи чрезъ введеніе духовнаго министерства и чрезъ врученіе вѣры гражданскому правительству.

Говоритъ «Побѣдная повѣсть»: «наконецъ (т. е. церковь) небо свіется какъ свитокъ, который долго развернутъ былъ на покаяніе; и теперь сталъ не нуженъ, т. е. всѣ учрежденія религіи и іерархія уничтожатся на земли какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи, все будетъ новое: никакой горы, никакого острова болѣе не будетъ (т. е. вся сила пастырей и царей будетъ ослаблена), примѣръ сему недавно показала Франція».

Симъ внушается, что и Россіи то готовится, а частію въ ней сбылось и акибы сбудется вскорѣ.

12) Внушается, что тысящелѣтнее царствованіе въ 1836 году акибы будетъ торжествующая церковь.

13) Вовсе отвергаетъ восточную церковь, западную, лютеранскую и кальвинскую.

14) А посему говорится, что жена, облеченная въ солнце, есть духовное гражданство, церковь моравская есть гернгутерское братское общество. Тако восхваляется общество карбонаріевъ,—скопище изъ всѣхъ сектъ, вѣрующее во Антихриста.

Ужасная прелесть! Страшная бѣда церкви и государствамъ!

15) Духъ гернгутерской церкви, яко церкви карбонаріевъ, есть противенъ самодержавію.

А посему въ 845-мъ и (?) 836-мъ годахъ гернгутерская церковь, акибы жена, облеченная въ солнце, родила чадо мужеска пола—конституцію.

Чтобы чрезъ оную можно было образовать и учредить ѳеократію, или божественное правленіе на земли, что въ 1836 году, подъ именемъ тысящелѣтняго царствія, акибы и должно начаться.

Сей общій духъ (т. е. конституціи) есть чадо жены гернгутерской церкви,—который взросъ и все станетъ производить, дабы вездѣ свергнуть иго религіи и бремя подначалія.

16) А посему карбонаріи, павликіанцы, гонимые греческою царицею Ѳеодорою, сектанты, члены гернгутерской церкви, называются свидѣтелями Христовыми. Страшная поддѣлка и заманчивая!

Церковь же восточная святѣйшая называется зміемъ, которая потому и должна быть разрушена.

17) А моравская церковь (т. е. антихристова) мало-по-малу образуется въ разсадникъ славнаго Царствія Христова на земли,—на 1000 лѣтъ, что́ аки-бы и сбудется въ 1836 году.

18) Для сего святая церковь уподоблена змію вездѣ въ книгѣ. А разумѣя далѣе и всю церковь Христову подъ звѣремъ и зміемъ, говоритъ «Побѣдная повѣсть» угрожая: «что въ 1836 году будетъ послѣдняя брань со звѣремъ ко вреду его и начнется Царствіе Господне на земли» (т. е. на 1000 лѣтъ и будетъ уничтоженіе всѣхъ религій и царствъ).

19) А посему «Побѣдная повѣсть», все направляя для своей злой цѣли, такъ беззаконно мечтаетъ и называетъ 1-мъ ангеломъ Лютера, 2-мъ Якова Бема, 3-мъ (безбожника) Августа Германа Франциска.

20) Послѣ сего описывается кровопролитіе во Франціи во времена революціонныя, и настоятельно говорится, что впредь еще кровь потечетъ рѣкою вездѣ (т. е. и въ Россіи).

1) Что «будетъ ужасный судъ чрезъ войну».

2) Что «пролитіе крови будетъ ужасное, невѣроятное, безпримѣрное; и то, что мы уже видимъ нынѣ, едва-ли когда имѣло примѣръ, и яко жатву кровопролитіе продолжатъ ангели аки-бы (т. е. карбонаріи) до пришествія Христова (т. е. до 1836 года), будутъ нѣкоторые промежутки для отдыха, но весьма малые».

21) А посему говоритъ «Побѣдная повѣсть»: «что худа надежда на миръ, какой бы ни заключили (т. е. тройственный союзъ), кровію должна омыться земля, ибо кровію очищаются беззаконія» и проч.

22) Далѣе описывается, что духъ революціи и духъ республики прешли.

23) А на мѣсто вольности, равенства и республики начали свирѣпствовать ужасный деспотизмъ, угнетеніе и неограниченное самовластіе (т. е. самодержавіе, власть царей, князей и архіереевъ).

24) Говорится, что начнетъ (и началъ уже) дѣйствовать въ Турціи революціонный духъ, и сія имперія рушится.

25) Далѣе описывается какой-то союзъ всѣхъ царей земли; и собраніе войскъ ихъ гдѣ-то въ Армагедонѣ; что́ аки-бы имъ послужитъ казнію.

26) И что «яростный духъ революціонный взойдетъ вездѣ на крайнюю степень буйства; и всѣ узы гражданскаго союза расторгнутся, никто не будетъ безопасенъ ни въ чести, ни въ имѣніи, ни въ жизни своей, и нигдѣ не найдетъ себѣ пребывающаго града».

«Земля, т. е. государственныя постановленія, вездѣ потрясутся, и какъ человѣки нигдѣ спокойны не будутъ, то отъ горести и отчаянія станутъ скрежетать зубами, и не будутъ знать что́ дѣлать? Образчикъ

сего страшнаго потрясенія показала намъ революція во Франціи; тогда бѣдные французскіе эмигранты не знали наконецъ, гдѣ укрыться и куда бѣжать;—но это былъ еще частный судъ; чего же слѣдуетъ ожидать, когда вся земля потрясется».

Горе, горе, горе грядетъ (если не возьмемъ мѣры осторожности) и на Россію!

Скорбь велія грядетъ, если злодѣи главные пощадятся!

27) Отъ сего горя и отъ сей скорби, яко отрава, морскія державы, и яко горы великія и сильныя (т. е. Россія) сдвинутся съ мѣста, т. е. сила и знаменитость ихъ исчезнетъ.

28) Загадочно дается знать о Наполеонѣ, что онъ аки-бы антихристъ, и что его поразитъ Царь Царей и Господь Господей; что Наполеонъ есть антихристъ, ложно есть; а что Царь Царей и Господь Господей (но въ лицѣ царя и государя А...) поразилъ его, сіе—справедливо.

29) Говорится о союзѣ десяти державъ, или конгрессѣ: кто подъ симъ разумѣется, Наполеонъ съ своими, или кто другой, не знаю.

30) Цари и народы и все духовенство и учители народные именуются купцами, торгашами, дабы ко всему отвращеніе внушить и на революцію ободрить.

31) За симъ говорится, что явится кто-то подъ именемъ Христа для царствія всемірнаго или ѳеократіи. «Собравшіеся союзники противъ него будутъ поражены, и кровопролитіе будетъ страшное, совершенное истребленіе воинства, или арміи, и то будетъ аки-бы послѣдняя битва. Для сего звѣрь, который, вѣроятно, будетъ какой-нибудь сильный монархъ и проч., который ополчится противу церкви Господней (т. е. скопища карбонаріевъ) и будетъ онъ мыслить,—навѣрное истребить враждебныхъ ему поклонниковъ Іисуса (т. е. карбонаріевъ); но вдругъ нечаянно какъ-то явится Господь Христосъ (т. е. ложный антихристъ, самозванецъ-карбонарій), сіе устрашитъ аки-бы войска его, и они либо сами обратятъ мечи другъ противъ друга, либо неутральная партія,—какая-то сила нападетъ на нихъ какъ градъ на голову такъ, что не оставитъ и остатковъ страшныхъ силъ звѣря (т. е. великаго монарха). Кто же онъ?» Скрытно дается узнать его и почесть за человѣка беззаконія: ибо 1) онъ долженъ быть великій царь, неограниченно самовластный; что онъ отвергнетъ и опорочитъ христіанскую религію (т. е. религію карбонаріевъ). 2) Самъ будетъ славнымъ воиномъ и все покорять и защищать будетъ силою оружія (т. е. противу карбонаріевъ), а потому въ глазахъ его всего почтеннѣе будетъ храбрый воинъ, т. е. будетъ любить особенно заниматься военными людьми и дѣлами (что весьма противно карбонаріямъ). 3) Военныхъ обогатитъ (т. е. главныхъ чиновниковъ) и землю раздѣлитъ имъ въ дары, т. е. поста-

витъ ихъ въ чинахъ такихъ, въ какихъ правители мѣстъ. Таковъ есть тайный смыслъ. 4) Сей же монархъ яко звѣрь, или другой кто съ нимъ, но яко звѣрь же, тако описывается: по великимъ своимъ талантамъ, блестящему разуму, и льстивымъ поступкамъ вездѣ находить будетъ великое одобреніе и уваженіе, имѣя два рога агнчи: мнимую кротость и мудрость. 5) Онъ будетъ вовсе истреблять потаенныхъ христіанъ (т. е. карбонаріевъ, принадлежащихъ къ гернгутерской церкви антихристовой). Кто же тотъ, который, по мнѣнію карбонаріевъ (отъ 1824 года въ теченіе 12-ти лѣтъ до 1836 года), имѣетъ жить великій царь въ Европѣ и въ коей имперіи? Это всякому можно разумѣть! Но сей карбонаріевъ заговоръ страшный, есть чучело, кое можетъ пугать врабіевъ, а не великаго Орла.

32) Но по слѣпотѣ, коею сатана карбонаріевъ ослѣпилъ, все къ тому направляется въ толкованіи фальшивомъ на Апокалипсисъ, что въ 1836 году непремѣнно будетъ аки-бы тысящелѣтнее царствіе Христа на землѣ, а всѣ религіи и царства уничтожатся. И хотя Господь сказалъ, что о послѣднемъ дни и часѣ никтоже вѣсть, ни ангели небесные (Мѳ. XXIV, 36); но лжеучитель и слуга діавола Штиллингъ силится увѣрить, что онъ постигъ, и аки-бы имянно въ такомъ-то году будетъ пришествіе Господа и судъ послѣдній.

А посему и полагается 4.000 лѣтъ до Р. Хр., а когда 1836 годъ отъ Р. Хр. кончится, тогда настанетъ тысящелѣтнее земное царствіе Его; наконецъ же и 164 года на разрѣшеніе сатаны дается. А всего 7.000 лѣтъ долженъ міръ существовать.

Вотъ какая лукавая и злѣйшая поддѣлка подъ видомъ набожности для революціи.

33) И что въ тѣ времена будутъ двѣ сильныя монархіи на сѣверѣ (т. е., конечно, Россія разумѣется) и проч., которыя будутъ стараться противу столицы (карбонаріевъ), которая именемъ Іерусалима называется; но аки-бы онѣ погибнутъ. Плотское же тысящелѣтнее царствованіе Христово на земли, учрежденіе новой религіи и новаго гражданства совершенно противно священному писанію, ученію церкви, и есть токмо зловреднѣйшая прелесть.

Ахъ! какъ хитро и подъ священными понятіями на Апокалипсисъ внушается революція лжепророкомъ и безбожникомъ Юнгомъ Штиллингомъ въ «Побѣдной его повѣсти»! Сію еще книгу кто-то дополнялъ, россіянинъ отступникъ святыя церкви.

Господи, воздвигни силу Твою и пріиди во еже спасти насъ (Псал. 79, ст. 3) въ лицѣ раба Твоего Боговѣнчаннаго и превознесеннаго Александра I-го! Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ! яко Твое есть царство и сила, и слава Отца и Сына и Св. Духа во вѣки вѣковъ. Аминь.

1824 года маія 7 дня вручено его императорскому величеству Александру Павловичу.

Повѣствованіе такое читая кто-либо, да не удивляется, что Фотій въ Апологіи и на «Воззваніе» и на «Побѣдную повѣсть» читалъ: это уже было общее зловѣрныхъ и многихъ чадъ церкви вѣрованіе. Императоръ Александръ всему сему былъ наученъ отъ князя Голицына и отъ чтенія книгъ таковыхъ начитанъ, и потому какъ въ добрѣ содѣйствовалъ царь мудрый. Никто же не смѣлъ ему ни писать, ни внушать лично; да лучше сказать: никто не хотѣлъ зловѣрію противиться отъ страха силы князя Голицына. А посему нужно было царю, не дѣлая обличенія въ видѣ постороннемъ, ясно и просто изложить главные догматы антихристіанскіе, дабы онъ, читая, самъ себя какъ въ зеркалѣ увидѣлъ, увѣрился въ истинѣ и заблужденіи, со всею силою и любовію исправленіе взялся сдѣлать, вредъ, пагубу отдалить, и всему злу положить явную преграду.

Помня, что князю людей твоихъ да не речеши зла, и что премудраго и кроткаго Давида св. пророкъ Наѳанъ посланъ былъ отъ Бога притчею и постороннимъ образомъ на истину воззвать, да покается, Фотій со всею кротостію и мудростію св. Духа старался писать царю посланія и Апологіи, и не все писалъ, что́ могъ и хотѣлъ; а что́, моляся Богу, помыслъ въ немъ свѣтелъ являлся—внушалъ и ободрялъ, что благо, то и писалъ. Когда бы царь не послушалъ истины, тогда бы обличеніе ему явно писалъ и возвысилъ гласъ свой, яко трубу. Но царь благополучливъ, яко ангелъ Божій во плоти, со смиреніемъ принималъ вся. Кто гдѣ молву недобрую о немъ разсѣевалъ, виня и обвиняя царя во всѣхъ заблужденіяхъ и дѣлахъ, и когда князь Голицинъ все заблужденіе царю приписывалъ, то Фотій, отвергая, какъ ложь, покрывалъ царя, что правъ есть царь предъ Богомъ: что все клевета на него. Тако творилъ вся, да любовію всею и сладостію всея Боголюбезныя истины воставитъ царя,—раба Господня Благословенна. Здѣсь прилагается посланіе и Апологія, какъ все было царю вручено. Написавъ же и отдавъ царю, за вѣрное, надѣялся онъ всего благаго отъ послѣдняго своего дѣйствія сего. Помыслъ ему говоритъ, что падетъ столпъ злобы совершенно навсегда, что́ вскорѣ и сбылось съ великою славою церкви.

Дивный Богъ въ дѣлѣхъ своихъ вдругъ неожиданно тако сотворилъ въ сердцѣ царя Своего измѣну во благо отъ преткновенія, что 1824 года, въ день Вознесенія Господня, 15-го маія, все нужное главное совершилъ на пользу государства, церкви православныя, вѣры, отраду россійскаго духовенства и всѣхъ вѣрныхъ. Далъ свое высочайшее повелѣніе не токмо уволить князя Голицына отъ Святѣйшаго Cунода, но министерство духовныхъ дѣлъ онымъ уничтожено вовсе, отъ министерства просвѣщенія онъ отрѣшенъ, и прочія чести многія отъ него отняты.

Послѣдовалъ по сему дѣлу указъ Святѣйшему Суноду и прочіе указы по своимъ мѣстамъ. По вечеру уже поздно вдругъ царевъ вѣстникъ приноситъ пакетъ митрополиту въ домъ отъ императора, и карандашемъ на пакетѣ написано: «Серафиму митрополиту». Трепещущими руками взялъ архіерей и, не зная тайны дѣла еще, но видя царскую печать, палъ на землю, моляся Господу предъ Его образомъ, трижды поклоняяся вкупѣ съ Фотіемъ, потомъ распечаталъ перекрестяся пакетъ, царское повелѣніе прочелъ объ оставленіи Святаго Сунода по прежнему и объ уничтоженіи министерства духовныхъ дѣлъ. О какая была радость іерарха, лице всея церкви въ себѣ представлявшаго! О какая была радость вкупѣ Фотію! Старецъ архіерей обнялъ его, яко споспѣшника въ дѣлѣ семъ единаго, цѣловалъ, благословлялъ Бога и радости всей не могъ выразить иначе, какъ хвалебными словами, пѣніемъ; а посему онъ возглашалъ радуяся: кто Богъ великій, яко Богъ нашъ (псал. 76 ст. 14)? Съ нами Богъ! Чудна дѣла Твоя, Господи, и ни едино слово довольно будетъ къ пѣнію чудесъ Твоихъ! Великій Господь, и велія крѣпость Его и разума Его нѣсть числа (псал. 146 ст. 5)! Какъ свѣтъ солнца утренняго, разліялся свѣтлый слухъ о паденіи столпа злобы, о прогнаніи тмы зловѣрія, о исчезаніи молвы земнаго мірскаго владычества надъ церковію. Слава вѣры, побѣда церкви нечестія отъ устъ въ уста, отъ слуха въ слухъ общій, отъ единаго вси узнаютъ свободу свою отъ рабства мірскаго; мерзость на мѣстѣ святѣ попирается, нечестіе престаетъ. Въ день Вознесенія воля Божія чрезъ царя явилася во благо и вмѣсто многихъ словесъ, и митрополитъ пѣлъ, и Фотій пѣлъ, и многіе воспѣвали тако: «Вознесся еси во славѣ Христе Боже нашъ, радость сотворивый ученикомъ обѣтованіемъ Св. Духа и извѣщеннымъ имъ бывшимъ благословеніемъ; яко Ты еси Сынъ Божій, избавитель міра». Все приписывали всѣ волѣ Божіей, премудрости—самому Господу Христу. Пронесся слухъ во всемъ градѣ, и вся столица славы великія исполнилася. Всѣ радовались, всѣ ликовали мірскіе и духовные, что власть темная, новые Корей, Дафанъ и Авиронъ падоша: паде адъ, діаволъ ратоборецъ побѣжденъ, бѣси и вражіи духи потреблены въ начинаніяхъ своихъ! Нѣсколько дней всѣ вкупѣ радовалися о благѣ церкви святыя, о вознесеніи ея и духовенства въ свое мѣсто и въ свою честь. По семъ извѣщаются по обычаю архіереи и всѣ духовныя лица, всѣ грады, всѣ церкви, св. обители, домы духовныхъ и мѣста оживляются отъ радости. Ибо сіе дѣло было таково, что, во власти бывъ церковь вся у князя Голицына, была яко въ плѣнѣ у князя тмы. Онъ бывъ, такъ сказать, силою, именемъ и дѣломъ, вся правилъ дѣла въ церкви по своему: нечестіе было пріемлемо яко благочестіе, ложь,—яко истина, и враги церкви смѣсились со служителями первыми; и тма зловѣрія волею и неволею или покрывала духовенство, или призракомъ прельщала и, можно ска-

зать, время власти министерской надъ церковію было царство тмы. Изъ апологій, изъ оглашеній и открытій вражіихъ ученій въ «Воззваніи», выписки изъ книги «Побѣдной повѣсти» и другихъ въ ней, и дѣйство всякъ можетъ видѣть, что плѣнъ діавола былъ наведенъ на церковь въ Россіи за слабость вѣры пастырей и нерадѣніе.

Когда Господь послалъ гнѣвъ свой и силу свою на князя Голицына и на все сонмище зловѣрія, рука православныхъ сокрушила гордую главу святотатца и ересіарха; нигдѣ не было ему прибѣжища, не было у діавола никакихъ средствъ лестію и обманомъ себя оправдать и своихъ зловѣрныхъ. Тогда бывъ въ несогласіи на время нѣкое, яко года два, князь Голицынъ съ митрополитомъ Филаретомъ, прилѣпился къ нему, надѣялся его умомъ и разумомъ всему духовенству возстать въ прежней силѣ и славѣ, или по крайней мѣрѣ, пріудержаться при дворѣ. На Фотія возносилъ разныя клеветы императору Александру и разсмотрѣніе сочиненій Госнера желалъ отдать на судъ Филарета. Молва прошла, что Филаретъ словесно предъ всѣми, не стыдяся, оправдывалъ сонмище зловѣрныхъ. Здравомыслящіе пересказывали лично, что онъ, не бояся сердцемъ хулить Пресвятую Дѣву Богородицу, словесно многимъ разсказывалъ, что-де Пресвятая Богородица имѣла дѣтей и будто бы есть мнѣніе отцовъ нѣкоторыхъ. Слышно, что онъ будто и писалъ нѣчто о семъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ, но я не видѣлъ [1]). Извѣстно же то, что онъ во время оно изъ всей силы подвизался за богоборное сонмище, за врага церкви, похитителя духовной власти, и сѣтовалъ до крайности, что съ паденіемъ ересіарха, властелина мірскаго, правившаго церковію, вскорѣ падетъ все зданіе мудрованія мірскаго, послѣдуетъ разсмотрѣніе академическихъ заведеній, отмѣна перевода св. писанія, уничтоженіе библейскаго общества, подпадутъ сужденію безъ сумнѣнія и его сумнительныя сочиненія, а особенно катехизисъ его [2]). Но все усиліе неправославныхъ и явныхъ враговъ церкви было тщетно: ибо перстъ Божій былъ во всемъ дѣлѣ, а не человѣческое

[1]) Одновременно съ запрещеніемъ катихизисовъ митрополита Филарета пошли толки о запрещеніи одной его проповѣди на день Благовѣщенія на томъ основаніи, что проповѣдникъ въ ней утверждаетъ, что Іосифъ не зналъ о тайнѣ Богородицы до явленія ангела. Митрополитъ Филаретъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ митрополиту Серафиму доказывалъ православіе своей проповѣди между прочимъ тѣмъ, что Серафимъ самъ читалъ и одобрилъ эту проповѣдь. (Сушковъ. Записки о жизни митрополита Филарета, приложеніе 51—52. Журн. министерства народнаго просвѣщенія 1868 г. январь, 26—28). Но отсюда еще далеко до того, въ чемъ Фотій обвиняетъ митрополита Филарета.

[2]) Фотій обидно отзывался о катихизисахъ, составленныхъ митрополитомъ Филаретомъ, сравнивая ихъ съ канавною (т. е. грязною) водою, и далеко выше ихъ ставилъ катихизисъ Петра Могилы. «Русская Старина» 1882 годъ, августъ, 287.

умышленіе. Судъ надъ всѣми по дѣлу Госнерова сочиненія продолжался, но очень слабо [1]). Между тѣмъ императоръ, имѣвъ неудовольствіе на Фотія за то, что какъ онъ имѣть могъ право предать анаѳемѣ князя Голицына, всѣхъ неправовѣрныхъ и враговъ, какъ осмѣлился тридцатилѣтняго друга его предать посмѣянію, и что это значитъ личность, а не дѣло Божіе, что писаніе и ученіе св. церкви нигдѣ не велитъ тако поступать. Впрочемъ, что касается до Фотія, онъ ни гнѣвомъ царскимъ не оскорблялся, ни боялся въ заточеніе идти, готовился ѣхать всякой день въ Сибирь, радуяся, что врагъ ниспровергнутъ, жало его отнято, церковь святая освобождена отъ плѣна діавольскаго видимаго. Сообщено ему было тайно, что императоръ какъ о семъ проклятіи, такъ и о прочемъ хощетъ лично съ нимъ говорить, а потому и будетъ назначено свиданіе, а дотолѣ уѣхать въ Новъ-городъ не можно никакъ.

Отъ усилій, истощеній, оскорбленій и тѣлесныхъ немощей, Фотій весьма ослабѣвалъ такъ, что безъ двухъ теплыхъ одеждъ (шубъ), въ маіѣ мѣсяцѣ, не могъ въ каретѣ ѣхать по С.-Петербургу, не смѣлъ уже писать императору о себѣ, дабы уволилъ хотя на нѣсколько дней выѣхать въ Новъ-городъ. Почему, долго не дождався званія къ императору, просилъ для испытанія сердца царева писать дщерь дѣвицу къ нему, не соблаговолитъ ли по болѣзни ему на малое время токмо выѣхать. Императоръ вскорѣ отвѣтъ прислалъ, что онъ имѣетъ вскорѣ его видѣть и писалъ милостимо о немъ. Между тѣмъ вскорѣ самъ прибыть изволилъ для посѣщенія графини дѣвицы, и былъ у нея болѣе часа бесѣдуя. Заранѣе все сіе узнавъ, Фотій книгу велѣлъ ему предложить, гдѣ написано, что миръ съ Франціею не надолго; революція, бывшая въ ней, есть токмо образчикъ всеобщей революціи въ государствахъ, и что оная вскорѣ въ Россіи будетъ. Императоръ многое бесѣдовалъ весьма милостивно и съ любовію о Фотіи воспоминалъ. Въ то время дѣвица будто кстати отъ себя раскрыла книгу сію, гдѣ страницу едину прочиталъ императоръ и удивился дерзости; на него таковое

---

[1]) Дѣло лицъ, преданныхъ суду по изданію книги Госнера, первоначально разбиралась въ I отдѣленіи 5-го департамента, но потомъ, по разногласію членовъ, перешло въ общее собраніе сената. Ревностнымъ обвинителемъ Попова, какъ переводчика книги Госнера, явился сенаторъ Сумароковъ; на сторонѣ Попова находился другой сенаторъ Муравьевъ-Апостолъ. (Мнѣнія обоихъ сенаторовъ напечатаны въ „Чтеніи общ. исторіи и древн.“ 1859 г. кн. IV. Смѣсь. 37—48). Судъ въ общемъ собраніи сената происходилъ уже въ маѣ 1825 года. Изъ сената дѣло Попова поступило въ Государственный Совѣтъ, но и здѣсь мнѣнія по этому дѣлу раздѣлились пополамъ. Въ 1826 году судъ надъ лицами, причастными къ изданію книги Госнера, закончился, наконецъ, оправданіемъ всѣхъ подсудимыхъ. Пыпинъ. „Вѣстникъ Европы“ 1868 г. ноябрь—„Русскій Архивъ“ 1868 г. Записки Греча.

политическое дѣйствіе и умышленіе болѣе имѣло вліянія, нежели самое благо церкви всея. Онъ далъ видомъ своимъ знать дѣвицѣ, что вскорѣ онъ дерзость прекратитъ всякую въ книгахъ, людяхъ и обществахъ. Объ отцѣ же Фотіи сказалъ Александръ дщери его тако: скажу тебѣ то, что онъ—великій человѣкъ, но есть вмѣстѣ и таинникъ Божій; я его люблю много, и я знаю его, что онъ стоитъ моея любви. Сей императоръ явно предъ своими вѣрными изъяснялся, что о. Фотій имѣетъ ревность справедливую, стоитъ за дѣло, что на Серафима митрополита одного положиться во всемъ не можно. Онъ можетъ и измѣнить въ твердости, но его поддерживаетъ о. Фотій; надѣясь токмо на то, что отъ него онъ поддержится, можно дѣло вести какъ слѣдуетъ объ исправленіи всѣхъ дѣлъ по церкви и уничтоженіи возникшихъ нововведеній и злоупотребленій. Послѣ, хотя отъ устъ Серафима митрополита и вельможъ слышалъ Фотій гнѣвъ царя на себя, но зналъ, что онъ дѣлаетъ наружно все то, утаивая тѣмъ свою любовь къ нему, а сердцемъ онъ любитъ его, яко онъ ревнуетъ за дѣло Божіе. Сатана же и діаволъ всячески ратовалъ противу Фотія: княгиня нѣкая Голицына А. С., любя князя Голицына, такъ ненавидѣла Фотія, что сто тысящъ рублей деньгами давала тому, кто бы успѣлъ содѣйствовать, чтобъ его токмо выслать изъ С.-Петербурга и отъ дѣйствій удалить. Ибо сколько ни старался Фотій дѣйствовать тайно, но ему приписывали всѣ успѣхъ дѣла. Онъ же старался всемѣрно все сокрывать, и отказывался отъ всего, не желая славы міра, говорилъ всѣмъ, что онъ ничтоже есть: онъ есть послѣдняя б у к а р у г л е ч к а (?), и человѣкъ яко глупый, грѣшный, больный, что̀ можетъ смыслить? Его ли дѣло? На то есть Серафимъ митрополитъ и проч. А прочіе же методисты и ересіархи, имѣя вліяніе въ Санктъ-Петербургѣ по «Библейскому Обществу» и прочимъ мѣстамъ, милліонъ обѣщали тому, кто потребитъ жизнь его, о чемъ было донесено императору Александру, и слухъ былъ общій.

Непрестанно Фотій старался дѣйствовать на императора по начавшимся дѣламъ и обстоятельствамъ. И дѣйствовалъ: 1) самъ лично пиша и составляя посланія, апологіи и разныя свѣдѣнія и дѣла на низложеніе враговъ и тайны беззаконія; дѣйствовалъ, сверхъ личнаго свиданія, чрезъ внушеніе дѣлъ, мыслей и обстоятельствъ, военному генералъ-губернатору Милорадовичу, оберъ-полиціймейстеру и особенно любимцу начальнику царскаго войска гвардейскаго Уварову, новымъ начальникамъ по просвѣщенію и первымъ вельможамъ при дворѣ и въ министерствѣ; 2) дѣйствовалъ на Серафима митрополита, дабы онъ писалъ о нужныхъ вещахъ, дѣлахъ и обстоятельствахъ по Сѵноду и коммиссіи духовныхъ училищъ распоряжался; 3) дѣйствовалъ на новаго министра Александра Семеновича Шишкова, и его любимаго по просвѣщенію сотрудника князя Платона Шихматова, который послѣ былъ директо-

ромъ по министерству просвѣщенія. Но рѣдко видѣлся Фотій съ Шишковымъ и съ нимъ бесѣды имѣлъ о всемъ; онъ же не токмо его любилъ, но и довѣрялъ во всемъ. Фотій же, бывая у императора, исповѣдывалъ его за истиннаго сына отечества, и царю преданнаго, дабы онъ имѣлъ силу и дѣйствіе у императора, и всѣхъ благомыслящихъ старался во единъ союзъ соединить, да все благо церкви и отечества, во единствѣ силъ и духа, было скорѣе устрояемо, при явномъ уже безсиліи зловѣрія и его исчадій. А посему повѣдать дѣйствія писаніемъ сихъ двухъ особъ, Шишкова и князя Шихматова, я здѣсь за нужное выставляю, хотя въ малѣ описавъ свойства сихъ двухъ вельможъ.

Новый министръ просвѣщенія А. Шишковъ вельможа былъ, не простой человѣкъ; съ начала образовался въ военномъ искуствѣ, потомъ, служа отечеству по ученой части, извѣстный былъ сочинитель, витія, смѣлый въ дѣлахъ, острый въ словахъ, прозорливъ въ дѣлахъ правленія, вѣренъ государю, преданъ совершенно отечеству, церкви православной ревнитель поколику имѣлъ свѣдѣнія. Онъ былъ во время паденія министерства князя Голицына около 80 лѣтъ отъ рожденія; весь сѣдъ, какъ снѣгъ, краснорѣчивъ, благогласенъ, силенъ въ рѣчи и въ духѣ; иного времени былъ президентъ Академіи Наукъ. Одинъ былъ въ оное время изъ всѣхъ не токмо мірскихъ сочинителей, но и духовныхъ отличный знатокъ краснорѣчія и наукъ безъ примѣси зловѣрія.

Были въ сіе время сочинители и историки, но всѣ поврежденные, отечеству и церкви тайно были враждующіе; но сей каковъ былъ, весь былъ для отечества и церкви преданъ. Ежели гдѣ онъ, несмотря на великую преклонность своихъ лѣтъ и слабость силъ тѣлесныхъ, брался за перо противу чего говорить, то ясно и точно испровергалъ словомъ писанія всѣ лжеумствованія и козни вражіи. Отъ единаго взора его умнаго никакъ не могло зміеподобное лукавство враговъ сокрыться. Гласъ рѣчи его какъ острый серпъ пережиналъ бредъ хитросплетеній зловѣрныхъ. Сей-то старецъ, природный россіянинъ, сынъ церкви и отечества, въ полномъ смыслѣ просвѣщенный мужъ, словомъ, дѣломъ, сряду по вступленіи въ должность министра просвѣщенія началъ дѣйствовать по всѣмъ частямъ министерства своего отъ края Россіи до края; воодушевлялъ Серафима митрополита въ многихъ случаяхъ, дѣйствовать побуждалъ и своими бумагами давалъ случаи. Когда же бывалъ у императора, то со всею силою по всѣмъ частямъ зловѣрія обличая и исправленія царю внушая, писалъ бумаги и доклады дѣлалъ. Когда часто быть не могъ у императора Александра, то чрезъ графа Аракчеева свое вліяніе имѣлъ. Сей мужъ ученый и благонамѣренный одинъ по своему усердію, свѣдѣніямъ стоилъ болѣе, нежели всѣхъ помощь ученыхъ мірскихъ могла пользы церкви принести. Онъ нелицепріятенъ былъ, не боялся ни враговъ, ни стыдился дѣла правды, и честности вѣрноподдан-

ческой ни въ какомъ случаѣ не предавалъ; извинялся часто въ человѣческихъ своихъ слабостяхъ, но духа не угашалъ ни въ какомъ случаѣ полезномъ для общаго блага. Такого-то Господь внушилъ ревнителя мірянина поставить царю въ оно время на дѣланіе свое, дабы сокрушить видимо сатану и его плевелы.

О князѣ Платонѣ Шихматовѣ [1]), мужѣ патріотѣ и ревнителѣ православія, словъ не достаетъ изъяснить свойства его и дарованія! Отъ природы кротокъ, тихъ, правдивъ, честенъ, отличныхъ дарованій; совершенно образованъ во всѣхъ наукахъ, особенно въ витійствѣ; писатель онъ былъ стихотворецъ изрядный, остръ въ словѣ и дѣлѣ, разуменъ, многосвѣдущъ, но смиренъ, пріятенъ, сладокъ въ рѣчахъ, добродѣтеленъ, сострадателенъ, прозорливъ и точенъ; что токмо брался дѣлать, легко все обозрѣвалъ, отлично на все составлялъ сужденіе благогласно. При всемъ томъ правовѣренъ, благочестивъ, Христолюбивъ, усердный совершенный сынъ церкви, любитель мира церковнаго, блага общественнаго, почтителенъ къ служителямъ церкви; уважителенъ къ подвижникамъ, свѣдущъ въ св. писаніи, въ правилахъ церкви, въ ученіи православномъ, въ дѣлахъ по части духовной и части мірской ученности. Съ таковымъ-то человѣкомъ, не весьма великимъ предъ человѣками, но великимъ предъ очами Божіими, можно сказать, человѣкомъ праведникомъ, свѣтильникомъ, свѣтившимъ подъ спудомъ доселѣ, Господь далъ Фотію имѣть не токмо свиданіе, но и любовь. Въ немъ не было лести, яко во Израильтянѣ. Сей князь, мужъ среднихъ лѣтъ, по сердцу бывъ министра Шишкова, вдыхалъ въ него духъ единенія, любви, православія, ревности, все нужное ему внушалъ, показывалъ въ книгахъ, составлялъ и писалъ [2]). Отъ Бога былъ данъ старцу Шишкову, яко правое ухо, правое око, правая рука: они были обое едино, а не два всегда: первый по силѣ и власти земной, а вторый—орудіе Божіей силы и мудрости, о Христѣ все смышляя и содѣвая.

Вотъ каковъ былъ правитель дѣлъ князь Платонъ Шихматовъ-Ширинскій! Сіи два свѣтильника вдругъ изъяты были рукою Божіею изъ-подъ спуда и поставлены ясно свѣтить всѣмъ на высотѣ царственнаго града, въ первомъ и важномъ мѣстѣ по просвѣщенію. Истинно бывъ просвѣ-

---

[1]) Князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ родился въ 1790 году и воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ; въ 1820 году занялъ мѣсто начальника отдѣленія въ инженерномъ департаментѣ; въ 1824 г. получилъ приглашеніе занять мѣсто директора казанскаго университета, но въ концѣ того же года при министрѣ народнаго просвѣщенія Шишковѣ получилъ мѣсто директора канцеляріи министерства народнаго просвѣщенія.

[2]) Священникъ М. Я. Морошкинъ приписываетъ, и не безъ основанія, перу князя Платона Шихматова составленіе «записки о крамолахъ враговъ Россіи», (напечатана въ «Русскомъ Архивѣ» 1868 годъ, 1329—1391).

щены, истину просвѣщенія земнаго они старались разливать на весь кругъ по просвѣщенію, извлечь изъ тмы зловѣрія, въ кое было повержено учебное сословіе отъ нисшихъ до высшихъ, отъ князя Голицына и преобладанія иностранныхъ безбожниковъ и безумцовъ.

Военачальникъ первыхъ войскъ царскихъ, Ѳеодоръ Уваровъ мало разумѣлъ самъ какъ по учености земной, такъ и по духовнымъ дѣламъ, но былъ всегда къ царю совершенно преданъ, отечествомъ дорожилъ, русскихъ своихъ природныхъ всѣхъ уважалъ, церкви не былъ противникъ, но къ духовенству почтителенъ, общее благо поставлялъ за важное дѣло соблюдать. Онъ же былъ тридцатилѣтній любимецъ императора Александра, справедливъ всегда былъ, сколько могъ. Чрезъ сего-то отъ начала все пріяло содѣйствіе въ пользу церкви: сей открывалъ царю очи, внушалъ въ сердце его истину, но такъ искусно, что никто не могъ проникать къ сердце• сего военачальника. Онъ по природѣ былъ скроменъ и скрытенъ, колико былъ предъ царемъ въ довѣренности и любви.

Во время оно Иванъ В. Гладкій оберъ-полиціймейстеръ былъ въ Санктъ-Петербургѣ военный генералъ, по ревности къ общему благу церкви и отечества наблюдая яко свое дѣло по полиціи, бывъ любимецъ Уварову, непрестанно доносилъ обо всѣхъ козняхъ зловѣрія и враговъ общихъ, иныхъ же орудіемъ силы своея посѣкалъ совершенно: онъ всѣ почти дѣла и бумаги чрезъ Уварова доводилъ тайно до рукъ императора. Онъ былъ какъ честенъ, такъ вѣренъ, справедливъ и неустрашимъ и ни подъ какимъ видомъ не былъ склоненъ измѣнить въ дѣлѣ вѣры и вѣрности своей. Самъ дѣйствовалъ и другихъ побуждалъ; всѣ свѣдѣнія отъ Фотія и Серафима митрополита старался получать и самъ всѣ свои открывалъ имъ, дабы едино у всѣхъ было дѣйствіе и ко единому благу.

Павловъ [1]) человѣкъ былъ расположенный къ православной церкви, къ отечеству, любилъ духовенство, монашество, имѣя же и способности, старался какъ всѣ свѣдѣнія доставлять по разнымъ частямъ дѣйствія, такъ и внушенія ко благу единому дѣлалъ; отъ всего усердія себя посвящалъ на трудъ, находясь въ довѣренности у Шишкова, въ любви у Гладкаго, въ уваженіи у Серафима митрополита, въ дружествѣ съ архимандритомъ Фотіемъ, свободный имѣлъ приходъ къ дѣвицѣ графинѣ Аннѣ и ко многимъ болярамъ. Ему многимъ обязана церковь въ успѣхахъ побѣдъ надъ зловѣріемъ, ибо онъ за Госнеромъ неупустительно

---

[1]) Алексѣй Александровичъ Павловъ, чиновникъ особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, камеръ-юнкеръ; съ 1824 года—чиновникъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Синодѣ.

назиралъ [1]), всѣ сѣти его, для предовращенія опасности, и пути внушалъ для обличенія.

Ученый человѣкъ Магницкій, прежде бывъ въ числѣ заблудшихъ отъ церкви и истины, но обративъ отъ того сердце свое на путь правый, весьма много дѣлалъ пользы, какъ самъ бывый во многихъ тайнахъ зловѣрія, многія вещи раскрывалъ важныя, по частямъ своимъ вездѣ сильно и благимъ намѣреніемъ дѣйствовалъ. Во оно время онъ былъ совершенно преданъ православію [2]), отличныхъ способностей, многоученъ, искусенъ въ знаніи священнаго и церковнаго писанія. Онъ, бывая у графа Аракчеева, нерѣдко ему дѣлалъ внушенія свои добрыя и разумныя къ содѣйствію въ дѣлахъ противу враговъ вѣры и блага общаго.

О Графѣ Аракчеевѣ кратко сказать можно то одно, что онъ, по примѣру своихъ предковъ, преданъ царю, церкви и отечеству; слово царево былъ для него законъ [3]). Царь Александръ изъ всѣхъ своихъ подданныхъ никого болѣе не любилъ, какъ графа Аракчеева, никто справедливѣе, точнѣе не исполнялъ царскихъ велѣній, какъ Аракчеевъ. Сему одному всѣ дѣла государственныя, тайны сердца царева были болѣе откровенны и извѣстны; а посему самая императорская канцелярія съ тайными дѣлами вся была въ рукахъ его, всѣ дѣла о церкви и вѣрѣ въ сіе время ему же тайно были ввѣряемы.

---

[1]) А. А. Павловъ присутствовалъ при сожженіи въ Невской лаврѣ, согласно высочайшему повелѣнію, книги Госнера. Одинъ экземпляръ полуобожженной книги Павловъ успѣлъ взять себѣ и сохранить. „Русской Архивъ“, 1868 годъ, 1368, въ примѣчаніи.

[2]) По свидѣтельству нѣкоторыхъ современниковъ („Русскій Архивъ“ 1868 г. 932 стр.). Фотій самъ „приманилъ“ къ себѣ Магницкаго. Г. Поповъ (Труды кіевск. дух. акад. 1815 г. іюнь, 791) утверждаетъ, что Магницкій дѣйствовалъ глядя по погодѣ и самъ записывалъ расположенія Фотія, разсчитывая при паденіи Голицына занять его мѣсто. Г. Пыпинъ („Вѣстникъ Европы“ 1868 г. ноябрь, 255) выражается кратко говоря, что Магницкій передался Аракчееву.

[3]) Въ бумагахъ Фотія находится, въ копіи, его „Записка о графѣ Аракчеевѣ“ (кн. 1, № 39), написанная имъ въ 1824 году. Эта записка читается такъ: „Всячески познавая позналъ, что графъ А. А. Аракчеевъ совершенно всѣмъ сердцемъ Бога любитъ, царю и государю императору преданъ, вѣренъ, правдивъ, св. православную церковь истинно любитъ; содержитъ православную вѣру; мудръ и разуменъ. Кратко скажу—онъ есть правое око царя, столпъ отечества, и таковые люди вѣками родятся. Въ немъ кромѣ добра я ничего не видѣлъ. Ему можно все повѣрить и съ Божіею помощію все можетъ дѣлать. Теперь и народъ и всѣ состоянія любятъ его болѣе, нежели прежде, и всякъ чаетъ отъ него болѣе правды, даже и в р а г ъ, нежели отъ кого другаго. За что спаси его, Боже, на многія лѣта для церкви и отечества“.

О духовныхъ же молчать здѣсь надобно! Какой позоръ будущимъ родамъ! Всѣ раздѣлены были на православныхъ и на новоученыхъ; не было даже ни единаго сотрудника къ тому годнаго; всякъ былъ готовъ предать истину; изъ всѣхъ прежнихъ дѣлъ было видно, что въ Санктъ-Петербургѣ никто не могъ и не хотѣлъ содѣйствовать, какъ прежде, тако и въ сіе время, въ дѣлѣ и словѣ Божіемъ. Сѵнодальныя особы ни къ православію, ни къ зловѣрію не были преданы, или сострадатели болѣе были при паденіи зловѣрныхъ. Изъ всѣхъ архіереевъ житіемъ, образомъ, словомъ, дѣломъ и духомъ пастырь являлся, и то издалека, Филаретъ, бывый калужскій, потомъ архіепископъ рязанскій и казанскій. Евгеній митрополитъ [1]) давалъ о себѣ великую надежду ревнителямъ по своей учености, вѣрѣ и сану своему; но онъ былъ въ Кіевѣ. Прочіе же въ своихъ мѣстахъ были ли кто ревнующіе, слышно не было; всѣ доселѣ болѣе или менѣе споспѣшествовали въ разныхъ отступленіяхъ отъ блага общаго и блага церкви. Были немногіе изъ настоятелей, епископовъ, разумѣющіе дѣло, но страха ради они предавали истину, даже проглаголать слово гдѣ-либо не дерзали и принимали всѣ нелѣпыя сочиненія и предписанія. Среди міра болѣе находилось дѣлателей, нежели изъ духовныхъ лицъ отъ архіерея до іерея. Когда событіе славное учинилось, свободу церковь пріяла, то всѣ пастыри архіереи весьма радовались. Это было знаменіе, что высшее духовенство все еще не было измѣнено въ духѣ. Съ жалостію можно сказать здѣсь о томъ, что слѣпо было предано негодному переводу св. писаніе: многіе къ стыду своему, не зная цѣли и умысловъ тайныхъ обществъ, ревновали за «Библейское общество», какъ за дѣло Божіе, многіе же, видя ходъ къ честолюбію прекрасенъ не дверьми, жалѣли о паденіи столпа злобы, т. е. духовнаго министерства. Многіе подвизались, исповѣдуя устами среди столицы успѣхи зловѣрія, каковъ былъ Герасимъ Павскій и другіе мнимо просвѣщенные духовные люди, словомъ и дѣломъ совершенные еретики и безбожники, хуже Лютера и Госнера, и коимъ не уступали въ злочестіи и дерзостяхъ. Одинъ изъ протоіереевъ, пастырь и наставникъ стада своего, по учености и православію свѣтило, старался свѣ-

---

[1]) Евгеній Болховитиновъ не пользовался расположеніемъ князя Голицына, который называлъ Евгенія человѣкомъ „недуховнымъ“ (т. е. несочувствующимъ мистицизму), и потому не былъ вызываемъ въ Синодъ до самаго паденія министерства духовныхъ дѣлъ. Митрополитъ Евгеній неблагосклонно относился къ Библейскому обществу и къ князю Голицыну и даже къ м. Филарету, называя того и другаго „временщиками“. Мало того, м. Евгеній касался и находилъ догматическія погрѣшности въ катихизисахъ Филарета. „Истор. Вѣстникъ“ 1883 г. іюнь, 315. „Прав. Обозрѣніе“ 1868 г. августъ, 526.

тить и нѣчто для Серафима архипастыря дѣлалъ! Онъ на книгу «Воззваніе» составилъ мудрую Апологію [1]). Можетъ быть время явитъ, что онъ и окажетъ себя столпомъ православія и вождемъ учености духовной; ибо вельми искусенъ въ словѣ, духѣ и любитель есть спасенія, хотя и протопресвитеръ, и жену и чадъ имѣетъ. Слышно было, что онъ неправдою собралъ себѣ богатство, и упованіе свое возложилъ на него, а не на Бога жива.

Несмотря ни на что Фотій продолжалъ дѣлать свои внушенія, приготовилъ посланіе побудительное къ императору Александру, свѣдѣніе о числѣ звѣриномъ, такъ какъ общее было мнѣніе тогда о грядущемъ 1836 годѣ, и краткое обозрѣніе плана революціи, или тайны беззаконія, дѣемой въ Россіи и вездѣ. Приготовилъ также краткое понятіе о вредѣ библейскаго общества и переводѣ св. писанія на простое нарѣчіе. Зная содѣйствіе свыше отъ Господа во всѣхъ дѣлахъ, начинаемыхъ за вѣру, и видя успѣхи, не робкою ногою онъ шествовалъ отъ подвига въ подвигъ, несмотря на гнѣвъ царя; вѣровалъ Богу, Имъ же царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду, уповалъ, что не можетъ царь ничего съ нимъ сотворить, ежели не будетъ что дано свыше ему творить. При семъ прилагается для свѣдѣнія здѣсь посланіе Фотіево къ императору, поданное отъ 14-го іюня, обозрѣніе о звѣриномъ числѣ, какое въ тайныхъ обществахъ крылось,—а Фотію все то нѣкто изъ главныхъ соучастниковъ зловѣрія и тайны беззаконія, по своемъ обращеніи, открылъ. Многія подлинныя статьи, записки, объясненія имѣются въ книгахъ Фотія въ копіяхъ [2]), гдѣ можно читать подробно о всемъ, противу чего было дѣйствовано отъ архимандрита Фотія, и собрано все по скорости времени кое-какъ въ отрывкахъ; а подлинныя бумаги вручаемы были императору и остались въ его тайной канцеляріи.

---

[1]) Здѣсь разумѣется протоіерей Іоакимъ Семеновичъ Кочетовъ, составлявшій по порученію м. Серафима разборъ мистической книги: „Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова“ („Христ. Чтеніе“ 1872 г. апрѣль, 700—701), и исполнявшій другія его порученія въ дѣлѣ борьбы съ мистицизмомъ.

[2]) Послѣ Фотія сохранились двѣ объемистые книги, содержащія въ себѣ копіи съ разныхъ документовъ и бумагъ, касавшихся сколько-нибудь борьбы его съ мистицизмомъ. Въ первой книгѣ содержится сорокъ шесть № разныхъ бумагъ, во-второй—тридцать восемь. Обѣ книги документовъ, собранныхъ Фотіемъ, сначала находились въ Юрьевѣ монастырѣ, а въ послѣднее время находятся въ библіотекѣ черниговской духовной семинаріи. Немалое число документовъ, собранныхъ Фотіемъ, въ настоящее время напечатано въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

ПОСЛАНІЕ ПЯТОЕ.

Помазанникъ Божій!
Съ Богомъ радуйся и
Царствуй во вѣки!

Очи всѣхъ на Тебя обращены. Тебѣ Господь далъ вѣсы правды и милости. О силѣ Божіей за церковь, и святую вѣру, и за спасеніе Тебя Царя, можетъ быть, въ послѣдній разъ я нынѣ подвизаюся на полѣ брани; въ послѣдній разъ, можетъ быть, предсталъ въ сей часъ предъ лице Твое—возвѣстить Тебѣ слово и дѣло Божіе. Любовь моя о Христѣ къ Тебѣ—Царю, къ Богу, Церкви и Отечеству, вытащила меня на поле брани духовной: Гласъ Божій, зовъ Власти, гласъ совѣсти меня вызвали изъ мирной моей кельи. Царь! Ужели Ты за слово и дѣло Божіе не вступишься? Ни честь, ни слава, ни вся благая не нужны Фотію, обремененному скорбями восемь лѣтъ. Фотій ревнуетъ за Святую Церковь, вѣру Христову и Святыню. Слуга Господень! Царь благовѣрный! Се предстою предъ Тобою и вопію смиренно: призри, защити Церковь, вѣру и спаси вся. Въ дѣлѣ вѣры и малѣйшая пылинка подозрѣнія, лежащая на Тебѣ въ очахъ подданныхъ и правовѣрныхъ, покажется за великій камень претыканія, и время все откроетъ и возвѣститъ, что нынѣ въ тайнѣ дѣлается.

Господь съ Тобою, радуйся!
Рабъ Бога и Господа Іисуса
Христа О Дусѣ Святѣ

Вѣрно-вѣрноподданный Царю, Ревнитель Правовѣрія, послѣднѣйшій но правовѣрный,

Архимандритъ Фотій.

1824 года
Іюня 14-го дня.

ОБОЗРѢНІЕ

Плана революціи, или тайны беззаконія, дѣемой нынѣ въ Россіи и вездѣ.

1) Тайныя общества церковь восточную отвергаютъ и говорятъ, что она съ 8-го вѣка не стала существовать.

2) Проповѣдуютъ, что гернгутерская церковь токмо одна есть истинная, которая же между тѣмъ есть антихристіанская, и которую въ Россіи силятся тайныя же общества ввести и во всемъ мірѣ единою сдѣлать.

3) Церковь западную они идолопоклонскою уже считаютъ.

4) Всѣхъ Святыхъ Отцевъ какъ нашей православной восточной церкви, такъ учителей и писателей западной церкви отвергаютъ, а отступниковъ отъ вѣры и лжеучителей мистиковъ считаютъ истинными

свидѣтелями Христовыми, какъ то: Таулера, Гіонъ и прочихъ. А потому и сочиненія ихъ еретическія переводятся на россійскій языкъ.

5) Лютеранскую и кальвинскую также отвергаютъ они. Ибо цѣль ихъ есть та, чтобы уничтожить религію христіанскую всѣхъ исповѣданій, а съ тѣмъ разрушить нынѣ существующую власть, то-есть царскую, духовную и господскую; а потому устрояютъ тайныя общества всякимъ образомъ гернгутерскую церковь изъ всѣхъ сектъ, то-есть изъ меннонистовъ, сепаратистовъ, піетистовъ, методистовъ, квакеровъ и прочихъ, которыхъ однихъ истинными христіанами почитаютъ.

6) Для сего тайныя общества всюду революціонный духъ, духъ вольности, равенства и свободы распространяютъ въ Америкѣ, Европѣ и Азіи.

7) Для той же цѣли методисты во всемъ мірѣ разсѣваются и споспѣшествуютъ многіе свѣтскіе чиновники имъ, какъ въ Россіи, такъ и вездѣ, дабы къ 1836 году чрезъ 12 лѣтъ всѣ замыслы довершить и единое какое-то устроить царство и единую какую-то религію.

8) Тайныя общества обѣщаютъ содѣйствующихъ въ томъ вельможъ содѣлать министрами у самозванца, коего умыслили именовать христомъ, дабы удобнѣе обольщать кого токмо возможно будетъ.

9) Хотя по ученію святой церкви тысящелѣтнее духовное царствованіе Христово и было со временъ Константина царя; но нынѣ то отвергается, и съ 1836 года предполагается тайными обществами земное царствіе на 1.000 лѣтъ учредить, которое есть ересь, въ 117 году по Рождествѣ Христовѣ бывшая и отверженная святою церковію.

10) Обманъ также и то, что аки-бы между 1800 и 1836 годами всѣ счеты апокалипсическіе исполнились.

11) Но тайныя общества все къ сему царствію выдуманному пріуготовляютъ, и дабы Россія не препятствовала, то угрожаютъ ей кровопролитнѣйшею войною и разрушеніемъ: 1) самодержавія; 2) іерархическаго порядка (чрезъ введеніе духовнаго министерства, кое теперь и уничтожено); 3) церкви реформою и 4) тройственнаго союза уничтоженіемъ.

12) Тайныя общества съ тою же цѣлію силятся вмѣшать Россію въ войну съ Турціею, въ которой они же возжгли революцію, предполагая навѣрное, что имперія сія отъ россійскаго оружія рѣшится, и тогда откроется путь во Іерусалимъ, гдѣ столица назначена быть универсальной монархіи, и царемъ оныя будетъ аки-бы самъ Христосъ, по ихъ мнѣнію, а по ученію святой церкви—человѣкъ беззаконія—Антихристъ. И когда противъ сего царя-самозванца сдѣлаютъ союзъ нѣкоторые цари, то предположено погубить и царей и армію ихъ гдѣ-то въ Армагедонѣ, и тогда-то настанетъ яростнѣйшій духъ революціи вездѣ. Вотъ планъ тайныхъ обществъ во многихъ ихъ книгахъ, а наипаче въ толкованіи на Апокалипсисъ, у Штиллинга нечестиваго начертанный.

Итакъ, дабы и Россія содѣйствовала тайно или явно къ исполненію

вышеозначеннаго плана, то въ Россіи и собственно для Россіи таковые придуманы къ тому способы:

1) Отъ тайныхъ обществъ, между прочими коммиссіонерами, въ Россіи есть главный коммиссіонеръ Р. Кошелевъ.

2) Послѣдователь ему во всемъ кн. Голицынъ, дабы, совокупно дѣйствуя, содѣлать реформу, конституцію, вольность, равенство, истребивъ самодержавіе.

3) Дабы духовенство не препятствовало, то для сего введено духовное министерство.

4) Духовное же министерство изъ всѣхъ религій и сектъ усиливалося составить одну какую-то всеобщую религію библейскую, чему доказательствомъ служитъ сочиненіе Госнера и проч.

5) Для содѣйствія цѣли сей выдумано англичанами Библейское общество, коего главными агентами суть методисты англинскіе, которые, посѣщая комитеты и товарищества и развозя библіи, внушаютъ, что власть, церковь, обряды и установленія не нужны, и что всякъ можетъ спастися по библіи одной; а дабы дать превратный во всемъ толкъ библіи, для сего печатаются книги Гіонъ, Таинство Креста, Бемъ, Дю-Туа и проч., коп и разослало тайно и явно министерство духовныхъ дѣлъ въ духовныя мѣста, а министерство просвѣщенія въ мѣста по просвѣщенію чрезъ почты, которыя состоятъ въ вѣдѣніи одного и того же министра.

6) Къ тому помогаютъ цензуры и типографіи.

Все сіе есть вымыселъ и интрига Англіи и тайныхъ обществъ для разоренія Россіи, страшной для всѣхъ.

Господи силъ! Съ нами буди! Яко Твое есть царство, и сила, и слава Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

1824 года 14-го іюня вручено его императорскому величеству Александру Павловичу.

Число звѣрино въ Апокалипсисѣ 666.

По иллюминатскому преданію вождей сего ордена, изъясненіе славнаго Бенгеля, Штиллинга и всѣхъ его послѣдователей лукавыхъ и лжеучителей, что 1836 годъ долженъ быть важною эпохою въ событіяхъ церкви и человѣчества, состоитъ въ слѣдующемъ кабалистическомъ исчисленіи:

1836 состоитъ изъ двухъ чиселъ: 18 и 36. 18 есть сумма числа звѣринаго 666, а 36 есть число звѣриное 6, трикратно составляющее и на себя самаго помноженное.

Если сія печать звѣря, кабалистикою указываемая, есть дѣйствительно знакъ времени той великой борьбы, которая вскорѣ по всѣмъ евангельскимъ знаменіямъ нашихъ временъ наступить должна, то чу-

десное обнаруженіе звѣриныхъ замысловъ, у насъ нынѣ происходящее, ясно утверждаетъ, что въ великой борьбѣ сей должно будетъ дѣйствовать за Бога государство православное, и что на главѣ его помазанника лежатъ великія судьбы церкви и всего человѣчества.

Мы ничего не теряемъ, если будемъ ожидать 12 лѣтъ во всемъ оружіи Божіемъ и во всей готовности и будемъ бдѣть и назирать козни вражіи, и не будетъ ли гдѣ революціи въ Россіи.

Тайна беззаконія дѣется:

1) Божіе предвѣщаніе ужасовъ революціи было чрезъ потопъ въ 1824 году 7-го ноября въ С.-Петербургѣ;

2) Бунтъ войскъ гвардейскихъ въ С.-Петербургѣ 14 декабря 1825 года [1]), и въ то же время около Кіева армейскихъ, гдѣ были бунтовщики;

3) Холера въ Россіи, бунтъ въ Севастополѣ, война въ Персіи, Турціи.

4) Бунтъ въ Польшѣ и бунтъ въ Новгородскихъ поселеніяхъ и въ С.-Петербургѣ и въ разныхъ мѣстахъ.

О, христіане! бдите и молитеся, да не внидите въ напасть (Марк. XIV, 38)! Господь при дверехъ!

1824 года 14-го іюня вручено его императорскому величеству Александру Павловичу.

Во время оное иностранцы имѣли великое вліяніе на разныя части правленій, службъ и заведеній. Дворъ царскій исполненъ былъ прислугою изъ нѣмцевъ по службѣ; отъ царя и до роскошнаго вельможи, всѣ имѣли у себя въ чести нѣмцевъ. Воспитаніе было ввѣрено иностранцамъ: въ главныхъ учебныхъ заведеніяхъ, мнимоблаготворительныхъ обществахъ вездѣ были образователями французы, люди не рѣдко сумнительнаго состоянія и наказанные тѣлесно за разбои и высланные. Во всѣхъ почти домахъ людей знатныхъ по нѣскольку было гувернеровъ, мамокъ, воспитательницъ и учительницъ разныхъ, изъ французскихъ и другихъ женщинъ. По всей Россіи, даже въ домахъ недостаточныхъ дворянъ, въ отдаленные краи Россіи выписываемы были иностранцы, иностранки, а посему воспитаніе и житіе отъ старыхъ до юныхъ во всѣхъ почти благородныхъ было чуждое истиннаго христіанства. Всѣ, оставивъ правила св. Отецъ, преданія церкви, обычаи святые предковъ отцовъ своихъ, ни на что не взирая жили, будучи русскіе, какъ французы, нѣмцы и другіе иновѣрцы. Многіе жили хуже невѣрныхъ. За честь мно-

---

[1]) Такъ какъ Фотій свою автобіографію писалъ въ тридцатыхъ годахъ, то онъ и дѣлаетъ здѣсь ссылки на такія событія, которыя произошли гораздо позже, и на которыя онъ не могъ указывать въ донесеніи государю отъ 14-го іюня 1824 года.

гіе себѣ и за великое сокровище поставляли въ иностранныхъ земляхъ воспитаніе имѣть и образованіе. Многіе подъ разными предлогами въ непотребствѣ все состояніе проживали на теплыхъ водахъ, или во Франціи, или въ Италіи, или въ Англіи, гдѣ токмо роскошь и своевольство болѣе дѣйствуютъ. Туда везли многіе безчисленныя свои суммы, и тамо сканчивали свое житіе безъ вѣры, безъ благочестія, ядуще и піюще (Мѳ. XXIV, 38), спяще и веселящеся по вся дни свѣтло. Многимъ знатнымъ казалась родина нездорова, вредна, несносна; а потому къ ней даже имѣли отвращеніе; многіе, шатаясь съ иностранными день и нощь, и въ чужихъ краяхъ даже на природномъ русскомъ языкѣ говорить не знали. Правительство же, на все обращая вниманіе, а на сіе не обращало, видя явно, что какъ потопъ отъ сего разврата вредъ разливался. А тогда льстивые иностранцы, а особенно англичане, сребролюбіемъ недугующе, и жиды [1]) всѣми хитростями изъ нѣдръ отечества вытаскивали злато, сребро, все драгоцѣнное, а довольствовали за это единою роскошью и модами. Англичане, торгаши поддѣлались не токмо членами мнимоблагодѣтельныхъ обществъ, но даже и главными оныхъ пружинами: они были въ Библейскомъ обществѣ, въ тюрьмахъ, промышляя торгами, развозили новоеретическое внушеніе писанія въ отдаленные краи Россіи [2]). Общій духъ слѣпоты былъ таковъ въ сіе время, что

---

[1]) Въ бумагахъ Фотія (кн. I, № 9 и 8) помѣщена «Записка фактора о ввозѣ и пріемѣ золотою монетою денежныхъ суммъ въ Россію» и Секретная записка Фотія противу фактора и денегъ его. Изъ этихъ двухъ документовъ видно, что въ 1825 году, одно заграничное общество предположило устроить международный банкъ съ цѣлью открыть кредитъ подъ залогъ имѣній знаменитыхъ русскихъ бояръ. Фотій высказываетъ основательныя опасенія о томъ, что имѣнія нашихъ бояръ перейдутъ въ руки иностранцевъ, а съ иностранцами явятся въ Россію и жиды, которые еще со временъ Владиміра Мономаха извѣстны Россіи. Они тогда жидовскую вѣру завели среди русскихъ и, по необходимости, были изгнаны изъ Россіи навсегда. Отъ жидовъ, по взгляду Фотія, чрезъ нѣсколько лѣтъ неминуемо будетъ пищета и бѣда государству. Фотій особенно настойчиво вооружается противъ евреевъ. «Если въ обществѣ, учреждающемъ банкъ,—говоритъ онъ въ своей запискѣ,—есть и жиды, и будутъ они содержатели конторъ и управители, то безъ титла господъ и помѣщиковъ жиды и прочіе сдѣлаются, навсегда господами и помѣщиками, и лишь бы начало сдѣлать теперь, а то все можно сдѣлать со-временемъ тайно и явно деньгами. Ничто такъ въ убожество государство привести не можетъ, какъ жительство христоубійцъ-жидовъ въ государствѣ». Записка Фотія написана 21-го іюля 1825 года. Она заканчивается словами: «хотя и недостойный, но яко стражъ дому Божію, то стою у дверей онаго и боюсь, дабы чрезъ вліяніе на дворянъ и крестьянъ не сдѣлали бы вліянія и на домъ Господень».

[2]) Такъ, напримѣръ, англичанинъ Гордонъ во время пребыванія своего въ Охотскѣ, въ Сибири, выписалъ изъ Иркутска библіи и снабдилъ ими положительно каждый городской домъ. «Вѣстникъ Европы», 1868 г. августъ, 692.

многимъ нравилось духовнымъ ученіе лютеранскихъ богослововъ и толкователей, а другимъ—философовъ, однимъ иностранное правленіе, а другимъ обычаи, свобода во всемъ; а посему царственный градъ С.-Петербургъ представлялъ всеобщее смѣшеніе, достойное многихъ слезъ. Почти не можно было узнать, какая въ немъ вѣра, какой народъ; земной адъ въ немъ почти представлялся со всѣми соблазнами. Пастыри и учители церкви не обращали вниманія на существующія вещи, соблазны, не исправляли ничего, а говорили кое-гдѣ совсѣмъ отвлеченное не кстати и не къ дѣлу спасенія, бія одинъ воздухъ словами. Многіе духовные изъ новообразованныхъ въ среду, пятки и въ посты воздержанія не имѣли, и съ посмѣяніемъ нарушали оные. При таковомъ-то сосостояніи внутреннемъ, хитрые умы иностранныхъ мечтали свое все ввести ученіе, свое обладаніе, свое заведеніе, свое поведеніе и во все измѣненіе вдохнуть. Къ несчастію для споспѣшествованія въ общемъ соблазнѣ, въ учебныхъ мірскихъ заведеніяхъ не были хранимы посты, въ самый великій постъ мяса и всѣ яства запрещенныя дозволялись и принуждали въ учебныхъ заведеніяхъ дѣтей, не хотящихъ сквернитися, насильно. Въ частныхъ домахъ и въ мѣстахъ врачи были болѣе нѣмцы, французы и англичане. Они приводили необходимыя свои причины, чтобы мяса ясти непремѣнно. Все дышало оставить благочестіе отеческое и законы совсѣмъ ниспровергнуть и ввести реформу. На сей-то конецъ были введены Библейскія общества вездѣ, собранія, дабы вскорѣ вѣру перемѣнить всю, число церквей умалить, ввести тюрьмы; а дабы ослабить узы благочестія, ввести новыя пѣнія, мнимоблаготворительныя заведенія; дабы уваженіе истребить къ обителямъ и желаніе въ нихъ жить, разные институты и пансіоны въ частности заведены, вездѣ все отъ единства усиливалось отстать, и всему злу и соблазну болѣе всѣхъ послужилъ ученіемъ и заведеніемъ князь Голицынъ въ свое преобладаніе надъ духовенствомъ.

Здѣсь не неприлично будетъ упомянуть хотя нѣкоторые обычаи благочестивые, уничтоженные въ нужныхъ мѣстахъ для поддержанія духа вѣры въ православныхъ. Такъ зловѣріе вездѣ въ царствующемъ градѣ усилилось и дошло до самыхъ царскихъ чертоговъ, что издавна проповѣдь слова Божія, сказываемая отъ учителей церкви предъ лицемъ царя и его вельможей, вовсе прекращена была по вліянію князя Голицына. А потому цари, не имѣющіе времени заниматься чтеніемъ книгъ священныхъ, святыхъ, отеческихъ, церковныхъ, не стали слышать слова Божія на пользу и въ рѣдкое свое пребываніе во время литургіи при церковныхъ собраніяхъ, а особенно посредѣ народа мало стали знать ученіе своея церкви и житіе святое.

Столповое древнее церковное пѣніе вездѣ было оставлено, и введено было театроподобное, италіанское, противное церкви, многія со-

блазнительныя пѣсни, подъ названіемъ концертовъ, введены, повыдуманы хоры пѣвцовъ, которые всегда среди міра, въ театрахъ общихъ и домахъ дѣлали увеселенія при пирахъ, играхъ и забавахъ, а временемъ, съ тѣмъ же духомъ соблазна, становились на клироса въ церквахъ пѣть при божественныхъ службахъ въ еретическихъ одеждахъ и особенно въ польскихъ и нѣмецкихъ.

Многіе, а особенно изъ новопросвѣщенныхъ, книги, изданныя для церковныхъ поученій въ уставѣ церковномъ въ главѣ 20-й означенныя, не хотѣли и посмотрѣть, а не токмо читать на утреняхъ поученіе. По своему духу они составлять старались свои темныя и несогласныя съ простотою духа церковнаго разсужденія, сказывали же люди многи изъ духовнаго званія, не іереи, а просто учители и ученики свѣтскіе, въ нѣмецкихъ одѣяніяхъ, обритые, имѣющіе власы свои на подобіе свѣтскихъ щеголей хитро устроившіе. Таковыхъ-то проповѣдниковъ новыхъ народъ, не разумѣя, не слушалъ, хотя въ стихаряхъ видѣлъ ихъ бывающихъ, но внутрь по всему людей мірскихъ, не имѣющихъ свыше благодати на слово ученія, ни словомъ, ни дѣломъ; какъ скоро они выходили на каѳедру говорить, большею частію сей народъ исходилъ къ стыду ихъ.

Во многихъ мѣстахъ дерзость до того дошла, что полунощницу вовсе на утрени среди столицы не читали въ Казанскомъ соборѣ, каѳизмы опущали въ монастырѣ, а о прочихъ опущеніяхъ церковныхъ не нужно и сказывать: кто какъ хотѣлъ, такъ часто и поступалъ. Иной изъ новоученныхъ, имѣя служебникъ на божественной службѣ, за полезнѣйшее для себя размышленіе свое считалъ имѣть, а не чтеніе положенныхъ молитвъ церкви; пустыни и обители цѣлыя, по мѣстамъ, были уничтожаемы отъ правительства: гдѣ по бѣдности не можно было поддерживать оныя подвижникамъ и пастырямъ мѣстнымъ, а правительство, на все мірское находя довольно всего тратить, не соизволяло оныя поддерживать [1]). Власть же свободный входъ въ званіе монашеское

---

[1]) На основаніи точныхъ статистическихъ данныхъ извѣстно, что въ царствованіе Александра I было закрыто двадцать семь (27) монастырей. Но въ закрытіи этихъ монастырей правительство не имѣло никакой опредѣленной цѣли, — напримѣръ, сокращенія и ослабленія монашества вообще, какъ это, напримѣръ, дѣлалось при Екатеринѣ II. Монастыри закрывались по разнымъ, независѣвшимъ отъ правительства, причинамъ: напримѣръ, по ветхости зданій, по малочисленности монашествующихъ, по неимѣнію земель, по неудобству мѣстоположеній (заливало водой), нѣкоторые монастыри закрыты были вслѣдствіе полнаго ихъ истребленія непріятелемъ въ 1812 году и проч. Но взамѣнъ закрытыхъ монастырей въ царствованіе Александра I было возстановлено семь монастырей изъ прежде закрытыхъ и открыто восемь новыхъ монастырей. Звѣринскій. Сборникъ матеріаловъ о русскихъ монастыряхъ. СПБ. 1890 г. т. I, кн. IX.

прекратила, дабы умалилось число подвижниковъ, подъ тѣмъ видомъ, аки-бы не нужно число самыхъ избранныхъ и святыхъ людей на землѣ. Вступившимъ же противу правилъ церковныхъ, поставило законы постригать въ монашество лѣтъ возмужалыхъ, а не какъ издревле было и есть предано; все сословіе святыхъ подчинено мірскимъ законамъ [1]) и обычаямъ до того, что никого постригать невозможно безъ указа Святѣйшаго Сунода. Послѣдній земледѣлецъ имѣетъ пріобрѣсть недвижимыя имѣнія, а монастырямъ, св. церквамъ и монашествующимъ для общей пользы подвижниковъ всѣ преграды положены земли, воды, домы и прочія угодія земныя стяжавать въ довольствѣ: ежели что таковое можетъ быть дозволено, то съ высшей власти и царскаго утвержденія, а не иначе. Всякія политическія притѣсненія и непрестанно законы исходили по вліянію мірскихъ властей и оберъ-прокурора въ Сунодѣ.

Нечестіе до того достигло, что подчинило служителей св. олтаря неслыханному безчестію: въ случаѣ справедливаго или несправедливаго осужденія, инаго мѣста не дано по лишеніи званія и мѣста избрать, какъ въ военную службу годныхъ отсылать [2]), хотя бы то были архіереи, или въ Сибирь на поселеніе, хотя бы то монахъ былъ, коему свобода жену взять давалась. Во всѣхъ случаяхъ крайность великая сдѣлана явнымъ или оклеветаннымъ въ поступкахъ обыкновенныхъ лицамъ духовнаго сословія, а особенно монашествующимъ.

Настоятелей монастырскихъ дѣлать вновь былъ обычай токмо для возвышеній; а потому инъ съ мѣста на мѣсто, какъ птица, перелеталъ отъ низа на высоту по классамъ и степенямъ. То же можно сказать особенно объ ректорахъ и прочихъ учителяхъ по духовнымъ мѣстамъ; а отъ такого перелетанія и пребыванія краткаго на мѣстѣ службъ, чего можно ожидать добраго? Одинъ воздухъ многіе біютъ лепетаніемъ своимъ ученымъ, а дѣла Божія не творятъ. Нигдѣ по краткости своего пребыванія гнѣзда себѣ свить не могутъ и добра сдѣлать.

Злѣе всего обычай введенъ, что архіереи съ мѣста на мѣсто почти безпрестанно переводятся для паствы [3]), а потому ни паствы они не

---

[1]) Рѣчь идетъ о законѣ, изданномъ въ 1817 году, по которому всѣ лица духовнаго званія и монашествующіе, за нарушеніе церковнаго благочинія и проступки въ церквахъ, предавались уголовному суду гражданской власти. Этотъ законъ отмѣненъ былъ въ 1821 году.

[2]) По правиламъ, изданнымъ въ 1823 году, лица духовнаго званія, подвергшіеся лишенію сана за какія-либо преступленія, отсылались въ гражданское вѣдомство для приписки въ податное состояніе или въ военную службу. Знаменскій. Чтенія по исторіи русской церкви при Александрѣ I. 101.

[3]) Въ подтвержденіе этого достаточно указать на тотъ фактъ, что старѣйшій членъ Синода, митрополитъ Серафимъ съ 1804 года по 1821 годъ пе-

могутъ узнать нигдѣ, ни житіемъ своимъ свѣтить. Многіе живутъ и о томъ одномъ мнятъ, чтобы съ одной епархіи скорѣе на высшую, обильнѣйшую и лучшую перейтить или въ члены Сунода попасть. Отъ такого противнаго духу церкви шатанія главнаго пастырскаго, что̀ можетъ быть постояннаго въ дѣлѣ вѣры и благочестія въ пастырѣ и паствѣ? Многіе, необразовавшіеся нигдѣ въ житіи у искусныхъ, руководясь однимъ школьнымъ ученіемъ и чтеніемъ различныхъ мудрованій, живутъ не какъ пастыри добрые церкви и архіереи Божіи. Иные же безстрашно ядятъ мясо, какъ мірскіе; во святый даже постъ не хотятъ безъ рыбы жить самой вкусной и хорошей; безъ винъ никогда не садятся за столъ; отъ елея и вина почти никто николи не думаетъ воздерживаться когда положено. Хитоны въ крещеніи и постриженіи данные перемѣнили на раздранныя рубища рясъ и подрясниковъ. По крайней мѣрѣ я во всю жизнь не видѣлъ ни одного архіерея, монаха и іерея въ хитонѣ по образу святыхъ, какъ и на святыхъ образахъ изобразуются всѣ для подражанія святые. Всѣ почти согласно оставили самый видъ на себѣ имѣть одежды священныя. Часто церковники въ нѣмецкихъ платьяхъ, какъ нѣмцы обритые, служатъ во святыхъ олтаряхъ церковныхъ не токмо по градамъ, но и даже многимъ сельскимъ приходамъ бываютъ. Сему виною пастыри церкви, настоятели, ректоры и учители, соблазнъ собою подающіе, безъ вниманія своевольство проходящіе. Во всѣхъ школахъ семинарскихъ, академіяхъ пастыри, ректоры, начальники просто допускаютъ обычаи въ одѣяніи, житіи нѣмецкіе, иностранные нравы и порядки держать. И такъ устами въ классахъ учатъ чему, тому вовсе на дѣлѣ не учатъ.

Между многими суетами мірскими въ духовномъ санѣ, особенно монашествующимъ привязаны многія суеты всегдашнія: иные сдѣланы членами въ консисторіяхъ, а другіе въ правленіяхъ духовныхъ, а инымъ поручаютъ иныя мірскія должности, суетныя, вовсе противу обѣтовъ и цѣли монашества. Не достанетъ всѣ обычаи благочестія, уничтоженные въ духовенствѣ, времени исчислить, и нравовъ неподобныхъ принятіе

ремѣнилъ шесть (Вятка, Смоленскъ, Минскъ, Тверь, Москва и Новгородъ) самыхъ разнородныхъ епархій. Со времени оберъ-прокурорства князя Голицына переводы епископовъ съ одной епархіи на другую входятъ въ особенную силу, что наглядно можно видѣть изъ „списка іерарховъ русской церкви“, составленнаго Строевымъ. Посредствомъ частыхъ переводовъ, князь Голицынъ развивалъ между епископами искательство лучшихъ епархій, порывалъ нравственную связь между паствою и пастыремъ, отнималъ всякую энергію у епископовъ трудиться на пользу ввѣренной епархіи, такъ какъ каждый епископъ, изъ основательнаго опасенія перевода на новую епархію, не предпринималъ ничего новаго и полезнаго для своей епархіи, на которую онъ смотрѣлъ, какъ на простую случайность.

списать, что̀ дѣлаютъ особенно ученые и пастыри, отъ первыхъ изъ нихъ до послѣдняго прислужника при нихъ. Есть конечно таинники Божіи изъ нихъ нынѣ, но кто и гдѣ они? Такъ число умалилось избранныхъ, что они совершенно для міра таинники стали быть. Богъ единъ вѣдаетъ, кто суть они.

Коснуться до мірскихъ сословій христіанскихъ, особенно же обычаевъ въ сословіи благородныхъ, страшно и ужасно. Большая часть живутъ какъ невѣрные и язычники: не токмо въ церковь къ службамъ церковнымъ не изволятъ ходить, но даже въ самые великіе праздники Господни занимаются, во время бдѣній и утреній, пирами, балами, играми, театрами; постовъ вовсе не хранятъ и за ничто считаютъ оные нарушать; мнимоправославные русскіе съ нѣмцами иновѣрными за едино все дѣлаютъ нечестіе. Другіе свободно чадъ своихъ въ зловѣріе отдаютъ: театры, комедіи, маскарады, парады, конскія ристанія, собачьи охоты, забавы птичьи, книги вольнодумныя, сказки, романы, земныя бредни, карты, бостоны, гусли, музыки, пиры, балы, собраніе корысти, лихоимство, воспитаніе общее по-нѣмецки, по-французски, по обычаю міра, плотское и діавольское дѣло и обученіе—есть упражненіе многихъ знатныхъ людей во всю ихъ жизнь. Оно въ столицахъ почти заразило даже всѣхъ духовныхъ пресвитеровъ, которые чадъ воспитываютъ какъ иностранцы, въ плотскомъ обученіи, будучи и сами ревнители плоти и діавольскаго служенія по своимъ прихотямъ. Кто имѣетъ умъ и кто вѣдаетъ сословій всѣхъ состояніе въ царственномъ градѣ, тотъ разумѣетъ, что̀ говорится здѣсь. Вотъ занятіе и дѣло отъ первыхъ до послѣднихъ почти въ мірскомъ быту, занятіе въ духовныхъ лицахъ богатыхъ! Дѣло же вѣры и благочестія было у всѣхъ какъ послѣднее и какъ бы не дѣло нужное. Явныхъ нарушителей всегдашнихъ поста, ядущихъ мяса во святые посты, среды и пятки, еретиковъ, враговъ церкви, блудниковъ и прочихъ развратныхъ людей допускали къ причастію Святыхъ Таинъ. Многіе духовные, яко безумные, нечестивымъ богатымъ и знатнымъ допускали предъ самымъ пріобщеніемъ что-либо ѣсть и пить: вотъ изнѣженность однихъ и слабость житія и человѣкоугодливость другихъ!

Престану писать о горестномъ состояніи отступленія отъ вѣры во дни сіи, что все клонило многихъ къ желанію реформы. Скажу то, что въ самомъ жалкомъ, повидимому, состояніи все сословіе христіанское было въ С.-Петербургѣ. Скудость любви къ Богу болѣе всего была въ Питерѣ; потопъ былъ нечестія всего въ немъ же, а отсюда должны были законы и суды издаваться на всѣхъ другихъ. Какого же можно было ожидать добра отъ всѣхъ и каждаго, при всеобщемъ развращеніи? Како можно назвать градъ сей иначе, развѣ Вавилонъ, Египетъ, Содомъ и Гоморъ? Слышно, что будто два полка, отъ перваго лица до по-

слѣдняго, лучшіе утопаютъ въ содомскихъ мерзостяхъ, и уподобилися христіане содомлянамъ. Какое безчестіе просвѣщеннымъ временамъ и людямъ благороднымъ, а особенно военнымъ. Это ли есть знакъ христолюбиваго воинства русскаго? Отраднѣе будетъ Содому и Гомору въ день судный, нежели имъ. (Марк. VI, 11).

Вообще противу всѣхъ золъ и беззаконій, явно всюду предъ лицемъ всѣхъ, отъ царя до послѣдняго раба срѣтавшагося, ясно Фотій взывалъ; обличалъ же въ лицѣ тѣхъ, которые споспѣшаютъ зловѣрнымъ своимъ союзомъ, а не Богу угодное творятъ, и токмо выгоды плоти своея наблюдаютъ. Въ сіе время вдругъ Фотію пришло назначеніе быть предъ лицемъ царя. Пошелъ онъ къ духовному отцу своему, подвижнику схіеромонаху Алексію [1]), исповѣдався пріялъ отъ него внушеніе стоять, ничего не бояся, до крови и смерти за дѣло Божіе. Святый подвижникъ исполненъ бывъ благодати Святаго Духа, рекъ ему на путь во благословеніе: «Не бойся, чадо! гряди во имя Господне! Не убойся на грѣхъ себѣ лица царева! Взирай къ Единому Все-Царю Богу! Не предавай правды и истины, не жалѣй враговъ вѣры сокрушать; подвизайся, чадо, Богъ дастъ тебѣ уста и премудрость, и дастъ тебѣ силу и крѣпость». Пріобщився, въ часъ назначеннаго времени отправился Фотій въ Казанскій соборъ, а оттуда къ царю въ палаты. Его уже ожидалъ, тайно назирая, царскій слуга вѣрный: увидѣвъ, далъ ему маніемъ пріитти къ себѣ. Фотій, соединився съ нимъ, слышалъ, что онъ ему повелѣвалъ итти за собою; и онъ шедъ восходилъ прежнимъ путемъ и тайною лѣстницею днемъ съ огнемъ, къ царю чрезъ святой олтарь. Отворились отъ святаго олтаря къ царю двери, и Фотій вошелъ, по обычаю помолився, поклонился. Царь, пріявъ благословеніе, посадилъ его за большой столъ свой; началъ самъ царь приличное къ дѣлу говорить; видно у него было написано на зракѣ лица оскорбленіе. Фотій, въ началѣ хотяй оправдаться, началъ слова глаголать истины, но царь, возвысивъ гласъ свой, не смотря на него, говорилъ высокою царскою рѣчью, яко повелитель и царь великій свое, давая тѣмъ разумѣть, дабы Фотій умолчалъ. Царь говорилъ отъ писанія ему, что онъ не имѣлъ права поступить такъ съ княземъ Голицы-

[1]) Схимонахъ Алексій—одинъ изъ выдающихся подвижниковъ царствованія Александра I. Замѣчательно посѣщеніе его императоромъ Александромъ I въ 1825 году, предъ отъѣздомъ его въ Таганрогъ. Въ кельѣ схимонаха Алексія на столѣ стоялъ всегда черный гробъ, покрытый чернымъ покрываломъ, въ которомъ находилось все, принадлежащее къ погребенію. При посѣщеніи государя, старецъ-схимникъ, показывая на гробъ, сказалъ ему: «Смотри государь, вотъ постель моя, и не моя только, а постель всѣхъ насъ; въ ней всѣ мы ляжемъ и будемъ спать долго». «Историко-статист. свѣдѣнія о с. петерб. епархіи», т. VIII, 510—513.

нымъ, предавая его анаѳемѣ. Онъ хотѣлъ-было нѣчто рещи царю въ оправданіе свое, но у царя гнѣвъ изображался на челѣ, слово было грозно, повелительно. Царь, не дая ему глаголать, самъ хотѣлъ все свое глаголаніе сперва содѣлать ему. Видѣлъ Фотій, что не пріиде часъ ему глаголать, и не дается ему свыше; слышалъ словеса отъ устъ царевыхъ, и какъ стрѣлы ударяли во глубину сердца Фотіева. Молчалъ, дая царю все продолжать; молчалъ совершенно, яко нѣмъ, и не отверзалъ устъ своихъ; сдѣлался, яко глухъ. Царь глаголалъ и вопрошалъ послѣ Фотія, понимаетъ ли онъ, что ему говорится? Фотій на сіе отвѣщалъ царю, что понимаетъ и, знаменаясь часто знаменіемъ креста, отвращалъ лице свое отъ царя на десно ко свѣту окна; туда зрѣлъ на небо и паки учащалъ знаменать себя крестомъ, да не смущается сердце его, да не видитъ грознаго лица царева. Отъ слуха словъ грозныхъ царевыхъ сердце его трепетало, что же отъ видѣнія лица царева быть могло? Зрѣлъ тѣлесными очами ко свѣту вещественному, а душевными взиралъ горѣ къ Богу, Отцу свѣта, и оттолѣ ожидалъ себѣ своего часа глаголать и силы, и разума. Царь восходитъ отъ гнѣва въ гнѣвъ; Фотій же себя знаменалъ знаменіемъ креста, молчалъ и трепеталъ лица гнѣвнаго царева, но чувствовалъ въ сердцѣ своемъ отъ стрѣлъ царевыхъ, прободающихъ его сердце, горько; терпѣлъ, чаялъ утѣшенія; яко полчаса единъ царь ему глаголалъ внушеніе; наконецъ, оканчивая какъ бы рѣчь, царь, какъ Фотій себя перекрестилъ, также крестился, и вдругъ пересталъ глаголать. Связываются уста его, не имѣетъ далѣе словъ и глаголы, яко стрѣлы отъ сердца своего изводить. Взираетъ на Фотія, молчитъ. Фотій же, возрѣвъ мало на царя, обратился паки ко свѣту. Царь тогда сказалъ ему: «понимаешь ли?» Фотій отвѣщалъ: «разумѣю все». Хощетъ ему словомъ и маніемъ царь дать знать, что́ онъ на сіе скажетъ ему. Тогда Фотій началъ говорить: «Вѣдаю все, что ты глаголешь, о царю, слышу, чувствую, глаголы твоя проходятъ, яко стрѣлы, сердце мое. Но что я сказалъ за дѣло вѣры, слово Божіе, истину, правду, то сказалъ. Что дѣлать мнѣ дано было свыше, яко послалъ меня Богъ возвѣстить правду, то я содѣлалъ; я сотворилъ же волю Божію, и ничего не боюся». Царь тогда сказалъ: «Отвѣщай мнѣ, какъ же ты могъ предать анаѳемѣ, кого я знаю тридцать лѣтъ?». Тогда Фотій сказалъ царю: «аще бы не токмо князь Голицынъ, но ангелъ съ небесе пришелъ и глаголалъ мнѣ противно благовѣрію Христову, слову святыхъ и ученію церкви, я ему бы сказалъ: анаѳема. Аще бы ангелъ съ небесе пришелъ, и мнѣ сказалъ злая о царѣ, тебѣ, или ты бы самъ, царь мой, мнѣ о себѣ велѣлъ глаголать неблагая, я не послушаю тогда тебя. Всякому зло на Бога и царя глаголющему азъ бы сказалъ: анаѳема, да не соблазнитъ другихъ и зло не сотворитъ. Что можетъ быть вреднѣе, какъ на царя

злое одно повѣдать и себя явно виновнаго оправдывать? Я милостивно, паче всѣхъ святыхъ, поступалъ съ княземъ за честь Божію и цареву: онъ въ книгахъ подъ прелестными названіями дозволилъ, содѣйствуя, издавать и всюду оглашать проклятіе Богу нашему, проклятіе всему духовенству, всѣмъ святымъ соборамъ, православію, безчестіе всякой правдѣ и истинѣ. Вотъ зри, царь, какія книги печатаютъ, въ нихъ же яко ученіе лжи содержится, что ты, царь, будто бы Иродъ и тебѣ желаютъ смерти; хулится присно-Дѣва Богородица. Первые святые отцы, апостольскіе ученики, именуются яко звѣрь первый отъ бездны и слуги антихристовы; вторый звѣрь—святѣйшіе вселенскіе соборы и синоды, третій—нынѣшнее духовенство православное; все святое испровергается, истина отвергается, возвѣщается едина злоба; то я ли молчать долженъ? Богъ далъ мнѣ уста, послалъ меня истину возвѣстить тебѣ и всѣмъ; то ужели я долженъ повѣрить, что все сіе зло и прочее смущеніе и развращеніе ты, царь, сотворилъ, чему вѣритъ князь Голицынъ, и меня хотѣлъ научить вѣровать? Я отвергъ все, яко ложь. Не я, а Вышній съ небесе рече ему мною, рабомъ Своимъ, неблаговоленіе. Святый Николай чудотворецъ на вселенскомъ соборѣ ударилъ Арія въ лице за дерзкую его ложь; я же не сотворилъ ему подобнаго. Болѣе стоитъ князь со своимъ сонмищемъ богоборнымъ, за что святаго Николая св. Отцы осудили лишить сана и знаки святительскіе снять». Тогда царь, подхвативъ слова сіи, сказалъ: «вотъ видишь-ли, что съ Николаемъ сдѣлали?». Фотій же сказалъ царю: «всѣ святые неправильно хотѣли сдѣлать сей судъ со св. Николаемъ». Царь же сказалъ: какъ? Фотій же ему далъ листъ изъ книги житій, на сей случай вырѣзанный и у него за голенищемъ бывшій. Когда началъ читать царь, что было на немъ, и сказалъ не дочитавъ до конца: «вотъ святые не похвалили за дерзость великаго чудотворца». Тогда Фотій сказалъ: «но за то Богъ прославилъ. Они лишили сана его, а Господь явився самъ подалъ св. евангеліе святому Николаю; Божія же Матерь—омофоръ, знакъ архіерейскій: евангеліе подано ему, да небоязненно исповѣдуетъ, омофоръ же, что свыше его небесная сила защитить имѣетъ всегда». Тогда царь, узрѣвъ читая сіе, устыдился и молчалъ, потупивъ очи долу, яко царь кротокъ, премудръ, благочестивъ. По семъ, перекрестився, Фотій сказалъ царю: «ты ли, царь, не великъ на сей землѣ? Великъ еси ты, выше всѣхъ и яко выше облаковъ небесныхъ; азъ же не малъ-ли предъ тобою, яко мравій? Ты все дѣлать можешь, повидимому, со мною: токмо что меня коснешься—и меня не будетъ: яко мравій подъ ногою путника, я непримѣтно исчезну. Но слыши, о царю, что аще что не будетъ тебѣ дано свыше со мною творить, ничего не можешь творить; того ради я тебя не боюся, истину я возвѣщалъ, возвѣщаю и буду возвѣщать; себя никакъ не пощажду?

*

Никого и ничего не хощу любить паче Господа Бога моего. Любовь Божію ни на что не промѣняю. Люблю Господа моего и ревную: кто мя разлучитъ отъ того?» Многая словеса глаголя таковая съ дерзновеніемъ царю, вынималъ Фотій хартіи печатныя для доказательства всего, то изъ-за рукава праваго, то лѣваго, то изъ-за сапоговъ, гдѣ были на случай разные листы, выдранные изъ книгъ, сокрыты непримѣтно. Царь сему дивился, между тѣмъ какъ пошелъ Фотій и въ пазуху доставать еще прилучившуюся надобную хартію; царь, внимательно все примѣчая, замѣтилъ нѣчто не обыкновенное и движимъ любопытствомъ, бросился, раскрывъ грудь Фотія, осмотрѣть, и узрѣлъ, что Фотій во власяницѣ, желѣзныхъ веригахъ, и, зря нагу грудь его, увидѣлъ язву глубоку до костей на ней посредѣ. Тогда Фотій ему сказалъ: «что ты дивишься? Зри, когда хощешь, все и узнай, что ежели я самъ себя не жалѣю, и ради Бога не жалѣю плоти моея, то кого же я пожалѣю, чтобы Богу измѣнить?» Тогда, узрѣвъ царь вся внутрь сокровенная нечаянно, а не то, что Фотій казался ему быть наружно, весь былъ пораженъ, тронутъ и, яко отъ огня веліяго, возгорѣлся отъ стыдѣнія, видѣвъ умерщвленіе до костей тѣла, сѣлъ на мѣсто свое, являя любовь свою, состраданіе, и сказалъ: «что тебѣ я сказалъ, о. Фотій, то все сказалъ, и только есть и болѣе ничего не будетъ». Симъ далъ Фотію знать царь, что онъ ему выговоръ одинъ желалъ сотворить, а его наказывать не имѣлъ намѣренія и горшее что-либо ему творить и отъ любви своея перемѣниться не хощетъ. Послѣ же всячески любовь свою старался ему излить, дабы язвы отъ словесъ его, яко отъ стрѣлъ, излѣчить въ немъ. Фотій же сказалъ ему: «знай, царю, что я тебя любилъ не видѣвъ, люблю нынѣ и буду во вѣки любить, когда и не будетъ тебя; на честь, злато и все благое въ мірѣ не промѣнялъ никому и истинѣ я не измѣнилъ; но колико я же былъ въ скорбѣхъ и опасностяхъ? Колико погубить меня враги хотѣли? Силою я Божіею спасенъ есмь доселѣ». Былъ же у него Фотій яко три часа. Наконецъ царь, по обычаю вставъ на колѣни предъ Богомъ, ему велѣлъ возложить руки, какъ и прежде на свою главу и прочесть молитву; Фотій, возложивъ руки свои, сотворилъ молитву и благословилъ его. Онъ же поклонился до земли и, вставъ, благословился у него нѣсколько кратъ, провожалъ его, увѣряя въ своей царской милости, любви. Оставилъ же у себя нѣкоторыя свои нужныя бумаги, но какъ у него копій не осталось, то здѣсь и не помѣщаются. А какія отъ 14 числа іюня выше написаны, то уже извѣстны. Оставилъ у него еще взятый указъ царь о запрещеніи противныхъ вѣрѣ святой и правительству книгъ [1]), и дивился, что оный указъ не

[1]) Здѣсь разумѣется слѣдующій указъ Екатерины II-й отъ 27 іюля 1787 г.: „По установленіямъ предковъ нашихъ печатаніе книгъ, церковныхъ и до за-

напечатанъ, а сокровенъ былъ въ одномъ Сунодѣ по хитрости враговъ и ихъ вліянію во всемъ. Фотій же сказалъ: «ты, о царю, правъ еси; у тебя на все были законы даны, и прежніе есть; но всѣ оные разрушаютъ враги». И съ миромъ оставилъ царя. Чувствовалъ же, что великую благодать Господь далъ ему у царя, и славилъ Христа Спаса и Его милосердіе великое [1]).

Возвратился Фотій отъ царя въ домъ ко дщери дѣвицѣ Аннѣ весь въ великомъ потѣ, яко бы весь былъ съ кровію смѣшанъ. Такой потъ произошелъ отъ слабости тѣлесныхъ силъ, отъ усилія же въ подвигѣ противу царя и отъ того, что стрѣлы отъ словъ царскихъ глубоко пронзали сперва сердце его, и онъ былъ готовъ на всякъ часъ въ заточеніе. Удивилась дщерь его таковымъ видѣть. Доселѣ же не ѣлъ и не пилъ

кона нашего православнаго вообще относящихся, присвоено единственно типографіямъ духовнымъ. Свобода, отъ насъ дарованная на печатаніе книгъ въ свѣтскихъ публичныхъ и частными людьми заводимыхъ типографіяхъ, ни мало не противорѣчитъ сему узаконенію; ибо оная простирается на книги свѣтскія, къ пользѣ общественной служащія; и для того симъ повелѣваемъ наблюдать, дабы ни изъ одной свѣтской типографіи, или свѣтской книжной лавки, не были продаваемы молитвенники не отъ Синода изданные, тако жъ книги церковныя, или къ священному писанію, вѣрѣ, либо толкованію закона и святости относящіяся, кромѣ тѣхъ, кои напечатаны или въ синодальной, или иныхъ духовныхъ типографіяхъ, подъ вѣдомствомъ Синода нашего состоящихъ, или же отъ коммиссіи народныхъ училищъ съ дозволенія нашего изданы и впредь издаваемы будутъ. Вслѣдствіе сего во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, гдѣ найдутся въ продажѣ книги подобныя, не въ помянутыхъ духовныхъ типографіяхъ напечатанныя, или же не отъ коммиссіи народныхъ училищъ изданныя, оныя тотчасъ запечатавъ отдать подъ сохраненіе Синода". (Собраніе бумагъ Фотія к. II № 29). Этотъ указъ подтвержденъ былъ высочайшимъ указомъ, даннымъ 9 февраля 1802 года, и высочайше утвержденнымъ 9 іюля 1804 года уставомъ о цензурѣ. 17 ноября 1824 года вышелъ новый указъ, данный на имя министра народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова (напеч. въ „Прав. обозр.". 1868 г. ч. XXVI, стр. 542 и въ „Христ. Чтеніи" 1872 г. ч. I, стр. 671—675), подтверждавшій предшествовавшіе ему указы о непечатаніи книгъ религіознаго содержанія безъ вѣдома Синода и учрежденной имъ цензуры.

[1]) Фотій, отличающійся точностью въ показаніи времени представленій своихъ государю, умолчалъ здѣсь о числѣ, въ которое онъ представлялся государю, когда послѣдній дѣлалъ ему выговоръ за анаѳему, произнесенную кн. Голицыну. Изъ другихъ бумагъ Фотія видно, что Фотій имѣлъ аудіенцію у государя въ Зимнемъ дворцѣ 14 іюня 1824 года, которая продолжалась три часа („Русск. Старина" 1882 г. мартъ, стр. 772. Чтеніе въ общ. пст. и древн. 1868 г. кн. 1. Смѣсь стр. 269). А. С. Шишковъ (Записки — стр. 92)), объ этой аудіенціи говоритъ, что Фотій „вскорѣ" позванъ былъ къ государю, что̀ поставило въ затрудненіе г. Пыпина („Вѣстникъ Европы" 1868 г. ноябрь, стр. 262), который склоненъ видѣть ошибку въ показаніяхъ Фотія о своихъ свиданіяхъ съ государемъ.

еще, ибо былъ постенъ у царя. Тако всегда и прежде дѣлалъ: не уповалъ бо на силы ума, разума, крѣпость тѣла, но на благодать Божію въ дѣлѣ Его святомъ и оттуда ожидалъ милости. Повѣдалъ дщери своей все подробно; она же дивилась, благодаря Бога, како Онъ все строитъ на пользу. Не могъ же ни ясти, ни пити у нея: ему все тошнило, не принимала утроба пищи, алчбы и жажды не имѣлъ; имѣлъ же на сердцѣ радость многую въ тайнѣ и воспѣвалъ пѣснь Богу глаголя: съ нами Богъ! Изъ дому дѣвицы прибылъ къ архіерею своему Серафиму митрополиту, все повѣдалъ ему, что можно. Никогда всего не говорилъ онъ ему, дабы его въ унынiе не привести, ибо все не могъ онъ терпѣть. А дщери единой все повѣдывалъ всегда: та бо, хотя дѣвица, но имѣла духъ яко крѣпка и велика мужа. Митрополитъ, слышавъ реченное все и увидѣвъ, что врагъ не одолѣлъ Фотія, яко единаго отъ стада Христова воина-ратоборца, радовался, благословлялъ Бога и его лобзалъ благословляя; видѣвъ же весьма его утомленна, вскорѣ отступилъ на нощный покой.

Пребывъ мало послѣ свиданія съ царемъ и не успѣвъ тайно даннаго мнѣ порученія отъ царя, касающагося до самаго митрополита Серафима, исполнить, рѣшился ѣхать въ свой монастырь. Нужно было хотя единаго въ помощь въ Сунодъ вызвать архіерея, о чемъ государю предложилъ, что на время никого лучше вызвать нельзя, какъ кіевскаго митрополита Евгенія. Согласился царь его вызвать, но поручилъ Фотію такъ сдѣлать, чтобы какъ кіевскій Евгеній старшій митрополитъ [1]), то дабы не оскорбился Серафимъ и не согласенъ дать ему первенства въ Сунодѣ, и чтобы самъ Серафимъ о семъ доложилъ царю письмомъ, дабы отъ него дѣло началось. Зная, что сіе смутитъ Серафима, хотя и хотѣлъ ему многократно о семъ сказать, но уста не отворялись; а по сему съ Богомъ Фотій въ путь отправился, но заѣхалъ въ домъ прежде ко дщери; тамъ переговоривъ съ нею многое, опоздалъ въ нощь ѣхать и остался до утра, пребывъ нощь въ домѣ ея. По утру пришло на сердце его, возвратясь въ лавру, сказать Серафиму объ Евгенiи и все нужное къ тому. И тако прибылъ въ лавру рано, яко въ часъ 7-й утра; какъ безъ доклада всегда ходилъ къ митрополиту, то, поутру нечаянно пріѣхавъ, вошелъ въ его комнаты безъ доклада, шелъ, ища его. Взо-

[1]) По сану митрополита Серафимъ былъ старше (съ 15 марта 1819 года) Евгенія (съ 24 янв. 1822 года), но послѣдній имѣлъ старшинство предъ митрополитомъ Серафимомъ по степени занимаемой имъ епархіи, которая считается первою и старѣйшею митрополичьею каѳедрою. Въ послѣдующее время на практикѣ установился такой порядокъ въ Синодѣ, по которому новгородскій митрополитъ, онъ же и петербургскій, какъ имѣвшій постоянное пребываніе въ столицѣ, фактически занималъ первое кресло въ Синодѣ. Съ 18 октября 1892 года званіе первенствующаго члена Синода предоставлено митрополиту с.-петербургскому.

шелъ внутрь, гдѣ въ молитвенной кельи услышалъ, что онъ молится Богу, поминаетъ въ молитвахъ своихъ многихъ мірскихъ, а Фотія не поминаетъ, между тѣмъ какъ ему говорилъ увѣряя, что онъ молится о немъ всегда. Фотій же въ молитвахъ его нуждался, яко въ архіерейскихъ, воинъ на брани со всѣми врагами боряйся. Прочитавъ онъ молитвы свои, изшедъ, увидѣлъ его и воскликнулъ: «о сладкопоющій соловей! Какъ ты здѣсь? Кая вина?». Фотій же дабы не смутить, радость къ радости усугубляя, говорилъ въ веселіи духа ему: «Ты нуждаешься, владыко, въ человѣкѣ для пособія по Cvноду и по всѣмъ дѣламъ въ архіереѣ, старцѣ православномъ, весьма смысленномъ и ученомъ». Я посему объяснилъ волю цареву и все. Сперва онъ смутился, мня, что уже не на мѣсто ли его царь хощетъ кого вызывать; но Фотій все объяснилъ. Тогда Серафимъ, видя благоволеніе царя, согласился на вызовъ Евгенія писать къ царю [1]). Онъ же, все устроивъ добрѣ, принялъ благословеніе его и отправился въ путь свой. Ибо былъ весьма немощенъ; но паки въ домъ дщери прибылъ, гдѣ она, какъ весьма слабаго и больнаго, рѣшилась проводить, яко верстъ 60, и проводивъ видѣла, что перемѣна воздуха одного его оживляетъ въ пути, возвратилась въ Санктъ-Петербургъ. Онъ же, вскорѣ ѣхавъ, прибылъ въ монастырь свой 20 іюня: его же непрестанно стрегли сторожи, дабы пріѣздъ его видѣть и срѣтить. Тогда намѣстнику Петру онъ крестъ златый у царя исходатайствовалъ, яко той его любилъ. Когда Фотій пріѣзжалъ къ стѣнамъ обители, срѣтили его со славою и звономъ слабаго, съ крестомъ во вратахъ монастырскихъ; не думали же, что будетъ живъ и будетъ паки въ обители, а потому какъ бы его снова въѣзжающаго въ монастырь срѣтили съ пѣніемъ божественнымъ и радовались весьма. Фотій же, въ церковь пришедъ, приложился ко святому престолу и ко святымъ иконамъ, цѣловалъ намѣстника и всѣхъ братій, и началъ отдыхать послѣ. Въ обители же нашелъ онъ, что все въ порядкѣ дѣется. Кого слѣдовало благодарилъ, а иныхъ наградилъ за труды, въ небытность его понесенные.

(Окончаніе слѣдуетъ).

[1]) Митрополитъ Серафимъ дѣйствительно письмомъ на имя императора Александра I отъ 11 декабря 1824 года просилъ о вызовѣ въ Синодъ кіевскаго митрополита Евгенія. «Русскій Архивъ» 1868 г., стр. 940—942.

Указъ изъ Санктъ-Петербургскаго губернскаго правленія, объ именованіи прапорщика Шервуда—Шервудъ-Вѣрный.

Правленіе сіе слушавъ указъ Правительствующаго Сената по I деп. отъ 14 іюня сего года за № 27.594, въ коемъ напечатано: По имянному его императорскаго величества высочайшему указу, данному Правительствующему Сенату іюня въ 1-й день; за собственноручнымъ его величества подписаніемъ, въ которомъ изображено: «Въ ознамѣнованіе особеннаго благоволенія нашего и признательности къ отличному подвигу, оказанному лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка прапорщикомъ Иваномъ Шервудомъ противъ злоумышленниковъ, посягавшихъ на спокойствіе, благосостояніе государства и на самую жизнь блаженныя памяти государя императора Александра I-го всемилостивѣйше повелѣваемъ: къ нынѣшней фамиліи его прибавить слово Вѣрный, и впредь, какъ ему, такъ и потомству его, именоваться Шервудъ-Вѣрный. Правительствующему Сенату поручаемъ составить приличный для сей фамиліи гербъ и представить оный къ нашему утвержденію». Опредѣлило: О семъ, съ прописаніемъ означеннаго указа, дать знать всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ и лицамъ, равнымъ сообщеніями, а подчиненнымъ указами. Августа 20-го дня 1826 года.

ВОСПОМИНАНІЯ, МЫСЛИ И ПРИЗНАНІЯ ЧЕЛОВѢКА, ДОЖИВАЮЩАГО СВОЙ ВѢКЪ СМОЛЕНСКАГО ДВОРЯНИНА.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ [1]).

Пріѣздъ Николая Павловича въ Москву.—Иностранные принцы въ московскомъ трактирѣ.—Филаретъ.—Популярность князя Голицына и Ермолова.—Танцовщица Лебедева.

Въ предыдущей главѣ я слишкомъ много занималъ благосклонное вниманіе читателя моею собственною особою, за что и прошу у него великодушнаго прощенія: «что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ». Зато теперь, покончивъ съ моимъ личнымъ существованіемъ, я хочу разсказать обо всемъ томъ, что въ теченіе двухлѣтняго моего пребыванія въ матушкѣ-Москвѣ случилось мнѣ видѣть болѣе или менѣе замѣчательнаго, а также и помянуть о тѣхъ лицахъ, съ которыми доводилось сталкиваться внѣ университета.

Прежде всего я долженъ разсказать о томъ, что скоро же послѣ моего поступленія въ университетъ я удостоился видѣть, въ первый и послѣдній разъ въ жизни, того великаго самодержца Россіи, о которомъ и до настоящаго времени сужденія до безконечности разнообразны. Въ концѣ августа или въ началѣ сентября, по Москвѣ разнесся слухъ, что императоръ скоро туда пріѣдетъ, и намъ, студентамъ, было строго приказано ходить не иначе, какъ въ мундирахъ, причемъ субъ-инспекторы усердно намъ преподавали, какъ должны мы поступать въ случаѣ

[1]) См. „Русскую Старину“, мартъ 1896 г.

встрѣчи съ государемъ на улицѣ. Слѣдовало остановиться, спустить съ лѣваго плеча шинель, «для того чтобы открыть оружіе», объяснялъ бывшій гусаръ Константинъ Петровичъ Іогель,—затѣмъ перевернуть шляпу рогами въ стороны и, приложа къ ней руку, стоять до тѣхъ поръ, пока государь проѣдетъ. Процедура эта была довольно сложна, и на репетиціяхъ многіе студенты исполняли ее до такой степени неловко, что начальство заранѣе приходило въ отчаяніе. Помню, что и я самъ боялся сдѣлать, при этомъ, какую-нибудь оплошность, а между тѣмъ мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть на императора, передъ которымъ я благоговѣлъ съ самаго ранняго возраста. Наконецъ, стало уже достовѣрно, что государь пріѣдетъ ночью и на другой день утромъ будетъ шествовать изъ дворца въ Успенскій соборъ. Чуть не до пѣтуховъ поднялись мы, втроемъ: я, мой двоюродный братъ и теперешній георгіевскій кавалеръ «Саска» Г—й. Облеклись мы въ мундиры и, даже отказавшись отъ утренняго чая, отправились въ Кремль. Площадь передъ дворцомъ была еще совершенно пуста, но мы были этимъ очень довольны и помѣстились у самаго Краснаго крыльца, съ твердымъ намѣреніемъ не уступать никому ни шага изъ занятой нами позиціи. Къ нашему счастью, однако, какой-то добродѣтельный прохожій предупредилъ насъ, что государь остановился не въ Большомъ, а въ Маломъ, такъ называемомъ, Николаевскомъ дворцѣ. Мы, разумѣется, немедленно же снялись съ нашей позиціи и на площадь передъ Малымъ дворцомъ пришли положительно первыми. По выходѣ государя на площадь, гдѣ были мы, какъ-то вдругъ, разомъ сдѣлалась уже самая невозможная давка. Послѣ долгаго ожиданія изъ дворца, наконецъ, выскочилъ какой-то человѣкъ въ красной ливреѣ и торопливо махнулъ бѣлымъ платкомъ по направленію къ колокольнѣ Ивана Великаго. Какъ громовой ударъ грянулъ большой колоколъ, и понеслись надъ Москвою густыя волны величественнаго звука... въ то же мгновеніе на крыльцѣ дворца появилась еще болѣе величественная фигура государя, который былъ въ общегенеральской формѣ, въ лосиныхъ брюкахъ и ботфортахъ; онъ стоялъ на крыльцѣ, надѣвая перчатку на лѣвую руку. Народъ вдругъ откуда-то началъ валить цѣлыми толпами. Государь шелъ медленно по направленію къ Успенскому собору, и во время его шествія «ура» ревѣло не умолкая.

Въ тотъ же день вечеромъ я, уже одинъ, опять пошелъ въ Кремль, въ надеждѣ еще разъ увидѣть государя. У подъѣзда Малаго дворца, находящагося противъ колокольни Ивана Великаго, не было замѣтно никакого движенія, и я обогнулъ дворецъ, думая, что буду счастливѣе у другаго—выходящаго на Москву-рѣку. На этомъ подъѣздѣ и около него стояла небольшая кучка людей, въ числѣ которыхъ мнѣ бросилась въ глаза какая-то пожилая барыня, въ плохонькомъ салопѣ и ста-

ромодной шляпкѣ; а изъ рукъ этой барыни полиціймейстеръ, полковникъ Давыдовъ, старался вырвать какую-то бумагу. Барыня не давала, размахивала руками и бранилась, но полиціймейстеръ все-таки бумагу у нея вырвалъ, а одержавъ побѣду, обернулся ко мнѣ и объявилъ, что стоять здѣсь мнѣ нельзя, потому что сейчасъ подъѣдетъ государь. Нечего дѣлать, я отошелъ и не успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ по набережной, въ коляскѣ, запряженной четвернею вороныхъ лошадей въ рядъ, проѣхалъ государь. Я остановился, думая, несмотря ни на какія запрещенія, опять пробраться къ подъѣзду, но государь проѣхалъ мимо по направленію къ Спасскимъ воротамъ, и это былъ послѣдній разъ, когда мнѣ случилось его видѣть.

Почти одновременно съ пріѣздомъ въ Москву императора Николая Павловича, немного ранѣе или немного позже, пріѣзжалъ туда также, въ августѣ 1853 года, принцъ Оранскій съ своею супругою. Былъ ли это теперешній король нидерландскій, или какой-нибудь другой — сказать навѣрное не умѣю, но его видѣть мнѣ случилось два раза. Въ первый разъ это было въ университетскихъ нумерахъ. Студенты сидѣли за ужиномъ, когда въ столовую неожиданно вошелъ попечитель, ведя подъ руку какую-то весьма некрасивую и немолодую даму въ огромной шляпкѣ въ родѣ кибитки и коричневомъ салопѣ, а позади ихъ шелъ длинный, худой и рыжій господинъ въ черномъ пальто со свѣтлыми пуговицами (это пальто было такой же формы, какую, въ настоящее время, носятъ всѣ военные и у насъ; но въ то время оно казалось чѣмъ-то необычайнымъ). Молча, ни на кого не глядя, прошли эти посѣтители до конца столовой и обратно, не разговаривая ни о чемъ даже между собою, а затѣмъ уѣхали ранѣе, нежели окончился нашъ ужинъ. На другой день послѣ этого, вечеромъ, дядя Александръ Львовичъ, еще не успѣвшій уѣхать изъ Москвы, повелъ сына своего и меня въ Новотроицкій трактиръ ужинать. Только-что мы усѣлись за столъ, какъ въ трактиръ вошелъ вчерашній принцъ и, точно такъ же, не снимая верхняго платья, прошелъ, въ сопровожденіи бывшаго съ нимъ, состоявшаго при генералъ-губернаторѣ, коротенькаго и толстенькаго полковника Бахметева, по всѣмъ комнатамъ, не говоря ни слова и скромно опустя глаза. При входѣ ихъ, сначала никто не обратилъ ни малѣйшаго вниманія, но когда я сказалъ моимъ собесѣдникамъ, что это принцъ и что я вчера видѣлъ его въ университетѣ, то половые, прослышавъ это, засуетились, и когда посѣтители шли обратно къ выходу—на ихъ дорогѣ стояла уже цѣлая толпа, провожая ихъ почтительными поклонами. Вѣроятно принцу показывали Новотроицкій трактиръ въ качествѣ одной изъ московскихъ оригинальностей.

Въ 1855 году Москвою управлялъ знаменитый графъ Арсеній

Андреевичъ Закревскій, а митрополитомъ былъ еще болѣе знаменитый Филаретъ. Оба эти лица давно уже извѣстны всей Россіи.

Митрополита Филарета мнѣ случалось видѣть нѣсколько чаще. Еще во время моего дѣтства я уже твердо зналъ его физіономію по тѣмъ многимъ портретамъ, которые попадались на глаза; но, по этимъ же портретамъ, болѣе или менѣе на него очень похожимъ, я почему-то составилъ себѣ убѣжденіе, что онъ долженъ быть высокаго роста. По пріѣздѣ въ Москву, одною изъ первыхъ заботъ было — гдѣ-нибудь увидѣть митрополита, и 6-го августа, въ день Преображенія Господня, узнавъ, что онъ будетъ служить обѣдню въ Новоспасскомъ монастырѣ, мы съ отцомъ отправились туда. Когда митрополитъ появился въ царскихъ вратахъ, то я сейчасъ же его узналъ: за толпою мнѣ видна была только одна его голова, и въ первую минуту я подумалъ, что онъ стоитъ на колѣняхъ; только впослѣдствіи я разглядѣлъ, какъ былъ онъ малъ ростомъ, въ особенности въ сравненіи съ тѣмъ, какимъ я его себѣ воображалъ. Послѣ нѣсколькихъ разъ, когда мнѣ случилось видѣть митрополита Филарета, у меня составилось убѣжденіе въ томъ, что въ основѣ своего характера это долженъ быть человѣкъ деспотичный, холодный, безконечно-самолюбивый, но во имя идеи умѣющій очень искусно маскироваться. Само собою разумѣется, что это мое убѣжденіе было основано ни на чемъ иномъ, какъ на внутреннемъ чувствѣ, но еще въ то время случалось мнѣ слышать отъ современныхъ мнѣ студентовъ университета, прежде бывшихъ воспитанниками Московской семинаріи, кое-какіе разсказы, которые скорѣе подтверждаютъ, нежели опровергаютъ, вышеизложенное мнѣніе.

Впрочемъ, однажды мнѣ случилось быть свидѣтелемъ также и величайшаго примѣра кротости и самоотверженія, явленныхъ митрополитомъ Филаретомъ публично. Какъ-то разъ онъ совершалъ литургію въ Благовѣщенскомъ соборѣ; нѣсколько студентовъ, въ числѣ которыхъ былъ и я, не попали въ соборъ по случаю тѣсноты и остались у входа ожидать окончанія обѣдни. Довольно долго мы воевали съ квартальнымъ, почему-то находившимъ наше здѣсь присутствіе несогласнымъ съ буквою закона, а затѣмъ все-таки остались, говоря по совѣсти—болѣе изъ упорства. Между тѣмъ, обѣдня окончилась, и народъ началъ выходить изъ собора. Тотъ же квартальный употреблялъ всѣ свои душевныя и физическія способности для того, чтобы убѣдить народъ расходиться поскорѣе и не тѣсниться вокругъ подъѣхавшей кареты митрополита; но все оказывалось тщетнымъ: народъ не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія, а когда вышелъ митрополитъ, то такъ усердно кинулся подъ благословеніе, что огромное стекло кареты разлетѣлось въ дребезги и осколки его осыпали все сидѣнье. Квартальный поблѣднѣлъ, какъ платокъ, а митрополитъ, появившійся въ дверяхъ, какъ теперь вижу, въ

лиловой атласной шубкѣ, подбитой шиншилой, остановился, благословилъ всѣхъ терпѣливо, и на его строгомъ и вмѣстѣ ангельски кроткомъ ликѣ не было замѣтно даже малѣйшей тѣни какого-либо движенія. А затѣмъ, онъ спокойно сѣлъ въ карету на самые осколки, даже не приказавъ ихъ отстранить.

Кромѣ этихъ двухъ тогдашнихъ московскихъ знаменитостей, то-есть Закревскаго и Филарета, въ то время гремѣли еще двѣ другія, которыхъ мнѣ также случалось видѣть; это были—князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ и Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Князь Голицынъ былъ почему-то очень популяренъ посреди простаго московскаго народонаселенія; оно его такъ и величало просто по имени и отечеству, и мнѣ не разъ случалось отъ разныхъ купцовъ, мѣщанъ или лавочниковъ слышать различные разсказы, даже не всегда вѣроятные, о его богатствѣ, важности, всемогуществѣ и оригинальномъ образѣ жизни. Быть можетъ, большинство этихъ разсказовъ были плодомъ личной фантазіи разсказчиковъ и не выражали даже ничего особенно характернаго, кромѣ развѣ того, что могли служить доказательствомъ существованія, въ мысляхъ и понятіяхъ простаго народа, идеала могущественнаго и вмѣстѣ не грознаго русскаго вельможи, назначеніе котораго—способствовать увеличенію народной славы и изливать изъ себя всякую благодать. Мнѣ случалось не разъ видѣть князя Сергѣя Михайловича, но всегда только по случаю какого-либо торжества, то-есть постоянно въ парадномъ облаченіи; онъ былъ именно таковъ, какимъ изображенъ на извѣстномъ портретѣ, написанномъ во весь ростъ академикомъ Зарянко и въ настоящее время находящемся въ Румянцевскомъ музеѣ. На расшитомъ, чуть не сплошь, золотомъ придворномъ мундирѣ, онъ почти постоянно носилъ только два ордена: андреевскую звѣзду, конечно съ лентою, и портретъ государя на шеѣ, также на андреевской лентѣ; и то и другое было густо усыпано великолѣпнѣйшими брильянтами. На упомянутомъ портретѣ эти брильянты изображены такъ натурально, что даже кажутся сверкающими. Маленькій, сѣденькій, съ коротко остриженными густыми волосами и небольшимъ хохолкомъ, чопорный старичекъ,—онъ всегда важно выступалъ посреди почтительно разступавшейся, по собственному побужденію, толпы, и было не трудно замѣтить, что его популярность доставляетъ ему нѣкоторое удовольствіе.

Ермоловъ былъ въ равной степени популяренъ въ средѣ простыхъ обывателей, но его популярность была уже нѣсколько инаго рода. Въ окнѣ извѣстнаго эстампнаго магазина Даціаро, на Кузнецкомъ мосту, долгое время былъ выставленъ портретъ Ермолова, уже такимъ, какимъ онъ былъ въ послѣдніе годы своей жизни. Не разъ случалось мнѣ слышать, какъ уличные мальчишки, остановясь цѣлою толпою передъ портретомъ, сообщали другъ другу, съ яснымъ выраженіемъ почтенія въ

голосѣ, о томъ, что, молъ, это—«Алексѣй Петровичъ». Въ Москвѣ, въ то время, Ермоловъ былъ чѣмъ-то въ родѣ монумента, только живаго; но видѣть этотъ монументъ, не на портретѣ, могли только тѣ, кто къ нему имѣлъ доступъ, потому что онъ, какъ всѣ говорили, почти никогда не выѣзжалъ изъ дома. И мнѣ самому случилось его видѣть разъ въ жизни, только благодаря тому, что въ январѣ 1855-го года праздновался столѣтній юбилей Московскаго университета, который былъ почтёнъ присутствіемъ также и знаменитаго полководца. Онъ былъ у обѣдни въ университетской церкви, а затѣмъ, вечеромъ, на актѣ; но видѣть въ церкви кого бы то ни было, кромѣ стоявшихъ вблизи, по случаю тѣсноты не было никакой возможности. Мнѣ, однако, по выходѣ отъ обѣдни, посчастливилось очутиться рядомъ съ нимъ, и тутъ-то я и имѣлъ возможность довольно продолжительно и подробно разсмотрѣть Ермолова. Въ это время, помнится, ему еще не кончилось семидесяти лѣтъ, но казался онъ уже очень дряхлымъ, хотя, глядя на него, легко было понять, что въ молодости онъ долженъ былъ обладать и красотою, и величіемъ, и богатырскою силою. Огромнаго роста, онъ былъ уже до того согбенъ, что его мундиръ, въ то время однобортный, не могъ застегиваться на верхнія пуговицы, и высочайшій воротникъ его оттопыривался далеко позади затылка. Ермоловъ былъ одѣтъ въ простой конно-артиллерійскій мундиръ, съ нумеромъ на кованныхъ эполетахъ и съ коротенькими фалдами; широчайшіе синіе рейтузы почти спускались съ пояса, андреевская лента какъ-то небрежно, не то неуклюже была перекинута черезъ плечо, а на шеѣ болтался огромнѣйшій георгіевскій крестъ. Онъ довольно долго стоялъ, совершенно одиноко на площадкѣ церковной лѣстницы, ожидая своего экипажа, и когда, наконецъ, университетскій синдикъ, съ любезнѣйшею улыбкою, подскочилъ съ докладомъ о томъ, что лошади поданы, то Ермоловъ медленно началъ опускаться съ лѣстницы, одною рукою опираясь на длиннѣйшую кавалерійскую саблю въ металлическихъ ножнахъ, а другою чуть не давя поддерживавшаго его съ правой стороны коротенькаго и толстенькаго синдика. Историческая львиная грива Ермолова, въ то время уже какъ-то зеленовато-бѣлая, спускалась такъ низко на невысокій лобъ, что почти закрывала еще чернѣвшія брови, а изъ-подъ этихъ густыхъ бровей тускло и безжизненно глядѣли небольшіе каріе глаза, когда-то, какъ говорятъ, метавшіе молніи; борода была небрита, видимо, въ теченіе нѣсколькихъ дней. По врожденному мнѣ жадному любопытству видѣть все то, что знаменито болѣе или менѣе, я оставался на завоеванномъ мною на площадкѣ посту, съ тою цѣлью, чтобы видѣть какъ можно ближе и болѣе лицъ подобнаго рода, а по этому случаю видѣлъ и то, какъ сіяла вся фигурка синдика, когда онъ возвратился на площадку, проводя знаменитаго гостя.

Впрочемъ, съ не меньшимъ любопытствомъ я разыскивалъ и разглядывалъ и всѣхъ другихъ сильныхъ или знаменитыхъ міра сего.

Съ того же занятаго мною поста, послѣ окончанія юбилейной обѣдни, на церковной площадкѣ, я увидѣлъ въ первый разъ и Михаила Петровича Погодина, также не менѣе значительную московскую знаменитость. Я узналъ его по академическому мундиру и по многочисленнымъ описаніямъ, слышаннымъ отъ бывшихъ нашихъ учителей, а его учениковъ, такъ какъ въ то время его портреты не были особенно распространены. Но Погодинъ, въ то время, такъ быстро проскочилъ мимо, что мнѣ не было возможности разсмотрѣть его хорошо, а могъ я только догадаться, что это онъ, и запомнить его черты; разглядѣть же его уже совершенно вблизи довелось мнѣ въ другой разъ и вотъ по какому случаю. Въ то время на московскомъ театральномъ горизонтѣ начинала загораться еще хотя очень юная, но уже яркая звѣздочка, которой въ непродолжительномъ времени было суждено стать блестящею кометой. Это была шестнадцатилѣтняя воспитанница театральной школы Прасковья Прохоровна Лебедева. Такъ какъ Большой театръ въ то время стоялъ въ развалинахъ, послѣ знаменитаго пожара, то балетныя представленія давались только изрѣдка на Маломъ театрѣ, сцена котораго имѣла для нихъ очень мало удобствъ; да и то ставились не цѣлые балеты, а только небольшіе отрывки. Такимъ образомъ ставились отрывки изъ балетовъ: «Жизель», «Катарина или дочь разбойника» и еще другихъ, названія которыхъ я теперь позабылъ. Вотъ въ этихъ-то отрывкахъ и начала дебютировать Лебедева, помнится, даже еще не имѣя полныхъ шестнадцати лѣтъ. Трудно изобразить словами то впечатлѣніе, которое она производила своею юною, безконечно граціозною, свѣжею и чистою фигуркою и своимъ умнымъ, выразительнымъ личикомъ, которое хотя въ строгомъ смыслѣ и нельзя бы было назвать хорошенькимъ, было такъ обворожительно и мило, что нельзя было на него наглядѣться. Слава ея родилась и быстро упрочилась въ теченіе зимняго сезона 1854—1855-го годовъ, и подъ конецъ его уже не было возможности добиться билета на тѣ представленія, въ которыхъ она участвовала. Живо помню страшный фуроръ, какой производило «болеро», которое она танцовала, помнится, въ балетѣ «Гитана», вдвоемъ съ своимъ учителемъ Монтасю; ихъ такъ настойчиво заставляли повторять танецъ по нѣскольку разъ, что иногда даже становилось досадно глядѣть на эту глупую публику, такъ грубо злоупотребляющую своею властью. Этотъ восторгъ, однако, былъ вполнѣ понятенъ, потому что трудно даже вообразить себѣ что-либо болѣе изящное. Монтасю, хотя уже въ то время далеко не молодой человѣкъ, замѣтно нѣсколько отяжелѣвшій, но все еще молодецъ, въ живописномъ испанскомъ костюмѣ изъ голубаго шитаго золотомъ бархата, былъ такъ, видимо, увлекаемъ своею восхититель-

ною ученицею, что молодѣлъ лѣтъ на двадцать, и танецъ исполнялся такъ гармонично и съ такою неподдѣльною страстью, что публика просто ревѣла. Вотъ, въ одно-то изъ такихъ представленій, я очутился рядомъ, въ одномъ изъ заднихъ рядовъ креселъ, съ тѣмъ самымъ академикомъ, котораго я видѣлъ во время юбилея.

Старикъ приходилъ въ неистовый восторгъ: безпрестанно аплодировалъ, топалъ ногами и чуть ли не на весь театръ кричалъ: «что за прелесть! вѣдь испортятъ, подлецы! непремѣнно испортятъ!» Не будучи, однако, вполнѣ увѣренъ въ томъ, что это именно Погодинъ, я во время антракта обратился съ вопросомъ объ этомъ къ первому встрѣчному. Спрошенный, съ нѣкоторымъ удивленіемъ, оглядѣлъ мой студенческій мундиръ и какъ будто презрительно отвѣтилъ: «да какъ же вы-то сами этого не знаете? это — Погодинъ».

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Празднованіе столѣтняго юбилея Московскаго университета. — Труппа Малаго Московскаго театра; актеры-Соколовъ, Востоковъ, Шумскій, Разсказовъ, Щепкинъ, Садовскій и другіе.

Настоящую главу я начну съ описанія празднованія столичнаго юбилея Московскаго университета, а вмѣстѣ съ тѣмъ скажу нѣсколько словъ о тѣхъ знаменитостяхъ, которыхъ мнѣ случалось видѣть и о которыхъ я не могъ упомянуть безъ связи съ празднованіемъ юбилея.

По опредѣленному заранѣе порядку, юбилей долженъ былъ праздноваться такъ: 12-го января — торжественная обѣдня, а вечеромъ — торжественный же актъ; 13-го — обѣдъ для гостей, а 14-го — обѣдъ для студентовъ и университетскаго начальства. Самое торжество акта должно было состоять изъ нѣсколькихъ стдѣленій, въ числѣ которыхъ у меня остались въ памяти: рѣчь профессора Шевырева, стихи его же сочиненія, которые долженъ былъ произнести студентъ юридическаго факультета Чернышевъ, и кантата съ хорами, сочиненная по этому же случаю начальникомъ московскихъ театровъ Верстовскимъ, которую предполагалось исполнить при участіи театральнаго оркестра и театральныхъ же хористовъ.

За нѣсколько дней до акта, произнесенію стиховъ и кантаты производилась репетиція въ той же залѣ университета, гдѣ они должны были осуществиться, и на эту репетицію я, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ студентовъ, смотрѣлъ и, разумѣется, слушалъ. Оркестръ и хористы помѣщались на хорахъ актовой залы, куда пробрались и мы, а Верстов-

скій, Чернышевъ, Шевыревъ и инспекторъ Веселаго были внизу. А. Н. Верстовскій, авторъ извѣстной оперы «Аскольдова могила», былъ въ то время человѣкъ уже старый. Онъ былъ лысъ, сѣдъ, имѣлъ фигуру генеральскую и видъ чрезвычайно важный. Репетиція началась съ декламаціи стиховъ Шевырева, и студентъ Чернышевъ, ставъ на каѳедрѣ, началъ было произносить ихъ довольно просто, то-есть не прибѣгая ни къ какимъ жестамъ или восклицаніямъ.

Вотъ первая строфа этихъ стиховъ:

Возвеселись, обитель просвѣщенья!
Великій день восходитъ надъ тобой:
Отечество по волѣ Провидѣнья
Срѣтаетъ днесь столѣтній праздникъ твой!

Но Чернышевъ не успѣлъ договорить эту первую строфу, какъ Верстовскій остановилъ его, и даже на хорахъ ясно было слышно, какъ онъ объявилъ, что «такъ просто читать нельзя»... Затѣмъ, онъ началъ показывать, какъ надо это дѣлать. «Возвеселись!»—при этомъ непремѣнно надлежитъ поднять правую руку къ верху, отдѣля отъ нея указательный палецъ, и держать ее въ такомъ положеніи до конца первой строки. Затѣмъ, при произнесеніи третьей и четвертой строкъ слѣдовало руку опустить и только немного потрясать ею до конца первой строфы. Такимъ образомъ всѣ стихи должны были быть сказаны съ разнообразными жестами. Бѣдняга Чернышевъ повиновался молча и, согласно этимъ указаніямъ, продекламировалъ стихи, даже во время акта. Необходимо сказать, что это былъ тотъ самый Чернышевъ, который впослѣдствіи сдѣлался извѣстенъ, какъ любитель-актеръ и съ огромнѣйшимъ успѣхомъ игралъ на сценѣ московскихъ Императорскихъ театровъ шекспировскія роли, преимущественно Гамлета.

Обѣдню и все, что видѣлъ послѣ нея, я уже очертилъ въ предыдущихъ главахъ, а торжественный актъ начался часовъ въ семь вечера. Не очень обширная актовая зала была почти сплошь заставлена стульями, въ нѣсколько рядовъ, а впереди, вокругъ каѳедры, былъ установленъ довольно обширный кругъ креселъ, исключительно для важныхъ особъ. Очень быстро въ залѣ распространились такая жара и духота, что трудно было выносить, но уходить изъ нея было нельзя, подъ страхомъ лишиться возможности попасть туда снова. Было установлено, что входъ въ залу будетъ допущенъ для всѣхъ, кромѣ студентовъ и особо-важныхъ лицъ, не иначе, какъ по билетамъ, но, должно быть, первое время за этимъ слѣдили не очень строго, и зала наполнялась такъ быстро, что были приняты мѣры болѣе энергичныя. Для лицъ важныхъ, входившихъ безъ билета, былъ открытъ особый ходъ, черезъ желѣзныя, рѣшетчатыя двери, ведшія въ одну изъ залъ университетской библіотеки,

и у этихъ дверей ихъ встрѣчало и привѣтствовало высшее университетское начальство; а для публики болѣе обыкновенной предназначался входъ подъ хорами, который былъ охраняемъ университетскимъ полиціймейстеромъ, штабсъ-ротмистромъ Новиковымъ, отбиравшимъ билеты. Когда высшее начальство прибыло уже все, то безбилетная публика, испытавъ энергическій отпоръ у входа, охраняемаго Новиковымъ, сдѣлала быструю диверсію и неудержимымъ потокомъ хлынула къ желѣзнымъ дверямъ. Бѣдняга Новиковъ, вѣроятно, уже успѣвшій получить хорошій нагоняй за то, что напустилъ много лишней публики, поспѣшно заперъ на ключъ входъ подъ хорами и со всѣхъ ногъ бросился къ желѣзной двери, въ которую уже успѣло проскользнуть нѣсколько счастливцевъ, бывшихъ впереди. Самымъ отчаянно-энергичнымъ движеніемъ онъ захлопнулъ обѣ половины дверей, болѣе похожихъ на ворота, и началъ ими оттискивать назадъ все болѣе напиравшую публику, которая не очень-то охотно поддавалась этому маневру. Но, наконецъ, Новиковъ все-таки одолѣлъ и, торжествуя, повѣсилъ на двери огромнѣйшій замокъ, ключъ отъ котораго упряталъ въ карманъ. Передовые инсургенты все-таки не смирились и начали пробовать надавить рѣшетчатую дверь, но, вѣроятно, она не такъ-то легко подавалась, и они оказались положительно къ ней придавленными, такъ какъ задняя публика продолжала напирать. Зрѣлище это представляло нѣчто въ родѣ звѣринца, такъ какъ ломившаяся публика была самая разнообразная. Отбивъ силою штурмъ инсургентовъ, бѣдный Новиковъ опять устремился къ своему прежнему посту, у котораго также уже успѣло собраться изрядное число чающихъ движенія воды, но публика эта была уже иного сорта: все мундиры, съ бѣлыми штанами, а нѣкоторые и съ дамами, разодѣтыми по-бальному. Здѣсь сила была не у мѣста; полиціймейстеръ уже очень нѣжно обращался къ каждому, желающему войти, очень деликатно прося его предъявить билетъ.

Главнымъ и даже чуть ли не единственнымъ говорящимъ лицомъ на этомъ актѣ былъ все тотъ же Степанъ Петровичъ Шевыревъ; даже можно, кажется, утвердительно сказать, что онъ былъ вполнѣ единственнымъ, потому что, помнится, онъ же, въ качествѣ секретаря совѣта, читалъ, обычный на всѣхъ актахъ, годовой отчетъ. Онъ же говорилъ устами студента Чернышева, и онъ же, битыхъ два часа, произносилъ какую-то рѣчь, которую едва-ли кто слушалъ. Впрочемъ, этотъ актъ не одинъ разъ описанъ во всѣхъ его подробностяхъ, и мнѣ нѣтъ надобности о немъ распространяться. Актъ продолжался часовъ до двѣнадцати, и думаю, что всѣ находившіяся на немъ высокопоставленныя лица, какъ, напримѣръ: митрополитъ Филаретъ, графъ Закревскій, Ермоловъ и, въ особенности, оберъ-егермейстеръ графъ Гудовичъ, были очень довольны, когда онъ окончился.

Въ залѣ, гдѣ обѣдали студенты 14-го числа, для профессоровъ и вообще всего университетскаго начальства былъ накрытъ столъ особый, и за этимъ же столомъ, вмѣстѣ съ ними, обѣдалъ и самъ министръ народнаго просвѣщенія, почтеннѣйшій и симпатичнѣйшій старецъ Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ, авторъ извѣстнаго «Путешествія ко святымъ мѣстамъ», извѣстный также и своимъ глубокимъ благочестіемъ, нисколько непохожимъ на то ханжество, какимъ отличался его предшественникъ, князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ. Министръ пріѣхалъ въ Москву наканунѣ дня, назначеннаго для юбилея, и остановился въ самомъ зданіи стараго университета, у инспектора Ѳ. Ѳ. Веселаго. Его первое появленіе между студентами было въ университетской церкви, во время всенощной, происходившей наканунѣ, 12-го января; его наружность и обращеніе произвели на всѣхъ впечатлѣніе, внушавшее почтеніе и симпатію, которыя удваивались тѣмъ, что старецъ оказался инвалидомъ, потерявшимъ ногу въ Бородинскомъ сраженіи, чего многіе прежде не знали. Постукивая своею деревяшкою, министръ, войдя въ церковь, направился прямо къ группѣ студентовъ и усѣлся между ними на принесенномъ, вслѣдъ за нимъ, низенькомъ складномъ креслѣ. До начала и потомъ, по окончаніи всенощной, онъ все время ласково разговаривалъ со студентами, а одинъ изъ моихъ товарищей удостоился даже такой ласки, что министръ все время держалъ его за руку; на этомъ же самомъ мѣстѣ онъ и на другой день просидѣлъ всю обѣдню, облеченный въ синій, расшитый золотомъ мундиръ, который очень украшалъ его почтенную и благодушную фигуру. Во время описываемаго обѣда, когда министръ предложилъ обычный тостъ за процвѣтаніе университета, то нѣсколько подпившихъ студентовъ бросились къ нему, подхватили на руки и начали качать и подкидывать. Старецъ благодушно вытерпѣлъ эту глупѣйшую процедуру, и когда, наконецъ, освободился отъ нея, то обратился къ намъ съ рѣчью, въ которой съ замѣтнымъ чувствомъ сказалъ, что этотъ день навсегда останется въ его памяти, наравнѣ съ днемъ Бородинскаго сраженія, когда онъ имѣлъ счастье потерять ногу за отечество. На другой (а, можетъ быть, и на третій—не помню) день послѣ этого, насъ собрали въ круглую залу инспекторской квартиры, и мы застали тамъ въ сборѣ уже почти всѣхъ профессоровъ, а чрезъ нѣсколько минутъ, изъ внутреннихъ комнатъ, въ сопровожденіи хозяина, то-есть Ѳедосея Ѳедоровича, къ намъ вышелъ министръ. Остановясь посреди залы, онъ заговорилъ своимъ мягкимъ и добрымъ голосомъ: «Господа! сейчасъ только я былъ въ храмѣ Божіемъ. Тамъ не было никого, кромѣ меня и священника, и никто не мѣшалъ мнѣ молиться. И знаете ли, за кого я молился? За тѣхъ почтенныхъ профессоровъ и за тѣхъ прекрасныхъ студентовъ, которыхъ теперь я вижу предъ собою. Говорю все это отъ чистаго сердца: никогда, до

сихъ поръ, мнѣ еще не случалось видѣть такого избраннаго состава и учащихъ и учащихся». Затѣмъ, обратясь къ профессорамъ, онъ прибавилъ: «укажите мнѣ, господа, сами, кого изъ васъ мнѣ обнять на прощанье!» Старички-профессоры засуетились и зашептались между собою и, наконецъ, Андрей Ивановичъ Поль, съ тою улыбкою, немного подобострастною, которая всегда у него появлялась при разговорахъ съ начальствомъ, произнесъ: «Александра Григорьевича Фишера, ваше высокопревосходительство!» При этомъ, онъ же самъ выдвинулъ впередъ маленькаго ростомъ и какъ бы высушеннаго профессора-ботаника, который и выступилъ съ подобающимъ благоговѣніемъ въ довольно грузныя объятія почтеннаго начальника.

Отъ университетскаго юбилея перехожу къ Московскому Большому театру, сгорѣвшему въ 1853 году и остававшемуся въ такомъ видѣ до 1856-го года, когда онъ былъ возобновленъ ко дню коронаціи императора Александра II. Представленія всякаго рода происходили въ одномъ только Маломъ театрѣ.

Драматическая труппа того времени особенно многочисленна не была, но зато какіе крупнѣйшіе таланты сіяли въ ней: Щепкинъ, Садовскій, Шумскій, Самаринъ, Васильевъ, Живокини (отецъ), Никифоровъ! Кому не извѣстны эти имена и кто изъ видѣвшихъ когда-либо ихъ игру можетъ ее забыть, или сравнить съ нею игру хотя кого-либо изъ настоящихъ? По моему сужденію въ число этихъ звѣздъ первой величины было бы вполнѣ справедливо включить и еще двоихъ, хотя и не пользовавшихся равною съ ними славою и теперь, быть можетъ, уже вовсе позабытыхъ, а именно: Соколова и Востокова. Первый изъ нихъ игралъ почти постоянно въ водевиляхъ, въ роляхъ такъ называемыхъ «благородныхъ отцовъ», а изъ ролей серьезныхъ я помню его въ одной: Земляники въ «Ревизорѣ», которая, впрочемъ, также отчасти имѣетъ характеръ нѣсколько водевильный. Игра его была очень симпатична, и въ ней былъ виденъ какой-то, если можно такъ выразиться, внутренній, тихій и безпретенціозный комизмъ, и я всегда съ глубокимъ наслажденіемъ слушалъ фразы и даже отдѣльныя слова, произносимыя его мягкимъ, своеобразнымъ голосомъ, въ которомъ постоянно звучала какая-то живая нота. Въ особенности онъ былъ почти неподражаемъ въ томъ мѣстѣ роли Земляники, когда на замѣчаніе Хлестокова о томъ, что давеча онъ, кажется, былъ немного ниже ростомъ, онъ, немного подумавъ и какъ бы наконецъ что-то сообразя, пресерьезнымъ тономъ отвѣчаетъ: «а очень можетъ быть!». Или немного послѣ: когда, выложивъ передъ Хлестаковымъ всѣ свои достоинства, онъ вдругъ встаетъ, подходитъ къ нему и, наклонясь къ его уху, уже нѣсколько фамильярно, начинаетъ кляузничать: «а вотъ здѣшній судья...» и такъ далѣе. Востоковъ игралъ довольно рѣдко и по большей части въ водевиляхъ

своего же сочиненія, которыя, сколько помнится, были всегда забавны и не лишены остроумія, а также иногда исполнялъ роль Загорѣцкаго въ «Горѣ отъ ума», то-есть ту, которую обыкновенно игралъ Шумскій. Послѣдній былъ хорошъ безусловно, всегда и вездѣ, но собственно въ этой роли, сравнивая двухъ названныхъ исполнителей я, по моему личному взгляду, отдаю положительно Востокову преимущество. Шумскій былъ какъ-то слишкомъ благороденъ для этой роли и не могъ, а можетъ быть и не хотѣлъ, усвоить себѣ всѣ необходимыя для тонкости созданія роли манеры, которыя удивительно художественно передавалъ Востоковъ. Верхомъ совершенства у этого послѣдняго выходилъ тотъ моментъ, когда Загорѣцкій, сначала выдвинувшись впередъ, вдругъ «пропадаетъ» послѣ словъ Хлестовой: «плутишка онъ, картежникъ, воръ...» и такъ далѣе.

Рядомъ съ именами двухъ названныхъ артистовъ, то-есть Соколова и Востокова, слѣдуетъ поставить также и имя Разсказова, впрочемъ, появившагося на сценѣ нѣсколько позже. Въ то время онъ былъ еще только начинавшій свою дѣятельность юноша, но уже подававшій надежду замѣнить собою Васильева, о которомъ ходили слухи, что онъ скоро покинетъ вовсе сцену. Говоря объ остальныхъ артистахъ мужскаго персонала тогдашней труппы, ихъ можно, и даже должно, раздѣлить (упомянутые выше отсюда, конечно, исключаются) только на двѣ группы: недурныхъ и изъ рукъ вонъ плохихъ. Къ первой группѣ слѣдуетъ отнести: Ленскаго, Степанова, Дмитревскаго, Полтавцева, Нѣмчинова и пожалуй, въ нѣкоторыхъ роляхъ — Черкасова. Впрочемъ, этотъ послѣдній представлялъ собою какъ бы переходную ступень отъ первой группы ко второй, а къ этой второй и послѣдней, безъ всякихъ возраженій, принадлежали: Колосовъ, Усачевъ, Ольгинъ и Леонидовъ. Были, кажется, еще какіе-то, но припомнить ихъ теперь я уже не могу...

Женскій персоналъ труппы составляли: Сабурова 1-я (мать), Кавалерова, Львова-Синецкая, Акимова, Рыкалова; все это были такъ называемыя «старухи», хотя, можетъ быть, въ то время и не всѣ онѣ были дѣйствительными старухами. Молодыя же, и по лѣтамъ и по ролямъ, артистки были: Васильева, или какъ ее писали въ афишахъ: Лаврова-Васильева, Никулина-Косицкая, Бороздина 2-я, Медвѣдева, Колосова, Воронова, Сабурова 2-я (дочь)... а больше, помнится, и никого не было...

Начну съ тогдашняго патріарха московской сцены, то-есть Михаила Семеновича Щепкина. Еще съ дѣтства я не только слышалъ и читалъ о немъ много, но даже и съ его наружностью былъ знакомъ по портретамъ. Въ то время когда я поселился въ Москвѣ, Щепкинъ путешествовалъ за границею и возвратился только въ началѣ, а быть можетъ даже и въ концѣ 1854-го года. Первый спектакль, въ которомъ

онъ участвовалъ по возвращеніи и въ которомъ видѣлъ его я, была пьеса Гогоя «лИгроки», и въ ней онъ игралъ роль Степана Степеновича Утѣшительнаго. Когда Щепкинъ появился на сценѣ. то какъ будто по данному сигналу весь театръ, съ верху до низу, началъ хлопать въ ладони какъ одинъ человѣкъ, и аплодисменты эти вовсе не были сопровождаемы ни криками, ни топаньемъ ногъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ большинствѣ случаевъ выраженія восторга публики. Эти, если можно такъ выразиться, молчаливые аплодисменты, не умолкая и не ослабѣвая ни на секунду, продолжались минутъ, по крайней мѣрѣ, пять, въ теченіе которыхъ старикъ, хотя и почтительно, но довольно холодно кланялся во всѣ стороны; но какъ только онъ сдѣлалъ движеніе, показывавшее, что онъ желаетъ начать играть, они опять загремѣли съ удвоенною силою. И такимъ образомъ, все это прерывалось и возобновлялось нѣсколько разъ въ теченіе, по крайней мѣрѣ, минутъ двадцати, такъ что, подъ конецъ, у растроганнаго и видимо взволнованнаго старика на глазахъ показались слезы; онъ схватилъ себя обѣими руками за сердце, сдѣлалъ низкій общій поклонъ и чуть-чуть не расплакался. Когда, наконецъ, публика смиловалась и дозволила ему начать роль, то онъ уже довольно долго не былъ въ силахъ сдѣлать этого, пока въ немъ не возстановилось необходимое спокойствіе.

Игра Щепкина была безспорно удивительна и преимущественно тѣмъ, что въ его дикціи не было никогда ни одного положительно слова, которое можно бы было назвать произнесеннымъ, какъ говорится, на вѣтеръ; то-есть: каждое слово, имъ произносимое, непремѣнно имѣло выраженіе, соотвѣтствовавшее тому смыслу, который вложилъ въ него авторъ, и произносилъ онъ его всегда какъ разъ съ тою степенью силы, какая ему была нужна. Подобная игра возможна только при имѣніи, кромѣ ума и глубокой наблюдательности, соединенной съ обдуманностью роли,—еще и большаго навыка къ сценѣ. Игра Щепкина, была дѣйствительно удивительна; слушая ее, нельзя было не сознавать, что его слава заслужена вполнѣ; но его талантъ, какъ художника, по моему мнѣнію, былъ далеко ниже талантовъ Шумскаго, Садовскаго и, пожалуй, даже и Васильева. Онъ не былъ именно такимъ художникомъ, который способенъ воплощаться въ изображаемое лицо и на время становиться другимъ человѣкомъ. Всегда и вездѣ передъ глазами зрителя впереди каждой роли былъ все одинъ и тотъ же многопочтеннѣйшій Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ, которому, въ тотъ или другой моментъ, захотѣлось назваться Утѣшительнымъ, или Кочкаревымъ, или Фамусовымъ; а эту послѣднюю роль, опять таки по моему личному сужденію, онъ даже и исполнялъ вовсе не такъ, какъ бы слѣдовало, и положительно не передавалъ многихъ ея тонкихъ оттѣнковъ. Талантами воплощаться въ играемую роль были въ высшей степени одарены Шум-

скій, Садовскій, а въ нѣкоторыхъ роляхъ и Васильевъ; первый же изъ нихъ безспорно можетъ быть названъ геніемъ, заслуживающимъ даже монумента. Объ его игрѣ можно было бы написать цѣлые томы, а глядя на него, невозможно было не чувствовать удивленія тому искусству, съ которымъ онъ преображался то въ тотъ, то въ другой типъ, въ созданіи котораго онъ участвовалъ никакъ не менѣе самого автора. Даже и въ такихъ роляхъ, гдѣ Шумскій могъ сохранять свою собственную наружность, не прибѣгая къ сложной гримировкѣ, онъ умѣлъ быть постоянно разнообразенъ, именно своимъ великимъ искусствомъ передавать самые тончайшіе оттѣнки изображаемаго типа, и никто не имѣлъ права сказать, что Шумскій, напримѣръ, Вихоревъ («Не въ свои сани не садись» Островскаго) похожъ на Шумскаго-Хлестакова. Всегда же и вездѣ онъ всего болѣе поражалъ зрителя, даже въ пустыхъ водевильныхъ роляхъ, какимъ-то, такъ сказать, внутреннимъ благородствомъ, какою-то постоянно его одушевлявшею мыслью, не засыпавшею ни на минуту и освѣщавшею ярко каждый его жестъ, каждый взглядъ каждый оттѣнокъ голоса. Передъ вами какъ будто воочію совершался процессъ творчества.

Провъ Михайловичъ Садовскій былъ также, безспорно, однимъ изъ величайшихъ художниковъ; но мнѣ кажется, что далеко не всѣ роли, или типы, были ему одинаково по силамъ, а еще менѣе того были согласны съ особенностями его природы. Въ роли, напримѣръ, Русакова («Не въ свои сани не садись») его игра была верхомъ совершенства и вѣнцомъ художественнаго исполненія. Вы видѣли передъ собою типъ въ каждомъ мельчайшемъ движеніи артиста: въ томъ, какъ онъ входилъ, глядѣлъ, садился, держалъ въ рукахъ шляпу, или пилъ чай—что все, впрочемъ, не особенно трудно для исполнителя, при умѣ и наблюдательности; но вмѣстѣ съ этимъ, вы видѣли также и даже нехотя, понимали, что такъ сомнѣваться, такъ скорбѣть, такъ сердиться или такъ радоваться, какъ дѣлалъ это Садовскій—способенъ только именно стоящій передъ вами, живой, русскій купецъ Максимъ Ѳедотычъ Русаковъ, или изображающій его великій художникъ. Гораздо менѣе мнѣ нравилось, или лучше сказать не нравилось вовсе, исполненіе Садовскимъ роли Любима Торцова («Бѣдность не порокъ»), въ свое время надѣлавшее столько шума, наплодившее столько толковъ и производившее невозможный фуроръ довольно долгое время. Другимъ «вѣнцомъ созданія» Садовскаго была роль Подколесина въ «Женитьбѣ» Гоголя. Третьимъ, наконецъ, самороднымъ перломъ игры Садовскаго было исполненіе роли Расплюева въ «Свадьбѣ Кречинскаго»; это было, впрочемъ, уже нѣсколько позже описываемаго времени и объ этомъ его исполненіи написано столько, что уже ничего новаго сказать болѣе нельзя.

Тезка Шумскаго, и по имени и по отчеству, Сергѣй Васильевичъ Васильевъ былъ собственно комикомъ водевильнымъ и, играя въ самыхъ даже пустыхъ пьескахъ, всегда умѣлъ возбуждать въ зрителяхъ истинно-задушевный смѣхъ, никогда не прибѣгая къ шутовству, но игралъ онъ не въ однихъ только водевиляхъ, и у него были роли такъ высоко-художественно исполняемыя, что его по справедливости слѣдуетъ поставить рядомъ съ Шумскимъ и Садовскимъ. Таковою, и пожалуй лучшею изъ всѣхъ, была роль Вани Бородкина, все въ той же «Не въ свои сани не садись», и, глядя на игру Васильева въ ней, было ясно, что не одинъ только смѣхъ способенъ онъ возбуждать, какъ думали прежде, но и слезы и душевныя волненія. Что же касается его таланта собственно комическаго, то онъ былъ самороденъ, какъ самоцвѣтный камень, и положительно неподражаемъ; даже въ его голосѣ было что-то особенное и въ немъ какъ будто постоянно закипалъ смѣхъ, даже тогда, когда онъ говорилъ серьезно. Способность его возбуждать въ зрителѣ постоянный, искренній, свѣжій и неудержимый смѣхъ усиливалась еще и тѣмъ, что иногда было замѣтно, какъ онъ, произнося ту или другую, уже очень смѣшную фразу, самъ едва удерживается, чтобы не захохотать, а между тѣмъ его лицо постоянно сохраняло самый серьезный, почти даже мрачный видъ; его жесты и движенія были комичны какъ-то сами собою, безъ малѣйшаго усилія.

Умѣлъ смѣшить публику также и Живокини, но его комизмъ былъ не такого сорта, какъ комизмъ Васильева. Живокини, если хотите, въ сущности былъ не болѣе какъ шутъ, но въ этомъ шутѣ все-таки было что-то такое, безъ чего московская сцена была бы не полна и чего вы бы не промѣняли на очень многое серьезное. Сама наружность его была какъ будто намѣренно приспособлена природою къ тому, чтобы возбуждать смѣхъ; нерѣдко ему стоило только появиться на сценѣ, и по театру мгновенно раздавался самый искренній и неудержимый взрывъ хохота. Ни въ одной серьезной пьесѣ, во всю свою жизнь, Живокини ни за одну роль не брался, но зато въ водевиляхъ—былъ положительно незамѣнимъ, и въ настоящее время врядъ ли возможно даже какое-либо подобіе той искренней веселости, какую онъ пробуждалъ въ массѣ зрителей своими, часто даже имъ самимъ изобрѣтенными, шуточками.

Точно такъ же своеобразно и неподражаемо былъ хорошъ въ водевильныхъ роляхъ и старикъ Никифоровъ, а изъ серьезныхъ—лучшими его ролями были: Бобчинскаго въ «Ревизорѣ» и Жевакина въ «Женитьбѣ»...

Теперь мнѣ остается еще сказать объ одной тогдашней звѣздѣ первой величины, которая впрочемъ и послѣ этого времени долго и ярко свѣтила на горизонтѣ московской сцены, хотя свѣтъ ея получилъ впослѣдствіи и иной колоритъ, и иную силу. Я говорю

о Самаринѣ, который въ описываемую пору былъ единственнымъ московскимъ jeune premier, если не считать ничтожныхъ Черкасова и Колосова. Игра его была, безспорно, изящна и благородна всегда и вездѣ. Если сравнить собственно благородство его игры съ благородствомъ же игры Шумскаго, то, пожалуй, въ нихъ было можно найти слѣдующую разницу: у Шумскаго оно являлось какъ будто изнутри, безъ всякаго усилія съ его стороны, и какъ солнце изъза тучъ освѣщало каждое его движеніе; а у Самарина оно было по преимуществу внѣшнее, или джентельменское, то-есть прежде всего бросалось въ глаза изящество его фигуры, одежды и манеръ. Но тѣмъ не менѣе и внутреннія достоинства его игры были очень не малоцѣнны, хотя не могу не выразить своего сужденія, что въ ней гораздо болѣе участвовали его умъ и образованность, нежели врожденный талантъ: всегда же и вездѣ, какую бы роль онъ ни игралъ, вамъ постоянно звучала одна и та же нота какой-то сентиментальности, то-есть натянутой чувствительности.

Ленскій, Степановъ, Дмитревскій и Нѣмчиновъ были очень добросовѣстные, далеко не молодые исполнители разныхъ второстепенныхъ ролей, но ни одинъ изъ нихъ уже вовсе не отличался никакою своеобразностью.

Послѣднюю группу актеровъ, которыхъ нельзя назвать иначе, какъ плохенькими, составляли нижеслѣдующія лица: Черкасовъ и Колосовъ; оба были тогдашними «женъ-премьерами» московской сцены, а послѣдній, въ случаѣ надобности, изображалъ также королей, князей и бояръ.

Къ этому же третьему или, лучше сказать, къ особому, четвертому сорту принадлежалъ и еще одинъ. Этотъ актеръ былъ Леонидовъ. Онъ, какъ я узналъ уже много лѣтъ спустя послѣ того, какъ его видѣлъ, игралъ впослѣдствіи трагическія же роли также и на петербургской сценѣ; а изъ его собственныхъ записокъ, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», мнѣ стало извѣстнымъ то, что и ранѣе описываемаго времени, то-есть до игры въ Москвѣ, онъ также игралъ въ Петербургѣ, но только второстепенныя роли. Къ величайшему моему сожалѣнію, мнѣ не случалось его видѣть во второй періодъ его петербургской дѣятельности; для сужденія же о первомъ можно имѣть готовый матеріалъ изъ тѣхъ же, упомянутыхъ выше, его записокъ. Перечисляя игранныя имъ еще при Каратыгинѣ 1-омъ роли, Леонидовъ, между прочимъ, говоритъ, что въ пьесѣ «Велизарій» онъ игралъ роль «вандала» и за ея исполненіе удостоился получить слѣдующій отзывъ Бѣлинскаго: «...роль «вандала» игралъ Леонидовъ и сыгралъ ее какъ настоящій вандалъ...» Не знаю, вслѣдствіе ли своей наивности, или по какимъ другимъ причинамъ, авторъ записокъ подозрѣваетъ въ

этомъ отзывѣ величайшую похвалу; а между тѣмъ, кто же изъ когда-либо читавшихъ рецензіи Бѣлинскаго не пойметъ настоящаго смысла цитированныхъ словъ?

Женскій персоналъ тогдашней московской труппы имѣлъ (повторю опять—по моему л и ч н о м у мнѣнію) гораздо менѣе талантовъ, нежели мужской. Мнѣ кажется, что истинными талантами можно было назвать только двухъ старухъ: Сабурову 1-ю и Кавалерову. Бородина 2-я (я не знаю, почему ее такъ называли, никакой первой Бородиной тогда на сценѣ не было) была молодая, очень милая, недурная собою и веселая толстушка, съ черненькими, живыми глазками и недурнымъ голоскомъ, которымъ пѣвала преимущественно русскія пѣсни; а въ pendant къ ней можно назвать Никулину-Косицкую, которая была также толстушка, также недурна собой и хотя не очень уже молода, но за то имѣла прекрасный, сильный и хорошо выработанный голосъ.

Ставшія впослѣдствіи очень громкими знаменитостями—Акимова и Васильева, въ то время называвшаяся Лавровой-Васильевой, уже и тогда появлялись на сценѣ настолько часто, что почти не было ни одной пьесы, въ которой бы не участвовала, по крайней мѣрѣ одна изъ нихъ, а нерѣдко и обѣ вмѣстѣ. Несмотря на то, что характеры тѣхъ ролей, которыя ими исполнялись, были совершенно различны—я говорю о нихъ вмѣстѣ потому, что, на мой взглядъ, у обѣихъ была одна общая черта—обѣ онѣ были артистки очень умныя, очень добросовѣстныя въ изученіи ролей и опытныя въ искусствѣ; но... да проститъ мнѣ читатель! на мой взглядъ, истиннаго таланта все-таки не было ни у одной.

П о ч т и къ той же категоріи, какъ и двухъ предыдущихъ, можно отнести и Медвѣдеву, которая въ то время была еще очень молода, но уже довольно часто появлялась передъ публикою. Я сказалъ: п о ч т и, потому что игра двухъ первыхъ была все-таки выше во многихъ отношеніяхъ, а своеобразнаго таланта не было и у Медвѣдевой.

Заканчивая мои воспоминанія о тогдашнемъ московскомъ театрѣ, я не могу не высказать, что тѣ впечатлѣнія, которыя бывали испытываемы зрителями игры: Шумскаго, Садовскаго, Васильева и другихъ, хотя бы и менѣе ихъ, но все же великихъ художниковъ, уже навсегда исчезли для человѣчества, и тотъ, кто не испыталъ ихъ самъ—не будетъ въ состояніи даже понять, каковы они были.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Жизнь въ Москвѣ.—Родные и знакомые.—Отъѣздъ въ Петербургъ.—Инспекторъ студентовъ Фицтумъ.—Оберъ-полиціймейстеръ Галаховъ.—Поступленіе въ военную службу.

Разсказавъ все то, что мнѣ было извѣстно объ общественныхъ событіяхъ Москвы моего времени, я перейду къ воспоминаніямъ о тѣхъ московскихъ домахъ, гдѣ мнѣ приходилось бывать и, вообще, о тѣхъ лицахъ, съ которыми былъ знакомъ.

Въ то время жилъ въ Москвѣ двоюродный братъ моей матери, П. П. Римскій-Корсаковъ, а такъ какъ въ то время родство, даже самое отдаленное, имѣло значеніе въ отношеніяхъ людей между собою, то мой отецъ, хотя и не былъ особенно близко знакомъ съ семействомъ его, по пріѣздѣ въ Москву, счелъ долгомъ меня ему представить. Меня приняли очень радушно и пригласили бывать, что я и дѣлалъ впослѣдствіи даже очень часто. П. П. хотя и принадлежалъ къ числу дворянъ нашей губерніи, но чуть ли не съ самаго ранняго дѣтства не жилъ на родинѣ, въ теченіе всей жизни служилъ въ Москвѣ, гдѣ и женился. Въ то время, когда я началъ его знать, онъ занималъ должность переводчика въ иностранной экспедиціи московскаго почтамта. Человѣкъ онъ былъ очень серьезный, и наружность его на взглядъ казалась невозмутимо-холодною, взглядъ—неизмѣнно-стальнымъ, а движенія его были постоянно ровны и какъ-то медлительно-спокойны. Говорилъ онъ всегда однимъ тономъ, не возвышая и не понижая голоса, и я почти не видѣлъ его никогда въ веселомъ расположеніи духа или даже улыбавшимся. Впрочемъ, въ то время, о которомъ я говорю, П. П. уже, видимо угасалъ, страдая постоянно отъ той болѣзни, которая заставила его, въ скоромъ времени, сначала оставить службу, а потомъ свела его и въ могилу.

П. П. былъ женатъ на княжнѣ Шаховской, родной племянницѣ когда-то очень извѣстнаго писателя, и въ то время, когда я началъ бывать въ ихъ домѣ, семейство ихъ состояло изъ четырехъ сыновей и дочери. Глубокочтимая В—а В—на была такою подругою жизни своего мужа, что не только въ настоящее время, но даже и тогда врядъ-ли скоро можно было найти ей подобную. Всю свою жизнь она посвящала заботамъ о немъ, и даже спустя уже долгое время послѣ его смерти при ней остерегались произносить его имя, или вообще чѣмъ-нибудь о немъ напомнить—такъ сильно на нее это дѣйствовало. Любовь и самоотверженіе были какъ-будто природою этой женщины; и послѣ смерти мужа она точно такъ же отдавалась заботамъ о дѣтяхъ и ими только и жила. Много испытаній послано было ей судьбою, но

она твердо переносила ихъ, пока, наконецъ, не сломилась и ея желѣзная энергія. Изъ всѣхъ ея дѣтей судьба была благосклонна только къ дочери: она вышла замужъ за прекраснаго человѣка и въ настоящее время сама мать многочисленнаго семейства.

Въ началѣ того времени, когда я началъ бывать въ домѣ Корсаковыхъ, я также познакомился съ княжною Шаховскою, жившею въ собственномъ домѣ, у Троицы, въ Сыромятникахъ. Не знаю, найдется ли въ моемъ перѣ достаточно красокъ для того, чтобы объяснить читателю всю прелесть, свѣжесть и изящество, и теплоту того впечатлѣнія, которое производилъ этотъ милый, свѣтлый, тихій уголокъ. Все то, что ощущается при чтеніи разсказовъ графа Л. Н. Толстаго или Тургенева, чѣмъ, такъ-сказать, дышатъ и благоухаютъ ихъ описанія жизни прежнихъ московскихъ дворянскихъ семей—не тѣхъ, которыя проживали безчисленные доходы въ огромныхъ дворцахъ, со львами на воротахъ, а болѣе скромныхъ, но быть можетъ и болѣе сохранявшихъ на себѣ печать и древности рода, и изящества воспитанія—все это ощущалъ я именно здѣсь. Къ этому уголку всего лучше могло быть примѣнено названіе, данное Тургеневымъ лучшему изъ его произведеній: это было именно «дворянское гнѣздо». Въ отдаленной отъ центра шумной столицы части ея, недалеко отъ церкви Троицы, такъ-называемой въ Сыромятникахъ, стоялъ небольшой, сѣрый домъ, окруженный садикомъ. Еще издали онъ смотрѣлъ на васъ такъ весело, какъ-будто манилъ заглянуть въ него и отогрѣть свою душу въ той средѣ, какая должна тамъ существовать, въ той жизни, какая тамъ происходитъ. Вы входили въ свѣтлую и довольно просторную переднюю, и тамъ васъ радушно привѣтствовалъ достопочтенный Сильверстъ, (такъ всѣ его называли въ домѣ), полновластный хозяинъ этой передней и единственный въ домѣ слуга мужскаго пола, исключая повара, кучера и дворника, никогда въ комнатахъ не появлявшихся. Сильверстъ этотъ былъ полнѣйшимъ выраженіемъ типа старинныхъ и старыхъ крѣпостныхъ слугъ, а слѣдовательно, отчасти, оригиналъ. Типъ этотъ описанъ и давно, и много разъ, и остается отмѣтить лишь личныя особенности его представителя: онъ былъ, какъ кажется, и честенъ, и не особенно нетрезвъ, а объ его преданности ходило немало разсказовъ анекдотическаго характера, изъ числа которыхъ я помню, къ сожалѣнію, только одинъ. Какъ-то разъ, покойный митрополитъ Филаретъ посѣтилъ церковь Троицы въ Сыромятникахъ и совершалъ тамъ обѣдню. Княжна не пропускала почти ни одной праздничной службы и постоянно стояла на отгороженномъ рѣшеткою мѣстѣ; такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Сильверстъ, по случаю пріѣзда митрополита, одѣтый въ парадную ливрею и самъ упросившій княжну ее сопровождать, во все время, которое прошло въ ожиданіи пріѣзда,

очень суетился: безпрестанно расталкивалъ народъ и, видимо, былъ озабоченъ очищеніемъ прохода отъ рѣшетки до мѣста, приготовленнаго митрополиту. Княжна, наконецъ, сама обратила вниманіе на эти маневры и просила стоявшаго по близости церковнаго старосту спросить у Сильверста—для чего онъ это дѣлаетъ?—«Да помилуйте!—отвѣчалъ тотъ тономъ, выражавшимъ полную увѣренность въ необходимости его дѣйствій.—Ну, а вдругъ митрополитъ захочетъ подойти къ ея сіятельству и поговорить! вѣдь надо же ему приготовить, куда пройти!» Вся остальная, довольно многочисленная, прислуга была женская, и ея общею начальницею была почтеннѣйшая и милѣйшая Анна Антоновна, которая вмѣстѣ была и камеръ-фрау княжны. На всей этой прислугѣ какъ-будто лежалъ отпечатокъ какой-то внутренней связи съ господами и домомъ, гдѣ она жила, и, несмотря на то, что я бывалъ тамъ чуть не каждый день, я ни разу ни на одномъ лицѣ не замѣтилъ даже и тѣни неудовольствія или затаенной печали, какъ это нерѣдко встрѣчалось во многихъ помѣщичьихъ домахъ. Всѣ лица были всегда веселы; и я не помню, чтобы когда-нибудь слышалъ даже выговоръ, сдѣланный прислугѣ. Самой княжнѣ въ то время было уже лѣтъ подъ сорокъ, но она еще сохраняла слѣды замѣчательной красоты, хотя не казалась, да вовсе и не старалась казаться, моложе своихъ лѣтъ. Тихій, но вовсе не мертвый порядокъ царилъ во всемъ домѣ, и все тамъ было такъ уютно, что какъ-будто свѣтлѣло на душѣ у каждаго, кто туда входилъ (по крайней мѣрѣ, я долженъ сказать это о себѣ самомъ). Необходимо сказать, что еще съ давнихъ поръ постоянною и какъ-будто необходимою принадлежностью дома княжны были, по крайней мѣрѣ, одинъ, а иногда и нѣсколько студентовъ университета. Они слѣдовали другъ за другомъ въ порядкѣ поколѣній, и на мѣсто выбывшаго сейчасъ же появлялся новый, а всѣ они были извѣстны знакомымъ княжны подъ общимъ названіемъ «сыромятниковскихъ студентовъ».

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ «сыромятниковскихъ студентовъ» изображалъ собою уже только одинъ Потѣхинъ, а взамѣнъ ихъ домъ княжны буквально наполнился кадетами разныхъ корпусовъ. Каждое воскресенье или праздникъ туда являлись: три брата Корсаковыхъ, двое двоюродныхъ братьевъ князей Шаховскихъ, трое князей Д—хъ-С—хъ, и три брата М—хъ. Изъ нихъ я упомяну здѣсь только объ одномъ изъ князей Д—хъ-С—хъ, самомъ младшемъ. Онъ очень хорошо окончилъ курсъ въ корпусѣ, но затѣмъ обуялся духомъ такъ-называемаго «нигилизма». Сначала онъ поступилъ въ технологическій институтъ, но изъ этого ровно ничего не вышло; затѣмъ довольно долгое время проживалъ въ доставшемся ему по раздѣлу съ братомъ и сестрами имѣніи. Что онъ, собственно, дѣлалъ тамъ—это мнѣ достовѣрно

неизвѣстно, но помню, что онъ носилъ какой-то шутовской, якобы русскій, костюмъ, иногда надѣвалъ даже и полный, форменный мужицкій костюмъ, не исключая лаптей, и въ немъ появлялся гдѣ-нибудь въ обществѣ. Слышалъ отъ другихъ, что въ это же время онъ упражнялся въ хожденіи пѣшкомъ верстъ по пятидесяти и болѣе. Я въ то время жилъ въ губернскомъ городѣ, и онъ нерѣдко заходилъ ко мнѣ. Изъ разговоровъ его, а также и изъ всего вышесказаннаго, можно было заключить, что, дѣйствительно, онъ былъ одержимъ жаждою какой-то особой дѣятельности, но какой именно – не понималъ самъ; кончилъ онъ тѣмъ, что поступилъ простымъ рабочимъ въ каменноугольныя копи, на югѣ, гдѣ и погибъ во время работы.

У княжны было довольно обширное знакомство по всей Москвѣ, но по отдаленности той мѣстности, гдѣ находился ея домъ, посѣтители необычные бывали не особенно часто. Я здѣсь упомяну только о нѣкоторыхъ. Въ числѣ гостей бывали три сестры Н—вы, изъ которыхъ старшая была замужемъ, и уже въ то время была извѣстна, какъ писательница, печатавшая почти во всѣхъ тогдашнихъ журналахъ огромное количество повѣстей, подъ псевдонимомъ Ольги Н. Вторая сестра, въ то время еще ничего не писавшая, впослѣдствіи также начала печатать свои произведенія въ «Русскомъ Вѣстникѣ», подъ именемъ «Толычевой», и сдѣлалась извѣстною гораздо болѣе старшей сестры, а младшая, помнится, занималась живописью. Исключительно съ праздничными визитами пріѣзжалъ, не минуя, однако, ни одного, А. П. Е—въ, который былъ, отчасти, родственникомъ княжны. Онъ слылъ за ученаго и либерала, но иные злые языки утверждали, что вся его ученость состояла въ томъ, что когда-то, очень короткое время, онъ читалъ, въ качествѣ приватъ-доцента, географію въ Московскомъ университетѣ; а весь либерализмъ— исключительно въ томъ, что онъ состоялъ въ компаніи съ Катковымъ по изданію «Русскаго Вѣстника» и даже жилъ съ нимъ вмѣстѣ. Кажется, впрочемъ, онъ печаталъ какія-то статейки, но я положительно не могу припомнить ни одной. Наружность онъ, однако, имѣлъ совершенно ученую: высокій лобъ, золотые очки и тому подобные аттрибуты, а говорилъ постоянно только «о камерахъ, присяжныхъ», вообще о «матеріяхъ важныхъ»; и если его нельзя отнести прямо ни къ одному изъ рѣзко очерченныхъ Грибоѣдовымъ типовъ, то все-таки, слушая его, когда онъ говорилъ о Катковѣ или вообще о компаніи «Русскаго Вѣстника», такъ и хотѣлось подсказать: «мы съ нимъ... у насъ... одни и тѣ же взгляды!» Его либерализмъ былъ, сколько можно было понять изъ его разговоровъ, тотъ самый, давно извѣстный московскій либерализмъ, который обезсмертенъ словами той же безсмертной комедіи Грибоѣдова: «поспорятъ... пошумятъ...

и разойдутся»; впрочемъ, свои обязанности либерала онъ исполнялъ очень добросовѣстно.

Въ концѣ марта 1855 года, мы съ отцомъ и младшимъ братомъ Иваномъ собрались ѣхать изъ Москвы въ Петербургъ, по Николаевской желѣзной дорогѣ. На третьи сутки мы прибыли въ столицу и остановились въ номерахъ противъ Знаменской церкви. Въ билетѣ, выданномъ мнѣ изъ Московскаго университета, до окончательнаго увольненія, которое обѣщали прислать по почтѣ, было сказано, что немедленно же по пріѣздѣ въ Петербургъ, я обязанъ явиться къ инспектору тамошняго университета, непремѣнно въ мундирѣ, и предъявить ему мой билетъ. На другой же день я сказалъ объ этомъ отцу и отправился исполнять мою обязанность, думая воспользоваться этимъ временемъ также и для того, чтобы увидѣть хотя что-либо достопримѣчательное. Прогулка была не особенно короткая: надо было идти по Николаевскому мосту, такъ какъ тогда не существовало Исаакіевскаго, а затѣмъ вдоль всей набережной Невы, до зданія университета. Войдя въ сѣни, оказавшіяся мизернѣе нашихъ московскихъ, я засталъ тамъ что-то такое, что даже и на взглядъ человѣка, вошедшаго сюда въ первый разъ, не могло казаться обыденнымъ: швейцаръ стоялъ, вытянувшись въ струнку, и на мой вопросъ о томъ, могу ли я видѣть инспектора, даже и глазомъ не моргнулъ; студенты стояли какъ-то неподвижно, или посреди сѣней, или прижавшись къ стѣнамъ; и взгляды всѣхъ были устремлены на какого-то толстаго господина, въ пальто и шляпѣ, который, стоя посреди сѣней, стучалъ палкою объ полъ и что-то кричалъ очень громко. Поддался и я этой всеобщей паникѣ и невольно замеръ на мѣстѣ, рядомъ со швейцаромъ. Къ счастью, кричавшій господинъ не обратилъ на меня вниманія и вскорѣ, не снимая ни пальто, ни шляпы, ушелъ куда-то внутрь зданія. Только тогда швейцаръ сообщилъ мнѣ, что кричавшій господинъ былъ попечитель учебнаго округа. Услыша это послѣднее сообщеніе, я уже потерялъ охоту справляться о томъ, могу ли я послушать чтеніе какой-нибудь лекціи, а поспѣшилъ убраться, такъ какъ и до Москвы доходило немало слуховъ о томъ, что такое былъ тогдашній попечитель Петербургскаго учебнаго округа, М—ъ П—ъ. Я, однако, успѣлъ объяснить швейцару, въ чемъ заключается моя надобность къ инспектору, и онъ очень любезно посовѣтывалъ мнѣ придти завтра, только «пораньше». На другой день я опять пришелъ, но также не засталъ инспектора, и это продолжалось нѣсколько дней сряду.

Инспекторъ студентовъ Петербургскаго университета, Александръ Ивановичъ Фицтумъ фонъ-Экштедтъ, былъ благообразный старичекъ, очень небольшаго роста, съ чопорною, опрятною фигуркою и болѣзненнымъ, желтымъ лицомъ, обрамленнымъ небольшими сѣдыми бакенбар-

дами, одѣтъ онъ былъ въ форменный фракъ, а на шеѣ висѣлъ Владимірскій крестъ. По-русски, впрочемъ, онъ говорилъ очень хорошо, и даже въ выговорѣ не было ни малѣйшаго иностраннаго акцента. Онъ повелъ меня по лѣстницѣ и по какому-то темному корридору, а когда онъ отворилъ дверь, то мы сразу очутились въ его кабинетѣ. Фицтумъ взялъ мой билетъ, усѣлся за письменный столъ и развернулъ какую-то огромную и толстую книгу, а пока онъ писалъ, я внимательно его разсматривалъ. Послѣ этого я встрѣтилъ Фицтума только одинъ разъ на Невскомъ проспектѣ, но онъ, не останавливаясь, проѣхалъ мимо.

Въ числѣ знаменитостей, видѣнныхъ мною въ Петербургѣ вскорѣ послѣ пріѣзда, былъ оберъ-полиціймейстеръ, генералъ-адъютантъ Галаховъ. Слава Галахова гремѣла даже и въ провинціи, и еще въ дѣтствѣ я слышалъ множество разсказовъ не только о его распорядительности, строгости и безцеремонности его обращенія съ публикою, но даже и о его замѣчательномъ голосѣ, который, будто бы, узнаютъ за нѣсколько улицъ. Разсказывали также и о томъ, что у него есть кучеръ, который обладаетъ такимъ же голосомъ и за этотъ свой талантъ получаетъ большія деньги отъ всѣхъ подчиненныхъ его господину лицъ; платятъ, говорили, ему только за то, чтобы онъ крикомъ своимъ предупреждалъ въ томъ случаѣ, когда генералъ желаетъ накрыть кого-нибудь врасплохъ. Самого Галахова я видѣлъ довольно часто, преимущественно въ первое время моего пребыванія въ Петербургѣ, но его кучера — только впослѣдствіи и всего одинъ разъ. Какъ-то разъ, уже въ то время, когда поступилъ въ военную службу, я шелъ по Невскому и вдругъ позади себя услышалъ слово: «берегись!» — произнесенное такимъ басомъ, что я невольно вздрогнулъ. «Вѣрно Галаховъ», — подумалъ я, — и дѣйствительно, это былъ онъ, на своей, всѣмъ извѣстной, парѣ съ пристяжкою. Въ первый разъ я видѣлъ Галахова на разводѣ передъ Зимнимъ дворцомъ. Это былъ старикъ, по виду не менѣе лѣтъ шестидесяти, очень плотный по фигурѣ, съ круглымъ, какъ полная луна, лицомъ, какого-то безкровно-блѣднаго цвѣта и съ очень маленькими, бѣлыми, какъ лунь, усиками. Публики, собравшейся поглядѣть на разводъ, въ числѣ которой были и мы съ отцомъ, было не особенно много; какъ разъ предо мною стояли два студента Петербургскаго университета, точно такъ же какъ я одѣтые въ мундиры и бѣлыя перчатки, то-есть совершенно въ порядкѣ. Толпа публики стояла вдали и вела себя очень чинно, но вотъ, по краю ея, медленнымъ шагомъ пошелъ оберъ-полиціймейстеръ и началъ отодвигать передніе ряды назадъ. Онъ былъ въ полной парадной формѣ, еще Николаевской, въ лосинахъ и ботфортахъ, съ лентою Бѣлаго Орла черезъ плечо. Дойдя до стоявшихъ предо мной студентовъ, онъ вдругъ ударилъ одного изъ нихъ по рукѣ, такъ сильно, что звукъ удара раздался довольно громко и какъ изъ бочки рявкнулъ: «руки прочь!» Что дѣлалъ

студентъ со своими руками, или въ чемъ состояла его провинность—этого я не видѣлъ и не могъ понять, несмотря на всѣ усилія, но самый случай возбудилъ во мнѣ нѣкоторое недоумѣніе. Роль, которую, во время моего пребыванія въ Московскомъ университетѣ, имѣли студенты въ обществѣ, оказалась, значитъ, далеко не тою, какая досталась на долю петербургскихъ. Въ Москвѣ на студентовъ смотрѣли, какъ на сословіе болѣе или менѣе высшее, и уже одинъ мундиръ съ голубымъ воротникомъ устранялъ даже возможность подобнаго безцеремоннаго обращенія. Въ Петербургѣ же, какъ оказалось, студенты или были смѣшаны съ толпою, или на нихъ смотрѣли, какъ на какихъ-нибудь школьниковъ. Въ Петербургѣ студенты очень рѣдко встрѣчались на главныхъ улицахъ, и послѣ разсказаннаго случая я сталъ наблюдать всѣхъ, попадавшихся навстрѣчу: мнѣ сдавалось, что каждый изъ нихъ идетъ какъ-то неувѣренно, какъ будто онъ попалъ не туда, куда слѣдуетъ. Что касается собственно полиціи, то и она въ Москвѣ обращалась со студентами болѣе или менѣе, если и нельзя употребить слово у в а ж и т е л ь н о, то, во всякомъ случаѣ—снисходительно. Я помню, напримѣръ, какъ, однажды, въ театрѣ мнѣ случилось, второпяхъ, проскочить мимо самого оберъ-полиціймейстера Беринга и даже немного его зацѣпить; я, разумѣется, началъ извиняться и въ отвѣтъ получилъ благосклонный кивокъ головою. Здѣсь же, какъ доказывало произошедшее на моихъ глазахъ, было далеко не то. Впрочемъ, кажется, и вообще петербургская полиція того времени была нѣсколько отлична отъ всѣхъ другихъ.

Поступленіе наше на военную службу было вопросомъ рѣшеннымъ, и по пріѣздѣ въ Петербургъ мы узнали, что тамъ формируется запасная гренадерская дивизіи, и вопросъ о томъ, куда мы поступимъ, рѣшился какъ бы самъ собою, такъ какъ и третій нашъ, средній, братъ уже служилъ въ гренадерскомъ корпусѣ. Оставалось узнать только о томъ, куда именно надо подать объ этомъ прошеніе и куда, затѣмъ, придется отправляться на службу. Мы отправились, вдвоемъ съ отцомъ, добывать эти свѣдѣнія и послѣ довольно продолжительныхъ скитаній отыскали штабъ, хотя не той дивизіи, въ которую думали попасть, но, по крайней мѣрѣ, того именно корпуса, къ которому она принадлежала. Штабъ этотъ находится гдѣ-то недалеко отъ Семеновскаго плаца, а корпусъ назывался «своднымъ запаснымъ гвардейскимъ и гренадерскимъ», командиромъ котораго былъ только-что назначенъ, на мѣсто умершаго графа Ридигера, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи Алексѣй Ѳедоровичъ Арбузовъ. Въ этомъ штабѣ мы узнали: что корпусъ составляется изъ двухъ дивизій, гвардейской и гренадерской; что гвардейская дивизія еще формируется при Образцовомъ пѣхотномъ полку, а гренадерская, которою командуетъ генералъ-лейтенантъ Максимовичъ, уже

сформирована и расположена въ Новгородской губерніи. Вмѣстѣ съ этимъ, намъ сообщили, что всѣ служащіе въ этой дивизіи юнкера собраны въ одну особую команду, которая прикомандирована къ Образцовому полку и находится въ Царскомъ Селѣ.

Когда прошеніе было написано, то мы отправились подавать его начальнику запасной гренадерской дивизіи, генералъ-лейтенанту Ивану Корнильевичу Максимовичу.

Я былъ въ студенческомъ мундирѣ со шляпою въ рукахъ и шпагою на боку. Меня съ братомъ ввели въ небольшую пріемную съ красивою, но довольно простою мебелью и прекрасно натертымъ паркетомъ, въ которой уже ожидали два молодыхъ, только-что произведенныхъ офицера Перновскаго полка. Ожидали мы не особенно долго, и изъ двери, ведшей во внутреннія комнаты, вдругъ какъ-то вынырнула, неслышными шагами, небольшая фигура худощаваго сѣдаго человѣка, съ совершенно бѣлыми усами, обрамлявшими недобрыя тонкія губы, на желтомъ, какъ воскъ, лицѣ. Мы, конечно, всѣ поклонились, но фигура, даже не отвѣтивъ на нашъ поклонъ, направилась прямо къ офицерамъ, смиренно стоявшимъ у печи. Отъ офицеровъ Максимовичъ подошелъ къ намъ. «Хорошо!»—сказалъ генералъ, разсмотрѣвъ документы и складывая наши бумаги,— «навѣдывайтесь почаще въ мой штабъ!» и съ этими словами онъ насъ отпустилъ. За подачею прошенія, чуть не со слѣдующаго же дня, началось это «навѣдываніе» и продолжалось оно около двухъ мѣсяцевъ.

Наконецъ, намъ было объявлено черезъ полицію, что мы опредѣлены въ 8-й запасный батальонъ лейбъ-гренадерскаго Екатеринославскаго Его Величества полка, съ прикомандированіемъ къ Образцовому пѣхотному, унтеръ-офицерами, до разрѣшенія нашихъ правъ инспекторскимъ департаментомъ военнаго министерства.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

Библіографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи, вышедшихъ въ 1896 году.

Майковъ, Л. Н. Къ біографіи А. Х. Востокова.—Извѣстія Отд. русск. яз. и словесн. Имп. Ак. Наукъ, 1896, т. I, кн. I.

Майковъ, Л. Н. Къ біографіи А. С. Пушкина. Извѣстія Отд. русск. яз. и словесн. Имп. Ак. Наукъ. 1896, т. I, кн. I.

Шахматовъ, А. А. Нѣсколько словъ о Нестеровомъ житіи Ѳеодосія.—Извѣстія Отд. русск. яз. и словесн. Имп. Ак. Наукъ, 1896, т. I, кн. I.

Черевинъ, П. А. Епалогія си есть начало родословія фамиліи благородныхъ господей Черевиныхъ. — «Русскій Архивъ», 1896, № 4.

Б. П. Геннадій Владимировичъ Грудевъ.—«Русскій Архивъ», 1896, № 4.

Наши сношенія съ Германіей и Италіей до 1800 года (изъ книги Н. Н. Бантыша-Каменскаго).—«Русскій Архивъ», 1896, № 4.

Изъ исторіи театральной цензуры. Записка П. С. **Ѳедорова**, съ предисловіемъ А. А. **Ярцова**. «Русскій Архивъ», 1896, № 4.

Юдинъ, П. А. Изъ разсказовъ о М. Д. Скобелевѣ. — «Русскій Архивъ», 1896, № 4.

Изъ записокъ А. А. **Окуловой**.—«Русскій Архивъ», 1896, № 4.

Письмо императора Николая Павловича къ дочери его великой княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ. — 1846, «Русскій Архивъ», 1896, № 4.

Письма живописца А. А. Иванова къ А. О. Смирновой.—«Русскій Архивъ», 1896, № 4.

Два письма Пальмера къ А. С. Хомякову. — 1845 и 1853. «Русскій Архивъ», 1896, № 4.

Духовныя завѣщанія князя **Долгорукова** —«Русскій Архивъ», 1896, № 4.

Перенесеніе праха князя и графовъ Орловыхъ. Письмо къ издателю «Русскаго Архива» графа А. В. Орлова - Давыдова. — «Русскій Архивъ», 1896, № 4.

Духовное завѣщаніе князя Ѳ. И. **Хворостинина**.—«Русскій Архивъ», 1896, № 4.

Письма архимандрита **Фотія** С. Д. Нечаеву. 1831 — 1835. «Русскій Архивъ», 1896, № 4.

Письмо Г. Р. **Державина** къ князю А. И. Горчакову. 1813. «Русскій Архивъ», 1896, № 4.

Два письма графа **Растопчина** къ князю Багратіону. 1812 года. «Русскій Архивъ», 1896, № 4

Мартыновъ, А. А. Московскіе колокола (окончаніе). «Русскій Архивъ», 1896, № 4.

Голубевъ, П. И. Записки чиновника стараго времени.—«Русскій Архивъ», 1896, № 4. и № 5.

Сиротининъ, А. Н. Князь А. А. Шаховской. Очеркъ его дѣятельности.—«Русскій Архивъ», 1896, № 4.

Барсуковъ, А. П. Пензенская архивная старина. — «Русскій Архивъ», 1896, № 4.

Трефолевъ, Л. Н. Ярославская старина.—«Русскій Архивъ», 1896, № 5.

Изъ письма В. В. **Скрипицына** къ графу Д. Н. Толстому.—«Русскій Архивъ», 1896, № 5.

Письма архіепископа херсонскаго **Иннокентія** къ А. П. Озерову.—«Русскій Архивъ», 1896, № 5.

Изъ писемъ партизана А. Н. **Сеславина** (1817—1850).—«Русскій Архивъ», 1896, № 5.

Письмо князя А. Б. **Куракина** къ императору Александру Павловичу 1801. (Жалоба на гр. Н. П. Панина).—«Русскій Архивъ», 1896, № 5.

Письмо А. С. **Хомякова** къ В. В. Ганкѣ (1847). — «Русскій Архивъ», 1896, № 5.

Митропольскій, И. А. Изъ воспоминаній врача (1865—1875). «Русскій Архивъ», 1896, № 5.

Юдинъ, П. Л. Къ исторіи пугачевщины. I — VII. «Русскій Архивъ», 1896, № 5.

Еще новыя лѣтописныя данныя о построеніи Московскаго-Покровскаго (Василія Блаженнаго) собора. Сообщилъ свящ. И. **Кузнецовъ**.—«Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс.» 1896, кн. 2-я.

Собственноручная записка Екатерины II, къ гр. Н. Панину о «нетонущемъ морскомъ суднѣ».—Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1896, кн. 2-я.

Письмо къ князю А. М. Голицыну съ изъявленіемъ неудовольствія имп. Екатерины II, за бездѣйствіе.—Сообщилъ В. А. **Уляницкій**. „Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс.“ 1896, кн. 2-я.

Купчая 7091 года.—Сообщилъ А. Н. **Зерцаловъ**.—„Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс.“ 1896, кн. 2-я.

Жалованная грамота Спасск. Ярославскому монастырю. — „Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс.“ 1896, кн. 2-я.

Грамота митрополита Даніила Всесвятскому игумену Даніилу объ освобожденіи попа въ монастырскомъ селѣ отъ дани... „Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс.“ 1896, кн. 2-я.

Цѣна людей въ Россіи сто лѣтъ назадъ. Сообщилъ И. С. **Бѣляевъ**. „Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс.“ 1896, кн. 2-я.

О блаженномъ Іоаннѣ Большомъ Колпакѣ. Сообщилъ священникъ И. **Кузнецовъ**. — „Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс.“ 1896, кн. 2-я.

Грамота великаго князя Василія Ивановича Владимирскому - Рождественскому монастырю съ подтвержденіями 1534 и 1551 годовъ царя Ивана IV. Сообщилъ А. Н. **Зерцаловъ**.—„Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс.“ 1896, кн. 2-я.

Прозоровскій, А. Сильверстъ Медвѣдевъ. (Его жизнь и дѣятельность).—„Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс.“ 1896, кн. 2-я.

Письма Павла Іосифа Шафарика къ О. М. Бодянскому. — Съ приложеніемъ писемъ къ В. И. Григоровичу. Приготовлены къ изданію П. А. **Лавровымъ** и М. Н. **Сперанскимъ** (окончаніе). „Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс.“ 1896, кн. 2-я.

Титовъ, А, А. Церковныя земли въ Ростовскомъ уѣздѣ въ XVII в.—„Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс.“ 1896, кн. 2-я.

Изъ актовъ Тверскаго Отроча монастыря Сообщилъ С. А. **Шумаковъ**. — „Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс.“ 1896, кн. 2-я.

Петръ Ивановичъ Нищинскій. Некрологъ.—„Кіев. Стар.“ 1896, апр.

М., Н. Лѣвобережная Украина въ XV — XVII ст. — „Кіев. Стар.“ 1896, апр.

Изъ недавняго прошлаго Слободской Украйны—„Кіев. Стар.“ 1896, апрѣль.

Лапинъ, В. Харьковское общество благотворенія въ 1812—1817 гг. Историческ. очеркъ.—„Кіев. Стар.“ 1896 апрѣль.

Письмо прот. Арсенія **Лебединцева**, б. благочиннаго церквей южнаго берега Крыма, къ преосвящ. Иннокентію, архіеп. херсонскому и таврическому, съ донесеніями о ходѣ военныхъ дѣйствій и состояніи церквей и духовенства во время 11-мѣс. осады Севастополя (прод.) „Кіев. Стар.“ 1896, апрѣль.

Матеріалъ для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей. 1) Изъ моихъ воспоминаній. И. Н. **Павлова**. 2) Изъ записной книжки И. Н. **Павлова**. 3) Отрывки изъ воспоминаній А. **Чаева**. 4) На родинѣ А. Н. Муравьева. А. **Третьякова**.—„Русское Обозрѣніе“, 1896, апрѣль.

Р., В. Очерки Привислинья.—«Русское Обозрѣніе», 1896, апрѣль и май.

Владиміровъ, А. П. Исторія расположенія Западно-русскаго костела. — «Русское Обозрѣніе», 1896, апрѣль и май.

Георгіевскій, Г. П. Коронованіе русскихъ государей. Историч. очеркъ. «Русское Обозрѣніе» 1896, апрѣль и май.

Проф. **Алексѣевъ**, А. С. Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ верховнаго тайнаго совѣта въ царствованіе Екатерины I. (Окончаніе).—«Русское Обозрѣніе» 1896, апрѣль.

Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей: 1) Письма къ М. А. Максимовичу. П. А. **Плетнева**. (Сообщ. С. И. Пономаревъ). 2) По поводу стихотворенія, приписываемаго М. Ю. Лермонтову.—«Русск. Обозр.» 1896, май.

Бочаровъ, Н. П. Къ семисотъ-пятидесятилѣтію Москвы (Историч. справки).—«Русск. Обозр.» 1896, май.

Пыпинъ, А. Н. Народная поэзія въ ея историко-литературныхъ отношеніяхъ. (Продолж.).—«Вѣстн. Европы», 1896, май.

Семевскій, В. И. На сибирскихъ золо-

тыхъ промыслахъ.—«Вѣстн. Европы», 1896, май.

Потанинъ, Г. Восточныя основы русскаго былиннаго эпоса.—(окончан.)—«Вѣстн. Европы», 1896, май.

Кирпичниковъ, А. И. П. Я. Чаадаевъ (По новымъ документамъ). „Русская Мысль", 1896, апрѣль.

Брикнеръ, А. Шведская война 1788—90 гг. (По новымъ даннымъ изъ франц. архивовъ)—«Русская Мысль», 1896, май.

Обнинскій, П. Н. Калужское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе при В. А. Арцимовичѣ.—«Русская Мысль» 1896, апрѣль и май.

Новые матеріалы для біографіи Н. В. Гоголя.—«Русская Мысль», 1896, май.

Наканунѣ войны 1812 г.—«Вѣстн. Иностр. Литературы», 1896, май.

Шенрокъ, В. Гоголь и А. О. Смирнова (продолж.). «Сѣверн. Вѣстникъ», 1896, апрѣль и май.

Тучкова-Огарева, Н. Воспоминанія объ А. И. Герценѣ.—„Сѣверн. Вѣстникъ", 1896, № 4.

Степной, Ет. Марко Поло о Средней Азіи.—Средняя Азія. — Научно-литературный сборникъ.

С., А. Очеркъ возстанія горцевъ Терской области въ 1877 г.—«Воен. Сборникъ» 1896, май.

Б., А. С. А. Бершадскій, какъ историкъ русскихъ евреевъ.—«Восходъ», 1896, апрѣль.

Д., А. В. Титъ Ѳомичъ Эйдригевичъ. — Очерки изъ его жизни.—«Журн. Минист. Путей Собщ.», 1896, кн. 4.

Милюковъ, П. Н. Очерки по исторіи русской культуры. (Продолженіе).—«Міръ Божій», 1896, май.

Проф. А. **Гольмстенъ**. Къ пятидесятилѣтію учебной дѣятельности С. В. Пахмана.—«Журн. Юрид. Общества», 1896, май.

Дружининъ. Н. Крестьяне и общее гражданское право. (Къ 35-ти-лѣтію реформы 19 февр. 1861 г.).—«Журн. Юрид. Общ.». 1896, май.

Красновъ, П. Н. Гуманный пѣвецъ (Я. П. Полонскій).—«Книжки Недѣли», 1896, № 4.

Оболенскій, Л. Е. Два момента творчества Достоевскаго. I. «Бѣдные люди».—«Книжки Недѣли», 1896, № 4 и 5.

Стасовъ, В. В. Воспоминанія о моей сестрѣ. — «Книжки Недѣли», 1896, № 4 и 5.

Абрамовъ, Я. В. Личность въ исторіи.—«Книжки Недѣли». 1896, май.

А. И. Незеленовъ.—«Русскій филологич. Вѣстн.», 1896, № 1.

Н. Н. Страховъ.—«Русскій филолог. Вѣстн.», 1896, № 1.

Будде, Е. И. Е. Некрасовъ.—«Русскій филолог. Вѣстн.», 1896, № 1.

А. Н. Труворовъ. Некрологъ. — «Журн. Мин. Нар. Прос.». 1896, мартъ.

Смирновъ, В. Д. И. Н. Березинъ. Некрологъ.—«Журн. Мин. Нар. Пр.», 1896, мартъ.

Пташицкій, С. Л. С. А. Бершадскій. Некрологъ.—«Журн. Мин. Нар. Пр.», 1896, мартъ.

Бороздинъ, А. К. А. И. Незеленовъ. Некрологъ.—«Жур. Мин. Нар. Пр.», 1896, мартъ.

Миллеръ, В. Ѳ. Былины объ Иванѣ Гостиномъ-сынѣ.—«Журн. Мин. Нар. Пр.», 1896, № 4.

Дьяконовъ, М. А. Бобыли въ XVI и XVII в.—„Журн. Мин. Нар. Пр.", 1896, № 4.

Леонтовичъ, Ѳ. И. Крестьян. дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ. (Продолженіе).—„Журн. Мин. Нар. Прос.", 1896, № 4.

Іонинъ, А. А. Новыя данныя къ исторіи Восточн. Сибири XVII в.—Извѣстія Вост. Сибир. отд. И. Р. Г. Общ. т. XXVI. Приложеніе.

Безродный, А. В. Историческіе матеріалы изъ Спб. Сенатскаго Архива (продолженіе).—„Журн. Мин. Юст.", 1896, апрѣль.

Илларіоновъ, Н. С. Историческій очеркъ крестьянскаго суда.—„Харьк. Сборникъ", вып. 9-й.

Прот. **Лащенковъ**, Н. А. Христофоръ—первый епископъ Слободско-Украинскій и Харьковскій (оконч.)—„Харьковскій Сборникъ", вып. 9-й.

Демидовъ, В. А. Церковно-судебная практика по дѣламъ брачнымъ въ Бѣлгородской епархіи (окончаніе).—„Харьковскій Сборникъ", вып. 9-й.

Альбовскій, Е. А. Исторія Харьковскаго Слободскаго казачьяго полка.—„Харьк. Сборникъ", вып. 9 й.

Кашпровскій, Е. И. Учрежденіе Смоленской епископіи.—„Сборникъ Ист.-Филол. Общ. при Инст. кн. Безбородко", 1896, т. I.

Кадлубовскій, А. П. Нѣсколько словъ о значеніи А. С. Грибоѣдова въ развитіи русской поэзіи. — „Сборникъ Ист.-Фил. Общ. при Инст. кн. Безбородко", 1896, т. I.

Бережковъ, М. Н. Георгій Конискій, какъ проповѣдникъ.—„Сборникъ Ист.-Фил. Общ. при Инст. кн. Безбородко", 1896, т. I.

Пѣтуховъ, Е. В. А. С. Грибоѣдовъ.—„Сборникъ Ист.-Филолог. Общ. при Инст. кн. Безбородко", 1896, т. I.

Сребницкій, И. А. Къ біографіи Георгія Конискаго. — „Сборникъ Ист.-Филолог. Общ. при Инст. кн. Безбородко“, 1896, т. I.

Михайловскій, И. Н. Очеркъ жизни и службы Николая Спаеарія въ Россіи.—„Сборникъ Ист.-Филолог. Общ. при Инст. кн. Безбородко“, 1896, т. I.

Сребрянскій, И. В. Миѳологія. Слово о полку Игоревѣ.—„Извѣстія Ист.-Филолог. Инст. кн. Безбородко“, т. XV.

Брайловскій, С. Н. Семенъ Сергѣев. Бобровъ. (Историко-литер. очеркъ).—«Извѣстія Ист.-Филол. Инст. кн. Безбородко». Т. XV.

Бережковъ, М. Н. Еще нѣсколько образцовъ народныхъ историческихъ пѣсенъ, записанныхъ во Владимірск. губерніи. — «Извѣстія Ист.-Филол. Инст. Кн. Безбородко». Т. XV.

Бережковъ, М. Н. Г. Нѣжинъ въ началѣ XIX вѣка, по описанію московскихъ путешественниковъ—«Извѣстія Ист.-Филол. Инст. кн. Безбородко». Т. XV.

Письма Н. В. Гоголя къ Н. Я. Прокоповичу. **Второе** изданіе... Е. В. **Пѣтухова**.—«Извѣстія Ист.-Филол. Инст. кн. Безбородко». Т. XV.

Добіашъ, А. В. Замѣтка объ основной библіотекѣ Историко-филологич. Института князя Безбородко.—«Извѣстія Ист.-Филол. Инст. кн. Безбородко». Т. XV.

Сребницкій, И. А. Очерки изъ исторіи Лицея князя Безбородко.—«Извѣстія Ист.-Филол. Инст. кн. Безбородко». Т. XV.

Пѣтуховъ, Е. В. Гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко. — «Извѣстія Ист.-Филол. Инст. кн. Безбородко». Т. XV.

К., П. Памяти К. Д. Ушинскаго. — «Церковно-приход. школа», 1896, кн. 7.

Булашевъ, Г. Очеркъ дѣятельности по народному образованію Арсенія (Москвина) митрополита Кіевскаго и Галицкаго. — «Народное Образованіе», 1896, кн. IV.

Маляревскій, Г. Очеркъ исторіи и современнаго состоянія народнаго образованія въ Сибири.—«Народное Образованіе», 1896, кн. IV.

Соколовъ, Ив. Святый Стефанъ Пермскій, просвѣтитель зырянъ.—«Народное Образованіе», 1896, кн. IV.

Наумовъ, Н. Н. М. Ядринцевъ въ Томской гимназіи.—«Сибирскій Сборникъ». Вып. IV.

Письма Н. И. Ильмискаго къ оберъ-прокурору Св. Синода К. П. Побѣдоносцеву. — «Православ. Собесѣдн.», 1896, мартъ.

Воскресенскій, А. О перепискѣ Н. И. Ильмискаго съ крещеными татарами.—«Правос. Собесѣдн.», 1896, мартъ.

Титовъ, Ѳ. И. Секта стригольниковъ.—«Миссіон. Обозрѣніе», 1896, мартъ, кн. I.

А., А. Некрологъ А. П. Кирпотенко.—«Воспитаніе и Обученіе», 1896, № 4.

А. П. Кирпотенко. Некрологъ.—«Педагогич. Сборникъ», 1896, мартъ.

Знаменскій, П. Печальное двадцатипятил.—«Правосл. Собесѣдн.», 1896, апрѣль.

П., И. Казанская епархія и ея предѣлы. (Церковно-историч. и географ. очеркъ).—«Правосл. Собесѣдн.», 1896, май.

Толстой, М. В. Родовая икона Воейковыхъ въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ.—«Богослов. Вѣстн.», 1896. февр.

Письма преосвящ. Никодима., епископа Енисейскаго и Красноярскаго къ проф. И. В. Платонову. Съ примѣчаніями И. А. **Колосова**.—«Богослов. Вѣстн.», 1896, февраль.

Поповъ, С. Г. Ректоръ Моск. Духов. Академіи прот. Александръ Васильевичъ Горскій. (Опытъ біогр. очерка.)—«Богослов. Вѣстн.», 1896, февраль.

Инокъ **Пареній**. Число раскольниковъ. — «Душеполез. Чтеніе», 1896, мартъ—апрѣль.

Кодратовъ, А. По святымъ обителямъ и богоспасаемымъ градамъ.—«Душеполез. Чтеніе», 1896, мартъ—апрѣль.

Письма преосвященнаго Ѳеофана Затворника. Сообщилъ **К. Е.**—«Душеполез. Чтеніе», 1896, мартъ—апрѣль.

Письма и резолюціи Филарета митрополита Московскаго. Сообщилъ архимандритъ **Григорій**.—«Душеполез. Чтеніе», 1896, мартъ—апрѣль.

Линда, М. Д. Историческія преданія о селѣ Рублевкѣ Богодуховскаго уѣзда.—«Сборникъ Харьков. Историко-филологич. Общ.», Т. 8.

Сумцовъ, Н. Ѳ. Сказанія о провалившихся городахъ.—„Сборникъ Харьковскаго Историко-филологич. Общ.“. Т. 8.

Плохинскій, М. М. Путешествіе Тарасія Каплонскаго въ Италію въ концѣ XVII столѣт.—„Сборникъ Харьк. Историко-филологич. Общ.“. Т. 8.

Мякотинъ, В. А. Генеральное слѣдствіе о мѣстностяхъ Переяславскаго полка.—„Сборникъ Харьковск. Историко-филологич. Общ.“. Т. 8.

Миллеръ, Д. П. Очерки изъ исторіи и юридическаго быта старой Малороссіи.—„Сборникъ Харьковск. Историко-филологич. Общ.“. Т. 8.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ
популярно-научныя и практическія сочиненія
ПОДЪ ОБЩИМЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

ПОЛЕЗНАЯ БИБЛІОТЕКА

Цѣна каждой книги 30 коп.

Міры дѣйствительные и воображаемые. Соч. Камилла Фламмаріона. Перевелъ Ив. Святскій. 192 стр.

Астрономія въ вопросахъ и отвѣтахъ. Г. Первиля. Перев. подъ ред. проф. С. Глазенапа. 104 стр. (съ 20 рис.).

Исторія чудеснаго въ новѣйшее время. Л. Фигье. Перев. съ 3-го французск. изданія. М. Гогунцова. Часть I. Кудесничества Калиостро.—Магнетизеры - мистики.—Электро-біологія.—Стучащіе духи. 224 стр.

Исторія чудеснаго въ новѣйшее время. Л. Фигье. Перев. съ 3-го французск. изданія, М. Гогунцова. Часть II. Электрическіе люди. — Отзывчатыя улитки. — Вертящіеся столы и медіумы. 130 стр.

Научныя развлеченія. (Собр. простыхъ физич. опытовъ)—д-ра В. Буринскаго. 128 стр. (съ 104 рисунк.).

Подъ водою.—Исторія водолазнаго дѣла и подводнаго плаванія. Л. Фигье. Переводъ подъ редакціею и съ дополненіями Гр. Ф-та. 120 стран. (съ 22 рисунк.).

Рыболовъ-любитель. (Жизнь, ловля и разведеніе прѣсноводныхъ рыбъ). Общедоступное практическое руководство. Ѳ. Пескова. 180 стр. (69 рис.).

Чудеса растительнаго міра. Составилъ Ѳ. Медвѣдевъ. 148 стр. (Съ 30 рис.).

Комнатное цвѣтоводство. Сост. Ѳ. Медвѣдевъ. 144 стр. (съ 56 рис.).

Спортъ во всѣ времена года. Составилъ Гр. Ф—тъ. 200 стр. (съ 60 рис.).

Драгоцѣнные камни. Составилъ Ив. Святскій. 184 стр. (съ 38 рис.).

Чудеса гипнотизма. Исторія и современное положеніе вопроса о гипнотизмѣ.—Очерки В. Битнера. 266 стр. (съ 6 рис.).

Жизнь земли. Очерки популярной геологіи. Профессора Ф. Пуше. Перев и доп. Н. Ляминъ. 164 стр. (съ 30 рис.)

Вокругъ свѣта на велосипедѣ. Т. Стивенса. Часть I.—Отъ Санъ-Франциско до Тегерана. 184 стр.

Самоучитель фотографіи. Теорія и практика фотографическаго искусства. Ф. Диллэй. Перев. подъ ред. В. Буринскаго. 244 стр. (съ 35 рис.).

Домашняя лабораторія. (Руководство къ ознакомленію съ основами химіи). Ф. Федо. Перевелъ и дополнилъ Ф. Ляминъ. 160 стр. (съ 37 рис.).

Древніе и новѣйшіе колоссы. (Исторія и описаніе замѣчательныхъ статуй, начиная съ древнѣйшихъ временъ). Е. Лебазейль. Переводъ съ французскаго Г. 224 стр. (съ 33 рис.).

Прѣсноводный акваріумъ. Составилъ Т. Богдановъ. 65 стр. (съ 14 рис.).

Первые обитатели Москвы. Разсказъ изъ временъ сѣдой старины. В. Битнера. 184 стр. (съ 18 рис.).

Письма изъ Африки. Генриха Сенкевича. Перевелъ М. Круковской. 271 стр. (съ 26 рис.).

Домашній обиходъ. (Сборникъ совѣтовъ и рецептовъ по всѣмъ отраслямъ домашняго хозяйства). Составилъ Ф. Г. 184+XIX стр.

Гальванопластика. Общедоступное практ. руководство для любителей. С. Глаголева. 64 стр. (съ 7 рис.) 2-е изд.

Электричество въ домашнемъ быту. Руков. для любит. электротехн. Сост. Н. Довяковскій. 194 стр. (съ 117 рис.).

Пять внѣшнихъ чувствъ.—Л. Фигье. Обработалъ и дополнилъ д-ръ Ю. Малисъ. 152 стр. (съ 20 рис.).

Календарь флоры. Составилъ Ѳ. Медвѣдевъ. 56 стр. (съ 3 рис.).

Джонъ-Булль и его колоніи. (Очерки изъ путешествій по колоніямъ Англіи). Макса О'Релля, переводъ съ англійск. Л. Богдановичъ. 148 стр.

Начало и конецъ міра. Ш. Ришара. Перев. и дополн. И. Святскій. 184 стр.

Въ странѣ черныхъ христіанъ. (Очерки Абиссиніи). Ф. Волгина. 128 стр. (съ 15 рис.).

Чудеса полярнаго міра. (Исторія путешествій.—Природа.—Жизнь и нравы обитателей). Е. Лебазейль. Перев. Е. Костко. 168 стр. (съ 35 рис.).

Первая помощь при несчастіяхъ съ людьми. Общедоступное руков. для подачи помощи до прибытія врача. Составилъ по проф. Эсмарху, Мозетигъ-Мооргофу и др.—д-ръ С. Г. 188 стр. (съ 45 рис.).

Микроскопъ и телескопъ. Зюрзэръ и Марголле. Перев. и дополн. И Святскій. 140 стр. (съ 42 рис.).

Астрономъ - любитель. Руководство къ ознакомленію съ небесными явленіями и ихъ наблюденіямъ. Сост. дѣйств. чл. Русскаго Астрон. Общ. Е. Предтеченскій. 200 стр. (25 рис. и черт.).

Горшковое комнатное плодоводство. Сост. Ѳ. Медвѣдевъ. 40 стр. (съ 6 рис.).

Гг. иногородніе, выписывающіе изъ книжнаго склада П. П. Сойкина (Спб., Стремянная, 12), за пересылку не платятъ.

Принимается подписка на 1896 годъ на

СРЕДНЕ-АЗІАТСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,
издающійся въ г. ТАШКЕНТѢ

Выходитъ книжками въ 7—10 печатныхъ листовъ.

«Средне-Азіатскій Вѣстникъ» ставитъ себѣ главною задачею, путемъ собранія научныхъ и другихъ данныхъ и безпристрастныхъ сужденій по вопросамъ мѣстной текущей жизни, дать читателямъ вѣрное представленіе о Средней Азіи, что значительно облегчается тѣмъ, что онъ издается въ центрѣ умственной жизни страны и въ немъ принимаютъ участіе всѣ лучшіе ея знатоки.—Кромѣ того, въ немъ будутъ помѣщаться научныя свѣдѣнія о сосѣднихъ съ Среднею Азіею странахъ: Центральной Азіи, Индіи, Афганистанѣ и Персіи, произведенія беллетристики, какъ оригинальной, такъ и переводной, отзывы о книгахъ, касающихся Средней Азіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ, выходящихъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, а также будутъ печататься рефераты и другія работы членовъ Туркестанскаго кружка любителей археологіи и Туркестанскаго общества сельскаго хозяйства (или въ текстѣ книжекъ, или въ видѣ приложеній).

Первая книжка журнала, вслѣдствіе поздняго разрѣшенія изданія, вышла въ мартѣ; за недостающіе мѣсяцы январь и февраль текущаго года подписчикамъ выдается научно-литературный сборникъ статей по Средней Азіи, изданный въ г. Ташкентѣ подъ заглавіемъ «Средняя Азія».

Подписная цѣна на годъ съ пересылкою **7** руб.; на полгода—**4** руб.; безъ пересылки на годъ—**6** руб.; на полгода—**3** рубля **50** коп. За границу на годъ—**10** рублей. Отдѣльныя книжки по **60** коп., съ пересылкою **70** коп.

Книжнымъ магазинамъ, принимающимъ подписку, уступка по 50 к. съ годоваго экземпляра.

Въ С.-Петербургѣ подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: „Посредникъ“ (Невск. пр. 54) и „Новаго Времени“ (Невск. пр. 38) и его отдѣленіяхъ въ Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Объявленія (только позади текста) принимаются по 10 р. за страницу и по 5 р. за полстраницы.

Подписныя деньги и вся корреспонденція адресуются: въ г. Ташкентъ, редактору-издателю «Средне-Азіатскаго Вѣстника», *Евгенію Тимоѳеевичу Смирнову*.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXVII-й. АВГУСТЪ. 1896 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Кн. В. А. Черкаскій и гражданское управленіе въ Болгаріи. 1877 — 1878 (Оконч.). Д. Г. Анучина. 231—254

II. Духоборцы, ихъ ученіе, организація и настоящее положеніе: 1) Нѣкоторыя черты объ обществѣ духоборцевъ. *_* 2) Правда о духоборцахъ. М. Тебенькова..... 257—293

III. Россія и Англія въ Турціи въ 1877 — 1878 гг. Гл. III. Страница изъ современной исторіи..... 295—311

IV. Два письма изъ эпохи Восточной войны 1853 — 1856 гг. А. Гирса... 313—322

V. Императоръ Александръ I и гр. Армфельдъ 1811—1812 гг. Гл. IV—VI... 323—348

VI. Густавъ IV и вел. княжна Александра Павловна. 1794—1796 гг. Гл. VI. Барона Н. В. Дризена. 349—366

VII. Записки Михаила Чайковскаго. Гл. XII—XIII ... 367—404

VIII. Графиня Р. С. Эдлингъ въ письмахъ къ В. Г. Теплякову А. Ѳ. Шидловскаго. 405—422

IX. Автобіографія Юрьевскаго архимандрита Фотія. Книга третья. (Оконч.).. 423—443

X. Сперанскій и два Никитина. Проф. В. Бильбасова. 445—447

XI. Поправка къ статьѣ: «Т. Г. Шевченко въ Астрахани». А. Конисскаго..... 449—450

XII. Записная книжка «Русской Старины»: Два письма по поводу кончины императора Николая I отъ 5 февраля 1855 г. (стр. 255).— Гр. М. М. Сперанскій въ Тюмени (294).—Къ біографіи Ѳеодосія архіепископа новгородскаго. Сообщ. А. Подвысоцкій (312).—Къ характеристикѣ нравовъ въ XVIII вѣкѣ. Сообщ. А. Е. Мерцаловъ (444). — О ввозѣ иностранныхъ книгъ въ Россію: Высочайшій указъ кн. Голицыну 18 августа 1802 г. Письмо Новосильцева Ѳ. П. Шуберту отъ 5 сентября 1804 г. (448).....

XIII. Библіографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи..... 451—454

XIV. Библіографическ. листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ графини Роксандры Скарлатовны Эдлингъ. Грав. К. Адтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1896 г.

Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,

Большая Подъяческая, 39.

1896.

VIII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го августа 1896 г.

Библіографическій листокъ.

Императоръ Александръ II Освободитель въ памяти своего народа.—По поводу открытія памятника Александру II въ Казани, 30-го августа 1895 г. Проф. А. А. Царевскаго. Казань. 1896 года.

Трудъ проф. А. А. Царевскаго, первоначально печатавшійся въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ за минувшій годъ, несмотря на свой небольшой объемъ (въ книгѣ всего 78 страницъ) —очень содержателенъ и заслуживаетъ полнаго вниманія. Составленъ этотъ историческій очеркъ, какъ сказано въ заголовкѣ книги,—по поводу открытія памятника государю Александру Николаевичу.

„30-ое августа 1895 года,—такъ начинаетъ авторъ свое изложеніе,—отнынѣ день историческій для Казани, день праздничный и навсегда незабвенный. Исторія Казани украсилась въ этотъ день событіемъ въ высокой степени важнымъ и знаменательнымъ, поистинѣ великимъ. Городъ Казань обогатился въ этотъ день однимъ безмолвнымъ, но безъ сравненія великимъ и дорогимъ, страстно всѣми нами желаннымъ и благоговѣйно любимымъ гражданиномъ“.

Перечисливъ имѣющіеся въ Казани памятники различныхъ дѣятелей на почвѣ научной и государственной жизни, г. Царевскій о памятникѣ Царю-Освободителю отзывается въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „всегда, вездѣ и всякій памятникъ ему пребудетъ самымъ дорогимъ и близкимъ для русскаго сердца, какъ памятникъ безмѣрно великихъ дѣлъ и безцѣнно благихъ преобразованій, какъ образъ величайшаго изъ монарховъ, благодѣтелей и устроителей своего народа“.

Въ подтвержденіе этихъ немногихъ (подчеркнутыхъ нами) словъ проф. Царевскаго, чрезвычайно мѣтко характеризующихъ императора Александра Николаевича, — мы, вслѣдъ за авторомъ, назовемъ выдающіеся подвиги и заслуги этого монарха для Россіи. Въ его царствованіе покоренъ Кавказъ, присоединены къ Россіи Ташкентъ, Самаркандъ, Коканъ, Бухара и Хива. Путемъ мирной дипломатіи этого государя Россія, безъ пролитія и капли крови, присоединила къ своимъ владѣніямъ необъятный Пріамурскій и Приморскій край, проложившій Россіи путь къ Великому восточному океану. Александромъ II возобновленъ черноморскій флотъ, возвращена Россіи отнятая по Парижскому миру часть Бессарабіи; завоеваны и присоединены къ Россіи въ Малой Азіи крѣпость Карсъ и портъ Батумъ.

Вѣнцомъ всѣхъ великихъ дѣяній Александра Николаевича и „самымъ крупнымъ жемчугомъ,—скажемъ мы словами автора,—въ его безсмертной коронѣ является совершеніе того колоссальнаго, славнаго не только въ русской, но и общечеловѣческой исторіи, дѣла, которое дало новую жизнь Россіи, вдохнуло „душу живу“ въ многомилліонное крестьянство русское“. 19-е февраля 1861 года останется навсегда священнымъ днемъ для всей русской земли и въ памяти каждаго русскаго человѣка.

Давъ свободу крестьянству, государь вслѣдъ за тѣмъ далъ и самоуправленіе всему народу русскому,—ввелъ земскія учрежденія. Всемѣрно заботясь о благѣ народномъ, онъ совершаетъ не менѣе грандіозную реформу судебную: данъ народу судъ новый, судъ совѣсти,—равный для всѣхъ, и открыта самая широкая свобода защиты подсудимаго. „Таинственная пучина старыхъ канцелярій,—поясняетъ А. А. Царевскій, исчезла, и ее замѣнилъ судъ открытый, гласный, всенародный“;—словомъ, весь судъ, по словамъ Манифеста, сдѣлался скорымъ, правымъ и милостивымъ. Уравнявъ права всѣхъ сословій предъ закономъ, Александръ II довершилъ это дѣло введеніемъ всесословной воинской повинности, причемъ сокращенъ двадцатипятилѣтній срокъ службы на шестилѣтній, и запрещены тѣлесныя наказанія шпицрутенами, фухтелями и т. под.; прекращена отдача въ солдаты преступниковъ, чѣмъ позорилось дотолѣ почетное и благородное званіе солдата. Александръ II настоялъ въ международной конвенціи на изгнаніи въ войнахъ мучительнѣйшихъ для человѣка разрывныхъ пуль. Человѣколюбію этого же государя и его милосердію—обязаны своимъ учрежденіемъ: санитарная часть въ войскахъ, Россійское общество Краснаго Креста, Главное попечительство о больныхъ и раненыхъ воинахъ, община сестеръ милосердія и т. п. человѣколюбивыя учрежденія.

Для поднятія матеріальнаго благосостоянія страны предпринята была этимъ государемъ цѣлая система реформъ и преобразованій: уничтожены винные откупа, разорявшіе народъ; измѣненъ весь порядокъ сбора податей и расходованія казны; преобразована контрольная и счетная части; учреждено особое министерство финансовъ, основанъ Государственный банкъ, и разрѣшено открытіе частныхъ банковъ и конторъ.

ГРАФИНЯ РОКСАНДРА СКАРЛАТОВНА

Э Д Л И Н Г Ъ

(род. 12 окт. 1786 г. скон. 16 янв. 1844 г.).

КНЯЗЬ В. А. ЧЕРКАСКІЙ

и

ГРАЖДАНСКОЕ УПРАВЛЕНІЕ ВЪ БОЛГАРІИ.

1877—1878 гг.

ГЛАВА XVIII [1]).

Агонія и смерть князя Черкаскаго.

Въ Адріанополь поѣздъ нашъ пришелъ 25 января вечеромъ. Узнавъ, что князь Черкаскій живетъ въ домѣ богатаго грека Алтынъ Алмаза, я рѣшилъ ѣхать прямо къ нему.

Войдя въ домъ, я былъ встрѣченъ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, который, вѣроятно, заподозривъ во мнѣ желаніе остановиться въ домѣ, началъ объяснять по-французски, что въ домѣ нѣтъ болѣе мѣста, такъ какъ онъ уже занятъ княземъ Черкаскимъ. Я отвѣчалъ, что не желаю здѣсь останавливаться, а хочу только видѣть князя, причемъ назвалъ себя и должность, мною занимаемую. Князя не было дома и молодой человѣкъ—кажется сынъ хозяина—введя меня наверхъ въ пріемную комнату, обѣщалъ тот-

---

[1]) См. «Русскую Старину», іюль 1896 г.

часъ же послать въ городское управленіе узнать, гдѣ приготовлена для меня квартира.

Вскорѣ пришелъ князь Владиміръ Александровичъ и встрѣтилъ меня самымъ радушнымъ образомъ. Узнавъ, что я прямо со станціи желѣзной дороги и не знаю, гдѣ мнѣ отведено помѣщеніе, онъ рѣшительно объявилъ, что не отпуститъ меня отъ себя сегодня. На мой взглядъ онъ замѣтно постарѣлъ. Лицо его осунулось, глаза ввалились и свѣтились не обычнымъ своимъ проницающимъ и какъ бы насмѣшливымъ блескомъ, а лихорадочно и тревожно; особенно не шли къ нему большіе волосы на головѣ и бакенбардахъ. Вообще же онъ казался въ хорошемъ расположеніи духа, что мнѣ особенно бросилось въ глаза, такъ какъ я думалъ найти его въ болѣе угнетенномъ видѣ. Заявивъ мнѣ, что всѣ служебные разговоры откладываетъ до утра, а теперь желаетъ передать мнѣ все имъ испытанное съ того времени какъ мы разстались въ Габровѣ т. е. съ 31-го декабря. А испыталъ онъ многое и видѣлъ немало интереснаго и знаменательнаго. Онъ пѣшкомъ перебрался черезъ Шипку, видѣлъ массу сдавшихся турецкихъ войскъ, видѣлъ турецкихъ коммиссаровъ, присланныхъ для переговоровъ о заключеніи перемирія, говорилъ съ ними и отъ важнѣйшихъ дѣятелей главной квартиры зналъ о существенныхъ фазисахъ переговоровъ.

Князь Черкаскій былъ превосходнымъ разсказчикомъ, и когда былъ въ ударѣ или почему-либо желалъ овладѣть всецѣло вниманіемъ слушателей — умѣлъ вести бесѣду какъ никто другой; его можно было заслушаться. Такъ было и на этотъ разъ, даже больше. По поспѣшности, съ которой онъ переходилъ отъ одного предмета къ другому, я заключилъ, что онъ окончательно хочетъ овладѣть моимъ вниманіемъ, не давая возможности прервать нить его разсказа.

Затѣмъ князь Владиміръ Александровичъ перешелъ лично къ себѣ и заговорилъ о своемъ пребываніи въ главной квартирѣ, отзываясь о всемъ и о всѣхъ безъ столь обычной въ послѣднее время желчи и какого бы то ни было неудовольствія. Зная со словъ очевидца всѣ подробности о томъ, что произошло съ нимъ въ дѣйствительности въ первые дни его пребыванія въ Казанлыкѣ, я, выслушавъ начало его благодушнаго разсказа, сразу догадался, что онъ снова, подобно тому какъ уже сдѣлалъ это въ Кишиневѣ, задумалъ

упорно молчать о своихъ неудачахъ, скрывая ихъ и подавленное состояніе своего духа подъ напускнымъ одушевленіемъ и кажущимся удовлетвореніемъ современными обстоятельствами. Лихорадочное возбужденіе показывало только, что онъ самъ не вѣритъ успѣху своей хитрости и съ надеждою на мою догадливость ждетъ отъ меня деликатнаго отношенія къ его положенію и хорошо понятнымъ мнѣ нравственнымъ страданіямъ. Я старался ничѣмъ не выразить моего недовѣрія и слушалъ его внимательно.

Графа Игнатьева онъ ожидалъ съ особымъ нетерпѣніемъ и надеждами. Изъ его словъ и намековъ нельзя было не заключить, что князь Владиміръ Александровичъ считалъ возможнымъ свое привлеченіе къ переговорамъ о мирѣ. Для будущаго правителя Болгаріи было чрезвычайно важно знать всѣ подробности веденія мирныхъ переговоровъ, а съ другой стороны и личные его взгляды на это дѣло не могли не быть полезными въ подобныхъ обстоятельствахъ.

На другое утро мы рано сошлись за чаемъ и долго бесѣдовали исключительно о занимавшихъ насъ обоихъ служебныхъ дѣлахъ. Князь Черкаскій передалъ мнѣ, что рѣшенія по его запискѣ, посланной 6-го декабря въ Петербургъ, не получено до сего времени и что ничего положительнаго о будущей дѣятельности императорскаго коммиссара пока неизвѣстно. Полное разъясненіе этого вопроса могло получиться, какъ думалъ онъ, черезъ графа Игнатьева, пріѣзда котораго ожидали съ часа на часъ. Съ другой стороны, по словамъ князя, высшее начальство арміи, убѣдясь, что въ Петербургѣ считаютъ его пребываніе при арміи необходимымъ—во многомъ измѣнило свои прежніе взгляды и довольно легко идетъ на такія соглашенія, о которыхъ прежде и слышать не хотѣло. Вообще онъ полагалъ, что теперь, съ прибытіемъ въ главную квартиру гражданской канцеляріи, возможно будетъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ по продолженію начатаго нами дѣла. Военныя власти соглашались: во-первыхъ, упразднить за Балканами военное управленіе и замѣнить его гражданскимъ; во-вторыхъ, снять запретъ, наложенный на командированіе къ намъ офицеровъ изъ частей дѣйствующей арміи; намъ не только разрѣшалось просить о назначеніи въ гражданское вѣдомство тѣхъ офицеровъ, которыхъ

мы желаемъ получить, но полевой штабъ и войсковые начальники сами спѣшили рекомендовать такихъ своихъ кандидатовъ, о желаніи сбыть которыхъ изъ строя не могло быть и рѣчи; и въ-третьихъ—въ распоряженіе губернаторовъ вновь учреждаемыхъ санджаковъ за Балканами обѣщали немедленно назначать достаточныя военныя силы, не менѣе батальона пѣхоты и сотни казаковъ.

Всѣмъ этимъ князь Черкаскій полагалъ воспользоваться.

Что касается до будущаго устройства управленія въ Болгаріи во время ея оккупаціи и впредь до передачи власти національному правительству, то объ этомъ много говорить не пришлось. Въ принципѣ, мы еще въ Боготѣ условились образовать два генералъ-губернаторства и совѣтъ при верховномъ коммиссарѣ. Въ Габровѣ я составилъ особую записку о томъ, что намъ предстояло дѣлать, и записку эту, помѣченную 12-мъ января 1878 года, передалъ князю Владиміру Александровичу въ самый вечеръ моего пріѣзда въ Адріанополь, такъ какъ она, вмѣстѣ съ другими важнѣйшими бумагами, находилась въ бывшемъ при мнѣ портфелѣ. Стоило ему одобрить записку, и самый проектъ управленія княжествомъ могъ быть составленъ въ два, три дня потому, что обо всемъ уже было переговорено прежде, все соображено и обдумано. Князь, прочтя записку до моего прихода, одобрилъ ее и безусловно согласился на учрежденіе совѣта. Совѣту онъ не хотѣлъ было придавать того самостоятельнаго значенія, какое, напримѣръ, было предоставлено бывшему учредительному комитету въ Царствѣ Польскомъ. Князь говорилъ, что онъ помнитъ, какую роль игралъ этотъ комитетъ въ его время, и не желаетъ стѣснять въ дѣйствіяхъ верховнаго коммиссара, положеніе котораго въ Болгаріи будетъ иное, чѣмъ намѣстника въ Царствѣ. Напоминая, что большей части всѣхъ успѣховъ нашихъ по устройству гражданской части въ Привислянскомъ краѣ, мы обязаны именно самостоятельному характеру учредительнаго комитета, я говорилъ, что если нельзя устраивать въ Болгаріи такого точно учрежденія, то тѣмъ не менѣе нежелательно бы лишать его всякаго значенія, давая ему характеръ строго совѣщательный; нѣкоторая самостоятельность совѣта была нужна въ видахъ облегченія личныхъ заботъ коммиссара. Съ этимъ князь согласился. Что

касается учрежденія должностей генералъ-губернаторовъ, то онъ пошелъ на это неохотно.

О своей поѣздкѣ въ Петербургъ князь Черкаскій не говорилъ, но тѣмъ не менѣе считалъ безусловно необходимымъ отправить туда проекты устройства центральныхъ управленій съ довѣреннымъ лицомъ для представленія и защиты проектовъ и немедленнаго выбора лицъ, для различныхъ частей расширившагося центральнаго гражданскаго управленія. Подобное порученіе онъ хотѣлъ возложить на меня, и нѣтъ нужды прибавлять, что я охотно на то согласился. Разставаясь утромъ 26-го января, мы условились, по прежнимъ примѣрамъ, о раздѣленіи между собою предстоящей работы; онъ взялъ на себя составленіе доклада и всѣхъ соображеній по введенію управленія въ Филиппопольскомъ санджакѣ, а я изготовленіе проекта о совѣтѣ управленія княжества Болгарскаго съ положеніемъ о генералъ-губернаторахъ и штатами. Я обѣщалъ исполнить это въ нѣсколько дней и уже заранѣе радовался предстоявшей возможности уѣхать въ Петербургъ немедленно по заключеніи мира.

Разговоръ нашъ утромъ 26-го января былъ совершенно спокойный, дѣловой и крайне опредѣленный. Со свойственною ему ясностью излагать свои мысли, князь Владиміръ Александровичъ весь ушелъ въ соображенія о будущемъ устройствѣ Болгаріи и говорилъ объ этомъ совершенно обстоятельно. Возбужденія, столь замѣтнаго въ разговорѣ, бывшемъ наканунѣ вечеромъ, не оставалось и слѣдовъ. Я вышелъ отъ него съ мыслями о новыхъ спѣшныхъ занятіяхъ и съ убѣжденіемъ, что онъ, въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія изъ Петербурга и прибытія Н. П. Игнатьева, въ усиленной и хлопотливой работѣ, желаетъ забыть о непріятностяхъ, перенесенныхъ имъ въ главной квартирѣ вообще, и въ особенности съ 1-го января. Онъ такъ часто говаривалъ, что «не любитъ ни передъ кѣмъ выворачивать своего нутра», что я этою нелюбовью вполнѣ объяснялъ себѣ рѣшимость его не вспоминать о старомъ, и далъ себѣ слово не дѣлать ни малѣйшихъ намековъ на прошлое, чтобы не раздражать его самолюбія и поберечь его нервы, давно уже бывшіе въ ненормальномъ положеніи.

Между тѣмъ, стоило мнѣ только показаться въ главной квартирѣ въ тотъ же день за завтракомъ, какъ тотчасъ же пришлось

убѣдиться, что полученныя мною отъ князя Черкаскаго свѣдѣнія не вполнѣ согласовались съ дѣйствительностью. Въ подтвержденіе давно уже ходившихъ слуховъ, дошедшихъ до меня еще въ Габрово, меня положительно удостовѣрили, что вопросъ о назначеніи императорскаго коммиссара изъ военныхъ генераловъ рѣшенъ въ Петербургѣ окончательно, и что на это мѣсто прочатъ князя Дондукова-Корсакова. Въ полевомъ штабѣ имѣлись будто бы объ этомъ оффиціальныя свѣдѣнія. Несмотря однако на это, ни главнокомандующій, ни начальникъ штаба при встрѣчѣ со мною не упомянули о полученныхъ ими извѣстіяхъ, и я могъ только догадываться, что здѣсь великодушно не желаютъ высказываться, предоставляя все естественному ходу обстоятельствъ.

Оффиціальные документы и оставшаяся послѣ князя Черкаскаго переписка, даютъ возможность возстановить факты во всей грозной ихъ дѣйствительности и показать, какую нечеловѣческую борьбу съ самимъ собою велъ онъ тогда, стараясь, подъ маской спокойствія и благодушнаго ко всему отношенія, побороть волновавшія его чувства.

Въ теченіе декабря 1877 года, разладъ князя Черкаскаго съ главной квартирой дошелъ до полнаго своего развитія и выразился не только служебными, но и личными противъ него манифестаціями — рѣшеніемъ не вводить гражданскаго управленія за Балканами и неприглашеніемъ самого князя въ Казанлыкъ на встрѣчу новаго года.

Желая разъяснить свое положеніе, князь Черкаскій, 1-го января пѣшкомъ переходитъ Шипку, кое-какъ достигаетъ Казанлыка и тамъ встрѣчаетъ пріемъ крайне нелюбезный и даже неделикатный, что особенно бросалось въ глаза въ виду вообще сердечнаго и одинаково благосклоннаго со всѣми обращенія главнокомандующаго.

Глубоко оскорбленный въ своемъ самолюбіи и гордости, князь Черкаскій все-таки убѣждаетъ военныя власти въ необходимости, по телеграфу, спросить, что сдѣлано съ его запискою о верховномъ коммиссарѣ. Отвѣтъ приходитъ уклончивый: присутствіе его на мѣстѣ въ настоящее время считается болѣе чѣмъ когда-либо необходимымъ. Смыслъ этого отвѣта истолковывается благопріятно. Князя Черкаскаго не пустили въ Петербургъ, но такъ какъ его присутствіе при арміи признано необходимымъ, то ему тотчасъ же и

было дозволено слѣдовать съ своею канцеляріей за главной квартирой для ознакомленія съ краемъ и для дальнѣйшихъ работъ по управленію занятою страною. Огорченный невызовомъ въ Петербургъ, князь Черкаскій самое признаніе его присутствія при арміи необходимымъ счелъ за выраженіе «довѣрія государева», которое, какъ пишетъ онъ, «не могло не тронуть меня глубоко и не укрѣпить меня еще болѣе въ твердой рѣшимости сдѣлать съ своей стороны все возможное для выполненія воли государевой, посвятить на это весь мой посильный трудъ и малое умѣнье и принести въ жертву всякіе личные интересы и жертвы».

Но князь Черкаскій еще не зналъ, касается ли рѣшеніе государя временнаго его при арміи пребыванія или приказано будетъ оставаться ему тамъ и въ будущемъ. Отвѣтъ на записку отправленъ изъ Петербурга съ курьеромъ 3-го января. Курьеры въ то время ѣздили долго; письменнаго отвѣта надо было ожидать около трехъ недѣль... И вотъ начались сомнѣнія, припоминалось старое, воскресли въ памяти событія, едва лишь отошедшія въ даль прошлаго. Накипѣвшая горечь просилась наружу, и князь Черкаскій, страдающій молча потому, что въ своемъ самомнѣніи никого не считаетъ достойнымъ того, чтобы «раскрыть передъ нимъ свое нутро» — изливаетъ свою скорбь на бумагѣ въ письмѣ на имя военнаго министра (8 января 1878 г.).

Послѣ только что приведенныхъ выше фразъ «о довѣріи государевомъ», князь продолжаетъ:

„Обращаюсь затѣмъ къ соображеніямъ такого рода, которыхъ къ истинному прискорбію и мое скромное лицо въ извѣстной мѣрѣ касается и которыя я, конечно, охотнѣе, чѣмъ кто-либо, оставилъ бы въ настоящую минуту въ сторонѣ, если бы это было возможно безъ явнаго вреда для дѣла.

„Вашему высокопревосходительству, безъ сомнѣнія, извѣстно какъ трудно было мое положеніе здѣсь до настоящей поры. Считаю излишнимъ входить въ подробное изложеніе тѣхъ весьма сложныхъ обстоятельствъ, частію личныхъ, частію служебныхъ, которыя не могли не породить этихъ трудностей. Но сколько они касались исключительно моего личнаго положенія, трудности эти, конечно, не имѣютъ ни малѣйшаго значенія. Если мнѣ въ болѣе или менѣе продолжительномъ времени придется сдать дѣла по гражданскому управленію другому лицу, въ такомъ случаѣ лишь во мнѣ лично можетъ остаться болѣе или менѣе непріятное и чувствительное воспоминаніе того, смѣю сказать, несоотвѣтствующаго первоначально назначавшейся мнѣ роли положенія, въ которое я былъ поставленъ обстоятельствами съ того самаго перваго дня, когда я былъ какъ бы забытъ и заброшенъ одинъ въ Петербургѣ, по отъѣздѣ

главной квартиры въ Кишиневъ, и которое съ тѣхъ поръ выпадало на мою постоянную вдѣсь долю. Но эти личныя ощущенія постепенно упразднились бы съ возвращеніемъ моимъ къ частной жизни, и служба отъ этого не потерпѣла бы. Иначе представляется дѣло, если предположить, что волею государя на нынѣшняго завѣдующаго гражданскими дѣлами можетъ быть возложено впослѣдствіи управленіе и, такъ сказать, возсозданіе Болгарскаго края къ гражданской народной жизни. Я не думаю, чтобы было полезно, въ теченіе продолжительнаго четырнадцати-мѣсячнаго срока держать это лицо, такъ сказать, въ черномъ тѣлѣ и вслѣдъ за тѣмъ поручить ему одну изъ самыхъ трудныхъ въ мірѣ задачъ и притомъ на Востокѣ, гдѣ народы такъ чутки ко всякому внѣшнему проявленію силы или безсилія, и въ странѣ, занятой военною силою и безъ того мало склонною къ признанію авторитета властей гражданскихъ. Я полагаю, что это вредно для дѣла, свидѣтельствуя либо о дѣйствительномъ пренебреженіи правительства къ человѣку, имъ первоначально избранному, либо, что еще гораздо вѣроятнѣе, о неумѣніи послѣдняго преодолѣть трудности и создать себѣ положеніе помимо оффиціальнаго, ускользавшаго изъ-подъ его ногъ. Думаю, наконецъ, что въ виду обстоятельствъ сложившихся тѣмъ или другимъ путемъ, было съ моей стороны во всякомъ случаѣ своевременно заранѣе возбудить вопросъ о томъ, стоитъ ли однако дѣйствительно человѣкъ этотъ въ уровень съ предназначавшимся ему первоначально положеніемъ или даже, если бы онъ паче чаянія и могъ первоначально годиться къ этому дѣлу, не испорчено ли его положеніе радикально и не лучше ли было бы привлечь къ дѣлу кого-либо другаго, покуда на это есть еще время и возможность".

Если князь Черкаскій при извѣстной его гордости и самолюбіи рѣшился написать подобныя строки, то стало быть онъ страдалъ жестоко, и страдалъ четырнадцать мѣсяцевъ, видя свою «заброшенность». Случаевъ къ объясненію въ теченіе этихъ четырнадцати мѣсяцевъ было много, особенно съ іюня по начало декабря 1877 г., когда государь находился при арміи, и въ его свитѣ были Д. А. Милютинъ и графъ Адлербергъ, оба благоволившіе къ князю и съ которыми ему во всякомъ случаѣ было легче переговорить, что называется, по душѣ, чѣмъ съ кѣмъ бы то ни было другимъ. Но онъ не говорилъ съ ними и если уже написалъ вышеприведенныя строки, то несомнѣнно въ минуты глубокаго потрясенія и напряженія нервовъ, когда они, наконецъ, совладали съ его гордой натурой и заставили вылить на бумагу то чувство негодованія, которое онъ скрывалъ въ себѣ и которое грызло его и въ корень подтачивало его жизненный организмъ.

Несомнѣнно, что время съ 8-го по 20-ое января, когда онъ получилъ извѣщеніе о томъ, что рѣшено назначить будущаго коммиссара изъ военныхъ—было для князя Черкаскаго самымъ ужас-

нымъ изъ всѣхъ четырнадцати мѣсяцевъ, о которыхъ онъ говоритъ въ своемъ письмѣ. Онъ не могъ не знать о слухахъ, носившихся въ главной квартирѣ о томъ, что все уже кончено, что будетъ коммиссаромъ не онъ, а князь Дондуковъ-Корсаковъ, но безусловно довѣрять этимъ слухамъ было еще нельзя. Его оставили при арміи, признавая его присутствіе особенно тогда необходимымъ. Дѣло шло тогда о переговорахъ насчетъ перемирія, могущаго во многомъ предрѣшить будущую судьбу Болгаріи. Онъ естественно разсчитывалъ, что при переговорахъ потребуютъ и его мнѣнія, какъ лица занимавшагося именно Болгарскимъ вопросомъ—но этого не только не дѣлали, а даже скрывали отъ него весь ходъ переговоровъ, и о нихъ онъ могъ узнавать лишь изъ общихъ разсказовъ А. И. Нелидова, у котораго первые дни жилъ и съ которымъ потомъ часто видался. Неприлеченіе его къ переговорамъ о перемиріи онъ относилъ къ нерасположенію къ нему главной квартиры, но думалъ, что вотъ, вотъ пріѣдетъ курьеръ изъ Петербурга и привезетъ точное указаніе на то, для чего собственно было нужно его присутствіе при арміи.

Наконецъ 20-го января пришло письмо военнаго министра, положившее конецъ мучительнымъ ожиданіямъ. Однако какой конецъ! Конецъ, рушившій всѣ его надежды и планы, способный убить всякаго другаго, обладавшаго менѣе сильнымъ организмомъ. Объяснилось, что не ему придется довершать дѣло, на которое онъ потратилъ столько энергіи, силъ, здоровья, не щадя своихъ личныхъ выгодъ и самолюбія. Объяснилось, что особыхъ причинъ, требовавшихъ его присутствія при арміи, въ сущности не было, что на нихъ сослались собственно для того, чтобы найти благовидный предлогъ для отклоненія его желанія пріѣхать въ Петербургъ для личныхъ переговоровъ.

Но и тогда еще его несовсѣмъ покидала надежда, что послѣ отправленія оффиціальнаго извѣщенія изъ Петербурга обстоятельства измѣнились и его привлекутъ къ участію въ переговорахъ о мирѣ... По крайней мѣрѣ онъ многаго ожидалъ отъ пріѣзда Н. П. Игнатьева въ главную квартиру [1]). Если дѣйствительно такая

[1]) Изъ Адріанополя, 17-го января, онъ писалъ своему семейству: „Когда увидимся? Чѣмъ ближе конецъ войны, тѣмъ съ бо́льшею силою задаю себѣ этотъ вопросъ и ищу на него отвѣта Но никто не можетъ отвѣчать на него

мысль приходила князю Черкаскому, то 28-го января, послѣ довольно продолжительнаго свиданія его съ пріѣхавшимъ Игнатьевымъ, всѣ надежды должны были рушиться. Н. П. Игнатьевъ не привезъ ничего для него утѣшительнаго, напротивъ того, вѣроятно сказалъ ему о петербургскихъ слухахъ насчетъ назначенія императорскимъ коммиссаромъ князя Дондукова-Корсакова [1]).

Вообще изъ сопоставленія всего вышеизложеннаго я прихожу къ заключенію, что здоровье князя Черкаскаго, съ самаго почти назначенія его на службу при дѣйствующей арміи начало разстроиваться и притомъ не отъ матеріальныхъ лишеній или физическихъ трудовъ, а отъ вліянія причинъ нравственныхъ. Мой дневникъ даетъ мнѣ возможность прослѣдить за послѣдними днями князя Черкаскаго весьма подробно, что я и сдѣлаю, пользуясь иногда разсказомъ очевидца, помѣщеннымъ въ изданной въ 1879 г. въ Москвѣ брошюрѣ: «Князь Владиміръ Александровичъ Черкаскій. Его статьи, его рѣчи и воспоминанія о немъ».

Уже 29-го января особенно поразило меня его обращеніе съ митрополитомъ сливенскимъ Серафимомъ. Желая познакомиться съ духовнымъ вопросомъ и главное съ матеріальнымъ положеніемъ духовенства и подѣйствовать на епархіальныхъ архіереевъ по дѣлу о прекращеніи столь ненавистнаго народу порядка сбора владычнины черезъ посредство турецкихъ заптіевъ, князь Черкаскій предварилъ трехъ митрополитовъ: софійскаго Мелетія, рущукскаго Климента и сливенскаго Серафима, что въ самомъ скоромъ времени вызоветъ ихъ въ Адріанополь для личныхъ объясненій. Говоря мнѣ объ этомъ, онъ прибавилъ, что вызвалъ ихъ не всѣхъ вмѣстѣ, а поодиночкѣ. Онъ хотѣлъ съ каждымъ поговорить отдѣльно и прежде, чѣмъ они успѣютъ переговорить другъ съ другомъ.

Изъ приглашенныхъ епископовъ ранѣе всѣхъ долженъ былъ пріѣхать митрополитъ Серафимъ. Съ нимъ первымъ и могли обсуждаться совершенно уже готовые циркуляры губернаторамъ и на-

---

положительно. Не привезетъ ли чего Игнатьевъ?" Брошюра „Князь Черкаскій" и проч. стр. 358.

[1]) 19-го февраля въ Санъ-Стефано, великій князь сказалъ мнѣ, что еще въ Адріанополѣ получилъ отъ государя письмо, въ которомъ говорилось, что вѣроятно коммиссаромъ будетъ назначенъ князь Дондуковъ.

чальникамъ епархій о владычнинѣ. Серафимъ пріѣзжаетъ и 29-го января является къ князю. Тотъ очень любезно принимаетъ его, но ведетъ рѣчь о ничего незначащихъ предметахъ, упомянувъ о владычнинѣ только вскользь. Послѣ получасовой бесѣды, митрополитъ говорилъ, что ему хотѣлось бы знать, долго ли ему придется пробыть здѣсь, чтобы распорядиться личными дѣлами. «Поѣзжайте, владыка, домой,—отвѣтилъ князь,—я васъ послѣ вызову». Тѣмъ и кончилась аудіенція къ крайнему удивленію и свидѣтелей и особенно самого Серафима, сдѣлавшаго неблизкій путь, какъ оказалось, совсѣмъ напрасно. Когда я потомъ спросилъ князя, почему онъ, вызвавъ Серафима, немедленно отпустилъ его; онъ мнѣ отвѣчалъ: «да не время съ нимъ говорить, я обожду вызывать и Климента съ Мелетіемъ».

На другой день 30-го января князь еще болѣе удивилъ меня, сказавъ, что главнокомандующій самъ лично выразилъ желаніе, чтобы я ѣхалъ въ Филиппополь вводить тамъ гражданское управленіе. Подобное сообщеніе не могло не поразить меня, потому что я былъ занятъ тогда составленіемъ проектовъ о совѣтѣ управленія и генералъ-губернаторахъ, дѣломъ, не терпѣвшимъ проволочки и окончаніемъ котораго очень интересовался князь Черкаскій. Мы только что сговорились было, что, вслѣдъ за одобреніемъ главнокомандующимъ этихъ проектовъ, я буду командированъ съ ними въ Петербургъ,—вдругъ я долженъ былъ прервать спѣшную работу и ѣхать назадъ въ Филиппополь, для наблюденія за дѣломъ совершенно второстепеннымъ.

Поэтому я выразилъ мое недоумѣніе и по поводу требованія главнокомандующагои еще болѣе по поводу его на это согласія. Я не могъ не сказать, что не понимаю, что я буду дѣлать въ Филиппополѣ, такъ какъ назначенный туда губернаторомъ полковникъ Шепелевъ пользуется общимъ довѣріемъ и ему, находившемуся тогда въ Адріанополѣ, возможно лично преподать самыя обстоятельныя инструкціи.

— Вы лично наблюдете, чтобы тамъ все было исполнено какъ слѣдуетъ, чтобы войска ни во что не вмѣшивались.

Я возражалъ, что если и были бы поводы предполагать возможность какихъ-либо особыхъ усложненій въ Филиппополѣ, то моя

посылка туда, явно выразивъ недовѣріе къ мѣстнымъ военнымъ властямъ, можетъ быть крайне щекотлива и для А. А. Шепелева, показывая ему, что и на него не вполнѣ надѣятся.

— Тутъ не въ томъ дѣло, а необходимо озаботиться о сохраненіи средствъ страны, о предупрежденіи расхищеній; вѣдь если повторятся порядки, которые мы наблюдали на сѣверѣ отъ Балканъ, то армія наша, за отсутствіемъ интендантства, окончательно можетъ пропасть, и солдаты перемрутъ съ голода. Вы должны будете все это видѣть и засвидѣтельствовать главнокомандующему.

Напрасно убѣждалъ я, что до интендантства намъ нѣтъ никакого дѣла, что о продовольствіи арміи тоже говорить нечего, потому что если она не погибла въ сѣверной Болгаріи во время войны, то несомнѣнно уцѣлѣетъ въ богатой Румеліи по прекращеніи теперь военныхъ дѣйствій. Впрочемъ, прибавилъ я, если великому князю угодно будетъ возложить на меня такое порученіе, то разумѣется придется ѣхать, но во всякомъ случаѣ я буду ожидать подробныхъ указаній, которыя, вѣроятно, и получу, откланиваясь главнокомандующему.

1-го февраля дѣйствительно состоялось утвержденіе главнокомандующимъ доклада князя Черкаскаго объ образованіи Филиппопольскаго санджака, причемъ меня предполагалось послать: «для наблюденія за правильнымъ введеніемъ въ дѣйствіе гражданскаго управленія въ Филиппопольскомъ санджакѣ и образованіемъ надлежащаго личнаго административнаго состава въ самомъ Филиппополѣ и округахъ, а равно для возможнаго устраненія тѣхъ главнѣйшихъ затрудненій, которыя могутъ въ настоящихъ обстоятельствахъ встрѣтиться на мѣстахъ» [1]).

Между тѣмъ князь Черкаскій уже изнемогалъ не только нравственно, но и физически и тѣмъ болѣе, что все крѣпился и отъ всѣхъ, да и отъ самого себя, старался скрыть истину. 31-го января онъ пишетъ своему брату: «дѣла гибель, не успѣваемъ за нимъ. Истомился страшно, состарился и похудѣлъ. Думаю: когда Господь сжалится надо мною и дастъ мнѣ увидать свою семью и свой домъ!» Въ каждомъ словѣ этихъ немногихъ строкъ видно страданіе. Недугъ

---

[1]) Докладъ этотъ напечатанъ въ Сбор. оф. рас. вып. VII.

физическій уже овладѣлъ имъ, и голова его работала не такъ, какъ прежде; преслѣдуя одну и ту же цѣль, онъ начиналъ теряться въ подробностяхъ и впадалъ въ противорѣчія. Въ послѣдніе дни онъ чувствовалъ себя совсѣмъ дурно, лицо пожелтѣло, онъ ничего не ѣлъ.

Кажется, поѣздка его къ главнокомандующему 1-го февраля, была послѣднею въ Адріанополѣ. На слѣдующій день было рожденье князя Владиміра Александровича. Ему исполнилось 54 года. Онъ долго говорилъ со мною, но не столько о дѣлахъ гражданскаго управленія, сколько о положеніи арміи. Онъ предвидѣлъ въ будущемъ немало усложненій и въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ описывалъ о хозяйничаньи нѣкоторыхъ военныхъ начальниковъ, полномъ ихъ произволѣ, отсутствіи интендантства. «Вы увидите, — снова повторялъ онъ, — перемрутъ войска съ голоду». Противорѣчить ему было невозможно, онъ сильно волновался, какъ бывало прежде въ тяжелые дни, проведенные въ Тырновѣ въ іюлѣ и потомъ подъ Плевной. Видно было, что имъ всецѣло овладѣла мысль о лежащей на немъ нравственной отвѣтственности за всѣ хозяйственныя неурядицы, происходившія въ арміи. Онъ упоминалъ о своей отвѣтственности передъ Москвой, передъ всей Россіей.

3-го февраля, занятый спѣшною работой, я не былъ у князя, а зайдя утромъ 4-го, нашелъ его въ постели. Онъ еще наканунѣ ложился въ постель, почувствовавъ слабость и большую сонливость. Приглашенный къ больному лейбъ-медикъ Обермиллеръ, два раза навѣстилъ его и совѣтовалъ беречься, сказавъ, что «авось дѣло обойдется легкою простудою». Самъ князь превозмогалъ себя и полулежа продолжалъ заниматься дѣлами. 5-го я нашелъ его въ постели слабымъ, съ лицомъ желтымъ и изнуреннымъ, голова однако была вполнѣ свѣжа, и онъ говорилъ совершенно сознательно. О поѣздкѣ моей въ Филиппополь онъ не упоминалъ, напротивъ убѣдительно просилъ окончить мою работу, говоря, что желаетъ скорѣе устроить мою поѣздку въ Петербургъ. Ухаживать за больнымъ была приглашена сестра милосердія г-жа Глыбина, молодая, рослая и на видъ очень сильная женщина.

Затѣмъ два дня князю было если не лучше, то и не хуже; окружающіе князя успокоились. Самъ онъ лежалъ въ постели и, несмотря на слабость, принималъ доклады и занимался дѣлами. Въ

эти то дни онъ продиктовалъ П. В. Неклюдову и потомъ собственноручно исправилъ замѣчательный циркуляръ Филиппопольскому и Сливенскому губернаторамъ о порядкѣ выборовъ въ управительные совѣты. Эта замѣчательная и, кажется, послѣдняя работа князя Черкаскаго свидѣтельствуетъ, что и въ промежуткахъ между жестокими болѣзненными припадками, умъ его дѣйствовалъ правильно и память сохранялась въ полной неприкосновенности.

Докторъ Обермиллеръ опредѣлялъ болѣзнь его желчнымъ разстройствомъ. Повѣрить этому было нетрудно. «Гибель работы,—писалъ отъ 5-го февраля одинъ изъ приближенныхъ къ князю,—безпрестанныя непріятности и дрязги не подъ силу одному человѣку... Такова обстановка, продолжающаяся почти годъ. Поучительно, но не радостно и невольно заставляетъ думать о шаткомъ и одиночномъ положеніи на свѣтѣ честнаго дѣятеля» [1]).

Утромъ 6-го, войдя къ нему въ комнату, я увидѣлъ около его постели, на полу, тазъ и въ немъ рыбу. Что это такое, спрашиваю. «А вотъ хозяйка прислала эту рыбу съ тѣмъ, чтобы я глядѣлъ на нее; говоритъ, что у нихъ такъ лечатъ отъ желтухи. Вотъ и смотрю. Очень меня тронуло вниманіе этихъ добрыхъ людей».

7-го февраля я попрежнему засталъ князя Вл. Ал. въ постели и въ томъ же положеніи. Желчь разливалась все болѣе и болѣе, но онъ былъ въ полномъ сознаніи и пожелалъ непремѣнно выслушать мои проекты, которые я принесъ ему готовыми. Я уговаривалъ его отложить чтеніе до другаго раза, но онъ настоялъ на своемъ, прослушалъ внимательно, сдѣлалъ нѣсколько редакціонныхъ замѣчаній и, одобривъ все, сказалъ, что прикажетъ переписывать на бѣло. Окончаніе проектовъ видимо его утѣшило. Къ вечеру ему однако сдѣлалось хуже; слова и мысли путались.

«Утромъ 8-го,—продолжаю выписку изъ дневника,—мнѣ пришли сказать, что Черкаскому хуже; онъ бредилъ ночью и теперь никого не узнаетъ. Всѣ бумаги принесли отъ него неподписанными. Я отправился къ нему. Ну что? спрашиваю.—Худо,—отвѣчаетъ сестра милосердія,—войдите.—Худой, обросшій бородой, онъ сидѣлъ на кровати и усердно чистилъ мандаринъ.—Здравствуйте князь! Молчитъ. Наконецъ, взглянулъ на меня. Боже мой, что за взглядъ! Огромные, совершенно желтые глаза смотрѣли на меня дико и какъ-то пугливо. Выраженіе лица, совершенно желтаго, было весьма непріятно. Онъ не узналъ меня.—Это я, говорю, Дмитрій Гавриловичъ.—А, узналъ.—На лицѣ появилась

[1]) Кн. „Вл. Ал. Черкаскій", стр. 360.

улыбка и онъ смотрѣлъ довольно весело, но сердце сжималось, глядя на него. Въ сосѣдней комнатѣ сидѣли четыре доктора: Обермиллеръ, Приселковъ, мѣстный французъ и старшій врачъ турецкой арміи армянинъ, пріѣхавшій изъ Константинополя по дѣламъ Краснаго Креста [1]). Всѣ они согласны, что положеніе опасно. Желчь разлилась и кровь бросилась въ голову. Руки и ноги холоды. Можно ожидать удара. Рѣшили увѣдомить ближайшихъ родныхъ объ опасномъ положеніи. Потомъ онъ нѣсколько словъ сказалъ мнѣ разумно. Я его опять усаживалъ ѣсть мандаринъ.—Выздоравливайте скорѣе, Богъ дастъ все окончится благополучно.—Нѣтъ, плохо мнѣ, плохо—и онъ заметался. Я побѣжалъ позвать докторовъ. Пришли, но онъ ничего не могъ объяснить, хотя силился что-то сказать».

Въ два часа я пошелъ въ главную квартиру и просилъ Непокойчицкаго передать о положеніи Черкаскаго и испросить мнѣ дозволеніе доложить все великому князю. Сейчасъ же телеграфировали государю, а мнѣ великій князь велѣлъ отдать приказъ по арміи о вступленіи моемъ въ должность завѣдывавшаго гражданскими дѣлами, но я просилъ обождать съ этимъ до завтра—можетъ быть ночью ему станетъ лучше. Великій князя согласился.

Согласившись обождать отданіемъ приказа о моемъ вступленіи въ должность, главнокомандующій задержалъ и отправленіе телеграммы государю, а послалъ ее только 10-го числа. Депеша была такова: «Князь Черкаскій заболѣлъ мѣстною злокачественною желтухою; теперь желчное отравленіе крови—маларія; положеніе его опасное. Приказалъ пока генералу Анучину принять его управленіе». Въ тотъ же день вечеромъ пошла дополнительная депеша: «Князю Черкаскому лучше; сегодня пришелъ въ себя, а то эти два дня былъ безъ памяти». Изъ этихъ депешъ первая, посланная утромъ, получена была въ Петербургѣ 16 февраля, а вторая дошла во время—11-го вечеромъ.

Послѣ обѣда (8-го) телеграфировали П. А. Васильчикову (брату княгини Черкаской), что князь опасно боленъ и чтобы пріѣзжалъ черезъ Одессу, не пугая княгини и передавъ о болѣзни Н. С. Аксакову. Князя, къ которому я вернулся немедленно, нашелъ въ худшемъ положеніи. Онъ никого не узналъ, всѣхъ отъ

---

[1]) Обермиллеръ—лейбъ-медикъ, состоявшій при главнокомандующемъ; Приселковъ—главный медицинскій инспекторъ дѣйствующей арміи; мѣстный французъ-докторъ Жупанъ и главный турецкій врачъ армянинъ Стефанъ. Мнѣнія докторовъ раздѣлились; Стефанъ признавалъ апоплексическій ударъ, прочіе—злокачественную болгарскую лихорадку (Febris bulgariensis perniciosa).

себя гналъ, крича: «оставьте меня въ покоѣ», и дико водилъ страшными желтыми глазами. Позвали сестру милосердія, и ее гонитъ. Сбросилъ съ себя одѣяло, а между тѣмъ ему только что приложили къ ногамъ бутылки съ горячей водой; пришлось ихъ убрать, чтобы въ кого-нибудь не бросилъ. Сестра милосердія, выше меня ростомъ, храбрая, справляется съ нимъ. Въ пять часовъ пришлось послать за Обермиллеромъ. Узналъ его, позволилъ приложить мушку, но все капризничалъ. Я ушелъ домой въ шесть часовъ.

„9-ое февраля. Князю немного лучше, но положеніе опасное по-прежнему. Это самая злокачественная лихорадка, соединенная съ желтухой. Надѣются его спасти. Я былъ у него два раза—не узнаетъ. Послѣ обѣда великій князь верхомъ подъѣзжалъ къ дому Алтынъ Алмаза и присылалъ Д. А. Скалона узнать о здоровьѣ князя. Я выходилъ къ великому князю на улицу. Приказъ о моемъ вступленіи въ должность подписанъ".

Въ этотъ день главнокомандующій уже зналъ положительно о судьбѣ Черкаскаго. Государь, въ письмѣ отъ 26-го января, между прочимъ, сообщалъ: «на командованіе оккупаціонными войсками и управленіе гражданскою частью въ Болгаріи имѣю я въ виду генералъ-адъютанта князя Дондукова-Корсакова на томъ же основаніи, какъ графъ Киселевъ оставался императорскимъ коммиссаромъ въ княжествахъ по окончаніи войны въ 1829 до 1836 года».

Отъѣздъ великаго князя изъ Адріанополя состоялся 10-го февраля и совпалъ съ переломомъ въ болѣзни князя Черкаскаго. Продолжаю выписку изъ дневника.

«10-ое февраля. Черкаскому нѣсколько лучше, приходитъ въ себя и узнаетъ нѣкоторыхъ, но вообще положеніе его печально, и мнѣ кажется, что много потребуется времени, чтобы онъ сдѣлался способнымъ къ работѣ, а особенно къ такой кипучей, каковой должна была быть дѣятельность гражданскаго правителя въ Болгаріи. Доктора говорятъ, что крайняя опасность прошла, но тѣмъ не менѣе вотъ уже третій день, какъ онъ не приходитъ вполнѣ въ себя. Боюсь, чтобы болѣзнь не оставила на немъ тяжелыхъ слѣдовъ... Какъ онъ страшно и безумно поводитъ глазами! Какъ ему трудно говорить и что-нибудь высказать, хотя бы одно слово! Мнѣ кажется, что едва ли не прекратилась его здѣсь дѣятельность, по крайней мѣрѣ слѣдуетъ его теперь замѣнить кѣмъ-либо на долгое время, а какъ теперь-то и идетъ самое важное и серьезное время, то такая замѣна весьма легко можетъ сдѣлаться полною...

«12-ое февраля. Князь Черкаскій, слава Богу, выздоравливаетъ такъ же внезапно и быстро, какъ заболѣлъ. Вчера ему было гораздо лучше. Сегодня уже онъ сидѣлъ въ креслѣ, выбрился и говорилъ о дѣлахъ съ полною ясностью и памятью о всемъ, что было до его болѣзни. Разница только въ томъ, что прежде болѣзни онъ считалъ необходимымъ послать меня въ Петербургъ съ проектами и для выбора лицъ, даже и въ томъ случаѣ, если я не соглашусь

остаться въ Болгаріи, а сегодня уже говорилъ, что мнѣ ѣхать нельзя, что на это нехорошо посмотритъ государь и что, впрочемъ, объ этомъ онъ поговоритъ еще со мною".

Вмѣстѣ съ сознаніемъ стала возвращаться къ князю и энергія. Узнавъ о выѣздѣ великаго князя изъ Адріанополя, онъ рѣшительно сталъ говорить о необходимости ѣхать въ Санъ-Стефано. Доктора и окружающіе его заявляли, что дѣйствительно надобно уѣхать изъ Адріанополя, но не теперь, а какъ только онъ наберетъ силъ и будетъ чувствовать себя лучше, но ѣхать не въ главную квартиру, гдѣ шумъ, сутолока и неизбѣжныя дѣла, а куда-нибудь на свободу, въ приморскій городъ, гдѣ бы онъ, рѣшительно отказавшись отъ всякихъ занятій, отдался бы весь отдохновенію на чистомъ морскомъ воздухѣ.

Онъ возражалъ, что и Санъ-Стефано на берегу моря, а потому и тамъ ему удобно будетъ отдохнуть, дѣлами же онъ будетъ заниматься немного. Когда же бывшій при немъ съ момента кризиса докторъ Делоне умолялъ его поберечь себя, князь отвѣчалъ: «незабудьте докторъ, что въ настоящую минуту отъ меня зависитъ участь милліоновъ Болгаръ». При дальнѣйшихъ настояніяхъ онъ сказалъ, что поѣдетъ въ Санъ-Стефано непремѣнно, что бы доктора ни рѣшали. «Я долженъ видѣть великаго князя до заключенія мира, отъ этого зависитъ участь Болгаріи; послѣ этого свиданія обѣщаюсь, любезный докторъ, быть самымъ послушнымъ изъ паціентовъ».

Упрашивалъ его не выѣзжать изъ Адріанополя и я—онъ не соглашался. Настаивать особенно я не рѣшался потому, что князь Черкаскій зналъ объ отданномъ по арміи приказѣ о передачѣ его должности мнѣ на время его болѣзни, а потому при своей подозрительности, въ моихъ настояніяхъ могъ бы, пожалуй, усмотрѣть желаніе удалить его отъ дѣлъ. Я только настоялъ на томъ, чтобы онъ телеграфировалъ о своемъ выѣздѣ главнокомандующему и просилъ генерала Непокойчицкаго сдѣлать распоряженіе, чтобы желѣзнодорожный поѣздъ, на которомъ онъ поѣдетъ, не бросилъ бы его гдѣ-нибудь по пути, а непремѣнно довезъ до Санъ-Стефано или того мѣста, гдѣ будетъ главная квартира. Адъютантъ главнокомандующаго, Д. А. Скалонъ, прислалъ князю слѣдующую отвѣтную телеграмму: son altesse consent avec plaisir, que vous veniez à San-

Stefano». Распоряженіе о безостановочномъ движеніи поѣзда, безъ сомнѣнія, также было сдѣлано. Съ своей стороны я сказалъ князю, что не рѣшусь ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, чтобы не взять на себя отвѣтственности за то, что допустилъ его выѣхать въ такомъ еще слабомъ положеніи. Выѣздъ былъ назначенъ на утро 15-го февраля.

Наканунѣ отъѣзда, вечеромъ 14-го я долго и откровенно разговаривалъ съ княземъ. Онъ былъ въ какомъ-то особомъ умиленномъ настроеніи, и я имѣлъ случай совершенно кстати, даже какъ будто по вызову его, затронуть всѣ пережитыя нами обстоятельства и указать на то, что мы оба перенесли и какія тяжкія испытанія нашихъ взаимныхъ отношеній пережили. Онъ спокойно, незлобливо говорилъ о своихъ увлеченіяхъ и *можетъ быть* ошибкахъ, особенно въ отношеніяхъ съ массою новыхъ лицъ, среди коихъ ему приходилось дѣйствовать... но при всемъ этомъ ни однимъ словомъ не обмолвился о томъ, что его положеніе уже окончательно выяснилось и что онъ зналъ о временномъ только своемъ нахожденіи при арміи. Напротивъ, онъ уговаривалъ меня принять должность вице-предсѣдателя совѣта, мѣсто, которое, вѣроятно, будетъ соединено съ должностью генералъ-губернатора въ Филиппополѣ. Такъ онъ владѣлъ собою и до такой степени не хотѣлъ выставить своего униженія тѣмъ, что его не оставляли въ Болгаріи оканчивать начатое имъ дѣло, а забраковали... Вотъ это-то чувство терзало его и было главною его болѣзнью. Онъ страдалъ молча, не произнося обвиненій, не ища утѣшеній... Все это не могло не привести его къ могилѣ—и онъ умиралъ тѣмъ же гордымъ и самолюбивымъ человѣкомъ, какимъ былъ въ теченіе всей своей жизни.

Утромъ 15-го февраля онъ всталъ рано и въ 7 часовъ поѣхалъ на станцію желѣзной дороги къ поѣзду, который обѣщали отправить въ 10 часовъ. Я уже засталъ его на желѣзной дорогѣ въ крайне неприглядномъ видѣ. Слабость его бросалась въ глаза, но онъ крѣпился, много говорилъ. Я замѣтилъ, что еще не поздно и можно остаться. Онъ засмѣялся и сказалъ, что онъ не упрямый прапорщикъ, который хочетъ поставить на своемъ.—Жаль, что вы не прапорщикъ,—отвѣчалъ я,—тогда бы вамъ можно было приказать остаться, и вы бы не сдѣлали того, на что въ вашемъ положеніи не рискнулъ бы и прапорщикъ. Былъ уже двѣнадцатый часъ и по-

ѣздъ все еще не трогался. Князь очень истомился ожиданіемъ, и его уговорили войти въ приготовленное для него отдѣленіе вагона. Онъ просилъ меня сѣсть напротивъ его, взялъ за руку, прослезился и съ дрожащими губами кое-какъ проговорилъ: «да, вы правы, Дмитрій Гавриловичъ, я поступаю хуже чѣмъ прапорщикъ, но я не могу оставаться, я долженъ ѣхать». Не выпуская моей руки изъ своей, онъ еще нѣсколько времени поговорилъ со мною, давъ мнѣ честное слово, немедленно по моемъ пріѣздѣ въ Санъ-Стефано, устроить мою командировку въ Петербургъ.

Поѣздъ тронулся въ половинѣ двѣнадцатаго, и мы разстались, чтобы болѣе не увидѣться. Князь сѣлъ въ купе вмѣстѣ съ докторомъ Делоне, Неклюдовымъ и служившимъ въ Красномъ Крестѣ Левашевымъ. Дорога была весьма утомительна, растрясла больнаго и произвела у него острыя боли въ желудкѣ, которыя онъ старался скрыть отъ своихъ спутниковъ. Онъ совѣстился сказать, что присутствіе ихъ его стѣсняетъ... Только на ночь онъ остался въ вагонѣ съ докторомъ и своимъ деньщикомъ.

Въ Санъ-Стефано поѣздъ пришелъ вечеромъ 16-го. На вокзалѣ князя ожидалъ экипажъ, въ которомъ онъ и пріѣхалъ на приготовленную для него весьма удобную квартиру на берегу моря. Князь видимо обрадовался чистому европейскому помѣщенію, свѣтлымъ комнатамъ, а главное виду на море. Обращаясь къ Неклюдову онъ сказалъ: «vous voyez, que vous avez eu tort de me déconseiller de venir ici». Обѣдалъ князь съ своими спутниками въ восьмомъ часу. Онъ съ удовольствіемъ ѣлъ устрицы, которыя, по мнѣнію доктора, не могли причинить ему вреда.

На слѣдующій день, 17-го февраля, великій князь былъ занятъ и не могъ принять князя, который весь день провелъ ничѣмъ не занимаясь, разговаривая съ нѣсколькими посѣтителями и наслаждаясь отличнымъ морскимъ воздухомъ съ балкона своей квартиры.

Въ числѣ посѣтителей былъ прибывшій изъ Петербурга нашъ военный агентъ въ Черногоріи, генеральнаго штаба полковникъ А. А. Боголюбовъ, привезшій князю письмо отъ военнаго министра. Д. А. Милютинъ писалъ отъ 24-го января 1878 г. Письмо это было не оффиціальное и служило дополненіемъ къ прежнему его

письму отъ 27-го декабря 1877 г. Выписываю изъ него слѣдующее:

«Вамъ уже извѣстно, что предполагается по заключеніи мира на заявленныхъ нами основаніяхъ, въ случаѣ введенія въ Болгаріи временнаго русскаго управленія и занятій ея русскими войсками, поручить высшее начальство въ краѣ лицу военному. Выборъ этого лица и до сихъ поръ еще не рѣшенъ. Вѣроятно вопросъ этотъ рѣшится только тогда, когда удостовѣримся, что миръ состоится безъ измѣненія нашихъ условій относительно Болгаріи. Только тогда послѣдуетъ и назначеніе лица, на которое будетъ возложено временное начальство въ краѣ и которому будетъ поручено введеніе новаго управленія. Само собою разумѣется, что этому лицу, кто бы онъ ни былъ, необходимо будетъ придать помощника спеціально для гражданскаго управленія, и выборъ этого лица будетъ весьма важенъ. Для этого нуженъ человѣкъ уже подготовленный, ознакомленный съ тѣмъ, что дѣлалось подъ вашимъ руководствомъ, такъ какъ желательно, чтобъ новое управленіе было продолженіемъ того, котораго основанія положены вами. Вотъ почему совершенно необходимо, чтобы вы, глубокоуважаемый князь Владиміръ Александровичъ, вооружились еще на нѣкоторое время терпѣніемъ и дождались того момента, когда вамъ можно будетъ передать, изъ рукъ въ руки, бразды правленія новому лицу. При этомъ и самый выборъ лица, завѣдующаго гражданскими дѣлами, могъ бы быть подъ вашимъ вліяніемъ. Всѣ подготовленныя вами работы для будущей организаціи края пойдутъ въ прокъ, на сколько окажется возможнымъ по соображенію съ тѣми условіями, при которыхъ откроется новое временное управленіе. Вполнѣ понимаю, какъ должно быть тягостно и непріятно для васъ выжидательное положеніе, но вы уже столько вытерпѣли, что, конечно, достанетъ у васъ твердости характера, чтобъ дотянуть до конца. Въ письмѣ моемъ отъ 27-го декабря я выразился вполнѣ искренно, а не для оффиціальной фразы, что государь разсчитываетъ на васъ и надѣется, что вы не прежде уѣдете изъ края, какъ передавъ дѣла новому управленію».

А. А. Боголюбовъ, передавшій князю это письмо, вышелъ отъ него подъ тѣмъ впечатлѣніемъ, что князь еще серьезно боленъ, но превозмогаетъ себя. Вообще князь Черкаскій въ этотъ день мало занимался, нѣсколько разъ ложился, много спалъ и неоднократно жаловался на сильное утомленіе. Въ ночь съ 17-го на 18-е февраля надъ Санъ-Стефано разразилась сильная буря съ грозою. Около полуночи докторъ Делоне не ложился, такъ какъ князь не могъ заснуть отъ шума волнъ, ударявшихся почти о фундаментъ дома. Когда погода утихла, князю стали мерещиться какія-то галлюцинаціи. Крики солдатъ, грызню лошадей сосѣдняго эскадрона, а равно и мяуканье кошекъ князь принималъ за что-то необыкновенное. Ему представлялось, что турки рѣжутъ хозяина дома и что кто-то кричитъ «караулъ». Онъ безпрестанно призывалъ къ

себѣ Б. П. Делоне, спавшаго въ сосѣдней комнатѣ, съ открытою дверью въ спальню больнаго, и говорилъ ему: «cher docteur, il se passe quelque chose de terrible, on egorge en bas». Больной успокоился только тогда, когда докторъ пошелъ въ палисадникъ и, обойдя его, вернулся съ увѣреніемъ, что ничего особеннаго на дворѣ нѣтъ. На слѣдующее утро сонливость была сильная; на вопросы доктора, не болитъ ли у него что-нибудь, больной упорно отвѣчалъ, что онъ отлично себя чувствуетъ. Когда же зашелъ къ нему въ комнату Неклюдовъ и засталъ его еще въ постели, онъ жаловался на боль въ желудкѣ. Тогда Неклюдовъ предложилъ послать къ великому князю и доложить ему, что князь по нездоровью не можетъ въ этотъ день быть у него; но на это больной разсердился и объявилъ, что пойдетъ непремѣнно и что чувствуетъ себя отлично. Въ 12 часовъ князь Черкаскій отправился къ великому князю. Всѣ, встрѣтившіе его по дорогѣ, были поражены болѣзненнымъ его видомъ и желтизною лица. У великаго князя онъ оставался около часа и доложилъ все то, что ему было нужно. Его высочество былъ очень привѣтливъ, утвердилъ всѣ представленія и пенялъ князю, что при болѣзненномъ состояніи и слабости онъ побезпокоился придти съ докладами, тогда какъ великій князь охотно бы самъ навѣстилъ его на его квартирѣ и переговорилъ бы о дѣлахъ. Великаго князя поразили болѣзненный видъ Черкаскаго и нервная его зѣвота. Утверждая представленія, великій князь просилъ прочесть ихъ графу Игнатьеву. Возвратившись домой, князь шутя отвѣчалъ Неклюдову, спросившему его, не утомился ли онъ: «я самъ утомилъ великаго князя, цѣлый часъ задержалъ его докладомъ». Неклюдова онъ просилъ, чтобы тотъ вечеромъ непремѣнно былъ дома, такъ какъ надо будетъ продиктовать письмо къ военному министру.

«Послѣ этого онъ прилегъ и впервые сталъ жаловаться доктору Делоне на боли въ желудкѣ. На упрекъ доктора, отчего онъ до сихъ поръ это скрывалъ, князь отвѣчалъ: «ну что же? тогда не сказалъ, а теперь сказываю. У меня два раза были воспаленія въ кишкахъ, когда мнѣ было лѣтъ двадцать». По сдѣланному докторомъ изслѣдованію оказалось только сильное расширеніе кишекъ безъ признаковъ воспаленія. Поставили горчишники, приложили теплыя салфетки, стали втирать теплую мазь съ хлороформомъ. Боли то утихали, то снова возобновлялись. Больной заснулъ и проспался около шести часовъ. Вечеромъ онъ объявилъ, что диктовать письма онъ не въ состояніи,

и даже на отрѣзъ отказался подписать написанныя Неклюдовымъ срочныя телеграммы.

«Страданія продолжались. Князь сидѣлъ на креслѣ полулежа, съ протянутыми на стулъ ногами.

«Въ 11 часовъ князь легъ въ постель. До половины втораго ночи Неклюдовъ и Левашевъ сидѣли въ сосѣдней комнатѣ доктора Делоне, навѣдываясь безпрестанно о состояніи больнаго, который лежалъ какъ бы въ забытьи и повидимому даже спалъ. Около двухъ часовъ Неклюдовъ легъ спать. Делоне, не отходившій отъ больнаго, сказалъ ему, что особеннаго въ состояніи его въ настоящую минуту ничего не видитъ, но едва ушелъ Неклюдовъ, какъ княземъ овладѣло сильное безпокойство. Дыханіе его стало еще затруднительнѣе; онъ то вставалъ, то садился въ кресло, упирая голову въ спинку или къ стѣнѣ, при чемъ ему подкладывали подъ спину шубу, то снова ложился, часто повторяя: «Господи, прости мои прегрѣшенія!» Обращаясь къ Делоне, онъ сказалъ ему «cher docteur, cela va mal, cette fois vous ne me sauverez plus». На вопросъ, отчего онъ такъ думаетъ, князя отвѣчалъ: «cher ami, je sens que ma langue s'embarasse». Съ княземъ сдѣлался сильный обморокъ; голова повисла, ноги подкосились; больнаго съ трудомъ, на рукахъ, снова положили въ постель. Вслѣдствіе вдыханія спирта и валеріановыхъ капель, присланныхъ Обермиллеромъ, князь пришелъ въ себя. Прибѣжалъ Неклюдовъ. Онъ сталъ звать князя; тотъ отвѣчалъ, но невнятно. Князь попросилъ пить, но не могъ уже проглотить поданнаго. Больной сталъ еще безпокойнѣе, безпрестанно кого-то звалъ, но кого именно нельзя было разобрать, хваталъ руку своего камердинера Алексѣя Потапова и притягивалъ ее къ груди своей. Снова у князя сдѣлался обморокъ, еще сильнѣе перваго. Когда положили больнаго на постель, появились въ ногахъ судороги. Обермиллеръ подошелъ къ нему. Князь не только узналъ его, но даже на вопросъ, что болитъ у него, ясно отвѣчалъ, что «ничего не болитъ». Пробовали дать тотчасъ растворъ хинины, но больной глотать уже не могъ. Подавая лѣкарство, его приподняли и потомъ снова положили на подушку. Обермиллеръ и Делоне отошли къ столу для совѣщанія; въ это время больной раза два повернулъ головою и тихо, безъ агоніи, скончался въ $5^1/_2$ час. утра 19-го февраля 1878 г. Доктора полагаютъ, что кончина была мгновенная безъ страданій» [1]).

Умеръ мгновенно безъ страданій! безъ агоніи! Доктора все доискивались физической боли, а не видѣли, что передъ ними были страданія нравственныя и агонія, длившаяся не часы и не дни, а цѣлыя недѣли и даже мѣсяцы.

Я не засталъ князя живымъ. Поѣздъ, на которомъ я 17-го февраля оставилъ Адріанополь, шелъ невозможно медленно, безпрерывно останавливаясь. Только утромъ 19-го, часовъ въ 8, мы коекакъ добрались до Санъ-Стефано. Отъ кого-то на станціи я и прибывшіе со мною чины гражданской канцеляріи (Соболевъ, Жемчу-

[1]) Описаніе послѣдняго дня взято изъ книги «Князь Черкаскій» стр. 365—367.

жинъ) узнали, что квартира князю Черкаскому отведена на самомъ выѣздѣ изъ города къ сторонѣ Константинополя; о смерти его я узналъ въ пути, не доходя нѣсколькихъ шаговъ до его квартиры. Извѣстіе это было поразительное, но можно ли сказать—неожиданное? Я не думалъ о его скорой смерти, но, видя постоянную борьбу его духа, часто задавалъ себѣ вопросъ—какую силу надо имѣть, чтобы выдержать всѣ эти по истинѣ нечеловѣческія страданія! Миръ его праху!

Главнокомандующій о смерти князя Черкаскаго донесъ государю по телеграфу: «Вчера скончался внезапно князь Черкаскій отъ такъ называемой апоплексіи мозга; третьяго дня еще, въ 2 часа дня, онъ со мною занимался около часа времени».

Въ тотъ же день, 20-го февраля, государь отвѣтилъ: «Весьма сожалѣю о бѣдномъ Черкаскомъ».

Тѣло покойнаго было выставлено въ той же комнатѣ, гдѣ онъ умеръ. Полнаго бальзамированія не было. Обермиллеръ ограничился нѣсколькими впрыскиваніями. Сперва лицо было строгое, жесткое. Голова имѣла что-то львиное. Длинные сѣдые волосы головы обрамляли желтое лицо съ очень заострившимися носомъ и подбородкомъ; густыя брови нависли надъ впавшими глазами, окруженными множествомъ морщинъ; густые усы и бакенбарды придавали выраженію покойнаго особенно строгій отпечатокъ. Около ушей и на шеѣ были сильныя желто-лиловые кровоподтеки. Для дополненія картины выписываю изъ дневника слѣдующую фразу: «послѣ небольшаго бальзамированія, Черкаскій принялъ свой обыкновенный видъ, и лице его по-прежнему сдѣлалось умнымъ и насмѣшливымъ». Князь былъ положенъ въ цинковый обитый бархатомъ гробъ; на немъ былъ надѣтъ мундиръ военнаго министерства. Константинопольскій фотографъ Зебахъ снялъ съ него кабинетный портретъ, который и разошелся въ большомъ количествѣ между чинами главной квартиры и Краснаго Креста, военными и болгарами...

21-го февраля тѣло было вынесено въ греческую церковь. Греческій митрополитъ Іоакимъ былъ на выносѣ и служилъ сперва въ домѣ, а потомъ въ церкви. 22-го совершено отпѣваніе русскимъ

духовенствомъ въ присутствіи того же митрополита [1]). Великій князь прибылъ въ церковь къ самому началу панихиды. Въ 12 часовъ все было кончено. Цинковый гробъ положили въ деревянный и, въ ожиданіи отправленія въ Россію, поставили у иконостаса праваго придѣла. Изъ Санъ-Стефано, гробъ былъ отвезенъ 7-го марта шуриномъ покойнаго, П. А. Васильчиковымъ, сперва въ Константинополь на буксирномъ пароходѣ «Одиссей», а потомъ въ Одессу на большомъ пароходѣ «Юнона». На баржѣ «Юноны» гробъ былъ встрѣченъ болгарскимъ экзархомъ Іосифомъ и митрополитами пловдивскимъ и рущукскимъ. Они явились неожиданно, никѣмъ не приглашенные, отдать послѣдній долгъ тому, кто такъ усердно и самоотверженно поработалъ за Болгарію.

15-го марта послѣ торжественной обѣдни въ церкви Московскаго университета (котораго князь былъ почетнымъ членомъ), къ гробу подошелъ преосвященный Амвросій и произнесъ слово, глубоко врѣзавшееся въ сердцахъ слушателей. Онъ говорилъ о стойкости характера князя Черкаскаго въ настоящую пору всеобщей дряблости; онъ вспомнилъ про глубокій, блестящій умъ его, про трезвый взглядъ на событія, про высоко-честную въ нравственномъ отношеніи дѣятельность его. «Прости,—сказалъ онъ въ концѣ,—лучшій представитель именитаго дворянства нашего; прости другъ крестьянъ, въ потѣ лица потрудившійся надъ вольностію ихъ; прости мученикъ за великое и святое дѣло освобожденія христіанъ»!

Опустили князя В. А. Черкаскаго въ могилу въ Даниловскомъ монастырѣ рядомъ съ Гоголемъ, Хомяковымъ, Самаринымъ.

Д. Анучинъ.

---

[1]) Къ сороковому дню, княгиня Е. А. Черкаская прислала митрополиту Іоакиму прекрасную панагію съ образомъ Богоматери. Эмалевая работа Овчинникова или Хлѣбникова—не помню. Панагія была подъ княжеской короной и на массивной золотой цѣпи. Подарокъ очень красивый и приличный. Любопытная подробность. Читая разрѣшительную молитву на отпѣваніи князя Черкаскаго, митрополитъ Іоакимъ, помянулъ: «раба Божія дѣйств. ст. сов. князя Владиміра Александровича Черкаскаго», произнеся эти слова по-русски.

Два письма по поводу кончины Императора Николая I.

I.

Письмо Митрополита Филарета къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

25 февраля 1855 г.

Не знаю, позволительно ли дерзновеніе которое пріемлю, и потому медленно рѣшаюсь, однако, наконецъ, рѣшаюсь предстать предъ Ваше Императорское Величество съ смиреннымъ словомъ.

Но что́ скажу о великомъ лишеніи, которымъ Неисповѣдимому въ судьбахъ своихъ Богу угодно было внезапно посѣтить Россію? Всѣми и каждымъ оно чувствуется, но удобнѣе и свойственнѣе выражается не словами, а воздыханіями, слезами и глубокимъ безмолвіемъ, пронзенныхъ печалію и съ тѣмъ вмѣстѣ покорныхъ судьбамъ Божіимъ сердецъ.

Твою душу первѣе всѣхъ пройде сіе оружіе: разумѣется что великости Твоей печали ничто не можетъ быть равно, какъ только великость любви, соединявшей Твою душу съ душею Державнаго Твоего супруга. И съ молитвою печали о Царѣ, въ Бозѣ почившемъ, съ молитвою утѣшенія и надежды о Царѣ, Богомъ дарованномъ, и о Супругѣ Его, и о Наслѣдникѣ Его, соединяемъ особенную молитву о Тебѣ, Благочестивѣйшая Государыня, да услышитъ Тя Господь въ день печали и, осѣнивъ Твою душу своимъ благодатнымъ миромъ, даруетъ Тебѣ возможность рещи къ Нему: по множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ, утѣшенія Твоя возвеселиша душу мою. По истинѣ, Матерь благословенно-воцарившагося Царя, Праматерь Наслѣдника Царева, въ сихъ наименованіяхъ не заключается-ли для Тебя утѣшеніе такъ же праведное и сильное, какъ Твоя печаль?

Да утѣшитъ Тебя воспоминаніе, что Твой Державный Супругъ, во все продолженіе царствованія, среди неутомимыхъ трудовъ и въ часы скорби или огорченій, всегда своимъ любящимъ сердцемъ находилъ успокоеніе близъ Твоего любящаго сердца. Храня Его спокойствіе, Ты хранила сокровище Россіи.

Да утѣшаетъ Тебя воспоминаніе, какъ значительно Господь благословилъ Его жизнь въ Его послѣднихъ дняхъ и часахъ, въ которыхъ свѣтлыя черты Царя и Отца семейства—христіанина, несмотря на изнеможеніе внѣшняго человѣка, сіяли такъ сильно, такъ назидательно и благотворно! Твоя молитва соединилась съ Его послѣднею молитвою. Надъ симъ союзомъ не имѣетъ власти смерть: онъ простирается отъ времени въ вѣчность. Молитва приближаетъ къ Богу, и близъ сего средоточія существъ и міровъ не разлученно то, что является разлу-

ченнымъ въ мірѣ перемѣнъ. Молитвою вѣры и упованія возверзи на Господа печаль Твою.

Съ утѣшеніемъ помышляемъ, что и Твоя любовь къ Твоему Державному Сыну побуждать Тебя умѣрить Твою печаль, чтобы ею не увеличивать тяготу души Его тогда, какъ Онъ взялъ на свои рамена великое бремя—Россію.

Если позволительно мнѣ сказать нѣчто и о себѣ,—лишаясь послѣдняго утѣшенія въ близости принести послѣдній долгъ въ Бозѣ почившему Государю, который малое мое служеніе удостоивалъ вниманія, и милостями своими далеко выше моего достоинства меня ущедрялъ и на мои недостатки снисходительно взиралъ,—то я долженъ покориться всякой необходимости: мой служебный долгъ привязываетъ меня къ мѣсту, и моя вѣтхость не оставляетъ мнѣ надежды перенести далекій путь.

II

Отвѣтъ Императрицы митрополиту [1]).

Преосвященный митрополитъ!

Письмо вашего высокопреосвященства, отъ 25 февраля, дошло до меня на сихъ дняхъ. Спѣшу благодарить Васъ отъ всего сердца, проникнутаго горестью невыразимою, но и глубоко тронутаго вашими словами утѣшенія. Такъ можетъ утѣшать, такъ можетъ говорить только религія чрезъ своихъ проповѣдниковъ. Она одна, показывая намъ свѣтъ во тмѣ бѣдствій, коихъ цѣль для насъ непостижима, увѣряя насъ въ необходимости и спасительности самыхъ болѣзненныхъ испытаній,—имѣетъ власть повелѣвать намъ и давать силу жить для исполненія долга. Но то же завѣщалъ Мнѣ и Супругъ, Мною оплакиваемый.

На одрѣ смертномъ, почти въ часы кончины, равно ознаменованной умилительными чувствами христіанина и спокойною твердостью царя, Онъ еще просилъ Меня беречь жизнь Мою для семейства, для тѣхъ, которыхъ Онъ, конечно, не перестаетъ любить и нынѣ. Семействомъ своимъ Онъ называлъ всю Россію; при послѣднемъ прощаніи съ Наслѣдникомъ своего Престола, сказалъ, что идетъ молиться за нее и за насъ. Смѣемъ думать, что сей обѣтъ Его уже совершается, что Богъ правды и милости принялъ въ свои отеческія объятія исполненную благихъ и чистыхъ намѣреній душу Его.

Оканчиваю отвѣтъ Мой вашему высокопреосвященству такъ же, какъ Вы заключили письмо свое, изъявленіемъ сердечнаго желанія васъ видѣть и испросить вашего архипастырскаго благословенія, и съ тѣмъ вмѣстѣ и сожалѣнія, столь же искренняго, что сему препятствуютъ обстоятельства и состояніе вашего здоровья.

---

[1]) Въ доставленной редакціи копіи ни мѣсяцъ, ни число не обозначены.

ДУХОБОРЦЫ, ИХЪ УЧЕНІЕ, ОРГАНИЗАЦІЯ
и
НАСТОЯЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

Секта, извѣстная подъ именемъ духоборцевъ, впервые проявилась въ Россіи въ половинѣ прошлаго столѣтія въ Екатеринославской и Тамбовской губерніяхъ. Первоначально сектанты носили различныя мѣстныя названія, какъ-то: щельниковъ, вслѣдствіе того, что укрывались въ оврагахъ и тѣснинахъ (щеляхъ); молоканъ, вслѣдствіе употребленія молока въ постные дни, и иконоборцевъ, вслѣдствіе отрицанія поклоненія иконамъ. Настоящее свое названіе духоборцевъ сектанты получили только въ 1785 году.

Въ приложеніи къ «Автобіографической запискѣ государственнаго секретаря В. Р. Марченки» (см. «Русскую Старину» май, настоящаго года, стр. 315—317) были помѣщены краткія свѣдѣнія о духоборцахъ и ихъ смѣлый отвѣтъ императору Александру I, при свиданіи съ ними въ 1818 году.

Желая ближе ознакомить читателей съ особенностями этой секты, редакція помѣщаетъ двѣ записки о духоборцахъ: одну, написанную еще въ 1805 году, а другую,—заключающую въ себѣ историческій очеркъ и настоящее положеніе секты. Ред.

I.

Нѣкоторыя черты объ обществѣ духоборцевъ [1]).

О второй половинѣ прошлаго столѣтія открылось въ Россіи такое общество, существованіе коего во всемъ государствѣ по всѣмъ обстоятельствамъ казалось бы невозможнымъ среди простаго народа, народа по большей части непросвѣщеннаго и привязаннаго къ однимъ наружностямъ въ религіи, безъ познанія духа оной. Вдругъ являются люди, не только отвергающіе всѣ обряды и наружныя установленія грекo-

[1]) Записка написана въ 1805 году, авторъ ея неизвѣстенъ.

россійской церкви, но даже не пріемлющіе и наружнаго крещенія водою и причащенія тѣла и крови Христовой — подъ видомъ хлѣба и вина.

По натуральному слѣдствію, таковые люди не могли быть оставлены въ покоѣ, какъ со стороны сосѣдей, такъ и со стороны самаго правительства, тѣмъ паче, что никто не зналъ и не понималъ ихъ духа. Они отвсюду терпѣли почти безпрестанныя гоненія: каждая встрѣча съ попомъ, съ исправникомъ или засѣдателемъ вовлекала ихъ въ слѣдствія и въ заключеніе; каждая встрѣча съ сосѣдями сопровождаема была ужасными для нихъ ругательствами и обидами, каждый ихъ поступокъ дѣлалъ ихъ въ глазахъ другихъ извергами и возмутителями общаго спокойствія. Высшее правительство судило объ нихъ большею частію по донесеніямъ низшаго начальства, и они не рѣдко посылались въ ссылку, какъ государственные преступники.

Такимъ образомъ гоненія духоборцевъ не прежде должны были кончиться, какъ въ кроткое и мирное царствованіе Александра I [1]).

Въ 1801 году находившіеся въ Слободско-Украинской губерніи, для обревизованія оной, сенаторы: Лопухинъ и Нелединскій-Мелецкій — первые открыли предъ государемъ людей сихъ въ настоящемъ видѣ, и по представленіямъ сихъ ревизоровъ его величество, желая отдѣлить духоборцевъ, какъ въ Слободско-Украинской, такъ и въ Новороссійской губерніяхъ, высочайше дозволилъ имъ сдѣлать переселеніе на Молочныя воды.

Въ прошломъ 1804 году просили о подобномъ туда переселеніи и находящіеся въ Тамбовской и Воронежской губерніяхъ духоборцы. Но прежде нежели объяснено будетъ, кто они таковы, должно разсмотрѣть ихъ происхожденіе, образъ жизни, также и ихъ ученіе.

1) Происхожденіе духоборцевъ.

Названіе духоборцевъ дано имъ уже въ 1785 году, и вѣроятно бывшимъ тогда екатеринославскимъ архіепископомъ. Симъ названіемъ, конечно, хотѣли тогда означить ересь, содержащую ученіе духоборцевъ, такъ какъ непоклоненіе иконамъ, названо иконоборческою ересью; но

---

[1]) Гоненія духоборцевъ начались съ 1792 года, когда екатеринославскій губернаторъ писалъ въ Петербургъ, что „всѣ зараженные иконоборствомъ не заслуживаютъ человѣколюбія“, ибо ересь ихъ особенно опасна и соблазнительна для послѣдователей тѣмъ, что „образъ жизни духоборцевъ основанъ на честнѣйшихъ правилахъ и важнѣйшее ихъ попеченіе относится ко всеобщему благу и спасеніе они чаютъ отъ благихъ дѣлъ“. Духоборцы были приговорены къ сожженію, но помилованы и сосланы въ Сибирь. Ред.

духоборцы сами, производя названіе сіе отъ «духа», къ объясненію онаго говорятъ, что они духомъ Богу служатъ и духомъ бодрствуютъ. Итакъ, по ихъ истолкованію надлежало бы называть ихъ духоборцами. Прежде того правительство называло ихъ иконоборцами, а ихъ ученіе иконоборческою ересью, такъ какъ они отвергаютъ между прочимъ и поклоненіе иконамъ. Чернь называла ихъ всякими ругательными именами, но болѣе всего молоканами и фармазонами: молоканами потому, что они не наблюдали постовъ и ѣли во время оныхъ молоко и мясное; а слово фармазонъ есть испорченное, и есть то же, что масонъ (франкъ масонъ). Что касается до ихъ самихъ, то они всегда называли и называютъ себя просто христіанами, а прочихъ мірскими людьми.

Начало ихъ происхожденія имъ самимъ неизвѣстно, ибо они, какъ простолюдины и безграмотные, не имѣютъ у себя никакой исторіи; преданіе также не сохранило между ними о томъ памяти. Они говорятъ только, что происходятъ отъ трехъ отроковъ: Ананія, Азарія и Мисаила, пострадавшихъ за непоклоненіе образу Навуходоносора. Безъ сомнѣнія чрезъ то хотятъ сказать, что они такъ же страждутъ и готовы страдать за непоклоненіе иконамъ и за отверженіе церемоній и обрядовъ наружной церкви.

Общество духоборцевъ до нынѣ было общество разсѣянное. Они нигдѣ не составляли изъ себя цѣлыхъ селеній, но въ разныхъ селеніяхъ жили только по нѣскольку семействъ. Сверхъ того они разсѣяны и по всѣмъ странамъ Россіи; кромѣ нѣкоторыхъ полуденныхъ ея губерній, братья ихъ есть въ Архангельскѣ, въ Азовѣ, въ Георгіевскѣ, въ Ставрополѣ, въ Колѣ, даже въ Иркутскѣ и въ самой Камчаткѣ. Они увѣряютъ также, что многіе изъ ихъ братьевъ находятся въ Германіи и Турціи; но въ Германіи они больше гонимы, нежели между магометанами.

Сношенія между находящимися въ Россіи бываютъ по случаямъ, когда, напримѣръ, кому-нибудь изъ ихъ собратій случится быть въ тѣхъ мѣстахъ, за своими нуждами, или по торговымъ оборотамъ; въ случаѣ же нужды посылаютъ иногда и нарочныхъ.

2) Образъ ихъ жизни и правленія.

Если не касаться до правилъ исповѣданія вѣры, то духоборцы могутъ служить образцомъ въ домашней и общественной жизни для крестьянъ. Въ 1792 году екатеринославскій губернаторъ Коховскій въ донесеніи своемъ къ бывшему тогда генералъ-прокурору между прочимъ представлялъ, что послѣдователи духоборческой ереси ведутъ жизнь примѣрно хорошую и, уклоняясь отъ пьянства и праздности, пекутся неусыпно о своемъ домостроительствѣ, и суть благонравны. Государствен-

ныя подати и другія общественныя повинности они всегда несли исправно, даже часто въ излишествѣ противу прочихъ крестьянъ, по причинѣ всегда чинимыхъ имъ отъ сельскаго начальства притѣсненій всякаго рода. Лѣность и пьянство не терпимы у нихъ до того, что зараженныхъ сими пороками исключаютъ они изъ своего общества.

Но какъ скоро касаются до такихъ обязанностей ихъ и дѣйствій, въ кои хотя нѣсколько входитъ вѣроисповѣданіе, то тутъ открывается совершенное несходство и даже противоположность ихъ въ сравненіи съ прочими крестьянами.

Духоборцы вовсе не ходятъ въ наружную церковь, не поклоняются иконамъ, во время молитвы не дѣлаютъ на себѣ рукою крестнаго знаменія, не наблюдаютъ обыкновенныхъ постовъ и не участвуютъ въ веселостяхъ и развратныхъ дѣлахъ мірскихъ людей. Вотъ сколько причинъ, совершенно отдѣляющихъ ихъ отъ всякаго обыкновеннаго общества крестьянъ, и также служившихъ всегдашнимъ поводомъ и къ безпрестанному ихъ гоненію.

Духоборцы думаютъ, что всякая наружность въ дѣлѣ спасенія вовсе безполезна, и что наружная церковь, по причинѣ паденія истиннаго христіанства, сдѣлалась вертепомъ разбойниковъ; и потому признаютъ церковь единую, святую, соборную и апостольскую, которую Господь явленіемъ своимъ собралъ, осіялъ и осіяваетъ и украшаетъ дарованіями Духа Святаго, и которая потому есть собраніе вѣрныхъ и истинныхъ христіанъ.

Въ семъ увѣреніи они дѣлаютъ между собою частыя собранія изъ своихъ собратій; однакожъ не имѣютъ для того особо назначеннаго какого-либо мѣста, такъ какъ въ мѣстѣ не находятъ они никакой святости, но собираются другъ къ другу безъ всякаго различія. Они не назначаютъ также для сего и особыхъ какихъ-либо дней, почитая ихъ всѣ равными и не имѣя никакихъ праздниковъ: всякій день свободный бываетъ днемъ ихъ собранія. Впрочемъ собранія сіи большею частію бываютъ въ обыкновенные церковные и царскіе праздники, когда прочіе мірскіе люди не работаютъ; потому что есть-либы стали они работать во время сихъ праздниковъ, то тѣмъ навлекли бы на себя ругательства мірянъ и могли бы подвергнуться истязаніямъ за пренебреженіе государственныхъ установленій. Такимъ образомъ всякій изъ нихъ можетъ сдѣлать у себя собраніе, когда захочетъ, приглася къ себѣ всю собратію. Есть ли же таковое собраніе дѣлаетъ недостаточный, который не имѣетъ чѣмъ накормить собравшихся къ нему, то прочіе доставляютъ ему и нужную къ ужину пищу, или иногда приносятъ оную съ собою, ибо въ собраніяхъ они и ужинаютъ. Пришедъ въ собраніе, они привѣтствуютъ другъ друга, мужчины мужчинъ, а женщины женщинъ, взявшись другъ съ другомъ правыми руками, дѣлая другъ другу три поклона и цѣлуясь

троекратно; при началѣ каждый читаетъ свою молитву. Три поклона и троекратное цѣлованіе дѣлаютъ они во имя Три-Vпостаснаго Бога, въ очищеніе плоти и для отогнанія гордости; рука за руку берутся въ знакъ союза и любви, благовѣщанія, познанія разума, познанія тайнаго Бога внутрь себя.

Въ продолженіе собранія читаютъ молитвы одинъ послѣ другаго, какія кто знаетъ; поютъ всѣ вмѣстѣ псалмы и поучаются слову Божію. А какъ всѣ почти не умѣютъ читать, а потому не имѣютъ у себя и книгъ, то все сіе производится въ собраніи изустно. Священниковъ обыкновенныхъ у нихъ нѣтъ; они признаютъ священника единаго праведнаго, преподобнаго, не лживаго, не сквернаго, отлученнаго отъ грѣшниковъ и превознесеннаго превыше небесъ—Христа: онъ единъ и учитель ихъ. Итакъ, въ собраніяхъ поучаются они слову Божію другъ отъ друга; всякой можетъ говорить, что знаетъ, къ назиданію своей собратіи: даже самыя женщины изъ того не изъемлются, ибо, говорятъ они, и женщины имѣютъ разумъ, а свѣтъ—въ разумѣ. Молятся, стоя или сидя, какъ случится.

При окончаніи собранія также бываетъ троекратное цѣлованіе, какъ и при началѣ онаго; и послѣ того братія расходится по домамъ.

Все, сказанное здѣсь о времени и мѣстѣ, относится къ тѣмъ только духоборцамъ, кои жили или живутъ еще разсѣянно по селеніямъ, вмѣстѣ съ прочими крестьянами; что-жъ касается до переселившихся на Молочныя воды, то они дѣлаютъ собранія свои на открытомъ воздухѣ въ двухъ кругахъ: кругѣ мужчинъ и кругѣ женщинъ.

Наиболѣе уважаемая въ обществѣ духоборцевъ добродѣтель, есть братолюбіе. У нихъ нѣтъ между собою собственности; но каждый имѣніе свое почитаетъ общимъ. По переселеніи ихъ на Молочныя воды, они доказали сіе на самомъ дѣлѣ; ибо они сложили тамъ всѣ свои пожитки въ одно мѣсто, такъ что теперь у нихъ общая денежная касса, одно общее стадо и въ двухъ селеніяхъ два общихъ хлѣбныхъ магазина. Каждый братъ беретъ изъ общаго имѣнія все, что ему ни понадобится. Странноприимство – также не послѣдняя между ими добродѣтель, ибо съ проѣзжающихъ чрезъ ихъ селенія не берутъ они ни за постой, ни за пищу. Впрочемъ, дабы братья ихъ со-временемъ не могли развратиться отъ пристающихъ у нихъ сторонихъ людей, то для сего построенъ на Молочныхъ водахъ особый общественный домъ, гдѣ должны останавливаться всѣ таковые проѣзжающіе. Здѣсь также пристаютъ и угощаются свѣтскіе начальники на счетъ общества, и тутъ же хранится у нихъ общественная сумма.

Къ ближнему духоборцы сострадательны; самыя мѣстныя начальства при всѣхъ возводимыхъ на нихъ клеветахъ, не одинъ разъ засвидѣтельствовали предъ высшимъ правительствомъ, что они въ нуждахъ оказы-

вають ближнимъ пособіе и великія благотворенія. Они жалостливы даже къ домашнему скоту, ибо никогда почти не бьютъ онаго.

Строго также наблюдается между ними почтеніе дѣтей къ плотскимъ родителямъ и вообще младшихъ лѣтами къ старшимъ, хотя сіи старшіе и даже родители не присвоиваютъ себѣ надъ ними никакой власти, почитая себя духовно имъ равными.

Наказаній между братьями нѣтъ никакихъ, кромѣ исключенія изъ общества. Сіе исключеніе бываетъ за такіе только поступки, изъ коихъ общество ясно видитъ, что въ исключаемомъ потерянъ уже духъ христіанства, и кои могутъ подать соблазнъ другимъ братіямъ. Но прежде таковаго исключенія каждый изъ братій, какъ скоро замѣтитъ въ комъ подобный поступокъ, по точному смыслу Священнаго Писанія, напоминаетъ ему, что онъ дѣлаетъ худо; есть ли проступившійся отъ того не усовѣстится, то увѣщевается при двухъ или трехъ братіяхъ; есть ли не послушается трехъ, то обличается въ цѣломъ собраніи; но есть ли и тогда останется упорнымъ, то рѣшительно уже исключается изъ общества.

Бываютъ однакожъ примѣры, хотя весьма рѣдкіе, что нѣкоторые изъ ихъ братій, не сдѣлавъ явно никакого поступка, по которому бы могли подлежать исключенію изъ общества, сами собою оставляютъ его, безъ сомнѣнія для того, чтобъ пожить по своей волѣ безъ всякаго принужденія: случалось даже, что жены оставляли своихъ мужей. Таковыхъ они не удерживаютъ, но даютъ имъ свободу, надѣливъ притомъ по возможности и имуществомъ.

Впрочемъ, исключенные изъ ихъ общества и сами собою отдѣлившіеся, могутъ и опять приняты быть въ оное, есть ли совершенно раскаются въ своихъ проступкахъ и оставятъ развратную жизнь; чему также нерѣдко бываютъ примѣры.

Упражненія ихъ обыкновенныя, смотря по званію, кто въ какомъ изъ нихъ находится. Такимъ образомъ купецъ занимается купечествомъ, а земледѣлецъ—земледѣліемъ. Но какъ большая часть изъ нихъ суть земледѣльцы, то и обыкновеннѣйшее ихъ упражненіе есть земледѣліе: нѣкоторымъ образомъ предпочитаютъ даже сіе благородное упражненіе всѣмъ прочимъ.

Въ обществѣ ихъ совершенно нѣтъ никакихъ старшинъ, кои бы управляли и распоряжали обществомъ; но общество управляетъ всѣми и каждымъ. Письменныхъ постановленій и правилъ также нѣтъ у нихъ никакихъ. Судя по обыкновенному духу простаго народа, въ обществѣ духоборцевъ должно бы кажется быть разногласіе и безпорядокъ; однакожъ таковаго безпорядка никогда у нихъ не замѣчено. На Молочныхъ водахъ до трехъ и даже до пяти малолюдныхъ семействъ уживаются въ одной большой избѣ.

Что касается до управленія семействъ, въ частности взятыхъ, то

слабость и нужды женскаго пола, неопытность юношей и воспитаніе не пришедшихъ въ возрастъ дѣтей, конечно, требуютъ уже другаго порядка. Въ каждомъ семействѣ натурально долженъ быть старшій, и сей старшій есть родитель по плоти. Долгъ его есть промышлять о нуждахъ своего семейства, смотрѣть за поступками дѣтей, исправлять ихъ недостатки и научать закону Божію. Когда умираетъ родитель, то мѣсто его заступаетъ старшій изъ братьевъ; а въ случаѣ неспособности сего послѣдняго, въ управленіе семейства вступаетъ другой способнѣйшій.

Образъ воспитанія у духоборцевъ самый простой и единственный. Какъ скоро дитя начинаетъ говорить и понимать, то родители начинаютъ изустно обучать ихъ краткимъ молитвамъ и псалмамъ, пересказываютъ имъ что-нибудь изъ священнаго писанія, и такимъ образомъ всегда продолжаютъ наставлять ихъ изустно въ христіанскомъ законѣ. Когда же дѣти выучатъ нѣсколько молитвъ и псалмовъ, то вмѣстѣ съ другими ходятъ въ собранія, читаютъ въ свою очередь выученныя ими молитвы и поютъ съ прочими псалмы. Впрочемъ, и кромѣ родителей каждый изъ духоборцевъ за долгъ считаетъ научить чему-нибудь полезному всякое дитя своей собратіи, какъ скоро имѣетъ къ тому случай, и удержать отъ зла, есть ли то въ немъ замѣтитъ.

При таковомъ воспитаніи духъ родителей мало-по-малу переходитъ и въ ихъ дѣтей; образъ мыслей глубже въ нихъ вкореняется и ихъ склонность къ добру сильнѣе утверждается добрыми примѣрами. Увѣряютъ, и очень естественно, что между множества дѣтей, каждый отличить можетъ духоборческихъ дѣтей отъ всѣхъ прочихъ, какъ колосье пшеницы между овсомъ.

3) Ученіе духоборцевъ.

1) Главнѣйшій догматъ исповѣданія духоборцевъ есть служеніе и поклоненіе Богу духомъ и истиною. Всякую наружность, яко ненужную въ дѣлѣ спасенія, отвергаютъ.

2) Они не знаютъ никакого символа вѣры, но говорятъ только о себѣ, что они вѣры Іисусовой. Извѣстный въ нашихъ церквахъ символъ вѣры они читаютъ, и все содержащееся въ ономъ признаютъ за истину; но полагаютъ его въ числѣ обыкновенныхъ своихъ псалмовъ.

3) Бога признаютъ въ трехъ лицахъ единаго-неисповѣдимаго. Вѣруютъ, что памятію мы уподобляемся Богу-Отцу, разумомъ—Богу-Сыну, волею—Богу-Духу Святому; также первое лице,—свѣтъ—Отецъ Богъ нашъ; второе лице—животъ—Сынъ-Богъ нашъ; и третіе лице—покой—Святъ Духъ Богъ нашъ.

Изображеніе Три-Ипостаснаго Бога въ натурѣ: Отецъ—высота,

Сынъ—широта, Духъ Святый—глубина. Сіе же берутъ и въ нравственномъ смыслѣ: Отецъ высокъ, и никто не можетъ выше его возглаголать; Сынъ широкъ разумомъ; глубины никто не можетъ испровѣдать.

4) Понятіе, которое они имѣютъ о Христѣ, основано на евангельскомъ ученіи: они признаютъ пришествіе его во плоти, дѣянія, ученіе и страданіе; но болѣе все то берутъ въ духовномъ смыслѣ и утверждаютъ, что все, что содержится въ евангеліи, должно совершиться въ насъ. Такимъ образомъ Христосъ долженъ въ насъ зачаться, родиться, возрастать, учить, страдать, умереть, воскреснуть и вознестись; и въ семъ-то они полагаютъ процессъ новаго рожденія, или обновленія человѣка. Они говорятъ, что самъ Іисусъ былъ и есть евангеліе вѣчное, живое и посылалъ оное словомъ проповѣдывать. Онъ самъ есть слово и пишется токмо на сердцахъ.

5) Вѣруютъ, что кромѣ Бога и Христа Его, нигдѣ нѣтъ спасенія; но есть ли Богъ не призывается отъ чистаго сердца, то и Онъ самъ спасти человѣка не можетъ.

6) Къ спасенію человѣка нужна несомнѣнная вѣра во Христа; но вѣра безъ дѣлъ мертва, такъ, какъ и дѣла безъ вѣры. Вѣра же живая одна и есть сердечное принятіе евангелія.

7) Въ разсужденіи крещенія говорятъ, что они крестятся словомъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, какъ Христосъ заповѣдалъ апостоламъ, сказавъ: шедше, научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Крещеніе сіе совершается тогда, когда человѣкъ покается чистымъ желаннымъ сердцемъ и взываетъ къ Богу: тогда оставляются ему грѣхи его, и онъ уже думаетъ о Богѣ, а не о мірѣ. Сіе едино крещеніе исповѣдуютъ они во оставленіе грѣховъ.

Новое рожденіе и крещеніе духовное, по ихъ разумѣнію, есть одно и то же. Средство къ достиженію новаго рожденія есть живая вѣра въ Бога и молитва. Знаки рожденнаго или крещеннаго свыше, суть дѣла новаго человѣка.

Впрочемъ, крещеніе сіе имѣетъ, по ихъ мнѣнію, седмь состояній или степеней:

Первое—крещеніе есть оставленіе грѣховъ; второе—познаніе міра, или разумѣніе пути Господня; третіе—реченіе слова Господня, или глаголъ Божій; четвертое—елеосвященіе, или освященіе молитвы; пятое—исповѣданіе духовное; шестое—причащеніе духовное; седьмое—кровемученіе или смиреніе. Кровь означаетъ покрывало слова Божія. Сія же седьмая степень означаетъ еще у нихъ и соединеніе съ Богомъ.

Если кто достигъ до соединенія съ Богомъ, въ чемъ полагаютъ они

седьмую степень духовнаго крещенія, или новаго рожденія, тотъ живетъ уже въ Богѣ; и таковой духовными очами можетъ зрѣть и ангеловъ.

Наружное крещеніе водою почитаютъ безполезнымъ и говорятъ, что вода смываетъ только нечистоту наружнаго тѣла.

8) Они полагаютъ, что каждому истинному христіанину даются два имени: одно плотское, при плотскомъ рожденіи отъ родителей его даваемое; а другое духовное, которое нарицаетъ ему Небесный Отецъ при духовномъ его рожденіи, соотвѣтственно его дѣламъ. Сіе послѣднее имя никому здѣсь неизвѣстно, а познано будетъ въ вѣчности.

9) Исповѣдуются въ своихъ грѣхахъ Богу Небесному, благому и милосердному, отпускающему всѣ наши согрѣшенія, — молитвами. Въ грѣхахъ противу своихъ собратій исповѣдуются предъ всѣми и просятъ у нихъ прощенія. Запираться въ грѣхахъ, когда другіе ихъ узнаютъ, почитается у духоборцевъ великимъ преступленіемъ: если по троекратномъ увѣщаніи таковой не усовѣстится, то его отвергаютъ отъ общества; они сильно охуждаютъ то, когда человѣкъ называетъ себя грѣшникомъ, дѣлаетъ изъ того родъ похвальбы и ложнаго смиренія, и какъ бы извиняясь тѣмъ, но притомъ не старается исправить себя отъ своихъ грѣховъ. Когда человѣкъ палъ, то тотчасъ долженъ встать, просить у Бога прощенія съ сокрушеннымъ сердцемъ и всѣми силами остерегаться, чтобъ паки не впасть въ подобный грѣхъ.

10) Что касается до причащенія, то они причащаются во всякое время святымъ и животворящимъ, безсмертнымъ и страшнымъ тайнамъ во оставленіе грѣховъ духовно, внутренно воспріятіемъ въ себя слова Божія, которое есть Христосъ; и таковое причащеніе, какъ говорятъ они, проницаетъ человѣческій разумъ сквозь костей и мозговъ.

Таинство причащенія тѣла и крови Христовой подъ видомъ хлѣба и вина не пріемлютъ, говоря, что хлѣбъ и вино входятъ во уста, какъ обыкновенная пища, и ничего душѣ нашей не пользуютъ.

11) Постъ полагаютъ они не въ качествѣ пищи, но въ воздержаніи отъ объяденія и другихъ пороковъ, въ чистотѣ, въ кротости и смиреніи духа. Воздержаніе отъ мясъ, по словамъ ихъ, не приноситъ душѣ никакой пользы.

12) Святыхъ почитаютъ, но не призываютъ на помощь, говоря, что они угодили Богу собственно для себя: мы должны только имъ подражать, что и называютъ они призывать ихъ дѣло.

Впрочемъ они не почитаютъ дѣла угодившихъ Богу праведниковъ — всѣ безъ разбора святыми: такимъ образомъ они судятъ, что когда Николай Чудотворецъ на соборѣ ударилъ Арія въ щеку, то тогда отъ него отступило слово Божіе, и онъ смѣшалъ рѣдьку съ медомъ.

13) Бракъ у нихъ не почитается таинствомъ и совершается по одному взаимному согласію молодой четы. Поелику нѣтъ между духо-

борцами никакого предпочтенія по богатству и знатности фамилій, то родители вовсе не мѣшаются у нихъ въ браки дѣтей. Церемоній и обрядовъ притомъ также не бываетъ никакихъ: довольно для сего одного согласія молодыхъ супруговъ и обѣщанія жить вмѣстѣ. Иногда однакожъ случается, что бракъ ихъ не прежде дѣлается явнымъ, какъ когда уже супруга понесетъ младенца. Впрочемъ, какъ скоро мужчина познаетъ дѣвицу, то онъ не можетъ отказаться имѣть ее своею женою; въ противномъ случаѣ онъ исключается изъ общества. Сему же наказанію неминуемо подвергаются и прелюбодѣи, если бы случились оные.

Разводовъ, въ намѣреніи вступить въ бракъ съ другими лицами, у нихъ никогда не бываетъ, ибо сіе было бы также прелюбодѣйство. Но если бы обѣ стороны пожелали не знать другъ друга для сохраненія чистоты, то сіе, конечно, зависитъ отъ нихъ самихъ. Мужъ по смерти жены и жена по смерти мужа могутъ паки вступить въ бракъ до трехъ разъ, чему однакожъ почти не бываетъ примѣровъ, ибо, говорятъ они, христіанинъ обязанъ укрощать плоть свою, а не похотствовать.

14) Усопшихъ поминаютъ они добрыми дѣлами и никакого уже другаго поминовенія по нихъ не творятъ: праведныхъ самъ Господь помянетъ во царствіи Своемъ. Такимъ образомъ они и не молятся уже за умершихъ, почитая то для нихъ послѣ смерти безполезнымъ. Впрочемъ, кончину христіанина не называютъ они смертію, но измѣненіемъ; а потому и не говорятъ, что братъ нашъ умеръ, но братъ нашъ измѣнился.

При погребеніи усопшихъ, обрядовъ у нихъ не бываетъ никакихъ; также никто объ нихъ и не плачетъ, кромѣ дѣтей, но и въ тѣхъ почитается сіе одною слабостію. Когда духоборцы жили скрытно, то тѣла умершихъ ихъ собратій погребались обыкновеннымъ образомъ на общемъ кладбищѣ; но когда они сдѣлались явны, то хоронили своихъ умершихъ въ особенныхъ мѣстахъ.

15) Сотвореніе перваго человѣка исповѣдуютъ они такимъ же образомъ, какъ говорится о томъ въ священномъ писаніи, то-есть, что тѣло его взято отъ земли, и что Богъ вдунулъ въ него дыханіе жизни. До паденія онъ былъ чистъ и непороченъ, и тѣло имѣлъ лучшаго и совершеннѣйшаго сложенія, или, по ихъ выраженію, онъ былъ въ мирномъ тѣлѣ. Паденіе полагаютъ въ преступленіи заповѣди Божеской.

Они говорятъ, что тѣло въ человѣкѣ отъ земли, кости отъ камня, жилы отъ корня, кровь отъ воды, волосы отъ травы, мысль отъ вѣтра, благодать отъ облака. Сіе объясняется извѣстнымъ мнѣніемъ, что человѣкъ есть малый міръ.

О душѣ человѣческой говорятъ, что она есть сила въ Богѣ, а Богъ въ человѣкѣ.

16) Разсуждая о грѣхѣ наслѣдственномъ, они согласны, что отъ злыхъ родителей большею частію родятся и злые дѣти; но притомъ

утверждаютъ, что грѣхи родителей не препятствуютъ спасенію дѣтей, и что въ дѣлѣ спасенія каждый самъ за себя долженъ будетъ дать Богу отвѣтъ.

17) Въ разсужденіи блаженнаго состоянія праведныхъ и рая, говорятъ, что царство въ силѣ, а рай въ словеси и что души праведныхъ въ рукѣ Божіей, а потому не прикоснется къ нимъ и мука; въ разсужденіи же мученія грѣшныхъ и ада (полагаютъ), что грѣшныя души во тьмѣ ходятъ, чающе себѣ скорой погибели, и что адъ стоитъ на злобѣ.

О переселеніи душъ послѣ смерти разсуждаютъ, что человѣкъ дѣломъ оправдится и дѣломъ погибнетъ; что дѣло приводитъ каждаго въ свои мѣста, и что послѣ смерти нѣтъ уже покаянія.

18) Что касается до общаго воскресенія праведныхъ и грѣшниковъ, то духоборцы въ сужденіе о семъ не входятъ, предоставляя то единому Богу.

19) Вообще они не охотно или и вовсе не входятъ въ изъясненіе таинственныхъ вещей съ людьми, мало имъ извѣстными, основываясь въ томъ на изреченій Спасителя, сказавшаго: не мещите бисера предъ свиньями. Они говорятъ, что теперь еще не время открывать сіи вещи, и что оныя скоро всѣмъ извѣстны будутъ.

Равнымъ образомъ и на вопросъ: какъ скоро ожидаютъ они пришествія Христова, отвѣчали, что судя по дѣламъ, въ мірѣ творящимся, надобно ему быть скоро.

20) Дабы человѣку спасти душу свою, то для сего не полагаютъ они нужнымъ быть въ ихъ обществѣ. Они говорятъ, что дѣло приводитъ ко спасенію, и для того нужно только уразумѣть путь Господень и исполнять его.

21) Театръ, по мнѣнію ихъ, есть школа сатанинская, гдѣ самъ сатана и діаволъ присутствуютъ. Плясуны, какъ на театрахъ, такъ и на прочихъ увеселеніяхъ уподобляются гусямъ, которые весною съ маткою выходятъ на траву, скачутъ и прыгаютъ, но все остаются гусями и познанія о Богѣ не имѣютъ; когда же приходитъ морозъ, то они садятся и прячутъ свои ноги.

22) Въ убранствѣ покоевъ духоборцы не поставляютъ никакого грѣха; напротивъ того, говорятъ еще, что человѣку христіанину прилично жить чисто и опрятно (чѣмъ они и сами, по ихъ увѣренію, отличались всегда отъ прочихъ крестьянъ въ ихъ селеніяхъ), нужно только смотрѣть, чтобъ духъ не былъ привязанъ къ симъ убранствамъ.

То же думаютъ они о картинахъ въ покояхъ, о портретахъ извѣстныхъ людей и даже изображеніяхъ святыхъ. Они говорятъ, что таковыя картины служатъ украшеніемъ дома и пріятны для глазъ; но поклоняться имъ отнюдь не должно, и есть грѣхъ смертельный.

23) О бритьѣ бородъ и употребленіи табаку они говорятъ, что по-

елику ни борода, ни воздержаніе отъ табаку не составляютъ еще христіанина, то ни въ томъ, ни въ другомъ не полагаютъ ни малѣйшей важности. Если бы имъ, какъ крестьянамъ, прилично было ходить безъ бородъ, то бы они безъ всякаго затрудненія согласились себѣ оныя выбрить.

24) Когда духоборцы жили въ Россіи скрытнымъ образомъ, то необходимость, конечно, заставляла и ихъ исполнять тогда для виду наружные обряды греко-россійской церкви; но поелику они ихъ внутренно нимало не уважали, то дабы не обнаружить образа мыслей своихъ, всякому обряду, всякой вещи, принадлежащей къ наружному богослуженію, давали особыя свои значенія и истолкованія въ духовномъ смыслѣ. Напримѣръ, разсуждая о просфорахъ, они говорятъ, что:

Первая просфора есть согласіе православной вѣры; вторая—любовь не лицемѣрная; третія—поученіе въ правомъ достоинствѣ; четвертая—принятіе святыхъ таинъ; пятая—просвѣтитель.

Пріобыкнувъ къ таковому іероглифическому выраженію мыслей, они придаютъ нравственное значеніе и многимъ другимъ предметамъ; такъ, напримѣръ, каждому дню седмицы приданы у нихъ слѣдующія значенія, въ родѣ краткихъ нравоучительныхъ значеній:

Понедѣльникъ—вся дѣла Господня повѣда. Вторникъ—второе рожденіе человѣка. Среда—зоветъ Господь людей ко спасенію. Четвертокъ—чтите Господа и святыхъ Его. Пятница—пой, прославляй имя Его. Суббота—бойся суда Господня, дабы не погубить душу свою въ неправдѣ. Воскресенье—воскресни отъ мертвыхъ дѣлъ и пріиди къ царствію небесному.

Семь небесъ означаютъ у нихъ семь евангельскихъ добродѣтелей, такимъ образомъ:

Первое небо есть смиреніе; второе—разумѣніе; третіе—воздержаніе; четвертое—братолюбіе; пятое—милосердіе; шестое—совѣтъ; седьмое—любовь; тамъ живетъ и Богъ.

Подобно сему двѣнадцать христіанскихъ добродѣтелей изображаются у нихъ въ видѣ двѣнадцати друзей. Сіи друзья суть:

1) Правда—человѣка отъ смерти избавляетъ
2) Чистота—человѣка къ Богу приводитъ.
3) Любовь—идѣ же любовь, тамо и Богъ.
4) Труды—тѣлу честь и душѣ вспоможеніе.
5) Послушаніе—скорый путь ко спасенію.
6) Неосужденіе—безъ труда человѣку спасеніе.
7) Разсужденіе—всей добродѣтели свыше.
8) Милосердіе—отъ него человѣка самъ сатана трепещетъ.
9) Покореніе—самого Христа Бога нашего дѣла.

10) Молитва съ постомъ—она человѣка съ Богомъ соединяетъ.

11) Покаяніе—нѣтъ закона и заповѣди выше его.

12) Благодареніе—радостно Богу и ангеламъ Его.

Кто пойметъ сихъ дванадесять друзей, за того человѣка заступятъ дванадесять ангеловъ и понесутъ душу его въ царство небесное.

Для образца предлагаются также здѣсь и двѣ молитвы изъ тѣхъ, какія читаются у нихъ въ собраніяхъ:

1.

Къ кому пойду отъ Тебя, Господа моего, отъ лица Твоего къ кому убѣгу? Аще взыду на небо, Ты тамо еси, аще сниду во адъ, Ты тамъ еси; аще возьму крылья мои рано, вселюся въ послѣднія моря, тамо рука Твоя наставитъ меня и удержитъ меня десница Твоя. Къ кому пойду и гдѣ обрящу вѣчный животъ, аще не въ Тебѣ—Создателѣ моемъ? Къ кому пойду и гдѣ обрящу утѣшеніе, радость, пристанище, покой душѣ моей? Къ кому пойду отъ Тебе, Господи Боже мой, Ты глаголы живота имаши въ Себѣ? Ты еси источникъ живота, податель всѣхъ благъ Твоихъ. Возжажда къ Тебѣ душа моя, возжажда къ Тебѣ сердце мое, Боже живота моего! Усладимся пресвятаго Твоего имени, пресладкаго Господа моего Іисуса; да уранена имъ будетъ душа моя, да уязвено будетъ мое сердце, да ничто же будетъ мнѣ любезнѣйше во всемъ житіи моемъ, паче пресвятаго Твоего духа; будутъ сладки словеса Твоя гортани моей и устомъ моимъ, паче меду; оправданія Твоя вожделѣнны мнѣ будутъ, Господи, паче злата; каменія честна, много слаще, паче меда и сота.

2.

Како Тебе мы имѣемъ любити Господа своего; Ты бо еси животъ мой, Ты бо еси мое спасеніе, слава и похвала; Ты бо еси моя богатства, вѣчная сокровища; Ты бо еси моя надежда и упованіе; Ты бо еси мое радованіе, вѣчный покой; лучше ли мнѣ любить вещь суетную, или вещь безвѣстную, превратную или погибельную, ложную, нежели Тебе, истиннаго живота моего? Животъ Ты еси, мое спасеніе: сего ради всю надежду мою, вся упованія моя, вся желанія моя въ Тебѣ единомъ полагаю. Тебе, Господи! взыщу всѣмъ сердцемъ моимъ, всею душею моею, всѣмъ помышленіемъ моимъ; къ Тебѣ единому во углубленіе имамъ вся внутренняя, членова мнози; къ Тебѣ единому изліюсь; весь буду въ Тебѣ, а Ты во мнѣ. Увѣмъ и познаю Тебе во истинномъ-во единомъ истиннаго Бога-Господа, Его же послалъ, Іисуса Христа. Во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ благодатію Твоего Пресвятаго Духа.

Духоборцы, пріѣзжавшіе въ прошломъ, 1804 г., въ Санктъ-Петер-

бургъ для испрошенія своимъ собратіямъ дозволенія къ переселенію на Молочныя воды, при обратномъ ихъ отъѣздѣ въ свои мѣста предъ самымъ праздникомъ Рождества Христова, будучи вопрошаемы, нелучше ли имъ провести праздникъ въ Санктъ-Петербургѣ и послѣ онаго уже отправиться въ путь, сказали: для насъ все равно, потому что праздникъ съ нами, внутрь насъ.

Когда же увѣщаемы были, чтобы, поселясь на Молочныхъ водахъ, жили они тихо и скромно и не старались обращать въ свою секту, то отвѣчали, что все, что надобно, уже посѣяно; что имъ не нужно болѣе объ ономъ стараться и что теперь настало время жатвы, а не посѣва.

* * *

II.

Правда о духоборцахъ.

Въ концѣ лѣта 1895 года въ нѣкоторыхъ столичныхъ и провиціальныхъ органахъ нашей печати стали появляться сообщенія и замѣтки о безпорядкахъ, возникшихъ среди поселенныхъ на Кавказѣ сектантовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «духоборцевъ». Подобныя статьи продолжаютъ попадаться изрѣдка и по сіе время и даже не только въ нашей русской прессѣ, но и въ заграничной. Такъ, напримѣръ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ англійской газетѣ «Times» было помѣщено длинное повѣствованіе о духоборскихъ волненіяхъ какого-то неизвѣстнаго автора, присланное въ редакцію при письмѣ графа Л. Н. Толстого, въ которомъ нашъ маститый писатель рекомендуетъ это произведеніе редакціи «Times», какъ вполнѣ достовѣрное и интересное по своему религіозно - общественному значенію. Еще позднѣе, довольно обширныя статьи, также неизвѣстныхъ авторовъ, были посвящены тому же вопросу въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Недѣлѣ», въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» и др. Всѣ, однако, эти статьи и замѣтки, какъ русскія, такъ и иностранныя въ общемъ не выясняютъ достаточно подробно и обстоятельно суть дѣла, отчасти по своей отрывочности и неполнотѣ, отчасти же, вслѣдствіе своего явно-тенденціознаго направленія безусловно препятствующаго, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, всякому безпристрастному читателю представить себѣ общую картину дѣла во всей ея полнотѣ и ясности. А между тѣмъ и самое событіе по своей исключительности и связанный съ нимъ общій вопросъ о положеніи духоборцевъ въ нашей окраинѣ весьма интересны и въ историческомъ, и въ бытовомъ, и въ государственномъ отношеніяхъ. Важенъ также и тотъ воз-

можный выходъ изъ ненормальнаго положенія вещей, которыми должно закончиться все дѣло на практикѣ. Настоящая статья и имѣетъ своею цѣлью изобразить весь ходъ событій по возможности кратко, ясно и безпристрастно.

Прежде всего однако необходимо, для выясненія многихъ существеннѣйшихъ причинъ возникшихъ волненій, коснуться хотя бы слегка, на основаніи имѣющихся въ литературѣ источниковъ, историческихъ судебъ секты въ нашемъ отечествѣ, а также нѣкоторыхъ основныхъ догматовъ исповѣдуемаго ею вѣроученія.

Секта духоборцевъ появилась въ Россіи въ первой половинѣ прошлаго столѣтія въ губерніяхъ Тамбовской и Екатеринославской. Названіе свое «духоборцевъ» сектанты получили въ 1785 году отъ екатеринославскаго архіепископа преосвященнаго Амвросія, признавшаго въ ихъ вѣроученіи «противоборство» всѣмъ духовнымъ основамъ православной церкви. Самимъ сектантамъ это названіе очень понравилось, такъ какъ они объяснили его въ томъ смыслѣ, что они являются «борцами за Святаго Духа», поборниками Его, невидимо, но постоянно и исключительно присутствующаго въ ихъ средѣ. Благодаря таковому своему свойству, удовлетворяющему обѣ стороны, названіе это мало-помалу завоевало себѣ право гражданства сперва въ языкѣ обыденномъ, разговорномъ, а затѣмъ утвердилось и въ дѣлахъ и сношеніяхъ оффиціальныхъ.

Первыми основателями секты явились у насъ чужестранцы: квакеры и анабаптисты, заброшенные судьбою на югъ Россіи. Но эти пришлые люди положили лишь основной, краеугольный камень новой ереси, всѣ же дальнѣйшіе фазисы ея развитія и видоизмѣненія суть плоды дѣятельности и мышленія исключительно русскихъ людей, возросшіе на русской почвѣ. Причину первоначальнаго успѣха квакерской пропаганды, конечно, надо искать въ томъ соціально-экономическомъ положеніи, въ которомъ находилось тогдашнее крестьянство, изъ среды котораго исключительно и вышли первые адепты вѣроученія. Изнуренное тяжелой рекрутчиной, порабощенное и подавленное неправосудіемъ, крѣпостнымъ правомъ и разнузданнымъ произволомъ мелкихъ властей—крестьянство, за отсутствіемъ добросовѣстныхъ духовныхъ пастырей, почти незнакомое съ внутреннею сущностью ученія православной церкви—жадно прислушивалось къ раціоналистическому ученію квакеровъ, проповѣдывавшихъ о такихъ заманчивыхъ вещахъ, какъ о равенствѣ всѣхъ людей и о грѣховности военной службы. Новая секта мало-по-малу стала расти и расширяться.

Но, если квакерское ученіе не могло быть терпимо въ Западной Европѣ, то тѣмъ менѣе оно могло быть допустимо въ тѣ времена у насъ

въ Россіи, не только вслѣдствіе отрицанія имъ основъ господствующей православной церкви, но и вслѣдствіе явнаго противорѣчія его всему соціально-политическому строю государства, а въ особенности главному его основанію—крѣпостному праву, которое отвергалось новою сектою во всѣхъ его частяхъ. Понятно потому, что сектанты сразу подверглись гоненію и преслѣдованію какъ со стороны правительственной и духовной власти, такъ, въ особенности, со стороны господствовавшаго класса общества—помѣщиковъ, существенные интересы которыхъ и затрогивало, главнымъ образомъ, новое вѣроученіе. Гоненія эти, однако, какъ основанныя исключительно на насиліи и тяжкихъ наказаніяхъ—пользы принесли мало. Сектанты стойко и терпѣливо выносили наказанія, но отъ ученія своего не отрекались, а если и отрекались, то только наружно. Такое упорство вытекало не только изъ присущаго всѣмъ гонимымъ за вѣру фанатизма, но главнымъ образомъ поддерживалось и тѣмъ, что новое ученіе по своимъ основнымъ положеніямъ удовлетворяло нравственной потребности сектантовъ болѣе всѣхъ другихъ ученій и въ соціальномъ, и въ политическомъ, и въ экономическомъ отношеніяхъ, а надежда на успѣшное распространеніе вѣроученія обѣщала имъ въ будущемъ избавленіе отъ той тяготы, отъ которой они страдали. Прямымъ результатомъ гоненій явились лишь бѣгство и укрывательство сектантовъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ бы ихъ не могли найти, а также всевозможныя ухищренія, чтобы скрыть слѣды культа отъ всѣхъ власть имущихъ.

Подобные побѣги и укрывательства повліяли, конечно, неизбѣжно и на чистоту первоначальнаго ученія секты. Кладя въ основу ученія духовное совершенствованіе путемъ чтенія священнаго писанія и пѣнія псалмовъ въ собраніи вѣрующихъ, сектанты при укрывательствахъ не могли фактически удовлетворить этой потребности, отчасти за нераспространенностью въ тѣ времена книгъ священнаго писанія, отчасти же вслѣдствіе безграмотности большинства адептовъ новой вѣры. Пришлось ограниться пѣніемъ псалмовъ заученныхъ наизусть; но при отсутствіи лицъ, могущихъ исправлять ошибки, допускаемыя неизбѣжно при такого рода передачѣ, въ эти псалмы постепенно стали вкрадываться извращенія текста, часто совершенно мѣняющія весь смыслъ псалма. Чѣмъ далѣе, тѣмъ эти извращенія все болѣе и болѣе искажали смыслъ священныхъ пѣснь и въ концѣ концовъ получалась какая-то рифмованная импровизація, не имѣющая по существу уже никакого смысла, какъ это замѣтно и теперь въ тѣхъ молитвенныхъ пѣснопѣніяхъ, которыя распѣваютъ духоборцы при обращеніяхъ своихъ къ Господу Богу. Форма, такимъ образомъ, какъ и во многихъ другихъ русскихъ сектахъ окончательно поглотила внутренній смыслъ. Кромѣ того, за отсутствіемъ опредѣленнаго, признаваемаго всѣми верховнаго пастыря секты, изъ среды сектантовъ стали

появляться отдѣльные самозванные проповѣдники, отличающіеся особой экзальтаціей, тѣмъ болѣе, что возможность подобныхъ появленій богодвохновленныхъ личностей входила въ догму вѣрованій сектантовъ. Эти проповѣдники, дѣйствуя на воображеніе своихъ темныхъ слушателей болѣзненными явленіями своей экзальтаціи, переходящими при передачѣ изъ устъ въ уста въ чудесныя явленія, являлись первоначально лишь истолкователями основнаго ученія, но потомъ, постепенно увлекаясь своею ролью и силою своего вліянія на массу, неизбѣжно стали вводить свои новыя положенія, измѣняющія въ основахъ вѣроученіе секты. Подобныхъ проповѣдниковъ и реформаторовъ было въ духоборческой сектѣ нѣсколько, но наиболѣе выдающимися изъ нихъ были: нѣкій Силуанъ Колесниковъ и особенно Савелій Капустинъ, который совершенно измѣнилъ первоначальныя основы ученія сектантовъ, а также придалъ сектѣ строгую организацію и установилъ ее въ настоящемъ ея видѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ гоненія, воздвигнутыя на секту, имѣли значеніе для ея развитія и положенія не только религіозное, но и политическое. Съ одной стороны, эти гоненія соединили и сплотили сектантовъ, какъ лицъ постоянно находящихся въ одинаковой опасности, въ одно общее цѣлое, съ другой озлобили сектантовъ противъ гонителей, а въ особенности противъ всѣхъ лицъ административныхъ и вообще власть имущихъ, какъ осуществляющихъ эти гоненія на практикѣ. Озлобленіе это, какъ и вообще у большинства русскихъ раскольниковъ, никогда не переходило въ открытое противодѣйствіе силѣ—силой. Напротивъ, нѣкоторый ореолъ мученичества за вѣру всегда былъ пріятенъ сознанію сектантовъ, такъ какъ въ самомъ фактѣ мученичества они почерпали надежду на вознагражденіе за него въ жизни будущей; но тѣмъ не менѣе озлобленіе духоборцевъ противу притѣснителей оставило по себѣ слѣды даже въ ихъ вѣроученіи и обычаяхъ. Такъ, въ началѣ они стали придавать своимъ притѣснителямъ различныя оскорбительныя названія и прозвища, но дабы скрыть смыслъ этихъ названій придумывали различныя софистическія объясненія. Называютъ они, напримѣръ, всѣхъ православныхъ христіанъ р а с к о л ь н и к а м и, такъ какъ они-де поклоняются иконамъ, писаннымъ на доскѣ, которая расколона (отколота отъ куска дерева); называютъ ихъ же и д о л о п о к л о н н и к а м и, такъ какъ они-де поклоняются истуканамъ, ибо почитаютъ металлическій крестъ, который истуканъ (выкованъ молоткомъ) изъ металла; названіе греко-россійской вѣры сектанты переиначили въ грѣхо-россійскую въ доказательство грѣховности ея и т. д. Съ теченіемъ времени, при послѣдующихъ поколѣніяхъ подобныя софистическія толкованія, при всей ихъ наивности, превратились тѣмъ не менѣе въ предметъ вѣры и убѣжденій. Мало того, при продолжавшихся гоненіяхъ, вспоминая, что первые ихъ учители были иноземцы, сектанты категорически отказа-

лись отъ своей русской народности, почему и ношеніе своего заимствованнаго отъ квакеровъ костюма и обязательное по примѣру тѣхъ же квакеровъ бритье бороды возвели въ культъ своего ученія. Отреклись они также и отъ своего національнаго имени, русскими себя признавать и называть перестали, твердо воспринявъ лишь излюбленное свое прозвище «духоборцевъ», которое принципіально и замѣнило имъ народное имя.

Общественно-нравственная сторона жизни сектантовъ, подъ вліяніемъ тѣхъ же гоненій, также сложилась у нихъ своеобразнымъ, двойственнымъ образомъ. Обстоятельства принудили ихъ замкнуться исключительно въ своей средѣ и сдѣлаться скрытными относительно всѣхъ, не принадлежащихъ къ ихъ сектѣ. Не желая противиться силѣ силой по своему религіозному убѣжденію, они стали всячески лукавить передъ властью и, будучи наружно крайне почтительными, стали скрывать все, что только касается до ихъ дѣлъ. Будучи въ сношеніяхъ между собой крайне правдивы и честны, они такой лукавый образъ дѣйствій допустили лишь по отношенію къ лицамъ, чуждымъ ихъ вѣры. Кромѣ того, дабы не имѣть дѣла съ властями, они ввели въ свой культъ требованіе не судиться и не обращаться къ властямъ съ какой бы то ни было жалобою, рѣшая всѣ дѣла промежъ себя. Вообще ихъ общее правило: всяческимъ образомъ избѣгать сношеній съ властями, исполнять ихъ требованія, говорить съ ними только по необходимости, вѣжливо и почтительно, но не откровенничать и никогда ничего имъ про свои дѣла не разъяснять.

Гоненія на духоборцевъ возникли чуть ли не съ самаго начала возникновенія секты и продолжались до конца прошлаго вѣка, временами то усиливаясь, то ослабѣвая, но тѣмъ не менѣе всѣ эти гоненія въ тѣ времена практиковались только въ частныхъ случаяхъ, въ видѣ мѣръ случайныхъ, въ общемъ же новая секта особеннаго вниманія на себя правительства не привлекала. Общій правительственный взглядъ на секту выразился впервые лишь въ началѣ настоящаго столѣтія, когда въ 1802 году возникло въ Тамбовской губерніи первое громкое духоборское дѣло, ставшее предметомъ разбирательства высшихъ правительственныхъ сферъ и дошедшее до свѣдѣнія императора Александра I. Началось дѣло съ того, что экономическіе крестьяне селенія Троицкой Дубровы, въ дѣйствительности сектанты-духоборцы, но оффиціально признаваемые за присоединенныхъ вновь къ лону православной церкви, народъ въ общемъ мирный, трезвый и трудолюбивый, отличавшійся домовитостью и зажиточностью и повинующійся приказаніямъ начальства—отказались всѣ, какъ одинъ человѣкъ, нанѣхавшему къ нимъ на святкахъ православному священнику подходить по его требованію къ кресту, равно какъ и выплачивать ему по установившемуся обычаю различные святочные подарки. Произошло это,

какъ потомъ выяснилось изъ дѣла, неисключительно вслѣдствіе строптивости сектантовъ, а главнымъ образомъ вслѣдствіе весьма грубаго обращенія и многихъ насилій, допускаемыхъ по отношенію къ нимъ недостойнымъ священникомъ. Съ жалобой на различныя притѣсненія, терпимыя ими отъ причта, дубровскіе поселяне выслали ходока къ тамбовскому губернатору Палицыну. Этотъ послѣдній по принятіи жалобы назначилъ по дѣлу слѣдствіе, окончившееся не въ пользу дубровцевъ. Многіе изъ нихъ сами были уличены слѣдователями въ грубомъ и дерзкомъ обращеніи со священникомъ и кромѣ того было дознано, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ происходили въ домахъ «еретическія собранія, соблазнявшія православный народъ». О результатахъ слѣдствія губернаторъ счелъ долгомъ донести министру внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею, а тотъ въ свою очередь довелъ все дѣло до свѣдѣнія государя. Вскорѣ послѣ того на имя губернатора былъ полученъ высочайшій рескриптъ слѣдующаго содержанія:

«Со стороны гражданскаго начальства надлежитъ наблюдать, чтобы сектанты не дозволяли себѣ оказывать священникамъ грубостей или презрѣнія, а паче не допускать, чтобы явнымъ разглашеніемъ своей ереси причиняли они соблазны правовѣрнымъ, за что и предавать ихъ, какъ нарушителей общаго порядка, суду по законамъ».

Главныхъ вожаковъ духоборцевъ стали судить въ тамбовскомъ судѣ. Здѣсь они показали по поводу обвиненія ихъ въ измѣнѣ православію, что тамбовскіе священники угрозами склонили ихъ къ наружному принятію господствующей вѣры. При дальнѣйшихъ допросахъ они смѣло высказали и свое вѣроученіе. Они объявили суду, «что не почитаютъ православной церкви, животворящаго креста, святаго евангелія, иконъ—издѣлій рукъ человѣческихъ; креста рукою на себѣ не изображаютъ и на груди рукотворнаго креста не носятъ, но крестятся словомъ Божіимъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа; таинства причащенія, покаянія, крещенія и прочихъ не принимаютъ; священниковъ ненавидятъ и въ дома къ себѣ не пускаютъ; имѣютъ же у себя единаго священника, преподобнаго и праведнаго, который есть Господь Богъ. Установленныхъ церковью постовъ не признаютъ, а всегда ѣдятъ молоко и мясо, кромѣ свинаго, чтобы за яденіе его не подвергнуться одной участи съ православными и не погибнуть. Новорожденныхъ дѣтей оставляютъ безъ крещенія на всю жизнь. Браковъ не имѣютъ, а живутъ по любви кому съ кѣмъ угодно. Умершихъ хоронятъ дома и служатъ Богу духомъ, духомъ водятся, духомъ бодрствуютъ и утверждаются, отъ духа мечъ принимаютъ и этимъ духовнымъ мечемъ воинствуютъ и все имъ одолѣваютъ».

На вопросы, касающіеся до отношенія сектантовъ къ предержащей власти и до распространенія ими ереси, они заявили: «Государя мы

весьма почитаемъ, властямъ повинуемся, запрещенныхъ сборищъ не имѣемъ, по селу съ пѣніемъ духоборскихъ пѣсенъ не ходимъ и въ секту свою православныхъ не склоняемъ».

Для обличенія духоборцевъ, тамбовскій епископъ Ѳеофилъ присылалъ въ уѣздный судъ ректора семинаріи, но сектанты, несмотря на продолжительную миссіонерскую проповѣдь послѣдняго, остались непреклонны и твердо заявили, что православной вѣры они не хотятъ принять и не могутъ.

Въ концѣ концовъ судъ постановилъ: двухъ главныхъ виновныхъ изъ девяти обвиняемыхъ, наказавъ кнутомъ, сослать въ городъ Колу, а остальныхъ семерыхъ нещадно высѣчь плетьми на площади ихъ же селенія. Всѣхъ дѣтей духоборцевъ судъ повелѣлъ обязательно крестить. Этимъ однако дѣло еще не кончилось.

Когда опредѣленіе суда, касающееся тѣлеснаго наказанія, приводилось въ исполненіе, те по чрезмѣрному усердію лицъ, производящихъ экзекуцію, двое изъ наказуемыхъ оказались засѣченными на смерть. Родные этихъ несчастныхъ придумали совершенно своеобразный способъ протеста. Они взвалили трупъ одного изъ засѣченныхъ на телѣгу и приказали одному выборному изъ своей среды отвезти его въ городъ и сложить на дворѣ губернаторскаго дома, что тотъ въ точности и исполнилъ. По поводу такой оригинальной формы обжалованья возникло опять новое дѣло. Снова было назначено слѣдствіе и снова состоялся приговоръ суда, по которому выборный, привезшій трупъ, былъ приговоренъ къ наказанію кнутомъ и къ ссылкѣ въ Колу, а пять человѣкъ причастныхъ къ дѣлу—къ наказанію плетьми.

Между тѣмъ на имя тамбовскаго губернатора послѣдовалъ новый высочайшій указъ, доказывающій, что въ высшихъ правительственныхъ сферахъ на духоборцевъ стали смотрѣть гораздо гуманнѣе, чѣмъ въ низшихъ. Указъ этотъ повелѣвалъ:

1) Отвести духоборцамъ въ удаленіи отъ селеній участки земли для кладбищъ, такъ какъ погребеніе мертвыхъ тѣлъ въ домахъ ни подъ какимъ видомъ не должно быть терпимо; погребать же на общихъ церковныхъ кладбищахъ духоборцевъ, какъ умершихъ внѣ церкви, запрещаютъ общія постановленія.

2) Назначивъ духоборцамъ такіе участки, строго взыскивать, чтобы своихъ умершихъ тамъ и хоронили, а въ случаѣ нарушенія ими этого правила предавать ихъ суду не за ересь, но за нарушеніе общей безопасности, и по суду ссылать ихъ въ городъ Колу.

3) Правила, на терпимость духоборской секты принятыя, распространить и на некрещеніе младенцевъ; мѣстное начальство должно только смотрѣть, чтобы духоборцы не разглашали своей ереси внѣ семействъ

ихъ и не дѣлали ей никакихъ явныхъ оказательствъ подъ страхомъ суда и наказанія.

Такимъ образомъ по смыслу этого указа ересь признавалась со стороны правительства вполнѣ терпимою и сектѣ запрещалось только лишь совращеніе въ секту православныхъ.

Далѣе, относительно привоза мертваго тѣла на дворъ губернатора указомъ повелѣвалось тщательно разузнать о причинахъ смерти духоборца и предать суду мѣстныхъ городничаго и исправника за нерадѣніе ихъ къ служебнымъ обязаностямъ. Вслѣдствіе этого второе духоборское дѣло о привозѣ мертваго тѣла — подверглось новому пересмотру въ тамбовской уголовной палатѣ, причемъ палата, раскрывъ массу злоупотребленій, допущенныхъ прежними производителями дознаній и слѣдствій, вошла съ особымъ представленіемъ въ Правительствующій Сенатъ, который и смягчилъ наказаніе духоборцамъ, замѣнивъ плети нѣсколькими ударами батоговъ. Исправникъ и городничій были по суду совершенно оправданы.

Впослѣдствіи все дѣло во всѣхъ его подробностяхъ было снова доложено министромъ юстиціи, княземъ Лопухинымъ, государю, послѣ чего послѣдовало вскорѣ новое высочайшее повелѣніе, еще болѣе гуманное, чѣмъ первый указъ.

По этому высочайшему повелѣнію отъ 16-го декабря 1804 года разрѣшалось всѣмъ духоборцамъ Тамбовской губерніи, а въ томъ числѣ и поселянамъ Троицкой Дубровы, «въ огражденіе ихъ отъ неумѣстныхъ и напрасныхъ притязаній въ отношеніи къ образу ихъ мыслей о религіи» — выселиться въ Мелитопольскій уѣздъ Таврической губерніи на особо отведенную для нихъ казенную землю, извѣстную подъ названіемъ «Молочныя воды». Вѣсть о таковомъ распоряженіи государя принята была сектантами съ полнымъ восторгомъ. И дѣйствительно, имъ было чему радоваться. Государю угодно было не только прекратить всякія преслѣдованія противъ ихъ ученія, но даже назначить имъ для житья отдѣльную территорію, дабы оградить ихъ отъ всякихъ посягательствъ на ихъ вѣроученіе со стороны всѣхъ другихъ людей, чуждыхъ имъ по нравственному міросозерцанію и по религіознымъ вѣрованіямъ. Отношеніе къ сектантамъ императора Александра I, истолкованное именно въ этомъ смыслѣ, послужило для нихъ мѣриломъ при опредѣленіи ими на будущее время своихъ отношеній ко всякой правительственной власти и въ общемъ сильно способствовало поднятію ихъ нравственнаго духа, каковое и не преминуло сказаться весьма скоро.

Едва лишь кончилось ихъ общее переселеніе въ новый край—продолжавшееся съ 1805 до 1813 г.—какъ тотчасъ же, восчуствовавъ силу своего объединенія, они обратились съ коллективною просьбою на высочайшее имя—признать за ними оффиціально наименованіе «духобор-

цевъ», какъ названія, вытекающаго изъ сущности ихъ вѣроученія. Просьба ихъ была первоначально удовлетворена, но затѣмъ черезъ нѣкоторое время, какъ видно изъ именнаго высочайшаго указа 9-го декабря 1816 года, государь императоръ призналъ неудобнымъ присвоить имъ какое-либо особое названіе и повелѣлъ именовать ихъ наравнѣ съ другими мѣстными сектантами «поселенцами мелитопольскими» [1]). Такое

---

[1]) Редакція считаетъ необходимымъ прибавить, что въ тотъ же день, 9-го декабря, императоръ Александръ писалъ херсонскому военному губернатору:

«Изъ двухъ представленій вашихъ къ управляющему министерствомъ полиціи, касательно поселенныхъ въ Мелитопольскомъ уѣздѣ такъ называемыхъ духоборцевъ, вижу я, что вы испрашиваете переселенія ихъ съ нынѣшняго мѣста жительства на другое. Къ таковому представленію побуждаетесь вы донесеніями о развратной будто бы ихъ жизни, зловредныхъ для общества правилахъ и желаніи разсѣевать оныя между другими.

«Въ слѣдствіе сего и по поданой со стороны самихъ духоборцевъ просьбы о защитѣ ихъ отъ притѣсненій, повелѣлъ уже я управляющему министерствомъ полиціи снестись съ вами о доставленіи подробнѣйшихъ свѣдѣній объ обстоятельствахъ, до духоборцевъ касающихся.

«При семъ я признаю за нужное обратить ваше вниманіе особеннымъ образомъ на начало и причину переселенія сего рода людей изъ Слободско-Украинской и другихъ губерній въ Мелитопольскій уѣздъ губерніи Таврической на Молочныя воды.

«Сіе переселеніе ихъ послѣдовало именно, какъ вы и изъ повелѣнія моего, даннаго бывшему новороссійскому губернатору Миклашевскому 25 генваря 1802 г., увидѣть можете, частію во уваженіе претерпѣннаго ими прежде разоренія, частію же во огражденіе ихъ отъ неумѣстныхъ и напрасныхъ притязаній въ отношеніи къ образу ихъ мыслей о религіи. Они отдѣлены уже тамъ довольно отъ непосредственнаго съ прочими жителями сношенія и тѣмъ распространенію сей секты положены предѣлы. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ понынѣ правительство, не получая ни съ которой стороны жалобъ, ни донесеній о безпорядкахъ, имѣло всѣ причины полагать принятыя по сему мѣры весьма достаточными.

«Отдаленіе сихъ людей отъ православной греко-россійской церкви есть, конечно, съ ихъ стороны заблужденіе, основанное на нѣкоторыхъ погрѣшныхъ заключеніяхъ ихъ объ истинномъ богослуженіи и духѣ христіанства. Сіе происходитъ въ нихъ отъ недостатка въ просвѣщеніи: «ибо ревность Божію имѣютъ, но не по разуму». Но просвѣщенному ли правительству христіанскому приличествуетъ заблудшихъ возвращать въ нѣдра церкви жестокими и суровыми средствами, истязаніями, ссылками и тому подобнымъ? Ученіе Спасителя міра, пришедшаго на землю взыскати и спасти погибшаго, не можетъ внушаемо быть насильствіемъ и казнями, не можетъ служить къ погибели спасаемаго, коего ищутъ обратить на путь истины. Истинная вѣра пораждается благодатію Господнею чрезъ убѣжденіе, поученіемъ, кротостію, а болѣе всего добрыми примѣрами. Жестокость же не убѣждаетъ никогда, но паче ожесточаетъ. Всѣ мѣры строгости, истощенные надъ духоборцами въ продолженіе 30 лѣтъ, до 1801 года, не токмо не истребили сей секты, но паче и паче пріумножали число послѣдователей ея.

высочайшее повелѣніе вызвало сильнѣйшій протестъ со стороны сектантовъ, и они снова отправили выборныхъ, для подачи новаго прошенія по тому же предмету, настаивая на присвоеніи имъ названія «духоборцевъ», какъ имѣющаго для нихъ важное значеніе религіозное. По заслушанію этого прошенія въ Комитетѣ Министровъ послѣдовало высочайшее повелѣніе объ объявленіи повѣреннымъ отъ мелитопольскихъ поселянъ, что имъ не запрещается именовать самихъ себя духоборцами (Указъ 15-го мая 1817 года).

Въ этомъ новомъ проявленіи милостиваго отношенія государя къ ихъ просьбамъ духоборцы опять-таки почерпнули нѣкоторую долю самоувѣренности, основанной на сознаніи своего значенія, признаваемаго, по ихъ истолкованію, и верховною властью. Не мало способствовалъ также развитію ихъ самоувѣренности и самый фактъ сплоченія всѣхъ русскихъ духоборцевъ на опредѣленной, спеціально для нихъ отведенной территоріи. До этого они только и стре-

---

«Впрочемъ, мѣстныя начальства разныхъ губерній отзывались о духоборцахъ неоднократно весьма выгоднымъ образомъ со стороны ихъ поведенія, хотя и приносили жалобу на отпаденіе ихъ отъ православной церкви. Сенаторы Лопухинъ и Нелединскій-Мелецкій при обозрѣніи ими въ 1801 году Слободско-Украинской губерніи, найдя тамъ сего рода людей, отдали имъ такъ-же во многомъ справедливость, хотя и не защищали ихъ заблужденій: ибо они судили о нихъ безпристрастнымъ и на любви христіанской основаннымъ образомъ.

«Всѣ сіи обстоятельства показываютъ довольно ясно, что не о новомъ переселеніи сихъ людей помышлять теперь надлежитъ, но объ огражденіи скорѣе ихъ самихъ отъ всѣхъ излишнихъ притязаній за разномысліе ихъ въ дѣлѣ спасенія и совѣсти, по коему ни принужденіе, ни стѣсненіе никогда участія имѣть не могутъ. Переселеніемъ таковымъ судьба ихъ отяготится снова и они наказаны будутъ уже по одному доносу безъ изслѣдованія истины, обвиненія и доказательства. Благоустроенное правительство ни въ какомъ случаѣ и ни съ кѣмъ такъ не поступаетъ; а церковь православная, сколь ни желала бы обратить сихъ отпадшихъ отъ нея чадъ къ себѣ, можетъ ли одобрить мѣры гоненія, толико противныя духу главы ея, Христа Спасителя, оставившаго послѣдователямъ своимъ сіе достопамятное изреченіе: «Аще ли бысте вѣдали, что есть, милости хощу, а не жертвы, николи же убо бысте осуждали неповинныхъ».

«Руководясь духомъ симъ, духомъ истиннаго христіанства, можно всего лучше успѣть въ достиженіи желаемой цѣли по сему предмету. Колонію поселенцевъ сихъ я поручаю особенному и ближайшему вашему надзору и попеченію. Не полагаясь ни на чьи донесенія, вы не оставите вникнуть сами безъ предубѣжденія во всѣ мѣстныя обстоятельства ихъ, узнать въ точности ихъ образъ жизни и поведеніе, взирая на нихъ окомъ безпристрастнымъ попечительнаго начальника, ищущаго пользъ правительства во благѣ частномъ ввѣренныхъ ему людей. Участь сихъ поселенцевъ должна устроена быть безопасно. Надобно, чтобъ они могли почувствовать, что они состоятъ подъ охраненіемъ и покровительствомъ законовъ, и тогда только надежнѣе можно

мились къ тому, чтобы, вырвавшись какимъ бы то ни было способомъ изъ-подъ гнета и притѣсненій чуждыхъ имъ и по мыслямъ и по убѣжденіямъ людей, зажить сообща дружнымъ братствомъ и устроить свой собственный бытъ, основанный на принципахъ ихъ вѣроученія. Мечта ихъ теперь осуществилась на дѣлѣ и понятно, что это обстоятельство еще болѣе укоренило въ нихъ сознаніе въ правотѣ ихъ ученія и въ чудесной помощи Бога, невидимо покровительствующаго своимъ избраннымъ сынамъ. Тутъ же на новой территоріи, собранные изъ разныхъ мѣстъ и оставленные въ покоѣ, они продолжали детально разрабатывать свое вѣроученіе и выработали, наконецъ, свой особый религіозный культъ, или вѣрнѣе соціально-политическій кодексъ, такъ какъ у нихъ трудно отдѣлить одно отъ другаго, тѣмъ болѣе что собственно религіозная сторона ихъ ученія имѣетъ лишь цѣлью прикрывать соціально-политическія основы.

Сущность нѣсколько измѣненнаго новаго ученія духоборцевъ, до-

---

ожидать отъ нихъ любви и привязанности къ правительству и взыскивать исполненія по законамъ его, кои столь для нихъ благотворны. Если бы открыто было вами не по одному извѣту чьему-либо, но дѣйствительно на самомъ дѣлѣ, что у поселенцевъ сихъ укрываются дезертиры, бѣглые люди; если бы нашлось несомнѣнно, что они покушаются отвлекать другихъ отъ общей церкви по своему образу мыслей о религіи—тогда, обращая силу закона на таковые противузаконные поступки, надлежитъ положить имъ преграду. Но и тогда нельзя допустить, чтобы за одного или нѣсколькихъ виновныхъ, уличенныхъ въ преступленіи, отвѣчало и было истязуемо все общество сихъ поселенцевъ, не участвовавшее въ ономъ. При доносахъ и обвиненіи въ подобныхъ случаяхъ, требуется внимательный разборъ, отъ кого сіи доносы происходятъ и какія могли быть побудительныя причины къ онымъ. Такъ и упоминаемые въ представленіи вашемъ двое изъ духоборцевъ, кои, по обращеніи къ православной церкви, показали на сіе общество разныя преступленія и свидѣтельствовали о развратной жизни въ ономъ, могли учинить сіе по злобѣ или мщенію; ибо легко можетъ быть, что они отвергнуты были сами отъ общества за дурные поступки или оставили оное изъ ссоры, или вражды. Одни показанія таковыхъ, едва ли вниманіе заслуживающія, не должны служить основаніемъ къ наряженію тотчасъ строгихъ слѣдствій, къ забиранію подъ стражу, заключенію въ тюрьмы и истязанію людей, не изобличенныхъ еще ни въ какомъ зломъ умыслѣ или проступкѣ. Самое изслѣдованіе подозрѣваемаго преступленія долженствуетъ происходить такимъ образомъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ невинный не пострадалъ отъ онаго.

«Полагаясь на ваше благоразуміе, искреннее желаніе добра и усердіе къ службѣ, я удостовѣренъ, что вы въ поручаемомъ вамъ чрезъ сіе не оставите сообразоваться во всей точности съ изъясненными здѣсь мыслями моими, и ожидаю всевозможнаго отъ сего успѣха.

«Между тѣмъ имѣете вы донести мнѣ обстоятельно о мѣрахъ, какія вами въ слѣдствіе сего приняты будутъ и что вы найдете по принятіи вами сей колоніи подъ непосредственное ваше попеченіе». Ред.

шедшаго почти безъ перемѣнъ и до нашихъ дней, заключается въ общихъ чертахъ въ слѣдующемъ:

Прежнее вѣрованіе, что среди сектантовъ незримо присутствуетъ Святой Духъ, измѣнилось и перешло въ ученіе, что Іисусъ Христосъ не покидаетъ земли, а постоянно воплощается въ мірѣ въ особо избранныхъ изъ ихъ среды боговдохновенныхъ личностей и этимъ путемъ управляетъ всею духоборскою общиною, которая поэтому является исключительно «Царствомъ Христовымъ». Изъ такого основнаго догмата ученія вытекаетъ, съ одной стороны, признаніе, что всякая иная власть въ государствѣ, равно какъ и всѣ правительственныя лица и учрежденія, какъ созданіе рукъ человѣческихъ, нечестивы и безполезны въ истинномъ царствѣ Христовомъ; а съ другой, что подобный боговдохновенный избранникъ, какъ вмѣщающій въ себѣ Іисуса Христа, непогрѣшимъ, а потому полноправенъ и безконтроленъ въ распоряженіяхъ судьбою каждаго изъ сектантовъ и всей общины, какъ въ духовныхъ дѣлахъ, такъ и въ мірскихъ. Такимъ образомъ подобные люди признавались полновластными владыками сектантовъ, и духовными и свѣтскими.

Таинства у духоборцевъ безусловно отрицаются, и вся обрядная сторона вѣроученія упрощена до послѣдней степени; все сводится къ заунывнымъ напѣвамъ когда-то сочиненныхъ, въ теченіе долгаго времени переиначиваемыхъ и никому теперь непонятныхъ псалмовъ; въ однообразномъ причитаніи рифмованныхъ и безсмысленныхъ обращеній къ Богу и въ братскомъ поцѣлуѣ съ троекратнымъ, волнообразнымъ подталкиваніемъ пожимаемой руки сосѣда на подобіе движенія кадильницы. Даже брачные союзы не обставляются какимъ-либо духовнымъ ритуаломъ и все ограничивается согласіемъ главы секты и напоминаніемъ его супругамъ, что они должны жить мирно.

Но разорвавши связь съ родной народностью, правительствомъ и отечествомъ, у сектантовъ тѣмъ не менѣе сохранилось сознаніе, что они не могутъ прожить безъ связи съ какой-либо территоріей, составляющей для нихъ соединительное звено и точку опоры для жизни въ семъ мірѣ. Для удовлетворенія этого сознанія ими было изобрѣтено совершено своеобразное, какъ все въ этой сектѣ—«отечество». Фактически подъ этимъ именемъ разумѣлась земля, принадлежащая или составляющая надѣлъ главы секты, на которой строилось зданіе, служащее для молитвенныхъ собраній сектантовъ и въ которомъ постоянно жилъ главарь, имѣющій Іисуса Христа, со своими ближайшими сподвижниками и приближенными. Привыкнувъ укрывать отъ властей всѣ основы и внѣшнія проявленія своихъ религіозныхъ вѣрованій и убѣжденій, духоборцы дали этому учрежденію названіе «Сиротскаго дома» съ объясненіемъ, что цѣль его основанія — призрѣніе и обезпеченіе престарѣ-

лыхъ вдовъ и сиротъ, не могущихъ содержать себя собственными трудами. Для поддержанія этого учрежденія каждый духоборецъ обязанъ былъ дѣлать опредѣленные взносы отъ получаемыхъ прибылей и доходовъ, которыми непосредственно и безконтрольно распоряжался глава секты, принявшій поэтому названіе при оффиціальныхъ сношеніяхъ съ властями—«Управляющаго Сиротскимъ домомъ».

Но истинное значеніе «Сиротскаго дома» въ сущности совершенно иное. Онъ-то и носилъ между духоборцами названіе «Отечества» и здѣсь-то и сосредоточено было все управленіе сектой. Хотя главарь могъ фактически во всякое время, по своему усмотрѣнію, распорядиться имуществомъ каждаго изъ сектантовъ, но капиталы и имущество «Сиротскаго дома» составляли какъ бы его личный непосредственный удѣлъ; а такого имущества и капиталовъ въ «Сиротскомъ домѣ» находилось всегда на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Означенные сборы и имущество менѣе всего шли на удовлетвореніе тѣхъ гласныхъ нуждъ, для коихъ они были оффиціально установлены, т. е. на обезпеченіе существованія вдовъ и сиротъ. Главнымъ назначеніемъ этого богатства было поддержаніе и выручка обѣднѣвшихъ и впавшихъ въ долги духоборцевъ. Такъ какъ однимъ изъ главныхъ догматовъ духоборскаго ученія былъ трудъ, то бѣдныхъ по лѣности или праздности въ сектѣ не допускалось; если же кто-либо впадалъ въ разореніе по несчастію, то «Сиротскій домъ» ставилъ его на ноги, не только давая все необходимое, но и снабжая широкою помощью для дальнѣйшихъ операцій. Хотя такія пособія выдавались обыкновенно въ даръ, безвозмездно, но само собою складывалось, что облагодѣтельствованный и ставшій на ноги духоборецъ считалъ своей нравственною и религіозною обязанностью возвратить даже съ лихвою «Сиротскому дому» полученную имъ своевременно помощь. Отсюда понятно, что какъ широко ни расходовались капиталы «Сиротскаго дома», они въ концѣ концовъ не только не изсякали, но напротивъ все преумножалось. Изъ суммъ того же «Сиротскаго дома» выплачивались за всѣхъ духоборцевъ всѣ подлежащія государственныя, земскія и общественныя денежныя подати и повинности, при чемъ сектанты объясняли себѣ подобныя уплаты вообще, что это ими платится «дань» правительству, какъ знакъ ихъ подчиненности только силѣ, но что такая уплата отнюдь не вытекаетъ изъ ихъ обязанностей вѣрноподданныхъ подобно всѣмъ другимъ жителямъ имперіи. Въ силу такого толкованія духоборцы всегда считали себя людьми свободными, не отбывающими никакихъ повинностей.

Таково было матеріальное значеніе «Сиротскаго дома» для духоборцевъ; но и нравственное его вліяніе на сектантовъ было всегда не ниже, если не выше. Глава секты или управляющій «Сиротскимъ домомъ» далеко не былъ доступенъ для всѣхъ вѣрующихъ. На общія

собранія сектантовъ онъ являлся обыкновенно серьезнымъ, задумчивымъ какъ бы отрѣшившимся отъ всего мірскаго, молчаливымъ, а если и заводилъ рѣчь, то не просто говорилъ, а пророчествовалъ. Для посредства между владыкою, такимъ самозваннымъ богочеловѣкомъ, и остальными сектантами существовали «атаманы» «Сиротскаго дома», на обязанности коихъ лежало, гласно, управленіе по указаніямъ главаря разроставшимся имуществомъ «отечества», а въ сущности это были его вѣрные агенты и соглядатаи, доносившіе ему о дѣйствіяхъ и поступкахъ каждаго изъ вѣрующихъ, а затѣмъ безпрекословно исполнявшіе всѣ его велѣнія. Отсюда вытекала поражающая простыхъ сектантовъ божественная прозорливость и всевѣдѣніе ихъ главы. Система шпіонства, столь необходимая для прославленія всевѣдѣнія главаря и для дисциплинировки секты, всегда была развита у духоборцевъ въ сильной степени. На ряду съ этимъ была установлена и лѣстница наказаній, главнымъ образомъ тѣлесныхъ и притомъ практикуемыхъ въ самомъ ужасномъ видѣ, о которомъ не принадлежащіе къ сектѣ не имѣютъ понятія. Пускались въ ходъ и кнутъ и кошки и тому подобныя орудія, составляющія принадлежность пытокъ и примѣнявшіяся при малѣйшемъ неповиновеніи или уклоненіи отъ приказаній главы секты. Но самъ управляющій не выступалъ на сцену и въ подобныхъ случаяхъ, а приведеніе въ исполненіе его опредѣленій лежало на тѣхъ же атаманахъ, обязанныхъ дѣлать это быстро и въ точности, иначе они подвергались тѣмъ же жестокимъ наказаніямъ. Къ обязанностямъ атамановъ относилось также сообщеніе сектантамъ откровеній, дѣлаемыхъ управляющимъ о томъ, напримѣръ, что́ онъ видѣлъ, плавая на облакахъ, или о чемъ бесѣдовалъ съ явившимся къ нему китайскимъ посломъ и тому подобныхъ чудесныхъ или изъ ряду выходящихъ явленіяхъ. Вѣрили-ли сами атаманы этимъ явленіямъ—трудно сказать; но вѣрно одно, что высказывать сомнѣнія имъ было, конечно, и опасно и невыгодно.

Для полноты характеристики отношеній между сектантами и ихъ главою слѣдуетъ добавить, что грамотность между духоборцами была запрещена и допускалась какъ исключеніе, а равно, что ни одинъ духоборецъ не имѣлъ права предпринять что-либо безъ разрѣшенія управляющаго «Сиротскимъ домомъ». Такимъ образомъ порабощеніе сектантовъ было полное и со стороны ихъ вождей были приняты всѣ мѣры для предупрежденія разсѣянія годами сгущеннаго мрака. Продолжительность и постоянство подобнаго порабощенія изъ поколѣнія въ поколѣніе привели къ тому, что духоборцы не только не смѣли разсуждать, но даже утратили до нѣкоторой степени способность собственнаго мышленія и на все глядѣли глазами управляющаго общиной. Благодаря этому, когда во главѣ секты въ должности управляющаго «Сиротскимъ домомъ» стали появляться люди разгульные и безнравственные, не могущіе

скрыть отъ массы своихъ низменныхъ инстинктовъ, духоборцы и на это не претендовали и не роптали, объясняя все лишь слабостью человѣческой натуры своего вождя и даже просто тѣмъ, что такъ угодно «батюшкѣ, дѣйствующему по Божескому произволенію».

Держась вдали отъ массы сектантовъ, управляющіе «Сиротскими домами» точно также никогда не выступали въ качествѣ главы секты и предъначальствомъ. Напротивъ, они и въ этомъ случаѣ представлялись исключительно управляющими хозяйственною частью «Сиротскаго дома» въ узкомъ значеніи этого слова. Для сношенія же съ представителями администраціи и вообще внѣшнимъ міромъ, избирались, до поселенія духоборцевъ въ одномъ мѣстѣ, повѣренные и ходоки, а по образованіи изъ нихъ сельскихъ обществъ—установленные закономъ общественные старшины и другіе чины сельской администраціи. Но какъ выборъ должностныхъ лицъ, такъ и всѣ дѣйствія ихъ строго направлялись и контролировались въ «Сиротскомъ домѣ», главою секты, дававшимъ обязательныя указанія, представлявшія изъ себя пророчества и составлявшія предметъ религіознаго культа. Поэтому въ духоборческихъ сельскихъ обществахъ всегда замѣчался крайне оригинальный и интересный фактъ, что со времени ихъ образованія не было ни одного приговора, рѣшавшаго дѣло по большинству голосовъ, а всѣ они постановлялись всѣми единогласно. Объясненіе этого явленія лежитъ именно въ указанномъ выше безусловномъ подчиненіи сельчанъ волѣ главы секты, диктовавшимъ всѣ рѣшенія [1]).

Первымъ главою секты, «богочеловѣкомъ», считавшимся «вмѣщающимъ въ себѣ Іисуса Христа», былъ вышеназванный Савелій Капустинъ, проповѣдникъ новаго ученія и организаторъ «Сиротскаго дома» и всей вообще секты въ настоящемъ ея видѣ. Импонируя своимъ послѣдователямъ привлекательнымъ наружнымъ видомъ, а равно и духовными качествами, какъ то: глубокимъ природнымъ умомъ, прекрасною памятью, замѣчательнымъ краснорѣчіемъ, Капустинъ настолько умѣлъ увлечь духоборцевъ, что они не только признали въ немъ воплотившагося Іисуса Христа и поклонялись ему, но увѣровали даже въ ученіе о послѣдовательномъ переходѣ Христовой души въ его сына и дальнѣйшее потомство. Поэтому, послѣ смерти Савелія Капустина, земнымъ Христомъ и главою секты были признаваемы послѣдовательно

---

[1]) Изъ всего вышеизложеннаго видно, что „Сиротскій домъ“ составляетъ для духоборцевъ ветхозавѣтную еврейскую скинію—святое-святыхъ секты, безъ которой они жить не могутъ. „Духоборство,—говоритъ одинъ изъ администраторовъ въ своемъ донесеніи,—безъ „Сиротскаго дома“ безусловно не можетъ существовать, какъ тѣло безъ головы, думающей, рѣшающей и направляющей дѣйствія всѣхъ остальныхъ членовъ“. Ред.

его сынъ—Василій Калмыковъ [1]), внукъ Иларіонъ (пришедшій съ духоборцами въ Закавказье), правнукъ Петръ и, наконецъ, жена послѣдняго—Лукерья Калмыкова.

Благодаря указанному обстоятельству у духоборцевъ образовалась своя управляющая сектою наслѣдственная, какъ они называютъ, «линія» или династія.

Но перечисленные догматы духоборческой секты не заключаютъ въ себѣ еще всего ученія, а составляютъ только его сущность. Подъ вліяніемъ этихъ главнѣйшихъ основаній новой вѣры, выработались не столько духовныя правила, сколько особая духоборческая этика, отступленій отъ которой, однако, не допускалось. Въ силу этой этики каждый духоборецъ долженъ былъ стараться съ русскими казаться русскимъ, съ поляками—полякомъ, съ турками—туркомъ и т. д. Письменность не допускалась. Духоборцамъ строго вмѣнялось въ долгъ свято исполнять свои обязательства словесныя и воспрещалось вести дѣла въ судебныхъ или административныхъ учрежденіяхъ. Въ обыденной жизни духоборцы должны были вести себя скромно, смиренно; всѣмъ чиновнымъ людямъ, снявъ издали шапки, низко кланяться; отвѣчать на ихъ вопросы условными, заранѣе заученными фразами; вести трезвую жизнь, избѣгать всякихъ развлеченій и пустословій. За величайшій грѣхъ считалось не только произнесеніе, но и повтореніе за другимъ какого-либо грубаго слова или выраженія, на основаніи кореннаго догмата, что «не то грѣхъ, что входитъ въ уста, а то, что выходитъ изъ устъ». Духоборецъ какъ бы ни былъ зажиточенъ, обязанъ трудиться всю жизнь и можетъ заниматься только полевыми работами, скотоводствомъ и извозомъ. Другими отраслями промышленности и торговлею заниматься воспрещено, такъ какъ это неизбѣжно приводитъ въ близкое столкновеніе съ халдѣями, т. е. съ непринадлежащими къ сектѣ, и вводитъ въ грѣхъ. Всѣ помыслы духоборца должны быть направлены къ преумноженію своего экономическаго благосостоянія, дабы чрезъ это онъ могъ получить бо́льшую возможность способствовать возвеличенію «отечества», поэтому лѣность не допускается и строго преслѣдуется. Духоборцы и духоборки всѣхъ возрастовъ обязательно должны носить точно опредѣленный костюмъ.

Въ этихъ правилахъ, выработанныхъ первыми вѣроучителями и оформленныхъ и утвержденныхъ послѣдующими главарями, секта за-

[1]) Перемена фамиліи у Василія Калмыкова произошла вслѣдствіе того, что самъ Савелій Капустинъ былъ, по свѣдѣніямъ, бѣглый солдатъ; по этому, опасаясь, что его сынъ будетъ записанъ въ кантонисты, онъ упросилъ своего тестя Никифора Калмыкова записать сына родившимся въ его семьѣ, почему Василій Капустинъ и принялъ фамилію Калмыкова.

стыла. Узаконенный религіозными вѣрованіями и поддерживаемый жестокими наказаніями, отъ которыхъ не избавлялись ни старики, ни женщины, ни дѣти, вышеприведенный режимъ жизни повелъ къ установленію среди духоборцевъ идеальной дисциплины, но, имѣя послѣдствіемъ большую ихъ зажиточность, весьма пагубно отозвался на ихъ умственномъ развитіи. Изъ сильныхъ и здоровыхъ тѣломъ людей—выработывались какіе-то автоматы, утратившіе способность свободнаго мышленія и являющіеся лишь слѣпыми исполнителями велѣній своего верховнаго владыки.

Съ водвореніемъ духоборцевъ на «Молочныхъ водахъ» сплоченіе ихъ достигло своего предѣла, равно какъ и порабощеніе отдѣльныхъ членовъ управляющему «Сиротскимъ домомъ». Но вмѣстѣ съ тѣмъ и распространеніе секты прекратилось, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что кругомъ была или необъятная степь, или поселки сектантовъ другихъ толковъ, въ свою очередь также фанатиковъ своего религіознаго убѣжденія и не поддававшихся вліянію другой вѣры. Казалось, главная цѣль правительства была достигнута, но такое положеніе вещей длилось не долго. Съ конца двадцатыхъ годовъ и въ послѣдующіе тридцатые года текущаго столѣтія югъ Россіи началъ быстро оживать и населяться различными поселенцами, и, съ прибытіемъ ихъ, духоборческая секта стала вновь распространяться. Поэтому въ концѣ тридцатыхъ годовъ состоялось повелѣніе императора Николая I—всѣхъ духоборцевъ, не желающихъ присоединиться къ православію, выселить въ Закавказье. Сектанты совершенно, повидимому, хладнокровно избрали послѣднюю мѣру, какъ ни тяжело было подобное переселеніе, вызвавшее оставленіе насиженныхъ и обработанныхъ мѣстъ, а равно и разореніе всего заведеннаго. Переселеніе совершилось въ 1841 году подъ руководствомъ упомянутаго выше тогдашняго главы секты Иларіона Калмыкова.

Въ Закавказьи для водворенія прибывшихъ сектантовъ избрано было въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ, Тифлисской губерніи, на бывшей въ то время русско-турецкой границѣ, высокое плоскогорье, извѣстное подъ названіемъ «Мокрыя горы», отличавшееся настолько суровымъ климатомъ, что не всегда вызрѣваетъ ячмень. Окруженные со всѣхъ сторонъ чуждымъ туземнымъ населеніемъ, духоборцы еще болѣе замкнулись въ своей общинѣ и начали на прежнихъ основаніяхъ устраивать свою жизнь, ни на іоту не отступая отъ своихъ религіозныхъ и соціально-политическихъ доктринъ. Основывая отдѣльныя селенія, они даже присвоили имъ тѣ же самыя названія, которыя носили ихъ старыя селенія на «Молочныхъ водахъ». Осмотрѣвшись на новомъ мѣстѣ и убѣдившись, что хлѣбопашество, въ силу климатическихъ условій, не можетъ идти успѣшно, духоборцы обратили главнымъ образомъ вниманіе

на извозъ, въ чемъ, за бездорожьемъ и при примитивномъ способѣ передвиженія у туземцевъ, край сильно нуждался, а также на скотоводство, которому благопріятствовали обширныя пастбища на «Мокрыхъ горахъ».

Послѣ переселенія духоборцевъ въ Закавказье взглядъ на нихъ въ общемъ существенно измѣнился. Администрація внутреннихъ губерній имперіи, а также и общество болѣе всего возставали противу духоборцевъ за распространеніе ими ученія, влекущаго за собою разрушеніе установившагося общественнаго строя; на новомъ же мѣстѣ пропаганда духоборскаго ученія совсѣмъ не могла имѣть успѣха, съ одной стороны вслѣдствіе разноплеменности и различія нарѣчій, на которыхъ говорили ихъ сосѣди, нѣкоторые изъ коихъ были мусульмане и смотрѣли на нихъ какъ на христіанъ, а съ другой — и въ силу того, что для южныхъ народовъ, по самой ихъ натурѣ, суровый режимъ духоборчества являлся далеко не привлекательнымъ и особыхъ симпатій не вызывалъ.

Въ глазахъ же кавказской, русской администраціи вся эта своеобразная, тѣсно сплоченная община, съ своими главарями, желѣзною дисциплиной, однообразнымъ костюмомъ, представлялась симпатичнымъ трудолюбивымъ муравейникомъ, въ которомъ копошились добродушные русскіе люди, безпредѣльно послушные, аккуратно платившіе подати, отбывавшіе всѣ повинности съ чрезвычайнымъ усердіемъ и при сношеніяхъ съ должностными лицами высказывавшіе особенную услужливость и высокопочитаніе. Дѣйствительно, духоборцы не замѣчались ни въ какихъ предосудительныхъ поступкахъ, одинаково чуждались всѣхъ сосѣдей, къ какой бы національности они ни принадлежали, и ни въ судебныхъ, ни въ административныхъ учрежденіяхъ не имѣлось о нихъ никакой переписки.

Живя такимъ образомъ изъ года въ годъ, духоборцы прожили въ Закавказьи полъ вѣка. За это время они сильно размножились и дошли до чрезвычайной зажиточности, невиданной въ Закавказьи въ крестьянской средѣ. Имѣя въ своемъ распоряженіи громадныя перевозочныя средства, они оказывали не маловажныя услуги правительству при передвиженіи войскъ, въ особенности во время послѣдней турецкой войны, за что были щедро вознаграждены матеріально и обласканы всячески, какъ лица, исполнявшія высокій патріотическій долгъ.

Но не одно только благонравіе духоборцевъ обращало на нихъ вниманіе администраціи. Кавказское начальство считало ихъ русскими людьми, русскими по крови и по духу, пострадавшими за свои вѣрованія и заброшенными на турецкую границу, среди чуждыхъ имъ по племени туземцевъ, въ пустынную мѣстность, на высоту 6.000 футовъ надъ уровнемъ моря. Поселившись при столь неблагопріятныхъ условіяхъ, перенеся лишенія и нужду, они, благодаря упорному трудолюбію и

осмотрительной жизни, не только достигли матеріальнаго благосостоянія, но заставили все окрестное населеніе уважать себя и на далекой окраинѣ высоко подняли русское культурное знамя. Раскинувшіяся на обширной территоріи, среди нищенскаго туземнаго населенія, цвѣтущія села ихъ являли изъ себя отрадный видъ оазисовъ, а съ политической стороны представлялись этапными пунктами русскаго дѣла и вліянія въ краѣ. Всѣ эти соображенія и еще бо̀льшія надежды на будущее дѣлали то, что духоборцы въ Закавказьи пользовались всегда симпатіями русскихъ властей.

Все было спокойно у сектантовъ и они, безъ всякихъ волненій, пережили тяжелый для всей секты моментъ, когда въ 1864 году бездѣтно умиралъ еще молодой глава секты—Петръ Калмыковъ и прекращалось мужское поколѣніе главенствующей линіи (династіи). Съ отчаяніемъ въ душѣ духоборцы спрашивали умирающаго вождя: «на кого, Петруша, вы изволите насъ покидать?» Умирающій, указавъ на жену свою Лукерью, изъ рода Губановыхъ, сказалъ: «оставляю вамъ вмѣсто себя вотъ эту мою кукушку; но послѣ нея не имѣть вамъ болѣе благодати Святаго Духа». Послушные священной для нихъ волѣ, духоборцы, послѣ смерти Петра Калмыкова, вдову его Лукерью провозгласили управляющею «Сиротскимъ домомъ».

Лукерья Васильевна Калмыкова была женщиною разсудительною, управляла подобострастно обожавшими ее духоборцами 22 года, и время ея правленія можетъ считаться золотымъ вѣкомъ духоборческой секты. Въ это время «Сиротскій домъ» наиболѣе развилъ свое матеріальное благосостояніе; разбогатѣли также и отдѣльныя лица, начавшія владѣть купленными или долгосрочно арендуемыми имѣніями, хранившіе большіе капиталы въ кредитныхъ учрежденіяхъ, державшіе крупные подряды и т. п. [1]). Но кризисъ близился.

Въ 1886 году, послѣ кратковременной болѣзни, скончалась Лукерья Калмыкова, не оставивъ завѣщанія и не указавъ на лицо, которое могло бы занять ея мѣсто. Но сдѣлать подобное указаніе умиравшей было крайне трудно, хотя она и сознавала, что духоборцы не могутъ оставаться безъ главаря. Должность управляющаго «Сиротскимъ домомъ» не была выборною, а составляла удѣлъ священной для духобор-

---

[1]) «Такое имущественное положеніе,—сказано въ донесеніи того же лица,—не только при отсутствіи гоненій, но при общемъ вниманіи и ласкѣ высшихъ административныхъ властей, вскружило голову духоборцамъ, и они начали смотрѣть на свое положеніе какъ на что-то должное, какъ на новую программу правительства, окончательно сознавшаго свои прошлыя ошибки и начавшаго заискивать у нихъ; такую перемѣну въ своемъ положеніи они приписывали твердой и мудрой политикѣ своихъ боговдохновенныхъ руководителей».

Ред..

цевъ «линіи» Калмыковыхъ. Если четверть вѣка тому назадъ сама Лукерья, принадлежащая къ другому роду, заняла этотъ постъ,—то единственно благодаря непосредственному указанію глубокочтимаго Петра Калмыкова, какъ его вдова и какъ особа, хорошо извѣстная всѣмъ духоборцамъ, жившимъ одной семьей, въ одной губерніи. Но въ годъ смерти Лукерьи дѣло стояло иначе: о бѣдствіяхъ и гоненіяхъ, такъ тѣсно сплотившихъ сектантовъ,—уже давно не было и помину; духоборцы въ послѣднее время раскинулись въ предѣлахъ трехъ губерній, (Тифлисской, Елисаветпольской и Карской области), что, вмѣстѣ съ пріобрѣтеннымъ многими личнымъ богатствомъ, разобщило интересы сектантовъ. Въ такое-то именно время и исчезаетъ послѣдній представитель рода Калмыковыхъ, связывавшихъ духоборцевъ вѣрою въ нихъ и почти вѣковою традиціею. Предстояло появиться новому Савелію Капустину, который смогъ бы соединить всѣхъ проживающихъ въ трехъ губерніяхъ Закавказья духоборцевъ вѣрою въ священность своей особы и такимъ способомъ начать новую линію. Но этому новому повелителю-пророку, какъ не имѣющему за собой прошлаго, пришлось бы заново, не ограничиваясь принятіемъ прежде существовавшей власти, утверждать свой авторитетъ въ соціально-политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ какими нибудь необыкновенными дѣйствіями или явленіями. Между тѣмъ устроить что-нибудь въ этомъ отношеніи являлось уже и затруднительнымъ, такъ какъ матеріальные интересы получили перевѣсъ и къ однимъ разсказамъ о чудесахъ отнеслись бы съ сомнѣніемъ.

При такихъ условіяхъ, казалось, не могло быть рѣчи о наслѣдникѣ или замѣстителѣ власти Калмыковыхъ, но къ удивленію мѣстной администраціи подходящій соискатель не замедлилъ проявиться въ лицѣ нѣкоего Петра Веригина, уроженца села Спасовки, Елисаветпольской губерніи.

Петръ Веригинъ, совсѣмъ молодой и рѣдкой красоты парень, грамотный, безпринципный духоборецъ послѣдніе годы жизни Лукерьи Калмыковой находился неотлучно при ея особѣ и безпокойнымъ своимъ характеромъ, заносчивостью, стремленіемъ стать выше другихъ возбуждалъ противъ себя родныхъ и близкихъ къ Лукерьѣ лицъ, а также почетныхъ жителей села Горѣлаго, гдѣ помѣщался «Сиротскій домъ» и постоянно проживали главари секты; другими словами, Петръ Веригинъ возбудилъ противъ себя главныхъ заправилъ секты. Но въ селеніяхъ, отдаленныхъ отъ Горѣлаго, въ средѣ темной массы духоборцевъ, воспитанныхъ на нелѣпыхъ преданіяхъ сверхъестественнаго могущества Калмыковыхъ, еще при жизни Лукерьи, начали носиться слухи, распускавшіеся какъ самимъ Веригинымъ, такъ и его многочисленною роднею,—заставлявшіе призадуматься заправилъ «Сиротскаго дома», что

этотъ статный молодой человѣкъ происхожденія не простаго, что онъ сынъ покойнаго Петра Калмыкова, плодъ посѣщенія имъ, незадолго до смерти, семьи Веригиныхъ въ селеніи Славянкѣ; что это служило будто бы причиной особенной близости его къ Лукерьи Васильевнѣ, державшей его при себѣ не какъ придворнаго, а какъ своего наслѣдника, котораго она частыми бесѣдами и наставленіями приготовляла къ высокому удѣлу его рода, на радость и счастье всѣхъ «православныхъ». Духоборцы въ силу своего воспитанія и традицій секты не могли составить себѣ представленія о возможности обойтись безъ замѣстителя Лукерьи Васильевны и «богочеловѣка» во главѣ секты, а потому все болѣе и болѣе принимали на вѣру слухи, льстившіе ихъ воображенію. Вслѣдствіе этого въ концѣ 1886 года въ сердцахъ большинства сектантовъ на столько укрѣпилось убѣжденіе въ высокомъ, божественномъ предназначеніи Петра Веригина, что послѣдній получилъ полную возможность вскорѣ послѣ смерти Лукерьи Васильевны выдвинуть свои притязанія на должность управляющаго «Сиротскимъ домомъ».

Встрѣтивъ большое сопротивленіе въ почетныхъ лицахъ села Горѣлаго, хорошо его знавшихъ, Веригинъ, чтобы сломить ихъ упорство и окончательно разсѣять могущія возникнуть сомнѣнія насчетъ правоты его дѣла, отправился насвою родину въ селеніе Славянку. Здѣсь при торжественной обстановкѣ, предъ всѣмъ народомъ, мать его, Анастасія, смиренно заявила, что сына своего Петра родила не отъ мужа Василія Веригина, а отъ Петра Калмыкова, удостоившаго ее, къ великой радости всей ея семьи, священнымъ вниманіемъ во время послѣдняго посѣщенія своего селенія Славянки; что великая тайна эта была извѣстна Лукерьѣ Васильевнѣ, которая ждала только возмужалости Петра, чтобы даже при жизни передать ему наслѣдіе его предковъ. Послѣ этого признанія, какъ сама Анастасія, такъ и мужъ ея повалились Петру въ ноги, а за ними повалился и народъ. Вслѣдъ за симъ было приступлено къ присягѣ на вѣрность Веригину и къ подписанію присяжныхъ листовъ. Такимъ образомъ была установлена преемственность и связь новаго избранника со священнымъ родомъ, почему новому главѣ и не представилось необходимымъ доказывать свое божественное происхожденіе какими-либо чудесами, такъ какъ это признавалось присущимъ ему въ силу рожденія.

Вслѣдъ за жителями селенія Славянки, приблизительно семь десятыхъ всего духоборскаго населенія, въ трехъ губерніяхъ, присягнули Веригину, подписали присяжные листы (почему и приняли прозвище «писанныхъ») и съ непоколебимой вѣрой въ непогрѣшимость своего избранника слѣпо передали свою судьбу въ его руки. Но этотъ чудесный избранникъ уже не походилъ на своихъ предшественниковъ, появлявшихся въ иныя времена, во времена гоненій и преслѣдованій. Это не

былъ раскольникъ съ инстинктами кротости голубя и осторожности змія. Это былъ балованный, самоувѣренный деревенскій парень, который въ наслѣдіи Савелія Капустина увидѣлъ лишь средство для удовлетворенія своихъ тщеславныхъ и разгульныхъ наклонностей. Окруживъ себя многочисленною свитой молодыхъ обожателей и обожательницъ, облекшись въ дорогую черкеску, какъ бы въ знакъ своего наслѣдственнаго верховнаго достоинства, Веригинъ явился въ Горѣлое и потребовалъ немедленнаго признанія его управляющимъ «Сиротскимъ домомъ» и передачи ему общественнаго имущества, грозя въ противномъ случаѣ всѣмъ завладѣть силой и истребить ослушниковъ. Но противъ такихъ требованій Веригинъ встрѣтилъ совершенно неожиданный и выходящій изъ традицій секты отпоръ. Извѣстный мѣстной администраціи Алексѣй Зубковъ, старшина горѣльскаго сельскаго общества, занимавшій эту должность 26 лѣтъ (еще со временъ Петра Калмыкова), донесъ ахалкалакскому уѣздному начальнику, что по случаю смерти Лукерьи Калмыковой и предстоящаго дѣлежа ея наслѣдства происходятъ безпорядки, угрожающіе общественной безопасности, почему и ходатайствовалъ о принятіи мѣръ для водворенія порядка въ сельскомъ обществѣ, а равно обезпеченія наслѣдства.

Такое первое въ теченіе полувѣка обращеніе духоборцевъ къ содѣйствію администраціи по дѣламъ ихъ общины крайне всѣхъ удивило; въ средѣ же духоборцевъ, вѣрно оцѣнившихъ все значеніе этого событія для ихъ секты — вызвало возбужденіе и озлобленіе. «Родимый Зубковъ восхотѣлъ потоптать отечество и продалъ насъ» — говорили они въ отчаяніи, и съ этого времени Алексѣй Зубковъ, пользовавшійся въ теченіе предшествовавшихъ 25 ти лѣтъ особымъ почетомъ и уваженіемъ среди духоборцевъ, бывшій именитымъ общественнымъ дѣятелемъ и состоявшій оффиціальнымъ атаманомъ «Сиротскаго дома», представителемъ общества въ званіи безсмѣннаго старшины—внезапно сдѣлался въ глазахъ большинства его единовѣрцевъ символомъ предательства и отступничества. Но означенный поступокъ Алексѣй Зубковъ сдѣлалъ, конечно, не отъ своего только лица, а имѣя единомышленниковъ, при чемъ, для подобной измѣны священнымъ традиціямъ секты имѣлись у него свои особыя основанія.

Селеніе Горѣлое пользовалось всегда особеннымъ значеніемъ среди духоборцевъ, ибо здѣсь, какъ выше упомянуто, находится ихъ священный «Сиротскій домъ», резиденція управляющаго; селеніе было своего рода духоборческая столица, духоборческій кремль, источникъ ихъ благополучія, символъ ихъ самостоятельности, ихъ отчизна; здѣсь же жили самыя почетныя семьи духоборцевъ; сюда наѣзжали на перепутьи и останавливались кавказскіе намѣстники, начальники губерній,

высшіе военные и гражданскіе чины. Горѣловцы многое видѣли, о многомъ слышали, имѣли крупныя дѣла во многихъ пунктахъ Закавказья. Во время послѣдней турецкой войны молодежь селенія Горѣлаго, находясь въ дѣйствовавшемъ отрядѣ, дѣлила съ русскими, братьями своими по племени и по языку, труды и опасности. Многіе горѣловцы лично были извѣстны бывшему намѣстнику кавказскому, Великому Князю Михаилу Николаевичу и не разъ удостаивались милостиваго одобренія его императорскаго высочества за примѣрное отбываніе государственныхъ и земскихъ повинностей; а равно съ горѣловскимъ обществомъ чаще всего бесѣдовали губернскія и уѣздныя власти, давая имъ различные совѣты и неизбѣжно внося въ имъ умы извѣстную долю просвѣщенія.

Вслѣдствіе близости къ своему управленію и особому покровительству главарей секты, горѣловцы были богаче, а вслѣдствіе болѣе частыхъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ и представителями высшей и низшей административной власти—гораздо развитѣе духоборцевъ другихъ мѣстностей, а, главное, менѣе фанатичны. Въ силу священныхъ традицій секты они еще охотно подчинялись режиму «Сиротскаго дома», управлявшагося близкой имъ женщиной съ громаднымъ житейскимъ тактомъ, окруженной, въ качествѣ совѣтниковъ, лучшими ихъ представителями, умудренными годами и опытомъ, преданными завѣту отцовъ. Но умерла Лукерья Васильевна и прекратилась священная линія (династія); секта ставилась въ критическое положеніе, а прежде чѣмъ успѣли опомниться и осмотрѣться заправилы «Сиротскаго дома» — передъ ними явился узурпаторъ, молодой человѣкъ, хорошо имъ извѣстный по своей безнравственности и безпринципности, съ требованіемъ божескихъ почестей и безусловнаго себѣ подчиненія; человѣкъ, котораго незадолго передъ этимъ тотъ же Зубковъ грозилъ жестоко наказать за пьянство и распутство. Теперь передъ этимъ разгульнымъ мальчишкой тотъ же Зубковъ первый долженъ былъ пасть ницъ и передать ему, разгульному моту, общественое достояніе, а всѣ остальные горѣловцы вручить свою судьбу, и все это изъ-за того только, что кому-то пришло на умъ пустить слухъ, что Веригинъ сынъ Петра Калмыкова, а матери его заблагоразсудилось поддержать этотъ слухъ своимъ ложнымъ завѣреніемъ. Но несмотря однако на все это, можетъ быть, почетные горѣловцы, дорожа интересами секты, и смирились бы и подчинились избранію большинства, если бы не чрезмѣрная заносчивость и безшабашный разгулъ, проявленный Петромъ Веригинымъ на первыхъ же порахъ, подъ упоеніемъ неожиданно выпавшаго на его долю успѣха, каковое поведеніе узурпатора заставило ихъ трепетать за судьбу не только ихъ самихъ, но и всего, что имъ дорого, и даже за цѣлость всей общины.

Подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ горѣловцы отказались присягнуть Веригину и такимъ образомъ въ духоборческой сектѣ про-

изошелъ расколъ. Образовалось двѣ партіи: партія большинства, состоящая приблизительно изъ 700 семействъ съ Веригинымъ во главѣ, подъ названіемъ «большой партіи», и вторая партія, въ насмѣшку прозванная самими сектантами «правительственною» или «меньшая», насчитывающая въ трехъ губерніяхъ не многимъ болѣе 200 семействъ.

Съ раздѣленіемъ на партіи прежде существовавшій между духоборцами миръ и братское согласіе не только были нарушены, но между партіями возгорѣлась даже страшная ненависть, и благодаря Веригину, провозгласившему себя открыто «пророкомъ» и «царемъ-царей», въ духоборьи Ахалкалакскаго уѣзда постоянно стали происходить безпорядки, потребовавшіе со стороны администраціи принятія нѣкоторыхъ репрессивныхъ мѣръ въ родѣ назначенія правительственныхъ старшинъ и т. п. и, наконецъ, высылки изъ края самого Веригина. Эти мѣры хотя и положили предѣлъ открытому проявленію безпорядковъ, однако нисколько не внесли мира и спокойствія въ среду сектантовъ; напротивъ, возникшія несогласія между партіями все усиливались. Высылка Веригина привела его приверженцевъ въ совершенное изступленіе, пробудивъ ихъ заснувшій фанатизмъ. Будучи крайне не развиты и возмечтавъ о себѣ по бывшимъ примѣрамъ отношеній къ нимъ правительства, члены большой партіи были убѣждены, что власти никогда не коснутся такой священной для нихъ особы, какъ Веригинъ, а постигшую его кару они относили не къ безпорядочному поведенію ихъ избранника, не къ ослушанію имъ мѣстныхъ властей, а исключительно къ происканъ Зубкова, Губановыхъ и другихъ духоборцевъ малой партіи, почему на послѣднихъ и стали вымещать свою злобу. Прежде всего большая партія отстранила малую отъ общаго моленія, а представители ея перестали кланяться противникамъ, что составляло всегда одинъ изъ священныхъ обычаевъ секты. Затѣмъ та же большая партія запретила малой пасти совмѣстно съ нею свои стада; она же настояла, чтобы мужья, жены коихъ не желаютъ признать Веригина, изгнали послѣднихъ изъ своихъ домовъ; равнымъ образомъ женъ послѣдовательницъ Веригина принудила бросить своихъ мужей изъ противнаго лагеря; наконецъ малой партіи запрещалось хоронить своихъ покойниковъ на общественномъ кладбищѣ.

При такихъ отношеніяхъ между членами одного и того же сельскаго общества дальнѣйшая общественность дѣлалась невозможною и теряла смыслъ.

М. Тебеньковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Графъ М. М. Сперанскій въ Тюмени.

Вскорѣ по прибытіи въ Тобольскъ, Сперанскій отправился обозрѣвать Сибирскій край и, по пріѣздѣ въ Тюмень, остановился въ домѣ купца Ивана Васильевича Иконникова, гдѣ городское общество встрѣтило его съ хлѣбомъ и солью, поднесенными на дорогомъ серебряномъ блюдѣ. Сперанскій принялъ хлѣбъ и соль, а блюдо и солонку тотчасъ же возвратилъ; потомъ отправился въ присутственныя мѣста. По обревизованіи дѣлъ въ ратушѣ, обративъ вниманіе на незначительность городскихъ доходовъ, предложилъ городскому обществу: не пожелаетъ ли оно, для усиленія ихъ, перевести въ Тюмень ирбитскую ярмарку и обдумавъ доложить ему, какое время будетъ для нея удобнѣе.

На слѣдующій день депутація отъ городскаго общества, явившись въ квартиру Сперанскаго, обратилась сначала къ пріѣхавшимъ съ нимъ чиновникамъ съ просьбою принять отъ общества пакетъ, значительнаго объема, наполненный деньгами, и не переводить къ нимъ ярмарку изъ Ирбита. Чиновники, уклонившись отъ такого предложенія, доложили о томъ Сперанскому, который, выйдя къ депутатамъ, и какъ будто не зная ихъ желанія, спросилъ:

— Что же, господа, какое время находите вы удобнымъ для открытія ирбитской у васъ ярмарки?

— Нѣтъ, ваше высокопревосходительство,—отвѣтили разомъ купцы: Кожевниковъ, Барашковъ, Проскуряковъ и Прасоловъ,—ненужна намъ эта ярмарка; не желаемъ потому, что съ учрежденіемъ ея не только падутъ цѣны на мѣстныя произведенія, но и кожевенные заводы разстроятся отъ привоза издѣлій и товара лучшаго качества, чѣмъ тюменскія, и отъ недостатка рабочихъ, которые во время ярмарки начнутъ пьянствовать.

Сперанскій, отпустивъ депутацію, сказалъ Иконникову: «Вотъ сущіе младенцы: не понимаютъ своей пользы!»

Передъ отъѣздомъ изъ Тюмени, посылая чиновниковъ въ казначейство за полученіемъ прогоновъ, Сперанскій шутливо замѣтилъ:

— Худо, господа, вы сдѣлали, что не взяли отъ депутаціи памятничекъ; вотъ бы прогоны и остались въ государственной экономіи.

— Да и вы, ваше высокопревосходительство, не лучше насъ поступили,—отвѣчали тѣ,—возвратили столь богатое блюдо и солонку; они замѣнили бы порціонныя ваши.

Россія и Англія въ Турціи въ 1877—1878 гг.

Страница современной исторіи.

III.

Территоріальная неприкосновенность Оттоманской имперіи.—Интересы Россіи и Англіи на Востокѣ.—Принципъ національностей.—Вопросъ о проливахъ.

Просвѣщеніе, которымъ гордится нашъ вѣкъ, не заставило умолкнуть страсти. Такъ, въ странахъ конституціонныхъ, хотя политика уже не направляется исключительно желаніемъ монарховъ и ихъ совѣтниковъ, и народы оставили за собою права контроля надъ нею черезъ своихъ представителей, но всегда-ли политика эта имѣетъ въ виду дѣйствительные ихъ интересы и не подпадаетъ-ли она вліянію національныхъ предразсудковъ? Эти предразсудки пріобрѣтаютъ часто рѣшающую непреодолимую силу, не останавливающуюся передъ возможностью войны при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ и цѣною жертвъ внѣ всякаго соотвѣтствія съ ожидаемыми отъ побѣдъ выгодами. Странный, дѣйствительно, поступокъ со стороны государственныхъ людей, разумныхъ, предусмотрительныхъ и осторожныхъ, поступокъ, не находящій себѣ объясненія, если не принять во вниманіе заблужденій общественнаго мнѣнія, руководимаго страстями въ противность интересамъ, относительно судьбы государства!

Эти размышленія, примѣнимыя къ политикѣ вообще, сами напрашиваются, когда идетъ рѣчь о политикѣ Англіи на Востокѣ, покоющейся, какъ извѣстно, на принципѣ національныхъ воззрѣній: поддержа-

ніи Оттоманской имперіи въ ея территоріальной неприкосновенности. Этотъ принципъ, 40 лѣтъ тому назадъ, убѣдилъ Англію принять участіе въ коалиціи противъ Россіи, цѣною, какъ извѣстно, громадныхъ жертвъ и съ самыми ничтожными результатами. Этотъ-же принципъ убѣдилъ бы ее еще разъ дѣятельно защитить Турцію въ настоящей борьбѣ, несмотря на живую оппозицію извѣстной части англійской публики, если-бы только она нашла себѣ союзника въ той или другой изъ континентальныхъ крупныхъ военныхъ державъ. Наконецъ, этотъ-же принципъ болѣе, чѣмъ когда-либо, какъ кажется, руководитъ политикою с.-джемскаго кабинета съ тѣхъ поръ, какъ геройское и неожиданное сопротивленіе турецкихъ войскъ на Дунаѣ, увеличивъ симпатіи Англіи къ мусульманамъ, совершенно изгладило тяжелое впечатлѣніе, произведенное нѣкогда прекращеніемъ платежа процентовъ по государственному долгу, избіеніемъ консуловъ въ Салоникахъ и болгарскими звѣрствами.

Поэтому важно выяснить причину существованія этого принципа, чтобы убѣдиться, покоится-ли онъ на истинныхъ, политическихъ, матеріальныхъ или нравственныхъ интересахъ Англіи, или-же является, какъ мы думаемъ, просто предразсудкомъ національной политики, переходящимъ по традиціи отъ поколѣнія къ поколѣнію и отъ министра къ министру, по традиціи, конечно достойной уваженія, но самой по себѣ недостаточной, чтобы служить основаніемъ политики большаго государства, въ виду измѣненія, вносимаго во все временемъ и обстоятельствами.

Постараемся это выяснить.

Подъ охраною капитуляцій всѣ европейскія государства были нѣкогда одинаково заинтересованы въ сохраненіи Оттоманской имперіи и ея территоріальной неприкосновенности. Дѣйствительно, капитуляціи обезпечивали за иностранцами личныя преимущества и льготы, всякія выгоды огромной важности. Экстерриторіальность ставила иностранца въ зависимость отъ его національнаго закона: земля подъ нимъ была англійскою, французскою, нѣмецкою, смотря по тому, какого государства онъ былъ подданнымъ, а его личность, неприкосновенная и священная для чиновниковъ Порты, зависѣла только отъ его національныхъ властей, подлежала въ гражданскихъ, торговыхъ и уголовныхъ дѣлахъ исключительно законодательнымъ распоряженіямъ его страны.

Кромѣ того, промышленность, почти во всѣхъ ея отрасляхъ, и судоходство были освобождены отъ всякой пошлины; а ввозная иностранная торговля была обложена только 3 проц. сборомъ, между тѣмъ какъ благодаря фискальной системѣ, ошибочной во всѣхъ отношеніяхъ съ точки зрѣнія интересовъ государства, вывозъ туземныхъ произве-

деній былъ обложенъ пошлиною въ 5 процентовъ. Таковы условія, въ которыхъ находились иностранцы во время господства капитуляцій.

Иностранецъ пользовался въ Турціи гостепріимствомъ, быть можетъ, не столь сердечнымъ, сколько выгоднымъ и привлекательнымъ. Онъ чувствовалъ себя тамъ лучше, чѣмъ дома, на родинѣ, и передъ мѣстными властями онъ задиралъ носъ и съ гордостью заявлялъ: «Noli me tangere; civis romanus sum». Но если къ этому добавить, что, помимо всѣхъ этихъ преимуществъ, льготъ и привилегій, окружавшихъ иностранца, его имущество, личность и торговлю, сама Турція раскинулась на двухъ континентахъ и что ея великолѣпныя провинціи, съ ихъ естественными богатствами, были и продолжаютъ оставаться нетронутыми и заброшенными туземнымъ населеніемъ,—легко понять, насколько Европа была заинтересована въ сохраненіи въ этой части свѣта, при вышеизложенныхъ условіяхъ, важнаго пункта для сбыта своихъ произведеній, богатаго рынка сырья по дешевой цѣнѣ, широкаго поля для настойчивой дѣятельности иностранца, находившаго тамъ примѣненіе своихъ физическихъ и духовныхъ способностей, примѣненіе, выгодное для себя и полезное для страны.

Конечно, если при такомъ порядкѣ вещей всѣ державы были заинтересованы въ сохраненіи Турецкою имперіею капитуляцій, то Англія, въ виду своей обширной торговли съ Востокомъ, была особенно заинтересова, такъ какъ она здѣсь находила сбытъ для своего каменнаго угля, мануфактурныхъ произведеній, желѣза и всякихъ товаровъ; всѣ эти выгоды для нея исчезали, если бы исчезла сама Турція, уступивъ мѣсто владычеству, болѣе разсудительному по части политической экономіи и болѣе свѣдущему въ системѣ обложеній. Изо всѣхъ интересовъ Англіи на Востокѣ интересъ торговый ближе всѣхъ другихъ лежитъ къ ея сердцу; откинуть его—и всѣ прочіе политическіе и нравственные доводы въ пользу догмата о неприкосновенности Турціи не выдерживаютъ обстоятельной и безпристрастной критики. Поэтому, доказывая ихъ полную неосновательность, мы тѣмъ самымъ отводимъ имъ мѣсто въ ряду предразсудковъ.

Но долженъ былъ наступить моментъ, когда всѣмъ вышеуказаннымъ выгодамъ надлежало исчезнуть, одной за другой, а Турецкой имперій продолжать свое существованіе. Скажемъ больше, онѣ должны были исчезнуть ради самаго существованія и сохраненія имперіи, а Англія, упуская изъ виду свойство своихъ сношеній съ Турціею и причины, по которымъ ей такъ дорого было существованіе прежней «Турціи капитуляцій», Англія, говоримъ мы, показала міру странное зрѣлище дѣятельнаго и добровольнаго соучастія въ преобразованіи Турціи въ государство общаго права, пренебрегая, съ непривычнымъ для нея безкорыстіемъ, важными интересами своей промышленности, тор-

говли и судоходства, приносимыми ею въ жертву благоденствію Турецкой имперіи.

Извѣстно съ какою настойчивостью, со времени уничтоженія янычаръ, западные кабинеты требовали отъ Порты,—какъ условія sine qua non ея политическаго существованія,—дѣйствительныхъ реформъ въ области внутренняго управленія имперіею.

По окончаніи крымской войны и по заключеніи мира настойчивость эта приняла характеръ повелительный, и допущеніе Турціи къ концерту европейскихъ державъ было подчинено, по тексту парижскаго договора, коренным преобразованіямъ, которыя султанъ долженъ былъ произвести въ своихъ владѣніяхъ.

Приступивъ болѣе или менѣе твердо и ловко къ ломкѣ старыхъ учрежденій, реформаторы встрѣтили, или думали, что встрѣтили, главное препятствіе къ успѣху задуманнаго дѣла въ системѣ капитуляцій, покоющейся на особомъ принципѣ внѣземельности и разности законодательствъ въ самомъ лонѣ имперіи, равно и на свободѣ и льготахъ разнаго рода, которыми иностранцы пользовались въ области промышленности, торговли и мореплаванія. Не можетъ быть хорошаго управленія безъ совершенной свободы дѣйствій,—говорили государственные люди Турціи. Установленіе равенства для различныхъ народностей требуетъ уничтоженія какъ административной автономіи, дарованной не мусульманскимъ общинамъ завоевателемъ и его непосредственными преемниками, такъ и личныхъ преимуществъ, которыми пользуются иностранцы и которыя не совмѣстимы съ правильнымъ отправленіемъ суда и полицейской дѣятельности. Ради этого равенства не менѣе необходимо устраненіе разныхъ помѣхъ, которыя вносятъ существующіе торговые договоры. Эти помѣхи препятствуютъ преобразованію, на разумныхъ началахъ и на истинныхъ принципахъ экономической науки, устарѣлой фискальной системы, противной дѣйствительнымъ интересамъ имперіи. Таковы главныя затрудненія,—прибавляли турецкіе министры,—которыя намъ приходится одолѣвать на томъ пути преобразованій, на который вы насъ такъ настойчиво толкаете. Окажите намъ содѣйствіе въ измѣненіи, въ области международныхъ сношеній, настоящаго положенія; оно не поправимо, доколѣ мы будемъ дѣйствовать въ столь тѣсныхъ границахъ. Къ тому же времена измѣнились; внѣземельность имѣла смыслъ при недостаткахъ и пробѣлахъ прежней системы управленія, нынѣ уже осужденной, и если гарантіи, которыя вы находите въ совершенныхъ уже реформахъ, оставляютъ желать лучшаго, то пополнить и закрѣпить ихъ можно лишь устраненіемъ тѣхъ препятствій, на которыя мы указываемъ.

Таковы были аргументы Порты и отказать имъ въ нѣкоторой справедливости нельзя. Можно было-бы, конечно, возразить, что гарантіи,

особенно драгоцѣнныя при старыхъ порядкахъ, не лишни были и теперь, хотя Турція и предприняла передѣлывать свои учрежденія по образцу западныхъ, такъ какъ согласованіе старыхъ и новыхъ учрежденій имѣло послѣдствіемъ лишь увеличеніе административной неурядицы и смѣшеніе властей. Можно было бы возразить кромѣ того, что въ области упорядоченія государственныхъ доходовъ, реформы имѣли единственнымъ послѣдствіемъ злоупотребленіе займами и созданіе государственнаго долга систематически и быстро возроставшаго. Наконецъ, можно было аргументамъ оттоманскихъ реформаторовъ противопоставить и иные аргументы, не менѣе неумолимой логики...

Въ то время какъ Порта, подъ напоромъ требованій современнаго духа, силилась осуществить единство суда, администраціи и законодательства и съ шумомъ и гамомъ требовала отъ иностранныхъ державъ, чтобы онѣ отказались отъ преимуществъ и личныхъ льготъ, которыми пользовались ихъ подданные въ области промышленности и торговли,— она и не подозрѣвала, что, становясь страною общаго права, утрачивала главное право на попеченіе Запада о сохраненіи ея неприкосновенности и независимости.

Такъ выходило по логикѣ, но въ данномъ случаѣ Турція оказалась правою въ противность самой логикѣ, такъ какъ Англія, столь ревниво охраняющая матеріальные интересы своихъ подданныхъ, повидимому ни въ грошъ не поставила потери, которыя они могутъ понести вслѣдствіе ея уступчивости, и поспѣшно согласилась на всѣ требованія Порты, энергически поддержавъ ихъ передъ прочими европейскими державами.

Прежде всего предстояло во что бы то ни стало передѣлать фискальную систему, по общему отзыву діаметрально противуположную требованіямъ экономической науки; и для того освободить отъ сборовъ вывозимыя національныя произведенія, а произведенія иностранныя обложить болѣе высокими пошлинами. Англія подвергла пересмотру свои торговые договоры и тарифы, и ввозная пошлина была повышена съ трехъ на восемь процентовъ, при чемъ не предрѣшался вопросъ о правѣ Порты требовать, при возобновленіи договоровъ, новаго повышенія, даже до двадцати пяти процентовъ, на что англійскій кабинетъ уже далъ, какъ говорили, свое согласіе.

Санитарная и полицейская службы въ портахъ требовали значительныхъ расходовъ; Англія согласилась на обложеніе ея флота разными тягостными сборами, подъ названіемъ патентныхъ, измѣрительныхъ и якорныхъ. Затѣмъ, во имя безопасности мореплаванія, но, въ сущности, ради выгодъ одной французской компаніи, покровительствованной императоромъ Наполеономъ, Порта потребовала уплаты маячнаго сбора, и Англія поспѣшила согласиться и на этотъ сборъ, хотя дѣло шло между прочимъ и о маякахъ, поставленныхъ на Босфорѣ, пла-

ваніе по которому ночью было безусловно воспрещено дѣйствовавшими правилами.

Для украшенія городовъ и увеличенія благосостоянія ихъ жителей потребовались и городскія учрежденія. Англія не только согласилась на взиманіе городскихъ сборовъ, безусловно противныхъ трактатамъ, но и старалась склонить къ тому же представителей другихъ державъ и всѣми средствами побороть сопротивленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Вообще не предвидѣлось уступокъ, на которыя бы она ни пошла, къ прямому ущербу своихъ подданныхъ и своей торговли, хотя она продолжала шумѣть о своихъ интересахъ на Востокѣ. Дѣйствительно, она первая подписалась подъ извѣстнымъ протоколомъ 1867 года [1]) и, дѣлая видъ, что пріобрѣтаетъ для своихъ подданныхъ право владѣть недвижимою собственностью—о чемъ они ни мало не заботились, такъ какъ такое владѣніе въ Турціи не имѣетъ ничего привлекательнаго—она формально отказывалась, взамѣнъ этой уступки, ничтожной до смѣшнаго, отъ личныхъ преимуществъ, которыми пользовались подданные королевы, отнынѣ подсудные въ извѣстныхъ случаяхъ турецкимъ властямъ; а позднѣе съ неприличною поспѣшностью—все во имя тѣхъ же интересовъ—она изъявляла согласіе на патентный сборъ, который пребывающіе въ Турціи англичане должны были платить за свой промыслъ наравнѣ съ подданными Порты.

Англійскій кабинетъ постоянно твердилъ, что, «вѣрный договорамъ, не считаетъ возможнымъ вмѣшиваться въ вопросы внутренняго управленія».

При важности вопроса и значеніи затронутыхъ интересовъ, такой отвѣтъ былъ торжественнымъ и рѣшительнымъ освященіемъ установленнаго съ нѣкотораго времени политическаго образа дѣйствій сентъджемскаго кабинета. Онъ вызвалъ во всемъ мірѣ неописуемое удивленіе, а Востокъ былъ не только удивленъ, но и ошеломленъ. Банкиры, капиталисты, промышленники, всѣ видѣли, какъ исчезала единственная надежда спастись отъ неминуемаго бѣдствія, надежда всеобщая, покоющаяся на увѣренности въ энергіи, съ которою англійское правительство всегда выступало на защиту интересовъ своихъ подданныхъ и которая

---

[1]) Примѣру Англіи послѣдовала Австрія и прочія западныя державы. Россія же, какъ всегда, уклонилась отъ соглашенія, посягавшаго на права своихъ подданныхъ, опредѣленныя капитуляціями. Лишь въ 1873 году (8-го марта) русскимъ посломъ въ Константинополѣ и турецкимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ подписанъ протоколъ о правѣ русскихъ подданныхъ владѣть недвижимою собственностью въ Турціи; но въ протоколѣ ясно устанавлялось, что законъ о такомъ владѣніи не отмѣнялъ ни одной изъ льготъ, которыми ограждалась личность и движимое имущество иностранцевъ, пріобрѣтшихъ недвижимую собственность. Прим. перев.

доселѣ внушала всѣмъ спокойную увѣренность. Такая увѣренность—въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія—единственно побуждала населеніе Востока вѣрить кредито-способности турецкаго правительства; безъ нея ни грекъ, ни армянинъ, ни турокъ—будь онъ самый искренній мусульманинъ—не помѣстилъ-бы самой ничтожной части своего имущества въ облигаціи оттоманскаго государственнаго долга. Но современникамъ были еще памятны буря, поднятая въ Англіи по поводу вознагражденія за убытки Притчарда, и блокада, которую навлекла на себя Греція вслѣдствіе рекламаціи жида Пачифико, грѣлка котораго была незаконно продана органами эллинской власти [1]),—и они не видѣли причинъ, по которымъ Англія лишила-бы ихъ своего покровительства въ сдѣлкахъ, заключенныхъ въ самой Англіи съ англійскими банкирами, въ самой торжественной формѣ, послѣ переговоровъ съ агентами турецкаго правительства, а иногда и съ самимъ посломъ султана, часто по совѣту англійскихъ министровъ, расточавшихъ передъ капиталистами увѣренія въ добросовѣстности и благонадежности заемщика...

Предоставляя людямъ болѣе свѣдущимъ объяснить такую странную перемѣну въ политикѣ Англіи, разсмотримъ тѣ моральные интересы, которые могутъ для нея существовать въ восточномъ вопросѣ.

По поводу событій въ Салоникахъ и въ Болгаріи и явнаго пристрастія, съ которымъ англійское правительство отнеслось къ агентамъ Порты, намъ довелось слышать отъ англійскихъ дипломатовъ, что Англія должна оказывать султану особое покровительство, такъ какъ онъ духовный владыка 40 милліоновъ подданныхъ императрицы Индіи. Пока Великобританія не отказалась отъ владѣній въ этой части свѣта, независимость и неприкосновенность Турціи, равно и владѣніе султаномъ проливами, при извѣстныхъ условіяхъ обезпечивающими безопасность,—имѣютъ для нея первостепенное значеніе.

Такъ-ли это? Не чудовищнымъ-ли предразсудкомъ руководился Гла-

---

[1]) Авторъ иронически упоминаетъ объ одномъ лишь ничтожномъ предметѣ домашней утвари проживавшаго въ Аѳинахъ португальскаго еврея Пачифико, домъ котораго былъ разграбленъ въ 1847 году. Незадолго передъ тѣмъ принявшій великобританское подданство, Пачифико предъявилъ къ греческому правительству требованіе о вознагражденіи, размѣры котораго во много разъ превышали дѣйствительную стоимость похищеннаго у него имущества; требованіе это было поддержано англійскимъ кабинетомъ, который, въ виду отказа аѳинскихъ властей уплатить требуемую сумму, выслалъ флотъ и блокировалъ Пирей, что чуть было не вызвало разрыва Англіи съ Франціею.

Притчардъ былъ англійскимъ консуломъ на островѣ Таити, находившемся съ 1842 года подъ протекторатомъ Франціи. Онъ постоянно возбуждалъ противъ послѣдней мѣстное населеніе и былъ оттуда высланъ французами въ 1844 г. Распоряженіе это вызвало бурю въ Англіи и дѣло едва не дошло до войны. Прим. перев.

дстонъ, когда онъ силился доказать—и въ данномъ случаѣ онъ былъ вѣрнымъ выразителемъ общественнаго мнѣнія—что нельзя быть въ одно и то-же время и вѣрноподданнымъ королевы и добрымъ католикомъ, т. е. слѣдовать заповѣдямъ церкви, глава которой иностранецъ, проживающій за границею? Въ силу какихъ непостижимыхъ рецептовъ британской логики та-же самая власть—всемогущее въ политикѣ общественное мнѣніе—которая декретируетъ безапелляціонно, что нельзя быть англійскимъ гражданиномъ, подчиняться законамъ своей страны и зависѣть духовно отъ римскаго первосвященника,—допускаетъ безъ всякихъ затрудненій, что можно быть добрымъ индійцемъ, а слѣдовательно и добрымъ англичаниномъ и быть подчиненнымъ духовной власти калифа въ Стамбулѣ? Между тѣмъ какая разница въ политическомъ положеніи этихъ двухъ духовныхъ владыкъ! Неужели римскій первосвятитель, лишенный той маленькой территоріи, которою онъ владѣлъ до объединенія Италіи, представляется для Англіи болѣе грознымъ, нежели великій императоръ оттомановъ? Или заповѣди ислама, огнемъ и мечемъ распространявшаго свои владѣнія и подчинявшаго народы своему закону, причисляющаго кромѣ того убійство невѣрнаго къ дѣламъ угоднымъ Богу,—безвреднѣе, менѣе опасны для властителей странъ мусульманскихъ, нежели догматъ католическій—для монарховъ протестантовъ—ясно, строго предписывающій покорность установленнымъ властямъ и приписывающій этимъ властямъ божественное происхожденіе? Въ этомъ отношеніи сомнѣній быть не можетъ для того, кто хотя мало-мальски добросовѣстенъ. Но предразсудки, въ союзѣ со страстями, всегда заглушаютъ добросовѣстность и часто въ ущербъ интересамъ. Слово калифа, если бы ему захотѣлось возбудить религіозный пылъ дѣтей пророка, нашло бы въ ихъ сердцахъ искренній отголосокъ, благодаря отвращенію, которое они испытываютъ къ чужестранному владычеству; но если бы, подчиняясь духу времени, они сами схватились бы за оружіе, безъ всякаго возбужденія съ его стороны, то слово его было бы совершенно безпомощно ихъ успокоить, такъ какъ оно слишкомъ противорѣчило бы духу ислама! Наоборотъ, порядокъ всегда найдетъ самую твердую опору въ мощномъ словѣ первосвященника, когда онъ обращается къ истиннымъ католикамъ; оставаясь вѣрнымъ догматамъ церкви, онъ можетъ проповѣдывать лишь миръ, согласіе и покорность установленнымъ властямъ, лишь-бы онѣ не посягали на свободу совѣсти вѣрующихъ.

Но допуская, что Англія обязана оказывать султану, въ его званіи калифа, особое покровительство, можно-ли, вопреки элементарной политической осторожности, ради удержанія спокойствія среди «правовѣрныхъ» Индіи и укрѣпленія его, султана, власти, поддерживать религіозный фанатизмъ противъ христіанъ, стараться извинить его, когда онъ прорывается въ кровавыхъ расправахъ, возбуждать въ рядахъ мусуль-

манъ пропаганду, безъ того уже дѣятельную, въ пользу образованія наступательной и оборонительной лиги, разъяснять мусульманамъ значеніе ихъ численности и угрожать ихъ гнѣвомъ христіанамъ всѣхъ странъ?

Между тѣмъ такова повидимому задача, которую себѣ поставили въ Турціи уже цѣлыхъ два года [1]) англійская печать и англійская дипломатія, стремясь къ выполненію ея съ пыломъ, достойнымъ лучшей цѣли. Не лучше ли было бы, если бы онѣ строже отнеслись къ насиліямъ мусульманъ именно потому, что императрица Индіи насчитываетъ 40 милліоновъ мусульманскихъ подданныхъ, не признающихъ принципа, что «всякая власть отъ Бога» и могущихъ въ одинъ прекрасный день сговориться съ своими единовѣрцами изъ сосѣднихъ странъ, чтобы стряхнуть иноземное, конечно, ненавистное, иго? Не было ли бы осторожнѣе со стороны Англіи напомнить Турціи, по поводу послѣднихъ событій, то, что Европа въ теченіе полувѣка твердитъ послѣдней: «религіозная терпимость, яркими буквами начертанная на входѣ въ зданіе современныхъ обществъ, касается и васъ. Исповѣдуйте свободно вашу вѣру, но подъ условіемъ, что религіозный духъ не будетъ нарушать порядка и мира, что никогда не будетъ рѣчи о «священной войнѣ», такъ какъ фанатизмъ заразителенъ; онъ распространяется съ быстротою пламени, и я не желаю, чтобы огонь добрался и до меня». Лишь такая рѣчь, по нашему мнѣнію, служа предостереженіемъ для мусульманъ Индіи, можетъ согласовать принципы великой христіанской державы съ выгодами величайшей державы мусульманской. И такую рѣчь—мы въ томъ увѣрены—Англія держала бы непремѣнно, если бы она не имѣла слабости, столь обычной у государственныхъ людей всѣхъ временъ, вести политику, покоющуюся болѣе на страстяхъ, нежели на сознаніи собственныхъ выгодъ.

Этимъ однимъ можно объяснить покровительство, которое она оказываетъ калифу, въ то время какъ считаетъ себя ничѣмъ не связанной съ духовнымъ главою 10—12 милліоновъ католиковъ, своихъ подданныхъ.

Обращаясь къ второму аргументу, выставляемому Англіею въ оправданіе ея усилій, направленныхъ къ поддержанію Оттоманской имперіи и къ защитѣ калифа, мы должны сознаться, что не видимъ соотношенія между охраною обширныхъ англійскихъ владѣній въ Индіи и охраною турецкаго владычества, разумѣя подъ послѣднимъ вопросъ такъ называемый «проливовъ». До послѣднихъ годовъ неприкосновенность и независимость Турціи считались элементомъ сохраненія европейскаго равновѣсія и поддержки мира. Вслѣдствіе затрудненій, которыя встрѣ-

---

[1]) Настоящій очеркъ написанъ въ декабрѣ 1877 года.
Прим. перев.

тила бы передѣлка карты этой части Европы, затрудненій, вытекающихъ изъ разнообразія народностей и ихъ стремленій, предпочитали то, что существуетъ, тому, чѣмъ пришлось бы замѣнить, не достигнувъ при этомъ, быть можетъ, примиренія сталкивающихся въ этомъ вопросѣ разнородныхъ интересовъ. Зло явное, противъ котораго боролись, которыхъ страшились не безъ основанія. Это было вполнѣ разумно. Но нынѣ, благодаря событіямъ послѣднихъ двухъ лѣтъ, положеніе существенно измѣнилось и нужно много смѣлости, — въ которой у государственныхъ людей часто не было недостатка,—чтобы постичь возможность совмѣстнаго житья въ будущемъ мусульманъ и герцеговинцевъ, болгаръ и мусульманъ если не въ мирѣ и согласіи — такое требованіе было бы чрезмѣрно,—то при условіи взаимной терпимости, достаточной для предупрежденія столкновеній. Это было бы, впрочемъ, слишкомъ сладкою мечтою, и дѣйствительность не замедлила бы ее разрушить. Послѣ потоковъ крови, пролитыхъ въ долахъ Герцеговины и равнинахъ Болгаріи, вѣковая ненависть, подогрѣтая современными неистовствами со стороны укротителей мятежа, изъ состоянія пассивнаго и скрытаго перешла въ борьбу слишкомъ упорную, слишкомъ продолжительную, чтобы намъ не придти къ заключенію, что было бы, быть можетъ, болѣе разумно и болѣе осторожно рѣшительно приступить къ территоріальной перекройкѣ Оттоманской имперіи, нежели продолжать заботиться о ея неприкосновенности, поддерживая тѣмъ самымъ въ разныхъ пунктахъ ея неугасимые очаги безпорядковъ, возстаній и борьбы. Тѣмъ не менѣе, всякая полумѣра, съ трудомъ выработанный modus vivendi, чреватый бурями, однимъ словомъ, настоящая подклейка, представляли менѣе затрудненій, нежели коренное и окончательное разрѣшеніе, и потому имѣли бы болѣе шансовъ быть принятыми европейскимъ ареопагомъ.

Но какъ бы ни относились къ этому вопросу всеобщаго интереса, Англія не можетъ, наравнѣ съ другими двумя великими державами, Германіею и Франціею, желать ничего другаго кромѣ порядка, устойчивости и спокойствія; окажись задача разрѣшенною для этихъ двухъ державъ, она окажется разрѣшенною и для Англіи. Важно, поэтому, быть можетъ знать, не лучше ли было бы, если, при настоящемъ положеніи восточнаго вопроса и ради спокойствія Европы, установить равновѣсіе на новыхъ основаніяхъ, болѣе обезпечивающихъ его прочность.

Намъ, впрочемъ, нечего затрогивать этого вопроса; для насъ достаточно выяснить, какая связь между владѣніями въ Индіи и цѣлостью Турецкой имперіи.

Европейскія области этой великолѣпной имперіи не представляютъ для Англіи особаго, политическаго или торговаго, поля дѣйствій, нѣтъ ни сродства ни расъ, ни религій, нѣтъ ни сосѣдскихъ отношеній, ни об-

мѣна мануфактурныхъ произведеній, получаемыхъ Турціею изъ Австріи и Германіи въ обмѣнъ на сырье, которое особенно пригодилось бы и для англійскаго промышленнаго производства. Поэтому для Англіи нѣтъ основаній ссылаться на какіе-либо особые интересы, которые побуждаютъ ее вмѣшиваться въ распоряженія по улучшенію судьбы этихъ областей.

Но, быть можетъ, дѣло обстоитъ иначе по отношенію къ областямъ мало-азійскимъ. Долины Аравіи и Евфрата могли бы, говорятъ, представлять выгоды болѣе короткаго и быстраго сообщенія съ Индіею, и переговоры генерала Шенэ (Chesney) съ Портою о проведеніи евфратской желѣзной дороги шли слишкомъ долго, чтобы не понять, что Англія считаетъ себя очень заинтересованною въ недопущеніи водвориться сильной и, быть можетъ, враждебной власти на мѣстѣ нынѣшней власти султана. Но, къ счастью, въ умѣ государственныхъ людей Англіи одерживаетъ въ эту минуту верхъ болѣе справедливая оцѣнка обстоятельствъ; воображаемая опасность завладѣнія Россіею долинами Аравіи и Евфрата, приводившая доселѣ англичанъ въ ужасъ, разсѣялась передъ декларацією лорда Дерби (ноябрь 1877), который, на политическомъ банкетѣ, далъ ясно понять, что по мнѣнію кабинета, въ составъ котораго онъ входитъ, истинная линія сообщенія Англіи съ Индіею черезъ Евфратъ не проходитъ. «Пока путь черезъ Суэзъ,—сказалъ онъ,—не прерванъ, у насъ достаточно сообщеній». Что касается Месопотаміи и Аравіи, никто этими областями не прельщается; дипломаты и публицисты въ одинъ голосъ сохраняютъ ихъ за калифомъ, которому тамъ можетъ быть лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было; нигдѣ, дѣйствительно, онъ не былъ бы принятъ со столь живыми симпатіями какъ въ этомъ, всегда пылающемъ, очагѣ религіознаго возбужденія; нигдѣ онъ не могъ бы проявлять своей двойной власти съ большею увѣренностью, чѣмъ въ этихъ странахъ, бывшихъ колыбелью пророка, небеснаго посланца, коего онъ преемникъ.

Намъ остается упомянуть объ Египтѣ. Для Англіи Египетъ—дорога къ дому, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ Суэзскій каналъ сократилъ путь. Ей представляется возможнымъ домогаться безусловнаго верховенства надъ этою областью, что было бы для нея, въ случаѣ переустройства Востока, великолѣпнымъ удѣломъ, вознагражденіемъ болѣе чѣмъ достаточнымъ за то, что она потеряла бы въ другомъ мѣстѣ, или за то, что досталось бы другимъ. При такомъ условіи Англія осталась бы въ выгодѣ при всякомъ измѣненіи въ европейскомъ равновѣсіи, несмотря на недавно высказанное Гладстономъ мнѣніе, что будь даже предложено королевѣ верховенство надъ Египтомъ, ея величество должна отъ него отказаться. Но это, конечно, было лишь одною изъ тѣхъ вспышекъ, къ которымъ этотъ государственный человѣкъ часто прибѣгаетъ, когда онъ оставляетъ власть. Мы же думаемъ, что судьба Египта—

единственный крупный интересъ повелительницы Индіи въ восточномъ вопросѣ и изъ-за него вся Англія взялась бы за оружіе. Помимо выгодъ своего географическаго положенія, Египетъ, подъ разумнымъ и гуманнымъ управленіемъ, которое сняло бы съ несчастнаго мѣстнаго населенія сорокавѣковой фараонический гнетъ, какъ бы предопредѣленный,— обогатитъ всякую цивилизованную державу, если она съумѣетъ использовать сказочное плодородіе почвы, и мы не вѣримъ, чтобы англійская политика, отказываясь впервые отъ побужденій эгоизма и того завоевательнаго духа, которому она всегда подчинялась, пренебрегла, по совѣту г. Гладстона, столь богатою добычею. Правда, въ 1853 году [1]), Англія отклонила сдѣланное ей Россіею предложеніе взять Египетъ въ случаѣ раздѣла Турціи; но въ то время на Суэзскій каналъ смотрѣли какъ на фантастическую мечту, осуществленіе которой весьма измѣнило значеніе пріобрѣтенія.

Для пополненія предпринятаго нами изслѣдованія, разсмотримъ вопросъ «проливовъ», какъ съ точки зрѣнія существующаго относительно ихъ порядка, запрещающаго входъ иностраннымъ военнымъ судамъ, такъ и по отношенію къ неудобствамъ для Англіи порядка противоположнаго, т. е. безусловной свободы мореплаванія.

Если допустить, что Англія, для охраны своихъ политическихъ интересовъ, имѣетъ въ виду лишь помѣшать занятію Босфора русскими и тѣмъ уберечь султана и столицу отъ всякаго нападенія съ этой стороны, то окажется, это гарантія, представляемая существующимъ порядкомъ, во всѣхъ отношеніяхъ воображаемая. Всякое международное соглашеніе по этому вопросу,—подобное протоколу 1840 года, подтвержденному парижскимъ трактатомъ,—имѣетъ цѣну лишь въ мирное время, т. е. при такомъ положеніи вещей, которое дѣлаетъ совершенно безвреднымъ для султана доступъ въ Босфоръ военныхъ судовъ; въ военное же время, когда враждебныя дѣйствія влекутъ за собою прекращеніе силы договоровъ, соглашеніе теряетъ всякую цѣну какъ разъ въ то время, когда ему нужно имѣть силу, въ данномъ случаѣ для того, чтобы обезпечить Босфоръ. Имѣя въ Черномъ морѣ почтенный флотъ, способный оказать сопротивленіе броненосцамъ своего непріятеля, можетъ-ли Россія, послѣ объявленія войны, быть задержанною у входа въ проливъ обязательствами, которыя она взяла на себя въ Парижѣ? Она несомнѣнно предпочтетъ кратчайшій путь для занятія столицы имперіи, чтобы диктовать тамъ свои условія.

Весьма важно, поэтому, не упускать изъ вида возможности для

---

[1]) Извѣстная бесѣда англійскаго посла Лорда Сеймура съ императоромъ Николаемъ, намекавшимъ на возможность распаденія Турціи.

Прим. перев.

Россіи, въ случаѣ предъявленія ею какихъ-либо требованій Портѣ, поддержать ихъ значительными морскими силами и попытаться вступить въ Босфоръ. Но такая случайность, заслуживавшая полнаго вниманія государственныхъ людей Европы въ ту эпоху, когда Турція, почитаемая неспособною защититься и не имѣвшая внушительнаго военнаго флота, вынуждена была прибѣгать къ слабой охранѣ международныхъ соглашеній,—нынѣ не имѣетъ того значенія, какое ей приписывали до сей поры. Нынѣ Турція обладаетъ сильнымъ флотомъ, броненосными судами разныхъ типовъ и можетъ себя охранить отъ всякой неожиданности. Изобрѣтенныя съ того времени торпеды служатъ удобнымъ средствомъ защиты, и если Босфору не суждено быть нейтрализованнымъ, то вооруженіе его береговъ, въ иныхъ мѣстахъ столь близкихъ одинъ къ другому, даетъ возможность Турціи защититься самой; мѣсто прежней безпомощности заступила оборонительная сила, значеніе которой, быть можетъ, Порта преувеличиваетъ, но которая настолько дѣйствительна, что Турція можетъ пренебречь вытекающими изъ соглашеній призрачными гарантіями, въ которыхъ она искала главнаго залога своего политическаго существованія.

Сами англичане при всемъ томъ, что въ вопросѣ о свободѣ плаванія черезъ проливы крѣпко держатся за свои политическія предразсудки по отношенію къ Востоку, склонны, повидимому, стать на нашу точку зрѣнія, если судить по недавно произнесенной (ноябрь 1877 г.) рѣчи одного вліятельнаго члена англійскаго парламента, Куртенэ. Онъ высказалъ и подробно развилъ мнѣніе, что Англія, въ случаѣ мирнаго договора между Турціею и Россіею, не должна настаивать на закрытіи проливовъ для большихъ военныхъ судовъ. Какъ было бы желательно, чтобы англійскій шовинизмъ утратилъ свою первобытную рѣзкость и вступилъ открыто на тотъ путь умѣренности, который ему указываютъ графъ Дерби, Куртенэ и ихъ политическая партія.

Мы, какъ кажется, удѣлили интересамъ Англіи въ восточномъ вопросѣ все вниманіе, котораго они заслуживаютъ. Но изъ всѣхъ великихъ державъ, Англія, какое бы значеніе ни приписывали доводамъ ея національной политики, конечно не та, чьи интересы занимаютъ первое мѣсто при разрѣшеніи этого знаменитаго вопроса. Сопредѣльная съ Азіею и непосредственная въ Европѣ сосѣдка Турціи, Россія можетъ по праву взирать на себя какъ на прирожденнаго распорядителя судебъ этой части свѣта. Если къ сосѣдству, со всѣми вызываемыми имъ послѣдствіями, прибавить географическія условія южной границы, примыкающей къ Черному морю, ключи отъ котораго въ рукахъ у султана, тождество религіи и сродство расъ, соединяющихъ большинство ея населенія съ христіанскимъ населеніемъ Турціи,—права Россіи на преобладающій голосъ будутъ имѣть вполнѣ достаточное оправданіе. Если

въ наши дни являютъ всюду склонность дешево цѣнить соображенія религіозныя, то иначе относятся къ столь модному въ наше время принципу національности и крупныхъ агломератовъ. Принципъ этотъ, по нашему мнѣнію ложный, имѣетъ роковое вліяніе на благосостояніе народовъ, но онъ прельщаетъ міръ; монархи и государственные дѣятели вынуждены, благодаря условіямъ, созданнымъ общественнымъ настроеніемъ, почтительно передъ нимъ склоняться, какова бы ни была форма правленія. Кромѣ того, за срокъ свыше ста лѣтъ Россія пролила слишкомъ много крови въ обѣихъ частяхъ Оттоманской имперіи, чтобы не видѣть въ жертвахъ, уже ею принесенныхъ, размѣръ жертвъ, которыя она еще принесетъ ради охраны интересовъ неопровержимой важности. Такъ какъ и Англіи и Россіи принадлежитъ первое мѣсто среди тѣхъ, кто заинтересованъ въ разрѣшеніи восточнаго вопроса, то упомянувъ объ интересахъ Англіи, мы постараемся дать себѣ отчетъ и въ интересахъ Россіи, съ цѣлью выяснить положеніе каждой изъ нихъ и облегчить разрѣшеніе созданныхъ этимъ положеніемъ затрудненій.

Закрытіе проливовъ имѣетъ для Англіи, какъ мы, кажется, доказали, болѣе чѣмъ второстепенное, воображаемое, значеніе; но что̀ выгоднѣе для Россіи, свободный проходъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы или закрытіе ихъ? Вопросъ важный и по которому—странное дѣло!—въ народномъ сознаніи и его представителяхъ, дипломатахъ и публицистахъ, мы видимъ глубокое разногласіе. Размышленія дипломатовъ и обсужденія публицистовъ ни мало вопроса не разъяснили и не выработали принципа или нормы для политики русскаго кабинета.

По мнѣнію однихъ, пока берега Босфора будутъ находиться подъ иностраннымъ владычествомъ, при которомъ Россія не можетъ получить для своего флота, при исключеніи другихъ державъ, свободнаго и ничѣмъ не обусловленнаго права прохода, принципъ mare clausum [1]), примѣненный къ Черному морю, будетъ всегда предпочтительнѣе безусловной свободы плаванія по проливамъ военныхъ флотовъ прочихъ державъ.

Россія, правда, заперта у себя, но здѣсь она безусловная хозяйка; по отношенію къ состоянію своихъ арсеналовъ, вооруженій къ организаціи флота, къ топографическимъ условіямъ своего побережья и, въ особенности, къ иноземной враждебной пропагандѣ среди мусульманскихъ ея подданныхъ,—она ускользаетъ отъ всякаго контроля. Она заперта, но воздѣйствіе, которое она могла-бы оказывать въ Средиземномъ морѣ и въ Адріатикѣ, желательное, конечно, если бы оно могло дешево достаться,—не стоитъ тѣхъ выгодъ, которыхъ бы она лишилась при полной свободѣ плаванія всѣхъ флотовъ по проливамъ и по Черному морю.

Между Россіею и Италіею нѣтъ такихъ особенныхъ дѣлъ, вслѣдствіе

---

[1]) Море закрытое.

которыхъ первая предвидѣла бы случаи, гдѣ ей можетъ оказаться необходимымъ поддержать свои требованія демонстраціею у береговъ полуострова. Австрія—ея сосѣдка, но въ случаѣ столкновенія съ ней, борьба завязалась бы всюду, только не на берегахъ Адріатики; наконецъ, Египетъ никогда не будетъ представлять для нея особеннаго значенія, и она встрѣтила бы тамъ стойкій и значительный флотъ, съ которымъ флотъ Чернаго моря, какъ бы быстръ ни былъ его ростъ, долго бороться окажется не въ состояніи. Что касается Греціи, то она всегда была предметомъ коллективнаго воздѣйствія всѣхъ великихъ державъ, и нынѣ менѣе чѣмъ когда-либо Россія окажется въ состояніи оказать ей дѣйствительную помощь.

Таковы аргументы приверженцевъ существующаго порядка вещей, аргументы, взявшіе верхъ на совѣтахъ, собираемыхъ императоромъ Николаемъ, когда онъ прикладывалъ руку къ трактату 3 (15) іюля 1840 года, входившіе впрочемъ въ его систему замыкать Россію въ границы, непроницаемыя для разрушительныхъ вѣяній извнѣ.

Приверженцы противоположнаго порядка вещей, то есть ничѣмъ не обусловленнаго открытія проливовъ, говорятъ, что откинуть Россію въ край озера и запереть ее тамъ, лишивъ совершенно свободнаго сообщенія съ Средиземнымъ моремъ, это—то же, что поставить судьбу ея торговли и ея вывоза въ зависимость отъ отношеній къ Портѣ. Кромѣ того, лишать независимую державу права направлять свои морскія силы куда ей окажется нужнымъ, это — ограничивать ея права; такое ограниченіе тѣмъ болѣе ненавистно, что оно представляетъ лишь неудобства, которыя не возмѣщаются никакими выгодами и что, въ случаѣ войны съ Портою или съ державами, для которыхъ Порта будетъ всегда союзницею, оно никогда не помѣшаетъ непріятельскимъ флотамъ войти въ Черное море и разрушать все, что только они могутъ. Такимъ образомъ, за прекращеніемъ дѣйствій трактатовъ во время войны, закрытіе проливовъ перестаетъ существовать какъ разъ въ ту минуту, когда оно можетъ быть полезнымъ, и берега Россіи доступны нападенію непріятеля.

Наконецъ, умиротвореніе Кавказа и водвореніе твердой власти въ странахъ, изъ которыхъ удалено непокорное и враждебное населеніе, устраняютъ опасность, связанную съ свободнымъ доступомъ въ Черное море иноземныхъ флаговъ и отнимаютъ у mare clausum главную его выгоду.

Таково, относительно проливовъ, другое мнѣніе, насчитывающее въ Россіи многихъ сторонниковъ; въ теченіе извѣстнаго періода оно брало верхъ, и мы поэтому имѣемъ право предполагать, что окончательное открытіе Босфора, какъ послѣдствіе новаго порядка вещей, имѣющаго быть созданнымъ ожидавшимися быстрыми и блестящими побѣдами, сильно повліяло въ высшемъ правительственномъ совѣтѣ въ пользу

объявленія войны. Улучшеніе судьбы славянъ Турціи не было, надо полагать, единственною причиною, побудившею императора Александра принять рѣшеніе, столь мало согласное съ отличительнымъ свойствомъ его характера, и преодолѣть инстинктивное отвращеніе къ войнѣ.

Что касается до опасностей, которыя угрожаютъ Оттаманской имперіи, какъ то полагаютъ державы въ своихъ попеченіяхъ о ея сохранности, мы не перестанемъ повторять, что нынѣ Турція въ состояніи сама защищаться и что отъ своего войска и своего флота она можетъ требовать бо́льшихъ гарантій, нежели отъ международныхъ соглашеній. Кромѣ того, съ тѣхъ поръ какъ Россія не связана условіемъ, ограничивающимъ ея морскія силы въ Черномъ морѣ, султанъ, при установленіи свободы плаванія по Босфору, одинаково будетъ спокоенъ или безпокоенъ, будь проливы открыты или закрыты, зная, что русскій флотъ, какимъ бы онъ ни былъ, крейсируетъ по Черному морю во всѣхъ направленіяхъ. Если ближайшій будущій конгрессъ приметъ такое рѣшеніе вопроса о проливахъ, т. е. откроетъ ихъ, нейтрализируетъ Босфоръ и его оба берега, наложитъ на великія державы обязательство уважать неприкосновенность имѣющей быть установленной нейтральной зоны, простирающейся отъ такого-то до такого-то пункта, такое рѣшеніе будетъ болѣе соотвѣтствовать видамъ дипломатіи Запада, нежели существующій нынѣ порядокъ. Русскій флотъ въ Черномъ морѣ пересталъ бы быть пугаломъ для султана и предметомъ безпокойства для Европы, а Россія, свободная отнынѣ проходить проливы когда вздумается и показывать свой флагъ въ Средиземномъ морѣ, не будетъ имѣть причинъ, которыя имѣетъ теперь, добиваться владычества надъ этимъ морскимъ рукавомъ и искать случая вызвать разчлененіе Оттоманской имперіи [1]).

Но, быть можетъ, подобное соглашеніе не удовлетворитъ Англіи,

[1]) Въ историческомъ журналѣ нѣтъ мѣста для обсужденій, неизбѣжно полемическаго свойства, вопроса современной политики, всегда волнующаго общественное мнѣніе Европы и, въ особенности, Россіи. Не входя поэтому въ оцѣнку указываемаго авторомъ способа рѣшенія вопроса о проливахъ, способа „соотвѣтствующаго видамъ дипломатіи Запада“,—мы ограничимся замѣчаніемъ, что такой проектъ, ясно формулированный впервые, сколько намъ извѣстно, появляется въ трудахъ многочисленныхъ публицистовъ, писавшихъ на эту тему. Надо надѣяться, что вся относящаяся до этого вопроса аргументація автора обратитъ на себя вниманіе всѣхъ тѣхъ нашихъ соотечественниковъ, которые занимаются изученіемъ m o d u s v i v e n d i, что долженъ обезпечить за нами спокойное и вѣрное движеніе къ неизмѣнной, намѣченной всею нашею исторіею цѣли: стоять твердою ногою въ преддверіи края, верховенство надъ которымъ имѣетъ для насъ жизненное значеніе, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ море пролитой русской крови въ теченіе почти двухъ вѣковъ.

Способъ, предлагаемый авторомъ, можетъ оказаться совершенно непри-

которая желала бы, чтобы Россія была вѣчно блокирована въ Черномъ морѣ. По ея мнѣнію, европейское равновѣсіе, подлежащее поддержкѣ во что бы то ни стало, когда оно направлено противъ московской державы, можетъ быть всюду нарушено въ ея, Англіи, выгоду и пользу. Если же прочія великія державы нашли бы, что вышепомянутое соглашеніе не только не нарушитъ столь вожделѣнное равновѣсіе, но упрочитъ его въ бассейнѣ Средиземнаго моря, то Англіи ничего бы другаго не осталось, какъ подчиниться такому соглашенію и сбавить свои требованія до справедливыхъ размѣровъ.

Таковы главнѣйшія обстоятельства, которыя мы сочли нужнымъ освѣтить, чтобы выяснить великіе интересы, связанные съ восточнымъ вопросомъ. Мы достигли цѣли, если читатель раздѣлитъ наше личное убѣжденіе и признаетъ отнынѣ вмѣстѣ съ нами, что интересы Англіи—въ противность принятымъ взглядамъ, или вѣрнѣе, предразсудкамъ, господствующимъ въ высшихъ дипломатическихъ сферахъ Великобританіи—ограничиваются исключительно судьбою Египетскаго вице-королевства; что лишь фантазирующій англійскій шовинизмъ усматриваетъ воображаемую опасность для сношеній метрополіи съ индійскими владѣніями, въ возможности для турецкой Арменіи, столь близко расположенной къ долинамъ Аравіи и Евфрата, подпасть подъ власть Россіи; что Англія въ вопросѣ о проливахъ заинтересована не болѣе, чѣмъ прочія державы, которыя должны желать, ради успѣховъ торговли, по возможности ничѣмъ не обусловленной свободы плаванія; что въ этомъ вопросѣ Россія занимаетъ особенное положеніе въ ряду другихъ государствъ, что нельзя не признать ея правъ на преобладающій голосъ въ этомъ дѣлѣ, и что ея честь столько же, сколько и заботы о матеріальныхъ успѣхахъ, предписываютъ ей требовать въ будущемъ отмѣны существующаго доселѣ порядка закрытія проливовъ для военныхъ судовъ большаго водоизмѣщенія; что, наконецъ, при настоящемъ положеніи Турціи, нейтрализація Босфора не повлекла бы за собою никакихъ опасностей для личнаго спокойствія султана и для независимости имперіи, а, наоборотъ, лучше обезпечивала-бы ея политическое существованія, нежели международныя соглашенія, которыя, запирая Россію въ Черномъ морѣ и стѣсняя ея свободу сообщенія съ моремъ Средиземнымъ, вызываютъ законное съ ея стороны неудовольствіе.

годнымъ, но если, при обсужденіи его русскими государственными людьми и общественными дѣятелями, исчезнетъ это разногласіе въ отзывахъ о порядкѣ пользованія проливами, на которое справедливо указываетъ авторъ, и установится единый и вполнѣ опредѣленный взглядъ на то, что намъ нужно—mare clausum или mare apertum,—то уже въ одномъ этомъ окажется не мало пользы. Прим. перев.

Къ біографіи Ѳеодосія архіепископа новгородскаго.

Указы изъ канцелярiи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ Архангельскому губернатору Измайлову.

I.

Понеже канцелярія тайныхъ розыскныхъ дѣлъ учинилась извѣстна, что статскій совѣтникъ и лейбъ-гвардіи капитанъ-лейтенантъ графъ Мусинъ-Пушкинъ въ Николаевскомъ Корельскомъ монастырѣ, гдѣ содержится въ тюрьмѣ чернецъ Ѳедосъ, полъ деревянной и печь выломалъ, а по указу и по инструкціи чинить ему того не повелѣно. И для того по ея императорскаго величества указу и по опредѣленію вышерѣченной канцелярiи, велѣно, распечатавъ въ той тюрьмѣ вамъ, господину брегадиру, полъ деревянной и печь сдѣлать при себѣ и поставить караулъ по-прежнему, а печь топить съ надворья, и устье печное чтобъ близъ караула было. Декабря 21 дня 1725 года. (Подписано) генералъ-маіоръ Ушаковъ.

II.

По ея императорскаго величества указу и по резолюціи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ канцелярiи, велѣно по присланному отъ васъ, господина генералъ-маіора, рапорту 20-го дня января, когда извѣстной чернецъ Ѳедосъ, содержащійся подъ карауломъ въ Николаевскомъ Корельскомъ монастырѣ, умретъ, тѣло его похоронить въ томъ же монастырѣ. Архимандриту Порфирію указъ о томъ посланъ. 27-го января 1726 г. (Подписано) графъ Петръ Толстой.

III.

Всепресвѣтлѣйшая державнѣйшая великая государыня императрица Екатерина Алексѣевна самодержица всероссійская указала чернецу Ѳедосу, содержащемуся въ Николаевскомъ Корельскомъ монастырѣ, пищу давать братскую, въ которыя времена какія старцамъ опредѣляется. И по силѣ того ея императорскаго величества указа изъ наличныхъ денегъ, кои на его, Ѳедосово, содержаніе есть въ губерніи Архангельской, покупая потребное, кормить Ѳедоса, какъ выше сего изображено. А давать пищу ему противъ одного брата. Февраля 3-го дня 1726 года. (Подписано) графъ Петръ Толстой.

Сообщилъ **А. Подвысоцкій**.

Два письма изъ эпохи Восточной войны

1853—1856 годовъ.

Восточная война 1853 — 1856 гг. давно уже изслѣдована во всѣхъ ея подробностяхъ, и относящіяся до нея дипломатическіе и иные документы опубликованы и комментированы разными историками и публицистами.

Предлагаемыя два частныхъ письма современника той эпохи ничего новаго въ исторію ея не внесутъ и не дадутъ новаго освѣщенія тому или другому событію временъ единоборства Россіи со всею почти Европою. Тѣмъ не менѣе, исходя изъ-подъ пера публициста, жившаго въ ту пору въ Константинополѣ и хорошо освѣдомленнаго о всемъ происходившемъ, они не лишены извѣстнаго интереса. Съ одной стороны, они знакомятъ насъ съ совѣтами, которые Порта и ея западные друзья расточали молдавскому и валахскому господарямъ, очутившимся, съ момента вступленія нашихъ войскъ въ княжества, дѣйствительно, между молотомъ и наковальнею; съ другой—даютъ живую картину общественнаго настроенія въ Константинополѣ, гдѣ,—въ то время какъ европейскіе дипломаты напрягали всѣ усилія къ предотвращенію войны—войну ожидали и ея желали, въ убѣжденіи «полной неправоты» Россіи и въ сознаніи доказываемой англійскимъ посломъ (знаменитымъ лордомъ Рэдклиффомъ) необходимости воспользоваться случаемъ, чтобы хорошенько «проучить» Россію, въ надеждѣ, что она не оправится по крайней мѣрѣ въ теченіе полувѣка...

Этимъ двумъ письмамъ мы предпосылаемъ небольшую историческую справку.

6-го мая 1853 года, собранный въ блистательной Портѣ торжественный совѣтъ для окончательнаго обсужденія предложеній чрезвычайнаго посла императора Николая, князя Меншикова, рѣшилъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ (42 изъ 44), что предложенія эти приняты быть не могутъ. Турецкимъ сановникамъ и не пришлось сообщить по принадлежности о принятомъ ими рѣшеніи; въ ту минуту какъ члены чрезвычайнаго совѣта расходились, князь Меншиковъ прислалъ въ Порту извѣщеніе объ окончательномъ разрывѣ, а три дня спустя, 10-го мая, отплылъ въ Одессу.

19-го мая, канцлеръ графъ Нессельроде дѣлаетъ послѣднюю попытку склонить турокъ къ уступчивости и отправляетъ рейсъ-еффенди (министру иностранныхъ дѣлъ) Решиду-пашѣ письмо, въ которомъ, впрочемъ, уже заявляетъ о принятомъ императоромъ Николаемъ рѣшеніи занять своими войсками Дунайскія княжества, отнюдь не ради войны съ султаномъ, а въ матеріальное обезпеченіе того, что оттоманское правительство, вернувшись къ болѣе справедливымъ чувствамъ, дастъ Россіи нравственныя гарантіи, тщетно ею требуемыя [1]).

Письмо русскаго канцлера желаемаго дѣйствія не имѣло, и 21-го іюня передовыя колонны русскихъ войскъ перешли Прутъ [2]).

По вступленіи нашихъ войскъ въ княжества предстояло немедленно выяснить вопросъ объ управленіи ими. Въ обращенной къ жителямъ прокламаціи возвѣщалось, что «мы не намѣрены искать завоеваній, ни измѣнять коренныхъ законовъ, коими княжества управляются, и ихъ политическаго положенія, утвержденнаго торжественными договорами». Но еще ранѣе того генеральному консулу нашему въ Бухарестѣ Халчинскому, предписывалось объявить молдавскому и валахскому господарямъ, Гикѣ и Штирбею, что со времени вступленія русскихъ войскъ они должны прекратить всякія сношенія съ оттоманскимъ правительствомъ, а равно и взносъ слѣдуемой Портѣ дани, которая должна

---

[1]) ... „Dans quelques semaines les troupes recevront l'ordre de passer les frontières de l'Empire, non pour faire la guerre au Sultan, guerre, qu'il répugne à sa Majésté Impériale d'entreprendre contre un souverain qu'Elle s'est toujours plu à considerer comme un allié sincère et un voisin bien intentionné,—mais pour avoir des garanties matérielles jusqu'au moment où, ramené à des sentiments plus équitables, le gouvernement ottoman donnera à la Russie les sûretés morales qu'Elle a demandées en vain depuis deux mois par ses représentants à Constantinople et en dernier lieu par son Ambassadeur". Изъ письма гр. Нессельроде Решиду-пашѣ отъ 19 мая 1853 г.

[2]) Здѣсь кстати вспомнить, что уже 5-го іюня, въ день отправленія изъ Порты отвѣта на письмо гр. Нессельроде, флоты Франціи и Англіи подвинулись къ Дарданелламъ и бросили якорь въ Безикской бухтѣ.

поступать, за время оккупаціи, въ распоряженіе императорскаго правительства [1]).

Господари не могли не подчиниться этому распоряженію; съ своей стороны Порта, освѣдомившись о немъ, поспѣшила заявить князьямъ Гикѣ и Штирбею, что они должны уклониться отъ его исполненія и немедленно оставить княжества, подъ угрозою примѣненія къ нимъ тѣхъ мѣръ, которыя блистательная Порта найдетъ нужнымъ принять для охраны собственныхъ интересовъ [2]).

Протестъ Порты былъ напрасенъ; трудно сопротивляться словами распоряженію, объявленному предержащею властью, каковою была власть командующаго оккупаціонною арміею. Положеніе господарей оказалось весьма затруднительнымъ. Изъ получаемыхъ ими изъ Константинополя свѣдѣній они могли убѣдиться, что Англія и Франція поддерживаютъ предъявленное имъ Портою требованіе.

Поставленные между двухъ огней, они, повидимому, не рѣшались опредѣленно дѣйствовать въ томъ или другомъ смыслѣ. Обстоятельство это послужило поводомъ русскому правительству, когда исчезли послѣднія сомнѣнія въ неизбѣжности войны, поставить вопросъ ребромъ и

---

[1]) ... „Nous voulons parler de leurs relations avec Constantinople et le ministers Ottoman. Celles-ci doivent nécéssairement cesser du jour où nos troupes occupent militairement le pays, et où toute action, toute ingérence de la part de la puissance suzeraine est temporairement suspendue.

Une autre conséquence de cette situation sera celle de la suspension du tribut que les provinces sont tenues de payer à la Porte. Ces sommes que les vestiairies encaisseront comme par le passé, doivent rester à la disposition du gouvernement Impérial qui se réserve d'en faire l'usage qu'il jugera le plus opportun". Депеша гр. Нессельроде генер. консулу Халчинскому отъ 3 іюня 1853 года.

[2]) Приводимъ относящійся до этого дѣла отрывокъ письма турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ Решидъ-паши къ князю Григорію Гикѣ отъ 13 іюля 1853 года.

... „Comme la cour de Russie a entamé le système de ces provinces par l'endroit qui regarde immédiatement la puissance propriétaire, c'est à dire par ses bases fondamentales, la Sublime Porte voit clairement que dans cet état de choses l'exercice de l'autorité légitime dans les Principautés de Valachie et de Moldavie est impossible. Par conséquent la S. Porte, ainsi que ses droits sacrés et incontestables l'exigent a décidé que Votre Altesse, ainsi que S. A. le Prince de Valachie quittiez provisoirement les Principautés et cette résolution a été communiquée aussi officiellement aux grandes puissances.

Il faut donc, que conformément aux ordres émanés du Trône Impérial, vous quittiez de suite la province. Et s'il arrive que vous agissiez d'une manière contraire à ces ordres souverains, la S. Porte, libre de son côté, prendra telles mesures qu'elle jugera conformes à ses propres affaires et à ses intérêts".

командующему оккупаціоннымъ корпусомъ князю Горчакову предписывалось [1]) имѣть довѣрительное объясненіе съ господарями (не ранѣе, впрочемъ, какъ по объявленіи войны) и спросить ихъ, желаютъ ли они, совершенно искренно, оставаться на мѣстахъ при создавшемся исключительномъ положеніи, съ тѣмъ, чтобы добросовѣстно и честно по отношенію къ Россіи исполнять свои обязанности.

Спрошенные незадолго до начала военныхъ дѣйствій, господари заявили, что не считаютъ возможнымъ долѣе оставаться въ княжествахъ, и въ непродолжительномъ времени (октябрь 1853) выѣхали оттуда, сперва Штирбей изъ Бухареста, а затѣмъ Гика изъ Яссъ [2]).

Приводимыя два письма Ногэса относятся именно къ той смутной для господарей эпохѣ, которая наступила для нихъ со времени занятія нами княжествъ. Они адресованы довѣренному лицу и родственнику князя Григорія Гики, логофету Мавроени. Ногэсъ былъ главнымъ редакторомъ издававшейся въ Царьградѣ ежедневной французской газеты «Journal de Constantinople», о всемъ происходившемъ на берегахъ Босфора былъ превосходно освѣдомленъ и пользовался особымъ расположеніемъ посланниковъ западныхъ державъ. Хотя письма его къ Мавроени, по внѣшней ихъ формѣ, должны быть отнесены къ частной корреспонденціи, тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что Ногэсъ многое писалъ по указанію иностранныхъ дипломатовъ, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы господари исполнили требованіе Порты и оставили княжества, и поручавшихъ ему передавать совѣты, которые неудобно было влагать въ уста оффиціальныхъ представителей. Поэтому письма Ногэса, несмотря на ихъ частный характеръ, имѣютъ несомнѣнное документальное значеніе.

А. Гирсъ.

---

[1]) „...La Majesté vous invite à avoir une explication confidentielle avec les Hospodars des que la guerre aura éclaté, mais seulement alors, et leur demander franchement, s'ils veulent, ou non, continuer à s'acquitter des devoirs de leurs postes de manière à repondre aux éxigences de cette situation exceptionelle. S'ils le veulent de bonne foi, l'Empereur les maintiendrait dans leurs attributions, à condition qu'ils s'engagent sur leur honneur à se comporter loyalement envers nous et à exécuter avec zèle et fidélité les ordres de la cour Impériale. Le régime intérieur des Principautés ne subirait ainsi aucune modification apparente et, aux yeux du peuple, les Hospodars continueraient à administrer les deux provinces comme par le passé, tout en restant sous le contrôle et la surveillance de nos consuls". Изъ депеши канцлера гр. Нессельроде кн. Горчакову отъ 21 сентября 1853 г.

[2]) По окончаніи войны послѣдній былъ снова призванъ Портою на молдавскій господарскій престолъ, но княжилъ не долго: въ припадкѣ меланхоліи онъ застрѣлился въ бытность свою въ 1857 году въ Парижѣ.

I.

Константинополь 12 іюля 1853 г. [1])

Въ прошлую среду вечеромъ Порта получила съ экстреннымъ курьеромъ извѣстіе о переходѣ русскими Прута, и у великаго визиря тотчасъ же собрался совѣтъ министровъ для обсужденія вопроса о томъ, что̀ дѣлать. Въ совѣтѣ двѣ партіи: одна, которая хочетъ немедленно начать войну, и другая, которая желаетъ приступить къ ней лишь послѣ того, какъ будутъ истощены всѣ дипломатическія средства, указываемыя представителями дружественныхъ и союзныхъ державъ. Во главѣ первой находится Мегеметъ-Али-паша, военный министръ, а во главѣ второй—Решидъ-паша [2]). На совѣтѣ, о которомъ я говорю, эти двѣ партіи не сошлись, и такъ какъ Мегеметъ-Али-паша—заклятый врагъ Решида-паши, который отплачиваетъ ему тѣмъ же съ лихвой, то онъ безъ промедленія началъ дѣйствовать у султана, и въ прошлую пятницу мы узнали, что великій визирь Мустафа-паша, приверженецъ выжидательной политики, былъ замѣненъ Мехмедъ-Рушди-пашею, главнокомандующимъ императорскою гвардіею и бывшимъ военнымъ министромъ, а Решидъ-паша замѣненъ Али-пашею, что составляетъ неловкость по отношенію къ Австріи изъ-за смирнскаго дѣла [3]). На слѣдующій день хотя шелъ третій день праздниковъ байрама, Порта была открыта, и войска отправились туда для пріема новыхъ сановниковъ; предстояло прочитать императорскій гаттъ (указъ), которымъ они назначались. Но утромъ этого дня, Каннингъ [4]), совѣщавшійся наканунѣ съ Ла-куромъ [5]), отправился во дворецъ и имѣлъ очень продолжительную аудіенцію у султана, которому высказалъ нѣсколько жесткихъ истинъ, и старое министерство было возстановлено въ прежнемъ составѣ. Несомнѣнно, что подобныя интриги въ ту минуту, когда русскіе захватываютъ оттоманскую территорію, прискорбны, и тѣ, о которыхъ я говорю, произвели

---

[1]) Переводъ съ французскаго. А. Г.

[2]) Рейсъ-эффенди (министръ иностранныхъ дѣлъ). А. Г.

[3]) Къ сожалѣнію мы не могли выяснить, о какомъ смирнскомъ дѣлѣ идетъ рѣчь. Но, во всякомъ случаѣ, дѣло это особеннаго значенія въ ту пору имѣть не могло и должно быть отнесено къ числу обычныхъ недоразумѣній или небольшихъ столкновеній между представителями европейскихъ державъ и турецкими провинціальными властями. Въ данномъ случаѣ замѣшанъ и американскій посланникъ, какъ видно изъ послѣднихъ строкъ настоящаго письма. А. Г.

[4]) Англійскій посолъ, переименовавшійся въ Стратфорда Рэдклифа, послѣ того какъ былъ возведенъ въ лорды. А. Г.

[5]) Французскій посолъ. А. Г.

весьма грустное впечатлѣніе на дипломатическій корпусъ и на публику. Надо полагать, что ихъ строго осудятъ въ Европѣ, а русскіе посмѣются.

Въ воскресенье я видѣлъ Решида-пашу и засталъ его очень грустнымъ; все это ему ужасно претитъ. Спору нѣтъ, что турецкія войска охватило сильное нетерпѣніе; они хотятъ драться, но въ этомъ дѣлѣ надо идти вмѣстѣ съ представителями державъ, и, кромѣ того, Турція будетъ вполнѣ готова лишь черезъ мѣсяцъ. До тѣхъ поръ или придутъ къ соглашенію съ Россіею, или останется лишь взяться за оружіе, и въ послѣднемъ случаѣ блистательная Порта съумѣетъ достойнымъ образомъ выдержать борьбу. На этихъ дняхъ Омеръ-паша писалъ изъ Шумлы, что онъ не можетъ долѣе сдерживать своихъ войскъ, которыя хотятъ переходить Дунай. Это не основаніе, чтобы спѣшить началомъ военныхъ дѣйствій, не будучи вполнѣ приготовленнымъ къ борьбѣ.

Въ прошлую среду я видѣлъ Каннинга и Ла-кура; они того мнѣнія, что вступленіе русскихъ въ княжества уничтожило Балта-Лиманскій договоръ и всѣ прочіе трактаты Турціи съ Россіею; именно въ виду того, чтобы такъ и было, Франція и Англія не сдѣлали серьезныхъ попытокъ помѣшать оккупаціи. Такое военное дѣйствіе нужно было, чтобы увеличить виновность Россіи и подготовить къ мысли о европейскомъ конгрессѣ, сдѣлавшемся неотступной идеею Людовика-Наполеона; мнѣ это говорилъ Ла-куръ, дѣлающій все, что въ его силахъ, чтобы предложеніе о томъ шло отъ Турціи. И по этому пункту существуетъ разногласіе въ совѣтѣ оттоманскихъ министровъ. Мегеметъ-Али-паша боится конгресса, Решидъ-паша его желаетъ; на этомъ разногласіи и покоилась также послѣдняя интрига, направленная противъ Решида. Султана напугали мыслью о конгрессѣ. Между тѣмъ достовѣрно, что договоры Россіи съ Портою можно измѣнить лишь путемъ конгресса, безъ котораго судьба Турціи по прежнему будетъ неопредѣленна и ненадежна.

На конгрессѣ займутся также положеніемъ княжествъ, которыя хотятъ освободить изъ-подъ протектората Россіи, поставивъ ихъ подъ протекторатъ великихъ державъ и закрѣпивъ въ то же время ихъ связь съ Турціею. Таково вполнѣ твердо установленное воззрѣніе Каннинга и Ла-кура. Послѣдній сказалъ мнѣ, что онъ торопитъ Решида-пашу пересмотромъ въ либеральномъ духѣ органическаго устава княжествъ [1]),

[1]) Органическій регламентъ, выработанный Киселевымъ за время управленія имъ Дунайскихъ княжествъ, былъ введенъ въ дѣйствіе въ 1831 году. А. Г.

съ тѣмъ чтобы, когда наступитъ время, султанъ самъ даровалъ новый уставъ.

Это весьма довѣрительно и, послѣ всего того, что я вамъ сообщилъ, было бы не дурно, быть можетъ, если бы князь Гика прислалъ мнѣ безъ замедленія свои замѣчанія по поводу измѣненій, которыя слѣдуетъ ввести въ уставѣ, съ тѣмъ чтобы я могъ ихъ поддержать. Франція и Англія рѣшились вести дѣла круто и неопредѣленностями не удовлетворяться.

Но—и это мнѣ сказалъ Ла-куръ—нечего и помышлять ни одной минуты о независимости княжествъ или преобразованіи ихъ въ королевства. Если эта мысль будетъ только выражена, ей будетъ оказано величайшее сопротивленіе, и она повредитъ тѣмъ, кто ее выскажетъ. Онъ (Ла-куръ) того мнѣнія даже, что князья не могутъ и не должны быть преданы никому другому кромѣ блистательной Порты, и, обращаясь къ Австріи и къ Россіи съ тѣми-же выраженіями, съ какими они увѣряютъ въ своей преданности императорскій диванъ, они подвергаютъ риску собственные интересы. И это также весьма довѣрительно.

Въ этихъ дѣлахъ вся Европа очевидно на сторонѣ Турціи и противъ Россіи. Поэтому не слѣдуетъ ничего такого ни говорить, ни писать и ни дѣлать, что́ могло-бы дать поводъ предполагать преданность къ кому-либо другому, а не къ Турціи. Такой взглядъ имѣетъ въ данную минуту рѣшающее значеніе. Дѣла Россіи чрезвычайно плохи и не надо давать повода думать, что къ ней хотя мало-мальски присоединяются. Нѣтъ сомнѣнія, что господари будутъ сдѣланы пожизненными [1]) и нынѣшніе князья, если только они примутъ къ свѣдѣнію замѣчанія г. Ла-кура, имѣютъ всѣ шансы остаться на своихъ мѣстахъ, когда будетъ приступлено къ окончательному устройству судьбы княжествъ, что́ не заставитъ себя долго ждать. Относятся-ли замѣчанія Ла-кура къ одному изъ князей или къ обоимъ—узнать я не могъ.

Въ прошлую среду было замѣчено русское военное судно близъ турецкаго села въ 20 миляхъ отъ входа въ Босфоръ. Сообщая мнѣ это извѣстіе, Каннингъ сказалъ: «меня сильно разбираетъ охота вызвать нашу эскадру». Онъ этого впрочемъ и понынѣ еще не сдѣлалъ, но на этихъ дняхъ на «Карадокѣ» [2]) къ намъ прибыло около тридцати офицеровъ этой эскадры. Онъ мнѣ сказалъ также: «вы, журналистъ, и

---

[1]) По Балта-Лиманскому договору 1849 года они назначались на 7 лѣтъ. А. Г.

[2]) Станціонеръ, находившійся въ распоряженіи англійскаго посольства. А. Г.

я, дипломатъ, будемъ умѣренны, но всегда поглядывая однимъ глазкомъ на войну; я ее ненавижу, но къ тому придется вести дѣло. По какому-то чуду провидѣнія весь міръ противъ Россіи, и это чудо можетъ не повториться».

Достовѣрно извѣстно, что Австрія двигаетъ войска по направленію къ княжествамъ; это—демонстрація противъ Россіи. Турція взяла лоцмановъ для Чернаго моря.

Протестъ противъ занятія княжествъ скоро появится.

Смирнское дѣло кончено; подробности въ отдѣлѣ разныхъ извѣстій «Journal de Constantinople». Австрія оказалась униженною американцами.

II.

Константинополь 2 апрѣля 1853 г.

Я ничего не получилъ съ галацкимъ пароходомъ, пришедшимъ третьяго дня, въ воскресенье. Мое письмо отъ 26 іюля было очень важное [2]) и касалось именно отозванія князей, и я возвращаюсь къ этому предмету, чтобы снова высказать вамъ мое искреннее убѣжденіе: если они окажутъ повиновеніе, то, что бы ни случилось, навѣрно останутся на своихъ мѣстахъ по улаженіи всѣхъ дѣлъ, такъ какъ распоряженіе объ ихъ отозваніи было сдѣлано съ согласія четырехъ представителей великихъ державъ; это отчасти доказывается тѣмъ, что консулы Франціи и Англіи также отозваны, а если еще быть можетъ того не сдѣлано относительно консуловъ Австріи и Пруссіи, то лишь потому, что положеніе этихъ державъ по отношенію къ Россіи болѣе щекотливое. Если же они не повинуются, я увѣренъ, на основаніи всего того, что я изложилъ въ письмѣ отъ 26 іюля, что они будутъ немедленно смѣщены, развѣ будетъ установлено, что русскіе силою помѣшали имъ повиноваться. Лишь force majeure, установленная положительно, можетъ послужить имъ оправданіемъ и въ такомъ случаѣ на нихъ будутъ смотрѣть какъ на военно-плѣнныхъ.

Интриги уже начались: друзья Константина Кантакузина дѣйствуютъ противъ князя Штирбея, а пріятели Ласкара Кантакузина—противъ князя Гики. Подчиненіе отозванію положитъ предѣлъ дѣйствіямъ всѣхъ этихъ интригановъ: таково мнѣніе представителей державъ

---

[2]) Надо предполагать, что оно затерялось. А. Г.

которые могутъ тогда съ успѣхомъ орудовать въ пользу сохраненія на мѣстахъ обоихъ князей.

Я уже началъ свою кампанію противъ этихъ интригъ и надѣюсь, что наша возьметъ, если только князья сами намъ помогутъ своимъ поведеніемъ; въ противномъ случаѣ ничто ихъ не спасетъ, даже русская поддержка.

Начальники миссій почти увѣрены въ томъ, что предложенія Франціи и Англіи, о которыхъ лордъ Руссель говорилъ въ палатѣ представителей 14 іюля, отвергнуты петербургскимъ дворомъ, который хочетъ избѣгнуть всякаго соглашенія, вытекающаго изъ вмѣшательства державъ, чтобы впослѣдствіи не имѣть съ послѣдними счетовъ, если бы новый конфликтъ возникъ между нимъ и Портою; нѣкоторые же изъ посланниковъ того мнѣнія, что послѣдній проектъ ноты Порты, о которомъ я вамъ говорилъ въ предшествующемъ письмѣ, будетъ Россіею принятъ. Въ ней сказано, что съ ея принятіемъ княжества будутъ очищены безъ промедленія, и турецкій посолъ отправится въ Петербургъ, чтобы сдѣлать соглашеніе окончательнымъ. Копія съ нея сообщена представителямъ четырехъ державъ при деклараціи, весьма ясной и даже энергичной, что это—послѣдняя попытка, которую можетъ дѣлать блистательная Порта.

Нѣтъ турка, который не находилъ бы этого проекта ноты вялымъ (flasque) и мало достойнымъ блистательной Порты, и такъ какъ Решидъ-паша—авторъ этихъ бумагъ, то онъ съ каждымъ днемъ теряетъ почву, хотя для видимости перешелъ на сторону партіи войны. Печально заявить, но онъ въ совершенномъ одиночествѣ, и я не удивлюсь, если ему вскорѣ придется оставить власть. Онъ на волоскѣ отъ гибели, такъ какъ велъ переговоры слишкомъ вяло: съ нѣкотораго времени всѣ хотятъ войны, даже и очень мирный Аали-паша, который имѣетъ много шансовъ снова ухватиться за портфель.

Для Турціи дѣло дошло до того, что для нея опаснѣе не имѣть войны, чѣмъ ее имѣть; всѣ, поэтому, желаютъ, чтобы проектъ ноты былъ отвергнутъ петербургскимъ дворомъ.

Крупная новость: Въ прошлую субботу три экстренныхъ курьера прибыли изъ Сербіи, одинъ къ капу-кехайѣ [1]) княжества (сербскаго), другой къ Каннингу и третій къ Ла-куру; всѣ трое съ однимъ и тѣмъ же нижеслѣдующимъ извѣстіемъ: австрійскій консулъ въ Бѣлградѣ потребовалъ отъ князя Александра распоряженія австрійскимъ войскамъ занять княжества, въ виду того что Молдо-Валахія уже занята русскими и

[1]) Названье агентовъ, которыхъ вассальныя княжества держали при Портѣ. А. Г.

что англійская и французская эскадры стоятъ въ Безикѣ, готовыя вступить въ Дарданеллы; такая мѣра могла бы предотвратить всякое возстаніе, которое, если только начнется, не замедлитъ распространиться по всей австрійской территоріи. Князь отказалъ на отрѣзъ, заявивъ, что онъ самъ съумѣетъ сохранить спокойствіе въ странѣ. Консулъ отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ австрійское правительство обойдется безъ разрѣшенія князя; послѣдній тотчасъ же принялъ мѣры къ тому, чтобы пушками встрѣтить австрійцевъ, если они только явятся.

Новость эта породила здѣсь величайшее волненіе. Каннингъ и Вильденбрукъ [1]) видятъ въ этомъ измѣну Австріи. Ла-куръ находитъ это до такой степени безумнымъ, что до сей поры этому не вѣритъ, а Порта, запросившая вчера по этому поводу Брука [2]), не слишкомъ спокойна насчетъ намѣреній вѣнскаго кабинета. Интернунцій робко заявляетъ, что эта мѣра въ интересахъ самой Порты, которая почему-то ея не желаетъ, а Вильденбрукъ наговорилъ Бруку не мало жесткихъ вещей. Приведи Австрія свой проектъ въ исполненіе,—это всеобщая война, но также и конецъ этой державѣ. Англія, Франція и Прусія обрушатся на нее: таково мнѣніе здѣшнихъ начальниковъ миссій.

Положеніе Брука, который еще на прошлой недѣлѣ выставлялъ на показъ наилучшія чувства по отношенію къ Турціи, стало весьма затруднительнымъ и весьма ложнымъ.

Русскій консулъ въ Адріанополѣ спустилъ флагъ; полагаю, что за нимъ скоро сдѣлаютъ то же всѣ русскіе консулы въ Турціи.

---

[1]) Прусскій посланникъ.

[2]) Представителя Австріи, интернунція. А. Г.

Императоръ Александръ I и графъ Армфельдъ.

(1811—1812 г.г.) [1]).

IV.

Несогласія членовъ комитета въ Петербургѣ и государственнаго совѣта въ Финляндіи. — Генералъ-губернаторъ Штейнгель. — Отношенія Армфельда къ императору Александру I.

Намъ пришлось уже раньше замѣтить, что между членами финляндскаго комитета не было подчасъ единогласія и нерѣдко возникали между ними ссоры и недоразумѣнія. Съ самаго основанія комитета, многіе относились недовѣрчиво къ нему, вслѣдствіе чего проявлялась нѣкоторая натянутость въ отношеніяхъ. Когда Аминовъ, два мѣсяца спустя послѣ открытія комитета, пріѣхалъ изъ Финляндіи въ Петербургъ, съ цѣлью занять свою новую должность, онъ сталъ, по словамъ Армфельда, «критически относиться къ комитету» и въ свою очередь восторгался всѣми глупостями и ошибками финляндскаго совѣта. Комитетъ, особенно подъ предсѣдательствомъ Армфельда, получилъ характеръ высшей инстанціи, выше генерала-губернатора и финляндскаго государственнаго совѣта. Преимущества, которыми пользовался Армфельдъ у императора, и нетерпѣливость его характера могли бы подчасъ дурно повліять на дѣла Финляндіи, но сильная любовь къ отечеству руководила имъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ и уступала всякому другому чувству. Совѣтъ ча-

[1]) См. „Русскую Старину“ іюль 1896 года.

сто изъявлялъ свое неудовольствіе по поводу того, что комитетъ иногда измѣнялъ его рѣшенія; дѣятельность комитета увеличивалась съ каждымъ днемъ, но даже добродушный генералъ-губернаторъ графъ Штейнгель, и тотъ недружелюбно смотрѣлъ на новое учрежденіе и жаловался на то, что это «чертовское заведеніе» стало между нимъ и императоромъ. «Финляндія не имѣетъ ни минуты покоя,—замѣчалъ старикъ Штейнгель,— и всѣ несчастья происходятъ отъ этого комитета». Подобное настроеніе проявлялось всего сильнѣе въ Або, и не было тайной для Армфельда. «Я знаю, – писалъ онъ Аминову,—что совѣтъ страшно недоволенъ комитетомъ, и имѣю на то доказательства; хотя ни въ чемъ не могутъ обвинять комитетъ, однако говорятъ, что онъ капризенъ и не снисходителенъ и т. д. Можетъ быть это и правда отчасти, но зато въ комитетѣ не мѣшкаютъ, какъ въ совѣтѣ». Къ своимъ финскимъ коллегамъ Армфельдъ не относился съ особенной пріязнью. Въ своей меморіи о Финляндіи, которую онъ представилъ государю за нѣсколько времени до учрежденія финляндскаго комитета въ Петербургѣ, онъ характеризуетъ членовъ совѣта слѣдующими словами: «совѣтъ состоитъ изъ людей скорѣе непривыкшихъ обращаться съ крупными дѣлами, ихъ воззрѣнія и манера приступать къ дѣламъ свидѣтельствуютъ о томъ, что они люди съ честными намѣреніями, но лишены высшихъ интеллектуальныхъ способностей». Впослѣдствіи, когда недоразумѣнія стали все чаще и чаще повторяться, и жалобы изъ Або доходили до Петербурга, гнѣвъ Армфельда проявлялся въ самыхъ бурныхъ выраженіяхъ, которыя ради уваженія его памяти не слѣдовало бы повторять [1]).

Гнѣвъ Армфельда происходилъ также отъ того, что жители города Або противились перенесенію столицы въ Гельсингфорсъ; другъ Армфельда губернаторъ въ Нюландѣ Ф. Шернваль и Ернстрёмъ, оба желавшіе перестройки Гельсингфорса, часто въ письмахъ своихъ жаловались на упрямство жителей Або. Много приходилось Армфельду въ началѣ своей политической дѣятельности сѣтовать на неблагодарность своихъ соотечественниковъ. «Обитателямъ моей родины самъ Господь Богъ не въ силахъ угодить,—говорилъ онъ [2]),—они соединяютъ въ себѣ зависть, глупость, желаніе осуждать всякій поступокъ, равнодушіе къ общему благу, и радѣютъ лишь о собственныхъ интересахъ, страдая полнымъ отсутствіемъ того, что называется «esprit public»,—однимъ словомъ, имѣютъ всѣ пороки, способствующіе лишь паденію государства и

[1]) „Або,—писалъ онъ Аминову 5-го августа 1812 года,—что яма, наполненная болванами, варварами и мошенниками! Слѣдовало бы, подобно Алкивіаду, отрубить заднюю часть отъ собаки и бросить ее на дворъ совѣта, чтобы дать этимъ господамъ матеріалъ для размышленія, достойный ихъ ума".

[2]) Въ письмѣ Шернвалю отъ 28-го февраля 1812 г.

приближенію рода человѣческаго къ животному царству. Вотъ къ какому результату привело меня сближеніе съ моими соотечественниками, для которыхъ я въ теченіе послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ такъ много сдѣлалъ. Я былъ бы крайне несчастливъ, если бы нашелся хоть одинъ фактъ, гдѣ можно было бы упрекнуть меня въ недостакѣ заботы объ общемъ благѣ, или отступленіи отъ закона, или злоупотребленіи властью и общественнымъ довѣріемъ. Всѣ единогласно лаютъ, какъ обозленныя цѣпныя собаки, но никто не въ состояніи указать на что-нибудь, кромѣ какъ на пустые звуки». «Если меня удостоиваютъ названіемъ отца Финляндіи,—замѣчаетъ онъ въ другомъ письмѣ [1]),—то я нахожусь въ положеніи многихъ несчастныхъ родителей, имѣющихъ непослушныхъ и неблагодарныхъ дѣтей». Въ подобныя минуты, Армфельдъ былъ готовъ бросить дѣла Финляндіи на произволъ судьбы—въ руки тѣхъ, которые имѣли болѣе времени для сна и для критики, нежели онъ—и самому поселиться въ Омине. Подчасъ ему снова казалось, что долгъ требовалъ отъ него не падать духомъ, и онъ надѣялся, что въ концѣ концовъ правда все-таки восторжествуетъ. Тогда онъ становился болѣе благоразумнымъ, не обращая вниманія ни на «финляндскія любезности», ни на русскіе кружки и шелъ своей дорогой впередъ. Еренстрёму онъ писалъ 26 (14) сентября 1813 г.—«Если бы я служилъ моей родинѣ и моимъ соотечественникамъ, въ надеждѣ что получу за это какое-нибудь другое удовлетвореніе, чѣмъ то, которое нахожу въ самомъ себѣ, то я былъ бы, по всей вѣроятности, бездѣятельнымъ. Теперь, иду своей дорогой, не заботясь совсѣмъ о мнѣніи другихъ и переполненный презрѣніемъ къ моимъ соотечественникамъ, которые только послѣ моей смерти поймутъ, чѣмъ я былъ для нихъ,—быть можетъ это и къ лучшему».

Несмотря однако на то, что генералъ-губернаторъ графъ Штейнгель принадлежалъ къ числу ненавистниковъ финляндскаго комитета, и что въ его канцеляріи подчасъ слишкомъ долго задерживались важныя дѣла, Армфельдъ былъ съ нимъ въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ. Мѣсяцъ спустя послѣ начала дѣятельности финляндскаго комитета, Штейнгель намѣревался уже подать въ отставку, разсердившись на то, что назначили въ члены финляндскаго совѣта человѣка, не рекомендованнаго имъ. Армфельдъ и Ребиндеръ употребили всѣ свои усилія, чтобы уладить это дѣло: Армфельдъ сталъ доказывать генералъ-губернатору, «что онъ имѣлъ массу непріятностей съ русскимъ правительствомъ, которое не сочувствовало Штейнгелю, и обѣщалъ содѣйствовать тому, чтобы императоръ не измѣнилъ своего хорошаго мнѣнія о немъ». Нѣсколько выписокъ изъ писемъ Армфельда къ братьямъ Шернваль, зимой

[1]) Еренстрёму 29-го марта 1812 г.

1811—1812 годовъ, довольно живо характеризуютъ эти отношенія: «Хотятъ добраться до генерала-губернатора,—пишетъ онъ;—если не ошибаюсь, Сперанскій и военный министръ—тайные его враги. Они говорятъ объ его слабостяхъ и о томъ, что онъ вѣчно подъ башмакомъ у своей жены и своихъ писарей, несмотря на свою честность. Если даже это и правда, то намъ, финнамъ, все-таки не приходится жаловаться на него; съ этой цѣлью я въ моей меморіи о Финляндіи написалъ государю, что «расположеніе и справедливость Штейнгеля къ своимъ соотечественникамъ похожи на тѣ самыя чувства, которыя мы предполагаемъ въ въ сердцѣ нашего добраго монарха относительно насъ, и потому самое искреннее наше желаніе,—сохранить подольше этого достойнаго представителя нашего государя; и кажется, что эти слова произвели должный эффектъ».

Въ другой разъ, когда канцелярія Штейнгеля разсердила Армфельда, онъ писалъ (15-го февраля 1812 г.): «Онъ вѣроятно считаетъ себя опекуномъ государя, воображая, что безъ его согласія ни одна должность не можетъ быть занята и ни одна милость никому не оказана. Я сдѣлалъ все, что только требовалъ мой долгъ для того, чтобы поддержать старика, у котораго здѣсь нѣтъ никакой опоры. Если же онъ желаетъ самъ вредить себѣ, то я безсиленъ мѣшать ему; онъ самъ теряетъ больше всѣхъ, потомъ Финляндія, но во всякомъ случаѣ не я, до котораго они всѣми силами стараются добраться посредствомъ интригъ. Единственное мое желаніе—поскорѣй найти покой и, пока мнѣ еще не перестало везти во многомъ, переселиться въ Омиие». Вліяніе Армфельда на комитетъ и отношенія его къ государю служили причиной тому, что высшіе финляндскіе чиновники подчасъ смотрѣли недовѣрчиво на него [1]), а главное, ему завидовали. Все это вмѣстѣ взя-

---

[1]) Весной 1813 года возникло недоразумѣніе, продолжавшееся довольно долго; это случилось по возвращеніи Штейнгеля къ своей должности, которой управлялъ Армфельдъ во время его отсутствія въ качествѣ викарія. Судя по письму Армфельда къ Еренстрёму изъ Або 11-го октября 1813 г. видно, что послѣ ихъ встрѣчи вновь возстановились между ними прежнія отношенія: „Я провелъ здѣсь 4 дня,—пишетъ Армфельдъ,—дабы посмотрѣть, какъ нашъ добрый, славный генералъ-губернаторъ поправляется, и я убѣжденъ въ томъ, что онъ скоро выздоровѣетъ и снова будетъ работать на благо страны, которую онъ любитъ больше, чѣмъ $^3/_4$ ея жителей. Его путешествіе открыло ему глаза на наше настоящее положеніе и дало ему возможность развить съ бо́льшей увѣренностью тѣ разумные планы, которые онъ строитъ для нашего счастія. Пока я нахожусь при дѣлахъ, я не перестану содѣйствовать ему во всемъ, и надѣюсь когда-нибудь сказать императору, что Финляндія никогда не имѣла и не будетъ имѣть генералъ-губернатора, который лучше бы исполнялъ свое назначеніе—т. е. соединялъ и согласовалъ интересы монарха съ интересами народа“.

тое порождало ссоры, которыя впрочемъ не были долговременны. Армфельдъ въ глубинѣ души своей отдавалъ полную справедливость Штейнгелю, сознавая его хорошія намѣренія и любовь къ родинѣ; онъ никакъ не могъ вообразить себѣ, чтобы первый сановникъ въ Финляндіи завидовалъ ему; самъ же Армфельдъ говорилъ всегда, что не желаетъ «играть роли» въ ущербъ генералъ-губернатору. «Боже мой,—прибавляетъ Армфельдъ,—если удалось бы мнѣ убѣдить Штейнгеля въ моемъ отвращеніи къ честолюбію и въ моемъ нежеланіи стать болѣе на виду, чѣмъ теперь. Я хочу работать для счастья моего отечества, но не въ роли перваго актера. Въ случаѣ надобности готовъ сыграть роль лакея, лишь бы только честнымъ образомъ достигнуть цѣли» [1]).

Тѣмъ не менѣе приходится сомнѣваться въ томъ, что Армфельдъ, несмотря на свою горячую любовь къ отечеству, согласился бы играть второстепенную роль на своемъ политическомъ поприщѣ; его характеру соотвѣтствовала болѣе роль «перваго актера». Положеніе, которое онъ занималъ, было таково, что никто не могъ вступить съ нимъ въ соревнованіе. Для Финляндіи онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ незамѣнимъ. Еренстрёмъ говорилъ однажды кому-то изъ недовольныхъ: «Найдите мнѣ другого, который находился бы въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, чтобы принести пользу нашему отечеству; гдѣ вы найдете столько способностей, соединенныхъ въ одномъ человѣкѣ?» Только личные враги Армфельда старались не признавать тѣхъ услугъ, которыя онъ принесъ своей родинѣ, и никто не могъ жаловаться на то, чтобы онъ повредилъ кому-нибудь или злоупотребилъ своимъ вліяніемъ на Александра I. Причиной этого вліянія были личныя качества Армфельда, манера себя держать, которую онъ принялъ съ самаго начала и которой держался до конца.

«Ты можешь себѣ легко представить, — писалъ онъ Аминову,—до какой степени моя самостоятельность и прямодушіе, когда вопросъ касается Финляндіи, всѣхъ удивляетъ. Съ государемъ мнѣ до этихъ поръ удавалось, ибо онъ говорилъ мнѣ не разъ: «Когда вы увидите, что вамъ противорѣчатъ, скажите мнѣ. У меня шпоры хорошія». Я придерживаюсь совѣта императора, и дѣла идутъ».

Часто приходилось Армфельду въ горячую рабочую пору проводить время въ частыхъ и длинныхъ бесѣдахъ съ императоромъ, которыя иногда затягивались до глубокой ночи. Для Армфельда часы разговора съ государемъ были настоящимъ праздникомъ, и онъ съ благодарностью относился всегда къ благородному монарху.

«Тѣ, которые желаютъ только вредить,—писалъ Армфельдъ,—распространяютъ слухъ, будто бы государь не любитъ работать и зани-

---

[1]) Еренстрёму 5 февраля 1814 г.

маться, и что онъ избѣгаетъ соприкосновенія съ непріятными дѣлами и съ скучнымъ видомъ выслушиваетъ доклады и т. д. Это подлая ложь, ибо во всемъ его обширномъ государствѣ не найдется подобнаго ему раба и человѣка съ такимъ умомъ, порядкомъ и такимъ здравымъ сужденіемъ, какъ онъ... Каждый вечеръ работа длится отъ половины 7-го до 11-ти часовъ, а съ 6-ти утра до половины 3-го у него пріемъ. Я счастливъ, что нашелъ относительно Финляндіи и остального человѣчества въ нашемъ государѣ тотъ образъ мыслей и тѣ средства, которыми онъ пользуется, чтобы дѣлать добро» [1]).

Во время этихъ длинныхъ занятій, государь касался различныхъ вопросовъ; часто разговоръ ихъ при этомъ переходилъ на современныя событія. Достопамятный для Россіи и для всей Европы 1812 годъ измѣнилъ отчасти дѣятельность финляндскаго комитета. Армфельдъ предвидѣлъ, что такъ именно случится, и потому еще 10-го февраля 1812 года писалъ по этому поводу Шернвалю: «Меня пугаетъ мысль, что война, которая грозитъ намъ, помѣшаетъ мнѣ исполнить обширный проектъ о самостоятельности Финляндіи, ибо когда императоръ отправится въ армію, тогда придется намъ проститься съ правильнымъ ходомъ дѣлъ». Совмѣстная работа, сблизившая императора съ Армфельдомъ, приняла совершенно иной характеръ съ того момента, когда государь весной 1812 года уѣхалъ изъ Петербурга. Разныя обстоятельства препятствовали начать эту работу осенью того же года, пока Александръ I оставался въ столицѣ. Но Армфельду удалось впослѣдствіи имѣть еще нѣсколько счастливыхъ часовъ работы съ обожаемымъ монархомъ, когда послѣдній, послѣ полутора годоваго отсутствія, въ 1814 г., со славой и побѣдой, вернулся въ Петербургъ, гдѣ русскій народъ и современники встрѣтили его любовью и благодарностью. Въ то время болѣзнь успѣла уже сломить силы Армфельда, и дни его были сочтены. Съ удовольствіемъ смотрѣлъ императоръ вмѣстѣ съ Армфельдомъ на плоды ихъ совмѣстной работы, которая принесла такую громадную пользу Финляндіи въ 1811 и 1812 годахъ. Эти года, начиная съ 1809 г., могутъ всѣми считаться самой достопримѣчательной эпохой въ смыслѣ того, что было сдѣлано для Финляндіи.

V.

Положеніе Армфельда въ Петербургѣ передъ отечественной войной.—М. М. Сперанскій и его характеристика.— Интриги Армфельда противъ Сперанскаго.—Паденіе его и ссылка.

1812 годъ—достопримѣчательный годъ въ европейской исторіи; эпоха эта сильно повліяла на судьбу Европы, какъ на судьбу того человѣка,

---

[1]) Къ Шернвалю 11 (23) ноября 1811 г.

который въ теченіе 10-ти лѣтъ держалъ ее подъ своимъ игомъ. Россія съ гордостью вспоминаетъ 1812 годъ и имѣетъ на это полное право, такъ какъ, идя во главѣ всѣхъ, она стала освободительницей цѣлой Европы. Слава и побѣды, выпавшія на долю «Святой Руси», не составляютъ однако ея главнаго достоинства. Совершенно справедливо отзывался о Россіи геніальный Жозефъ де Мэстръ (Joseph de Maistre), находившійся въ то время въ Петербургѣ и съ большимъ вниманіемъ слѣдившій за событіями эпохи [1]). «Въ теченіе этого памятнаго года,—говоритъ онъ,—русскіе заслужили великую славу, не подлежащую никакимъ обсужденіямъ. Слава эта заключалась въ столь большомъ патріотизмѣ, въ такой безграничной преданности и любви къ отечеству, что ничто на свѣтѣ не могло ихъ поколебать».

Армфельдъ принималъ участіе только въ началѣ этой войны, но не командовалъ отдѣльнымъ отрядомъ. Принадлежа къ штабу государя и къ числу его главныхъ совѣтниковъ, онъ сопровождалъ отступающій русскій отрядъ изъ Вильны въ Смоленскъ. Мнѣніе, которое при этомъ составилось о дѣятельности Армфельда, довольно разнообразно, однако даже его враги и завистники не отрицаютъ огромнаго значенія, которымъ онъ пользовался, и живаго участія, которое онъ принималъ во всѣхъ дѣлахъ, касающихся всемірной войны.

Положеніе, занимаемое Армфельдомъ въ русской столицѣ передъ началомъ войны, было блестящее. Въ качествѣ главнаго представителя Финляндіи, онъ жилъ въ Петербургѣ на широкую ногу. Занимая, по приказанію государя, отведенный ему дворецъ, помѣщавшій не только его самого и семью его, но даже всю его канцелярію и огромный штатъ прислуги, онъ принималъ у себя съ необычайнымъ гостепріимствомъ всѣхъ своихъ соотечественниковъ. Знакомство Армфельда не ограничивалось, конечно, одной финской колоніей въ Петербургѣ. При дворѣ императора, матери его и супруги, которые благосклонно принимали барона, вездѣ новый приближенный Александра I отличался своимъ умомъ, и привлекательностью. Въ высшихъ петербургскихъ салонахъ онъ былъ всегда желаннымъ гостемъ. Постоянныя приглашенія, какъ оффиціальныя, такъ и частныя, въ началѣ отнимали слишкомъ много времени у Армфельда, которое онъ желалъ между тѣмъ посвящать труду. «Если бы я былъ моложе, богаче и менѣе утомленъ свѣтомъ,—писалъ онъ своей женѣ,—я былъ бы самый счастливый изъ смертныхъ, въ томъ случаѣ конечно, если благосклонность царя и всеобщее уваженіе способствуютъ счастію человѣка. Но мнѣ не достаетъ спокойной, замкнутой жизни и тѣхъ друзей и близкихъ, съ которыми жестокая судьба разлучила меня. Утомительная жизнь, которую я веду, не подходитъ

[1]) Correspondance diplomatique.

къ моему возрасту. При всемъ томъ, что остается мнѣ дѣлать? Когда человѣкъ поставленъ, какъ я, во главѣ какого-нибудь дѣла, въ которомъ все нужно передѣлать, все привести въ порядокъ, приходится по неволѣ быть дѣятельнымъ». Участіе въ свѣтской жизни представляло для Армфельда необходимость, болѣе чѣмъ для кого-либо другаго [1]).

Въ Петербургѣ между прочимъ ему приходилось встрѣчать много людей, съ которыми онъ раньше, въ теченіе своей жизни имѣлъ разныя столкновенія. Въ русской столицѣ ему удалось свидѣться, напримѣръ, съ престарѣлымъ генераломъ Игельстремомъ, который вмѣстѣ съ Армфельдомъ подписалъ миръ при Верелѣ, и который въ Варшавѣ оказалъ рыцарскую помощь его женѣ, во время бѣгства ея изъ Италіи. Тамъ же, онъ встрѣтилъ графиню Литта, одну изъ самыхъ блестящихъ дамъ при русскомъ дворѣ, которая, по первому мужу Скавронская, принадлежала въ Неаполѣ къ одному и тому же кружку, что и Армфельдъ. Кружокъ этотъ способствовалъ пріятному пребыванію его въ Италіи, но и содѣйствовалъ впослѣдствіи его преслѣдованію. Далѣе Армфельдъ свидѣлся съ герцогомъ Серра Капріолла, посланникомъ неаполитанской королевы Каролины, покровительствовавшимъ во время его бѣгства въ Россію и оставшимся въ Петербургѣ даже послѣ всѣхъ несчастій, постигшихъ неаполитанскую королевскую чету. Благодаря своимъ личнымъ качествамъ, своей любезности и богатству, Капріолла занималъ въ Петербургѣ видное положеніе въ обществѣ и въ политическомъ мірѣ. Несмотря на то, что онъ болѣе не служилъ на дипломатическомъ поприщѣ, на него смотрѣли въ столицѣ съ уваженіемъ, и для многихъ его слова имѣли огромное политическое значеніе. Въ его домѣ Армфельдъ находилъ развлеченіе и случай поговорить съ единомышленниками по политическимъ вопросамъ. Въ своихъ письмахъ Армфельдъ часто упоминаетъ о «bon duc» или о «неаполитанскомъ старичкѣ», какъ называли Капріолла близкіе ему, и относится къ нему съ большой благодарностью. У стараго италіянскаго дипломата собирались друзья, такъ сказать «de l'ancien regime», которые въ сѣверной столицѣ считали себя спокойными отъ преслѣдованій Бонапарта. Между французскими эмигрантами въ этомъ кружкѣ появлялся извѣстный воинъ и авторъ мемуаровъ графъ Далонвиль (d'Allonville), а также знаменитый лигити-

[1]) Подчасъ онъ горько жаловался на свѣтскіе обычаи, которые въ молодости были ему такъ пріятны: „Петербургъ не для дѣловаго человѣка, относящагося какъ должно къ своему дѣлу; дворъ, великіе, ничтожные, ненужные и просители, всѣ воображаютъ, что существую лишь для нихъ. Ложусь поздно, встаю рано, и когда анализирую, что я сдѣлалъ въ теченіе дня, то стыжусь, находя, что не сдѣлалъ и четвертой доли того, что дѣлалъ прежде“ (письмо женѣ отъ 9-го января 1812 г).

мистъ одновременно и писатель Жозефъ де-Мэстръ (Joseph de Maistre), который въ Петербургѣ занималъ quasi дипломатическое мѣсто, какъ посланникъ низверженнаго короля Сардиніи. Къ этому кружку примкнулъ еще маркизъ Паулучи. Послѣ довольно бурной жизни, и удачнаго похода въ Грузію, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ пользовался значительнымъ вліяніемъ. Далѣе, въ столицѣ можно было встрѣтить польскаго патріота Михаила Огинскаго, работавшаго въ Петербургѣ по вопросу о возстановленіи Польши и надѣявшагося болѣе на благородство и либеральныя воззрѣнія императора Александра I, чѣмъ на неясныя и туманныя обѣщанія Наполеона. Въ домѣ Серра-Капріолла бывали также знаменитые русскіе люди, въ родѣ: адмирала Мордвинова, друга дѣтства Александра I Новосильцева и т. д.

Но самымъ ярымъ врагомъ Бонапарта, былъ находившійся въ 1812 году въ Петербургѣ прусскій посолъ, баронъ фонъ-Штейнъ; ему ставили въ заслугу то, что благодаря его совѣтамъ, императоръ, несмотря на неудачи въ началѣ войны, крѣпко держался своего намѣренія вести борьбу не на жизнь, а на смерть. Этого принципа держался впрочемъ въ началѣ и Армфельдъ. Но характеръ нѣмецкаго государственнаго дѣятеля слишкомъ рѣзко отличался отъ характера Армфельда, чтобы между ними могла возникнуть большая симпатія. Вмѣстѣ съ тѣмъ интересы Финляндіи и Швеціи, поглощавшіе Армфельда, отсутствовали конечно у Штейна; послѣдній отъ души сожалѣлъ, что «лилипутскія дѣла» Швеціи, въ теченіе войны, были вмѣшаны императоромъ въ политику. Однажды Штейнъ даже не поцеремонился высказать финляндскому статсъ-секретарю Ребиндеру, что правильнѣе было бы, если бы Александръ I обратилъ Финляндію въ русскую провинцію. Штейнъ характеризуетъ Армфельда слѣдующими словами: воззрѣнія его были дѣльныя, но не глубокія, онъ былъ лишенъ твердой почвы и дѣйствовалъ скорѣй въ силу побочнаго вліянія, нежели по личному убѣжденію. Съ бо́льшей симпатіей отзывается объ Армфельдѣ французскій эмигрантъ графъ Далонвиль, который по образованію, а главнымъ образомъ вслѣдствіе военныхъ интересовъ, стоялъ ближе къ барону.

Далонвиль говоритъ, что Армфельдъ велъ самостоятельно дѣла помимо самихъ министровъ императора, тогда какъ Штейнъ былъ лишь орудіемъ въ рукахъ Армфельда. «Память объ Армфельдѣ всегда останется дорога для меня,—говоритъ онъ,—въ Россіи умѣли оцѣнить его опытность и его способности, одно время онъ былъ даже главой правленія. Рѣдко можно было встрѣтить человѣка съ такими душевными качествами, съ такимъ быстрымъ усвоеніемъ и пониманіемъ дѣла и съ такой легкостью къ работѣ. Онъ казался всевѣдующимъ, но единственный недостатокъ его заключался въ томъ, что онъ хотѣлъ заразъ об-

нять слишкомъ многое. Онъ потерялъ свое вліяніе именно въ тотъ моментъ, когда его способности были болѣе чѣмъ когда-либо нужны государству, которому онъ ревностно служилъ» [1]).

Съ удивленіемъ смотрѣли въ Швеціи бывшіе соотечественники Армфельда на возрастающую благосклонность и милость къ нему императора и на ту власть, которую онъ съумѣлъ пріобрѣсти въ Петербургѣ. Представитель Швеціи послѣ отъѣзда Стединга въ 1811 году, старый повѣренный въ дѣлахъ Шенбушъ, а затѣмъ графъ Карлъ Лёвенгіельмъ упоминали часто въ своихъ депешахъ объ Армфельдѣ, одновременно сознавая и тѣ услуги, которыя послѣдній, благодаря новому положенію, оказывалъ своему бывшему отечеству. Разныя частныя дѣла шведовъ, которыя дипломатическимъ путемъ встрѣчали затрудненія, устраивались чрезвычайно легко съ помощью Армфельда.

Политическое сближеніе Россіи съ Швеціею, въ началѣ 1812 года, радовало Армфельда. Приближенный императора и его совѣтникъ не могъ быть въ глазахъ шведскаго регента, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, человѣкомъ ничего не значущимъ. Причины къ неудовольствію, которыя могъ имѣть Армфельдъ, нужно было во что бы то ни стало загладить. Карлъ Іоаннъ посылалъ ему черезъ посла своего Лёвенгіельма дружественные поклоны, и даже лично извинился передъ женой Армфельда за нанесенную ей имъ же самимъ обиду.

Но благосклонность, съ которой императоръ относился къ Финляндіи, благодаря вліянію Армфельда, вызывала неудовольствіе русскихъ государственныхъ дѣятелей за то, что онъ никогда не скрывалъ своего мнѣнія и слишкомъ неосторожно отзывался о русской системѣ управленія. Вскорѣ послѣ пріѣзда своего въ Петербургъ Армфельдъ писалъ: «Я веду открытую войну съ господами министрами насчетъ всего, что касается администраціи, финансовъ и таможни». Далѣе онъ пишетъ: «Надо быть здѣсь на мѣстѣ, надо войти въ постоянныя сношенія съ здѣшними чиновниками, чтобы удостовѣриться въ томъ,

---

[1]) D'Allonville «Memoires». Между современными авторами мемуаровъ, которые писали объ Армфельдѣ, слѣдуетъ упомянуть знаменитую герцогиню д'Абрантесъ, посвятившую Армфельду цѣлую главу въ своемъ сочиненіи, въ которой описана его ненависть къ Наполеону (memoires т. XVII). Благодаря этимъ и другимъ источникамъ, имя Армфельда появлялось въ историческихъ и литературныхъ произведеніяхъ того времени. Ланфре (Lanfrey-Histoire de Napoleon Bonaparte) называетъ его зачинщикомъ воинственныхъ плановъ противъ Наполеона. „Memoires politique et militaire“ Армфельда имѣли громадное вліяніе на императора. Bernhardi (Geschichte Russlands in Staatengeschichte der neuen Zeit), который черпалъ изъ русскихъ источниковъ и недоброжелательно относился къ Армфельду, все-таки признаетъ, что послѣдній имѣлъ вліяніе на Александра I. „Хитрый шведъ,—говоритъ онъ,—умѣлъ воспользоваться обстоятельствами“.

какъ страна эта отстала отъ остальнаго міра; русскіе чиновники, это собраніе медвѣдей, или полированныхъ варваровъ. Фридрихъ II говорилъ, что Швеція на 100 лѣтъ отстала отъ вѣка; Россія по моему остала на тысячу лѣтъ». Въ другомъ письмѣ онъ выражается такъ: «Въ Россіи не существуетъ законовъ, которымъ бы подчинялись; поэтому пока чиновники и обыватели не будутъ покоряться этимъ законамъ, они останутся во всѣхъ отношеніяхъ невыносимыми» [1]).

Армфельдъ прекрасно сознавалъ опасность своего положенія и излишества своей откровенности. Въ одномъ письмѣ онъ писалъ: «Долго я не въ состояніи удержаться, я не могу говорить того, чего не думаю, особенно когда меня заставляютъ говорить. Молчать я, конечно, могъ бы, но въ такихъ случаяхъ императорская семья всегда увѣряетъ, что мои глаза и мускулы лица сами собой выражаютъ мои мысли. Носить же маску для меня нестерпимо, и потому лучше было бы поселиться въ Омине».

Не только дѣла Финляндіи были причиной, что у Армфельда появились враги, но и внутренніе вопросы чисто русскаго характера. Армфельдъ составлялъ длинныя меморіи, касающіяся русской администраціи, финансовъ, административнаго и военнаго отдѣла. Хотя все это дѣлалось по приказанію императора, и Армфельдъ сознавалъ, что многіе изъ этихъ вопросовъ были чужды для него; но, какъ всегда, онъ надѣялся на свой опытъ и на «здравый смыслъ».

Одинъ только человѣкъ въ Россіи занималъ до Армфельда равное ему положеніе, пользуясь полнымъ довѣріемъ монарха: это былъ государственный секретарь М. М. Сперанскій. Имя его прославилось въ русской исторіи, и даже въ исторіи Финляндіи. Онъ олицетворялъ собой стремленіе къ реформѣ и либеральныя идеи новаго времени. Императоръ надѣялся найти въ немъ человѣка, могущаго организовать тотъ идеалъ государства, о которомъ онъ самъ мечталъ еще въ своей юности. Въ 1809—1811 годахъ, хотя и не номинально, Сперанскій былъ уже первымъ совѣтникомъ и министромъ Александра I и вносилъ реформы во многихъ областяхъ, сообразно требованіямъ Запада. Онъ на-

---

[1]) Въ письмѣ къ Еренстрёму онъ пишетъ: „Несчастныя теоріи экономистовъ и фискальная система породили здѣсь чудовище, которое пожираетъ всѣ средства торговли и промышленности. Единственный человѣкъ, способный понять меня здѣсь—это императоръ. Сперанскій похожъ на остальныхъ теоретиковъ. Его императорское величество разсчитываетъ поставить меня въ сношенія съ этими атлетами; я разрабатываю теперь дѣло, которое представляетъ для меня тѣмъ болѣе труда, что я не имѣю другихъ матеріаловъ, кромѣ здраваго смысла и опыта. Не знаю какъ выйду изъ этой борьбы. Финляндія—это мой „cheval de bataille“. Здѣсь еще не имѣютъ торговли, почему я принужденъ работать на этой, во всѣхъ отношеніяхъ неблагодарной, почвѣ.

чалъ съ новаго судопроизводства и съ новой финансовой системы. Организовавъ новый Государственный Совѣтъ, въ которомъ самъ былъ докладчикомъ, Сперанскій ограничилъ министерскую власть и въ концѣ концовъ разработалъ проектъ конституціоннаго правленія для Россіи. Когда Армфельдъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1811 года прибылъ въ Петербургъ, Сперанскій находился тогда въ большой милости у императора. Однако же мнѣніе, составившееся о немъ въ нѣкоторыхъ слояхъ общества, было не въ его пользу, и въ 1810 году Карамзинъ, въ сочиненіи своемъ «Старая и новая Россія», направленномъ противъ Сперанскаго, осуждалъ поступки послѣдняго. Къ врагамъ Сперанскаго, принадлежавшимъ исключительно къ высшимъ классамъ въ Россіи, присоединилась также сестра императора, принцесса Ольденбургская, находившаяся въ то время въ Россіи. Однако, несмотря на всѣ эти обстоятельства, государь оставался непоколебимъ въ довѣріи къ своему приближенному и считалъ личнымъ оскорбленіемъ для себя, когда неудовольствіе противъ реформъ Сперанскаго доходило до его свѣдѣнія. Проектъ Сперанскаго о конституціонномъ правленіи въ Россіи, появившійся въ 1811 году, возбудилъ больше остальныхъ реформъ страхъ и неудовольствіе; несмотря на полное сочувствіе императора къ этому проекту, не удалось все-таки побѣдить Государственный Совѣтъ. Говорятъ, будто бы въ этомъ вопросѣ вдовствующая императрица своимъ вліяніемъ дѣйствовала противъ государственнаго секретаря [1]). Несмотря однако на возбужденное со всѣхъ сторонъ неудовольствіе противъ Сперанскаго, онъ продолжалъ занимать свой постъ, и еще въ январѣ 1812 года Александръ I проявилъ къ нему новую милость, пожаловавъ ему высокій русскій орденъ. Три мѣсяца спустя, онъ былъ свергнутъ и по высочайшему повелѣнію отправленъ на жительство въ Пермь. Современники удивлялись быстрому паденію великаго государственнаго дѣятеля. Настоящимъ виновникомъ этого паденія считаютъ Армфельда, который является соперникомъ его въ пользованіи монаршею милостью. Несомнѣнно однако, что Армфельдъ участвовалъ въ интригахъ, способствовавшихъ удаленію Сперанскаго, ибо слухи эти подтверждаются бумагами, найденными у барона.

Изъ переписки Армфельда видно, что онъ съ самаго начала былъ недоволенъ той системой, которую принялъ Сперанскій при управленіи финляндскими дѣлами. Онъ неоднократно характеризовалъ государствен-

---

[1]) Шведскій повѣренный въ дѣлахъ Шенбушъ писалъ 5 (17) октября 1811 г. въ Швецію: „Если удастся обратить вниманіе Александра I на пагубныя послѣдствія этого проекта, тогда Сперанскій несомнѣнно впадетъ въ немилость; вообще начинаютъ съ каждымъ днемъ сомнѣваться въ патріотическихъ чувствахъ государственнаго секретаря“.

наго секретаря слѣдующимъ отзывомъ: «Странная личность, которая иногда возвышаетъ насъ (финляндцевъ), а подчасъ даетъ намъ чувствовать нашу зависимость. Къ тому же онъ всегда считаетъ пустяками то, что касается Финляндіи». Армфельдъ сомнѣвался постоянно въ искренности расположенія Сперанскаго къ Финляндіи. Въ ноябрѣ 1811 года, онъ писалъ въ одномъ письмѣ къ Шернвалю: «Принципы соединенія старой Финляндіи были утверждены согласно моему желанію, но такъ какъ указъ объ этомъ долженъ быть составленъ Сперанскимъ, то не знаю, когда это дѣло получитъ движеніе: это, во всѣхъ отношеніяхъ важное событіе, встрѣтитъ по всей вѣроятности массу препятствій». Равнодушіе, съ которымъ государственный секретарь относился вообще къ дѣламъ Финляндіи, и соперничество въ милости императора были конечно причинами несогласія между нимъ и Армфельдомъ. Но основная причина паденія Сперанскаго, и содѣйствіе барона этому паденію, происходила отъ совершенно постороннихъ обстоятельствъ. Удаленіе Сперанскаго и новая политика Александра I, которой содѣйствовалъ Армфельдъ, совпадаютъ совершенно одновременно.

Михаилъ Михаиловичъ, получившій въ виду громадныхъ надеждъ, возлагавшихся на него его школьными учителями, фамилію Сперанскаго, принадлежалъ къ сословію, которое въ Россіи стояло даже ниже крѣпостнаго; онъ былъ сынъ священника, и кличка «поповичъ» была въ глазахъ большинства чуть ли не браннымъ словомъ. Благодаря своему великому уму, онъ съумѣлъ, несмотря на послѣднее обстоятельство, сдѣлать быструю и блестящую карьеру; даже враги его признавали въ немъ неутомимаго работника, замѣчательнаго стилиста и вообще человѣка съ громадными способностями. Сперанскій былъ въ свитѣ государя на конгрессѣ въ Эрфуртѣ, когда, по разсказамъ, Наполеонъ, пораженный будто бы замѣчательнымъ разговоромъ, который онъ имѣлъ съ государственнымъ секретаремъ, шутя предложилъ Александру I уступить ему этого государственнаго дѣятеля взамѣнъ какого-нибудь королевства. Въ теченіе всѣхъ тѣхъ годовъ, которые слѣдовали за Эрфуртскимъ конгрессомъ, и пока продолжалась дружба между Россіей и Франціей, вліяніе и могущество Сперанскаго продолжали расти. Составилось общее мнѣніе, что Сперанскій почерпалъ планы своихъ реформъ во Франціи; что либеральныя его идеи, которымъ впрочемъ сочувствовалъ Александръ I, были взяты изъ французской философіи просвѣтительнаго вѣка и что, наконецъ, ему хотѣлось передѣлать русскіе законы по образцу Code Napoleon. Безпорядки, происходившіе во всемъ свѣтѣ, благодаря французской революціи, не представляли для Сперанскаго того отвращенія, которое испытывали вообще всѣ лица, убѣжденныя въ томъ, что поддержаніе трона есть первое условіе благоустроеннаго государства; къ тому же государственный секретарь обладалъ громадной долей мисти-

цизма. Изъ гуманныхъ и другихъ цѣлей, онъ покровительствовалъ тайнымъ обществамъ, которыя въ то время процвѣтали въ Россіи и въ остальной Европѣ, и говорятъ, будто бы даже лично принималъ въ нихъ участіе. Наконецъ наступилъ критическій 1811 годъ, тотъ именно моментъ, когда Россія стала во главѣ всемірной борьбы противъ Франціи, и въ это время революціонныя идеи должны были быть отброшены въ сторону и лозунгомъ дня стало: «возстановленіе законнаго порядка». Философы, распространявшіе подобныя ученія, стали считаться «громадной чудовищной сектой», которая поклялась низвергнуть всѣ троны, сдѣлавъ орудіемъ своей цѣли самихъ царствующихъ особъ [1]). Изъ писемъ Армфельда къ Дантрегу (d'Antraigues) и къ фонъ Генцу, мы узнаемъ именно этотъ образъ мыслей. Европа возстала противъ наполеоновскаго ига, ненависть къ угнетающему произвела переворотъ въ общественныхъ взглядахъ, касавшихся ученія о свободѣ, недавно проповѣданной во Франціи. Самъ Наполеонъ топталъ своими ногами эту свободу, во имя которой онъ сдѣлался деспотомъ всего свѣта. Либеральные проповѣдники того времени, придерживавшіеся принциповъ 1789 года, стали въ глазахъ общества подозрительными, и всѣмъ казалось, что цѣль ихъ стремленій заключалась лишь въ разрушеніи государства. Императоръ Александръ I могъ бы оставить при себѣ своего канцлера Румянцева, даже послѣ того какъ война съ Франціей была рѣшена, ибо канцлеръ представлялъ собой такое ничтожество, что мнѣніе его не имѣло никакого значенія [2]). Зато Сперанскому, реформатору и послѣдователю французскаго ученія, за котораго Наполеонъ былъ готовъ дать цѣлое королевство, нельзя было оставаться возлѣ императора и быть его приближеннымъ. Тѣ, которые стояли за войну, считали опаснымъ для ея осуществленія присутствіе Сперанскаго при русскомъ дворѣ; всѣ были убѣждены, что въ такомъ случаѣ борьба будетъ непродолжительная, и что Сперанскій, въ интересахъ французовъ, будетъ стремиться къ заключенію унизительнаго мира для Россіи съ Франціей, съ цѣлью потомъ продолжать въ государствѣ свою разрушительную работу. Въ одномъ

---

[1]) J. de Maistre. „Lettres et opuscules". I: 259.

[2]) Разсказываютъ, будто бы императоръ однажды сказалъ шведскому посланнику графу Левенгіельму, когда послѣдній высказывалъ свои опасенія насчетъ французскихъ симпатій Румянцева: „Будьте спокойны, онъ безвреденъ, я оставляю его при себѣ, потому что онъ для меня удобенъ". Даже французы не относились съ уваженіемъ къ Румянцеву; его аффектированныя манеры заставили ихъ дать ему кличку „la vielle marquise du marais", и самъ Наполеонъ говорилъ о немъ: „le chancelier est un sot" (смотри Peretz Steins Leben III: 60. 581).

недоконченномъ наброскѣ, написанномъ рукой Армфельда, Сперанскій обвинялся въ вышесказанномъ преступленіи [1]).

Однако не одинъ Армфельдъ придерживался этихъ воззрѣній; русскіе «патріоты», принадлежавшіе къ высшему петербургскому обществу, смотрѣли давно уже съ недоброжелательствомъ на реформаторскую дѣятельность Сперанскаго. Его проектъ конституціи, задуманный и разработанный имъ въ столь критическую минуту, возбудилъ къ нему общія подозрѣнія. Карамзинъ, который говорилъ, что Сперанскій не что иное какъ «ученый школьникъ», принадлежалъ, какъ мы уже видѣли, къ числу его злѣйшихъ враговъ. Чиновники были недовольны его административными рѣшеніями; министры видѣли уничтоженіе своей власти; рѣшеніе Государственнаго Совѣта стало лишь одной проформой, члены его не уважались и мнѣнія ихъ не принимались [2]). Низшіе классы жаловались на увеличеніе податей, возникшихъ благодаря вооруженію и новымъ реформамъ, для уменьшенія государственнаго займа. Неудовольствіе, которое въ эту эпоху проявлялось въ Россіи повсемѣстно, было исключительно обращено на Сперанскаго, такъ какъ все сваливалось на него. Въ тотъ моментъ, когда самодержецъ всероссійскій болѣе всего нуждался въ силахъ своего народа, необходимо было ему пожертвовать своимъ приближеннымъ, противъ котораго были обращены всѣ выраженія неудовольствія. Графъ Ростопчинъ писалъ государю изъ Москвы, отъ своего имени и отъ имени всѣхъ московскихъ жителей, письмо, въ которомъ онъ обвинялъ Сперанскаго въ тайныхъ сношеніяхъ съ французами, утверждая, что этой разбойничьей шайкѣ, съ помощью государственнаго секретаря открыта дорога въ Петербургъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ убѣдительно просилъ государя, чтобы измѣна была выведена наружу, и чтобы была сдѣлана перемѣна въ управленіи [3]). Къ общимъ жалобамъ 1812 года присоединились доносы о предательствѣ и заговорахъ противъ самого государя. Говорили, будто бы Сперанскій велъ переговоры съ французскимъ посланникомъ Лористономъ,

---

[1]) Въ этомъ наброскѣ Сперанскій характеризуется слѣдующимъ образомъ: „Сперанскій имѣетъ громадную власть; онъ удивительно уменъ и хитеръ, но такъ же самолюбивъ, какъ и невѣжественъ; жаждущій того, что даетъ только внѣшній видъ счастья, онъ неспособенъ постигнуть того блага, которое ведетъ къ спокойствію души. Онъ боится быть понятымъ и потому надѣваетъ на себя тысячу масокъ; иногда онъ гражданинъ и хорошій подданный, иногда ярый фрондеръ, употребляющій всѣ усилія, чтобы убѣдить публику въ своихъ талантахъ, и не обнаруживающій своихъ силъ“...

[2]) „Эти люди ничего не понимаютъ“, — говорилъ Сперанскій Тургеневу. Тургеневъ, который вообще заступался за Сперанскаго, называетъ его по этому поводу: „ce faiseur“ и находитъ, что онъ обладаетъ „d'une impertinente confiance en soi même“.

[3]) Bernhardi. T. II 2, 692; Schnitzler, Rostopchine, 99.

будто онъ бралъ секретнымъ образомъ и въ интересахъ Франціи изъ министерства иностранныхъ дѣлъ шифрованныя депеши русскаго посла, чтобы съ ихъ содержаніемъ ознакомить враговъ Россіи. Тайныя общества, которымъ онъ покровительствовалъ, имѣли въ то время, по мнѣнію многихъ, дурныя помыслы противъ царя, и шли слухи о заговорахъ противъ императора.

Наслѣдный принцъ шведскій поспѣшилъ изъ Стокгольма въ 1812 году дать знать въ Петербургъ, что «дорогая особа императора находится въ опасности», и что Наполеонъ готовится укрѣпить свое вліяніе въ Россіи [1]). Всѣ въ Петербургѣ указывали единогласно на Сперанскаго, какъ на главнаго заговорщика, и на его друга статсъ-секретаря Магницкаго, котораго всѣ также ненавидѣли за его дѣйствія. Неприличныя выраженія, сказанныя Сперанскимъ объ императорѣ, были переданы по адресу, равно какъ и каламбуръ, построенный на фамиліи знаменитаго французскаго генерала Vaubans [2]).

Больше всего содѣйствовалъ въ мартѣ 1812 года паденію Сперанскаго злѣйшій врагъ его лифлянецъ фонъ Розенкампфъ, одновременно дѣйствовавшій съ Армфельдомъ. Какъ предсѣдатель финляндскаго комитета Армфельдъ имѣлъ постоянныя сношенія съ этимъ Розенкампфомъ. Вслѣдствіе реорганизаціи русской законодательной коммиссіи, Розенкампфъ лишился вліятельнаго мѣста, которое онъ занималъ съ 1804 года и былъ предсѣдателемъ названной коммиссіи. Съ момента своей отставки онъ сдѣлался врагомъ Сперанскаго [3]). Написавъ форменный обвинительный актъ противъ государственнаго секретаря, онъ передалъ его Армфельду на разсмотрѣніе, который въ свою очередь исправилъ этотъ актъ. Въ этой статьѣ Сперанскій обвинялся въ стремленіи разрушить основы государства. «Онъ началъ свою карьеру, «sa carrière desorganatrice»,—пишетъ Розенкампфъ, — уничтоженіемъ государственныхъ коллегій, одновременно уничтоживъ всякое единство и контроль въ управленіи; начавъ писать сводъ законовъ, онъ все время скрывалъ основные принципы; онъ ввелъ финансовую систему, которая подточила государственный кредитъ и отняла у правительства всѣ его средства; онъ унизилъ дворянское достоинство, задавилъ промышленность и увеличилъ бремя земледѣльца; увеличивъ

---

[1]) Письмо Николаи къ Румянцеву 18-го марта 1812 года.

[2]) Разсказывали, что графъ Ростопчинъ будто бы передалъ этотъ каламбуръ государю. См. Schnitzler. 98.

[3]) Смотри Bernhardi (II, 641, 699). Здѣсь Розенкампфъ характеризуется весьма не симпатичной личностью. Даже въ ссорѣ съ Сперанскимъ обвиняютъ его самого. Въ наброскѣ Армфельда, находящемся въ его бумагахъ, все, что касается ссоры Розенкампфа съ Сперанскимъ, перечеркнуто.

число служащихъ, онъ одновременно увеличилъ число недовольныхъ. Сперанскій далеко не государственный дѣятель, онъ просто на просто «un innovateur temeraire», не имѣющій ни уваженія къ прошедшему, ни правильнаго взгляда на настоящее. Онъ не желаетъ счастья государству, хотя дѣлаетъ видъ, что это его цѣль; пользуясь софизмами, онъ такимъ способомъ избѣгаетъ анализа и упрековъ, и систематично преслѣдуетъ уже давно обдуманный планъ паденія государства. Честолюбіе, гордость и презрѣніе къ людямъ поглощаютъ его. Сперанскій воображаетъ себя стоящимъ выше всего человѣчества и подобно Кромвелю убѣжденъ, что нѣтъ такой цѣли, которой онъ не можетъ достигнуть, и что судьба его отличается отъ судьбы простыхъ смертныхъ» [1]). Таковъ былъ смыслъ записки, которая, подобно обвинительному акту, была направлена противъ могучаго государственнаго секретаря.

Масса экземпляровъ этой статьи циркулировала по всему Петербургу. Въ концѣ ея былъ намекъ на то, что Сперанскій мечталъ послѣ паденія монархіи сдѣлаться правителемъ Россіи. Подобныя обвиненія послужили, конечно, причиной къ сильнымъ подозрѣніямъ, и государь приказалъ черезъ министра полиціи Балашева произвести разслѣдованіе. Послѣ долгаго разговора императора съ государственнымъ секретаремъ вечеромъ 29-го марта 1812 года, послѣдній былъ высланъ изъ столицы, безъ всякаго слѣдствія и суда. Пронесся слухъ, будто бы государь предложилъ ему выборъ между законнымъ судебнымъ слѣдствіемъ и высылкой, и что Сперанскій предпочелъ удалиться изъ Петербурга [2]).

Одно время вся столица только и говорила о паденіи могущественнаго министра, и никто не сомнѣвался, что дѣло шло о государственномъ преступленіи. Извѣстіе о паденіи Сперанскаго было всѣми принято съ великой радостью; его біографъ М. А. Корфъ говоритъ, что на это смотрѣли какъ на первую побѣду надъ французами. Въ оправдательной статьѣ въ январѣ 1813 года изъ Перми, Сперанскому удалось оправдать себя передъ императоромъ; но только два года спустя по возвращеніи Александра I съ театра войны наказаніе бывшаго государственнаго секретаря было смягчено; въ концѣ царствованія Александра I Сперанскій былъ совершенно оправданъ и снова занялъ свое мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ. Потомство смотритъ на него, какъ на одного изъ замѣчательныхъ русскихъ законодателей, а исторія отдаетъ ему справедливость какъ государственному дѣятелю. Перестали также вѣрить во всѣ обвиненія, которыя приписывались ему до на-

---

[1]) Записка Розенкампфа напечатана отрывками у Тургенева.

[2]) Смотри Bernhardi II, 696. Joseph de Maistre. Correspondance diplomatique

чала войны 1812 года. Говорятъ, что онъ былъ жертвой интригъ своихъ враговъ, и что въ интригахъ этихъ главную роль играла месть, мелкіе и личные интересы. Въ оставшихся послѣ Сперанскаго запискахъ, онъ говоритъ, что Армфельдъ былъ одной изъ причинъ его паденія. Послѣдній былъ очень друженъ съ министромъ полиціи Балашевымъ и будто-бы предложилъ Балашеву и Сперанскому составить тріумвиратъ, взять въ свои руки бразды правленія. Утверждаютъ, будтобы Сперанскій съ отвращеніемъ отклонился отъ подобнаго предложенія, вслѣдствіе чего Армфельдъ, боясь, что будетъ донесено объ его планахъ, убѣдилъ Балашева, что иниціатива этой исторіи принадлежитъ Сперанскому. Разсказываютъ также, что Армфельдъ принудилъ министра полиціи доложить обо всемъ государю и стращалъ его, въ случаѣ если онъ не согласится на это, въ свою очередь убѣдить императора, что Балашевъ былъ участникомъ въ этомъ заговорѣ [1]). Этотъ разсказъ кажется не правдоподобнымъ. Если же онъ не совсѣмъ выдумка, то на него нужно смотрѣть какъ на результатъ какого нибудь мнѣнія, высказаннаго Армфельдомъ. Быть можетъ Армфельдъ случайно выразилъ желаніе сблизиться съ Сперанскимъ и Балашевымъ, чтобы, работая вмѣстѣ, пріобрѣсти вліяніе; очень можетъ быть также, что Сперанскій отклонилъ подобное предложеніе, изъ боязни, что такимъ образомъ его собственная власть уменьшится. Но изъ всего этого нельзя еще вывести заключенія, что вопросъ шелъ о заговорѣ и о какомъ то «тріумвиратѣ». Меньше всего можно заподозрить Армфельда въ этомъ желаніи, такъ какъ мы уже видѣли изъ предыдущаго, какъ подозрительно онъ относился къ Сперанскому, и до какой степени оба государственныхъ дѣятеля не походили въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ другъ на друга. Какимъ бы искушеніямъ Армфельдъ не подвергался благодаря своему честолюбію, отношенія его къ императору были таковы, что подозрѣнія въ его дурныхъ помыслахъ относительно государя лишены всякаго основанія. Затѣмъ благо Финляндіи, и даже самого Армфельда зависѣли вполнѣ отъ расположенія монарха, тогда какъ въ чувствахъ Сперанскаго баронъ могъ сильно сомнѣваться. Наконецъ обвиненіе другаго въ задуманномъ преступленіи совсѣмъ не согласуется съ характеромъ Армфельда: въ его натурѣ, несмотря на необдуманные иногда поступки и слишкомъ большую поспѣшность, всегда было много рыцарскаго. Если же содѣйствіе Армфельда можно считать одной изъ главныхъ причинъ паденія Сперанскаго, то содѣйствіе это было послѣдствіемъ того, что приходилось барону слышать изъ собственныхъ устъ государя, въ долгихъ разговорахъ съ нимъ до высылки Сперанскаго Для барона это удаленіе представляло лишь

[1]) Смотри Бернгарди.

начало того крестоваго похода противъ Наполеона, котораго онъ такъ сильно желалъ. Несомнѣнно онъ находилъ, что Сперанскій былъ вреднымъ элементомъ для общества, и въ письмѣ къ своей дочери 12 іюня 1812 года онъ писалъ: «удаленіе Сперанскаго надѣлало много шуму. Все могло окончиться бо́льшимъ несчастіемъ, если бы не удалось отрѣзать всѣ нити этой интриги; такъ какъ приказанія государя по этому поводу не были исполнены (не произведено слѣдствія), то нельзя было доискаться истинныхъ доказательствъ и ближе ознакомиться съ планомъ заговора, въ обширномъ его смыслѣ, и съ тѣми способами, къ которымъ должны были прибѣгнуть для осуществленія его; въ этомъ и заключается все несчастіе. Откровенность, съ которой я дѣйствовалъ, мужество, которое я употребилъ, чтобы сорвать маску съ этого человѣка, пользовавшагося неограниченнымъ довѣріемъ и милостью государя, наконецъ средства, которыя были даны ему для оправданія—все это вмѣстѣ взятое возбудило великое удивленіе всѣхъ русскихъ; слава и честь, выпавшія на мою долю по этому поводу, были преувеличены, такъ какъ я исполнилъ лишь свой долгъ».

Потомство не послѣдовало примѣру современниковъ, которые съ благодарностью приписывали Армфельду паденіе Сперанскаго, и напротивъ строго осудило его за это; приговоръ, произнесенный надъ государственнымъ секретаремъ, расходится съ исторіей. Хотя, судя по разсказамъ, Армфельдъ участвовалъ въ интригахъ противъ Сперанскаго, однако-же было бы не понятно, если бы онъ со своими политическими воззрѣніями не сталъ на сторонѣ тѣхъ, которые желали паденія «незрѣлаго реформатора» даже въ томъ случаѣ, если бы онъ не соперничалъ съ послѣднимъ въ довѣріи и милостяхъ Александра I.

VI.

Экономическое и финансовое положеніе Россіи.—Участіе Армфельда въ политическихъ событіяхъ.—Проекты и предложенія.—Наступательно-оборонительный союзъ Россіи съ Швеціею.—Армфельдъ генералъ-адъютантъ.

Почти въ связи съ паденіемъ Сперанскаго, возникъ вопросъ о финансовомъ положеніи Россіи. Экономическое положеніе обширнаго Русскаго государства было въ ту пору крайне серьезное; мѣры, принятыя государственнымъ секретаремъ въ 1810 году, были, какъ тогда говорилось, причиной этого критическаго положенія. Въ своей меморіи (въ мартѣ 1812 г.), Армфельдъ изложилъ государю свои воззрѣнія на поводы, послужившіе къ финансовому разстройству, и указывалъ на средства къ поправленію его. Намекая на Сперанскаго,

онъ говоритъ при этомъ, какъ опасно допускать вообще теоретиковъ, профессоровъ и «raisonneurs specieuse» въ подобныхъ вопросахъ. Постоянныя жалобы на то, что въ Россіи циркулируетъ слишкомъ большое количество ассигнацій, и одновременно призывъ на помощь ученія о политической экономіи способствовали въ 1810 году къ уничтоженію государственнаго кредита и взаимнаго довѣрія. Стали употреблять всѣ усилія для того, чтобы уменьшить государственный долгъ. Одновременно съ этимъ увеличивались подати, такъ какъ слухи о предстоящей войнѣ породили новые налоги (указъ 10-го февраля 1812 г.). Въ моментъ общаго безденежья такой порядокъ вещей возбудилъ громадное неудовольствіе. Новые налоги болѣе всего отражались на земледѣльцахъ и повышали на 10 процентовъ подати съ доходовъ на недвижимыя имущества. Въ виду этихъ неудовольствій и общей неурядицы, Армфельдъ предложилъ государю организовать финансовый комитетъ и тѣмъ помочь грустнымъ обстоятельствамъ. Такой комитетъ былъ организованъ, и Армфельдъ сдѣлался энергичнымъ его членомъ. Работая надъ подобными, въ сущности для него незнакомыми дѣлами, онъ прибѣгалъ къ помощи швейцарскаго публициста Ф. Дивернуа (Francis d'Ivernois), извѣстнаго своими экономическими и политическими статьями въ анти-революціонномъ духѣ. Хотя Дивернуа былъ иностранцемъ, однако онъ получилъ англійское дворянство и находился уже давно въ хорошихъ отношеніяхъ съ Армфельдомъ, ведя раньше съ нимъ переписку и живя въ то время въ русской столицѣ. Этотъ опытный экономистъ, написавшій обширныя изслѣдованія, касавшіяся финансовыхъ дѣлъ Франціи и Англіи, нашелъ (говоритъ Армфельдъ), что «финансы Россіи находятся въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ онъ этого ожидалъ». Дивернуа говорилъ, что даже предстоящая война не должна была возбудить какихъ-либо опасеній по этому поводу. Армфельдъ предложилъ государю сдѣлать внутренній государственный заемъ по примѣру Англіи. Кромѣ циркулировавшихъ уже кредитныхъ бумажекъ, долженствующихъ согласоваться съ металлическимъ обращеніемъ, слѣдуетъ Русскому государству выпустить облигаціи, представляя залогомъ недвижимыя государственныя имущества. Облигаціи эти станутъ процентными и дадутъ владѣльцамъ ихъ такія выгоды, что спросъ на нихъ будетъ постоянно увечиливаться. Предполагалось, что эти облигаціи принесутъ государству около 300 милліоновъ рублей. Вопросъ этотъ затихъ въ теченіе весны и лѣта 1812 г., но былъ снова возбужденъ въ концѣ того же года. Проекты, предложенные Армфельдомъ, были подписаны именемъ Дивернуа. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, Армфельдъ называетъ эту статью «образцовымъ произведеніемъ». Въ ней предлагалось понизить стоимость кредитныхъ билетовъ на 30-ть процентовъ, а взамѣнъ остав-

шихся 70-ти процентовъ выдать процентныя облигаціи. Проектъ былъ подвергнутъ разсмотрѣнію новаго комитета, но былъ отвергнутъ вслѣдствіе возникшихъ сомнѣній по этому поводу у вліятельнаго прусскаго государственнаго дѣятеля барона фонъ-Штейна [1]). Одновременно съ обсужденіемъ вопроса чисто внутренняго характера, вопросы внѣшней политики стояли также на очереди. Армфельдъ достигалъ постепенно давно желанной имъ цѣли; въ первые мѣсяцы 1812 года война не на жизнь, а на смерть противъ Наполеона была уже рѣшена. Въ виду предстоящей борьбы Армфельдъ поддерживалъ всюду обширныя сношенія; современники предполагали даже, что Армфельдъ и герцогъ Серра-Капріолла изображали изъ себя вождей какой-нибудь тайной дипломатіи, агитирующей по всей Европѣ въ пользу войны. Армфельду присылались со всѣхъ сторонъ статьи, касающіяся устройства будущей коалиціи, каковыя сохранились до сихъ поръ, представляя изъ себя громадный историческій интересъ. Собственной рукой Армфельда изложены обширные государственные проекты, схожіе съ меморіей, представленной имъ государю лѣтомъ 1811 года. Большинство этихъ статей совѣтуютъ нападеніе на Францію со всѣхъ сторонъ одновременно, съ цѣлью ослабить оборонительную силу этой страны. Среди бумагъ Армфельда, находилась между прочимъ статья неизвѣстнаго англійскаго политика, предлагавшаго союзъ Россіи и Англіи, при чемъ Россіи предоставлялось взять на себя иниціативу войны. Другой, тоже анонимный политикъ, находилъ, что Россія должна встать во главѣ коалиціи на сѣверѣ и оттуда идти противъ Франціи; Англія же вмѣстѣ съ Испаніей образуетъ такую же коалицію на югѣ Европы. Еще другая статья, присланная Армфельду, развиваетъ въ обширномъ смыслѣ вопросъ о томъ, что могла бы сдѣлать Россія, если бы, получивъ помощь, оружіе и деньги отъ Англіи, прибѣгла бы къ диверсіи въ странахъ близъ Средиземнаго моря, гдѣ болѣе всего страдаютъ подъ игомъ Франціи. Предлагалось «употребить на это черноморскую эскадру, освободить Геную и поддержать возстаніе въ Каталоніи». Въ четвертой статьѣ, также не подписанной и быть можетъ сочиненной самимъ Армфельдомъ, предполагалось, что Пруссія и Австрія будутъ на сторонѣ Франціи, но что Россія можетъ разсчитывать на союзъ съ Турціей и

[1]) Армфельдъ писалъ Еренстрёму 7 (19) октября 1812 г. „Серъ Ф. Дивернуа окончилъ свой финансовый планъ для Россіи. Посмотримъ, тѣ, которые здѣсь стоятъ во главѣ этого дѣла, поймутъ-ли что-нибудь; сильно сомнѣваюсь въ этомъ". Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ по тому же поводу 3-го января 1813 г. „Во всемъ государствѣ существуетъ лишь одинъ человѣкъ здравомыслящій и требующій знанія и свободы мнѣнія, — это императоръ. Остальные не видятъ далѣе своего носа. Въ этомъ отношеніи здѣсь полный мизеръ".

Швеціей. Турція могла бы удержать австрійское войско; отъ 30,000 до 40,000 шведовъ выступятъ на сѣверѣ Германіи, имѣя поддержку въ англійскомъ флотѣ, а англичане и испанцы сдѣлаютъ одновременно нападеніе на берега Франціи и на ея владѣнія въ Средиземномъ морѣ. Слѣдуетъ также здѣсь упомянуть о политическомъ письмѣ стараго революціонера генерала Дюмурье (Dumouriez) къ Армфельду, написанномъ вскорѣ послѣ начала войны, 6 (18) іюля 1812 года. «Надѣюсь,—пишетъ Дюмурье,—что государь поведетъ войну такими же путями какъ скиѳы противъ Дарія. Слѣдовало бы шведамъ также появиться въ Помераніи и дать Бернадоту случай сыграть роль Густава Адольфа «s'il est de bonne foie». Далѣе, слѣдуетъ придумать какіе-нибудь переговоры, чтобы выиграть время, и воспользовавшись этимъ, устроить нападеніе въ тылъ Франціи, изъ Англіи, Италіи и Испаніи и т. д.». Однако же, самая замѣчательная изъ всѣхъ статей, написанныхъ въ то время, была меморія Армфельда (1811—1812 годовъ), съ примѣчаніями его же, отъ 19 (31) января 1812 года. Въ этой меморіи онъ повторяетъ свое мнѣніе о войнѣ, говоря, что послѣдняя должна быть непремѣнно оборонительная, отстраняя непріятеля отъ всякой возможности получить помощь. Онъ ожидаетъ отъ Австріи нейтралитетъ; совѣтуетъ оградить Пруссію и тайно способствовать къ возстанію въ Германіи, что должно непремѣнно разразиться при первой неудачѣ Наполеона. Далѣе онъ утверждаетъ, что необходимо сдѣлать нападеніе на Францію изъ Италіи и Португаліи. Англія должна посредствомъ денегъ и оружія помочь возстанію въ Германіи и всѣми силами стараться поддерживать этотъ «священный огонь». Далѣе, Армфельдъ еще совѣтуетъ поддерживать въ шведахъ надежду на покореніе Норвегіи и, пользуясь честолюбіемъ наслѣднаго принца шведскаго и его личной ненавистью къ Наполеону—склонить Швецію къ участію во всемірной борьбѣ.

Главная цѣль вышеупомянутой статьи была та, чтобы указать императору на необходимость имѣть въ Польшѣ союзниковъ для предстоящей войны. Съ давнихъ временъ, судьба Польши была близка сердцу Армфельда. Съ момента сближенія своего съ Александромъ I, онъ не переставалъ работать въ пользу самостоятельности этой страны. Какъ мы уже видѣли раньше, онъ въ Петербургѣ вступилъ въ сношеніе съ польскимъ патріотомъ Огинскимъ. Послѣдній надѣялся на содѣйствіе Армфельда. Когда вопросъ касался преобразованія Польши въ самостоятельное государство передъ началомъ войны, Армфельдъ «былъ душой» въ этихъ разговорахъ; но какъ извѣстно, стремленія эти не привели ни къ какому результату. По письмамъ Армфельда видно, что онъ и на слѣдующій годъ возвращался къ тому же вопросу. Въ статьѣ своей о Польшѣ, баронъ съ жаромъ защищалъ ея интересы. «Раздѣленіе Польши,—писалъ онъ,—было политическимъ

преступленіемъ и громадной ошибкой со стороны Россіи. Россія имѣла ранѣе того Польшу въ своей власти. Дабы предупредить народное возстаніе во время войны, покровительствуемое Франціей, слѣдовало бы объявить Польшу самостоятельнымъ королевствомъ съ собственными законами, собственной арміей и собственнымъ управленіемъ. Тогда великое герцогство Варшавское, образовавшееся послѣ Тильзитскаго мира и угнетенное французами, присоединилось бы къ новому Польскому государству. Императоръ Александръ I могъ бы содѣйствовать этому. Наполеонъ подобно цезарю разсчитываетъ на свое счастье, но онъ никогда не научится искусству цезаря притягивать къ себѣ сердца. Очень важно было бы для Россіи осуществить этотъ проектъ при современныхъ обстоятельствахъ: тогда, съ одной стороны, можно будетъ ожидать благодарности и преданности поляковъ, вооруженную ихъ помощь, и одновременно симпатію всѣхъ ихъ соотечественниковъ, находящихся подъ чужимъ игомъ.

Армфельдъ не сомнѣвался въ томъ, что проектъ этотъ встрѣтитъ препятствіе не столько со стороны императора, сколько его русскихъ подданныхъ. Въ одномъ примѣчаніи къ этой статьѣ Армфельдъ говоритъ: «Въ Россіи не понимаютъ подобныхъ чувствъ; еще меньше привыкли здѣсь къ мысли, что на физическую силу не всегда можно полагаться, когда не существуетъ нравственной власти, которая дѣйствуетъ совершенно инымъ способомъ и приноситъ гораздо лучшіе результаты».

Освобожденіе Польши, финансовое положеніе Россіи и паденіе Сперанскаго принадлежали къ внутреннимъ вопросамъ обширнаго Русскаго государства; но главнымъ стремленіемъ того времени было несомнѣнно уничтоженіе французскаго ига и благополучный исходъ войны. Этотъ вопросъ былъ весьма близокъ Армфельду. Несмотря на то, что баронъ не принадлежалъ къ числу оффиціальныхъ дипломатовъ той эпохи, неутомимо работающихъ перомъ, тѣмъ не менѣе, имя его часто упоминалось въ ихъ обширныхъ запискахъ, такъ какъ имя это представляло одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ россійской столицѣ. Армфельдъ не былъ ослѣпленъ и видѣлъ грозящую опасность страшнаго предпріятія, но онъ ни минуты не сомнѣвался въ томъ, что наконецъ наступитъ всѣми ожидаемый рѣшительный моментъ. Баронъ писалъ въ одной изъ своихъ политическихъ записокъ: «Наполеонъ говоритъ самъ, что эта борьба будетъ послѣдняя. Но принимая даже въ соображеніе неисчислимые источники и несомнѣнное искусство, которымъ обладаетъ Бонапартъ, можно надѣяться, что счастье, приковавшее его взоръ къ Италіи, можетъ сдѣлать его слѣпымъ по отношенію къ Россіи».

Всѣмъ извѣстно изъ исторіи, что взятіе Наполеономъ Помераніи послужило поводомъ къ устройству шведскимъ наслѣднымъ прин-

*

цемъ коалиціи противъ Наполеона и къ заключенію наступательнаго и оборонительнаго союза съ Россіей. Это предложеніе со стороны Швеціи было сдѣлано въ Петербургѣ ея полномочнымъ посломъ графомъ Карломъ Левенгіельмомъ. Взятіе Помераніи вызвало переворотъ въ образѣ мыслей шведовъ и принесло громадную пользу политикѣ. Въ началѣ 1812 года Армфельдъ писалъ: «Общественное мнѣніе въ Швеціи не что иное какъ блуждающій огонь или флюгеръ, поворачивающійся при каждомъ новомъ дуновеніи вѣтра. Наполеонъ сдѣлался въ ихъ глазахъ чудовищемъ только потому, что онъ взялъ Померанію!»

Графъ Левенгіельмъ прибылъ въ Петербургъ 18-го февраля 1812 года, а 5-го апрѣля того же года уже былъ заключенъ трактатъ между Швеціей и Россіей, въ силу котораго Швеціи обезпечивали покореніе Норвегіи, съ условіемъ, что она приметъ участіе въ предстоящей войнѣ [1]). Пріѣхавъ въ Петербургъ, Левенгіельмъ нашелъ уже тамъ приготовленную почву для своей дѣятельности. По совѣту шведскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Шенбуша, хорошо знакомаго съ обстоятельствами, Левенгіельмъ отправился съ нимъ къ государственному канцлеру, а отъ него къ Армфельду. Въ своихъ депешахъ Левенгіельмъ не скрывалъ того обстоятельства что благопріятный исходъ дѣла зависѣлъ главнымъ образомъ отъ вліянія Армфельда на Александра I. Еще до прибытія Левенгіельма въ столицу, Армфельдъ, какъ мы видѣли, излагалъ свое мнѣніе, насчетъ обѣщанія Швеціи содѣйствовать въ покореніи Норвегіи, не только въ своихъ политическихъ статьяхъ, но даже лично государю. Армфельдъ сдѣлалъ больше, составивъ планъ, какимъ образомъ покорить Норвегію для Швеціи.

Образъ дѣйствія принца былъ пріятнымъ сюрпризомъ для Армфельда. Вскорѣ по прибытію Левенгіельма онъ писалъ: «Шведское государство дѣйствуетъ съ необыкновенной энергіей. Видно въ какой школѣ находился принцъ; если же что-либо можетъ помѣшать ускоренію дѣла, то конечно однѣ лишь инструкціи Левенгіельма. Сознаюсь въ томъ, что планы Бернадота очень хороши, и всѣ свѣдѣнія, данныя имъ, крайне интересны» [2]). Левенгіельмъ, съ своей стороны, былъ очень благодаренъ Армфельду за его горячее участіе въ данномъ вопросѣ и воспользовался случаемъ выставить въ письмѣ наслѣдному принцу бывшаго своего начальника и друга въ лучшемъ свѣтѣ. Далѣе онъ на-

---

[1]) Подробности этого важнаго договора и дипломатическія письма, до и послѣ заключенія его, находятся въ разныхъ иностранныхъ сочиненіяхъ и между прочимъ въ „Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“.

[2]) Еренстрёму 25-го марта 1812 года.

ходилъ, что въ слабомъ характерѣ Александра I произошла значительная перемѣна, и что Армфельдъ внушилъ государю ту громадную энергію и силу воли, которая замѣчается во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Между прочимъ Левенгіельмъ писалъ: «Баронъ, лишенный характерныхъ чертъ славянскаго народа, произвелъ сильное впечатлѣніе на императора; съ добродушіемъ ему свойственнымъ и съ смѣлостью онъ указалъ Александру I, что̀ онъ есть и чѣмъ онъ могъ бы быть. Пассивное противодѣйствіе, встрѣтившее наше предпріятіе здѣсь среди окружающихъ государя, было бы весьма трудно побѣдить, если бы сильное вліяніе Армфельда на императора не пришло намъ на помощь [1]). Изъ этого слѣдуетъ, что Левенгіельмъ былъ во всемъ обязанъ барону за благопріятный исходъ этого дѣла. Для Швеціи было очень важно, чтобы Армфельдъ продолжалъ сохранять то вліяніе, которымъ онъ пользовался въ Петербургѣ. Любовь его къ бывшему отечеству заставляла его дорожить тогдашними обстоятельствами, когда они позволяли ему одновременно выказывать преданность къ его новому властелину. По мнѣнію Левенгіельма, наслѣдный принцъ долженъ былъ выразить свои благія намѣренія государю и хорошія отношенія къ новому его совѣтнику. Наконецъ удовлетвореніе, данное лично принцемъ графинѣ Армфельдъ, уже укрѣпило эти отношенія. Переговоры шли безъ препятствій, и война приближалась. Несомнѣннымъ признакомъ войны было то,—говорилъ Левенгіельмъ въ своихъ депешахъ,—что Армфельдъ поступилъ на русскую военную службу. Для того чтобы заставить Армфельда надѣть на себя русскую генеральскую форму, государь долженъ былъ дать ему свое честное слово (разсказываетъ Левенгіельмъ), что онъ не согласится ни на какіе переговоры съ Наполеономъ, и что война—дѣло рѣшенное [2]). Въ этой же депешѣ Левенгіельма было съ большимъ драматизмомъ описано, какъ Армфельдъ, одѣтый въ русскую генеральскую форму, былъ представленъ государемъ императрицѣ «какъ новый братъ его по оружію». «Мы обѣщали,—сказалъ государь, обращаясь къ государынѣ, — не покидать другъ друга, и я надѣюсь быть достойнымъ его». Императрица была очень тронута и любезно разговаривала съ Армфельдомъ. Левенгіельмъ прибавляетъ,

---

[1]) „Вліяніе Армфельда на государя удивительно. Императоръ находитъ, что только у Армфельда встрѣчаются аналогичныя съ нимъ чувства!“ Депеша Левенгіельма 12 марта (29 февраля) 1812 г.

[2]) „Съ понедѣльника,—писалъ Армфельдъ Еренстрёму 25-го февраля 1812 г.,—я уже русскій генералъ-отъ-инфантеріи и первый генералъ-адъютантъ императора—это новая должность, значеніе которой мнѣ не извѣстно. Дольше я не могъ отказываться надѣть эту форму, ибо вся царская семья была такъ любезна ко мнѣ и такъ долго уговаривала меня. Ахъ, если бы я могъ совершить что-нибудь хорошее и умереть такъ, какъ я жилъ“.

«что этотъ эпизодъ даетъ вашему королевскому высочеству понятіе о располагающихъ къ себѣ качествахъ Александра I. Онъ умѣетъ побѣдить каждаго, находящагося вблизи его, благодаря своему благородству и кроткому обращенію».

Мѣсяцъ спустя, Армфельдъ былъ уже готовъ отправиться къ границѣ Литвы, откуда ожидалось нападеніе врага. Онъ выѣхалъ 25-го апрѣля, а государь уѣхалъ не много раньше. Старшій сынъ барона находился уже два мѣсяца въ качествѣ русскаго офицера внутри Россіи и числился къ началу военныхъ дѣйствій въ арміи князя Багратіона. Своей дочери Армфельдъ писалъ: «Мнѣ 55 лѣтъ. Лучшія минуты моей жизни прошли, моя жена и дѣти нуждаются теперь лишь въ моихъ чувствахъ... значитъ я могу умереть, какъ жилъ, и оставить своимъ близкимъ немного славы и уваженія, которыя шли на перекоръ всему и разбили моихъ враговъ тяжестью ихъ собственнаго ничтожества. Обдумавъ все это, я спокойно подчиняюсь судьбѣ и отдаю себя всѣмъ существомъ моимъ дѣлу человѣчества. Смотри и ты, мой другъ, съ этой точки зрѣнія на послѣднюю жертву, которую твой отецъ приноситъ памяти своего безсмертнаго друга, погибшаго жертвой того самаго преступленія, которое мы въ данную минуту идемъ побѣдить».

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГУСТАВЪ IV

и

ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА,

1794—1796 г.г.

(По неизданнымъ документамъ шведскаго королевскаго архива).

VI [1]).

Будбергъ не ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Императрица, дѣйствительно, одно время враждебно настроенная противъ него, скоро увидѣла, гдѣ въ обвиненіяхъ генерала правда, гдѣ—ложь, и вернула старому слугѣ прежнее свое расположеніе. Въ первыхъ числахъ іюня Будбергъ былъ назначенъ посломъ въ Стокгольмъ. Извѣстіе это, послѣдовавшее, говорятъ, въ отвѣтъ на просьбу герцога Зюдерманландскаго назначить ему именно Будберга, вызвало необыкновенное оживленіе въ русской партіи въ Стокгольмѣ и радость въ шведскомъ народѣ. Разсказываютъ, что «уже на дорогѣ, какъ только онъ (Будбергъ) переступилъ границу, населеніе выражало радость свою видѣть опасность войны съ Россіею окончательно устраненною. Ему дѣлались тысячи демонстрацій, которыя могли быть истолкованы въ смыслѣ осужденія политическихъ дѣйствій правительства». Съ другой стороны, «когда ожидали генерала въ Стокгольмѣ, король и герцогъ-регентъ находились въ лагерѣ на дорогѣ, по которой онъ долженъ былъ ѣхать. Узнавъ день выѣзда его

---

[1]) См. „Русскую Старину“, іюль 1896 г.

изъ Петербурга, устроили маневры, какъ будто бы войска, предводительствуемыя королемъ, возьмутъ его въ плѣнъ и отвезутъ къ королевскому завтраку, чтобы дружески принять его прежде, чѣмъ онъ будетъ въ состояніи выполнить всѣ принятыя обычаемъ формальности, необходимыя для оффиціальнаго представленія. Нездоровье, которое задержало Будберга на нѣсколько дней въ дорогѣ, разстроило эти любезныя приготовленія» [1]. Прибывъ въ Стокгольмъ, онъ тотчасъ приступилъ къ обсужденію предмета своего посольства. Впрочемъ, въ шведскомъ кабинетѣ давно уже знали, какой характеръ примутъ возобновленные переговоры. Прямота и искренность должны быть положены въ основаніе, а путешествіе короля въ Петербургъ — стать первымъ условіемъ (conditio sine qua non) сближенія обоихъ государствъ.

Однако вопросъ о путешествіи короля былъ поставленъ такъ неумѣло, что для правительства съ незыблемыми принципами онъ могъ имѣть только одно рѣшеніе, а именно отрицательное. Но не таково было шведское правительство. Дѣло въ томъ, что, отказывая императрицѣ въ желаніи ея видѣть у себя короля, стокгольмскій кабинетъ, какъ извѣстно, руководился принципами законности, не допускавшими юнаго монарха переступать границу его владѣній вплоть до совершеннолѣтія. На замѣчаніе вице-канцлера, графа Остермана, во время конференціи его со Стедингомъ 16-го апрѣля 1796 г., что «его величество ѣздилъ однако же въ Копенгагенъ», шведскій посолъ возражалъ, что «его величество не былъ въ Копенгагенѣ, а видѣлся съ кронъ-принцемъ только на кораблѣ». По этому поводу Екатерина II поручала Будбергу выразить регенту (письмо отъ 18 апрѣля), «что только вслѣдствіе пожара, бывшаго въ прошломъ году въ Копенгагенѣ, король не былъ тамъ, и что, кромѣ того, срокъ его несовершеннолѣтія, продолженный завѣщаніемъ покойнаго короля на шесть мѣсяцевъ, сокращается въ глазахъ всѣхъ свѣдѣніями о зрѣлости его сужденій и его возрастомъ, ускореннымъ счастливой его натурой. Какъ бы то ни было, но, допуская подобные доводы, шведское правительство каждый разъ еще болѣе запутывало нить переговоровъ, а ссылаясь на законъ, отрѣзывало себѣ путь къ отступленію. Въ этомъ случаѣ баронъ Будбергъ давалъ очень хорошій совѣтъ стокгольмскимъ дипломатамъ: не торопиться отказомъ на требованіе русскаго двора, а подумать и, покрайней мѣрѣ, не присылать своего рѣшенія раньше прибытія генерала въ Стокгольмъ.

Въ шведской столицѣ ждали русскаго посла торжественные пріемы. Послѣ представленія Рейтергольмъ и Будбергъ приступили къ переговорамъ. Сразу обнаружилось, что препятствія, воздвигавшіяся и воз-

[1]) Сб. Ист. Об. IX, 266.

двигаемыя шведскимъ правительствомъ, были одною только проформой; что, въ сущности, стокгольмскій кабинетъ давно рѣшилъ уступить требованіямъ Россіи, но ждалъ на этотъ случай какого-нибудь благовиднаго предлога.

Главнымъ пунктомъ всѣхъ новыхъ обсужденій русскихъ и шведскихъ государственныхъ людей въ Стокгольмѣ, сталъ вопросъ о путешествіи короля въ Петербургъ. Какъ же «трактовалъ» этотъ вопросъ шведскій посланникъ Стедингъ? Слѣдующее донесеніе его Рейтергольму отъ 8 (19) іюня разъясняетъ это обстоятельство.

«Какъ ни быстро скачутъ курьеры,—писалъ онъ,—съ которыми мы посылаемъ наши депеши, мой дорогой другъ, но событія идутъ не медленнѣе ихъ. 20 (31) мая пріѣхалъ Виргинъ съ вашимъ письмомъ отъ 26 мая, въ которомъ находилось письмо его королевскаго высочества герцога Зюдерманландскаго для императрицы. Это было въ самый моментъ моего пріѣзда въ деревню, гдѣ я только что поселился съ цѣлью нѣсколько поправить свое здоровье и найти спокойствіе, котораго недостаетъ въ городѣ. Посылать императрицѣ письмо было уже слишкомъ поздно; я поѣхалъ въ городъ на другой день утромъ, чтобы видѣть г. Маркова. Это теперь единственный министръ, съ которымъ я говорю о нашихъ дѣлахъ, такъ какъ только онъ одинъ живо интересуется ими и по многимъ причинамъ желалъ бы для нихъ благопріятнаго окончанія. Я увѣренъ даже, что онъ на нашей сторонѣ, на сколько это возможно для министра императрицы, для котораго высшимъ закономъ всегда служитъ слѣпое подчиненіе волѣ и капризу ея императорскаго величества. Г. Марковъ уѣхалъ въ Царское Село, и я принужденъ былъ, не теряя времени, послать къ нему курьера съ письмомъ его королевскаго высочества. Онъ предложилъ мнѣ совѣщаніе въ городѣ на слѣдующій день, куда я и отправился. Я нашелъ г. Маркова въ самомъ хорошемъ расположеніи духа. Императрица осталась очень довольна письмомъ его высочества герцога, и хотя нѣсколько удивилась, что не получила также письма отъ его величества, но тѣмъ не менѣе была очень расположена всѣми средствами содѣйствовать соглашенію и союзу, который предложилъ его королевское высочество. Назначеніе генерала Будберга на мѣсто посланника при королѣ, состоявшееся нѣсколько дней тому назадъ, было представлено мнѣ г. Марковымъ, какъ публичный и очевидный шагъ со стороны императрицы, имѣющій цѣлью выразить свое отношеніе къ его величеству и свое искреннее желаніе, какъ можно скорѣе возстановить самое лучшее взаимное пониманіе между обоими государствами. Послѣ этихъ любезностей, на которыя я, съ своей стороны, постарался отвѣтить какъ можно вѣжливѣе, я возобновилъ свое предложеніе приступить сейчасъ же къ составленію договора, который на прочномъ основаніи утвердилъ бы миръ и союзъ, долженствующій

отнынѣ существовать между Швеціей и Россіей. Г. Марковъ отвѣтилъ мнѣ, что императрица охотно согласилась бы на это, но при условіи, чтобы произошло свиданіе между королемъ и ею. Мы разсуждали о невозможности королю дать на это свое согласіе, а тѣмъ болѣе мнѣ, отъ имени его величества, брать таковое обязательство, противное всѣмъ основнымъ законамъ королевства. Г. Марковъ согласился со мной, что въ моей власти было отвергать послѣднее, но не допускалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы отъ короля не зависѣло стать выше того закона, который препятствовалъ спокойствію и благу Швеціи. Послѣ долгихъ обсужденій по этому поводу мы условились, что я составлю проектъ трактата, а г. Марковъ, въ сопровожденіи вновь назначеннаго посланника и съ отвѣтомъ императрицы, пріѣдетъ ко мнѣ обѣдать послѣ завтра. Спѣша въ Царское Село для доклада государынѣ нашего договора, онъ просилъ меня въ особенности обратить вниманіе въ проектѣ на выраженную императрицей надежду видѣть короля: что съ этимъ пунктомъ я добьюсь всего, а безъ этого—ничего. Когда 24 іюня (4 іюля) г. Марковъ пріѣхалъ ко мнѣ, я показалъ ему черновикъ названнаго трактата. Это былъ договоръ, которымъ возстановлялся Верельскій трактатъ, т. е. уплачивались намъ субсидіи и недоимки; заключался торговый договоръ, установлялись границы Финляндіи въ томъ соображеніи, чтобы, помощью нѣкотораго территоріальнаго обмѣна владѣній, привести границу къ менѣе безобразному и болѣе военному виду, не споря объ utterlig gräns [1]), какъ говорится. Наконецъ, въ совсѣмъ особомъ параграфѣ, оба монарха условливались насчетъ свиданія, въ которомъ интересы государства и семейные были бы обсуждены такимъ образомъ, чтобы придти къ соглашенію сторонъ. Г. Марковъ, который въ этотъ день былъ особенно любезенъ, находилъ все прекраснымъ въ моей запискѣ, лишь бы только король назначилъ ближайшій срокъ своего путешествія. Надѣясь вообще на согласіе его величества принять предложеніе императрицы, которое я отправилъ въ Стокгольмъ съ г. Штернвалемъ, онъ объявилъ мнѣ, что составитъ контръ-проектъ, гдѣ параграфъ, касающійся свиданія, будетъ обозначенъ особо, однако такъ, чтобы императрицѣ и его величеству было удобно его принять. Я прождалъ нѣсколько дней обѣщаннаго проекта г. Маркова, который я долженъ былъ послать вамъ съ г. Виргинымъ, но было ли рѣшено ждать отвѣта на предложеніе, сдѣланное раньше, или г. Марковъ былъ задержанъ чѣмъ нибудь, а о проектѣ я болѣе уже не слышалъ. Между тѣмъ мнѣ пришлось однажды видѣть графа Остермана, который скорчилъ гримасу, когда меня увидѣлъ, весьма недовольный тѣмъ, что я не говорю съ нимъ больше о нашихъ дѣлахъ, а обращаюсь исключительно къ г. Маркову. Ты знаешь

[1]) Т. е. о дальнѣйшихъ границахъ.

этому причины, мой милый другъ. Но, что заставило меня особенно поступать такимъ образомъ въ послѣднемъ случаѣ, это—желаніе дать ему почувствовать насколько глупъ былъ отвѣтъ его (внушенный ему, разумѣется) на мои объясненія о причинахъ нашихъ вооруженій въ Финляндіи. Тѣмъ не менѣе, онъ не удержался объявить мнѣ оффиціально о назначеніи барона Будберга [1]), присовокупивъ къ тому, что хотя онъ прекрасно знаетъ, что это извѣстіе не скажетъ мнѣ ничего новаго, но, не видѣвъ меня очень давно, онъ не могъ сдѣлать этого раньше. Я отвѣчалъ ему, что, дѣйствительно, новость эта была мнѣ уже извѣстна. Нужно тебѣ сказать, милый другъ, что назначеніе Будберга—исключительно дѣло самой императрицы. А такъ какъ Будбергъ лифляндецъ, и шагъ, сдѣланный имъ нынѣ, считается громаднымъ, то повышеніе его не встрѣтило здѣсь сочувствія ни у одного изъ русскихъ. Особенную же благосклонность къ нему государыни доказываетъ то, что соискателемъ на мѣсто Будберга явился генералъ Хорватъ, зять временщика [2]), котораго тотъ выписалъ изъ его губерніи и предназначилъ на названную должность. Говорятъ, г. Зубовъ былъ за-живо задѣтъ этимъ отказомъ, выразивъ свое недовольство тѣмъ, что заставилъ г. Будберга прождать себя два часа въ передней, когда тотъ пріѣхалъ откланяться ему. Но отъ этого г. Будбергъ будетъ лишь внимательнѣе къ своимъ обязанностямъ, и, хотя о г. Хорватѣ говорятъ много хорошаго, тѣмъ не менѣе, мы, я думаю, только выиграли отъ подобной замѣны. Извѣстно, что г. Будбергомъ вполнѣ руководитъ одна императрица, тогда какъ другой находился бы подъ вліяніемъ своего зятя, не особенно расположеннаго къ намъ и предпочитающаго, быть можетъ, войну всему. Впрочемъ я не могу достаточно выразить тебѣ, насколько я доволенъ разнообразными бесѣдами съ нашимъ новымъ посланникомъ, его образомъ мыслей относительно тебя и вообще намѣреніями, которыя онъ мнѣ слегка обнаружилъ. Нѣсколько дней ранѣе пріѣзда г. Штернваля, я получилъ твое письмо отъ 20 мая. По обыкновенію и это письмо, написанное такъ же хорошо, какъ все, что исходитъ изъ твоего пера, было составлено съ намѣреніемъ произвести впечатлѣніе здѣсь. Зато я хорошо понялъ, что оно предназначалось одинаково для министровъ императрицы, какъ и для меня.

Я уже разсказывалъ тебѣ, мой другъ, какія проволочки во времени потребовались для осуществленія проекта, предложеннаго самимъ г. Марковымъ. Одновременно съ этимъ какъ молнія прилетѣлъ г. Штерн-

---

[1]) Стединъ очевидно путаетъ: не баронъ, а генералъ Будбергъ былъ назначенъ въ Стокгольмъ министромъ-резидентомъ.

[2]) Осипъ Ивановичъ Хорватъ, родомъ сербъ, екатеринославскій губернаторъ; былъ женатъ на сестрѣ Зубова.

валь и привезъ мнѣ 10-го числа новаго стиля твои письма отъ 4-го іюня. Ты былъ совершенно правъ предполагать, что эти письма не будутъ хорошо приняты императрицей: я убѣдился въ этомъ вполнѣ изъ бесѣды съ г. Марковымъ на другой день по пріѣздѣ г. Штернваля. Ты не можешь себѣ представить, какъ вытянулось его лицо, когда я сообщилъ ему болѣе или менѣе все содержаніе твоего письма. Не отказывая вполнѣ именемъ короля въ свиданіи, котораго желала императрица, я представилъ ему всѣ воздвигающіяся при этомъ препятствія и неудобства, въ тѣхъ формахъ, которыя замѣчены въ твоемъ письмѣ. Я сказалъ, что его королевское высочество убѣжденъ, что достаточно будетъ изложить эти доводы его королевскому величеству, чтобы онъ отклонилъ, по крайней мѣрѣ для данной минуты, осуществленіе проекта, противнаго всѣмъ законамъ Швеціи, а тѣмъ паче интересамъ самого короля. Я попробовалъ доказать г. Маркову, что во всѣхъ отношеніяхъ лучше, чтобы свиданіе это, столь желанное и необходимое, было отложено до совершеннолѣтія короля. Марковъ въ своихъ возраженіяхъ доказывалъ совершенно противное тому, что я ему только что объяснялъ. Онъ видѣлъ благополучіе императрицы, равно какъ самого короля, исключительно въ названномъ свиданіи. Приведя въ примѣръ необыкновенный успѣхъ французскихъ начинаній, онъ настаивалъ болѣе чѣмъ когда-либо на необходимости императрицѣ заботиться о собственной безопасности, каковую она могла достигнуть лишь двумя путями: 1) совершенно обезвредивъ Швецію, исключивъ ее, въ одинъ изъ наиболѣе критическихъ для нея моментовъ, изъ числа враговъ Россіи, или 2) сдѣлавшись вѣрнымъ другомъ союзника короля. Первый путь вызываетъ отвращеніе въ императрицѣ, противорѣча ея нѣжнымъ чувствамъ и дружбѣ, которую она питала къ королю. Однако могутъ быть и такія обстоятельства, которыя принудятъ ее дѣйствовать противно собственнымъ намѣреніямъ. Что касается до втораго средства, то императрица вполнѣ убѣждена, что до тѣхъ поръ нельзя разсчитывать на прочный договоръ съ Швеціей, пока она не удостовѣрится, личнымъ знакомствомъ, въ дружбѣ короля и въ чувствахъ лицъ, болѣе или менѣе причастныхъ къ дѣлу. Ты видишь, милый другъ, что во всемъ этомъ много женскаго и не мало также самолюбія. Правда, что императрица, несмотря на свою старость, несовсѣмъ ошибается, когда разсчитываетъ на свойство своихъ чаръ среди окружающаго ея общества. Лично я не знаю никого, который бы умѣлъ такъ, какъ она, расположить къ себѣ всякаго и заставить любить себя тогда, когда она этого захочетъ. Замѣчая это г. Маркову, я показалъ ему одновременно, насколько разсужденія его были слабы и противорѣчивы. Онъ отвѣчалъ, что будь онъ, напримѣръ, убѣжденъ въ правотѣ того, что я говорю, даже тогда ему бы не удалось убѣдить въ томъ же императрицу оставить свое намѣреніе. Вслѣдъ за тѣмъ онъ

объявилъ мнѣ, что баронъ Будбергъ былъ уже наканунѣ отъѣзда, когда неожиданно заболѣлъ гриппомъ, въ виду чего пролежитъ нѣсколько дней. Марковъ показалъ при этомъ письма, которыми будетъ снабженъ Будбергъ для короля и его королевскаго высочества, и которыя составлены были въ самыхъ дружественныхъ выраженіяхъ. Онъ присовокупилъ, что сейчасъ ѣдетъ въ Царское Село, при чемъ увѣренъ, что будетъ дурно принятъ императрицей за сообщеніе привезенныхъ ему мною новостей. Затѣмъ я навѣстилъ барона Будберга. Я засталъ его очень больнымъ и весьма огорченнымъ содержаніемъ твоего письма, несмотря на то, что въ заключеніи своемъ я всегда повторялъ, что король не отказываетъ окончательно въ свиданіи съ императрицей, но что въ данную минуту это представляется невозможнымъ. Г. Будбергъ полагалъ, что нужно какимъ нибудь образомъ избѣгнуть этихъ препятствій, и выразилъ мысль, что императрица быть можетъ согласится прибыть на границу Финляндіи, для встрѣчи съ королемъ и его королевскимъ высочествомъ. Я не понимаю, какъ Будбергъ могъ предложить подобный проектъ, который г. Марковъ, напротивъ, всегда считалъ невозможнымъ. Г. Будбергъ говорилъ мнѣ также объ интригахъ и пронырствѣ лицъ здѣшняго общества, которые желали войны, однако, въ выраженіяхъ столь неопредѣленныхъ и двусмысленныхъ, что едва возможно было ихъ понять. Въ прошлый понедѣльникъ я получилъ приглашеніе отъ г. Маркова пріѣхать къ нему на другой день. Когда я прибылъ, г. Марковъ объявилъ, что ничего не имѣетъ передать мнѣ отъ имени императрицы; что по прежнему онъ можетъ лишь повторить настоятельное подтвержденіе ея величествомъ своего мнѣнія; что она далека отъ мысли требовать отъ короля чего-либо позорнаго для него; что вполнѣ прилично и почетно, разъ оба народа вооружены и готовы сразиться, самому королю стать во главѣ своихъ войскъ въ Финляндіи, а оттуда до Петербурга всего нѣсколько шаговъ; что, наконецъ, маленькое двухнедѣльное путешествіе, предпринятое съ цѣлью возстановить спокойствіе въ королевствѣ—можетъ лишь вызвать всеобщее одобреніе.

Я замѣтилъ на это г. Маркову, что онъ говоритъ въ такомъ духѣ о войнѣ, какъ будто бы послѣдняя не была явленіемъ фактически немыслимымъ между нами. Я объяснилъ, что война была бы противной всѣмъ правиламъ мудрой политики, явнымъ противорѣчіемъ всѣмъ признакамъ дружелюбныхъ чувствъ, которыя успѣли уже выразить обѣ страны другъ другу,—наконецъ, она разрушила бы всѣ планы, которые лелѣяли оба государства. Война не могла бы вознаградить императрицу покореніемъ Финляндіи, еще менѣе—прочнымъ союзомъ съ нами, столь желаннымъ ею. Одновременно, она не позволила бы и королю слѣдовать однажды принятой системѣ и не смотрѣть глазами враговъ Россіи. Въ отвѣтъ на это г. Марковъ оспаривалъ невозможность покоренія Финляндіи. По

его мнѣнію, это было дѣломъ одного похода; и вы бы очень смѣялись, мой милый другъ, слушая какъ г. Марковъ развивалъ совершено безсмысленный планъ нападенія, и какъ я выходилъ побѣдителемъ изъ всѣхъ сраженій, данныхъ мнѣ имъ, словно подъ моей командой было 100 тысячъ войска. Въ заключеніе г. Марковъ замѣтилъ, что, въ случаѣ подобнаго несчастія, Россія, не имѣвшая другихъ враговъ, прибѣгла бы къ такимъ усиліямъ, что достигла бы несомнѣнныхъ успѣховъ и что весьма возможно, что въ нападеніи на насъ она не была бы еще единственной державой. Все это было сказано частью шутя, частью совершенно серьезно; въ концѣ же концовъ г. Марковъ объявилъ мнѣ, что въ сущности безполезно далѣе продолжать разговоръ на эту тему, такъ какъ онъ надѣется, что все то, о чемъ было говорено между нами—не сбудется. Получивъ же приказаніе императрицы не обсуждать оффиціально послѣдняго моего донесенія, онъ своей бесѣдой со мною имѣлъ цѣлью предупредить меня, что Будбергъ уже наканунѣ своего отъѣзда въ Стокгольмъ, вслѣдствіе чего, онъ меня умоляетъ подумать о нашихъ собственныхъ дѣлахъ, т. е. о дѣлахъ Маркова и моихъ. Несомнѣнно, что случится одно изъ двухъ: или что г. Будбергъ успѣетъ въ томъ, въ чемъ мы потерпѣли крушеніе, и тогда вся слава (побѣды) достанется ему, или что самое дѣло не удастся—и наши всѣ труды пропали. При этомъ онъ умолялъ меня сдѣлать послѣднія усилія для достиженія успѣха до пріѣзда Будберга въ Стокгольмъ. Я отвѣчалъ ему, что надѣюсь успѣть только въ томъ, что возможно и разумно; путешествіе же короля въ нынѣшнемъ году не представляется мнѣ ни тѣмъ, ни другимъ. Вотъ что я нашелъ нужнымъ сказать для императрицы и г. Маркова. Тебѣ же сознаюсь, мой милый другъ, что не вижу тѣхъ препятствій къ путешествію короля, которыя тебѣ представляются, особенно если считать миръ и союзъ съ здѣшней страной—нашей прямой выгодой. Поэтому все это не кажется мнѣ сомнительнымъ, главнымъ образомъ въ виду нынѣшнихъ нашихъ обстоятельствъ. Въ эпоху всеобщаго переворота, каковымъ революція и французское оружіе грозятъ Европѣ, найдемъ ли мы помощь или съумѣемъ собственными средствами съ достаточной силой выдержать ударъ такой державы какъ Россія, равно какъ противорѣчить тѣмъ взглядамъ, которые подкапываются, увы, въ нынѣшнія времена подъ всѣ троны цѣлаго міра. Но союзъ, который обезпечиваетъ намъ спокойствіе, гарантируетъ у насъ права монархической власти,—подобный союзъ заслуживаетъ того, чтобы въ пользу его предприняли что-либо особенное. Съ другой стороны, веди мы войну, развѣ король не повелъ бы охотно свои войска за предѣлы своихъ владѣній и даже до Петербурга, съ исключительной цѣлью заключить хорошій миръ? Между тѣмъ этотъ миръ здѣсь, мой милый Рейтергольмъ,—миръ, не купленный ни золотомъ, ни кровью. Я не говорю, конечно, чтобы

король въ данномъ случаѣ являлся въ качествѣ посредника, еще менѣе ходатая мира,—напротивъ, онъ здѣсь равный, даже близкій родственникъ императрицы: молодой и сильный, отъ избавляетъ ея полъ и преклонный возрастъ отъ усталости маленькаго путешествія, въ то время когда благо человѣчества, спокойствіе и счастіе Швеціи, а главнымъ образомъ опасность, которая вообще угрожаетъ всему Сѣверу, если французы осуществятъ дѣйствительно свое намѣреніе вторгнуться въ Сѣверную Германію, настоятельно требуютъ подобнаго свиданія. Вотъ, мой нѣжный другъ, нѣкоторыя размышленія, которыя я счелъ долгомъ повергнуть на усмотрѣніе короля и его королевскаго высочества. Самыя искреннія стремленія, наиболѣе чистая любовь къ моему государю и отечеству ими руководили. Я могу, конечно, ошибаться въ своихъ положеніяхъ, но никогда не раскаюсь въ нихъ. Возраженіе же, что король не можетъ прибыть сюда до тѣхъ поръ, пока обстоятельства дѣла не приняли миролюбиваго характера, падаетъ болѣе или менѣе само собою съ назначеніемъ императрицею посла къ королю. Что же касается до трактата, то послѣдній, разумѣется, здѣсь никогда не будетъ подписанъ, пока дѣло останется все въ томъ же положеніи. Трактатъ только тогда будетъ составленъ согласно нашему желанію, если вопросъ о свиданіи или, по крайней мѣрѣ, нѣчто равнозначущее сему будетъ предварительно установлено и включено въ условіе.—Ты усмотришь изъ депеши моей къ великому канцлеру, которую я прошу тебя прочесть вмѣстѣ съ прибавленіемъ къ ней, что я послалъ Штернваля извѣстить генерала Клингспора о пріѣздѣ Будберга».

А затѣмъ въ особомъ прибавленіи къ депешѣ тотъ же Стединтъ пишетъ:

«Все, что я сдѣлалъ, я сдѣлалъ для тебя, мой милый другъ. Я не могъ свыкнуться съ мыслью, что послѣ многихъ огорченій и большихъ трудовъ ты потерпишь крушеніе у пристани. Подозрѣніе и недовѣріе столь укоренились въ императрицѣ, что при малѣйшемъ затрудненіи или препятствіи она уже думаетъ, что это дѣло твоихъ рукъ и результатъ твоей ненависти къ ней и къ Россіи. Къ сожалѣнію подобное положеніе дѣлъ можетъ продолжиться вплоть до личнаго вашего съ ней знакомства. Но безъ этого, — не пользоваться тебѣ ни спокойствіемъ, ни тишиной во время твоего управленія. Тебя уважаютъ и любятъ всѣ лица съ тобой знакомыя. Посланникъ Марковъ, даже Зубовъ вернули свое расположеніе тебѣ и болѣе или менѣе твои друзья. Какъ же не покоришь ты послѣ того императрицу, у которой масса такта и которая любитъ людей умныхъ и сердечныхъ. Я чувствую, что превысилъ власть, давъ (своеобразное) толкованіе дѣлу, но я былъ обязанъ такъ сдѣлать, дабы не испортить начатаго, не порвать переговоровъ и вновь не погрузиться въ лабиринтъ сомнѣній, горечи и замѣшательства, откуда мы старались выйти. Что въ особенности меня смущаетъ,—такъ

это намѣренія короля, о которыхъ ты вообще выражаешься неясно. Интересно знать, расположенъ ли онъ противъ императрицы, равно какъ противъ здѣшней страны и противъ брака своего съ великой княжной? Если это такъ, то снова скажутъ, что это дѣло твоихъ рукъ. Но, мой другъ, какая печальная будущность насъ тогда ожидаетъ? Безъ сомнѣнія, императрица нѣжно любитъ короля: его молодость, обстоятельства, какими сопровождалась смерть его отца, съ которымъ она въ послѣднее время его жизни помирилась отъ искренняго сердца, наконецъ, надежда, которую она лелѣяла давно, что юноша войдетъ въ ея семью,— все способствовало тому, чтобы вызвать и укрѣпить это чувство. Если же императрица узнаетъ, что она ошиблась, и что король не любитъ ее, вся дружба ея обратится въ ненависть и недоброжелательство къ намъ, и тогда не видѣть намъ больше покоя отъ этой страны. Нужно правду сказать: при стремленіи къ завоеванію, отличающемъ русскій кабинетъ, вся Финляндія до Торнео очень пригодна Россіи. Однако, я надѣюсь, что красота великой княжны избавитъ насъ отъ такого несчастія и дастъ нашему юному монарху правленіе спокойное и славное, ибо я увѣренъ, что мужество его не позволитъ ему подпасть подъ вліяніе здѣшняго двора, а внушитъ напротивъ воспользоваться преимуществами союза и родства съ нимъ, ради собственнаго достоинства и процвѣтанія его государства. Если же тѣмъ не менѣе путешествіе короля не можетъ состояться до достиженія совершеннолѣтія, то въ вашихъ рукахъ есть еще одно средство выйти изъ затрудненія. Именно: просить короля написать нѣсколько словъ императрицѣ о желаніи его жениться на великой княжнѣ. Подобнымъ предложеніемъ онъ сравнялъ бы горы».

Новыя притязанія шведскаго кабинета не нравились русскому двору, какъ это видно изъ депеши Стединга отъ 11 (22) іюля.

«Твое письмо, милый другъ,—писалъ онъ отъ 7-го іюля,—мнѣ было доставлено въ прошлый четвергъ 3 (14) іюля въ 9 часовъ вечера. Генералъ Клингспоръ прислалъ его съ офицеромъ по имени Люкандеръ (Lucander). Одновременно онъ сообщилъ мнѣ, что курьеръ барона Будберга г. Вилламовъ проѣхалъ черезъ Гельсингфорсъ наканунѣ полученія вашего письма съ эстафетой, и такимъ образомъ опередилъ нашего курьера на цѣлыя сутки. Послѣднему, чтобы не быть задержаннымъ въ дорогѣ, пришлось также предъявлять свой курьерскій паспортъ, находившійся при немъ на всякій случай, почему самая инструкція, согласно которой пробѣгъ депеши долженъ остаться тайной одинаково для русскихъ какъ и для шведовъ, не могла быть присоединена къ письму. Это конечно не большое несчастіе, исправленное тотчасъ заявленіемъ графу Маркову, что съ этимъ курьеромъ вы извѣщали меня въ нѣсколькихъ словахъ объ отправкѣ г. Вилламова, сославшись на депешу, которой онъ былъ снабженъ на мое имя. Эту депешу я получилъ лишь на слѣ-

дующій день, въ пятницу, когда обѣдалъ на дачѣ у г. Маркова по его приглашенію. Пройдя со мной въ кабинетъ, онъ передалъ мнѣ твое письмо, извиняясь, что продержалъ его такъ долго. По его словамъ, онъ только что вернулся изъ Царскаго Села, куда г. Вилламовъ прибылъ наканунѣ. Такъ какъ г. Марковъ казался задумчивымъ, даже немного огорченнымъ въ разговорѣ со мной, то я выразилъ ему удивленіе подобному настроенію, несоотвѣтствовавшему, по моему мнѣнію, хорошимъ вѣстямъ, полученнымъ отъ тебя. Вмѣсто отвѣта онъ просилъ меня прочесть твое письмо, а затѣмъ обѣщалъ прочесть депеши барона Будберга; послѣ чего, сказалъ онъ, вы вѣроятно будете въ состояніи судить, имѣемъ ли мы право радоваться или нѣтъ. Чтеніе началось. Марковъ по прежнему хранилъ упорное молчаніе, выражая лицомъ своимъ смущеніе. Я же какъ можно болѣе старался показать удивленіе тому, что можно возразить противъ предложенія, сдѣланнаго королемъ императрицѣ. Но въ душѣ, былъ вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что, судя по первой части моего чтенія, предложенія будутъ отвергнуты государыней. Изъ трехъ статей, ихъ составляющихъ, первыя двѣ вполнѣ ясны, опредѣленны и по характеру своему могутъ и должны быть приняты. Исполненіе ихъ примиряло бы короля съ проектированнымъ путешествіемъ и дало бы ему возможность начать свое царствованіе актомъ первостепенной важности для его государства. Третья статья неопредѣленна и немыслима для осуществленія. Да избавитъ насъ Богъ, другъ мой, отъ разрыва съ Франціей и запрещенія судамъ выходить изъ гавани. Я вполнѣ убѣжденъ, что мудрость короля и совѣта предупредятъ подобное несчастіе; но, если бы оно случилось, было бы безполезно, даже невозможно надѣяться, по моему, что Россія или другая держава заплатитъ намъ убытки. Предположивъ даже, что мы потеряемъ лишь сто кораблей, — число это конечно не преувеличено, если принять во вниманіе обширность нашей торговли,—такое число составитъ по самой низкой оцѣнкѣ убытокъ въ нѣсколько милліоновъ риксдалеровъ. Къ совершенной невозможности быть вознагражденными въ такой суммѣ, прибавляется еще затрудненіе найти способъ оцѣнки, ибо, принимая въ разсчетъ торговыя спекуляціи, общая оцѣнка достигла бы безконечныхъ цифръ, вслѣдствіе чего никогда бы не закончились и разсужденія на эту тему. Однако не такія основанія представляются здѣсь. Мнѣ говорятъ, что не сумма расхода заставляетъ императрицу отвергнуть предложеніе: тщеславіе ея не позволило бы сознаться въ этомъ. Вотъ что довольно ясно далъ мнѣ понять г. Марковъ, послѣ прочтенія мною твоего письма и депеши барона Будберга. Послѣдняя содержала въ себѣ почти то же самое, что и твое письмо. Именно: записка его тебѣ, вызванная медленностью отвѣта на письма императрицы, и съ просьбою назначить совѣщаніе; твоя бесѣда съ нимъ и наконецъ извлеченныя то-

бою изъ кармана бумаги съ помянутыми предложеніями короля. Отвѣтъ посла заключался въ томъ, что онъ принималъ все ad referendum, но что онъ ожидалъ гораздо бо́льшаго усердія съ нашей стороны въ принятіи дружественнаго приглашенія императрицы. Депеша эта была предназначена для министерства и написана въ совершенно оффиціальномъ тонѣ. Г. Марковъ прочелъ мнѣ затѣмъ нѣсколько выдержекъ изъ письма, которое посолъ писалъ ему лично. Въ немъ онъ ссылался на другое письмо, адресованное императрицѣ. Но что было особенно замѣчательнаго въ томъ, что было показано мнѣ, такъ это то, что среди условій, предъявленныхъ нашимъ правительствомъ, хотя и не вошедшихъ въ тѣ статьи, которыя служили основаніемъ несогласія короля свидѣться съ императрицей,—ты ему назвалъ и просилъ принять во вниманіе одно, заключавшееся въ томъ, что во время означеннаго свиданія не будетъ разговора о бракѣ короля, какъ о томъ, который разстроился, такъ равно и о томъ, котораго желаютъ здѣсь. Императрица, согласившаяся въ письмахъ къ королю и его королевскому высочеству соблюдать эту статью, не отнеслась съ особеннымъ удовольствіемъ къ возвращенію разговора на ту же тему, не настолько пріятную ей, чтобы желать еще повторенія. Такъ выразился г. Марковъ. Но все это было лишь маленькой непріятностью въ сравненіи съ третьей статьей нашихъ требованій, о которой я упоминаю ниже. Императрица поручила г. Маркову сказать мнѣ, что она ясно видитъ, что пунктъ этотъ былъ нарочно изобрѣтенъ, чтобы воспрепятствовать какъ путешествію короля такъ и всѣмъ переговорамъ. Она бы еще согласилась на первую и вторую статью условій нашего двора, но третья своею неудобоисполнимостью дѣлаетъ немыслимыми и другія двѣ. Въ виду этого императрица рѣшила приказать своему послу порвать всякіе переговоры, которые не приводятъ ни къ чему, и ограничить свои обязанности заявленіемъ королю при всякомъ удобномъ случаѣ нѣжной дружбы, каковую императрица питаетъ къ нему съ самаго его дѣтства и каковую она сохранитъ за нимъ на всю жизнь. Что же касается предположеннаго свиданія, то посолъ долженъ былъ его отклонить или, вѣрнѣе, прекратить разговоры о немъ до совершеннолѣтія короля. Я сдѣлалъ все, что было въ моихъ силахъ, чтобы скрыть отъ г. Маркова удивленіе и горечь, которыя причинили мнѣ его слова. Поступалъ же я такъ не потому, конечно, что въ свиданіи, прельщавшемъ меня лично, но неудавшемся или отложенномъ, по крайней мѣрѣ до совершеннолѣтія его величества, я видѣлъ несчастіе для Швеціи. Мнѣ было, однако, ясно, что недовѣріе, со всѣми его послѣдствіями, должно внсвь появиться; что коварные замыслы, противные спокойствію Швеціи и добрымъ отношеніямъ съ здѣшней страной, опять возьмутъ верхъ; что, наконецъ, въ эпоху страшнаго кризиса, которую переживаютъ въ данный моментъ всѣ государства и правительства,

состояніе неопредѣленности и недоумѣнія менѣе всего подходятъ Швеціи среди другихъ странъ. Причина понятна: такое состояніе даетъ новую пищу духу партійности, который, увы, подкапывается подъ насъ въ настоящую минуту и, ограничиваясь пока коварными замыслами и интригами двора, можетъ окончательно погубить наше отечество, когда ко всему прибавятся еще ссоры съ сосѣдями сильными и ловкими. Я уже не говорю тебѣ, милый другъ, о моемъ горѣ, видя всѣ наши труды потерянными, а корабль послѣ наиболѣе тяжелаго, какое можно только себѣ вообразить, плаванія,—разбитымъ у пристани. Несмотря на подобныя чувства, волновавшія меня, я сдѣлалъ видъ, что вполнѣ успокоенъ насчетъ намѣреній императрицы, даже согласенъ съ нею, относительно отсрочки поѣздки короля до будущаго года, но, въ то же время, я настаивалъ на необходимости заключить теперь же предположенный прочный союзъ между обоими дворами.

— Какъ,—вскричалъ г. Марковъ,—развѣ вы находите это возможнымъ при нынѣшнемъ настроеніи императрицы, не противъ короля, конечно, котораго она по прежнему нѣжно любитъ, наравнѣ, а быть можетъ даже больше своихъ дѣтей, но противъ вашего правительства, которое она снова подозрѣваетъ въ желаніи отдѣлаться шутками и коварными предложеніями, тогда какъ въ дѣйствительности здѣсь преслѣдуются иныя цѣли.

Однимъ словомъ, сухой отказъ надѣлалъ бы меньше зла, чѣмъ этотъ. Изъ разговора съ г. Марковымъ я узналъ, что императрица была снова и весьма сильно возбуждена противъ нашей политики и противъ лицъ, руководившихъ послѣдней. Она предполагаетъ даже, что пріѣздъ курьера изъ Парижа въ Стокгольмъ и медленность въ отъѣздѣ барона Сталя изъ Парижа имѣютъ нѣкоторое отношеніе къ тѣмъ затрудненіямъ, которыя, какъ кажется ей, мы воздвигаемъ. Г. Марковъ показался мнѣ далеко не раздѣляющимъ такія чувства императрицы. Онъ намъ болѣе отдавалъ справедливости. Разсуждая довольно основательно о нашихъ отношеніяхъ къ Франціи, онъ одобрялъ тѣ мотивы, которые заставляли насъ, по моему мнѣнію, беречь эту державу и оставить барона Сталя въ Парижѣ, такъ какъ онъ болѣе чѣмъ кто либо могъ предотвратить всякое столкновеніе съ названной державой. Но насколько г. Марковъ показался мнѣ основательнымъ и хорошо настроеннымъ въ (нашу пользу), настолько императрица своими намѣреніями доказывала противное. Она ожидала,—сказалъ мнѣ г. Марковъ,—что послѣ явныхъ поступковъ съ ея стороны, имѣвшихъ цѣлью сближеніе съ нами, мы выкажемъ относительно ея вѣжливость и немножко рыцарства, которыя столь пріятны женщинамъ вообще и императрицѣ въ особенности. Король и его королевское высочество, сложивши оружіе, которое они готовы были обнажить для заключенія

ссоры, и прибѣгая къ императрицѣ, чтобы лично обусловить прочный миръ и добрый союзъ, добились бы исполненія всѣхъ пунктовъ, столь желаемыхъ ими. Императрица показала бы примѣръ великодушія и не дала бы себя превзойти съ этой стороны. Но, вмѣсто того ей кажется, что мы пришли торговаться, пользуясь какъ обстоятельствами, такъ равно и громаднымъ желаніемъ ея познакомиться лично съ королемъ. Чтобы еще болѣе доказать г. Маркову, насколько императрица ошибалась, я взялъ ваше письмо ко мнѣ и перевелъ нѣсколько мѣстъ изъ него, которыя блистательно опровергали только что приведенные имъ доводы. Въ отвѣтъ на это онъ мнѣ сказалъ, что ужасно огорченъ оборотомъ дѣла, но что я, вѣроятно, слишкомъ хорошо знаю императрицу, чтобы допустить возможность съ ея стороны измѣнить однажды принятому рѣшенію. Лично онъ, употребивъ тщетно все свое краснорѣчіе, больше ничего не въ состояніи сдѣлать и предоставляетъ мнѣ вновь самому попытаться завязать переговоры, которые къ большому сожалѣнію не удались подъ его руководствомъ.

Хорошенько подумавъ, я рѣшилъ воспользоватся однимъ выраженіемъ, которое къ счастью встрѣчается въ твоемъ письмѣ. Въ третьемъ параграфѣ предложеній короля, ты говоришь: в ъ с л у ч а ѣ, если французы положатъ запрещеніе на наши суда и повредятъ нашей торговлѣ, императрица обязывается заплатить намъ убытки (что и было камнемъ преткновенія), или предупредитъ несчастіе вліяніемъ своимъ на другія правительства и державы. Я обратилъ вниманіе г. Маркова на этотъ параграфъ и перевелъ его въ такомъ духѣ, что выборъ одного изъ двухъ пунктовъ сталъ еще опредѣленнѣе, чѣмъ въ дѣйствительности. Такимъ образомъ названный параграфъ, утрачивая все, что было обиднаго для императрицы, представлялъ, напротивъ, явную противоположность тому, что заключалось въ депешѣ ея посланника. Оставался затѣмъ щекотливый вопросъ о субсидіи, которую мы теряемъ во Франціи, сближаясь съ Россіей, и которую король желалъ бы получить отъ императрицы. Но и тутъ, пока сохраняются враждебныя отношенія между Россіей и Франціею, существующія въ настоящее время, королю нельзя будетъ получить субсидію отъ двухъ державъ разомъ, и въ то время какъ онъ воспользуется одной, другая ему непремѣнно откажетъ. Въ виду сего его величество понесетъ значительный убытокъ только въ томъ случаѣ, если субсидія, которую онъ отвергнетъ, окажется превышающей другую, имъ принятую. Но ты можешь быть вполнѣ увѣренъ, мой достойный другъ, что ежели даже императрица назначитъ намъ прибавку противъ того, что постановлено дроттнингольмскимъ трактатомъ, то она сдѣлаетъ это исключительно изъ личнаго расположенія къ королю, а никоимъ образомъ не во вниманіе къ тому, что мы теряемъ съ Франціей и что въ ея глазахъ заключаетъ въ себѣ одну изъ причинъ ея неудовольствій къ

намъ. По этому поводу я не могу не повторить того, что уже говорилъ неразъ, а именно: что большое несчастіе, на мой взглядъ, для государства чувствовать необходимость въ субсидіяхъ, равно какъ брать ихъ. Такъ это или иначе, но я убѣжденъ, что Швеція и даже наше правительство были бы гораздо богаче, если бы обошлись безъ всякой помощи. Ты, разумѣется, понимаешь, что я не сообщилъ подобныхъ соображеній г. Маркову, — но, послѣ долгихъ разговоровъ на тему: что слѣдуетъ теперь намъ дѣлать, мы рѣшили, что, воспользовавшись поѣздкой въ Царское Село, по случаю крестинъ новорожденнаго великаго князя [1]), онъ попроситъ отъ моего имени аудіенціи у князя Зубова.

Вмѣсто отвѣта я получилъ приглашеніе князя обѣдать у него въ прошлый понедѣльникъ. Пріѣхавъ я засталъ у него г. Маркова. Пройдя со мною въ кабинетъ князь повторилъ мнѣ приблизительно то же самое, что сказалъ г. Марковъ. Онъ распространялся лишь относительно выраженій, которыя послѣдній употребилъ, чтобы выразить степень участія и дружбу, отличавшія императрицу. Ея величество совсѣмъ не сожалѣетъ о поступкахъ, совершенныхъ ею съ цѣлью показать, что она не чувствуетъ злобы къ нашему правительству за его неласковое обхожденіе съ нею въ прошломъ, но объясняетъ странное предложеніе ей сдѣланное желаніемъ вывернуться и выиграть время. Она рѣшила прекратить безполезные переговоры и ждать совершеннолѣтія короля. На ея взглядъ было бы, разумѣется, большимъ несчастіемъ, если послѣ того, что произошло, чувства, которыя она надѣялась ему внушить съ момента вступленія его на престолъ, измѣнились бы настолько, что онъ забылъ всю нѣжность ея къ нему. Однако только въ послѣднемъ случаѣ она согласилась бы послушаться совѣта, внушаемаго ей политикой и интересами государства. Впрочемъ, князь Зубовъ былъ крайне учтивъ и благопристоенъ. Тонъ его (рѣчи) сильно смягчился сравнительно съ тѣмъ, что было три мѣсяца назадъ въ послѣдней моей бесѣдѣ съ нимъ. Я увидѣлъ ясно, что онъ былъ очень радъ принять вновь участіе въ нашемъ дѣлѣ. Я не буду, однако, надоѣдать тебѣ, дорогой мой Рейтергольмъ, повтореніемъ тѣхъ возраженій, которыя я противопоставилъ доводамъ князя Зубова: основанныя на разумности и дружбѣ, они могли лишь выйти побѣдоносными. Наконецъ, послѣ часоваго разговора князь пригласилъ г. Маркова и просилъ его написать нѣчто въ родѣ памятной записки, или письма, какъ мнѣ больше нравится, которую онъ былъ бы въ состояніи представить императрицѣ и въ которой заключалось бы данное мною объясненіе параграфа третьяго, обсужденнаго съ нимъ и съ г. Марковымъ. Конечно я въ тысячу разъ предпочелъ бы не давать письменнаго объясненія, предоставивъ (моимъ собесѣдникамъ) довольно-

[1]) Николая Павловича, род. 25 іюня 1796 года.

ствоваться словеснымъ, тѣмъ болѣе, что я не чувствовалъ себя достаточно уполномоченнымъ на подобный шагъ. Но отступать теперь, когда дѣла зашли такъ далеко, значило бы показать слабость и недостатокъ довѣрія. Вотъ еще соображеніе, которое меня въ этомъ убѣдило. Означенный параграфъ только въ такомъ случаѣ долженъ быть приведенъ въ исполненіе, если мы поссоримся съ Франціей; но этому пока я не видѣлъ еще повода. Я нахожу даже особенно легкимъ предупредить подобную ссору. Но если бы она и произошла, то императрица мало того, что обязывается вознаградить насъ за убытки, причиняемые Франціей, но сверхъ того, обѣщается еще,—актъ особенно важный для Швеціи,—дать это вознагражденіе изъ собственныхъ своихъ средствъ. Впрочемъ, она этого не желаетъ и никогда не сдѣлаетъ, несмотря на всякія обѣщанія. Однако, не впервые подвергаться мнѣ явной опасности, ради службы моему государю и отечеству. Успѣхъ, конечно, можетъ совсѣмъ не отвѣчать моимъ желаніямъ, но сердце мое послѣднія оправдываетъ, и я предаюсь волѣ судьбы и своего короля.

Поговоривъ еще довольно долго и поспоривъ насчетъ того, въ какомъ родѣ должна быть составлена помянутая записка, г. Марковъ взялся составить ее еще сегодня ночью (было 12 ч.) и привезти мнѣ ее на другой день утромъ на мою дачу, въ 25 верстахъ отъ Царскаго. Сказано — сдѣлано; г. Марковъ пріѣхалъ ко мнѣ около 11 ч. вмѣстѣ съ рукописью, копію съ которой я тебѣ посылаю. Однако, содержаніе ея было совсѣмъ не то, какое я желалъ. Мы много спорили и въ концѣ концовъ сошлись на томъ, что завтра утромъ я отошлю ему статью для передачи князю, съ тѣми измѣненіями, которыя я найду нужнымъ сдѣлать. Чтобъ доказать мнѣ свое безграничное довѣріе (какъ онъ говорилъ), онъ показалъ, подъ условіемъ величайшаго секрета, письмо, написанное императрицей собственноручно барону Будбергу, которое она просила его отправить самое позднее въ четвергъ, т. е. вчера 10 (21) іюля. Составлено же оно было въ прошлую пятницу 4 (15) іюля, на другой день послѣ пріѣзда Вилламова. Нѣтъ сомнѣнія, что письмо написано было въ первую минуту гнѣва. На восьми страницахъ заключались всевозможныя оттѣнки нѣжностей для короля и разнообразнѣйшія замѣчанія относительно того, что́ государыня называла западней, поставленной ей нашимъ кабинетомъ. Въ заключеніе она думала, что вы перемѣнили ваши чувства относительно ея, но, получивъ черезъ посредство Будберга ваши коварныя предложенія, она видитъ, что ошиблась. Затѣмъ слѣдовали приказанія бездѣйствовать, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда нужно было содѣйствовать дружбѣ короля къ императрицѣ; излагались нѣкоторыя соображенія по поводу того критическаго положенія, въ которомъ находилась она относительно Швеціи, ея нетерпѣніе и убѣжденіе въ томъ, что не-

обходимо бы было съ этой стороны совсѣмъ покончить дѣло; наконецъ, государыня выражала свое удовольствіе послу за образъ дѣйствій его, при чемъ тонъ всего письма свидѣтельствовалъ, что она питала много довѣрія къ нему и желала ему добра. За этимъ письмомъ слѣдовало первое прибавленіе отъ 5 (16) числа, почти въ томъ же тонѣ, однако чуть-чуть мягче. Второе прибавленіе было написано утромъ того дня, когда г. Марковъ находился у меня, т. е. во вторникъ. Въ немъ императрица заявляла, что письмо, которое ты мнѣ писалъ, объясняло третій параграфъ требованій нашего правительства, не вошедшій однако въ депешу посланника, но составлявшій часть тѣхъ возмутительныхъ (притязаній), которыми эта статья была снабжена. Конечно она соглашалась на 1 и 2 параграфы, но судя по тому, какое толкованіе дамъ я третьему параграфу, она прикажетъ объявить г. Будбергу, принимаетъ ли она также этотъ пунктъ, или нѣтъ. Она присовокупила, что посылаетъ впрочемъ ему это письмо прежде всего въ отвѣтъ на его обращеніе къ ней, дабы показать какое впечатлѣніе произвело послѣднее на нее, разсчитывая притомъ на осторожность его и умѣніе воспользоваться этимъ письмомъ. Все это вмѣстѣ заключалось на 12 страницахъ ея почерка. То, что мнѣ предстояло совершить, было ужасно непріятно.

Меня особенно смущала мысль, что быть можетъ этотъ щекотливый параграфъ былъ здѣсь поставленъ нарочно, чтобы, вызвавъ отказъ русскаго правительства, имѣть такимъ образомъ предлогъ отказать и императрицѣ въ ея предложеніи. Впрочемъ, если бы это было такъ, развѣ ты это скрылъ бы отъ меня, развѣ твое письмо могло бы утаить выраженіе довольства при мысли о подобной поѣздкѣ? Въ концѣ концовъ мое письмо къ князю было написано такъ, какъ оно изложено здѣсь въ копіи [1]). Я хотѣлъ непремѣнно въ него включить и даже вклю-

[1]) „Чтобъ окончательно устранить сомнѣнія,—писалъ Стедингъ Зубову 8 іюля,—которыя вы высказали мнѣ при вчерашнемъ со мною объясненіи, я не колеблюсь повторить вамъ теперь, что король, мой повелитель, раздѣляя желаніе ея императорскаго величества познакомиться съ нею лично, хотѣлъ бы предупредить сдѣланное ею дружественное приглашеніе, пріѣхать сюда еще въ теченіе нынѣшняго сезона. Послѣднее, онъ, однако, не обставляетъ никакими условіями, если не почувствуетъ необходимости въ нихъ, принявъ во вниманіе завѣщаніе покойнаго блаженной памяти короля, нарушеніе котораго должно быть оправдано соображеніями высшаго порядка. Таковыми безъ сомнѣнія будутъ три статьи, предложенныя нашимъ дворомъ и которыя послужатъ основаніемъ для возобновленнаго союза между двумя государствами. Первыя двѣ статьи, а именно: установленіе границъ между обѣими державами и уплаты постановленнаго дротгнингольмскимъ трактатомъ субсидій, не представляютъ, какъ кажется, согласно выраженнымъ уже соображеніямъ, какихъ-либо серьезныхъ затрудненій. Что же касается до третьей статьи, разсматривающей вознагражденіе, которое Швеція желаетъ себѣ обезпечить за всѣ убытки и потери, которыя вслѣдствіе союза съ Россіей мо-

чилъ при первомъ письмѣ, адресованномъ г. Маркову, что установленіе границъ будетъ сдѣлано въ пользу Швеціи. Но сначала князь Зубовъ, а потомъ г. Марковъ изустно и письменно мнѣ замѣтили, что императрица уже согласилась на эту статью въ томъ видѣ, въ какомъ она была въ твоемъ объясненіи посланнику. Въ виду сего необходимо было избѣжать такого оборота рѣчи, который напомнилъ бы императрицѣ другой, встрѣчающійся въ трактатѣ между Франціей и несчастнымъ королемъ сардинскимъ. Одно это обстоятельство могло заставить императрицу не соглашаться съ выраженіемъ и побудить разсмотрѣть и отвергнуть самую статью. Поэтому, дабы понравиться г. Маркову, я сохранилъ изъ его проекта все, что могъ, и даже ошибки стиля. Этотъ министръ увѣдомилъ меня отъ имени императрицы, что если свиданіе состоится, то королю будетъ предоставлено руководить всѣмъ тѣмъ, что касается послѣдняго. Былъ даже разговоръ о помѣщеніи, которое займетъ король. Я предложилъ свой домъ, который разумѣется не столь хорошо устроенъ, чтобы принять великаго государя, но боги снизойдутъ къ Филимону и сердце додѣлаетъ остальное. О, какъ обрадуется оно принять своего монарха, своего благодѣтеля и друга.— Да будетъ такъ. На все воля Божья!»

Баронъ **Н. В. Дризенъ**.

(Продолженіе слѣдуетъ).

жетъ нанести ей Франція, то эта статья должна быть понята не иначе, какъ предположеніемъ, что ея императорское величество обяжется доставить Швеціи, самыми дѣйствительными способами, всякое удовлетвореніе и вознагражденіе, котораго эта послѣдняя въ правѣ будетъ требовать отъ Франціи. Эти три пункта требованій моего двора настолько важны для него, что онъ не можетъ не настаивать на нихъ прежде всего, и настолько основательны, что, можно надѣяться, будутъ приняты безъ всякаго возраженія. Итакъ, я надѣюсь, князь, что объясненіями, которыя я имѣлъ честь дать вамъ, устранятся всѣ препятствія, и что наконецъ оба мы будемъ имѣть удовольствіе видѣть возобновленіе близкаго союза нашихъ августѣйшихъ государей и сердечной ихъ дружбы, которая вытекаетъ изъ существующихъ между ними родственныхъ связей и изъ ихъ взаимнаго расположенія. Имѣю честь быть и проч.“.

Записки Михаила Чайковскаго [1]).

(Мехмедъ-Садыкъ паши).

XII.

Хрусциковскій.—Бѣгство Тадеуша Валевскаго.—Вступленіе на Волынь генерала Дверницкаго и его отступленіе.—Холера.—Возстаніе на Украйнѣ.—Подольское возстаніе генерала Колыско.—Крестьяне въ Гальчинцѣ; выходъ изъ дому.

Послѣ контрактовъ всѣ возвратились домой и попрежнему пребывали въ невѣдѣніи и ожиданіи, какъ вдругъ съ первымъ таяніемъ снѣговъ пронеслась по Волыни вѣсть, что сюда прибылъ маіоръ Хрусциковскій, первый и, можетъ быть, единственный агентъ, присланный изъ Царства Польскаго и, какъ увѣряли, уполномоченный ржондомъ и привезшій отъ него воззваніе. О немъ много слышали, говорили, но нельзя было никого найти, кто бы его видѣлъ, разговаривалъ съ нимъ и могъ бы сказать—человѣкъ это или миѳъ. Насъ увѣряли, что Тадеушъ Валевскій увезъ его въ Мизочъ и будто бы тамъ, въ старинномъ погребѣ покойнаго генерала Карвицкаго, они разсуждаютъ о добрыхъ старыхъ временахъ Польши, когда тамъ водилось еще такое токайское, какого не пили ни Гогенцоллерны, ни Габсбурги, ни саксонцы, которые научили поляковъ пьянствовать, такъ какъ они не могли посулить имъ ничего иного, чтобы оторвать ихъ отъ славянства и вѣрнѣе онѣмечить. Нѣмцы, какъ жиды, дерутся иной разъ между собой, какъ собаки за кость, до

[1]) См. „Русскую Старину“ май 1896 года.

остервенѣнія, но едва завидятъ славянина, какъ накидываются на него кто съ чѣмъ можетъ: одинъ спаиваетъ его виномъ и пивомъ, другой отуманиваетъ его философіей, третій обманываетъ его самъ и научаетъ измѣнѣ, а когда бѣднягу-славянина собьютъ съ толку, опутаютъ и загонятъ въ волчью яму, тогда начинаютъ его мучить, пока не замучаютъ до смерти. Натравить два родственныхъ племя другъ на друга, заставить одно изъ нихъ угнетать другое—чтобы тамъ ни говорили—было дѣломъ нѣмцевъ, а мы поддавались ихъ совѣтамъ, довѣряли имъ самыя сокровенныя наши мысли и полагались на нѣмецкую дружбу и доброжелательство. Можетъ быть объ этомъ разсуждали и совѣщались эти два государственныхъ мужа, но все это осталось тайною, столь же глубокою, какъ глубокъ былъ Мизочскій погребъ, который они, вѣроятно, не осушили до дна, ибо на днѣ его, видимо, не обрѣли истины, такъ какъ объ этомъ намъ не было объявлено ни словесно, ни письменно.

О Хрусциковскомъ все еще говорили, какъ о какомъ-то оборотнѣ, когда пришла вѣсть о сраженіи подъ Гроховомъ, а Игнатій Струмилло сталъ вездѣ разсказывать, что будетъ царствовать Янъ IV, который будетъ умнѣе Третьяго, потому что четыре это не три, и приводилъ доказательство этому изъ карточной игры. Но лучше всего въ этихъ извѣстіяхъ было то, что Хлопицкій вернулся къ зеленому столику и не будетъ болѣе мѣшаться въ военныя дѣла. Въ Юго-Западномъ краѣ радовались этимъ извѣстіямъ, но въ то время, когда они дошли до насъ, Хрусциковскій куда-то исчезъ, и о немъ не было ни слуха ни духа, а когда пришла вѣсть о побѣдахъ генерала Дверницкаго подъ Стоцкомъ и о томъ, что ему приказано отправиться на покаяніе въ Кіевъ, въ распоряженіе фельдмаршала Сакена, и когда еще стали утверждать, что Дверницкій двигается на Волынь, то исчезъ и Тадеушъ Валевскій, и Волынь осталась безъ начальника, даже номинальнаго.

Говорятъ, что, узнавъ изъ достовѣрныхъ источниковъ о движеніи Дверницкаго на Волынь и о томъ, что возстаніе должно вспыхнуть, Валевскій такъ перепугался, что не могъ ни ѣсть, ни спать и на всѣ вопросы окружающихъ отвѣчалъ: «оставьте меня въ покоѣ! Что я буду дѣлать съ этимъ начальствованіемъ, если и ничего не понимаю, и не знаю, что̀ предпринять. Наконецъ, я не хочу быть начальникомъ и не буду: у меня слабые нервы, меня такъ воспитали, что же мнѣ теперь дѣлать? Я въ этомъ совсѣмъ не виноватъ!».

Все это были доводы очень убѣдительные, даже логичные, но только надо было ихъ взвѣсить и изложить до принятія на себя званія начальника. Были и такіе господа, которые хотѣли свалить всю вину на Піотровскихъ, говоря, что они изъ личныхъ разсчетовъ нарядили зайца

въ львиную шкуру, какъ будто эта шкура могла вдохнуть львиную отвагу въ заячье сердце.

Я очень мало зналъ Тадеуша Валевскаго, встрѣчалъ его нѣсколько разъ въ обществѣ, но отъ него такъ и вѣяло духомъ легкомыслія и фанфаронства въ разговорѣ, обхожденіи и во всякомъ поступкѣ, и я просилъ Яна Омецинскаго не знакомить меня съ нимъ, а когда все-таки пришлось познакомиться, то меня болѣе всего поражало то, что лучшіе представители нашей молодежи окружили его ореоломъ твердости, и что такая женщина и патріотка, какъ Анна Карвицкая, выбрала его себѣ въ мужья.

Валевскій возвратился въ Мизочъ, тѣмъ не менѣе его сторону держали многіе помѣщики. Доколѣ поляки, подобные ему, будутъ пользоваться популярностью среди своихъ соотечественниковъ, до тѣхъ поръ будетъ страдать польское дѣло.

Викентій Тышкевичъ не пошелъ путемъ Валевскаго, а занялся, какъ могъ, организаціей приготовленій. Ни у него, ни у его замѣстителей и помощниковъ не было недостатка въ усердіи и добрыхъ намѣреніяхъ. Не имѣя возможности ни разыскать Хрусциковскаго, ни сговориться съ Валевскимъ, котораго уже не было на Волыни, онъ послалъ Іосифа Томашевскаго прямо къ генералу Дверницкому.

Только теперь русское правительство стало болѣе обращать вниманія на помѣщиковъ; правда, не было ни преслѣдованій, ни притѣсненій, но полиція слѣдила за всѣми движеніями поляковъ; однако въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были произведены аресты, но такъ мало значащіе, что не знали, приписывать ли ихъ политическимъ причинамъ, или нарушеніямъ карантинныхъ правилъ, такъ какъ холера уже появилась и сильно свирѣпствовала.

При такихъ обстоятельствахъ Іосифъ Томашевскій съѣздилъ къ генералу Дверницкому и возвратился отъ него вмѣстѣ съ молодымъ Моржковскимъ, который находился при генералѣ Дверницкомъ со времени его перехода черезъ Бугъ до перехода черезъ галицкую границу.

Дверницкій перешелъ Бугъ во главѣ десяти эскадроновъ конныхъ егерей, восьми эскадроновъ уланъ и двухъ эскадроновъ кракусовъ Костюшки и Понятовскаго, четырехъ батальоновъ пѣхоты, подъ командой Петра Высоцкаго, которому приписывали нападеніе на бельведерскій дворецъ и начало всего возстанія,—и шести артиллерійскихъ орудій. Кавалерія Дверницкаго состояла изъ отставныхъ солдатъ, вновь призванныхъ на службу, изъ которыхъ были сформированы 5-й и 6-й эскадроны каждаго полка и которымъ были даны отборныя лошади. Офицеры также были избраны самые лучшіе. Эта кавалерія представляла боевую силу въ 3.000 человѣкъ Съ ней можно было пройти вдоль и поперекъ весь свѣтъ, сражаясь и побѣждая, нужна была только добрая воля, а въ военныхъ

талантахъ у Дверницкаго не было недостатка. Едва онъ перешелъ Бугъ, какъ съ быстротою молніи напалъ на каргопольскихъ драгунъ, коими командовалъ генералъ Эмме, и разбилъ ихъ; здѣсь-то и перешелъ въ ряды польскаго войска штабъ-ротмистръ Познякъ, бѣлоруссъ по происхожденію, сообщившій Дверницкому весьма важныя данныя о передвиженіяхъ и расположеніи русскихъ войскъ.

Тотчасъ послѣ Порыцкой побѣды, пріѣхалъвъ польскій лагерь молодой Моржковскій, съ достовѣрными донесеніями Дверницкому о томъ, что генералъ Ридигеръ стягиваетъ свои войска къ Дубну, но что отдѣльные отряды такъ разсѣяны, что, по мнѣнію знатоковъ военнаго дѣла, требуется, по крайней мѣрѣ, восемь дней, чтобы ихъ сосредоточить; что возстаніе Олизара уже подготовлено въ лѣсахъ Ковельскихъ и ждутъ только приказа генерала собираться во Владиміръ.

Моржковскій привезъ также Дверницкому проектъ, выработанный Нарцизомъ Олизаромъ и его такъ-называемыми «сибаритами», который состоялъ въ томъ, чтобы генералъ двинулся въ Ковельскіе лѣса, гдѣ его войско усилится новыми повстанцами и гдѣ онъ найдетъ все нужное для прокормленія и содержанія войска, а перейдя оттуда черезъ Пинскія болота, онъ будетъ имѣть открытый путь для дѣйствій на Украйнѣ; что генералъ будетъ имѣть возможность собрать тамъ стотысячное войско и дѣйствовать оттуда, какъ изъ укрѣпленнаго лагеря. Этотъ проектъ, который, по внимательномъ разсмотрѣніи, оказывался довольно практичнымъ, былъ выработанъ или самимъ Олизаромъ, или Феликсомъ Тржецякомъ, альфой и омегой стратегическихъ плановъ котораго были дѣйствія надъ Припетью, въ мозырскихъ и овручскихъ пущахъ. Онъ утверждалъ, что только тамъ небольшое войско можетъ противостоять сильнѣйшему непріятелю и организоваться само въ многочисленную армію, обучить своихъ солдатъ и запастись всякими припасами, не заботясь о противникахъ. Островки на болотахъ, обильные нивами и сѣнокосами, доступъ къ которымъ можетъ быть прегражденъ вынутіемъ нѣсколькихъ бревенъ изъ плотинъ на этихъ болотахъ, представляютъ естественные бастіоны и крѣпости, а весь лѣсъ—укрѣпленный лагерь. Кто бы ни былъ авторомъ этого проекта, но онъ, во всякомъ случаѣ, служитъ доказательствомъ, что Нарцизъ Олизаръ со своимъ сибаритствомъ, стоилъ во сто разъ болѣе, чѣмъ Тадеушъ Валевскій со своей солидностью.

Зная выдающіяся военныя дарованія генерала Дверницкаго, нельзя допустить, чтобы онъ не понялъ всей важности и практичности этого проекта. Но, къ несчастью, въ военной кассѣ генерала было, какъ намъ передавали, такъ же пусто, какъ и въ его личной кассѣ, а генералъ не хотѣлъ сознаться въ этомъ и покаяться, что совершилъ грѣхъ, растративъ общественныя деньги, не дошедши и до Буга; онъ давно

уже возилъ съ собою пустые сундуки, выкрашенные въ зеленый цвѣтъ, въ надеждѣ, что они снова наполнятся, и держался надменно, забывая, что не такъ виноватъ тотъ, кто совершилъ проступокъ, какъ тотъ, кто не хочетъ сознаться въ своемъ проступкѣ, потому что этимъ онъ впадаетъ въ новый грѣхъ.

Михаилъ Чацкій, назначенный начальникомъ двухъ повѣтовъ—Дубенскаго и Кременецкаго, но не вступившій въ исполненіе своихъ обязанностей, собралъ нѣсколько десятковъ помѣщиковъ, болѣе привычныхъ къ выпивкѣ, чѣмъ къ военному дѣлу, и пригласилъ Дверницкаго въ Боремль. Генералъ, помня старинную польскую пословицу, что гость, какъ свѣжая рыба, три дня хорошъ, а потомъ портится, рѣшилъ прогостить въ Боремлѣ три дня, и, несмотря на постоянныя донесенія, что русскія войска стягиваются и что, двинувшись впередъ, онъ могъ бы разбить каждый отрядъ отдѣльно, остался на мѣстѣ и вслѣдствіе того былъ вытѣсненъ изъ Боремля, а затѣмъ и изъ Волыни. Но какъ было не остаться, когда тамъ такъ хорошо кормили: въ первый день предполагался борщъ и жаркое по-гусарски; во второй—супъ съ крупами изъ полотковъ, крупникъ изъ просо и жареная индюшка подъ соусомъ, а на третій—кислые щи изъ свиной грудинки и сочни съ сыромъ и сметаной. Какъ-же тутъ было не остаться!

Два дня прошли спокойно; ѣли и пили въ замкѣ, какъ у Христа за пазухой, но на третій день пѣхота Петра Высоцкаго была отброшена съ праваго на лѣвый берегъ Стыри, а русская артиллерія открыла такой огонь, что ядра стали попадать въ замокъ въ то время, когда въ столовой еще хрустѣли косточки отъ грудинки, и гости не успѣли обтереть усовъ отъ сочней со сметаной.

Польскіе кавалеристы вскочили на коней; Дверницкій сталъ во главѣ ихъ. Не было уже ни времени, ни мѣста строиться въ боевой порядокъ, потому что русскіе наступали все сильнѣе и сильнѣе. Дверницкій водилъ въ атаку дивизіонъ за дивизіономъ, опрокинулъ драгунъ и гусаръ, но не могъ сломить оранскихъ гусаръ, хотя они были вооружены однѣми саблями; онъ перемѣнилъ шесть лошадей и до поздней ночи сдерживалъ напоръ русскихъ. Когда наступила ночь и его никто уже не преслѣдовалъ, онъ спокойно отступилъ къ Почаеву.

Если бы при такой отвагѣ и способностяхъ онъ обладалъ благоразуміемъ и отнесся къ своимъ обязанностямъ добросовѣстно, то не только бы могъ завладѣть орудіями, но и былъ бы избавителемъ отчизны.

Быстрыми переходами двинулся генералъ Дверницкій со своей храброй конницей въ Галицію, хотя никто, даже донцы генерала Ридигера не гнались за нимъ. Измученные польскіе солдаты заѣзжали въ встрѣчавшіеся дворы, чтобы утолить голодъ и отдохнуть, и нигдѣ ихъ

не безпокоили, развѣ какой-нибудь шляхтичъ, боясь, чтобы они не осушили до дна его погреба, шепнетъ имъ на ухо, что ему дали знать о приближеніи донцовъ, а за ними огромнаго войска, вѣроятно имѣющаго цѣлью отрѣзать ихъ отъ границы.

Разъ или два удалось такимъ образомъ выпроводить гостей, но потомъ повстанцы, въ отвѣтъ на подобныя сообщенія, только покручивали усы и говорили:

— Пускай идутъ! А ну-ка, хозяинъ, давай вина да водки; вотъ увидишь, какъ мы имъ зададимъ!

Шляхтичъ попадалъ въ свою собственную западню и долженъ былъ дѣлать довольный видъ, чтобы не поплатиться чубомъ, такъ какъ уланы и егеря были молодцы на расправу; старое польское войско научилось этому подъ командой цесаревича, а молодое войско—кракусы, всякому измѣннику и шпіону не задумалось бы накинуть петлю на шею и вздернуть его на висѣлицу.

Это отступленіе въ Галицію походило на масляничное катанье и потому не вызвало неудовольствія, и самого генерала, по польскому обыкновенію, ни въ чемъ не обвиняли. Не остановились даже въ Почаевѣ и не зашли въ костелъ поклониться святынѣ, хотя польскій солдатъ и очень набоженъ, но вѣдь это была Почаевская Божья Матерь, а не Ченстоховская, русская святыня, а не польская, поэтому солдаты въ Почаевѣ и не остановились, а спѣшили далѣе.

Генералу Дверницкому было очень прискорбно, что армія генерала Ридигера его не преслѣдовала; онъ боялся, чтобы про него не сказали: «У страха глаза велики; бѣжали, когда за ними никто не гнался, такъ вѣдь и заяцъ не дѣлаетъ». Но, какъ самъ Дверницкій говорилъ, Богъ покровительствовалъ ему и всегда посылалъ то, на что онъ и не надѣялся. Такъ случилось и теперь. Генералъ Ротъ выступилъ со всѣмъ своимъ корпусомъ изъ Подоліи. Уже изъ Сабинецъ, гдѣ генералъ въ послѣдній разъ завтракалъ на волынской землѣ у Эдуарда Петриковскаго, можно было видѣть отряды казаковъ и улановъ генерала Рота, а за ними пѣхоту и артиллерію.

Генералъ Дверницкій вскочилъ на коня и построилъ свое войско въ боевой порядокъ, растянувъ его длинной линіей вдоль границы, а зеленые ящики съ кассой выставилъ, какъ-будто артиллерійскій паркъ, на лѣвомъ крылѣ, за мостикомъ и плотиной, на мысѣ, между болотами; мостикъ онъ велѣлъ уничтожить, а плотину испортить, чтобы русскіе не зашли въ тылъ чрезъ Галицію.

Дверницкій велѣлъ открыть огонь изъ орудій, чтобы вынудить Рота къ отвѣту и наступленію, которое заставило бы поляковъ перейти австрійскую границу. Но генералъ Ротъ и не отстрѣливался изъ пушекъ и не двигался впередъ къ австрійской границѣ, а какъ будто на зло

оставался на волынской территоріи; русское войско отдыхало, а разъѣзды были посланы во всѣ стороны.

Дверницкій былъ не спокоенъ и все разъѣзжалъ передъ фронтомъ войска, вполнѣ готоваго къ сраженію. Іосифъ Томашевскій и молодой Моржковскій были при немъ. Генералъ замѣтилъ, что русскіе слѣпы, такъ какъ оставляютъ въ покоѣ кассу, не интересуясь даже узнать, что это за ящики. Полчаса спустя увидѣли кучку донцовъ, бѣгущихъ къ ящикамъ съ кассой. Дверницкій смотрѣлъ въ ту сторону, не спуская глазъ, и не могъ скрыть своей радости.

— Слава Богу! Честь спасена!

Онъ повернулъ коня и, увидѣвъ русскіе разъѣзды, направлявшіеся къ правому крылу, указалъ на нихъ, посовѣтывался съ окружающими и сказалъ:

— Ясно, что насъ обходятъ и хотятъ вступить въ Галицію, а тутъ еще мнѣ доносятъ, что Ридигеръ двигается на насъ со всей арміей. Но надо рано встать, чтобы застать насъ врасплохъ!

Затѣмъ онъ приказалъ отступить на австрійскую территорію, и волынская экспедиція Дверницкаго окончилась.

Уже въ Галиціи, Томашевскій, спросивъ генерала, какія приказанія передастъ онъ чрезъ него на Украйну и Подолію, получилъ слѣдующій отвѣтъ:

— Пускай возстаютъ, пускай сражаются. Только бы мнѣ раздѣлаться съ австрійцами, а тамъ, Богъ дастъ, перейду со всѣмъ моимъ войскомъ въ Подоліе, около Каменца. Я не буду терять времени, и вы не теряйте!

Съ такимъ отвѣтомъ уѣхалъ Іосифъ Томашевскій.

Нельзя было сдѣлать больше и важнѣе ошибокъ военныхъ и политическихъ, чѣмъ сдѣлалъ Дверницкій: онъ указалъ путь бѣгства за границу и, такъ сказать, пренебреженіе обязанностью защищать отечество, а не добросовѣстности политической. За это онъ заслуживаетъ безпощадное осужденіе и какъ человѣкъ, и какъ общественный дѣятель. Что онъ заслужилъ, то и должно быть ему воздано для примѣра другимъ.

Дверницкій, безъ сомнѣнія, былъ самый способный и самый счастливый изъ польскихъ генераловъ и доказалъ это на дѣлѣ, а не хвастовствомъ, фантастическими проектами или осужденіемъ и порицаніемъ другихъ. Онъ былъ, можетъ быть, однимъ изъ самыхъ выдающихся людей своего времени: хорошо образованный, начитанный, съ разносторонними способностями, онъ умѣлъ прикидываться передъ поляками простякомъ, чтобы не задѣть ихъ самолюбія и свойственнаго глупымъ людямъ желанія водить всѣхъ за носъ. Это былъ талантъ не дюжинный; благодаря ему онъ могъ властвовать надъ поляками и направлять ихъ, куда хотѣлъ и какъ хотѣлъ. Онъ съумѣлъ шутя достигнуть высшихъ

военныхъ чиновъ, но въ концѣ концовъ все прошутилъ: и славу, и знанія, и, что важнѣе всего, дѣло своей родины.

Для тѣхъ, которые были при Дверницкомъ, не было тайной, что онъ растратилъ деньги, данныя на волынскую экспедицію, въ Люблинѣ, Красноставѣ и Любартовѣ, прежде чѣмъ дошелъ до Буга, и не найдя у Михаила Чацкаго волынской кассы, которой и не существовало, притомъ зная, что въ лѣсахъ не будетъ недостатка ни въ людяхъ, ни въ припасахъ для продовольствія и снаряженія, но не найдется денегъ, о сборѣ которыхъ не было и рѣчи, и слыша, что на Украйнѣ и въ Подоліи наложена и собирается подать (слухи, по обыкновенію, были преувеличены: говорили чуть не о милліардѣ, а можетъ быть и о нѣсколькихъ милліардахъ), онъ хотѣлъ какъ можно скорѣе добраться до этихъ денегъ, чтобы кто-нибудь другой не захватилъ ихъ въ свои руки. Дорога черезъ лѣса была длинная и медленная: по пути пришлось бы, пожалуй, сражаться и организовать войско, и кто знаетъ, сколько бы времени это заняло, а между тѣмъ другіе добрались бы, пожалуй, до этихъ милліардовъ, и вотъ Дверницкій избралъ путь чрезъ Почаевъ и Галицію. Можетъ быть генералъ и разсчитывалъ, что ему удастся также подкупить князя Меттерниха, какъ онъ подкупилъ генерала Куруту и Рожнецкаго; шляхтичу, какимъ былъ Дверницкій, это не казалось неправдоподобнымъ, ибо онъ видѣлъ, что князь Меттернихъ не менѣе его любилъ деньги, но съ тою разницею, что Меттернихъ копилъ ихъ, а онъ проматывалъ. Побуждаемый алчностью овладѣть милліардами, онъ сдѣлалъ большую, непростительную военную ошибку, причемъ въ ней играло роль и желаніе скрыть фактъ растраты общественныхъ денегъ.

Ни у кого такъ не лежитъ сердце, какъ у меня къ рыцарскому образу Дверницкаго, который болѣе всѣхъ нашихъ генераловъ напоминаетъ Стефана Чарнецкаго и Конашевича-Сагайдачнаго; онъ одинъ изъ всѣхъ генераловъ являлся мужественнымъ вождемъ. Онъ превосходно командовалъ тысячами, но и во главѣ сотенъ и даже десятковъ готовъ былъ броситься въ битву. Это былъ отважный полководецъ, какъ же было не любить его, но какъ и не оплакивать того зла, которое онъ причинилъ!

Послѣ несчастнаго исхода возстанія, ему простили его грѣхи, окружили его ореоломъ популярности и снова допустили его водить себя за носъ, а онъ все грѣшилъ да грѣшилъ и умеръ, надѣлавъ рядъ политическихъ ошибокъ, а если бы къ нему отнеслись иначе, можетъ быть онъ бы опомнился, и польское дѣло отъ этого бы выиграло. Мы учили въ школѣ, что Цицеронъ воскликнулъ съ римской трибуны: «До которыхъ же поръ, Катилина, будешь ты испытывать наше терпѣнье!» Почему же не найдется какого-нибудь Цицерона, который закричалъ бы полякамъ: до которыхъ же поръ будете вы поручать дѣла отечества

людямъ недобросовѣстнымъ и беззаботнымъ? Впрочемъ, если бы и нашлись люди, которые стали бы дѣйствовать иначе, по своему, развѣ ихъ стали бы слушать и слѣдовать ихъ совѣтамъ?

Холера свирѣпствовала во всемъ краѣ, особенно въ городахъ и мѣстечкахъ. Очень странно началась она въ Бердичевѣ. Въ домѣ одного раскольника, на дворѣ была найдена мертвая женщина, вся посинѣвшая, съ запекшейся кровью на губахъ. Закричали: «холера!». Всѣ четырнадцать докторовъ, находившихся въ то время въ городѣ, тотчасъ были призваны; долго они осматривали трупъ, хотя осторожно, держась отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ, и наконецъ, рѣшили, что это страшная, азіатская холера. Михаилъ Войцѣховскій, впослѣдствіи графъ и знаменитый докторъ, бывшій въ то время случайно въ городѣ, не согласился съ тѣмъ, что смерть этой женщины была вызвана азіатской холерой, и одинъ осмѣлился дотронуться до трупа. Наконецъ, разыскали мужа покойной, спавшаго сномъ праведника въ какомъ-то сараѣ. Когда его разбудили и еще не протрезвившагося привели къ трупу жены, и онъ услыхалъ слово: «холера», поднялъ палку, которую держалъ въ рукѣ, и сказалъ:

— Проклятые доктора! Если бы я попотчивалъ васъ, какъ ее, этой палкой, вы бы всѣ заболѣли холерой и померли.

Онъ самъ сознался, и дознаніе подтвердило, что женщина умерла отъ побоевъ, но, къ несчастію, чрезъ нѣсколько дней появилась настоящая холера, и народъ остался при убѣжденіи, что причиной холеры былъ раскольникъ съ раскольницей. Вскорѣ нашли въ рѣкѣ трупъ раскольника со связанными руками и ногами, какъ колдуна, но слѣдствія не было произведено и виновныхъ не разыскивали.

Переполохъ и страхъ были велики, люди бѣжали въ лѣса, но это продолжалось не долго. Городскія власти выказали большую распорядительность; Михаилъ Войцѣховскій, назначенный въ Бердичевъ инспекторомъ народнаго здравія, не давалъ засыпать докторамъ, и надо сознаться, что его заботы о мѣрахъ къ предупрежденію эпидеміи и прекращенію ея въ самомъ началѣ были такъ энергичны и успѣшны, что смертность въ Бердичевѣ, даже на Пескахъ, не была такъ велика, какъ опасались.

Надо признаться, что правительственные чиновники не воспользовались, какъ могли бы, появленіемъ холеры, чтобы пресѣчь сообщенія между помѣщиками и изолировать, если не отдѣльныя семьи, то отдѣльные уѣзды. Правительство этого не сдѣлало, а напротивъ допустило повстанцевъ воспользоваться появленіемъ эпидеміи.

Помѣщики отлично съумѣли устроиться на Украйнѣ и въ Подоліи, и нужно отдать должное Викентію Тышкевичу или тѣмъ, которые были его опекунами, что почти всѣ гражданскіе коммиссары, назначенные по

случаю холеры, были уже посвящены въ заговоръ и, имѣя въ своихъ рукахъ власть надъ крестьянскою стражею, устроили самымъ правильнымъ образомъ сообщенія между помѣщиками. Я не слышалъ ни объ одномъ случаѣ доноса по этому поводу; это доказываетъ одно изъ двухъ: или что крестьяне сочувствовали возстанію и желали новыхъ порядковъ, какъ иные утверждали впослѣдствіи, или же, что коммиссары прекрасно выработали свою организацію.

На Волыни, напротивъ, не было тогда никакой организаціи, никакой связи. Бѣгство Тадеуша Валевскаго и отступленіе Дверницкаго разрушили и ту организацію, какая была. Только нѣсколько кружковъ сгруппировалось вокругъ избранныхъ предводителей. Одинъ лишь Овруцкій повѣтъ былъ организованъ по-своему; но такъ какъ въ этомъ шляхетскомъ гнѣздѣ считалось за грѣхъ служить въ русской и даже въ польской арміи, подъ начальствомъ цесаревича, то во всемъ повѣтѣ не было военныхъ, кромѣ маршалка Вильгельма, который два или три года служилъ юнкеромъ въ польскихъ гвардейскихъ гренадерахъ. Человѣкъ добросовѣстный и большой патріотъ, онъ не считалъ себя способнымъ предводительствовать повстанцами и послалъ Карла Пашковскаго съ молодымъ Галецкимъ къ Карлу Ружицкому съ просьбой прислать имъ офицера для организаціи возстанія. Ружицкій назначилъ для этого капитана Сасинскаго, служившаго нѣкогда въ наполеоновскихъ уланахъ; офицеръ обѣщалъ пріѣхать тотчасъ, но не пріѣхалъ, куда-то пропалъ, какъ и многіе другіе, рвавшіеся къ возстанію, но потомъ оказавшіеся Богъ вѣсть гдѣ.

Такъ сдѣлалъ и Іосифъ Залѣсскій, начальникъ кіевскаго повѣта и города Кіева. Испугавшись, что подъ его начальствомъ будетъ слишкомъ много народа и потому большая отвѣтственность, которая могла пасть на него, или, какъ говорили нѣкоторые, послушавъ совѣта Голеёвскаго, все еще сидѣвшаго въ тюрьмѣ, онъ выѣхалъ потихоньку въ Галицію, по примѣру Тадеуша Валевскаго. Много другихъ уроженцевъ Волыни изъ знатныхъ фамилій, занимавшихъ важнѣйшія должности между помѣщиками, присоединилось къ Дверницкому, чтобы уѣхать въ Галицію и вмѣстѣ съ нимъ съ шумомъ и трескомъ явиться въ Каменецъ-Подольскъ, подъ покровительствомъ Габсбурговъ и князя Меттерниха.

Въ Кіевѣ начались аресты и высылки, а въ результатѣ, готовность, выказанная кіевлянами примкнуть къ возстанію, была причиною окончательнаго распущенія мѣстной милиціи, созданной двумя Болеславами, а Голёевскому, за дѣльный и полезный совѣтъ, который онъ далъ Іосифу Залѣсскому, простили его вину и онъ избѣгъ висѣлицы.

Стремленіе уѣзжать въ Галицію охватило всѣхъ, подобно холерной эпидеміи; однажды мнѣ нездоровилось, какъ вдругъ получаю отъ двоюродной сестры письмо, въ которомъ она сообщала, что къ ней въ Адам-

полу пріѣхали Карлъ Ружицкій и Северинъ Пильховскій и оттуда, вмѣстѣ съ Дорожинскимъ собирались ѣхать къ генералу Дверницкому въ Галицію, но что она задержала ихъ и умоляетъ меня пріѣхать, чтобы отговорить ихъ.

До Адампола было около ста верстъ, но у меня было четыре добрыхъ гнѣдыхъ коня; выѣхавъ вечеромъ, я былъ въ Адамполѣ подъ утро, когда всѣ еще спали. — Комната, въ которой спали узники, была заперта на ключъ, который моя двоюродная сестра, Ѳедора Третьякова взяла къ себѣ, а возлѣ этой комнаты спалъ экономъ Липскій, чтобы они не вздумали выломать дверей или не ушли бы чрезъ замочную скважину, какъ панъ Твардовскій. Двоюродная сестра сама открыла двери, и мы застали обоихъ заключенныхъ встревоженными и совсѣмъ готовыми. Мы обнялись и отъ всего сердца посмѣялись, ибо Северинъ Пильховскій разсказалъ, какъ сестра, съ заряженнымъ пистолетомъ въ рукахъ разогнала собравшихся на совѣщаніе о томъ, ѣхать ли за границу. Дорожинскій и Бакоръ поспѣшили уѣхать, а Пильховскаго и Ружицкаго Третьякова загнала въ комнату, продолжая держать въ рукѣ пистолетъ, со взведеннымъ куркомъ. Она была преданная патріотка, женщина съ возвышенными чувствами, понимавшая какъ нельзя лучше обязанности патріота и человѣка, взявшаго на себя роль начальника.

Она сама говорила мнѣ, что плѣнники нисколько не сопротивлялись, и когда она стала удерживать ихъ, они чувствовали справедливость ея словъ, и даже были довольны, отдѣлавшись отъ соблазна ѣхать въ Галицію; но если бы они не встрѣтили въ ней женщину съ сильной волей и твердыми убѣжденіями, то навѣрно уѣхали бы вмѣстѣ съ остальными.

Это было совершенно въ духѣ поляковъ: не исполнить своихъ обязанностей, а летѣть за другими не вѣдомо куда и за чѣмъ! Дорожинскій и Бакоръ, хотя родомъ изъ Подоліи, стремились за Тадеушемъ Валевскимъ или за генераломъ Дверницкимъ, но какъ бы то ни было перешли въ Галицію и не приняли никакого участія въ повстаніи. Ихъ не интересовало даже посмотрѣть, что дѣлается въ королевствѣ польскомъ, они пережили трудное время за границей, а затѣмъ спокойно вернулись домой.

Взявъ съ собою Карла Ружицкаго и Северина Пильховскаго, я вернулся съ ними въ Галчинецъ; Карлъ Ружицкій тотчасъ серьезно принялся руководить повстанцами; по принятому нами на себя обязательству мы должны были первымъ дѣломъ выставить въ назначенное мѣсто 800 всадниковъ, которыхъ взялись снарядить Левъ Ледуховскій, Ивановскій, Трипольскій, Оскерко, Піотровскій, Жолкіевскій, Гижицкій и другіе зажиточные помѣщики,—и 2.000 пѣхоты, которая должна была собраться въ лѣсахъ подъ командою Тадеуша Струмиллы, служившаго

въ польской арміи со временъ Наполеона. Каждый изъ насъ долженъ былъ явиться на назначенное мѣсто со своимъ отрядомъ.

До насъ дошли слухи, что повстанцы украинско-польскіе собираются въ Красноселкѣ, имѣніи Липковскихъ, въ Губникѣ у Еловицкихъ и въ иныхъ мѣстахъ, что Вацлавъ Ржевускій двинулся изъ Саврани со своими казаками, что съ нимъ находятся Сабатынный и ротмистръ Скуратъ, опытный вояка, что къ повстанью пристали подполковникъ Быдловскій, бывшій адъютантъ генерала Ружницкаго, и отставной маіоръ Радзишевскій, служившій во 2-мъ уланскомъ полку польскаго войска, что изъ Бабчинецъ въ походъ выступаютъ—Юрій Корсакъ съ Побѣдзинскимъ, бывшимъ ротмистромъ русскаго войска, изъ Рогинецъ Выжиковскій, изъ Бѣлиловки—Германъ и Іосифъ Потоцкіе и даже Юрій Абрамо́вичъ, на великолѣпномъ бѣломъ конѣ, и что у нихъ уже были выборы вождя.

Воинственная шляхта хотѣла имѣть начальникомъ Вацлава Ржевускаго, но Еловицкіе и иные, любившіе дѣлать по своему и водить всѣхъ за носъ для своихъ корыстныхъ цѣлей, не любили эмира, полагая, что Ржевускаго, какъ человѣка умнаго, водить за носъ не придется. Онъ училъ шляхту, какъ различать сѣверъ и югъ по мху на дубахъ, какъ узнавать вѣтеръ по наклоненію травы, какъ по породамъ птицъ угадывать, въ какой находишься мѣстности—вблизи жилья, болота, лѣса или поля, какъ оріентироваться по звѣздамъ; все это онъ объяснялъ имъ, а Еловицкіе, Липковскіе и ихъ пріятели ходили между шляхтой и говорили:

— Ржевускій бредитъ; что намъ за дѣло до мха, травъ, птицъ и звѣздъ, намъ надо драться съ русскими.

Вождемъ избрали, по внушенію Еловицкихъ, отца и сыновей, стараго генерала Колыско. Викентій Тышкевичъ, думавшій постоянно о своемъ братѣ Генрихѣ, повѣривъ Еловицкимъ, которые увѣряли его, что старый Колыско передастъ булаву въ руки Генриха, подтвердилъ этотъ выборъ, и Вацлавъ Ржевускій, истинный рыцарь въ бою, подобно генералу Козловскому, также заслужившему боевую славу, былъ устраненъ. Предводителемъ остался генералъ Колыско, человѣкъ съ роду не отличавшійся ни умомъ, ни способностями, но добросердечный.—Обладатель ярко-краснаго носа, напоминавшаго кораллы индюка, онъ былъ такъ старъ, что Еловицкій съ сыновьями чуть ли не водилъ его на помочахъ.

Собрано было 19 эскадроновъ кавалеріи, да еще какихъ! На Украйнѣ смѣялись, говоря, что ея бывшіе сыны возстали изъ мертвыхъ и сѣли на коней! 4.000 пѣхоты подъ начальствомъ Владислава Загурскаго и 4 пушки подъ командой Эдуарда Еловицкаго; начальникомъ штаба былъ Орликовскій.—Съ такимъ войскомъ генералъ Колыско двинулся къ Дашеву, на пиръ къ графу Владиміру Потоцкому.

Много разсказывали намъ о приключеніяхъ отдѣльныхъ отрядовъ:

такъ, напримѣръ, разсказывали про старика Выжиковскаго, какъ онъ потерпѣлъ со своимъ отрядомъ отъ русскихъ конныхъ егерей, которые на него напали; разсказывали также о Корсакѣ или, лучше сказать, о Побѣдзинскомъ, какъ онъ, настигнутый на берегу Днѣстра русскими уланами, спрятался на пасѣку; лошадей и людей помѣстили въ каретный сарай, гдѣ стояло нѣсколько десятковъ пустыхъ и поломанныхъ ульевъ; пчелы вылетѣли изъ нихъ роями и напали на взмыленныхъ лошадей улановъ; произошла сумятица и болѣе десяти улановъ съ конями утонули въ Днѣстрѣ, а прочіе разсѣялись въ разныя стороны. Корсакъ и Побѣдзинскій, воспользовавшись замѣшательствомъ, вывели лошадей изъ сарая, вскочили на нихъ и были таковы.

Разсказывали также о возстаніи Нагорничевскаго въ Литинскомъ повѣтѣ и о нападеніи на Литинъ, гдѣ не было другаго русскаго войска, кромѣ инвалидовъ, подъ командой капитана Хлопицкаго, родственника извѣстнаго диктатора. У гарнизона не было никакого оружія; вѣроятно имъ также боялись дать его, какъ диктаторъ не хотѣлъ дать оружія Литвѣ и Юго-Западному краю. Капитанъ Хлопицкій вывелъ инвалидовъ за заставу, велѣлъ имъ снять шинели и при приближеніи непріятеля махать ими, какъ будто вытряхивая пыль, но по командѣ. Ждать пришлось недолго. Кавалерія Нагорничевскаго шла на рысяхъ съ горы по большой дорогѣ; самъ Нагорничевскій и Александръ Голынскій были во главѣ. Какъ увидѣли инвалидовъ выстроенныхъ въ шеренгу, они съ громкимъ крикомъ: ура! поскакали впередъ галопомъ. Капитанъ Хлопицкій подпустилъ ихъ шаговъ на 30-ть и скомандовалъ: «махайте ребята!» Какъ замахали инвалиды шинелями, точно огромныя птицы крыльями, лошади повстанцевъ встали на дыбы, а всадники повстанцы полетѣли на землю. Волей неволей пришлось повернуть назадъ, и городъ былъ спасенъ.—Итакъ, въ то время какъ дядюшка Хлопицкій пожиналъ обильные лавры побѣды на Гроховскихъ поляхъ, племянникъ, хотя болѣе скромно, но все же увѣнчалъ себя лаврами въ Литинѣ. По истинѣ вся ихъ семья была проникнута воинственнымъ духомъ!

И намъ былъ назначенъ сборъ на 17 мая. Не полагаясь на крестьянъ, хотя любилъ ихъ и зналъ, что и они меня любятъ, я не разсчитывалъ выставить болѣе 30 человѣкъ, которыхъ и обязался привести съ собою. Недостававшее до этой цифры количество дворовыхъ я намѣревался пополнить молодыми людьми изъ чиншевой шляхты моихъ другихъ деревень—Семаково и Агатовки. Мои сестры Ружицкая и Алоиза были въ домѣ, а я, занятый приготовленіями, былъ въ конюшнѣ, когда казакъ прибѣжалъ сказать мнѣ, что къ намъ пріѣхалъ какой-то офицеръ и съ нимъ четыре жандарма. Я поспѣшилъ къ нимъ. Мой управляющій, Антонъ Топчевскій, совершенно перепуганный, провелъ офицера въ мою комнату, гдѣ были разложены сѣдла, ружья и прочіе военные до-

спѣхи, и угощалъ его тамъ виномъ и закуской. Офицеръ этотъ былъ ротмистръ Красовскій, адъютантъ генерала Левашова, человѣкъ весьма вѣжливый и воспитанный. Онъ заговорилъ со мною по-французски, заявивъ, что всего, что находится въ этой комнатѣ, онъ не видитъ, что ему приказано арестовать моего управляющаго Антона Топчевскаго, а меня просить отправиться въ Житомiръ для личнаго объясненія съ генераломъ Левашовымъ; что такое же точно приказаніе было послано и приведено въ исполненіе относительно моего двоюроднаго брата, Льва Ледуховскаго, что въ Житомірѣ находится генералъ Корженевскій, пріятель генерала Левашова, который навѣрное уладитъ это дѣло. Мнѣ пришло въ голову, что все это было придумано генераломъ Корженевскимъ, который хотѣлъ такимъ образомъ сохранить мнѣ имѣнье, жизнь и удержать меня отъ участія въ повстаніи. Впослѣдствіи оказалось, что это такъ и было на самомъ дѣлѣ.—Хотя я не сердился на него за это ни въ ту пору, ни впослѣдствіи, но я вовсе не хотѣлъ воспользоваться такимъ оборотомъ дѣла; къ тому же, взявъ на себя извѣстное обязательство, я долженъ былъ его исполнить. Поэтому я отвѣчалъ офицеру самымъ вѣжливымъ образомъ, что это приказаніе теперь уже исполнено быть не можетъ, и подошелъ къ пистолетамъ, которые лежали на столѣ заряженные, рѣшивъ защищаться и не отдаться ему въ руки живымъ.

Въ эту минуту въ церкви зазвонили въ колокола. Въ первый моментъ я подумалъ что крестьяне нападаютъ на пановъ, чего ожидали всѣ помѣщики, но замѣтивъ, что офицеръ поблѣднѣлъ какъ полотно, я понялъ что это было что-то иное. Подойдя къ офицеру я сказалъ: «Что-то будетъ?»

Въ эту минуту мы услыхали, что дверь изъ сада была выломана, и толпа крестьянъ со всего Галчинца ввалилась въ домъ. Въ то время какъ одни кричали: «нашего пана хотятъ арестовать—не дадимъ его», другіе схватили офицера. Въ зало вошли жандармы съ саблями на голо, но ихъ сабли мигомъ очутились въ рукахъ крестьянъ, и сами они были повалены на землю. Раздались крики: «повѣсить, повѣсить».

Мнѣ пришлось употребить всю свою власть и пустить въ ходъ просьбы, чтобы удержать ихъ отъ этого своеволія.—Я добился по крайней мѣрѣ того, что жандармовъ связали и заперли въ подвалъ, гдѣ было отличное вино.

Затѣмъ я приказалъ Топчевскому послать въ Семаки и Агатовку за шляхтой, но всѣ старики нашего села сказали мнѣ низко кланяясь:

— Дѣти наши пойдутъ съ тобою, панъ, ни одного шляхтича не нужно тебѣ, и нашихъ будетъ достаточно; намъ лѣта не позволяютъ сѣсть на коня, такъ пусть же дѣти наши съ тобою сражаются.

Всѣ кони были готовы, даже тѣ, на которыхъ я не разсчитывалъ;

лучшія крестьянскія упряжныя лошади были выставлены и осѣдланы; сто молодыхъ парней готовы были идти воевать.—Это все были такіе молодцы, что сердце радовалось, и нельзя было достаточно на нихъ наглядѣться. Самые богатые хозяева, имѣвшіе трехъ, четырехъ сыновей, отпускали ихъ всѣхъ и кланялись мнѣ въ ноги, прося взять ихъ съ собою.

Я обнялъ моихъ сестеръ, Стася Ружицкаго и отправилъ ихъ въ Агатовку къ моей замужней сестрѣ Сосницкой, обнялъ моего стараго слугу Игнатія, который плакалъ и говорилъ:

— Нѣтъ ничего удивительнаго, что паничъ дѣлаетъ глупости,—онъ еще молодъ и неразуменъ, а вотъ что панъ капитанъ (рѣчь шла о Ружицкомъ), имѣя дѣтей, летитъ задравши хвостъ, какъ мотылекъ на огонь, Богъ знаетъ куда и зачѣмъ—это странно.

Серебро, котораго у меня оказалось много, даже послѣ того какъ я взялъ все нужное на дорогу, и драгоцѣнныя вещи были оставлены не спрятанными и не запертыми, такъ какъ некому было этимъ заняться. Впослѣдствіи я узналъ, что вся движимость, даже экипажи и лошади, были вывезены и выведены крестьянами въ степь, куда ушли также и всѣ жители села. Когда пришли донцы, то нашли въ Гальчинцѣ однѣ только голыя стѣны, поживиться было нечѣмъ! Правительство, опасаясь, чтобы примѣръ Гальчинскихъ крестьянъ не былъ пагубенъ для другихъ, поручило моему дядѣ маршалку Яну Кантѣ Глембоцкому произвести слѣдствіе; онъ уговорилъ крестьянъ вернуться, и по его настоянію моя сестра Ружицкая была назначена опекуншей Гальчинца, а мой зять Сосницкій—ея помощникомъ.

Въ Агатовкѣ, какъ мнѣ разсказывалъ потомъ Станиславъ Ружицкій, старшій сынъ Карла Ружицкаго, дѣло происходило иначе. Донцы, явившись туда, начали хозяйничать по своему: пробовали водку и ветчину, пекли и варили; Сосницкій все молчалъ, но когда онъ увидѣлъ, какъ они съ пиками стали гоняться за его любимыми индюками и ловить ихъ, онъ не выдержалъ, надѣлъ на шлафрокъ всѣ свои ордена, вышелъ и закричалъ на донцовъ такъ грозно, что они тотчасъ оставили его индюковъ въ покоѣ и убрались изъ Агатовки.

Ко мнѣ прибыли два брата Выговскихъ (потомки по прямой линіи гетмана)—Антоній, мой повѣренный, и Станиславъ, мой школьный товарищъ. Ихъ посылала въ повстаніе мать (рожденная Берковская). Когда они заявили ей, что у нихъ нѣтъ ни ружей, ни палашей, она сказала:

— А руки Выговскихъ, развѣ это не оружіе? У васъ есть руки, берите оружіе.

Кромѣ братьевъ Выговскихъ, изъ шляхты со мною были Антоній Топчевскій, управляющій моимъ имѣніемъ, который меня выростилъ; Феликсъ

Росоловскій, мой камердинеръ, Гарайскій и Сѣдлецкій, чиншевые шляхтичи; прочіе всѣ были крестьяне.

Собираться было назначено за плотиной, противъ овина. Всѣ уже были на коняхъ, когда мы увидѣли процессію, подвигавшуюся по плотинѣ. Во главѣ шелъ священникъ Нѣмяловскій, девяностолѣтній старецъ, въ облаченіи и съ дарами въ рукахъ; за нимъ церковнослужители несли Евангеліе, Распятіе и святую воду, развѣвались хоругви, шелъ церковный староста, крестьяне и толпа народа обоего пола.

Пойдя къ нимъ на встрѣчу, я спросилъ, куда идетъ священникъ?

— Тебя благословить, панъ, и молодежь, которая идетъ воевать,— отвѣчали мнѣ.

Я сказалъ священнику, что мы сію минуту уѣзжаемъ и что судьба наша въ рукахъ Божіихъ, а онъ останется тутъ и его могутъ преслѣдовать и наказать. На это старецъ отвѣчалъ со слезами на глазахъ:

— Мнѣ девяносто два года, мнѣ все равно, умереть ли сегодня или завтра, я выросъ въ Сѣчѣ, Богъ даровалъ мнѣ долгую жизнь, чтобы служить ему, онъ далъ мнѣ еще разъ возможность увидѣть казаковъ и благословить ихъ.

Затѣмъ, я первый, а за мною всѣ прочіе преклонили колѣна, присягнули на вѣрность службѣ, поцѣловали Распятіе и Евангеліе. Священникъ окропилъ насъ святою водою, благословилъ, и мы цѣловали ему руку.

У насъ была готова дарственная грамота крестьянамъ. Мы вручили священнику Нѣмяловскому составленный заранѣе актъ, коимъ передавали крестьянамъ во владѣніе землю, которую они обрабатывали. Нѣмяловскій, съ двумя старцами, Степаномъ Салопомъ и Григоріемъ Кржученкомъ взяли его и положили возлѣ Евангелія.

Затѣмъ стали прощаться; иные плакали, но большинство напутствовало насъ словами: «Сражайтесь такъ, какъ сражались наши предки, Господь съ вами, да хранитъ Онъ васъ, возвращайтесь со славой!»

Мы сѣли на коней и выѣхали изъ села; я ѣхалъ впереди, на гнѣдомъ конѣ, а молодежь слѣдовала за мною, по два въ рядъ. Все это были почти юноши, только двоимъ было за тридцать лѣтъ. Изъ нихъ одинъ, Степанъ Левчукъ—Заремба, человѣкъ обстрѣленный, сражавшійся за Дунаемъ, захотѣлъ на старости лѣтъ вновь показать свою казацкую удаль. Онъ держалъ въ рукахъ хоругвь, которую вышила панна Роза Залѣсская; на этой хоругви, по малиновому атласу, былъ вышитъ серебромъ архангелъ Михаилъ съ поднятымъ мечемъ, попирающій ногами змія. Панна Роза вышивала эту хоругвь по ночамъ, тихонько отъ отца и братьевъ, и отдала ее мнѣ въ подарокъ со словами:

— Да поможетъ вамъ Господь!

Все это происходило среди бѣла дня, ибо мы выступили изъ Галчинца въ самый полдень, перешли почтовый трактъ и на большой дорогѣ никого не встрѣтили, кромѣ еврейскаго фургона, что̀ сочли за доброе предзнаменованіе, и сосѣда Сильвестра Хрухровскаго, который разнесъ по окрестностямъ вѣсть: «Уже пошли!»

Это было 15-го мая 1831 года, а сборъ былъ назначенъ, на Кравинецкомъ хуторѣ, 16-го мая.

Помню, что я взялъ съ собою четырехъ борзыхъ. Перейдя почтовую дорогу, мы повернули направо, въ Гвоздовскій лѣсъ и на опушкѣ его остановились въ кустахъ, съ цѣлью дождаться вечера. Мой конь, очень дорогой, постоянно ржалъ и не было возможности заставить его замолчать; я велѣлъ его убить, и это было очень кстати, потому что вскорѣ мы услышали топотъ лошадей и увидѣли сотню донцовъ, двигавшихся по дорогѣ изъ Реи въ Катериновку.

Съ наступленіемъ темной ночи мы тронулись въ путь, прошли мимо Сосновки, перешли Гнилопять, а потомъ прошли черезъ Пилипы, гдѣ жила панна Северина. Мы видѣли огни въ домѣ, слышали звуки фортепіано; мнѣ очень хотѣлось заѣхать проститься, но обстоятельства заставляла спѣшить и не рисковать ничѣмъ.

Мы дошли безо всякихъ приключеній до назначеннаго пункта и застали тамъ только Карла Ружицкаго и Яна Омецинскаго съ нѣсколькими десятками всадниковъ, но вдругъ, точно по уговору, съ другой стороны хутора показался отрядъ. Михаилъ Грудзинскій, на ворономъ арабскомъ конѣ, ѣхалъ во главѣ 25-ти улановъ Петербургскаго полка, изъ великороссійскихъ губерній, и 15-ти казаковъ, изъ Кизичовки. Вскорѣ прибыли остальные [1]). Когда мы сосчитали собравшихся, то у насъ оказалось только 220 человѣкъ конницы, но зато отборной.

Крестьянъ, желавшихъ идти воевать, была масса, и если бы мы захотѣли, то могли бы навербовать ихъ тысячи. Ко мнѣ приходили крестьяне изъ Кодни и другихъ окрестностей, кланялись и просили взять ихъ съ собою. Но кромѣ меня, который былъ моложе всѣхъ лѣтами, всѣ

---

[1]) Братья Будзинскіе, Михаилъ и Викентій, съ Антономъ Трипольскимъ изъ Тютюнника; старикъ Станиславъ Дунинъ, служившій въ гусарахъ, маіоромъ, еще при Павлѣ I; его родственникъ Флоріанъ Куликовскій; братья Пильховскіе изъ Терехова; Тадеушъ Пжиборовскій, инженеръ-капитанъ временъ Наполеона; Адамъ Барановскій, изъ австрійскихъ гусаръ, еще временъ Екатерины II; братья Доморадскіе, братья Тулинскіе изъ Тютюнника, Титъ Старжинскій изъ Реи, слѣпой Моргулецъ, служившій поручикомъ подъ начальствомъ Косцюшки, со своимъ племянникомъ, два брата Осташевскіе, Вишковскій, Мартинъ Вележинскій, въ свѣтло-зеленой одеждѣ, отороченной краснымъ сафьяномъ; Антоній Шашкевичъ, извѣстный вертопрахъ, но все же человѣкъ храбрый и выдающійся, Ренушевскій и Рожинскій.

смотрѣли на нашъ походъ, какъ на гайдамачину. Самъ Карлъ Ружицкій не понялъ его смысла и потому не пошелъ въ Овручь и Радомысль, какъ бы слѣдовало. Михаилъ Грудзинскій, доблестный офицеръ, приказалъ своимъ уланамъ быть поляками, и они были ими по приказанію; нѣкоторые, правда немногіе, измѣнили даже окончанія своихъ фамилій на скій, вичъ; я одинъ остался при своемъ и называлъ своихъ людей ихъ прежними именами и казаками.

Но я никакъ не могъ убѣдить другихъ, что, сочувствуя полякамъ, Украйнѣ также слѣдовало подняться.

XIII.

Сборъ повстанцевъ.—Бердичевское возстаніе.—Сраженіе подъ Чудновомъ.—Походъ на Подолію и возвращеніе назадъ.—Графъ Ростворовскій изъ Мирополя.—Сраженіе подъ Молочками и пораженіе пѣхоты.—Іосифъ Стецкій въ Межиричѣ Корецкомъ.—Походъ на Дубровицу.

Въ тотъ же день изъ повстанцевъ было сформировано девять взводовъ, составившихъ три эскадрона. Амуниція и вооруженіе были казацкія. Три взвода въ каждомъ эскадронѣ были вооружены пиками, съ осиновыми древками, саблями и пистолетами, висѣвшими на перевязяхъ, въ ножнахъ и кабурахъ; сабель не было только у унтеръ-офицеровъ—у 30 человѣкъ изъ моего отряда и у 25 изъ отряда Грудзинскаго; точно также и пистолетовъ. Третьи взводы вооружены были карабинами, а такъ какъ карабиновъ было не болѣе 30, то недостающее количество было пополнено охотничьими двустволками и одностволками, которыхъ было достаточно, такъ что и нѣкоторые изъ вооруженныхъ пиками имѣли ружья; иные были вооружены вмѣсто сабель ятаганами, кинжалами и даже ножами. Одежда повстанцевъ была разныхъ цвѣтовъ, но казацкаго покроя, и у всѣхъ были черныя барашковыя, малороссійскія шапки; на трехъ человѣкъ полагался котелокъ и сумка со всякими солдатскими принадлежностями. Лошади были отличныя, породистыя, хорошо выѣзженныя и большею частью пріученныя, на охотѣ, къ выносливости и быстрому бѣгу; всадники также знали свое дѣло, были смѣлые наѣздники и любили своихъ коней такъ, какъ казакъ способенъ любить свою лошадь.

Боевой строй былъ въ одну шеренгу; маневрировали согласно правиламъ польской кавалеріи.

Въ кассѣ было болѣе 150.000 рублей золотомъ и серебромъ, изъ которыхъ 50.000 было внесено нами, повстанцами и князьями Радзи-

виллами изъ Бердичева, а 100.000 были даромъ бердичевскихъ евреевъ, доставившихъ еще котелки, немного оружія, болѣе 100 казацкихъ сѣделъ и 30 отборныхъ лошадей. Кромѣ того, они прислали 16 молодыхъ евреевъ для исполненія обязанностей шпіоновъ, принявъ содержаніе ихъ на свой счетъ.

У всѣхъ офицеровъ было по нѣсколько вьючныхъ и верховыхъ лошадей; у меня ихъ было семь. Нельзя было имѣть никакихъ повозокъ, только одна повозка, запряженная тройкой, назначалась для кассы и аптеки, которая была у насъ обильно снабжена медикаментами. Медицинскій персоналъ также былъ у насъ довольно великъ: три цирюльника—еврея и еврей аптекарь, всѣ изъ Бердичева; кромѣ того, докторъ медицины, Виленскаго университета, Терлецкій, который былъ впослѣдствіи уніатскимъ священникомъ. Былъ у насъ и капеланъ—ксендзъ базиліанинъ изъ Любара, Коломыйскій, отличавшійся рыцарскими наклонностями.

Въ тотъ же день мы исполнили нѣсколько первоначальныхъ военныхъ упражненій, и отрядъ усвоилъ себѣ начала военной выправки. Трубачей у насъ не было, и вмѣсто воинственнаго крика «ура!» велѣно было кричать: «Слава Богу!» Съ этимъ возгласомъ удалые запорожцы въ старину бросались въ сѣчу, когда они шли со своимъ атаманомъ Брюховецкимъ на татаръ, во славу Божію. Ночью мы выставили патрули и дѣлали объѣзды по окрестности; всѣ военныя эволюціи исполнялись нами такъ успѣшно, что и донцы Платова, увидавъ насъ, повинуясь внушенію сердца, а не чужимъ наговорамъ, заключили бы насъ въ свои объятія, какъ истыхъ братьевъ-казаковъ. Охота съ борзыми и безпрестанные разъѣзды по степямъ, днемъ и ночью, дали намъ такую сноровку, что каждый изъ повстанцевъ, во всѣхъ отношеніяхъ, былъ истиннымъ казакомъ.

Карлъ Ружицкій остался одинокимъ, такъ какъ онъ не имѣлъ никакихъ связей и сношеній ни съ Варшавскимъ народнымъ ржондомъ, ни съ однимъ изъ отрядовъ повстанцевъ, кромѣ Овручскаго и Радомысльскаго, да и съ ними его сношенія ограничивались посылкою къ нимъ какого-нибудь дѣльнаго и знающаго свою службу офицера. Можетъ быть, онъ и рѣшился бы, наконецъ, пойти по берегу Тетерева въ Радомысльскій лѣсъ, а оттуда въ Овручь, но мнѣ кажется, что наступившія событія помѣшали исполненію тѣхъ плановъ, которые могли бы совершенно измѣнить положеніе дѣлъ не только въ юго-западныхъ губерніяхъ, но даже въ Литвѣ и Польшѣ.

Ко мнѣ прибыла депутація стариковъ изъ Кодни и Солотвина, съ требованіемъ прислать къ нимъ отрядъ за молодежью-казаками, которые уже совсѣмъ готовы. Они жаловались, что у нихъ взяли Льва Ледуховскаго, жаловались на своего помѣщика, генерала Корженевскаго,

говоря, что онъ никуда не годится, не умѣетъ сѣсть на коня; никогда не охотится; что хотя онъ не угнетаетъ крестьянъ, и имъ живется у него лучше, чѣмъ гдѣ-либо, ибо барщина не такъ велика и работать приходится не болѣе, какъ вездѣ, но когда Богъ посылаетъ войну, то такихъ помѣщиковъ надобно вѣшать,—это куколь, сорная трава, засоряющая поле. Подобныя слова безпокоили Карла Ружицкаго; будучи, какъ оказалось, выдающимся офицеромъ и рыцаремъ на войнѣ, онъ былъ весьма недалекъ въ политикѣ и, какъ большинство поляковъ, не зналъ, чего онъ хочетъ, не имѣлъ гражданскаго мужества и всѣ его политическія цѣли сводились къ словамъ: какъ Богъ дастъ!

Я отправилъ кодненскихъ и солотвинскихъ депутатовъ, обѣщавъ имъ вскорѣ быть къ нимъ, и въ то же время предупредилъ генерала Корженевскаго, совѣтуя ему быть осторожнѣе. Я поступилъ въ этомъ случаѣ честно, по совѣсти, но не политично. Генералъ Корженевскій остался въ Житомірѣ, а въ Кодню, Солотвинъ и сосѣднія мѣста послалъ сильный отрядъ русскаго войска. Самая смѣлая, отважная часть кодненскихъ гайдамаковъ была этимъ обезсилена, парализована, и дорога въ Радомысль, шедшая по берегу Тетерева и, по соображеніямъ стратегическимъ и политическимъ, наиболѣе удобная, сдѣлалась почти недоступна. Можно еще было пройти по ней, но нельзя уже было возбудить въ этой мѣстности народъ къ возстанію и увеличить отрядъ повстанцевъ, бывшихъ уже подъ ружьемъ.

Карлъ Ружицкій тотчасъ понялъ сдѣланную ошибку, но исправить ее не было никакой возможности. Мы рѣшили тогда уйти въ лѣса и тамъ, двигаясь маршами и контръ-маршами, по окраинамъ лѣсовъ, возбудить возстаніе на берегахъ Тетерева и горнаго Гнилопята, до самой Случи. Руководителемъ его былъ назначенъ Тадеушъ Струмилло, и въ его раіонѣ были расположены желѣзнодѣлательные и лѣсопильные заводы, Тригоры, съ монастыремъ инвалидовъ и ветерановъ базиліанскаго ордена; Новая Троя пани Дзялынской; Новый Римъ сенатора Илинскаго и Чудновскій желѣзнодѣлательный заводъ—главные пункты сбора и дальнѣйшихъ операцій. Базиліанскій монастырь въ Тригорахъ заключалъ въ себѣ польскія духовныя силы всей округи; тамъ было убѣжище всѣхъ базиліанъ Юго-Западнаго края, удрученныхъ старостью, болѣзнями и уже отбывшихъ положенные годы учительской дѣятельности. Они жили тутъ по-шляхетски: охотились, болтали, писали, читали, вели умныя бесѣды. Это были разумные и ученые поляки, находившіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ окрестными жителями, всецѣло преданные польскому дѣлу, но только съ казацкой окраской, да иначе и быть не могло въ орденѣ, пополнявшемся шляхтичами изъ юго-западной Руси. Сколько разъ, проѣзжая черезъ Тригоры, это родовое имѣнье Выговскихъ, а это случалось не рѣдко, заслышавъ звуки

охотничьяго рожка и лай гончихъ собакъ и увидавъ этихъ старцевъ, пробиравшихся съ ружьями между скалъ, я весь отдавался мечтамъ, и думалъ о томъ, подарили ли эти старцы Украйну храброй молодежью и насколько они могли воодушевить своимъ примѣромъ и совѣтами этихъ удалыхъ сыновъ Украйны. Должно быть, подобныя мысли приходили въ голову и Карлу Ружицкому, такъ какъ мы шли въ направленіи къ Тригорамъ.

Мы миновали Глубочекъ—имѣнье Требича, домашняго врача Суворова, который совершилъ съ нимъ всѣ турецкія кампаніи и разсказывалъ намъ много интереснаго объ этомъ русскомъ богатырѣ, объ этомъ великомъ славянинѣ. Докторъ Требичъ часто говаривалъ намъ, что вся нелюбовь Суворова къ полякамъ происходила оттого, что поляки не хотятъ быть славянами.

Отъ корчмы, на границѣ буковыхъ лѣсовъ, принадлежавшихъ извѣстному Тышкевичу, находившихся въ управленіи Тадеуша Струмиллы, насъ догналъ молодой Вагутовичъ, сынъ житомірскаго адвоката, который прозывался «безносикомъ», такъ какъ у него отъ рожденія не было носа, что́ дѣлало лицо его отвратительнымъ; онъ былъ очень рѣчистъ, держался демократическихъ взглядовъ, любилъ покричать, къ тому же отличался бездѣльничествомъ и большимъ честолюбіемъ. Мы знали его за сторонника будущей централизаціи и еще болѣе—будущаго коммунизма. Онъ говорилъ, кричалъ о томъ, что никто ничего не дѣлаетъ, не умѣетъ дѣлать, но все это были одни пустыя слова, безъ всякаго содержанія.

Корчма стояла на распутьи двухъ большихъ дорогъ: направо—на Тригоры,и налѣво—на Новую Трою и, далѣе, на Житоміръ, до котораго было болѣе 40 верстъ плохой дороги, черезъ лѣса, которая называлась жидовской дорогой или жидовскимъ шляхомъ. Разъѣзды уже возвратились съ обѣихъ дорогъ, наши казаки были уже на коняхъ и построились по-взводно въ колонну; офицеры находились передъ фронтомъ, а Карлъ Ружицкій въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ въ сторонѣ, подъ развѣсистымъ дубомъ, разговаривалъ съ какимъ-то шляхтичемъ, пріѣхавшимъ изъ ближайшей окрестности.

Вагутовичъ выѣхалъ впередъ и, по-цицероновски, сталъ держать рѣчь:

— Дворяне! за грибами что-ли ведутъ васъ въ лѣсъ? Бабамъ только пристало собирать грибы, а вамъ, отважной молодежи, надо расковать цѣпи, сковывающія народъ, искупить саблей насилія, совершенныя вашими отцами, ихъ несправедливости, ихъ тиранства! Дубы и сосны, которыя окружаютъ васъ,—не люди; люди плачутъ въ Житомірѣ, взываютъ къ вамъ, кричатъ вамъ: измѣнники, измѣнники! За мной, дворяне, на Житоміръ! на Житоміръ!

Онъ обнажилъ саблю, и почти всѣ офицеры, съ Севериномъ Пильховскимъ во главѣ, послѣдовали его примѣру, крича: «на Житоміръ, на Житоміръ!» и поскакали за безносикомъ. Поскакалъ даже старый Дунинъ. Передъ фронтомъ осталось только трое: Мих. Грудзинскій, Янъ Омецинскій и я. Казаки стояли на мѣстѣ и пересмѣивались, говоря:

— Ну и паничи!

Ружицкій вскочилъ съ мѣста, сѣлъ на коня, но недовольные уже возвращались одинъ за другимъ, пристыженные, какъ борзыя съ поджатыми хвостами. Вагутовичъ не возвратился, да и хорошо сдѣлалъ. Всякій бранилъ его, приговаривая въ полголоса: «пустой болтунъ, негодяй!» Ружицкій не произнесъ ни одного слова укоризны, но такъ посмотрѣлъ на нихъ, что они рады были бы отъ стыда провалиться сквозь землю, хотя это вышло совсѣмъ по-польски, въ польскомъ духѣ. Къ счастью, во главѣ отряда стоялъ первый эскадронъ, состоявшій изъ казаковъ; иначе, если бы всѣ понеслись, за офицерами, на Житоміръ, одинъ Богъ знаетъ, что́ бы изъ этого вышло; всякій былъ бы въ правѣ сказать: Карлъ Ружицкій вооружилъ людей, организовалъ возстаніе, а безносикъ подхватилъ ихъ, повелъ чортъ знаетъ куда, и все дѣло лопнуло, какъ мыльный пузырь, подобно тому, какъ разлетаются въ дребезги всѣ политическія мечтанія поляковъ.

Это происшествіе имѣло, однако, хорошія послѣдствія. Послѣ неудачной выходки, въ отрядѣ водворился порядокъ и слѣпое повиновеніе; всѣ поняли, что у нихъ не достаетъ ума для того, чтобы командовать, но есть достаточно доброй воли для того, чтобы повиноваться, а Карлъ Ружицкій, съ своей стороны, понялъ, что у него нѣтъ совѣтниковъ, и съ тѣхъ поръ поступалъ по собственному усмотрѣнію; въ этомъ и заключалась главная сила бердичевскаго возстанія.

Подъ самыми Люцями мы получили очень непріятное извѣстіе. Тадеушъ Струмилло, который принялъ командованіе надъ пѣшими повстанцами, не взвѣсилъ ни своихъ способностей, ни важности принятыхъ на себя обязанностей, однимъ словомъ, поступилъ легкомысленно, какъ это у насъ часто бываетъ. Когда же онъ увидѣлъ массу предстоявшихъ трудовъ и еще болѣе опасностей, то вмѣсто того, чтобы сознаться въ своей неспособности или трусости, что нанесло бы ударъ только его самолюбію, а не дѣлу и дало бы возможность пособить горю, онъ постоянно доносилъ, что вошелъ въ сношенія съ базиліанами въ Тригорахъ и со всѣми жителями лѣсныхъ хуторовъ, что можно разсчитывать не на 2.000, а на 10.000 повстанцевъ. Когда же онъ узналъ о моемъ выступленіи изъ Галвчинца, то вмѣсто того, чтобы отправиться въ Буки, гдѣ жилъ и гдѣ былъ одинъ изъ сборныхъ пунктовъ повстанцевъ, уѣхалъ къ своему брату Игнатію, котораго не засталъ дома, а вмѣсто

него встрѣтилъ исправника, пріѣхавшаго произвести обыскъ и арестовать Игнатія. Онъ тотчасъ заявилъ исправнику, что онъ—Тадеушъ Струмилло, братъ Игнатія, и готовъ ѣхать вмѣсто него. Исправникъ, человѣкъ добрый и сочувствовавшій полякамъ, не хотѣлъ его арестовать, говоря, что Петра не берутъ вмѣсто Павла, то панъ Тадеушъ наговорилъ ему дерзостей, чтобы попасть подъ арестъ и быть отвезеннымъ въ Житоміръ. Когда переодѣтый крестьяниномъ базиліанинъ, привезшій намъ это извѣстіе, выѣзжалъ изъ Тригоръ, туда вступала уже сотня донскихъ казаковъ и полъ-баталіона пѣхоты, а другіе русскіе отряды были посланы въ Новую Трою, Новый Римъ и на Чудновскій заводъ. Теперь уже не было и рѣчи ни о нашей пѣхотѣ, ни о треугольникѣ для нашихъ операцій, образованномъ тремя крайними пунктами: Новый Римъ, Новая Троя и Тригоры.

Мы возвратились въ Дрыловъ и туда пріѣхало къ намъ шестеро слугъ Камилла Піотровскаго, вооруженныхъ двустволками, которые сообщили намъ, что ихъ паничъ и всѣ Піотровскіе, такъ же какъ Заблоцкіе и Францишекъ Янковскій, не взирая на просьбу своихъ крестьянъ сѣсть на коней и вести ихъ въ повстаніе, убѣжали изъ домовъ своихъ, Богъ знаетъ куда, но что крестьяне готовы къ возстанію и ждутъ насъ.

Впослѣдствіи мы узнали, что многіе изъ помѣщиковъ, притомъ молодыхъ, добровольно отдавали себя въ руки властей, даже платили за то, чтобы ихъ арестовали, съ цѣлью избѣжать необходимости примкнуть къ возстанію. Эти господа, какъ и Тадеушъ Струмилло, котораго вскорѣ выпустили на свободу, объясняли свое поведеніе боязнью вызвать въ краѣ гайдамачину, разбои, видя какъ крестьяне стремились въ повстаніе. Какъ нелѣпы были эти объясненія!

Одинъ изъ такихъ дворянъ, котораго я не хочу называть, такъ какъ онъ носитъ прославленную предками фамилію, испугавшись, когда крестьяне пришли звать его, говоря: «пора на коней, панъ, Гальчинскій панъ и другіе ужъ выступили со своими казаками, пора и намъ», едва не заплакалъ, говоря, что онъ боится войны, не пойдетъ и убѣжитъ, а они пусть дѣлаютъ, что хотятъ. Тогда крестьяне стащили его съ постели, вымазали дегтемъ, облѣпили его перьями и оперенную такимъ образомъ пташку выпустили въ поле, крича ему въ слѣдъ: «бѣги, бѣги, ты не соколъ Украинскій, а галченокъ».

Убѣгая онъ наскочилъ на эскадронъ гусаръ Ахтырскаго полка, шедшій въ село, чтобы арестовать его. Гусары хохотали надъ этимъ трусомъ, но въ селѣ арестовали многихъ крестьянъ и отправили въ тюрьму въ Житоміръ. Четверо дворовыхъ этого помѣщика, главные зачинщики злосчастнаго съ нимъ приключенія, успѣли вскочить на коней и нагнать насъ. Они разсказали намъ объ этомъ безобразномъ слу-

чаѣ, невольно вызвашемъ нашъ смѣхъ. Но Ружицкаго все это тревожило, онъ боялся на самомъ дѣлѣ, чтобы не начались разбои.

Мы прошли Дрыловъ на разсвѣтѣ. Наши шпіоны, евреи, донесли намъ о появленіи разъѣздовъ Ахтырскаго гусарскаго полка въ окрестностяхъ Чуднова; а одинъ изъ нашихъ разъѣздовъ даже видѣлъ нѣсколько гусаръ, разъѣзжавшихъ около Чудновской дороги. Такъ какъ, по свѣдѣніямъ шпіоновъ, опушки лѣсовъ были заняты пѣхотой и отрядами гусаръ и донцовъ, то мы направились влѣво, въ степь, и, свернувши съ дороги къ селу Бабушкамъ, расположились на отдыхъ въ долинѣ, которая прекрасно скрывала насъ отъ взоровъ идущихъ и ѣдущихъ по большому торговому тракту изъ Бердичева въ Чудновъ.

Ружицкій велѣлъ пустить лошадей пастись и накормить людей, а самъ разговаривалъ со шпіонами и съ Бабушкинскимъ экономомъ, который ѣхалъ изъ Чуднова; никто изъ насъ не осмѣливался приблизиться къ нимъ, но мы догадывались, что готовится нѣчто важное. Наконецъ, былъ позванъ Михаилъ Грудзинскій, и начальникъ (такъ мы звали Ружицкаго), сталъ съ нимъ о чемъ-то говорить, указывая рукою по направленію къ Чуднову. Затѣмъ тремъ взводамъ 1-го эскадрона, моему, Яна Омецинскаго и Адольфа Пильховскаго, было приказано сѣсть на коней, и мы пошли прямо на Чудновскую дорогу. Грудзинскій командовалъ нами. Станиславъ Дунинъ двинулся съ однимъ взводомъ влѣво на холмъ между Бабушками и Чудновымъ, Пржиборовскій, также съ однимъ взводомъ, пошелъ къ рощицамъ, которыми начинались Чудновскіе лѣса, а Ружицкій со 2-мъ эскадрономъ—въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ за нами по большой дорогѣ.

Мы шли колонной, по-взводно, форсированнымъ маршемъ и едва взошли на пригорокъ, какъ увидѣли по ту сторону отрядъ гусаръ, которые отступили и открыли длинную колонну пѣхоты. Грудзинскій тотчасъ скомандовалъ «рысью», потомъ: «опустить пики», «въ галопъ» и «слава Богу!» Пѣхота была атакована такъ неожиданно, что командиръ ея не успѣлъ даже скомандовать; раздалось нѣсколько выстрѣловъ, но мы уже смяли ее и, какъ ураганъ, пронеслись вдоль всей колонны. Мы доскакали до Чуднова; гусары укрѣпили въѣздъ, поставивъ поперекъ его возы въ видѣ баррикады; но мы разрушили всѣ преграды и преслѣдовали гусаръ въ самомъ Чудновѣ; изъ нихъ пало 18 человѣкъ, въ томъ числѣ одинъ офицеръ; 22 солдата и одного офицера мы взяли въ плѣнъ; только двое изъ этого отряда успѣли убѣжать.

Послѣ этой побѣды мы возвратились къ Бабушкамъ, въ долину. Часть оружія и амуниціи, которую мы не могли забрать съ собою, зарыли въ землю на мѣстѣ, указанномъ экономомъ, принявъ мѣры для сохраненія вещей отъ порчи. Лучшихъ лошадей мы взяли съ собою, а худшихъ выпустили въ поле. Плѣннымъ русскимъ было выдано по полтиннику на

человѣка, и, съ наступленіемъ ночи, Тулинскій съ отрядомъ нашихъ казаковъ вывелъ ихъ на опушку лѣса и отпустилъ на всѣ четыре стороны; офицеры были доставлены въ Турчиновку и экономy было поручено отвезти ихъ въ Житоміръ.

Въ нашемъ лагерѣ была величайшая радость, подобно тому, что испытываетъ молодой охотникъ, когда ему впервые удается положить на мѣстѣ волка, и я, хотя передъ тѣмъ уже нѣсколько недѣль былъ такъ боленъ, что не могъ ничего ѣсть кромѣ курицы и компота и пить чай, почувствовалъ себя въ тотъ вечеръ совершенно здоровымъ, ко мнѣ вернулся аппетитъ и душевная радость побѣдила тѣлесную немочь.

Если бы, послѣ этой побѣды, мы имѣли возможность остаться въ этой мѣстности, пойти на Бердичевъ, Кодню или вступить въ лѣса, то среди крестьянъ, безо всякаго участія съ нашей стороны, даже помимо нашего желанія, вспыхнуло бы возстаніе, которое могло перейти въ гайдамачину, смотря по тому, какъ бы его направили. Но можно смѣло сказать, что крестьяне не были враждебны къ помѣщикамъ, къ шляхтѣ и полякамъ. Они забыли свои обиды, были готовы брататься съ шляхтой. Правда, имъ были непонятны цѣли, которыя преслѣдовали поляки, но они были не прочь повоевать. Ежели крестьяне не понимали поляковъ, то, въ свою очередь, и поляки не понимали нашихъ крестьянъ; даже тѣ изъ нихъ, которые родились, выросли и постоянно жили между ними, не старались понять ихъ внутренній міръ, ихъ жизнь, поэтому всѣ ихъ затѣи и не удались. Мнѣ кажется, что благоразуміе должно было подсказать полякамъ, что отдаленіе отъ славянства, политическое невѣдѣніе и непониманіе должны погубить польское дѣло.

Ны двинулись на Подолію безъ всякаго распоряженія со стороны высшаго начальства. Карлъ Ружицкій, не отважившійся въ самомъ началѣ на какой-нибудь смѣлый планъ, постыдно обманутый своими товарищами-помѣщиками (обманъ этотъ долженъ былъ вызвать въ будущемъ колебанія и неувѣренность въ его стратегическихъ операціяхъ), потерявъ моментъ, когда онъ могъ воспользоваться и настроеніемъ народа и неподготовленностью непріятеля,—былъ вытѣсненъ изъ опорныхъ пунктовъ, избранныхъ имъ для своихъ военныхъ дѣйствій, и какъ бы ощупью искалъ выхода изъ своего положенія.

Мы шли прямо на Хмельникъ, а потомъ повернули направо и, послѣ двухдневнаго похода, остановились въ Жеребкахъ, имѣніи генерала Корженевскаго, находившемся въ арендѣ у какой-то пани Рогинской или Рогозинской, у которой было четыре взрослыхъ сына, изъ нихъ двое служили прежде офицерами въ русской арміи, а теперь были въ отставкѣ. Тамъ мы застали еще нѣсколькихъ молодыхъ людей, бывшихъ въ сраженіи подъ Дашевымъ, и отъ нихъ-то мы и услышали впервые объ этомъ пораженіи и о сопровождавшихъ его обстоятельствахъ.

Генералъ Колыско прибылъ подъ Дашевъ во главѣ отряда изъ 3.000 отборной конницы, 4.000 пѣхоты и 4 орудій. Графъ Владиміръ Потоцкій, владѣлецъ Дашева, устроилъ великолѣпное пиршество по случаю прибытія генерала и повстанцевъ, бывшихъ подъ его командой. Въ самый день торжества было донесено о приближеніи генерала Рота съ двумя уланскими полками—Смоленскимъ и Курляндскимъ—и 4-мя орудіями. Сила отряда генерала Рота не превышала 1.500 человѣкъ (улановъ и артиллеристовъ). Вацлава Ржевускаго выслали съ эскадрономъ конныхъ казаковъ въ Левухи, въ 7 верстахъ отъ Дашева. Въ тотъ моментъ, когда готовились сѣсть за столъ, было получено извѣстіе, что Ржевускій со своими казаками вступилъ въ сраженіе съ авангардомъ Рота. Еловицкіе и Липковскіе стали кричать: «Пусть сражается, пусть покажетъ себя!» Черезъ нѣсколько часовъ было дано знать, что казаки Ржевускаго отступаютъ, а генералъ Ротъ со всѣми силами спѣшить къ Дашеву. Снова закричали: «Пусть приходитъ, мы себя покажемъ». И не встали изъ-за стола, не оставили своихъ стакановъ. Вскорѣ прискакали Петръ Копчинскій и двое Сабатынскихъ съ извѣстіемъ, что Ржевускій погибъ, что видѣли, какъ онъ упалъ со своего гнѣдаго арабскаго коня, что Скуратъ еще сражается, но не можетъ удержать непріятеля. Тогда отдали приказъ войску строиться, а сами остались допивать тосты. Только когда дали знать, что русскіе уже показались, командиры сѣли на лошадей, совершенно пьяные. Генералъ Колыско и старый Еловицкій сѣли, не на коней, а на дрожки и уѣхали со всей поспѣшностью. Побѣдзинскій, командовавшій эскадрономъ Корсака, ударилъ на русскихъ улановъ, доскакалъ до пушекъ и сталъ рубить канониpовъ, но здѣсь погибъ съ большею частью своего храбраго эскадрона. Прочіе эскадроны не тронулись съ мѣста. Ихъ начальники были не въ состояніи произнести ни одного слова команды, а когда появился начальникъ штаба Орликовскій и скомандовалъ: «Спасайся, кто куда можетъ!»—то эскадроны бросились бѣжать вразсыпную; каждый бѣжалъ туда, куда несъ его конь и гналъ страхъ. Русскіе уланы взяли въ плѣнъ всю пѣхоту повстанцевъ со всѣми пушками и почти третьею частью кавалеріи. Дрожки съ генераломъ Колыско и старикомъ Еловицкимъ, благодаря искусству кучера, благополучно добрались до лѣса. На другой день изъ семитысячнаго отряда повстанцевъ на-лицо оказалось не болѣе 400 кавалеристовъ; но бѣглецы стали мало-по-малу собираться, и силы поляковъ увеличились присоединеніемъ Нагорничевскаго и Александра Гозынскаго съ 500 кавалеристовъ.

Что повстанцы были храбры—это они доказали подъ Ободнымъ и Тывровомъ; подъ Дашевымъ же командиры по-просту пропили сраженіе и военную славу. На слѣдующій день уже распѣвали:

Pod Daszowem polaków moskal w ucho bije,
Kołysko ze starszyzną miód i wino pije.
Kołysko ze starszyzną hulają w pałacu,
A moskale polaków mordują na placu.
Kołysko ze starzyzną z Daszowa uciekli,
A moskali polaków okropne wysiekli [1]).

Эту пѣсню и много другихъ въ томъ же родѣ, сложенныхъ по тому же поводу, я слышалъ на Дунаѣ и въ Балканахъ отъ бердичевскаго мѣщанина Рачица, повстанца, бывшаго подъ Дашевымъ; а разсказъ о пораженіи я передалъ слово въ слово, какъ разсказывали повстанцы, которыхъ мы застали въ Жеребкахъ.

По моему убѣжденіи, только кутежъ, которому поляки часто предавались, забывая свои обязанности и все, что есть святаго на свѣтѣ, могъ довести ихъ до такого пораженія. Такіе эскадроны, какими командовалъ Вацлавъ Ржевускій, и другіе, которые насчитывали въ своихъ рядахъ цвѣтъ доблестной молодежи со всей Подоліи и Украйны, не могли быть разбиты въ нормальномъ состояніи. Надменная шляхта предавалась подобнымъ кутежамъ и при Пястахъ и при Ягеллонахъ, но при Саксонской династіи они стали явленіемъ повседневнымъ. Нѣмцы споили славянъ. Въ возстаніе 1831 г. кутежи были причиною большихъ и рѣшительныхъ пораженій подъ Боремлемъ, Дашевымъ, подъ Калишанами. У аристократовъ и простонародья ни одно собраніе не обходилось безъ обильной ѣды и выпивки. Казалось, поляки думали найти премудрость на днѣ своихъ стакановъ.

Сама хозяйка Жеребковъ и двѣ ея кузины были горячими патріотками, но всѣ четыре брата, рослые, какъ дубы и такіе же крѣпкіе, какъ это дерево Украйны, указывая на примѣры подъ Боремлемъ и Дашевымъ, утверждали, что нельзя бороться съ русскими, а надо сидѣть тихо и ждать лучшей поры; можетъ быть они и были правы, если говорили по убѣжденію. Они все повторяли, обнимая насъ: «Мы удивляемся вамъ, но сожалѣемъ васъ».

Каждый изъ молодежи, бѣжавшей изъ-подъ Дашева, на наше приглашеніе идти съ нами отвѣчалъ: «Нѣтъ, намъ достаточно и этого!» Хозяева развезли этихъ молодыхъ людей къ окрестнымъ помѣщикамъ, чтобы укрыть ихъ до болѣе спокойнаго времени, а мы отправились въ походъ по направленію къ Пикову.

И командиръ, и солдаты нашего отряда знали о пораженіи подъ Дашевымъ, видѣли отчаяніе и страхъ повстанцевъ, которыхъ мы встрѣ-

[1]) Т. е. подъ Дашевымъ русскій бьетъ поляковъ въ ухо, а Колыско со старшиной пьютъ медъ и вино. Колыско со старшиной пируютъ въ палаццѣ, а на площади русскіе убиваютъ поляковъ. Колыско со старшиной убѣжали изъ Дашева, а русскіе поляковъ въ конецъ изрубили.

тили въ Жеребкахъ, но все-таки не теряли бодрости: глядя на своего начальника, они весело улыбались, во взорѣ ихъ свѣтилась отвага, и, казалось, они безъ словъ говорили: «Веди насъ хоть на край свѣта, мы готовы идти за тобой хоть въ воду».

По дорогѣ мы встрѣтили Константина Бернатовича и Михаила Езерскаго и нѣсколько другихъ лицъ, въ числѣ которыхъ былъ храбрый стрѣлокъ Визовскій. Константинъ Бернатовичъ подтвердилъ намъ все, что говорилось о сраженіи подъ Дашевымъ, но увѣрялъ, что повстанцы съ Украйны и Подоліи собираются снова, что Нагорничевскій и Александръ Голынскій присоединились къ повстанцамъ и что въ составѣ ихъ, въ настоящее время, насчитываютъ около 2.000 кавалеристовъ, что это войско направляется къ Каменецъ-Подольску, гдѣ возстаніе вспыхнуло во многихъ мѣстахъ и гдѣ ожидаютъ генерала Дверницкаго, который ведетъ съ княземъ Меттернихомъ переговоры о сдачѣ оружія и коней и, по окончаніи ихъ, навѣрно перейдетъ границу подъ Гусятинымъ, и что эти переговоры будутъ имѣть успѣхъ, такъ какъ эрцгерцогъ Карлъ получитъ разрѣшеніе прибыть въ Варшаву для того, чтобы вступить на польскій престолъ.

Намъ не особенно нравились эти росказни, намекавшія на то обстоятельство, что нѣмцы поставятъ насъ на ноги и сдѣлаютъ изъ насъ настоящій народъ,—который, надобно замѣтить, несмотря на все свое легкомысліе и безпечность, все же останется народомъ славянскимъ, такъ-что это походило немного на заботы волка о долголѣтіи и счастьи овечки. Въ это время къ намъ пріѣхалъ нѣкто Гаршмингель, нѣмецъ, управлявшій имѣніемъ одного изъ окрестныхъ помѣщиковъ; онъ привелъ съ собою славнаго заводскаго жеребца, изъ конюшенъ Вацлава Ржевускаго, котораго я купилъ у него за сто червонцевъ. Довольный своею продажею, нѣмецъ пустился въ откровенность и сообщилъ намъ, что генерала Дверницкаго не выпустятъ изъ Австріи, что есть распоряженіе отвезти его въ Штейермаркъ, что никакой эрцгерцогъ не поѣдетъ въ Варшаву, чтобы вступить на польскій престолъ, что дѣйствительно князь Адамъ Чарторыйскій, вслѣдствіе настояній Станислава Малаховскаго и Владислава Замойскаго, обратился къ австрійскому императору съ просьбой о назначеніи одного изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ въ польскіе короли, но что это письмо Чарторыйскаго князь Меттернихъ отослалъ въ Петербургъ съ полковникомъ Фахомъ, тѣмъ самымъ, который обезоружилъ генерала Дверницкаго. При этомъ князь Меттернихъ писалъ канцлеру Нессельроде, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ посылаетъ ему отреченіе князя Адама Чарторыйскаго отъ его правъ на польскій престолъ, что въ этихъ правахъ былъ весь смыслъ повстанія и опасность для Россіи, ибо только король, кто бы имъ ни былъ, Константинъ или Адамъ, могъ бы отстоять существо-

ваніе и независимость Польши; что усмиреніе возстанія и побѣда русскихъ составляютъ только вопросъ времени, что Россія можетъ сдѣлать теперь съ поляками и съ Польшей, что хочетъ, и что Австрія оказала Россіи величайшую услугу и желаетъ, чтобы канцлеръ довелъ о ней до свѣдѣнія императора Николая. Гаршмингель утверждалъ, что онъ знаетъ обо всемъ этомъ навѣрное, такъ какъ видѣлъ самого Фаха, который останавливался у него и разсказалъ ему все это по-пріятельски, хотя его и считаютъ венгерцемъ, но онъ по происхожденію такой же нѣмецъ, какъ и Гаршмингель.

Нѣмчура смѣялся надъ этимъ эрцгерцогомъ въ коронѣ Ягеллоновъ и надъ тѣми 100 тыс. австрійцевъ, которые должны были сражаться за поляковъ и жертвовать за нихъ жизнію, говоря: «Вы, господа поляки, любите строить воздушные замки и пускать мыльные пузыри, но не любите считаться съ правдой и имѣть съ нею дѣло».

Нѣмецъ разговорился и сталъ доказывать намъ, что въ политикѣ насъ можно приравнять къ чехамъ, кроатамъ и сербамъ: каждый изъ насъ хочетъ дѣйствовать самъ по себѣ и потому стоитъ особнякомъ, а умные люди берутъ насъ за чубъ и ведутъ на привязи, какъ собачекъ, какъ рабовъ. Нѣмцы,—говорилъ онъ,—гораздо умнѣе, они держатся другъ за друга, какъ жиды, и, желая сохранить свою самобытность, достигнуть этого, такъ какъ у нихъ есть умъ и единодушіе. Онъ смѣялся надъ тѣмъ, что мы могли повѣрить, будто австрійскій императоръ станетъ воевать за поляковъ и за польское дѣло. Развѣ императоръ,—говорилъ онъ, — не знаетъ исторію? развѣ онъ не учился ей? Чѣмъ же отплатили Габсбургамъ оба Болеслава за ихъ сочувствіе славянству? Что было, то могло повториться вновь; поляки могутъ и не захотѣть идти на помочахъ у нѣмцевъ и быть ихъ слугами.

Разговоръ съ Гаршмингелемъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что я сознавалъ, что въ его словахъ о князѣ Адамѣ Чарторыйскомъ и о Меттернихѣ было много правды, такъ же какъ и въ другихъ его рѣчахъ. При нашемъ разговорѣ присутствовалъ Янъ Омецинскій, съ которымъ мы отправились къ Ружицкому и передали ему все слышанное. Онъ тоже серьезно задумался и хотя, по обыкновенію, говорилъ мало, но по лицу его было замѣтно, что онъ обдумывалъ, какъ дѣйствовать впредь.

Мы выступили въ Подолію и направились къ австрійской границѣ. Не помню названія деревушки, до которой мы дошли черезъ три дня, помню только, что она принадлежала Ярошинскимъ. Ночь была темная; мы расположились вблизи деревни. Какой-то почтенный старецъ-экономъ, два сына и зять котораго были въ повстаньи (послѣдняго, я помню, звали Дыбчаковскимъ; это былъ храбрый повстанецъ), выѣхалъ къ намъ на встрѣчу и сообщилъ какія-то новости начальнику. Ружиц-

кій приказалъ мнѣ взять шесть казаковъ изъ моего взвода и слѣдовать за нимъ, а остальному войску разставить часовыхъ и пустить лошадей на пастьбу, а также послать за горячей пищей для отряда, приготовленной уже предупредительнымъ экономомъ. Ружицкій, я, экономъ и шесть казаковъ, обвязавъ палаши сѣномъ, а копыта лошадей войлокомъ, который имѣли при себѣ на всякій случай, проѣхали черезъ деревню и выѣхали въ поле; намъ было приказано соблюдать величайшую тишину, что́ мы свято исполнили. Такимъ образомъ мы проѣхали верстъ пять по отлогой покатости, и мало-по-малу глаза наши привыкли кое-что различать въ темнотѣ; наконецъ мы очутились надъ оврагомъ и тутъ остановились. Экономъ указалъ начальнику рукою на множество огоньковъ, разсѣянныхъ по долинѣ, а вдали, на пригоркѣ, виднѣлись болѣе ясные огни, которые время отъ время вспыхивали яркимъ пламенемъ, какъ будто передъ нами горѣло какое-нибудь мѣстечко. Мы простояли съ четверть часа въ молчаніи, словно окаменѣвъ; начальникъ съ экономомъ стояли въ нѣсколькихъ шагахъ впереди и тоже молчали. Царила глубокая тишина, изрѣдка прерываемая криками водяныхъ птицъ, трещаньемъ коростелей и перекликаньемъ перепеловъ. Потомъ мы, такъ же молча, возвратились обратно. Когда мы подъѣхали къ деревнѣ, начальникъ отозвалъ меня въ сторону и сказалъ:

— Ты видѣлъ, что въ долинѣ расположился лагеремъ генералъ Щуцкій съ батальономъ пѣхоты, настолько увѣренный въ отсутствіи поблизости повстанцевъ, что отрядъ спитъ безъ часовыхъ, какъ будто въ мирное время. Мы могли бы легко взять въ плѣнъ весь батальонъ, до единаго человѣка, но что изъ этого выйдетъ? Намъ надо соединиться съ войскомъ Колыско, которое расположилось на противоположныхъ высотахъ, слиться съ этимъ войскомъ и раздѣлить его судьбу.—Что ты объ этомъ думаешь?

Я началъ умолять Ружицкаго не нападать на отрядъ Щуцкаго и не присоединяться къ войску Колыско, утверждая, что мы пропадемъ среди господствующаго тамъ безпорядка и вынуждены будемъ вмѣстѣ съ ними со стыдомъ бѣжать въ Галицію. Я совѣтывалъ возвратиться въ наши лѣса и, если тамъ нельзя будетъ удержаться, то отступить въ Польшу. Если намъ суждено погибнуть, то мы должны погибнуть со славой, сохранивъ доброе имя. Я былъ въ этотъ моментъ очень краснорѣчивъ, какъ говорилъ мнѣ впослѣдствіи самъ Ружицкій, и увлекъ его силой своего вдохновенія. Онъ размышлялъ нѣсколько времени и наконецъ сказалъ:

— Будутъ кричать и пусть кричатъ! Такъ и сдѣлаемъ,—отступимъ въ лѣса и въ Польшу.

Когда мы возвратились къ войску, Константинъ Бернатовичъ и Михаилъ Езерскій уже знали о генералѣ Щуцкомъ и о близости Ко-

лыско, и вѣсть эта скоро разнеслась между нашими офицерами. Было много сторонниковъ соединенія съ Колыско, и это было весьма естественно, но когда спросили объ этомъ Михаила Грудзинскаго, считавшагося послѣ начальника самымъ дѣльнымъ офицеромъ, онъ сказалъ:

— Для меня, господа, не существуетъ ни личныхъ желаній, ни воли, а только приказъ начальника; молчаніе и послушаніе — наша обязанность, и если мы станемъ высказывать свои мнѣнія и подавать совѣты, то погибнемъ, какъ и тѣ; а что они погибнутъ, въ этомъ я увѣренъ, иначе быть не можетъ.

Послѣ этого разговора никто изъ офицеровъ не смѣлъ высказывать начальнику своего мнѣнія, не будучи спрошенъ. Бернатовичъ, который хотя и былъ офицеромъ въ нашемъ отрядѣ, но все еще считался делегатомъ украинско - подольскихъ повстанцевъ, пошелъ къ Ружицкому и долго доказывалъ ему необходимость соединенія. Начальникъ слушалъ молча и усмѣхался по обыкновенію, но когда Бернатовичъ сказалъ, что въ противномъ случаѣ на начальника и весь нашъ отрядъ падетъ тяжкій упрекъ въ нежеланіи подать помощь братьямъ и въ трусости, кроткій Ружицкій вдругъ покраснѣлъ, разсердился и проговорилъ:

— Идите, сударь, вонъ!

Въ первый и послѣдній разъ слышали мы подобныя слова изъ устъ начальника. Затѣмъ онъ приказалъ садиться на коней, и мы, еще до разсвѣта, покинули свою стоянку и направились къ роднымъ мѣстамъ. Бернатовичъ остался съ нами и былъ однимъ изъ лучшихъ офицеровъ отряда. Михаилъ Езерскій куда-то пропалъ въ ту же ночь,—онъ былъ слабаго здоровья и вовсе не годился для военной службы,—вѣроятно онъ возвратился домой, такъ какъ я о немъ болѣе ничего не слышалъ.

Едва мы дошли до Мирополя, какъ получили извѣстіе о пораженіи Колыско подъ Майданскомъ и объ отступленіи остатковъ его войска въ Галицію, за австрійскую границу. Не знаю, соединился ли онъ тамъ съ генераломъ Дверницкимъ, но только несомнѣнно пошелъ по его слѣдамъ; но это не было поставлено ему въ вину, и разумѣется всѣ нашли, что это было естественнымъ результатомъ происшедшихъ событій. Вацлавъ Ржевускій, который не интриговалъ, не пустословилъ, а сражался, какъ подобало польскому шляхтичу, потомку бывшихъ гетмановъ и Ржевускому, палъ на полѣ битвы на глазахъ свидѣтелей, вполнѣ достойныхъ вѣры, каковы Петръ Купчинскій, и братья Владиславъ и Карлъ Сабатынскіе. Но за нимъ не хотѣли признать славной смерти и разсказывали, будто онъ бѣжалъ съ поля битвы, былъ схваченъ крестьянами и забитъ до смерти палками. Смѣло утверждаю, что этого не было и что крестьяне не стали бы его бить, потому что онъ всегда пользовался ихъ любовью, и его храбрые подвиги заслужили ему любовь народа; поэтому я не вѣрю этимъ розсказнямъ какъ самой нелѣпой сказкѣ. Тѣ, которые

помѣшали ему сдѣлаться начальникомъ, запятнала его память, чтобы казаться непогрѣшимыми.

Въ нѣсколько недѣль со времени ухода нашего въ повстанье положеніе дѣлъ въ нашихъ мѣстахъ измѣнилось. Генералъ Ротъ, дѣятельный, неутомимый и притомъ одаренный недюжинными военными талантами, безъ шуму и преслѣдованій очищалъ край отъ повстанцевъ и возстановлялъ прежніе порядки. Въ Подоліи и на Украйнѣ было много арестовъ, слѣдствій и судовъ, но не было ни нападеній крестьянъ, ни грабежей, ни рѣзни по подговорамъ властей, какъ это было нѣсколько лѣтъ спустя въ Галиціи, по наущенію австрійскаго правительства. Русское правительство сознавало свою силу, поэтому дѣйствовало открыто, не прибѣгало къ подпольнымъ интригамъ; и такъ какъ Россія—страна славянская, то она наказала, но не погубила поляковъ-славянъ. Совсѣмъ иначе должно было поступать правительство въ Австріи, странѣ въ полномъ смыслѣ слова нѣмецкой, вся политика которой стремится къ онѣмеченію или совершенному поглощенію славянской національности. Но поляки, помимо своей воли и своего жалкаго политическаго разума, были и есть славяне и таковыми останутся.

Въ окрестностяхъ Бердичева вездѣ были расположены отряды русскихъ войскъ. Большая часть помѣщиковъ, арестованныхъ по распоряженію властей или по собственной просьбѣ, возвратилась домой. Утѣшая себя извѣстіями о неудачѣ возстанія, гордясь своимъ умомъ и прикидываясь патріотами, они говорили: «Мы ждемъ болѣе удобнаго времени!»

Поляки часто такъ поступали, это была не новость.

Карлъ Ружицкій, сознавая невозможность веденія партизанской войны ни въ Бердичевскомъ уѣздѣ, ни въ чудновскихъ лѣсахъ, рѣшилъ спрятать часть кассы, которая была въ звонкой монетѣ, въ надежномъ мѣстѣ; съ этимъ порученіемъ были посланы Михаилъ Будзинскій и старшій Фалинскій въ Брагаловъ, гдѣ деньги и были сданы на попеченіе пани Піотровской. Они привезли оттуда вѣсть, что возстаніе вспыхнуло въ Овруцкомъ и Радомысльскомъ уѣздахъ и что русскія войска выступили изъ Житоміра и Кіева для усмиренія повстанцевъ. Мы не имѣли еще объ этихъ вспышкахъ подробныхъ свѣдѣній, но Будзинскій и Фалинскій сообщили намъ, что тѣ помѣщики, которые уклонялись отъ возстанія, требовали отъ правительства военныхъ отрядовъ для охраненія ихъ личностей и имущества, подъ предлогомъ возбужденія умовъ среди крестьянъ, на вѣрность которыхъ правительство будто бы не можетъ полагаться въ виду ихъ благопріятнаго отношенія къ возставшимъ. Между прочимъ и владѣлецъ Мирополя, графъ Растворовскій, слыша о нашемъ приближеніи, просилъ о присылкѣ сильнаго отряда, чтобы пре-

градить намъ путь и захватить насъ. Все это было сообщено разсказчику въ Брагаловѣ, какъ фактъ вполнѣ достовѣрный.

Эти вѣсти были получены нами, когда мы подходили къ Мирополю. Будзинскій, отдавая начальнику отчетъ объ исполненномъ имъ порученіи, не скрылъ отъ него, разумѣется, и о поступкѣ графа Растворовскаго. Возбужденные этимъ слухомъ Северинъ Пильховскій, Мартинъ Вылежинскій и Антонъ Шашкевичъ хотѣли немедленно отправиться и сурово наказать Растворовскаго за неблагородство и отсутствіе патріотизма, но Ружицкій не дозволилъ этого. Съ панскаго двора было взято все необходимое для войска, но за все немедленно было уплачено; въ этомъ и состояла вся наша месть трусливому шляхтичу и плохому патріоту.

Ружицкій, зная, что войска двигаются сюда и что непріятелю извѣстны наши движенія, измѣнилъ направленіе пути, и мы пошли прямо на Краснополь, имѣніе Оскерокъ, литвиновъ, издавна поселившихся на Волыни. Оба Оскерко, люди рослые и здоровенные, были въ числѣ тѣхъ, которые принадлежали къ бердичевскому возстанію, принесли присягу, но не явились въ условленное время на сборный пунктъ. Мы застали ихъ обоихъ дома; у нихъ же застастали и Казимира Жолкѣвскаго. Оскерко, стоя на колѣняхъ, распѣвали псалмы Давида, а Жолкѣвскій жаловался, что страдаетъ вередами.

Оскерко, со стонами и слезами заявили намъ, что не имѣютъ никакого призванія къ военному дѣлу, что они пойдутъ въ ксендзы и будутъ молиться Богу за Польшу, но сражаться не могутъ. Ихъ старуха мать, возбужденная патріотическимъ негодованіемъ, проклинала ихъ, говоря:

— Если бы отецъ вашъ воскресъ, онъ умеръ бы вторично отъ стыда и отчаянія, видя такихъ сыновей.

Жолкѣвскій жаловался на вереда, хромая на обѣ ноги и не находя себѣ мѣста. Глядя на него было и грустно и смѣшно. Скоро намъ пришлось оставить ихъ, такъ какъ было получено извѣстіе о приближеніи къ Краснополю русскихъ войскъ, вызванныхъ графомъ Растворовскимъ.

Положеніе наше было слѣдующее: между Краснополемъ и Молочками, на разстояніи 5 верстъ, шла широкая дорога, окопанная съ обѣихъ сторонъ глубокими рвами и обсаженная деревьями; справа и слѣва отъ нея были вспаханныя поля, окаймленныя болотами, тянувшимися отъ Краснополя до Молочекъ; дорога представляла видъ острова, съ котораго можно было выйти только въ одной изъ названныхъ деревень, гдѣ были плотины и мосты.

Едва прошли мы съ версту отъ Краснополя, какъ одинъ изъ нашихъ шпіоновъ далъ знать, что въ Молочкахъ находятся русскія войска. Мы очутились тогда какъ бы въ западнѣ между двумя русскими отрядами, изъ которыхъ каждый состоялъ изъ полу-батальона пѣхоты и взвода

уральскихъ казаковъ. Это былъ батальонъ, вызванный графомъ Растворовскимъ; онъ былъ раздѣленъ пополамъ съ цѣлью пресѣчь намъ дорогу, такъ какъ командиръ этого батальона, весьма дѣльный офицеръ, прекрасно зналъ мѣстность.

Ружицкій выстроилъ нашъ отрядъ: два взвода стали на дорогѣ,— мой во главѣ, а за нимъ взводъ Северина Пильховскаго; по обѣ стороны дороги, за рвами, также было поставлено по взводу, а еще три взвода, подъ командою Грудзинскаго, остались въ тылу для прикрытія отряда, уже вступившаго въ Краснополь.

Мы двинулись такимъ образомъ къ Молочкамъ. Командиръ русскаго батальона, находившійся въ Молочкахъ, вывелъ свою пѣхоту впередъ къ мостику, переброшенному черезъ широкій ровъ, велѣлъ сломать этотъ мостикъ и построилъ отрядъ въ каре въ нѣкоторомъ разстояніи за рвомъ. Уральцы остались въ деревнѣ, чтобы припасти для насъ оковы, веревки и телѣги для перевозки плѣнныхъ.

Мы шли впередъ и сердце радовалось тому, какъ весело и бодро смотрѣли кони и всадники. За 300 шаговъ до рва насъ встрѣтили ружейнымъ огнемъ; пули засвистѣли вокругъ насъ: мы пошли рысью, а потомъ галопомъ и неслись такъ быстро, что все только мелькало передъ нашими глазами. Пройдя шаговъ 80, раздалась команда: «въ пики!» Опустивъ пики, мы во весь опоръ понеслись на непріятеля. Передъ самымъ рвомъ, существованія котораго мы и не подозрѣвали, мой конь былъ раненъ пулею въ шею, взвился на дыбы и однимъ скачкомъ, какъ бѣшеный, перепрыгнулъ черезъ канаву, и я очутился по ту сторону рва, въ каре непріятеля; мои казаки послѣдовали за мною. У меня потемнѣло въ глазахъ; я рубилъ направо и налѣво, но признаюсь, не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что̀ я дѣлаю. Скоро русскій отрядъ былъ смятъ; маіоръ, схвативъ ружье, закричалъ: «въ штыки!» но его ударили пикой съ такой силой, что ея остріе прошло насквозь. Битва была упорная и продолжалась съ часъ [1]).

Отрядъ, находившійся въ Краснополѣ, не пришелъ на помощь своимъ, а отступилъ, взявъ съ собой братьевъ Оскерокъ и Жолкѣвскаго. Грудзинскій занялъ Краснополь, и тамъ ему сообщили, что Жолкѣвскій совершенно поправился отъ своихъ вередовъ.

Мы вошли въ Молочки, гдѣ громада приготовила намъ угощеніе, а еврей-шинкарь выставилъ всѣ напитки, какіе только были у него въ корчмѣ, и униженно просилъ, чтобы мы пили.

Эта побѣда чрезвычайно ободрила крестьянъ, но не помѣщиковъ,

---

[1]) Необходимо отмѣтить ту особенность записокъ Чайковскаго, что при описаніи стычекъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, поляки всегда были побѣдителями. Ред.

которые совершенно упали духомъ, боялись даже говорить о повстаніи и доходили до такой трусости, что крестьяне надъ ними смѣялись, и когда мы приходили въ какую-нибудь деревню и спрашивали о томъ, гдѣ помѣщикъ, намъ зачастую отвѣчали:

— Ужъ убѣжалъ или спрятался въ погребъ, не сталъ ожидать васъ, но мы васъ ждали.

Въ этихъ словахъ слышалась насмѣшка и презрѣніе.

Мы перешли Случь въ Барановкѣ, а въ Правотынѣ узнали о разгромѣ Овручскаго повстанья и о рѣшительномъ пораженіи подъ Бѣлосорокой радомысльскихъ повстанцевъ. Мы не могли узнать подробностей объ этихъ несчастныхъ стычкахъ, слышали только, что русскія войска расположены значительными отрядами надъ Случью до Новоградъ Волынска, гдѣ была главная квартира дивизіоннаго генерала Сулимы. Тогда мы удалились отъ рѣки и, перейдя почтовый трактъ между Дѣдовицами и Корцемъ, двинулись прямо на Межиричъ-Корецкій, гдѣ было мѣстопребываніе маршалка Іосифа Стецкаго и гимназія отцовъ піаровъ.

Ректоромъ гимназіи былъ въ то время мой прежній наставникъ, ксендзъ Бенчковскій. Насъ приняли очень сердечно; всѣ ученики хотѣли присоединиться къ повстанцамъ; пришлось употребить силу и запереть мальчиковъ въ монастырѣ; старшимъ дано было позволеніе записываться въ повстанцы, и нашъ отрядъ увеличился молодыми людьми, которыхъ ксендзъ Бенчковскій снабдилъ оружіемъ; они разукрасили себя оригинальными головными уборами изъ лисьихъ и волчьихъ шкурокъ, а у братьевъ Петницкихъ были шапочки изъ заячьихъ шкурокъ съ плюмажемъ. Отличныхъ лошадей промыслилъ для нихъ тотъ же Бенчковскій изъ конюшень княгини Любомірской.

Маршалокъ Іосифъ Стецкій лежалъ на смертномъ одрѣ, но когда ему сказали о приходѣ повстанцевъ и о томъ, что и я нахожусь въ числѣ ихъ, онъ непремѣнно захотѣлъ видѣть меня, такъ какъ я былъ ученикомъ любимой имъ гимназіи. Мы съ Омецинскимъ отправились къ нашему бывшему начальнику. Онъ плакалъ, обнимая меня, и дрожащимъ голосомъ разспрашивалъ о повстаніи, о нашемъ прибытіи, о нашихъ сраженіяхъ. Слушая наши разсказы, онъ оживился отъ радости. На своей постели, съ сѣдыми волосами, съ типичнымъ польскимъ лицомъ, на которомъ ясно отражался его патріотизмъ и сердечное къ намъ отношеніе, онъ напомнилъ мнѣ изображеніе гетмана Ходкевича, отдающаго свою булаву Любомірскому. Когда въ комнату вошелъ Ружицкій, маршалокъ закричалъ.

— Моего сиваго коня для пана начальника!

На этомъ конѣ Стецкій ѣздилъ 12 лѣтъ и такъ любилъ его, что не отдалъ бы за милліонъ; а жена маршалка говорила, шутя:

— Не знаю, о комъ больше печалился бы Іосифъ—обо мнѣ или о своемъ сивомъ, а вѣдь онъ меня любитъ—сколько лѣтъ мы прожили вмѣстѣ.

Сиваго ввели въ комнату и подвели къ постели больнаго. Стецкій погладилъ его и сказалъ:

— Вотъ тебѣ новый господинъ! Неси его на враговъ Польши!

Затѣмъ отдалъ приказъ надворнымъ казакамъ и музыкантамъ садиться на коней.

Музыканты Стецкаго были настоящіе артисты, большею частью нѣмцы; между ними былъ только одинъ полякъ Мохницкій. По приказанію маршалка они сѣли на коней, но потомъ скоро возвратились; съ нами осталось только двое—Мохницкій и молодой Нудера, храбрый солдатъ, хотя нѣмецъ по имени и происхожденію, но казакъ душою.

Такимъ образомъ въ Межиричѣ нашъ отрядъ увеличился до 300 человѣкъ, и былъ укомплектованъ 3-й эскадронъ, поступившій подъ команду Тадеуша Пржиборовскаго; въ этотъ эскадронъ вошли межирицкіе студенты, шляхта и казаки Стецкаго.

Повстанцы прошли передъ окнами Стецкаго; больной, поддерживаемый докторомъ и дворецкимъ, приподнялся съ постели и благословилъ насъ.

За нами шли возы съ оружіемъ, захваченнымъ подъ Молочками; этимъ оружіемъ мы хотѣли снабдить овручскихъ повстанцевъ, такъ какъ Ружицкій все еще имѣлъ намѣреніе проникнуть въ овручскій повѣтъ. Извѣстія, полученныя нами въ Правотынѣ, заставили насъ удалиться отъ береговъ Случи, но теперь мы снова приблизились къ рѣкѣ Мы подходили къ деревнѣ Тышицѣ, лежащей на берегу Случи. Деревня была разбросана на большомъ протяженіи, и еще въ Межиричѣ шпіоны донесли, что по дорогѣ отъ Новгородъ-Волынска къ Корцу показался какой-то русскій кавалерійскій отрядъ, но мы не думали, что онъ могъ такъ скоро догнать насъ, и начальникъ спѣшилъ достигнуть лѣса, до котораго оставалось не болѣе двухъ верстъ. Въ это время Адамъ Домарадскій донесъ о нападеніи на нашъ обозъ сильнаго русскаго отряда, которому онъ не могъ оказать сопротивленія.

Начальникъ отдалъ приказаніе пройти чрезъ деревню на рысяхъ. За деревней справа протекала Случь, огибая лугъ, заросшій мѣстами лозой; слѣва огромное болото тянулось до самаго лѣса. Приблизительно въ двухъ тысячахъ шагахъ отъ деревни былъ мостикъ черезъ ручей, протекавшій по болоту и впадавшій въ Случь; за этимъ мостикомъ, по обѣ стороны были вспаханныя поля, а въ полуверстѣ начинался лѣсъ.

Пройдя деревню на рысяхъ и проскакавъ черезъ мостикъ, мы выстроились и стали ждать непріятеля. Русскій отрядъ состоялъ изъ двухъ эскадроновъ конныхъ егерей Дерптскаго полка, подъ командой

подполковника Петерса, который ручался генералу Левашову, что онъ насъ догонитъ, разобьетъ и возьметъ въ плѣнъ. Онъ шелъ бодро впередъ, по деревнѣ прошелъ рысью и, перейдя мостикъ, приказалъ своимъ двумъ эскадронамъ выстроиться по обѣ стороны дороги и открыть огонь.

Ружицкій, видя, что конные егеря остановились, скомандовалъ: «съ мѣста въ карьеръ, пики внизъ, съ Богомъ!» Первый эскадронъ нашихъ казаковъ загналъ одну часть конныхъ егерей въ болото, второй эскадронъ—въ Случь и въ деревню, а болѣе 30 нашихъ казаковъ, съ Грудзинскимъ и со мною во главѣ, вышли изъ деревни и нагнали нашъ обозъ, который былъ захваченъ конными егерями; мы отбили его, взяли въ плѣнъ конвой, а возы съ оружіемъ отослали въ Тышицу.

Къ ночи мы пришли въ Кашовку, гдѣ застали помѣщиковъ Ровенскаго уѣзда, съѣхавшихся туда съ женами и дѣтьми. Между ними были пани Ворцелева и сестра ея, панна Качевская, обѣ замѣчательныя красавицы и прекраснаго воспитанія. Мы провели вечеръ танцуя мазурку и вальсъ. Это была истинно рыцарская награда за наши труды. Шампанское пѣнилось въ бокалахъ; произносились различные тосты, преимущественно за прекрасный полъ; оживленнѣе всѣхъ прошелъ тостъ въ честь панны Анели Пенковской, о храбрости и патріотизмѣ которой много разсказывали намъ участники повстанья въ Овручскомъ и Радомысльскомъ уѣздахъ, коихъ мы тутъ видѣли.

Панна Анеля Пенковская, молодая дѣвушка, лѣтъ 18, блондинка, съ голубыми глазами, высокая, стройная, была замѣчательно хороша собою; она находилась все время въ обозѣ радомысльскихъ повстанцевъ, собравшихся подъ начальствомъ своего маршалка Онуфрія Голецкаго. У нихъ поднялся вопросъ объ установленіи сообщенія съ обозомъ овручскихъ повстанцевъ, бывшихъ подъ командой маршалка Вильгельма Головинскаго. Нѣсколько человѣкъ, посланныхъ съ этою цѣлью, было захвачено донцами, занимавшими границу между двумя уѣздами. Панна Анеля вызвалась добраться до овручскаго обоза. Одѣтая амазонкою, на прекрасной лошади, въ сопровожденіи одного конюха, она успѣла обмануть бдительность донцовъ и, по лѣсамъ и по полямъ, доѣхала до лагеря Головинскаго въ тотъ моментъ, когда тамъ началось сраженіе съ русскими. Головинскій сообщилъ ей, что если ему удастся прорваться сквозь ряды русскихъ, онъ направится къ Бѣлосорокѣ для соединенія съ радомысльскими повстанцами, и просилъ Голецкаго спѣшить къ тому же пункту. На возвратномъ пути прекрасная амазонка подверглась нападенію со стороны донцовъ, ея конюхъ былъ убитъ, а сама она избѣжала погони и прибыла въ лагерь Голецкаго, гдѣ, отдавъ отчетъ въ исполненіи порученія, въ тотъ же день заболѣла горячкой; ее отвезли къ матери, и она вскорѣ скончалась. Отъ тѣхъ же бѣглецовъ мы узнали,

что совѣтъ начальниковъ овручскаго повстанья, въ отвѣтъ на извѣстныя слова диктатора Хлопицкаго, постановилъ слѣдующее: если Варшава не хочетъ быть столицей Польши, Литвы и Руси, то пусть Овручъ будетъ Варшавой, и тотчасъ выслалъ свое войско противъ многочисленнаго русскаго отряда, не дождавшись амуниціи, о которой хлопоталъ Головинскій и въ которой ему отказали, сказавъ:

— Пусть гетманы холоднымъ оружіемъ остановятъ врага и истребятъ его!

Гетманы исполнили часть этого приказанія, дрались холоднымъ оружіемъ до изнеможенія, но непріятеля не остановили, а сами погибли и съ ними погибло повстаніе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГРАФИНЯ Р. С. ЭДЛИНГЪ
ВЪ ПИСЬМАХЪ КЪ В. Г. ТЕПЛЯКОВУ.

Графиня Роксандра Скарлатовна Эдлингъ, рожденная Стурдза сестра извѣстнаго писателя и дипломатическаго дѣятеля, Александра Скарлатовича, принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ русскихъ женщинъ эпохи Александра I. Будучи любимой фрейлиной императрицы Елисаветы Алексѣевны, она была свидѣтельницей всѣхъ замѣчательныхъ событій, которыя прошли черезъ все александровское царствованіе.

Роксандра Скарлатовна родилась 12 октября 1786 г. въ Константинополѣ. Отецъ ея, Скарлатъ Дмитріевичъ, молдавскій господарь, вслѣдъ за ясскимъ миромъ (1792) переселился въ Россію; мать ея была гречанка изъ рода князей Мурузи. Огромное состояніе ихъ, оставшееся на родинѣ въ чужихъ рукахъ, разстроилось; въ своемъ новомъ отечествѣ молдаванскіе эмигранты купили усадьбу въ Могилевской губерніи, гдѣ занимались хозяйствомъ, а главнымъ образомъ всѣ ихъ заботы были направлены на воспитаніе и образованіе дѣтей, которымъ руководила сама мать, при помощи вывезеннаго изъ Молдавіи француза Допань. Какъ только дочери Роксандрѣ исполнилось 17 лѣтъ, родители рѣшили выйти изъ замкнутаго круга деревенскаго уединенія и возвратиться къ свѣтской жизни; съ этою цѣлью они стали показываться въ Петербургѣ. Домъ ихъ былъ открытъ для друзей, среди которыхъ часто появлялись князь Ипсиланти и графъ Каподистрія; въ ихъ гостиныхъ собиралось самое разнообразное общество; въ большомъ свѣтѣ скоро замѣтили и полюбили умную и не по лѣтамъ образованную Роксандру Скарлатовну. Явившись ко двору она обратила на себя вниманіе молодой императрицы, которая вскорѣ приблизила ее къ себѣ. Въ это время началась отечественная война. Императоръ уѣхалъ въ дѣйствующую армію, а госу-

дарыня въ тѣсномъ кругу своихъ приближенныхъ переселилась во дворецъ на Каменномъ островѣ. Грустный и озабоченный вернулся Александръ I изъ арміи въ сѣверную столицу; около этого времени онъ познакомился съ фрейлиной Стурдзой и часто находилъ утѣшеніе въ бесѣдахъ съ этой женщиной, которая поражала его изяществомъ и силою своихъ убѣжденій. Послѣ изгнанія непріятеля, когда союзныя войска, одушевляемыя присутствіемъ императора Александра I, двинулись къ предѣламъ Франціи, государыня выѣхала изъ Петербурга, чтобы навѣстить своихъ родныхъ въ Германіи и встрѣтиться тамъ со своимъ августѣйшимъ супругомъ. Дѣвица Стурдза была назначена сопровождать императрицу. Во время этого путешествія Роксандра Скарлатовна близко познакомилась съ баронессой Крюденеръ и Юнгомъ Штиллингомъ; тогда же она вела переписку съ графомъ Каподистрія, который вскорѣ былъ приближенъ къ государю. Потомъ во время конгресса дворъ переѣхалъ въ Вѣну. Здѣсь, среди пышнаго блеска баловъ, спектаклей и вечеровъ, императоръ часто встрѣчался съ фрейлиной Стурдзой, которую мало занимала вся эта мишурная роскошь придворной жизни; видимо и самъ государь тяготился этими празднествами среди всѣхъ сплетенъ и интригъ, его окружающихъ, и въ задушевныхъ бесѣдахъ высказывался откровенно.

Въ 1816 г. дѣвица Стурдза вступила въ бракъ съ графомъ Эдлингъ, который былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и маршаломъ при веймарскомъ дворѣ. Побывавъ въ Россіи, онъ вернулся къ своему посту, но скоро однако оставилъ службу. Въ 1822 г. супруги получили въ даръ отъ императора 10.000 десятинъ земли въ Бессарабіи; прошло нѣсколько лѣтъ и на мѣстѣ пустынныхъ земель явилось, благодаря попеченію владѣтелей, благоустроенное имѣніе Манзырь. Живя въ тишинѣ деревни, графиня Эдлингъ вся была проникнута стремленіемъ помогать бѣднымъ и сиротамъ. Въ имѣніи было открыто ею училище для неимущихъ дѣтей, устроена лѣчебница для больныхъ; около Одессы, благодаря ея попеченіямъ, возникъ сиротскій домъ и собраны были суммы для устроенія женскаго монастыря. Во время греческаго возстанія Роксандра Скарлатовна принимала дѣятельное участіе въ облегченіи участи своихъ единовѣрцевъ: она жертвовала деньгами, ходатайствовала за угнетенныхъ, переписывалась съ княземъ А. Н. Голицынымъ, при помощи котораго ей удалось осуществить мысль о сборѣ по всей Россіи пособій для грековъ и выкупа плѣнныхъ у турокъ. Братъ ея, Александръ Скарлатовичъ Стурдза, состоявшій одно время секретаремъ при графѣ Каподистрія, затѣмъ при князѣ А. Н. Голицынѣ, оставилъ по разстроенному здоровію службу въ 1830 г. и поселился въ Одессѣ; здѣсь, какъ и всегда, сестра Роксандра была его задушевнымъ другомъ. Около этого времени познакомился съ графиней Эдлингъ, состоявшій при графѣ М. С. Воронцовѣ, В. Г.

Тепляковъ. Предлагаемыя письма даютъ прекрасную характеристику графини Эдлингъ и обращаютъ на себя вниманіе глубиною и талантливымъ изложеніемъ мыслей. Въ 1841 г. Роксандра Скарлатовна лишилась своего супруга, а 16 января 1844 г. скончалась сама, горячо оплаканная братомъ, его дочерью и внуками и, за неименіемъ своихъ дѣтей, тѣми сиротами, которымъ посвятила половину своей жизни. См. «Дань памяти гр. Р. С. Эдлингъ, урожденной Стурдза». Одесса 1844.— «Mémoires de la comtesse Edling (née Stourdza) demoiselle d'honneur de Sa Majesté l'Impératrice Élisabeth Alexéevna». Moscou 1888.

А. Ѳ. Шидловскій.

Графиня Р. Эдлингъ—В. Г. Теплякову. [1])

1.

31 апрѣля 1834 г. Манзырь.

Къ вамъ, кажется, можно примѣнить поговорку объ отсутствующихъ: съ глазъ долой—изъ сердца вонъ; вы не только не пріѣхали ко мнѣ, какъ я надѣялась, но даже не писали какъ обѣщали. Все же я думаю, въ одинъ прекрасный день вы вспомните меня, теперь же посылаю вамъ рекомендательное письмо для Константинополя. По счастливой случайности мой хорошій знакомый г. Доне, который, какъ я вамъ говорила, можетъ быть такимъ полезнымъ въ Константинополѣ знакомымъ, точно съ неба упалъ ко мнѣ на дняхъ, не знаю откуда. Онъ обѣщалъ снабдить васъ письмами и разными свѣдѣніями; но онъ будетъ въ Одессѣ только 15 мая. Если вы до тѣхъ поръ еще не уѣдете, освѣдомьтесь о немъ на хуторѣ Гоголь, гдѣ онъ останавливается; вы въ немъ встрѣтите человѣка очень обязательнаго и который будетъ вамъ очень пріятенъ въ путешествіи. Но уѣдете ли вы? Я въ этомъ не совсѣмъ увѣрена, зная, какъ несчастна ваша звѣзда. Благословляю свою звѣзду, что я оставила городъ. Здѣсь мои деревья, мои животныя и даже мои люди—всѣ, кажется, счастливы моимъ присутствіемъ. Душа успокаивается въ уединеніи и воображеніе оживляется у этого источника природы, который не можетъ изсякнуть. Весна этотъ годъ такая цвѣтистая и прелестная; у насъ много соловьевъ, тепло, какъ на югѣ, и растительность великолѣпная. За моимъ оазисомъ, правда, начинаются обширныя степи,

---

[1]) Всѣ письма печатаются въ переводѣ съ французскаго.

но эти степи всѣ покрыты стадами; тотъ, кто, одаренъ нѣкоторой поэзіей, легко можетъ представить себѣ тутъ колодезь Іакова, постуховъ Халдеи и всѣ эти идиллическія картины, которыя прельщаютъ насъ своей простотой въ колыбели человѣчества. Здѣсь чувствуешь себя хорошо; а главное—находишь отдыхъ; а отдыхъ былъ бы, кажется, необходимъ для васъ. Что дѣлаетъ ваша бѣдная поэзія среди всѣхъ этихъ завтраковъ, вечеровъ и дуэлей, слухъ о которыхъ дошелъ до насъ? Въ ожиданіи что вы сообщите новости, прошу васъ принять выраженіе искренняго моего участія, которое я питаю къ вамъ и которое нисколько не измѣнилось моимъ общеніемъ съ природою. Потрудитесь передать Чорба, что я отчаявалась также его видѣть, а все-таки желаю отъ всей души, чтобы онъ исполнилъ по крайней мѣрѣ свои предположенія въ отношеніи сестры и тетки.

2.

12 іюля 1834 г. Манзырь.

Я получила ваше письмо изъ Константинополя, за которое тысячу разъ блалодарю. Оно пробудило во мнѣ тоску по родинѣ. Я очень рада, что вы не ошиблись въ своемъ ожиданіи и наслаждаетесь одной изъ тѣхъ хорошихъ и рѣдкихъ минутъ жизни, которыя есть о т д ы х ъ б о ж е с т в е н н ы й, а онъ помогаетъ намъ легче переносить горести, неизбѣжныя въ нашемъ существованіи. Не въ одну изъ такихъ отрадныхъ минутъ пишу вамъ. Домъ мой наполненъ больными; мужъ мой первый слегъ и былъ три недѣли прикованъ къ дивану опухолью ноги. Южныя губерніи страдаютъ опять отъ засухи. Мы будемъ имѣть столько же горестей, если не больше, какъ прошлый годъ, и тѣ, которыхъ, Боже мой, называете вы несчастными, сами еще стараются ухудшить наше положеніе, но я надѣюсь, ихъ приберутъ къ рукамъ. Ничего не могу сказать вамъ о с в ѣ т л ѣ й ш е м ъ[1]) (гр. Воронцовѣ); говорятъ, онъ грустенъ, озабоченъ подъ давленіемъ большой денежной отвѣтственности касательно военнаго продовольствія въ 1829 г. Его ждутъ въ Одессу; говорятъ, что онъ поѣдетъ въ Измаилъ и къ 30 августа въ Петербургъ. Я убѣждена, что его сношенія съ графомъ Нессельроде легко доставятъ ему случай помочь вашему опредѣленію въ константинопольскую миссію, и, зная его любезность, не сомнѣваюсь, что, если вы къ нему обратитесь, онъ для васъ это сдѣлаетъ. Тогда подъ шумъ волнъ Босфора ваша фантазія доставитъ намъ наслажденія, достойныя вашего таланта.

---

[1]) Въ подлинникѣ: illustrissimo.

Какъ нравится вамъ статья (?) Вяземскаго на альманахъ; онъ какъ будто сговорился съ барышнею Штиглицъ, которая отдавала пальму первенства Сафонову. Онъ же предпочитаетъ Растопчину и Норова. Я всему этому очень смѣялась.

Хотѣлось бы мнѣ написать вамъ побольше, но я совсѣмъ измучена. У насъ большое общество, и я не имѣю ни минуты отдыха; въ то же время не хочу пропустить случая отправить это письмо въ Одессу. Прощайте; пишите мнѣ, на сколько можете часто, и будьте увѣрены въ преданности, которую я питаю именно къ вамъ, потому что разсчитываю, что найду въ васъ то, что такъ можно рѣдко встрѣтить въ людяхъ, а именно: прямоту, доброту, таланты и правдивость.

3.

27-го апрѣля 1835 г. Манзырь.

Съ удовольствіемъ получила ваше письмо изъ деревни. Въ немъ выражается благотворное вліяніе природы и уединенія. Я увѣрена, что вамъ понравится эта жизнь, которую вы прежде не могли оцѣнить. Вы не могли въ вашей бурной молодости понять всю прелесть роднаго дома, между тѣмъ для васъ это пока минута отдыха, un momento di respiro, какъ говорятъ итальянцы. Меня удивило, что Родофиникину [1]) не далп никакого отвѣта, и я написала г-жѣ Пуль, прося ее требовать отъ Щербинина [2]), чтобы этотъ отвѣтъ былъ посланъ какъ можно скорѣе. Къ сожалѣнію, графъ вернется въ Одессу не ранѣе 15-го или 20-го сентября. Разъ вы получите этотъ отвѣтъ, держитесь Родофиникина и не адресуйтесь къ другимъ подчиненнымъ, это могло бы оттолкнуть его, а онъ—личность очень вліятельная при вице-канцлерѣ [3]). Онъ написалъ моему брату, что такъ господа Б. и Ф. обѣщаютъ многое и, конечно, не дѣлаютъ для васъ, но онъ рѣшился дѣйствовать одинъ и сдѣлаетъ это по возвращеніи вице-канцлера. Я въ то же время опять напишу Голицыну, и увѣрена, что, если вы не перемѣните своего желанія, то будете имѣть успѣхъ. Эту зиму Одесса будетъ люднѣе, чѣмъ когда-нибудь. Ожидаютъ графа Льва Потоцкаго, графа Бобрин-

---

[1]) Константинъ Константиновичъ Родофиникинъ былъ членомъ совѣта министерства иностранныхъ дѣлъ, потомъ управляющимъ азіатскимъ департаментомъ при этомъ министерствѣ. († 30-го мая 1838 г.).

[2]) Михаилъ Павловичъ Щербининъ, чиновникъ при канцеляріи графа М. С. Воронцова. Впослѣдствіи написалъ біографію своего начальника.

[3]) Гр. Карлѣ Васильевичѣ Нессельроде.

*

скаго съ ихъ семействами, Марью Антоновну Нарышкину [1]), семейство Фонтона и множество другихъ. Фонтонъ былъ у насъ въ Манзырѣ и, вѣроятно, во-очію убѣдился, что можно быть счастливымъ и полезнымъ вдали отъ свѣта и дѣлъ. Разсчитываю вернуться въ Одессу въ первыхъ числахъ октября; думала поѣхать въ Крымъ, но обыкновенный въ это время холодъ задерживаетъ меня. Признаюсь, впрочемъ, что мнѣ жаль разстаться съ Манзыремъ. Въ деревнѣ я люблю даже эти длинные осенніе вечера у камина, съ хорошей книгой, съ грустными воспоминаніями и мыслями о другомъ, лучшемъ мірѣ. Я достала себѣ второй томъ Doctrine; онъ вовсе не такъ замѣчателенъ, какъ первый. Я прочла опроверженіе аббата Ботэнь [2]), прочитала также путешествіе Ламартина на Востокъ; это—не что иное, какъ дневникъ; но есть мѣста весьма интересныя. Въ томъ полномъ уединеніи, въ которомъ я живу, чрезвычайно пріятно сообщаться мыслью съ цивилизованнымъ міромъ. Можетъ быть вы когда-нибудь посѣтите меня здѣсь, тогда вы будете представлять цивилизацію, а я—степь, но тѣмъ не менѣе разговоръ нашъ будетъ пріятенъ. Н. Нарышкина [3]), провела со мною нѣсколько дней, и дружба наша еще скрѣпилась въ этой простой, деревенской жизни, которая можетъ быть пріятна только для людей, другъ другу сочувствующихъ. Прощайте, дорогой Тепляковъ; не надѣясь, что вы вернетесь въ Москву и нуждаясь все-таки въ артистѣ-поварѣ, я адресовалась къ какому-то прусскому консулу, Штрауху, одному изъ столповъ Москвы, съ просьбой его прислать. Если вы, паче чаянія, знакомы съ этимъ господиномъ и если вы вздумаете посѣтить столицу прежде вашего отправленія въ Петербургъ, постарайтесь узнать, найденъ ли этотъ артистъ. Прощайте еще разъ; мужъ мой и всѣ мои дружески васъ вспоминаютъ.

4.

25-го мая 1835 г. Манзырь.

Получила ваше письмо изъ Москвы съ искреннимъ удовольствіемъ. Мнѣ нравится ваша привязанность къ милой, старой столицѣ; я съ

---

[1]) Марья Антоновна, рожденная княжна Четвертинская, была фрейлиной императрицы Екатерины II, вышла потомъ замужъ за Дмитрія Львовича Нарышкина.

[2]) Louis-Eugène-Marie Bautain, французскій философъ и богословъ († 1867), написавшій много сочиненій. Вѣроятно, здѣсь говорится объ его: „Philosophie du christianisme. (1835)“.

[3]) Наталья Ѳедоровна Нарышкина, рожденная гр. Растопчина.

вами согласна, что, если ваше желаніе не исполнится, вы должны поселиться въ Москвѣ не для того, чтобы прозябать, по вашимъ словамъ, а жить хорошей, простой жизнью; отъ этой жизни мы никогда не удаляемся безъ сожалѣнія и всегда съ удовольствіемъ къ ней возвращаемся. Въ Москвѣ проснется ваша любовь къ литературѣ, и вы тамъ найдете тѣ умственныя наслажденія, которыхъ вы не имѣли въ Одессѣ, потому что нашъ милый городъ не отличается въ этомъ отношеніи. Впрочемъ я васъ утѣшаю, а можетъ быть этого вовсе не нужно. Князь Голицынъ каждый годъ, на словахъ, ѣдетъ въ Крымъ, но говорятъ, что дѣйствительно этою весною многіе оставили Петербургъ. Я также обрѣтаюсь въ моей пустынѣ и нахожу ее прелестной. Жду мое семейство и нѣкоторыхъ друзей, съ которыми еще болѣе буду наслаждаться спокойствіемъ и удовольствіями деревенской жизни. Нарышкина, которая прислала мнѣ это письмо для васъ, обѣщаетъ непремѣнно пріѣхать сюда, послѣ чего она также отправляется въ Москву. Въ Манзырѣ я могу, наконецъ, спокойно заняться чтеніемъ; здѣсь мнѣ никто не мѣшаетъ, какъ въ Одессѣ. Я вся погрузилась въ вашемъ Sismondi [1]), чтобы познакомиться съ испанской литературой; но оказывается, что въ этомъ предметѣ я столько же свѣдуща, какъ и онъ, благодаря нѣмецкимъ переводамъ, единственному источнику, которымъ и онъ пользовался. Прочла также нѣкоторыя мѣста изъ сочиненій Ламартина о Востокѣ. Его разсказъ о свиданіи съ леди Стенгопъ [2]) очень интересенъ; вы

[1]) Jean-Charles-Léonard Simonde de Sismondi, женевскій историкъ и экономистъ. Здѣсь говорится объ его: „De la littérature du midi de l'Europe“ (Paris. 1813—1829. 4 v.).

[2]) Леди Стенгопъ (lady Esther Stanhope), женщина извѣстная своею эксцентричностью и страннымъ характеромъ; она была старшею изъ трехъ дочерей графа Чарльза Стенгопъ, англійскаго пэра, отъ перваго его брака съ Эстеръ Питтъ, дочерью знаменитаго Чатама; родилась въ Лондонѣ въ 1776, умерла въ Дижунѣ (Сирія) въ 1839 г. Она получила воспитаніе, живя въ деревнѣ, вдали отъ родителей; здѣсь, предоставленная почти себѣ, она росла на попеченіи слугъ, ее окружающихъ, среди которыхъ проявляла свой деспотическій и надменный характеръ; она никого не любила; одинъ только Питтъ пользовался ея расположеніемъ. Послѣ смерти Питта, леди Стенгопъ покинула родину и отправилась на Востокъ. Побывавъ въ Греціи и Египтѣ, она поселилась въ Сиріи, выбравъ своей резиденціей Джунъ. Здѣсь она слыла пророчицей, ходила въ восточномъ костюмѣ, была извѣстна окрестному населенію подъ именемъ царицы Тадморъ. Ламартинъ во время путешествія по Востоку въ 1833 г. посѣтилъ эту замѣчательную женщину. „Повидимому,—говоритъ онъ,—ея религіозные взгляды были обдуманнымъ, хотя смутнымъ смѣшеніемъ различныхъ вѣрованій, среди которыхъ ей было суждено жить: мистическое настроеніе друзовъ, покорность Провидѣнію и фатализмъ мусульманина, религія еврея, ожидающаго Мессію, и нравственное ученіе христіанина, вѣрующаго въ Спасителя—все это освѣщено было колоритомъ фантазіи съ примѣсью сверхестественнаго воображенія, подогрѣваемаго одиночествомъ и размышленіемъ...“

такъ любите необыкновенные характеры; вамъ слѣдовало бы посѣтить Ливанскія горы, чтобы съ нею познакомиться. Никлевичъ—ничто въ сравненіи съ нею. Кстати о Никлевичѣ; онъ положительно обѣщаетъ пріѣхать въ Манзырь къ 10-му іюня. Мы ему приготовили хорошее фортепіано, и я надѣюсь, что онъ и здѣсь заживется, какъ въ Hôtel du Nord. Г-жа Катакази написала мнѣ изъ Аѳинъ, что она вздыхаетъ по Россіи. Примите это къ свѣдѣнію. Прощайте; я думаю, вы не имѣете времени читать мои письма среди свѣтскаго вихря, въ которомъ я васъ отсюда вижу. Желаю вамъ всякаго успѣха. Пока не забывайте меня и разсчитывайте на мою дружбу. Мужъ мой шлетъ вамъ свой привѣтъ.

P.S. Благодарю васъ за повара; я очень рада была, узнавъ, что его можно имѣть на такихъ условіяхъ. Въ эту минуту у меня есть поваръ, но осенью, можетъ быть, воспользуюсь свѣдѣніями, которыми обязана вамъ.

5.

3-го апрѣля 1836 г. Одесса.

Еще до полученія вашего письма, дорогой Тепляковъ, я уже знала хорошую новость, которую вы мнѣ сообщаете. Князь Голицынъ уже писалъ мнѣ о благопріятномъ оборотѣ вашего дѣла, а теперь Родофиникинъ извѣстилъ моего брата о вашемъ назначеніи въ Константинополь. Всему этому я уже порадовалась, но вы такъ мило и съ такимъ чувствомъ приписываете мнѣ вашъ успѣхъ, что я поняла все наслажденіе содѣйствовать карьерѣ поэта. Шутки въ сторону; я очень счастлива, что вы, наконецъ, достигли пристани. Ваше существованіе было невыносимо; никогда это не забывайте, чтобы потомъ въ случаѣ непріятностей и неудачъ вамъ бы всегда помнить, что васъ даже въ Петербургъ не хотѣли пускать, но что теперь эта поѣздка не только доставила вамъ прекрасное и завидное назначеніе, но примирила васъ съ самимъ собою, изгладивъ слѣды прошлаго и возвративъ вамъ это доброе расположеніе, столь необходимое человѣку, чтобы жить и умереть въ довольствѣ. Это стоитъ всей поэзіи лорда Байрона, не говоря уже о будущности, которая открывается передъ вами; вполнѣ будетъ зависѣть отъ вашего ума, чтобы эта будущность была самая блестящая. Объ этомъ мы потолкуемъ на свободѣ, когда вы вернетесь. Пока вѣрьте, что никто болѣе меня не принимаетъ участія во всемъ, что до васъ касается. Вы все-таки скрывали передо мной свой истинный характеръ, но благодаря моей женской проницательности, я скоро поняла васъ. Благородство души, прямота, правдивость, набожность. Налетѣвшая

буря все взволновала; слава Богу, она миновала, вздохнемте же, наконецъ, и не забудьте Того, который поддержалъ васъ 10 лѣтъ тому назадъ въ томъ грустномъ отчаяніи, въ которомъ вы находились, протянулъ вамъ руку помощи и никогда васъ не оставитъ. Вы видите, что я не потеряла привычку поучать васъ, но сердце мое преисполнено такою за васъ благодарностью Богу, какую, какъ видите, вы можете вполнѣ со мною раздѣлить. Надѣюсь васъ увидѣть, когда вы будете въ нашихъ краяхъ. Время моего отъѣзда въ Манзырь еще не рѣшено, потому что въ началѣ мая братъ [1]) мой со своимъ семействомъ уѣзжаетъ въ Берлинъ. Мать моя остается на своемъ хуторѣ; я съ ней не разстанусь, пока она совершенно не устроится. Во всякомъ случаѣ я васъ увижу. Если вы поѣдете на Тирасполь, прямой дорогой, вамъ скажутъ, переѣхала ли я въ Манзырь. Возьмите потомъ на Каушаны, станція на другой сторонѣ Днѣстра, а оттуда на почтовыхъ въ Манзырь. Переѣхавъ ручей подъ Тирасполемъ, вы минуете Бендеры и до Манзыря вамъ останется одна станція—Каушаны. Если же вы поѣдете на Бендеры, то до меня двѣ станціи, хотя всего 12 верстъ разницы. Если не въ Манзырѣ, то вы меня найдете въ Одессѣ, въ моемъ маленькомъ домѣ; тутъ я веду все ту же однообразную жизнь; она меня иногда утомляетъ, но хорошія книги помогаютъ мнѣ ее переносить. Мнѣ попалась книга, мало извѣстная. Авторъ этой книги еще живъ; онъ женевскій пасторъ; заглавіе ея «Leçons de la parole de Dieu» («Уроки о словѣ Божіемъ»); это—грандіозно. Взглядъ его—чистота и христіанство; онъ касается съ глубокою увѣренностью самыхъ страшныхъ задачъ судьбы человѣческой. Онъ начинаетъ съ происхожденія зла и кончаетъ вѣчнымъ блаженствомъ. Жизнь этого почтеннаго старца пройдетъ на землѣ незамѣтно; но я увѣрена, что горчичное сѣмя, брошенное имъ въ сухую землю, разростется послѣ него въ вышину, и въ вѣтвяхъ его будутъ укрываться птицы. Надѣюсь, что вы помните это евангельское изреченіе? Я спрашивала себя, отчего въ нашъ вѣкъ, когда желѣзныя дороги и пароходы такъ быстро переносятъ товары и праздныхъ людей съ одного конца міра на другой, мысль человѣка, уединенно работающаго въ тиши своего кабинета, распространяется такъ медленно. Вслѣдствіе этого я просила брата написать Moulinié [2]) и сказать ему, что въ Одессѣ

---

[1]) А. С. Стурдза отправился въ Германію для поправленія своего здоровья и свиданія съ своимъ тестемъ, знаменитымъ врачемъ Х. В. Гуфеландомъ.

[2]) Moulinié (Charles-Etienne-François), швейцарскій писатель († въ Женевѣ въ 1836 г.). Онъ исполнялъ обязанности пастора, былъ замѣчателенъ своею благочестивою жизнью, написалъ много духовныхъ сочиненій. Здѣсь говорится объ его: „Leçons de la parole de Dieu sur les points les plus importants de la foi chrétienne“. Paris, 1821—1826. 5 v.

существуютъ души, близкія его душѣ по той же вѣрѣ и любви. Отвѣтъ его доставилъ мнѣ самую живую радость. Но довольно теперь; надѣюсь, скоро имѣть удовольствіе потолковать съ вами, да хранитъ васъ всегда Господь. До свиданія.

P.S. Я очень тронута памятью m-me Хитрово; я также не забыла ее, такъ какъ она принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя оставляютъ по себѣ впечатлѣніе. На дняхъ напишу ей, чтобы предложить покупателя на ея землю въ Бессарабіи.

6.

25-го сентября 1836 г.

Пользуюсь отходомъ парохода, чтобы отвѣчать на ваше первое письмо изъ Константинополя, которымъ я осталась не совсѣмъ довольна. Боюсь, чтобы вы тамъ не выказали свой дурной нравъ, что ни къ чему хорошему не поведетъ. Подумайте: дабы быть любимымъ, нужно прежде всего быть любезнымъ, чего вы никогда не добьетесь, если съ самаго начала показываете свое дурное расположеніе духа. Умоляю васъ, не обращайте вниманія на маленькія непріятности, неразлучныя съ вашимъ расположеніемъ, и не забывайте, сколько людей были бы довольны вашему малѣйшему промаху, чтобы повредить вамъ. До сихъ поръ вы успѣвали благодаря спеціально благоволенію къ вамъ государя; но это еще не все. Ему не можетъ быть извѣстна незначительная мелочь вашей жизни, и вы не найдете въ немъ поддержки, если примѣнятъ къ вамъ фатальное названіе «безпокойный человѣкъ». Займитесь же пока древностями Константинополя и постарайтесь, чтобы добрѣйшій Бутеневъ [1]) узналъ васъ такимъ, какой вы есть; онъ скоро пойметъ ваше прекрасное сердце, ваше поэтическое воображеніе, хотя иногда странное и эксцентричное. Въ виду этихъ прекрасныхъ, столь рѣдкихъ въ наше время, качествъ. онъ извинитъ непостоянство вашего ума, вашу раздражительность и скажетъ себѣ, что человѣкъ не даромъ родится поэтомъ. Надѣюсь, вы не разсердитесь на мои замѣчанія, а главное — будете слѣдовать моимъ совѣтамъ. Мое убѣжденіе таково, что вы должны забыть Петербургъ, по крайней мѣрѣ на годъ. Если будущимъ лѣтомъ ихъ величества доставятъ намъ счастіе видѣть ихъ здѣсь, ваша судьба можетъ измѣниться. Я раздѣляю мнѣніе вашего друга Р., что дипломатія вамъ вовсе не къ лицу, но нужно было съ

---

[1]) Аполинарій Петровичъ Бутеневъ, тайный совѣтникъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при Портѣ Оттоманской.

чего-нибудь начать. Теперь же, когда вамъ покровительствуетъ государь и князь Голицынъ, то, конечно, найдутъ средства устроить васъ въ Петербургѣ подъ тѣнью лавровъ Аполлона. Нетерпѣніемъ дѣла не портите. Я въ городѣ вотъ уже двѣ недѣли; мать моя еще въ деревнѣ пользуется послѣдними хорошими днями, и я была бы очень рада пожить немного среди природы, которая всегда такъ благодѣтельно на меня дѣйствуетъ; но по какому-то странному несчастію я всегда лишена этого единственнаго для меня удовольствія. Не есть ли это предзнаменованіе, что ни къ чему въ жизни не надо привязываться, даже къ мысли о Богѣ, но всегда искать Его мысленно, сама оставаясь въ уединеніи. Хорошо не понимаю этого; но чѣмъ больше я живу на свѣтѣ, тѣмъ болѣе сознаю себя чуждой окружающему и чувствую, что моего умственнаго развитія на это мнѣ совсѣмъ не хватаетъ; я хотѣла бы разбить ледъ, который мѣшаетъ мнѣ проникнуть внутрь себя. Видите, какъ перо мое осмѣливается желать понять мою душу, но я прощаю ему то, ибо это — для васъ. Гамалѣй сказалъ, что вы не получили сочиненія о Востокѣ, которое я вамъ однако послала въ вашъ отель утромъ рано въ день вашего отъѣздъ. Неужели его задержали? Скажите, получили ли вы его? Прощайте. Пишу вамъ наскоро, потому что поздно, а пароходъ скоро отойдетъ. Нетерпѣливо желаю узнать, слѣдуете ли вы моимъ совѣтамъ. Пока пишите мнѣ чаще и разсчитывайте на мою искреннюю дружбу.

7.

18-го февраля 1837 г. Одесса.

Вотъ уже слишкомъ двѣ недѣли перо мое готово, чтобы писать вамъ въ ожиданіи отхода парохода: но онъ задержанъ въ пристани скопившимся льдомъ. Я вооружилась терпѣніемъ и хочу за то вознаградить васъ громаднымъ письмомъ; прошу васъ поглотить его безропотно. Многое и многое имѣю сообщить вамъ; но начну съ бѣднаго Пушкина, смерть котораго, вѣроятно, васъ такъ же огорчила, какъ и меня. Конечно, вамъ уже извѣстны всѣ подробности о ней и васъ, вѣроятно, тронуло вниманіе къ нему государя, который пожелалъ облегчить ему переступить порогъ вѣчности съ успокоеніемъ и утѣшеніемъ религіи. Подобное высокое движеніе души христіанской не было безполезно; такъ г-жа Пуль пишетъ мнѣ, что Пушкинъ, бывши нѣсколько часовъ до сего страшно раздраженнымъ, сталъ кротокъ, какъ ангелъ, просилъ помилованія своему сопернику и не принималъ ничего, какъ только изъ рукъ жены. Если Господь, какъ я надѣюсь, принялъ по своему милосердію

эту, столь богато одаренную душу, нужно только сожалѣть о тѣхъ, которые повергли его въ такое безуміе, которое отняло его отъ насъ. Указываютъ на одну даму, извѣстную намъ обоимъ; говорятъ, что она была орудіемъ этого ужаснаго злодѣянія. Мнѣ не вѣрится это.

Въ Одессѣ также много умершихъ, больше всего молодые. Несчастіе, поразившее семейство Маразли, пугаетъ воображеніе. Сынъ вернулся изъ путешествія, чтобы умереть, а дочь послѣдовала за нимъ двѣ недѣли спустя. Орминъ выражаетъ такую глубокую грусть, и я теперь упрекаю себя, что не вѣрила его любви. Можете себѣ представить, какъ не гармонируетъ масляница со всѣмъ этимъ трауромъ. Между тѣмъ Нарышкины устраиваютъ домашній спектакль Гр. Виттъ уѣзжаетъ въ Петербургъ, а Воронцовы—въ Крымъ на первой недѣлѣ поста. Къ 1 сентября въ Вознесенскъ ждутъ ихъ величества со свитой. Неизвѣстно, состоится ли ихъ путешествіе въ Крымъ, но мы ихъ увидимъ въ Одессѣ. Вотъ вамъ новости дня.

Чтобы вернуться къ жизни внутренней и самой, конечно, важной въ этомъ мірѣ, скажу вамъ, что на-дняхъ я прочла книгу, которая доставила мнѣ такое большое удовольствіе, что я выписываю ее изъ Петербурга и вамъ также пришлю экземпляръ. Это—«Le Christ devant siècle». (Христосъ передъ лицомъ науки). Заглавіе неправильное; это—не аскетическое сочиненіе, но оно сосредоточиваетъ въ себѣ самыя свѣтлыя доказательства истины; этому мы обязаны современной наукѣ, которая, въ силу своего безпристрастія, много и заботливо трудилась, чтобы подтвердилось св. писаніе. Великолѣпный этотъ результатъ удивляетъ и радуетъ въ одно и то же время. Вообще не знаешь, какъ благодарить Бога за то, что христіанство снова пробудилось во Франціи, и что она опять съ неожиданнымъ рвеніемъ и ясностью мысли потрудилась въ духѣ Господнемъ, чего отъ нея трудно было ожидать. Я чувствую такую неизъяснимую радость, что могла бы проводить цѣлые дни, размышляя о таинственныхъ путяхъ, которые Провидѣніе себѣ избираетъ для спасенія страждующаго человѣчества. Но для васъ, который пока въ этотъ предметъ особенно не вдается, на сегодня достаточно. Перейдемъ къ литературѣ. Говорятъ, васъ остро раскритиковали въ журналахъ, но я надѣюсь, вы не удостоите на это отвѣтить. Вы должны довольствоваться похвалою тѣхъ, которые дѣйствительно любятъ поэзію и, сами обладая талантомъ, уважаютъ его въ другихъ. Вотъ, что пишетъ мой братъ о второмъ томѣ вашихъ сочиненій, который я послала ему въ Берлинъ: «Если Тепляковъ уѣхалъ къ мѣсту своего назначенія, и вы будете ему писать, то выразите ему мою признательность за его книгу и скажите ему, что дѣйствительно двѣ изъ его оракійскихъ элегій привели меня въ восторгъ, особенно та, гдѣ онъ описываетъ сраженіе. Это—поэзія, и высокая поэзія».

Я привожу вамъ его собственныя слова, а мнѣніемъ моего брата нельзя пренебрегать. Жуковскій, я и многіе другіе того же мнѣнія.

Намъ говорили о случаяхъ чумы въ домѣ г-на Бутенева. Неужели эта чума никогда не кончится? Неужели вы должны сидѣть безвыходно въ вашей квартирѣ, неужели вы ни съ кѣмъ интереснымъ не познакомились? Здѣсь—все тѣ же лица, все та же безцѣльная потеря времени, какъ и всегда въ Одессѣ; такъ что не можешь дождаться минуты отъѣзда въ деревню, чтобы тамъ, на свободѣ хоть немного воспользоваться способностью мыслить. Я намѣрена уѣхать тотчасъ послѣ Пасхи. Подѣлитесь со мною вашими планами; куда вы отправитесь! Я надѣюсь тѣмъ не менѣе, что, когда возстановится пароходное сообщеніе, я буду имѣть частыя отъ васъ извѣстія. Не будьте слишкомъ требовательны насчетъ отвѣтовъ. Не всегда бываешь расположена писать; иногда мѣшаетъ какое-нибудь огорченіе, или головная боль, или тысяча разныхъ дѣлишекъ. Достаточно, чтобы существовало сердечное участіе или дружба, а въ этомъ вы не должны никогда сомнѣваться.

8.

17-го марта 1837 г.

Ваше милое и доброе письмо доставило мнѣ большое удовольствіе, благодарю васъ за него. Всѣ дальнѣйшія письма будутъ приняты съ большимъ удовольствіемъ. Всѣмъ сердцемъ желаю, чтобы муза ваша вдохновилась и воспѣла Пушкина. Несомнѣнно, что царская милость заставила радостью умилиться его ангела-хранителя, плачущаго надъ его смертнымъ одромъ, озаривъ свѣтомъ новаго ореола, который на челѣ умирающаго гораздо выше земной славы. Если трудъ вашъ удастся, то я увѣрена, что князь Голицынъ съ удовольствіемъ его представитъ государю императору, который увидитъ, что не напрасно оказалъ вамъ свое покровительство. Меня очень тронуло извѣстіе, что первая особа, о которой послѣ катастрофы спросилъ Пушкинъ, была Карамзина [1]), предметъ его первой и благородной привязанности. Хитрово [2]), кото-

---

[1]) Екатерина Андреевна, дочь А. И. Вяземскаго, жена исторіографа Карамзина.

[2]) Елизавета Михайлова, дочь фельдмаршала Голенищева-Кутузова-Смоленскаго; въ первомъ бракѣ была за графомъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Тизенгаузеномъ († 1805), во второмъ за Николаемъ Ѳедоровичемъ Хитрово, посланникомъ во Флоренціи († 1819). Это—женщина незабвенная въ петербургскихъ преданіяхъ. П. А. Вяземскій разсказываетъ: „Утра ея (впрочемъ продолжающіяся отъ 1 до 4 пополудни) и вечера дочери ея, графини Фикельмонтъ, неизгла-

рую хотѣли очернить въ общественномъ мнѣніи, приписывающемъ большое участіе ей въ этой интригѣ, ухаживала за Пушкинымъ до его послѣдней минуты, и я нахожу, что это обстоятельство служитъ ея оправданіемъ.

Меня очень огорчило извѣстіе о кончинѣ князя Гагарина [1]), шурина Свѣчиной; знаю какое для нея это будетъ огорченіе. Скажите мнѣ пожалуйста, въ Константинополѣ еще ея племянникъ [2]) или нѣтъ; сообщите о немъ нѣкоторыя подробности; я знала его ребенкомъ и вспоминаю о немъ съ добрымъ чувствомъ. Все, что близко Свѣчиной, для меня также дорого. Надѣюсь, что онъ достоинъ такой очаровательной тетушки, будучи знакомой съ которой можно повѣрить въ возможность совершенства на этой землѣ. По вашему описанію Константинополя кажется, что это не подходящее мѣсто для молодаго человѣка, едва показавшагося въ свѣтъ. Что касается васъ, повторяю — терпѣніе. Нужно дожидаться событій, а не создавать ихъ во что бы то ни стало. Въ видѣ развлеченія вы хорошо дѣлаете, что прогуливаетесь въ Азію, но не пытайтесь перемѣнять вашего положенія до осени. Это во всякомъ случаѣ было бы преждевременно.

Что сказать вамъ еще? Одесса все та же, какъ вы ее знаете. Графъ и графиня Воронцовы уѣзжаютъ 28 марта въ Крымъ, и все общество разсыпается въ разныя стороны. Вздыхаю по Манзырѣ, но не знаю, когда еще поѣду туда. Здоровье матери моей очень разстроилось. Братъ мой вернется только въ іюнѣ. Скажите, когда именно вы думаете оставить Константинополь, чтобы мнѣ не писать вамъ туда напрасно. Наталья Нарышкина не уѣдетъ изъ Одессы и будетъ очень рада, если вы ей напишете; ея дружба къ вамъ не измѣнилась. Я ее вижу часто,

---

димо врѣзаны въ памяти тѣхъ, которые имѣли счастіе въ нихъ участвовать. Вся животрепещущая жизнь европейская и русская, политическая, литературная и общественная имѣла вѣрные отголоски въ этихъ двухъ салонахъ". Говоря далѣе о смерти Пушкина, Вяземскій добавляетъ: „Извѣстно, что тутъ замѣшано было и дипломатическое лицо. Тайна безъименныхъ писемъ, этого пролога трагической катастрофы, еще недостаточно разъяснена. Есть подозрѣнія, почти неопровержимыя, но нѣтъ положительныхъ юридическихъ уликъ. Хотя Елизавета Михайловна, по семейнымъ связямъ своимъ, и примыкала къ дипломатической средѣ, но здѣсь она безусловно и исключительно была на русской сторонѣ. Въ Пушкинѣ глубоко оплакивала она друга и славу Россіи". (См. изъ старой записной книжки, начатой въ 1813 г. „Русск. Архивъ", 1877, т. I, стр. 513 и 514).

[1]) Князь Григорій Ивановичъ Гагаринъ († 12 февраля 1837), бывшій посланникомъ въ Римѣ и Мюнхенѣ, былъ женатъ на Екатеринѣ Петровнѣ Соймоновой, сестрѣ Свѣчиной.

[2]) Князь Григорій Григорьевичъ Гагаринъ, художникъ-любитель, занималъ одно время должность вице-президента Академіи Художествъ.

она меня учитъ англійскому языку; это — интересно для насъ обѣихъ. Прощайте, дорогой Тепляковъ, будьте здоровы, успокойтесь и разсчитывайте всегда на мою дружбу.

Рамовскій, наконецъ, издаетъ нѣсколько отрывковъ изъ русскаго сочиненія моего брата, а Родофиникину была поручена цензура. Какъ трудно, чтобы пропустили что-нибудь особенно знаменитое и доблестное изъ русской исторіи. Боюсь, что именно эту-то часть и не напечатаютъ. Fiat.

9.

16 февраля 1838 г. Одесса.

Наконецъ сообщеніе началось, и я могу теперь загладить свою вину передъ вами; увѣряю васъ, что вины собственно не существовало, дружба моя къ вамъ и доброе о васъ мнѣніе никогда не измѣнялись. Было бы слишкомъ долго распространяться о причинахъ моего молчанія. Приходитъ возрастъ, когда перестаешь быть сообщительной, когда исчезаетъ потребность дѣлиться своими впечатлѣніями и мыслями. Душа сосредоточивается въ самой себѣ, всѣ предметы для нея сходятся въ одинъ лучъ, который исходитъ отъ своего вѣчнаго источника и съ трудомъ расходится въ другія стороны. Боишься не быть понятою, безсильною убѣдить и предпочитаешь сама съ собой мечтать о своихъ друзьяхъ. Выводъ изъ всего этого тотъ, что вы должны простить мнѣ мое молчаніе. Не буду говорить вамъ также о чумѣ, землетрясеніи, ни о страшно холодной зимѣ, которая, кажется, хочетъ теперь насъ оставить. Вслѣдствіе этого у меня нѣкоторая хворость и страстное желаніе деревни, чистаго воздуха, всей прелести лѣта, чего, кажется, никогда достаточно не цѣнишь. Наконецъ, 24-го я буду свободна; можетъ быть, воспользуюсь этимъ, чтобы удалиться на короткое время въ Манзырь и отдохнуть тамъ, пока установившаяся весна не позволитъ мнѣ переѣхать туда со всей семьей. Что касается вашихъ дѣлъ, то я предпочла бы не говорить, какъ не нравится мнѣ ваша попытка, о которой говорите мнѣ въ вашемъ послѣднемъ письмѣ. Я предвижу неуспѣхъ и, если бы смѣла, то сильно пожурила бы васъ; но къ чему—разъ дѣло сдѣлано. Къ тому же вы очень расположены дѣйствовать по-своему; а вамъ не слѣдовало бы самому себѣ особенно довѣряться, потому что поэтическій умъ не всегда — хорошій совѣтникъ. Графъ Толстой [1]) говорилъ о васъ съ участіемъ и

[1]) Ген.-маіоръ, графъ Александръ Петровичъ Толстой съ 6 декабря 1837 до 23 февраля 1840 г. былъ военнымъ губернаторомъ въ г. Одессѣ съ управленіемъ такъ же и гражданскою частію; потомъ до 1855 г. былъ въ отставкѣ, когда поступилъ на службу начальникомъ Нижегородскаго ополченія.

дружбою; думаю, намъ слѣдуетъ очень радоваться его назначенію. Онъ ждетъ сюда жену, говорятъ—она женщина набожная. Графъ и графиня Воронцовы и madame Ольга собираются уѣхать въ Англію на это лѣто. Несмотря на всѣ свои невзгоды, Одесса привлекаетъ многихъ иностранцевъ, которые съѣзжаются сюда лѣтомъ. Когда вы покинете Константинополь, быть можетъ на возвратномъ пути завернете сюда, я буду очень рада васъ видѣть; братъ, мужъ и все мое семейство одинаково будутъ рады повидаться съ вами и просятъ меня передать вамъ это. Нахожу большую отраду въ обществѣ моего брата и моей племянницы. Пишите мнѣ, сообщайте ваши поэтическія мысли, не измѣняйте поэзіи; она была вашей вѣрной подругой въ счастіи и несчастіи, и вы не должны оставаться неблагодарнымъ. Прощайте, мои добрыя пожеланія будутъ сопровождать васъ повсюду.

10.

6 августа 1838 г. Одесса.

Ваши письма изъ Бейрута и Іерусалима дошли до меня аккуратно. Я была глубоко тронута видѣть, что вы еще думаете обо мнѣ среди пустынь и у гроба Господня; благодарю васъ отъ всего сердца. Только теперь сознаешь, до какой степени источникъ человѣческихъ привязанностей чистъ и благороденъ, а это потому, что онъ не зависитъ отъ всего того, что приковываетъ насъ къ землѣ: времени, пространства, привычекъ жизни. Съ чувствомъ счастія я мысленно переносилась съ вами ко гробу Христа, нашего Божественнаго Искупителя. То немногое, что вы объ этомъ говорите, проникло мнѣ въ душу. Пусть воспоминаніе о минутахъ, проведенныхъ тамъ, будетъ для васъ источникомъ радости и утѣшенія въ будущемъ. Хотя я не придаю большой цѣны реликвіямъ, такъ какъ мнѣ кажется дѣлать изъ нихъ предметъ своего обожанія было бы обоготвореніемъ матеріи, я все-таки хотѣла бы, чтобы вы привезли мнѣ изъ Іерусалима нѣсколько листовъ или немного дерева отъ тѣхъ старыхъ оливъ, корни которыхъ были орошены слезами Бога-Человѣка и смочены тѣмъ кровавымъ потомъ, разсказъ о которомъ заставляетъ содрагаться слабыя существа, когда доходишь до этого таинственнаго мѣста въ описаніи страданій человѣчества, представленныхъ въ страданіяхъ Спасителя. Поданная вами надежда увидать васъ этой зимой въ Одессѣ мнѣ улыбается, и я уже воображаю себѣ пріятные вечера, которымъ мы будемъ обязаны вамъ. Я вамъ не писала все это время потому, что жизнь моя въ этомъ году была полна волненій, прежде всего по случаю свадьбы моей племянницы [1]) Маріи. Вы знаете, какъ я люблю ее, этотъ единственный и послѣдній отпрыскъ моего рода. Вы-

[1]) Дочь А. С. Стурдзы вышла замужъ за Евгенія Григорьевича Гагарина.

бирая ей супруга по своему усмотрѣнію, я брала на себя отвѣтственность, которая заставляла меня дрожать. Она выходитъ за князя Евгенія Гагарина, брата того, который былъ въ Константинополѣ. Этотъ молодой человѣкъ самаго счастливаго характера, вполнѣ принятъ нами и поселится въ здѣшнихъ краяхъ, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время. Свадьба состоится черезъ мѣсяцъ въ Манзырѣ; ее отложили потому только, что я была вынуждена пріѣхать въ Одессу для леченія минеральными водами. Мое здоровье было совсѣмъ не хорошо это лѣто, но, кажется, воды принесли мнѣ пользу. Здѣсь я опять встрѣтилась съ графиней Нессельроде, которая также принимала участіе въ сватовствѣ моей племянницы, что насъ очень сблизило. Она оплакиваетъ бѣднаго Родофиникина [1]), къ которому, повидимому, была очень привязана. Эта утрата, конечно, огорчила васъ; всѣ о немъ сожалѣютъ. Если бы Бутеневъ вернулся въ Константинополь къ первымъ числамъ сентября, графиня Нессельроде отправилась бы туда, и вы нашли бы въ ней очень замѣчательную женщину. Графъ Воронцовъ покидаетъ насъ 13 августа, чтобы ѣхать въ Берлинъ, гдѣ онъ встрѣтитъ его величество 6-го сентября. Тамъ рѣшится будущая судьба Одессы. Графъ Толстой, можетъ быть, не останется здѣсь губернаторомъ, но онъ твердо рѣшился не покидать еще такъ скоро эти мѣста. Его жена чрезвычайно интересная особа; она мнѣ страшно нравится своей оригинальностью и простотой своего прекраснаго сердца. Общество значительно увеличилось; сбывается то, что я всегда желала; Одесса становится такимъ большимъ городомъ, что скоро уже перестанутъ ежеминутно сталкиваться другъ съ другомъ. Въ самомъ дѣлѣ, вы можетъ быть хорошо бы сдѣлали, поселившись тутъ, чтобы предаваться единственному истинному наслажденію жизни—наукѣ и независимости, не говорю о поэзіи, потому что она исчезаетъ, какъ любовь. Доказательство этого мы имѣемъ въ послѣдней поэмѣ Ламартина «Паденіе Ангела»; я еще совсѣмъ ошеломлена ею. Это чтеніе было точно ударъ обухомъ по головѣ. Я никогда не повѣрила бы, что такой прекрасный талантъ превратится въ какой-то кошмаръ безъ интереса и безъ всякой прелести. Неужели ничто не должно сохраниться на этомъ житейскомъ морѣ? Это причинило мнѣ истинное горе. Дѣйствительно, я думаю, что леди Стенгопъ не мало способствовала разстройству этой жизни. Вы мнѣ пишете о ней только нѣсколько словъ мимоходомъ. Повидимому, вы не были ею очарованы. Прошу васъ, если вы не вернетесь къ намъ эту зиму, напишите мнѣ по крайней мѣрѣ какія-нибудь подробности обо всемъ, что вы видѣли и испытали въ своихъ странствіяхъ. Я сохраняю для васъ нѣсколько хорошихъ книгъ, вышедшихъ недавно какъ бы для того, чтобы вознаградить насъ немного за всѣ нелѣпости, которыя окутываютъ насъ. Но письмо мое стано-

[1]) К. К. Родофиникинъ скончался 30 мая 1838 г.

вится слишкомъ длинно, а пароходъ долженъ уходить. Желаю, чтобы это письмо дошло до васъ и увѣрило бы, что вы всегда найдете ту же дружбу. Мой братъ, мой мужъ, всѣ мои интересуются вашимъ успѣхомъ и счастливымъ возвращеніемъ. Еще разъ прощайте. Да сохранитъ васъ Господь, которому вы поклонялись въ святыхъ мѣстахъ, и да приведетъ васъ обратно на родину!

11.

(? декабря 1838 г. Одесса).

Вотъ письмо мое къ князю Голицыну; въ немъ прошу его представить васъ Потемкиной, которой вы должны преподнести какъ бы отъ меня бутылочку воды изъ рѣки Іордана и четки изъ Іерусалима. Присоединяю такъ же мою посылочку сенатору Нечаеву [1]); живетъ онъ въ Москвѣ въ домѣ Мальцева. Пожалуйста передайте князю Голицыну, что здоровье мое не хорошо, кромѣ того я въ горѣ, видя мою мать при смерти [2]); скажите ему также, что, несмотря на это, я занимаюсь сборомъ денегъ для основанія монастыря [3]), съ тѣмъ большимъ рвеніемъ, чтобы успѣть получить разрѣшеніе Синода до возвращенія Воронцова, которому съ его англійскими взглядами можетъ быть это нововведеніе здѣсь не понравится. Я прошу только сказать ему объ этомъ наединѣ.—Вотъ всѣ мои порученія. Да сопутствуетъ и покровительствуетъ вамъ Господь Богъ. Умоляю васъ быть осторожнымъ и не спѣшить въ вашихъ рѣшеніяхъ. Терпѣніе—это сильный архимедовъ рычагъ, особенно, когда онъ опирается на твердую спокойную и разумную волю. Прощайте. Съ радостью получу отъ васъ вѣсточку, но не требуйте аккуратности въ моихъ отвѣтахъ. Еще разъ прощайте.

---

[1]) Степанъ Дмитріевичъ Нечаевъ съ 1819 г. былъ членомъ одной изъ масонскихъ ложъ, служилъ въ Москвѣ при военномъ генералъ-губернаторѣ, князѣ Д. В. Голицинѣ, женился на Софьѣ Сергѣевнѣ Мальцевой; потомъ былъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Синодѣ; въ 1829 г. былъ назначенъ членомъ коммиссіи духовныхъ училищъ, а въ 1833 г. опредѣленъ на мѣсто князя Мещерскаго оберъ-прокуроромъ Синода; принималъ дѣятельное участіе въ сближеніи уніатовъ съ православною церковью. Въ 1836 г. онъ по болѣзни жены жилъ въ Крыму, и въ этомъ году на его мѣсто былъ назначенъ графъ Протасовъ, а Нечаевъ—присутствующимъ въ одномъ изъ московскихъ департаментовъ Сената («Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи» И. А. Чистовича. С.-П.-Б., 1894, стр. 312—362).

[2]) Султана Стурдза, рожденная княжна Мурузи († 9 марта 1839 г.).

[3]) Графиня Эдлингъ собрала около 40.000 руб. для основанія въ Одессѣ женскаго общежительнаго монастыря, названнаго Михаило-Архангельскимъ, въ чертѣ котораго и погребена; по ея волѣ, высказанной незадолго передъ кончиной, въ 1846 г. былъ освященъ храмъ Воскресенія Христова, выстроенный при ея гробницѣ.

АВТОБІОГРАФІЯ

Юрьевскаго архимандрита Фотія.

Книга третья.

ПОВѢСТВОВАНІЕ

Священно-архимандрита отца Фотія [1]).

Свѣдѣніе, данное отъ о. Фотія императору, съ котораго времени противу тайныхъ обществъ вредныхъ дѣйствуетъ.—Благоволеніе явное императора къ о. Фотію за ревность противу Библейскаго общества и прочихъ вредныхъ нововведеній.—Позволеніе отъ императора Александра о. Фотію во всякое время пріѣзжать въ Петербургъ.—О звѣриномъ числѣ 666.—Свѣдѣніе краткое императору Александру отъ о. Фотія о заговорѣ подъ апокалипсическимъ числомъ звѣринымъ 666.—О прелести врага подъ видомъ тысящелѣтняго царствованія Христова на землѣ въ смерть и пагубу.—О ревности противу Библейскаго общества попечителя Казанскаго округа М. Л. Магницкаго.—Дѣйствіе англійскихъ властей въ пользу падающаго Библейскаго общества.

Императору внушено было, что о. Фотій, по личности и неудовольствію дѣйствіе имѣя противу князя Голицына, проклятію его подвергъ. Посему императоръ желалъ удостовѣриться, съ котораго времени о. Фотій дѣйствуетъ противу тайныхъ обществъ, вредныхъ церкви святой и государству. Дабы истребить въ сердцѣ императора дѣйствительно подозрѣніе о себѣ, о. Фотій, составивъ записку за нѣсколько лѣтъ, когда противу кого именно дѣйствовалъ, а тѣмъ дабы сдѣлать внушеніе царю, въ чемъ по связи съ злочестивыми виновенъ также князь Голи-

[1]) См. „Русскую Старину“ 1896 г. іюль.

цынъ. Будучи законоучителемъ, о. Фотій со всею дѣйствовалъ силою противу Лабзина, ересеначальника дерзкаго, и его сообщниковъ; а князь Голицынъ покровительствовалъ ему, устроилъ сему злочестивцу быть при переводѣ святаго евангелія, псалтири, и ходатайствовалъ о его наградахъ предъ лицемъ царя; также дѣйствовалъ противу издаваемыхъ книгъ Лабзина, «Сіонскаго Вѣстника» и прочихъ злочестивыхъ и зловредныхъ, и противу всѣхъ его развратовъ. Дайствовалъ о. Фотій противу начальницы лжепророковъ Татариновой, скопцовъ, противу сочиненій Хвостовой, выдаваемой за христіанку; дѣйствовалъ въ Санктъ-Петербургѣ, Москвѣ противу начальниковъ ложъ масонскихъ и разныхъ сектъ, и на самого князя Голицына сдѣлать старался вліяніе, дабы отвратить его отъ сообщенія съ ересіархами и злочестивыми. Наконецъ, противу Госнера, новаго ересіарха. онъ дѣйствовалъ, котораго князь Голицынъ во всемъ покровительствовалъ, и который подъ названіемъ библейскія церкви и вѣры—новую свою вводилъ, посредѣ Санктъ-Петербурга подъ покровомъ самого императора проповѣдывалъ, распространялъ, книги печаталъ, на евангеліе отъ Матѳея толкованіе сдѣлалъ, и книги всего до 3.500 экземпляровъ было напечатано съ согласія князя Голицына. Директоръ же по просвѣщенію и любимецъ князя Голицына Василій М. Поповъ, собственноручно по своему злочестивому духу, исправлялъ; въ чемъ участвовалъ нѣкто еще генералъ-лютеранинъ Брискорнъ и другіе. О всемъ семъ краткую послѣ словеснаго объясненія записку составилъ и послалъ императору для свѣдѣнія Фотій, что не по личности онъ дѣйствуетъ, и что уже симъ давно занимается. Вручена же была записка оная чрезъ начальника царскихъ войскъ Ѳеодора П. Уварова, который жилъ въ самомъ дворцѣ, яко любимецъ царевъ и другъ его. Съ оной записки здѣсь списокъ прилагается подъ названіемъ: дѣла убогаго Фотія съ 1817 по 1824 годъ противу тайныхъ обществъ.

Записка убогаго Фотія съ 1817 по 1824 годъ противу тайныхъ обществъ.

1) Въ 1817 году убогій Фотій поступилъ законоучителемъ и настоятелемъ во 2-й кадетскій корпусъ и дѣйствовалъ противу масоновъ, иллюминатовъ, методистовъ, противу Лабзина и прочихъ, и разорвалъ связь духовныхъ лицъ и членовъ Сунода съ тайными обществами и масонами.

2) Въ 1818 году убогій Фотій дѣйствовалъ съ опасностію жизни противу «Сіонскаго Вѣстника», Лабзина, ложъ масонскихъ, ересей, и старался ходъ расколовъ ихъ остановлять. За введеніе же нѣкоторыхъ

духовныхъ лицъ въ ложу, и за то, что духовника Фотіева, морскаго корпуса законоучителя, принявъ въ ложу свою, масоны направили его въ морскомъ корпусѣ въ церкви въ олтарѣ урину испустить и образъ мѣстной Богородицы разрѣзать подлѣ царскихъ вратъ (за что послѣ онъ лишился и ума),—Фотій храбро подвизался за вѣру, за святыню и содержался три дня подъ присмотромъ за стойкость и правду въ лаврѣ, дабы царю не донесъ о тѣхъ соблазнахъ.

3) Въ 1819 году убогій Фотій дѣйствовалъ противу ересей, расколовъ, масоновъ, Лабзина, Хвостовой, Татариновой, секты лжепророковъ и противу всѣхъ книгъ, издаваемыхъ противъ вѣры и правительства.

4) Въ 1820 году убогій Фотій дѣйствовалъ тоже и за проповѣдь, говоренную: Бога бойтеся, царя чтите—27 апрѣля; отъ тайныхъ обществъ чрезъ дѣйстіе Тургенева, неизвѣстно какъ, но былъ удаленъ въ самый разоренный монастырь, дабы гладомъ и скорбію уморить его.

5) Въ 1821 году убогій Фотій, будучи въ Деревяницахъ въ Новѣградѣ, дѣйствовалъ на тайныя общества въ Санктъ-Петербургѣ и Москвѣ, чрезъ преданныхъ ему о Христѣ.

6) Въ 1822 году убогій Фотій дѣйствовалъ противу Криднеръ, Татариновой и всѣхъ масоновъ. Былъ вызванъ въ Санктъ-Петербургъ, познакомился съ княземъ Голицынымъ и всѣ прилагалъ средства обратить его на правый путь. Жилъ около 4-хъ мѣсяцевъ, уча правовѣрію и всѣ ереси и расколы, секты и общества обличая въ книгахъ и въ людяхъ, и всячески Голицыну внушалъ на словахъ и въ письмахъ, дабы онъ пересталъ секты поддерживать, но старался бы ихъ уничтожить.

7) Въ 1823 году монастырь Фотія былъ сожженъ огнемъ, и его дѣйствіе остановилось; но все ему было доносимо въ Новъ-городъ.

8) Въ 1824 году убогій Фотій 1-го февраля былъ вызванъ въ Санктъ-Петербургъ для дѣйствія за церковь, вѣру и спасеніе царя и отечества. Пріѣхалъ, началъ дѣйствовать противъ еретика и вольнодумца Госнера,—его секты, всѣхъ ересей, расколовъ и замысловъ, подъ видомъ религіи распространяемыхъ въ книгахъ, и всячески открывалъ князю Голицыну, дабы онъ донесъ царю. Тихо дѣйствовалъ Фотій до сего дня по присягѣ, по любви къ царю, вѣрою и правдою служа и Богу угождая, Ему же буди честь и слава во вѣки. Аминь. 1824 года іюня 17 дня.

Императоръ Александръ, получивъ свѣдѣніе сіе краткое, снова усмотрѣлъ благое дѣйствіе отца Фотія и желалъ изъявить свое благоволеніе, помышляя, что онъ за благочестивую ревность оскорбилъ его выговоромъ въ 14 день іюня, въ который представлялся ему. По чему внушилъ первому своему любимцу графу Аракчееву къ себѣ, въ село Грузино, пригласить отца Фотія, добрѣ принять его, угостить и вну-

*

шить, чтобы не опасался неудовольствій болѣе за проклятіе князя Голицына.

Злочестивые иностранцы, а болѣе всего предводители тайныхъ обществъ, и англичане, новыхъ ересей начальники, вкравшись въ довѣренность у императора, имѣя связь съ княземъ Голицынымъ и многими изъ знатыхъ вельможъ русскихъ, заводили свои распоряженія и дѣйствія въ Россіи чрезъ Библейскія общества. Явно посредѣ столицы, предъ очами Всероссійскаго Сунода, архіереевъ, внушенія и сочиненія дѣлались, противныя святой церкви, но всѣ, не имѣя живой вѣры, служа міру, не имѣли ни силъ, ни духа воспротивиться распространенію Библейскаго общества. Архіереи всѣ почти способствовали къ тому. Никакой пользы нельзя было ожидать какъ отъ перевода новаго св. евангелія, такъ и отъ распространенія Библейскаго общества. Подъ сею благовидною личиною священною скрывались козни англичанъ, методистовъ и прочихъ, дабы возжечь внутрь Россіи въ самой церкви пламень смущенія, несогласія, и ввести нѣкое новое исповѣданіе религіи, отмѣнивъ православную вѣру.

Зная весь вредъ, отъ Библейскаго общества происходящій, какой еще можетъ происходить всюду, всѣмъ проповѣдывалъ противу Библейскаго общества, противу книгъ новаго перевода, противу распространителей англичанъ, внушалъ императору о семъ, внушалъ его приближеннымъ, внушалъ знатнымъ, обличалъ изъ самыхъ новоученій библейскихъ злочестивыхъ, побуждалъ дѣйствовать, говорить и писать митрополита, министра новаго по просвѣщенію А. Шишкова, внушалъ графу Аракчееву, побуждалъ разумныхъ вельможъ писать и проповѣдывать явно и безбоязненно. А между тѣмъ краткую записку для понятія составивъ, послалъ къ императору подъ названіемъ: о дѣйствіяхъ тайныхъ обществъ на Россію чрезъ Библейское общество. Здѣсь оная помѣщается, дабы извѣстно было сынамъ церкви и отечества, какое зло сами русскіе по злочестію и невѣрію дѣлали своей православной церкви и своему любезному отечеству. Вотъ она!

О дѣйствіяхъ тайныхъ обществъ на Россію чрезъ Библейское общество.

Библейское общество для святой православной церкви вовсе не нужно. Оно выдумано отъ тайныхъ обществъ, и есть тоже у методистовъ, иллюминатовъ, что у франкъ-масоновъ ложа. Въ семъ Библейскомъ обществѣ члены какъ въ хаосѣ смѣшаны,—правовѣрные съ еретиками и отступниками отъ вѣры, что̀ можетъ-ли быть безъ соблазна для правовѣрныхъ, тѣмъ паче, когда методисты, (т. е. кознетворцы),

суть главные агенты онаго. Они же, будучи коммиссіонерами отъ тайныхъ обществъ, дѣйствуютъ въ Россіи по планамъ оныхъ къ великому вреду церкви и государства [1]). Въ томъ не мало содѣйствовали члены же Библейскаго общества Лабзинъ и проч. переводя, сочиняя и печатая книги противу церкви, вѣры и правительства. Да и во всѣхъ дѣйствіяхъ Библейскаго общества, кто, имѣющій разумъ Божій и благовидѣніе, не усмотритъ, что подъ предлогомъ Библейскаго общества внушается и готовится реформа церкви и государству, чего безъ разрушенія и паденія церкви и государства достигнуть не можно? Библейское общество виною есть, что многіе оставили святыя церкви, подъ видомъ чтенія библіи, начали открыто собираться въ домахъ; по деревнямъ малаканы, раскольники, субботники (т. е. жидовщина) дали открытый ходъ своимъ сборищамъ, имѣя агентовъ и ходатаевъ себѣ во всемъ въ С.-Петербургѣ.

Сверхъ безчисленныхъ вредныхъ дѣйствій и направленій нельзя умолчать здѣсь и о томъ, что Библейское общество безъ всякой причины поспѣшило перевести и напечатать пятокнижіе Моусеево. Спѣшитъ оно же какъ можно поскорѣе разослать оное по губерніямъ. Субботники (т. е. жидовщина), по терпимости усилившіеся, увидѣвъ отдѣльно начертанный законъ Божій и далѣе ничего не зная, но въ руки получивъ, тысячами умножатся. А отъ сего произойдетъ раздраніе церкви въ ихъ кругѣ, чего коммиссіонеры тайныхъ обществъ, методисты англійскіе и русскіе, будучи въ тайнѣ исполнители извѣстнаго плана, а наружно члены Библейскаго общества, съ усиліемъ желаютъ достигнуть.

Горе великое на Россію грядетъ, если не затворится дверь расколамъ и реформѣ, чрезъ Библейское общество отверзстая. Діаволъ, яко же левъ рыкая, ходитъ искій кого поглотити подъ предлогомъ Библейскаго общества чрезъ вліяніе тайныхъ обществъ.

1824 года іюня 14-го вручено его императорскому величеству Александру Павловичу.

Императоръ сверхъ словесныхъ объясненій, получая хотя краткія, но истины исполненныя внушенія и свѣдѣнія на бумагѣ о Библейскомъ обществѣ, явно усматривая вредъ, происходящій и произойти неминуемо еще болѣе могущій, ежели оное останется во всей своей

---

[1]) Въ собраніи бумагъ Фотія находится (кн. 1, № 37) копія съ рапорта полковника Берха съ границъ Бухаріи въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ сообщается, что находящіеся въ Оренбургской губ. англійскіе миссіонеры оказались шпіонами англійскаго правительства. Благодаря англійскимъ миссіонерамъ, бухарцы разбили одинъ русскій отрядъ. Главнокомандующій на Кавказѣ генералъ Ермоловъ считалъ миссіонеровъ лицами политически неблагонадежными. «Русск. Архивъ», 1893 г., 12 кн., 560.

силѣ, сожалѣлъ, что въ такое заблужденіе былъ введенъ и самъ покровительствовалъ Библейское общество, положилъ намѣреніе вскорѣ оное безъ шума уничтожить [1]), къ архимандриту же Фотію, за справедливое открытіе всего небоязненно, явно старался свое монаршее благоволеніе оказывать разными образами.

Такъ-то Господь единъ сильный помогалъ отцу Фотію стоять противу многочисленнаго общества злоумышленниковъ и человѣкоугодниковъ, подъ видомъ Библейскаго общества вмѣсто распространенія бо́льшія вѣры, едино смущеніе и скверну разсѣявающихъ.

Какъ первому государственному человѣку, императоръ всѣ тайны и дѣла важныя ввѣрялъ для разсмотрѣнія и дѣйствія графу Аракчееву. Ему также были вручены и многія тайныя, поданныя отъ отца Фотія, бумаги о тайныхъ обществахъ, сектахъ и вредностяхъ церкви и государству. Между прочимъ отъ императора было повелѣно ему же обо всемъ лично съ отцомъ Фотіемъ переговорить, что было на бумагахъ написано. Для совершеннаго уничтоженія всѣхъ тайныхъ скопищъ и дѣйствій вражіихъ, нужда требовала архимандриту Фотію иногда пріѣзжать въ С.-Петербургъ. Онъ же такъ сталъ извѣстенъ, что безъ особыхъ докладовъ, по слабости духа, епархіальный архіерей Серафимъ опасался выписывать, или, какъ прочимъ, давать позволеніе на пріѣздъ. Государю же угодно было, дабы отецъ Фотій не престоналъ дѣйствовать на уничтоженіе обществъ и всѣхъ вредностей противъ церкви и государства, лично пріѣзжая въ С.-Петербургъ, когда нужно. Почему высочайше повелѣлъ графу Аракчееву извѣстить о. архимандрита Фотія, что ему позволяется во всякое время пріѣзжать въ С.-Петербургъ, когда угодно будетъ; и для объявленія того лично восхотѣлъ самъ императоръ Александръ прежде отъѣзда своего въ вояжъ изъ С.-Петербурга видѣть отца Фотія и назначилъ время тому.

Въ сіе время отецъ архимандритъ пребывалъ для отдыха въ Юрьевѣ монастырѣ, и тамъ же была дщерь его духовная и ученица,—сподвижница во всѣхъ дѣлахъ касательно церкви и отечества, графиня дѣвица Анна.

---

[1]) Со времени удаленія кн. Голицына отъ званія президента Библейскаго общества, трудно выяснить дѣйствительныя отношенія къ послѣднему со стороны императора Александра I. Новый президентъ общества митропол. Серафимъ двумя письмами на имя государя отъ 11-го и 28-го декабря 1824 года («Русскій Архивъ», 1868 г., 940—945.) настойчиво просилъ о закрытіи Библейскаго общества. О томъ же самомъ и еще съ большею энергіею хлопоталъ А. С. Шишковъ (записки въ «Чтен. общ. ист. и древн.» 1868 г., кн. III). Но императоръ отмалчивался и не давалъ повелѣнія о закрытіи общества. Библейское общество, по представленію митрополитовъ Серафима и Евгенія, было закрыто уже императоромъ Николаемъ I, указомъ, даннымъ митропол. Серафиму 12-го апрѣля 1826 года.

Серафимъ митрополитъ по выѣздѣ отца Фотія изъ Санктъ-Петербурга, оставаться опасаясь какъ бы, пріѣхалъ въ Новъ-городъ для отдыха нѣкоего послѣ шумнаго происшествія и необыкновеннаго при паденіи князя Голицына, обществъ вредныхъ и министерства духовнаго просвѣщенія. Получивъ извѣстіе отъ графа Аракчеева отецъ Фотій о пріѣздѣ въ Санктъ-Петербургъ, дабы лично явиться къ императору, предъявилъ оное архіерею своему Серафиму митрополиту, который не зная, чему приписать таковое необыкновенное требованіе, не безъ страха былъ.

Наступило время ѣхать,—и отецъ Фотій отправился въ Санктъ-Петербургъ, гдѣ пребывалъ въ домѣ дщери дѣвицы Анны, которая, оберегая отца своего, также пріѣхала. Пріѣздъ необыкновенный Фотія въ Санктъ-Петербургъ много страха и ужаса сдѣлалъ вновь разсѣяннымъ, разбитымъ партіямъ, обществамъ и поборникамъ онымъ. Но архимандритъ Фотій, будучи всегда скрытенъ во всѣхъ тайнахъ и дѣлахъ до церкви и отечества, чѣмъ откровеннѣе все въ себѣ имѣлъ, тѣмъ болѣе подавалъ собою страха.

Въ день Преображенія Господня, по предварительномъ свиданіи съ графомъ Аракчеевымъ, отецъ Фотій 6-го августа удостоился лично быть у императора Александра; его царское благоволеніе весьма было явно въ словахъ и всѣхъ дѣйствіяхъ. Сидѣлъ отецъ Фотій у него въ особомъ мѣстѣ, въ маломъ покойцѣ, противу лица царева и говорилъ о разныхъ дѣлахъ, вещахъ и о душевной пользѣ, много о спасеніи души. Императоръ же, желая узнать, спрашивалъ отца Фотія о многомъ, наконецъ, изъявилъ свое царское благоволеніе отцу Фотію, пріявъ вновь нѣкоторыя бумаги [1]) для свѣдѣнія своего [2]), такъ какъ самъ поврежденъ былъ въ познаніяхъ истинъ вѣры, пріемля прежде заблужденіе о тысяще-

---

[1]) При своемъ представленіи государю 6-го августа Фотій вручилъ ему особую записку «о книгахъ г-жи Гіонъ». Эта записка, представляющая изъ себя перечень сочиненій Гіонъ, переведенныхъ на русскій языкъ, находится въ собраніи бумагъ Фотія (кн. 1, № 17).

[2]) Очень можетъ быть, что въ этотъ же самый пріѣздъ въ Петербургъ архимандритъ Фотій обратился съ слѣдующимъ краткимъ посланіемъ къ императору Александру Павловичу.

«Помазанникъ Божій!
Радуйся! Радуйся! Радуйся!
Господь силъ съ нами, съ нами Богъ!»

Все, что имѣешь у себя бумажное, до времени въ тайнѣ содержи. Все будетъ во благо, будетъ прекрасно! Слава Божія возсіяетъ въ насъ. При семъ второй томъ посылаю книги, въ которомъ прочти о методистахъ и ихъ цѣли разрушить церкви и царство, и всякую власть истребить, и сдѣлать всемірную революцію. Страницы: 300 — 303 до конца; и стран. 288, 290, 291, 293 и 294. Вотъ подъ видомъ набожности что дѣлается въ методистахъ! (Собраніе бумагъ Фотія кн 1, № 38).

лѣтнемъ чувственномъ Христовомъ царствіи на землѣ, отпустилъ въ свое мѣсто о. Фотія.

Повелѣніе императорское о пріѣздѣ всегда въ Санктъ-Петербургъ отцу Фотію состоялось 1824 года изъ Царскаго Села отъ 1-го августа, и оно есть слѣдующее съ подлиннаго списано:

Царское Село 1-го августа 1824 года.

Почтенный мой отецъ
архимандритъ Фотій!

По пріѣздѣ моемъ сюда, я имѣлъ счастіе докладывать всемилостивѣйшему нашему государю императору о нашихъ свиданіяхъ, и его величеству весьма пріятно было слышать ваше усердіе къ пользѣ церкви Божіей и отечеству. Его величество единожды на всегда вамъ, отецъ архимандритъ, позволяетъ пріѣзжать въ Санктъ-Петербургъ, когда вамъ нужно будетъ. А въ доказательство благоволенія его величества къ вамъ, государю императору угодно васъ видѣть лично у себя въ Санктъ-Петербургѣ, прежде его отъѣзда въ вояжъ, а потому и изволитъ полагать вашъ пріѣздъ въ Санктъ-Петербургъ, расположивъ такъ, чтобы вы могли быть у государя между 3-мъ и 10-мъ числами сего мѣсяца, въ которое время государь изволитъ имѣть пребываніе свое въ Санктъ-Петербургѣ на Каменномъ островѣ; слѣдовательно, по пріѣздѣ вашемъ въ Санктъ-Петербургъ, прошу меня увѣдомить въ мой домъ петербургской запискою.

О полученіи сего письма и о расположеніи вашемъ, въ разсужденіи пріѣзда вашего въ Санктъ-Петербургъ, прошу меня съ симъ же посланнымъ увѣдомить.

Прося вашего благословенія пребуду на вѣки вашъ покорный сынъ и слуга Г. Аракчеевъ [1]).

При свиданіи своемъ отецъ Фотій вручилъ императору свѣдѣніе и о звѣриномъ числѣ 666, о вліяніи англичанъ на церковь россійскую и вѣру святую въ ней, и оное есть слѣдующее:

Открытіе заговора подъ звѣринымъ апокалипсическимъ числомъ 666 и о вліяніи Англіи подъ тѣмъ предлогомъ на Россію.

Что въ XVII-мъ вѣкѣ въ 1666 годуучинило сь въ Европѣ и Азіи, къ чему поводомъ было число апокалипсическое 666, то же карбонаріи и тайныя общества, церковные мятежники, сатаною обольщенные, устроя-

[1]) Это письмо графа Аракчеева къ архимандриту Фотію напечатано въ «Чтеніяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ» 1868 года, кн. 1, смѣсь, стр. 270.

ли доселѣ и еще мнятъ устроить въ 1836 году; къ чему поводомъ есть, аки бы кабалистикою открывается и заключается число звѣриное 666 такимъ образомъ: трижды 666=18, и 6×6=36.—Будто бы выйдетъ годъ 1836. А для сего всѣ затѣи, книги библіи и общества поддѣлываются для устроенія того. Уже вмѣсто втораго пришествія Христова съ небесъ, молва и ученіе распространяется, что Христосъ Мессія пріидетъ еще на землю царствовать на 1.000 лѣтъ, и какъ въ 1666 году молва носилась, что должна произойти на землѣ важная перемѣна, такъ и нынѣ молва и ученіе носится, что важная перемѣна будетъ въ 1836 году; тогда явился самозванецъ-лжемессія, ложный Христосъ, и нынѣ ученіе распространяется, что въ 1836 году аки-бы пріидетъ Христосъ [1]), Царь-Царей и Господь-Господей. Тогда отъ Англіи произошло, и нынѣ оттуда же ядъ весь плыветъ чрезъ проливъ Библейскаго общества.

И токмо одни правовѣрные христіане могутъ знать сію ложь и избавиться, послѣдуя ученію церкви и святыхъ отцовъ, а прочіе, не имущіе праваго ученія, въ сіе заблужденіе непремѣнно впадутъ и много бѣды надѣлаютъ въ своихъ земляхъ и мѣстахъ: жиды и колонисты держатся сего заблужденія.

Для образца нужно прочесть въ памятникѣ всеоб. и соб. книгѣ 10, въ октябрѣ 16 числа, на стран. 216 и далѣе. И происки и замыслъ

---

[1]) Подъ вліяніемъ мистическихъ сочиненій, въ русскомъ обществѣ того времени дѣйствительно стала распространяться мысль о близкой кончинѣ міра. Такъ, въ 1818 году священникъ города Балты, Подольской губ., Ѳеодосій Левицкій началъ свою проповѣдь о близости кончины міра и страшнаго суда Божія. Онъ написалъ, какъ уже извѣстно, по этому поводу спеціальное сочиненіе, которое и представилъ Александру I. Свои мысли о близости кончины міра о. Левицкій подтверждалъ ссылками на сочиненія Генриха Штиллинга («Побѣдная повѣсть») и др. Идеи Ѳеодосія Левицкаго раздѣлялъ и другой священникъ Ѳедоръ Лисевичъ. («Русск. Старина» 1880 г., сентябрь, 150—155). Въ тоже самое время, когда началъ свою проповѣдь о. Левицкій, въ городѣ Мозырѣ, Минской губерніи, предводитель мѣстнаго дворянства, бывшій однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ Библейскаго общества, написалъ цѣлую книгу по поводу скораго наступленія кончины свѣта («Русская Старина», 1880 г., сент., 143). Въ 1819 году въ Пензѣ также явился проповѣдникъ всеобщаго покаянія и близкой кончины міра—это нѣкто Тихонъ Смирновъ. Для того, чтобы на себѣ самомъ показать примѣръ покаянія, Смирновъ въ великій четвергъ самъ принесъ публичное въ церкви предъ народомъ покаяніе во всѣхъ своихъ грѣхахъ (Иннокентій, еп. пензенскій и саратовскій, очеркъ В. Жмакина, стр. 148). На Дону, въ Новочеркасскѣ, нѣкто отставной есаулъ Котельниковъ пророчествовалъ о скорой кончинѣ міра и указывалъ даже годъ ея именно 1823. («Христ. Чтеніе» 1882 г., 11—12 кн. Ересь есаула Котельникова). Авторъ «Побѣдной повѣсти» указываетъ и самый точный годъ (1836) втораго пришествія Христова. «Христ. Чтеніе» 1872 года, апрѣль, стр. 703—704.

Англіи, бывшій на Россію и начавшійся въ 1776 году, гдѣ напечатано: о предпріятіи соединить англійскихъ нонжуровъ съ православною греческою церковью.

1824 года августа 6-го вручено его императорскому величеству Александру Павловичу.

Какъ прежде во всѣ вѣки врагъ діаволъ враждовалъ на святую церковь Христову, такъ и въ настоящее время въ русскомъ царствѣ, гдѣ господствуетъ вѣра Христова и церковь восточная православная, разныя пакости къ разстройству ея умышлялъ. По Рождествѣ Христовомъ въ 1666 году, въ Европѣ и Азіи поводомъ было къ церковнымъ мятежамъ число 666, чѣмъ слуги вражіи, церковные мятежники и воспользовались тайные враги отъ тайныхъ нечестивыхъ обществъ, вѣдая, что удобнѣе всего сдѣлать возмущеніе въ государствѣ чрезъ потрясеніе вѣры и церкви; и потому подъ разными видами добрыми старались смущеніе и раздоръ всѣвать чрезъ книги, науки и выдумали, что въ 1836 году будетъ таинственно звѣриное число 666, и что должна произойти важная перемѣна на землѣ въ церкви христіанской. Самъ императоръ Александръ былъ вовлеченъ въ сіе заблужденіе. Книги, подъ видомъ духовнымъ, во множествѣ еретическія противу ученія истинныя вѣры и церкви, подъ покровомъ государя, по дѣйствію особому князя Голицина, печатались. Архіереи, духовные пастыри и учители видѣли вредъ, но боялись даже противу того говорить, а другіе были согласны на все изъ мірскихъ видовъ: нигдѣ, ни въ академіи, ни въ семинаріи, ниже кто-либо изъ первыхъ архіереевъ не вооружался противу лжеученія.

Лжеученіе вышло оное отъ англійскихъ ересіарховъ и богоотступниковъ чрезъ Библейское общество. Здѣсь подъ видомъ духовной цѣли заключалась политическая, дабы потрясти государство Россійское, сильное и страшное многимъ, внутреннимъ смущеніемъ и раздоромъ. Цѣль лжеученія была у нечестивыхъ: новую библейскую религію ввести вездѣ, содѣлать соединеніе религій и церквей черезъ уничтоженіе восточной, западной и существующихъ прочихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій.

Почему разнымъ образомъ писалъ и внушалъ императору Александру отецъ Фотій, открывая вредъ лжеученія и злую цѣль подъ звѣринымъ числомъ 666 и подъ прелестнымъ ученіемъ о чувственномъ тысящелѣтіи Христовомъ на землѣ. А дабы удобнѣе могло свѣдѣніе поданное впечатлѣться во уши и сердце императора Александра и тѣмъ истребить заблужденіе въ немъ, въ которое единственно князь Голицынъ, прельщенный отъ ересіарховъ, его, царя, вовлекалъ, какъ выше оное свѣдѣніе помѣщено, краткое сдѣлалъ о. Фотій, и кратко въ ономъ всю изобразилъ (дѣятельность) лукавыхъ англійскихъ распространителей ученія новаго въ Россіи.

Таковое дѣйствіе отца Фотія о силѣ Божіей великое имѣло вліяніе

на сердце благочестиваго императора. Онъ вскорѣ, познавая вредъ лжеученія и нововведеній, тайно и явно, но тихо и мирно старался уничтожать посѣянныя плевелы.

Вселукавый врагъ пріумыслилъ на основаніи священныхъ писаній прельщать людей. Сверхъ многихъ козней, общую сѣть для всѣхъ придумалъ, хотящихъ въ слѣдъ ума своего и воли своея ходить, что будетъ-де на земли чувственно Христосъ царствовать, вси съ Нимъ должны соцарствовать и блаженствовать, и всему должна пріити измѣна великая. Но сею сѣтію всезлобною врагъ, хотяй уловить изъ числа вѣрующихъ себѣ, пріумыслилъ проповѣдывать заблужденіе оное. Враги церкви православныя и отечества подъ симъ помышляли сдѣлать потрясеніе въ цѣломъ Россійскомъ государствѣ; въ книгахъ и актахъ проповѣдывали со всею дерзостію такъ, что неистовые лжеучители не стыдились писать, назначая самый годъ, мѣсяцъ и часъ пришествія тысящелѣтію. Неистовый сумасбродъ, нечестивецъ Юнгъ Штиллингъ, безумная баба Гіонъ, новая Іезавель, покушающаяся своимъ витійствомъ разсыпать еретическія ученія, богоотступники въ Россіи А. Лабзинъ и всѣ чтители ново-библейской проповѣди, съ жаромъ распространяли для своихъ цѣлей лжеученіе: переводили книги, сочиняли вновь, печатали. Многіе, несвѣдущіе въ истинахъ вѣры, прельщались новостію ученія. 1836 годъ назначили враги вѣры и спокойствія временемъ для новыя вѣры и церкви, и какого-то новаго царя, и новое вдыхали ученіе, пріуготовляющее къ принятію новыя перемѣны на земли. Между многими книжицами вражіими особенно «Воззваніе о послѣдованіи внутреннему влеченію Духа Христова», было во множествѣ напечатано и разослано для призыванія къ новой вѣрѣ, къ новому духу, къ новому дѣйству, чаянію и совершенству нѣкоему.

Никто не хотѣлъ изъ пастырей церкви обличить лжеученіе и остановить потокъ злобы; вредъ былъ очевиденъ и неминуемъ. Почему сверхъ словесныхъ многихъ и письменныхъ внушеній прежнихъ, особо свѣдѣніе краткое, для удобнѣйшаго пріятія въ умѣ и сердцѣ, восхотѣлъ Фотій составить, и, составивъ, оное вручилъ благочестивому императору Александру. Ибо за бо̀льшее дѣло разсудилъ дѣйствовать на умъ и сердце самого царя, нежели на многихъ. Оное свѣдѣніе 1824 года 6-го августа вручено царю; и есть таковое подъ названіемъ:

О революціи подъ именемъ тысящелѣтняго Христова царствія, готовимой къ 1836 году въ Россіи чрезъ вліяніе тайныхъ обществъ и англичанъ-методистовъ.

1) Чувственное тысящелѣтнее царствіе земное Христово признано за ересь вреднѣйшую и заблужденіе еще по Рождествѣ Христо-

вомъ въ 117 году во II-мъ вѣкѣ, а послѣдователи названы еретиками хиліастами. Ѳеатръ зри стран. 141.

2) О тысящелѣтнемъ царствіи земномъ Христовомъ такъ сказано въ церковно-библейской исторіи, стран. 801: «Къ симъ грезамъ (т. е. расколамъ, ересямъ) присовокупляютъ грубый хиліазмъ, или мнѣніе о тысящелѣтнемъ чувственными удовольствіями блаженномъ царствованіи Іисуса Христа».

3) Въ исторіи объ Англіи церковной стран. 839 и 840 сказано, что во время Кромвеля, похитителя престола и кровопійцы, въ числѣ церковныхъ мятежниковъ были (т. е. карбонаріи церковные) обѣщатели тысящелѣтняго царствія на землѣ, и подъ мнѣніемъ симъ много зла сдѣлано, сіе мнѣніе нынѣ есть маска набожности, дабы подъ нею скрыть страшное лице мятежничества.

4) Но сію ересь—мнѣніе о тысящелѣтнемъ царствіи земномъ, давно проклятую, яко сѣмя мятежей и революціи,—еретики, вольнодумцы, церковные мятежники и карбонаріи подъ именемъ филадельфійцовъ, устрояютъ, возвѣщаютъ, ожидаютъ: сія моровая язва, родившаяся (т. е. общество филадельфійское) въ Англіи, распространилась отъ женщины англичанки Анны Леады стран. 878.

А нынѣ уже ересь и заблужденіе о тысящелѣтнемъ Христовомъ царствіи, аки-бы уже имѣющемъ быть въ 1836 году, въ Европѣ и Россіи вольнодумцами распространилось, подъ симъ прикровомъ, тайныя общества и карбонаріи хотятъ бросить въ Россію огнь мятежа и проч. Но слава Богу! Рукою царя,—своего раба и избранныхъ слугъ, оный огнь отдаляется,—и отдалится, угаснетъ и болѣе не будетъ, если и еще мѣры малыя возьмутся.

5) О семъ тысящелѣтнемъ царствіи земномъ Христовомъ, или о бунтѣ, готовимомъ карбонаріями, съ похвалою и восхищеніемъ говорится: (зри отчетъ «Библ. Рос. Общ.» за 1819 годъ стр. 90—96) и что общество тайное карбонаріевъ для сего есть и названо: Царствіе Божіе. (Зри стр. 97). Господи, помози и спаси насъ и всѣхъ и вся. Аминь.

1824 года августа 6-го вручено его императорскому величеству Александру I.

Да не осуждаетъ кто-либо отца Фотія отъ богомудрыхъ за таковыя свѣдѣнія подаваемыя. Сему были многія причины. Отецъ Фотій дѣйствовалъ одинъ противу многихъ тысящъ и всѣхъ въ оное время. У него времени не доставало много писать красно и глубоко. Онъ самъ что успѣвалъ при удобныхъ случаяхъ, то и дѣлалъ, а никому не довѣрялъ не токмо переписывать, но ниже открыть дерзалъ; втайнѣ единому Богу свѣдущу, дѣйствовалъ на сердце царево. Отъ множества скопившихся дѣлъ, едва иногда успѣвалъ кое-какъ самъ своею рукою

написать, дабы послать или вручить во́-время царю для свѣдѣнія нужное. Многое по неудобности не успѣвалъ списать, а прямо какъ успѣвалъ написать, такъ подавалъ, и для храненія никакого списка иныхъ хартій не оставалось, которыя царю были вручены.

Какъ сердце царево въ рукѣ Божіей, то царь дѣйствовалъ иногда не такъ скоро, какъ надобно было ожидать, противу враговъ вѣры и отечества внутреннихъ своихъ. И посему дабы враги не могли успѣвать во́-время своего отдыха, отецъ Фотій не унывалъ побуждать царя всячески къ скорѣйшему дѣйствію, и осмѣлился послать къ царю при отъѣздѣ своемъ отецъ Фотій изъ Санктъ-Петербурга на бумагѣ внушеніе о томъ, которое есть слѣдующее подъ названіемъ:

«1824 года августа 7-го. Записка настоятельная, дабы взять рѣшительныя мѣры къ прекращенію революціи, готовимой втайнѣ.

Непремѣнно и немедленно нужно нынѣ выслать нѣкоторыхъ изъ столицы навсегда. По прежнему плану поданному все выполнить нужно, т. е. лица, въ оном выставленныя, отъ своихъ мѣстъ должно удалить, ибо изъ опыта видно, что съ намѣренія партизаны все затѣвали на вредъ церкви и отечеству. Со времени открытія тайнъ нечестія по слѣпотѣ, ожесточенности и прелести, не токмо главные партизаны не раскаялись, но и всякія крамолы, замыслы, смятенія и кощунства хитрѣйшимъ образомъ чрезъ другихъ содѣваютъ: 1) для того, что домогаются занять прежнія свои позиціи; прежнія личности и выгоды: чрезъ что будутъ всеусильно домогаться пріити въ прежнее свое положеніе; 2) потому, что при всякихъ случаяхъ партизаны, грозя смертію и льстя тѣмъ, кои разрушаютъ ихъ замыслы, будутъ всѣ сатанинскіе способы свои и козни изобрѣтать, дабы какъ-нибудь или истребить преданныхъ престолу и церкви, или другъ съ другомъ ихъ поссорить, но дабы, удаливъ ихъ и разсѣявъ, самимъ укорениться опять въ своихъ затѣяхъ: ибо планъ есть единственный вредныхъ партизановъ тотъ, чтобы добрыхъ людей и полезныхъ, преданныхъ церкви и отечеству, истреблять подъ разными благовидными предлогами.

Нѣсколько лѣтъ непрестанно Фотій, съ великою горестію взирая на ходъ зла, стремящагося къ разрушенію св. Божія церкви и вѣры, а съ тѣмъ къ уничтоженію и потерѣ благоденствія въ Россіи, по необходимости не могъ не видѣть и ходъ политическій, соображаяся съ исторіею протекшихъ вѣковъ. Ибо, какъ два глаза, двѣ руки и двѣ ноги близки между собою и весьма соединены въ человѣкѣ, такъ въ государствѣ близки и соединены церковь и гражданство. А по сему по всѣмъ обстоятельствамъ нужно теперь нѣчто рѣшительное начатое додѣлать, но тихо, кротко, скрытно, впрочемъ не безъ строгости и правосудія.

Если же происходитъ какое-либо несогласіе между нѣкоторыми здѣсь въ столицѣ, то сему виною есть неутомимое дѣйствіе партизановъ, скрытнѣйшимъ образомъ дѣйствующихъ, церковныхъ и политическихъ мятежниковъ. Всѣ они весьма нынѣ ослабѣли, разсѣялись, но еще думаютъ, что не удастся ли укрѣпиться и собираться имъ во едино. Хотя они не могутъ прежнихъ позицій занять, но шуму, молвы, разныхъ безпокойствъ и неудовольствій много надѣлать могутъ, такъ что начало оныхъ трудно будетъ отыскать послѣ. И такъ, помолившись Господу Богу, исполняя долгъ присяги объ узнанномъ вредѣ немедленно доносить, представляю при семъ записку, на кого нужно теперь особенно обратить вниманіе. Благодать же и миръ и радость буди тебѣ, царю, и всѣмъ усерднымъ сынамъ церкви и отечества отъ Господа и Бога Спаса Іисуса Христа во вѣки. Аминь.

1824 года августа 7-го дня, вручено его императорскому величеству Александру I-му.

Жатва открылась въ сіе время, но жателей было мало. Поприще Богъ открылъ преславное всѣмъ на ономъ подвизаться, но изъ всѣхъ почти никого не обрѣталось избранныхъ: иные во тмѣ невѣдѣнія были, а другіе пристрастны были къ міру, что боялись мнѣнію невыгодному подпасть у самыхъ своихъ враговъ нечестивыхъ. Тѣ, которые по долгу и совѣсти должны были дѣйствовать во благо церкви, отечества, очищать пшеницу отъ плевеловъ, желали, дабы всѣмъ угодить, отъ всѣхъ добрѣ слышать и въ покоѣ жить. А посему отъ архіереевъ, архимандритовъ, ректоровъ и всѣхъ духовныхъ учителей, никто устъ не отверзалъ противудѣйствовать злу въ своихъ мѣстахъ. Слышно было, что старецъ архимандритъ Герасимъ въ Москвѣ всѣмъ и всюду возглашалъ противу нечестія, книгъ и введеній нечестивыхъ, имѣлъ ревность по Бозѣ, хотя былъ не изъ числа ученыхъ, но простецъ. Еще нѣкто священникъ града Москвы Михаилъ, у церкви Положенія Ризы служай, также велію ревность имѣлъ по вѣрѣ. Изъ мірскихъ же нѣкто сенаторъ и статсъ-секретарь Кикинъ дышалъ ревностью по вѣрѣ, и попечитель Казанскаго учебнаго округа.

Между многими словесными и частными дѣйствіями, попечитель М. Л. Магницкій [1]), отъ 24 маія 1824-го года такъ представилъ въ до-

---

[1]) У Фотія и Магницкаго не было полнаго тождества въ воззрѣніяхъ. Магницкій составилъ разсужденіе, кажется еще нигдѣ не напечатанное (имѣется въ собраніи бумагъ Фотія—кн. I, № 5), «о терпимости», написанное имъ подъ вліяніемъ толковъ о вѣротерпимости, слишкомъ неправильно понятой и примѣнявшейся въ царствованіе Александра I. Въ этомъ разсужденіи Магницкій прямо говоритъ: «послѣ проповѣди евангелія нетерпимость мнѣній была необходимою принадлежностью истинной религіи». Фотій въ своемъ письмѣ къ графу Аракчееву, также нигдѣ не напечатанномъ, по во-

несеніи своемъ президенту новому Серафиму митрополиту, по Библейскому обществу:

«Ваше высокопреосвященство изволите, я думаю, припомнить, что въ засѣданіяхъ Библейскаго комитета два раза была рѣчь о богохульномъ выраженіи, поставленномъ на персидскомъ переводѣ Новаго Завѣта, котораго не смѣю и произнесть. Въ первый разъ просилъ, чтобы важное сіе дѣло основательно изслѣдовано было, а во вторый, чтобы оставшіеся экземпляры сего перевода были сожжены.

«Первое мое мнѣніе оставлено безъ вниманія, не знаю, той ли же участи подвержено и второе; но знаю то, что чѣмъ болѣе вспоминаю страшное дѣло сіе, тѣмъ сильнѣе тревожитъ меня совѣсть слѣдующими разсужденіями. 1) Заключающій въ себѣ богохульное выраженіе персидскій переводъ [1]), распространенъ въ Персіи и оффиціально поднесенъ шаху. Какъ увѣрить теперь персіянъ, что въ подлинникѣ выраженія сего нѣтъ, а въ переводѣ ошибка. 2) Ежели въ преложеніи на персидскій языкъ, одинъ изъ классическихъ восточныхъ, могло проскользнуть по ошибкѣ богохульство, то чего не можетъ быть въ тѣхъ торопливыхъ переводахъ на многіе языки дикихъ, у коихъ нѣтъ еще и письмянъ. 3) Послѣ сего величайшаго на землѣ несчастія для Библейскаго общества, можно ли еще ожидать, чтобы на дѣлѣ его было Божіе благословеніе? 4) Каждый членъ общества не будетъ ли отвѣчать предъ Богомъ за всѣ дѣла его, участвуя въ нихъ и деньгами и согласіемъ?

«По всѣмъ симъ неоспоримымъ по чувству моему движеніямъ обличающей меня совѣсти, готовился я просить увольненія меня отъ Библейскаго общества, но удержанъ былъ тѣмъ только, что надѣялся видѣть скорое паденіе его отъ другихъ причинъ.

просу о раскольникахъ держится совершенно другаго взгляда, чуждаго всякаго фанатизма и нетерпимости, въ которыхъ такъ привыкли всѣ обвинять Фотія. «Не благоразумно,—пишетъ Фотій,—на сихъ простецовъ (раскольниковъ) наводить угнетеніе или явно ихъ плѣнять со враждою». Вмѣсто того онъ совѣтуетъ раскольническихъ начетчиковъ поручать руководству опытныхъ священниковъ, которые должны вести бесѣды съ ними «въ кротости, мирѣ и любви». Кромѣ того Фотій даетъ совѣтъ самимъ православнымъ священникамъ чаще проповѣдывать слово Божіе и учить народъ «образомъ житія своего». Письмо Фотія къ Аракчееву о вредномъ состояніи военныхъ поселянъ въ Новгородской губерніи отъ 1830 года. «Сборникъ бумагъ Фотія» кн. II, № 33.

[1]) Изданіе Новаго Завѣта на персидскомъ языкѣ сдѣлано въ 1815 году съ копіи манускрипта, привезеннаго въ Петербургъ бывшимъ англійскимъ посланникомъ при дворѣ персидскомъ Сиръ-Горъ Узелеемъ. Переводъ этотъ былъ сдѣланъ извѣстнымъ своею ученостью Мартиномъ въ Ширазѣ, а копія снята здѣсь переводчикомъ иностранной коллегіи. Неисправности, вкравшіяся въ это изданіе, были предметомъ обсужденія въ особомъ комитетѣ за два

«Нынѣ правленіе императорскаго казанскаго университета, представляя мнѣ о раздачѣ книгъ св. писанія ученикамъ въ награду за успѣхи, упоминаетъ и о евангеліи на персидскомъ языкѣ. Изъ сего я вижу, что книга сія не только не уничтожена, но еще и распространяется библейскими отдѣленіями.

«Почитая сей случай вызовомъ меня, согласно съ чувствомъ совѣсти моей, на то дѣйствіе, отъ котораго одно благоприличіе доселѣ меня удерживало, пріемлю я смѣлость покорнѣйше просить ваше высокопреосвященство принять торжественное отреченіе мое отъ всѣхъ богопротивныхъ, по моему разумѣнію, дѣйствій Библейскаго общества, и благоволить исходатайствовать мнѣ совершенное отъ онаго увольненіе [1])».

Таковое дѣйствіе среди столицы Магницкаго, извѣстнаго своимъ умомъ и просвѣщеніемъ, который, прежде бывъ въ числѣ тайныхъ враговъ церкви и вѣры, но обратился, чувствовалъ всю гнусность нововведеній, сильно дѣйствовалъ,—имѣло великое вліяніе на умы и сердца многихъ. Самыя духовныя лица католическія церкви [2]) и учители лютеранскія съ восторгомъ радовались паденію Библейскаго общества. Ибо, ясно видѣвъ въ своихъ исповѣданіяхъ упадокъ приходовъ въ приверженности законной, видѣли и признавались, что цѣль Библейскаго общества есть сдѣлать подрывъ вѣрѣ Христовой всѣхъ исповѣданій вездѣ.

Изъ британскаго и иностраннаго Библейскаго общества изъ дома 10-го Графской улицы изъ Лондона, 23 августа 1824 года, прислано отъ правителя оной письмо къ новому президенту россійскаго Библей-

года до письма Магницкаго. Продажа и всякое употребленіе сего изданія были пріостановлены и, наконецъ, предпринято было новое изданіе Новаго Завѣта на персидскомъ языкѣ. «Христ. Чтеніе» 1872 г. апрѣль, 662—663.

[1]) Митрополитъ Серафимъ письмо Магницкаго представлялъ государю Александру I, который поручилъ митрополиту, пригласивъ Магницкаго къ себѣ, сдѣлать ему строгій выговоръ за помѣщеніе въ своемъ письмѣ выраженій, оскорбительныхъ для членовъ Библейскаго общества. Высочайшій рескриптъ митрополиту Серафиму отъ 16 іюля 1824 года. «Христіанское Чтеніе» 1872 г., апрѣль, 664—665.

[2]) Въ собраніи бумагъ Фотія (кн. 11, № 5) имѣется «выписка изъ окружнаго посланія папы Льва XII отъ 3 мая 1824 года», въ которой безусловно осуждается Библейское общество и переводъ свящ. писанія на народные языки. «Не безъизвѣстно вамъ,—пишетъ папа своимъ епископамъ,—что общество Библейское скитается смѣло по вселенной, которое, презрѣвъ преданія св. отцовъ и въ явную противность постановленію тридентскаго собора, стремится совокупными силами къ тому, чтобы перевести священное писаніе на природные языки всѣхъ народовъ, или, лучше сказать, исказить библію превратнымъ переводомъ». О чтеніи библіи на природныхъ языкахъ папа заявляетъ, что оно произведетъ больше вреда, нежели пользы.

скаго общества Серафиму митрополиту таковое, дабы оное поддерживать въ Россіи.

«Милостивѣйшій Государь!

«Недавно мы получили свѣдѣніе, что вслѣдствіе увольненія его сіятельства князя Голицына отъ должности президента россійскаго Библейскаго общества, ваше высокопреосвященство сдѣланы президентомъ сего столь важнаго учрежденія.

«Взирая съ величайшимъ удовольствіемъ и съ благоговѣйною благодарностію ко Всемогущему Богу на чрезвычайныя старанія россійскаго Библейскаго общества о распространеніи св. писанія, мы со смиреннымъ упованіемъ на продолженіе Божіей помощи, смѣемъ напередъ съ удовольствіемъ увѣрять себя, что сіе дѣло любви подъ покровительствомъ в. в. болѣе и болѣе будетъ возрастать въ успѣхѣ своемъ. Надѣемся, что вы примете сіе письмо, какъ доказательство нашего усерднаго желанія сохранять тѣ согласныя расположенія, которыя издавна такъ счастливо существовали между общими нашими учрежденіями.

«Примите, милостивый государь, увѣреніе въ высочайшемъ почитаніи отъ нижайшаго слуги вашего высокопреосвященства Тайншота, президента британскаго и иностраннаго Библейскаго общества».

Сіе лестное писаніе начальника, повидимому, ревностнаго по Библейскому обществу, а втайнѣ тайнаго врага вѣры и государства Россійскаго, иновѣрца, еретика, не имѣло вліянія, и токмо дало понять болѣе, какъ для тайныхъ связей и цѣлей англичанамъ нужно имѣть подъ видомъ Библейскаго общества въ Россіи своихъ дѣлопроизводителей.

Между тѣмъ въ разныхъ иностранныхъ книгахъ во Франціи, вѣдомостяхъ и случаяхъ зловредная тайная цѣль Библейскаго общества англійскаго, имѣющаго вліяніе на всѣ страны, объяснилась. Даже сами въ безуміи своемъ дѣлопроизводители въ рѣчахъ своихъ и дѣйствіяхъ дерзали преждевременно являть то зло, какое отъ нихъ готовится. Въ Россійскомъ царствѣ—православная вѣра и церковь святая истинная, но пастыри человѣкоугодія ради допустили въ Россіи у себя свободно иновѣрнымъ, нечестивымъ проповѣдывать и распространять вѣру, какъ бы въ ней не было людей и разума. Самые ученые архіереи сдѣлались послушными рабами иновѣрцевъ и, навыкнувъ разнымъ толкамъ, водимы отъ духа вражія усердно, согласились истинное слово Божіе, на славянскомъ церковномъ нарѣчіи св. церковію принятое, порочить, и новое свое сдѣлать, когда сѣли въ собраніи для перевода св. писанія на простой площадный русскій языкъ.

Никакой не было нужды Библейское общество вводить для печатанія библій, ибо оныя издавна печатались, смотря по нуждѣ и требованію при синодальныхъ типографіяхъ. Но оное было учреждено въ Рос-

сіи. Святіи, когда приступали, нуждою влекомые, къ переводу св. писаній, и учители церкви всегда онымъ занимались въ безмолвіи, въ молитвахъ, воздержаніи, смиреніи, и отнюдь не имѣли совѣта и общенія въ переводѣ съ еретиками, врагами вѣры и церкви; а въ Санктъ-Петербургѣ было собраніе переводчиковъ:

1) Разсылались отрывки изъ Новаго Завѣта школьникамъ въ академіи.

2) Неискуснымъ учителямъ; а съ еврейскаго вручалось переводить священнику Герасиму Павскому, чуждому благодати и истины. Сей человѣкъ есть суемудръ; живетъ, дѣйствуетъ и учитъ по мудрованію плоти; никакого здраваго разсужденія не имѣетъ; въ гордости своей всѣхъ считаетъ лжецами и невѣжами, а себя просвѣщеннымъ и знающимъ, въ чемъ отъ словъ, отъ дѣлъ, отъ опыта лично увѣренъ бывъ, пишу о немъ тако. Пастыри церкви и учители истины Христовы имѣли и имѣютъ его за вреднаго человѣка для церкви [1]). Иные считаютъ его неблагочестивымъ, иные безбожникомъ, иные благимъ, и иные еретикомъ. Чего же можно было ожидать отъ него добраго. Ему давали несвѣдущему еврейскаго языка, умершаго давно, не съ греческаго 70-ти толковниковъ перевода, а прямо съ еврейскаго псалтирь переводить, который такъ индѣ исказилъ, соглашаяся съ переводами разными латинскими и другими, что у новаго съ истиннымъ переводомъ греческимъ, церковнымъ славянскимъ, противность совершенная видна. Чтенія и пѣнія церковныя несогласны, какъ будто Златоустъ и прочіе, жившіе на востокѣ, не знали еврейскаго языка, что вездѣ кои мѣста о Христѣ согласно толковали они и, въ церковныхъ службахъ и пѣніяхъ изложивъ, написали, тѣ самыя въ русскомъ новомъ неистовомъ переводѣ псалтиря иначе напечатаны, уничтожающія или пророчества, или таинство о Сынѣ Божіемъ. Всѣ виновные въ допущеніи неистоваго перевода, а паче всѣхъ, какъ ученый первый дѣйствователь, митрополитъ Филаретъ, предъ Богомъ и св. церковію, онъ никакого извиненія не заслуживаетъ. Всѣ, подписавшіе къ напечатанію псалтири на русскомъ языкѣ, или согласны въ цѣли съ тайными обществами противу церкви и государства Россійскаго, или по невѣжеству и маловѣрію, или по человѣкоугодію, или страха ради, дабы не лишиться чести и отличій и благоволенія въ мірѣ, а особенно у президента Библейскаго общества и министра духовныхъ дѣлъ, коего владычеству нечестивому все подпало духовенство россійскія церкви грѣхъ ради своихъ, и который все дѣйствовалъ къ паденію единыя Христовы вѣры. Въ переводѣ священныхъ писаній также виновенъ много Григорій архіерей [2]). Кто

---

[1]) О Павскомъ см. „Русскую Старину“, 1880 годъ, № 3 и № 4, стр. 509, 712—721.

[2]) Это былъ Григорій Постниковъ, епископъ ревельскій, викарій с.-петербургскій (до 1826 года), ученикъ и другъ митрополита Филарета, умершій въ санѣ петербургскаго митрополита въ 1860 году.

имѣетъ разумъ, тотъ ясно усмотритъ испорченность Новаго Завѣта въ самыхъ важныхъ словахъ, на коихъ догматы церкви стоятъ. Вотъ до чего доходило въ церкви православной, что какъ во времена древле, нынѣ въ оное время не было никого защитниковъ вѣры.

Объ освященіи соборныя церкви въ великомъ Новѣ-градѣ, въ Юрьевѣ—монастырѣ, во имя Спаса нерукотвореннаго образа.

Когда еще въ началѣ подвиговъ своихъ и въ 1819 году вооружался отецъ Фотій противу тайныхъ обществъ франкъ-масонскихъ ересей и прочихъ злобъ, тогда на сердцѣ своемъ положилъ храмъ создать Спасителю Богу, ежели онъ дастъ побѣду и одолѣніе на враговъ видимыхъ и невидимыхъ. Въ сіе лѣто новосозданный соборъ [1]) о пяти главахъ, каменный, украсивъ пріуготовилъ Богу, содѣйствующу ко освященію. И 1824 года 22 октября въ день Казанскія Богородицы имъ, архимандритомъ Фотіемъ, освященъ храмъ сей при многочисленномъ собраніи народа. И началась совершаться непрестанно служба Господня въ храмѣ семъ и возженный огнь былъ неугасаемъ въ свѣтильникахъ. А по освященіи началъ Фотій и прочее благочиніе и благоустроеніе болѣе и болѣе во святой обители вводить и братію собирать, дабы не именемъ, но и дѣломъ воставить святую обитель.

О потопѣ, бывшемъ въ С.-Петербургѣ 1824 года, ноября 7-го дня.

Стараяся о благоустроеніи обители своея, отецъ Фотій жилъ въ монастырѣ, но дѣла требовали его личнаго присутствія и дѣйствія въ С.-Петербургѣ. А оныя дѣла еще касались до церкви, вѣры и прочихъ обстоятельствъ прежнихъ, о коихъ писано было и представлено императору и выше частію уже показано. Почему собрался, по званію Серафима митрополита, Фотій пріѣхать въ С.-Петербургъ на подвигъ противъ враговъ. Въ оное время, особенно 7-го числа ноября, страшная буря была частію съ дождемъ: въ Юрьевѣ сорвало крышу съ ограды желѣзную на 80 саженъ и бросило всю на землю съ восточной ограды. Помолився Богу, онъ пустился въ путь свой, ѣхать даже не было возможности противу вѣтра, толь былъ силенъ: когда ѣхалъ по дорогѣ въ

---

[1]) Соборъ въ честь Всемилостиваго Спаса Нерукотвореннаго Его образа Фотій началъ строить въ 1823 году на мѣстѣ прежней каменной церкви во имя св. благовѣрныхъ князей Ѳеодора и Александра Невскаго, сгорѣвшій, съ прилегавшими къ ней постройками, во время пожара, бывшаго въ Юрьевѣ монастырѣ 21 января 1823 года. Спасскій соборъ отличается особеннымъ богатствомъ своихъ внутреннихъ украшеній. Макарій, Истор. описаніе Юрьева монастыря, изд. 2, 24—29.

С.-Петербургъ, то въ ямахъ и деревняхъ увидѣлъ индѣ цѣлыя крыши съ домовъ сорваны бурею, индѣ цѣлыя двери раскрыты, индѣ лѣса повалены, и сломаны до корня. И такъ много и часто видѣлъ таковыхъ поврежденій, что дивился. Пріѣхавъ въ Царское Село, увидѣлъ, что по аллеямъ, близъ шоссе, кое-гдѣ оставались младыя посажденныя дерева цѣлы, а прочія всѣ по корень изломаны бурею: индѣ въ рощахъ вдругъ сряду сотни были деревъ изломаны. Пріѣзжая къ С.-Петербургу узналъ, что былъ потопъ великъ въ ономъ. Пріѣхавъ въ заставу почти изъ первыхъ проѣзжихъ 8-го числа ноября, на другой день потопа, едва могъ еще проѣзжать по проспекту, ибо страшное зрѣлище видно было вездѣ отъ наводненія: заборы, тыны, палисады, мосты, лодки, древа, лѣса, дрова, доски съ мѣста на мѣсто въ одно снесены, въ безобразныхъ кучахъ лежали и индѣ вовсе прохода не можно было имѣть. Индѣ мосты были снесены, индѣ двери и окны у домовъ были разбиты. Индѣ провалы на дорогахъ, индѣ мертвые скоты дохлые лежали во множествѣ. Весь народъ какъ въ безуміи былъ, унылъ, вездѣ все было печально, кто безъ хлѣба былъ отъ разрушенія печей, кто безъ удовольствій; у всѣхъ были разныя нужды. Вода хотя и сбыла съ площадей, но въ рѣкѣ весьма высоко стояла и грозила еще приливомъ. Плачъ, стонъ, ужасъ. бѣдность и несчастіе многихъ поражали до крайности сердце. Кое-какъ съ трудомъ доѣхалъ Фотій до дома дщери графини дѣвицы Анны Орловой-Чесменской и у ней остановился; ибо не можно еще было въ Невское проѣхать по причинѣ разрушеній. Узнавъ, что императоръ Александръ отъ разоренія и страшныхъ зрѣлищъ въ столицѣ своей въ великой печали и скорби, Фотій поспѣшилъ къ нему писать и его утѣшалъ посланіемъ, дабы не унывалъ, а на Бога уповалъ; а между тѣмъ внушалъ ему дѣла Божія начатыя довершить, да не прогнѣвается Господь за грѣхи многихъ на всѣхъ.

Скажу при семъ случаѣ то, что великое вліяніе имѣлъ потопъ на сердце чувствительнаго императора Александра. Онъ просто не принималъ сего, а почиталъ за нѣкое для себя знаменіе отъ Бога, и смиренно предавался волѣ Божіей, и какъ слышно было, началъ втайнѣ посты содержать.

О новой сектѣ въ донскомъ войскѣ, возникшей для содѣйствія къ реформѣ и революціи.

Какъ выше было сказано и представлено отъ Фотія императору, что отъ Библейскаго общества, изъ книгъ отчетовъ его, новыхъ сочиненій и книгъ разсылаемыхъ, а особенно отъ «Воззванія о послѣдованіи инстинкту» [1])

[1]) Это сочиненіе имѣетъ слѣдующее точное названіе: «Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова». Спб. 1820 г. Переводъ Ястребцева.

многія секты составились, и многіе въ такое безуміе пришли, что, отступивъ отъ правыя вѣры, подѣлали свои секты, и сами сдѣлались главами. Сіе между многими примѣрами оправдалось событіемъ непріятнымъ. Въ донскомъ войскѣ есаулъ Котельниковъ [1]) объявилъ себя духоносцемъ и именно Предтечею Христа, грядущаго на 1,000 лѣтъ акибы царствовать. Войсковое начальство съ нимъ не могло совладать: онъ писалъ тайно и явно, несмотря на военную стражу, книги и письма къ архіереямъ, министрамъ и кн. Голицыну. О всемъ подробно описать не можно: онъ былъ привезенъ въ С.-Петербургъ и содержался по секрету. Но императоръ благоволилъ отдать его на обращеніе архимандриту Фотію. Почему и былъ обращаемъ не малое время оный есаулъ. Заблужденія же его въ чемъ состоятъ, то главныя можно видѣть изъ выписки, сдѣланной по высочайшему повелѣнію изъ книгъ и записокъ есаула Котельникова. Для лучшаго уразумѣнія при семъ, въ чемъ секта состояла, здѣсь выписка императору поданная помѣщается [2]).

Съ прекращеніемъ автобіографіи Фотія, прекращается и его общественная дѣятельность. Дальнѣйшая жизнь Фотія съ 1825 года по 1838 годъ, посвященная исключительно благоустройству Юрьева монастыря, изложена въ рукописи въ «Запискахъ келліарха». Со вступленіемъ на престолъ новаго императора Николая Павловича, на сцену общественной и государственной дѣятельности выступили новыя лица. Фотій и новому императору представлялъ нѣкоторыя бумаги, за которыя государь отъ 6-го февраля 1826 г. выразилъ ему свою благодарность и разрѣшилъ ему писать прямо въ собственныя руки о всемъ, что найдетъ онъ нужнымъ. Затѣмъ 18-го мая того же года императоръ Николай подтвердилъ данное Фотію разрѣшеніе пріѣзжать въ Петербургъ во всякое время, когда только найдетъ нужнымъ.

Фотій скончался въ Юрьевѣ монастырѣ 26 февраля 1838 года и погребенъ тамъ съ необыкновенною торжественностью.

---

[1]) Объ эсаулѣ Евлампіѣ Котельниковѣ см. «Христ. Чтеніе». 1882 г., № 11—12. «Вѣстн. Европы» 1871 г., кн. III. Статья Пыпина: Библейская секта. и въ «Русской Старинѣ» (1871 годъ, т. IV, изд. 1, 95—96).

[2]) Эта выписка озаглавливается такъ: «Замѣчаніе съ выпискою изъ Остраго Серпа книги Е. Котельникова», напечатана въ «Христіанск. Чтеніи» 1882 г., № 11—12 въ статьѣ Жмакина.

Къ характеристикѣ нравовъ въ XVIII вѣкѣ.

Премилосердый мой государь батюшко-братецъ Ѳедоръ Петровичъ! Въ милости Божіи множество лѣтъ здравствуй купно и съ сожительницею своею, а моею государынею-невѣстушкою съ Маѳоой Андреевной и съ дѣтками своими. Поздравляю тебя съ сыномъ Иваномъ Ѳедоровичемъ, дай Богъ тебѣ вырастить велика. А про меня изволите напамятовать: и я въ Пустозерскомъ острогѣ и съ женою своею счисляюся съ живыми. Прошу тебя, братецъ, не оставить моей деревнишки: пріѣхать осенью и насидѣть вина и прислать ко мнѣ въ Пустозерской острогъ съ человѣкомъ моимъ Степаномъ, да изъ крестьянъ дву человѣковъ. А и вина прислать двадцеть два ведра за нынѣшній годъ и за прошлой; а ежели крестьяня вашу милость не станутъ слушать, то побей челомъ, въ городѣ возьми солдатъ и бей кнутомъ. Нече, братецъ, не погнѣвайся,-что была посылка, а послать не съ кѣмъ: только одинъ Степанъ... [1]) Послалъ пѣшкомъ, а лошадей оставилъ у себя: путь послѣдней. И съ нимъ же мѣху послалъ десять бобровъ на подарки, а и больше бы я послалъ, да вы знаете — каковъ онъ?.. А ежели бы (были) мужики, — и больше бы я надѣлилъ. Чини для Бога, пришли крестьянъ поранѣе, чтобы конечно пріѣхали къ Рожеству Христову, а эти хошь пріѣхали да упоздали; что весна захватила, то и лошадей у себя покинулъ; что было бы и послать (коё-что) излишнее—да упоздали: путь послѣдней. А мнѣ Андрюшка здѣсь надобенъ и не съ кѣмъ послать. Да посылаю тебѣ, братецъ Ѳедоръ Петровичъ, рукавицы теплыя—оленьи, а подложены теплымъ, да еще тебѣ посылаю шапку свою. Впротчемъ остаюсь слуга и братъ Яковъ Митусовъ. 1739 году марта 19 дня. На адресѣ: Государю моему братцу Ѳедору Петровичу, его милости Дивину. Пустоозеро.

Сообщ. **А. Е. Мерцаловъ.**

[1]) Край письма оторванъ.

СПЕРАНСКІЙ И ДВА НИКИТИНА.

Въ запискахъ государственнаго секретаря В. Р. Марченки, помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ» за нынѣшній годъ, разсказаны любопытныя «событія, въ глазахъ моихъ совершившіяся, при вступленіи на престолъ императора Николая I», при чемъ сообщены нѣкоторые слухи, ходившіе по Петербургу въ дни «междуцарствія» 1825 года, когда Россія «оставалась шестнадцать дней безъ повелителя», отъ присяги отказавшемуся отъ престола великому князю цесаревичу Константину Павловичу до присяги его младшему брату великому князю Николаю Павловичу. Между прочимъ, Сенатъ, предписавъ о «повсемѣстной присягѣ императору Константину», долженъ былъ послать донесеніе объ этомъ въ Варшаву, гдѣ находился императоръ. Служившій въ Сенатѣ за оберъ-прокурорскимъ столомъ, игрокъ-милліонеръ Никитинъ подарилъ наложницѣ министра юстиціи 10.000 рублей за то, чтобъ съ этимъ донесеніемъ послали въ Варшаву его, вмѣсто обыкновеннаго сенатскаго курьера.

Какой же это Никитинъ? Въ то время, о которомъ пишетъ Марченко, этого игрока, этого милліонера знали всѣ, даже и императоръ Николай Павловичъ; въ настоящее время его картежные подвиги никого не интересуютъ и самое имя его никому неизвѣстно. Издатель записокъ Марченки, профессоръ Бильбасовъ, высказалъ догадку, что этого игрока Никитина звали Василій Поликарповичъ, при чемъ поставилъ вопросительный знакъ, свидѣтельствующій о его сомнѣніи [1]). Сомнѣніе оправдалось, догадка оказалась вполнѣ неудачною. Въ мѣсяцесловѣ на 1832 годъ значится, что въ 1-мъ департаментѣ Сената состоялъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ статскій совѣтникъ Павелъ

[1]) «Русская Старина», 1896, май, 308

Ефимовичъ Никитинъ, котораго, вѣроятно, Марченко и титулуетъ «игрокомъ-милліонеромъ».

Говоримъ «вѣроятно», такъ какъ не имѣемъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній объ игрокѣ Никитинѣ. Даже и относительно картежной игры, время, о которомъ говоритъ Марченко, ни мало не походило на время Екатерины, когда имена игроковъ публиковались въ газетахъ. «Карточныя академики достойны наказанія», писала Екатерина и, казня ихъ удаленіемъ изъ столицы въ провинцію, подъ надзоръ городничихъ, мудрая императрица приказывала «вносить имена ихъ въ публичныя вѣдомости, дабы всѣ отъ обмана ихъ остерегались» [1]).

О другомъ Никитинѣ, Василіи Поликарповичѣ, до настоящаго времени сохраняется память какъ о свѣдущемъ юристѣ-практикѣ, полезномъ общественномъ дѣятелѣ и честномъ человѣкѣ. Онъ былъ 20 лѣтъ предсѣдателемъ 1-го департамента Санктъ-Петербургской гражданской палаты и временно, по высочайшему повелѣнію, управлялъ Петербургскою губерніею; въ теченіе 30-ти лѣтъ былъ депутатомъ петербургскаго дворянства; ему, между прочимъ, обязаны своимъ учрежденіемъ тюремный комитетъ и комитетъ о нищихъ, и, наконецъ, онъ много содѣйствовалъ созданію въ Петербургѣ церкви св. Михаила-Архангела и Волковской богадѣльни. Онъ умеръ въ 1876 году «голъ, какъ голъ родился», и погребенъ на Кузьминскомъ кладбищѣ, въ Царскомъ Селѣ.

Наилучшимъ аттестатомъ его знаній и дѣятельности служитъ уваженіе М. М. Сперанскаго. Окончивъ капитальный «Сводъ Законовъ», Сперанскій обратился, 2-го іюля 1831 года, къ В. П. Никитину съ слѣдующею запискою:

«Вслѣдствіе словеснаго моего предварительнаго изъясненія, позвольте мнѣ обратиться къ вашему превосходительству съ покорнѣйшею прозбою взглянуть внимательнымъ и опытнымъ вашимъ окомъ на бумаги, кои представитъ вамъ г-нъ Цеймернъ [2]), и дать ему словесно или письменно ваши наставленіи и примѣчанія. Есть вещи, кои нельзя иначе обнять, какъ опытомъ. Мое желаніе всегда было одно и то же, а именно, чтобъ составить Сводъ, сколь можно на практическомъ производствѣ основанный, и я увѣренъ, что ваши совѣты тутъ принесутъ истинную пользу.

«Примите свидѣтельство совершеннаго моего почитанія

«Сперанскій».

---

[1]) Смирдинъ, III, 404; Чтенія, 1863, III, 181; Русскій Архивъ, 1872, I, 872.

[2]) Максимъ Карловичъ, 1802—1882, въ то время переводчикъ въ Сенатѣ, надв. совѣт.; съ 1853 г. сенаторъ, позже почетный опекунъ, дѣйст. тайн. совѣт.

Между этими двумя Никитиными, однофамильцами, не было ничего общаго, и они, кажется, не были даже знакомы. Сперанскій тоже не зналъ игрока Никитина; императоръ Николай Павловичъ не зналъ юриста Никитина. Когда В. П. Никитинъ былъ представленъ къ производству въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, императоръ вычеркнулъ его изъ списка, прибавивъ: «никогда игроку не дамъ этого чина». Недоразумѣніе, конечно, объяснилось, и В. П. Никитинъ получилъ позже и чинъ тайнаго совѣтника.

Приводимъ это преданіе, какъ любопытную черту времени, не какъ объясненіе, тѣмъ менѣе оправданіе, повтореннаго спустя много лѣтъ смѣшенія двухъ различныхъ Никитиныхъ.

Проф. **В. Бильбасовъ.**

О ввозѣ иностранныхъ книгъ въ Россію.

I.

Указъ императора Александра I генералу-отъ-инфантеріи, рижскому военному губернатору, управляющему Лифляндскою, Эстляндскою и Курляндскою губерніями, князю Голицыну.

18 августа 1802 г. С.-Петербургъ.

По представленію вашему желая Дерптскому университету доставить возможность получать изъ-за границы нужныя ему книги, предписалъ я министру коммерціи, какъ тѣ изъ нихъ, кои прямо университетомъ выписываемы будутъ, такъ и привозимыя пріѣзжающими въ сей университетъ учеными, пропускать чрезъ Палангенъ безъ задержанія, наблюдая только ту осторожность, чтобы, подъ предлогомъ книгъ, не было провозимо товаровъ или запрещенныхъ или безпошлинно. Въ разсужденіи же цензуры тѣхъ книгъ, университетъ имѣетъ поступать по даннымъ ему предписаніямъ.

II

Письмо Н. Н. Новосильцева Ѳ. И. Шуберту.

5 сентября 1804 г. С.-Петербургъ.

Милостивый государь мой, Ѳедоръ Ивановичъ! Его императорское величество, усмотрѣвъ съ неудовольствіемъ изъ донесенія г. министра коммерціи, что между иностранными книгами, выписанными Академіею Наукъ, привезено одно сочиненіе подъ названіемъ «Histoire de Pierre III avec l'histoire secrête des amours de Catharina II», котораго и самое заглавіе показываетъ, что оно не должно быть впускаемо въ Россію,—высочайше повелѣть мнѣ изволилъ строжайше изслѣдовать, кѣмъ и для кого именно таковая книга выписана. Почему, препровождая къ вамъ оригинальный реестръ, въ которомъ книга сія въ числѣ прочихъ упомянута, покорно прошу васъ, немедленно разыскавъ кѣмъ оная въ означенный реестръ помѣщена, и для какого употребленія была предназначена, о томъ меня увѣдомить. Ожидая таковыхъ свѣдѣній, пребываю съ истиннымъ почтеніемъ милостивый государь мой вашимъ покорнымъ слугою Николай Новосильцевъ.

Поправка къ статьѣ: «Т. Гр. Шевченко въ Астрахани».

Во 3-й книжкѣ «Русской Старины» за настоящій годъ сообщены г. Василіемъ Кларкомъ такія невѣрныя біографическія свѣдѣнія изъ жизни украинскаго поэта Т. Г. Шевченки, что оставить ихъ безъ исправленія невозможно.

Г. Василій Кларкъ сообщаетъ, правда не свои (потому-то еще болѣе удивительныя) свѣдѣнія, а воспоминанія Клопотовскаго, бывшаго студента Кіевскаго университета, «слушавшаго лекціи Шевченки и знавшаго его, какъ профессора!»

Мнѣ, какъ занимающемуся біографіею нашего поэта-художника и изучившему всѣ извѣстные доселѣ матеріалы о жизни Шевченки, извѣстно положительно и документально, что Т. Г. Шевченко никогда не былъ профессоромъ Кіевскаго университета и «не читалъ» лекцій по теоріи живописи и художествъ; слѣдовательно г. Клопотовскій не могъ знать Шевченки «какъ профессора» и не могъ «слушать его лекцій въ университетѣ».

Невѣрно сообщеніе г. Кларка и о томъ, что Шевченко въ «то же время состоялъ членомъ археографической коммиссіи, получалъ въ теченіе года не менѣе 12.000 р.; жилъ въ Кіевѣ очень открыто, раскопками же кургановъ занимался мало и неохотно, а проводилъ время въ компаніи молодежи и въ кружкѣ Костомарова».

Все это неправда. Въ дѣйствительности было такъ: въ сентябрѣ 1845 г. (когда Костомарова еще не было въ Кіевѣ) Шевченко, какъ художникъ, былъ приглашенъ въ археологическую коммиссію для срисовыванія видовъ съ историческихъ памятниковъ. Въ ноябрѣ ему дана была командировка и выдано на расходы при поѣздкѣ сто пятьдесятъ рублей; изъ нихъ онъ издержалъ 96 р. 16 к., а остальныя возвратилъ въ коммиссію. Въ декабрѣ того же года онъ сдѣланъ сотрудникомъ коммиссіи съ жалованьемъ по 150 р. въ годъ. Въ іюлѣ 1846 г. онъ отправился съ профессоромъ Иванишевымъ на раскопки могилы Перетихи (въ Васильковскомъ уѣздѣ), а 21 сен-

тября вновь командированъ въ Подольскую и Волынскую губерніи для собранія этнографическихъ свѣдѣній, историческихъ документовъ и пр. На расходы по этой командировкѣ ему отпущено 150 р. и болѣе командировокъ и денегъ на расходы онъ не получалъ. По постановленію коммиссіи 1 марта 1847 г. онъ уволенъ отъ сотрудничества и хотя ему слѣдовало выдать 25 руб. жалованья за январь и февраль 1847 г., но таковое не было ему выдано, а по постановленію коммиссіи 20 августа (когда Шевченко находился уже болѣе 2-хъ мѣсяцевъ въ ссылкѣ въ Орскѣ рядовымъ) слѣдовавшее ему жалованье рѣшено «записать на приходъ коммиссіи», такъ какъ «Шевченко за полученіемъ его не являлся» [1]).

Костомаровъ же переселился въ Кіевъ только въ іюнѣ 1846 г., но вскорѣ уѣхалъ въ Одессу и возвратился только въ августѣ того же года [2]).

Невѣрно сообщеніе и о пребываніи Шевченки въ Астрахани. Шевченко въ Астрахань прибылъ 5 августа 1857 года (возвращаясь изъ ссылки) и долженъ былъ здѣсь ожидать отплытія парохода въ Нижній-Новгородъ. До 15 го августа знакомыхъ у него не было въ Астрахани; послѣ 15-го онъ познакомился съ Незабытовскимъ, Клопотовскимъ и др. и возобновилъ старое знакомство съ Сапожниковымъ, который, нанявъ для своей поѣздки весь пароходъ «Князь Пожарскій», пригласилъ съ собою и Шевченко, который, впрочемъ, еще до этого приглашенія купилъ уже для себя билетъ до Нижняго.—Пароходъ вышелъ изъ Астрахани 22-го августа; шелъ не останавливаясь, кромѣ случаевъ для нагрузки дровъ и т. п. и пришелъ въ Нижній 20-го сентября. Тогда же администрація пароходства о пріѣздѣ Шевченки заявила полиціи, которая гораздо ранѣе прибытія «Князя Пожарскаго» была извѣщена, что на немъ ѣдетъ Шевченко, и обязала администрацію пароходства немедленно дать свѣдѣніе въ полицію о прибытіи парохода. — Поэтому всякія предположенія о томъ, что Шевченко «прибытіе свое въ Нижній заявилъ позднѣе, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ», не основательны точно такъ же, какъ неосновательенъ разсказъ о покупкѣ Сапожниковымъ рисунковъ Шевченки за 800 р. и т. п. Получа такую крупную сумму, Шевченко, по прибытіи въ Нижній, не нуждался бы въ деньгахъ [3]).

Наконецъ вполнѣ невѣрны свѣдѣнія г. Кларка о Лохвицкомъ и объ «Основѣ». Лохвицкій былъ въ Кіевѣ какимъ-то чиновникомъ, а не профессоромъ университета, археологіею хотя и занимался, но почти ничего въ ней не смыслилъ. «Основу» издавалъ не Кулишъ, а Бѣлозерскій.

А. Конисскій.

[1]) „Кіев. Стар.“ 1894, кн. 2 стр. 230–244.
[2]) „Литератур. наслѣдіе“, стр. 64.
[3]) См. Записки о журналѣ. Т. Г. Грушевскаго—Шевченки. Львовъ 1894 г.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

Библіографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи, вышедшихъ въ 1896 году.

И., Г. Л. Егоръ Егоровичъ Замысловскій (некрологъ). — «Историческ. Вѣстникъ» 1896, іюнь.

Афанасьевъ, Н. А. Баронъ Ѳедоръ Андреевичъ Бюлеръ (некрологъ).— «Историч. Вѣстн.» 1896, іюнь.

Полевой, П. Н. Воспоминаніе объ А. К. Жизневскомъ.—«Историч. Вѣстникъ» 1896, іюнь.

Тимирязевъ, В. А. Піонеры просвѣщенія въ Западной Сибири. (Оконч.).— «Историч. Вѣстникъ». 1896, іюнь.

Мартьяновъ, П. К. Изъ старой записной книжки.—«Историч. Вѣстн.» 1896, іюнь.

Благовѣщенскій, А. А. Шевченко въ Петербургѣ.—«Историч. Вѣстн.» 1896, іюнь.

Свѣшниковъ, Н. И. Воспоминанія пропащаго человѣка (прод.)—«Историческій Вѣстн.» 1896, іюнь.

Военскій, К. А. Очерки Курляндской старины. Гл. I. — «Историч. Вѣстн.» 1896, іюнь.

Ивановъ, Д. Л. Изъ воспоминаній Туркестанца.—«Истор. Вѣстн.» 1896, іюнь.

Шильдеръ, Н. К. Дипломатъ по неволѣ. Графъ Петръ Александровичъ Толстой.—«Историч. Вѣстн.» 1896, іюнь.

Антоновъ, В. М. Эпизоды изъ Кавказской войны.—«Историч. Вѣстн.» 1896, іюнь.

Записки Рафаила Михайловича **Зотова**. I—III.—«Историч. Вѣстникъ» 1896, іюнь.

Риттихъ, П. А. Наши сношенія съ Персіей и ея политическое положеніе въ XIX стол. (оконч.)—«Русскій Вѣстн.» 1896, іюнь.

Овсянниковъ, Н. Н. Православіе въ исторіи русскаго народа (оконч.)— «Русскій Вѣстн.» 1896, іюнь.

Шильдеръ, Н. К. Столѣтній юбилей рожденія императора Николая I.— «Русскій Вѣстн.» 1896, іюнь.

Соколовскій, Н. А. Уголовное уложеніе.—«Русское Богатство». 1896, № 5.

Васильевъ, А. Вѣротерпимость въ законодательствѣ и жизни въ царствованіе императора Александра I.— «Наблюдатель». 1896, іюнь.

Проф. **Овсянико-Куликовскій**, Д. Тургеневъ и Толстой.—«Сѣверн. Вѣстн.» 1896, № 6.

Пономаревъ, Е. П. Памяти Михаила Ильича Бочарова, академика пейзажной живописи и декоратора Имп. театровъ. — «Ежегодникъ Имп. Театр.» Сезонъ 1894—1895.

Проф. **Суворовъ**, Н. Монастыри и церкви, какъ юридическія лица.— «Журн. Юрид. Общ.» 1896, іюнь.

Дружининъ, Н. Крестьяне и общее гражданское право. (оконч.).—«Журн. Юридич. Общ.» 1896, іюнь.

Стасовъ, В. В. Воспоминанія о моей сестрѣ. IX—XI.—„Книжки Недѣли". 1896, іюнь.

Маляревскій, Г. Очеркъ исторіи и современнаго состоянія народнаго образованія въ Сибири (прод.) — „Народное Образованіе", 1896, кн. VI.

Милюковъ, П. Н. Очерки по исторіи русской культуры (прод.)—„Міръ Божій", 1896. іюнь.

Епанчинъ, Н. Дѣйствія передоваго отряда ген.-ад. Гурко въ войну 1877—1878 г. (прод.)—„Военн. Сборн." 1896, іюнь.

Гершельманъ, Сергѣй. Нравственный элементъ подъ Севастополемъ (прод.). —„Военный Сборн." 1896, іюнь.

С., А. Очеркъ возстанія горцевъ Терской области въ 1877 г. (прод.)— „Военный Сборн." 1896, іюнь.

Лященко, А. І. Къ исторіи Харьковскаго университета. Циркуляръ попечителя З. Я. Карнѣева.—„Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическ. Общ." Т. 8.

Алякритскій, Н. И. Памяти Н. С. Тихонравова.—„Сборникъ Харьковск. Историко-филологич. Общ.". Т. 8

Багалей, Д. И. Г. С. Сковорода. — „Сборникъ Харьковскаго Историко-филологич. Общ.". Т. 8.

Зелекогорскій, Ѳ. А. Г. С. Сковорода, какъ философъ.—„Сборникъ Харьковскаго Историко-филолог. Общ.". Т. 8.

Лебедевъ, А. С. Г. С. Сковорода, какъ богословъ.—„Сборникъ Харьковскаго Историко-филолог. Общ.". Т. 8.

Юбилейное чествованіе памяти Г. С. Сковороды 13 ноября 1895 г.— „Сборникъ Харьковскаго Историко-филологич. Общ." Т. 8.

Левандовскій, А. Г. Н. Ф. Одарченко (некрологъ).—«Сборникъ Харьковскаго Историко-филологич. Общ.». Т. 8.

Дриновъ, М. С. Обзоръ ученой дѣятельности И. М. Собѣстіанскаго.—«Сборн. Харьковскаго Историко-филологич. Общ.». Т. 8.

Стояновъ, А. и **Куплеваскій**, Н. Надгробныя рѣчи.—«Сборникъ Харьковскаго Историко-филологич. Общ.». Т. 8.

Сулцовъ, Н. Ѳ. Памяти И. М. Собѣстіанскаго.—„Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическ. Общ.“. Т. 8.

Стояновъ, А. Н. Памяти И. М. Собѣстіанскаго.—«Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическ. Общ.». Т. 8.

Некрологъ проф. К. З. Кучина.—„Записки Имп. Харьк. Универ.“. 1896, Кн. I.

Некрологъ проф. И. М. Собѣстіанскаго.—„Записки Имп. Харьк. Унив.“ 1896. Кн. I.

Проф. **Багалѣй**, Д. Опытъ исторіи Харьковскаго университета.—„Записки Имп. Харьк. Унив.“, 1896. Кн. I.

Флоринскій, В. М. Первобытные славяне по памятникамъ ихъ доисторической жизни. Ч. II, вып. I.—„Извѣстія Томскаго универс.“. Книга 9-я.

Шкапскій, Ор. Два документа къ исторіи событій въ Средней Азіи въ 1868 г.—Средняя Азія.—„Научно-литерат. Сборникъ“.

Смирновъ, Е. Древности въ окрестностяхъ г. Ташкента.—Средняя Азія.—„Научно-литер. Сборникъ“.

Русскій отрядъ въ пустынѣ (эпизодъ изъ Хивинскаго похода).—Средняя Азія.—„Научно-литер. Сборн.“.

Проф. **Буцинскій**, П. Вѣнчаніе царей на царство.—„Вѣра и Разумъ“, 1896, № 8.

Протопоповъ, Н. Очерки по исторіи древне-русской письменности (продолженіе).—„Вѣра и Разумъ“, 1896, № 4—№ 7.

Прот. **Смирновъ**, А. Филаретъ, архіепископъ тверской, ярославскій и московскій.—Москва, 1896.

Никольскій, Б. В. Николай Николаевичъ Страховъ. Критико-біографич. очеркъ.—Спб., 1896, 1.

Д., С. Коронованіе русскихъ государей.—Спб., 1896.

Собко, Н. П. Словарь русскихъ художниковъ XI—XIX в. Т. II, вып. I.—Спб. 1895.

Балаклѣевъ, Иванъ. Памяти И. С. Аксакова.—Спб., 1896.

Обзоръ событій въ царствованіе императоровъ Николая I и Александра II.—Спб., 1896.

Будиловичъ, А. С. О значеніи русскаго похода въ 1849 году для австро-угорскихъ народовъ. (Изъ «Русской Бесѣды»).—Спб., 1896.

Преображенскій, Г. Н. Полная исторія Россійскаго государства.—Москва, 1896.

Бантышъ-Каменскій, Н. Н. Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи (по 1801). Часть вторая.—Москва, 1896.

Ѳедоровъ, Іосифъ. Вѣнокъ на могилу въ Бозѣ почившаго Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра III.—Вильна, 1896.

Соловьевъ, С. М. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Книга 2-я, томы VI—X. Изданіе 2-е.—Спб., 1896.

Бороздинъ, А. К. главныя направленія русской литературы начала XIX столѣтія.—Спб., 1896.

Неустроевъ, А. Н. Литературные дѣятели XVIII в. I. Василій Григорьевичъ Рубанъ.—Спб., 1896.

Перцовъ, П. Философскія теченія русской поэзіи.—Спб., 1896.

Милюковъ, П. Очерки по исторіи русской культуры. Ч. I. Изданіе ред. журнала „Міръ Божій“.—Спб., 1896.

Кн. Щербатовъ. Ген.-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность. Т. V.—Спб., 1896.

Князь Максутовъ. Наканунѣ двухвѣковаго юбилея. (Страничка изъ исторіи 25-го пѣхотнаго Смоленскаго полка).—Варшава, 1896.

Алексѣевскій, А. И. Памяти Императора Всероссійскаго Александра III. Новое изданіе.—Спб., 1896.

Историческій очеркъ существованія и дѣятельности Балтійскаго судостроительнаго и механическаго завода.—Спб., 1896.

Костяминъ, С. Памяти Александра Николаевича Островскаго.—Вильна, 1896.

Сазоновъ, Г. П. Обзоръ дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству (1865—95). Т. II.—Спб., 1896.

Хардинъ, Д. Г. И. Поршневъ. Некрологъ.—Спб., 1896.

Чайковскій, А. Далекое прошлое Туркестана.—Спб., 1896.

Краткая историческая записка о высшихъ женскихъ курсахъ въ С.-Петербургѣ.—Спб., 1896.

Шидловскій, Ф. Историческій очеркъ развитія водолазнаго дѣла въ русскомъ флотѣ.—Спб., 1896.

Празднованіе 800-лѣтія г. Рязани.—Рязань, 1896.

Пясецкій, Гавріилъ. Историческіе

очерки Орловскаго Введенскаго дѣвичьяго монастыря.—Орелъ, 1896.

Подполк. **Васильевъ**. Краткій очеркъ исторіи 11-го сапернаго баталіона.—Одесса, 1896.

Каменскій, П. В. Вопросъ или недоразумѣніе? (Къ вопросу объ иностранныхъ поселеніяхъ на югѣ Россіи).—Москва, 1895.

Письма П. І. Шафарика къ О. М. Бодянскому (1838—1857), съ приложеніемъ писемъ П. І. Шафарика къ В. И. Григоровичу, приготовленныя къ изданію П. А. **Лавровымъ** и М. Н. **Сперанскимъ**. (Изъ „Чт. въ И. О. И.и Др. Росс.“, 1896, кн. I — II).—Москва, 1896.

Корсунскій, Иванъ. Раненбургская Петропавловская пустынь.—Рязань, 1896.

Фрейманъ, фонъ О. Р. Пажи за 184 года (1711—1895). Біографіи бывшихъ пажей съ портретами. Вып. 7.—Фридрихсгамнъ, 1896.

Прот. **Никольскій**, К. Матеріалы для исторіи исправленія богослужебныхъ книгъ.—Памятники древней письменности CXV.—Спб., 1896.

Мостовскій, М. С. Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ. Чтеніе для народа. Изд. 3-е.—Москва, 1896.

Петровскій Хотьковъ дѣвичій монастырь. Изданіе восьмое.—Сергіева Лавра, 1896.

Дмитровскій, И. Дубровицы, знатное село, имѣніе князя С. М. Голицына.—Москва, 1896.

Тебеньковъ, М. Древнѣйшія сношенія Руси съ прикаспійскими странами.—Тифлисъ, 1896.

Романовскій, М. Л. Историко-статистическое описаніе Бѣлостокской дворцовой Александро-Невской церкви института благородныхъ дѣвицъ.—Вильна, 1896.

Шелепинъ, Иванъ. Прошлое и настоящее г. Вилейки.—Изъ „Вилен. Вѣстн.“ 1896, № 30 и 32.—Вильна, 1896.

Маноцковъ, В. И. 25-лѣтіе Пермскаго уѣзднаго земства.—Пермь, 1895.

Ушаковъ, Ф. А. Владычныя палаты архіеп. Макарія въ Псковѣ.—Псковъ, 1896.

Подп. **Губеръ**. Историческая справка по переселенческому дѣлу въ Закаспійской области.—Спб., 1896.

Бычихинъ, А. А. Профессоръ Павелъ Андреевичъ Костычевъ. (Изъ «Записокъ И. Общ. Сел. Хоз. Южн. Россіи“ за 1895).—Одесса, 1896.

Константинопольское патріаршее подворье въ Москвѣ, съ церковью во имя преп. Сергія, игумена радонежскаго, въ Крапивкахъ.—Москва, 1896.

Достойновъ, Л. Историческая записка объ Одесскомъ реальномъ училищѣ.—Одесса, 1896.

Писаревскій, Б. Е. Петръ Іеронимовичъ Адамьянъ (воспоминанія).—Одесса, 1896.

Докладъ о реставраціи Большаго Московскаго Успенскаго собора, произведенной согласно заключеніямъ Имп. Моск. Археол. Общества.—Москва, 1896.

Поруч. **Ломанъ**, Д. Ко дню священнаго коронованія.—„Чтеніе для народа“.—Спб., 1896.

Ушаковъ, Ф. А. Матеріалы для исторіи Псковскаго кадетскаго корпуса.—Псковъ, 1895.

Румшъ, М. И. Къ священному коронованію Ихъ Императорскихъ Величествъ.—Спб., 1896.

Краткій очеркъ дѣятельности Архангельскаго мѣстнаго управленія «Росс. Общ. Краснаго Креста» съ 1876 по 1896 г.—Архангельскъ, 1896.

Кривошлыкъ, М. Г. Историческіе анекдоты изъ жизни русскихъ замѣчательныхъ людей.—Спб., 1896.

Арѣевъ, М. А. Монастырскіе острова Валаамъ и Коневецъ.—Изданіе товарищества. М. О. Вольфъ.—Спб., 1896.

Хойновскій, І. А. «Краткія археологическія свѣдѣнія о предкахъ славянъ и Руси». Вып. І. Съ портретомъ и XX табл. рисунковъ.—Кіевъ, 1896.

Кирпичевъ, В. Л. Десятилѣтіе Харьковскаго Практическаго Технологическаго института.—Харьковъ, 1895.

Поруч. **Болдыжевъ**, Памятка 121-го пѣхотнаго Пензенскаго полка.—Харьковъ, 1894.

Документы, относящіеся до возникновенія французской церкви св. Людвига въ Москвѣ.—Спб., 1896.

П., М. И. Прошлое Нижняго Новгорода.—«Нов. Время». 1 іюня.

Некрологъ.—А. Н. Трубровъ, директоръ Археол. Института.—«Новости», 1 апр.

Некрологъ.—Д-ръ Л. М. Гросманъ.—«Новости», 26 апрѣля.

Некрологъ.—Проф. И. П. Сокальскій.—«Новости», 5 мая.

Некрологъ.—В. П. Желиховская.—«Новости», 6 мая.

Некрологъ.—Проф. Э. Б. Шене.—«Новости», 10 мая.

Некрологъ.—Прот. К. К. Крупскій.—«Новости», 10 мая.

Некрологъ.—Л. Н. Модзалевскій.—«Новости», 14 мая.

Директоръ училища глухонѣмыхъ Левъ Николаевичъ Модзалевскій.—Некрологъ.—«Нов. Время», 14 мая.

Проф. Новороссійскаго университета В. А. Яковлевъ. Некрологъ. «Нов Время», 16 апр.

Архіепископъ Донатъ. Некрологъ. «Нов. Время», 18 апр.

Г„ С. Артистка - аристократка. (Ю. Н. Линская). — Приложеніе къ газ. «Нов. Время», 27 апр.

С—въ, Памяти Ю. Н. Линской.—«Новости», 25 апр.

Женщина-химикъ В. Е. Богдановская (по мужу Попова). Некрологъ. «Нов. Время», 30 апрѣля.

Вице-директоръ департамента жел. дор. дѣлъ, ст. сов. Г. С. Ягубовъ. Некрологъ.—«Нов. Время» 2 мая.

Некрологъ.—Г. С. Ягубовъ.—«Новости», 2 мая.

Библіографъ Н. В. Губерти. Некрологъ.—«Нов. Время», 4 мая.

Некрологъ.—Библіографъ Н. В. Губерти.—«Новости», 4 мая.

Бывшій профессоръ Спб. университета Егоръ Егоровичъ Замысловскій. Некрологъ.—«Нов. Время», 11 мая.

Некрологъ.—Проф. Е. Е. Замысловскій.—«Новости», 11 мая.

Ген.-лейт. графъ Николай Павловичъ Граббе. Некрологъ.—«Нов. Время», 11 мая.

Директоръ московск. главнаго архива м. ин. дѣлъ, д. т. с. баронъ Ѳ. А. Бюлеръ. Некрологъ. — «Нов. Время», 12 мая.

Некрологъ.—Баронъ Ѳ. А. Бюлеръ.—«Новости», 12 мая.

Проф. А. Г. Столѣтовъ (некрологъ).—«Нов. Время», 17 мая.

Некрологъ.—Проф. А. Г. Столѣтовъ.—«Новости», 18 мая.

Некрологъ.—Петръ Владиміровичъ Алабинъ.—«Нов. Время», 21 мая.

А. Н. Островскій (по поводу 10-ти лѣтія со дня его кончины) —Приложеніе къ газ. «Нов. Время», 1 іюня.

Некрологъ.—Г. А. Колпаковскій. Членъ военнаго совѣта.—«Правит. Вѣстн.», 25 апр.

Некрологъ.—Генералъ Г. А. Колпаковскій.—«Нов. Время», 25 апр.

Некрологъ.—Проф. Казанскаго университета Н. А. Ѳирсовъ.—«Правит. Вѣстн.», 1 мая.

Проф. Казанскаго университета Н. А. Ѳирсовъ. Некрол. «Нов. Время», 1 мая.

Некрологъ.—Проф. Н. А. Ѳирсовъ.—«Новости», 4 мая.

Витевскій, В. Н. Священное коронованіе русскихъ царей и царицъ.—Казань 1896.

Александровъ, А. И. Рѣчи студентовъ Казанскаго университета при прощаніи съ М. Н. Мусинымъ-Пушкинымъ бывшимъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа, 22 апрѣля 1845 г.—Казань, 1895.

Булгаковскій, Д. Нижегородскія легенды.—Спб. 1896.

Дьяконовъ, М. Бобыли въ XVI и XVII в. (Изъ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1896, № 4).—Спб. 1896.

Богдановъ, Петръ. Дѣдушка Крыловъ для чтенія въ сельской школѣ.—Спб. 1896.

Преображенскій, Ив. Десятилѣтіе церковной школы за время съ 1883 по 1893 г. Спб.—1896.

Брамсонъ, Л. М. Къ исторіи начальнаго образованія евреевъ въ Россіи.—Спб. 1896.

Бѣликовъ, В. Дѣятельность московскаго митрополита Филарета по отношенію къ расколу.—Казань, 1896.

Соколовъ, И. Святый Стефанъ Пермскій, просвѣтитель зырянъ. — Спб. 1896.

Прот. **Смирновъ**, П. Исторія христіанской православной церкви. Изд. 10-е.—Спб. 1896.

Щербина, В. О кіевской старинѣ. Изд. второе, испр. и дополн. Кіевъ, 1896.

Свящ. **Булгаковскій**, Д. Иссыкъ-кульскій православный миссіонерскій монастырь въ Средней Азіи.—Спб. 1896.

Святый преподобно-мученикъ Макарій, архимандритъ овручскій, переяславскій чудотворецъ. Петроградъ. 1896.

Свящ. **Красовъ**, А. В. Зыряне и св. Стефанъ епископъ пермскій. — Спб. 1896.

Аметистовъ, А. К. О благотворительности прот. М. И. Соколова († 5 іюля 1895).—Спб. 1896.

Корольковъ, А. Аѳонъ и подвижники-келліоты.—Спб. 1896.

Прот. **Смиречанскій**, В. Историко-статистическій сборникъ свѣдѣній о Псковской епархіи.—Островъ, 1895.

Очеркъ жизни затворника Святогорской пустыни іеросхимонаха Іоанна. Изд. седьмое.—Одесса 1896.

Святогорская Успенская общежительная пустынь въ Харьковской епархіи. Изд. пятое.—Одесса 1896.

Св. Стефанъ, первосвятитель пермскій.—Пермь 1896.

Рыбаковъ, С. Г. Церковный звонъ въ Россіи.—Спб. 1896.

Препод. отцы Сергій и Германъ Валаамскіе Чудотворцы. 4 изд.—Спб. 1896.

Толычева, Т. Св. Стефанъ Пермскій. Изданіе четвертое.—Спб. 1896.

Д., С. Коронованіе русскихъ государей. Изданіе второе.—Спб. 1896.

Аскархановъ, А. Священное коронованіе русскихъ государей.—Спб. 1896.

З., А. Московскій Кремль. Воспоминаніе о его прошломъ.—Спб. 1896.

Тепловъ, К. Коронованіе русскихъ царей.—Спб. 1896.

Дѣдовъ, М.Г.Священное коронованіе русскихъ государей.—Новгородъ 1896.

Публичное собраніе Имп. Ак. Наукъ въ память ея почетнаго члена Дмитрія Александровича Ровинскаго 10 декабря 1895 г.—Спб. 1896.

Червинскій, В. Памятка Кубанскаго казачьяго войска.—Спб. 1896.

Краткая записка о развитіи и состояніи грамотности въ Повѣнецкомъ уѣздѣ за 25-ти-лѣтній періодъ времени.—Петрозаводскъ 1896.

Императоръ Александръ III.—Спб. 1895.

Скрутковскій, С. Э. Лейбъ-гвардіи сводный полкъ на Кавказѣ въ Персидскую войну съ 1826 по 1828 г.—Спб. 1896.

Поруч. **Блудоровъ**, Н. Краткая исторія 5-го пѣхотнаго Калужскаго Императора Вильгельма I полка.—Спб. 1896.

Астраханскій сборникъ, издаваемый Петровскимъ Обществомъ изслѣдователей Астраханскаго края. Вып. I.—Астрахань 1896.

Поруч. **Ломанъ**, Д. Ко дню священнаго коронованія и муропомазанія ихъ императорскихъ величествъ государя императора Николая Александровича и государыни императрицы Александры Ѳеодоровны. «Чтеніе для народа».—Спб. 1896.

Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ.—Издана подъ редакц. проф. Я. К. Грота. Т. II. Спб. 1896.

Лалаевъ, М. С. Императоръ Николай I, зиждитель русской школы. Спб. 1896.

Буссе, Ѳ. Ѳ. Переселеніе крестьянъ моремъ въ южно-уссурійскій край въ 1883—1893 гг. Съ картою.—Спб. 1896.

Сиповскій, В. Д. Родная старина Изд. 3-е. Спб. 1896.

Носиловъ, К. Священникъ-математикъ. Приложеніе къ газетѣ «Нов. Время» 6 іюля 1896.

Загадочная московская корона.—Приложеніе къ газ. «Нов. Время», 6 іюля 1896.

Некрологъ. Посланникъ въ Токіо. гофмейстеръ высочайшаго двора. Михаилъ Александровичъ **Хитрово**. «Нов. Время», 2 іюля 1896.

Императоръ Николай I и Рашель. Приложеніе къ газ. «Нов. Время» 29 іюня 1896.

Вороновъ, А. Преобразовательные планы въ началѣ царствованія императора Николая I.—«Нов. Время», 28 іюня 1896.

П., В. Памяти М. И. Кази.—«Нов. Время» 28 іюня 1896.

Некрологъ.—А. С. Фаминцынъ.—«Нов. Время» 27 іюня 1896.

Некрологъ.—М. И. Кази.—«Нов. Время» 26 іюня 1896.

Памяти Д. Д. Соколова.—«Нов. Время» 25 іюня 1896.

П. Царь-рыцарь. Историч. характеристика.—«Нов. Время» 25 іюня 1896.

П., М. И. Нашъ балетъ до итальянцевъ.—«Нов. Время» 19 іюня 1896.

Къ столѣтію Волынской духовной семинаріи.—Приложеніе къ газ. «Нов. Время» 15 іюня 1896.

Императоръ Николай I.—«Прав. Вѣст.» 1896, № 137, 138, 139, и 141.

Замѣчательнѣйшія древности Туркестанскаго края.—«Правит. Вѣстн.» 18 и 19 іюня 1896.

О началѣ русскаго флота. «Правит. Вѣстн.» 1896, 9 іюня.

Подписка на Памятникъ Луи Пастеру.

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденный С.-Петербургскій Комитетъ по сбору пожертвованій на памятникъ Луи Пастёру въ Парижѣ, состоящій подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Его Высочества принца Александра Петровича Ольденбургскаго, доводитъ до свѣдѣнія всѣхъ лицъ, желающихъ оказать посильное содѣйствіе къ увѣковѣченію памяти одного изъ величайшихъ научныхъ геніевъ и благодѣтелей человѣчества, что пожертвованія на означенный выше предметъ принимаются какъ членами Комитета, такъ и въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Институтѣ Экспериментальной Медицины (С.-Петербургъ, Аптекарскій остр., Лопухинская ул., № 12). Въ составъ Комитета входятъ: г. главный военно-медицинскій инспекторъ А. А. Реммертъ (Садовая № 8—7), г. городской голова г. С.-Петербурга В. А. Ратьковъ-Рожновъ (Милліонная, № 7), г. главный медицинскій инспекторъ флота В. С. Кудринъ (Гагаринская, № 30), г. инспекторъ по медицинской части вѣдомства учрежденій ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ В. В. Сутугинъ (Фурштадтская, № 37), г. начальникъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Военно-Медицинской Академіи В. В. Пашутинъ (Выборгская стор., Нижегородская ул , № 6), г. директоръ Медицинскаго Департамента Л. Ф. Рагозинъ (Кузнечный пер., № 14), г. директоръ ИМПЕРАТОРСКАГО Института Экспериментальной Медицины С. М. Лукьяновъ (Аптекарскій остр., Лопухинская ул., № 12), г. профессоръ ИМПЕРАТОРСКОЙ Военно-Медицинской Академіи Н. А. Вельяминовъ (Знаменская, № 43) и г. дѣйствительный членъ ИМПЕРАТОРСКАГО Института Экспериментальной Медицины С. Н. Виноградскій (Мытнинская наб., № 9).

С.-Петербургскій Комитетъ, возникшій по ходатайству Парижскаго Центральнаго Комитета, которому принадлежитъ и мысль о постановкѣ памятника Луи Пастёру въ Парижѣ, твердо надѣется, что на призывъ его отзовутся не только отечественные естествоиспытатели и врачи, давно уже привыкшіе чтить имя Луи Пастёра, но и все русское общество, никогда не отказывающее въ своемъ сочувствіи тому, въ чемъ проявляется истинная мощь человѣческаго духа. Еще недавно, по случаю смерти Луи Пастёра, въ многочисленныхъ некрологахъ и статьяхъ, были освѣжены въ памяти общества всѣ подробности научнаго подвига, совершеннаго Луи Пастёромъ. Перечислять всѣ эти подробности снова нѣтъ надобности; достаточно сказать, что его мыслью Пастёра питалась не только теоретическая наука, но и житейская практика, и что ему обязаны своими крупнѣйшими успѣхами и біологія, и патологія, и промышленность. Многіе запутанные вопросы науки разрѣшены Луи Пастёромъ; многія тысячи жизней сохранены благодаря ему; цѣлыя отрасли промышленности упрочились въ своемъ развитіи благодаря ему же. Было бы утѣшительно думать, что въ уваженіи къ памяти славнаго дѣятеля, принадлежащаго тѣломъ Франціи, а духомъ всему человѣчеству, соединятся всѣ образованные русскіе люди, и что, принося посильную лепту въ честь его имени, мы вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпимся въ рѣшимости чтить науку и ея истинныхъ творцовъ.

Россія покрылась сѣтью желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ.

Поднявъ матеріальное благосостояніе своихъ подданныхъ, Александръ II не меньшее вниманіе обратилъ и на духовно-нравственное ихъ благосостояніе: выработанъ новый уставъ духовно-учебныхъ заведеній, на содержаніе которыхъ начало поступать ежегодное пособіе въ 1.500.000 руб.; учреждены училища для дѣвицъ духовнаго званія; въ отношеніи свѣтскихъ учебныхъ заведеній: изданъ новый университетскій уставъ, облегченъ всѣмъ доступъ въ высшія учебныя заведенія; учреждено множество казенныхъ стипендій, и открыты новые университеты: Новороссійскій, Варшавскій и Томскій, а также Историко-Филологическій институтъ. Предоставлена несравненно бо́льшая свобода печати, существенно измѣненъ цензурный уставъ, разрѣшена масса новыхъ журналовъ и другихъ періодическихъ изданій.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи проф. А. А. Царевскаго обращаетъ на себя вниманіе сравненіе Александра II, по широтѣ и значенію его реформъ, въ Петромъ Великимъ. „Разница ихъ дѣятельности обнаружилась только вслѣдствіе разныхъ условій времени, а также и вслѣдствіе различія ихъ личныхъ характеровъ". Настойчивый и рѣшительный Петръ дѣйствовалъ принудительно, насильственно, а кроткій сердцемъ Александръ II дѣйствовалъ мирно и кротко. Реформы Петра Великаго были л о м к о ю старыхъ порядковъ, а реформы Александра II были с о з и д а н і е м ъ новыхъ порядковъ. Въ противоположность Петру, Александръ Николаевичъ дѣйствовалъ въ духѣ своего народа, на почвѣ незыблемыхъ основъ его быта и характера,—такъ что раскольники въ адресѣ своемъ имѣли, дѣйствительно, полное основаніе сказать Александру II: „Государь! въ твоихъ новизнахъ намъ старина наша слышится".

Вторая половина разбираемаго нами историческаго очерка посвящена авторомъ личности императора Александра II и его мученической кончинѣ, и читается такъ же легко, какъ и первая часть труда г. Царевскаго. Въ концѣ своего очерка авторъ снова обращается къ торжеству 30-го августа 1895 года и описываетъ его довольно яркими красками.

Книгу проф. А. А. Царевскаго смѣло можно рекомендовать для ученическихъ библіотекъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Достоинствамъ внутренняго содержанія очерка г. Царевскаго вполнѣ соотвѣтствуетъ и его внѣшность: книга издана безукоризненно.

Н. К-ш-ъ.

Л. М. Савеловъ. Родъ дворянъ Савеловыхъ (Савелковы). Москва 1895. Напечатано въ колич. 150 экз.

Наша не особенно богатая генеалогическая литература пополнилась новымъ трудомъ Леонида Михайловича Савелова, заглавіе котораго выписано нами выше.

Происхожденіе Савеловыхъ покрыто мракомъ неизвѣстности, и врядъ-ли когда-нибудь удастся разсѣять этотъ мракъ, такъ какъ слишкомъ много прошло времени и слишкомъ мало уцѣлѣло документовъ того времени, и то немногое, что извѣстно о первомъ, вполнѣ достовѣрномъ, лицѣ Савеловской родословной – Иванѣ Кузьмичѣ (1471 г.), сохранилось совершенно случайно. Существующіе теперь Савеловы, — по словамъ автора,—идутъ отъ двухъ старшихъ внуковъ этого Ивана Кузьмича, изъ которыхъ старшій Иванъ Гнѣвашевичъ [1]), переселенный въ Можайскъ, сталъ родоначальникомъ Можайской или Московской линіи, а второй, Посникъ Гнѣвашевичъ, переселенный въ Ростовъ, — родоначальникомъ Ростовской вѣтви.

Въ предисловіи къ своему труду А. М. Савеловъ высказываетъ предположенія о родоначальникѣ рода Савеловыхъ и сообщаетъ свѣдѣнія о другихъ представителяхъ этого дворянскаго рода. Тутъ же авторъ жалуется на невозможное равнодушіе [2]), съ какимъ относятся къ исторіи своего рода его представители: многіе изъ нихъ врядъ-ли знаютъ свою родословную дальше дѣда.

Въ родословной описи, составленной на основаніи различныхъ источниковъ, помѣщено болѣе двухъ сотъ именъ представителей этого дворянскаго рода, а въ приложеніяхъ,—въ концѣ книги,—напечатаны жалованныя грамоты разнымъ лицамъ этого рода, съ соблюденіемъ орѳографіи подлинниковъ.

Н. К-ш-ъ.

---

[1]) Сынъ Гнѣваша или Гнѣвыша Ивановича, который служилъ въ Новгородѣ и первый сталъ писаться Савеловымъ.

[2]) Въ мартовской книгѣ нашего журнала за 1891 г. Л. М. Савеловымъ помѣщено приглашеніе сообщить ему документы, относящіеся до этого рода; кромѣ того, ко многимъ изъ Савеловыхъ онъ адресовался письменно, но на приглашеніе это н и к т о н е о т о з в а л с я, и на свои письма авторъ почти не получилъ отвѣтовъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1896 г.

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ:

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста заграницу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ѳ. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°.), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ **«РУССКОЙ СТАРИНѢ»** помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать въ конторѣ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина»	1876 г., второе изд. (*35 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1877 г., 12 книгъ (*24 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1878 г., 12 книгъ (*20 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1879 г., второе изд. (*1 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1880 г., 12 книгъ (*40 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1881 г., 12 кн., изд. второе (*13 экз.*),	съ портр.,	9 руб.
«Русская Старина»	1884 г., 12 книгъ (*38 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1885 г., 12 книгъ (*38 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1888 г., 12 книгъ (*45 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1889 г., 12 книгъ (*206 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1890 г., 12 книгъ (*144 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1891 г., 12 книгъ (*25 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1892 — 1895 гг., 12 книгъ,	съ портретами,	9 руб.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXVII-й. СЕНТЯБРЬ. 1896 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Борьба академиковъ съ директоромъ С. Г. Домашневымъ. Академ. К. С. Веселовскаго..... 457—492

II. Духоборцы, ихъ ученіе, организація и настоящее положеніе. (Окончъ.). М. Тебенькова..... 493—526

III. Графиня Анна Орлова-Чесменская и архимандритъ Фотій: 1) Письмо крестьянъ графини Орловой-Чесменской „ “ янв. 1826 г. Сообщ. А. А. Комовская. 2) Къ біографіи Фотія. Сообщ. А. Слезкинскій. 527—540

IV. Петръ Ильичъ Чайковскій. Ив. Липаева..... 545—552

V. Изъ семейной хроники. Льва Павлищева.. 553—572

VI. Александръ Семеновичъ Шишковъ и двѣ всеподданнѣйшія его записки. 573—589

VII. Императоръ Александръ I и гр. Армфельдъ 1811—1812 гг. Гл. VII—VIII.. 591—615

VIII. Егоръ Егоровичъ Замысловскій..... 617—620

IX. Наставленіе по поводу сбора милиціи въ 1806 г. Сообщ. Г. И. Студенкинъ. 621—625

X. Густавъ IV и вел. княжна Александра Павловна. 1794—1796 гг. Гл. VII. Барона Н. В. Дризена. 627—645

XI. Записки Михаила Чайковскаго. Гл. XIV..... 647—659

XII. Изъ бумагъ Виктора Григорьевича Теплякова А. Ѳ. Шидловскаго.. 661—672

XIII. Записная книжка «Русской Старины»: Императоръ Павелъ I въ своихъ письмахъ и распоряженіяхъ. Сообщ. баронъ Н. В. Дризенъ и Е. В. Чешихинъ. (стр. 541).—Письмо Нерсеса кн. Д. П. Долгорукову 1854 г. (590).—Письмо кн. А. Н. Голицына М. М. Сперанскому 1819 г. Сообщ. акад. А. Ѳ. Бычковъ. (616).—Запрещеніе исторіографу Миллеру заниматься генеалогіею. Сообщ. акад. К. С. Веселовскій. (626)—Рескриптъ императора Александра I о свободныхъ хлѣбопашцахъ 1805 г. Сообщ. Г. И. Студенкинъ. (646).—Указъ Правительствующему Сенату объ уничтоженіи орудій пытки 1827 г. (660)—Два письма кн. А. П. Чернышева къ В. И. Фрейгангу. (673).

XIV. Библіографическ. листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Егора Егоровича Замысловскаго. Грав. К. Адтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1896 г.

Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза», Большая Подъяческая, 39.

1896.

IX-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го сентября 1896 г.

Библіографическій листокъ.

Сочиненіе Н. В. Гоголя. Изданіе десятое. Текстъ свѣренъ съ собственноручными рукописями автора и первоначальными изданіями его произведеній Николаемъ Тихонравовымъ и Владиміромъ Шенрокомъ. Съ приложеніемъ портрета Гоголя, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, и 3-хъ снимковъ съ собственноручныхъ рисунковъ Гоголя. Томъ VI. Москва и СПБ. изданіе А. Ѳ. Маркса. 1896. 832+VIII. Цѣна 3 рубля.

Редактированіе десятаго изданія сочиненій Гоголя принялъ на себя извѣстный ученый и знатокъ русской литературы, Николай Саввичъ Тихонравовъ. Неумолимая смерть не дала ему окончить этого образцоваго изданія, которое блистательно довелъ до конца стяжавшій себѣ извѣстность изслѣдованіями о Гоголѣ—Владиміръ Ивановичъ Шенрокъ.

Въ разсматриваемомъ нами томѣ первые двадцать листовъ напечатаны подъ редакціей Н. С. Тихонравова; имъ же составлены варіанты къ статьямъ: „Непогода“, „Хромой чортъ“, „О поэзіи Козлова“ и къ „Женитьбѣ“. Всѣ остальные варіанты и примѣчанія (кромѣ очерка исторіи текста „Ревизора“) составлены г. Шенрокомъ, такъ какъ послѣ Н. С. Тихонравова не осталось никакихъ готовыхъ матеріаловъ и рукописей.

Покойный ученый старался сохранить въ своемъ изданіи тѣ изъ особенностей Гоголевскаго правописанія, которымъ великій писатель оставался вѣренъ постоянно (напр. Гоголь всегда писалъ: „всякой“, „мѣлкій“). Не находя возможнымъ установить строгую границу между нѣкоторыми прихотливыми особенностями Гоголевскаго правописанія и случайными орографическими ошибками нашего писателя, г. Шенрокъ отмѣчаетъ то и другое въ варіантахъ, удерживая лишь, по примѣру Н. С. Тихонравова, такія особенности Гоголевской транскрипціи, какъ напр., „сурьезный“, „щекатурка“.

Содержаніе шестаго тома сочиненій Гоголя составляютъ слѣдующія произведенія. Прежде всего: стихотвореніе „Непогода“,—любопытное тѣмъ, что оно — единственное изъ сохранившихся лицейскихъ стихотвореній Гоголя. „По настроенію и содержанію его,—говоритъ г. Шенрокъ въ своихъ редакціонныхъ примѣчаніяхъ,—съ нѣкоторою вѣроятностью можно предполагать, что оно было написано въ то время, когда Гоголь особенно сильно тосковалъ послѣ смерти отца, и характеръ его измѣнился замѣтно для товарищей, — когда его грусть бросалась въ глаза“.

„Хромой чортъ“ относится къ тому времени, когда Гоголь собиралъ матеріалы для малороссійскихъ повѣстей и дѣлалъ по поводу ихъ замѣтки. Статья „О поэзіи Козлова“ написана Николаемъ Васильевичемъ на листѣ сѣрой писчей бумаги, на которой ясно видны водяные знаки съ обозначеніемъ года (1829). Впервые эта статья была напечатана В. И. Шенрокомъ въ нашемъ журналѣ [1]).

Относительно комедіи „Женитьба“, первоначальное названіе которой, какъ извѣстно, было „Женихи“, — г. Шенрокъ говоритъ: „намъ извѣстны пять обработокъ пьесы: первый наброскъ, передѣлка 1834 г., послѣдняя петербургская редакція, первая римская редакція и вторая римская редакція, при чемъ первая римская редакція очень сходна, а вторая почти тождественна съ появившимся впервые въ 1842 году печатнымъ текстомъ „Женитьбы“.

Къ „Ревизору“ чаще, нежели къ какому-либо изъ своихъ произведеній (не исключая и перваго тома „Мертвыхъ душъ“), обращался Гоголь для передѣлокъ и дополненій: къ 1834 году относятся первые наброски „Ревизора“ и только въ 1842 году, почти одновременно съ первою частью „Мертвыхъ душъ“, получилъ онъ свою окончательную отдѣлку: явилось „созданіе плотное, сущное, твердое, освобожденное отъ излишествъ и неумѣренности“. Въ заключеніе довольно пространныхъ примѣчаній къ „Ревизору“ напечатана афиша перваго представленія „Ревизора“ въ Москвѣ: роль Сквозника-Дмухановскаго исполнялъ Щепкинъ, Хлестакова — Ленскій, Добчинскаго—Шумскій, Осипа—Орловъ.

За исторіей текста „Ревизора“ слѣдуютъ: отрывокъ „Александръ“, „Программа лекцій по исторіи среднихъ вѣковъ“, библіографія среднихъ вѣковъ“ и выдержки изъ лекцій по исторіи этого періода.

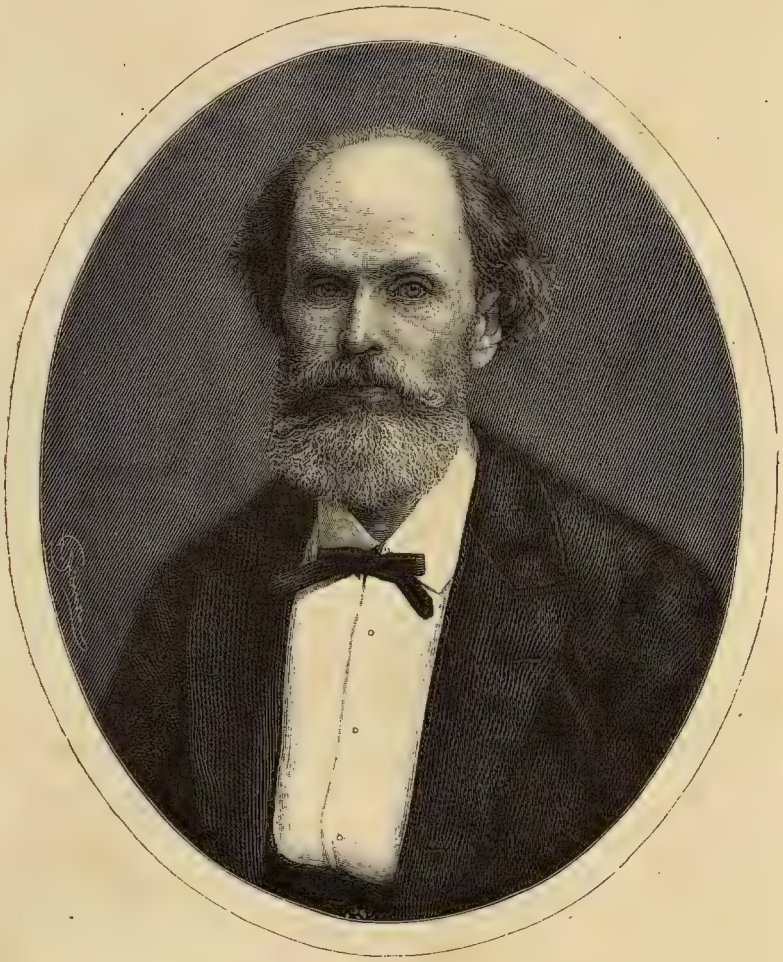
Вслѣдъ за упомянутыми статьями напечатаны: „Петербургская сцена въ 1836 г.“, „О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 гг.“, при чемъ приводятся какъ первоначальные [2]) наброски, такъ и

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1890 г. мартъ, стр. 850—852.

[2]) Эти наброски представляютъ значительное сходство съ редакціей помѣщенной въ

Дозвол. ценз. спб., 30 іюля 1896 г. тип. тов. «общ. польза», б. подъяч., 39.



ЕГОРЪ ЕГОРОВИЧЪ ЗАМЫСЛОВСКІЙ.

(род. 6 іюня 1841 г. † 9 мая 1896 г.).

БОРЬБА АКАДЕМИКОВЪ СЪ ДИРЕКТОРОМЪ С. Г. ДОМАШНЕВЫМЪ.

(Страничка изъ внутренней жизни Академіи Наукъ)

(1775—1782 г.г.)

I.

Назначеніе Домашнева директоромъ Академіи Наукъ.—Его прошлое.—Вмѣшательство въ ученыя работы академиковъ.—Вопросъ о составленіи „Полной россійской географіи".—Самовластіе Домашнева.

Со время президентства графа Кириллы Григорьевича Разумовскаго, назначеннаго въ это званіе императрицею Елисаветою 21-го мая 1746 года, когда ему было не болѣе 22-хъ лѣтъ отъ роду, и отбывшаго въ 1750 году на малороссійское гетманство, дѣлами по управленію Академіей завѣдовали: сперва канцелярія Академіи, а съ 1766 года директоры.—Они-то и были настоящими начальниками и хозяевами Академіи, хотя Разумовскій и продолжалъ считаться президентомъ до 1798 г. Первымъ такимъ директоромъ былъ графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ, двадцати-четырехъ лѣтній юноша (родился 1743, іюля 8), младшій изъ братьевъ Орловыхъ. Состоявшійся о его назначеніи указъ 6-го октября 1766 года гласилъ: «Ея императорское величество, видя съ крайнимъ сожалѣніемъ Академію Наукъ въ великомъ нестроеніи и почти въ совершенномъ упадке, восхотели для скорѣйшаго поправленія ея и приведенія въ прежнее цветущее состояніе, взять оную въ собственное свое вѣдомство для учиненія въ ней реформы, къ лутчему и полезнейшему ея поправленію. А какъ нынѣ

исполненіе онаго дѣйствительно начатся имѣетъ, то за нужно почли опредѣлить такую повѣренную отъ ея императорскаго величества персону, черезъ которую бы ея величество даваемыя свои повелѣнія оной Академіи объявлять, такъ и нужды ея вѣдать могли, и для сего избрали впредь до указу ея императорскаго величества камеръ-юнкера графа Владиміра Орлова, коего довольное въ наукахъ сведеніе и охота его и склонность къ онымъ ея величеству весма извѣстны, повелевая притомъ ему: имѣть дирекцію канцеляріи и исполнять во всемъ по темъ отъ ея императорскаго величества ему графу Орлову даваемыхъ повелѣніемъ, которые яко словесныя онъ въ Академіи записывать будетъ».

Но директорство графа Орлова было непродолжительно. Когда братъ его Григорій Орловъ, 25-го апрѣля 1772 г., отправился изъ Царскаго Села на конгрессъ, въ Фокшаны, и отъѣздъ этотъ показалъ, что положеніе его при дворѣ измѣнилось, и мѣсто его въ милостяхъ императрицы занялъ съ марта 1774 г. Потемкинъ, то всѣ пять братьевъ Орловыхъ одинъ за другимъ удалились отъ службы. Графъ Владиміръ Григорьевичъ, бывшій въ то время уже камергеромъ, подалъ, подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья, прошеніе объ увольненіи отъ должности директора Академіи, и былъ уволенъ указомъ 5-го декабря 1774 г. отъ всѣхъ дѣлъ, съ чиномъ генералъ-поручика и съ сохраненіемъ ему по смерть его камергерскаго жалованья.

По удаленіи своемъ изъ Академіи, Орловъ угощалъ 3-го февраля 1775 г. всѣхъ академиковъ обѣдомъ, причемъ былъ необыкновенно привѣтливъ со всѣми. Это подало поводъ секретарю конференціи, І. А. Эйлеру замѣтить: «отчего начальникъ нашъ не всегда велъ себя такимъ образомъ, и почему въ то время, когда онъ еще имѣлъ власть надъ нами, приходилось намъ выносить на себѣ только всю тяжесть его желѣзнаго скипетра» [1]).

На мѣсто Орлова, въ исходѣ 1775 г. директоромъ Академіи былъ назначенъ камеръ-юнкеръ, впослѣдствіи камергеръ Сергѣй Герасимовичъ Домашневъ, — человѣкъ очень близкій семейству Орловыхъ, пользовавшійся ихъ особымъ покровительствомъ, и конечно — имъ же обязанный честью быть «командиромъ» высшаго ученаго учрежденія. Княгиня Е. Р. Дашкова, не долюбливавшая братьевъ Орловыхъ и распространявшая поэтому и на Домашнева свое нерасположеніе, оставила слѣды своихъ чувствъ къ нимъ въ своихъ «запискахъ», въ которыхъ между прочимъ читаемъ [2]):

[1]) Біографическій очеркъ графа Владиміра Григорьевича Орлова. Составленъ внукомъ его, графомъ Владиміромъ Орловымъ-Давыдовымъ. Спб. 1878, т. I, стр. 318.

[2]) Mémoires de la Princesse Dachkow, d'après le manuscrit revu et corrigé par l'auteur, въ изданіи П. И. Бартенева. „Архивъ князя Воронцова". Книга 21, М. 1881, стр. 156.

«Je fis aussi connaissance (во время заграничнаго путешествія, въ бытности княгини во Франкфуртѣ) avec le plus jeune des Orloff, le Comte Walodimir, homme borné, n'ayant acquis dans les études, qu'il fit en Allemagne, qu'un ton pédant et une persuasion bien dénuée de fondement, qu'il était fort savant. Il avait pris tous les sophismes de Jean-Jacques Rousseau pour des syllogismes, et adopta toutes les rapsodies de cet éloquent, mais dangereux écrivain. J'étais bien loin de prevoir alors qu'il serait à la tête de l'Académie des Sciences de St. Petersbourg, qu'après lui un autre directeur, tout aussi inepte, monsieur Domachneff, créature des Orloff, occuperait cette place, et que je leur succéderais dans cet emploi» [1]).

Домашневъ, какъ кажется — сынъ любимой камеръ-фрау императрицы Елисаветы, Анны Дмитріевны Домашневой [2]), родился, по указанію Лонгинова, около 1742 года, а по другимъ—въ 1746 г., учился въ Московскомъ университетѣ, гдѣ былъ товарищемъ Фонвизина, съ которымъ остался и потомъ пріятелемъ. По своему времени онъ былъ человѣкъ образованный и рано вступилъ на литературное поприще, печатая много стиховъ и прозы въ издававшихся въ 1760—1763 годахъ въ Московскихъ журналахъ: «Полезное увеселеніе» и «Свободные часы». Творенія его, повидимому, нравились современникамъ [3]). Новиковъ, въ своемъ «Словарѣ о Россійскихъ писателяхъ» называетъ его оды весьма изрядными и заслуживающими похвалы, и замѣчаетъ, что «сочиненное имъ краткое описаніе нѣкоторыхъ нашихъ стихотворцевъ» весьма не худо. Конечно, для нашего времени литературные труды Домашнева не покажутся «весьма изрядными»; но зато они даютъ намъ ключъ для объясненія того явленія, что человѣкъ незнатнаго рода, не надѣленный отъ природы какими-либо выдающимися качествами ума, подымается, безъ особаго труда, на такую высоту, на которой онъ

---

[1]) Переводъ: Въ то время я познакомилась съ младшимъ изъ Орловыхъ, графомъ Владиміромъ, человѣкомъ ограниченнымъ, для котораго плодомъ его ученія въ Германіи были лишь тонъ педанта и напрасная увѣренность въ своей учености. Онъ принялъ всѣ софизмы Жанъ-Жака Руссо за силлогизмы и усвоилъ себѣ всѣ рапсодіи этого краснорѣчиваго, но вреднаго писателя. Въ то время я никакъ не могла предвидѣть, что онъ будетъ поставленъ во главѣ петербургской Академіи Наукъ, что послѣ него это мѣсто будетъ занимать человѣкъ столь же неспособный, господинъ Домашневъ, креатура Орловыхъ, и что я буду его преемницей.

[2]) Отецъ Домашнева, Гераспмъ Яковлевичъ, состоялъ въ 1760 году колежскимъ совѣтникомъ и присутствовалъ въ Соляной конторѣ.

[3]) О литературныхъ трудахъ Домашнева см. статьи: М. Н. Лонгинова въ „Русской Старинѣ“ 1871, т. III, стр. 205; П. А. Ефремова „Матеріалы для Русской Литературы“. Спб. 1867.

становится извѣстенъ императрицѣ и вступаетъ въ ряды царедворцевъ.

Едва окончивъ курсъ ученія, двадцатилѣтній юноша—Домашневъ, рано познавъ истину, что «въ сердцѣ льстецъ всегда отыщетъ уголокъ», пишетъ и печатаетъ «Оду на восшествіе на престолъ Императрицы Екатерины II» (Спб. 1762 г.). Конечно, она не осталась незамѣченною, не осталась и безъ награды. Великая Екатерина, любя риѳмованный ѳиміамъ, была щедра въ этихъ случаяхъ; довольно припомнить богатые подарки, какихъ удостаивались славословія пѣвца Фелицы. Когда потомъ раздался «громъ побѣдъ» русскихъ надъ турками, Домашневъ явился въ роли Пиндара, для возвеличенія «гласомъ трубнымъ» подвиговъ чесменскаго героя. Двѣ его торжественныя оды, одна: «На побѣды надъ турками и на взятіе Хотина» (Спб. 1769), другая: «На побѣду, одержанную россійскимъ флотомъ надъ турками при Чесмѣ» (Спб. 1771) послужили къ тому, что авторъ сталъ фаворитомъ мощныхъ въ ту пору братьевъ Орловыхъ. Ихъ то покровительствомъ и пользовался онъ во время своего служенія, сперва офицеромъ въ полевыхъ полкахъ, а затѣмъ въ генералъ-штабѣ, достигъ чина майора артиллеріи и участвовалъ въ дѣлахъ противъ турокъ, начальствуя легіономъ албанцевъ, навербованныхъ по приказанію Орлова.

Домашневъ много путешествовалъ за границею, но отъ этихъ путешествій не осталось слѣдовъ въ архивныхъ документахъ. Впрочемъ вотъ одинъ случай.

Чувствуя себя персоной важной, онъ, будучи проѣздомъ въ Женевѣ, счелъ для себя обязательнымъ, слѣдуя примѣру всѣхъ европейскихъ знаменитостей, сдѣлать визитъ au roi Voltaire. Посланное имъ фернейскому философу письмо съ просьбою о позволеніи пріѣхать къ нему, онъ подписалъ: «Sergei Domachneff, major d'artillerie au service de sa Majesté l'Impératrice de Russie». Вольтеръ не пожелалъ его принять и свое письмо къ нему съ такимъ отказомъ подписалъ: «Voltaire, gentilhomme ordinaire du Roy». Это очень изумило Домашнева, и за разъясненіемъ загадки онъ обратился къ одному русскому, бывшему въ ту пору въ Женевѣ, который сказалъ ему, что нужно быть майоромъ артиллеріи, чтобы получить отъ господина Вольтера подобное письмо [1]).

Вступивъ въ Академію съ правами и полномочіями директора, Домашневъ при первомъ своемъ появленіи въ конференціи, въ засѣданіи 11-го декабря 1775 г. счелъ необходимымъ произнести вступительную рѣчь на французскомъ языкѣ. Не владѣя достаточно этимъ языкомъ

---

[1]) Письмо академика Н. Озерецковскаго къ І. А. Эйлеру изъ Казани, отъ 15-го августа 1782 г.—въ архивѣ конференціи Академіи Наукъ.

и не имѣя ораторскаго таланта, онъ сказалъ нѣсколько вычурныхъ и нескладныхъ фразъ, свидѣтельствовавшихъ о желаніи автора польстить императрицѣ, но вмѣстѣ ясно указывавшихъ на непониманіе оратора свойствъ ученыхъ трудовъ и задачъ Академіи. Это непониманіе отражалось на Академіи въ теченіе семилѣтняго директорства Домашнева тѣмъ чувствительнѣе, что онъ признавалъ за собою право полновластнаго распоряженія Академіей, всѣми ея дѣлами и состоящими при ней лицами, прямо объявляя, что всѣ его распоряженія имѣютъ законную силу, равную съ постановленіями регламента, даннаго Академіи верховною властью, и должны быть исполняемы всѣми безпрекословно, съ слѣпымъ повиновеніемъ. Такое отношеніе Домашнева къ возложенной на него должности служило почвою для постоянныхъ взаимныхъ неудовольствій и столкновеній между имъ и академиками.

Не имѣя яснаго понятія о томъ, какъ возникаютъ и зрѣютъ труды, направленые къ расширенію человѣческихъ знаній, Домашневъ принималъ на себя непосильное для него дѣло—руководить ученыхъ въ ихъ кабинетныхъ занятіяхъ, указывать имъ новыя задачи для ихъ изслѣдованій, контролировать ихъ научную дѣятельность, однимъ словомъ—быть начальникомъ въ той сферѣ умственной работы, въ которой свобода необходима какъ первое и существенное условіе успѣха. Домашневъ требовалъ, чтобы каждый академикъ представлялъ ему, въ началѣ каждаго года, письменный рапортъ о томъ, чѣмъ предполагаетъ заниматься въ теченіе года. Понятно, что многое въ такихъ рапортахъ должно было оправдывать поговорку l'homme propose et Dieu dispose, и академики должны были смотрѣть на эти посвященія неученаго директора въ тайники ихъ ученаго творчества, какъ на пустую формальность, которую они исполняли только повинуясь приказу начальника. Но Домашневъ смотрѣлъ на это иначе. Считая, что онъ содѣйствуетъ тѣмъ успѣху наукъ, онъ не пропускалъ ни одного года безъ напоминанія академикамъ о представленіи ему означенныхъ рапортовъ, а послѣ пяти лѣтъ своего директорства, 10 января 1780 года, письменно предложилъ академикамъ—«начать ихъ занятія въ этомъ году пересмотромъ всѣхъ доставленныхъ ими послѣдовательно годичныхъ проектовъ ученыхъ работъ, и разсмотрѣніемъ всего, что служило къ ускоренію или къ замедленію ихъ осуществленія, для пріисканія затѣмъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ, съ одной стороны, къ устраненію встрѣтившихся затрудненій, а съ другой—къ увеличенію устойчивости благопріятныхъ ихъ стремленіямъ обстоятельствъ».

Измысливъ такую оригинальную организацію ученаго труда, Домашневъ установляетъ, чтобы отнынѣ, въ началѣ каждаго года, вслѣдъ за прочтеніемъ регламента, въ конференціи производимъ былъ означенный пересмотръ, со внесеніемъ въ протоколъ всѣхъ разсужденій,

какія будутъ имъ вызваны. Само собою понятно, что эта фантазія академическаго законодателя-самозванца такъ и осталась безъ практическаго приложенія.

Полагая, что и безъ спеціальныхъ познаній можно составлять удобоисполнимые проекты новыхъ ученыхъ предпріятій, Домашневъ былъ неутомимымъ въ придумываніи разныхъ задачъ, которыми приказывалъ академикамъ заниматься. Въ 1776 (12-го сентября) онъ поручаетъ конференціи «составить и издать полную географію Россійской имперіи, — математическую, физическую, съ изображеніемъ политическаго состоянія Россіи», и для исполненія этого дѣла назначаетъ особый комитетъ изъ академиковъ: Румовскаго, Палласа, Лепехина и Гильденштедта. Нужды нѣтъ, что для такого громаднаго предпріятія еще вовсе не было подготовлено необходимыхъ основныхъ элементовъ, безъ которыхъ задуманная «Полная географія» была бы зданіемъ безъ фундамента; объявленіе объ этомъ новомъ большомъ научномъ предпріятіи предназначалось для приданія блеска полувѣковому юбилейному засѣданію Академіи 29-го декабря 1776 г. На немъ академикъ Румовскій и прочиталъ программу (prospectus) придуманной директоромъ «Полной географіи», которую Академія публично обязалась издать, т. е. продала шкуру звѣря, котораго еще не убила. Вначалѣ мысль объ этомъ предпріятіи очень занимала Домашнева. Въ первомъ послѣ юбилея засѣданіи конференціи, 9-го января 1777 г., онъ произнесъ рѣчь, въ которой указалъ на «Полную географію» какъ на важнѣйшій предметъ для занятій комитета; затѣмъ 13-го февраля онъ требуетъ составленія болѣе подробнаго плана изданія и усиливаетъ составъ исполнительнаго комитета присоединеніемъ къ прежде назначеннымъ членамъ еще академика Лаксмана, адъюнктовъ Иноходцева и Георги, инспектора гимназіи Бакмейстера и конрéктора Стритера. 6-го марта членамъ комитета приказано собираться по средамъ, въ 10 часовъ утра, въ залъ конференціи, причемъ одинъ изъ членовъ долженъ былъ вести журналъ происходившихъ въ комитетѣ совѣщаній; 7-го апрѣля Домашневъ снова напоминалъ комитету о порученномъ ему дѣлѣ, вслѣдствіе чего члены комитета представили конференціи, въ засѣданіи 1-го мая, болѣе подробный планъ «Полной географіи Россіи», съ четырьмя протоколами своихъ засѣданій. Но живетъ только то, что способно жить, и мертворожденный проектъ Домашнева далѣе этого, болѣе подробнаго, плана не пошелъ. Но изобрѣтательность начальника и руководителя ученыхъ предпріятій Академіи не изсякла.

Въ 1777 г., по случаю бывшаго въ Петербургѣ 10-го сентября большаго наводненія, онъ требуетъ, чтобы Академія составила подробное описаніе этого явленія (засѣданіе 15-го сентября), и чтобы придумала самые лучшіе способы и снаряды для наблюденія надъ высотою уровня воды въ Невѣ (засѣданіе 25-го сентября). Мало того, онъ поручаетъ астро-

ному Лекселю дѣлать въ его квартирѣ метеорологическія наблюденія (4-го декабря); возлагаетъ на адъюнкта Георги разсмотрѣніе и изданіе бумагъ, оставшихся по смерти академика Фалька (4-го декабря 1780 г.) и такъ далѣе.

Въ дѣлахъ конференціи онъ простираетъ власть свою до мелочей. Чтобы купить книгу, понадобившуюся для ученыхъ работъ, нужно было испрашивать разрѣшенія у директора. Когда въ 1778 году конференція составила списокъ необходимыхъ для академическихъ занятій газетъ и журналовъ научнаго содержанія, которые она считала нужнымъ выписывать въ томъ году черезъ почту, Домашневъ вычеркнулъ изъ списка нѣкоторые, а въ замѣнъ ихъ включилъ другіе, которыхъ конференція не требовала.

Но всего болѣе проявлялось самовластіе Домашнева въ дѣлахъ, касавшихся личнаго состава Академіи; тутъ все зависѣло отъ личнаго усмотрѣнія директора. Почетныхъ членовъ русскихъ онъ назначалъ самъ одинъ, не спрашивая конференціи, хотя публично и объявлялось, что они избраны Академіей. Относительно иностранныхъ почетныхъ членовъ въ первое время еще соблюдался прежній порядокъ баллотировки въ конференціи, но когда стало случаться, что предлагавшіеся Домашневымъ иностранные ученые не были конференціею избираемы и однако, несмотря на то, нѣкоторые изъ нихъ, по настоянію директора все-таки были приняты въ члены Академіи, то баллотированіе иностранныхъ членовъ вышло совсѣмъ изъ употребленія, и всѣ назначенія этого рода стали дѣломъ одного Домашнева. Въ 1781 г., 12-го марта, онъ личною своею властью вычеркнулъ Лаксмана изъ списка академиковъ.

Одною изъ жертвъ, наиболѣе пострадавшихъ отъ самовластія директора, былъ Никита Петровичъ Соколовъ, избранный уже послѣ Домашнева въ ординарные академики по химіи. Когда въ 1768 году, въ директорство графа Орлова, снаряжались экспедиціи для изслѣдованія въ физическомъ отношеніи разныхъ частей Россіи, то Соколовъ былъ взятъ въ Академію изъ старшаго класса (т. е. богословія) Троицко-Сергіевской Лавры и участвовалъ, въ качествѣ студента, въ шестилѣтнемъ путешествіи Палласа по Сибири; по возвращеніи оттуда, въ награду за свои труды и оказанные успѣхи въ наукахъ, былъ посланъ на счетъ Академіи въ иностранные университеты, гдѣ кромѣ наукъ, указанныхъ Академіей, занимался по своей охотѣ изученіемъ медицины такъ успѣшно, что удостоился отъ Страсбургскаго университета степени доктора. По возвращеніи своемъ въ 1780 году изъ чужихъ краевъ, онъ представилъ въ Академію, въ засѣданіи конференціи 11-го сентября, для полученія мѣста адъюнкта, мемуаръ на латинскомъ языкѣ о дѣйствіи сѣры на металлы (de tractatione metallorum cum sulphure). Разсматривавшіе

его академики Палласъ, Лепехинъ и Гильденшмидтъ и адъюнктъ Георги дали о немъ самый одобрительный отзывъ (въ засѣданіи конференціи 22-го февраля 1781), который и былъ представленъ Домашневу, но онъ не далъ этому дѣлу никакого хода. Тогда Соколовъ, въ заботахъ о пріисканіи себѣ средствъ существованія, подалъ въ апрѣлѣ того года въ медицинскую коллегію прошеніе о допущеніи его къ докторскому экзамену для полученія права на медицинскую практику, по примѣру товарища его по Троицко-Сергіевской Лаврѣ, адъюнкта Академіи и доктора медицины Озерецковскаго. Коллегія обѣщала удовлетворить это прошеніе, но Домашневъ, хотя и далъ Соколову свое на то согласіе, но затѣмъ написалъ въ медицинскую коллегію, именемъ Академіи, чтобы академическихъ «элевовъ» до медицинской практики не допускать. Коллегія, конечно, это сообщеніе уважила, такъ какъ оно было сдѣлано именемъ Академіи; между тѣмъ въ Академіи вопросъ о допущеніи «элевовъ» до медицинской практики вовсе и не былъ обсуждаемъ: нельзя же было признать такимъ обсужденіемъ то, что Домашневъ приказалъ занести безъ всякихъ разсужденій въ протоколъ засѣданія конференціи 17-го мая 1781 г., что «элевамъ» Академіи запрещается принимать ученыя степени и подвергаться испытаніямъ въ иныхъ учрежденіяхъ, безъ позволенія директора.

Не довольствуясь тѣмъ, что онъ отнялъ такимъ образомъ у Соколова средство улучшить его положеніе, Домашневъ 8-го мая приказалъ экзекутору взять Соколова подъ арестъ и держалъ его шесть дней, не объявляя причины такого заключенія, а явившись въ засѣданіе конференціи 28-го мая, объявилъ, что вслѣдствіе неправильнаго образа жизни «элева» Соколова (а это былъ въ то время, хотя и съ этикеткой элева, человѣкъ 38 лѣтъ отъ роду, докторъ медицины одного изъ знаменитнѣйшихъ въ ту пору европейскихъ университетовъ), онъ, директоръ, считаетъ его недостойнымъ званія адъюнкта,—пригрозивъ, что приметъ и болѣе строгія мѣры, если этотъ «элевъ» не исправится въ своемъ поведеніи. Доведенный такимъ обиднымъ для него обращеніемъ до отчаянія, Соколовъ обратился сперва въ коммиссію Академіи, а потомъ къ директору съ просьбою объ увольненіи его изъ Академіи, для того чтобы поискать счастія въ другомъ мѣстѣ. Но на такую просьбу Домашневъ не далъ никакого отвѣта, а отъѣзжая на время въ Херсонъ, прислалъ въ коммиссію Академіи ордеръ, чтобы «элевъ» Соколовъ переводилъ на русскій языкъ химію Макера и представлялъ бы черезъ каждыя двѣ недѣли то, что имъ переведено, въ конференцію, по донесеніямъ которой о годности сдѣланныхъ переводовъ производить Соколову половину того жалованья, какое онъ дотолѣ получалъ.

Доведенный такимъ ожесточеннымъ преслѣдованіемъ до крайности, Соколовъ взмолился о защитѣ къ самой императрицѣ. Въ поданномъ

имъ всеподданнѣйшемъ прошеніи [1]) онъ просилъ: 1) сдѣланное Домашневымъ распоряженіе о недопущеніи его до докторскаго экзамена отмѣнить и дозволить ему медицинскую практику, если по экзамену окажется того достойнымъ; 2) опредѣлить его при Академіи къ соотвѣтственной его познаніямъ должности, или же отъ службы Академіи уволить, и 3) нанесенное ему Домашневымъ «безчестіе загладить и возвратить ему честь его».

Послѣдствія этой жалобы изложены въ журналѣ академической коммиссіи 10-го сентября 1781 года. Въ немъ мы читаемъ:

„Указами ея императорскаго величества, изъ Правительствующаго Сената присланными въ коммиссію Академіи Наукъ отъ 7-го и 9-го сего сентября, знать дано: 1) что по именному ея императорскаго величества указу, объявленному г. дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ генералъ-прокуроромъ княземъ Александромъ Алексѣевичемъ Вяземскимъ сего сентября въ 1-й день, коимъ ея величество по поданному отъ доктора Никиты Соколова прошенію высочайше повелѣть соизволила: дать знать Академіи Наукъ о непрепятствіи Соколову просить экзамена въ медицинской коллегіи, и если она найдетъ его знающимъ отправлять медицинскую практику. А впрочемъ буде онъ болѣе при Академіи быть не желаетъ, ея величество повелѣваетъ его отпустить и, по знанію и способности сходно собственному его желанію, опредѣлить на докторское мѣсто въ здѣшнемъ губернскомъ статѣ или иномъ департаментѣ, гдѣ есть ваканціи; причемъ угодно ея величеству, чтобы примѣтить Академіи, что ея величество не пріемлетъ за благо подобное принужденіе человѣку, каковое описано въ просьбѣ Соколова". Правительствующій Сенатъ приказали: о непремѣнномъ исполненіи по сему высочайшему ея императорскаго величества указу съ приложеніемъ копіи съ поданнаго ея величеству отъ доктора Соколова прошенія въ коммиссію послать указъ, съ такимъ отъ Сената примѣчаніемъ, чтобы Академіи Наукъ и впредь въ подобныхъ сему случаяхъ держалась точнаго предписанія сего высочайшаго ея императорскаго величества повелѣнія. Вслѣдствіе онаго положено въ коммиссіи Академіи Наукъ учинить слѣдующее: 1) для вѣдѣнія о семъ его превосходительству г. Академіи директору, такожъ въ академическое ученое собраніе послать сообщеніе; 2) поелику ея императорскому величеству угодно примѣтить Академіи, что ея величество не пріемлетъ за благо подобное принужденіе человѣку, каковое описано въ просьбѣ Соколова, и предписываетъ Академіи, чтобы оная и впредь въ подобныхъ сему случаяхъ держалась точнаго предписанія сего высочайшаго ея императорскаго величества повелѣнія, то при семъ случаѣ донести Правительствующему Сенату, что все принужденіе, въ жалобѣ доктора Соколова описанное, учинено было ему единственно г. директоромъ Академіи, безъ малѣйшаго коммиссіи согласія и свѣдѣнія; о содержаніи его, Соколова, подъ арестомъ дошло до коммиссіи по прошенію, поданному отъ него во время его ареста, но защитить его противъ приказанія г. директора, какъ въ семъ, такъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ коммиссія никакой силы не имѣла и не имѣетъ. Во исполненіе нынѣ сего высочайшаго ея императорскаго величества повелѣнія, правящему коммисарскую должность поручику Устинову дать ордеръ, чтобы онъ, удержан-

[1]) Оно дословно напечатано М. И. Сухомлиновымъ въ біографіи Н. П. Соколова, включенной въ *Исторію Россійской Академіи*, вып. 3, стр. 131—136.

ное у доктора Соколова, не взирая на запрещеніе г. директора, выдалъ ему жалованіе по нынѣшній сентябрь мѣсяцъ по окладамъ полное, изъ статской академичьей суммы немедленно».

По сообщеніи этого указа ученому собранію Академіи, конференція въ засѣданіи 17-го сентября (1781) постановила донести Сенату, что «конференція нисколько не причастна поступкамъ, на которые жаловался докторъ Соколовъ, и что все, записанное о немъ въ ея протоколахъ, занесено было въ нихъ единственно по приказаніямъ директора, безъ всякаго обсужденія со стороны академиковъ, о согласіи которыхъ на такое занесеніе никогда не было спрашиваемо».

Затѣмъ оставалось, согласно высочайшему указу, рѣшить—опредѣлить ли Соколова на соотвѣтствующую его познаніямъ должность, или же уволить отъ Академіи. По передачѣ этого вопроса въ конференцію, положено большинствомъ голосовъ академиковъ, что Соколовъ достоинъ назначенія въ адъюнкты Академіи. Несмотря на это, Домашневъ все-таки не принялъ его въ число адъюнктовъ, и только полтора года спустя, когда директоромъ Академіи была назначена княгиня Дашкова, Соколовъ назначенъ въ мартѣ 1787 года адъюнктомъ, а въ сентябрѣ 1787 года, по предложенію Дашковой и по единогласному выбору членовъ конференціи, возведенъ въ ординарные академики.

Не въ одномъ этомъ проявлялось самовластіе Домашнева, но, какъ сейчасъ увидимъ, оно простиралось и на все, что касалось Академіи.

II.

Пререканія академиковъ съ директоромъ по поводу присланной изъ Швеціи коллекціи минераловъ.—Произвольныя дѣйствія Домашнева.—Совѣщаніе по поводу ихъ на квартирѣ у Леонарда Эйлера.—Результаты совѣщаній.

Въ навигацію 1780 г. была получена отправленная моремъ, изъ Стокгольма, въ двухъ ящикахъ, коллекція минераловъ изъ шведскихъ рудниковъ. Такъ какъ ящики были адресованы на имя директора Академіи, то Домашневъ распорядился принятіемъ ихъ, помѣстилъ коллекцію въ своей квартирѣ, и почти два года не сообщалъ о ней ничего конференціи. Академики, однако, знали о существованіи коллекціи и догадывались, что она была прислана не лично для Домашнева, а для Академіи. Поэтому, конференцъ-секретарь І. А. Эйлеръ, обѣдая 13-го декабря 1781 г. у шведскаго посланника барона Нолькена, завелъ рѣчь объ этой коллекціи, чтобы узнать, кому собственно она была назначена. Баронъ Нолькенъ, не будучи въ состояніи отвѣчать на этотъ вопросъ, написалъ объ этомъ въ Стокгольмъ сенатору графу Ульриху Шеферу,

отъ котораго коллекція была прислана, и полученное отъ него письмо, сообщилъ Эйлеру. Такъ какъ изъ него было видно, что коллекція была прислана въ даръ Академіи, для пополненія ея минералогическихъ собраній, то Эйлеръ, представляя это письмо конференціи въ засѣданіи 4-го марта 1782 г., присовокупилъ, что для разысканій о судьбѣ коллекціи онъ обращался въ коммиссію Академіи, и по собраннымъ тамъ справкамъ оказалось, что дѣйствительно посылка сенатора Шефера была получена директоромъ, о чемъ и было положено конференціею тотчасъ же увѣдомить барона Нолькена.

Домашневъ, узнавъ объ этомъ сообщеніи, написалъ Эйлеру письмо, читанное въ засѣданіи конференціи 7-го марта; въ немъ онъ объявлялъ, что дѣйствительно получилъ, почти два года тому назадъ, коллекцію шведскихъ минераловъ и помѣстилъ ее въ своей квартирѣ въ ожиданіи того времени, когда въ кунсткамерѣ будетъ приведена въ надлежащій видъ зала, предназначенная для такихъ коллекцій. Затѣмъ, онъ дѣлалъ упрекъ конференцъ-секретарю въ томъ, что за свѣдѣніями объ этой коллекціи онъ не обратился къ нему, Домашневу, такъ какъ это было бы «естественнѣе, чѣмъ обращаться къ конференціи, до которой этого рода дѣла вовсе не касаются». Эйлеръ на этотъ упрекъ отвѣчалъ, что онъ счелъ своимъ долгомъ, въ этомъ случаѣ, сообразоваться съ письмомъ барона Нолькена, желавшаго, чтобы доставленныя имъ свѣдѣнія были сообщены Академіи. Между тѣмъ послѣдняя фраза въ письмѣ Домашнева возбудила оживленныя возраженія: академикъ Лексель замѣтилъ, и съ нимъ всѣ согласились, что все, присылаемое для Академіи, подъ какимъ бы то ни было адресомъ, должно быть предъявляемо и сообщаемо конференціи, какъ собранію, которое представляетъ собою собственно составъ Академіи; что ей одной принадлежитъ право отвѣчать лицамъ, присылающимъ что-либо для Академіи, какъ равномѣрно она же должна распредѣлять получаемые для нея предметы, отправленіемъ: однихъ—прямо въ кунсткамеру, а другихъ—въ кабинеты, устроенные для разнаго рода коллекцій.

Все это очень сердило Домашнева, который не допускалъ, чтобъ конференція занималась присылаемыми для Академіи предметами, иначе какъ по приказанію директора. Присутствуя въ засѣданіи конференціи 14-го марта, онъ опять возбудилъ вопросъ о шведской коллекціи и вызвалъ со стороны конференціи заявленіе, что въ ея засѣданіяхъ никогда не было рѣчи объ этой коллекціи до того времени, пока ей было предъявлено письмо барона Нолькена, освѣдомлявшагося о судьбѣ подарка, сдѣланнаго Академіи сенаторомъ Шеферомъ. На это Домашневъ возразилъ, что онъ-то собственно и просилъ о присылкѣ сказанной коллекціи для Академіи, что онъ же заплатилъ расходы на ея доставку, и что хотя онъ на время помѣстилъ ее у себя въ квартирѣ, но вовсе не

дѣлалъ изъ этого тайны, и что по его порученію академикъ Палласъ составилъ, для передачи сенатору Шеферу, списокъ шведскихъ минераловъ, которыхъ еще нѣтъ въ академическомъ собраніи.

На это Палласъ объявилъ, что онъ никогда не составлялъ такого списка, а Эйлеръ замѣтилъ, что сказанное директоромъ не согласуется съ тѣмъ, что видно изъ письма графа Шефера, а именно—что Академія обязана единственно г. шведскому сенатору подаркомъ, полученнымъ для нея г. директоромъ, который не долженъ былъ такъ долго медлить извѣщеніемъ о немъ Академіи. Вслѣдствіе этого Домашневъ, соглашаясь, что можетъ быть въ сдѣланномъ имъ изложеніи кое-что не совсѣмъ точно въ подробности, повторилъ свое прежнее заявленіе, что до всего, получаемаго имъ для Академіи, равно какъ до всего того, что онъ выписываетъ для нея, конференціи нѣтъ никакого дѣла, и что поэтому онъ не обязанъ давать ей о томъ отчета.

Это утвержденіе директора вызвало со стороны академиковъ рѣшительный протестъ. Они объясняли, что было бы противно всякому академическому порядку, если бы начальникъ или совѣтъ, его представляющій (т. е. академическая коммиссія), принимали присылаемые для Академіи подарки или дѣлали бы для нея покупки, не извѣщая ея; что такія извѣщенія необходимы по существу дѣла и согласны съ намѣреніями дарителей; что это наблюдается во всѣхъ академіяхъ и наблюдалось и въ нашей Академіи при предшественникахъ г. Домашнева. Во время директорства графа Владиміра Григорьевича Орлова конференція всегда была спрашиваема о всѣхъ пріобрѣтеніяхъ для академической библіотеки и для другихъ кабинетовъ, точно такъ, какъ она была всегда извѣщаема о получаемыхъ подаркахъ. Поэтому, было бы новшествомъ, и новшествомъ вреднымъ для интересовъ науки—лишать конференцію возможности узнавать о всѣхъ подобныхъ пріобрѣтеніяхъ. На этомъ основаніи положено записать въ протоколъ, что конференція никакъ не согласна съ означеннымъ заявленіемъ г. директора.

Въ слѣдующемъ затѣмъ засѣданіи конференціи, т. е. 18-го марта, читано было письмо Домашнева, адресованное на имя конференціи, съ препровожденіемъ копіи съ письма, въ которомъ баронъ Нолькенъ, отвѣчая на вопросъ его, сообщаетъ, что за разъясненіями относительно коллекціи шведскихъ минераловъ онъ обращался къ сенатору Шеферу по желанію г. Эйлера, который просилъ его о томъ отъ имени Академіи. Поэтому Домашневъ находилъ такой поступокъ секретаря очень страннымъ, такъ какъ онъ дѣйствовалъ именемъ Академіи, которая о томъ ничего не знала, и прибавлялъ, что сдѣлаетъ все должное для того, чтобы подобные поступки впредь не могли повторяться, принятіемъ къ тому нужныхъ мѣръ.

На эти угрозы конференцъ-секретарь отвѣчалъ изложеніемъ того, какъ дѣло было: будучи удивленъ тѣмъ, что конференція не получала никакого свѣдѣнія о подаренной Академіи коллекціи минераловъ, о которой ходилъ слухъ, что она уже и получена два года тому назадъ, онъ счелъ своимъ долгомъ воспользоваться свиданіемъ съ барономъ Нолькенымъ, чтобы просить его о разъясненіи вопроса объ этой коллекціи, и эту просьбу онъ сдѣлалъ болѣе какъ секретарь Академіи, чѣмъ какъ частный человѣкъ. Онъ поступилъ такимъ образомъ въ силу авторитета, связаннаго съ его званіемъ, такъ какъ тутъ дѣло шло о чести Академіи, которую въ Швеціи могли по справедливости обвинять въ неизвинительной небрежности, не получая отъ нея такъ долго изъявленія должной благодарности за принесенный ей даръ. Въ заключеніе секретарь обратился къ членамъ конференціи, къ каждому поодиночкѣ, дабы они рѣшили: заслуживаетъ ли его образъ дѣйствій въ этомъ случаѣ порицанія.

Всѣ единогласно одобрили дѣйствія секретаря, нѣкоторые даже благодарили его за то, что онъ сдѣлалъ, и заявили, что и они, не имѣя званія секретаря Академіи, сдѣлали бы тоже самое, если бы къ тому представился случай, даже сочли бы себя обязанными поступить точно такимъ-же образомъ.

Все это длинное препирательство de lana caprina, подробно записанное въ цѣломъ рядѣ протоколовъ, обильно пересыпанное съ обѣихъ сторонъ шпильками и худо скрываемымъ взаимнымъ нерасположеніемъ, представляетъ собою характерную страницу изъ внутренней исторіи Академіи той эпохи. Ничего подобнаго этой борьбѣ между академиками и ихъ начальникомъ протоколы конференціи не представляютъ ни до Домашнева, ни послѣ него.

Попреки академиковъ директору изъ-за шведской коллекціи раздражали Домашнева, и онъ избралъ особый способъ, чтобы выместить на нихъ свое неудовольствіе. Онъ прислалъ записку, въ которой объявилъ, что имѣетъ сдѣлать конференціи нѣкоторыя предложенія и для этого назначаетъ экстренное засѣданіе въ понедѣльникъ 21-го марта. Когда члены конференціи собрались въ это засѣданіе, то получили отъ Домашнева записку такого содержанія:

«Господа! вы доселѣ не исполнили параграфа регламента на этотъ годъ. Я поручаю вамъ его исполнить для того, чтобы я могъ исполнить тѣ, которые отъ него зависятъ».

Не будучи одарены мудростью Эдипа, для уразумѣнія неудобопонятной загадки, академики должны были въ изумленіи переглянуться, и записали въ протоколѣ: «спросить его превосходительство, о какомъ параграфѣ регламента онъ говоритъ и какой смыслъ имѣетъ послѣдняя фраза его записки».

На этотъ вопросъ, предложенный Домашневу въ формѣ протокола, за подписью всѣхъ академиковъ, онъ отвѣчалъ назначеніемъ новаго чрезвычайнаго собранія конференціи (въ среду 23-го марта), но самъ и въ это засѣданіе не явился, сказавшись больнымъ, а только объявилъ, черезъ Палласа, что параграфъ регламента, на который онъ указывалъ, «есть § 14-й о представленіи академиками своему президенту записокъ о ихъ занятіяхъ».

Едва спорный вопросъ о шведской коллекціи нѣсколько затихъ, по крайней мѣрѣ на время, какъ на смѣну ему явился новый поводъ къ конфликту. Въ засѣданіи конференціи 8-го апрѣля (1782) прочитанъ былъ данный академической коммиссіи ордеръ, которымъ Домашневъ завѣдываніе кабинетомъ естественной исторіи отнялъ у Котельникова и передалъ Палласу. Противъ этого распоряженія, конференція тотчасъ возразила въ своемъ протоколѣ, что хотя должность хранителя не касается ея непосредственно, однако она не можетъ смотрѣть равнодушно на то, что г. директоръ собственною властью смѣщаетъ стараго академика съ должности, которую онъ всегда честно исполнялъ въ теченіе 11-ти лѣтъ; что такимъ своевластьемъ подрывается прочность академическихъ назначеній, такъ какъ каждый академикъ долженъ былъ бы впредь опасаться подвергнуться такой же участи, если бы единственно отъ начальника зависѣло смѣщеніе его съ должности.

Для совѣщанія о томъ, какъ поступить въ этихъ обстоятельствахъ, академики собрались на другой же день (9-го апрѣля) у старѣйшаго изъ нихъ, высокоуважаемаго всѣми Леонарда Эйлера, который по причинѣ своей слѣпоты уже рѣдко появлялся въ засѣданіяхъ. Великій математикъ былъ предваренъ о прибытіи къ нему товарищей и о послѣднихъ поступкахъ съ ними Домашнева; поэтому онъ приготовилъ на этотъ случай, въ особой запискѣ, изложеніе своихъ мыслей и совѣтовъ. По выслушаніи и обсужденіи этой записки, рѣшено было, съ согласія Леонарда Эйлера, отправить къ директору депутацію, чтобы просить его отмѣнить распоряженіе о смѣщеніи Котельникова съ должности завѣдующаго кунтскамерою. Депутатами назначены: Лепехинъ, Фуссъ, Озерецковскій и конференцъ-секретарь І. А. Эйлеръ, и имъ поручено представить Домашневу, главнымъ образомъ, о слѣдующемъ:

1) Академики позволяютъ себѣ думать, что находятся къ своему директору въ отношеніяхъ не низшихъ сравнительно съ тѣми, въ какихъ состоятъ въ другихъ государственныхъ коллегіяхъ члены къ своимъ президентамъ. Поэтому г. Домашневъ не можетъ имѣть притязанія на власть—смѣщать по своему усмотрѣнію академиковъ, безъ высочайшаго на то указа, или безъ согласія конференціи и безъ объявленія причинъ такой строгости.

2) На основаніи этого принципа, въ справедливости котораго нельзя

въ благодѣтельное царствованіе нашей всемилостивѣйшей государыни дерзать усомниться, приказъ директора, лишающій академика Котельникова одной изъ его должностей, не можетъ быть приведенъ въ исполненіе, прежде чѣмъ его превосходительство не объявитъ причинъ, побудившихъ его къ тому, или же высочайшаго повелѣнія, которому онъ повиновался.

3) Такъ какъ Котельниковъ былъ назначенъ законнымъ порядкомъ въ должности завѣдующаго библіотекою и соединенными съ нею кабинетами любопытныхъ вещей и естественной исторіи, то нельзя сложить съ него эту должность безъ предоставленія имъ формальнаго свидѣтельства его преемника въ томъ, что имъ принято все въ цѣлости. Но такое свидѣтельство не можетъ быть выдано прежде, чѣмъ не будутъ возвращены и разставлены по своимъ мѣстамъ всѣ предметы, принадлежащіе этимъ кабинетамъ.

4) Такъ какъ директоръ до сихъ поръ удерживаетъ въ своей квартирѣ почти два года коллекцію шведскихъ минераловъ, присланныхъ Академіи въ даръ графомъ Шеферомъ, то конференція полагаетъ, что прежде какихъ-либо перемѣнъ слѣдуетъ эту коллекцію перенести въ кабинетъ естественной исторіи.

5) Наконецъ, такъ какъ послѣ того, что случилось съ Котельниковымъ, академики должны страшиться позже или ранѣе со стороны г. директора, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, сокращенія ихъ жалованья, то они формально и единогласно протестуютъ противъ всякихъ такихъ деспотическихъ дѣйствій и льстятъ себя надеждою, что его превосходительство почувствуетъ силу ихъ покорнѣйшаго представленія и отмѣнитъ ордеръ, данный имъ коммиссіи (относительно Котельникова).

Въ заключеніе академики просятъ г. директора о категорическомъ и скоромъ отвѣтѣ на ихъ почтительнѣйшее прошеніе и представленіе.

Эти рѣшенія, въ формѣ протокола о совѣщаніяхъ, бывшихъ въ квартирѣ Леонарда Эйлера, по подписаніи ихъ членами конференціи, были вручены депутатамъ, которые должны были на другой же день (вторникъ, 12-го апрѣля) представить ихъ Домашневу. Въ этотъ же день академики собрались въ экстренное засѣданіе, въ которомъ депутаты и дали отчетъ о своихъ объясненіяхъ съ директоромъ. По прочтеніи представленнаго ему отъ имени конференціи прошенія, Домашневъ обѣщалъ отвѣчать письменно; депутаты сначала настаивали, чтобъ онъ далъ свой отвѣтъ немедленно, затѣмъ просили, чтобы онъ прислалъ свой письменный отвѣтъ къ пятницѣ (15-го апрѣля); но Домашневъ не соглашался на назначеніе срока. Между тѣмъ депутаты имѣли съ нимъ продожительныя объясненія (длившіяся около двухъ часовъ, съ 9 до 11 часовъ утра, какъ отмѣчено въ протоколѣ), которыя они готовы сообщить, для вне-

сенія въ протоколъ, если бы г. директоръ слишкомъ долго не отвѣчалъ письменно на ихъ представленія.

По выслушаніи этого отчета депутатовъ, конференція положила: 1) буде директоръ не пришлетъ своего отвѣта до пятницы (15-го апрѣля), то просить его о присылкѣ таковаго къ понедѣльнику (18-го апрѣля); послѣ же этого срока она ожидать болѣе не будетъ и 2) поручила конференцъ-секретарю написать Котельникову и Палласу: первому, чтобы онъ не сдавалъ ключей отъ кунсткамеры и другихъ кабинетовъ кому бы то ни было, а второму—чтобы онъ до времени остановился порученною ему директоромъ разстановкою минераловъ.

Въ слѣдовавшемъ затѣмъ пятницкомъ засѣданіи конференціи, ожидавшійся отъ директора отвѣтъ состоялъ изъ слѣдующей записки:

«За отказомъ г. Палласа принять въ свое завѣдованіе какую-либо часть кабинетовъ, необходимы иныя распоряженія, которыя и будутъ сдѣланы по этому предмету; въ то же время я сообщу гг. академикамъ въ особенности относительно того, что можетъ ихъ касаться въ этомъ дѣлѣ, равно какъ и высочайшія повелѣнія, до сего относящіяся».

Этого обѣщаннаго Домашневымъ сообщенія академикамъ пришлось еще долго дожидаться, а между тѣмъ, въ томъ же засѣданіи 18-го апрѣля конференція узнала, изъ сообщенной академическою коммиссіею копіи съ отношенія генералъ-прокурора князя А. А. Вяземскаго, о состоявшемся 14-го декабря прошлаго (1781) года высочайшемъ повелѣніи о томъ, чтобы впредь до рѣшенія дѣла объ академическихъ ссорахъ ни одна изъ сторонъ, подъ страхомъ монаршей немилости, не давала повода къ новымъ жалобамъ. Дѣйствительно, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ борьба академиковъ съ ихъ шефомъ какъ бы пріостановилась, но затѣмъ вновь возобновилась и особенно когда Домашневъ поручилъ конференціи отобрать у Котельникова ключъ отъ минцъ-кабинета. Тогда, 22-го августа 1782 г., Котельниковъ обратился въ конференцію съ просьбою о защитѣ.

«Хотя,—писалъ онъ,—директоръ отнятіемъ у меня безвинно половины ежегоднаго жалованья весьма ощутительнымъ образомъ далъ мнѣ почувствовать дѣйствіе своего ко мнѣ неблаговоленія, однакожъ заблагоразсудилъ оное усугубить принятіемъ изъ моего вѣдѣнія кунсткамеры, съ которымъ сопряжена часть моего пропитанія. И хотя почтенное собраніе гг. академиковъ благоволило учинить въ мою пользу директору справедливое представленіе, но директоръ, не взирая на сіе, изволилъ прислать въ ученое собраніе ордеръ касательно изъятія изъ моего вѣдѣнія минцъ-кабинета, умалчивая о томъ, что по сему дѣлу принадлежитъ до меня особливо, будто бы онаго кабинета въ моемъ вѣдѣніи никогда не бывало. Сей поступокъ г. директора принуждаетъ меня думать, что его превосходительство принялъ намѣреніе взять отъ меня

кунсткамеру по частямъ, образомъ нечувствительнымъ и такъ не токмо лишить меня той выгоды, которой я за долговременную службу, по должности библіотекаря, ожидать имѣю, но и привлечь на меня худыя слѣдствія.

«Прошу почтенное собраніе продолжить благоволеніе свое ко мнѣ, которое уже въ предпріятіи мѣръ къ моему защищенію оказать изволило». Конференція положила, не взирая на ордеръ директора, сохранить за Котельниковымъ завѣдываніе минцъ-кабинетомъ.

III.

Иполитъ Ѳедоровичъ Богдановичъ редакторъ „Петербургскихъ Вѣдомостей".—Покровительство, оказываемое ему Домашневымъ.—Неспособность редактора газеты.—Протестъ академиковъ.—Защита Богдановича Домашневымъ.

Недоразумѣнія съ минцъ-кабинетомъ еще не были окончены, какъ возникла новая ссора по поводу издававшихся Академіею «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», редакторомъ которыхъ былъ Иполитъ Ѳедоровичъ Богдановичъ. Послѣдній пользовался особымъ покровительствомъ Домашнева какъ сотоварищъ по парнасу, а быть можетъ и по университету. Въ годъ назначенія Домашнева директоромъ Академіи, Богдановичъ, какъ выразился Н. М. Карамзинъ [1]), «положилъ на жертвенникъ граціи» свою «Душеньку», и пріобрѣлъ ею, вмѣстѣ съ громкою на русскомъ парнасѣ славою, и благоволеніе императрицы. Когда онъ затѣвалъ издавать на 1779 годъ свой литературный журналъ, то Домашневъ сообщилъ объ этомъ конференціи и пригласилъ академиковъ и адъюнктовъ—оказать содѣйствіе титулярному совѣтнику Богдановичу въ предпринятомъ имъ изданіи, доставленіемъ ему «поучительныхъ статей» [2]). Въ то же время онъ далъ ему мѣсто при редакціи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», съ жалованіемъ по 500 руб. въ годъ «за сочи-

---

[1]) Въ его статьѣ: „О Богдановичѣ и его сочиненіяхъ", напечатанной при собраніи сочиненій творца «Душеньки», изданномъ въ Москвѣ въ 1809 г. Платономъ Бекетовымъ.

Богдановичъ родился въ 1843 году, слѣдовательно былъ, по годамъ своимъ, почти ровесникомъ Домашнева, и учился также въ Московскомъ университетѣ.

Послѣ „Душеньки", т. е. послѣ 1775 года, Богдановичъ еще писалъ, но мало или съ небреженіемъ, какъ бы нехотя, или въ „дремотѣ генія" (Карамзинъ).

[2]) См. протоколъ засѣданія конференціи Академіи, 11-го декабря 1778 г.

неніе и изданіе оныхъ Вѣдомостей». Но видно не даромъ говорится, что дѣло мастера боится, и что бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ; творецъ «Душеньки» доказалъ на дѣлѣ, что можно быть хорошимъ поэтомъ и весьма плохимъ редакторомъ политической газеты. Редакторская его дѣятельность подала поводъ къ войнѣ между академиками и директоромъ, которая и велась въ формѣ протоколовъ.

. Въ протоколѣ конференціи 19-го іюля 1782 года записано:

«Конференція, принявъ къ свѣдѣнію, что въ публикѣ ставятъ въ вину всей Академіи появленіе съ нѣкоторыхъ поръ статей, худо выбранныхъ и нерѣдко дѣтскихъ—«въ Русскихъ (С.-Петербургскихъ) Вѣдомостяхъ», которыя дѣйствительно стали посмѣшищемъ всего города, положила объявить настоящимъ протоколомъ, что академическая конференція, т. е. Академія въ собственномъ смыслѣ, нисколько не причастна этимъ «Вѣдомостямъ»,—и представить его превосходительству господину директору о необходимости поручить редакцію этой газеты болѣе разумнымъ людямъ, дабы публика не имѣла повода жаловаться, а конференція не была бы вынуждена публиковать свое настоящее постановленіе».

Такъ какъ въ этомъ засѣданіи Домашневъ не присутствовалъ, то по заведенному порядку, протоколъ, по подписаніи его членами, былъ сообщенъ ему для свѣдѣнія; а отъ него возвращенъ съ слѣдующею собственноручною его припискою на поляхъ: «Пришлите мнѣ копію съ декларації публики, и я посмотрю что надлежитъ сдѣлать, такъ какъ газета, въ томъ видѣ, какъ она нынѣ издается, служитъ средствомъ для образованія многочисленной и наиболѣе здоровой части городскаго населенія».

Эта приписка, вмѣстѣ съ подобною же, сдѣланною Домашневымъ на другомъ протоколѣ (о V-мъ томѣ «Актовъ» Академіи), была доложена конференціи въ засѣданіи 22-го августа, и вызвала собою такое занесенное въ протоколъ постановленіе: «г.г. академики съ изумленіемъ увидѣли, что его превосходительство господинъ директоръ написалъ на поляхъ двухъ послѣднихъ протоколовъ замѣчанія о постановленіяхъ конференціи, относящихся до V-го тома «Актовъ» и до «Русскихъ Вѣдомостей». При всемъ своемъ уваженіи къ начальнику, они не могутъ скрыть отъ себя, что подобный образъ дѣйствій никакъ не можетъ быть оправдываемъ ни регламентомъ Академіи, ни порядками, соблюдаемыми во всѣхъ коллегіяхъ имперіи. Поэтому академики вынуждены заявить, что они видятъ въ этомъ образѣ дѣйствій его превосходительства знакъ явнаго неуваженія къ цѣлой Академіи, а такъ какъ для нихъ небезразлично, какакого рода обращеніе испытываютъ они отъ своего начальника, то они вынуждены покорнѣйше просить его превосходительство—сообщать свои замѣчанія, буде таковыя понадобятся, отдѣльно отъ протоколовъ, и тогда

конференція не упуститъ внести ихъ въ протоколъ слѣдующаго засѣданія. Согласно съ этимъ положено: при представленіи его превосходительству каждаго протокола прикладывать листъ чистой бумаги, на которомъ директоръ могъ бы излагать свои замѣчанія».

Въ томъ же протоколѣ, въ отвѣтъ на сдѣланную Домашневымъ приписку о «Русскихъ Вѣдомостяхъ», внесено такое заключеніе: «стоитъ перелистовать «Вѣдомости» за послѣдніе годы, чтобы найти въ нихъ множество такихъ статей, которыя не только не могутъ нисколько служить «для образованія наиболѣе здоровой части публики», но скорѣе возбуждаютъ смѣхъ и жалость къ газетчику, какъ напримѣръ животное, введенное въ собраніе академиковъ, которое маханіемъ головы оцѣняетъ и одобряетъ бывающія тамъ чтенія, см. стр. 436 № 58, 20-го іюля 1781 года «Вѣдомостей». Конечно, для «наиболѣе здоровой части публики» не слишкомъ было бы лестно сказать, что такая статья помѣщена для ея наученія».

Чтобы понять всю ядовитость этой цитаты, нужно раскрыть «С.-Петербургскія Вѣдомости» на указанной страницѣ; тамъ мы читаемъ:

„Разныя извѣстія. Пишутъ изъ Стокгольма, что жена одного тамошняго живописца пріучила къ рукамъ [1]) молодаго лося, котораго на послѣдокъ въ тамошнюю академію наукъ представила. Притомъ пишутъ забавнымъ образомъ, что сей лось, пріобученный къ свободному съ людьми обхожденію, увидѣвъ тогда въ академическомъ засѣданіи одно порожнее мѣсто, тотчасъ самъ помѣстился на ваканцію, со всякимъ приличнымъ лосю благочиніемъ. Въ немъ примѣчена была въ ученомъ собраніи даже нѣкоторая наклонность къ произнесенію рѣчи, но какъ лоси въ языкѣ своемъ ограничены, то сей новый собесѣдникъ удовольствовался показать академикамъ свое усердіе разеваніемъ рта и нѣкакимъ рыкомъ, хотя въ протчемъ никому не вразумительнымъ [2]). Стокгольмская академія, пріемля всякую рѣдкость съ признательностью, не оставила помянутую живописцеву жену безъ награжденія за то, что она имѣла славу показать и на самомъ дикомъ звѣрѣ примѣръ добраго воспитанія“.

Помѣщеніе въ протоколѣ, который подлежалъ просмотру директора, опредѣлительнаго указанія на сатиру, на него написанную, имѣло все значеніе насмѣшки въ лицо и ставило того, противъ кого была направлена эта злая выходка, въ крайне трудное положеніе: взглянуть на нее, какъ на дерзость со стороны академиковъ, каковою она дѣйствительно и была, значило бы узнать себя въ сатирѣ; сдѣлать видъ, что сатира до него не относится—это было легче, но не могло никакъ помѣшать другимъ видѣть его осмѣяннымъ. Помѣщеніе въ протоколѣ указанія на статью «Вѣдомостей» ясно говорило, до чего Домашневъ «неуважать себя заста-

[1]) Т. е. сдѣлала домашнимъ.

[2]) Припомнимъ, что сказано выше о рѣчи Домашнева при вступленіи въ Академію.

вилъ». Академики какъ бы боялись, чтобы эта болѣе чѣмъ прозрачная сатира на него не осталась незамѣченною имъ, какъ она осталась, конечно, незамѣченною редакторомъ газеты Богдановичемъ, пропустившимъ ее не иначе какъ въ «дремотѣ генія», говоря словами Карамзина.

Этотъ эпизодъ съ животнымъ, попавшимъ въ Академію, имѣлъ для Домашнева рѣшающее значеніе: онъ дошелъ до свѣдѣнія императрицы и въ связи съ другими дѣлами повелъ въ концѣ года къ увольненію его отъ должности директора.

Передъ самымъ своимъ увольненіемъ Домашневъ прислалъ въ конференцію, къ засѣданію 23-го декабря 1782 г. составленное имъ оправданіе Богдановича, которое не удостоилось внесенія въ протоколъ засѣданія, но которое не лишне будетъ привести здѣсь въ дословной передачѣ, съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей правописанія. Домашневъ, не всегда подчинявшійся законамъ гражданскимъ, легко освобождалъ себя отъ соблюденія и законовъ грамматики и даже логики.

„*Выписка изъ журнала директора Домашнева отъ 8-го декабря 1782 года.*

„Г. ассесоръ Богдановичъ проситъ его превосходительство, что онъ, употребя все свое раченіе въ исправленіи препорученной ему должности изданія газетъ, не думалъ претерпѣть столько оскорбленій, сколько онъ видитъ, что даже поставлены ему въ преступленіе нѣкоторыя мнимыя ошибки, за нѣсколько лѣтъ въ газетахъ учиненныя, хотя самое главное изъ оныхъ могло быть только отъ разности вкуса его, г. Богдановича, и господъ профессоровъ, изъ коихъ многимъ и россійскій языкъ чуждъ, и кои вознегодовали на него столь сильно и можно сказать мстительно, что дѣлали даже директору домогательство, чтобъ лишить его мѣста, отнять у него довѣренность, и симъ публично оказать его неспособнымъ даже и къ изданію «Вѣдомостей» за то, что онъ съ лишнемъ за годъ предъ тѣмъ гдѣ-то говорилъ неучтиво объ ослахъ: то онъ, г. Богдановичъ, не требуя и не дѣлая въ семъ защищенія, когда судьба его могла подвергнуть столь странному отъ г. профессоровъ гоненію заословъ, но дабы только не раздражить ихъ болѣе и сохранить для себя тишину, столь его духу и здоровью нужную, отрекается отъ изданія сихъ газетъ. Почему, хотя въ разсужденіи таланта г. ассесора Богдановича, оказавшаго оной разными достоподражаемыми сочиненіями публикѣ извѣстными, и вкуса его въ выборѣ артикуловъ въ газеты, связи ихъ и черезъ то составленіе нечувствительнымъ образомъ курса новой исторіи [1]), крайне его превосходительству сожалительно для Академіи онаго лишиться, но съ другой стороны его превосходительство не можетъ настоять, чтобъ сей благородный писатель, честь россійскихъ письменъ, столь былъ подъ начальствомъ его превосходительства уязвляемъ, такъ что выисканныя за пять и шесть лѣтъ типографскія погрѣшности господами профессорами коммиссіи донесены высочайшей власти; и хотя бы таковая ошибка у автора, а особливо газетъ, въ неотсрочное и скорое время исправляемыхъ, и прокрасться могла, то слѣдовало бы отмѣтить и то, чемъ сочиненіе его отличено и возвышено; и гдѣ слу-

[1]) Не разумѣется ли здѣсь написанное Богдановичемъ послѣ 1775 года „Историческое изображеніе Россіи“,—опытъ легкій и несовершенный, по замѣчанію Карамзина.

чалось, чтобъ газетная ошибка, нетрогующая ничьяго лица, но съ другихъ газетъ въ числѣ странныхъ и любопытныхъ случаевъ внесенная, могла быть преступленіемъ, о которомъ высочайшей власти непосредственно доносить должно было? Въ разсужденіе чего его превосходительство, протестуя честью своею, что онъ не можетъ быть какъ искренно признательнымъ къ достоинствамъ и трудамъ его, г. ассесора Богдановича, и свидѣтельствуя ему свое истинное въ томъ признаніе.

IV.

Требованіе директора, чтобы академики предложили задачи для четырехъ премій.—Возраженіе академиковъ.—Споръ по поводу изданія календаря и изъ-за Академической гимназіи.—Произвольное удерживаніе жалованья академикамъ.—Жалоба ихъ Сенату.—Увольненіе Домашнева отъ должности директора Академіи Наукъ.

Считая себя начальникомъ и распорядителемъ даже и въ ученыхъ дѣлахъ Академіи, Домашневъ 29-го сентября 1782 г. далъ конференціи слѣдующее предписаніе:

«Усердствуя дать болѣе восчувствовать свѣту щедроты ея императорскаго величества, всеавгустѣйшей Академіи покровительницы, на науки изливаемыя, и имѣя въ главномъ виду распространеніе оныхъ, по силѣ 64 пункта Академіи Наукъ регламента, симъ установляется, что, начиная съ нынѣшняго года, отъ Академіи предлагаемо будетъ изъ награжденія изъ каждаго класса по одной задачѣ, какъ-то: изъ математическаго, физико-математическаго, химическаго и естественной исторіи, съ награжденіемъ за рѣшеніе каждой изъ сихъ задачъ медали въ 100 червонныхъ. Почему ученое собраніе имѣетъ, выбравъ изъ каждаго класса по три таковыхъ задачи, представить оныя директору къ пятому на десять наступающаго октября для опредѣленія тѣхъ изъ оныхъ, кои въ программу внесены быть должны, что ежегодно дѣлать къ торжественнѣйшему дню коронованія ея императорскаго величества, высочайшей покровительницы Академіи». 29-го сентября 1782 г. Домашневъ.

По выслушаніи этого новаго «установленія» г. директора, конференція отложила обсужденіе его до слѣдующаго засѣданія.

Вслѣдъ затѣмъ, Домашневъ, явившись въ засѣданіе 10-го октября, продиктовалъ слѣдующій вопросъ:

«Въ силу установленія 29-го сентября предложили-ли г.г. академики, каждымъ по своей части, задачи для четырехъ премій, упомянутыхъ въ этомъ установленіи?»

На это конференцъ-секретарь отвѣтилъ, что конференція присту-

пила тотчасъ же къ обсужденію предложенія, которое г. директору угодно было назвать «установленіемъ». Въ виду того, что по силѣ 31 статьи регламента Академіи, всякій вопросъ, относящійся до успѣха наукъ, долженъ быть рѣшаемъ по большинству голосовъ, и что тою же статьею поставляется академикамъ въ обязанность испрашивать по этого рода дѣламъ мнѣніе старшихъ академиковъ, конференція рѣшила спросить предварительно мнѣніе Леонарда Эйлера, который и далъ свой отзывъ для доклада собранію.

На это директоръ возразилъ, что въ чтеніи этого отзыва нѣтъ надобности, такъ какъ онъ требовалъ только представленія задачъ, а Эйлеръ такихъ задачъ не предлагаетъ. Поэтому конференція признала нужнымъ внести въ протоколъ мнѣніе Эйлера, которое состояло въ слѣдующемъ:

«Эйлеръ утверждаетъ, что новое установленіе г. директора не согласно съ статьею 65 регламента, и что поэтому оно не можетъ быть принято какъ таковое (т. е. какъ установленіе) конференціею иначе, какъ если г. директоръ объявитъ объ этомъ повелѣніо какой-либо высшей власти. Во-первыхъ, умноженіе числа премій нисколько не можетъ способствовать бо́льшему успѣху наукъ, тѣмъ болѣе, что выборъ задачъ становится болѣе и болѣе труднымъ, и что Академія, при всѣхъ своихъ стараніяхъ, принуждена либо награждать весьма посредственныя сочиненія, или же откладывать присужденіе наградъ съ года на годъ и, наконецъ, совсѣмъ прекращать конкурсъ. Во-вторыхъ, нѣтъ никакой причины думать, чтобы умноженіемъ премій можно было дать болѣе восчувствовать свѣту милостивое оказываемое ея величествомъ наукамъ покровительство, о которомъ повсемѣстно свидѣтельствуютъ доказательства, несравненно болѣе блистательныя, чѣмъ то, что проектируетъ г. Домашневъ. Наконецъ, важная статья, такое умноженіе премій противорѣчитъ штату Академіи и превышаетъ ея средства, которыя, вслѣдствіе нѣсколькихъ неправильныхъ дѣйствій, уже подверглись значительному уменьшенію, и по всей вѣроятности, еще болѣе сократятся. Но даже если бы директоръ нашелъ средство пополнить недостачи въ доходахъ Академіи или даже увеличить ихъ противъ прежняго, то и тогда у Академіи есть столько внутреннихъ потребностей, что не слѣдуетъ ими жертвовать для мелочной славы, блистать передъ публикой учащенною раздачею наградъ, въ то время когда означенныя потребности остаются неудовлетворенными и со-дня-на-день возрастаютъ».

Академики, выслушавъ мнѣніе своего старшины и вполнѣ согласившись съ нимъ, протестовали противъ назначенія новыхъ премій, причемъ замѣтили, что и безъ того Академіи предстоитъ раздача премій по четыремъ объявленнымъ уже задачамъ, что̀ составитъ расходъ въ

400 червонцевъ, и что противно регламенту Академіи выдавать болѣе одной преміи въ годъ. На это Домашневъ возразилъ, что онъ имѣетъ право дѣлать измѣненія въ регламентѣ, что онъ уже сдѣлалъ всѣ распоряженія для покрытія этого новаго расхода; что впрочемъ забота объ этомъ не есть дѣло конференціи, а онъ, Домашневъ, еще не считаетъ нужнымъ указать собранію на источникъ для покрытія расхода на новыя преміи.

Собраніе, съ своей стороны, возражало на это, что въ такомъ случаѣ г. директоръ не можетъ требовать отъ Академіи, чтобы она обѣщала публикѣ раздать премій на 800 червонцевъ, не зная, откуда ихъ можно будетъ взять, и не имѣя поэтому достаточнаго обезпеченія возможности исполненія своихъ обѣщаній публикѣ, и это тѣмъ болѣе, что директоръ далъ академикамъ явное доказательство недостаточности академическихъ денежныхъ средствъ, сокративъ, безъ всякихъ иныхъ причинъ, содержаніе, какимъ они пользовались съ учрежденіемъ Академіи. Въ предположеніи же, что г. директоръ открылъ новый источникъ доходовъ, академики, прежде чѣмъ согласиться на учрежденіе новыхъ премій, считаютъ своимъ долгомъ представить его превосходительству, что вмѣсто употребленія новаго дохода на блестящую вывѣску, было бы болѣе согласно съ благими намѣреніями справедливой и милостивой покровительницы Академіи, употребить его на возстановленіе и упроченіе внутренняго благосостоянія Академіи, замѣщая напримѣръ мѣста, остающіяся вакантными уже много лѣтъ; пополняя библіотеку, на которую слѣдовало употреблять сумму, ежегодно назначаемую на нее по штату; и въ особенности возстановляя гимназію, какъ публичное учрежденіе, дававшее въ прежнее время для Академіи адъюнктовъ, и кромѣ того, много полезныхъ людей для службы въ разныхъ другихъ коллегіяхъ имперіи, и которое могло бы быть и теперь весьма полезнымъ государству, но которое, по свидѣтельству нынѣшняго инспектора гимназіи, Лепехина, пришло въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ полный упадокъ. Возстановленіе этого заведенія было бы дѣломъ наиболѣе соотвѣтственнымъ благотворнымъ видамъ государыни, которая еще недавно дала увлекательный примѣръ истинно материнскихъ заботъ объ учрежденіи въ обширной имперіи достаточнаго числа нормальныхъ школъ.

На все это Домашневъ только повторилъ, что онъ хорошо обдумалъ свое новое «установленіе», что онъ не имѣетъ ни малѣйшей надобности давать о томъ отчетъ конференціи, что все, касающееся распредѣленія суммъ, не есть дѣло академиковъ, и что въ концѣ концовъ онъ требуетъ отъ нихъ только проекта конкурсныхъ задачъ.

Конференція, не входя въ обсужденіе основательности этихъ мотивовъ и для исполненія сколько-нибудь желанія г. директора, положила

сообщить ему задачи, которыя еще оставались въ архивѣ и въ дополненіе къ которымъ нѣкоторые академики взялись представить директору прямо отъ себя нѣсколько новыхъ; но при этомъ поручили секретарю внести въ протоколъ формальный и торжественный протестъ конференціи противъ публикаціи этихъ задачъ отъ имени Академіи, повторяя, что, въ силу 31 статьи регламента, конференція никакъ не можетъ дозволить такую публикацію, прежде чѣмъ не будутъ вполнѣ устранены всѣ сдѣланныя возраженія и не будетъ возстановлено благосостояніе зависящихъ отъ Академіи учрежденій, тѣмъ болѣе, что установленіе новыхъ премій не есть дѣло спѣшное, и что составленный директоромъ проектъ еще требуетъ исправленія замѣчаемыхъ въ немъ неудобствъ.

При этомъ конференцъ-секретарь замѣтилъ, что вмѣсто учрежденія новыхъ премій и погони за славой въ чужихъ краяхъ, гораздо болѣе дѣйствительнымъ средствомъ поддержанія славы Академіи было бы болѣе скорое обнародованіе ея собственныхъ трудовъ, замедляемое теперь разными затрудненіями и препятствіями [1]).

Это засѣданіе (10-го октября) закончилось тѣмъ, что секретарь напомнилъ директору о томъ, что онъ еще не далъ отвѣта на просьбы, представленныя ему 12-го апрѣля депутатами конференціи, и между прочимъ, касавшіяся коллекціи минераловъ, присланныхъ изъ Швеціи, доселѣ не сданной въ минералогическій кабинетъ. Домашневъ на это отвѣчалъ, что онъ держитъ ее еще въ своей квартирѣ, на углу 7 линіи, потому что не считаетъ удобнымъ довѣрить ее Котельникову. Конференція возразила на это, что такое недовѣріе совершенно неосновательно и находится въ противорѣчіи съ послѣдствіями провѣрки этого кабинета, произведенной по приказанію директора нѣсколькими академиками; и что нельзя упрекнуть Котельникова въ какомъ-либо недостаткѣ честности.

На это директоръ возразилъ, что онъ не довѣряетъ не честности, а познаніямъ Котельникова [2]). Но и это заявленіе не осталось безъ возраженія. Академики замѣтили, что не нужно познаній для того, чтобы хранить въ цѣлости небольшое собраніе минераловъ; что означенная коллекція должна во всякомъ случаѣ храниться въ одномъ изъ кабинетовъ Академіи, хотя бы и не въ вѣдѣніи Котельникова [3]), и наконецъ,

[1]) Въ этихъ словахъ содержится также упрекъ Домашневу за то, что онъ обременялъ другими работами граверовъ Академіи, которые поэтому не могли своевременно исполнить чертежи къ V тому «Актовъ» и тѣмъ задерживали весьма долго выпускъ въ свѣтъ этого тома академическихъ трудовъ.

[2]) Какъ будто самъ Домашневъ могъ быть судьею этихъ познаній.

[3]) Но всѣ эти повторительныя указанія оставлялись Домашневымъ безъ вниманія, и только въ директорство княгини Дашковой эта коллекція была перенесена въ кабинетъ естественной исторіи Академіи.

что директоръ самъ еще недавно иначе отзывался о заслугахъ Котельникова въ своемъ представленіи Сенату о производствѣ его въ надворные совѣтники.

Послѣдняя стычка Домашнева съ академиками произошла въ засѣданіи конференціи 18-го ноября (1782). Печатаніе календарей на слѣдующій (1783) годъ было задержано Домашневымъ несвоевременными измѣненіями въ послѣднихъ корректурныхъ листахъ, такъ что можно было опасаться, что календарь не выйдетъ въ свѣтъ къ новому году. Поэтому въ засѣданіи конференціи 11-го ноября академикъ Крафтъ возбудилъ предложеніе, какое онъ уже и прежде дѣлалъ, объ ускореніи печатанія календаря. Конференція, разсмотрѣвъ измѣненія въ корректурныхъ листахъ, изъ-за которыхъ произошло замедленіе печатанія, и находя эти измѣненія несущественными, поручила секретарю настоятельно просить директора приказать редактору календаря ограничиться на этотъ годъ лишь самыми существенными поправками, представивъ ему, что, въ случаѣ жалобъ публики на чрезвычайное опозданіе выхода въ свѣтъ календаря, конференція будетъ вынуждена объявить публично, что она этому нисколько не причастна.—Въ слѣдовавшемъ затѣмъ засѣданіи, 14-го ноября,—І. А. Эйлеръ доложилъ, что на письмо, посланное имъ вслѣдствіе этого порученія господину директору, онъ не получилъ никакого отвѣта. Тогда конференція поручила адъюнкту Головину лично явиться къ Домашневу и повторить ему представленіе конференціи относительно календаря. Исполнивъ это порученіе Головинъ, въ засѣданіи 18-го ноября, донесъ, что директоръ отвѣчалъ, что конференціи нѣтъ никакого дѣла до календарей [1]), и что онъ одинъ отвѣчаетъ за нихъ, даже если бы они и совсѣмъ не вышли въ свѣтъ. Въ эту минуту вошелъ въ собраніе Домашневъ и, занявъ свое мѣсто, спросилъ секретаря, что онъ вноситъ въ протоколъ? Отвѣчая на это, Эйлеръ прочелъ предыдущій параграфъ о заявленіи Головина. Тогда Домашневъ сталъ выговаривать конференціи, что она мѣшается не въ свое дѣло и что сама причиняетъ затрудненія въ печатаніи календаря. Вслѣдствіе этого Лексель спросилъ, какія именно затрудненія были ею дѣлаемы? На это Домашневъ приказалъ Лекселю молчать и его не перебивать. Лексель тотчасъ же возразилъ, что онъ его не перебивалъ, а молчать не будетъ. Тогда Домашневъ, возвысивъ голосъ, сказалъ: «м о л ч и т е». Послѣ такого неожиданнаго обращенія, Лексель всталъ и вышелъ изъ собранія. Когда вскорѣ послѣ этого ушелъ и Домашневъ, конференція положила внести всю эту сцену въ протоколъ и послала просить Лекселя возвратиться въ засѣ-

[1]) Между тѣмъ календари составлялись всегда академиками и ежегодно, въ засѣданіяхъ конференціи, академики были приглашаемы къ составленію разнаго рода статей и обсуждались и другія дѣла, касавшіяся этого изданія.

даніе. Лескель исполнилъ желаніе товарищей и просилъ всѣхъ присутствовавшихъ сказать — перебивалъ ли онъ директора, и всѣ отвѣчали отрицательно.

Во время преній въ конференціи о несвоевременности установленія четырехъ новыхъ ежегодныхъ премій, было указано Домашневу, что Академическая гимназія была за послѣдніе годы (т. е. въ директорство его) приведена въ упадокъ. На этотъ очень серьезный упрекъ Домашневъ самъ продиктовалъ отвѣтъ для внесенія въ протоколъ, 21-го октября 1782 г. Онъ говорилъ, что со времени своего отъѣзда въ прошломъ году въ Херсонъ [1]), онъ не получалъ отъ инспектора гимназіи, академика Лепехина, никакого рапорта о состояніи гимназіи.

Такое несогласное съ истиною заявленіе заставило Лепехина подать въ конференцію 24-го октября того года оправдательную записку, которая простымъ изложеніемъ фактовъ ясно обличала Домашнева въ неправдѣ и рисовала выразительными чертами положеніе, въ какое было приведено въ его директорство одно изъ полезнѣйшихъ подвѣдомыхъ Академіи учрежденій. Записка Лепехина составляетъ важный документъ для характеристики Домашнева, какъ администратора, а вмѣстѣ и для справедливой оцѣнки того, что могла сдѣлать въ то время Академія на пользу русскаго просвѣщенія. Поэтому не будетъ лишнимъ привести здѣсь этотъ документъ вполнѣ:

„Его превосходительство, двора ея императорскаго величества дѣйствительный камергеръ и Академіи Наукъ господинъ директоръ Сергѣй Герасимовичъ Домашневъ, въ ученомъ собраніи сего октября 21-го дня присутствуя, по причинѣ упоминаемаго состоянія гимназіи, въ журналѣ сего собранія отъ 17-го числа конференцъ-секретарю господину Эйлеру въ особенномъ журналѣ замѣтить приказалъ, будто бы я, яко инспекторъ гимназіи, со времени отбытія его въ путешествіе до сего времени никакъ о гимназіи не увѣдомлялъ, на что почтеннѣйшему собранію имѣю честь объяснить слѣдующее.

„Его превосходительство, будучи главный въ Академіи начальникъ, въ случаѣ каковаго-либо съ моей стороны упущенія, имѣлъ всегда совершенное право требовать отъ меня отчета въ управленіи такимъ департаментомъ, въ коемъ воспитывается юношество, имѣющее заступить первѣйшія по Академіи должности; но что я въ семъ не дѣлалъ упущеній, доказываетъ то:

1) „По возвращеніи его превосходительства въ Санктъ-Петербургъ изъ путешествія въ исходѣ ноября мѣсяца 1781 году не упустилъ я письменно донести его превосходительству, что въ отсутствіе его ученіе въ гимназіи продолжаемо было обыкновеннымъ порядкомъ; что учитель нижняго французскаго класса Тирри отрѣшенъ отъ гимназіи за данное имъ, именемъ Академіи, свидѣтельство въ знаніи французскаго языка пріѣзжему чужестранцу; что я, дабы сей классъ не былъ празденъ до пріисканія новаго учителя, склонилъ господина учителя Фоссе принять на себя обученіе сего класса съ обѣщаніемъ того жалованья въ прибавокъ, которое получалъ помянутый Тирри.

---

[1]) Въ началѣ іюня 1781 г.

Фоссе обучалъ сей классъ съ 22-го октября 1781 года по генварь мѣсяцъ 1782, однако за сей излишній трудъ еще и по сіе время не заплачено.

2) „Когда по публикаціи, сдѣланной со стороны коммиссіи, явились охочіе французы для принятія на себя учительской должности, то всѣ сіи отсылаемы были его превосходительствомъ въ коммиссію. Сія поручила мнѣ сдѣлать выборъ изъ кандидатовъ, изъ коихъ и былъ удостоенъ по всѣмъ преимуществамъ г. Леліотъ, о чемъ я коммиссіи донесъ письменно рапортомъ, кой представленъ былъ въ коммисскомъ журналѣ его превосходительству; да и я не упустилъ случая о семъ донести словесно; однако у сего учителя чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ удерживаемо было жалованье, по причинамъ мнѣ неизвѣстнымъ.

3) „Что я въ февралѣ мѣсяцѣ сего года представлялъ его превосходительству о недостаточномъ числѣ на академическомъ иждивеніи содержавшихся гимназистовъ, доказывается то данное имъ, господиномъ директоромъ, коммиссіи предложеніе о принятіи двухъ вольныхъ учениковъ Севергина и Александрова на казенное содержаніе, и въ коемъ его превосходительство упомянуть изволилъ, что они принимаются по моей рекомендаціи.

4) „Въ мартѣ мѣсяцѣ имѣлъ я честь увѣдомить его превосходительство письменно о всѣхъ учителяхъ, въ гимназіи находящихся, и какимъ обученіемъ каждый изъ нихъ занятъ.

5) „Тогда же увѣдомлялъ я его превосходительство о состояніи студентовъ, что число ихъ только двое составляютъ, а именно—Петровъ и Васильевъ, и что по сей причинѣ г. адъюнктъ Гакманнъ, бывшій тогда конректоромъ гимназіи, не могъ давать своихъ наставленій; но и изъ сихъ Васильевъ отпущенъ былъ въ Орловскій уѣздъ.

6) „Въ остальное время наиболѣе надлежало мнѣ попечительствовать о испрошеніи денегъ на содержаніе гимназистовъ; ибо экономъ удержаніемъ оныхъ доводимъ былъ часто до крайности.—Таковыя представленія принужденъ я былъ дѣлать его превосходительству троекратно, изъ коихъ на послѣднее, писанное 30-го сентября, имѣю и письменный отзывъ; но и затѣмъ выдача послѣднихъ денегъ не прежде, какъ 19-го сего мѣсяца, воспослѣдовала; удержанныя же за прошедшій годъ 232 рубля еще и по сіе время не выданы.

„Сіи крайности принудили меня приносить жалобы между сочленами академическаго собранія, что обучающіеся на казенномъ иждивеніи гимназисты доходятъ до крайности; что малое ихъ число, ибо нынѣ дѣйствительно учащихся только двадцать восемь человѣкъ, а по штату академическому надлежало имъ быть пятьдесятъ, кромѣ 40, коихъ Академія, въ силу высочайшаго именнаго повелѣнія, обязана воспитывать и наставлять въ россійскомъ правописаніи для наполненія ими приказныхъ мѣстъ,—не можетъ удовлетворить тѣмъ ожиданіямъ, каковыхъ отъ сего училища по справедливости требовать надлежитъ. Сіе самое подало поводъ г. академику Крафту, при разсужденіи о задаваемыхъ вопросахъ, замѣтить, что опредѣляемыя за рѣшеніе сихъ вопросовъ деньги лучше употребить на поправленіе, то есть на содержаніе полнаго числа учащихся въ гимназіи, нежели платить чужеземцамъ.

„Въ заключеніе за нужное почитаю присовокупить, что, во все время надзиранія моего надъ гимназіею, побуждало меня единое усердіе, а не каковое-либо вознагражденіе; ибо я сего никогда не желалъ, не получалъ, никогда не выпускалъ изъ виду моей обязанности, и старался доводить молодыхъ людей, сколько гимназическія ученія споспѣшествовать могутъ, до того, чтобъ они были полезны и Академіи и обществу, что самымъ опытомъ дока-

зать не трудно. И посему часто я бывалъ въ гимназіи, свидѣтельствовалъ успѣхи учащихся и труды учащихъ, въ чемъ могу свидѣтельствовать съ учащими и учащихся; надзиралъ строго надъ пріѣзжими учителями, требующими отъ Академіи свидѣтельства, присутствуя почти всегда самъ при таковыхъ экзаменахъ. Но сколь мое усердіе ни велико и въ семъ званіи быть Академіи полезнымъ, однако нынѣшнія обстоятельства принуждаютъ меня всепокорно испрашивать отъ сей должности увольненія. 24-го октября 1782 года. Академикъ Иванъ Лепехинъ.

Не только одна гимназія терпѣла во всемъ недостатокъ отъ неполученія необходимыхъ денежныхъ средствъ, но и академики часто не получали слѣдуемаго имъ содержанія. Хозяйственною частью въ Академіи завѣдывала тогда учрежденная еще въ 1766 г., такъ называвшаяся «Академическая коммиссія», замѣнившая собою прежнюю «Канцелярію Академіи» и состоявшая, подъ предсѣдательствомъ директора, изъ трехъ членовъ-академиковъ. При Домашневѣ, такими членами были академики—Штелинъ, Котельниковъ и Румовскій. Долго крѣпились они въ неравной борьбѣ съ своевольнымъ начальникомъ, но, наконецъ, не выдержали и прибѣгли къ защитѣ Сената. Ихъ «покорнѣйшій рапортъ» Сенату отъ 3-го ноября 1781 г. рисуетъ во всей неприглядности характеръ распоряженій Домашнева по хозяйственной части Академіи.

„Въ исполненіе указа Сената,—сказано въ рапортѣ,—требовавшаго отъ коммиссіи объясненія относительно удержанія директоромъ Домашневымъ у членовъ коммиссіи ихъ жалованія, коммиссія доноситъ Сенату, что г. директоръ при отъѣздѣ изъ С.-Петербурга [1]) на общемъ академическомъ спискѣ, отданномъ комиссару, написалъ собственноручно: «по сему списку г. комиссару Устинову производить жалованіе, кромѣ академиковъ, въ коммиссіи находящихся, коимъ до окончанія по книжной лавкѣ и магазейну счетовъ, половинное. Іюня 3-го дня".

„Потомъ комиссаръ Устиновъ, въ присутствіи коммиссіи, объявилъ данный ему отъ г. директора ордеръ: „хотя предписано отъ меня было, чтобы члены коммиссіи ежемѣсячно меня репортовали о производствѣ препорученныхъ имъ запущенныхъ счетовъ; но какъ они того черезъ пять мѣсяцевъ не сдѣлали, то до окончанія счетовъ производить имъ жалованіе половинное, съ тѣмъ что другая половина, по окончаніи оныхъ, выдана будетъ такъ же". Іюня 3-го дня.

„Изъ сихъ предписаній директора можетъ показаться, что у членовъ коммиссіи удержано жалованье или для того, что счеты по книжной лавкѣ и магазину не окончены, или для того, что черезъ пять мѣсяцевъ не репортовали директору о производствѣ запущенныхъ аки бы членами коммиссіи счетовъ.

„Хотя бы сіи причины были и истинны, но имѣлъ ли г. директоръ право власть свою распространять до того, чтобы штрафовать, по волѣ своей, цѣлое присутственное мѣсто—коммиссія предаетъ на правосудіе Правительствующаго Сената.—А что она ни по той, ни по другой причинѣ не подлежала такому прискорбному штрафу, Сенатъ изъ слѣдующаго усмотрѣть изволитъ:

[1]) Въ іюнѣ 1781 г.

„Коммиссія всегда имѣла попеченіе объ окончаніи счетовъ по книжной лавкѣ, но въ то время когда г. директоръ первый разъ во время своей директіи предписалъ окончить старые по книжной лавкѣ счеты, еще не поданы были въ коммиссію отъ комиссара Сборомирскаго шнуровыя книги, и для того къ ревизіи оныхъ приступить не могла.

„Еще во время директорства графа Владиміра Григорьевича Орлова коммиссія, имѣя попеченіе о счетахъ по книжной лавкѣ и видя, что за семь лѣтъ не взнесены отъ комиссара приходныя и расходныя книги, въ 1770 году учинила книгамъ академическимъ ревизію и положила оную за основаніе: поставила форму шнуровымъ книгамъ и предписала комиссару, чтобы оныя впредь изъ года въ годъ взносить въ коммиссію для освидѣтельствованія, прилагая стараніе о приведеніи въ порядокъ и о взнесеніи въ коммиссію шнуровыхъ книгъ и за прошлыя семь лѣтъ.

„По сему предписанію комиссаръ взнесъ книги:

за 1771 годъ — въ 1772 году.
» 1772 » — » 1773 »
» 1773 » — » 1774 »
» 1774 » — » 1775 »
» 1775 » — » 1776 »

кои по мѣрѣ вступленія ихъ въ коммиссію и были свидѣтельствованы. Въ теченіе сихъ пяти лѣтъ, пока предписанія коммиссіи по Академіи имѣли надлежащую силу, и комиссаръ безпрепятственно могъ упражняться въ должности своей, взнесены отъ него книги и за два послѣднія до того года, а именно 1764 и 1765 г.

„Но когда г. директоръ, по прибытіи своемъ изъ Москвы въ 1775 году, самолично вступилъ въ дирекцію Академіи и ввелъ новый образъ правленія, то уже шнуровыя книги:

за 1776 годъ взнесены въ коммиссію въ 1778 году
» 1777 » » » » » 1778 »

кои въ коммиссіи равномѣрно и освидѣтельствованы. О невзнесенныхъ же за прошлые годы при дачѣ новыхъ шнуровыхъ книгъ, коммиссія ежегодно предписывала о подачѣ въ коммиссію для освидѣтельствованія, а сколько словесно напоминала, того исчислить не можетъ.

„Г. директоръ напротивъ того черезъ 5 лѣтъ дирекціи своей о счетахъ по книжной лавкѣ и не помышлялъ, ибо въ 1780 году декабря 17-го числа даннымъ коммиссіи повелѣніемъ, полагая основаніе новому присутственному мѣсту, т. е. экономической экспедиціи, между прочимъ членамъ коммиссіи предписалъ, старые счеты по книжной лавкѣ окончить къ 1-му числу іюля 1784 года и объ успѣхѣ сей ревизіи ежемѣсячно себя увѣдомлять. Никакая радость не могла тогда сравняться съ радостію членовъ коммиссіи, видя, что черезъ 5 лѣтъ наконецъ г. директоръ обратилъ вниманіе свое на счеты. Но при всемъ томъ коммиссія тогда не только окончить, но ниже начать ревизію по книжной лавкѣ счетовъ не могла, потому что шнуровыя книги въ оную еще не были внесены, и для того, истребовавъ отъ комиссара Сборомирскаго отвѣтъ, для чего не внесены имъ въ коммиссію шнуровыя книги, журналомъ своимъ 22-го января 1781 года предписала ему подать въ коммиссію къ предписанному г. директоромъ термину шнуровыя книги, а ежели возможно — и ранѣе, и для скорѣйшаго окончанія оныхъ препоручила исправленіе по книжной лавкѣ нѣкоторыхъ дѣлъ, въ отвѣтѣ комиссара показанныхъ, помощнику его Вильковскому. Сей журналъ представленъ былъ директору купно съ отвѣтомъ

отъ камиссара поданнымъ, и потому коммиссія объ успѣхѣ этого дѣла рапортомъ утруждать директора причинъ не имѣла, ибо изъ онаго онъ видѣлъ, что она къ ревизіи приступить не можетъ, и небезъизвѣстно было г. директору, что должность его не во внесеніи въ шнуровыя книги прихода и расхода, но въ освидѣтельствованіи оныхъ состоитъ.

„По сему предписанію комиссаръ Сборомирскій обѣщался представить шнуровыя книги на разсмотрѣніе прежде нежели къ 1-му іюля, но и директоръ, чтобы не мѣшать Сборомирскому въ приведеніи въ концу шнуровыхъ книгъ, а потомъ въ неокончаніи счетовъ возложить вину на коммиссію, мая 1-го дня, по представленію ассесора Богаевскаго, безъ всякаго согласія коммиссіи приказалъ комиссару сдавать книжную лавку помощнику его Вильковскому. Отнявши сдачею книжной лавки больше двухъ мѣсяцевъ, привелъ его въ несостояніе окончить шнуровыя книги къ назначенному времени, а коммиссію приступить къ свидѣтельству оныхъ, и при отъѣздѣ своемъ въ разсужденіи членовъ коммиссіи далъ комиссару выше сего упомянутыя приказанія, а о комиссарѣ Сборомирскомъ, прежде нежели подалъ онъ въ коммиссію шнуровыя книги и окончилъ сдачу книжной лавки, въ генеральномъ спискѣ противъ имени его написалъ: выбылъ, находится при Академіи подъ счетомъ; коммиссіи же отъ 3-го мая предписалъ комиссара Сборомирскаго болѣе при Академіи не числить въ дѣйствительно служащихъ и жалованія не производить и до окончанія сдачи книгъ и счетовъ содержать въ Академіи подъ присмотромъ.

„По отбытіи г. директора въ предпринятую имъ экспедицію, коммиссія, увидя данныя комиссару повелѣнія объ удержаніи у членовъ коммиссіи жалованія, въ Москву представляла г. директору, что она, за невнесеніемъ по книжной лавкѣ шнуровыхъ книгъ, къ ревизіи ихъ приступить не можетъ, и что комиссаръ Сборомирскій отъ приведенія ихъ къ концу отвлеченъ былъ сдачею книжной лавки по приказанію его превосходительства, и потому просила, чтобы изволилъ уничтожить выше сего упомянутыя приказанія о удержаніи у насъ жалованія, но отъ него никакого отвѣта не получила.

„Въ августѣ мѣсяцѣ взнесены отъ комиссара въ коммиссію шнуровыя книги и отданы въ счетное повытье для учиненія изъ нихъ выписи; какъ скоро онѣ представлены будутъ коммиссіи, такъ скоро она къ разсмотрѣнію ихъ приступитъ.

„Изъ сего Правительствующій Сенатъ усмотрѣть изволитъ, что коммиссія ни по той, ни по другой причинѣ не подлежала штрафу, г. директоромъ положенному, что она все, что могла по утѣсненному своему положенію, сдѣлала, и больше неклась о счетахъ, нежели г. директоръ.

„Но чтобы показать Правительствующему Сенату истинную причину, побудившую г. директора поступить съ коммиссіею столь обиднымъ образомъ, коммиссія должна начать объясненіе свое издалека, которое она и проситъ Правительствующій Сенатъ удостоить своего милостиваго и правосуднаго вниманія.

„Съ начала вступленія своего въ Академію настоящій директоръ, присутствуя нерѣдко въ коммиссіи, требовалъ иногда отъ членовъ ея согласія и совѣта, и по тѣхъ поръ дѣла по Академіи имѣли порядочное теченіе. Потомъ, когда въ разсужденіи нѣкоторыхъ издержекъ и распоряженій по Академіи, пользу и распространеніе науки въ виду непмѣющихъ, члены коммиссіи по долгу своему и по силѣ высочайшаго указа, даннаго директору о коммиссіи, стали дѣлать благопристойное представленіе, то директоръ, не терпя оныхъ, уже тому бо-

лѣе трехъ лѣтъ какъ пересталъ присутствовать въ коммиссіи и началъ давать не въ коммиссіи, но въ домѣ своемъ словесныя приказанія на выдачи денегъ, регламентомъ Академіи неположенныхъ, и дѣлать распоряженія, сообразныя съ своими личными выгодами, съ казенными вещами и служителями академическими поступать яко со своими собственными, и когда на украшеніе департаментовъ Академіи, на приготовленія для пріема графа Готландскаго, на иллюминацію, на украшеніе покоевъ въ академическомъ домѣ, имъ занятыхъ, и на другія подобныя предпріятія издержано было до нѣсколькихъ тысячъ, то дѣйствительный статскій совѣтникъ Штелинъ именемъ коммиссіи словесно на дому представлялъ г. директору, что таковыя издержки не нужны, и что онѣ виною, что коммиссія не можетъ приступить къ распространенію училища своего и къ постройкѣ магазина для книгъ, за наемъ котораго платитъ ежегодно съ лишнимъ 500 руб. и о которой многократно въ коммиссіи было ему представляемо. Но г. директоръ представленія сего не принялъ въ уваженіе и въ отвѣтъ сказалъ, что онъ сіе дѣлаетъ по данной ему власти и въ выдачахъ, по приказаніямъ его дѣлаемыхъ, одинъ отвѣчаетъ. Съ того времени началъ притѣснять коммиссію возможнымъ образомъ, исключать членовъ коммиссіи отъ правленія дѣлъ по Академіи, давая рѣшенія на всѣ дѣла на дому и дѣлать распоряженія по мыслямъ своимъ безъ согласія и совѣта коммиссіи. Самую же коммиссію приводилъ въ презрѣніе по Академіи, присылая обидныя для членовъ и присутственному мѣсту неприличныя предложенія, препоручая иногда имъ должности, ни званію, ни профессіямъ ихъ непристойныя.

„Коммиссія, терпѣливо снося отъ директора явныя притѣсненія, ласкала себя по сіе время надеждою, что онъ перемѣнитъ когда-нибудь свои поступки, и не видя средства къ пресѣченію безъ согласія ея дѣлаемыхъ ненужныхъ издержекъ и по Академіи распоряженій, къ оправданію своему иного средства изобрѣсти не могла какъ означать въ журналахъ выдачи за работы, которыя по приказаніямъ директора дѣлаемы были и доходили до свѣдѣнія коммиссіи. Журналы сіи до 1780 г. директоръ принималъ трудъ самъ подписывать, а съ сего года и подписывать оные пересталъ.

„Уже въ 1777 году самому директору тягостными для Академіи начали казаться расходы для передѣлки и украшенія покоевъ, имъ занятыхъ, ибо, увидя въ журналѣ коммиссіи 20-го іюля, подписанномъ уже членами, что показана въ немъ нѣкоторая сумма, издержанная для оныхъ по его приказанію, при подписаніи вымаралъ слова сіи для покоевъ его высокородія, а послѣ того вмѣсто покоевъ его высокородія приказалъ писать неопредѣленно для нѣкоторыхъ покоевъ или для росписанія залы, опредѣляемой г. директоромъ для содержанія засѣданій, до россійскихъ писменъ установляемыхъ, или наконецъ для исправленія препорученной отъ директора работы.

„Несмотря на сіе коммиссія продолжала означать въ журналахъ по приказаніямъ директора дѣлаемыя издержки, коихъ всѣхъ теперь за краткостію времени исчислить будучи не въ состояніи, въ примѣръ имѣетъ честь Правительствующему Сенату представить нѣкоторыя.

„По занятіи въ академическомъ домѣ, называемомъ Волковъ, до 19 покоевъ, по вытѣсненіи помѣщенныхъ въ ономъ нѣкоторыхъ академическихъ служителей и словолитную палату къ ущербу ея въ сырые погреба переселившіи, на перестройку оныхъ, на раскрашиваніе стѣнъ и плафона, не считая того, что они почти ежегодно академическими художниками перекраши-

ваются, на дрова, на балконы и на баню, для директора устроенную, съ проводомъ въ оную изъ Невы рѣки трубы, въ разныя времена по приказанію директора издержано слишкомъ 4.300 руб.

„На украшеніе библіотеки, кунсткамеры разными группами и позолоченными фигурами, на раскрашиваніе стѣнъ въ разныхъ случаяхъ предпріятое, и понынѣ продолжающееся позолоченіе, на украшеніе глобусной башни издержано слишкомъ 8.000 руб.

„Въ вознагражденіе разнымъ, но наипаче трудившимся въ украшеніи кунсткамеры и покоевъ директора и въ споспѣшествованіи его намѣреніямъ, до наукъ не касающимся, выдано до 5.000 руб.

„На бывшую въ 1777 году огромную иллюминацію, неизвѣстно по какой причинѣ устроенную, и на другія, не столь огромныя, въ томъ числѣ на одну два раза строенную и наканунѣ того дня, для котораго была строена, по приказанію директора сломанную, до 1.900 руб.

„На двѣ ливреи одному изъ академическихъ солдатъ, временемъ въ швейцары выряжающемуся, издержано слишкомъ 340 руб.

„Сими и подобными учрежденіями, перемѣщеніемъ департаментовъ съ мѣста на мѣсто, принятіемъ на академическое иждивеніе для своей акибы корреспонденціи трехъ секретарей одного послѣ другаго, живописцевъ и другихъ ненужныхъ для Академіи людей—достигъ наконецъ г. директоръ, имѣя всегда въ виду свои выгоды, до того, что въ 5 лѣтъ дирекціи его издержано больше, нежели въ предыдущіе 5 лѣтъ до его дирекціи, около 83.000 руб.

„Показаніемъ въ журналахъ коммиссіи подобныхъ издержекъ будучи огорченъ, г. директоръ приступилъ сперва къ отнятію изъ вѣдѣнія ея академическихъ департаментовъ, препоручая оные въ главное смотрѣніе довѣреннымъ своимъ людямъ, а наипаче Богаевскому, изъятія отъ похвальнаго и томительнаго надзиранія дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Штелина, и ввѣряя нѣкоторые человѣку, по его собственному признанію, никакого понятія о препорученныхъ ему художествахъ не имѣющему. Черезъ сихъ довѣренныхъ особъ началъ давать въ департаменты словесныя приказанія, не оставляя и слѣдовъ въ коммиссіи, отъ нихъ принимать представленія, до департаментовъ касающіяся, отмѣтая коммисскія съ презрѣніемъ, а письменныя иногда раздирая. Коммиссія не смѣетъ утруждать Правительствующій Сенатъ исчисленіемъ, коликое она число въ сіе время предложеній, присутственному мѣсту неприличныхъ, отъ г. директора получила. Для примѣра дерзаемъ представить при семъ дѣло ассесора Штофенгагена, 35 лѣтъ служившаго съ похвалою при Академіи, и наборщика Темнева.

„Но какъ о денежныхъ издержкахъ необходимо свѣдѣніе должно было доходить до коммиссіи, имѣвшей въ храненіи какъ штатную, такъ и экономическую сумму, изъ которыхъ наипаче послѣднюю, потомъ и трудами департаментовъ пріобрѣтаемую, г. директоръ располагалъ по своимъ видамъ и намѣреніямъ, то чтобы и свѣдѣнія объ ней отнять отъ коммиссіи, декабря 17-го дня 1780 г., полагая основаніе экономической экспедиціи, опредѣлилъ казначеемъ экономической суммы правившаго тогда при коммиссіи секретарскую должность академика Протасова, а потомъ переводчика Богаевскаго въ ту же экспедицію членомъ, именуя его иногда главнонадзирающимъ надъ типографіею ассесоромъ.

„Симъ предложеніемъ предписалъ директоръ коммиссіи отдать г. Протасову подъ сохраненіе экономическую сумму, а коммиссіи вмѣсто того препоручилъ, какъ выше сего донесено, окончить старые счеты безъ приходныхъ

и расходныхъ книгъ къ 1-му числу іюля и о успѣхѣ сей ревизіи ежемѣсячно себѣ репортовать, присовокупляя, что коммиссія не имѣетъ дѣлъ важнѣе содержанія какъ повѣрки счетовъ, и не взирая на то, что именнымъ ея императорскаго величества указомъ повелѣно директору съ членами коммиссіи, отъ ея императорскаго величества назначенными, не только разсматривать всѣ дѣла по Академіи, но и управлять оными.

„Коммиссія, въ разсужденіи отдачи подъ сохраненіе экономической суммы академика Протасова, въ журналѣ своемъ января 22-го дня 1781 опредѣлила, что за силою указа 1736 г. отдать оной подъ сохраненіе ему не можетъ. Симъ на законѣ основаннымъ опредѣленіемъ г. директоръ, будучи уже раздраженъ и именуя оное ябедою, во всѣ департаменты Академіи далъ приказаніе, чтобы вступающіе въ нихъ деньги отдаваемы были прямо подъ сохраненіе академику Протасову. Равное далъ приказаніе и комиссару Устинову, пріемлющему изъ присутственныхъ мѣстъ по сообщеніямъ коммиссіи деньги, присылаемыя за дѣла, въ академическихъ департаментахъ исправляемыя, а академику Протасову предписалъ: расходъ онымъ производить единственно по даваемымъ на таковые случаи отъ себя приказаніямъ и учрежденіямъ.

„Съ того времени коммиссія ни о числѣ экономической суммы, ниже на какія потребности она употребляется, по іюнь мѣсяцъ никакого свѣдѣнія не имѣла, а должна будучи по законамъ отвѣтствовать за ея цѣлость, письменно директору представила, чтобы благоволилъ о сей казнѣ сдѣлать такое распоряженіе, по которому бы коммиссія свободна была отъ отвѣта за цѣлость, объявляя, что ежели г. директоръ представленія сего рѣшенія не удостоитъ, то члены коммиссіи принуждены будутъ о безопасности своей представить куда надлежитъ.

„Не получая на сіе отъ г. директора никакого отвѣта и видя приближающееся его отсюда безъ отвѣта отбытіе мая 31-го дня, принуждена была коммиссія представить о семъ въ 1-й департаментъ Правительствующаго Сената и просить, чтобы, въ случаѣ въ экономичей казнѣ недочета, на членовъ коммиссіи онаго взводимо не было. Г. директоръ, получа свѣдѣнія о поданномъ въ Правительствующій Сенатъ донесеніи, сугубо ожесточился на коммиссію и во гнѣвѣ своемъ давалъ комиссару наканунѣ отбытія своего выше сего упомянутыя приказанія о удержаніи у членовъ коммиссіи жалованія.

„Изъ сего Правительствующій Сенатъ усмотрѣть изволитъ истинную причину, побудившую директора удержать у членовъ коммиссіи жалованье. и намѣреніе, съ которымъ учредилъ онъ экономическую экспедицію. Какимъ образомъ потомъ тщился г. директоръ подчинить коммиссію экономической экспедиціи, какіе съ пути своего присылалъ въ коммиссію ордеры объ отдачѣ въ вѣдомство Богаевскому приказныхъ служителей и всѣхъ письменныхъ коммисскихъ дѣлъ, заключающихъ въ себѣ спасеніе и оправданіе коммиссіи, потому что въ нихъ означены приказанія г. директора о выдачѣ денегъ, какъ выше сего донесено, объ отдачѣ ему же, Богаевскому, акибы для разсмотрѣнія всѣхъ письменныхъ предложеній, отъ г. директора въ коммиссію присылаемыхъ и показывающихъ опытъ терпѣнія и притѣсненнаго состоянія коммиссіи, и какія наконецъ экзекутору Герасимову посылалъ приказанія о побужденіи коммиссіи въ окончаніи счетовъ безъ шнуровыхъ книгъ и наблюденій установленнаго г. директоромъ неизвѣстнаго коммиссіи порядка, и о послѣдствіяхъ отъ того происшедшихъ—коммиссія имѣла уже честь донести Правительствующаго Сената первому департаменту.

„Но молчаніемъ прешла одно изъ экономической экспедиціи сообщенное въ коммиссію г. директора повелѣніе, потому что не видѣла еще тогда причины, для которой г. директоръ понуждалъ коммиссію толь строго окончить по книжной лавкѣ счеты, а потомъ поспѣшилъ исторгнуть изъ рукъ ея и запечатать комиссара Сборомирскаго шнуровыя книги. Повелѣніе сіе гласитъ тако: «какъ предписанной находящимся при коммиссіи Академіи Наукъ профессорамъ Штелину, Котельникову и Румовскому по книжной лавкѣ счетовъ срокъ истекаетъ, то экономической экспедиціи надлежащимъ ли образомъ оные сдѣланы ихъ освидѣтельствовать, и когда найдутъ въ порядкѣ, то давъ помянутымъ профессорамъ въ томъ квитанцію, оные счеты запечатавъ отдать въ архивъ».

„Понынѣ учиненная изъ оныхъ частная выписка открыла причину сего поспѣшнаго повелѣнія, ибо оказалось, что по приказаніямъ директора, по большей части словеснымъ, выдано ему безденежно изъ книжной лавки съ переплетомъ слишкомъ на 1.080 руб. Ассесору Федору Туманскому, по приказанію директора, въ Глуховъ отпущено книгъ на продажу безъ поручительства за цѣлость слишкомъ на 1.761 рубль. Книгопродавцу Вейтбрехту въ разныя времена по приказаніямъ же директора на кредитъ выдано слишкомъ 3.832 рубля.

„Изъ приложенной при семъ копіи и перевода письма г. директора Правительствующій Сенатъ усмотрѣть изволитъ, что все сіе и многое сему подобное распоряжаетъ г. директоръ, утверждая себѣ право, что все, что имъ ни будетъ опредѣлено, имѣетъ силу регламента, и что коммиссія не должна иначе поступать какъ по правиламъ, директоромъ поставленнымъ, и для того коммиссія Академіи Наукъ Правительствующій Сенатъ, сіе священное мѣсто, всепокорно проситъ вникнуть въ ея состояніе и дать указъ, какого правила она въ исполненіи приказаній г. директора держаться должна".

Въ Сенатѣ академики нашли себѣ защитника въ лицѣ генералъ-прокурора князя Александра Александровича Вяземскаго. Когда о столкновеніяхъ и ссорахъ Домашнева съ академиками дошло до свѣдѣнія императрицы, она повелѣла Вяземскому произвести о нихъ разслѣдованіе [1]), которое показало, что причины этого печальнаго явленія заключались столько же въ недостаткахъ устарѣвшаго уже академическаго регламента, сколько въ неумѣлости Домашнева, его безтактности и неспособности управлять дѣлами ученаго учрежденія. Вслѣдствіе этого, 7-го ноября 1782 г. высочайше повелѣно: «д. т. с. генералъ-прокурору князю А. А. Вяземскому, тайнымъ совѣтникамъ: графу Александру Романовичу Воронцову и Петру Васильевичу Завадовскому и дѣйств. ст. сов. Эпинусу и Пастухову разсмотрѣть все установленіе здѣшней Академіи Наукъ и, на какомъ ей быть основаніи, сочинить новые проекты устава и штата. Вскорѣ затѣмъ (въ концѣ декабря) послѣдовало увольненіе Домашнева отъ должности директора, и высочайшимъ указомъ 24-го янва-

[1]) Любопытные бумаги и документы, относящіеся до этого слѣдствія, напечатаны въ „Чтеніяхъ императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ" 1866, кн. IV, отд. V, стр. 159—184.

ря 1783 г. дирекція надъ Академіей препоручена статсъ-дамѣ княгинѣ Дашковой.

Нѣсколько строкъ, записанныхъ Дашковой въ ея извѣстныхъ «Мемуарахъ», могутъ служить эпилогомъ къ исторіи семилѣтняго директорства Домашнева.

Княгиня Дашкова на другой день по назначеніи отправилась утромъ къ императрицѣ, въ уборную въ комнату гдѣ собирались секретари и разныя начальствующія лица для принятія ея повелѣній. «Каково было мое удивленіе,—говоритъ княгиня,—когда въ числѣ ихъ я увидала Домашнева, который подошелъ ко мнѣ и объявилъ, между прочимъ, что готовъ дать мнѣ разъясненія относительно моей должности. Въ изумленіи отъ такого безстыдства я отвѣчала сколь можно учтивѣе, что правиломъ моимъ будетъ пещись о славѣ и благосостояніи Академіи, а что впрочемъ, при полномъ моемъ невѣжествѣ, я буду прибѣгать къ указаніямъ ея величества, которая обѣщала руководить мною. Въ то самое время, какъ онъ что-то собирался сказать, императрица пріотворила дверь и, увидя насъ, вновь ее затворила и позвонила. Дежурный камеръ-лакей побѣжалъ туда и возвратясь передалъ мнѣ приказаніе государыни войти въ ея комнату. «Я очень рада васъ видѣть», сказала императрица, «dites moi, je vous prie, qu'est-ce que cet animal de Domachneff pouvait bien vous dire?» [1]).

Этимъ словомъ, которое, разумѣется, остается на отвѣтственности автора записокъ, сказано все. Съ этого времени Домашневъ, какъ лишившійся благоволенія Екатерины, уходитъ съ глазъ исторіи и, не удостоиваясь уже никакихъ наградъ и служебныхъ повышеній и не заявляя о своемъ существованіи никакими дѣлами, скрывается даже отъ присяжныхъ біографовъ, до самой своей смерти, послѣдовавшей ровно за сто лѣтъ передъ симъ,—въ 1796 году.

На этомъ и мы могли бы разстаться здѣсь съ Домашневымъ, если бы не просился еще подъ перо связанный съ его именемъ образчикъ сатирическаго творчества того времени. Сохраненіемъ этого образчика мы обязаны почтенному библіофилу Александру Степановичу Ефремову, въ бумагахъ котораго онъ былъ найденъ сыномъ его, извѣстнымъ знатокомъ исторіи русской литературы, Петромъ Александровичемъ Ефремовымъ, и напечатанъ въ «Русскомъ Архивѣ» [2]). Это злая сатира на Домашнева, написанная въ формѣ акаѳиста. Въ ней разныя черты его біографіи посыпаны, если не аттическою, зато крупною солью злости. Но не одна эта злость, а болѣе подборъ чертъ, относящихся до дѣятельности Домашнева, какъ директора, указываютъ на то, что авторъ са-

---

[1]) Mém. de la Princesse Daschkow, 1 c. стр. 203—204.

[2]) 1872 г., № 10, стр. 2032.

тиры, конечно, скрывался въ стѣнахъ Академіи. Вся сатира явно носитъ на себѣ отпечатокъ того озлобленія, какое было порождено дѣйствіями Домашнева въ качествѣ директора. Конечно, сатира не есть обвинительный актъ, въ который вносятся только факты, юридически провѣренные, и мы не имѣемъ права считать исторически вѣрными тѣ позоряшіе Домашнева факты, которые сатирикъ не задумался огласить на основаніи, можетъ быть, ходячихъ росказней, а не то и самъ выдумалъ. Читаемый нами въ концѣ акаѳиста припѣвъ академическихъ крилосовъ:

«Се грядетъ малоумный въ Академію и съ мудрыми присутствуетъ на сѣдалицѣ.

«Время, время лишиться его, да не до конца погибнетъ Академія». показываетъ, что сатира сочинена въ то время, когда Домашневъ былъ еще директоромъ.

Академикъ **К. С. Веселовскій.**

ДУХОБОРЦЫ, ИХЪ УЧЕНІЕ, ОРГАНИЗАЦІЯ
и
НАСТОЯЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ [1]).

Къ 1888 году, спустя годъ послѣ высылки Веригина, враждующія партіи, искажая нѣсколько умышленно объясненіе существа своего ученія и смысла прежнихъ событій, сводили свои жалобы и требованія къ слѣдующему: первая или малая партія съ Зубковымъ во главѣ, не пускаясь въ откровенность насчетъ прошлаго секты, съ обычными пріемами смиренія и покорности, заявила, что была-де у нихъ управлявшая «Сиротскимъ домомъ» Лукерья Калмыкова, женщина смирная и занимавшаяся благотворительными дѣлами, за что и пользовалась всеобщимъ уваженіемъ; послѣ ея кончины значительная часть духоборцевъ избрала на ея мѣсто нѣкоего Веригина, жителя другой губерніи, присягнула ему и, пользуясь на всѣхъ общественныхъ сходкахъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ, хотѣла заставить и ихъ признать не указанную въ законахъ власть этого Веригина, именуя его «пророкомъ» и «царемъ»; между тѣмъ они, духоборцы малой партіи, желаютъ пребывать вѣрноподданными его императорскаго величества всемилостивѣйшаго нашего государя и пользоваться покровительствомъ государственныхъ законовъ, почему и ходатайствуютъ о защитѣ ихъ личности и имущества отъ насилій приверженцевъ Веригина.

Совсѣмъ иначе держали себя и говорили духоборцы второй или большой партіи. Сохраняя, какъ и прежде, нѣкоторый внѣшній видъ уваженія къ власти, снимая шапки и низко кланяясь, они, тѣмъ не менѣе, выказывали крайнее раздраженіе и ожесточеніе противъ прави-

[1]) См. „Русскую Старину“ 1896 г. августъ.

тельства и его органовъ за высылку Веригина, котораго власти, по ихъ мнѣнію, основанному на отношеніи къ нимъ правительства въ предшествовавшіе годы,—не въ правѣ были касаться, что бы онъ ни дѣлалъ. Общее содержаніе ихъ постоянныхъ оффиціальныхъ заявленій сводилось къ слѣдующему: «мы жили себѣ смирно, но вотъ Зубковъ, Губановы и другіе духоборцы малой партіи отняли у насъ «Сиротскій домъ», захватили наши общественные капиталы, пустили насъ по-міру, а избраннаго нами управляющаго «Сиротскимъ домомъ» сослали; этими поступками ихъ мы лишились «отечества», безъ котораго никакъ не можемъ жить: «да благоволено будетъ усмирить горѣловцевъ, возвратить намъ отечество и успокоить насъ».—Такимъ образомъ сущность этой просьбы, постоянно повторяемой, заключалась въ возвратѣ «отечества» или «Сиротскаго дома»

Лица, не ознакомившіяся близко съ духоборческою сектою, въ томъ числѣ и многіе служащіе, не понимая истиннаго значенія этихъ ходатайствъ и принимая ихъ въ прямомъ смыслѣ, полагали, а нѣкоторые и теперь полагаютъ, что дѣло идетъ о тѣхъ скромныхъ деревянныхъ постройкахъ въ селеніи Горѣломъ, которыя занимала Лукерья Калмыкова, и о тѣхъ нѣсколькихъ тысячахъ рублей денегъ, которыя по судебному рѣшенію достались Михаилу Губанову по наслѣдству отъ сестры его Лукерьи. На дѣлѣ же дальнѣйшія объясненія администраціи съ духоборцами выяснили, что,—ходатайствуя о возвращеніи имъ «отечества» или «Сиротскаго дома» и о томъ, чтобы уняли малую партію, большая партія тѣмъ самымъ требовала отъ правительства возобновленія всего учрежденія съ управляющимъ «Сиротскимъ домомъ» т. е. 1) чтобы Веригинъ былъ возвращенъ изъ ссылки; 2) чтобы администрація убѣжденіемъ или силой заставила духоборцевъ малой партіи присягнуть на вѣрность Веригину, какъ законному избраннику, или чтобы въ случаѣ сопротивленія они были навсегда выселены изъ края; 3) чтобы въ первомъ случаѣ зданія «Сиротскаго дома» и оставшіеся послѣ Лукерьи Калмыковой капиталы были переданы Веригину, какъ общественное ихъ имущество, дорогое имъ не столько по цѣнности своей, сколько по воспоминаніямъ; въ случаѣ же выселенія малой партіи они отказывались отъ зданій и капиталовъ, такъ какъ намѣрены были построить новый «Сиротскій домъ» и собрать новые капиталы, и 4) съ установленіемъ въ Закавказьи духоборской общины на прежнихъ основаніяхъ, мѣстныя власти должны оставить ихъ въ покоѣ, какъ это было при жизни Лукерьи Калмыковой, не вмѣшиваться въ ихъ дѣла и довольствоваться усерднымъ отбываніемъ ими податей и повинностей. Если же, — прибавляли они, — всѣ эти просьбы не могутъ быть и не будутъ уважены, то пусть имъ разрѣшатъ переселиться изъ Ахалкалакскаго уѣзда и устроиться по-своему въ другомъ мѣстѣ. Конечно, подобныя

требованія удовлетворены быть не могли, а вслѣдствіе этого члены большой партіи дѣлались все раздражительнѣе и все назойливѣе въ своихъ заявленіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ все, касающееся внутренней жизни, веригинцы стремились сохранять въ глубочайшей тайнѣ, какъ отъ мѣстныхъ властей, такъ равно и отъ ненавистныхъ имъ духоборцевъ малой партіи. Между тѣмъ стало извѣстнымъ, что они часто сносились съ Веригинымъ, получали отъ него указанія, посылали большія суммы денегъ на его содержаніе и въ своихъ заявленіяхъ были руководимы его намѣстниками—«временными управителями Сиротскаго дома». Подобныя сношенія побудили администрацію ходатайствовать объ усиленіи полицейскаго надзора за Веригинымъ въ мѣстѣ его ссылки.

Рядомъ съ этимъ всѣмъ бросалось въ глаза, что члены большой партіи не ведутъ болѣе той образцово-трудовой жизни, которою такъ отличались въ прежнія времена до 1887 года, что они постоянно собираются на сходки и совѣщаются со своими единомышленниками Елисаветпольской губерніи и Карсской области и что вообще искусственно поддерживаютъ чрезвычайное возбужденіе въ своей средѣ.

По прошествіи лѣтъ четырехъ со времени раскола у духоборцевъ, отношенія между партіями до того обострились, что было возбуждено ходатайство о распредѣленіи горѣловскаго сельскаго общества на два общества: собственно горѣловское, гдѣ могли бы водвориться всѣ духоборцы малой партіи, и спасское (изъ селеній Спасскаго, Орловки, Богдановки, Ефремовки, Тамбовки, Родіоновки и Троицкаго) для духоборцевъ большой партіи. При этомъ послѣдніе заявляли съ увѣренностью, что такое раздѣленіе положитъ конецъ напряженному состоянію, въ какомъ они пребываютъ, живя совмѣстно съ ненавистными «халдеями», т. е. представителями малой партіи.

Осуществленіе такого раздѣленія представляло весьма много затрудненій, но благодаря энергичнымъ усиліямъ обѣихъ партій оно состоялось въ началѣ 1893 года.

Но и послѣ означеннаго событія духоборцы новаго спассаго общества, волнуемые лицами, приходившими со свиданія съ Веригинымъ, не находили себѣ покоя и не давали его другимъ. Всѣ убѣжденія и увѣщанія мѣстныхъ административныхъ властей оставались безъ результата. Было ясно, что они твердо рѣшились слушаться лишь однихъ своихъ тайныхъ наставниковъ, исполняющихъ указанія Веригина и преслѣдующихъ свои личныя непонятныя для постороннихъ цѣли. При такомъ настроеніи духоборцевъ никто изъ постороннихъ не могъ заручиться ихъ довѣріемъ, не могъ пріобрѣсти на нихъ вліянія, и стало очевиднымъ, что дальнѣйшая ихъ судьба будетъ зависить отъ того образа дѣйствій, какой они сами заблагоразсудятъ избрать. Кромѣ того, обращало на себя вниманіе, что въ послѣдніе два года къ своимъ постоян-

нымъ просьбамъ о возстановленіи «отечества» они стали прибавлять угрозы, которыя въ устахъ духоборцевъ, людей хотя темныхъ, но крѣпкихъ духомъ и легко поддающихся фанатизму, заставляли чего-то опасаться: «Поймите,—говорили они,—мы безъ отечества жить не можемъ. Что бы вы ни дѣлали—мы не успокоимся, не отстанемъ отъ правительства и никому не дадимъ покоя. Пусть лучше насъ всѣхъ перебьютъ. Хотите не хотите, а вамъ придется стрѣлять въ насъ». По временамъ, казалось, они даже искали случая вызвать мѣстныя власти на болѣе рѣшительный относительно ихъ образъ дѣйствій; такъ, то въ одномъ селеніи, то въ другомъ, они вдругъ, ни съ того ни съ сего, отказывались платить подати или отбывать тѣ или другія повинности, и приходилось прибѣгать къ татарской разъѣздной командѣ для водворенія порядка. Тѣмъ временемъ среди нихъ носились нелѣпые слухи, о величественной, полной чудесъ жизни Веригина у Бѣлаго моря, слухи, поддерживаемые его агентами и волновавшіе его невѣжественныхъ приверженцевъ. Кто-то изъ возвратившихся отъ Веригина духоборцевъ, разсказывалъ, что видѣлъ его возсѣдающимъ на престолѣ съ сіяніемъ вокругъ головы, имѣя по правую руку русскаго посла, а по лѣвую китайскаго; другой повѣствовалъ, что самъ видѣлъ толпу чертей, вызванныхъ Виригинымъ изъ преисподней и предназначавшихся для истребленія горѣловцевъ. При различныхъ торжественныхъ случаяхъ жизни государства, распускались слухи и возбуждались ожиданія о необычайно пышномъ и величавомъ возвращеніи Веригина, на бѣломъ конѣ, на слонѣ и т. п. Словомъ, духоборческое населеніе жило нервною болѣзненною жизнью, постоянно находилось въ возбужденіи и въ ожиданіи какихъ-то невѣдомыхъ событій.

Послѣднее, передъ настоящими событіями, анти-административное движеніе духоборцевъ большой партіи было проявлено по вопросу о сельско-хозяйственныхъ капиталахъ. Духоборцы, наравнѣ съ остальнымъ населеніемъ губерніи, были призваны къ составленію сельскохозяйственныхъ капиталовъ: эту ничтожную для себя повинность они отбывали аккуратно до 1893 года, когда послѣдовало раздѣленіе ихъ на два сельскихъ общества. Веригинъ, освѣдомившись о существованіи подобнаго налога и образованіи общественныхъ капиталовъ, усмотрѣлъ въ этомъ вмѣшательство администраціи во внутреннія дѣла духоборцевъ, нарушеніе его верховныхъ правъ, а главное—стремленіе уничтожить этимъ путемъ существованіе «Сиротскаго дома», почему воспретилъ своимъ приверженцамъ продавать хлѣбъ и вносить деньги въ отдѣленіе банка. Едва такое распоряженіе Веригина достигло до мѣста, какъ тотчасъ же потянулись къ начальству съ письменными и словесными заявленіями и общественными приговорами депутаты спасскаго общества о томъ, что вѣра ихъ положительно воспрещаетъ имъ допу

скать правительственный надзоръ въ дѣлахъ по храненію ихъ общественныхъ суммъ, какого бы наименованія онѣ ни были. Когда же имъ указывалось на примѣръ горѣловцевъ, то они отвѣчали, съ обычною дерзостью: «Ну, горѣловцы совсѣмъ другое, они на всякое дѣло способны; а мы скорѣе предпочтемъ погибнуть, чѣмъ согласиться на что-либо, противное нашей совѣсти».

Съ означеннымъ дѣломъ духоборцы надоѣдали мѣстной администраціи въ теченіе цѣлаго года, со свойственною имъ назойливостью и, въ виду неуступчивости правительственныхъ лицъ, отказались, наконецъ, отбывать эту повинность съ такою рѣшимостью и съ такимъ упорствомъ, что вынудили, вслѣдствіе неутвержденія въ законодательномъ порядкѣ проекта о сельско-хозяйственныхъ капиталахъ, испросить разрѣшенія о возвращеніи принадлежащихъ имъ денегъ и исключеніи спасскаго сельскаго общества изъ числа обществъ въ губерніи, имѣющихъ сельско-хозяйственные капиталы.

Возвращеніе сельско-хозяйственныхъ капиталовъ духоборцы громко праздновали, какъ истинную побѣду надъ правительствомъ и даже, измѣняя полувѣковой традиціи, приступили къ открытой пропагандѣ среди окрестнаго туземнаго населенія: «Вотъ поступайте какъ мы,—говорили они,—тогда и васъ будутъ бояться; сначала было, губернаторъ и руками и ногами, а потомъ сдался; видитъ ничего съ нами не подѣлаешь, а все почему?—стоимъ всѣ за-одно, всѣ какъ одинъ человѣкъ».

Съ осени прошедшаго года въ средѣ спасскаго сельскаго общества или большой партіи начало вновь замѣчаться чрезвычайное броженіе: участились сходки, шли тайныя совѣщанія съ духоборцами другихъ губерній и было замѣтно, что у нихъ происходятъ какіе-то внутренніе споры и несогласія. Какъ выяснилось впослѣдствіи броженіе это закончилось тѣмъ, что къ началу 1895 года духоборцы спасскаго общества въ свою очередь распались на два лагеря: болѣе половины изъ нихъ, въ числѣ четырехсотъ слишкомъ семействъ, провозгласили себя партіей «постниковъ» или «бѣлыхъ» т. е. людей постомъ и молитвой обѣленныхъ передъ Богомъ; остальные же, около 300 семействъ, остались при прежнемъ вѣрованіи, причемъ послѣдніе тогда же обратились черезъ уѣзднаго начальника къ губернатору съ заявленіемъ, что среди нихъ образовалась указанная третья партія «постниковъ», усвоившая себѣ нѣкоторыя новыя не раздѣляемыя ими убѣжденія, и просили губернатора не смѣшивать ихъ съ означенными «постниками» и не привлекать къ отвѣтственности за дѣянія приверженцевъ новой партіи. При просьбѣ были представлены депутатами списки всѣхъ ихъ довѣрителей, обѣщающихъ сохранять полный порядокъ и подчиняться требованіямъ начальства.

Обращеніе къ начальству съ такою странною для приверженцевъ

Веригина просьбою было крайне необычно и невольно заставляло предполагать о какихъ-то новыхъ, необыкновенныхъ затѣяхъ третьей партіи.—Несмотря однако же на искательство у администраціи защиты отъ какой-то опасности, прибывшіе депутаты остались вѣрны присущему духоборцамъ лукавству и отозвались совершеннымъ невѣдѣніемъ того, что произошло и происходитъ среди «постниковъ». Такимъ образомъ, приходилось только догадываться о предстоящихъ событіяхъ и зорко наблюдать.

Вслѣдъ за указаннымъ заявленіемъ, въ средѣ третьей партіи было замѣтно большое волненіе и лихорадочная дѣятельность. «Постники» начали выбирать свои вклады изъ Ахалкалакской кассы банка, и деньги дѣлить поровну между собою; вмѣстѣ съ тѣмъ они распродавали спѣшно, по дешевой цѣнѣ, свое имущество и скотъ, приводили въ порядокъ фургоны, покупали бурки, запасались оружіемъ и, повидимому, дѣятельно готовились къ выступленію куда-то въ далекій путь. Въ духовной ихъ жизни замѣчались также нѣкоторыя перемѣны, а именно: они чаще стали сходиться на общественныя моленья, перестали ѣсть все мясное и во многомъ измѣнили свой образъ жизни. Не представлялось возможности точно узнать, что́ происходило среди нихъ и каковы были ихъ намѣренія, такъ какъ они держали это въ тайнѣ, но судя по тому, что они сами о себѣ разсказывали, можно было вывести заключеніе, что, по примѣру Веригина и по его указанію, они будто бы видоизмѣнили вѣру и, согласно новаго ученія, считаютъ за грѣхъ ѣсть мясо, а также воздерживаются отъ сношеній съ женами, дабы со смертью ихъ естественно прекратился ихъ родъ. Они утверждали, что носятъ Царствіе Божіе въ самихъ себѣ и поэтому не могутъ признавать существующихъ властей, поставленныхъ отъ людей и являющихся представителями неправды и нечестія; что въ силу этого, а главное по причинѣ сосѣдства съ горѣловцами, не могутъ оставаться на своихъ мѣстахъ, а навсегда покидаютъ этотъ край.

Весною 1895 года «постники» изобрѣли еще одну новую форму протеста: они порѣшили отказаться отъ отбыванія воинской повинности, которую въ теченіе шести лѣтъ, со времени введенія ея въ Закавказьи, несли безропотно и даже хорошо. Въ исполненіе послѣдняго рѣшенія родители приказали дѣтямъ своимъ, служившимъ въ рядахъ кавказскихъ войскъ, немедленно сдать оружіе подлежащему начальству съ объявленіемъ объ отказѣ продолжать службу; таковое распоряженіе старшихъ было въ точности исполнено солдатами, тогда же преданными за это суду, а духоборцы изъ той же партіи, проживавшіе дома, въ тѣхъ же видахъ должны были возвратить начальству свои запасные билеты и ополченскія свидѣтельства.

Наконецъ, въ двадцатыхъ числахъ іюня тифлисскій губернаторъ по-

лучилъ отъ ахалкалакскаго уѣзднаго начальника донесеніе по телеграфу о томъ, что духоборцы спасскаго общества намѣреваются 29-го іюня поголовно напасть на Горѣлое и уничтожить такъ называемый «Сиротскій домъ». Увѣдомляя объ этомъ, уѣздный начальникъ въ виду численнаго перевѣса на сторонѣ «постниковъ» и ихъ сильнаго фанатизма, а также для пресѣченія могущихъ возникнуть безпорядковъ — просилъ о присылкѣ въ уѣздъ трехъ ротъ пѣхоты и трехъ сотенъ казаковъ. Тотчасъ по полученіи этого увѣдомленія губернаторъ немедленно лично выѣхалъ въ Ахалкалакскій уѣздъ, и тутъ же на мѣстѣ уѣздный начальникъ доложилъ ему о событіяхъ, вызвавшихъ его ходатайство о принятіи столь экстраординарныхъ мѣръ. Оказалось, что составленный «постниками» планъ дѣйствій, который они усиливались держать въ тайнѣ, состоялъ въ слѣдующемъ: не желая болѣе жить въ тѣхъ условіяхъ, въ коихъ пребывали на своей территоріи, они рѣшились покинуть Ахалкалакскій уѣздъ; передъ уходомъ они желали достойно отпраздновать имянины Петра Веригина такимъ дѣломъ, которое доставило бы ему наиболѣе удовольствія. Для этого рѣшено было: 29-го іюня внезапно напасть на Горѣлое, сжечь «Сиротскій домъ» и истребить приверженцевъ Зубкова и Губановыхъ. При этомъ «постники» въ ожиданіи этого дня рѣшительно отказались отъ всякихъ сношеній съ властями и повиновенія имъ, почему еще наканунѣ отказались выставить лошадей для проѣзда губернатора, заявивъ, что не желаютъ входить съ нимъ въ какія бы то ни было объясненія.

По прибытіи въ городъ Ахалкалаки начальникъ губерніи засталъ тамъ представителей духоборцевъ первой и второй партіи, туда же мѣрами полиціи были доставлены 24 человѣка руководителей третьей партіи. Горѣловцы встрѣтили представителя власти съ видимою радостью, приглашали поспѣшить къ нимъ на помощь и заявляли, что хотя они и рѣшились твердо защищаться до послѣдняго человѣка, но что опасаются численнаго превосходства «постниковъ». Они получили приказаніе поспѣшить возвращеніемъ въ Горѣлое, куда по полученнымъ свѣдѣніямъ уже подходили экстренно вызванныя изъ Александрополя войска и куда губернаторъ самъ долженъ былъ прибыть на слѣдующій день.

Затѣмъ представлены были депутаты второй партіи, во главѣ которыхъ находился Воробьевъ, одинъ изъ намѣстниковъ Веригина. Они низко кланялись, умоляли не смѣшивать ихъ съ «постниками», не дѣлать отвѣтственными за преступныя дѣянія сихъ послѣднихъ, напоминали о предшествовавшихъ заявленіяхъ своихъ въ этомъ духѣ и просили пощады для себя и для своихъ семей. Чтобы болѣе оттѣнить до чего члены второй партіи далеки отъ солидарности съ «постниками», представившіеся депутаты требовали поголовной казни этихъ отщепенцевъ, какъ разбойниковъ, недостойныхъ жить и т. п. О себѣ же и о своихъ едино-

мышленникахъ представители заявляли, что готовы во всемъ повиноваться властямъ, исполнять всѣ требованія закона и какъ доказательство своей покорности приводили, между прочимъ, что солдаты ихъ партіи остались вѣрными своему долгу и впредь будутъ служить образцово.

Несмотря однако на такое необычное съ ихъ стороны выраженіе похвальныхъ чувствъ, губернаторъ счелъ полезнымъ принять ихъ заявленія сухо; указалъ имъ, что настоящее безумное поведеніе «постниковъ» является результатомъ того безпокойнаго состоянія, въ какомъ они сообща пребывали въ продолженіе восьми лѣтъ, и что «постники» только высказали теперь, въ неприличной формѣ и съ непрошенною откровенностью, то, что кроется въ душѣ каждаго послѣдователя Веригина. А такъ какъ подобный порядокъ не можетъ продолжаться, то губернаторъ и обѣщалъ просить начальство водворить разъ навсегда спокойствіе среди духоборцевъ. Въ заключеніе, онъ объявилъ имъ, что въ свое время они узнаютъ о распоряженіяхъ касательно ихъ; до того же совѣтовалъ вести себя добропорядочно и оказывать всякое содѣйствіе чинамъ полиціи, пригрозивъ въ противномъ случаѣ тяжкими послѣдствіями.

Наконецъ наступило время объясненія съ представителями третьей партіи. Появились 24 вожака партіи «постниковъ», обратившіе на себя особенное вниманіе полиціи мятежной пропагандой и доставленные въ городъ мѣрами полиціи, а по ихъ выраженію «взятые въ плѣнъ». Вошли они безъ поклона, безъ привѣтствія, съ презрительной улыбкой на устахъ и съ дерзкимъ видомъ, какъ бы выражающими недоумѣніе—гдѣ они и кого передъ собой видятъ. Какъ бы не обращая никакого вниманія на губернатора, будто говоря съ кѣмъ-то другимъ, повели они бесѣду приблизительно слѣдующаго содержанія: «Мы—православные христіане, управляемые самимъ Богомъ; чувствуя присутствіе въ насъ самихъ Царствія Божія, мы не можемъ признавать надъ собою властей языческихъ, погрязшихъ въ неправдѣ, обманѣ и безчестіи; мы не можемъ жить, какъ живутъ русскіе подданные; не можемъ подчиняться законамъ, потому что у насъ свой законъ, своя вѣра; наша вѣра возбраняетъ намъ нести какую бы то ни было правительственную службу, но если бы правительство пожелало, мы могли бы войти съ нимъ въ соглашеніе касательно податей, такъ какъ вѣра наша не препятствуетъ намъ платить подати; между тѣмъ этимъ не довольствуются и насъ хотятъ заставить дѣлать то, что противно нашей совѣсти, какъ-то: присягать земному царю, выставлять новобранцевъ, исполнять распоряженія мѣстныхъ властей и т. п. Мы знаемъ, (что) дѣйствительно Христосъ сказалъ: воздайте кесарю кесарево; но знаемъ также истинное значеніе этихъ словъ; это совсѣмъ не то, въ чемъ насъ хотятъ убѣдить. Горѣловцы никакъ не могутъ идти намъ въ примѣръ. Мы никогда не оставимъ ихъ въ покоѣ, да и они тоже не дадутъ намъ покоя, потому что мы ихъ

видѣть даже не можемъ и не переносимъ сосѣдства съ ними. У насъ отняли все, что намъ дорого, а съ такимъ положеніемъ вещей мы никогда не примиримся. Мы счастливы, что настало время, когда правительство нашлось вынужденнымъ окончательно раздѣлаться съ нами».

Губернаторъ напомнилъ имъ, что они сами въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ говорили и какія обѣщанія и при какихъ обстоятельствахъ давали; на это нѣкоторые изъ нихъ грубо отвѣчали: «это неправда; мы никогда этого не говорили; у насъ и въ помыслахъ этого не было»; другіе же выражались такъ: «ну что-жъ—что говорили, мало ли что говорили прежде; прежде смотрѣли такъ, теперь смотримъ иначе». Въ заключеніе губернаторъ передалъ имъ неудовольствіе высшаго начальства и предупредилъ, что они могутъ подвергнуться тяжелымъ наказаніямъ. На это они разсмѣялись и возразили: «мы смѣемся надъ вашими наказаніями; всѣ эти тюремныя заключенія, ссылки—все это очень старо и намъ не въ диковину; такими пустяками насъ не напугаете». Такимъ образомъ дальнѣйшая бесѣда дѣлалась невозможною, и губернаторъ приказалъ ихъ вывести, задержавъ на время самаго младшаго изъ нихъ, лично извѣстнаго ему и часто бывавшаго въ Тифлисѣ. Очутившись одинъ передъ губернаторомъ, этотъ духоборецъ видимо смутился, и когда губернаторъ сталъ стыдить его и доказывать всю нелогичность ихъ поступковъ—отвернувшись и избѣгая смотрѣть въ глаза, какъ бы нехотя отвѣчалъ: «кто теперь гоняется за тѣмъ, что умно и что полезно; тутъ и рѣчи быть не можетъ о стыдѣ, а слѣдуемъ за своей судьбой и идемъ на смерть. Вы видите все перепуталось и перемѣшалось; сами не понимаемъ—какъ все это произошло. Тутъ ничего не подѣлаешь; пусть каждый идетъ своей дорогой».

На другой день губернаторъ отправился черезъ Богдановку и Орловку въ Горѣлое. Въ Богдановкѣ уже стояли казаки, прибывшіе наканунѣ изъ Ардагана.

При въѣздѣ въ Горѣлое все населеніе вышло къ начальнику губерніи навстрѣчу съ шумными возгласами радости и благодарности за спасеніе отъ угрожавшей опасности. Женщины плакали, пѣли псалмы и всѣ низко кланялись и выражали, что они твердо вѣровали, что правительство не отдастъ ихъ на истребленіе. Мужчины утверждали, что не только они, но даже бабы и дѣти приняли рѣшеніе скорѣе погибнуть защищаясь, чѣмъ преклониться передъ врагами. У самаго селенія уже стояли лагеремъ три роты Бакинскаго пѣхотнаго полка, къ которымъ горѣловцы относились безъ различія чиновъ съ особеннымъ умиленіемъ, видя въ нихъ своихъ избавителей и защитниковъ, и ничего не жалѣли, дабы облегчить войскамъ пребываніе среди нихъ.

Изъ «постниковъ» въ этотъ день на пути губернатора ни одного не попадалось ни въ Богдановкѣ, ни въ Орловкѣ, точно также ни одного

изъ нихъ не явилось и въ Горѣлое. Тѣмъ не менѣе губернаторъ, несмотря на формальный отказъ ихъ входить съ нимъ въ какія бы то ни было объясненія, находилъ нужнымъ еще разъ переговорить съ ними, дабы узнать, что они намѣрены далѣе дѣлать, для чего и приказалъ созвать ихъ на другой день на общую сходку въ селеніе Богдановку. Между тѣмъ въ теченіе всего дня получались извѣстія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ «постниковъ», изъ каковыхъ свѣдѣній усматривалось, что совершенно неожиданное для всѣхъ появленіе войскъ произвело на нихъ весьма сильное впечатлѣніе, и что они въ громадномъ числѣ собрались у одной пещеры въ трехъ верстахъ отъ селенія Орловки, съ тѣмъ чтобы отпраздновать день имянинъ Веригина и обсудить сообща вопросъ—что имъ теперь далѣе дѣлать. Пріѣзжавшіе изъ Орловки духоборцы другихъ партій разсказывали, что «постники» приняли какое-то отчаянное рѣшеніе, которое должно всѣхъ удивить. «Не разсчитывайте на войска,—кричали они встрѣчавшимся имъ горѣловцамъ,—мы ихъ не боимся; покажемъ себя, всѣхъ удивимъ». Доходили также слухи о томъ, что «постники», несмотря на присутствіе войскъ, рѣшили напасть на Горѣлое, вызвать войска на дѣйствіе оружіемъ, и такимъ образомъ съ боемъ отступить въ предѣлы Турціи въ надеждѣ, что, быть можетъ, туда же къ нимъ правительство отпуститъ и Веригина, благодаря чему они оснуютъ свою общину въ новомъ мѣстѣ. Въ виду всѣхъ этихъ слуховъ, для предупрежденія могущихъ быть безпорядковъ, съ вечера у всѣхъ выходовъ изъ селенія Горѣлаго были поставлены значительные караулы, а по селенію ходили патрули. Сами горѣловцы бодрствовали всю ночь. На разсвѣтѣ къ селенію подъѣхало нѣсколько десятковъ фургоновъ «постниковъ», но послѣ перваго оклика быстро удалились по направленію къ Орловкѣ.

На другой день утромъ, къ часу, назначенному для сбора «постниковъ» и переговоровъ съ ними, явился къ губернатору старшина спасскаго общества и доложилъ, что «постники» рѣшительно отказались видѣться съ губернаторомъ и отправились опять къ той пещерѣ, гдѣ были и наканунѣ.

Въ часъ дня губернаторъ выѣхалъ изъ Горѣлаго и направился въ селеніе Богдановку. При въѣздѣ въ это селеніе ему встрѣтилось множество фургоновъ съ духоборцами и духоборками третьей партіи; оказалось, что казаки, окруживъ ихъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ они собрались на сходку, гнали ихъ въ селеніе, гдѣ назначено имъ было мѣсто сбора. При приближеніи начальника губерніи казаки отдѣлили въ одну кучку тысячную толпу духоборцевъ, съ трудомъ отогнавши въ сторону женщинъ, объявившихъ, что они хотятъ находиться вмѣстѣ съ мужчи-

нами. Губернаторъ пробовалъ заговорить съ ними, но тщетно [1]); при первыхъ же его словахъ въ толпѣ раздались крики; «не снимайте шапокъ, не смотрите на него, не говорите съ нимъ». Казаки и всадники земской стражи были крайне возмущены и раздражены поведеніемъ этой нафанатизированной толпы, — но губернаторъ счелъ нужнымъ удержать ихъ отъ всякихъ насилій и продолжалъ свой путь. Въѣхавъ въ самое селеніе онъ нашелъ здѣсь также толпу «постниковъ», собственно жителей этого селенія, которыхъ казаки заранѣе поставили всѣхъ вмѣстѣ и заставили снять шапки. Подойдя къ нимъ губернаторъ заговорилъ, но они тотчасъ же шумно стали перебивать его и мѣшали ему продолжать. Замолчали они только тогда, когда онъ имъ пригрозилъ, въ случаѣ если они не перестанутъ шумѣть, тутъ же прибѣгнуть къ силѣ. По водвореніи тишины губернаторъ объявилъ имъ, что въ виду ихъ поведенія никакой бесѣды съ ними быть не можетъ и что убѣждать ихъ въ чемъ бы то ни было онъ не намѣренъ, но что, въ виду присутствія войскъ, пришедшихъ водворить силою оружія порядокъ среди духоборцевъ,—онъ считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ спросить ихъ отъ лица высшаго начальства въ краѣ,— признаютъ ли они себя русскими подданными и намѣреваются ли подчиняться требованіямъ государственныхъ законовъ; при этомъ просилъ ихъ уяснить себѣ хорошо этотъ вопросъ и обсудивъ отвѣтить. Едва лишь губернаторъ замолкъ, какъ со всѣхъ сторонъ раздались ожесточенные крики: «нѣтъ не признаемъ себя русскими подданными, не подчинимся законамъ, никогда не подчинимся неправдѣ, скорѣй всѣ умремъ».

Видя невозможность и неумѣстность дальнѣйшихъ переговоровъ съ фанатиками, губернаторъ отошелъ отъ ихъ группы, отправился къ духоборцамъ второй партіи, собравшимся также въ одну кучку и стоявшимъ не вдалекѣ. Въ это время нѣсколько десятковъ отдѣльныхъ личностей изъ «постниковъ» выдѣлились изъ массы и, держа какія то бумаги въ рукахъ, стремительно бросились къ губернатору и съ криками—«ей, господинъ, возьми твои билеты» стали бросать эти билеты [1]) на землю и топтать ихъ ногами, съ присовокупленіемъ различныхъ непристойныхъ восклицаній. Только напоромъ лошадей казакамъ и всадникамъ земской стражи удалось оттѣснить ихъ къ мѣсту, гдѣ стояли ихъ единомышленники, вогнать обратно въ толпу и водворить относительный порядокъ, какъ вдругъ совершенно неожиданно произошло новое событіе: нѣсколько рукъ изъ толпы «постниковъ» поднялось кверху, видимо указы-

[1]) Они не хотѣли привѣтствовать губернатора, не снимали шапокъ, строили гримасы и отворачивались.

[1]) Это были запасные нижніе чины съ запасными и ополченскими свидѣтельствами.

вая на что-то происходящее на небѣ; по тому же направленію устремились всѣ взоры остальныхъ—и вдругъ всѣ «постники» пали ницъ, потомъ встали на колѣни и, кладя земные поклоны, принялись громко благодарить Господа за ниспосланную помощь. Въ дальнѣйшемъ разъяснилось, что «постники» увидѣли на одномъ проносившемся по небу облакѣ плывущаго Петра Веригина, который закричалъ имъ: «стойте крѣпко и ничего не бойтесь». Въ такомъ появленіи обожаемаго ими повелителя «постники» признали особую милость для себя и указаніе на правоту ихъ дѣла. Ясно, что экзальтація и фанатизмъ достигли высшаго предѣла, при каковыхъ условіяхъ ни убѣжденіе, ни даже сила не могли оказывать на этихъ людей никакого существеннаго вліянія; приходилось искать другія мѣры.

Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ изложенныя событія невольно заставляли опасаться, чтобы «постники», претерпѣвъ полную неудачу во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, поставивъ себя въ безвыходное положеніе по отношенію къ мѣстной администраціи, стоящей передъ ними во всеоружіи власти, къ тому же поддерживаемые всеобщими насмѣшками, въ особенности горѣловцевъ, не рѣшились бы, въ припадкѣ отчаянія, на что либо неожиданное въ цѣляхъ самоистребленія, тѣмъ болѣе, что изъ того, что они разсказывали сами о себѣ, можно было вывести предположеніе, что подобное изувѣрское дѣяніе не шло въ разрѣзъ съ ихъ новымъ ученіемъ. Дабы не допустить ихъ до этого, а также чтобы предупредить столкновеніе между партіями, такъ какъ раздраженіе однихъ противъ другихъ дошло до крайнихъ предѣловъ,—начальникъ губерніи счелъ необходимымъ принять нѣкоторыя экстраординарныя мѣры. Такъ, напримѣръ, воспретить духоборцамъ и духоборкамъ всѣхъ трехъ партій подъ страхомъ наказанія выѣзжать изъ своихъ селеній безъ особаго письменнаго разрѣшенія вновь назначеннаго правительственнаго старшины и безъ конвоя отъ казаковъ или чапаръ; всѣ сходки и сборища какъ въ селеніяхъ, такъ и въ особенности внѣ оныхъ разгонять силою; вокругъ селеній и по дорогамъ назначать конные разъѣзды, которымъ приказано силою заставлять духоборцевъ подчиняться новымъ правиламъ и т. п.

Одновременно съ происходившими событіями, а отчасти и подъ вліяніемъ оныхъ, выяснилось, что духоборцы «постники», ранѣе перехода къ настоящимъ своимъ активнымъ дѣйствіямъ, измѣнили другому принципу своей секты и занимались мятежной пропагандой среди туземнаго населенія, какъ-бы ища въ немъ сочувствія и поддержки. Такъ, сокрушая свое благосостояніе, распродавая за безцѣнокъ имущество и скотъ и видимо собираясь куда-то въ дальній путь, духоборцы третьей партіи объявляли удивленнымъ туземцамъ во всеуслышаніе: «намъ не нужно никакихъ властей, безъ которыхъ мы всегда обходились и обойдемся и впредь; мѣстныя власти хороши для васъ, грузинъ, армянъ, та-

таръ, а мы управляемся самимъ Богомъ; прощайте, скоро услышите о насъ». Независимо сего, похваляясь своимъ довольствомъ и молодечествомъ, они говорили окрестному туземному населенію: «чего смущаетесь, глядя на насъ? развѣ не видите какіе мы молодцы; мы люди бодрые духомъ, къ тяжелому труду привычные, всѣ какъ одинъ человѣкъ; мы нигдѣ не пропадемъ; не то что вы, люди ни на что неспособные; вы и дышать то можете лишь при содѣйствіи правительства; подождите немного, скоро примутся за васъ и за вѣру вашу, тогда посмотримъ что́ вы запоете; мы изъ всякаго обстоятельства выйдемъ побѣдителями, а вамъ конецъ; да и теперь, на нашемъ мѣстѣ, васъ всѣхъ перебили бы, а насъ не смѣютъ тронуть».

Подобныя рѣчи невольно возбуждали мѣстное населеніе, въ особенности мусульманское, видѣвшее въ духоборцахъ лучшихъ изъ русскихъ людей, пользовавшихся особеннымъ покровительствомъ мѣстныхъ властей, ставившихся всѣмъ въ примѣръ, и зажиточностью своею пріобрѣвшихъ извѣстный авторитетъ въ той мѣстности. Въ настоящее время эти русскіе люди, съ которыми они прожили мирно пол-вѣка, внезапно приглашаютъ ихъ не слушаться законныхъ властей и усиливаются убѣдить ихъ, что подъ именемъ «православный Бѣлый Царь» они должны разумѣть Петра Веригина, такъ какъ онъ есть ихъ царь, ихъ, «православныхъ» и «бѣлыхъ». Когда-же эти русскіе люди перешли отъ словъ къ дѣлу, то такіе поступки вызвали во всемъ окрестномъ населеніи, какъ сельскомъ, такъ и г. Ахалкалаки, крайне удручающее впечатлѣніе и глухой говоръ, вслѣдствіе чего пришлось для успокоенія туземныхъ жителей, въ особенности мусульманъ, вызвать почетныхъ отъ нихъ жителей и разъяснить имъ значеніе происходящихъ безпорядковъ и ожидающія ослушниковъ послѣдствія.

Дальнѣйшее положеніе ненормальнаго порядка вещей въ ожиданіи, что «постники» одумаются и сознаютъ свою вину—являлось совершенно невозможнымъ, почему приходилось покончить съ ними какимъ-бы то ни было путемъ, но только возможно скорѣе, дабы не оставлять ихъ вполнѣ безнаказанными и произвести впечатлѣніе, какъ на колеблющихся духоборцевъ второй партіи, такъ и на окрестное туземное населеніе, которое могло бы истолковать себѣ безнаказанность фанатиковъ совершенно превратно и въ смыслѣ, для интересовъ власти нежелательномъ. Такою мѣрою, болѣе радикальною, чѣмъ предыдущія, и удовлетворяющей потребности минуты, являлось немедленное удаленіе партій «постниковъ» изъ предѣловъ Ахалкалакскаго уѣзда и разселеніе ихъ по губерніи не кучно, но вразбродъ вопреки ихъ желанію жить сосредоточенно, что́ могло бы лишь вести къ продолженію проявленія ихъ своеволія и словомъ и дѣломъ.

Но прежде однако, чѣмъ приводить означенную мѣру, одобренную

высшимъ кавказскимъ начальствомъ, въ исполненіе, начальникъ губерніи—въ виду ея суровости—счелъ нужнымъ еще разъ попытаться склонить «постниковъ» на какое либо соглашеніе. Въ этихъ видахъ до примѣненія уже опредѣленнаго наказанія, какъ бы забывая прошедшее—всѣмъ духоборцамъ было объявлено, что всѣ тѣ изъ нихъ, которые отказываются отъ повиновенія властямъ и подчиненія существующимъ законамъ, подлежатъ немедленному аресту и высылкѣ; но что тѣ, которые пожелаютъ изъявить покорность, могутъ остаться на своихъ мѣстахъ. При этомъ было разъяснено, что на первое время начальство согласно удовлетвориться однимъ простымъ заявленіемъ о нежеланіи переселиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ же выяснялись «постникамъ» всѣ тяжести ожидающаго ихъ наказанія, и чины уѣздной полиціи и частные ахалкалакскіе горожане, связанные съ сектантами торговыми интересами, старались втолковать имъ, что высланные будутъ водворяемы по-семейно среди людей негостепріимныхъ, чуждыхъ имъ по языку и обычаямъ, безъ клочка земли, безъ надежды на заработки, въ мѣстностяхъ нездоровыхъ и т. п.—словомъ картина ихъ будущей жизни рисовалась въ самыхъ непривлекательныхъ краскахъ. Кромѣ того, для осуществленія переселенія на практикѣ былъ назначенъ трехнедѣльный срокъ съ предоставленіемъ каждому права до переѣзда границы Ахалкалакскаго уѣзда заявлять о желаніи своемъ остаться на мѣстѣ жительства, каковое заявленіе вызывало разрѣшеніе возвратиться. Но и эта попытка къ возможному смягченію ихъ фанатическаго упорства не привела ни къ какому благопріятному результату. Напротивъ того, освѣдомившись о распоряженіяхъ къ выселенію, «постники» приняли это извѣстіе съ проявленіями величайшей радости и не только отказались отъ всякихъ предложенныхъ льготъ, но просили только объ одномъ, чтобы ихъ скорѣе двинули въ путь. При этомъ они какъ бы смягчились и вступили въ переговоры съ чинами уѣздной полиціи относительно наискорѣйшаго и удобнѣйшаго выполненія губернаторскихъ распоряженій.

Пользуясь этой перемѣной въ настроеніи, начальникъ губерніи счелъ нужнымъ еще разъ призвать къ себѣ нѣкоторыхъ лично ему извѣстныхъ «постниковъ» и вступилъ съ ними въ бесѣду. Они держали себя спокойно, относились къ губернатору крайне почтительно, но говорили, какъ люди убѣжденные, безповоротно принявшіе извѣстное рѣшеніе и порвавшіе со всѣмъ прошлымъ. Сущность ихъ объясненій сводилась къ слѣдующему: «мы заслужили смерть и пощады себѣ не просимъ. Мы сдѣлали то, что намъ повелѣно свыше, дѣлайте и вы что знаете; какъ мы не можемъ отступиться отъ своихъ обязанностей, такъ и вы не должны отступаться отъ вашихъ; мы служимъ одному царю, а вы другому; мы другъ друга не поймемъ и не убѣдимъ; вы смотрите на насъ какъ на сумасшедшихъ, и это насъ нисколько не удивляетъ потому, что и мы, въ

свою очередь, смотримъ точно такъ же на васъ и на подобныхъ вамъ, да иначе и быть не можетъ, такъ какъ вы одни люди, а мы другіе; мы здѣсь больше жить не можемъ, и возьмите насъ скорѣе отсюда. Если намъ не жаль покидать имущества нашего, добытаго тяжелымъ полувѣковымъ трудомъ, то не странно-ли вамъ за насъ жалѣть о немъ; тоже самое скажемъ и о дѣтяхъ нашихъ: не вы ихъ родили, не вы вскормили, а потому и не можете ихъ любить болѣе чѣмъ мы ихъ любимъ; за ваше сердечное участіе мы вамъ не скажемъ спасибо, да и начальство ваше за это тоже благодарить васъ не станетъ; такъ къ чему же вамъ утруждать себя; поэтому приступайте скорѣе къ чему нужно: или перебейте всѣхъ насъ, или сошлите; чѣмъ скорѣе вы это сдѣлаете, тѣмъ будетъ лучше и для васъ и для насъ; здѣсь мы никого не будемъ слушаться, всѣхъ измучимъ, а на новыхъ мѣстахъ будемъ вести себя смирно и выполнять всѣ требованія мѣстнаго начальства. Какія бы ни ожидали насъ лишенія и строгости, мы будемъ переносить ихъ съ терпѣніемъ и даже съ благодарностью, потому что таково наше ученіе; мы не горѣловцы, да вообще говоря, мы даже и не духоборцы, а къ чему вамъ знать кто мы; обѣщаемъ только, что во всемъ будемъ послушны и на васъ ни за что пенять не будемъ».

На вопросы о томъ, какъ они объясняютъ противорѣчіе въ ихъ поведеніи, выражающееся въ томъ, что по новому ученію они не могутъ держать оружія въ рукахъ, почему отказались служить въ войскахъ, не смѣютъ обидѣть даже курицу, а между тѣмъ вооружались и намѣревались истребить горѣловцевъ, спрашиваемые отказывались давать отвѣты или отзывались уклончиво. «Намъ и смотрѣть-то на нихъ противно и тошно,—говорили они,—не то что сражаться съ ними; мы только рѣшили собраться всѣмъ народомъ въ Горѣлое 29-го іюня, чтобы спросить, что они разсчитываютъ дѣлать? быть можетъ они и покаялись бы, повинились, подчинились бы и удостоились бы Царствія Божія». На вопросъ: что они сдѣлали бы, если-бъ горѣловцы не впустили ихъ и дали вооруженный отпоръ, отвѣчали, что не знаютъ, что бы они сдѣлали въ этомъ случаѣ. Стороною же «постники» разсказывали, что стрѣлять въ горѣловцевъ они не намѣревались, а что по всей вѣроятности нѣкоторыхъ изъ нихъ они замучили бы до смерти.

Приготовленія «постниковъ» къ выселенію шли не только въ полномъ спокойствіи, но они, благодаря Бога за проявленіе къ нимъ милости, опасались только одного, чтобы начальство не отмѣнило своего распоряженія о ссылкѣ. Наперерывъ другъ передъ другомъ они старались попасть въ первую партію ссылаемыхъ, увѣряя, что они-то и есть самые безпокойные въ селеніи и зачинщики мятежа. Забирая съ собою только самое необходимое, и покидая все остальное вмѣстѣ съ посѣвами, полными всякаго добра жилищами своими, выселявшіеся совершенно равнодушно

успокаивали людей, чистосердечно печалившихся объ ихъ судьбѣ. «Ничего,—говорили они,—какъ бы тамъ ни было худо—все-таки тамъ будетъ лучше, чѣмъ здѣсь; пугаютъ, что мы тамъ всѣ погибнемъ—что-жъ на это воля Божія; но сослали насъ прежде на Молочную,—мы тамъ хорошо устроились, взяли оттуда, прислали сюда въ Закавказье—мы устроились еще лучше; дастъ Богъ и теперь не пропадемъ; вѣдь Богъ и тамъ также будетъ съ нами». Одно только, что огорчало переселяемыхъ и чему не хотѣли они вѣрить—это свѣдѣніе объ оставленіи ихъ въ предѣлахъ губерніи; повидимому они хотѣли и разсчитывали на отправленіе ихъ въ Сибирь и въ общей массѣ, т. е. повтореніе уже бывшихъ переселеній.

8-го іюля, т. е. черезъ недѣлю послѣ начала безпорядковъ, первая партія ссылаемыхъ, въ которую вошли наиболѣе видные заправилы бывшихъ волненій, собранная изъ семи селеній спасскаго общества, по 5 семействъ съ каждаго селенія, въ числѣ 35 семействъ и 52 фургоновъ, была готова къ выступленію и, въ ожиданіи движенія, еще наканунѣ собралась подъ г. Ахалкалаки, гдѣ и имѣла ночлегъ. Желая напутствовать ихъ въ дорогу, но не придавая этому оффиціальнаго вида, губернаторъ отправился къ нимъ одинъ, пѣшкомъ, какъ бы прогуливаясь; узнавъ его издали, они стали снимать шапки и вытягиваться въ линію передъ фургонами. Онъ увидѣлъ въ числѣ этихъ лицъ и такихъ, которыя за недѣлю передъ симъ въ Богдановкѣ дѣлали гримасы, кричали «эй, господинъ» и пр.; но теперь это были совершенно другіе люди, стояли чинно, почтительно и смиренно. Указавъ имъ вновь на ихъ мятежное поведеніе и разъяснивъ, куда именно ихъ направляютъ, при какихъ условіяхъ они будутъ жить, какія строгія касательно ихъ инструкціи даны мѣстнымъ полицейскимъ властямъ, губернаторъ совѣтовалъ не ухудшать на новыхъ мѣстахъ поселенія дурнымъ поведеніемъ своего и безъ того тяжелаго положенія. Въ почтительнѣйшихъ выраженіяхъ ссылаемые благодарили его за вниманіе къ нимъ, за участіе къ дѣтямъ и просили не утруждать себя безпокойствомъ за ихъ судьбу. «Тамъ живутъ люди,—говорили они,—слѣдовательно и мы проживемъ; по всей вѣроятности намъ даже будетъ тамъ лучше, чѣмъ здѣсь, гдѣ намъ никакъ нельзя болѣе оставаться; на новыхъ же мѣстахъ будемъ во всемъ послушны распоряженіямъ начальства». Всѣ говорили спокойно, какъ люди довольные своею судьбою, добившіеся желаемаго исхода, и бывшаго возбужденія какъ не бывало.

Въ послѣдующія двѣ недѣли были выселены изъ Ахалкалакскаго уѣзда остальные духоборцы третьей партіи («постники»), всего въ числѣ 439 семействъ и 4.000 душъ. Выселеніе этихъ послѣднихъ прошло также совершенно спокойно. Такимъ образомъ, въ теченіе самаго короткаго времени поднята, оторвана отъ большихъ хозяйствъ и обрабо-

танной земли значительная масса людей, съ разселеніемъ ихъ въ различныхъ частяхъ губерніи, и при этомъ не только не было употреблено силы, но даже понужденія въ видѣ повторенія приказанія; — примѣръ необычайный и объяснимый только тѣмъ, что сами эти люди заранѣе рѣшили переселеніе и приготовились къ нему, но только въ иныя, чѣмъ оказалось, мѣста.

Такимъ образомъ возбужденіе было усмирено и приняты возможныя мѣры для предупрежденія безпорядковъ въ будущемъ, но чтобы вполнѣ ясно судить о цѣлесообразности этихъ мѣръ — являлось необходимымъ еще болѣе и подробно выяснить всю суть возникшихъ между духоборцами отдѣльныхъ партій недоразумѣній, такъ какъ въ этой-то сути и заключается, очевидно, корень всѣхъ безчинствъ и волненій. Такое разъясненіе сути дѣла важно было и въ смыслѣ разъясненія вопроса о томъ, чего можно ожидать, послѣ удаленія «постниковъ», отъ поведенія духоборцевъ двухъ партій, оставшихся на своихъ старыхъ мѣстахъ. Преслѣдуя означенную цѣль, интересующіеся вопросомъ лица и обратились вновь къ переговорамъ и объясненіямъ съ представителями обѣихъ оставшихся партій. Переговоры эти выяснили много весьма интереснаго и существеннаго.

Смыслъ объясненій первой партіи горѣловцевъ, получившійся изъ суммы многихъ частныхъ переговоровъ съ отдѣльными личностями, сводится въ общемъ къ слѣдующему; «Мы — духоборцы, избалованы милостью правительства, а потому возгордились и потеряли голову; прежнее воспитаніе наше было основано на чудесахъ, на нелѣпыхъ разсказахъ нашихъ отцовъ, и мы привыкли вѣрить всякому вздору; при этомъ сами мы никогда ни о чемъ не разсуждали, а пріучены были лишь слѣпо исполнять приказанія нашего управляющаго; поэтому, когда пришлось жить собственнымъ умомъ—мы растерялись. Правительство тоже немного виновато въ случившемся: къ чему было такъ много возиться съ нами? Если бы на первыхъ же порахъ хорошенько тряхнули, человѣкъ бы съ сотню съ Веригинымъ во главѣ повѣсили, остальныхъ бы перепороли и заполнили наши села татарскою экзекуціею, то мы давно бы перестали блажить. А то вышло такъ: при Лукерьѣ Васильевнѣ мы и думать ни о чемъ не смѣли, были тише воды, ниже травы; чуть что не по ихнему—въ подземелье, кандалы, кошки, а теперь вотъ уже 8 лѣтъ глупый народъ не признаетъ никакой власти, бросилъ трудиться, безпокоитъ начальство, надо всѣмъ насмѣхается и все это ему безнаказанно сходитъ,—народъ и обезумѣлъ. Въ настоящее время уже кажется совсѣмъ уничтожены, а послушали бы какъ похваляются: «мы, говорятъ, не только вамъ, горѣловцамъ, но и вашимъ покровителямъ зададимъ еще, постоимъ за своихъ и покажемъ себя. За васъ губернаторъ и казаки, а у насъ Богъ впереди. Посудите сами хорошенько—

чья возьметъ?» Духоборцы второй партіи въ разладѣ съ «постниками», и они очень злы другъ на друга, но и имъ нельзя довѣрять. Они теперь перепуганы и покорны, а повѣрьте, они сами не знаютъ, что еще будутъ дѣлать—это такіе же Веригинскіе птенцы. Конечно, и между нами есть люди не искренніе, въ особенности между стариками. Теперь они смѣются передъ начальствомъ надъ тѣмъ, что духоборцы большой партіи вѣрятъ, будто Веригинъ творитъ всякія чудеса, а забываютъ, что они сами толковали намъ о такихъ же чудесахъ, творившихся будто бы Лукерьею Васильевною во время земной жизни ея милости. Даже и теперь нѣкоторые изъ нихъ стараются убѣдить насъ, что она почиваетъ въ могилѣ нетлѣнною. Но мы уже не тѣ, чтобы всякому вздору вѣрить, и хотимъ жить какъ живутъ другіе люди; поэтому надѣемся отстать отъ прежнихъ заблужденій и не станемъ болѣе поклоняться мужику какъ Богу. Будемъ во всемъ послушны властямъ, исполнять всѣ требованія закона и думать лишь о своихъ дѣлахъ. Если же среди насъ и явится какой-нибудь возмутитель, то тотчасъ же доложимъ начальству и выдадимъ его. Что же касается до «постниковъ», то о нихъ нечего и говорить; перестрѣлять ихъ да и только. Мы слышали, что они жалуются на то, будто насъ всѣхъ притѣсняли мѣстныя власти,—это совершенный вздоръ; ни насъ, ни нашихъ отцовъ никто не притѣснялъ, и мы отъ начальства ничего кромѣ покровительства не видѣли».

Насколько искренни подобныя заявленія и въ особенности на сколько они выражаютъ стремленіе большинства первой партіи—судить трудно, въ особенности, если принять во вниманіе способность духоборцевъ къ лести и лжи и всю обстановку разгрома, при которой давались эти показанія.

Болѣе существенныя свѣдѣнія удалось получить отъ молодыхъ духоборцевъ второй партіи, и въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія показаніе Алексѣя Воробьева, одного изъ наиболѣе даровитыхъ духоборцевъ, бывшаго замѣстителя Веригина и временно управлявшаго «Сиротскимъ домомъ», а также руководившаго за послѣдніе семь лѣтъ всѣми интригами и предъявленіями претензій, прикрывая все это обычными духоборческими пріемами, лицемѣріемъ, лукавствомъ, скрытностью и притворствомъ, прикидываясь наивнымъ и непонимающимъ. Извинившись предварительно за все прошлое свое поведеніе, Воробьевъ прямо заявилъ, что «настало время говорить правду, и я постараюсь высказать ее настолько ясно, на сколько это будетъ въ моихъ силахъ. Мы всегда жили на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ живутъ другія общества, потому что у насъ выработался свой особенный общественный строй, намъ однимъ присущій и составлявшій наше «отечество», заключавшееся, главнѣйшимъ образомъ, въ «священномъ Сиротскомъ

домѣ» и управляющемъ онымъ. Эти особенности и сдѣлали то, что мы составляемъ отдѣльную тѣсно сплоченную общину и называемся «духоборцами», и если бы какія-нибудь обстоятельства по нашей винѣ или помимо ея измѣнили этотъ строй и лишили бы насъ «отечества», то этимъ самымъ мы уже перестали бы быть духоборцами, потому что мы оттого и духоборцы, что намъ присущъ именно этотъ особый общественный строй. Кто пожелаетъ понять это, тотъ пойметъ также и то, насколько непослѣдовательно удивляться тому, что духоборецъ не можетъ оставаться духоборцемъ и отказаться отъ того, что онъ называетъ «отечествомъ». Чтобы понять, почему мы такъ измѣнились съ 1887 года, нѣтъ надобности добиваться, какъ относились духоборцы къ личности своего «управляющаго» съ духовной стороны, т. е. смотрѣли ли они на него, какъ на Христа, или какъ на пророка—это безразлично, потому что иные смотрѣли на него, какъ апостолы смотрѣли на Христа, считали его «Спасителемъ» или «дверью въ царствіе небесное»; иные считали «богочеловѣкомъ» или земнымъ богомъ; другіе почитали только пророкомъ; а были люди и разумные, которые просто смотрѣли на него, какъ на обыкновеннаго человѣка. Важнѣе значеніе его среди насъ, какъ дѣятеля общественнаго. Въ этомъ отношеніи «управляющій» былъ верховнымъ главою нашей общины, ничѣмъ не ограниченный въ своей власти, который всѣмъ распоряжался, все направлялъ, и всякій изъ насъ одинаково считалъ своею священною обязанностью безпрекословно ему повиноваться. На этомъ подписывались (присягали) духоборцы, въ этомъ прошла вся ихъ исторія и это тотъ порядокъ, который къ намъ привился; въ немъ видѣли мы все наше спасеніе. Въ теченіе этого вѣка управляли нами Калмыковы и наконецъ Лукерья, вдова послѣдняго изъ нихъ, а съ нею прекратилась священная для насъ линія (династія). Тогда, естественно, мы были вынуждены прибѣгнуть къ избранію представителя новой линіи и, по тѣмъ или другимъ причинамъ, выборъ нашъ остановился на Петрѣ Веригинѣ, которому мы и подписались (присягнули). Но Зубковъ и Губановы, и прежде не любившіе Веригина, не признали его, не подчинились общему избранію и увлекли за собой другихъ духоборцевъ, въ числѣ слишкомъ 200 семействъ. Этимъ Зубковъ и Губановы измѣнили духоборческому дѣлу, продали «отечество» и поставили общину въ безвыходное положеніе. Они не могли не сознавать, что ихъ слишкомъ мало, чтобы подчинить себѣ большинство, а сами въ свою очередь не приняли избранника большинства, облеченнаго во власть, безъ которой они сами не могутъ обойтись, пока будутъ считать себя духоборцами. Между тѣмъ, если бы они подчинились рѣшенію большинства, то Веригинъ вступилъ бы спокойно въ управленіе общиною и, несмотря на свою неопытность, со временемъ бы присмотрѣлся и управлялъ бы, вѣроятно, не хуже своихъ пред-

шественниковъ Калмыковыхъ; народъ жилъ бы покойно, и мѣстныя власти, какъ и прежде, были бы довольны нами. Когда же произошелъ разладъ, то это настолько сильно взволновало духоборцевъ и самого Веригина, что утрачено было спокойствіе и все дѣло поведено было не съ соотвѣтствующею обстоятельствамъ осторожностью. Духоборцы, раздраженные упорствомъ меньшинства, слишкомъ громогласно и публично величали Веригина пророкомъ и царемъ, а у Веригина не хватало ловкости и терпѣнія, чтобы преодолѣть препятствія. Сюда же примѣшались интриги Зубкова; послѣдствіемъ всего этого и была между прочимъ высылка Веригина.

«Духоборцы, въ большинствѣ люди неразвитые, не понимали, что для правительства Веригинъ не что иное, какъ простой духоборецъ и крестьянинъ, а воображали, что его, какъ лицо особенно для нихъ священное, никто не посмѣетъ тронуть; когда же его выслали, они увидѣли, что ошиблись, и по глупой кичливости возмечтали, что могутъ заставить правительство возвратить его. Для достиженія послѣдняго, мы пускали въ ходъ все, что могли, а не достигая цѣли, раздражались и бросались на всѣ мѣры. Не смѣя высказываться откровенно и не умѣя взяться надлежащимъ образомъ за дѣло, стремились ввести администрацію въ заблужденіе и были вынуждены прибѣгать къ обману, лжи и клеветамъ. Весь ходъ дѣла близко вамъ извѣстенъ, почему скажу откровенно: мы теперь чуствуемъ до чего виноваты передъ правительствомъ, но извольте принять въ соображеніе, что мы, духоборцы, никода не жили своимъ умомъ и до того времени никогда не имѣли сношеній съ властями, такъ какъ всѣми подобными дѣлами всегда вѣдалъ нашъ «управляющій»; онъ одинъ могъ всѣхъ успокоить, всѣхъ сдержать, а его-то и не было между нами. Общество все больше и больше волновалось, а разные говоруны еще больше разжигали его всякими нелѣпостями; если же кто-нибудь пытался успокаивать общество, объясняя, что однимъ упорствомъ и строптивостью съ правительствомъ ничего не подѣлаешь, то это ни къ чему не вело потому, что народъ разсуждалъ такъ: «у насъ отняли отечество, безъ котораго мы жить не можемъ; мы ни передъ чѣмъ не должны останавливаться, чтобы обрѣсти его; мы видимъ, какъ напримѣръ русскіе, присягнувъ своему царю, готовы за него и за вѣру свою идти въ огонь и въ воду, не щадя своего живота и не спрашивая насколько это выгодно. Веригинъ имѣетъ для насъ такое же значеніе, почему мы также должны быть готовы сложить за него наши головы и не избѣгать случаевъ пострадать за него и не взвѣшивать на сколько это умно и полезно. Если правительство поучаетъ русскихъ, что крѣпко стоять за ихъ вѣру, царя и отечество есть священная обязанность каждаго изъ нихъ, то можетъ ли оно упрекнуть

насъ въ томъ, что мы поступаемъ такъ же по отношенію нашей вѣры, нашего царя (властелина) и нашего отечества».

«Многіе изъ насъ ясно сознавали несостоятельность такого разсужденія, но въ то время не могли не раздѣлять основнаго убѣжденія остальныхъ духоборцевъ касательно того, что покуда мы остаемся духоборцами, мы не можемъ отказываться отъ Веригина и успокоиться. Вотъ почему мы постоянно волновались и тщетно хватались за все, что могли, чтобы помочь бѣдѣ. Такъ проходили года. Тѣмъ временемъ, Веригинъ, живя въ Шенкурскѣ, сошелся съ нѣкоторыми сосланными туда, какъ и онъ, сектантами, а такихъ тамъ было много; были и штундисты и баптисты и толстовцы. Онъ велъ съ ними бесѣды и читалъ ихъ книги. Нѣкоторые изъ насъ, посѣщавшіе Веригина въ Шенкурскѣ, сами видѣли его за чтеніемъ сочиненій графа Толстаго. Въ послѣднее время духоборцы Карсской области—Верещагинъ и Елисаветпольской губерніи—Конкинъ, да и другіе, возвратившись отъ Веригина, передавали намъ о нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ на вѣру и на жизнь, установившихся у Веригина, по ознакомленіи его съ нѣкоторыми новыми для него религіозными ученіями, и отъ его имени предлагали намъ принять ихъ къ руководству. Наставленія эти касались существенныхъ сторонъ жизни и во многомъ не сходились съ основными убѣжденіями духоборцевъ. Тѣмъ не менѣе, разъ они предлагались отъ имени Веригина, то и принимались многими весьма охотно. Главнѣйшимъ образомъ они заключались въ слѣдующемъ:

1) всегда помнить, что надо служить одному Богу и больше никому;

2) изъ этого вытекаетъ между прочимъ, что такъ такъ военное ремесло противно Богу, то духоборцы не должны отбывать воинской повинности;

3) имущество духоборцевъ должно быть раздѣлено поровну между всѣми духоборцами;

4) духоборцы навсегда должны отказаться отъ употребленія мясной пищи, такъ какъ добываніе ея вызываетъ пролитіе крови, и

5) духоборцы должны воздерживаться отъ сношеній съ женщинами и этимъ путемъ способствовать къ естественному прекращенію ихъ рода.

«Всѣ эти правила должны повести къ торжеству основнаго догмата: не бояться погубить плоть, лишь бы душа пребывала въ чистотѣ и цѣлости. Въ этихъ видахъ возбраняется также пить водку, курить табакъ и вообще дѣлать что-либо такое, что не составляетъ непосредственной необходимости для существованія и не приноситъ никакой пользы для души. Это ученіе именуется у насъ «вѣрою первобытныхъ христіанъ», а исповѣдующіе его называютъ себя «первобытными, истинными и православными христіанами». Помимо Верещагина, Конкина и пріѣзжавшихъ отъ Веригина лицъ, дѣлу распространенія этого вѣроученія среди насъ содѣйствовалъ также проживав-

шій въ Башкичетахъ ссыльный князь Хилковъ; онъ охотно велъ бесѣду съ духоборцами, поучалъ ихъ правиламъ, которыхъ самъ придерживался, и раздавалъ книги для прочтенія. Но само собою разумѣется, что собственно князя Хилкова, какъ самостоятельнаго проповѣдника, никто бы не послушался, не будь на то соизволенія Веригина Въ числѣ ходившихъ по рукамъ книгъ были сочиненія Сократа, Діогена и Эпиктета; въ нихъ говорилось о наставленіяхъ, о которыхъ упомянуто выше, на сколько можемъ запомнить, въ слѣдующемъ видѣ:

1) надо служить одному Богу и больше никому;

2) люди не должны оказывать другимъ сопротивленія, какъ бы жестоко за это ни страдали. Въ этомъ случаѣ рекомендуется слѣдовать примѣру Эпиктета: нѣкій человѣкъ билъ его по ногѣ; Эпиктетъ сказалъ ему спокойно: «не бей, сломаешь мнѣ ногу»; но тотъ продолжалъ наносить ему удары и сломалъ ногу; на это философъ добродушно возразилъ бившему его: «говорилъ тебѣ, что сломаешь». Въ силу этого наставленія, человѣкъ долженъ переносить всѣ бѣдствія и страданія съ терпѣніемъ и смиреніемъ; въ самыя тяжелыя минуты жизни онъ долженъ за все благодарить Бога и не долженъ противиться даже врагамъ; если кто страдаетъ отъ другаго, то они оба заслуживаютъ сожалѣнія,—первый потому, что онъ страдаетъ, а второй потому, что онъ творитъ противное Богу;

3) владѣть оружіемъ и, въ особенности, причинять имъ вредъ какой бы то ни было Божьей твари есть величайшій грѣхъ;

4) въ виду вышесказаннаго, человѣкъ не долженъ употреблять пищу, въ составъ которой входитъ что-либо изъ царства животныхъ;

5) для торжества духа, т. е. главной цѣли жизни, плоть должна быть совершенно порабощена; человѣкъ достигаетъ этого черезъ воздержаніе; онъ долженъ избѣгать малѣйшей роскоши, безполезныхъ удовольствій, праздпаго препровожденія времени и довольствоваться исключительно естественными произведеніями природы, и

6) человѣкъ не долженъ думать о плоти, даже въ интересахъ самосохраненія; поэтому не представляется надобности въ брачномъ сожительствѣ.

«Въ книгахъ писано еще многое въ этомъ духѣ.

«Такія поученія хотя и грѣшатъ нѣкоторымъ преувеличеніемъ, но нисколько не представляются противными убѣжденіямъ совѣсти. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ лучше красить человѣка, какъ добродѣтель во всѣхъ ея видахъ, незлобливость, смиреніе, воздержаніе отъ излишествъ, скромный трудъ и т. п., но несмотря на это многіе изъ насъ испугались новаго ученія и призадумались. Прежде всего мы не могли уяснить себѣ, насколько новыя правила могутъ соотвѣтствовать условіямъ, въ коихъ мы живемъ въ государствѣ совмѣстно

съ другими людьми. Мы не могли додуматься—какія могутъ произойти отъ этого для насъ послѣдствія, и опасались, чтобы изъ желанія сдѣлать лучше не навлечь на себя какой-нибудь новой бѣды; опасались, чтобы не случилось съ нами того, что случилось съ третьею партіею. Такъ, напримѣръ, предлагавшіяся намъ наставленія вовсе не склоняли къ тому, что «постники» продѣлывали на нашихъ глазахъ во имя этихъ правилъ. Желая выдѣлиться отъ всѣхъ послушаніемъ, смиреніемъ, непротивленіемъ злу и т. п., они начали съ того, что явили небывалое среди насъ сопротивленіе самымъ законнымъ требованіямъ властей, начали чинить всѣмъ грубости и обратились въ прямыхъ бунтовщиковъ, которыхъ слѣдовало истребить въ интересахъ порядка. Мы этого именно и боялись и не спѣшили провозглашать себя приверженцами новаго ученія. Но большинство духоборцевъ большой партіи, думая, что творятъ угодное Веригину, безъ всякой подготовки и съ обычнымъ въ такихъ случаяхъ усердіемъ, бросились на новое ученіе, и всякій сталъ усваивать и толковать его по степени своего пониманія. Такимъ образомъ они, сами того не предусматривая, перестали быть, собственно говоря, духоборцами, и у насъ произошло новое раздѣленіе. Хотя мы и не пристали къ нимъ, но этимъ еще далеко не выяснили нашего настоящаго положенія. Дѣло въ томъ, что мы присягнули Веригину, какъ главѣ нашего духоборческаго строя и оставались вѣрными ему; теперь, какъ мы слышимъ и видимъ онъ самъ какъ будто пересталъ быть духоборцемъ, и мы даже между собою не можемъ установить по отношенію къ нему нашихъ сердечныхъ чувствъ. Если мы будемъ при данныхъ условіяхъ, во имя духоборчества, держаться Веригина, переставшаго быть духоборцемъ, то это приведетъ насъ къ участи третьей партіи, чего мы отнюдь не желаемъ; не знаемъ такъ же, какъ и отказаться отъ него, такъ какъ это было бы противно всѣмъ правиламъ духоборцевъ; вотъ мы пока и пребываемъ въ такомъ недоумѣніи и не знаемъ чѣмъ оно разрѣшится. Мы рѣшились переждать и осмотрѣться, но во всякомъ случаѣ будемъ оказывать властямъ всякое повиновеніе и безпрекословно подчиняться всѣмъ безъ исключенія существующимъ законамъ, наравнѣ съ прочимъ благонадежнымъ населеніемъ государства. Насъ могутъ упрекать, считая людьми ненадежными, на которыхъ нельзя положиться, и, къ сожалѣнію, для этого имѣется много основаній такъ думать о насъ, тѣмъ болѣе, что послѣ всего случившагося мы, пожалуй, сами другъ другу не довѣряемъ. Но Богъ милостивъ, постараемся встать на ноги, выбьемся изъ той колеи, на которую попали хотя не по своей винѣ, но не можетъ сказать какъ и когда это сдѣлаемъ.

«Вы изволите говорить, что мы глупы, и смѣетесь надъ нами, сравнивая съ сосѣдями нашими армянами, которыхъ, по вашимъ словамъ, нельзя будто убѣдить въ томъ, что другой армянинъ летаетъ на обла-

кахъ. Дѣйствительно; но изъ насъ далеко не всѣ видѣли Веригина на облакахъ и вѣрятъ подобнымъ нелѣпостямъ; а людей неразумныхъ можно найти и между армянами. Если дозволено будетъ доложить, — иногда и духоборцамъ приходится изъ приличія удерживаться отъ смѣха, глядя на армянъ; такъ, напримѣръ, эти самые армяне, во время засухи, приносятъ съ величайшимъ почетомъ, иногда за сто верстъ, доску съ изображеніемъ другаго такого же какъ они человѣка, бросаются передъ нею на колѣни и такимъ образомъ обходятъ свои поля, въ полномъ убѣжденіи, что отъ этого пойдетъ дождь; мы вѣдь тогда не смѣемся надъ ними, что они доску почитаютъ за Бога; для чего же имъ смѣяться надъ нами, если скажетъ что либо глупое какой-нибудь нашъ дуракъ. Повѣрьте, мы такіе же люди какъ и другіе, не хуже ихъ; правда, мы попали въ тяжелыя обстоятельства; но дастъ Богъ станемъ на ноги, хотя и не можетъ доложить какъ и когда это сдѣлаемъ. Поэтому, просимъ нижайте, дайте намъ на это время, пощадите насъ и наши семьи.

«Мы не знаемъ, кто были Сократъ, Діогенъ и Эпиктетъ; не знаемъ, были ли они христіане, были ли русскіе. Новое ученіе начало проникать къ намъ года два тому назадъ. Верещагинъ, Василій Веригинъ (братъ Петра) и Конкинъ болѣе всего хлопотали объ его распространеніи; по ихъ винѣ произошелъ у насъ разладъ. Онъ возникъ сначала изъ-за дѣлежа имущества, такъ какъ многіе изъ насъ, т. е. оставшіеся во второй партіи, отказались отъ такого дѣлежа, находя его неразумнымъ. Затѣмъ пошли несогласія и по другимъ вопросамъ, и въ началѣ настоящаго года мы окончательно разошлись, о чемъ и докладывали уѣздному начальнику. Одно время [1]) мы ожидали, что Веригина помилуютъ, и онъ будетъ возвращенъ, но этого не случилось. «Постники» сильно озлобились на это; они не знали что́ и придумать, чтобы высказать свое неудовольствіе противъ мѣстныхъ властей. Поведеніе ихъ такое, что о немъ и говорить противно. Они держатъ себя и не какъ духоборцы, и не какъ толстовцы, и не какъ штундисты, изъ чего ясно, что не вѣра причиною такого ихъ поведенія. Они просто чѣмъ-то возгордились и потеряли разумъ. Они сами не знаютъ чего хотятъ, и никто ихъ не понимаетъ и имъ не сочувствуетъ. Теперь мы кланяемся горѣловцамъ, ведемъ съ ними бесѣду и относимся къ нимъ такъ же, какъ къ другимъ; вѣроятно и впредь не измѣнимъ этихъ отношеній. Мы додумались, что не за чѣмъ враждовать, но совсѣмъ сойтись съ ними мы еще не можемъ и не надо принуждать насъ къ этому. Можетъ быть со временемъ это и сдѣлается само собой, но теперь еще не время объ этомъ думать. У горѣловцевъ пока все спокойно, но они не должны кичиться этимъ передъ

---

[1]) Послѣ всемилостивѣйшихъ манифестовъ о восшествіи на престолъ государя императора и бракосочетаніи ихъ императорскихъ величествъ.

другими духоборцами; мы всѣ воспитаны на однихъ началахъ и другъ съ другомъ схожи. У нихъ покойно потому, что все до сегодняшняго дня осталось въ Горѣломъ въ томъ же видѣ, какъ было при Лукерьѣ Васильевнѣ: тотъ же старшина Зубковъ, тотъ же атаманъ Батуринъ, тѣ же люди въ «Сиротскомъ домѣ»,—а это много значитъ. Но вотъ, когда не станетъ какого-нибудь изъ нихъ, придется производить выборы должностныхъ лицъ, пойдутъ раздоры и не будетъ у нихъ власти, призванной все рѣшать, вотъ тогда посмотримъ, что̀ будутъ дѣлать горѣловцы. Они и теперь увѣряютъ, что Веригинъ—Антихристъ, а что Христосъ придетъ еще; не смѣшно ли это и не доказываютъ ли подобныя разсужденія, что и у нихъ завтра можетъ появиться свой «Христосъ», который поставитъ все вверхъ дномъ, а жить безъ него они не могутъ, пока будутъ считать себя духоборцами. Мы знаемъ, что «постники», въ безсильной злобѣ стараются убѣждать незнающихъ, будто мы претерпѣвали притѣсненія отъ мѣстныхъ властей; это неправда; ни мы, ни наши отцы никакого стѣсненія отъ начальства не видѣли. Теперешнее положеніе есть послѣдствіе внутренняго раздора, раздоръ идетъ у насъ между отцомъ и сыномъ, между мужемъ и женою, между братьями и сестрами; причемъ же тутъ можетъ быть начальство?»

Таковы объясненія, которыя удалось получить отъ самихъ духоборцевъ и которыя могутъ служить прекраснымъ матеріаломъ для общаго сужденія о положеніи секты въ настоящее время, какъ проливающія нѣкоторый свѣтъ на тѣ внутреннія причины, которыя послужили главнымъ образомъ поводомъ къ разобщенію духоборцевъ между собою и къ открытой враждѣ между отдѣльными партіями. Съ внѣшней стороны положеніе дѣлъ въ настоящее время такое: представители первой и второй партій, всего свыше 450 семействъ, живутъ на старыхъ своихъ мѣстахъ тихо и спокойно и никакого сопротивленія распоряженіямъ властей не оказываютъ. Нѣкоторая враждебность между обѣими партіями хотя еще и чувствуется, но никакихъ внѣшнихъ проявленій этой враждебности не замѣчается. Духоборцы третьей партіи, разселенные мелкими группами по четыремъ уѣздамъ Тифлисской губерніи, живутъ пока въ большинствѣ подъ открытымъ небомъ въ своихъ громадныхъ крытыхъ фургонахъ, представляющихъ изъ себя какъ бы передвижные дома. Такой образъ жизни на подобіе кочевниковъ ими избранъ по собственному желанію, такъ какъ имъ не возбраняется нанимать себѣ жилища у мѣстныхъ жителей.

Покончивъ такимъ образомъ съ фактическою стороною настоящаго духоборческаго движенія и изложивъ сущность тѣхъ нравственно-религіозныхъ мотивовъ, подъ вліяніемъ которыхъ возникла распря, перешедшая въ открытую вражду между отдѣльными партіями сектантовъ,

коснемся вкратцѣ общаго хода историческихъ событій въ духоборческой сектѣ, какимъ онъ представляется изъ разсмотрѣнія всего дѣла и изъ котораго прямо и логично вытекаетъ послѣдовательность всѣхъ дальнѣйшихъ замѣчаемыхъ въ судьбѣ секты явленій до послѣднихъ безпорядковъ включительно.

Въ самомъ началѣ нѣсколько отдѣльныхъ личностей, соединенныхъ общими убѣжденіями, выработавшимися на почвѣ соціально-религіозной, но опасающихся преслѣдованій, образуютъ изъ себя нѣкоторое сообщество тайное. Спустя извѣстный періодъ времени, при разростаніи числа адептовъ новаго ученія, далѣе скрываться въ тайнѣ представляется для сообщества невозможнымъ, отчасти, вслѣдствіе частыхъ проявленій принциповъ новаго ученія въ отдѣльныхъ случаяхъ внѣшней жизни, отчасти же и вслѣдствіе постояннаго вмѣшательства въ дѣла сообщества постороннихъ, власть имущихъ людей, докапывающихся во имя своихъ интересовъ до сути дѣла. Союзъ людей тайный принужденъ такимъ образомъ въ силу необходимости сдѣлаться союзомъ явнымъ и вмѣстѣ съ этимъ переходомъ заявить о своемъ правѣ на существованіе. Правительство сильной имперіи, среди которой союзъ образовался, признаетъ за нимъ таковое испрашиваемое имъ право и отводитъ ему отдѣльную территорію, отказываясь при этомъ отъ вмѣшательства въ его религіозно-нравственный и частно-общинный бытъ, и требуя лишь отъ его членовъ внѣшняго подчиненія извѣстнымъ существующимъ законамъ и исправнаго взноса податей. Союзъ такимъ образомъ пріобрѣтаетъ, кромѣ уже бывшихъ въ немъ элементовъ твердаго сплоченія общности племени, общности языка и,—общности соціально-религіозныхъ убѣжденій, еще два новыхъ существенныхъ элемента а именно: общность внѣшняго соціальнаго быта и общность территоріи, получаемой имъ, по толкованію членовъ союза, отъ правительства имперіи на условіяхъ—не преступать извѣстныхъ законовъ и выплачивать аккуратно ежегодную дань. Для образованія изъ сообщества самой твердой формы общежитія государства не достаетъ такимъ образомъ еще одного элемента, а именно—общности власти. Хотя по ученію, исповѣдуемому членами союза, таковая власть и имѣется—это власть чисто-теократическая, власть Господа Бога, правящаго всѣмъ міромъ, но эта власть, до ея реализаціи на землѣ, является слишкомъ отвлеченною, и во всякомъ случаѣ авторитетъ власти обще-государственной, власти русскаго царя, помазанника Божія, остается невольно, въ силу унаслѣдованныхъ отъ русскихъ предковъ традицій, непоколебимымъ и незыблемымъ, а тѣмъ препятствуетъ окончательному обособленію союза. Отдѣльные вожаки секты, выдающіеся и по уму и по способностямъ и жаждущіе именно такого обособленія союза въ силу эгоистическихъ стремленій, отлично понимаютъ такое положеніе вещей, но и сознаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что для того, что-

бы бороться со столь сильнымъ авторитетомъ какъ власть русскаго государя, единственнымъ возможнымъ противовѣсомъ въ глазахъ народа можетъ явиться лишь власть воплотившагося Бога, и вотъ появляется новый догматъ въ ученіи союза о воплощеніи въ лицѣ избранныхъ лицъ изъ духоборцевъ самого Сына Божія Іисуса Христа, а вслѣдъ за симъ первый богочеловѣкъ—Савелій Капустинъ, дѣлающійся уже законнымъ земнымъ владыкой и правовѣрнымъ деспотическимъ правителемъ всего союза. Реформа эта, превратившая окончательно и принципіально прежній соціально-религіозный союзъ людей въ отдѣльное государство—по всѣмъ вѣроятіямъ должна была породить во внутренней жизни сектантовъ много преній и препирательствъ и даже, можетъ быть, противодѣйствій со стороны отдѣльныхъ личностей, но въ общемъ идея ея должна была восторжествовать, такъ какъ по существу своему она въ интересахъ союза, какъ самостоятельнаго цѣлаго, была совершенно вѣрна и логически вытекла изъ всѣхъ предыдущихъ событій. Такимъ образомъ организовалось правильно образовавшееся государство въ государствѣ и просуществовало въ этомъ видѣ до нашихъ дней.

Вся послѣдующая политика главарей новаго миніатюрнаго государства совершенно послѣдовательно вытекаетъ изъ всего предыдущаго. На первыхъ порахъ они хлопочутъ изо всѣхъ силъ достичь по мѣрѣ возможности еще бо́льшаго обособленія отъ имперіи — своего бывшаго отечества. Новому народу не достаетъ еще своего собственнаго имени, онъ все еще принужденъ довольствоваться названіемъ русскихъ сектантовъ, Мелитопольскихъ поселянъ — и вотъ начинаются настойчивыя хлопоты о признаніи за нимъ самостоятельнаго названія «духоборцевъ». Ходатайство это уважено только на половину, но вожаки довольны и этой полу-побѣдой: сектантамъ все-таки дано право открыто именовать себя «духоборцами» т. е. «не русскими», а въ этомъ-то и состояла вся суть ихъ ходатайствъ. За новымъ народомъ признано такимъ образомъ правительствомъ, выдѣлившимъ его изъ себя, и его новое имя.

Далѣе, первому властителю необходимо для поддержанія устроеннаго имъ государства упроченіе власти на будущее время, въ томъ же ея видѣ, а при этомъ желательно, съ эгоистической точки зрѣнія, упрочить эту власть именно въ своемъ родѣ—и вотъ появляется новое ученіе, также принятое народомъ на вѣру и также возведенное въ догматъ—о переходѣ души Христовой послѣдовательно отъ отца къ сыну одного и того же избраннаго рода, и въ результатѣ получается установленіе правильной, наслѣдственной верховной династіи. Важно также для главарей навсегда укоренить въ народѣ сознаніе о его независимости отъ властей имперіи и вообще о политической самостоятельности, и вотъ начинается рядъ проповѣдей, истолковывающихъ народу его положеніе совершенно въ превратномъ, но въ выгодномъ для главарей смыслѣ. По

этимъ проповѣдямъ русскій царь выдѣлилъ духоборцевъ изъ своего государства и отдалъ имъ землю съ условіемъ лишь платить дань. Такимъ образомъ, «отечество» духоборца—уже не вся Русская земля, а только та, на которой они живутъ, вмѣщающая въ себѣ и ихъ учрежденія, и ихъ собственную верховную власть, которая собственно и является олицетвореніемъ ихъ новаго отечества. Вмѣстѣ съ тѣмъ русскій царь силенъ и могущественъ и съ нимъ по-неволѣ нужно жить мирно и исполнять нѣкоторыя его требованія, но только тѣ, которыя разрѣшаетъ глава духоборскаго народа, только одинъ и властный приказывать вѣрующимъ. Всякія русскія власти не могутъ вмѣшиваться во внутренніе безпорядки духоборцевъ, а если эти власти и вмѣшиваются иногда, то не иначе какъ съ соизволенія главаря духоборцевъ. Всѣ русскіе люди, входящіе въ сношенія съ духоборцами или наѣзжающіе къ нимъ по различнымъ дѣламъ, и служебнымъ и частнымъ,—суть или гости, или какъ бы послы, или представители дружественной державы, и обращаться надо съ ними такъ, какъ укажетъ въ каждомъ случаѣ главарь.

Но проводя эти и подобныя имъ принципы въ сознаніе народа и тѣмъ закрѣпощая его своей власти, главари, очевидно, сознавали вмѣстѣ съ тѣмъ и всю опасность, грозящую имъ со стороны русскихъ властей, въ случаѣ если бы таковые принципы провозглашались кѣмъ либо публично и громогласно. Изъ этого опасенія и проистекаетъ тотъ кодексъ лукавства, лицемѣрія, скрытности и лжи, который они, пользуясь слѣпой вѣрой своихъ простодушныхъ послѣдователей и прибѣгая, вѣроятно, при этомъ къ помощи различныхъ шарлатанскихъ пріемовъ, заставили воспринять послушный народъ, какъ нѣчто таинственно-священное и обязательно-необходимое, при всѣхъ сношеніяхъ съ лицами, къ сектѣ не принадлежащими, а въ особенности же со всякаго рода представителями власти могущественнаго Русскаго государства.

Но тотъ же кодексъ навязываемаго духоборцамъ обязательнаго міровоззрѣнія и поведенія не могъ, конечно, ограничиваться лишь тѣмъ, что касалось, такъ сказать, только внѣшней политики государства; онъ неминуемо долженъ былъ способствовать вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣмъ цѣлямъ, къ которымъ стремились главари въ области своей политики внутренней. Вождямъ нуженъ былъ народъ смирный, покорный и неспособный къ проявленію какого либо протеста. Изъ этого начала должны были проистекать всѣ основныя положенія внутренней дисциплины, и они дѣйствительно выразились въ этомъ смыслѣ совершенно рельефно. Отсюда: гоненіе на грамотность, какъ на элементъ, способствующій развитію интеллектуальныхъ силъ народа; обязательное отчужденіе, въ тѣхъ же видахъ, всѣхъ сектантовъ отъ внѣшняго міра, какъ отъ грѣховнаго (халдеевъ); требованіе безусловнаго и безпрекословнаго повиновенія главарямъ и ихъ агентамъ; постоянныя напоминанія о томъ, что главарь

во всякое время воленъ всевластно распоряжаться личностью и имуществомъ каждаго члена секты и т. п. Отсюда же и система жестокихъ наказаній, производимыхъ келейно при всякомъ случаѣ уклоненія отъ требованій главаря. Вотъ общая картина той политики, которой держались главари и благодаря которой имъ удалось мало-по-малу совершенно измѣнить суть и смыслъ первоначальнаго сообщества, превративъ его изъ союза религіозно-либеральнаго—въ общество самаго деспотическаго типа. На таковую перемѣну, происшедшую въ характерѣ духоборческаго сообщества, правительство надлежащаго вниманія своевременно не обратило, отчасти, благодаря той скрытности, которую проявляли духоборцы во всемъ, что касалось ихъ внутренней жизни, отчасти же и вслѣдствіе простаго нежеланія тревожить и волновать трудолюбивый муравейникъ наружно-покорныхъ и симпатичныхъ сектантовъ, а между тѣмъ всѣ дальнѣйшія событія именно изъ таковаго перехода секты отъ одного типа общенія къ другому и проистекаютъ.

Тиранія духоборческихъ деспотовъ, какъ основанная исключительно на себялюбивой политикѣ главарей, прикрывающихся лишь наружно стремленіемъ принципіальнаго служенія общественному дѣлу, несмотря на всѣ ихъ усилія, долго продолжаться не могла и конечнымъ результатомъ ея паденія, а вслѣдъ за симъ и разрушенія всего искуственно созданнаго государственнаго строя секты и являются всѣ описанные выше волненія и безпорядки. Способствовали паденію духоборческаго государства главнымъ образомъ тѣ существенные элементы разложенія, которые зародились внутри самого общественнаго организма, какъ прямыя послѣдствія его ненормальности.

Секта возникла и распространялась въ тѣ давнія времена, когда отдѣльныя личности низшихъ сословій страдали отъ неправды и произвола и претерпѣвали многія муки, и физическія и нравственныя. Сплоченіе сектантовъ между собою и постоянное стремленіе ихъ къ выдѣленію своего сообщества изъ общаго строя тогдашней русской государственной жизни являлось въ тѣ времена совершенно естественнымъ, такъ какъ мотивомъ его служило вполнѣ понятное желаніе избавиться отъ гнета окружавшей ихъ среды. Далѣе, это сплоченіе и единеніе, при существованіи во внѣшнемъ мірѣ тѣхъ же тяжелыхъ условій жизни, легко поддерживалось и собственнымъ сознаніемъ сектантовъ; дисциплиной же, введенной главарями, устанавливался сверхъ того и принципъ полнаго отчужденія отъ внѣшняго міра. Принципъ этотъ усвоился, очевидно, народомъ весьма охотно, такъ какъ условія жизни въ этомъ внѣшнемъ мірѣ оставались почти тѣ же, отъ которыхъ они и спасались. Легко переносился въ то время народомъ и суровый режимъ наказаній, примѣняемыхъ главарями, такъ какъ онъ по своей жестокости все-таки не превосходилъ обыкновенныхъ мѣръ взысканій, къ которымъ народъ

успѣлъ привыкнуть и ранѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ исходилъ отъ власти, признанной самимъ народомъ добровольно, законной и правомѣрной. Такимъ образомъ секта представляла изъ себя живой протестъ противу существовавшихъ порядковъ, въ этомъ то и заключалась вся ея сила и значеніе, какъ сообщества обособленнаго. Но вотъ прошли года, и реформы правительства мало-по-малу совершенно измѣнили старый строй жизни. О прежнихъ насиліяхъ, несправедливостяхъ и суровыхъ взысканіяхъ осталось одно лишь слабое воспоминаніе, и въ общемъ жизнь потекла на совершенно иныхъ началахъ, гораздо болѣе гуманныхъ и справедливыхъ. Причины, вызвавшія протестъ въ большинствѣ, безслѣдно пропали, и самая форма протеста въ силу положенія вещей явилась уже совершенно ненормальной. Все зданіе духоборческаго сообщества уподобилось крѣпости, огражденной твердыми стѣнами и вмѣщающей въ себѣ прекрасно дисциплинированный гарнизонъ, но на которую никогда никто и не думаетъ нападать ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, не претерпѣвая никакихъ посягательствъ на свои личныя и имущественныя права со стороны враждебнаго имъ лишь по принципу внѣшняго міра, сектанты невольно въ силу самыхъ требованій жизни входили съ этимъ міромъ все въ болѣе тѣсныя и близкія сношенія. Это общеніе, противу котораго ничего не могла подѣлать никакая дисциплина, конечно, должно было принести свои плоды. И дѣйствительно, умственный кругозоръ духоборцевъ постепенно расширялся; получались сравненія и выводились умозаключенія часто далеко не въ пользу своего собственнаго быта; зарождалось понятіе о свободѣ личности, совершенно подавленной вѣковой политикой главарей; появились и окрѣпли личные и имущественные интересы, а также и забота объ обезпеченіи ихъ неприкосновенности. Такія и подобныя имъ послѣдствія сношеній съ внѣшнимъ міромъ, конечно, еще болѣе оттѣнили ненормальность причинъ замкнутости секты и, подрывая довѣріе къ эгоистической политикѣ главарей, расшатывали ихъ авторитетъ въ глазахъ многихъ отдѣльныхъ сектантовъ.

Не мало способствовало разрушенію государственнаго строя секты и еще одно обстоятельство, чисто случайное, а именно—прекращеніе мужскаго поколѣнія главарей и являвшееся, въ силу необходимости, правленіе женское—послѣдней изъ Калмыковыхъ, Лукерьи Васильевны. Обстоятельство это впрочемъ не столько важно по своему внутреннему значенію, сколько въ томъ смыслѣ, что оно во многомъ способствовало ускоренію развязки. Не будь его, и государственный строй секты, несмотря на свою ненормальность, благодаря вѣковой традиціи, вкоренившейся въ народъ—могъ еще долго держаться искуственно и въ будущемъ вызвать недоразумѣнія, еще болѣе сложныя и серьезныя. Послѣдняя правительница при всемъ своемъ умѣ и тактѣ принуждена была, какъ женщи-

на, привлечь къ управленію цѣлый рядъ помощниковъ, черезъ что, съ одной стороны, нарушался на практикѣ единоличный деспотическій принципъ правленія, а съ другой—большое число лицъ, стоявшихъ во главѣ правленія, а черезъ нихъ и ихъ родственники и близкіе невольно утрачивали вѣру въ святость и непогрѣшимость распоряженій главы секты. Кромѣ того, то же фактическое раздѣленіе власти должно было способствовать поднятію между отдѣльными личностями, стоявшими у власти, ихъ личныхъ и имущественныхъ интересовъ. И дѣйствительно, во время правленія Лукерьи Васильевны матеріальное благосостояніе отдѣльныхъ приближенныхъ къ ней личностей, преимущественно горѣловцевъ, равно какъ и пріобрѣтенное ими личное властное вліяніе на народъ достигли своего апогея.

Всѣ изложенныя обстоятельства подтачивали въ корнѣ государственныя основы секты, упраздняя смыслъ дальнѣйшаго ея существованія въ такомъ видѣ, который она усвоила себѣ за послѣднее столѣтіе. И дѣйствительно: зачѣмъ управляющій сектой, когда святость и божественность его происхожденія сомнительны; зачѣмъ его деспотическая диктаторская власть, когда не отъ кого защищаться, а между тѣмъ онъ можетъ разрушить благосостояніе каждаго; зачѣмъ такая строгая и тяжелая организація, направленная къ самозащитѣ, когда никакой опасности нѣтъ; зачѣмъ новый властный главарь, когда для многихъ его появленіе влечетъ за собою отреченіе отъ пріобрѣтенной личной власти. Судя по приведеннымъ показаніямъ представителей второй партіи, даже при жизни Лукерьи Калмыковой начались колебанія въ сектѣ; тогда уже появились сомнѣнія въ ея святости и способности творить чудеса, и если прежняя стройность въ управленіи и поддерживалась, то лишь въ силу инертности массы и нежеланія второстепенныхъ главарей, ея пособниковъ, выпустить фактическую власть изъ своихъ рукъ. Но со смертью Лукерьи Васильевны распаденіе строя секты сдѣлалось неизбѣжнымъ. Конечно, если бы во главѣ секты появился энергичный человѣкъ, способный внушить къ себѣ страхъ и уваженіе или вообще покорить умы сектантовъ,—онъ задержалъ бы на время разрушеніе этого строя, но это была бы только временная отсрочка. Духоборческое государство отжило свой вѣкъ, утратило значеніе и потеряло смыслъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, первыми протестантами противу стараго порядка вещей явились тѣ лица, для которыхъ реформа являлась наиболѣе выгодною и полезною, а именно: наиболѣе состоятельные, развитые и пріобрѣтшіе привычку повелѣвать—горѣловцы. За ними пошло на первыхъ порахъ хотя лишь меньшинство изъ сектантовъ, но этого они не убоялись, отлично понимая, что что бы тамъ ни говорили и ни предпринимали ихъ противники, русскія власти не могутъ дать ихъ въ обиду, и, конечно, не ошиблись въ разсчетѣ: сила оказалась на ихъ сторонѣ, и

противники ничего противъ нихъ предпринять не могли и не смѣли. Такимъ образомъ первый шагъ къ разрушенію «государства» духоборцевъ былъ сдѣланъ; все послѣдующее окончательное распаденіе его представлялось лишь вопросомъ времени.

Но какъ бы ни былъ понятенъ и логиченъ весь ходъ дальнѣйшихъ событій—ускореніе по возможности естественнаго пути процесса разложенія духоборческаго строя являлось во всѣхъ отношеніяхъ весьма желательнымъ и полезнымъ, такъ какъ дальнѣйшее продолженіе неопредѣленности могло-бы вызвать множество весьма печальныхъ и пагубныхъ послѣдствій. Такую критическую эпоху въ своей жизни народъ не могъ переживать спокойно, а обыкновенныя въ подобныхъ случаяхъ наружныя волненія и безпорядки могли бы вызвать необходимость различныхъ общихъ репрессивныхъ мѣръ, примѣненіе которыхъ, конечно, только бы разожгло фанатизмъ сектантовъ и способствовало бы ихъ сплоченію, т. е. только бы вредило дѣлу. По счастію, излюбленный сектантами методъ скрытности и внѣшней дисциплинировки сослужилъ въ данномъ случаѣ великую службу дѣлу. Съ самаго начала распри между большой и малой партіями и вплоть до прошлаго лѣта броженіе между духоборцами хотя и замѣчалось, но въ общее волненіе, требующее строгихъ репрессивныхъ мѣръ, не переходило, а между тѣмъ процессъ разложенія въ ихъ средѣ продолжалъ свое дѣло непрерывно. Распря и раздоръ зародились, наконецъ, и между членами большой партіи, по сіе время дружно настаивающими на возвращеніи ихъ избраннаго вождя, а съ тѣмъ вмѣстѣ инстинктивно отстаивающими и привычный имъ строй ихъ общины. Открытыя волненія и безпорядки вспыхнули такимъ образомъ только тогда, когда въ сектѣ произошелъ уже новый расколъ, т. е. когда въ общемъ уже большинство духоборцевъ открыто разорвали связующія ихъ между собою цѣпи и тѣмъ окончательно разрушили ту форму общежитія, въ которой они находили по сіе время главные устои своего исключительнаго, самобытнаго существованія.

Сущность причинъ, вызвавшихъ этотъ новый частный расколъ въ рядахъ большой партіи, насколько она выяснилась изъ объясненій отдѣльныхъ членовъ второй партіи, позволяетъ, между прочимъ, достаточно ясно судить и о томъ, чего можно ожидать отъ поведенія этой партіи въ будущемъ. Дѣло въ томъ, что когда духоборцы большой партіи «подписывались» т. е. присягали своему новому избранному вождю Петру Веригину — это былъ самый обыкновенный духоборскій парень, хотя и грамотный и не глупый по природѣ, но совершенно необразованный; теперь же послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ссылки, судя по его воззваніямъ и прокламаціямъ, которыя онъ, къ сожалѣнію, несмотря на установленный за нимъ надзоръ, имѣетъ возможность пересылать къ своимъ приверженцамъ, оказывается, что онъ успѣлъ за это время многому научиться, многое услышать и о многомъ прочитать. Весьма вѣроятно, что

всѣ эти его обращенія къ духоборцамъ исходятъ и не изъ-подъ его пера, а людей болѣе его интеллигентныхъ, но сути дѣла это не имѣетъ, такъ какъ большинство духоборцевъ слѣпо вѣритъ, что все это исходитъ отъ него. Въ этихъ своихъ обращеніяхъ къ народу Веригинъ, какъ замѣтили нѣкоторые изъ его приверженцевъ, во многомъ измѣнилъ старое ученіе духоборцевъ, добавивъ къ нему много новыхъ правилъ, доселѣ духоборцамъ неизвѣстныхъ. Этито новыя прибавленія и породили новый расколъ. Въ то время какъ «постники», самые фанатичные изъ сектантовъ, толкуютъ дѣло такъ: «вождь нашъ—воплотившійся Христосъ, а потому онъ имѣетъ право предписывать намъ что угодно, и мы все-таки обязаны ему во всемъ повиноваться»; другая часть большой партіи смотритъ на вопросъ нѣсколько иначе и разсуждаетъ такъ: «по нашему духоборческому ученію Христосъ можетъ воплотиться только въ духоборца, а такъ какъ Веригинъ принялъ новое ученіе, то онъ уже не духоборецъ, слѣдовательно и Христосъ не могъ въ него воплотиться, а разъ онъ не Христосъ, и повиноваться ему не слѣдуетъ». Мысль эта, какъ совершенно съ точки зрѣнія духоборческаго ученія послѣдовательная и логичная, и заставила вторую партію отдѣлиться отъ третьей и занять положеніе самостоятельное—какъ бы выжидательное. Кто первый внесъ эту мысль въ среду членовъ большой партіи—неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ она, въ силу своей разсудочности и наличности въ ней здраваго смысла, имѣетъ въ себѣ гораздо болѣе элементовъ стойкости и убѣдительности, чѣмъ слѣпая вѣра «постниковъ», допускающихъ, что если бы даже ихъ вождь предписывалъ имъ правила, совершенно противныя и христіанскимъ началамъ и нравственности, то они и тогда бы обязаны были ему повиноваться, т. е. совершенную нелѣпость. Этому-то разсудочно-толковому отношенію къ предмету вѣроятно и суждено въ будущемъ послужить звеномъ для соединенія второй партіи съ первой,тѣмъ болѣе,что горѣловцы съ точки зрѣнія своей чисто-религіозной логики ведутъ себя и толково и дѣльно. Во внѣшнемъ своемъ поведеніи, они хотя и отреклись отъ Веригина, но общимъ духоборческимъ своимъ принципамъ не измѣнили. Такъ, напримѣръ, «Сиротскій домъ» и капиталы, перешедшіе по опредѣленію суда Губанову, какъ наслѣдство послѣ смерти его сестры, фактически остаются и по сіе время, по примѣру прежнихъ лѣтъ, какъ бы достояніемъ общественнымъ, съ тою только разницею, что подъ опредѣленіемъ слова «общество» разумѣются пока только члены малой партіи, такъ какъ остальныхъ членовъ большой партіи, а въ особенности «постниковъ», горѣловцы за духоборцевъ не признаютъ. Такимъ образомъ первая партія, измѣнивъ принципамъ государственнымъ въ общемъ, религіознымъ и общественнымъ духоборческимъ принципамъ не измѣняетъ, а напротивъ, какъ бы является ихъ поборницей и охранительницей. Такое отношеніе къ дѣлу горѣловцевъ, въ особенности при наличности зародившагося у второй партіи критическаго взгляда на главу секты, даетъ

основаніе надѣяться, что желательное сліяніе обѣихъ этихъ партій осуществится снова на почвѣ принциповъ, и общественныхъ и религіозныхъ. Такимъ образомъ, надо полагать, что бо́льшая часть духоборцевъ (такъ какъ соединенныя двѣ партіи въ общемъ составляютъ большинство) и притомъ самыхъ изъ нихъ зажиточныхъ и сравнительно интеллигентныхъ — спокойно останутся умиротворенные на своихъ насиженныхъ мѣстахъ, сильные своими нравственными традиціями и бодрые духомъ, но лишенные лишь элемента наиболѣе опаснаго, элемента обособленной, незаконной власти. Не пройдетъ въ такомъ случаѣ и двухъ-трехъ десятковъ лѣтъ, какъ это новое, обновленное въ своей организаціи сообщество русскихъ образцовыхъ тружениковъ снова разцвѣтетъ въ полномъ блескѣ на нашей окраинѣ и на сей разъ дѣйствительно высоко подыметъ культурное знамя русской народности, въ русскомъ государствѣ и на русской территоріи.

Въ концѣ концовъ несчастными жертвами настоящаго замѣшательства являются лишь слѣпые фанатики третьей партіи «постники». Принявъ по приказанію своего повелителя новую вѣру, образовавъ изъ себя такимъ образомъ новую секту, они совершенно разорвали связь со своими бывшими единовѣрцами, изъ братьевъ превратились въ ихъ враговъ, и дальнѣйшее совмѣстное пребываніе тѣхъ и другихъ сдѣлалось немыслимымъ. «Постники» отлично сами понимаютъ свое положеніе, а потому громко настаиваютъ на скорѣйшемъ выселеніи ихъ изъ края. Судить о вредѣ новой секты въ практической жизни пока преждевременно, такъ какъ ученіе ея практикуется еще весьма недавно и, наконецъ, оно можетъ подвергнуться и новымъ измѣненіямъ, но во всякомъ случаѣ пока лишь ясно, что секта эта является гораздо болѣе вредною, чѣмъ секта духоборческая. Но тѣмъ не менѣе, судьба «постниковъ» вызываетъ невольное къ нимъ сожалѣніе; они все-таки не преступники, а лишь жертвы того увлеченія идеей, вѣрности кореннымъ чувствомъ долга, которое при иной обстановкѣ могло бы вызвать къ нимъ лишь симпатіи. Остается надѣяться, что здравый практическій смыслъ, присущій натурѣ русскаго крестьянина, къ какому бы ученію онъ ни принадлежалъ, поможетъ имъ въ практической жизни переработать навязываемое имъ извнѣ новое ученіе и вылить его въ формы, способныя дать имъ возможность хотя бы существовать гдѣ бы то ни было, пользуясь покровительствомъ законовъ. Грустно подумать, что нѣсколько тысячъ людей честныхъ и трудолюбивыхъ принуждены страдать и мучиться изъ-за прихоти одного властолюбиваго эгоиста и единственно въ силу своего нравственнаго принципа, продолжительное и безпрепятственное исповѣданіе котораго возвело его въ крѣпкій, непоколебимый догматъ, свято примѣняемый заблудшими фанатиками, несмотря на всю его безразсудность, нелѣпость и непрактичность.

М. Тебеньковъ.

ГРАФИНЯ АННА ОРЛОВА-ЧЕСМЕНСКАЯ

и

АРХИМАНДРИТЪ ФОТІЙ.

I.

Письмо крестьянъ графинѣ Орловой-Чесменской.

„ “ января 1826 г.

Премилосердая наша мать, добрая помѣщица!

Мы, рабы твои, рабы бывшіе, а теперь стали свободные, по твоей-ли волѣ, иль по видамъ твоего обладателя, очаровавшаго тебя до изступленія. Мы служили тебѣ вѣрою и правдою; мы имѣли тогда кусокъ вѣрнаго хлѣба, мѣста постоянныя, но теперь скитаемся по бѣлу свѣту; и хотя питаемся съ нуждою, но мы готовы глотать и гнилую корку—лишь бы слышать о тебѣ вѣсти добрыя, полу и роду твоему приличныя. Но, ахъ больно сердцу рабскому, сердцу рабскому, но усердному, что ты впала наша мать въ руки волка хищнаго, волка хитраго и неумнаго. Онъ проводитъ у тебя дни и ночи вопреки правилъ святыхъ отецъ, ко всеобщему православныхъ соблазну [1]). Онъ осѣтилъ тебя съ ногъ до головы; онъ очаровалъ тебя ягодицами Бринскихъ лѣсовъ. Ты обожаешь его не какъ въ Богѣ человѣка, но какъ въ человѣкѣ страстномъ Бога. Ты унизила себя предъ нимъ до самой низкой подлости; ты готова для него всѣмъ на свѣтѣ жертвовать, а онъ, видя твое изступленіе, обираетъ тебя ничѣмъ не щадя и ограбитъ тебя до ниточки, разоритъ тебя и Богомъ

[1]) Горе человѣку тому, имъ же соблазнанъ приходитъ. Аще кто соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Мя, уне есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его и потонетъ въ пучинѣ морстей. Матѳ. гл. 18, ст. 6 и 7.

ввѣренныхъ тебѣ крестьянъ, за которыхъ ты и за послѣдняго отдашь предъ Богомъ отвѣтъ. Ты ни мало не входишь въ ихъ состояніе, но оставила на произволъ глупыхъ и жадныхъ управителей. Уже стонъ ихъ колеблетъ небеса, и хоть видитъ участь ихъ горькую твой послѣдній рабъ; но ты, бывъ опоена опіемомъ изступленія,—спишь спячкою глубокою, а пробудить тебя некому. Онъ удалилъ отъ тебя какъ родныхъ твоихъ, такъ и искреннихъ умныхъ друзей, а окружилъ тебя льстецами низкими и рабами подлыми, угождающими твоимъ и его страстямъ для своихъ видовъ. Ты раступись, раступись, мать сыра-земля; ты подымись, подымись гробовая доска; ты проснись, проснись, баринъ добрый нашъ изъ вѣчности, баринъ добрый нашъ, краса русскихъ бояръ: мы очень знаемъ, что тѣнь твоя содрогнется, видя дѣла твоей дочери; но ты взгляни, взгляни хоть одинъ разъ на нее; ты вскормилъ, вспоилъ и училъ ее быть русскою барынею, истинною христіанкою, а не пустосвяткою; она славу твою геройскую и память добрую помрачила, домъ царя русскаго, церковь Божію, іерархію посрамила, проживая въ древней обители, освященной истинными подвижниками по полугоду съ празднолюбцами и тунеядцами. Ты опомнись, опомнись наша добрая мать, уврачуй себя отъ демонскаго навожденія животворящимъ крестомъ. Ты послушай-ка нашего рабскаго совѣту; ты подумай-ка сама хорошенько и здравомысленно: станетъ-ли истинный святильникъ, если онъ не адскій факелъ, святить на одинъ только слабый полъ женскій, да и то на одинъ богатый, а мущинъ умныхъ какъ демоновъ бояться? Солнце праведное свѣтитъ на всѣхъ равно. Станетъ ли истинный подвижникъ, обрекшійся на нищету и власяницу, гоняться за плотскими украшеніями, за убранствами богатыми, за отличіями брилліантовыми, за шубами собольими и чернобурыхъ лисицъ? Станетъ ли носить рубахи фланскаго полотна, разъѣзжать четверкою въ великолѣпной колесницѣ съ лакеями въ богатой ливреѣ, пренебрегать ихъ и считать за скотовъ? Ахъ! такіе пути не ведутъ въ царство небесное, но ведутъ прямо во тьму кромешную. Мы бывали много разъ у Святотроицкой лавры, въ лаврѣ святаго Сергія, истиннаго подвижника; мы видали тамъ изъ нетлѣнныхъ его одеждъ самыя бѣдныя и изъ русской простой ткани; мы слыхали и читали, что и пища его была хлѣбъ да вода, а не сладкія кушанья, не заморскія вина, не стерляжья уха, не иноземные фрукты и не кіевскія варенья, не различныя жиле, не кашицы и кисели съ миндальнымъ молокомъ: но его пища была—простое сочиво.

Не прогнѣвайся, наша мать, на простую нашу рѣчь,—но усердную: она излилась у насъ изъ глубокихъ сердецъ съ слезами горькими. Мы вѣдь знаемъ, что ты имѣешь еще сердце доброе, но умъ очарованный. Тебѣ толкуютъ все въ превратномъ видѣ и убаюкиваютъ отъ правильной народной молвы, что хотящіе благочестно жити, гонимы будутъ,—все это такъ, да

благочестія въ обоихъ васъ не видно, кромѣ заблужденія. И такъ опомнись, наша мать, и образумся, и прибѣгни къ общей нашей Помощницѣ Божіей Матери; будь по-прежнему христіанкою и уклоняйся, какъ апостолъ Павелъ говоритъ, отъ учителей поныряющихъ въ домы и плѣняющихъ женишца [1]), не умѣющихъ себя научить, но другихъ поучающихъ, слушай общаго ученія церкви, нашей матери, будь по-прежнему сирымъ и вдовымъ покровительницею, а разоренымъ и неимущимъ изъ своей собратіи помощницею, и не затворяй твоего сердца къ нищей братіи [2]), не бросай твоего добра, отцемъ заслуженнаго, предъ бродягами и тунеядцами. Таковыя жертвы, не мни, не дадутъ тебѣ ни угла въ раю, ни отцу твоему не сдѣлаютъ ни малѣйшей отрады. Не мечи бисера передъ свиніями, да не попрутъ его ногами.

Бывшіе рабы твои.

Сообщила **А. А. Комовская**.

II.

Къ біографіи Фотія.

Въ 1837 году наканунѣ праздника Воздвиженія Фотій, безъ разрѣшенія высшей духовной власти, устроилъ крестный ходъ изъ подвѣдомственнаго ему Клопскаго монастыря въ свою обитель, т. е. въ Юрьевъ монастырь.

Объ этомъ узналъ мѣстный викарій Ѳеодосій, которому всякая оплошность Фотія была на руку. Онъ настойчиво домогался вытѣснить его въ Хутынскій монастырь и сдѣлать Юрьевскій мѣстопребываніемъ викарныхъ архіереевъ. Ѳеодосій всячески хулилъ Фотія предъ начальствомъ и вообще пускалъ въ ходъ доносы, лишь бы только выжить его изъ Юрьевской обители. «Многоразличныя козни» дѣлалъ Ѳеодосій подъ строгимъ секретомъ; въ глаза же льстилъ Фотію, высказывалъ расположеніе и любовь. Все это Фотій прекрасно зналъ, но не подавалъ виду. Словомъ, при встрѣчахъ, оба монаха разсыпались

---

[1]) То-есть незамужнихъ дѣвицъ.

[2]) Вотъ истинный христіанскій постъ, и за таковый постъ если ты призовеши Бога, Онъ услышитъ тебя; а впрочемъ какъ-бы ты ни воздерживалась отъ яствъ и питія и въ качествѣ и въ количествѣ, и хоть-бы до того себя изнурила, что и шея твоя согнулась какъ серпъ; то таковаго поста безъ перваго Богъ не приметъ отъ тебя; и какъ ты ни вопи къ Нему, Онъ не услышитъ тебя. Читай ты и обладатель твой Исаія пророка главу 58-ю.

въ любезностяхъ и даже называли себя друзьями, а тайно держали за пазухою камень.

Воспользовавшись незаконно совершеннымъ крестнымъ ходомъ Ѳеодосій писалъ митрополиту Серафиму, что юрьевскій архимандритъ «великое нечестіе и беззаконіе содѣялъ», благословилъ неустановленный крестный ходъ изъ Клопскаго въ Юрьевъ монастырь и тѣмъ привлекъ массы народа, выходившаго изъ ближнихъ деревень къ пути слѣдованія.

Митрополитъ потребовалъ отъ Фотія объясненія. Архимандритъ сразу заподозрилъ Ѳеодосія и больше прежняго озлобился на него.

Вдругъ чрезъ двѣ-три недѣли пріѣхалъ Ѳеодосій въ Юрьевъ, поразвѣдать отъ Фотія что-нибудь о крестномъ ходѣ, чтобы еще подлить масла въ огонь. Фотій, увидя подъѣхавшаго викарія, бѣжалъ изъ кельи и сталъ скрываться въ монастырскихъ садахъ, не желая встрѣчаться съ «тайнымъ врагомъ». Долго разыскивалъ по монастырю Ѳеодосій Фотія: ходилъ по кельямъ братіи, заглядывалъ въ сараи, амбары, былъ на постройкахъ и, наконецъ, увидѣлъ его крадущагося по дорожкѣ въ саду. Скрыться Фотію отъ зоркихъ глазъ преслѣдователя было поздно; его замѣтилъ викарій и радостно привѣтствовалъ: «Отче, Фотій, ты здѣсь!?» Фотій встрѣтилъ его подобострастно, какъ подчиненный начальника и попросилъ благословенія.

— На что тебѣ мое благословеніе,—отозвался пріятельски викарій.

Фотій молчалъ.

— Ты на меня сердитъ?—спросилъ викарій, при видѣ хмураго, насупившагося архимандрита.

— Развѣ что у тебя, владыко, на меня въ сердцѣ сдѣлано, а у меня причины нѣтъ ко гнѣву,—смиренно отвѣчалъ настоятель монастыря.

При дальнѣйшемъ разговорѣ, Ѳеодосій ловилъ Фотія насчетъ незаконнаго крестнаго хода, но тотъ былъ остороженъ и ловко уклонялся. Онъ все время жаловался на свою болѣзнь, казался непривѣтливымъ и даже не пригласилъ викарія къ себѣ въ келью. Тѣмъ не менѣе монахи разстались дружески: обнялись и поцѣловались.

Въ Петербургѣ за крестный ходъ рѣшено было сдѣлать Фотію выговоръ. Графиня Анна Чесменская, какъ одна изъ послушнѣйшихъ овецъ Фотія, защищала предъ Серафимомъ своего «отца святаго», но митрополитъ убѣждалъ ее, что только одинъ викарій Ѳеодосій, черезъ котораго послѣдуетъ выговоръ, будетъ о немъ знать. По ходатайству графини выговоръ замѣнили подпискою, которая была изложена въ бумагѣ, данной Ѳеодосію митрополитомъ Серафимомъ. Тамъ же заключалось и порученіе, которымъ викарій обязывался съѣздить къ Фотію и отобрать отъ него подписку, слово въ слово согласную съ заключающеюся въ бумагѣ.

О днѣ, въ который пріѣдетъ Ѳеодосій за подпиской, Фотій узналъ стороной. День этотъ былъ 9-ое ноября. Фотій выслалъ за двѣ версты верховаго, чтобы онъ далъ заранѣе знать о приближеніи викарія.

Въ полдень карета съ Ѳеодосіемъ, имѣя впереди верховаго-послушника, катила по монастырскому шоссе, красиво усаженному ивами и тополями. Едва лошади остановились у святыхъ вратъ обители, какъ съ съ колокольни раздался звонъ во всѣ колокола.

Фотій ласково и приниженно встрѣтилъ Ѳеодосія, который былъ «въ изступленіи, весь теменъ и трепещущій».

— На что такая новость—звонъ?—спросилъ викарій.

Архимандритъ отвѣтилъ весело и вмѣстѣ съ тѣмъ лукаво.

— У насъ викаріи бывали рѣдко, но мѣтко. Всегда ихъ срѣтали и провождали со звономъ среди дня.

— На что-же верховой былъ?

— Воля это моя: лучше же съ честью срѣтить, нежели безъ чести,— говорилъ съ улыбкою архимандритъ.

Ѳеодосій перемѣнился «изъ чернаго въ свѣтлый образъ» и отправился съ Фотіемъ въ келью. Часа два говорили они о постороннихъ дѣлахъ; наконецъ, викарій, состроивъ печальную физіономію, началъ:

— Вотъ какое мнѣ странное порученіе дали. Не напрасно сердце мое болѣло и говорилъ я, что предъ какою-нибудь бѣдою. На, читай, что мнѣ прислано. При этомъ викарій подалъ Фотію оффиціальную бумагу.

— Худо вижу, не могу читать,— говорилъ архимандритъ.

Тогда Ѳеодосій самъ сталъ читать, а Фотій время-отъ-времени перебивать его такими словами: «это такъ», «мое дѣло», «что за бѣда», «имѣю право».

Послѣ чтенія Фотій раздраженно сказалъ:

— Не будетъ по сему такъ, нигдѣ и никогда. Я уже привыкъ давать подписки и обязательства не первый разъ, не первое искушеніе, всего бывало со всѣми, а это ничего не значитъ.

Ѳеодосій продолжалъ оправдываться, говоря, что митрополитъ просилъ у него по этому дѣлу отзыва, и онъ далъ его, будто бы, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ о Фотіи.

— Ты, владыко, свое дѣло сдѣлалъ; твоя была воля, но можно-бъ меня, какъ друга, спросить, и потомъ писать,—упрекалъ архимандритъ викарія.

— Я послѣ не смѣлъ пріѣхать, когда ты меня принялъ строго, а не дружески,—напомнилъ Ѳеодосій о послѣднемъ свиданіи.

— А котораго числа ты писалъ?

— 16-го октября.

— А ты владыко изволилъ быть у меня 27-го октября. Слѣдовательно

писано было до моего строгаго обращенія; къ этому времени даже дѣло уже было рѣшено.

Почувствовавъ себя попавшимъ въ просакъ, Ѳеодосій перемѣнился въ лицѣ, сталъ заминать разговоръ и просилъ приступить къ дачѣ подписки, но Фотій не переставалъ язвить викарія.

— Благодарю покорно, что ты весьма въ мою пользу донесъ и потому ничего не вышло важнаго.

Послѣ этихъ словъ Фотій, при помощи лупы, сталъ выписывать изъ бумаги подписку, которая заключалась въ слѣдующемъ:

«Во исполненіе предписанія его высокопреосвященства, милостивѣйшаго отца и архипастыря, даю сію подписку рукою моею, что противныхъ церковнымъ правиламъ дозволеній въ благочиніи состоящимъ монастырямъ и настоятелямъ съ братіею не будетъ и самъ отступать не буду».

Написавъ слово «братіею», Фотій прибавилъ отъ себя — «какъ не было противныхъ дозволеній церковнымъ правиламъ, такъ и не будетъ другимъ дано и самъ отступать не буду».

Когда Ѳеодосій сталъ опротестовать вставленныя слова, Фотій вскочилъ со стула и взволнованнымъ голосомъ сказалъ:

— Крестный ходъ не есть дозволеніе церковнымъ правиламъ противное. А у меня совсѣмъ не объ томъ подписка берется, моя воля есть писать подписку. А противныхъ церковнымъ правиламъ дозволеній я не токмо не дамъ и не сдѣлаю и отъ митрополита и Сунода не приму ни подъ какимъ видомъ. Никого и ничего не убоюся я.

Ѳеодосій слушалъ взволнованнаго архимандрита внимательно, участливо и въ концѣ монолога даже прослезился. Искренни-ли были слезы викарія—судить трудно, но тѣмъ не менѣе Фотій, какъ самъ писалъ графинѣ Орловой, счелъ ихъ за признакъ покаянія.

Положивъ въ карманъ бумагу и подписку, викарій сталъ прощаться. Монахи обнялись и крѣпко поцѣловались. Также торжественно, съ такимъ же трезвономъ, провожаемый до самой кареты Фотіемъ, выѣхалъ изъ Юрьева монастыря въ Новгородъ викарій Ѳеодосій.

Вотъ по поводу этой подписки, крестнаго хода и нѣкоторыхъ другихъ поступковъ Фотія, написано помѣщаемое ниже письмо Фотія графинѣ А. Орловой-Чесменской подъ заглавіемъ:

О многоразличныхъ козняхъ вражіихъ, и многихъ скорбяхъ на пути царствія Божія, и о непостоянствѣ архіерея и безуміи.

Радуйся, чадо мое. Господь съ тобою.

1.

Пишешь ты мнѣ отъ 21-го ноября тако:

«Посылаю нарочно узнать, отче мой святый, о твоемъ дражайшемъ здравіи. Вообрази удивленіе твоего вѣрнаго чада. Какъ я писала къ тебѣ, что въ субботу собиралася быть у митрополита Серафима, то и исполнила; но только вижу послѣ всенощнаго бдѣнія, что со мною митрополитъ совершенно холоденъ и даже грубо обходится. У него были еще какіе-то другіе посѣтители. Когда они встали принять его благословеніе, ѣхать домой, то и твое вѣрное чадо встала за ними и, прощаясь съ владыкою, говорю ему: „какъ мнѣ прискорбно васъ видѣть невеселымъ и немощнымъ“. Онъ мнѣ паки на сіе отвѣчаетъ, что много у него есть заботъ и непріятностей, и когда я стала просить у него тебѣ, моему отцу святому, благословеніе, то онъ промолчалъ. Я же ему сказала: „неужели вы все еще гнѣваетесь на моего отца?“ Онъ, митрополитъ, какъ закричитъ:—„я на него очень сердитъ за подписку, онъ мнѣ совсѣмъ не такую далъ, какую надобно“. На сіе ему отвѣчало твое вѣрное чадо, что „теперь не желаю васъ больше безпокоить“, и уѣхала. Признаюся, очень растревожена и сердита на Суслова, который меня недѣлю тому назадъ увѣрялъ, что митрополитъ, получивши твою подписку, остался спокоенъ, такъ какъ я и тебѣ сообщила, родитель мой святый. — А вышло все напротивъ — такъ сердитаго я еще не видала старца, каковъ онъ былъ нынѣ. Нынѣ же утромъ отправилася я паки къ митрополиту узнать навѣрное все какъ есть, пріѣхала я къ нему въ полдень, и онъ меня продержалъ у себя ровно три часа. Слава Богу, что вся желчь его вылилася на твоего многобѣднаго чада. Онъ долженъ быть злопамятенъ: всѣ малѣйшія приключенія и случившіяся въ 17 лѣтъ его пребыванія з д ѣ (здѣсь?) мнѣ попрекалъ. Я отъ тебя хотѣла скрыть, что онъ меня очень прежде гонялъ за то, что я причащалася въ жертвенникѣ изъ смиренія, говоря, что какая-то генеральша будто по всему городу сіи вѣсти разноситъ и до него оныя дошли [1]). Я ему и дала слово, что ежели сіе его безпокоитъ, то впредь онаго никогда не будетъ. Онъ симъ не удовольствовался, нынѣ открылъ мнѣ самъ, что ежели я не ошибаюся, послалъ къ тебѣ бумагу 19 ноября, чтобы никто у тебя не пріобщался [2]). Ты можешь вообразить, какъ сія нечаянность разразилася

---

[1]) Графиня Орлова пріѣзжала въ Юрьевъ монастырь нѣсколько разъ въ году, а къ празднику Рождества Христова обязательно. Въ послѣднемъ случаѣ она оставалась до половины января. Затѣмъ жила въ теченіе всего Великаго поста и св. Пасхи, пріѣзжала къ Троицыну дню и на мѣстный праздникъ Воздвиженія креста. Во всѣхъ этихъ случаяхъ Фотій имѣлъ обыкновеніе причащать графиню у жертвенника въ алтарѣ.

[2]) Здѣсь графиня Орлова говоритъ о слѣдующемъ ордерѣ митрополита архимандриту Фотію:

«Симъ предписывается вамъ, чтобъ вы, во избѣжаніе соблазна, сами не принимали къ себѣ на исповѣдь и Св. Хр. Таинъ не пріобщали никого изъ

надъ главою твоего бѣднаго чада, какъ громовая туча. Горько я у него плакала. Онъ послѣ немного смягчился и говоритъ, что сіе никто не будетъ знать кромѣ его и тебя; но мнѣ отъ сего все-таки нелегче, и немного погодя еще сказалъ: —„ежели онъ будетъ исполнять все по своему уставу, то оное можно паки разрѣшить“. Еще разсказывалъ, что Клопскій и Перекомскій монастыри велѣлъ ректору отдать во благочиніе. Я ему на сіе отвѣчала: „вы вѣрно моему отцу симъ сдѣлали большое удовольствіе“.—„Нѣтъ, сударыня, я и не думалъ ему симъ угодить, а дѣлаю ему въ наказаніе“.

Кратко тебѣ скажу, отче, что налилъ онъ въ душу и сердце твоего многобѣднаго чада всю горечь. Слава Богу, будетъ за все и за все! Крайне дурно поступилъ секретарь со мною, не давши мнѣ ничего знать объ ономъ, Богъ съ нимъ. Что же мнѣ дѣлать, отче мой родной и святый! Совершенно мое сердце отпало отъ него: онъ долженъ быть лукавый и прелукавый человѣкъ. Господа ради, береги только свое дражайшее здравіе, отче мой, умоляю тебя со слезами горячими. Ничего мнѣ тогда не будетъ больно, когда только узнаю, что ты здравъ и миренъ; прошу и молю объ ономъ нашего Многомилостиваго Бога. Можетъ быть, ты не знаешь сію новость, что твое вѣрное чадо, по мнѣнію митрополита, находится въ прелести оттого, что тебя люблю всею душою и всѣмъ сердцемъ. Ахъ, Боже мой! какъ онъ несносенъ, то и вообразить нельзя. Признаюся, они всѣ одинъ какъ другой! Кіевскаго митрополита давно уже не видала, и онъ что-то мнѣ противенъ сталъ. Каюся тебѣ, святѣйшій мой родитель. Твоими святыми молитвами твое вѣрное чадо, благодареніе Богу, довольно мирна. Уповаю на милосердіе Божіе, что все скоро будетъ паки по-старому. Такъ-ли, сладчайшій мой отче? Повергаюся къ твоимъ пречистымъ ногамъ, лобызаю ихъ со всею любовію, равно и святыя твои руки. Прошу святыхъ твоихъ молитвъ и твоего благословенія, перекрести съ головы до ногъ. Будь веселъ и радостенъ; всѣ сіи глупости прости митрополиту, а по человѣчеству они очень чувствительны. Увѣрена, что Господь не посрамитъ нашу съ тобою надежду на Пресвятую Богородицу. Хорошъ нынѣ твоему чаду праздникъ, нечего дѣлать, надо терпѣть. Благослови и напиши, какъ ты себя чувствуешь. Дщерь твоя о Господѣ.

2.

Отъ 22-го же ноября ты пишешь тако:

«Вчера вечеромъ послала я нарочнаго къ тебѣ, отче мой святый, узнать о твоемъ здравіи, дражайшемъ для меня, и жду его обратно съ нетерпѣніемъ. Дай Господи, дабы ты былъ только здравъ, а сіи нечаянности сильны разстроить всякое даже крѣпкое здравіе! О, враже, враже, что ты не выдумаешь! Смущать и нарушать даже покой отшельниковъ, какъ ты, святѣйшій мой родитель. Станемъ терпѣть, родитель мой святый, Бога ради все. Только я думаю, что твое многобѣдное чадо не такъ-то скоро поѣдетъ теперь ко владыкѣ Серафиму, развѣ будетъ отъ тебя особенное на то приказаніе, ко-

---

женскаго пола, какого-бъ кто изъ нихъ состоянія ни былъ, кромѣ малолѣтнихъ дѣтей, впредь до особаго нашего о семъ разсмотрѣнія, съ тѣмъ что ежели вы нарушите сіе предписаніе наше, то подвергнете себя строгому по законамъ сужденію.

торое, будь увѣренъ, исполню съ удовольствіемъ. А, Богъ дастъ, передъ моимъ отъѣздомъ въ нашъ рай Божій непремѣнно митрополиту скажу о колоколѣ и постараюся сіе сдѣлать съ Божіей помощію умненько. Прости Бога ради, ежели я вчера что-нибудь несвязное написала къ тебѣ, сильно была скорбна. Нынѣ, благодареніе Богу, чувствую себя получше, но только все плакать хочется. Что думаю—исполню, и сіе облегчитъ твоего вѣрнаго превѣрнаго чада. Ты только береги здравіе, какъ возможно. Признаюся тебѣ откровенно, я очень рада, что не давала еще читать твое посланіе брату, которое ты ему велѣлъ прочесть о митрополитѣ Серафимѣ. Вотъ какъ на свѣтѣ все идетъ: ты за него и за секретаря его горою стоишь, а они оба Богъ вѣсть какія пакости и нелѣпости выдумываютъ; ты себѣ повѣрить не можешь, какъ они для меня всѣ досадны и, просто сказать, гадки. Гдѣ правду теперь искать? только у Господа нашего многомилостиваго, а у людей ея нѣтъ болѣе. Жаль и вообразить, что и у духовныхъ лицъ, то есть у архіереевъ, она исчезла. Богъ съ ними со всѣми, только, дай Господи, такъ какъ ты пишешь, сладчайшій мой родитель, намъ съ тобой платить за зло добромъ и быть отъ нихъ всѣхъ подалѣе. Прости имъ, Господи,—не вѣдятъ воистинну, что творятъ. Дай, Господи, твоему вѣрному чаду позабыть скорѣе все то, что слышала вчера отъ разсерженнаго старца. Бога ради, не огорчайся ничѣмъ, право не стоитъ труда, святѣйшій мой родитель. Да утѣшитъ тебя Самъ Господь своею благодатію изобильно. Благослови и перекрести дщерь твою вѣрную и превѣрную, на вѣки о Господѣ преданную.

3.

Отъ 23-го ноября пишешь ты дщерь моя тако:

«Да утѣшитъ тебя Самъ Господь Богъ, отче мой святый, истинный и единственный мой Ангелъ Хранитель и утѣшитель за утѣшеніе веліе, которое ты вселилъ въ сердце твоего превѣрнаго чада. Вчера вечеромъ имѣла счастіе получить отъ тебя, моего сладчайшаго родителя пакетъ съ Алексѣемъ и еще святую просфору и благословенный хлѣбъ, а нынѣ образъ Спасителя нашего и Введенія во храмъ Пресвятыя Нашея Владычицы Богородицы и пресладкое святое твое посланіе съ Матеѣемъ. Кланяюся тебѣ земно за всѣ твои великія милости къ твоему немощному чаду, которое радуется и тѣмъ, что, благодареніе Богу и твоимъ святымъ молитвамъ, она съ митрополитомъ (ожесточеннымъ напрасно) по желанію твоему исполнила и не ввела тебя въ стыдъ. Что дѣлать, святѣйшій мой родитель, надобно терпѣть и стараться разорить козни вражіи. Твое же посланіе нынѣ утромъ отправила къ Суслову, которое ему было вручено въ собственныя руки, равно и другой пакетъ. Охъ, какъ я рада, что ты здравъ, родитель мой святѣйшій, только мнѣ и нужно знать. Богъ съ ними со всѣми, лишь бы ты былъ только миренъ и радостенъ у меня. О! врагъ, что ты ни творишь съ людьми! Читая твое утѣшительное посланіе, я, твое чадо, разливалася въ слезахъ, но только не горестными, а радостными по твоей милости, святѣйшій мой отче. Знаешь-ли ты, отчего такъ было устроено, дабы въ самый день Введе[illegible] Пресвятыя Богородицы намъ нанести сей ударъ? Оттого, что ты будто меня ввелъ въ алтарь святый, въ который у тебя единаго нѣтъ мірскимъ людямъ входа, какъ мнѣ самъ говорилъ митрополитъ, во Святая Святыхъ, подобно Божіей Матери, и произвелъ въ такой духовный санъ. Какъ тебѣ кажется сія выдумка?

Ты и вообразить не можешь, какія выдумки выдумалъ врагъ устами митрополита. Прости, Господи, ему вся прегрѣшенія, я на него не сѣтую, а только то мнѣ досадно, что онъ тебя совсѣмъ не знаетъ и судитъ Богъ вѣсть какъ. Сіе чувствительно и больно сердцу моему. Признаюся откровенно, не ожидала я сего теперь отъ митрополита. Богъ дастъ, при свиданіи обо всемъ переговоримъ, отче святый. Истинно какъ твое предсказаніе сбылося, что искушеніе за искушеніемъ послѣдуетъ. Да вообрази, какъ я у Серафима митрополита въ воскресеніе сидѣла и слушала его прекрасныя сіи рѣчи, пріѣхалъ Г. Протасовъ и сидѣлъ у него. — Я же хотѣла востать и ѣхать, но онъ меня не пустилъ, говоря, что имѣетъ еще со мною переговорить. И такъ тотъ долженъ былъ уѣхать, а я осталася у него до половины четвертаго часа съ полудня. Слава Богу да будетъ за все, радуюся и веселюся, что все вылилося на твоего вѣрнаго чада, а не на тебя, моего сладчайшаго родителя, котораго люблю болѣе чѣмъ когда либо. Прошу святыхъ твоихъ молитвъ и благословенія, твоя духовная дщерь А. Г. О. Ч.».

Отвѣтъ на писанное.

Прочитавъ всѣ три твои посланія, въ коихъ ты описываешь напасть свою и горе, я не удивляюся. Двѣ вещи я вывожу изъ сего: или митрополитъ, доживъ почти до 75 лѣтъ, самъ не читалъ житій святыхъ кромѣ сказокъ и искусно не жилъ, и искушенія не видалъ за добродѣтели, потому что онъ добрыхъ не творилъ николи, или, правя Слово истинны, не позналъ истинны и самъ правдою и судомъ, а паче Божіею милостію не жилъ въ санѣ архіерейскомъ. Не стоитъ много писать его рѣчи, слова, бабіи басни, какъ сама пишешь, что онъ говорилъ, генеральша какая-то по всему городу гласитъ о насъ вѣсти бѣсовскія; отчего же онъ безъ основанія повѣрилъ лаянію ада земнаго на святыхъ и присныхъ своихъ и привелъ все во исполненіе, какъ судія самый неправедный, Бога не бояйся и людей не стыдяся. Онъ съ невѣдомою бабою тебѣ наравнѣ не далъ вѣры ко оправданію, ни мнѣ—служителю Господа. Ежели-бъ другое лицо онъ такъ дерзко безъ суда поносилъ какъ тебя, то бы могъ самъ подъ судъ быть отданъ, и сказали бы судіи праведно мірскіе, что отъ старости онъ изъ ума выжилъ. Онъ ли, митрополитъ Серафимъ, меня не позналъ доселѣ? Онъ ли не дозналъ доселѣ, что можно тебѣ вѣру имѣть болѣе всѣхъ другихъ? и вотъ сія прописанная тобою бѣсовская тайна беззаконія, скрывшаяся на его сердцѣ, заставила въ недовѣдомомъ дѣлѣ прислать викарія ко мнѣ и отобрать подписку, что я-де впредь дозволеній, противныхъ правиламъ церковнымъ, не буду давать въ благочиніи состоящимъ у меня настоятелямъ съ братіею, и самъ отступать отъ нихъ не буду. Не я въ минуту подписки даемой, а Самъ Святый духъ научилъ меня написать противу замысла тайны сердечныя въ митрополитѣ. Онъ бы могъ послѣ меня погубить съ подпискою. А викарій Ѳеодосій всесиленъ и донесъ и убѣждалъ меня дать подписку, дабы вывернуться здѣ, что тайно онъ будто отъ меня слышалъ и написалъ справедливо митрополиту. Вотъ какая барыня разгласила: Ѳеодосій внушилъ кое-кому разгласить и написать какъ другой свидѣтель. Это я дознался все достовѣрно. Онъ, Ѳеодосій, съ монхъ словъ нѣкіихъ, ему говоренныхъ, какъ безумный безумно переиначилъ и, злѣ понявъ, донесъ тайно. А Серафимъ любитъ таковыхъ викарныхъ, лишь бы на насъ писали что-нибудь, какъ люди дѣловые. Но некому было меня остеречь: три

члена, о семъ слышавше и судивше, и не видѣвше истинны, за пустое сочли и дали Серафиму на волю и намъ не открыли смѣха достойныя сказки о насъ. Митрополитъ, просто сказать, отъ врага побуждаемъ, хотѣлъ меня уловить, а Богъ, меня остерегая и ловца моего сильнаго отъ міра премудростію ловя и въ коварствѣ коварнаго запиная, остерегъ, и я подписку далъ самому митрополиту на стыдъ: к а к ъ н е-б ы л о противныхъ дозволеній церковнымъ правиламъ, такъ и не будетъ другимъ дано и самъ отступать не буду. А ежели бы далъ подписку, то значитъ оправдалъ бы доносъ Ѳ е д о т а и судъ Серафима неправедный. Вотъ они оба и остались сами посмѣяны отъ Бога и взорвало стараго: есть-ли-бы отъ Бога было все дѣло дѣлано и для Бога, то-бъ не такъ надобно съ нами поступать было. Что же? Отъ причастія и, просто сказать, отъ церкви насъ хотѣлъ разлучить пастыря, меня, слугу Божіяго, и тебя, рабу Господню, и все зло отъ бѣса выдуманное въ посмѣяніе не намъ, а Пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ, въ праздникъ Введенія Ея во храмъ, устроено сдѣлать. Это чадо мое знаешь ли что сдѣлано? кощунство надъ святынею, имянно надъ Богородицею; ибо какъ Христосъ страждетъ и бываетъ въ Своихъ меньшихъ, такъ и Пресвятая въ своихъ вѣрныхъ рабахъ и душахъ. Одинъ діаволъ могъ такъ устроить посмѣяніе свое. Въ день праздника сего и суды не судятъ въ христіанахъ и дѣла всѣ оставляются; а намъ судъ въ одни почти часы сдѣланъ и позоръ. Зри теперь, какъ дѣло надобно разумѣть. Все я терпѣлъ доселѣ и ничѣмъ не оскорбляюся; но могу ли стерпѣть кощунство надъ П р е с в я т о ю Дѣвою Богородицею? Нѣтъ, я въ 1824 лѣто за дѣвство Богородицы стоялъ противу хулителей Ея, а нынѣ стою и стану крѣпко на камени вѣры за Пресвятую противу кощунства. Помни, душе моя, что сотворилъ первый изъ архіереевъ, п а н а г і ю носяй, на панагію Марію и рабовъ Ея въ день входа Ея во Святая Святыхъ. Теперь судъ будетъ Божій скоро съ Судіями. Божія Матерь за себя постоитъ. Какъ то ты, архіерей, дашь отвѣтъ сѣдящему на престолѣ славы Своея, и предъ самымъ милосердіемъ Божіимъ, кое есть Богородица, оправдишься. Судъ безъ милости несотворшему. Я всегда слышалъ одни насмѣшки отъ Серафима надъ Богородицею: и вотъ онъ самъ дѣломъ посмѣялся въ праздникъ Введенія намъ. Суди, Господи, за козни сіи вражіи обидящимъ мя и побори борящія насъ. Отнынѣ на вѣки душа отпадаетъ за кощунство отъ людей согрѣшившихъ. Не будетъ нога моя во вѣкъ по гласу пастыря-наемника во адѣ. Пусть царствуетъ и владычествуетъ тамъ рука, нюхающая въ честь идолу, въ началѣ почитаемому за бога здравія и добра, табакъ. А я буду всесмиренно до крайняго истощенія въ раи моемъ сидѣть и молиться Богу глаголя: Господи! прости имъ, не вѣдятъ бо что творятъ. Во тмѣ и сѣни смертнѣй сѣдятъ: ходятъ во тмѣ. Истинно и вѣрно слово Господне: ходяй во тмѣ (?) не поткнется, яко видитъ свѣтъ; а слѣпецъ слѣпца аще водитъ, оба въ яму падутъ. Такъ то Ѳедосъ ведетъ стараго у насъ. Согрѣшу, ежели иначе помыслю и объ нихъ тебѣ напишу. Что слово, то божба у Ѳедота: [1]) онъ пріиметъ всуе имя Господа Бога, не соблюдаетъ заповѣди, не видитъ, что грѣшитъ, претыкается и мнитъ и гласитъ слѣпому, что видитъ совершенно свѣтъ Божій. Ахъ! ежели-бъ видѣли Свѣтъ Христовъ, то-бъ поруганіе въ праздникъ и за дѣло не сдѣлали злодѣямъ. Мнѣ за вѣру и преданность дана панагія драгоцѣнная и крестъ и благодать. А меня безчестятъ какъ еретика, но безъ суда. Слава Богу, что все напрасно терпимъ Христа ради и пречистыя Его Матери, и

[1]) Въ своемъ письмѣ Фотій называетъ викарія то Ѳедосъ, то Ѳедотъ.

святыхъ угодниковъ. Потерпимъ, потерпимъ, ангелъ земной мой, и [illegible] намъ послѣ.

Сіе намъ попущено пострадать подобно и святымъ страстотерпцамъ, прежде насъ бывшимъ и пострадавшимъ. Образъ одинъ человѣческій былъ, а уста были діавольскіе. Посмѣяніе изблевавшія не въ инъ день, а имянно въ день праздника Пресвятыя. Теперь скажу еще и то: что же за дѣло худое было-бы, ежели-бы Богъ и тебѣ далъ благодать быть во Святая Святыхъ? Святый олтарь есть мѣсто, кое можетъ нарещися всячески, и ещѣ болѣе нежели древле Святая Святыхъ, а игуменіи, монахини и бѣлицы монастырскія безъ возбранно ходятъ и дѣла дѣлаютъ во св. олтарѣ. Да вездѣ нынѣ по Россіи и мирскіе люди всякіе противу правилъ изволятъ ходить по святому олтарю. Сіе дѣлается у Серафима митрополита всегда въ С.-Петербургѣ въ лаврѣ и въ его крестовой церкви, а кромѣ царя единаго никому не слѣдуетъ во св. олтарь входить. У Фотія въ Юрьевѣ исполняется свято. Никто мірской не входитъ во св. олтарь. Жертвенники въ соборахъ отдѣлены отъ олтаря, куда и всякому мірскому входить можно. Что же за бѣда есть-ли-бъ и твоя нога коснулася не токмо жертвенника, но и святаго олтаря? Жизнь твоя вся и по лѣтамъ и дѣламъ, и по вѣрѣ за тебя постоитъ не менѣе монашества, монастырокъ и бѣлицъ права? И такъ ты и въ самомъ дѣлѣ не согрѣшила бы, когда бы тоже всѣмъ обыкновенное сдѣлала. Но ты въ жертвенникѣ отдѣльномъ пріобщалася ради смиренія.

Ѳедотъ или кто другой, по-просту, Богомъ данный человѣкъ, насланный донесъ, все едино: но почто архіереи совсѣмъ другими глазами на св. случаи и дѣла смотрятъ и ушами все слышатъ и въ сердцѣ судъ не по правиламъ церкви творятъ. Почто возбраняетъ не токмо въ жертвенникѣ пріобщить алчущую душу хлѣба животнаго, Христа Бога нашего, но и вовсе въ церкви? Онъ о тебѣ судъ сдѣлалъ предъ собою, а я тебѣ предо мною судъ дѣлаю. Христосъ съ Богородицею и святыми невидимо предстоятъ и зрятъ праведный мой судъ, и судъ мой есть Божій. Въ уставѣ церковномъ сказано: аще архіерей или іерей, или чтецъ, или пѣвецъ не постился во св. и вел. постъ, да извержется изъ сана. Аще же монахъ лакомства ради будетъ ѣсть рыбу во св. и великій постъ, кромѣ дня Благовѣщенія и недѣли ваій, ниже въ самую Пасху пріобщится. Митрополитъ и его чины и монашествующіе ѣдятъ весь постъ великій рыбу и елей и вино и все употребляютъ безъ разбору постное запрещенное: а они монахи. Священники и мірскіе люди отъ царя до раба не токмо не должны ясти мяса и прочаго во св. вел. постъ, но и рыбы. Итакъ митрополитъ, а особенно монашествующій человѣкъ не долженъ въ самую Пасху служить и пріобщаться, такъ какъ отвергалъ постъ, заповѣдь церковную не соблюлъ. Вотъ не я, а прямо заповѣдь Господня запрещаетъ имъ служить и пріобщаться, пока исправятся, а они не исправляются и служатъ и пріобщаются — почто же въ насъ судъ не тако дѣлаютъ? Намъ правила и совѣсть наша не воспрещаетъ служить и пріобщаться, хотя мы и недостойны съ тобою всегда. Итакъ мы будемъ дѣло и слово Божіе исполнять свято предъ Богомъ: не лишимъ себя Христа, а пріемлемъ радостно въ сердца наши С в я т а я С в я т ы х ъ, а не токмо внидемъ на полъ олтарный. Теперь тайна беззаконія вышла наружу. И плюнь и дунь на судъ неправедный, радуйся, что за Пресвятую ты безчестіе пріяла еси въ житіи, яко же и сама Матерь Божія, святѣйшая всѣхъ святыхъ. Вотъ тебѣ, Фотіе, плата за то, что не будь святъ, не живи свято, не давай святая другимъ, не дѣлай святыми: міръ бо любитъ свое. Видно ты не отъ міра сего и дѣла наши не таковы,

что ненавидитъ насъ міръ. Я радуюся и смѣюся, когда мнѣ посмѣвается міръ за вѣру, благочестіе, и святыню. Я не смотрю ни на что, дѣлаю дѣло свое свято передъ Богомъ и не боюся суда человѣческаго. Судія есть мнѣ Господь и моя совѣсть.

Теперь зри, какъ все я тебѣ развязалъ и святую душу твою въ миръ привожу. Се иго Христовой вѣры и бремя! Неси все ради любви Сладчайшаго жениха Іисуса Христа и будешь введена во Святая Святыхъ у Бога. Смѣяться тутъ нечего: праздникъ празднуется не токмо для воспоминанія, что было во святыхъ, но что и намъ тожде духовно подобаетъ дѣлать и отъ Бога мзду восхищать. Скажи пожалуй, гдѣ же мы будемъ на небесахъ, когда во Святая Святыхъ не будемъ введены?—во адѣ. Итакъ разуму духовному о тебѣ смѣяться не слѣдовало архіерею старику, что-де будто я ввелъ тебя во св. олтарь, какъ Богородицу Дѣву Захарія архіерей, и поставилъ въ какой-то духовный (чинъ?). Кто сіе видѣлъ, кто слышалъ, кто суть свидѣтели, въ какомъ чинѣ мы у Бога: можетъ быть Богъ судитъ тамъ быть архіереемъ надъ Серафимомъ и судіею, какъ онъ надо мною здѣсь. А ему судитъ Богъ съ Ѳедотомъ быть, можетъ и еще менѣе, нежели въ санѣ моемъ архимандрическомъ. Тамъ все явлено будетъ по дѣламъ, а не по бабіимъ разсказамъ и словамъ Серафима. Сей свѣтъ на волю данъ. Будетъ судъ и міру всѣму, и судіямъ земли, и мзда комуждо по дѣламъ. Духовно разумѣя, да не отказывается и чести святыя, за кою уста Серафима поносили насъ, какъ Каіафа и Анна Христа въ насмѣшку говорили, называя царемъ: а онъ и точно былъ Царь Славы и Господь, смирившійся насъ ради и волею пострадавый. Боится врагъ, что благодать насъ Христова явно осѣняетъ, возвышаетъ, что мы и во святынѣ являемся совсѣмъ не таковы другимъ, каковы сами въ себѣ мыслимъ. Мы, грѣшные и недостойные всегда, и намъ предаютъ титла святыни, и зато поносятъ, да не будемъ явно святы, но да таимся отъ міра и смиряемся. Святыми быть намъ правила церковныя не запрещаютъ, а еще и представляютъ по вся дни множества святыхъ, да кому хотимъ послѣдуемъ, лишь бы освятиться и просвѣтиться намъ въ житіи здѣсь. Кому ни за что, а намъ скорби за все. Слава Богу! Все прощаю поругателямъ, а кощунство меня отвратило отъ смѣющихся въ дѣлѣ святыни. О! какъ злѣ придумано безчестіе намъ во св. праздникъ! Не знаю мудрецъ тако устроилъ. Кѣмъ бы ни было сіе выдумано, сдѣлано отъ людей, но діаволъ, искуситель всему виною. Начало же скорби сдѣлалъ слѣпецъ Ѳедотъ, и распространилъ разсужденіе о томъ старый человѣкъ изъ ума выжившій. Богъ съ ними: прости имъ, Господи, вся ихъ согрѣшенія. А дабы съ ними не погибнуть самою вещію, удалимся какъ можно далѣе отъ всѣхъ духовныхъ и мірскихъ.

Св. Арсеній великій, будучи въ царской палатѣ, помолился Богу глаголя: „Господи, настави мя како спасуся?“ и пришелъ гласъ: „Арсеніе! бѣгай людей и спасешься“, и бѣжалъ въ монастырь. И въ монастырѣ помолился глаголя: „Господи, научи мя како спасуся?“ и пришелъ гласъ: „Арсеніе, бѣгай молчи, безмолвствуй: сіи суть корни безгрѣшія“. И тако жилъ святый. И слышавъ житіе его архіепископъ прислалъ напередъ узнать, отворитъ ли ему дверь? и отвѣтъ далъ архіерею Арсеній: „когда придешь, отворю дверь, но когда тебѣ отворю и всѣмъ отворю и болѣе здѣсь уже не буду“.— Помыслъ говоритъ мнѣ, что время уже и мнѣ тако начало положить, да свободенъ буду отъ слышанія, видѣнія и глаголанія. Въ уставѣ нашемъ написано: сиди въ кельи, и келья всему тебя научитъ. Вотъ съ Богомъ мое начало. По мѣрѣ же силъ и ты положи таковое начало. Полно

басни старца слушать, и другихъ въ архіереяхъ святыхъ искать надъ своимъ святымъ отцемъ, когда ты его за таковаго считаешь. Видно отъ міра за худшаго считаемаго своего, лучшаго въ немъ не обрящешь наставника, учителя и отца, какого Богъ тебѣ далъ, тѣмъ буди довольна и спасена будешь. Онъ ангелъ твой хранитель видимо и утѣшитель. Я благословеніе даю на все доброе. Обратимъ все во благо, и побѣдимъ благимъ злое.

Итакъ, пришедъ взять благословеніе у митрополита же, скажи тако: „Начало съ Богомъ благое хотимъ, владыко святый, положить отънынѣ противнаго церковнымъ правиламъ не дѣлать во всей силѣ, сколько можно будетъ бѣгать людей, молчать, безмолвствовать и въ своемъ мѣстѣ сидѣть, дабы душу спасти: благослови и не прогнѣвайся, когда будетъ совершенно по правиламъ что дѣлано: — прости насъ, въ чемъ согрѣшили“, и поклонися до земли! И сіе будетъ уже прощаніе наше на вѣки съ нимъ. Но ты не открывай и не толкуй, а скажи просто, уже отходя вонъ отъ него и все нужное сдѣлавъ. Будемъ стараться міръ не соблазнять: но святые и святое все было одно міру соблазнъ и судъ.

Теперь все рѣшено. Конецъ и Богу слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь.

Радуйтеся и веселитеся, Фотіе и Анно, яко мзда ваша многа на небѣсѣхъ. Радуйся Анно, Господь съ тобою! радуйся, Фотіе, поруганный за Христа. Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь. Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его! и намъ дарова животъ вѣчный: поклоняемся Его тридневному воскресенію † † †.

Отецъ, наставникъ и учитель — грѣшный Фотій.

Сообщилъ **А. Слезкинскій.**

1837 года ноября 25.
Юрьевъ.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ I-й

въ своихъ письмахъ и распоряженіяхъ.

1.

Рескрипты и указы 1797 года.

Рескриптъ генералъ-лейтенанту Архарову.

26-го января 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Архаровъ [1]). Полку вашего капитанъ Хлоповъ отставленъ 28 ноября, и указъ объ оном изъ военной коллегіи къ вамъ посланъ, о полученіи коего отъ 22 декабря вы рапортовали; но оный Хлоповъ показывается отпущеннымъ впредь до отставки. Почему я заключаю, что вы рапортовъ вашихъ сами не читаете.

2.

Рескриптъ Ѳ. Ѳ. Буксгевдену.

9-го марта 1797 г.

Далъ я позволеніе по пребыванію здѣсь (въ Павловскѣ) генералъ-лейтенанта Вадковскаго [2]) женѣ его здѣсь жить съ дѣтьми; по сему

[1]) Архаровъ Николай Петровичъ былъ въ то время с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ и въ то же время тверскимъ и новгородскимъ намѣстникомъ.

[2]) Вадковскій Ѳедоръ Ѳедоровичъ былъ командиромъ вновь сформированнаго тогда Павловскаго полка.

случаю извольте Ѳедоръ Ѳедоровичъ къ ней съѣздить и предупредить ее, что если будетъ отъ нее малѣйшая сплетня, не устройство, или будетъ принимать чужестранныхъ, или претензія быть допущенною во дворецъ въ мое общество, то ту же минуту вышлю не только отсюда (изъ Павловска), но и изъ столицы. Вамъ благосклонный Павелъ.

Приписано собственноручно: «Мужу я позволилъ на нѣсколько часовъ иногда ѣздить по дѣламъ въ С.-Петербургъ, но наблюдайте, чтобъ отнюдь не ночевалъ.

3.

Рескриптъ генералъ-лейтенанту Зоричу.

20-го мая 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Зоричъ [1]). Получа рапортъ о полку вашемъ отъ 15 мая, отсылаю къ вамъ обратно, удивляясь, что вы до сихъ поръ не по формѣ ихъ пишете. Совѣтую вамъ заниматься болѣе службою и обрядомъ въ ней установленнымъ.

4.

Указъ генералъ-фельдмаршалу и нашей военной коллегіи президенту графу Салтыкову.

21-го августа 1797 г. Гатчино.

Изъ жалованья генералъ-маіора Тормасова [2]) повелѣваемъ вычитать ежегодно по сту рублей и отдавать оные въ пенсіонъ иностранцу Готфриду Никанду, въ удовлетвореніе за бой и увѣчье, причиненное ему помянутымъ генералъ-маіоромъ. Пребываю впрочемъ вамъ благоклонный.

---

[1]) Зоричъ Семенъ Гавриловичъ—основатель шкловскаго кадетскаго корпуса и шефъ Изюмскаго гусарскаго полка.

[2]) Тормасовъ Александръ Петровичъ, впослѣдствіи графъ, былъ въ то время шефомъ Орденскаго кирасирскаго полка.

5.

Отношеніе графа Θ. В. Ростопчина генералъ-лейтенанту Зоричу.

18-го сентября 1797 г.

Государь императоръ соизволилъ указать написать вашему превосходительству, что, послѣ случившагося въ правленіе ваше полкомъ, не дурно будетъ жить вамъ въ Шкловѣ.

Сообщилъ баронъ **Н. В. Дризенъ.**

Три рескрипта императора Павла дѣйствительному тайному совѣтнику Нагелю 1800 года [1]).

6.

19-го мая 1800 г. Павловскъ.

Господинъ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Нагель. Къ крайнему моему удивленію, дошло до свѣдѣнія моего, что въ дерптскихъ газетахъ, подъ № 36, напечатано, что около Дерпта въ рандевѣ существуетъ Лезе-библіотека или Лезе-Гезелшафтъ, о каковыхъ подобныхъ заведеніяхъ въ Лифляндской губерніи Рижская Цензура доселѣ ни отъ кого никакихъ свѣдѣніевъ не имѣетъ, изъ которой (библіотеки) въ окрестныя мѣста чрезъ почту разсылаются къ чтенію книги, не токмо сомнительныя, но даже уже запрещенныя. Почему повелѣваю вамъ, тотчасъ по полученіи сего, предписать, буде окажутся гдѣ какія книги изъ упомянутаго Лезе-Гезелшафтъ выпущенныя, оныя забрать и истребить. Пребываемъ вамъ благосклонный.

Крайне дивлюсь вашей оплошности.

7.

13-го іюня 1800 г. С.-Петербургъ.

Господинъ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и Лифляндскій и Эстляндскій гражданскій губернаторъ Нагель. Вслѣдствіе рапорта ва-

---

[1]) Изъ архива бывшей канцеляріи прибалтійскихъ генералъ-губернаторовъ.

шего, отъ 24-го іюня о жалобѣ, прежде и нынѣ приносимой отъ крестьянъ на помѣщицу ихъ мызы Перрафферъ графиню де-ла-Гарди, благоразуміе требуетъ запретить ей чинить крестьянамъ ея притѣсненія, налагая на нихъ изнурительныя работы и прочія тягости, то потому повелѣваю вамъ объявить ей въ томъ мою волю, и если послѣ этого она не перемѣнитъ своихъ поступковъ, то оную мызу взять въ казенное вѣдомство и, отобравъ всѣхъ бѣжавшихъ отъ кого слѣдуетъ, причислить всѣхъ ихъ въ вѣдомство же казенное и теперь же повѣстить всѣмъ помѣщикамъ, что если они что свыше вакенбуха требовать и налагать станутъ, то съ имѣніемъ всѣхъ ихъ поступлено будетъ такимъ же образомъ. Пребываю къ вамъ благосклонный.

8.

11-го августа 1800 г. С.-Петербургъ.

Господинъ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, и Лифляндскій и Эстляндскій гражданскій генералъ-губернаторъ Нагель.

Не видя никакой надобности въ отправленіи въ чужіе края изъ числа кураторовъ Дерптскаго университета, для пріисканія тамъ профессоровъ къ преподаванію наукъ въ оном, о чемъ доносите вы мнѣ въ рапортѣ вашемъ августа отъ 4-го числа, нахожу я, что въ разсужденіи сего можно довольствоваться тѣми, кои въ Россіи находятся и въ коихъ равномѣрно можно найти всѣ потребныя качества со стороны наукъ и поведенія.

Пребываю вамъ благосклонный.

Сообщилъ **Е. В. Чешихинъ.**

ПЕТРЪ ИЛЬИЧЪ ЧАЙКОВСКІЙ.

(Изъ воспоминаній артиста-музыканта).

Въ большой залѣ московскаго благороднаго собранія, 27-го января 1891 года, шла репетиція къ симфоническому концерту Эд. Колонна. Было девять часовъ утра. Въ громадныя окна пробивался сѣренькій свѣтъ запоздалаго зимняго утра, будто боролся съ яркимъ пламенемъ свѣчей пюпитровъ и причудливыми бликами скользилъ по массивнымъ, бѣлымъ коринфскимъ колоннамъ. Игра свѣта, и еще тонувшіе въ утреннемъ полумракѣ ряды колоннъ; то замирающіе, то яростные звуки симфонической поэмы «Буря» Чайковскаго, и напряженныя лица оркестровыхъ артистовъ, увлеченныхъ своимъ тяжелымъ трудомъ,—все это отдавало чѣмъ-то необычнымъ, фантастическимъ. Возлѣ меня раздались осторожные шаги, и человѣкъ одѣтый весьма просто, но со вкусомъ, точно тѣнь, прислонился къ мрамору колонны. Это былъ самъ творецъ «Бури», П. И. Чайковскій. Должно быть по привычкѣ, онъ провелъ правой рукой по серебристымъ волосамъ и, мелькомъ бросивъ взглядъ въ мою сторону, пристально устремилъ его по направленію оркестра. Тамъ было не ладно. Одинъ за другимъ артисты привставали, о чемъ-то шептались и не слушали дирижера, нетерпѣливо стучавшаго палочкой по пюпитру. Но вдругъ все оживилось, и въ залѣ раздалась оглушительная фонфара духовыхъ и струнныхъ инструментовъ. Казалось, вотъ-вотъ массивныя, крѣпкія колонны не выдержатъ бурнаго разгула звуковъ, потолокъ треснетъ, и все погибнетъ такъ же дружно, какъ дружно заиграли артисты привѣтствіе Петру Ильичу Чайковскому. Онъ смущенно началъ раскланиваться издали, но слыша этотъ настойчивый горячій привѣтъ, застѣнчиво направился къ эстрадѣ. По тому, какъ радушно композиторъ

пожималъ руки оркестрантамъ, какъ онъ ласково улыбался имъ, и по тому какъ при видѣ Чайковскаго сіяли ихъ лица, безошибочно можно было сказать, что отношенія творца-художника къ своимъ воспроизводителямъ были самыя теплыя и искреннія.

До этого дня я не былъ знакомъ близко съ великимъ музыкантомъ. Правда, при встрѣчѣ мы раскланивались, пожимали другъ другу руки, обмѣнивались общими и короткими фразами. Однако, все это носило лишь случайный, шапочный характеръ знакомства. Но вотъ въ весну 1892 года въ Москву пріѣхало оперное кіевское товарищество И. П. Прянишникова. Этому товариществу, явившемуся съ намѣреніемъ ставить здѣсь русскія оперы, Чайковскій сочувствовалъ сильно. Это доказалъ онъ тѣмъ, что согласился охотно и безвозмездно дирижировать тремя операми: своимъ «Евгеніемъ Онѣгинымъ», «Демономъ» А. Рубинштейна и «Фаустомъ» Гуно. Въ то время я участвовалъ въ оркестрѣ товарищества. Отсюда, собственно, и началось мое знакомство съ Чайковскимъ. Однажды, во время представленія «Князя Игоря» Бородина, ко мнѣ подошелъ постоянный дирижеръ товарищества г. Прибикъ. Онъ взялъ меня подъ руку и повелъ въ театральную контору. Чайковскій стоялъ среди комнаты и, разговаривая съ В. Сѣровой, жадно курилъ папиросу. При нашемъ появленіи В. Сѣрова вышла въ сосѣднюю комнату. Чайковскій съ удивленіемъ взглянулъ на меня, потомъ на г. Прибика, и разсмѣявшись сказалъ:

— Іосифъ Вечеславичъ! да мы давно съ вами знакомы, давно...

Послѣ этого г. Прибикъ ушелъ, а я съ глазу на глазъ остался съ Чайковскимъ. Онъ быстро докурилъ папиросу, вынулъ вторую и еще одну предложилъ мнѣ.

— У меня до васъ дѣло и очень важное,—сказалъ онъ.—Здѣсь нѣтъ времени, да и неудобно говорить. Будьте добры, зайдите ко мнѣ за́просто, только утромъ, часовъ въ восемь, или и того раньше; я ужъ на ногахъ.

Прошло нѣсколько дней и мнѣ не удалось быть у Петра Ильича, потому что репетировали «Евгенія Онѣгина» и авторъ его уставалъ порядочно. На одной изъ репетицій Чайковскій подошелъ ко мнѣ очень взволнованный. Оказалось, что причиной тому были самыя простыя остановки, удлиннявшія репетицію до поздняго часа.

— Неужели всегда такъ?—озабоченно спросилъ онъ меня.

— Вашу оперу,—отвѣчалъ я,—и знаютъ хорошо, да и порядки въ труппѣ образцовыя, а бываетъ и хуже.

— Да, но каково же оркестру все время сидѣть и разучивать съ пѣвцами?!—замѣтилъ онъ.

Кстати сказать, что Чайковскій, по своей нервности, на одномъ мѣстѣ сидѣть не любилъ: онъ стоялъ не только на репетиціи, но и во время

спектакля, когда дирижировалъ, а въ квартирѣ или расхаживалъ изъ угла въ уголъ, или старался возможно чаще мѣнять положеніе тѣла на стулѣ.

Во время дирижированія оперой, не только своей, но и другихъ авторовъ, онъ волновался чрезмѣрно. Малѣйшій промахъ на сценѣ или въ оркестрѣ отзывался въ немъ болью. Въ этихъ случаяхъ лицо Чайковскаго то блѣднѣло, то покрывалось красными пятнами, палочка въ рукахъ дрожала, глаза разбѣгались, и онъ часто прибѣгалъ къ стакану съ водою.

По окончаніи «Евгенія Онѣгина», Петръ Ильичъ положилъ на пюпитръ дирижерскую палочку и, не обращая вниманія на вызовы и аплодисменты публики, довольно внятно проговорилъ:—«Какая му́ка!»

У выхода изъ оркестра на сцену мы встрѣтились, и я просто не узналъ его. Онъ казался страшно истомленнымъ, блѣднымъ, усталымъ. Платокъ, весь смоченный по́томъ, дрожалъ въ его рукѣ, да кажется и все его тѣло было точно въ лихорадкѣ.

— Когда же вы придете?—спросилъ онъ, обратясь ко мнѣ.

Я пришелъ на слѣдующій же день. Петръ Ильичъ занималъ тогда два номера въ большой Московской гостиницѣ, противъ зданія думы. Было еще половина восьмаго утра. Сонная прислуга едва бродила по корридорамъ. Тѣмъ не менѣе Чайковскій, одѣтый въ халатъ, сидѣлъ уже за чаемъ. Въ номерѣ было накурено. На диванѣ лежали утреннія газеты, на столѣ разбросаны были толстые журналы послѣднихъ выпусковъ.

Петръ Ильичъ встрѣтилъ меня необычайно предупредительно и любезно. Онъ налилъ мнѣ стаканъ чаю и началъ было говорить о чемъ то, какъ въ комнату вошелъ лакей и подалъ телеграмму, изъ которой онъ узналъ, что выбранъ въ почетные члены одесскаго «общества музыкальныхъ тружениковъ».

Въ это утро намъ не удалось потолковать о томъ дѣлѣ, для котораго звалъ меня Чайковскій. Пока онъ говорилъ объ одесскомъ обществѣ, кто-то постучалъ въ дверь, и въ комнату вошелъ генералъ. За нимъ пришелъ директоръ одного изъ провинціальныхъ оперныхъ театровъ, потомъ художникъ и дирижеръ. Петръ Ильичъ говорилъ съ каждымъ по́-долгу, и въ его бесѣдѣ обнаруживалась громадная начитанность. Не было отрасли искусства, съ которою онъ не былъ знакомъ хоть отчасти, если не всецѣло. Онъ только избѣгалъ вопросовъ о музыкѣ и ея дѣятеляхъ, хотя нѣкоторые и вызывали и наталкивали его на то.

Пока намъ удалось разговориться о дѣлѣ, прошло болѣе мѣсяца. За это время я былъ свидѣтелемъ нѣсколькихъ характерныхъ фактовъ изъ жизни композитора. Онъ обладалъ выдающейся памятью и не забывалъ многочисленныхъ просьбъ. Возвращаясь изъ своихъ артистическихъ поѣздокъ, Петръ Ильичъ тотчасъ же летѣлъ въ консерваторію, или къ лю-

дямъ, имѣющимъ съ ней какія-либо связи. Онъ самымъ трогательнымъ, самымъ сердечнымъ образомъ описывалъ тогда участь рекомендованнаго ему «талантливаго молодаго человѣка», погибающаго въ провинціи.

— Какъ жаль, что у насъ только двѣ консерваторіи,—говорилъ онъ. А желающихъ учиться такъ много, что приходится отказывать. Можетъ изъ нихъ вышли бы хорошіе музыканты.

И представьте скорбь Чайковскаго, когда ему не удавалось помочь «талантливому молодому человѣку». Вотъ, напримѣръ, что произошло разъ на моихъ глазахъ. Въ номеръ гостиницы вошла довольно пожилая женщина. При видѣ ея, лицо Чайковскаго покрылось почти мертвенной блѣдностью, онъ какъ бы весь застылъ отъ удивленія.

— Здравствуйте, Петръ Ильичъ!—Вы узнали меня?

— Какъ же, какъ же!—засуетился онъ... Садитесь...

Женщина сѣла и разсказала слѣдующее. Кажется дѣло было въ Кіевѣ. Ея восьмилѣтняя дочь въ присутствіи Чайковскаго играла на фортепіано, и такъ плѣнила хорошей игрой, что онъ обѣщалъ матери пристроить малютку въ консерваторію, конечно, безплатно. Мать долго ждала. Въ это время онъ послалъ ей письмо, съ извѣщеніемъ, что малютку не принимали на казенный счетъ. Извѣщеніе не дошло до матери, такъ какъ она была уже по дорогѣ въ Москву, благо къ тому подошла оказія.

— Боже мой,—говорилъ съ сожалѣніемъ Чайковскій,—вы истратились.

Мать какъ только могла стала успокаивать композитора. Въ это время ему подали письмо изъ Петербурга.

— Читайте, читайте!—крикнулъ радостно Чайковскій,—подавая письмо отчаявшейся, но потомъ обезумѣвшей отъ счастья женщинѣ. Ея дочь была принята. И нужно было видѣть, какая свѣтлая, дѣтская радость заиграла на лицѣ Петра Ильича.

Чайковскій вообще очень внимательно, участливо относился къ артистической молодежи. Ее онъ окрылялъ своими заботами, бодрилъ и направлялъ по тернистому пути къ искусству. При мнѣ раза два онъ получалъ съ почты свертки рукописей композиторовъ, просившихъ или просмотрѣть, или высказаться о произведеніи. Онъ не жалѣлъ времени на исправленіе рукописи, времени—часто очень ему дорогаго, только бы не задержать эту рукопись. Однажды я засталъ его за нотными листами. Онъ чертилъ по нимъ синимъ карандашемъ, напѣвалъ потихоньку мелодіи и разсуждалъ вслухъ.

Съ чрезвычайнымъ вниманіемъ относился Петръ Ильичъ и къ оркестровымъ артистамъ. Онъ часто твердилъ:

— Они столько трудятся и получаютъ совсѣмъ маленькое возна-

гражденіе. Это несправедливо. Вотъ пѣвцы: они не всегда заслуженно берутъ громадныя деньги. Неужели этому нельзя помочь?

П. И. Чайковскій охотно принималъ званіе члена музыкантскихъ вспомогательныхъ обществъ, убѣждалъ другихъ вступать въ эти учрежденія, разъяснялъ благую мысль сплоченности. Словомъ, сочувствіе свое къ артистамъ оркестра онъ старался выказать хоть въ чемъ-нибудь. Я былъ свидѣтелемъ такой сцены.

Какъ-то утромъ къ Петру Ильичу пришелъ концертмейстеръ-скрипачъ частной оперы. Онъ просилъ Петра Ильича написать отзывъ объ его исполнительныхъ достоинствахъ. Тотъ охотно усѣлся за столъ и нѣсколько разъ повторилъ:

— Очень радъ!

Не успѣлъ Чайковскій написать свою аттестацію, какъ входитъ второй артистъ съ тою же просьбой. Опять пишетъ Чайковскій. Вслѣдъ затѣмъ появляется третій, четвертый.

— Вы послѣдній?—спрашиваетъ вдругъ Чайковскій.

— Н-нѣтъ... Тамъ еще...

Дверь пріотворяется, и въ корридорѣ дѣйствительно ждутъ очереди еще человѣкъ восемь-девять. Петръ Ильичъ не выдержалъ и добродушно разсмѣялся.

— Ну, господа,—сказалъ онъ,—заготовлю къ завтрашнему дню.

При этомъ онъ записалъ имена, фамиліи и спеціальность игравшихъ подъ его управленіемъ артистовъ, прося всѣхъ зайти за «удостовѣреніями» на слѣдующій день.

Но вотъ, наконецъ, спустя уже нѣсколько мѣсяцевъ, намъ удалось поговорить о дѣлѣ.

— Вы напечатали статью о жизни музыкантовъ,—сказалъ онъ, долго думая о чемъ-то и потирая лобъ; —признаюсь, я прочелъ ее съ жадностью. Я давно интересовался жизнью этихъ трудолюбивыхъ людей. Отъ благосостоянія ихъ зависитъ прогрессъ музыки. Оркестръ—своего рода инструментъ. Не жалѣемъ же мы на хорошій инструментъ ни средствъ, ни попеченій, ни заботъ. Это дѣлаемъ мы для нѣмаго дерева или металла, изъ котораго онъ сдѣланъ. Какъ же не отнестись сочувственно къ живому инструменту—оркестру. Вы согласны?

— Конечно.

— Можетъ мое сравненіе нѣсколько неудачно, но не въ томъ суть. Въ своей статьѣ вы жалуетесь, что у музыкантовъ мало вспомогательныхъ обществъ. Вѣрно. Общества—это гарантія лучшей жизни всякому человѣку, а артисту въ особенности. Не пробовали ли вы отъ теорій перейти къ примѣненію своихъ мыслей на практикѣ?

Я отвѣчалъ, что не пробовалъ. Произошло долгое молчаніе. Петръ Ильичъ снова задумался, а потомъ спросилъ:

— Вы отдались бы такому дѣлу?

Я отвѣтилъ положительно, но при томъ указалъ на многія условія, препятствовавшія осуществленію такой мечты.

— Ахъ, что условія!—нетерпѣливо перебилъ онъ.—Нужны деньги, связи,—я на все готовъ...

И онъ опять замолчалъ. Въ эти минуты я просто не узналъ Чайковскаго: болѣе или менѣе спокойный, теперь онъ показался мнѣ крайне раздраженнымъ.

— Нужно же когда-нибудь это сдѣлать,—продолжалъ онъ,—возьмитесь. У самого у меня нѣтъ времени, у меня много еще заботъ.

Это были послѣднія его слова, и въ сущности разговоръ на этомъ и кончился Я началъ подготовлять матеріалы къ составленію устава «Общества взаимопомощи оркестровыхъ артистовъ». Я выписывалъ ихъ откуда только могъ. Прочитывая Чайковскому, я хотѣлъ этимъ остановить его вниманіе на какомъ-либо типѣ общественныхъ учрежденій. Но это его не удовлетворяло.

Весной 1892 года онъ уѣхалъ за границу. Для руководства онъ обѣщалъ мнѣ выслать оттуда уставы германскихъ ферейновъ. Я ждалъ долго, и однако посылки не было. Тѣмъ временемъ мнѣ пришлось быть въ Петербургѣ, гдѣ я игралъ въ симфоническомъ оркестрѣ «Акваріума». Оркестромъ этимъ въ то время дирижировали Каянусъ и Энгель. Въ вечеръ, посвященный исключительно произведеніямъ русскихъ композиторовъ, г. Энгель поставилъ сюиту Чайковскаго изъ балета «Щелкунчикъ». Въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ, она исполнялась тогда впервые. И каково было мое изумленіе, когда я увидалъ въ залѣ Чайковскаго, нарочно пріѣхавшаго послушать свое произведеніе. Въ антрактѣ я бросился въ залъ, но въ дверяхъ столкнулся съ композиторомъ.

— Ба!—воскликнулъ онъ.—Какъ я радъ...

Мы вышли въ садъ и незамѣтно удалились въ одну изъ глухихъ его аллеекъ.

— Пожалуйста не вините меня. Уставы я искалъ, но толку изъ этого не вышло. Я думаю придется отложить до осени.

Я успокоилъ его какъ могъ, и сказалъ, что къ разработкѣ устава приступилъ самостоятельно, безъ позаимствованій. Пока мы успѣли кое о чемъ перекинуться, раздался звонокъ. Я торопился идти въ оркестръ, и мы разстались.

Чайковскій пробился сквозь густую стѣну стоявшей публики и сталъ въ уголку. Но подошелъ Н. А. Римскій-Корсаковъ и увелъ его въ ряды креселъ. «Щелкунчикъ» до того понравился слушателямъ, что оркестру пришлось повторять чуть ли не каждый нумеръ этой сюиты. Когда она кончилась, Чайковскій быстро всталъ, направляясь къ выходу. Ему за-

городили дорогу и умышленно не пускали къ двери. Кто-то крикнулъ «автора».

— Автора, автора! На эстраду!—кричали сотни голосовъ.

Человѣка четыре подхватили Чайковскаго подъ руки и буквально поволокли къ эстрадѣ. Оторопѣвшій, сконфузившійся онъ началъ откланиваться, и въ залѣ поднялся невообразимый шумъ, крикъ, особенно когда оркестръ заигралъ тушъ. Дамы вырывали изъ своихъ петличекъ цвѣты и бросали ихъ Чайковскому. Когда овацiи немного ослабли, Петръ Ильичъ, весь обливаясь потомъ, тяжело переводя дыханiе, пришелъ въ нашу артистическую комнату. Онъ поблагодарилъ артистовъ за хорошее исполненiе и, подходя отъ одного къ другому, со всѣми перецѣловался.

Послѣ этого мы прошли опять въ садъ. Публика и тутъ начала ему рукоплескать. Растерявшись совсѣмъ, Чайковскій опрометью бросился къ дверямъ главнаго выхода, вскочилъ на извозчика и скрылся.

Дня черезъ два я проходилъ по Невскому. Кто-то назвалъ меня по фамилiи. Я обернулся и увидалъ Петра Ильича. Онъ собирался снова за границу, непремѣнно обѣщаясь привезти оттуда уставы. Затѣмъ я только изъ газетъ узнавалъ о Чайковскомъ, а къ осени того же года о немъ пропали всякiя извѣстiя.

Только осенью 1893 года я вновь встрѣтился съ Чайковскимъ въ Москвѣ. Первыя слова, какими онъ меня встрѣтилъ, были:

— Ахъ, эти уставы... Представьте...

— Но они теперь были бы излишни. Я принесъ готовые экземпляры устава задуманнаго общества.

Петръ Ильичъ обрадовался этому несказанно.

— Наливайте чай, а я...

При этомъ онъ выхватилъ у меня свертокъ и съ сiяющимъ лицомъ весь погрузился въ чтенiе. Прежде читалъ онъ молча и спокойно, а потомъ засуетился, вскочилъ со стула, подошелъ къ письменному столу и поспѣшно началъ водить карандашемъ. Онъ ставилъ то знаки вопроса, то восклицанiя. Я стоялъ за его спиной и слѣдилъ за отмѣтками.

— Почему же въ общество не могутъ вступить пятидесятилѣтнiе?— спросилъ онъ,—это не справедливо. Зачѣмъ преимущества, привилегiи? Всѣ должны быть равны...

И Чайковскій порывисто подчеркивалъ кажущiяся ему неточности. Боже мой!—черезъ какой-нибудь часъ времени уставъ весь былъ перепачканъ карандашемъ. Изъ всѣхъ замѣтокъ видно было, что доброта и гуманность этого человѣка не знали предѣла.

— Петръ Ильичъ!—сказалъ я,—что же вы оставляете въ уставѣ?

— Добро!.. Нужно посовѣтоваться съ юристомъ. Тутъ много вопросовъ его спецiальности.

Потомъ онъ подвинулъ къ себѣ стаканъ налитаго чаю и задумался.

— Какое сложное дѣло,—проговорилъ онъ.

Петръ Ильичъ думалъ, кого бы привлечь въ члены учредители, и назвалъ нѣсколько фамилій. Когда я собирался уходить, онъ взялъ свою визитную карточку и, наскоро написавъ нѣсколько строчекъ, прибавилъ:

— Отдайте карточку моему пріятелю присяжному повѣренному Ш. Онъ посмотритъ уставъ.

Это было глубокой осенью. Моросилъ дождь, шумѣлъ вѣтеръ, стояла слякоть. Сверхъ обыкновенія, я зашелъ къ Чайковскому часовъ въ шесть по полудни, но засталъ его дома. Онъ очень обрадовался мнѣ, и больше кажется потому, что въ его одиночество я внесъ нѣкоторую долю разнообразія. Онъ былъ чѣмъ-то удрученъ. Разговоръ не клеился. Провожая меня, Петръ Ильичъ съ какимъ-то искуственными оживленіемъ сказалъ:

— Мы можетъ не увидимся... На время я ѣду въ Петербургъ. Впрочемъ, ворочусь черезъ мѣсяцъ. Когда покончите съ уставомъ, пришлите. Я похлопочу. Пишите на имя главной дирекціи казенныхъ театровъ, или на имя г. Юргенсона.

Мы простились. На первомъ симфоническомъ концертѣ г. Сафоновъ получилъ телеграмму. Петръ Ильичъ заболѣлъ! Вѣсть эта распространилась съ удивительной быстротой не только въ музыкантскихъ кружкахъ, но и въ средѣ публики, присутствовававшей на концертѣ. В. И. Сафонова то и дѣло спрашивали о здоровьи Чайковскаго. Дня черезъ два я былъ въ консерваторіи. Тамъ я узналъ, что у Чайковскаго холера! Ужасная вѣсть скоро подтвердилась телеграммами изъ Петербурга. Въ средѣ оркестровыхъ артистовъ замѣчалось унынie, скоро перешедшее въ отчаяніе. Чайковскаго не стало!.. Первый театръ, куда я направился съ печальнымъ извѣстіемъ, былъ Шелапутина. Меня предупредили: тамъ уже служили панихиду. Первыя слезы я увидалъ на лицахъ оркестровыхъ артистовъ, тѣхъ, кому незабвенный Петръ Ильичъ хотѣлъ посвятить остатки своихъ дней. Но нужно надѣяться, что благотворныя мысли и попытки его не пропадутъ безслѣдно. Это будетъ лучшій памятникъ великому человѣку и музыканту нашей родины.

Ив. Липаевъ.

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ [1]).

I.

Нравственное состояніе сестры Пушкина послѣ кончины брата. Взглядъ ея на Дантеса-Геккерена. Выдержки изъ писемъ ея къ отцу за 1837 годъ.

Ужасное извѣстіе о насильственной кончинѣ А. С. Пушкина расшатало и безъ того слабый организмъ родной сестры поэта—матери моей, Ольги Сергѣевны Павлищевой. Хотя она и была спасена искусствомъ врачей, но ударъ оказался слишкомъ сильнымъ, чтобы не оставить по себѣ самыхъ пагубныхъ послѣдствій, отразившихся на ея здоровьи.

— Смертельная рана, нанесенная брату на поединкѣ, никогда не закроется въ душѣ моей, говорила мнѣ мать.

По смерти брата она посвятила себя всецѣло домашнему очагу и нашла утѣшеніе въ религіи. Чтеніе священныхъ книгъ и произведенія христіанскихъ философовъ были для нея отрадой.

Анализируя чувства антипатіи Пушкина къ Дантесу, она пришла къ слѣдующему заключенію:

---

[1]) Предлагая вниманію читателей третій отдѣлъ моихъ записокъ, нахожу необходимымъ сказать, что первый отдѣлъ, печатавшійся въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ 1888 году, вышелъ въ 1890 году отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ «Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ», а второй, — заключавшій въ себѣ дополненіе къ отрывкамъ дневника Александра Сергѣевича съ 1833 по 1835 годъ,—напечатанъ въ томъ же 1890 году на страницахъ журнала «Русское Обозрѣніе». Въ предлагаемомъ же отдѣлѣ изложены семейныя событія съ 1837 по 1841 годъ, касающіяся покойнаго моего дяди Александра и его близкихъ родныхъ. Л. П.

— Красота человѣческой души,—говорила она,—ни мало не зависитъ отъ красоты физической; не даромъ у всѣхъ народовъ сложилась поговорка: «наружность обманчива». Можно быть идеаломъ ума, благородства, добродушія съ наружностью Эзопа и Квазимодо, и извергомъ съ профилемъ Аполлона. Точно такъ же чувство симпатіи или антипатіи къ той или другой личности ни мало не зависитъ отъ наружности: мы — по присущимъ душѣ нашей свойствамъ, если только они въ насъ не огрубѣли—чувствуемъ нерѣдко безотчетное влеченіе къ людямъ некрасивымъ и наоборотъ: иные красавцы или красавицы могутъ производить на насъ впечатлѣніе отталкивающее: намъ неловко при нихъ, желаемъ держаться отъ нихъ подальше. Первое впечатлѣніе рѣдко обманываетъ, и если бы мы не лѣнились сообразоваться съ голосомъ души нашей, то избѣгли бы многаго. Чувство антипатіи большею частію взаимно, и едва ли не къ нему примѣняется поговорка: «Сердце сердцу вѣсть подаетъ».

Вообще моя мать придавала, подобно своему брату-поэту, громадное значеніе таинственному голосу души, который, предупреждая каждаго изъ насъ, какъ бы говоритъ: «стой на стражѣ!»

— Предчувствіе, говорила мнѣ мать, никогда не обманывало ни меня, ни обоихъ моихъ братьевъ. Братъ Александръ выразилъ предчувствіе въ стихахъ на послѣднюю, встрѣченную имъ, лицейскую годовщину и въ предсмертной элегіи [1]), когда жаждалъ покоя вдали отъ заразительной сферы, готовившей ему кровавый конецъ. Впрочемъ предчувствія и гораздо раньше были предметомъ его грустныхъ пѣсенъ.

Привожу въ переводѣ съ французскаго выдержки изъ писемъ Ольги Сергѣевны къ ея отцу за 1837 годъ.

Варшава 27-го апрѣля 1837 года.

«Милый папа! отъ души посылаю вамъ сердечное, утѣшительное «Христосъ воскресе». Да поможетъ намъ Создатель милосердый мужественно перенести ужасное горе; оно облегчится теплой вѣрой въ Того, Кто, возставъ изъ мертвыхъ, показалъ намъ весною весну нашего воскресенія, за которымъ послѣдуетъ безконечное лѣто вѣчности. . . .

«О покойномъ братѣ продолжаются въ обществѣ безконечные разговоры, какъ мнѣ на дняхъ передавалъ добрѣйшій полковникъ Франковскій, бывшій боевой товарищъ брата Леона—теперь же мирный ли-

---

[1]) «Пора, мой другъ, пора! Покоя сердце проситъ
Летятъ за днями дни, и каждый день уноситъ
Частицу бытія!!. . . .

тераторъ и инспекторъ гимназіи. По его словамъ, Александра разбираютъ и какъ поэта, и какъ человѣка. И въ могилѣ покоя не даютъ. Его враги разсылаютъ о немъ клеветы самыя нелѣпыя изъ Петербурга не только сюда, но и за границу, куда отправляютъ въ печать письма и статьи съ цѣлью унизить геній брата, оцѣненный лучшими людьми Россіи и ея Монархомъ. Враги Александра договариваются до того, что утверждаютъ, будто бы онъ писалъ не иначе, какъ угощаясь даже не шампанскимъ, а простымъ пѣнникомъ, да и то въ минуты вдохновенія. Но братъ никогда пьяницей не былъ, а писалъ именно въ минуты вдохновенія, не по заказу, какъ пишутъ доклады старые столоначальники.

«Нападая на Александра, его враги разсказываютъ объ его заносчивости, безпрестанныхъ дуэляхъ, безсердечности къ роднымъ, отсутствіи друзей, укоряютъ его въ злости, выставляютъ безбожникомъ, увѣряя даже, будто бы онъ никогда опрятно не одѣвался.

«На это можно отвѣчать: покойный братъ конечно былъ гордъ, не позволялъ себѣ наступать на ногу; быть же безсердечнымъ къ роднымъ—ему и въ голову не приходило: сколько разъ выручалъ онъ насъ всѣхъ изъ бѣды, хотя посѣщалъ родительскій домъ довольно рѣдко и рѣдко съ вами переписывался [1]). Что у брата не водилось друзей—чистая выдумка и сверхъестественная глупость. А его лицеисты – Дельвигъ, Пущинъ, Комовскій, Кюхельбекеръ? затѣмъ Жуковскій, Плетневъ, Вяземскій—кто же они ему были? Покойный Александръ, можно сказать, былъ богатъ друзьями. Что онъ былъ золъ—черная клевета! А кто же на смертномъ одрѣ упрашивалъ друзей не мстить Дантесу, кто же наконецъ—что тоже знаю—сказалъ Даршіаку на мѣстѣ поединка, послѣ того какъ ранилъ врага: я думалъ, что убить его доставитъ мнѣ удовольствіе, а теперь чувствую, что нѣтъ? Правда, послѣднее письмо брата къ старику Гекерену, и обида, нанесенная этому господину, шли въ разрѣзъ съ природной добротой Александра, но анонимныя письма вывели его изъ терпѣнія.

«Безбожникомъ братъ отнюдь не былъ, хотя въ молодости и мучился сомнѣніями. Теплую же вѣру его доказываютъ и частыя посѣщенія храма Божія, и любовь къ чтенію Священнаго Писанія, и многія другія дивныя религіозныя стихотворенія,—а наконецъ и христіанская кончина.

«Въ заключеніе, какое кому дѣло до его сюртуковъ, галстуковъ,

---

[1]) Пушкинъ дѣйствительно рѣдко хаживалъ къ родителямъ, и однажды, на вопросъ Петра Александровича Плетнева, давно ли онъ ихъ видѣлъ, отвѣчалъ: «очень недавно».—«Понимаю»,—сказалъ Плетневъ,—«ты можетъ недавно во снѣ ихъ видѣлъ». Л. П.

жилетовъ, перчатокъ? Какая мелочь, и какой вздоръ! Братъ, конечно, считалъ туалетъ послѣдней своей заботой, но никогда, на сколько помню, не появлялся не только неприлично, но и плохо одѣтымъ, хотя и не слѣдовалъ новѣйшей модѣ. Слишкомъ хорошо онъ понималъ, что, живя въ обществѣ, слѣдуетъ платить ему дань, если не внутренней, то внѣшней стороной.

«Вотъ какія мысли высказала я нашему другу Франковскому. Онъ при мнѣ ихъ набросалъ, и пошлетъ ихъ за своею подписью въ какой то французскій журналъ.

«Признаюсь: униженіе памяти брата меня возмущаетъ; возмущаетъ и мужа, хотя съ покойнымъ Александромъ онъ не сошелся: братъ былъ поэзія, а мужъ мой—самая обыденная проза; но мой Николай Ивановичъ всегда уважалъ Александра, и сказалъ мнѣ: «жаль, что меня не было въ Петербургѣ во время роковыхъ послѣднихъ событій; несчастія бы не было». Мужъ принялъ извѣстіе о дуэли и кончинѣ бѣднаго брата не ломая гнусной комедіи, не надоѣдая никому пустозвонными причитываньями, будто бы смерть Александра ему ощутительнѣе чѣмъ отцу, брату и сестрѣ покойнаго, какъ причитываютъ другіе, говоря, что Пушкинъ принадлежитъ больше имъ чѣмъ намъ,—имъ—какъ поклонникамъ его генія!»...

19-го сентября 1837 г.

... «Все лѣто никого не навѣщала, но въ концѣ концовъ не могла не заплатить долгъ вѣжливости и нашимъ русскимъ, и полякамъ, благодарить отъ души и тѣхъ и другихъ за участіе въ моей страшной скорби. Имя моего брата произносится здѣсь всѣми, можно сказать, съ благоговѣніемъ...

«Совершенно раздѣляю мнѣніе княгини Елизаветы Алексѣевны [1]), что гораздо было бы лучше брату Александру—послѣ первыхъ же анонимныхъ писемъ, перечислиться сюда, въ Варшаву, на службу въ дипломатическую канцелярію князя Ивана Ѳедоровича (Варшавскаго); онъ принялъ бы моего брата съ радостью. Александръ не тратился бы, наряжая Наташу на балы и рауты, жилъ бы по карману и, не терзаясь заботами, посвятилъ бы себя вполнѣ божественному дару, который, вдали отъ житейскихъ мелочей, засіялъ бы новымъ блескомъ. Вѣдь и здѣшнее русское общество съумѣло бы оцѣнить этотъ даръ. Не говорю уже, какъ мнѣ было бы отрадно видѣть его, а могъ ли онъ сомнѣваться въ моихъ теплыхъ чувствахъ къ нему, его женѣ и дѣтямъ? Но что же дѣлать! Прошлаго не вернешь, и кто изъ насъ можетъ предвидѣть заранѣе, что насъ ожидаетъ?..»

---

[1]) Супруга фельдмаршала Паскевича, рожденная Грибоѣдова.

26-го сентября 1837 г.

«Недавно я вамъ писала, милый папа. Теперь посылаю не письмо, а цѣлое посланіе.

«Безоблачная погода продолжается, и неужели къ Варшавѣ можно примѣнить пѣсню Гетевской Миньоны:

„Kennst du das Land, wo die Citronen blühen?“

«Новостей никакихъ, исключая моего знакомства съ нашимъ православнымъ архіереемъ Антоніемъ [1]).

«Антоній назначенъ въ Варшаву еще въ январѣ; въ маѣ онъ уѣхалъ въ Почаевъ, и вернулся сюда лишь на прошлой недѣлѣ. Въ прошлую среду я встрѣтила его у княгини Паскевичъ, которая меня ему представила, какъ давнишнюю подругу юности и сестру Пушкина.

«Антоній произвелъ на меня такое впечатлѣніе, какъ будто бы со мной давно знакомъ. Меня очаровала его привѣтливость, отсутствіе клерикальной натянутости и увлекательная, умная бесѣда. На другой день я его навѣстила, а вчера онъ отдалъ мнѣ визитъ; обласкалъ моего маленькаго Леона [2]); этотъ былъ въ восторгѣ, кинулся къ архіерею на шею и, обнимая его, сталъ плакать навзрыдъ—Богъ знаетъ почему.

«Сегодня я посѣтила опять преосвященнаго послѣ обѣдни въ соборѣ. Въ концѣ обѣдни онъ вышелъ съ посохомъ въ рукахъ и безъ приготовленія сказалъ проповѣдь на слова Спасителя: «Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы», а потомъ изложилъ вкратцѣ, въ связи съ этимъ текстомъ, жизнь апостола Іоанна, память котораго сегодня и празднуется.

«Богослуженіе было вполнѣ благолѣпно. Архіерей служилъ съ четырьмя священниками, двумя іеромонахами и четырьмя діаконами. Пѣвчіе, свыше тридцати, привезенные имъ изъ Малороссіи, не испортили бы голосами и итальянской оперы; маленькіе же пѣвчіе пѣли какъ ангелы, а концертъ—«Живый въ помощи Вышняго»—сочиненіе Бортнянскаго—очаровалъ меня въ такой степени, что и сказать не могу. Архіерей мнѣ говоритъ, что и поляки любятъ слушать его хоръ, являясь съ этой цѣлью въ нашу православную церковь довольно часто.

---

[1]) Преосвященный Антоній—впослѣдствіи съ 1843 по 1848 г.—митрополитъ новгородскій и петербургскій былъ первымъ — съ 1837 по 1848 годъ — православнымъ архіепископомъ варшавскимъ и новогеоргіевскимъ. Управляя варшавской епархіей, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ священно-архимандритомъ Почаевской лавры—въ Волынской губерніи, подобно какъ и его преемники архіепископы Никаноръ—(тоже съ 1848 по 1856 митрополитъ петербургскій), и Арсеній, назначенный въ августѣ 1860 года по кончинѣ кіевскаго митрополита Филарета на мѣсто сего послѣдняго. Антоній присоединилъ къ православію значительное число уніатовъ въ Царствѣ Польскомъ. Л. П.

[2]) Мнѣ тогда было три года, и я Антонія конечно не помню. Л. П.

«Нашъ соборъ, недавно освященный во имя Животворящей Троицы, передѣланъ изъ католической церкви монашескаго ордена «П і а р о в ъ» на Долгой улицѣ. Онъ не стоитъ отдѣльно, а примыкаетъ къ другимъ домамъ съ обѣихъ сторонъ. Въ одномъ изъ нихъ и живетъ преосвященный, изъ покоевъ котораго ведетъ лѣстница къ южнымъ дверямъ храма; въ томъ же домѣ, со стороны Медовой улицы, архіерейская церковь и небольшое подворье для монашествующей братіи, а въ другомъ домѣ — православное духовное училище.

«Внутренній видъ собора совершенно католическій: не достаетъ лишь вынесенныхъ скамеекъ и упраздненной каѳедры. Боковыхъ придѣловъ нѣтъ; по обѣимъ же сторонамъ темные корридоры и образа безъ окладовъ. Бѣлый иконостасъ прекрасенъ, а шесть большихъ иконъ и множество меньшихъ — работы извѣстныхъ здѣшнихъ художниковъ: Кокуляра и Смуглевича. Особенно хороши Спаситель и Богородица съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, напоминающая Сикстинскую Мадонну. Великолѣпенъ и запрестольный образъ Животворящей Троицы.

«Размѣромъ соборъ не много больше Спаса Преображенія въ Петербургѣ; построенъ не квадратнымъ, а продолговатымъ крестомъ. Наверху довольно помѣстительные хоры.

«Старшій протоіерей, онъ же и ректоръ училища, при церкви [1]) наблюдаетъ, чтобы во время богослуженія мужчины стояли направо, а женщины и малолѣтнія дѣти налѣво. Простонародья въ церкви не замѣтила, что̀ и не удивительно: русскихъ мало; зато храмъ переполненъ военными мундирами. Во время обѣдни, у главныхъ дверей, дежурятъ два жандарма.

«Православныхъ церквей здѣсь, въ Варшавѣ, три: соборъ, цитадельная и выстроенная еще при послѣднемъ польскомъ королѣ Понятовскомъ греческая церковь на Подвальной улицѣ; входъ въ нее со двора — позади частнаго дома. Иконостасъ довольно богатъ; есть и каѳедра.

«Домовыхъ православныхъ церквей — кромѣ архіерейской при соборѣ — двѣ: За́мковая, посѣщаемая фельдмаршаломъ и высшимъ обществомъ, и Уяздовская, при военномъ госпиталѣ, обѣ съ деревяннымъ иконостасомъ, довольно просторныя и высокія [2]).

---

[1]) Таковымъ былъ тогда мой впослѣдствіи законоучитель Ѳеофилъ Марковичъ Новицкій. Л. П.

[2]) Съ тѣхъ поръ число церквей увеличилось: въ 1840 г., при томъ же архіепископѣ Антоніи, передѣлана изъ католическаго костела и освящена церковь во имя, если не ошибаюсь, Владимірской Божіей Матери на прославленномъ штурмомъ 26-го августа 1831 г. предмѣстьи Воля; при преемникѣ Антонія Никонорѣ воздвигнутъ благолѣпный храмъ возлѣ Лазенковскаго дворца; въ январѣ 1849 года, при архіепископѣ Арсеніи, освящена въ домѣ Свято-Троицкаго собора вторая, архіерейская, небольшая церковь, а при архіепископѣ

«Заключаю мое подробное письмо, содержаніе котораго какъ видите чисто духовное—парою словъ и о греко-уніатской церкви. Она произвела на меня довольно странное впечатлѣніе.

«Попала я туда совершенно случайно. Проходя въ одинъ изъ праздничныхъ дней по Медовой улицѣ, я поравнялась съ домомъ, надъ которымъ возвышается католическій крестъ. Большая дверь, открытая настежъ, вела въ обширный притворъ; въ притворѣ съ одной стороны католическое деревянное изваяніе Распятія, а съ другой—кропильница.

«Много публики входило въ церковь, откуда раздавалось наше стройное православное пѣніе, сопровождаемое звуками органа. Взойдя въ церковь, я увидѣла нѣсколько рядовъ скамеекъ, занятыхъ людьми разныхъ сословій, много было крестьянъ и крестьянокъ въ здѣшней польской одеждѣ.

«Иконостасъ совершенно какъ нашъ, но къ обѣимъ боковымъ стѣнамъ приставлены католическіе алтари; надъ каждымъ образа — одинъ св. Онуфрія—какъ мнѣ передавали послѣ—а другой св. Василія въ полукатолическомъ облаченіи [1]). Пѣвчіе на хорахъ исполнили подъ аккомпаниментъ органа «Херувимскую» Бортнянскаго.

«Обѣдню на славянскомъ языкѣ служилъ священникъ съ двумя дьяконами, поминутно присѣдавшими и произносившими прошенія на ектеніи поочередно на распѣвъ—по католически. Облаченіе священнослужителей не то наше, не то католическое. Священникъ и дьяконъ выбриты, острижены, а на маковкѣ носятъ тонсуру.

«Поминаніе во время великаго входа священникъ оканчивалъ тоже по-славянски именемъ «Святѣйшаго отца Григорія папы римскаго, и заключительнымъ возгласомъ: «во вики виковъ», а не какъ у насъ «во вѣки вѣковъ». Во время всей обѣдни царскія врата не закрывались. «Вѣрую» не пѣли, а прочелъ одинъ изъ пѣвчихъ на хорахъ; во время же освященія Св. Даровъ, при раскрытыхъ царскихъ дверяхъ, очутились у алтаря два мальчика, одѣтые какъ наши исполатчики, и зазвонили въ колокольчики, а священникъ, не кладя поклона, присѣлъ на колѣни.

«Вслѣдъ за «Отче нашъ» заигралъ органъ, и на хорахъ пропѣли стройно «Хвалите Господа съ небесъ» концертомъ.

Іоанникіи—лѣтомъ 1867 году — приходская на предмѣстьи Прагѣ, въ византійскомъ стилѣ. Въ 60-хъ годахъ устроено нѣсколько полковыхъ церквей и церковь русской гимназіи. Наконецъ, въ настоящее время, воздвигается новый соборъ на Саксонской площади. Л. П.

[1]) Эта церковь принадлежала греко-уніатскому монашескому ордену св. Василія (basylianow). Нынѣ она православная церковь, послѣ обращенія уніатовъ. Л. П.

«Причастниковъ было не мало, но между ними дѣтей не замѣтно.

«Когда кончилась обѣдня на славянскомъ языкѣ, хоры опустѣли, и началось на всѣхъ скамьяхъ совершенно нескладное пѣніе въ унисонъ мужчинами и женщинами молитвы «Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный помилуй насъ» — по-польски; слова я поняла. Повторяли разъ двѣнадцать если не больше, послѣ чего священникъ, облачившись въ католическую сутану, взошелъ на каѳедру откуда сталъ кричать немилосердно по-польски, жестикулировать и бить себя въ грудь изо всей силы мощными кулаками. Прихожане закивали головами, а прихожанки—еще громче проповѣдника—стали рыдать на всю церковь. Это подѣйствовало на мои нервы, и съ меня было довольно.

«Пора кончить письмо, но не могла писать короче объ интересныхъ для меня предметахъ.

«Крѣпко обнимаю. Кузинамъ кланяюсь».

8-го октября 1837 года.

«Говоря о фельдмаршалѣ я скажу, что онъ очень доволенъ службой моего мужа; впрочемъ, неудивительно: исполняя трудныя обязанности помощника статсъ-секретаря, мужъ работаетъ безъ отдыха и срока [1]) Кромѣ того, Иванъ Ѳедоровичъ намѣренъ предоставить ему и педагогическую дѣятельность; полагаетъ назначить его членомъ здѣшняго совѣта народнаго просвѣщенія. Удивляюсь энергіи мужа: пишетъ статьи въ петербургскія и московскія газеты, занимается и польской литературой [2]), задумалъ издавать здѣсь русскую газету [3]), да трудится надъ біографіей Александра, въ чемъ ему тоже помогу» [4]).

---

[1]) Отецъ мой, Николай Ивановичъ Павлищевъ, составлялъ тогда, по порученію князя Варшавскаго, „Историческое обозрѣніе правъ и преимуществъ польскаго дворянства“, разработывая проектъ законоположенія о томъ же дворянствѣ. Этотъ проектъ былъ утвержденъ, вслѣдствіе чего четыре пятыхъ шляхтичей, не доказавъ своихъ дворянскихъ правъ, обратились въ крестьянское сословіе. Отецъ нажилъ себѣ этимъ не мало враговъ—явныхъ и тайныхъ. Такой же результатъ повлекла за собою и другая, проведенная имъ, мѣра въ 1849 году—сокращеніе штата чиновниковъ канцеляріи общаго собранія варшавскихъ департаментовъ сената, котораго онъ былъ оберъ-прокуроромъ. Л. П.

[2]) Н. И. Павлищевъ доставлялъ покойному М. Погодину въ Москву полемическія статьи, а Ѳ. Булгарину для „Сѣверной Пчелы“ „Варшавскія письма“; съ польскаго же языка перевелъ тогда сочиненіе Мохнацкаго: „О новой эпохѣ польской поэзіи“.

[3]) Эту мысль удалось Н. И. Павлищеву осуществить гораздо позднѣе—въ 1864 году, когда онъ основалъ, при содѣйствіи Н. А. Милютина и князя В. А. Черкаскаго, первую русскую газету въ Привислянской окраинѣ—„Варшавскій Дневникъ“, издаваемую и до сихъ поръ.

[4]) Отецъ мой сталъ собирать біографическія данныя о своемъ шуринѣ-

«Итакъ, фельдмаршалъ благоволитъ къ мужу, а что еще лучше, уважаетъ его, не позволяя себѣ рѣзкаго тона, хотя, въ знакъ особеннаго къ нему расположенія, и говоритъ ему ты. Съ нѣкоторыми же приближенными его свѣтлость не церемонится и расправляется иногда съ ними par voie de fait [1]), что однако не мѣшаетъ ему быть прекраснымъ человѣкомъ, и какъ говорятъ французы—«благодѣтельнымъ брюзгою» (un bourru bienfaisant). Долго-ли мой мужъ пробудетъ въ Варшавѣ—неизвѣстно. Кажется задался цѣлью быть полезнымъ отечеству и въ здѣшнемъ краѣ. Мои же мечты—непребываніе въ Польшѣ: строю тысячу воздушныхъ замковъ. Желаю переселиться хоть въ Москву, убѣдить мужа развязаться съ Варшавой. Говорятъ, въ будущемъ году упразднятъ пограничную таможню въ Ковнѣ, и дилижансы будутъ ходить изъ Петербурга прямо сюда» [2]).

II.

Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ—братъ поэта.—Отношенія его къ роднымъ, характеристика и прохожденіе службы [3]).

Левъ Сергѣевичъ, по словамъ сестры его, былъ баловнемъ своихъ родителей. Они передъ нимъ благоговѣли, въ особенности отецъ Сергѣй

поэтѣ немедленно послѣ его кончины; но къ обработкѣ ихъ не приступалъ, и только въ началѣ пятидесятыхъ годовъ вручилъ издателю сочиненій Пушкина, П. В. Анненкову, описаніе—со словъ моей матери,—дѣтства ея знаменитаго брата. Л. П.

[1]) Паскевичъ дѣйствительно третировалъ подчиненныхъ, но послѣ третировки зачастую выхлопатывалъ жертвамъ своего гнѣва, кому ленту, кому лишнюю звѣздочку на эполетахъ. Въ особенности доставалось отъ него дежурному генералу г. В. и двумъ оберъ-полиціймейстерамъ гг. С. и А., изъ которыхъ одинъ былъ впослѣдствіи, послѣ Шипова, главнымъ директоромъ мѣстной коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, а другой—управляющимъ театрами и казенными дворцами.

Не могу при этомъ не привести слѣдующій анекдотъ, разсказанный мнѣ отцомъ: Паскевичъ, будучи недоволенъ какимъ то распоряженіемъ начальника штаба дѣйствующей арміи князя М. Д. Горчакова — впослѣдствіи втораго, послѣ князя Варшавскаго, намѣстника Царства Польскаго,—вышелъ при объясненіи съ Горчаковымъ изъ себя и возвысилъ голосъ. Горчаковъ вспылилъ въ свою очередь и заявилъ Паскевичу: „Не забывайте, ваша свѣтлость, что я прямой потомокъ Рюрика, слѣдовательно, не позволю вамъ возвышать противъ меня голоса“. Л. П.

[2]) Предположеніе это осуществилось только въ 1851 году. До того времени варшавскіе дилижансы—такъ называемые „штейнкелерки“, ходили изъ Варшавы только до Ковны съ пассажирами, отправлявшимися въ Петербургъ. Въ Ковнѣ пассажиры подвергались досмотру провозимыхъ ими вещей и дожидались въ Ковнѣ русскихъ почтовыхъ каретъ часовъ семь, если не болѣе. Л. П.

[3]) Настоящая глава моихъ воспоминаній коснется младшаго брата поэта—моего втораго дяди—Льва Сергѣевича Пушкина, прозваннаго „храбрымъ

Львовичъ, который считалъ его умнѣе старшаго сына—поэта. Всякую мало-мальски остроумную выходку «храбраго капитана» дѣдъ мой повторялъ съ восторгомъ, а юмористическія письма любимца разнашивалъ по знакомымъ. Гордился Сергѣй Львовичъ до́-нельзя подвигами и орденами своего «Веніамина» да уплачивалъ неоднократно денежные его долги.

— Если я, старшая дочь, напишу отцу,—говорила мнѣ мать о моемъ стѣснительномъ положеніи,—то Сергѣй Львовичъ притворится, что письма моего не получилъ или же отвѣтитъ, что радъ бы помочь, но неурожай, непредвидѣнные расходы и т. д. препятствуютъ исполнить это. Напротивъ того, если отецъ узналъ о какой-либо дорого стоющей «храброму капитану» драгунской пирушкѣ, то разѣвалъ ротъ, крестился, и приговаривалъ «que la volonté du Ciel soit faite», отпиралъ шкатулку и высылалъ Леону требуемое. Не даромъ наградилъ его и прозвищемъ «Веніамина». А Веніаминъ не унывалъ: такъ, уѣзжая изъ Варшавы въ началѣ 1834 года, онъ не позабылъ угостить на прощанье весь Финляндскій полкъ въ ресторанѣ нѣкоего Гута, вслѣдствіе чего и получился знаменитый Гутовскій долгъ капитана, очень безпокоившій Александра Сергѣевича [1]).

На этой пирушкѣ,—какъ сообщилъ мнѣ мой отецъ,—Левъ Сергѣевичъ, сохраняя какъ и всегда, совершенную трезвость, несмотря на многочисленные тосты, очаровалъ веселостью и любезностью не только разставшихся съ нимъ однополчанъ, но и постороннихъ, сажая за столъ всякаго, кто бы туда ни появлялся. Въ оживленной бесѣдѣ отличился и А. Н. Вульфъ, тоже оставлявшій Варшаву [2]), а мой отецъ, присутствовавшій на этомъ праздникѣ, разсказывалъ мнѣ слѣдующую вы-

---

капитаномъ", о которомъ можно сказать: былъ онъ рыцарь безъ страха и упрека, человѣкъ высокой души и золотаго, любящаго сердца.

Кромѣ хранящихся у меня писемъ моихъ дѣда и бабки Пушкиныхъ, писемъ моей матери, и изустныхъ ея разсказовъ о своемъ младшемъ братѣ,—матеріалами для этой главы послужили: напечатанныя въ „Русскомъ Архивѣ" за 1873 и 1874 года, замѣтки князя П. А. Вяземскаго, записки Н. И. Лорера—боеваго товарища Льва Сергѣевича,—книга П. В. Анненкова, подъ заглавіемъ: „Матеріалы для біографіи и оцѣнки произведеній А. С. Пушкина" и наконецъ, доставленная мнѣ копія съ формулярнаго списка моего дяди, сыномъ его, Анатоліемъ Львовичемъ Пушкинымъ.

[1]) Объ этомъ долгѣ дядя Александръ упоминаетъ, между прочимъ, въ письмѣ къ брату 3-го іюня 1836 года. (См. томъ VIII Суворинскаго изданія сочиненій Пушкина 1887 года. Стр. 148). Л. П.

[2]) Алексѣй Николаевичъ Вульфъ былъ задушевнымъ другомъ обоихъ братьевъ Пушкиныхъ, а его сестра, Анна Николаевна Вульфъ и Евпраксія Николаевна баронесса Вревская—подругами моей матери. Мать же ихъ—Прасковья Александровна—рожденная Вындомская—по второму браку Осн-

ходку Льва Сергѣевича, доказывавшую способность дяди выносить крѣпкіе напитки безъ нарушенія присущей ему трезвости.

Попросилъ онъ ресторатора Гута передъ обѣдомъ налить ему рюмку водки. Гутъ впопыхахъ беретъ бутылку и, не разглядѣвъ ярлыкъ, наполняетъ рюмку чистымъ спиртомъ, который дядя Левъ и выпиваетъ не морщась.

— «Attendez, au nom du Ciel, mon capitaine!» вскрикиваетъ спохватившійся Ганимедъ—je me suis trompé c'est de l'esprit de vin!

— Mais c'est très bon, versez encore!—отвѣчалъ Левъ Сергѣевичъ.

Александръ Сергѣевичъ, получивъ объ этой пирушкѣ отъ Вульфа подробныя свѣдѣнія, сообщилъ ихъ князю П. А. Вяземскому, прибавивъ, что на знаменитомъ банкетѣ распорядителемъ былъ зять Амфитріона—не драгунъ финляндскій, а франтъ гражданскій—скромный домосѣдъ Павлищевъ.

Тогда-то князь Вяземскій и Пушкинъ написали вдвоемъ стихотворное посланіе поэту В. А. Жуковскому за границу «Сватъ Иванъ какъ пить мы станемъ» и проч. При этомъ Пушкинъ пощадилъ своего брата; но Вяземскій, подсмѣиваясь надъ участіемъ въ пирушкѣ скромнаго Николая Ивановича Павлищева, включилъ и моего отца въ это досужее произведеніе [1]).

нова,—очень уважалась Пушкинымъ—поэтомъ. Александръ Сергѣевичъ велъ съ нею переписку, считалъ ее женщиной практической, всегда готовой давать умные совѣты, и посвятилъ ей, между прочимъ, извѣстные стихи: „Быть можетъ ужъ не долго мнѣ въ изгнаньи мирномъ оставаться“ и проч.

Алексѣй Николаевичъ Вульфъ, до поступленія въ военную службу, обучался въ Дерптскомъ университетѣ,—гдѣ снискалъ себѣ большую популярность между студентами и сблизился въ 1823 году съ Пушкинымъ въ особенности. Пушкинъ пишетъ ему тогда изъ Михайловскаго въ Дерптъ:

„Здравствуй Вульфъ пріятель мой
Пріѣзжай сюда зимой
Да Языкова—поэта
Затащи ко мнѣ съ собой“ и пр.

А. Н. Вульфъ скончался въ 1883 году, въ селѣ Тригорскомъ, близъ села Михайловскаго,—вотчины Пушкиныхъ. Тѣло его предано землѣ на тригорскомъ же сельскомъ кладбищѣ. Л. П.

[1]) „Надо,—пишетъ князь Вяземскій въ этомъ посланіи,—помянуть и тѣхъ, которые, напримѣръ, между прочими:“

„Раба Божія Петрищева,
Извѣстнаго автора Радищева,
Пушкина—не Мусина, не Онѣгинскаго, а Бобрищева,
Нашего славнаго поэта, зятя Павлищева,
Сенатора Кутузова-Голенищева,
И ради Христа, всякаго добраго нищаго“...

Л. П.

Угощая товарищей, Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ никогда не позволялъ угощать себя, строго придерживаясь наставленій брата-поэта, который писалъ ему, между прочимъ еще въ 1822 году изъ Кишинева:

«Никогда не принимай благодѣяній. Благодѣяніе, въ большинствѣ случаевъ, коварство. Избѣгай покровительства, ибо оно подчиняетъ и унижаетъ»...

Между тѣмъ розсказни о безпрестанныхъ якобы кутежахъ дяди Льва, далеко не заслуживаютъ довѣрія. «Не знаю право,—говорилъ онъ моей матери,—на кого взводятъ болѣше напраслинъ, на моего ли брата, или на меня?»

И дѣйствительно, обвиненія въ исключительномъ поклоненіи Бахусу младшаго Пушкина такъ же безосновательны, какъ и клеветы на его брата. Левъ Пушкинъ слишкомъ уважалъ себя, слишкомъ гордился, что онъ своему «брату братъ», а другъ обоихъ Пушкиныхъ, поэтъ баронъ Дельвигъ пишетъ въ 1827 году Александру Сергѣевичу:

«Благодарю тебя за вѣсти обо Львѣ. Для него, думаю, будетъ полезенъ Кавказъ и армейскій полкъ. Пьетъ онъ, какъ я замѣтилъ, болѣе изъ тщеславія, нежели изъ любви къ вину. Толку въ винѣ не знаетъ, пьетъ же, чтобы перепить другихъ. Ты такъ же молодъ былъ, какъ нынѣ молодъ онъ. Помнишь, сколько изъ молодечества выпилъ лишняго! Онъ пьяницей не будетъ. У него умъ растетъ еще, и растетъ хорошо. Увидишь какимъ выростетъ».

Отзывы знавшихъ мою мать боевыхъ товарищей ея младшаго брата были для нея отрадой. Сплетни о немъ распускались отнюдь не его сослуживцами, а посторонними недоброжелателями обоихъ Пушкиныхъ; но и эти люди, приписывавшіе дядѣ Льву и такіе пороки, о которыхъ онъ понятія не имѣлъ, сознавались, что беззавѣтной храбрости, честности и сердечной доброты у него отнять нельзя; а его соратники говорили единодушно, что такихъ примѣрныхъ товарищей и сострадательныхъ людей какъ Левъ Пушкинъ поискать надо. «Миръ праху твоему Левъ Сергѣевичъ», заключаетъ разсказъ о немъ Лореръ.

Веселость и добродушіе «храбраго капитана» привлекали къ нему всякаго. Меланхолика разсмѣшитъ, огорченнаго утѣшитъ, недоразумѣнія между товарищами уладитъ, поединкамъ воспрепятствуетъ, а въ стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ,—на сколько ему возможно,—выручитъ.

Кошелекъ его былъ всегда открытъ нуждающимся однополчанамъ, коль скоро туда попадали ассигнаціи, высылаемыя или Сергѣемъ Львовичемъ, или Александромъ Сергѣевичемъ. Если же товарищъ извиняется, что не можетъ возвратить денегъ въ срокъ,—то энергически отпаливаетъ: «Убирайтесь къ милліону чертей, другъ милый» (онъ ни съ кѣмъ кромѣ Соболевскаго не былъ на ты), «какъ вамъ не совѣстно напоми-

нать мнѣ о всякомъ вздорѣ? Не я васъ одолжилъ, а вы меня, не побрезгавъ бездѣлицей. Отдадите когда можно, а умрете, такъ на томъ свѣтѣ». При этомъ смѣялся, щекоталъ и душилъ друга въ геркулесовскихъ своихъ объятіяхъ.

Кромѣ офицеровъ, обожали дядю Льва и рядовые, не нарушая однако по отношенію къ нему правилъ строжайшей дисциплины. «А вона, идетъ батька»!—говаривали солдатики одинъ другому.

Во Львѣ Сергѣевичѣ,—какъ увѣряла моя мать и его друзья—чувство поэзіи было развито до утонченности, а его сужденія о литературныхъ произведеніяхъ, которыя онъ подвергалъ строгой критикѣ, оказывались, большею частію, совершенно вѣрными.

Изучивъ, въ дни первой молодости,—подъ руководствомъ моей матери Ольги Сергѣевны — отечественныхъ и иностранныхъ писателей, дядя Левъ и въ средѣ кавказцевъ дѣлился своими познаніями, далеко не будучи легкомысленнымъ и пустымъ, какъ постарались представить его люди вовсе его не знавшіе, или же выводившіе о немъ заключенія по наслышкѣ.

Генералъ Раевскій очень благоволилъ къ младшему Пушкину. Въ Нижегородскомъ полку Левъ Сергѣевичъ находился у Раевскаго въ качествѣ адъютанта, а въ сущности былъ его задушевнымъ другомъ. Они были неразлучны, и дядя, вспоминая это время, говаривалъ: «когда мы съ Раевскимъ командовали полкомъ, случилось то-то, и то-то»...

Оцѣнивъ литературный слогъ Льва Сергѣевича, Раевскій всегда прибѣгалъ къ его содѣйствію. Такъ, въ 1838 году, послѣ разгрома лагеря у быховъ, Раевскій составилъ объ этомъ дѣлѣ подробное донесеніе государю императору Николаю Павловичу при помощи Пушкина, равно какъ и обозрѣніе путешествія по восточному берегу Чернаго моря, прочитанное его величествомъ съ выраженіемъ полнаго удовольствія.

Память моего дяди Льва Сергѣевича мнѣ дорога, почему, изобразивъ его характеристику, считаю долгомъ указать на его служебную дѣятельность, о которой имѣются лишь очень скудныя свѣдѣнія.

По словамъ Ольги Сергѣевны, военная служба была завѣтною мечтою ея младшаго брата; но Сергѣй Львовичъ опредѣлилъ сына,—когда этотъ послѣдній окончилъ курсъ наукъ въ университетскомъ бывшемъ пансіонѣ—на службу гражданскую, въ департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Являясь на службу всякій день, Левъ Сергѣевичъ говорилъ своей сестрѣ: скучаю въ департаментѣ невыносимо! Та же школа, чиновники тѣ же школьники, а экзекуторъ записываетъ фамиліи кто не является, или опаздываетъ, точно такъ же какъ инспекторъ училища; но въ училищѣ учишься, а въ департаментѣ разучиваешься, переписывая безграмотные восторги столоначальниковъ.

Оцѣнивъ такимъ образомъ чиновничье житье-бытье, дядя больше

двухъ лѣтъ не выдержалъ и промѣнялъ департаментскіе подвиги на военные. Безъ вѣдома родителей онъ подалъ въ отставку, а въ мартѣ 1827 года очутился, въ самый разгаръ персидской кампаніи, юнкеромъ покрывшаго себя неувядаемой славой Нижегородскаго драгунскаго полка.

Проявивъ отличную храбрость при осадѣ крѣпости Абасъ-Абада, Левъ Сергѣевичъ награжденъ былъ чиномъ; отличился затѣмъ при разбитіи полчищъ Абазъ-мирзы, взятіи Сардарь-Абада и покоренія Эривани, обративъ на себя за мужество особенное вниманіе Паскевича.

Весной 1828 года открылись военныя дѣйствія противъ Турціи, въ которыхъ братъ поэта стяжалъ новые лавры.

Съ окончаніемъ турецкой кампаніи, Левъ Пушкинъ отпросился въ отпускъ и, проживъ въ Петербургѣ болѣе года, выхлопоталъ переводъ въ Финляндскій драгунскій полкъ, дѣйствовавшій противъ польскихъ мятежниковъ.

Поступивъ такимъ образомъ вторично подъ начальство Паскевича, Левъ Сергѣевичъ и въ польскую кампанію отличился подъ Пултускомъ, Плонскомъ, Яновомъ, Щучиномъ и въ преслѣдованіи повстанцевъ къ прусской границѣ, за что награжденъ двумя чинами и знакомъ военнаго достоинства.

До 1834 года Левъ Сергѣевичъ проживалъ въ Варшавѣ у моихъ родителей, а въ апрѣлѣ того же года, изъ угожденія своему отцу, опредѣлился въ министерство внутреннихъ дѣлъ, но не могъ вынести вторичнаго, по его выраженію, чиновничьяго школьничества болѣе трехъ мѣсяцевъ, вышелъ въ отставку, путешествовалъ по Россіи, а послѣ кончины матери, Надежды Осиповны, вновь поступилъ въ 1836 году въ ряды кавказскихъ войскъ.

Въ 1839 году состоялась экспедиція Раевскаго къ восточному берегу Чернаго моря. Пушкинъ, оставаясь вѣрнымъ себѣ, отличился въ упорномъ дѣлѣ при высадкѣ войскъ въ устьяхъ рѣки Субаши и находился въ безпрерывныхъ перестрѣлкахъ; въ апрѣлѣ 1840 года ходилъ въ экспедицію съ генералъ-адъютантомъ Граббе и участвовалъ во всѣхъ блистательныхъ дѣлахъ генераловъ Лабинцева, Галафѣева, Фрейтага и князя Голицина.

Изъ всего изложеннаго можно судить объ энергіи, отвагѣ и распорядительности младшаго Пушкина, заслужившаго прозваніе «храбраго капитана».

Въ маѣ 1842 года Левъ Сергѣевичъ, по постигшей его тяжкой болѣзни, оставилъ службу и съ большимъ прискорбіемъ покинулъ Кавказъ.

III.

Дѣятельность Н. И. Павлищева по народному просвѣщенію въ Царствѣ Польскомъ.—Устройство русской книжной торговли въ Варшавѣ.—Записка графу Уварову.—„Польская исторія“ и оппозиція латинскаго духовенства.—„Историческій атласъ Россіи.“—Служба Павлищева въ бывшемъ государственномъ совѣтѣ Царства Польскаго.

Моя мать, Ольга Сергѣевна, пораженная неожиданною насильственною кончиною брата-поэта, располагала возвратиться вмѣстѣ съ моимъ отцомъ въ родной ей Петербургъ, гдѣ проживалъ Сергѣй Львовичъ, и своимъ личнымъ присутствіемъ и заботами облегчить дѣду моему скорбь и тягость одиночества. Но отецъ, связанный службой при Паскевичѣ, не нашелъ это удобнымъ и порѣшилъ, какъ онъ выражался, посвятить себя патріотической дѣятельности въ Привислянскомъ краѣ.

Между тѣмъ русскій кружокъ въ Варшавѣ увеличился давнишними знакомыми Ольги Сергѣевны, въ числѣ которыхъ находились ея родственники. Изъ нихъ генералъ-адъютантъ С. П. Шиповъ былъ въ 1838 году назначенъ главнымъ директоромъ бывшей коммиссіи внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ, а свиты его величества генералъ-маіоръ Н. А. Окуневъ—попечителемъ варшавскаго учебнаго округа. Особенно обрадовалъ мою мать пріѣздъ ея троюроднаго брата барона Николая Романовича Бистрома—сына родной внучки Ибрагима Петровича Ганнибала — Фелиціаны Адамовны Роткирхъ. Раздѣляя взглядъ моего отца, Николай Романовичъ сказалъ ему: «Если тебѣ суждено остаться здѣсь, въ Варшавѣ, то водворяй русскій духъ».

Бистромъ попалъ совершенно Николаю Ивановичу въ тонъ, и тутъ же они положили осуществить эти мысли какъ можно скорѣе. Въ энергическомъ содѣйствіи Шипова и Окунева не могло быть сомнѣнія, равно какъ и въ поддержкѣ православнаго архіепископа Антонія, негодовавшаго, что дѣти православнаго духовенства ополячивались, посѣщая мѣстныя школы.

Результатомъ бесѣдъ моего отца съ этими лицами оказалось заявленіе Паскевичу директора коммиссіи внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, генералъ-адъютанта Шипова и попечителя варшавскаго учебнаго округа, генералъ-маіора свиты его величества Окунева—о необходимости научнаго образованія юношества въ русскомъ духѣ, причемъ оба они выразили желаніе возложить исполненіе этой задачи на зятя русскаго поэта.

— Шиповъ и Окуневъ желаютъ твоего сотрудничества,—сказалъ моему отцу князь Варшавскій,—но не отвлекутъ ли тебя занятія по ихъ

части отъ твоихъ прямыхъ обязанностей? Впрочемъ, одно другому не помѣшаетъ: будешь полезенъ и въ совѣтѣ, и по дѣламъ народнаго просвѣщенія, а теперь напиши мнѣ, что надо бы сдѣлать по учебной части.

Въ августѣ 1838 года отецъ, сохраняя должность помощника статсъ-секретаря бывшаго государственнаго совѣта въ Царствѣ Польскомъ, назначенъ былъ членомъ мѣстнаго совѣта народнаго просвѣщенія, въ званіи котораго ввелъ во всѣхъ гимназіяхъ и уѣздныхъ (повѣтовыхъ) училищахъ русское преподаваніе—сначала историческихъ, а потомъ и математическихъ наукъ, для чего пріискивалъ опытныхъ русскихъ наставниковъ, самъ преподавая по-русски въ дополнительныхъ курсахъ Варшавской губернской гимназіи русскую исторію, статистику и географію. Преодолѣвалъ онъ всевозможныя затрудненія со стороны враждебныхъ намъ элементовъ и преслѣдовалъ свою задачу такъ неутомимо, что—восемь лѣтъ спустя—русское преподаваніе въ учебныхъ заведеніяхъ Царства Польскаго привилось окончательно, а польскій языкъ занялъ въ нихъ мѣсто иностраннаго.

Заботясь о распространеніи среди польской молодежи русскаго чтенія, Николай Ивановичъ воспользовался пріѣздомъ въ томъ же 1838 году купца Всеволода Максимовича Истомина, для устройства въ Варшавѣ русской книжной торговли, и исходатайствовалъ заключеніе съ Истоминымъ контракта по снабженію училищъ книгами, не выше петербургскихъ цѣнъ. Тогда же, Павлищевъ, напечатавъ для гимназическаго курса сокращенную русскую исторію по Устрялову, представилъ записку министру народнаго просвѣщенія графу С. С. Уварову о необходимости преподаванія также польской исторіи, но на русскомъ языкѣ, и графъ предложилъ конкурсъ для составленія по этому предмету руководства.

Черновая вышеозначенной записки хранится у меня, изъ которой привожу слѣдующую не безынтересную выдержку:

„Цѣль преподаванія русской исторіи состоитъ въ томъ, чтобы, постепеннымъ раскрытіемъ прошедшаго, освоить юношу съ той истиной, что Россія бытіемъ и благоденствіемъ одолжена самодержавію, и что нынѣшняя Россія есть плодъ мудрыхъ дѣяній русскихъ вѣнценосцевъ, заботившихся о славѣ государства и благѣ народномъ. Эта истина, внушая уваженіе къ прошедшему, даетъ чувствовать цѣну настоящаго и вселяетъ въ сердцѣ добраго гражданина любовь къ престолу, славному своимъ тысячелѣтнимъ бытіемъ. Словомъ, цѣль обученія отечественной исторіи—образованіе *добрыхъ гражданъ*, и никакіе умозрительные выводы философіи не могутъ сравниться въ этомъ отношеніи съ исторіей.

„Опредѣливъ такимъ образомъ цѣль и важность предмета, я убѣдился, что преподаваніе исторіи въ здѣшнихъ училищахъ, какъ простой лѣтописи или хронологіи фактовъ, противурѣчитъ цѣли. Наукѣ необходимо дать формы, доступныя извѣстному возрасту, и вотъ почему я старался изложить главныя событія прагматически, выражая въ нѣсколькихъ словахъ причины и слѣдствія языкомъ простымъ, понятнымъ дѣтскому возрасту. Мы должны преподавать не лѣтопись, а науку; иначе лучше совсѣмъ не учить исторіи.

„Раздѣленіе русской исторіи на три части я принялъ по Карамзину, наравнѣ съ системою котораго едва ли выдержитъ дѣленіе Шлецера на пять частей, или Устрялова - на двѣ, а систему сего послѣдняго—Западной и Восточной Руси, я замѣнилъ своею, выведенною изъ лѣтописей системою: Великой, Малой и Бѣлой Руси. Время же переименованія Руси въ Россію опредѣлилъ по грамотамъ и договорамъ.

„Синоптической таблицей удѣловъ я хотѣлъ показать, какъ нужна исторія удѣльныхъ княжествъ, до сихъ поръ никѣмъ не обработанная, а сливая русскія дѣла съ польскими, указалъ точки взаимнаго ихъ сближенія, напримѣръ: основаніе Руси Рюрикомъ—основаніе Польши Семовитомъ, кончина Ярослава Мудраго—кончина Казиміра-Обновителя, нашествіе монголовъ—пришествіе тевтонцевъ, сверженіе татарскаго ига—освобожденіе Поморья изъподъ власти тевтонцевъ, единодержавіе Петра—кончина Собѣсскаго, и т. д.

„Трудъ мой заставляетъ желать многаго, но по крайней мѣрѣ не упрекнутъ меня нивъ сомнительности фактовъ, почерпнутыхъ мною изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ, ни въ пристрастіи, которое должно быть чуждо добросовѣстному дѣписателю.

„Теперь—да позволено мнѣ будетъ сказать насчетъ необходимости преподаванія здѣсь польской исторіи.

„Польскую исторію нужно знать не только здѣшнимъ уроженцамъ, но и каждому русскому, если вспомнимъ слова Екатерины Великой, что всякому народу знаніе своей собственной исторіи и географіи нужнѣе, нежели посторонннихъ; однакожъ безъ знанія иностранныхъ народовъ исторіи, наипаче же сосѣдственныхъ дѣяній, своя не будетъ ясна и достаточна.

„Вспомнимъ также, что большая часть событій на пространствѣ отъ Волги до Вислы развивалась изъ политическихъ отношеній Кіева и Москвы къ Кракову и Варшавѣ, и согласимся, что польскія дѣла надлежало бы подробнѣе раскрыть даже въ училищахъ имперіи. Тѣмъ болѣе надобно знакомить здѣшнихъ юношей съ дѣяніями ихъ предковъ, не оставляя ихъ искать разрѣшенія вопросовъ о минувшемъ въ сочиненіяхъ, совершенно противныхъ настоящему, правдивому порядку вещей.

„Писатель, приступающій къ повѣствованію о польской старинѣ, подвергаетъ себя такимъ трудамъ, какіе чужды дѣписцу каждаго инаго народа. Ему предстоитъ, во-первыхъ, хотя и лестная, но незавидная доля быть творцомъ польской исторіи, ибо таковой исторіи нѣтъ въ строгомъ смыслѣ. [1]) Единственное сочиненіе Бандке не заслуживаетъ имени исторіи: это лишь матеріалъ безсвязный, нестройный, и не всегда вѣрный, а прочіе польскіе бытописатели только пытались изложить исторію своей родины, начиная съ Нарушевича, и никто изъ нихъ не довелъ ее далѣе исхода прошлаго вѣка; но и тутъ лучшіе опыты принадлежатъ французамъ—Солиньяку и Массюету. Но кому же спрашивается—неизвѣстно, какъ эти французы писали исторію народа, коего языкъ былъ имъ знакомъ по двумъ-тремъ записнымъ фразамъ? Что же касается учебныхъ книгъ Ваги, Лелевеля, Миклашевскаго, то, по предвзятому взгляду да извращенію фактовъ, названія исторіи онѣ и не заслуживаютъ.

---

[1]) Напоминаю читателямъ, что записка моего отца Н. И. Павлищева относится къ 1838 году. Л. П.

„Во-вторыхъ, добросовѣстнаго писателя ожидаетъ крайне утомительная обязанность опровергать, на всякомъ шагу, небылицы, внесенныя другими въ лѣтопись Польши, разрушая старыя зданія, нагроможденныя, въ теченіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ, руками разныхъ почитателей польской были. Опровергать эти нелѣпости необходимо, поелику онѣ, освященныя вѣками, обратились для многихъ въ непреложныя истины.

„Въ такомъ печальномъ положеніи долго находилось преподаваніе польской исторіи въ частныхъ и общественныхъ школахъ, безъ вниманія къ забавнымъ результатамъ, какіе выводилъ оттуда не одинъ смѣтливый юноша; да и въ самомъ дѣлѣ: прослушавъ похвальное слово отъ начала до конца золотой вольности, „рокошамъ“ [1]), конфедераціямъ, сообразительный ученикъ изумлялся, какимъ образомъ въ заключеніе этихъ славныхъ дѣлъ, вдругъ пришли сосѣди и подѣлили государство? Нельзя же такъ поступить съ государствомъ, гдѣ существуетъ истинная любовь къ отечеству, законы, деньги, войско, крѣпости...

„Между тѣмъ школьникъ, не будучи въ состояніи самъ—безъ предварительныхъ объясненій—разрѣшить себѣ эту мудреную задачу, оставался въ заблужденіи, что такой внезапный переломъ есть только временное состояніе, а временное состояніе пройдетъ скоро, и все пойдетъ опять по старому.

„Съ такими-то предразсудками и долженъ бороться каждый, пишущій польскую исторію. Если текстъ его книги составляетъ одинъ томъ, то читатель долженъ простить ему два тома коментаріевъ, иначе его исторія попадетъ въ разрядъ небылицъ или пристрастныхъ сочиненій. Внося въ русскую исторію польскія дѣла, я вынужденъ былъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ссылаться на слова тѣхъ самыхъ писателей, которые наиболѣе пользуются всеобщимъ довѣріемъ.....

„Я старался вывести ту истину, что Польское государство разрушилось само собою, отъ тяжести своего безначалія и изнурительной религіозной борьбы. Завязка начинается съ кончиной Казиміра Великаго, узелъ ея скрѣпляется Брестской уніей, казацкія войны наполняютъ XVII столѣтіе, а религіозная борьба—XVII-е и XVIII-е. Печальную эту картину сопровождаютъ крамолы, конфедераціи и разрывы сеймовъ, и шагъ за шагомъ приближается моментъ, когда никакія усилія человѣческія не спасутъ Польскаго государства отъ гибели. Въ этой картинѣ юный умъ видитъ перстъ Божій, не ропщетъ на враговъ иноземныхъ, и мирится съ настоящимъ положеніемъ, слушая приговоръ писателя Феррана, который говоритъ: [2])

„Если кто либо потрудится вспомнить всевозможныя бѣдствія, постигшія поляковъ въ теченіе прошлаго столѣтія, въ особенности послѣ 1733 года, тотъ долженъ признать, что поляки утратили одно лишь прежнее политическое существованіе, бывшее для нихъ единственно источникомъ раздоровъ и несчастій, и которое никогда бы не улучшилось среди встрѣчаемыхъ препонъ въ ихъ предразсудкахъ, привычкахъ и плохихъ учрежденіяхъ; теперь же они пріобрѣли существованіе, согласное съ государствами, часть которыхъ нынѣ они составляютъ, и если это новое ихъ состояніе,—какъ по всему надо полагать—упрочится, то полякъ, сдѣлавшійся гораздо болѣе свободнымъ, бу-

---

[1]) Рокошъ—по польски крамолы, возмущенія. Л. П.

[2]) Слѣдующія строки перевожу съ французскаго текста на русскій. Л. П.

детъ въ состояніи, пользуясь преимуществами, предоставленными ему самой природой, оживлять всегда пренебрегаемое имъ земледѣліе, и освободитъ свою торговлю отъ разорительной монополіи евреевъ".

„Нельзя не пожалѣть, что польская исторія не обработана критическимъ образомъ, а пока этого не будетъ, вѣковые предразсудки всегда найдутъ пищу въ народномъ тщеславіи, препятствуя распространенію истинъ, разсѣянныхъ въ запискахъ современниковъ или сокрытыхъ въ государственныхъ архивахъ".

Пожелавшихъ участвовать въ конкурсѣ составленія цѣлесообразнаго руководства польской исторіи по-русски или по-польски, явились, кромѣ моего отца, ученый Балинскій и графъ Потоцкій. Отецъ написалъ «Польскую исторію» по-русски, перевелъ это сочиненіе на мѣстный языкъ, подъ заглавіемъ: «Dzeje Polski», и, получивъ за него въ 1843 году премію, всемилостивѣйше награжденъ брильянтовымъ перстнемъ, а графъ Уваровъ, въ хранящемся у меня письмѣ автору отъ 18-го марта 1844 года, выразилъ свое сочувствіе въ слѣдующихъ строкахъ:

«Мнѣ пріятно видѣть окончаніе похвальнаго труда и надѣяться, что, обращаясь не только въ рукахъ обучающагося юношества, но и вообще любителей историческихъ свѣдѣній, помянутый трудъ принесетъ ожидаемую пользу. Сужденіе людей безпристрастныхъ оцѣнитъ вашъ трудъ по достоинству».

И дѣйствительно: люди безпристрастные между поляками отнеслись къ труду Николая Ивановича безъ всякаго шовинизма, такъ какъ авторъ, основываясь на изысканіяхъ польскихъ же историковъ, подкрѣплялъ ихъ же мнѣніями свои доказательства о невозможности политической независимости Рѣчи Посполитой. Въ числѣ такихъ безпристрастныхъ лицъ оказался и польскій славянофилъ-законовѣдъ Вячеславъ Мацѣевскій. Онъ писалъ отцу между прочимъ слѣдующее:

«За полезный и основательный трудъ вамъ будутъ признательны не только преподаватели и отцы семействъ, но и всякій любитель исторіи славянскихъ племенъ; такому любителю ваша «Польская исторія» послужитъ настольной книгой. Она будетъ содѣйствовать ускоренію момента примиренія, показывая необходимость тѣснаго сліянія Польши съ Россіей, послѣ чего мнѣ остается сказать: Счастливъ, кто разгадалъ свою эпоху! Честь ему и успѣхъ».

Попечитель же Варшавскаго учебнаго округа Н. А. Окуневъ въ 1845 году, писалъ моему отцу:

«Чѣмъ больше будетъ въ обращеніи составленный вами переводъ вашей «Польской исторіи», тѣмъ, кажется, ощутительнѣе должна быть предполагаемая польза, а чтобы дать ходъ этой книгѣ въ польскомъ переводѣ, ближайшимъ средствомъ нахожу необходимымъ раздавать ее въ награду ученикамъ при годичныхъ испытаніяхъ. Ученики возвратятся

домой съ книгою, которая останется въ кругу родныхъ, друзей, и конечно будетъ читаема».

Но увы! Сочиненіе отца вызвало негодованіе шляхтичей и нѣкоторыхъ ксендзовъ; первые возмутились опроверженіемъ нелѣпостей предковъ, а вторые—разоблаченіемъ интригъ латинскаго духовенства противъ православнаго народа въ областяхъ, входившихъ, до раздѣла Польши, въ составъ Рѣчи Посполитой. Посылая моему отцу подметныя письма, угрожающія ему даже смертію, эти господа сообщали въ заграничные журналы противъ него самыя нелѣпыя сплетни. Дерзость же ксендза католической соборной церкви св. Іоанна въ Варшавѣ—Декерта дошла до того, что онъ съ каѳедры этой церкви предалъ «Польскую исторію» Павлищева анаѳемѣ; но тутъ вступились русскія власти, и Паскевичъ усмирилъ Декерта по своему.

Въ тотъ же періодъ времени Н. И. Павлищевъ составлялъ для воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній «Историческій атласъ Россіи», и за этотъ трудъ, посвященный покойному великому князю Михаилу Павловичу, автору, въ 1846 году, всемилостивѣйше былъ пожалованъ брильянтовый перстень въ тысячу рублей [1]).

Изъ работъ же его по мѣстному государственному совѣту, замѣчательны утвержденные законопроекты: 1) о сокращеніи почетныхъ титуловъ, и 2) постепенная замѣна въ главныхъ коммиссіяхъ польскихъ чиновниковъ русскими.

Въ январѣ 1841 года, съ упраздненіемъ государственнаго совѣта Царства Польскаго, Николай Ивановичъ былъ назначенъ помощникомъ оберъ-прокурора общаго собранія варшавскихъ департаментовъ сената.

Левъ Павлищевъ.

---

[1]) Второе изданіе атласа Н. И. Павлищева, съ посвященіемъ памяти великаго князя Михаила Павловича, вышло въ 1873 году; изданіе это значительно пополнено лѣтописью и новыми картами. Л. П.

АЛЕКСАНДРЪ СЕМЕНОВИЧЪ ШИШКОВЪ

и

ДВѢ ВСЕПОДДАННѢЙШІЯ ЕГО ЗАПИСКИ.

I.

А. С. Шишковъ по воспоминаніямъ К. С. Сербиновича.

Возникшій еще въ концѣ прошлаго столѣтія, но съ особою силою разгорѣвшійся въ началѣ нынѣшняго, споръ между защитниками стараго и приверженцами новаго слога долго занималъ всѣхъ въ нашей литературѣ, пока наконецъ общее мнѣніе не рѣшило его въ пользу той стороны, на которой остались всѣ лучшіе современные таланты. Людямъ свойственно ошибаться, простительно отстаивать свои убѣжденія съ горячностію; но жаль, когда споры доходятъ до личностей, а еще болѣе жаль, когда остается въ потомствѣ такое о лицахъ мнѣніе, которое основываютъ не столько на собственныхъ ихъ дѣйствіяхъ, сколько на отзывахъ ихъ противниковъ, отзывахъ рѣдко безпристрастныхъ.

Такому мнѣнію подвергались многіе защитники стараго слога, вмѣстѣ съ учрежденіемъ «Бесѣды русскаго слова». Но учредителей этой «Бесѣды» одушевляла заботливость не только о сохраненіи стараго или устарѣвшаго слога, но и объ огражденіи отечества отъ иноземныхъ вліяній, вредныхъ въ эпоху безумной французской революціи. Не одинъ Шишковъ стоялъ во главѣ этого общества, но и Державинъ, въ домѣ котораго общество собиралось, и со смертію котораго прекратилось въ 1816 г. Въ «Бесѣдѣ» участвовали многіе почтенные и знаменитые своими заслугами люди, которыхъ нельзя было заподозрить въ чувствахъ недостойныхъ. Не удивительно, что «Бесѣда» съ

начала ея учрежденія (1810 г.) имѣла за собою особенное сочувствіе петербургской публики. Тогда намъ невыносимо было тяготѣніе унизительной для Россіи Наполеоновой политики, и многимъ казались подозрительны всякія восхваленія французскихъ писателей XVIII вѣка, которымъ приписывалась и самая революція. Наполеонъ же былъ чадомъ революціи и, поработивъ Европу, угрожалъ порабощеніемъ и Россіи. Посѣтители публичныхъ собраній «Бесѣды» пріѣзжали по чувству патріотизма, если и не по убѣжденіямъ литературнымъ. Такъ пріѣзжалъ туда и Дмитріевъ, другъ Карамзина, и въ тоже время искренній пріятель Державина и Шишкова. Когда Россія восторжествовала въ Европѣ надъ всемірнымъ завоевателемъ, тогда, казалось, намъ уже нечего было опасаться иноземныхъ вліяній. Такимъ образомъ и «Бесѣда русскаго слова» утратила часть своего значенія. «Бесѣда русскаго слова» перестала уже привлекать къ себѣ публику въ политическомъ отношеніи; за ней признавалась одна лишь забота о сохраненіи чистоты отечественнаго языка въ прежнемъ видѣ, тогда какъ въ публикѣ уже развился вкусъ къ рѣчи болѣе общеупотребительной.

Что касается до отношеній этого общества къ тогдашнему московскому литературному движенію, то, оставивъ въ сторонѣ князя Шаховскаго и нѣкоторыхъ другихъ задорныхъ, можно сказать, что люди благоразумные изъ пристрастныхъ къ старому слогу боялись искаженія языка отъ безразсуднаго подражанія Карамзину многихъ молодыхъ хотя и не талантливыхъ литераторовъ, доходившаго до смѣшнаго въ чуждыхъ нашему языку галлицизмахъ и въ употребленіи иностранныхъ словъ безъ нужды. Недоумѣвали, къ чему поведетъ все это. Изъ лучшихъ новыхъ талантовъ Жуковскій только начиналъ свое поприще; за нимъ шелъ Батюшковъ, и оба стали особенно славиться только съ 1812 года. И конечно, долго бы еще не прекращалось это недоумѣніе и не скоро бы молодые таланты овладѣли полемъ словесности, если-бы не явилась исторія Карамзина и не произвела бы рѣшительнаго перелома въ убѣжденіяхъ даже большей части предубѣжденныхъ противъ него. Когда же она явилась, тогда и Шишковъ и всѣ благоразумнѣйшіе члены «Бесѣды» и Академіи Наукъ успокоились. Они убѣдились, что нечего опасаться искаженія языка, ежели молодое поколѣніе станетъ подражать слогу Карамзина, уже изучившаго всю отечественную старину и вынесшаго изъ нѣдръ ея глубокое знаніе свойствъ русской рѣчи.

Не могу здѣсь не прибавить еще нѣсколько словъ о Шишковѣ, понесшемъ на себѣ всю отвѣтственность за учрежденіе «Бесѣды русскаго слова». Я былъ близокъ къ нему и притомъ этою близостію былъ обязанъ Карамзину. Шишковъ былъ сознательно и глубоко приверженъ къ отечественной старинѣ и до крайности къ старому слогу, увлекаясь притомъ любимою своею гипотезою о происхожденіи всѣхъ

языковъ отъ славянскаго. Онъ писалъ свободно и многословно, не заботясь впрочемъ о художественной обработкѣ слога. Лучшимъ у него выходило то, что писано имъ отъ полноты сердечнаго убѣжденія. Таковы его манифесты; и очень могло статься, что, при выборѣ сановника для столь важнаго дѣла, имѣлся въ виду его слогъ, церковно-русскій, который могъ сильнѣе дѣйствовать на нашъ православный народъ. Впрочемъ это одно предположеніе; а то не подлежитъ сомнѣнію, что выборъ палъ на него за рѣчь его «О любви къ отечеству». Сказывали, что при чтеніи этой рѣчи въ публичномъ собраніи «Бесѣды», сардинскій посланникъ, графъ Местръ, пріѣхавшій, какъ и многіе иные, изъ любопытства, напрасно старался узнать о подробностяхъ чтенія. Восторгъ былъ такъ великъ, что никто не обращалъ вниманія на его вопросы: онъ узналъ только, что всѣ русскіе одушевлены самымъ горячимъ чувствомъ патріотизма. Карамзинъ могъ бы сказать такую рѣчь изящнѣе и даже сильнѣе, но едва ли бы могъ возбудить подобный восторгъ, если-бъ сказалъ въ иное время. А это сказано было наканунѣ войны 1812 года!

Шишковъ былъ мужъ правдивый, который безъ всякой лести, въ простотѣ сердца говорилъ царямъ какъ что понималъ по чувству любви къ отечеству, чуждаясь личныхъ выгодъ и не боясь лишиться милости царской за правду. Когда онъ спорилъ о языкѣ, опасаясь искаженія его, то можно было замѣчать въ немъ негодованіе, но не злость. Зависти былъ онъ также чуждъ совершенно. Личностей всегда избѣгалъ и въ Разсужденіи его о старомъ и новомъ слогѣ, при выпискѣ критикуемыхъ имъ фразъ, никого изъ употребившихъ ихъ сочинителей не называлъ по имени. Надобно было журналу «Меркурію» самому назвать Карамзина, чтобы упрекнуть Шишкова въ выпискѣ этихъ фразъ изъ сочиненій Карамзина. На это Шишковъ отвѣчалъ: «Меркурій» упоминаетъ здѣсь о господинѣ К..., котораго я лично не имѣю чести знать (это было еще въ 1804 г.), и какъ сочинитель самъ не есть сочиненіе его, то, по долгу уваженія моего къ именамъ людей, и не считалъ бы я себя въ правѣ входить о немъ въ какія либо разсужденія, если бы не вынужденъ былъ издателемъ «Меркурія», который говоритъ, что я фразы сего писателя поставилъ наравнѣ съ фразами ученическими. Я нигдѣ въ книгѣ моей не говорилъ о господинѣ К..., и не только никого не назвалъ въ ней по имени, но даже и о заглавіи тѣхъ книгъ, изъ которыхъ выбиралъ я несоотвѣтственныя языку нашему рѣчи, отнюдь не упомянулъ. Слѣдовательно, съ моей стороны самымъ строжайшимъ образомъ соблюдена была всякая возможная скромность».

Не такъ поступали съ нимъ нѣкоторые изъ молодыхъ противниковъ его: они прямо безъ всякой церемоніи осыпали имя его эпиграммами и

сарказмами, и хотя правда была на ихъ сторонѣ, но въ способѣ нападенія могла извинить ихъ только пылкость молодости.

Въ 1816 году Державинъ, пользуясь временнымъ пребываніемъ Карамзина въ Петербургѣ, познакомилъ его съ Шишковымъ. Въ письмѣ Николая Михайловича къ супругѣ сказано: «я видѣлъ и Шишкова: бесѣдовали съ нимъ около 3 часовъ въ троемъ. Сперва онъ чинился, а послѣ свободно разсуждалъ со мною... о происхожденіи славянскихъ словъ».

Очевидцы сказывали мнѣ, что Карамзинъ, видѣвшись первый разъ съ Шишковымъ, сказалъ ему: «люди, не знающіе коротко ни васъ, ни меня, вздумали изображать меня врагомъ вашимъ. Они слишкомъ ошибаются. Я привыкъ уважать добросовѣстность писателей, имѣющихъ въ виду общую пользу, хотя и не согласныхъ съ моимъ убѣжденіемъ. Я не врагъ вашъ, а напротивъ того, считаю себя обязаннымъ вамъ за многое, что было высказано вами и удержало меня отъ ошибокъ». Съ тѣхъ поръ они остались навсегда добрыми знакомыми и съ пріятностію посѣщали другъ друга.

Александръ Семеновичъ Шишковъ, по словамъ самого Николая Михайловича, былъ человѣкъ честный и добросердечный. Карамзинъ говоритъ даже объ его голубиномъ незлобіи [1]). Мудрено-ли, что, несмотря на свои литературныя предубѣжденія, онъ полюбилъ Карамзина за его скромность и миролюбіе.

Съ 1816 года, т. е. со времени ихъ знакомства, Шишковъ могъ уже получить полное понятіе о слогѣ его «Исторіи», тѣмъ болѣе что Николай Михайловичъ читалъ отрывки сначала великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, въ Твери, а потомъ и императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и въ нѣкоторыхъ частныхъ домахъ. Когда же «Исторія» вышла въ свѣтъ (т. е. въ 1818 году), самъ Шишковъ, имѣя ее въ рукахъ, немного могъ найти въ ней такого, что ему прежде не нравилось въ его слогѣ. Онъ отдавалъ полную справедливость благонамѣренному труду и таланту автора.

Не слыхалъ я отъ Александра Семеновича Шишкова горячихъ похвалъ этой «Исторіи» до самаго 1829 года, т. е. до изданія въ свѣтъ XII тома, уже по кончинѣ Карамзина. Александръ Семеновичъ получилъ этотъ томъ лѣтомъ, находясь временно въ Москвѣ, куда и мнѣ случилось пріѣхать въ іюлѣ и застать его только что кончившаго чтеніе книги. «Вообрази себѣ,—сказалъ онъ, лишь только меня увидѣлъ,—я не могъ оторваться отъ этой книги, я прочелъ ее безъ отдыха и нахожу

---

[1]) Вотъ что писалъ онъ въ Москву къ своей супругѣ: «Шишковъ проситъ меня, чтобы я предложилъ ему кого нибудь въ члены Академіи. Кого-же? Развѣ Блудова, Дашкова, въ надеждѣ на его голубинное незлобіе»; а въ другомъ письмѣ: «Люблю Шишкова за его доброе сердце».

превосходною: въ цѣломъ томѣ я замѣтилъ только три выраженія, которыхъ, по мнѣнію моему, надлежало бы избѣгнуть въ такомъ прекрасномъ слогѣ».

Наконецъ (кто бы могъ подумать?) Александръ Семеновичъ дѣйствительно прочелъ всѣ томы, когда уже былъ совсѣмъ слѣпъ: т. е. ему прочла ихъ племянница второй его супруги (дѣвица Сесилія Окенская), и онъ прослушалъ все это безсмертное твореніе съ полнымъ наслажденіемъ.

Изъ другихъ нашихъ первоклассныхъ писателей, Шишковъ отдавалъ полную справедливость Жуковскому, особенно въ нравственномъ направленіи его поэзіи; любовался удачными мѣстами его стихотвореній, (напримѣръ, началомъ баллады «Свѣтлана»), но никакъ не могъ привыкнуть къ часто встрѣчающимся у него фигурамъ подражанія и другимъ особенностямъ и вообще къ его романтической школѣ.

И Жуковскій, когда мы шли за гробомъ Шишкова, сказалъ мнѣ: «это нашъ послѣдній долгъ истинно честному и правдивому человѣку».

Съ графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ Блудовымъ сошелся Шишковъ очень дружелюбно, когда судьба привела ихъ быть сослуживцами въ продолженіе года съ небольшимъ. Съ Дашковымъ же не было ему и случая сойтись.

Шишковъ имѣлъ роднаго племянника, тоже Александра (Ардаліоновича) Шишкова, автора Восточной Лютни, друга Пушкина и подражателя ему не только въ стихахъ, но и въ юношескихъ увлеченіяхъ: чѣмъ дядя былъ очень недоволенъ. Но въ Пушкинѣ признавалъ онъ истинный талантъ. Онъ ему нравился болѣе Жуковскаго—за особенную чистоту языка и всегдашнюю ясность.

Извѣстны стихи Пушкина въ посланіи къ цензору, когда Шишкову ввѣрено было министерство народнаго просвѣщенія:

„Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа,
Священной памятью двѣнадцатаго года“.

Шишковъ не искалъ ничьей похвалы, и Пушкинъ также ни мало не думалъ льстить ему, но сказалъ именно то, что чувствовалъ.

Вышедшій потомъ уже, въ 1826 году, строгій цензурный уставъ Шишкова не могъ нравиться Пушкину, хотя и не могъ собственно стѣснять его, потому что онъ самъ для себя былъ строгій цензоръ, но при новомъ цензурномъ уставѣ онъ не разъ жаловался на цензоровъ.

И впослѣдствіи Пушкинъ никогда не выходилъ изъ предѣловъ уваженія къ этому старцу, одностороннему въ сужденіяхъ о литературѣ, но почтенному по своимъ душевнымъ свойствамъ и заслугамъ.

II.

Двѣ всеподданнѣйшія записки А. С. Шишкова.

1.

О главнѣйшихъ распоряженіяхъ министерства народнаго просвѣщенія съ іюня 1824 года по январь 1826 года.

1) При самомъ вступленіи моемъ въ отправленіе должности министра народнаго просвѣщенія произнесъ я въ главномъ правленіи училищъ двѣ рѣчи, изъ коихъ первою, объяснивъ въ чемъ именно состоитъ истинное просвѣщеніе и какого содѣйствія ожидаю я отъ гг. попечителей и другихъ членовъ главнаго правленія училищъ въ важномъ дѣлѣ образованія россійскаго юношества, постановилъ основаніемъ распоряженій своихъ по сей части слѣдующее главное правило: Науки, изощряющія умъ, не составятъ безъ вѣры и безъ нравственности благоденствія народнаго. Во второй рѣчи, предваривъ слушателей, что, вопреки данныхъ прежде Великою Екатериною и Благословеннымъ Александромъ высочайшихъ указовъ, нѣкоторыя книги, содержащія въ себѣ несогласныя съ вѣроисповѣданіемъ нашимъ толкованія о вѣрѣ, безъ надлежащаго разсмотрѣнія печатались и выпускались, между тѣмъ какъ книги, въ опроверженіе сихъ ложныхъ толкованій написанныя, подвергались строгому запрещенію,—распространился я о силѣ и важности высочайшаго его императорскаго величества указа, послѣдовавшаго по сему случаю на мое имя въ 17-й день ноября 1824 года, которымъ повелѣвалось мнѣ истреблять и обличать всякія разсѣянныя въ книгахъ, или иначе внушаемыя лжеученія. Вслѣдствіе чего я пригласилъ всѣхъ гг. членовъ главнаго правленія училищъ обратить особенное вниманіе на книги, въ которыхъ усмотрятъ они что либо противное вѣрѣ, правительству или доброй нравственности, и замѣчанія свои представлять въ главное правленіе училищъ, которое не оставитъ принять нужныя мѣры къ прекращенію и обузданію таковой дерзости злонамѣренныхъ умствователей.

2) Извѣстно, что подъ видомъ изъясненія таинствъ природы, толкованія священнаго писанія и защищенія правъ гражданина и человѣка, книгопечатаніе наше наводнено было противными вѣрѣ и правительству сочиненіями и переводами. Нѣкоторыя изъ нихъ и, можно сказать самыя зловредныя, были духовнаго содержанія, и напечатанныя безъ разсмотрѣнія духовной цензуры, обращались во множествѣ между всѣми состояніями людей, разсылались въ духовныя и свѣтскія

училища, раздаваемы были воспитанникамъ въ награду за прилежаніе въ наукахъ и благонравіе. Тридцать томовъ таковыхъ сочиненій министерство народнаго просвѣщенія препроводило въ Святѣйшій Синодъ на разсмотрѣніе, и въ то же время отобрало ихъ изъ книгохранилищъ всѣхъ своихъ учебныхъ заведеній, взяло изъ обращенія между воспитывающимся въ нихъ юношествомъ, и такимъ образомъ пресѣкло пагубные плоды, которые неминуемо долженствовали произрасти отъ того въ юныхъ умахъ питомцевъ. Святѣйшій Синодъ учинилъ таковыя же предварительныя распоряженія по своему вѣдомству. По важности сего дѣла я буду имѣть счастіе особо донести о немъ вашему императорскому величеству.

3) Уставы высшихъ и другихъ учебныхъ заведеній, составленные при образованіи университетовъ въ 1804 году и послѣдовавшихъ годахъ, будучи по большей части списками отъ уставовъ иностранныхъ учебныхъ заведеній, недостаточно приноровленны къ свойствамъ и обычаямъ нашимъ, требовали значительныхъ перемѣнъ и дополненій, тѣмъ паче, что болѣе нежели двадцати-лѣтняя опытность показывала важныя неудобства, которыя непремѣнно надлежало отклонить. На сей конецъ при главномъ правленіи училищъ учрежденъ особый комитетъ, для составленія проекта устава учебныхъ заведеній, которому поставлено въ обязанность разсмотрѣть всѣ существующія доселѣ по части министерства народнаго просвѣщенія постановленія и распоряженія и, принявъ въ соображеніе мнѣніе университетовъ и попечителей оныхъ, приступить къ исполненію возложеннаго на него порученія.

4) Министерство народнаго просвѣщенія отъ самаго начала своего не имѣло постояннаго плана, которымъ бы всегда руководствуясь могло оно въ продолженіе времени всѣ части онаго привесть въ желаемое устройство. Дабы помочь сему неудобству, приглашены всѣ члены главнаго правленія училищъ къ представленію мнѣній своихъ о составленіи таковаго плана. Между тѣмъ канцелярія министра занимается обозрѣніемъ узаконеній, существующихъ по части народнаго просвѣщенія въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ государствахъ Европы; а для пособія при семъ занятіи, требованы отъ университетовъ свѣдѣнія и замѣчанія, сдѣланныя разными профессорами во время путешествій ихъ въ чужихъ краяхъ, на счетъ образованія, порядка и хода народнаго просвѣщенія въ иностранныхъ государствахъ.

5) Съ распространеніемъ училищъ не приготовлены были учебныя книги для единообразнаго преподаванія наукъ; профессоры и учители въ общемъ наставленіи юношей слѣдовали каждый своему произволу и понятіямъ; отселѣ одна и та же наука преподавалась разнообразно, иногда съ недостаткомъ, иногда съ примѣшаніемъ многихъ излишествъ, и часто съ упущеніемъ изъ виду главнѣйшихъ въ просвѣ-

щеніи основаній: чистой христіанской вѣры и доброй нравственности. Для прекращенія таковыхъ безпорядковъ поставлено въ обязанность ученаго комитета: 1-е, изъ всѣхъ ученыхъ книгъ избрать для каждой науки лучшія, которыя въ настоящемъ ихъ видѣ безъ всякой перемѣны могутъ и должны оставаться въ употребленіи на будущее время; 2-е, отдѣлить тѣ изъ учебныхъ книгъ, которыя хотя и могутъ быть употреблены для предположенной цѣли, но съ допущеніемъ нѣкоторыхъ перемѣнъ или дополненій; 3-е, означить, какія именно учебныя книги, за всѣми сими распоряженіями, нужно будетъ составить вновь. И наконецъ, изложить, на какомъ основаніи какъ сіе составленіе, такъ и означенное выше пополненіе учебныхъ книгъ можетъ быть произведено благоуспѣшно. Но какъ въ исполненіи всѣхъ сихъ предположеній пройдетъ не малое время, то на первый случай составить опредѣлительное указаніе авторовъ, коими должно руководствоваться по всѣмъ частямъ преподаваній, и симъ распоряженіемъ упразднить затруднительную необходимость разсматривать отдѣльно конспекты или обозрѣнія преподаваній каждаго профессора и по каждой наукѣ.

6) Имѣя въ виду, что одно изъ главнѣйшихъ средствъ содержать учебныя заведенія во всегдашней дѣятельности, порядкѣ и устройствѣ есть неупустительные осмотры сихъ заведеній, министерство народнаго просвѣщенія заблаговременно обратило вниманіе свое на сіе важное дѣло и, не нашедъ полныхъ и удовлетворительныхъ во всѣхъ частяхъ правилъ для руководства визитаторовъ, учредило временный комитетъ при главномъ правленіи училищъ для составленія особой на сей конецъ инструкціи. Трудъ сей приведенъ къ окончанію, и судя по тому, что основаніемъ онаго по нравственной части принято слово Божіе и ученіе нашей православной церкви, и что все прочее, относящееся къ осмотру учебныхъ заведеній, изложено съ надлежащею ясностію и подробностію, не остается желать ничего болѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ строго подтверждены къ исполненію существующія объ осмотрѣ учебныхъ заведеній попечителями, членами университета и деректорами училищъ узаконенія, и плоды сей, остававшейся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ безъ употребленія, мѣры, къ немалому утѣшенію начальства начинаютъ оказываться не въ одномъ учебномъ округѣ.

7) Кромѣ сихъ общихъ мѣръ касательно осмотра учебныхъ заведеній, министерство народнаго просвѣщенія не упускало пользоваться случаями узнавать о состояніи ихъ отъ постороннихъ и даже не принадлежащихъ къ нему лицъ. Въ семъ намѣреніи, и имѣя въ виду, что путешественникъ, не обнаруживающій порученія осматривать учебныя заведенія, нерѣдко гораздо болѣе имѣетъ возможности открывать настоящее ихъ положеніе, нежели нарочно посылаемые на сей конецъ визитаторы, поручено было статскому совѣтнику Свиньину сдѣлать

замѣчанія объ учебныхъ заведеніяхъ, которыя встрѣтятся ему на пути его въ Грузію. Г. Свиньинъ, окончивъ путешествіе свое, представилъ общія замѣчанія о ходѣ просвѣщенія въ Южномъ краѣ Россіи, которыя, будучи прочитаны въ главномъ правленіи училищъ, переданы для соображенія комитету составленія проекта устава учебныхъ заведеній. Сверхъ того, посланъ отъ министерства состоящій по особымъ порученіямъ при департаментѣ народнаго просвѣщенія въ званіи камергера коллежскій совѣтникъ Веревкинъ для осмотра учебныхъ заведеній: Орловской, Воронежской и Калужской губерній. Порученіе сіе приводится нынѣ къ окончанію, и состояніе учебныхъ заведеній въ трехъ вышеозначенныхъ губерніяхъ приведено будетъ въ надлежащую извѣстность.

8) Недовольствуясь собраніемъ обстоятельныхъ и подробныхъ свѣдѣній о всѣхъ вообще учебныхъ заведеніяхъ, я почелъ за нужное личнымъ обозрѣніемъ удостовѣриться въ благосостояніи нѣкоторыхъ университетовъ. Для сего, съ высочайшаго блаженной памяти государя императора соизволенія, осмотренъ мною Дерптскій университетъ и приступлено къ осмотру С.-Петербургскаго, хозяйственную часть коего обозрѣли уже, по порученію моему, директоры департамента народнаго просвѣщенія и канцеляріи моей. Во время четырехъ-дневнаго моего пребыванія въ Дерптѣ осматривалъ я университетскія зданія, клинику, библіотеку, кабинеты и другія къ учебнымъ пособіямъ относящіяся заведенія; присутствовалъ лично на пятнадцати профессорскихъ лекціяхъ, вникалъ въ нравственное направленіе преподаваній, старался развѣдать отъ постороннихъ живущихъ тамъ людей о поведеніи и образѣ мыслей учащихъ и учащихся, и имѣлъ удовольствіе замѣтить во всемъ надлежащій порядокъ и устройство. Дерптская гимназія и тамошнее уѣздное училище при осмотрѣ моемъ также дали себя замѣтить съ выгодной стороны; о послѣдствіяхъ сего осмотра я имѣлъ счастіе докладывать въ подробности блаженныя памяти государю императору въ 19-й день іюля протекшаго (1825) года. Строительная часть С.-Петербургскаго университета, при обозрѣніи оной директорами департамента и канцеляріи моей, не представила желаемаго благоустройства. Усмотрѣнная ими неисправность въ веденіи счетовъ и въ расходованіи строительныхъ суммъ, несоблюденіе существующихъ на сей конецъ правилъ и неполнота отчетныхъ документовъ—поставили меня въ необходимость поручить хозяйственному комитету главнаго правленія училищъ истребовать отъ исправляющаго должность попечителя С.-Петербургскаго округа, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Руница, всѣ веденныя имъ по сему случаю приходо-расходныя книги съ принадлежащими къ нимъ документами и разсмотрѣть ихъ во всей подробности. Я тѣмъ болѣе почиталъ сію мѣру необходимою, что въ

число назначенныхъ на строенія и передѣлки по С.-Петербургскимъ университетскимъ зданіямъ и гимназіи 1.300,000 рублей, израсходовано уже до 740,000 рублей. О послѣдствіяхъ таковаго распоряженія моего я буду имѣть счастіе повергнуть на высочайшее вашего императорскаго величества благоусмотрѣніе особенное донесеніе.

9) Дабы судить непогрѣшительно, достигаютъ ли предположенной правительствомъ цѣли всѣ какъ высшія, такъ среднія и низшія учебныя заведенія, т. е. успѣваютъ-ли первыя на пути усовершенствованія наукъ и полезныхъ знаній и содѣйствуютъ ли послѣднія къ распространенію въ народѣ необходимыхъ для благосостоянія его свѣдѣній, поставлено въ обязанность попечителямъ ежегодно представлять отчеты о дѣйствіяхъ университета и ихъ учебныхъ округовъ не только по хозяйственной, но преимущественно по нравственной и учебной частямъ. А чтобы имѣть картину постепеннаго приращенія и хода просвѣщенія въ университетахъ, со времени ихъ учрежденія, требованы историческія записки сихъ высшихъ учебныхъ заведеній.

10) Объявлено во всеобщее свѣдѣніе и строго подтверждено, чтобы, на основаніи указа 1757 года, ни подъ какимъ видомъ не допускаемы были къ воспитанію юношества въ частныхъ домахъ учители, не получившіе свидѣтельствъ отъ нашихъ университетовъ о познаніяхъ и способности ихъ преподавать науки, также безъ достаточнаго удостовѣренія въ доброй ихъ нравственности. Но дабы со временемъ можно было вовсе упразднить участіе иностранцевъ въ образованіи россійскихъ юношей, составленъ проектъ учрежденія училища русскихъ наставниковъ и воспитателей, который и разсматривается нынѣ въ главномъ правленіи училищъ.

11) Преподаваніе славянскаго языка, на которомъ написаны всѣ наши священныя и церковныя книги, на которомъ соблюдаются историческія древности народа нашего, повсемѣстно введено въ употребленіе. До сего времени не было даже ни одной печатной славянской грамматики, которую бы можно было принять въ руководство, и первая таковая только недавно издана въ свѣтъ.

12) На изученіе языка греческаго, съ котораго мы взяли священное писаніе и ученіе православной вѣры нашей, не обращаемо было должнаго вниманія, и языку латинскому, чуждому для насъ по многимъ отношеніямъ, отдавалось явное преимущество. Нынѣ изученію греческаго языка возвращены отнятыя у него права и преимущества.

13) Въ обширномъ Виленскомъ и Дерптскомъ учебныхъ округахъ, языкъ русскій хотя и считался въ числѣ классныхъ предметовъ ученія, но подданные русскіе, даже образованные въ заведеніяхъ, отъ щедротъ монарха нашего воздвигнутыхъ, не знали господствующаго въ государ-

ствѣ языка. Для отклоненія сего важнаго неудобства приняты надлежащія мѣры.

14) Новый цензурный уставъ, сіе необходимое для блага народнаго постановленіе, составленный въ проектѣ при прежнемъ министерствѣ, разсматривается нынѣ съ тою внимательностію, какой требуетъ важность сего дѣла. Сдѣланныя по сему случаю замѣчанія переданы въ ученый комитетъ, и не безъ причины можно надѣяться, что скоро цензура наша, получивъ новое образованіе и новые способы, безпрепятственно станетъ на стражѣ и безъ великихъ усилій, какъ нынѣ, будетъ охранять читателей не только отъ всякихъ зловредныхъ, но и отъ всѣхъ безполезныхъ умствованій.

15) Система философскихъ наукъ, имѣющая руководствомъ мерцающій свѣтильникъ естественнаго разума, и отъ того всегда не надежная и шаткая въ самомъ основаніи своемъ, разсматривается нынѣ при свѣтѣ откровенія. Уже собраны на сей конецъ мнѣнія всѣхъ членовъ главнаго правленія училищъ, и скоро сіе важное дѣло приведено будетъ къ желаемому окончанію.

16) Въ числѣ русскихъ классическихъ книгъ, употребляемыхъ до сего времени въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, не было такой, въ которой бы основанія нравственной Богословіи собраны были и расположены систематически. Чтобы помочь сему неудобству, приглашенъ профессоръ духовной академіи, протоіерей Кочетовъ, ко второму изданію сочиненной имъ книги, подъ заглавіемъ: «Черты дѣятельнаго ученія вѣры». Планъ сего изданія распространенъ согласно съ видами министерства, и самое сочиненіе усовершенствовано. Всѣ содержащіяся въ немъ истины изложены ясно, опредѣлительно и сообразно съ ученіемъ нашей церкви. А потому и почтено за нужное ввести книгу сію во всеобщее по учебнымъ заведеніямъ министерства народнаго просвѣщенія употребленіе.

17) Даны двумъ новымъ попечителямъ и для свѣдѣнія прочихъ печатаются въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія наставленія. Сущность содержанія ихъ состоитъ въ попеченіи о благоустройствѣ учебныхъ заведеній, о распространеніи просвѣщенія въ юношествѣ на твердомъ основаніи слова Божія, о сохраненіи въ чистотѣ православной нашей вѣры, о соблюденіи и передачѣ въ потомство, безъ всякой примѣси, врожденной намъ преданности къ государю и любви къ отечеству.

18) Со времени учрежденія министерства народнаго просвѣщенія составились въ разное время многія вольныя ученыя общества, на нравственную цѣль коихъ не обращаемо было доселѣ надлежащаго вниманія. Здѣсь разумѣется нравственная цѣль по заключенію изъ трудовъ и дѣйствій сихъ обществъ. Нынѣ поставлено въ непремѣнную обязан-

ность ихъ, во-первыхъ, доставить обстоятельныя свѣдѣнія, чѣмъ ознаменовали они существованіе свое со времени ихъ учрежденія, и во-вторыхъ, доставлять ежегодно отчеты о занятіяхъ своихъ или представлять ежемѣсячныя о томъ записки.

19) Обращая, по званію моему, бдительное вниманіе на такъ называемый господствующій духъ времени и имѣя въ виду, что главнѣйшіе источники распространенія у насъ между образованнѣйшею частію народа, такъ называемаго общественнаго мнѣнія, суть повременныя изданія, я съ самаго вступленія моего въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія не преставалъ наблюдать, чтобы въ нихъ не заключалось ничего такого, что бы могло хотя слегка и косвеннымъ образомъ имѣть наитіе на умы къ нарушенію уваженія къ святынѣ, преданности къ престолу и отечественнымъ постановленіямъ. Такимъ образомъ изданія сіи, толико размножившіяся въ отечествѣ нашемъ и служившія нерѣдко пищею праздности или, что еще хуже, легкимъ способомъ распространенія ложныхъ и противу-нравственныхъ мнѣній, приведены по возможности къ настоящей цѣли существованія ихъ, къ распространенію полезныхъ въ среднемъ классѣ народа свѣдѣній.

20) Для полезнаго занятія с.-петербургской публики и для доставленія удобнаго случая желающимъ пріобрѣсть нужныя познанія, министерство народнаго просвѣщенія дозволило открыть въ столицѣ вольные курсы профессорамъ: Соловьеву—курсъ опытной физики въ кабинетѣ Роспини, и Бутырскому—курсъ россійской словесности.

21) Обращено особенное вниманіе на частныя учебныя заведенія въ столицѣ, осмотры коихъ производятся нынѣ ректоромъ и членами С.-Петербургскаго университета.

22) Неупустительное присутствіе мое на всѣхъ годичныхъ испытаніяхъ въ учебныхъ заведеніяхъ столицы доставило мнѣ возможность судить объ успѣхахъ въ наукахъ воспитывающагося въ нихъ юношества и, что важнѣе,—о нравственномъ направленіи преподаваній. При сихъ случаяхъ вообще не замѣчено ничего къ невыгодѣ сихъ заведеній какъ въ нравственномъ, такъ и въ учебномъ отношеніяхъ.

23) Сдѣлано распоряженіе объ изданіи, вмѣсто журнала министерства народнаго просвѣщенія, записокъ на новомъ и гораздо полезнѣйшемъ основаніи.

24) Усилены дѣйствія ученаго и хозяйственнаго комитетовъ главнаго правленія училищъ назначеніемъ въ нихъ новыхъ членовъ. При чемъ поставлено за правило: независимо отъ ежемѣсячнаго свидѣтельствованія суммъ, свидѣтельствовать ежегодно все казенное имущество.

2.

О главнѣйшихъ сношеніяхъ съ римскимъ дворомъ и о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ по протестантскимъ церквамъ въ Россіи, съ 1824 по 1826 годъ.

О духѣ нынѣшняго римскаго правительства.

По возведеніи нынѣшняго папы на римскій престолъ, посланникъ нашъ г. Италинскій предувѣдомилъ россійское министерство, что сей первосвященникъ и окружающіе его прелаты уклоняются отъ правилъ терпимости и умѣренности, коими предмѣстникъ его руководствовался, и желаютъ, сколько возможно, возстановить прежнюю власть римскаго престола.

Вскорѣ появилось у католическихъ епископовъ въ Россіи окружное посланіе сего папы, доставленное къ намъ мимо посланника нашего и мимо министерства, хотя неоднократно подтверждаемо было римскому правительству и получено отъ него обѣщаніе, всѣ его декреты и посланія къ духовенству въ Россіи, сообщать россійскому министерству чрезъ нашу миссію.

По разсмотрѣніи въ главномъ управленіи помянутой буллы, открыты въ оной разныя внушенія по тѣмъ видамъ, кои обнаруживалъ посланникъ. Она возносила западную церковь, яко единую истинную, внѣ коей нѣтъ спасенія; поощряла къ нетерпимости, изображала неприкосновенность верховной власти преемника св. апостола Петра; возлагала обязанность соблюдать свято права его и установленія, повелѣвая прибѣгать во всѣхъ сомнѣніяхъ и во всякихъ нуждахъ къ папѣ.

Въ сей буллѣ видно было присвоеніе той неограниченной монархической власти папы въ дѣлахъ церковныхъ, которая возникла въ среднихъ вѣкахъ и, бывъ несовмѣстна съ правами государей, поставлена нынѣ самими католическими державами въ надлежащіе предѣлы. Такъ въ Австріи, въ богословскихъ книгахъ, утвержденныхъ правительствомъ для употребленія въ училищахъ, опровергается мнѣніе о непогрѣшимости папы, яко преемника Петра Апостола, и о полнотѣ его власти; и тамъ изданы подробныя учрежденія, кои духовенство безпрекословно исполнять должно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, кои, не касаясь догматовъ вѣры, имѣютъ отношеніе къ гражданскимъ установленіямъ.

По симъ соображеніямъ я полагалъ окружное посланіе новаго папы запретить, на что совершенно согласился министръ иностранныхъ дѣлъ, и на что, по разсмотрѣніи дѣла въ комитетѣ министровъ, послѣдовало въ августѣ мѣсяцѣ минувшаго года высочайшее соизволеніе.

Посему главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій обращаетъ нынѣ особенное вниманіе на то, чтобы сія духовная

власть не выходила изъ установленныхъ для нее предѣловъ. Недавно представился къ сему слѣдующій случай:

О буллѣ, коадъютору самогитскаго епископа данной.

Наши сношенія съ римскимъ дворомъ касаются по большей части также духовнаго утвержденія епископовъ, всемилостивѣйше наименованныхъ въ сей санъ. По перепискѣ съ симъ дворомъ, съ 1816-го года продолжавшейся, получена наконецъ булла о посвященіи коадъютора самогитской римско-католической епархіи князя Игнатія Гедройца. Къ сей буллѣ присоединено нѣсколько разныхъ посланій и разрѣшеній, и между прочимъ: 1-е, особое дозволеніе коадъютору князю Гедройцу удержать въ семъ званіи два прежнія его мѣста: п е р в о е—прелата архидіакона самогитской каѳедры, и в т о р о е—настоятеля Шавельской церкви. Но никогда наше правительство, какъ и католическія державы, не допускало власти папы раздавать бенефицій по своему произволенію; а зависитъ сіе отъ самодержавной власти и отъ тѣхъ лицъ, коимъ государь предоставляетъ распредѣленіе низшихъ духовныхъ бенефицій; 2-е, особое посланіе къ вассаламъ епископскимъ, чтобы они повиновались князю Гедройцу и служили ему. Сіе предполагаетъ власть папы повелѣвать крестьянамъ столовыхъ епископскихъ имѣній,—между тѣмъ какъ римско-католическое духовенство владѣетъ сими имѣніями по соизволенію государя императора, а не по какому либо праву, отъ папы исходящему; 3-е, разрѣшеніе князю Гедройцу, какъ будущему епархіальному архіерею, выдавать изъ церквей и монастырей укрывающихся тамъ преступниковъ и дезертировъ, требуя однако-же отъ свѣтскаго начальства обѣщанія подъ клятвою, что они не будутъ наказаны.

Я представилъ въ комитетъ министровъ, что всѣ таковыя разрѣшенія папскія должны быть оставлены безъ дѣйствія.

О буллѣ, изданной для празднованія юбилея.

Вмѣстѣ съ помянутымъ выше окружнымъ посланіемъ прислана была булла, въ которой папа Левъ XII объявилъ юбилей или празднованіе святаго лѣта, каковое въ римской церкви учреждается чрезъ каждые 25 лѣтъ. Въ сей буллѣ папа приглашалъ католиковъ къ покаянію и къ моленіямъ наипаче въ самомъ Римѣ, яко столицѣ христіанства, гдѣ получатъ прощеніе грѣховъ и духовныя милости.

Поелику подобное празднество дозволено было при императрицѣ Екатеринѣ II, въ 1775 году, то и по нынѣшней буллѣ дозволено праздновать юбилей въ Россіи.

О декретѣ, касающемся тайныхъ обществъ.

Въ 1821 году издана была Піемъ VII булла противъ общества карбонаровъ и другихъ тайныхъ обществъ. Сею буллою воспрещено духовнымъ и свѣтскимъ людямъ римскаго вѣроисповѣданія участвовать въ сихъ обществахъ какимъ либо образомъ или содѣйствовать онымъ и поставлено въ обязанность каждому объявлять о всѣхъ тѣхъ, кои находятся въ обществѣ карбонаровъ, объ ихъ уставахъ и дѣйствіяхъ епископамъ или тѣмъ, до кого сіе относится. На неисполнителей сего постановленія папа изрекъ проклятіе и отлученіе отъ церкви, отъ котораго никто, кромѣ его самого, разрѣшить не могъ, развѣ въ часъ смертный.

Блаженной памяти государю императору благоугодно было обнародовать сію буллу; но предварительно его величество желалъ знать, согласно ли сіе будетъ съ намѣреніями папы. Папа Пій VII изъявилъ признательность за таковое къ нему вниманіе и полагалъ, что оффиціальное обнародованіе буллы произведетъ благотворное дѣйствіе для общественнаго спокойствія.

Послѣ сего булла обнародована въ церквахъ католическихъ и уніатскихъ въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, а потомъ изданъ и общій государственный законъ, запрещающій тайныя общества.

Спустя нѣкоторое время, митрополитъ Сестренцевичъ представлялъ, чтобы исходатайствовать у папы дозволеніе епископамъ римской церкви давать отпущеніе тѣмъ, кои нѣкогда принадлежали къ тайнымъ обществамъ, но оставили уже оныя.

Вслѣдствіе чего полученъ былъ въ 1824 году, уже при новомъ папѣ, декретъ римской конгрегаціи. Но по разсмотрѣніи онаго въ главномъ управленіи иностранныхъ исповѣданій найдено, что конгрегація даетъ отпущеніе и тѣмъ, кои послѣ буллы вошли въ тайныя общества и состоятъ въ оныхъ; что власть дѣлать подобныя послабленія распространена на нѣсколько лѣтъ впередъ и предоставлена неограниченному числу духовныхъ, и даже разрѣшалось нѣкоторымъ образомъ скрывать существованіе сихъ обществъ, а священникамъ и другимъ духовнымъ чинамъ, кои находились бы въ тайныхъ обществахъ, не только прощалось духовное исключительство, но и дозволялось производить ихъ въ дальнѣйшія духовныя степени.

Такимъ образомъ сей декретъ римской конгрегаціи уничтожалъ то благотворное для общественнаго спокойствія дѣйствіе, котораго покойный папа Пій VII ожидалъ отъ буллы противу тайныхъ обществъ, и ослаблялъ самый государственный законъ. Въ сіе время открыты были въ польскихъ губерніяхъ тайныя общества Филаретовъ и другія.

*

Государь императоръ, по докладу моему, призналъ дѣйствіе римской конгрегаціи столь важнымъ, что изволилъ объявить намѣреніе свое писать собственноручно о томъ къ папѣ, повелѣвъ возвратить декретъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Послѣдствія сего дѣла неизвѣстны мнѣ.

О предположеніяхъ къ лучшему образованію управленія протестантской церкви.

По управленію протестантскимъ духовенствомъ въ Россіи я долженъ былъ имѣть преимущественно то въ виду, что въ сей церкви основался духъ новой философіи, поправшій христіанство, завезенный къ намъ иностранцами и тѣми, кои въ иностранныхъ университетахъ искали познаній протестантской религіи. Блаженной памяти государь императоръ еще въ 1819 году обратилъ вниманіе на состояніе сей церкви и предположилъ устроить управленіе оной на твердомъ основаніи, возвращая ее къ тѣмъ догматамъ и правиламъ, кои реформаторы въ началѣ шестнадцатаго вѣка приняли, держась положеній первобытной христіанской церкви, и кои съ того времени европейскими державами въ разныхъ торжественныхъ трактатахъ были признаны. Но сіе предположеніе о лучшемъ устройствѣ протестантской церкви въ Россіи не могло еще быть приведено въ дѣйствіе. Представленные о томъ проекты не отвѣчали намѣреніямъ его величества. Хотя для сего призванъ былъ изъ Финляндіи епископъ Сигнеусъ и поставленъ здѣсь с.-петербургскимъ евангелическимъ епископомъ, но въ сочиненномъ имъ новомъ учрежденіи о управленіи протестантскою церковью не найдено тѣхъ прочныхъ основаній, кои могли бы споручительствовать правительству въ томъ, что сія церковь будетъ хотя постепенно приводима къ прежнимъ твердымъ ея постановленіямъ. Въ такомъ положеніи сего дѣла государю императору благоугодно было, предъ отъѣздомъ отсюда, указать мнѣ нѣкоторыя мѣры, о коихъ я особо буду имѣть счастіе доложить вашему императорскому величеству.

О новомъ ученіи въ протестантской церкви.

Нововведенія, въ протестантской церкви допущенныя, проистекаютъ главнѣйше изъ свободы мнѣній и толкованій о вѣрѣ. Изъ сего начала выводится, яко бы священникъ въ ученіи и отправленіи вѣры долженъ сообразоваться съ мыслями и желаніями своихъ прихожанъ; а подъ симъ предлогомъ предоставленъ на волю пастора выборъ церковныхъ молитвъ, пѣсней и чтеній священнаго писанія; почему весь составъ и

обряды богослуженія не имѣютъ нынѣ въ лютеранской церкви никакого твердаго основанія. Такимъ образомъ народъ въ Остзейскихъ нашихъ провинціяхъ развращается въ вѣрѣ и развращается въ нравственности; ибо все, что имѣетъ связь съ религіею, напримѣръ, разныя церковныя постановленія о бракахъ, о запрещеніи ихъ въ близкихъ степеняхъ родства, о недопущеніи разводовъ—измѣнены разными предлогами. О семъ обстоятельно представлено мною въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ комитетъ министровъ, по поводу разныхъ статей Положенія объ освобожденіи лифляндскихъ, эстляндскихъ и курляндскихъ крестьянъ, внесенныхъ въ отмѣну церковныхъ установленій.

О сектѣ благочестивыхъ.

Въ послѣднихъ годахъ открыта здѣсь между финнами лютеранскаго исповѣданія секта людей, называющихъ себя благочестивыми. Они изъ словъ священнаго писанія: «повиноватися подобаетъ Богови паче, нежели человѣкамъ» выводятъ, что не должно повиноваться повелѣніямъ начальства, когда оное запрещаетъ имъ религіозныя ихъ дѣйствія. По мнѣнію ихъ всякій, кто бы онъ ни былъ, можетъ проповѣдывать слово Божіе, а благочестіе ихъ состоитъ въ громкихъ вздыханіяхъ и сѣтованіяхъ, въ сильныхъ тѣлесныхъ потрясеніяхъ, пляскѣ и въ свободномъ обращеніи лицъ обоего пола между собою, почему бракъ почитаютъ они противнымъ религіи. По упорности ихъ въ столь вредныхъ мнѣніяхъ, надлежало употребить строгія мѣры, дабы не допустить распространиться сей сектѣ; а потому на основаніи заключенія особаго комитета [1]), отданы 29 человѣкъ изъ числа упорнѣйшихъ, мужчины въ крѣпостныя работы, а женщины въ рабочіе дома на пять лѣтъ.

---

[1]) Комитетъ сей составляли: графъ Милорадовичъ, министръ народнаго просвѣщенія статсъ-секретарь баронъ Ребиндеръ, епископъ Сигнеусъ.

Письмо католикоса всѣхъ армянъ Нерсеса кн. Димитрію Ивановичу Долгорукову [1]).

6 марта 1854 г. № 106, г. Тифлисъ.

Благодѣяніе и мощное покровительство, оказанныя вами армянамъ исходатайствованіемъ у его высочества шаха персидскаго всемилостивѣйшаго прощенія армянскому во имя Спасителя монастырю всѣхъ накопившихся на немъ по нынѣ долговъ и освобожденія его навсегда отъ повинностей, состязали вамъ, достойному сыну церкви, безпредѣльную, вѣчную признательность всего армянскаго народа и напечатлѣли на скрижаляхъ сердецъ ихъ безсмертное имя ваше на ряду съ именами тѣхъ великихъ благотворителей націи, которые заслужили вѣковую благодарность.

Хотя за неоднократныя благодѣянія вашего сіятельства я имѣлъ уже счастіе изъявить вамъ глубочайшую благодарность мою и всей ввѣренной мнѣ паствы, письмомъ отъ 20-го октября 1851 года за № 361, но постоянно имѣя ихъ въ памяти, я вновь приношу усердную мою благодарность за все оказанное вами армянской націи, какъ внушенное вамъ истинно христіанскимъ религіознымъ чувствомъ преданности къ св. церкви.

Моля Всевышняго ниспослать небесное Свое благословеніе на ваше сіятельство и на дарованное Имъ вамъ семейство, я возсылаю къ Нему усердныя мольбы, да продлитъ Онъ благословенную жизнь вашу для блага христіанства и на радость облагодѣтельствованнаго вами армянскаго народа, и да осѣнитъ васъ десницею Его на поприщѣ многотруднаго служенія вашего.

Благоволите, ваше сіятельство, во славу имени августѣйшаго императора всероссійскаго, котораго вы служете представителемъ, продолжая изливать благодѣянія ваши на армянъ, оказывать вмѣстѣ съ тѣмъ мощное ваше покровительство и содѣйствіе недавно прибывшему по дѣламъ націи въ Тегеранъ епархіальному армянскому епископу въ Испаганѣ Ѳаддею въ дѣлахъ его по управленію ввѣренной ему паствы Христовой, и примите увѣреніе, что все оказанное вами его преосвященству я приму въ собственное одолженіе и истинное благодѣяніе, оказанное моей націи.

Я полагаю, что и ея сіятельство княгиня рекомендовала вамъ помянутаго епископа по благосклонному вниманію своему къ нему.

---

[1]) Бывшему посломъ въ Тегеранѣ.

Императоръ Александръ I и графъ Армфельдъ.

(1811—1812 г.г.) [1]).

VII.

Императоръ Александръ въ Вильнѣ.—Предположенія и планы относительно предстоящихъ дѣйствій.—Планъ Армфельда.—Вступленіе Наполеона въ русскіе предѣлы.—Отступленіе.—Лагерь при Дриссѣ.

Въ Вильнѣ, въ столицѣ Литвы, близкой къ границѣ великаго герцогства Варшавскаго, гдѣ Наполеонъ собралъ свою громадную армію, находился нѣсколько недѣль до начала войны самъ императоръ. Въ качествѣ генералъ - адъютанта Армфельдъ долженъ былъ также явиться въ Вильну, но онъ получилъ приказаніе во время своего путешествія инспектировать магазины арміи въ Остзейскихъ провинціяхъ. Ему пришлось по непроходимой дорогѣ въ началѣ мая ѣхать черезъ Нарву, Дерптъ, Ригу, и Либаву въ Шавли Ковенской губерніи [2]).

Тамъ онъ встрѣтился съ государемъ, осматривавшимъ въ той мѣстности двадцатипяти-тысячное войско. Армфельдъ съ радостью глядѣлъ на выправку солдатъ и, въ надеждѣ на побѣду, рисовалъ себѣ самыя

---

[1]) См. „Русскую Старину“ августъ 1896 года.

[2]) Въ Либавѣ онъ встрѣтилъ своего стараго друга и бывшаго покровителя его семьи графа Палена, котораго онъ не видалъ со смерти Павла I. О Паленѣ онъ писалъ 6-го мая: «Какая славная голова, и какъ полезенъ онъ могъ бы быть намъ въ предстоящей борьбѣ. Но его нельзя предложить, государь очень возбужденъ противъ него, и въ нѣкоторыхъ вещахъ его нельзя оправдать».

яркія картины будущаго. «Если мы въ состояніи выдержать,—писалъ онъ [1]), — если мы даже будемъ вначалѣ побиты, то все-таки въ концѣ концовъ восторжествуемъ, и въ этомъ я лично убѣжденъ». 13-го мая Армфельдъ былъ въ Вильнѣ.

Русскіе историки много разсказываютъ объ интригахъ, о разнообразныхъ мнѣніяхъ, о нерѣшимости императора въ выборѣ плана обороны, о безпечности, наконецъ, съ которой, пользуясь развлеченіями польской жизни, русскіе проводили время, во время пребыванія главной квартиры въ Вильнѣ. Но вдругъ пронесся неожиданно слухъ, что французская армія идетъ черезъ Нѣманъ и быстро подвигается къ столицѣ Литвы. Главная квартира, въ виду возможной катастрофы, принуждена была отступать, а вмѣстѣ съ нею и отрядъ русскаго войска; это отступленіе дало, конечно, началу войны не совсѣмъ доблестный характеръ. Въ частныхъ письмахъ Армфельда встрѣчается описаніе интересныхъ подробностей, касающихся пребыванія главной квартиры въ Вильнѣ. При первой встрѣчѣ своей съ императоромъ въ Шавляхъ, Армфельдъ въ своихъ письмахъ выражаетъ неудовольствіе по поводу арміи. Читатель не забылъ вѣроятно, что уже годъ тому назадъ Армфельдъ въ одной «меморіи» своей развивалъ планъ похода и политики Россіи въ 1812 году, предлагая оборонительную систему [2]). Несмотря на это онъ находилъ тѣмъ не менѣе, что Россія должна была начать войну, прибѣгая къ наступательнымъ движеніямъ къ западной границѣ государства. Вопреки совѣтамъ Армфельда, былъ предложенъ другой, давно знакомый планъ оборонительнаго движенія, въ который входило отступленіе отъ границы къ Дриссѣ, какъ одна изъ первоначальныхъ мѣръ.

Этотъ проектъ былъ представленъ недавно произведеннымъ въ генералы Пфулемъ (Pfull). Онъ былъ уроженцемъ Вюртемберга и перешелъ послѣ пораженія Пруссіи на русскую военную службу; онъ былъ военнымъ теоретикомъ и, несмотря на это, имѣлъ довольно неправильные взгляды на военное дѣло. Съ самаго начала войны, Армфельдъ возставалъ противъ того, что давалось непріятелю слишкомъ много свободнаго времени для пробужденія иниціативы. Во время своего путешествія въ Вильну онъ писалъ слѣдующее: «Мы ждемъ, чтобы что-нибудь, впрочемъ не знаю что́ именно, упало съ неба намъ на помощь, и даемъ время непріятелю проявлять діавольскую дѣятельность; если не удастся мнѣ убѣдить государя отклониться отъ совѣтовъ, которые парализуютъ военныя дѣйствія, тогда я считаю, что мы пропали. Канцлеръ Румянцевъ (поклонникъ Наполеона) нашелъ достойнаго себѣ това-

[1]) Женѣ своей 7-го мая 1812 г.

[2]) Армфельдъ приписываетъ себѣ многое изъ того, что не принадлежало ему; то, что высказано было еще тогда, когда Армфельда не было въ Россіи.
Ред.

рица между военными, а именно—извѣстнаго генерала Пфуля, находившагося раньше въ прусской службѣ. Этотъ господинъ слыветъ за тактика и справа и слѣва даетъ такіе совѣты, какъ будто онъ нанятъ Наполеономъ. Предвижу, что кто-нибудь изъ нихъ сломаетъ себѣ шею; я не могу равнодушно переносить, чтобы обманывали императора и государство, и тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Вильну представлю снова меморію». Армфельдъ сдержалъ свое обѣщаніе. Тотчасъ по прибытіи своемъ въ главную квартиру, онъ написалъ статью, въ которой убѣдительно совѣтовалъ прибѣгнуть къ наступательной системѣ. «Всякая пассивная оборона не принесетъ ни въ какомъ случаѣ благопріятнаго результата,—писалъ онъ, — кромѣ того, если не мѣшать инпціативѣ непріятеля, то никогда не удастся русскимъ устоять противъ французской арміи». Въ этой самой статьѣ онъ также совѣтуетъ пріобрѣсти расположеніе поляковъ въ Литвѣ и въ великомъ герцогствѣ Варшавскомъ, дабы они въ совокупности перешли на сторону Россіи. «Ваше императорское величество не нуждаетесь въ помощи оружія, чтобы побѣдить ихъ,—писалъ онъ:—вамъ надобно лишь сохранить покоренное». Онъ всячески старался поддержать императора въ тяжелыя, нерѣшительныя минуты, по мѣрѣ того, какъ приближалась катастрофа, и умолялъ государя не терять вѣру въ собственныя силы. Повидимому статья Армфельда не принесла желанной пользы, ибо въ главной квартирѣ продолжали придерживаться планамъ Пфуля, который лишь въ самомъ себѣ находилъ защитника. Историки, описывающіе событія войны 1812 года, также согласны съ тѣмъ, что планы Вюртембергца были не примѣнимы къ дѣлу. Какъ извѣстно, планы эти послужили поводомъ къ тому, что русскіе раздѣлились на двѣ главныя арміи. Одна, «первая западная армія», подъ командой военнаго министра генерала Барклая-де-Толли, въ данный моментъ собралась въ Вильнѣ,—съ цѣлью, при появленіи непріятельскаго отряда, тотчасъ начать отступленіе по направленію къ дрисскому укрѣпленному лагерю. Другая армія, подъ предводительствомъ князя Багратіона, должна была на югѣ Россіи встрѣтить деташментъ французской арміи; предполагалось, что Багратіонъ будетъ идти съ юга по направленію къ Москвѣ. Между Дриссой, находящейся къ сѣверу отъ Вильны, и арміей князя Багратіона, которая двигалась по направленію къ юго-западу, былъ оставленъ, благодаря плану Пфуля, удобный проходъ для громадныхъ Наполеоновскихъ силъ; оборонительная линія, которую представляли собой двѣ большія рѣки Днѣпръ и Двина, оставлена была безъ вниманія, такъ что около полмилліона людей всѣхъ странъ Европы могли безъ особенныхъ усилій вторгнуться въ самое сердце Россіи. Не было, конечно, возможности организовать военную силу, пока не удалось соединить въ одно обѣ русскія арміи, хотя даже впослѣдствіи сила эта оста-

валась второстепенной. Въ теченіе переговоровъ и обсужденій въ главной квартирѣ, Армфельдъ возбудилъ вопросъ о сосредоточеніи обѣихъ русскихъ армій по направленію къ Слониму (Slonim) на югъ отъ Вильны. Вмѣсто того чтобы идти обратно за рѣкой Двиной, слѣдовало занять линію, идущую на западъ отъ Вильны около рѣкъ: Нѣмана, Нарева и Бута. Предложеніе это назвали «странной идеей» и стали увѣрять, что въ такомъ случаѣ не было бы гарантіи русскимъ не быть обойденными французами.

Въ сущности говоря, нельзя было считать предложеніе Армфельда военнымъ планомъ, а лишь опроверженіемъ плановъ Пфуля отступать къ Дриссѣ. Во время своего путешествія изъ Вильны Армфельдъ писалъ: «Я не придерживаюсь мнѣнія, что слѣдуетъ наступать, пока вся армія, во-первыхъ, не будетъ сосредоточена, а во-вторыхъ, пока не будетъ извѣстна вполнѣ сила непріятеля; я хотѣлъ пока, чтобы мы всѣ соединившись заняли сильную позицію, дабы спасти тѣмъ Польшу и не покидать страну, которая при случаѣ можетъ удвоить число непріятеля и продолжать войну такъ, что она станетъ неудобнѣе для насъ, чѣмъ для Бонапарта». Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ: «Отступленіе совершилось, и Польша покинута «d'un coup», Литва же разорена. Въ этомъ дѣлѣ я не причемъ, такъ какъ ни генералъ Барклай, ни я, мы не хотѣли, чтобы войско двигалось рачьимъ шагомъ. Нѣманъ, Бугъ и Наревъ представляютъ собой прекраснѣйшія позиціи позади Гродны». Въ лицѣ Барклая-де-Толли Армфельдъ нашелъ вначалѣ поддержку относительно своихъ воззрѣній, но скрытный и слишкомъ безсильный Барклай не былъ въ состояніи поставить на своемъ, и потому мнѣніе его не получило должнаго значенія и было заглушено другими. Въ то время, когда французскіе отряды съ каждымъ днемъ все ближе и ближе подвигались къ границѣ, почти каждый генералъ, находившійся въ главной квартирѣ, предлагалъ свой планъ дѣйствій—но большинство только для того, чтобы уничтожить планы Пфуля [1]). Генералъ Бенигсенъ, извѣстный своими дѣйствіями въ войну 1806—1807 годовъ, находился подобно Армфельду въ главной квартирѣ въ качествѣ генералъ-адъютанта и совѣтника императора, но безъ опредѣленной команды. Армфельдъ находилъ, что Бенигсенъ вначалѣ сочувствовалъ планамъ Пфуля, но вскорѣ сдѣлался его противникомъ. Онъ хотѣлъ встрѣтить французовъ недалеко отъ Вильны и тамъ начать сраженіе. Самый же ярый

[1]) Вольцогенъ, участвовавшій въ составленіи плана Пфуля, одинъ заступался до послѣдней минуты за него. Армфельдъ считался первымъ врагомъ Пфуля; авторъ называетъ его «интриганомъ». Толь въ своемъ «Denkwürdigkeit» выражается объ Армфельдѣ слѣдующимъ образомъ: «Война, въ обширномъ смыслѣ этого слова, была ему незнакома; онъ, быть можетъ, не искалъ опредѣленной должности, но не хотѣлъ остаться безъ вліянія».

врагъ Пфуля былъ маркизъ Паулучи. Александръ I стоялъ въ нерѣшимости лицомъ къ лицу съ различными мнѣніями, которыя подавались со всѣхъ сторонъ, и, не обладая самъ достаточной военной опытностью, видимо падалъ духомъ. Къ числу тѣхъ, которые настаивали на отступленіи, принадлежалъ также и государственный канцлеръ Румянцевъ, находившійся въ ту пору также въ Вильнѣ и до послѣдней минуты увѣрявшій, что войны не будетъ. Онъ говорилъ между прочимъ, что Наполеонъ для того только выступаетъ со своими отрядами черезъ Пруссію и Польшу, чтобы сдѣлать русскимъ своего рода демонстрацію. Нѣкоторое время передъ началомъ войны у Румянцева былъ ударъ, который до крайней степени изуродовалъ ему лицо; вслѣдствіе этого приключенія онъ долженъ былъ вскорѣ подать въ отставку. Армфельдъ подшучивалъ надъ нимъ говоря, что ротъ его сталъ такъ же кривъ, какъ и умъ, и что онъ въ одно время «paralisé et paraliseur». Былъ еще одинъ человѣкъ, который, по словамъ Армфельда, составлялъ вмѣстѣ съ Пфулемъ и Румянцевымъ «неспособную троицу»: это былъ генералъ-интендантъ арміи Канкринъ, плачевнымъ образомъ заботившійся о провіантѣ для войска. Когда отступленіе было рѣшено въ Вильнѣ, тогда было собрано много фуража и организованы магазины, покинутые впослѣдствіи и послужившіе только на пользу французамъ [1]). Армфельдъ составилъ и на этотъ счетъ предложеніе государю, который нашелъ его подходящимъ «très utile», но совѣты Армфельда по этому вопросу не были все-таки примѣнены къ дѣлу [2]). Жизнь, настроеніе духа и событія, происходившія въ главной квартирѣ при началѣ войны, описаны Армфельдомъ въ видѣ дневника въ письмахъ къ его женѣ.

Вильна, 15-го мая 1812 года. «Благородный Барклай-де-Толли почти отстраненъ, хотя и не оффиціально, отъ всякаго вліянія; правда, что онъ немного медлителенъ и слабъ, но честь и храбрость—самыя большія его качества. Здѣсь образовался тайный совѣтъ, заключающійся въ искателѣ счастія Бенигсенѣ, проклятомъ Пфулѣ и нѣкоторыхъ другихъ лицахъ. Аракчеевъ будетъ назначенъ дежурнымъ генераломъ, а Пфуль генералъ-квартирмейстеромъ, оба никогда не нюхавшіе пороха. При всякомъ приближеніи непріятеля надо, по ихъ мнѣнію, отступать и оставлять польскія провинціи, которыми, разумѣется, тиранъ тотчасъ завладѣетъ и организуетъ на мѣстѣ 200,000-ое войско и т. д. Дабы замаскировать свой настоящій планъ, составляющій наше несчастіе, они берутъ примѣръ съ Вел-

[1]) Вольцогенъ, по рекомендаціи котораго былъ назначенъ Канкринъ, также отмѣчаетъ неудовольствіе императора къ генералъ-интенданту.

[2]) «Возникъ вопросъ о томъ,—говоритъ Армфельдъ,—чтобы я взялъ на себя завѣдываніе интендантствомъ, но я боялся, что мнѣ придется начать дѣло очень крупными непріятностями».

лингтона; но поляки вѣдь не испанцы, къ тому же у насъ не существуетъ какого-нибудь Tarre de Vedras, на котораго можно напустить непріятеля и въ тотъ же моментъ подкараулить и разбить его. Все вышесказанное держится подъ секретомъ отъ меня, но такъ какъ здѣсь не можетъ быть ничего сокровеннаго, то я знаю все. Намѣреваюсь открыто все высказать государю; вѣроятно, послѣдствіемъ моей откровенности будетъ мой собственный пріѣздъ въ слѣдъ моему письму, ибо я не желаю быть свидѣтелемъ безчестія. Можетъ быть Бонапартъ и не будетъ наступать, въ такомъ случаѣ эта чаша минуетъ меня. Впрочемъ ты можешь сказать Ангелу [1]) и Неаполитанскому старичку [2]) все, что касается этого; лучше предупредить ихъ, иначе имъ это можетъ показаться непонятнымъ».

Вильна 23-го мая 1812 года. «Я взялъ открыто сторону поляковъ, и государь изъявилъ мнѣ по этому поводу свое сочувствіе. Они хотятъ дать все, что я просилъ у нихъ, но зато желаютъ сдѣлать собственную самооцѣнку и регулировать свои траты. Трудно однако вдолбить все это въ голову тѣхъ, которые находятся при дѣлѣ» [3]).

31-го мая. Въ главной квартирѣ интригуютъ, шумятъ и мѣшаютъ всякой разумной дѣятельности. Въ настоящую минуту въ ходу тайная интрига противъ военнаго министра. Надѣюсь однако, что имъ ничего не удастся сдѣлать, ибо такъ какъ мнѣ самому нечего бояться, то я не стану скрывать правды отъ моего господина (государя)».

12-го іюня. «Когда дѣло касается однихъ только принциповъ, тогда государь великолѣпенъ, а что вообще его мало знаютъ, и что entourage его плохой, это опять другая статья. Если бы Господу Богу было угодно дать ходъ апоплексіи [4]), тогда политическій маршъ у насъ тотчасъ бы оживился; этотъ человѣкъ—только палка, мѣшающая колесу двигаться».

13-го іюня. «Если мнѣ суждено пережить всѣ современныя событія, тогда я заплатилъ свою дань, и большаго отъ меня требовать не могутъ. Я люблю государя настолько, насколько можно любить существо удивительно доброе и благонамѣренное, и которому мое отече-

---

[1]) Ангелъ, это императрица Елисавета Ѳеодоровна; Армфельдъ часто такъ называлъ ее въ своихъ письмахъ.

[2]) Герцогъ Серра-Капріолла. Передъ своимъ отъѣздомъ, Армфельдъ обѣщалъ императрицѣ давать ей знать черезъ жену «всю правду» относительно арміи.

[3]) Впрочемъ какихъ-нибудь особенныхъ дѣйствій въ пользу поляковъ не было сдѣлано. Огинскій разсказываетъ (III: 153), что государь предполагалъ издавать въ Вильнѣ франко-польскую газету, чтобы повліять на общественное мнѣніе въ Литвѣ, сдѣлавъ Армфельда редакторомъ этой газеты. Планъ этотъ однако не осуществился.

[4]) Намекъ на канцлера Румянцева.

ство обязано за то счастіе и за то положеніе, въ которое оно поставлено въ сравненіи съ многими другими государствами. Я не могу быть ему иначе какъ сердечно преданнымъ за его милостивое обращеніе со мной. Надѣюсь, что императоръ будетъ тогда считать мою задачу оконченной, когда услуги мои если и не принесутъ желанной пользы, то воздадутъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, ту справедливость, что я руководился всегда самыми лучшими намѣреніями. Хочу къ этому времени, близъ праха моего отца, собрать въ Омине вокругъ себя моихъ дѣтей и, воспользовавшись минутнымъ счастьемъ, оставить службу навсегда» [1]).

Изъ этого грустнаго письма видно, что воинственное настроеніе Армфельда пало, и хотя онъ ни минуты не сомнѣвался въ благомъ намѣреніи императора, но съ грустью смотрѣлъ на то, что монархъ не рѣшался на тотъ шагъ, въ которомъ онъ видѣлъ единственное спасеніе. Государь продолжалъ еще долго придерживаться планамъ Пфуля и относился хладнокровно ко всѣмъ тѣмъ проектамъ, которые подносились ему со всѣхъ сторонъ. Между тѣмъ императоръ оставался твердымъ въ своемъ намѣреніи не заключать мира съ Наполеономъ, несмотря даже на то, что многіе изъ окружающихъ желали этого и совѣтовали ему кончить перемиріемъ. Въ концѣ мая въ Вильну прибылъ посланный Наполеономъ графъ Нарбонъ, подъ предлогомъ послѣднихъ переговоровъ передъ сраженіемъ, но ему пришлось вернуться обратно ни съ чѣмъ. Армфельдъ встрѣчалъ этого французскаго дворянина когда-то, при дворѣ Людовика XVI, но съ тѣхъ поръ какъ онъ поступилъ на службу къ Наполеону и носилъ «проклятую ливрею корсиканца», баронъ не желалъ больше знаться съ нимъ. Нарбонъ все-таки напомнилъ ему о давнишнемъ знакомствѣ и получилъ на это вѣжливый, но чрезвычайно холодный отвѣтъ. Послѣ отъѣзда французскаго посла, Армфельдъ писалъ: «Переговоровъ не было, но къ несчастью мы не гонимъ этихъ мерзавцевъ и не нападаемъ на врага... Je fais le diable à quatre, но къ сожалѣнію это не помогаетъ, такъ какъ я одинъ, и мое рвеніе принимается за озлобленіе.

---

[1]) Это письмо напечатано у Шинкеля въ «Воспоминаніяхъ» IX: 235, но съ той только разницей, что оно помѣчено 1813 годомъ. Въ «Воспоминаніяхъ» этихъ говорится, что Армфельдъ въ этомъ году попалъ въ немилость и что, пріѣхавъ въ Вильну, получилъ приказаніе вернуться обратно въ Петербургъ. Его переписка отъ 1813 года несомнѣнно доказываетъ, что онъ никогда не былъ въ Вильнѣ въ 1813 году. Личныя отношенія государя къ Армфельду оставались всегда хорошими, хотя они не могли такъ живо поддерживаться во время пребыванія императора въ Польшѣ и Германіи.—Выраженіе усталости и желаніе успокоиться въ своемъ Омине часто встрѣчается въ письмахъ Армфельда, даже въ то время, когда вліяніе его на государственныя дѣла было неоспоримо.

Въ Вильнѣ находился одновременно съ другими шведскій посолъ графъ Левенгіельмъ, который поддерживалъ воинственныя намѣренія императора, и депеши котораго соотвѣтствуютъ вполнѣ описанію Армфельда касательно главной квартиры. Вскорѣ послѣ Нарбонна прибылъ въ Вильну генералъ Тавастъ, бывшій соперникъ Армфельда въ Помераніи; онъ собирался въ Константинополь, чтобы отъ лица Швеціи вести переговоры о заключеніи мира между Россіей и Турціей. Армфельдъ находилъ, что Тавастъ не такъ энергично отстаивалъ передъ государемъ необходимость войны противъ Франціи, насколько дѣлалъ это Левенгіельмъ. Въ главную квартиру пріѣзжалъ также адмиралъ Бентингъ, который велъ переговоры отъ имени Англіи— говорятъ, будто бы этотъ адмиралъ первый подалъ мысль о встрѣчи государя въ Або съ шведскимъ наслѣднымъ принцемъ. Наконецъ, въ Вильну пришла радостная вѣсть, что давно желанный миръ съ Турціей заключенъ. Въ штабѣ государя было рѣшено, что такое радостное извѣстіе должно быть ознаменовано празднествомъ въ замкѣ Закретъ, находящемся недалеко отъ Вильны. По словамъ Армфельда, его выбрали распорядителемъ этого празднества. Однако же приготовленія къ этому торжеству не обошлись безъ дурныхъ предзнаменованій: выстроенный для этого случая танцовальный залъ провалился за нѣсколько дней до торжества, и архитекторъ, строившій его, съ отчаянія утопился. Одновременно пронесся слухъ, что французы готовятся перейти черезъ Нѣманъ и вступить въ русскія владѣнія. Былъ по этому случаю возбужденъ вопросъ, отложить ли предполагаемый праздникъ до другаго раза, въ виду боязни, «что вдругъ непріятель также появится на балу». Армфельдъ нашелъ подобныя слова «жалкими и смѣшными». Праздникъ состоялся и былъ во всѣхъ отношеніяхъ блестящъ. Все, что было въ Вильнѣ и ея окрестностяхъ высокопоставленнаго, богатаго и красиваго, собралось въ тѣнистомъ паркѣ замка вмѣстѣ съ воинственнымъ штабомъ императора. Блестящая иллюминація, музыка и пѣніе соединялись съ прелестью тихаго, ароматнаго, лѣтняго вечера. Государь, который въ тотъ вечеръ успѣлъ привлечь къ себѣ всѣ сердца, принималъ живое участіе въ танцахъ [1]).

Свидѣтель этого торжества, подробно описывая его, говоритъ между прочимъ: «Смотря на любезность и мягкость государя ко всѣмъ въ этотъ вечеръ, нельзя было повѣрить, что онъ, именно въ теченіе этого самаго вечера и во время танцевъ, узналъ, что французы перешли Нѣманъ, и что посты ихъ находятся всего лишь въ 10 миляхъ отъ Вильны [2]). Такъ

---

[1]) Армфельдъ писалъ изъ Вильны: «Государь заставляетъ всѣхъ обожать себя, и вскружилъ головы всѣмъ польскимъ женщинамъ».

[2]) Графиня Choiseuil Gouffier въ своихъ запискахъ.

оно и было въ дѣйствительности. Праздникъ въ замкѣ Закретъ остался блестящимъ воспоминаніемъ для участвовавшихъ въ немъ, представляя тяжелый контрастъ ужасамъ войны, которые черезъ нѣсколько времени ожидали Россію. На другой день большая часть лицъ главной квартиры поспѣшила выѣхать изъ Вильны. Армфельдъ уѣхалъ 26-го іюня.—«Во всякомъ случаѣ, я не желаю попасть въ когти Наполеона»,—писалъ онъ наканунѣ своего отъѣзда изъ Вильны. Медленно и неохотно оставилъ 27-го іюня, послѣднимъ изъ всѣхъ генераловъ, благородный главнокомандующій русской арміи Барклай-де-Толли тотъ городъ, который онъ хотѣлъ лично защищать.

Утромъ 28-го іюня французы вступили въ Вильну. Тотчасъ послѣ перехода Нѣмана, Наполеонъ издалъ всѣмъ извѣстную прокламацію, въ которой съ гордостью напоминаетъ о своихъ побѣдахъ при Аустерлицѣ и при Фридландѣ, предсказывая, что вторая польская война будетъ славой для Франціи, подобно войнѣ, бывшей при Тильзитѣ «La Russie est entrainée par la fatalité, ses destins doivent s'accomplir»—говорилось въ этой прокламаціи. Предсказанія эти къ счастью не сбылись. Гордый побѣдитель шелъ на встрѣчу собственной погибели, хотя къ сожалѣнію было такое ужасное время, когда на долю его противниковъ выпадало много тяжелыхъ минутъ.

Уѣзжая изъ Вильны Армфельдъ съ негодованіемъ писалъ: «Для того чтобы слѣдовать планамъ Пфуля, мы начинаемъ съ отступленія». Главная квартира собралась снова въ Свенцянахъ, приблизительно на полдорогѣ къ Дриссѣ. У Дриссы предполагалось устроить лагерь за Двиной для отступающей арміи; тутъ она должна была найти защиту, которую нельзя было имѣть въ Вильнѣ. Армфельдъ писалъ изъ Свенцянъ 27-го іюня: «Я провелъ весь вчерашній день на большой дорогѣ вмѣстѣ съ отступающимъ отрядомъ; подобнаго случая еще никогда не бывало со мной во всю мою 40-лѣтнюю службу. Увидимъ, что Господь намъ дастъ! Если удастся Багратіону соединиться съ нами, тогда мы можемъ черезъ 3 или 4 дня двинуться впередъ. Въ такомъ случаѣ, т. е. если Господь будетъ держать нейтралитетъ, намъ удастся поколотить его (Наполеона). Иначе же, если соединеніе армій не удастся, и намъ придется продолжать отступленіе, то мы пропали. Я высказалъ устно и письменно свои соображенія, теперь пусть будетъ что будетъ, моя честь не будетъ страдать. Если можно было бы начать наступательныя дѣйствія, тогда прокламація Бонапарта не произвела бы никакого эффекта, но когда дадутъ ему время, тогда можетъ случиться такъ, что 150.000 вооруженныхъ поляковъ пойдутъ на насъ, и вмѣсто того чтобы войнѣ быть чужестранной, она превратится въ національную. Поляки, покинутые русскими, которыхъ они по глупости и по неполитичности своей такъ сильно ненавидятъ, могутъ сдѣлаться врагами Рос-

сіи, и съ ними опасно будетъ шутить... Плохо идутъ дѣла, но Господь всемогущъ, и я рѣшился жертвовать всѣмъ, чтобы только открыть глаза нашему монарху».

Отступленіе происходило въ тишинѣ и въ большомъ порядкѣ, зато труды и лишенія, которые приходилось испытывать арміи, были не малы; даже офицеры высшихъ чиновъ не избѣжали этихъ лишеній. Ночевать приходилось въ амбарахъ и развалинахъ, которые не могли защитить отъ постояннаго проливнаго дождя; неопрятность, царствующая въ жидовскихъ корчмахъ, которыми эта мѣстность переполнена, дѣлали пребываніе въ нихъ невыносимымъ. «Намъ приходится очень скверно здѣсь,—писалъ Армфельдъ своему товарищу Аминову.—Клянусь, что Саволаксъ и Норвегія—рай небесный въ сравненіи съ этой проклятой страной, гдѣ жиды, тараканы, клопы и блохи изобилуютъ въ невѣроятномъ количествѣ, но зато полное отсутствіе того, что необходимо для жизни». Армфельдъ говоритъ, что армія терпѣла въ этомъ безполезномъ отступленіи болѣе нужды и всякихъ лишеній, чѣмъ въ остальныхъ сраженіяхъ.

Къ 1-го іюля успѣли добраться до Видзы, маленькое мѣстечко возлѣ Дриссы, переполненное жидами. Армфельдъ писалъ оттуда: «Если бы намъ удалось соединиться съ арміей Багратіона, о чемъ я уже двѣ недѣли тому назадъ слезно умолялъ, тогда мы успѣли бы сразиться съ успѣхомъ для насъ, но такъ какъ къ несчастію паденіе Пруссіи не уничтожило всѣхъ пруссаковъ, то мы имѣемъ здѣсь генерала Пфуля, котораго адъ прислалъ намъ, и который готовитъ все къ тому, чтобы намъ быть побитыми, если Бонапартъ не сдѣлаетъ какой-нибудь ошибки и не будетъ мѣшкать нападеніемъ». Въ Видзѣ пронесся слухъ, что Наполеонъ имѣлъ длинный разговоръ въ Вильнѣ съ посланнымъ императоромъ, министромъ полиціи Балашевымъ, который требовалъ объясненія по поводу прекращенія мира и предлагалъ—pro forma—протянуть руку въ знакъ примиренія. Исторія сохранила въ памяти этотъ разговоръ, въ которомъ Наполеонъ далъ ходъ своей злобѣ и ненависти противъ Россіи, осмѣлившейся пренебрегать имъ; вся злоба эта была главнымъ образомъ направлена противъ окружающихъ императора и подстрекающихъ его къ войнѣ. Съ особеннымъ ожесточеніемъ отзывается Бонапартъ о своемъ старомъ врагѣ Армфельдѣ, стремленія котораго въ этомъ дѣлѣ были ему извѣстны. «Я имѣлъ счастье,—писалъ Армфельдъ, узнавъ отъ Балашева, что́ говорилъ про него Наполеонъ,—получить названіе сумасшедшаго, способнаго на всякаго рода низость. О Швеціи Бонапартъ отозвался, что она имѣетъ способность превращать свой народъ въ сумасшедшихъ, даже тамъ, гдѣ раньше проглядывалъ кое-какой умъ; въ его глазахъ Карлъ XII былъ полоумный, Густавъ IV сталъ такимъ же; что же касается Бернадота, то послѣдній

давно потерялъ разсудокъ [1]). Перейдя Двину, мы 8-го іюля увидѣли, наконецъ, укрѣпленія Дриссы». Не долго думая Армфельдъ написалъ о своихъ впечатлѣніяхъ: «Я не могъ себѣ представить ничего глупѣе и скверпѣе этихъ укрѣпленій. Если бы я былъ государемъ, то непремѣнно приказалъ бы повѣсить того, кто начерталъ планъ подобнаго безобразія, одновременно съ тѣмъ, который исполнилъ его». Укрѣпленія были недокончены и скверно построены.

Французы намѣревались перейти Двину около Полоцка, откуда Наполеонъ со своей, болѣе чѣмъ вдвое сильной арміей, могъ въ Дриссѣ поразить весь отрядъ Барклая. Вторая русская армія, подъ начальствомъ Багратіона, не устояла бы долго противъ той массы, которую Наполеонъ, послѣ уничтоженія главной арміи, выслалъ бы изъ корпусовъ, состоящихъ подъ предводительствомъ Даву и короля Вестфаліи на подкрѣпленіе. Положеніе было критическое, и настроеніе прибывшей въ Дриссу арміи ужасное. Вся злоба обратилась наконецъ на того, который заманилъ армію въ эту мышеловку; стали упрекать Пфуля даже въ измѣнѣ. «Всѣ думаютъ,—писалъ Армфельдъ,—что главную роль здѣсь играетъ измѣна; никто не предполагаетъ, что это просто глупость». Армфельдъ писалъ изъ Дриссы: «Даву въ Минскѣ. Что дѣлаетъ Багратіонъ? Что дѣлаемъ мы? Невозможно дольше оставаться въ такомъ положеніи, иначе чортъ насъ возьметъ пожалуй. Мы не дѣлаемъ даже никакихъ рекогносцировокъ; быть можетъ, въ этой арміи не знаютъ даже что̀ это такое... Неудовольствіе и отчаяніе сверхъ всякихъ описаній; войско упало духомъ. Всѣ удивляются, что государь слушается еще измѣнниковъ... и общее желаніе, чтобы императоръ подъ какимъ-нибудь предлогомъ уѣхалъ въ Москву. Аракчеевъ этого также желаетъ, и потому я думаю, что такъ оно и будетъ. Быть можетъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это и хорошо, ибо тогда Пфуль и другіе ему подобные будутъ парализованы въ своихъ дѣйствіяхъ и перестанутъ вліять на государя. Если императоръ

---

[1]) Записка Балашева (по-французски). Въ русскомъ сочиненіи Дубровина „Отечественная война 1812—1815 г.“, у Тіера „Histoire du consulat et de l'Empire“ (XIV; 54) и въ статьѣ Тена „Napoleon Bonaparte“ въ „Revue des deux mondes“ 1887 г. описанъ отзывъ Наполеона объ Армфельдѣ и объ остальныхъ совѣтникахъ Александра I. „Императоръ Александръ I очень плохо окруженъ,—говорилъ Наполеонъ,—какъ не стыдно ему сближаться съ такими низкими людьми! Какой-то Армфельдъ, человѣкъ безнравственный, интриганъ, негодяй и пьяница, извѣстный лишь своими преступленіями; онъ одновременно и злѣйшій врагъ Россіи. Затѣмъ какой-то Штейнъ, выгнанный изъ своего отечества, страшный негодяй, голова котораго est mise à prise; еще какой-то Бенигсенъ... Пускай Александръ I поручаетъ управленіе Финляндіи этому Армфельду, это было бы еще ничего, но приблизить его къ своей персонѣ, fi donc!... Какъ можно терпѣть возлѣ себя какихъ-то Штейновъ, Армфельдовъ и еще какого-то Винцингероде?“

поѣдетъ въ Москву, то не знаю, зачѣмъ ему везти меня съ собой «en spectacle». Отсюда слѣдуетъ, что я, вѣроятно, скоро прибуду въ Петербургъ, и потомъ отправлюсь въ Финляндію, для того чтобы приготовить все къ моей отставкѣ. Къ несчастію я убѣдился въ томъ, что съ тѣми, которые обманываютъ государя, ничего не подѣлаешь... Что будетъ съ нами, если мы будемъ вести войну такимъ образомъ какъ теперь, имѣя въ главной квартирѣ человѣкъ 50, не приносящихъ никакой пользы,—я не знаю? Принадлежа самъ къ числу послѣднихъ, я могу безцеремонно говорить такимъ образомъ и имѣю претензію утверждать, что я знаю то, что говорю. Маркизъ Паулучи, бывшій начальникъ штаба главнокомандующаго, способности котораго одинаково велики, какъ смѣшны его преувеличенія, оставилъ свою должность; говорятъ, что онъ не хотѣлъ служить подъ начальствомъ Пфуля и ему подобныхъ и находитъ, что самъ понимаетъ лучше пруссаковъ. Герцогъ Ольденбургскій покровительствуетъ этой «прусской гадинѣ», которую вся армія ненавидитъ».

Эти рѣзкія выраженія вполнѣ характеризуютъ то настроеніе, которое царствовало въ главной квартирѣ. Наконецъ, удалось нѣкоторымъ лицамъ убѣдить государя покинуть планы Пфуля и искать соединенія съ арміей Багратіона. 17 генераловъ арміи собрались по этому поводу у генерала Тучкова и рѣшили изложить государю свои опасенія относительно положенія арміи и просить у императора отставки Пфуля. Армфельдъ передалъ генераламъ свою записку, составленную по этому поводу (отъ 12-го іюня), а Паулучи заявилъ громогласно, что не соглашается оставаться начальникомъ штаба въ томъ случаѣ, если не попросятъ Пфуля удалиться [1]). Однако Пфуль не сразу уступилъ настойчивымъ требованіямъ пылкаго итальянца. Государь принялъ его отставку, но несмотря на это, онъ все-таки продолжалъ оставаться въ милости у монарха. Впрочемъ императоръ пересталъ слушать его совѣты, и Армфельдъ писалъ что: «къ счастью въ данный моментъ парализированы всѣ Пфули». Наконецъ было рѣшено покинуть Дриссу и идти къ юго-востоку, чтобы встрѣтиться съ арміей Багратіона, которую не теряли надежды найти у Днѣпра, Орши или въ Смоленскѣ.

---

[1]) Судя по депешамъ Левенгіельма изъ Дриссы отъ 2 (14) іюля 1812 года, шведскій посланникъ сопровождалъ русскую главную квартиру. Его депеши полны обсужденій военныхъ плановъ Пфуля.

VIII.

Положеніе Армфельда при арміи Барклая-де-Толли.—Соединеніе армій подъ Смоленскомъ.—Несогласія въ главной квартирѣ.—Ненависть въ войскахъ къ иностранцамъ.—Желаніе Армфельда покинуть армію.—Письмо къ нему императора Александра I.—Отъѣздъ изъ арміи.—Пожалованіе графскаго титула.—Временное назначеніе Армфельда генералъ-губернаторомъ Финляндіи.—Патріотизмъ русскаго народа.

Поведеніе Армфельда въ Вильнѣ и въ Дриссѣ измѣнило отчасти его отношенія къ императору Александру I. Въ одномъ письмѣ онъ писалъ: «Я сталъ не такъ хорошъ, какъ прежде, хотя со мной продолжаютъ быть любезными; замѣчаю, что стали стѣсняться правды, которую я говорилъ и продолжаю говорить; пускай будетъ что будетъ.—Что же касается до меня, то я рѣшилъ остаться такимъ, какимъ былъ всегда, т. е. въ совершенномъ согласіи относительно моей совѣсти, даже если бы это было невыгодно для меня въ данную минуту. Увидимъ, каковы будутъ дѣла при возвращеніи изъ Москвы. Если же тогда не захотятъ рѣшиться на что-нибудь болѣе полезное и умное, то я скоро удалюсь».

Отступленіе продолжалось черезъ Полоцкъ, Витебскъ, въ Смоленскъ. Государь сопровождалъ армію до Полоцка, и оттуда отправился въ Москву, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ изъ своихъ приближенныхъ. Отъѣздъ его произошелъ едва замѣтнымъ образомъ. Армфельдъ, Бенигсѣнъ и несчастный, недовольный и всѣми осмѣянный Пфуль сопровождали армію Барклая-де-Толли до Смоленска, но не командовали никакимъ отрядомъ. Армфельдъ говоритъ, что онъ сопутствовалъ арміи лишь только потому, что Барклай-де-Толли изъявилъ желаніе, чтобы онъ находился при главной квартирѣ [1]). «Крайне опасно для насъ во всѣхъ отношеніяхъ такъ долго не соединяться съ арміей Багратіона,—писалъ Армфельдъ.—Болѣе чѣмъ осторожный генералъ продолжаетъ ползти по Россіи и не приходитъ намъ на помощь». Эта мѣшкотня имѣла однако свои причины: она происходила, какъ извѣстно, отъ маневровъ маршала Даву противъ Багратіона. Изъ Витебска Армфельдъ писалъ: «Полное отсутствіе хорошихъ картъ, лазутчиковъ и правдивыхъ извѣстій уничтожаютъ всякую энергію и заставляютъ всѣхъ падать духомъ». Не менѣе заботъ доставляла Армфельду мысль о тѣхъ опустошеніяхъ, которыя русскіе произвели въ Литвѣ. «Судя по тому, какъ безобразно дѣйствуетъ наша армія, въ особенности гвар-

[1]) Армфельдъ писалъ Ерёнстрему изъ Витебска 20-го іюля: «Если бы главнокомандующій не требовалъ моего присутствія теперь, тогда я былъ бы уже вмѣстѣ съ авангардомъ генерала Тучкова въ окрестностяхъ Орши».

дейская дивизія,—писалъ Армфельдъ, — приходишь къ заключенію, что война—самая ужасная вещь на свѣтѣ. Въ той мѣстности, которую мы только что прошли, не осталось ничего кромѣ насѣкомыхъ и грязи: люди и животныя похищены или сбѣжали, дома поломаны, окна выбиты, засѣянныя поля истоптаны, изгороди и все, что служитъ для порядка, исчезло. Великій князь Константинъ Павловичъ всему этому не нарадуется. Если бы мы теперь получили Польшу обратно, то она была бы намъ, въ продолженіе 50-ти лѣтъ по крайней мѣрѣ, менѣе полезна чѣмъ Сибирь съ ея крайнимъ сѣверомъ, потому что къ ненависти польскаго народа, которую они уже давно къ намъ питаютъ, присоединилось еще разореніе».

Съ тѣхъ поръ какъ Наполеону не удалось застать армію Барклая-де-Толли въ Дриссѣ, онъ неустанно преслѣдовалъ отступающій отрядъ. Бонапартъ надѣяся заставить русскихъ сразиться въ Витебскѣ; кровавыя встрѣчи, происшедшія въ этой мѣстности 25-го и 26-го іюля, между отдѣльными корпусами обѣихъ армій, убѣдили его въ своемъ превосходствѣ. Пушечная пальба въ одномъ изъ этихъ сраженій, происходившая между Мюратомъ и генераломъ Остерманъ-Толстымъ, разбудила Армфельда въ Витебскѣ. Онъ тотчасъ же поспѣшилъ къ мѣсту сраженія и съ восторгомъ смотрѣлъ на храбрую оборону русскихъ, несмотря на громадныя ихъ потери. Русскій главнокомандующій встрѣчалъ съ отчаянною храбростью нападеніе врага, и въ тотъ моментъ, когда Наполеонъ не сомнѣвался больше въ побѣдѣ, было получено извѣстіе, что Багратіонъ подходитъ къ Смоленску. Барклай-де-Толли быстро собрался и направился туда же. Наполеонъ, приготовившійся къ окончательному сраженію, нашелъ утромъ 28 го іюля поле совершенно пустымъ; русскій отрядъ отступилъ съ такой необычайной быстротой, что Наполеонъ сначала не зналъ, по какому направленію пошелъ Барклай. Дорога къ Смоленску была покрыта болотами и затрудняла преслѣдованіе, поэтому Наполеонъ потерялъ въ Витебскѣ нѣсколько дорогихъ для него дней, въ промежуткѣ которыхъ обѣ русскія арміи успѣли соединиться въ одну. Армфельда поражало то обстоятельство, что армія Барклая-де-Толли избѣгла грозящей ей опасности во время своего быстраго, неожиданнаго отступленія. Изъ Смоленска онъ писалъ Ерёнстрему 4-го августа 1812 года: «Мы счастливо добрались до Смоленска. Отступленіе изъ Витебска было совершено подъ командой молодаго генерала Палена, начальствующаго аріергардомъ; этотъ случай останется всегда чудомъ въ военной исторіи. Бонапартъ велъ самъ корпуса Мюрата, Богарне и маршала Нея, но, несмотря на это, русская армія отступала прямо передъ его носомъ черезъ громадное поле, верстъ въ 25 длиной; французской кавалеріи было бы болѣе чѣмъ легко раздавить насъ въ этотъ моментъ. Яни-

когда въ жизни не испытывалъ такой боязни, какъ въ этотъ день, бывъ убѣжденъ, что мы пропали; всѣ мои надежды были возложены на чудную казачью лошадь, которую я получилъ отъ атамана».

Во время этого движенія въ головѣ Армфельда созрѣли новыя мысли, и онъ убѣдился въ томъ, что ему слѣдуетъ покинуть армію, гдѣ онъ, не командуя ничѣмъ и не довѣряя тѣмъ, которые вели дѣло, чувствовалъ себя совершенно лишнимъ. Отступая изъ Витебска, онъ въ очень грустномъ тонѣ писалъ своей женѣ 27-го 28-го: «Qu'avais-je à faire dans cette galère»? Вотъ мысль, которая преслѣдуетъ меня ежеминутно, особенно тогда, когда вижу, что ничего не могу сдѣлать, боясь что-нибудь испортить. Хорошія идеи и совѣты не принимаются никѣмъ; одни не принимаютъ ихъ потому, что ослѣплены, другіе изъ ревности, боясь раздѣлить славу съ другими. Однимъ словомъ, жребій брошенъ—остается лишь желать скорѣй убраться и утѣшиться уединенной жизнью въ Омине».

Въ Смоленскѣ произошло всѣми желанное соединеніе съ арміей Багратіона, которая, послѣ сраженія при Могилевѣ и вслѣдствіе долгаго утомительнаго марша, уменьшилась до 45 тысячъ человѣкъ. Счастье видѣть, наконецъ, своего старшаго сына въ цѣлости, несмотря на участіе послѣдняго въ тяжеломъ походѣ Багратіоновской арміи, а главное, надежда, что когда-нибудь прекратится это безконечное отступленіе, все это, вмѣстѣ взятое, заставляло Армфельда рисовать себѣ будущее въ болѣе свѣтлыхъ краскахъ. Тотчасъ послѣ своего пріѣзда въ Смоленскъ онъ писалъ [1]): «Если бы мы были умны, если бы существовало между нами единство, и хватило бы хлѣба, то чортъ бы взялъ его (Наполеона) тогда». Дальше онъ пишетъ: «Нельзя сказать, чтобы намъ не доставало чего-нибудь, лишь бы не сдѣлать дурнаго употребленія изъ данныхъ намъ средствъ. Чудное, превосходное, храброе и выносливое у насъ войско. Генералъ Паленъ рожденъ для того, чтобы быть самымъ знаменитымъ воиномъ въ Европѣ. Генералъ Ермоловъ, генералъ Корфъ—люди съ великимъ талантомъ. Самое незначительное обстоятельство въ нашу пользу можетъ имѣть для насъ счастливый оборотъ» [2]).

Однако между обоими главнокомандующими, Барклаемъ-де-Толли и Багратіономъ, не хотѣвшимъ уступать другъ другу, не существовало согласія; въ главной квартирѣ продолжали происходить тѣ же раздоры, какіе были подчасъ въ Вильнѣ и въ Дриссѣ; благородный Барклай сдѣлался, подобно Пфулю, для всѣхъ «bête noire». Пфуль также находился въ Смоленскѣ, но не игралъ ужъ тамъ никакой роли. Въ одномъ письмѣ къ Шернвалю отъ 4-го августа, Армфельдъ выражалъ свои опасенія от-

---

[1]) Графинѣ Армфельдъ 1-го августа 1812 года.

[2]) Аминову 5-го августа 1812 г.

носительно несогласія между обоими главнокомандующими: «Вы уже изъ бюллетеней знаете,—писалъ онъ,—что сдѣлано нами полезнаго, безполезное же, которое продолжаютъ дѣлать, всплываетъ наружу, хотя мы этимъ и не хвастаемся. Благородный главнокомандующій не созданъ для того, чтобы командовать такимъ множествомъ людей; у него полное отсутствіе твердой воли и рѣшительности; кромѣ того, онъ ревнивъ, обидчивъ и принимаетъ только совѣты отъ своихъ адъютантовъ, или отъ своихъ писарей. A la longue это не годится, и если государь не скоро вернется въ армію, предвижу много несчастья. Все что́ я могу сдѣлать въ данную минуту, это содѣйствовать, чтобы между обоими главнокомандующими царствовала какая нибудь гармонія. Старая, давнишняя дружба моя съ Багратіономъ послужила мнѣ на пользу. Генералъ Бенигсенъ, обладающій большими талантами и желающій здѣсь играть роль, возбудилъ вслѣдствіе этого неудовольствіе остальныхъ генераловъ, указавъ имъ на совершенныя ими глупости. Всюду лишь встрѣчаются человѣческія слабости! И никто не вспоминаетъ старую пословицу: que la critique est aisée, mais l'art est difficile».

Амфрельду было не по себѣ въ роли посредника, и онъ находилъ положеніе свое крайне непріятнымъ. На него и на Бенигсена, который также въ качествѣ зрителя сопутствовалъ армію, смотрѣли какъ-то подозрительно. Армфельдъ имѣлъ нѣкоторое основаніе чувствовать всю неловкость своего положенія [2]). Всеобщее недоброжелательство, которое сначала было обращено на пруссака Пфуля, перешло понемногу и на остальныхъ генераловъ иностраннаго происхожденія, находящихся въ то время въ русской арміи.

Почтенный и благородный генералъ Барклай-де-Толли, родившійся въ Лифляндіи и по происхожденію своему шотландецъ, долженъ былъ вслѣдствіе враждебнаго настроенія противъ всего, что было иностраннаго, уступить во всемъ князю Кутузову. Грубо насмѣхались надъ нѣмецкими генералами всѣ находящіеся въ русской арміи; разсказываютъ, что будто Ермоловъ, на вопросъ императора, какую онъ желаетъ получить награду, отвѣтилъ саркастически, что желаетъ быть произведенъ

---

[1]) Въ своемъ оправдательномъ письмѣ государю, Барклай указывалъ императору на то неудобство, которое во многихъ отношеніяхъ представляло пребываніе не командующихъ ничѣмъ генераловъ въ главной квартирѣ. Онъ говоритъ далѣе, что генералы эти распространяли повсѣмѣстно извѣстія о всѣмъ, что совершалось въ главной квартирѣ, осуждая дѣйствія начальства. Къ тѣмъ, которые поступали такимъ образомъ, онъ причисляетъ герцога Александра Вюртембергскаго, Бенигсена, Корсакова и Армфельда (смотр. Бернгарди Tolls Denkwürdigkeit, I: 300). Дружественныя отношенія Армфельда къ Багратіону измѣнили отношенія Барклая къ нему.

«въ нѣмцы» [1]). Даже Армфельдъ, который никакимъ образомъ не могъ считаться за послѣдователя стратегическихъ плановъ Пфуля, и тотъ чувствовалъ на себѣ всю тягость и послѣдствія подобнаго настроенія. Вѣроятно, въ отвѣтъ на личныя жалобы Армфельда своей женѣ по этому поводу, она писала ему тѣ нѣсколько строкъ, которыя мы приводимъ изъ ея письма: «Мнѣ кажется, что если бы самъ Господь Богъ прислалъ сюда одного изъ своихъ ангеловъ не русскаго происхожденія, то и тогда бы стали, вѣроятно, злословить и приписывать ему небывалыя преступленія».

Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, и тому, что возвращеніе государя, при которомъ состоялъ Армфельдъ, предвидѣлось не скоро, послѣдній рѣшился, тотчасъ же по прибытіи своемъ въ Смоленскъ, просить разрѣшенія покинуть армію. Въ письмѣ къ своей дочери, баронъ извѣщаетъ ее въ слѣдующихъ выраженіяхъ о своемъ намѣреніи: «Мы собрались здѣсь цѣлыми массами, не зная въ сущности, что̀ намъ дѣлать, и даемъ Бонапарту возможность дѣйствовать какъ ему угодно. «Отсутствіе государя фатально; я совершенно теряю голову, и потому просилъ разрѣшенія уѣхать, такъ какъ здѣсь становится въ концѣ концовъ невыносимо; я сильно страдаю, и предпочелъ бы ежедневно находиться въ огнѣ или на аванпостахъ, нежели здѣсь въ настоящемъ моемъ положеніи. Ты говоришь о томъ, мой другъ, что̀ пуля можетъ сдѣлать! Когда человѣку минуло 55 лѣтъ, и когда онъ становится столь болѣзненнымъ какъ я, тогда не нужно уже пули для того, чтобы покончить свою жизнь. И безъ этого существуетъ такъ много другихъ причинъ, чтобы перестать жить на свѣтѣ». Въ своемъ письмѣ къ государю Армфельдъ проситъ у него разрѣшенія отправиться въ Петербургъ, гдѣ финляндскія дѣла требуютъ его присутствія, а впослѣдствіи вернуться уже навсегда въ Финляндію. Судя по отвѣту государя на это письмо, видно, что Армфельдъ далъ волю своимъ чувствамъ, обращаясь письменно къ монарху, и высказалъ ему свои сомнѣнія и опасенія относительно того, за что онъ потерялъ довѣріе императора къ себѣ [1]). Отвѣтъ госу-

---

[1]) Бернгарди. Tolls Denkwürdigkeit I: 304. De Maistre Correspondance diplomatique I, 173. Передаютъ выраженіе, сказанное кѣмъ то изъ русскихъ о генералѣ Паулучи: „Мы предпочитаемъ быть побѣжденными французами, нежели спасенными итальянцемъ“.

[1]) Копія съ этого письма сохранилась между бумагами Армфельда. У Шинкеля (Воспоминанія) есть копія съ письма Армфельда къ государю, въ которомъ онъ жалуется на то, что у него отняли счастье „сопровождать его на поле битвы и славы“. Далѣе баронъ говоритъ о своемъ желаніи оправдать себя и покинуть общественную жизнь. Говорится также, что письмо это написано будто бы въ 1813 г., и что Армфельдъ по дорогѣ въ Вильну получилъ отказъ государя явиться въ главную квартиру. Изъ вышесказаннаго

даря отъ 28-го іюля (8-го августа) доказываетъ, что опасенія Армфельда на этотъ счетъ были лишены всякихъ основаній. Въ этомъ письмѣ императоръ объясняетъ причину, почему Армфельду не было предложено сопровождать государя въ Москву, и даетъ барону «честное слово», что его довѣріе къ нему, съ тѣхъ поръ какъ опытъ показалъ во многомъ правдивость предсказаній Армфельда, скорѣе увеличилось, нежели уменьшилось. Разрѣшеніе писать въ Петербургъ было дано Армфельду, но государь не хотѣлъ одновременно слышать объ его удаленіи отъ финляндскихъ дѣлъ. Императоръ ожидалъ извѣстій изъ Швеціи, чтобы, тотчасъ по полученіи ихъ, отправиться въ Або на встрѣчу наслѣдному принцу шведскому. Затѣмъ императоръ говоритъ, что съ нетерпѣніемъ ждалъ извѣстій изъ Смоленска, и подтверждаетъ свое твердое намѣреніе продолжать войну съ французами. Письмо императора Александра I заслуживаетъ вниманія и приводится здѣсь цѣликомъ.

С.-Петербургъ. 28-го іюля 1812 года. «Я получилъ ваши два письма, генералъ, отъ 18-го и 22-го. Первое письмо было послано въ Москву, но застало меня только здѣсь, такъ что я получилъ ихъ оба почти одновременно. Къ искреннему моему сожалѣнію я вижу, что огорчилъ васъ, и конечно не желалъ этого сдѣлать. Сочтя необходимымъ совершить маленькое путешествіе внутри моего государства, я былъ принужденъ сократить мою свиту, насколько это было возможно. Такимъ образомъ всѣ принадлежащія къ ней лица, не только флигель-адъютанты, остались въ арміи;—напримѣръ, мой дядя принцъ Вюртембергскій, генералъ Бенигсенъ, вы, генералъ Пфуль, принцъ Августъ Гольштинскій и многіе другіе, слѣдовательно я не могъ думать, что это обстоятельство могло огорчить васъ.

«Меня удерживаетъ здѣсь только отвѣтъ изъ Швеціи. Мнѣ было уже сообщено, что адмиралъ Бентингъ прибылъ въ Стокгольмъ, поэтому я ожидаю лишь извѣстія, куда отправится королевскій принцъ, чтобы тотчасъ ѣхать къ нему на встрѣчу. Если вы захотите воспользоваться этимъ временемъ съ цѣлью пріѣхать сюда, предоставляю вамъ поступить соотвѣтственно вашему желанію—но не удаляйтесь въ Финляндію—не могу скрыть отъ васъ, что это мѣсто въ вашемъ письмѣ меня огорчило.—Я желаю, чтобы вы продолжали управлять дѣлами Финляндіи, находясь вблизи меня. Почему вы думаете, что потеряли мое довѣріе? Даю вамъ честное слово, что это неправда, и чтобы быть откровеннымъ, скажу вамъ, что мое довѣріе къ вамъ увеличилось, такъ какъ опытъ доказалъ мнѣ, что вы были правы во многомъ. Вы также оши-

---

видно уже, что Армфельдъ никогда не дѣлалъ путешествія въ Вильно въ 1813 году. Письмо это скорѣй написано государю изъ Смоленска, подъ впечатлѣніемъ того, что императоръ пересталъ относиться къ нему попрежнему.

баетесь думая, что я сомнѣваюсь въ вашихъ искреннихъ чувствахъ ко мнѣ. Я васъ уважаю, генералъ, и считаю неспособнымъ дѣйствовать вопреки вашему образу мыслей; слѣдовательно я вѣрю одинаково вашимъ чувствамъ ко мнѣ, какъ вѣрю вообще всему, что вы мнѣ говорите. Вы сильно ошибаетесь, если думаете, что я п р і я т н о провожу здѣсь время. Не въ моемъ характерѣ наслаждаться жизненными удовольствіями, когда всѣ остальные страдаютъ.—Я долженъ вамъ сказать, что мучаюсь здѣсь болѣе, чѣмъ находясь въ арміи. Все мое время посвящено труду, и всѣ мои мысли тамъ, гдѣ вы находитесь.

«На другой день послѣ моего пріѣзда я видѣлъ Ребиндера, и мы окончили съ нимъ всѣ необходимыя дѣла, которыя комитетъ представилъ мнѣ, и между прочимъ вопросъ объ устраненіи голода. Я подписалъ всѣ бумаги, какъ вы узнаете отъ Ребиндера; отсюда вы увидите, что я не теряю времени. Жители Финляндіи меня очень тронули; съ каждымъ днемъ я все больше ихъ люблю. Статья, которую вы мнѣ прислали, превосходна, а та, которая предназначена для напечатанія въ газетахъ, написана въ наилучшемъ духѣ. Насчетъ организаціи батальоновъ въ Финляндіи, Ребиндеръ вамъ сообщитъ черезъ два-три дня то, что мы рѣшили по этому поводу. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстія изъ главной квартиры. Но какой бы ни былъ разультатъ, будьте увѣрены, что я рѣшилъ бороться до послѣдней крайности. Примите, генералъ, увѣреніе въ моей дружбѣ и въ моемъ уваженіи» [1]).

---

[1]) Письмо государя. J'ai reçu Vos deux lettres, Général, du 18 et du 22. La première a été me chercher à Moscovie, et m'a suivi jusqu'ici, de manière que je les ai reçues à peu près ensemble. J'ai vu avec un véritable regret, que je Vous ai peiné, et certainement sans le vouloir. Ayant trouvé indispensable de faire une course momentanée dans l'intérieur de l'Empire, j'ai dû rendre ma suite aussi peu nombreuse que possible. Ainsi toutes les personnes qui y sont attachées—non seulement les aides-de-camp—sont restées à l'armée, comme mon oncle le prince de Würtemberg, le général Beningsen, Vous, le général Phull, le prince Auguste de Holstein et plusieurs autres personnes. Je ne pouvais donc pas croire, que la chose puisse Vous affliger.

Ce n'est que les réponses de Suède qui me retiennent ici. J'ai déjà la nouvelle que l'amiral Bentinck est arrivé à Stockholm; ainsi à toute heure j'attends d'être instruit du point où se rendra le Prince Royal, pour m'y acheminer à l'instant. Si, profitant de ce temps, Vous désirez faire une course ici, je Vous en laisse le maître; mais non pour Vous retirer en Finlande—car je ne Vous cache pas que cette partie de Votre lettre m'a peinée—mais pour continuer à en gerer les affaires auprès de moi.—Pourquoi croyez-Vous avoir perdu de ma confiance? Je Vous proteste m a p a r o l e d' h o n n e u r, qu'il n'y a pas un mot de vrai à cela; et peut-être si Vous voulez que je sois franc, est elle augmentée, car l'expérience m'a prouvé, que Vous avez eu raison dans bien des choses. Vous vous trompez aussi, quand Vous croyez que je doute de Vos bons senti-

Армфельдъ поспѣшилъ воспользоваться разрѣшеніемъ покинуть армію и изъ Смоленска поспѣшилъ въ Петербургъ. Государь уже отбылъ въ Або, чтобы тамъ встрѣтиться съ своимъ новымъ союзникомъ. Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ Петербургѣ, Армфельдъ уѣхалъ также въ Або, и находился тамъ въ тѣ достопамятные дни, когда Александръ I и Карлъ Іоаннъ совѣтовались о судьбѣ Сѣвера и всей остальной Европы. Армфельду пришлось тамъ свидѣться съ тѣми, которые годъ тому назадъ изгнали его изъ Швеціи, т. е. съ наслѣднымъ принцемъ Карломъ Іоанномъ и его совѣтникомъ Ветерстетомъ. Обхожденіе наслѣднаго принца въ ту пору съ Армфельдомъ доказывало, до какой степени онъ раскаивался и сожалѣлъ о своемъ поспѣшномъ и несправедливомъ поступкѣ относительно барона. Онъ былъ чрезвычайно любезенъ съ Армфельдомъ, предложилъ ему свои услуги и милости въ Швеціи и обѣщался позаботиться о будущности младшаго сына барона, оставшагося въ Швеціи [1]). Императоръ Александръ пожаловалъ не только ему и его дѣтямъ, но и даже пріемной его дочери графскій титулъ. «Это большая любезность со сто-

---

ments pour moi. Je Vous estime, Général, et je Vous crois incapable de tenir un langage contraire à Votre pensée; ainsi j'ajoute autant de foi à ce que Vous me dites de Vos sentiments pour moi, comme à toute autre chose que Vous m'assurez.

Vous êtes bien dans l'erreur, en croyant que je passe ici mon temps à des choses a g r é a b l e s. Il n'est pas dans mon caractère de jouir des plaisirs de la vie, quand la chose publique souffre.—Je Vous dirai même que je me tourmente plus ici, que je ne me tourmentais à l'armée. Tout mon temps est voué au travail, et toutes mes pensées sont là, où Vous êtes.

Le lendemain de mon arrivée j'ai vu Rehbinder, et nous avons terminé les choses les plus essentielles, que le comité avait à me présenter, entre autres celle pour obvier à la disette. J'ai signé tous les papiers, comme Vous le saurez par lui. Ainsi Vous voyez, que je n'ai pas perdu mon temps. J'ai été bien touché des dispositions des habitan(t)s de la Finlande, tous les jours je les aime davantage. La pièce que Vous m'avez envoyée, est parfaite et la pièce—pour être insérée dans les gazettes—écrite dans le meilleur sens possible. —Pour les bataillons qu'on veut former en Finlande Rehbinder dans deux ou trois jours Vous fera parvenir le résultat de ce que nous avons arrêté ici.

J'attends avec la plus grande impatience des nouvelles du quartier général. Mais qu'elle que soit l'issue, persuadez-Vous, que je suis résolu à lutter jusqu'à l'extrémité.

Recevez, Général, l'assurance de mon amitié et de mon estime.

Alexandre.

[1]) Армфельдъ пишетъ своей дочери: «Когда наслѣдный принцъ встрѣтилъ меня въ Або, онъ всячески старался загладить свою вину относительно меня и спросилъ, не можетъ ли онъ быть мнѣ чѣмъ нибудь полезенъ». Магнусъ Армфельдъ—единственный изъ сыновей Армфельда, который остался въ шведской военной службѣ. Впослѣдствіи онъ былъ произведенъ въ адъютанты короля и въ камергеры. Только въ послѣдніе дни царствованія Карла-Іоанна, онъ переселился въ Финляндію.

роны императора,—писалъ онъ,—хотя самъ по себѣ этотъ титулъ не представляетъ для меня никакого значенія» [1]). Въ Або, Армфельдъ принялъ на себя званіе канцлера университета, которое Сперанскій носилъ до него. Онъ искренно желалъ лишь одного—искреннѣе чѣмъ кто-либо изъ его соотечественниковъ — чтобы Швеція подняла оружіе и вмѣстѣ съ Россіей стала бороться противъ общаго врага—Наполеона, и помогла бы возстановить нарушенный порядокъ въ Европѣ. Раньше чѣмъ кто нибудь изъ остальныхъ его соотечественниковъ онъ указалъ своему повелителю (Александру I) тѣ средства, которыми можно бы было наградить Швецію за ея содѣйствіе Россіи. Любовь къ старому отечеству не погасла у Армфельда—но опытъ заставилъ его убѣдиться въ томъ, что миръ на Сѣверѣ былъ бы вѣрнѣе обезпеченъ соединеніемъ Швеціи съ Норвегіей, нежели завоеваніемъ Финляндіи для Швеціи. Армфельдъ находился въ Або въ качествѣ довѣреннаго лица русскаго императора; личныя его симпатіи и благодарность привязывали его болѣе крѣпкими узами къ новому монарху, нежели къ наслѣдному принцу шведскому, ради котораго онъ былъ вынужденъ эмигрировать. Удовлетвореніе, полученное имъ впослѣдствіи, не могло все-таки изгладить горечь воспоминаній, которую онъ привезъ съ собой изъ Швеціи. Далѣе, онъ не могъ и не хотѣлъ противодѣйствовать интересамъ Александра I, бывъ его совѣтникомъ, въ особенности въ тотъ моментъ, когда благо Швеціи и Финляндіи и даже всей Европы зависило отъ русской политики, въ которой онъ лично участвовалъ. Ни шведы, ни финляндцы, какого бы мнѣнія они ни были относительно политики 1812 года, никто изъ нихъ не можетъ утверждать, что если бы даже Армфельдъ хотѣлъ дѣйствовать изъ-за патріотическаго чувства въ этомъ духѣ, то это не сдѣлало бы ему чести.

Живя въ Петербургѣ, графъ Армфельдъ съ обычной для него энергіей принялся за управленіе финляндскими дѣлами, но и тогда, равно какъ и прежде, находилъ свой трудъ неблагодарнымъ. Неудовольствіе его, относящееся къ управителю Финляндіи, часто высказывается въ его болѣе интимныхъ письмахъ къ друзьямъ. Настроеніе духа барона часто мѣняется; надежды на свѣтлую будущность чередовались съ печалью и усталостью къ жизни, и подчасъ желаніемъ удалиться отъ всего. «Благодаря разнымъ причинамъ мое удаленіе становится необходимымъ,—писалъ онъ осенью 1812 года [2]),—хотя теперь не зашла еще рѣчь о моей отставкѣ. Пускай все раньше успокоится и придетъ въ мирное настроеніе. Мнѣ хотѣлось бы раньше сказать, пока я не распрощусь со своей

---

[1]) Генералъ губернаторъ въ Финляндіи, Штейнгель, получилъ одновременно съ Армфельдомъ графскій титулъ.

[2]) Шернвалю 17 (29) ноября 1812 г.

дѣятельностью, что финляндскія дѣла пришли, наконецъ, въ должный порядокъ; слѣдуетъ привести Финляндію въ такое состояніе, чтобы она нуждалась только въ хорошемъ часовомъ мастерѣ, который изрѣдка заводилъ бы механизмъ и присматривалъ за нимъ. Съ помощью же ландтага и стремленій нашего добраго и прекраснаго монарха, можно надѣяться, что мечты мои осуществятся—даже черезъ нѣсколько лѣтъ». Нѣсколько дней до этого, Армфельдъ, правда въ болѣе безнадежномъ тонѣ, но зато довольно характеристично, описывалъ Ерѣнстрему [1]) свою дѣятельность. «Должность генералъ губернатора [2]) приноситъ мнѣ массу заботъ. Ничто не дѣлается согласно моему желанію. Убѣжденіе мое въ негодности нашей администраціи ростетъ съ каждымъ днемъ. Я смѣнилъ Карналя въ Вазѣ. Еренстольпе и Егергорнъ также больше не годятся [3]) Нельзя же наконецъ беречь ихъ, когда вопросъ касается общаго блага. Я не могу относиться такъ хлоднокровно ко многимъ вопросамъ, какъ дѣлаетъ это Штейнгель, или позволять писарямъ своимъ имѣть какое нибудь вліяніе; тѣмъ не менѣе я нахожу, что должность эта невыносима, такъ такъ приходится заниматься почти всѣмъ самому, и, не имѣя времени для отдыха, чувствовать и днемъ и ночью громадную тяжесть. Императоръ потѣшается надъ моимъ неудовольствіемъ и увѣряетъ, что я созданъ для этой должности».

Кромѣ финляндскихъ дѣлъ, было у Армфельда еще много другихъ серьезныхъ заботъ; несомнѣнно то, что чѣмъ болѣе политика Европы и Россіи приходила въ критическое положеніе, тѣмъ болѣе великія событія, происходившія въ эту эпоху, поглощали все вниманіе Армфельда. Онъ продолжалъ до конца 1812 года находиться вблизи императора, и когда государь отправился въ армію, то тотчасъ же далъ понять своему приближенному, что ожидаетъ его пріѣзда туда [4]). Изъ вѣрныхъ источниковъ доходили до Армфельда слухи объ ужасныхъ событіяхъ, происходившихъ осенью того года; онъ слышалъ о кровавомъ

---

[1]) 14-го ноября 1812 г. (библіотека въ Упсалѣ).

[2]) За отсутствіемъ графа Штейнгеля, отправленнаго на театръ военныхъ дѣйствій, графъ Армфельдъ временно исправлялъ его должность.

[3]) Выписка изъ письма къ Шернвалю 20-го декабря 1812 года: «Я осажденъ со всѣхъ сторонъ просьбами и претензіями людей совершенно никуда не годныхъ; господа эти находятся подъ покровительствомъ лицъ, въ свою очередь воображающихъ, что я только ради каприза не достаю имъ денегъ, мѣстъ и разныхъ милостей. Слѣдовало бы развивать въ людяхъ вообще болѣе точное понятіе о долгѣ и достоинствѣ; съ этой цѣлью можно бы было устраивать лекціи въ Абосскомъ университетѣ».

[4]) Государь писалъ Армфельду: «Стараюсь всѣми силами оправдать то мнѣніе, которое вы составили себѣ обо мнѣ: надѣюсь, что это удастся мнѣ... Если продлится мое пребываніе въ арміи, то я буду просить васъ присоединиться къ намъ и заранѣе дамъ вамъ знать объ этомъ. Весь вашъ!» (30-го декабря 1812 г.).

сраженіи подъ Бородинымъ, о взятіи Москвы и о страшномъ пожарѣ въ древней русской столицѣ: «Наполеонъ или я, я или онъ! — воскликнулъ государь, получивъ извѣстіе, что французы вступили въ Москву,— оба одновременно мы не можетъ властвовать: за это время я съумѣлъ узнать его». Армфельдъ не сочувствовалъ той осторожности, съ которой новый главнокомандующій Кутузовъ велъ войну; но онъ все-таки не сомнѣвался въ ея благополучномъ исходѣ. Съ тѣхъ поръ какъ Армфельдъ находился въ Петербургѣ, онъ могъ съ бо́льшею объективностью обсуждать тяжелыя событія, чѣмъ тогда, когда находился въ арміи. По этому поводу онъ писалъ: «Искренно желаю, чтобы намъ удалось убѣдиться въ томъ, что эта война равняется окончанію воинственныхъ побѣдъ Наполеона!—Это убѣжденіе можетъ отчасти поправить наши глупости. Испанія, освобожденная въ данный моментъ отъ ига, до самой рѣки Эбро, можетъ служить для насъ хорошимъ примѣромъ. Послѣднія извѣстія оттуда радостныя» [1]). Среди бумагъ Армфельда, сохранился собственноручный набросокъ его, въ которомъ онъ живо описываетъ настроеніе, вызванное событіями 1812 года. Это скорѣй игра воображенія — быть можетъ позаимствованная въ бесѣдахъ интимнаго кружка, собиравшагося у обѣихъ государынь—чѣмъ проектъ съ практической цѣлью. Благодаря своему остроумію, изложеніе наброска представляетъ изъ себя извѣстный интересъ. Въ немъ, напримѣръ, сравниваются дѣйствія Наполеона съ нашествіемъ сарациновъ, готовъ и вандаловъ. Какъ во времена рыцарства слѣдовало бы теперь организовать, подъ знаменемъ креста, братство, съ цѣлью защитить религію, тронъ и отечество для освожденія Европы отъ тяжелаго ига. Александръ I, вставъ во главѣ новыхъ крестоносцевъ, далъ бы свое согласіе всѣмъ желающимъ поступать въ это братство. Не рыцари среднихъ вѣковъ совершили крестовый походъ противъ Наполеона, а русскій народъ. Жители покинули города и села, сожгли свое имущество и жертвовали своей жизнью для того, чтобы отомстить за долгій и тяжелый гнетъ. Скоро счастье повернулось въ пользу русскихъ; бодрость и надежды появились одновременно у столичныхъ жителей.

Паденіе Наполеона было несомнѣнно; приближеніе зимы и народное всепоглощающее чувство мести достигли фанатизма, способствовавшаго этому паденію. Въ перепискѣ Армфельда можно слѣдить за развитіемъ того настроенія, которое испытывалъ весь русскій народъ въ ту эпоху. За разсказами о безчеловѣчныхъ поступкахъ французовъ слѣдовало описаніе ихъ собственныхъ страданій и мести русскихъ. Отчаяніе, завладѣвшее всѣми, когда пришло извѣстіе о Московскомъ пожарѣ, смѣнилось въ декабрѣ мѣсяцѣ восторженной радостью. Изъ исторіи извѣстно,

[1]) Ерёнстрему 30-го сентября 1812 г.

какъ Наполеонъ, тщетно искавшій средствъ помѣшать пожару въ Москвѣ, былъ принужденъ въ концѣ октября 1812 года подумать объ отступленіи. Въ пылу своего негодованія, онъ передъ тѣмъ чтобы покинуть Москву взорвалъ на воздухъ древнее жилище русскихъ царей, могущественный Кремль. Солдаты его разорили все то, чего огонь не успѣлъ уничтожить. Въ Петербургѣ носились ужасные слухи, что монахини въ своихъ священныхъ обителяхъ были обесчещены французами въ алтарѣ монастырской церкви, и что 19 изъ нихъ лишили себя жизни. Взрывъ негодованія какъ эхо пронесся среди русскаго народа. Когда Армфельдъ узналъ объ ужасномъ преступленіи, совершенномъ Наполеономъ, о совершенно безполезномъ уничтоженіи Кремля, онъ воскликнулъ въ негодованіи [1]): «Это душа лакейская съ головой Аттилы или Нерона!» Армфельдъ разсказываетъ, что за обѣдомъ во дворцѣ, когда разговоръ коснулся насилія и грубыхъ дѣйствій Наполеона, то кроткая императрица Елисавета Ѳеодоровна сказала: «Я впрочемъ довольна его поступкомъ во-первыхъ потому, что онъ служитъ доказательствомъ тому, что для него плохо кончилось, а во-вторыхъ, что все, что онъ запятналъ своимъ прикосновеніемъ, болѣе не существуетъ [2]).

«Я встрѣтилъ людей, вернувшихся изъ Москвы и изъ арміи,—писалъ Армфельдъ въ томъ же письмѣ;—подробности, которыя описываютъ они, доказываютъ, на сколько «великій полководецъ» ошибся въ своихъ разсчетахъ, и что гнѣвъ его очень похожъ на сумасшествіе. Люди и лошади умираютъ сотнями ежедневно отъ голода. Люди такъ же не знакомы съ хлѣбомъ, какъ лошади съ овсомъ (исключая гвардіи). Въ Москвѣ генералы питались кошками и воронами, а солдаты ѣли лошадиное мясо. 4.000 раненыхъ терпятъ всякаго рода лишенія и умираютъ съ голоду. Однимъ словомъ, ни съ чѣмъ нельзя сравнить тотъ ужасъ и то опустошеніе, которые оставляетъ послѣ себя этотъ человѣкъ на подобіе «діавола». Нѣсколько дней спустя онъ писалъ: «Мой сынъ, не бывъ вовсе поэтомъ, сдѣлалъ описаніе всѣхъ ужасовъ, которые представлялись его глазамъ; онъ не хуже Данта разсказываетъ, что послѣ того какъ съѣдаютъ лошадей, начинаютъ ѣсть трупы людей—это слишкомъ ужасно, чтобы даже думать объ этомъ!» «Такъ кончилъ онъ (Наполеонъ)—писалъ Армфельдъ своей дочери,—этотъ знаменитый человѣкъ, не щадившій ни коронованныхъ лицъ, ни министровъ ихъ,—тотъ человѣкъ, который сталъ страшилищемъ всѣхъ народовъ, до той минуты пока Испанія не научила послѣднихъ дѣлать различіе между постыднымъ образомъ жизни и смертью, что менѣе позоритъ человѣка. Русскій народъ превзошелъ Испанію и покрылъ себя незабвенной и безсмертной славой. Не-

---

[1]) Въ письмѣ Ерёнстрему 3-го ноября 1812 г.

[2]) Письмо Армфельда Ерёнстрему 12-го ноября 1812 г.

исчислимы тѣ жертвы, которыя были принесены русскими изъ любви къ Богу, своему дорогому отечеству и обожаемому монарху. Что за народъ эти русскіе! Какимъ духомъ національности воодушевлены они! Я не позволю себѣ ни минуты сравнивать все то, что я раньше пережилъ, всѣ воспоминанія мои, которыя одно за другимъ, подобно туманнымъ картинамъ, проходятъ передъ моимъ воображеніемъ, со всѣмъ тѣмъ, что мнѣ пришлось видѣть въ Россіи».

(Окончаніе слѣдуетъ).

Письмо князя А. Н. Голицына М. М. Сперанскому.

Января 16-го, 1819. С.-Петербургъ.

Милостивый Государь, Михаила Михаиловичъ. Извините меня, что я замедлилъ отвѣтомъ на Ваше письмо поздравительное со днемъ Рождества Спасителя нашего, что́ нынѣ исполняя, благодарю покорнѣйше за желанія христіанскія, которыя взаимно примите и отъ меня. Слава Господу, что въ сіи времена хотя и зло идетъ къ своему совершенству и утонченію, но и много ищущихъ истины, а какъ мы увѣрены, что истина восторжествуетъ, то и бояться нечего, а надѣяться и просить силъ у Того, Кто иного не желаетъ какъ царствовать въ нашихъ сердцахъ.

Одинъ нѣмецкій теософъ писалъ ко мнѣ, я не помню, сообщалъ ли я Вамъ оное: что зло утончается (se spiritualise), съ другой стороны и добро также, наконецъ какъ то такъ и другое, часъ-отъ-часу изощряясь, должно наконецъ пробить свою оболочку или, иначе сказать, сбросить съ себя личину, и нѣкоторымъ образомъ будучи наго, зло съ добромъ безъ закрышки встрѣтятся, тогда долженъ придти раздѣлитель, чтобъ положить конецъ и дать восторжествовать истинѣ. При семъ онъ привелъ и физическій примѣръ, когда двѣ силы въ атмосферѣ встрѣтятся, тогда также раздѣлитель (молнія) является и ударъ. Пожелавъ Вамъ здоровья, пребуду съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга, князь Александръ Голицынъ.

Сообщ. академикъ А. Ѳ. Бычковъ.

Егоръ Егоровичъ Замысловскій.

(Родился 6-го іюня 1841 г., умеръ 9-го мая 1896 г.).

Бывшій профессоръ русской исторіи въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ Егоръ Егоровичъ Замысловскій, скончавшійся 9-го мая текущаго года, принадлежалъ къ числу замѣчательныхъ современныхъ дѣятелей на поприщѣ изученія прошлыхъ судебъ нашего отечества.

Егоръ Егоровичъ родился въ Гроднѣ 6-го іюня 1841 года, а образованіе получилъ въ Петербургѣ: сперва учился онъ въ частномъ пансіонѣ, потомъ во 2-й гимназіи, а по окончаніи въ ней курса въ 1857 году, поступилъ на историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета, откуда вышелъ въ 1861 году со степенью кандидата.

Еще въ гимназіи особенно любилъ онъ уроки исторіи, которую преподавалъ тамъ талантливый и знающій преподаватель Вл. Ѳ. Эвальдъ; въ университетѣ же, на двухъ послѣднихъ курсахъ, онъ слушалъ лекціи русской исторіи у Н. Ив. Костомарова. Кромѣ того, вскорѣ по выходѣ изъ университета Замысловскій имѣлъ случай сблизиться съ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ. Такимъ образомъ, склонность къ историческимъ занятіямъ пробудилась въ Егорѣ Егоровичѣ очень рано, и онъ рѣшилъ посвятить себя ученой дѣятельности, избравъ предметомъ своей спеціальности русскую исторію.

Какъ извѣстно, приготовленіе къ этой карьерѣ сопряжено со многими затрудненіями, особенно для человѣка, не обезпеченнаго въ матеріальномъ отношеніи. А таково именно было положеніе Замысловскаго. Еще будучи студентомъ, онъ принужденъ былъ содержать себя частными уроками; такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ и по выходѣ его

изъ университета, пока наконецъ не удалось ему въ 1864 году получить скромное мѣсто учителя исторіи въ домѣ воспитанія бѣдныхъ дѣтей Императорскаго Человѣколюбиваго общества. Затѣмъ въ 1866 году онъ занялъ такую же должность въ женскомъ Павловскомъ институтѣ, въ 1867—въ Александровскомъ лицеѣ, и наконецъ, въ 1869 году былъ приглашенъ къ преподаванію русской исторіи въ Историко-Филологическомъ институтѣ, въ помощь профессору Бестужеву-Рюмину.

Такимъ образомъ, въ годы молодости Замысловскому приходилось много отвлекаться отъ работъ чисто ученаго характера. Но онъ обладалъ удивительною энергіей въ трудѣ, и благодаря этому свойству, именно въ эти ранніе годы успѣлъ положить прочную основу своимъ обширнымъ познаніямъ не только въ спеціальной области русской исторіи, но и въ кругу всѣхъ наукъ, имѣющихъ къ ней отношеніе. Такъ, между прочимъ, онъ много занимался въ то время географіей, и это навело его на мысль составить «Учебный атласъ по русской исторіи». Первое изданіе этого труда, потребовавшаго отъ Замысловскаго не только основательнаго изученія нашей историко-географической литературы, но и самостоятельныхъ изысканій, относится къ 1865 году; впослѣдствіи атласъ выдержалъ еще два изданія, при чемъ постоянно подвергался улучшеніямъ и дополненіямъ; къ нему былъ приложенъ объяснительный текстъ, содержавшій въ себѣ очеркъ исторіи расширенія русской государственной области; въ 1884 году атласъ былъ увѣнчанъ Петровскою преміей ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія и до сихъ поръ остается лучшимъ нашимъ учебнымъ пособіемъ въ своемъ родѣ.

Выпустивъ первое изданіе атласа, Замысловскій принялся за составленіе магистерской диссертаціи, темою для которой онъ избралъ царствованіе Ѳедора Алексѣевича. Скудость изданныхъ матеріаловъ по этому періоду заставила Егора Егоровича обратиться къ изученію архивныхъ источниковъ, преимущественно въ Москвѣ. Эти архивныя работы были для него очень важною школой: изъ него выработался отличный знатокъ нашихъ старинныхъ оффиціальныхъ документовъ, съ правильными воззрѣніями на пріемы ихъ научнаго изданія; понятно поэтому, что еще въ 1869 году онъ былъ избранъ въ число членовъ археографической коммиссіи, для которой немало потрудился впослѣдствіи. Но въ то же время архивныя разысканія задержали составленіе диссертаціи, и только въ 1871 году Замысловскій могъ выпустить первую часть своего сочиненія; но это не была еще исторія царствованія Ѳедора Алексѣевича, а лишь введеніе къ ней и обозрѣніе печатныхъ источниковъ, относящихся къ этому времени. Такимъ образомъ, книга Замысловскаго имѣла по преимуществу критическій характеръ, и въ этомъ смыслѣ достоинства ея весьма значительны: сужденія автора

отличаются большою осторожностью, но въ то же время они проницательны и мѣтки. Какъ пособіе для оцѣнки нашихъ археографическихъ сборниковъ, сочиненіе Замысловскаго содержитъ въ себѣ очень полезныя и важныя указанія.

Сочиненіе это, представленное въ С.-Петербургскій университетъ какъ диссертація, доставило Егору Егоровичу степень магистра русской исторіи и проложило путь къ университетской каѳедрѣ. Оставивъ преподаваніе въ Павловскомъ институтѣ и лицеѣ, Замысловскій съ осени 1871 года началъ свои чтенія въ университетѣ, а вслѣдъ за тѣмъ получилъ въ Историко-Филологическомъ институтѣ званіе экстраординарнаго профессора.

Преподавательская дѣятельность Егора Егоровича въ университетѣ продолжалась 19 лѣтъ, до осени 1890 года, когда по болѣзни онъ долженъ былъ выйти въ отставку; сперва онъ состоялъ въ званіи доцента, а въ 1884 году получилъ званіе профессора. Чтенія его въ университетѣ состояли какъ изъ общихъ курсовъ, такъ и изъ спеціальныхъ; послѣдніе посвящались отдѣльнымъ отраслямъ исторической науки. Какъ тѣ, такъ и другіе имѣли строго фактическій характеръ и знакомили слушателей какъ съ главными чертами историческихъ явленій, такъ и съ воззрѣніями на нихъ ученыхъ. Особенно любилъ Замысловскій руководить занятіями своихъ слушателей-спеціалистовъ, направлялъ ихъ первоначальныя ученыя работы, возбуждалъ въ нихъ критическій тактъ и такимъ образомъ подготовилъ цѣлый рядъ молодыхъ дѣятелей на поприщѣ русской исторіи.

Въ исходѣ 1880 года Замысловскій былъ призванъ къ высокой обязанности преподавать всеобщую и русскую исторію великому князю Николаю Александровичу, нынѣ благополучно царствующему Государю Императору, и его августѣйшему брату великому князю Георгію Александровичу и велъ это преподаваніе въ теченіе десяти лѣтъ.

Въ 1884 году Замысловскій защитилъ свою вторую диссертацію—на степень доктора русской исторіи, подъ заглавіемъ «Герберштейнъ и его историко-географическія свѣдѣнія о Россіи». Это сочиненіе, стоившее автору восьмилѣтняго труда, должно быть признано капитальнѣйшею изъ работъ Замысловскаго, отражающею въ себѣ всѣ лучшія его свойства какъ ученаго: разнообразіе познаній, критическую осторожность и чрезвычайную пытливость, приводившую его къ весьма любопытнымъ и важнымъ выводамъ. Заключая въ себѣ богатые матеріалы для оцѣнки едва ли не главнѣйшаго изъ западно-европейскихъ сочиненій о древней Россіи, книга эта вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на значеніе этого сочиненія въ общей географической литературѣ своего времени и въ то же время выставляетъ на видъ заслуги русскихъ людей въ сферѣ географическихъ открытій.

*

Кромѣ названныхъ самостоятельныхъ произведеній значительнаго объема, Егору Егоровичу принадлежитъ еще рядъ изслѣдованій меньшаго размѣра, какъ напримѣръ: «О сношеніяхъ Россіи съ Польшей и Скандинавскими государствами при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ» (отрывки изъ оставшейся не написанною исторіи его царствованія), «О сношеніяхъ Россіи съ Англіей при Иванѣ Грозномъ», «О древнихъ чертежахъ Сибири», «О составѣ начальной лѣтописи» и пр., и рядъ критическихъ статей о сочиненіяхъ: Д. А. Корсакова «Меря и Ростовское княжество», Н. П. Барсова «Очерки географіи начальной лѣтописи», В. С. Борзаковскаго «Исторія Тверскаго княжества», архимандрита Леонида «Благовѣщенскій іерей Сильвестръ» и Ю. В. Толстаго о «Московіи» Мильтона. Наконецъ, подъ редакціей Егора Егоровича вышли изданный Археографической коммиссіей переводъ «Сказаній Массы и Геркмана о Смутномъ времени» и четыре выпуска «Лѣтописи занятій» той же коммиссіи; въ этомъ послѣднемъ изданіи между прочимъ помѣщены приготовленныя Замысловскимъ къ печати «Посланіе старца Авраамія», весьма любопытное для начальной исторіи раскола, и «Извлеченія изъ переписныхъ книгъ 1676—1682 годовъ».

Мы далеко не перечислили всего, что было напечатано Замысловскимъ, но и изъ приведеннаго выше поименованія его трудовъ видно, что это былъ ученый дѣятель въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, разумно и усердно трудившійся въ горячо любимой имъ научной области, относившійся ко всякой своей работѣ съ величайшею добросовѣстностью и, благодаря тому, оставившій послѣ себя такой вкладъ въ науку, который надолго сохранитъ въ ней значеніе.

Какъ человѣкъ, Замысловскій оставилъ по себѣ свѣтлую память среди всѣхъ его знавшихъ; онъ пользовался общимъ глубокимъ уваженіемъ за благородство своего характера, за прямоту и безкорыстіе, за строгую преданность своему долгу, за твердость своихъ убѣжденій и за мягкость своего прекраснаго сердца.

Послѣдніе годы жизни Егора Егоровича были полны тяжкихъ страданій; жестокая болѣзнь, заставившая его покинуть службу и ученыя занятія, была послѣдствіемъ лишеній, испытанныхъ имъ въ молодости; она рано состарила его и не поддавалась никакимъ усиліямъ врачей; онъ медленно угасалъ и послѣ шестилѣтнихъ страданій скончался въ возрастѣ далекомъ отъ старости.

Наставленія по поводу сбора милиціи въ 1806 году.

5-го декабря 1806 года, по полудни въ 9 часовъ, с.-петербургскій губернаторъ Петръ Степановичъ Пасевьевъ получилъ собственноручно подписанную императоромъ Александромъ I инструкцію о составленіи милиціи, отъ 4 декабря, а 18-го декабря министръ внутреннихъ дѣлъ графъ В. Кочубей прислалъ слѣдующій секретный циркуляръ отъ 17-го декабря 1806 г. № 3020, въ коемъ изложены слѣдующія дополнительныя наставленія по случаю сбора милиціи.

«Въ высочайшемъ манифестѣ и особенной инструкціи, на имя вашего превосходительства данной, изображены подробно правила, коими начальники губерній и дворянство руководствоваться должны въ составленіи губернскаго земскаго войска.

«Но сверхъ сихъ общихъ правилъ есть предметы, кои въ дѣлѣ семъ къ особенному наблюденію вашему предлежатъ, и о коихъ, по высочайшему его императорскаго величества повелѣнію, имѣю честь сообщить вашему превосходительству слѣдующее:

I. Къ успѣшному образованію милиціи прежде всего нужно, чтобъ всѣ имѣли истинное понятіе о цѣли и существѣ ея.

Цѣль сего вооруженія есть, имѣть въ готовности сильный отпоръ противъ такого непріятеля, который пріобыкъ, пользуясь своимъ счастіемъ, дѣйствать не одною силою оружія, но и всѣми способами обольщенія черни, который, врываясь въ предѣлы воюющихъ съ нимъ державъ, всегда старается прежде всего испровергать всякое повиновеніе внутренней власти, возбуждать поселянъ противъ законныхъ ихъ владѣльцевъ, уничтожать всякое помѣщичье право, истреблять дворянство и, подрывая коренныя основанія государствъ, похищать законное достояніе и собственность прежнихъ владѣльцевъ, возводить на мѣста изъ людей ему преданныхъ, и такимъ образомъ, перемѣняя

весь видъ правительства, на развалинахъ прежняго порядка утверждать свое жестокое самовластіе. Изъ сего видно, что война съ таковымъ непріятелемъ не есть война обыкновенная, гдѣ одна держава споритъ съ другою о правѣ или пространствѣ владѣній. Въ настоящей войнѣ каждый владѣлецъ собственности, каждый помѣщикъ долженъ признавать себя лично и непосредственно участвующимъ, ибо цѣль непріятеля есть испровергнуть всякое личное преимущество, всяко право собственности, въ государствѣ существующее.

«Ваше превосходительство поставите себѣ въ обязанность внушать помѣщикамъ сіи истины. Они покажутъ имъ очевидностію, что каждый изъ нихъ, содѣйствуя сему ополченію, будетъ содѣйствовать не только общей безопасности государства, но и защищать собственное свое личное право, достояніе своихъ дѣтей, своего рода, собственность своихъ владѣній.

«Показавъ такимъ образомъ истинную цѣль настоящаго ополченія, должно имѣть точное и ясное понятіе о существѣ его. Изъ высочайшаго манифеста и изъ инструкціи ваше превосходительство видѣли, что предметъ учрежденія сего состоитъ въ томъ, чтобъ имѣть въ готовности сильное ополченіе, которое бы могло двинуться на защиту нашихъ предѣловъ, когда то признано будетъ нужнымъ. Изъ сего само собою слѣдуетъ:

1) что люди, составляющіе милицію, доколѣ не будетъ дано повелѣніе отъ начальства выступить изъ квартиръ, должны оставаться въ своихъ селеніяхъ;

2) что, оставаясь въ селеніяхъ, они должны пребывать во всемъ, что до службы милиціи не касается, въ крестьянскомъ ихъ быту, и слѣдовательно исправлять по земскому и волостному ихъ управленію всѣ тѣ повинности, которыя не препятствуютъ ихъ назначенію и службѣ. Само собою разумѣется, что во время нахожденія ихъ въ милиціи не должны они быть употребляемы ни въ какія посылки или дѣла, которыя бы слишкомъ удаляли ихъ отъ мѣста жительства ихъ, дабы тѣмъ не затруднилось образованіе сего земскаго войска;

3) что въ казенныхъ селеніяхъ они должны быть наравнѣ съ другими и послушны мѣстному ихъ начальству;

4) что въ селеніяхъ помѣщичьихъ они должны быть въ той же зависимости и послушаніи къ помѣщикамъ, какъ и прежде;

5) что въ казенныхъ селеніяхъ земское начальство, а въ помѣщичьихъ владѣльцы имѣютъ право и обязанность прекращать и наказывать безпорядки, каковые отъ сихъ людей произойти могутъ;

6) что доколѣ люди, въ милицію вписанные, остаются въ своихъ селеніяхъ, все различіе ихъ отъ прочихъ поселянъ состоитъ въ томъ, что они во всемъ относящемся къ устройству милиціи должны быть

послушны сотеннымъ и прочимъ для войска сего установленнымъ начальникамъ, никакъ не разрывая между тѣмъ тѣхъ отношеній, въ коихъ они, какъ крестьяне, по селеніямъ ихъ состоятъ;

7) что наконецъ земскіе и волостные начальства и помѣщики обязаны не только не препятствовать дѣйствію начальниковъ войска сего во всемъ, что къ устройству его принадлежитъ, но и должны всемѣрно ему содѣйствовать.

II. Составивъ таковое объ образованіи сего войска и объ отношеніяхъ его понятіе, ваше превосходительство въ главную себѣ обязанность вмѣните не только изъяснять сіи правила земскимъ начальствамъ и помѣщикамъ и вразумлять о нихъ самихъ крестьянъ, но и охранять точное ихъ исполненіе со всею возможною точностію. Благоустройство, тишина и подчиненіе въ селеніяхъ не менѣе и при образованіи сего войска состоятъ на вашей отвѣтственности и попеченіи, какъ и во всякое другое время.

III. Дабы болѣе еще обезпечить тишину и благоустройство селеній при образованіи сего войска, въ инструкціяхъ главнокомандующимъ постановлено правиломъ, чтобъ оружіе какъ огнестрѣльное, такъ и всякое другое, коимъ войско сіе снабжено будетъ, употребляемо было единственно въ сборныхъ ихъ мѣстахъ въ тѣ дни, кои для обученія ихъ назначены будутъ, чтобъ обученіе сіе состояло по большей части въ однихъ первоначальныхъ и необходимыхъ правилахъ воинскаго дѣла, и чтобъ поселяне сколь можно менѣе отрываемы были экзерціями отъ собственныхъ своихъ работъ. Сообразно сему ваше превосходительство не оставите чрезъ земскую полицію и сами имѣть наблюденіе за тѣмъ, исполняются ли въ точности установляемыя правила, чтобъ въ домы людей, вписанныхъ въ милицію, оружіе никакъ не было отпускаемо; чтобъ по окончаніи ученія хранимо оно было въ мѣстахъ, особенно для сего опредѣленныхъ, и чтобъ частные, сотенные и другіе начальники держались въ обученіи сихъ людей правилъ, кои имъ отъ главнокомандующихъ предписаны будутъ,—и есть ли вы усмотрите какое либо по всѣмъ симъ отношеніямъ отступленіе, вы будете имѣть обязанностію относиться о томъ въ случаяхъ нужды къ главнокомандующему областію, не стѣсняя впрочемъ распоряженій командующаго губернскою милиціею, дабы противудѣйствіямъ двухъ властей не воспрепятствовать успѣху дѣла.

Само собою впрочемъ разумѣется, что у людей, кои съ собственнымъ своимъ оружіемъ будутъ на ученіе являться, какъ то: у людей дворовыхъ, егерей, также стрѣлковъ и охотниковъ изъ крестьянъ, оружіе имъ принадлежащее и по окончаніи ученія не должно быть отбираемо, такъ какъ и прежде они имъ пользовались.

IV. При наблюденіи сихъ правилъ, къ охраненію въ селеніяхъ вну-

тренней тишины и спокойствія необходимыхъ, ваше превосходительство обратите внаманіе ваше и на другіе предметы, къ устройству сего войска принадлежащіе. Нѣтъ сомнѣнія, что, зная всю важность сего дѣла, вы поставите себѣ долгомъ руководствовать внушеніями вашими всѣхъ тѣхъ, кои сверхъ возлагаемой на нихъ обязанности пожелаютъ содѣйствовать успѣху дѣла своими особенными приношеніями. Но возбуждая ревность ихъ къ общему благу, вы будете при томъ наблюдать, чтобъ ревность сія направляема была сколь можно къ полезнѣйшей цѣли. Направленіе сіе необходимо нужно. Здѣсь уже открылись примѣры пожертвованій весьма значительныхъ. Отдавая всю справедливость похвальнымъ побужденіямъ, на коихъ они основаны, нельзя однакоже не признать, что нѣкоторые изъ нихъ могутъ подать поводъ къ разорительной роскоши и примѣромъ своимъ по неправильному поревнованію ввести людей недостаточныхъ въ важныя и тягостныя для нихъ издержки и сверхъ того обратить значущую часть народнаго богатства на предметы излишніе, между тѣмъ какъ она могла-бы съ большею пользою употреблена быть на предметы существенно нужные. Изъ сего открывается необходимость направлять совѣтами и внушеніями ревность пожертвованій сколь можно къ полезнѣйшему концу.

V. Одинъ изъ способовъ, гдѣ ревность сія наилучше дѣйствовать можетъ, состоитъ въ томъ, чтобъ богатые помѣщики пособляли сколь можно недостаточнымъ, поставкою за нихъ людей, или одѣяніемъ ихъ, или пособіемъ въ ихъ вооруженіи и продовольствіи. Такимъ образомъ опыты отличнаго усердія къ успѣху ополченія могутъ быть сопряжены съ частною благотворительностію, а конецъ или крайнее послѣдствіе ихъ будетъ общая польза. Ваше превосходительство не оставите склонять приличнымъ образомъ почетнѣйшихъ дворянъ къ таковому вспомоществованію, внушая имъ, что сей образъ приношенія болѣе можетъ быть его величеству благоугоденъ, нежели другія не столь полезныя пожертвованія.

Само собою впрочемъ разумѣется, что таковое направленіе усердныхъ расположеній должно быть съ вашей стороны ограничено одними совѣтами и внушеніями и не можетъ полагать никакой отъ власти зависящей преграды собственному каждаго произволу. Всѣ приношенія должны быть въ мѣстахъ своихъ принимаемы съ совершеннымъ одобреніемъ и предварительнымъ съ вашей стороны увѣреніемъ въ монаршемъ къ нимъ благоволеніи.

Я надѣюсь, что ваше превосходительство, извѣщая меня о всѣхъ таковыхъ приношеніяхъ, не оставите особенно и немедленно доносить о всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ отступленіемъ отъ правилъ, здѣсь предписанныхъ, охраненіе общей тишины и спокойствія нарушено быть

можетъ, принимая между тѣмъ на мѣстѣ, по сношенію съ командующимъ и главнымъ областнымъ начальникомъ милиціи, всѣ тѣ мѣры, какія къ скорому возстановленію порядка удобнѣйшими признаны будутъ.

Впрочемъ я считаю излишнимъ напоминать, что по всѣмъ предметамъ, доставленія и устройства земскаго войска принадлежащимъ, особенное вниманіе вашего превосходительства должно быть обращено, дабы отъ земскихъ, городскихъ и волостныхъ начальствъ и чиновъ нималѣйшаго поползновенія къ злоупотребленіямъ, привязкамъ и корысти не было допускаемо. Есть-ли неослабное за симъ наблюденіе и въ обыкновенномъ теченіи службы нужно, то въ дѣлѣ столь чрезвычайномъ и толикой важности оно должно быть еще необходимѣе и дѣятельнѣе. Вы не оставите посему при малѣйшихъ признакахъ таковыхъ злоупотребленій, доходя до истины, отрѣшать и предавать виновныхъ всей строгости законовъ».

Сообщилъ **Г. И. Студенкинъ.**

Запрещеніе исторіографу Миллеру заниматься генеалогіею.

Въ журналѣ канцеляріи Академіи 1748 г. февраля 6-го, читаемъ:

«Понеже профессоръ исторіи графъ Миллеръ партикулярно поднесъ Его Сіятельству Г-ну Президенту [1]) таблицу родословную Высочайшей фамиліи Ея Императорскаго Величества, о которой ему никогда отъ Его Сіятельства приказано не было, того ради Его Сіятельство, не разсматривая онаго родословія, приказалъ изъ Канцеляріи помянутую таблицу Миллеру отдать и объявить, чтобы онъ ни въ какія родословныя изслѣдованія не токмо Высочайшей фамиліи Ея Императорскаго Величества, но и партикулярныхъ людей безъ особливаго на то указу не вступалъ и никому бы такихъ родословій, подъ опасеніемъ штрафа, не подносилъ, а трудился бы только въ одномъ томъ, что ему поручено отъ Президента или, въ отбытности его, отъ Канцеляріи, какъ то изображено въ его контрактѣ, чего ради отдать ему, Миллеру, сію родословную таблицу обратно, и изъ сего журнала сообщить копію» [2]).

Сообщ. академикъ **К. С. Веселовскій**

---

[1]) Графу Разумовскому.

[2]) О запрещеніи Миллеру заниматься генеалогіей упоминаетъ и Пекарскій въ своей біографіи Миллера (въ „Исторіи императорской Академіи Наукъ"), но не приводитъ полнаго текста этого распоряженія Разумовскаго.

ГУСТАВЪ IV

и

ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА,

1794—1796 г.г.

(По неизданнымъ документамъ шведскаго королевскаго архива).

VII [1]).

Возобновленные переговоры очень медленно подвигались къ разрѣшенію. Здѣсь не лишнее замѣтить, что г. Марковъ, довѣряя Стедингу дипломатическія «тайны» (какъ будто онъ не зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло) игралъ въ сущности очень ловкую комедію. На самомъ дѣлѣ, шведскому послу было показано лишь оффиціальное письмо императрицы, которое она не только позволяла, но даже приказывала обнаружить. Тотъ, кто пожелалъ бы сравнить это послѣднее съ тѣмъ, что писала «секретно» Екатерина генералу Будбергу, тотъ увидѣлъ бы существенную разницу [1]). Въ дѣйствительности императрица давно свыклась съ мыслью видѣть свою внучку шведской королевой, но остерегалась показать это шведскимъ министрамъ, основательно полагая, что подобное сознаніе дастъ подводъ къ упрямству съ шведской и къ уступкамъ съ русской стороны, Екатеринѣ же не хотѣлось уступать.

Конечно, исключительная привязанность къ королю была не болѣе какъ красивой угрозой въ устахъ императрицы, раздуваемая кстати и

---

[1]) См. „Русскую Старину“, августъ 1896 г.

[1]) См. „Сб. Ист. Об.“ IX, 274—282.

некстати въ дипломатической перепискѣ русскаго кабинета, эта любовь не помѣшала бы Екатеринѣ въ случаѣ чего поступиться нѣжными чувствами ради обще-государственной пользы. Само собой разумѣется, что въ интересахъ лицъ, составлявшихъ государеву свиту, было преувеличивать недовольство императрицы настоящимъ положеніемъ дѣлъ и грозить дурными послѣдствіями для Швеціи.

Однако среди хаоса мнѣній и пересудовъ пробивался иногда спасительный лучъ примиренія. Мы уже видѣли (изъ донесенія Стединга), на какой почвѣ могли сойтись обѣ державы: первые два пункта принимались безъ оговорокъ, относительно же третьяго (вопроса о вознагражденіи), императрица высказалась прямо (въ письмѣ отъ 10-го іюня), что «разсматривая эту послѣднюю статью, какъ устанавливающую обязательство каждой изъ договаривающихся сторонъ поддерживать и защищать интересы другой, всякій разъ какъ они будутъ несправедливо нарушены, статья эта и двѣ предыдущія, будучи приняты при утвержденіи Дроттнингольмскаго трактата, и составятъ затѣмъ предметъ обязательства, которое она (императрица) готова заключить со Швеціею» [1]). Наконецъ 17-го іюня, послѣ долгаго спора, или «продолжительнаго приступа», какъ выражался Будбергъ [2]), Россія одержала побѣду: рѣшено было ѣхать въ Петербургъ черезъ двѣ недѣли [3]). Сообщая объ этомъ императрицѣ черезъ секретаря посольства барона Будберга, генералъ Будбергъ скрываетъ, однако, отъ своей государыни маленькую и любопытную подробность послѣднихъ совѣщаній. Итакъ желаніе Екатерины II осуществилось: король Густавъ IV будетъ въ Петербургѣ. Нетрудно представить себѣ восторгъ петербургскихъ дипломатовъ при полученіи этого извѣстія. Ликовалъ и Стединъ, который еще такъ недавно считалъ свое дѣло проиграннымъ.

«Мой добрый другъ Виргинъ,—писалъ онъ Рейтергольму,—прибылъ сюда въ прошлую субботу ровно черезъ 24 часа послѣ барона Будберга,

---

[1]) Сб. Ист. Об., IX, 281.

[2]) Донесеніе генерала Будберга отъ (18) 29 іюля 1796 г. Ibid., 282.

[3]) Г. Чумиковъ, пользовавшійся для своей статьи („Рус. Арх." 1887, I) «шведскими источниками», разсказываетъ, что для убѣжденія короля въ необходимости поѣздки «прибѣгли къ содѣйствію обоихъ предметовъ любви Густава IV, Модэ и Пиперъ: онѣ должны были употребить свое вліяніе на обожавшаго ихъ короля». Послѣдняго обстоятельства совсѣмъ нѣтъ въ донесеніи Будберга графу Маркову: «... Курьеръ Стединга прибылъ въ 3 часа утра. Баронъ Рейтерпльмъ вскрылъ депеши и цѣлую ночь занимался предметами, о коихъ въ нихъ говорилось. Въ 6 часовъ утра онъ отправился къ регенту и изложилъ ему необходимость достигнуть согласія короля на поѣздку до отбытія курьера, чтобы удалить всѣ недоброжелательныя вліянія. Въ 7 часовъ разбудили его величество и черезъ полчаса рѣшеніе было принято окончательно. (Донесеніе отъ (25-го іюня) 5-го августа 1796; Сб. Ист. Об. IX,295).

какъ ты условился съ русскимъ посланникомъ. Никогда онъ не пріѣзжалъ такъ кстати и не привозилъ мнѣ болѣе пріятной новости, чѣмъ теперь. Итакъ я еще разъ въ этой жизни увижу моего короля, сына Густава III, и всѣхъ, къ кому я испытываю чувства почтенія и нѣжности. Благословляю за это Верховное Существо и не сомнѣваюсь, что дѣло, которое ведется съ столь чистыми намѣреніями и при обстоятельствахъ, явно обнаруживающихъ перстъ Провидѣнія, будетъ имѣть самыя благодѣтельныя послѣдствія, какъ для человѣчества вообще, такъ въ особенности для нашего отечества. Излишне было бы говорить тебѣ, что пріѣздъ короля и его королевскаго высочества доставляетъ величайшее удовольствіе императрицѣ и вообще всѣмъ. Но среди лицъ, которые особенно интересуются этимъ, я долженъ назвать (кромѣ императрицы) графа Маркова; онъ въ полномъ восторгѣ. Я увѣренъ, что ты будешь доволенъ имъ, тѣмъ болѣе, что онъ никогда не считался особенно расположеннымъ къ намъ. Эта новость облетѣла городъ съ быстротою молніи, и г. Марковъ замѣтилъ шутя, что виновникомъ этого являюсь я, потому что я оффиціально извѣстилъ объ этомъ графа Остермана. Въ тотъ же самый день, когда пріѣхалъ Виргинъ, послѣ того какъ баронъ Будбергъ вручилъ мнѣ письмо, которое ты послалъ съ нимъ для меня, я сдѣлалъ слѣдующее. Этотъ милый баронъ былъ у меня лишь спустя полтора дня послѣ пріѣзда въ Петербургъ. Онъ извинялся за это промедленіе, объясняя его тѣмъ, что долженъ былъ съѣздить въ Царское Село, а кромѣ того распросы и разговоры съ императрицей и министрами заняли у него много времени. Я просилъ его передать г. Маркову, что желалъ бы имѣть съ нимъ разговоръ у князя Зубова, и на слѣдующій день утромъ я получилъ приглашеніе на ужинъ къ его сіятельству въ Царское. Тамъ былъ Марковъ. Онъ встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями и началъ поздравлять меня. Князь оказалъ мнѣ такой же пріемъ, хотя съ нѣкоторою свойственною ему сдержанностью, которая въ данномъ случаѣ могла истекать еще изъ другихъ обстоятельствъ. Я сохранилъ въ тайнѣ свой продолжительный разговоръ съ графомъ Остерманомъ, который состоялъ отчасти въ любезностяхъ, отчасти въ увѣреніяхъ съ моей стороны, что я не говорилъ съ нимъ ни слова объ этихъ переговорахъ и о другихъ дѣлахъ, которыя происходили въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ. Весь этотъ разговоръ велся лишь для формы и не имѣлъ никакого значенія. Другого рода была бесѣда съ княземъ Зубовымъ; я разскажу тебѣ о ней, какъ только буду имѣть удовольствіе тебя увидѣть. Пока же достаточно сказать слѣдующее. Онъ увѣрялъ, что императрица въ восхищеніи, что увидитъ столь дорогихъ родственниковъ, какъ король и его королевское высочество; она тебѣ очень благодарна за то, что своими совѣтами ты ускорилъ событіе, которое окажетъ такое вліяніе на спокойствіе и счастіе двухъ націй; теперь она

желаетъ только того, чтобы король и его королевское высочество не соскучились у нея. Она вполнѣ одобряетъ, что король и его королевское высочество предпочитаютъ путешествовать инкогнито, потому что такимъ образомъ они будутъ менѣе стѣснены и могутъ видѣться чаще и безъ стѣснительныхъ формальностей. Императрица была также очень рада, я это хорошо видѣлъ, что король и его королевское высочество пожелали помѣститься въ моемъ домѣ, потому что такимъ образомъ легче сохранить инкогнито, другая же причина, о которой умалчивали, заключалась въ томъ, что необходимо было бы выселить слишкомъ много лицъ и даже часть императорской фамиліи, для того чтобы приготовить достойное помѣщеніе для его величества. Говорили много о вкусахъ его величества и о томъ, какія удовольствія онъ больше предпочитаетъ. Императрица очень озабочена вопросомъ о томъ, какъ я помѣщу короля, его королевское высочество и ихъ многочисленную свиту въ своемъ небольшомъ домѣ, и по близости его мнѣ предлагаютъ всевозможное содѣйствіе, лишь бы только помѣщеніе мое это допускало. Меня спрашивали, сколько потребуется лошадей для васъ, причемъ на нѣкоторые предложенные мнѣ вопросы я могу отвѣтить только тогда, когда получу отъ тебя болѣе подробныя инструкціи, которыя, по моимъ соображеніямъ, передастъ мнѣ нашъ другъ Шверинъ. О нашихъ политическихъ дѣлахъ и переговорахъ мы коснулись лишь слегка, я сдѣлалъ это нарочно, потому что мнѣ не казалось особенно выгоднымъ разговаривать объ этомъ съ княземъ Зубовымъ, такъ какъ изъ такого разговора нельзя извлечь много пользы. Мы много разсуждали о положеніи дѣлъ въ Европѣ, причемъ я былъ очень удивленъ, что мнѣніе г. Зубова о Франціи значительно измѣнилось сравнительно съ прежнимъ. Г. Марковъ, который во время этого разговора удалился, вернулся опять, и мы съ нимъ очень откровенно бесѣдовали о томъ, чтобы король остался доволенъ своимъ путешествіемъ. Онъ согласился съ этимъ, повидимому, совершенно искренно, хотя въ политикѣ невозможно искоренить разныя «если» и «но» и всевозможныя ограниченія, которыя происходятъ изъ желанія дать какъ можно меньше и получить столько, сколько возможно. Думать иначе доказывало бы только незнакомство съ русскимъ министерствомъ и вообще со всѣми кабинетами. Онъ не доплатилъ намъ около 600.000 riksdaler субсидіи, я думаю, что мы можемъ получить эту сумму если не всю заразъ, то по крайней мѣрѣ безъ большаго убытка, и это одно уже стоитъ поѣздки въ Петербургъ. Здѣсь желаютъ назначить коммиссію для установленія границы, и я очень жалѣю объ этомъ, такъ какъ эти коммиссіи никогда ничего не кончаютъ. Я предложилъ взять хорошую карту (ты долженъ запастись ею, мой добрый другъ), линейку и компасъ и устроить совѣщаніе между представителями обѣихъ сторонъ, которые должны приступить къ дѣлу съ благими намѣреніями и быть

знакомыми съ мѣстностью, а также съ политическими и военными интересами обѣихъ странъ. Но теперь я не долженъ говорить съ тобой обо всемъ этомъ. Намъ придется достаточно обсуждать эти вопросы, когда я буду имѣть счастіе тебя видѣть, и какъ мало останется тогда времени для дружбы! Однако я не могу пройти молчаніемъ, что въ какую сторону ни повернули бы переговоры—въ болѣе выгодную или менѣе, во всякомъ случаѣ главная цѣль короля будетъ достигнута, если только между обѣими странами возстановится доброе согласіе на стойкихъ и прочныхъ основахъ. Швеція не нуждается въ побѣдахъ, ей предстоитъ еще много труда, чтобы побѣдить свою почву и климатъ,—она должна только поддержать свою независимость и конституцію. Нами часто пользовались какъ застрѣльщиками для нападенія на эту имперію, и за эту ошибку мы поплатились потерею нашихъ провинцій и благосостояніемъ. Если эта держава должна ослабнуть и погибнуть, то это случится не вслѣдствіе нападеній ея сосѣдей, но благодаря ея громадности, духу завоеванія и недостаткамъ ея управленія. Теперь же, мой добрый другъ, перейдемъ къ тому, что должно занимать насъ въ данный моментъ.

«Рѣшено, что король и его королевское высочество будутъ жить въ Петербургѣ инкогнито, но кромѣ этого мнѣ надо знать во-первыхъ, подъ какимъ именемъ они будутъ путешествовать и, во-вторыхъ, подробный списокъ лицъ, которыя будутъ ихъ сопровождать, и ихъ слугъ. Я долженъ знать также ливрею короля и всѣхъ лицъ, которыя съ нимъ пріѣдутъ. Очень важно, дорогой другъ, чтобы насколько возможно ограничить количество слугъ, которые здѣсь большею частью бываютъ безполезны, такъ какъ не знаютъ ни языка, ни мѣстности. Король и его королевское высочество могутъ пріѣхать въ городъ на извозчикахъ (iswoschick), и я озабочусь приготовленіемъ для нихъ двухъ простыхъ удобныхъ каретъ на случай, если они не пожелаютъ воспользоваться каретами двора или моимъ экипажемъ. Поваровъ и оффиціантовъ (office) совсѣмъ не надо. Я имѣю очень хорошаго повара, и если король пожелаетъ, то каждый день можно сервировать столъ на сто персонъ. Моему повару я обязанъ даже половиной своей репутаціи и друзей, онъ доставилъ бы мнѣ ихъ еще больше, еслибъ я не умѣрялъ его усердія. Для короля такъ же какъ и для меня это составитъ большую экомію въ расходахъ.

«Затѣмъ я долженъ знать число почтовыхъ лошадей, которыя необходимы королю въ дорогѣ (объ этомъ меня постоянно здѣсь спрашиваютъ), а также число каретъ, которое необходимо здѣсь нанять для лицъ его свиты. Я позволю себѣ по этому поводу предложить, чтобы всѣ кучера были одѣты одинаково въ синій костюмъ русскаго покроя, обшитый широкимъ серебрянымъ галуномъ съ желтымъ поясомъ (кушакомъ). Карета короля будетъ отличаться отъ

кареты его королевскаго высочества только тѣмъ, что будетъ запряжена въ восемь лошадей. Я непремѣнно долженъ получить приказанія обо всемъ этомъ, чтобы можно было заказать платье къ сроку. Кстати, сообщи мнѣ, какъ будетъ одѣтъ король и его спутники. Я долженъ предупредить тебя, что короткое платье здѣсь не въ модѣ. Я его носилъ сначала, но потомъ былъ вынужденъ бросить, такъ какъ императрица его не выноситъ, находя, что оно недостаточно длинно сзади. Куртки, которыя вошли въ моду, дѣйствительно нѣсколько длиннѣе, но по покрою онѣ похожи на одежду русскаго солдата, которую ввелъ князь Потемкинъ, заимствовавъ ее отъ австрійскихъ солдатъ, хотя и русскіе и австрійскіе офицеры надѣваютъ ее лишь изрѣдка, когда бываютъ въ полку. Я не нахожу неудобнымъ, чтобы король одѣвался въ длинное платье, если онъ этого пожелаетъ, такъ какъ надо сообразоваться съ обычаями той страны, гдѣ находишься, и такъ какъ кромѣ того у короля есть полки, которые носятъ длинное платье. Но всего лучше, дорогой мой другъ, явиться здѣсь въ мундирѣ и если возможно, то всѣмъ въ одинаковыхъ мундирахъ. Въ прежнее время въ нашей арміи былъ очень простой, вполнѣ военный и очень красивый костюмъ, именно тотъ, который носилъ Карлъ XII и его драбанты. Такая простота будетъ выгодно отличаться въ глазахъ русскихъ отъ всей пестроты, мишуры, или какъ ее тамъ зовутъ, отъ всей роскоши одежды, которую вы здѣсь увидите. Тогда будутъ говорить, что характеръ обоихъ націй выражается даже въ одеждѣ. Почему бы и тебѣ, во время пребыванія здѣсь, не носить мундира или форменнаго платья?

«Наше придворное платье хорошо въ Швеціи, а внѣ страны оно покажется слишкомъ бѣднымъ, такъ какъ видъ его невольно напоминаетъ прежній, пышный костюмъ Бургундіи, съ которымъ наше платье, сшитое изъ обыкновенной матеріи, имѣетъ сходство только по покрою. Но ливреи, по моему, красивѣе, потому что короче, и я ихъ оставилъ попрежнему для своей прислуги. Объ одеждѣ сказано уже достаточно [1]). Впрочемъ я забылъ сказать, что императрица врагъ чернаго цвѣта. Теперь мнѣ остается только, дорогой мой другъ, отвѣтить на твой вопросъ относительно подарковъ, какіе нужно поднести. Что касается этого, здѣсь нѣтъ никакого ограниченія, хотя границы слѣдуетъ поставить; мы были бы очень счастливы, если бы могли найти золотую средину между чрезмѣрной расточительностью, такъ какъ она все-таки необходима, и самой строгой экономіей. Кромѣ того, слѣдуетъ принять

---

[1]) Кн. Адамъ Чарторыйскій разсказываетъ (Memoires, I, 119), что костюмъ шведовъ, походившій на испанскую одежду, особенно понравился при русскомъ дворѣ (см. у Брикнера, „Вѣстн. Евр.“ 1890, IX, 8).

во вниманіе, что здѣшніе министры и придворные чрезвычайно избалованы въ этомъ отношеніи. Что касается императрицы, то для нея не надо выбирать чего нибудь роскошнаго, но всего лучше какую нибудь рѣдкость, напримѣръ красивыя вазы или столы изъ шведскаго порфира, фарфоръ или какой нибудь античный медальонъ съ рѣзьбой (античную камею), такъ какъ она большая любительница этихъ вещей. Самымъ пріятнымъ подаркомъ, какой его величество можетъ ей сдѣлать, будетъ конечно портретъ короля. Здѣсь въ настоящее время находится превосходный портретистъ г-жа Ле-Бренъ (Le Brun), которая могла бы написать портретъ, но мнѣ кажется, это удобнѣе исполнить въ Швеціи. Г-жа Бренъ за самый маленькій портретъ беретъ полторы тысячи рублей, судите же, сколько долженъ заплатить ей король. Для удобства я прилагаю небольшой списокъ лицъ, который король, по всей вѣроятности, пожалуетъ подарками, но кромѣ того всегда надо ожидать чрезвычайныхъ и непредвидѣнныхъ случаевъ. Этотъ списокъ можно еще пополнить орденами, но шведскіе ордена драгоцѣннѣе брильянтовъ и слѣдуетъ опасаться, какъ-бы не возникъ обмѣнъ орденовъ между нами и Россіей. Не дай Богъ, чтобы русскіе ордена когда нибудь вошли въ моду въ Швеціи. Виргинъ сообщилъ мнѣ, что изъ Стокгольма послали въ Берлинъ за подарками. Если чего нибудь не хватитъ, то вы легко достанете это здѣсь, потому что въ Петербургѣ теперь есть все лучшее въ этомъ родѣ, напримѣръ брильянты, которые здѣсь не дороже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Надо спѣшить, прощай, мой лучшій другъ. Виргинъ хочетъ взять дилижансъ, чтобы застать еще васъ въ Стокгольмѣ, я также намѣреваюсь отправиться въ Ловизу или въ Гельсингфорсъ, какъ только меня увѣдомятъ о днѣ твоего прибытія туда. Виргинъ надѣется, что ты пошлешь его немедленно сюда или возьмешь съ собой. Дѣйствительно, трудно найти болѣе милаго юношу и болѣе проворнаго курьера, чѣмъ онъ. Я привезу съ собой своего друга Шенборна и захвачу нѣкоторую сумму денегъ русской монетой. Я думаю, ты очень доволенъ, что король пріѣдетъ сюда только черезъ двѣ недѣли. Мнѣ кажется, что и здѣсь не особенно огорчены этой отсрочкой, такъ какъ теперь заняты приготовленіями, которыя требуютъ много времени. Если я пропустилъ въ письмѣ что нибудь важное, то тебѣ скажетъ это податель письма. Повергни къ ногамъ короля и его королевскаго высочества ихъ покорнаго слугу. Прощай. Какъ я счастливъ, что увижу и обниму тебя».

А затѣмъ въ припискѣ:

«Ты не можешь представить, мой дорогой другъ, какъ здѣсь тобой довольны. Будбергъ разсказываетъ каждому, что путешествіе не со-

стоялось бы безъ тебя [1]). Князь Зубовъ и Марковъ точно также разсыпаются въ похвалахъ тебѣ. Это для тебя довольно безразлично, но важно то, по моему глубокому убѣжденію, что ты сослужилъ большую службу своему королю и отечеству, если бы даже здѣшніе переговоры и не оказались такъ счастливы, какъ мы этого желаемъ. Вопросъ лишь въ томъ, чтобы не поссориться съ Франціей, но, мнѣ кажется, этого можно избѣжать. Извини, мой другъ, за мой плохой почеркъ. Моя рука опять онѣмѣла, а состояніе моихъ нервовъ страшно удручаетъ меня. Передай мой горячій привѣтъ Эссену. Прощай, мой добрый другъ [2]).

Какъ было условлено, 1 (12) августа Густавъ Адольфъ и герцогъ зюдерманландскій, путешествовавшіе подъ именемъ графа Гаги и графа Ваза, съ многочисленной свитой отправились моремъ изъ Стокгольма въ

---

[1]) Бар. Будбергъ въ этомъ случаѣ повторялъ только то, что писалъ генералъ Будбергъ графу Маркову: „успѣхомъ въ этомъ дѣлѣ обязанъ я главнымъ образомъ усердію и энергіи, которыя употреблялъ баронъ Рейтергольмъ чтобы устранить затрудненія, препятствовавшія его благопріятному окончанію. Упорный во всемъ, что принимается, онъ въ настоящее время настолько же стоитъ за союзъ съ Россіею, на сколько мѣшалъ его осуществленію нѣсколько времени назадъ". (Сб. Ист. Об. IX, 290).

[2]) Къ письму приложена приблизительная смѣта расходамъ короля въ Петербургѣ. Нельзя сказать то, чтобы Стедингъ не соблюдалъ экономіи въ распредѣленіи суммъ, потребныхъ для подарковъ, путешествія короля и проч.: общій итогъ доведенъ до minimum'а.

Князю Зубову подарокъ на память, въ видѣ табакерки съ портретомъ (boite á portrait) или брильянтовое кольцо солитеръ, цѣною въ рубляхъ	20,000
Графамъ: Остерману, Безбородко и Маркову, каждому по табакеркѣ съ портретомъ, цѣною въ 8.000 р., всего на сумму .	24,000
Г. оберъ-камергеру, оберъ-шталмейстеру и оберъ-гофмаршалу, каждому подарокъ цѣною въ 6.000 р., всѣмъ на сумму . . .	18,000
Гофмаршалу высочайшаго двора, с.-петербургскому губернатору и генералъ-губернатору Финляндіи (Commandant général en Finlande), каждому подарокъ цѣною въ 4.000 р., всѣмъ на сумму.	12,000
Дежурному камергеру, камеръ-юнкеру и другимъ лицамъ, которыхъ нельзя перечислить навѣрное, 10 подарковъ, изъ коихъ 5 по 3.000 р. каждый и 5 другихъ по 2.000 р., всего.	25,000
Приблизительно десять подарковъ меньшаго размѣра, каждый цѣною въ 1.000 р. и ниже, всего	10,000
Расходъ разнаго рода, для стражи, лакеевъ, конюховъ, всего вмѣстѣ 10 тысячъ дукатовъ, золотыхъ.	45,000
Расходъ по путешествію отъ границы до Санктъ-Петербурга и обратно, равно какъ пребываніе въ Петербургѣ	50,000
Всего въ рубляхъ	204,000

или приблизительно отъ 112 до 115.000 риксдалеровъ гамбургскаго банка.

Або. Здѣсь на границѣ Финляндіи ждали ихъ съ привѣтствіемъ Екатерины II, камергеръ высочайшаго двора графъ Віельгорскій и баронъ Будбергъ Графъ Віельгорскій имѣлъ къ королю шведскому письмо императрицы, и для врученія послѣдняго обратился къ содѣйствію барона Рейтергольма.

Изъ Або высокіе путешественники продолжали дорогу сухимъ путемъ до Петербурга, куда прибыли 3(14) августа. Здѣсь ихъ ожидалъ самый дружественный, самый роскошный пріемъ [1]). Екатерина II, была такъ счастлива исполненіемъ своего желанія, что по полученіи извѣстія о выѣздѣ короля шведскаго изъ Стокгольма, послала генералу Будбергу знаки ордена св. Александра Невскаго. Самъ Будбергъ не сопровождалъ путешественниковъ: онъ мотивировалъ свое пребываніе въ Стокгольмѣ необходимостью поддерживать интересы обоихъ дворовъ въ отсутствіе короля и регента, на что давно уже испросилъ разрѣшеніе императрицы. Свита короля была довольно многочисленна. Характеризуя наиболѣе замѣчательныхъ лицъ, генералъ Будбергъ дольше всего останавливался на личности барона Флеминга. «Хотя баронъ Флемингъ, первый камеръ-юнкеръ,—говоритъ онъ,—не находится на службѣ, тѣмъ не менѣе не рѣшились исключить его изъ свиты въ томъ соображеніи, что король питаетъ къ нему большую дружбу и довѣріе. Чувства эти столь сильны, что враждебная правительству партія разсчитываетъ на него какъ на своего главнаго дѣятеля» [2]). А въ другомъ мѣстѣ: «Въ свитѣ есть одинъ молодой человѣкъ, осторожный и скрытный, который можетъ со временемъ сдѣлаться опаснымъ могущественному Рейтергольму. Это баронъ Флемингъ».

Торжественное свиданіе монарховъ состоялось два дня спустя послѣ пріѣзда. Оно произошло по спеціальной программѣ, выработанной императрицею собственноручно и предложенной ею въ видѣ вопросовъ генералу Будбергу.

«Пишу для вашей памяти то, что я желала бы знать навѣрное, и то, въ чемъ вы будете условливаться съ шведскимъ посломъ: 1) какъ король желаетъ быть принятымъ, оффиціально, или нѣтъ? Ежели онъ пріѣдетъ подъ именемъ графа Гаги, какъ король его отецъ, то я полагаю, что онъ пожелаетъ тогда быть принятымъ не оффиціально, какъ дорогой родственникъ. Это не представитъ ни малѣйшихъ затрудненій и

---

[1]) «...Онъ (король) былъ принятъ такъ, какъ никакого государя никогда не принимали ни при одномъ иностранномъ дворѣ». (Изъ письма неизвѣстнаго лица графинѣ Сенъ-При; «Сб. Ист. Об.», IX, 343). Сама государыня была озабочена встрѣчею гостей и писала къ с.-петербургскому генералъ-губернатору Н. П. Архарову: «Николай Петровичъ, держи ухо востро» («Рус. Арх.» 1866, 462).

[2]) «Сборн. Истор. Обозр.» IX, 293, 294.

*

позволитъ мнѣ облегчить первый шагъ къ знакомству; 2) какимъ образомъ пожелаетъ король познакомиться со мной? Въ томъ случаѣ, если посолъ не получитъ приказаній на этотъ счетъ, вы ему предложите слѣдующее:

3) Я прибуду въ городъ въ день, назначенный для свиданія, и направлюсь въ Эрмитажъ между 6-ю и 7-ю часами вечера. Король подъѣдетъ къ большой лѣстницѣ, ведущей въ Эрмитажъ, близъ мостика черезъ каналъ вдоль набережной. Маршалы двора встрѣтятъ его у начала лѣстницы. Только высшіе чины двора будутъ встрѣчать короля, начиная съ лѣстницы вплоть до моей комнаты. Король зайдетъ ко мнѣ, если онъ этого пожелаетъ, вмѣстѣ съ регентомъ, а свита его останется съ высшими чинами двора въ залѣ, по сосѣдству съ моей комнатой. Послѣ первыхъ привѣтствій, я попрошу короля перейти въ бильярдную, гдѣ будутъ находиться только мои внуки со своими супругами и мои внучки съ гувернантками. Я ихъ представлю королю. Потомъ войдетъ свита его величества, которую онъ мнѣ назоветъ, а я ему назову свою. Когда это будетъ сдѣлано, я предложу королю перейти въ прежнюю залу Эрмитажа, гдѣ все приготовятъ для маленькаго бала, въ родѣ тѣхъ, которые посолъ имѣлъ случай видѣть столько разъ.

«Если королю будетъ угодно танцовать, онъ откроетъ балъ менуетомъ съ великой княгинею Елизаветой, если же онъ не пожелаетъ танцовать одинъ, тогда великій князь Александръ съ великой княжной Анной и Константинъ съ одной изъ сестеръ своихъ будутъ тоже танцовать менуетъ, для того чтобы лучше сохранить инкогнито. Если же королю не будетъ угодно танцовать въ началѣ бала, его откроютъ полонезомъ, какъ вообще дѣлается. Я думаю, что при подобныхъ распоряженіяхъ можно будетъ избѣгнуть всякихъ затрудненій, и его величество познакомится со всѣми нами, самъ не замѣчая того; въ особенности если король не пожелаетъ подвергнуть себя этикету, принятому въ Эрмитажѣ, съ тѣхъ поръ какъ послѣдній существуетъ, а именно находиться въ немъ безъ всякой церемоніи, безъ стѣсненія, садясь гдѣ угодно и не вставая ни для кого. Послѣ бала сервированъ будетъ ужинъ, а потомъ маленькій спектакль, или продолженіе бала, въ зависимости отъ того, утомился ли его величество или нѣтъ.

«Въ Эрмитажѣ три человѣка, за однимъ столомъ, имѣютъ одинъ билетъ. Король можетъ выбирать или не выбирать своихъ сосѣдей, равно какъ въ театрѣ послѣ ужина»

Въ назначенный день всѣ присутствующіе были въ парадной формѣ. Шведскихъ гостей встрѣтили при входѣ Зубовъ и оберъ-гофмаршалъ князь Барятинскій. Двери въ покой императрицы были для герцога и короля растворены вице-канцлеромъ графомъ Остерманомъ. Престарѣлая Екатерина встрѣтила своихъ гостей съ необычайной и искренней

привѣтливостью, глаза ея блистали отъ радости. Густавъ Адольфъ сразу очаровалъ всѣхъ [1]). По окончаніи представленій, балъ былъ открытъ минуетомъ, потомъ слѣдовалъ ужинъ, словомъ, все исполнено было какъ въ программѣ. Съ этого дня праздники смѣнялись праздниками, балы—спектаклями и вечерами. Петербургское общество, видя то удовольствіе, съ которымъ императрица старалась развлекать Густава Адольфа, не отставало въ различныхъ затѣяхъ. Дипломатическій корпусъ и аристократія наперерывъ старались давать королю великолѣпные праздники и увеселять его во все время его пребыванія. Государыня сама назначала дни, въ которые графы: Остерманъ, Безбородко, Самойловъ и Нарышкинъ, должны были устраивать балы, обѣды и ужины. Праздникъ, данный Безбородко 28-го августа, по словамъ участвовавшаго на немъ Державина, стоилъ 40.000 рублей.

Между тѣмъ переговоры шли своимъ чередомъ. Петербургское общество немножко поразила непобѣдимая молчаливость и постоянная меланхолія юнаго монарха, но потомъ объяснили это печальнымъ обстоятельствомъ, которое ознаменовало начало царствованія Густава IV, и рѣшили не обращать на это никакого вниманія. Наконецъ, вскорѣ обнаружилось, что шведскій король страстно влюбился въ великую княжну Александру. Произошло это послѣ нѣсколькихъ танцевъ на придворныхъ балахъ и двухъ невинныхъ прогулокъ подъ тѣнистыми сводами деревъ Таврическаго сада, когда впервые, безъ свидѣтелей прозвучало слово любви... Осчастливленный женихъ въ тотъ же день просилъ руки великой княжны у императрицы. Екатерина, не отвѣчая ничего положительнаго (она ссылалась на бракъ короля съ принцессою Мекленбургскою, оффиціально еще не расторгнутый), обѣщала дать королю отвѣтъ черезъ три дня, присовокупивъ, однако, что «вслѣдствіе личнаго къ нему расположенія, предложеніе это ей пріятно». Тотчасъ было написано и послано въ Гатчину письмо къ великому князю. Отвѣтъ конечно ждалъ короля благопріятный. Императрица и родители великой княжны соглашались на бракъ, но государыня кромѣ того обставляла его двумя условіями: «первое, что прежде всего имъ будетъ устранено затрудненіе, представляемое условіями съ Мекленбургскимъ домомъ, второе, что ея внука сохранитъ религію, въ которой она рождена и воспитана». Теперь, разумѣется, трудно судить, какой былъ разсчетъ императрицѣ сразу загромождать различными «условіями» дѣло, на половину выигранное ею съ пріѣздомъ короля, но впослѣдствіи она сознавалась, что «съ этихъ поръ только со стороны самого графа Гаги возбуждено множество затрудненій» [2]); напро-

[1]) Чумиковъ. Сватовство Густава IV Адольфа, «Русск. Архивъ», 1887 I, 76—77. См. также „Сб. Ист. Общ.“ XXI; 690, 691.

[2]) „Сб. Ист. Общ.“ IX, 300, 301

тивъ, «регентъ и его приближенные не встрѣчали никакихъ и надѣялись устранить и тѣ, которыя находилъ король». Однако на первыхъ порахъ все шло прекрасно. Предвидя однако возможность возобновленія подобныхъ «сомнѣній», Екатерина приказала составить «отдѣльную статью договора, которая бы обезпечивала королевѣ свободу совѣсти и свободное исповѣдываніе религіи, въ которой она рождена и воспитана» [1]). Мало того, она написала королю письмо, въ которомъ съ очень малой убѣдительностью, но большимъ педантизмомъ, переводила несложный вопросъ о вѣроисповѣданіи великой княжны на почву особо-государственной важности. Король, увлеченный своимъ чувствомъ, не прочелъ письма, или если прочелъ его, то не обратилъ особеннаго вниманія. Въ то же время было сообщено мекленбургскому двору объ отказѣ шведскаго короля жениться на принцессѣ мекленбургской, а частыя свиданія Густава-Адольфа съ высоконареченной невѣстой побудили императрицу назначить день обрученія. Этому событію предшествовалъ разговоръ короля съ великой княгиней Маріей Ѳедоровной, безъ котораго не совсѣмъ станетъ понятно словесное предложеніе, сдѣланное императрицею герцогу-регенту. Вотъ этотъ разговоръ въ томъ видѣ, въ какомъ его записала для Екатерины II сама великая княгиня:

«... Я начала съ того, что сказала ему, какъ груститъ малютка, видя его печальнымъ, какъ безпокоится о немъ, и просила говорить со мной откровенно, какъ съ другомъ. Онъ возразилъ: «Я уже просилъ ее успокоиться сказавъ ей, что нѣтъ ничего опаснаго».

Затѣмъ, поблагодаривъ меня за дружбу, которую я ему оказываю, прибавилъ:

— Когда она будетъ у меня въ Стокгольмѣ, настанетъ конецъ всѣмъ моимъ печалямъ.

Тогда, уловивъ его на словѣ, я отвѣчала:

— Но вы еще долго не будете видѣться. Вы взаимно любите другъ друга (этому предшествовало множество увѣреній въ дружбѣ съ обѣихъ сторонъ и сожалѣній о предстоящей разлукѣ), и я предвижу, что вы станете тосковать по ней, а она по васъ; будете взаимно тревожиться. Сочтемъ примѣрно, сколько мѣсяцевъ проведете вы въ разлукѣ?

Насчитали восемь мѣсяцевъ и при этомъ у молодаго человѣка навернулись слезы на глазахъ.

— Это очень долго, прибавила я.

Онъ мнѣ сказалъ: «О да, очень долго!»

Тогда у меня точно молнія блеснула въ умѣ, и я сказала:

— Вы говорите, что ваши печали окончатся, когда она будетъ съ вами въ Стокгольмѣ! Почему же бы вамъ не ускорить этой минуты?

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.“ IX 302.

На это онъ возразилъ: «Я очень бы этого желалъ, но для этого существуютъ только два времени года: осень и весна,—зимою же это невозможно.

— Но, замѣтила я смѣясь,—отчего бы вамъ не жениться теперь?

Онъ отвѣчалъ: «дворъ не въ полномъ сборѣ и аппартаменты не готовы».

— О, возразила я,—что касается до двора, его собрать недолго, а если кто кого любитъ, тотъ не обращаетъ вниманія на аппартаменты. Вы женитесь, малютка поѣдетъ съ вами—и дѣло съ концомъ.

Тогда онъ отвѣчалъ: «Но море опасно».

Тутъ подала голосъ Александрина: «Съ вами, — сказала она, — я всегда буду считать себя въ безопасности».

Это весьма тронуло короля, у котораго во все продолженіе разговора были слезы на глазахъ.

Я ему сказала: «Довѣртесь мнѣ, Густавъ. Вы говорите, что желали бы поскорѣе видѣть окончаніе дѣла?»

— Очень бы этого желалъ,—отвѣчалъ онъ,— но это зависитъ отъ герцога.

Тогда я сказала: «Что же, хотите ли, Густавъ, чтобъ я переговорила съ императрицей? Принимаю это на себя, и, конечно, ея величество васъ не скомпрометируетъ».

Онъ отвѣчалъ: «Да, но только, чтобы она сдѣлала предложеніе регенту какъ бы отъ себя, но отнюдь не отъ меня».

Это онъ сказалъ съ большимъ чувствомъ и съ радостью; очень ласково благодарилъ меня, и разговоръ прервался увѣреніями въ дружбѣ и нѣжности съ малюткою. Онъ часто цѣловалъ ей руки, обнималъ ее, говорилъ самыя нѣжныя вещи. Хорошее расположеніе духа до такой степени овладѣло его сердцемъ, что это отразилось и за ужиномъ, за которымъ онъ былъ разговорчивъ и ласковъ съ малюткой даже при постороннихъ. Онъ меня увѣрялъ, что никому не скажетъ, о чемъ мы говорили» [1]).

День обрученія назначенъ былъ на 21-ое сентября. Оставалось оформить нѣкоторыя обязательства, касающіяся собственно брака. О нихъ заблаговременно позаботилась императрица въ словесномъ своемъ предложеніи, сдѣланномъ графу Ваза (герцогу зюдерманландскому):

1-ое. Составить въ четвергъ договоръ, между нами раньше условленный.

2-ое. Я говорила: Девятимѣсячный срокъ по-моему слишкомъ длиненъ. Мнѣ казалось, что между друзьями и родственниками было бы полезно, пріятно и даже необходимо его уменьшить. Поэтому я предла-

[1]) „Рус. Старина“ 1874 г., IX, 481—484.

гала, чтобы первымъ актомъ короля, при наступленіи его совершеннолѣтія, было бы назначеніе посла, который въ эту же осень явился къ великой княжнѣ, будущей супругѣ его величества. Прибывъ сюда, посолъ, уполномоченный королемъ, во имя его, женился бы заочно на моей внучкѣ; тотчасъ послѣ церемоніи будущая королева уѣхала бы въ Або. Адмиралъ Стедингъ и прочіе моряки занялись бы составленіемъ плана путешествія, для чего надлежало потребовать ихъ письменнаго мнѣнія.

3-ое. При подобныхъ распоряженіяхъ, можно избѣгнуть большаго количества издержекъ и формальностей.

Присовокупляю отвѣты на слышанныя мною возраженія и смѣю надѣяться, что они будутъ способствовать къ устраненію тѣхъ затрудненій, которыя могутъ возникнуть при обсужденіи названныхъ предложеній.

Первое, какъ между нами уже условленное, не подлежитъ обсужденію. Второе, съ сегодняшняго дня по 1-е ноября н. с. осталось шесть недѣль, промежутокъ достаточно длинный, чтобы выбрать посла, которому будетъ приказано готовиться къ отъѣзду и какъ можно скорѣе прибыть сюда. Касательно поздняго времени года, то отвѣтъ на это слѣдующій: тысяча людей ѣздитъ и благополучно совершаетъ путешествіе. Противъ холода у насъ есть шубы и другія теплыя одежды. Обыкновенный переѣздъ моремъ не длиненъ, и даже тотъ путь, который избрали графы, не затруднителенъ и вполнѣ доступенъ. Остается лишь сказать о помѣщеніи короля, еще не совсѣмъ готовомъ. Ежели послѣднее (по величинѣ своей) двойное, то никакихъ затрудненій не предвидится. Королева приноситъ съ собой полную обстановку, почему, если явится необходимость, то этотъ отдѣлъ ея приданаго можно будетъ выслать впередъ. По прибытіи на мѣсто, въѣздъ королевы совершится со всей помпой и торжествомъ, къ которымъ привыкла шведская нація. Въ случаѣ недостатка въ экипажахъ, таковые найдутся вѣроятно среди вещей, привезенныхъ ею.

По пріѣздѣ своемъ, будущая королева, вмѣстѣ со своимъ супругомъ королемъ, примутъ брачное благословеніе по обряду лютеранскому, и все окончится безъ всякихъ затрудненій и расходовъ для обоихъ государствъ; тѣ же самыя приготовленія, которыя готовятся по случаю совершеннолѣтія короля, послужатъ съ нѣкоторыми измѣненіями и къ бракосочетанію, доставя удовольствіе всѣмъ, не исключая и меня.

Въ четвергъ 21-го сентября, въ день назначенный для обрученія, въ полдень собрались шведскіе и русскіе уполномоченные, чтобы подписать договоръ. Со стороны короля должны были быть регентъ и трое государственныхъ чиновъ [1]), а съ русской стороны члены императорской фа-

[1]) Рейтергольмъ, Стедингъ и Эссенъ.

милiи и министры [1]), въ томъ числѣ: генералъ графъ Салтыковъ и генеральша Ливенъ. Договоръ заключался въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Чтобы навѣки ознаменовать возстановившееся нынѣ согласіе и скрѣпить еще болѣе узы семейные и родства, существующіе между государями, король, восхищенный блестящими качествами, соединившимися въ лицѣ ея императорскаго высочества великой княжны Александры Павловны, избралъ ее въ свои супруги. Въ виду того, что его величество просилъ лично руки великой княжны у императрицы и у августѣйшихъ родителей принцессы и получилъ на то согласіе какъ великаго князя и великой княгини, такъ равно и самой великой княжны, контрактующими сторонами было условлено, что предложеніе его величества и отвѣтъ на него войдутъ въ особую статью, составляющую отдѣльную часть настоящаго договора. Кромѣ того, было постановлено, что статья эта послужитъ формальнымъ условіемъ брака между его величествомъ королемъ шведскимъ и ея императорскимъ высочествомъ великой княжной Александрой, безъ необходимости какой-либо новой санкціи или новаго полномочія на этотъ предметъ. Что же касается другихъ параграфовъ къ утвержденію, равно какъ распоряженій по устройству свадьбы и путешествія ея императорскаго высочества, то послѣднія будутъ установлены заблаговременно до отъѣзда.

«Въ утвержденіе вышеизложеннаго, мы нижеподписавшіеся, полномочные министры, скрѣпляемъ настоящую особую статью во имя правъ нашихъ (en vertu de nos pleins pouvoirs) собственноручною подписью и приложеніемъ печатей герба нашего» [2]).

Къ великому удивленію русскіе увидѣли, что отдѣльной статьи, касающейся свободы вѣроисповѣданія великой княжны Александры, нѣтъ въ числѣ актовъ [3]). Они спросили у шведовъ, куда они ее дѣвали. Тѣ имъ отвѣчали, что это распоряженіе короля, и что онъ хотѣлъ самъ объясниться объ этомъ съ императрицей. Уполномоченные

---

[1]) Остерманъ, Безбородко и Марковъ.

[2]) Написано Стедингомъ, исправлено Рейтергольмомъ (Стокг. Кор. Арх).

[3]) Эти и слѣдующія подробности я заимствую изъ собственноручнаго письма Екатерины II къ генералу Будбергу (Сб. Ист. Об. IX, 304 и дальше).

Отсутствіе настоящей статьи тѣмъ болѣе должно было показаться страннымъ, что содержанію ея посвящалась спеціальная записка Маркова, написанная имъ Рейтергольму за нѣсколько дней до обрученія. „Я представилъ императрицѣ,—пишетъ онъ,—отчетъ касающійся предложенія, сдѣланнаго мнѣ вчера вечеромъ вашимъ превосходительствомъ, совмѣстно съ двумя вашими коллегами. Ея величество находитъ, что чѣмъ болѣе было затрудненій и формальностей въ переговорахъ по предмету, о которомъ идетъ рѣчь, тѣмъ болѣе потребуется ясно и точно обставить этотъ вопросъ. По этому поводу она приказала мнѣ снова поставить на очередь обсужденіе онаго, прилагая къ нему статью въ томъ видѣ, въ которомъ она была редактирована впервые и представлена на совѣщаніяхъ. Отъ точнаго пониманія вышеупомянутой статьи будетъ зависѣть исходъ переговоровъ и заключеніе, которое сдѣлаетъ ея императорское величество, въ случаѣ ежели ея положенія и чувства по отношенію къ королю будутъ поняты такъ, какъ они этого заслуживаютъ. Примите“ и проч. (отъ 13-го сентября 1796 г. Стокг. Кор. Ар.).

ея величества тотчасъ послали ей сказать объ этомъ обстоятельствѣ. Было 4 часа послѣ обѣда. Императрица сообразила, что до обрученія не увидитъ ни короля, ни регента, а что послѣ обрученія будетъ уже слишкомъ поздно говорить объ этомъ. Итакъ она рѣшила послать тотчасъ же графа Маркова къ регенту и королю сказать имъ о необходимости, чтобъ эта статья, прежде обрученія, была подписана вмѣстѣ съ остальными статьями договора въ томъ видѣ, какъ о ней состоялось соглашеніе уполномоченныхъ. Онъ вернулся черезъ два часа съ плохими вѣстями, не добившись подписанія статьи. Тогда государыня продиктовала записку, которая содержала сущность отдѣльной четвертой статьи, и велѣла сказать регенту, что если король подпишетъ эти строки, продиктованныя ею, то императрица на время удовлетворится этимъ документомъ, но если онъ не подпишетъ, то это поведетъ къ важнымъ послѣдствіямъ. Названная же записка содержала слѣдующее:

«Я формально обѣщаю предоставить ея императорскому высочеству великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ, моей будущей супругѣ и королевѣ шведской, полную свободу совѣсти въ исповѣданіи религіи, въ которой она рождена и воспитана, и прошу ваше величество считать это обѣщаніе за самый торжественный и обязательный для меня актъ, который я только могу совершить». Графъ Марковъ пошелъ снова въ помѣщеніе короля и вмѣсто яснаго и откровеннаго отвѣта принесъ отъ короля письмо, написанное рукою его величества, составленное въ темныхъ, неопредѣленныхъ выраженіяхъ: «Такъ какъ я далъ уже ея императорскому величеству честное слово,—писалъ король,—что великая княжна никогда не будетъ стѣсняема въ дѣлѣ ея совѣсти и во всемъ томъ, что касается ея религіи, и ея величество, казалось, удовольствовалась этимъ, то я увѣренъ, что она не сомнѣвается нисколько въ томъ, что я знаю священныя обязанности, которыя возлагаетъ на меня это обѣщаніе, такъ что всякое другое письмо будетъ совершенно излишне. 11 (22) сентября 1796 года. Подписано: Густавъ Адольфъ». Ростопчинъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что Екатерина, выслушавъ отъ Маркова докладъ о шведскомъ королѣ, не могла выговорить ни слова и съ отвореннымъ ртомъ оставалась нѣсколько минутъ, пока камердинеръ ея, Зотовъ, извѣстный подъ именемъ Захара, принесъ и подалъ ей стаканъ воды. Оправившись, она встала съ мѣста въ великомъ гнѣвѣ и два раза ударила Маркова тростью, а Безбородкѣ сказала: «Я проучу этого мальчишку», потомъ сбросила съ себя мантію и измученно опустилась въ кресло.

Между тѣмъ, въ этотъ день былъ назначенъ еще балъ и ужинъ у великаго князя цесаревича. Можно судить, какъ чувствовали себя при такихъ условіяхъ члены императорской семьи и приближенные государыни. «Малютка рыдаетъ и именемъ Бога проситъ, чтобы ей не быть на

балѣ,—писала великая княгиня императрицѣ,—говоритъ, что чувствуетъ себя нездоровой. Я все-таки уговариваю ее одѣваться, но она проситъ меня ее оставить. Она очень разстроена». Императрица отвѣчала на это: «Такъ какъ я никакого разрыва не дѣлаю, а хочу только разъяснить дѣло, то у меня голова кругомъ пошла и я заболѣла,—вотъ и все. Я отложила собраніе до другого дня. Добраго вечера. Завтрашній день пойдетъ своимъ порядкомъ» [1]). Однако послѣдующіе дни были не лучше предыдущихъ. Король былъ угрюмъ и не податливъ. «Онъ постоянно повторяетъ слова Пилата: что написалъ, то я написалъ; я не измѣню никогда того, что я написалъ. При этомъ онъ былъ неучтивъ, упрямъ и упоренъ, не хотѣлъ даже ни говорить, ни слушать того, что ему говорили». Регентъ и шведскій посланникъ Стедингъ были въ отчаяніи.

Первый часто обращался къ королю по-шведски и представлялъ ему о послѣдствіяхъ его упрямства, но императрица слышала, что Густавъ отвѣчалъ ему съ гнѣвомъ. Второй попробовалъ снова прибѣгнуть къ тѣмъ доводамъ, которые еще такъ недавно мы читали въ его донесеніяхъ. Онъ умолялъ короля во имя блага народа и пользы короны не доводить дѣла до крайности. По словамъ шведскаго посла, оскорбленія и гнѣвъ императрицы могли увлечь ее до того, что она не только объявитъ войну Швеціи, но приметъ мѣры противъ личной свободы короля, который находится теперь въ ея власти. Наконецъ, подъ ружьемъ стоитъ 100.000 вполнѣ снаряженнаго войска, готоваго по первому знаку начать военныя дѣйствія. Но всѣ эти представленія не произвели никакого впечатлѣнія на Густава; онъ отвѣчалъ: «Я скорѣе подвергнусь всѣмъ личнымъ опасностямъ, чѣмъ рѣшусь идти противъ моей совѣсти».

— Но если, государь, дѣло идетъ о вашей коронѣ? возразилъ Стедингъ.

— Такъ пусть же лучше снимутъ съ моей головы корону—воскликнулъ король съ горячностью, сопровождаемой весьма выразительнымъ тѣлодвиженіемъ,—нежели я сдѣлаю что-либо противъ своихъ убѣжденій.

Удивленный такими рѣшительными словами,—говоритъ далѣе Чумиковъ [2]),—и видя, что угрозы личной опасности не дѣйствуютъ на короля, Стедингъ попытался тронуть въ немъ чувство сыновней любви и представилъ ему горькую участь, которая можетъ постигнуть его мать. «Вдовствующая королева, мать вашего величества,—говорилъ онъ,—можетъ подвергнуться оскорбленіямъ толпы. Взгляните на Францію....

---

[1]) „Русск. Стар.“ 1874. IX, 486.

[2]) «Русс. Арх.» 1887, I, 85—86. Оставляемъ этотъ разсказъ на отвѣтственности автора, такъ какъ онъ нигдѣ не дѣлаетъ соотвѣтствующихъ цитатъ.

Разъяренная чернь можетъ повлечь ее по улицамъ столицы, и Швеція сдѣлается поприщемъ тѣхъ ужасовъ, которые свирѣпствуютъ въ настоящее время въ той странѣ».

Эти слова не могли не опечалить короля; слезы потекли по его лицу и онъ со вздохомъ спросилъ: «Неужели мой отказъ повлечетъ за собой такія послѣдствія?»

— Непремѣнно, если ваше величество не одумаетесь,—отвѣчалъ Стединтъ. Къ чему же далѣе упорствовать? продолжалъ онъ. Существуетъ-ли нація или духовенство, которыя могли бы противиться желанію принцессы остаться при своей вѣрѣ; я увѣренъ, что во всей Швеціи не найдется и одного каплана [1]), который бы испытывалъ и половину вашего угрызенія совѣсти. Если уже она такъ сильно дѣйствуетъ въ васъ, то спросите совѣта у духовенства...

Такое заключеніе дало толчекъ новому направленію дѣла. Было рѣшено (и ничто уже не могло убѣдить короля въ противномъ), что скрѣпленіемъ брачнаго договора подождутъ до полученія подробнаго мнѣнія стокгольмской духовной консисторіи. На этомъ настаивалъ теперь король, а пока требовалъ скорѣйшаго выѣзда изъ Петербурга. Отъѣздъ назначенъ былъ на 22-ое сентября, или 1-ое октября новаго стиля.

Передъ отъѣздомъ состоялось послѣднее свиданіе короля съ императрицей. Оно ни чуть не улучшило, не измѣнило положенія дѣла. Король и императрица были оффиціально сухи, отдѣлывались комплиментами и только подъ конецъ, какъ бы для проформы, Густавъ IV выразилъ свое сожалѣніе, что «вопросъ о религіи вызвалъ препятствія исполненію его желаній». Императрица оживилась (быть можетъ еще разъ мелькнула въ ней надежда увидѣть мечту ея осуществленной) и отвѣчала королю: «вы должны сами знать, что вамъ слѣдуетъ дѣлать, и вольны дѣлать все, что вамъ угодно; но я не могу перемѣнить моего мнѣнія, а мнѣніе это таково, что вамъ вовсе не слѣдовало бы говорить о религіи; этимъ вы сами себѣ наносите большой вредъ, такъ какъ, если бы когда нибудь моя внучка была настолько слаба, что согласилась бы перемѣнить религію, знаете ли вы, что изъ этого вышло бы? Она потеряла бы всякое уваженіе къ себѣ въ Россіи, а вслѣдствіе того и въ Швеціи». Относительно послѣдняго король хотѣлъ оспорить мнѣніе императрицы, но она сказала ему: «пусть такъ, но на что же вамъ она, если она потеряетъ уваженіе къ себѣ въ Россіи». Это, повидимому, поразило Густава и онъ замолчалъ. Молчаніе продолжалось долго; потомъ поговорили о погодѣ, императрица предложила пригласить регента, король подошелъ къ двери, чтобы его позвать. Когда онъ вошелъ,

[1]) Пасторъ безъ прихода, также помощникъ пастора.

государи простились, императрица позвала свиту, и они удалились» [1]). Черезъ два дня шведскій король уѣхалъ, предварительно послалъ секретаря шведскаго посольства Женингса выразить великому князю и великой княгинѣ прощальныя привѣтствія корсля и регента [2]).

Баронъ **Н. В. Дризенъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Сб. Ист. Об. IX, 322, 323.

[2]) Регентъ, кромѣ того, написалъ весьма прочувственное письмо цесаревичу и его супругѣ, на которое тѣ отвѣчали выраженіями той же преданности и родственнаго участія (см. «Русс. Стар.» 1874, IX, 497 и дальше).

Рескриптъ Императора Александра I С.-Петербургскому гражданскому губернатору Пасевьеву о свободныхъ хлѣбопашцахъ.

9 іюня 1805 г.

При указѣ изъ Правительствующаго Сената получите вы въ свое время докладъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, мнѣ поднесенный и мною конфирмованный, объ условіяхъ, заключенныхъ санктпетербургскимъ помѣщикомъ статскимъ совѣтникомъ Шкуринымъ (Сергѣемъ) съ крестьянами, отпускаемыми имъ вѣчно и потомственно на волю.

Когда по содержанію сего доклада совершена будетъ, по установленному порядку, объ увольненіи сихъ крестьянъ запись, и когда вслѣдствіе того они поступятъ въ званіе свободныхъ земледѣльцевъ, вы не оставите принять къ особенному наблюденію вашему слѣдующее:

1) По новости сего состоянія нужно подтвердить земскому суду, въ зависимость коего по земской полиціи люди сіи поступить имѣютъ, чтобъ ограждаемы они были отъ всякаго притѣсненія и чтобъ во внутреннемъ распорядкѣ земель, въ собственность ими владѣемыхъ, никакого препятствія чинимо имъ не было; за чѣмъ и не оставите вы особенно наблюдать.

2) Если впослѣдствіи найдутъ они нужнымъ размежеваться отъ крестьянъ помѣщичьихъ, вы не оставите оказать имъ въ семъ потребную помощь и защиту. Когда же согласно условіямъ, съ ними заключеннымъ, приступятъ они къ раздѣленію собственныхъ ихъ земель на участки, вы доставите имъ къ сему нужные способы, отрядивъ къ нимъ землемѣра и принявъ въ наблюденіе, чтобъ въ раздѣлѣ семъ отъ одного другому обиды и неуравнительности допущено не было.

Сообщилъ **Г. И. Студенкинъ.**

Записки Михаила Чайковскаго [1]).

(Мехмедъ-Садыкъ паши).

XIV.

Дубровица.—графъ Плятеръ.—Станиславъ Ворцель.—Походъ на Ковель.—Поворотъ на Щацкія озера.—Любомль.—Ксаверій Браницкій.—Переходъ черезъ Бугъ.—Прибытіе въ Замостье.—Генералъ Хржановскій.—Приказы генерала Скржинецкаго.—Возвращеніе въ Замостье.—Пиръ.—Генералъ Крысинскій.

Извѣстія о подавленіи повстанья въ Овручскомъ и Радомысльскомъ уѣздахъ заставили Ружицкаго измѣнить первоначальное намѣреніе идти на Березну и оттуда чрезъ лѣса къ Мозырю. Мы повернули въ другую сторону, оставили Березну вправо и пошли на Дубровицу, имѣніе графа Плятера, гдѣ былъ монастырь и школа ксендзовъ піаровъ.

Графъ Плятеръ, какъ и Іосифъ Стецкій, лежалъ при смерти, но его сестра, особа весьма почтенная, встрѣтила насъ гостепріимно и разсказала намъ,что отрядъ Нарциза Олизара разбитъ подъ Владиміромъ и разсѣянъ, но что большая часть составлявшихъ этотъ отрядъ повстанцевъ со Станиславомъ Ворцелемъ во главѣ скрывается въ лѣсахъ. Пораженіе это объясняли тѣмъ, что командиры были приглашены, по случаю праздника Пасхи, къ сосѣднему помѣщику, куда они и отправились, а въ лагерь было привезено много провизіи и вина. Повстанцы пировали, а въ это время на нихъ внезапно напалъ эскадронъ конныхъ егерей и сотня донцовъ; убитыхъ

[1]) См. „Русскую Старину“ августъ 1896 года.

было мало, но много полу-пьяныхъ было взято въ плѣнъ, а командиры ушли въ лѣса и заграницу, въ Галицію; нѣкоторые успѣли даже бѣжать въ Царство Польское. Только одинъ Феликсъ Тржецякъ съ отрядомъ въ 40 человѣкъ пробился въ Галицію и оттуда, оставивъ австрійцамъ оружіе и лошадей, съ пѣшими людьми перешелъ въ Царство Польское.

Изъ Дубровицы мы двинулись къ Рафаловкѣ въ надеждѣ собрать свѣдѣнія о разсѣянныхъ повстанцахъ. Въ Рафаловкѣ былъ роскошный домъ Олизара, прекрасная библіотека, въ которой находились всевозможныя польскія и русскія сочиненія и даже заграничныя изданія. Самъ графъ былъ ловеласъ и даже Донъ-Жуанъ. Къ нему съѣзжались въ Рафаловку, какъ въ Эмсъ или Баденъ-Баденъ, дѣвицы безприданницы со своими двоюродными братьями и вдовушки со своими покровителями. Онъ за ними ухаживалъ, давалъ имъ приданое и выдавалъ замужъ.

Николай Ворцель, женатый на разведеной женѣ Олизара, говорилъ про него:

— Нарцисъ истинный меценатъ, онъ не только покровительствуетъ наукамъ, но и прекраснымъ Божьимъ созданіямъ.

Теперь его дворецъ былъ пустъ, въ немъ разгуливалъ вѣтеръ, но сюда явилось нѣсколько сосѣднихъ землевладѣльцевъ, отъ которыхъ мы получили вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія, что Станиславъ Ворцель и его товарищи скрываются въ ковельскихъ лѣсахъ около Владиміра; и что въ ихъ бандахъ числится около 500 человѣкъ.

Еще изъ Дубровицы Михаилъ Будзинскій и Антонъ Топчевскій были посланы взять сукно, заготовленное для уланской дивизіи, и дали квитанцію въ томъ, что приняли сукно по распоряженію полковника Ружицкаго, командира авангарда корпуса генерала Дверницкаго. Эта квитанція была послана управителемъ графа Плятера властямъ въ Кіевъ и была получена тамъ одновременно съ донесеніемъ подполковника Петерса о томъ, что онъ столкнулся съ десяти-тысячнымъ кавалерійскимъ корпусомъ (?), въ составѣ котораго были войска во французскихъ мундирахъ. За французскіе мундиры были приняты заячьи головные уборы двоихъ Петкецкихъ и фантастическіе лисьи и волчьи костюмы учениковъ Межирицкой школы. Тогда былъ отданъ приказъ 3-й гусарской дивизіи генерала Лашкарева пресѣчь намъ дорогу къ Бугу, а 2-й конно-егерской дивизіи генерала Слотвинскаго отрѣзать намъ путь въ Галицію и соединиться съ гусарами для совмѣстныхъ дѣйствій. При каждой изъ этихъ дивизій было по 12 орудій и по отряду пѣхоты [1]). Бердичевскіе шпіоны тотчасъ увѣдомили насъ о движе-

[1]) Не слѣдуетъ забывать, что все это писано авторамъ по слуху, и многіе изъ сообщаемыхъ имъ фактовъ далеко недостовѣрны. Ред.

ніи русскихъ войскъ и объ ихъ численности. Мы очутились въ критическомъ положеніи: отъ Царства Польскаго мы были отрѣзаны русскимъ войскомъ, броситься въ лѣса не могли, потому что пѣхота генерала Кайсарова съ нѣсколькими полками донцовъ была растянута отъ Кіева чрезъ Мозырь до Бобруйска, другіе русскіе отряды были расположены отъ Бобруйска до Брестъ-Литовска; возвратиться въ Подолію и на Украйну также было невозможно, потому что генералъ Ротъ, разбивъ и вытѣснивъ въ Галицію повстанцевъ и успокоивъ край, двинулся со своимъ корпусомъ къ Старо-Константинову и занялъ линію Случи до Новоградъ-Волынска и по направленію къ австрійской границѣ до Почаева.

Выйдя изъ Рафаловки, мы расположились отдохнуть у какой-то деревушки. Ружицкій сильно усталъ и задремалъ подъ деревомъ, Мартинъ Вылежинскій, который былъ очень вооруженъ помѣщиками противъ засѣдателя Каминскаго, сталъ просить начальника отдать въ его распоряженіе этого плохаго патріота. Ружицкій, не понявъ спросонья въ чемъ дѣло и думая, что рѣчь идетъ о конѣ, сказалъ:

— Возьми его себѣ.

Мы всѣ въ это время спали, Вылежинскій не сталъ вызывать охотниковъ исполнить задуманную имъ расправу надъ засѣдателемъ, но такъ какъ онъ отличался большою физическою силою (гнулъ подковы, могъ остановить на всемъ ходу экипажъ, схвативъ его за переднее колесо, и шутя перекидывалъ черезъ заборъ лошадь, взявъ ее за переднія ноги), то взялъ Каминскаго и повѣсилъ его при помощи слугъ на деревѣ. Каминскій не просилъ пощады, но укорялъ повстанцевъ за этотъ поступокъ и грозилъ имъ Божьей карой за отложеніе отъ Россіи. Онъ умеръ съ достоинствомъ и, какъ мы узнали послѣ, до назначенія засѣдателемъ былъ дѣльнымъ офицеромъ русской арміи и горячимъ сторонникомъ соглашенія поляковъ съ русскими. Говорили также, что, несмотря на всю его суровость и непреклонность къ тѣмъ, кто не раздѣлялъ его образа мыслей, это былъ человѣкъ очень почтенный.

Повѣсивъ Каминскаго, Вылежинскій стоялъ подъ деревомъ. Въ это время какой-то бѣднякъ упалъ къ его ногамъ со словами:

— Пане! Я не виноватъ, я дѣлалъ только то, что мнѣ приказывали. У насъ служба не дружба.

Вылежинскій нахмурилъ брови и сурово спросилъ:

— Кто ты такой?

— Я писарь пана засѣдателя, но я не виноватъ.

— Виноватъ или не виноватъ, но такому большому чиновнику, какъ твой засѣдатель, нельзя обойтись безъ писаря на томъ свѣтѣ.

Съ этими словами онъ схватилъ бѣднягу и повѣсилъ его на другой вѣткѣ.

Когда мы узнали объ этомъ происшествіи, то всѣ были очень возмущены, а на лицѣ Ружицкаго выразилось неудовольствіе. Этотъ поступокъ объясняли жалобами помѣщиковъ; жалобъ было, правда, много и онѣ были вѣскія, но все же лучше было бы обойтись безъ вѣшанья, которое было единственнымъ пятномъ на бердичевскихъ повстанцахъ. Это событіе имѣло послѣдствіемъ, что мы перестали относиться къ Вылежинскому по-товарищески, отдавали справедливость его отвагѣ, его силѣ, но сторонились его.

Мы миновали Ковель, и къ ночи прибыли во Владиміръ. Здѣсь къ намъ присоединился Станиславъ Ворцель, но онъ былъ одинъ,—о 500 повстанцахъ не было ни слуху, ни духу. Ружицкій, собравъ необходимыя для себя свѣдѣнія, разослалъ повсюду циркуляры съ требованьемъ доставить подводы и какъ можно скорѣе исправить дорогу до Ковеля. Приказаніе было отдано вечеромъ; наши многочисленныя повозки съ оружіемъ и съ сукномъ были поставлены на опушкѣ лѣса и къ нимъ запрещено подходить.

На слѣдующій день мы выступили по направленію къ Ковелю, но пошли въ обходъ, дѣлая видъ, будто, видя невозможность перехода черезъ Бугъ, мы двигались на Подолію. На почтовой дорогѣ нашъ авангардъ захватилъ курьера съ бумагами отъ генерала Лашкарева къ генералу Слотвинскому. Бумаги были вскрыты, и мы увидѣли изъ нихъ, что Лашкаревъ увѣдомлялъ Слотвинскаго о намѣреніи, довольно многочисленнаго, какъ было сказано въ бумагахъ, авангарда войскъ Дверницкаго напасть на Ковель и о томъ, что это, вѣроятно, военная хитрость, имѣющая цѣлью облегчить соединеніе этого войска съ войскомъ, находящимся въ Мозырскихъ лѣсахъ, гдѣ уже происходили сраженія повстанцевъ съ корпусомъ Кайсарова. Поэтому, онъ, Лашкаревъ, спѣшитъ зайти съ первой бригадой—полками Ахтырскимъ и Александрійскимъ—намъ въ тылъ, а вторую бригаду: Маріупольскій и Оранскій полки, оставляетъ надъ Бугомъ между Шацкими озерами. Курьеръ сообщилъ, что Лашкаревымъ было послано три курьера съ такими же депешами, изъ нихъ двое проѣхали благополучно, а онъ попалъ въ наши руки; это былъ поручикъ Ахтырскаго гусарскаго полка, родомъ литвинъ. Онъ сообщилъ намъ также, что согласно принятой диспозиціи, самъ Лашкаревъ не поспѣетъ къ Ковелю раньше полудня слѣдующаго дня и не разсчитываетъ, чтобы мы пришли туда раньше; что въ Ковелѣ теперь не болѣе одного батальона пѣхоты и сотни казаковъ, но ночью или на разсвѣтѣ туда прибудутъ конные егеря. Отъ этого же курьера мы узнали, какимъ путемъ идетъ генералъ Лашкаревъ и что въ Любомлѣ находится семейство Браницкихъ, старшій сынъ которыхъ, Ксаверій, поручикъ л.-гв. гусарскаго полка, весьма

интересный, по его словамъ, молодой человѣкъ и отличается большимъ патріотизмомъ.

Къ вечеру мы дошли до Ковеля, гоня передъ собою кучку донцовъ, которые отступая отстрѣливались; мы же вовсе не стрѣляли, но понеслись рысью къ предмѣстью, откуда мѣстный гарнизонъ, вышедшій было противъ насъ, отступилъ въ городъ, переправившись туда на лодкахъ, такъ какъ съ моста была разобрана вся настилка. Мы не стрѣляли и по гарнизону, но въ предмѣстьи зажгли бивачные огни, какъ бы намѣреваясь тамъ расположиться; сами же стали на такомъ пунктѣ, гдѣ насъ изъ города не было видно. Накормивъ лошадей и людей и отправивъ наши повозки подъ присмотромъ шпіоновъ въ окрестность села Перевоза надъ Бугомъ, о чемъ было извѣстно одному только начальнику, мы двинулись, часа за два до восхода солнца, къ Шацкимъ озерамъ.

На разсвѣтѣ предстала передъ нашими глазами обширная водная поверхность, обрамленная зеленью, на которой подобно брильянтамъ блестѣла роса; а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ озера мы увидѣли шедшій по почтовому тракту отрядъ русской кавалеріи съ орудіями: это была бригада генерала Лашкарева. Она надвигалась быстро; мы свернули влѣво, въ небольшую долину, опустили пики и какимъ-то чудомъ остались незамѣченными непріятелемъ, который прошелъ въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ насъ по пригорку.

Часа черезъ два мы пошли къ Любомлю; не дойдя до него съ версту, мы расположились отдохнуть на пригоркѣ такъ, чтобы не быть на виду, повернувшись фронтомъ къ дорогѣ на Брестъ-Литовскъ. Одинъ взводъ, подъ командою Яна Омецинскаго, напалъ на Любомль, а половина третьяго эскадрона пошла ему на подмогу; послышалась перестрѣлка, и мы увидѣли какъ по ту сторону села отступали гусары Маріупольскаго полка, занимавшаго Любомль. Оба полка, Маріупольскій и Оранскій, соединились за Шацкими озерами, чтобы дать намъ зайти за эти озера, а затѣмъ ударить на насъ съ тыла и загнать между озерами, гдѣ не было проѣзжей дороги и гдѣ насъ могли бы окончательно истребить.

Ружицкій, замѣтивъ этотъ маневръ гусаръ и получивъ о томъ подтвержденіе отъ шпіоновъ, приказалъ третьему эскадрону перевезти наши повозки къ Бугу, а первый и второй эскадроны пошли проселками къ селенію Перевозамъ.

Янъ Омецинскій вернулся въ Любомль, но не видѣлъ тамъ Браницкихъ; ихъ гувернантка француженка, m-elle Cordonnier приняла его очень любезно и сказала, что Ксаверій куда-то пропалъ, что его искали, но нигдѣ не могли найти; она боялась, не случилось ли съ

*

нимъ какой бѣды. Мы пожалѣли объ этомъ, такъ какъ намъ говорили, что онъ горячо желалъ вступить въ ряды повстанцевъ.

У Перевозовъ мы забрали дровяныя барки и наскоро стали наводить мостъ, но въ это время близъ Дорогобича, лежавшаго по ту сторону рѣки, стали показываться донцы; тогда начальникъ приказалъ первому эскадрону переправиться черезъ Бугъ вплавь и прогнать ихъ.

Мы бросились вплавь, по-взводно; рѣка была не широка, но глубока и быстра, а берегъ крутой. Солдаты, плывя по полувзводно легко, могли держаться вмѣстѣ и не отставать другъ отъ друга, тогда какъ офицеры, плывя по одиночкѣ, были отнесены теченіемъ довольно далеко, до того самаго мѣста, гдѣ наводили мостъ. На противоположной крутой берегъ пришлось карабкаться по-одиночкѣ; не понимаю, какимъ образомъ никто изъ насъ, повстанцевъ, не слетѣлъ съ коня; донцы по насъ не стрѣляли, и лишь только полэскадрона переправилось черезъ рѣку, мы стали преслѣдовать ихъ и заняли Дрогобичъ, который они были вынуждены оставить; мы ихъ далѣе не преслѣдовали, а только выставили въ поле пикеты и ведеты.

Нашъ обозъ и цѣлыхъ два эскадрона благополучно перешли Бугъ черезъ мостъ, и мы были уже по ту сторону рѣки, въ Царствѣ Польскомъ и шли къ Рудкамъ, когда наши шпіоны дали знать, что гусары, направившіеся къ Шацкимъ озерамъ, вернулись и снова сбираютъ барки для наведенія моста; вскорѣ имъ же шпіоны сообщили, что дивизіонъ гусаръ полка принца Оранскаго также перешелъ Бугъ и преслѣдуетъ насъ.

Ружицкій, подъ Дрогобичемъ и по всему пути получалъ отъ мѣстныхъ помѣщиковъ свѣдѣнія о русскомъ войскѣ; насъ повсюду встрѣчали и привѣтствовали женщины: жены, сестры и родственницы офицеровъ. Мы провели ночь въ полѣ, въ компаніи поляковъ и полекъ, пришедшихъ насъ привѣтствовать, а на утро двинулись далѣе.

Справедливы были слова одного изъ нашихъ старыхъ казаковъ:

— Говорили, что когда мы придемъ въ Польшу, такъ увидимъ тамъ поляковъ; вотъ мы и въ Польшѣ, а тутъ вездѣ встрѣчаешь русскихъ, гдѣ же это поляки, что они дѣлаютъ?

Мы вступили въ Польшу въ недобрый часъ. Экспедиція генерала Янковскаго не удалась; поговаривали уже о пораженіи поляковъ подъ Остроленкой, но утверждали вмѣстѣ съ тѣмъ, что генералъ Хржановскій идетъ на Волынь. Въ это время генералъ Ридигеръ съ нѣсколькими тысячами русскаго войска стоялъ уже въ Войславичахъ, и его отряды подходили къ Замостью. Генералъ Крейцъ съ такимъ же многочисленнымъ отрядомъ приближался къ Замостью со стороны Люблина, и его авангардъ уже занялъ старое Замостье. Генералъ Кайса-

ровъ оставилъ Волынь и Полѣсье и шелъ къ Бугу. Трудно было генералу Хржановскому, ожидавшему въ Замостьѣ грядущихъ событій!

Мы рѣшились идти къ нему на соединеніе.

Генералъ Хржановскій хорошо зналъ о томъ, что мы перешли Бугъ и уже второй день сражаемся съ русскими, но когда комиссаръ Люблинскаго воеводства Романовскій сообщилъ ему объ этомъ, то онъ отвѣчалъ, какъ передалъ намъ комиссаръ:

— Пусть сражаются, зачѣмъ было приходить сюда!

Никто не выѣхалъ намъ на встрѣчу въ деревню, гдѣ мы остановились на отдыхъ. Константинъ Бернатовичъ былъ посланъ къ Хржановскому съ рапортомъ отъ Ружицкаго. Когда онъ возвратился, то засталъ насъ уже двинувшимися къ крѣпости и сообщилъ, что генералъ съ войскомъ ждетъ насъ на гласисѣ. На этомъ гласисѣ мы увидѣли два батальона пѣхоты, два эскадрона кавалеріи и генерала Хржановскаго, который принялъ васъ съ недовольной миной и велѣлъ отвести кирпичный заводъ, гдѣ намъ приказано было расположиться, а обозъ препроводить въ крѣпость.

Размѣстивъ насъ, Ружицкій отправился немедленно къ Хржановскому, но пробылъ у него недолго и видимо былъ недоволенъ оказаннымъ ему пріемомъ. Онъ тотчасъ написалъ подробный рапортъ генералу Скржинецкому, въ то время бывшему главнокомандующимъ повстанцами, и на слѣдующее утро отослалъ этотъ рапортъ по назначенію съ Пильковскимъ и Бернатовичемъ, по совѣту Хржановскаго, который сказалъ:

— Лучше всего напишите сами генералу Скржинецкому и пошлите къ нему одного изъ вашихъ повстанцевъ.

Посланные отправились, и вмѣстѣ съ ними поѣхалъ Станиславъ Ворцель. Отъ приближенныхъ генерала Хржановскаго мы узнали, что онъ писалъ главнокомандующему, предлагая зачислить насъ въ первый конно-егерскій полкъ.

Корпусъ генерала Хржановскаго состоялъ изъ четырнадцати пѣхотныхъ батальоновъ,—изъ коихъ особенно выдѣлялся пятый полкъ и батальонъ стрѣлковъ Сандомірскаго полка. Сверхъ того у него было два полка кавалеріи: конные егеря и кракусы, каждый по 4 эскадрона, и четыре батареи артиллеріи. Это было превосходное войско.

Холодный пріемъ подѣйствовалъ на насъ очень непріятно. «Вотъ и сражайся за отечество»—говорили мы другъ другу.

Офицеры старыхъ полковъ, въ особенности конные егеря, коими командовалъ нѣкто Пашекъ или Пашыкъ, по примѣру генерала Хржановскаго смотрѣли на насъ свысока; только одни кракусы, не знаю почему, отнеслись къ намъ очень дружелюбно и пригласили на пирушку, на которой было выпито не мало венгерскаго и шампанскаго. Тутъ мы

встрѣтили многихъ украинцевъ и подолянъ изъ повстанцевъ Колыски; въ числѣ ихъ были Германъ и Іосифъ Потоцкіе, Еловицкіе, Собанскіе и др. Они привѣтствовали насъ сердечно, отъ всей души, какъ родныхъ братьевъ.

Въ это время въ Замостьѣ было сформировано два эскадрона кракусовъ, а въ Звѣржинцѣ два подольскихъ эскадрона подъ командою Верещинскаго.

Кракусы, въ особенности маіоръ Казиміръ Любенскій, человѣкъ весьма образованный и храбрый, были очень недовольны бездѣйствіемъ Хржановскаго и громко жаловались на то, что генералъ теряетъ время; держитъ ихъ въ крѣпости какъ въ тюрьмѣ; что русскіе успѣли бы позабыть о существованіи поляковъ и о повстаніи, если бы не явились украинцы. Эти слова дошли до слуха Хржановскаго, и онъ долженъ былъ уступить общественному мнѣнію. На третій день послѣ нашего прибытія онъ выступилъ во главѣ четырехъ-тысячнаго отряда съ батареей артиллеріи, съ цѣлью предпринять экспедицію къ Грубешову. Она окончилась неудачею. Донцы взяли въ плѣнъ одного офицера и 15 кракусовъ и разбили эскадронъ конныхъ егерей, пришедшій имъ на помощь, который потерялъ убитыми одного офицера и 18 человѣкъ солдатъ.

Это не помѣшало Хржановскому устроить торжественный въѣздъ въ крѣпость. Генералъ вернулся въ Замостье во главѣ войска, на конѣ взятомъ у насъ; такъ какъ онъ былъ очень малъ ростомъ и имѣлъ коротенькія ножки, то походилъ, сидя на лошади, на маленькій пузырь, ножки его не доставали и боковъ лошади. Конь гарцовалъ, а генералъ, подбрасываемый имъ какъ волною, качался на огромномъ сѣдлѣ взадъ и впередъ; два кракуса везли за нимъ плѣннаго донца, за которымъ слѣдовалъ цѣлый взводъ солдатъ и все остальное войско съ пѣснями и музыкой. Этотъ торжественный въѣздъ послужилъ предметомъ насмѣшекъ со стороны повстанцевъ; Іосифъ Потоцкій нарисовалъ на него каррикатуру, а другой повстанецъ написалъ стихи, въ которыхъ сравнялъ пріемъ, оказанный бердичевскимъ повстанцамъ съ тріумфальнымъ въѣздомъ генерала Хржановскаго. Каррикатура и стихотвореніе тотчасъ дошли до свѣдѣнія генерала, который былъ внѣ себя отъ гнѣва, хотя онъ прекрасно зналъ, что мы тутъ не причемъ, такъ какъ никто изъ насъ не выходилъ на встрѣчу войску, возвратившемуся съ нимъ изъ экспедиціи, и мы преспокойно сидѣли въ кирпичномъ заводѣ, обдумывая свою дальнѣйшую судьбу въ Польшѣ. Однако генералъ выместилъ на насъ свою злобу: призвавъ на слѣдующій день Ружицкаго, онъ объявилъ ему, что такъ какъ мы не входимъ въ составъ его войскъ, то до полученія приказаній отъ главнокомандую-

щаго онъ прекращаетъ выдачу намъ провіанта и фуража. Ружицкій не возражалъ, но только спросилъ:

— Позволитъ-ли генералъ намъ самимъ добывать фуражъ?

Генералъ усмѣхнулся и отвѣтилъ:

— Можете грабить край, это я вамъ разрѣшаю. И тотчасъ отдалъ приказъ коменданту крѣпости генералу Крысинскому выпускать насъ изъ крѣпости и впускать въ нее безпрепятственно.

Возвратившись на кирпичный заводъ, Ружицкій засталъ тамъ комиссара Романовскаго, очень возмущавшагося поведеніемъ Хржановскаго относительно насъ. Романовскій сообщилъ, что въ эту же ночь черезъ Грабовчикъ должны пройти русскій транспортъ съ провіантомъ и фуражемъ и стадо воловъ, посылаемые къ австрійской границѣ, гдѣ ожидаютъ прибытія корпуса генерала Кайсарова. Когда стемнѣло, первый эскадронъ двинулся къ Грабовчику подъ командою Станислава Дунина. Проводникомъ былъ слуга комиссара Романовскаго.

Ждать пришлось недолго; въ лѣсу скоро раздался скрипъ телѣгъ приближавшагося транспорта; при немъ былъ весьма незначительный конвой, такъ какъ русскіе, послѣ неудачной экспедиціи Хржановскаго, стали очень безпечны. Какъ только мы приблизились къ транспорту, конвой, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, отступилъ, и въ наши руки досталось много провіанта и фуража. Мы возвратились на разсвѣтѣ, такъ что о нашей экспедиціи мало кому было извѣстно.

Ружицкій велѣлъ оставить намъ припасовъ на 25 дней, а остальное отослать Хржановскому для продовольствія его войска. Капитану Твардовскому, исполнившему это порученіе, Хржановскій приказалъ поблагодарить Ружицкаго.

Но и трехъ дней не прошло, какъ Хржановскій, призвавъ Ружицкаго, приказалъ ему выступить на слѣдующій день съ его повстанцами въ Томашевъ, взявъ съ собою продовольствіе и фуражъ, и заняться тамъ шитьемъ мундировъ.

Мы двинулись въ Томашевъ, имѣніе графа Островскаго, лежащее на самой границѣ. Въ трехъ миляхъ отъ Томашева, къ деревнѣ Крыница, стягивалась третья русская гусарская дивизія, а генералъ Кайсаровъ, которому было приказано обложить съ его корпусомъ Замостье, занялъ уже всю окрестность. Мѣстные жители Томашева, евреи, относились очень недружелюбно къ полякамъ и благоволили къ русскимъ, такъ какъ поляки ихъ притѣсняли и вѣшали. Намѣреніе Хржановскаго сбыть насъ съ рукъ и вынудить къ переходу въ Галицію было очевидно.

Ружицкій рѣшилъ сшить намъ на первыхъ порахъ мундиры казацкаго покроя, коричневые шаровары съ бѣлыми лампасами, бѣлыя куртки, коричневые казакины съ откидными рукавами и съ бѣлыми

обшлагами. Шапки предполагалось сдѣлать черныя барашковыя съ бѣлымъ донышкомъ. Это былъ парадный мундиръ; для ежедневнаго употребленія сдѣланы были сермяжные шаровары и коричневые казакины, но безъ откидныхъ рукавовъ и бѣлыхъ отворотовъ; приборъ къ мундирамъ былъ серебряный какъ у всей польской кавалеріи. Со временемъ предполагалось сдѣлать намъ синіе шаровары и атласныя куртки.

Служебныя обязанности были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: одинъ эскадронъ занималъ караулы и слѣдилъ за тѣмъ, чтобы никто не выходилъ изъ мѣстечка; второй эскадронъ стоялъ на площади съ осѣдланными лошадьми, третій былъ занятъ въ конюшняхъ, гдѣ лошадямъ задавали кормъ; лучшія лошади были поставлены въ конюшни и предназначены на смѣну.

Всѣ портные, которыхъ можно было найти въ Томашевѣ, были созваны и работали сидя на возахъ, запряжныхъ тройками лошадей, которыя могли каждую минуту двинуться въ путь, такъ какъ возницы были тутъ же, наготовѣ. Сшитые, но еще не сданные мундиры складывались на воза, игравшіе роль цейхгаузовъ. Все было обставлено такъ, что мы могли каждую минуту выступить изъ мѣстечка со всѣмъ обозомъ, не оставивъ по себѣ слѣда.

Такимъ образомъ, пройдя тысячу верстъ по краю, занятому русскими войсками, мы были обречены генераломъ Хржановскимъ, не вѣдомо за какіе грѣхи, на бездѣйствіе. Много лѣтъ спустя, когда я уже былъ генераломъ и пользовался извѣстностью, Хржановскій, объясняя въ моемъ присутствіи князю Адаму Чарторыйскому свое тогдашнее поведеніе, сказалъ:

— Я хотѣлъ напугать Кайсарова и облегчить себѣ выходъ изъ Замостья; я зналъ, что Ружицкій можетъ и съ нѣсколькими эскадронами совершить доблестный подвигъ, и далъ ему случай отличиться; его эскадроны доказали, что на ихъ отвагу и стойкость можно положиться.

— Прекрасно,—возразилъ князь Адамъ,—это объясняетъ посылку отряда въ Томашевъ, но какъ объяснить, генералъ, ваше желаніе уморить его голодомъ въ Замостьи?

— Ваше сіятельство, у всякаго свой характеръ: мнѣ дѣлали непріятности, и я платилъ тѣмъ же.

На томъ разговоръ и прекратился.

Во время войны только одинъ Скржинецкій высоко цѣнилъ Ружицкаго за его военныя способности; но до тѣхъ поръ пока онъ не сдѣлался товянистомъ [1]), у него и послѣ повстанья была масса завистни-

[1]) Т. е. послѣдователемъ ученія Товянскаго, польскаго мистика (родился 1799 г. † 1878 г.), который проповѣдывалъ полное перерожденіе человѣчества чрезъ постепенное и непрерывное вдохновеніе и коренную реорганизацію всѣхъ соціальныхъ отношеній. В. Т.

ковъ и недоброжелателей, несмотря на то, что онъ вполнѣ сочувствовалъ польскимъ стремленіямъ и шелъ рука объ руку со своими соотечественниками.—Но когда узнали, что онъ товянистъ, то его впервые оцѣнили, стали прославлять воспѣвать въ стихахъ, сожалѣли о томъ, что ему не было отдано должнаго, что ему уже не удастся болѣе выказать своихъ способностей, своего ума и доблести. Въ этомъ также сказался польскій характеръ, который былъ одною изъ причинъ упадка нашей народности и невозможности поднять ее.

Мы пробыли въ Томашевѣ восемь дней; все это время наша служба была очень тяжела и опасна, такъ какъ мы могли ежеминутно подвергнуться нападенію. На восьмой день, какой-то экономъ изъ окрестностей Замостья, переодѣтый крестьяниномъ, прибылъ къ намъ съ депешами отъ Хржановскаго и сказалъ, что едва пробрался къ намъ, такъ какъ гусары разъѣзжаютъ по дорогѣ въ Звѣржинцу.

Тогда Ружицкій двинулся со своимъ Волынскимъ коннымъ или первымъ казацкимъ полкомъ изъ Томашева къ Замостью, гдѣ получилъ дальнѣйшія приказанія, за подписью корпуснаго командира, генерала Хржановскаго.

Совершенно въ иныхъ выраженіяхъ былъ написанъ приказъ генерала Скржинецкаго, полный той сердечности и патріотизма, о коихъ мы мечтали на Украйнѣ. Ружицкій былъ произведенъ въ маіоры и получилъ крестъ за военныя заслуги; нашъ отрядъ получилъ названіе Волынскаго коннаго или 1-го казачьяго полка. Второй казачій полкъ былъ сформированъ Лудовикомъ Стецкимъ. Всѣ наши офицеры были утверждены, по представленію Ружицкаго, въ занимаемыхъ ими должностяхъ. Вновь сформированнымъ полкамъ была объявлена благодарность за услуги, съ присовокупленіемъ, что офицеры и солдаты доказали, что они могутъ служить примѣромъ и образцомъ для всей легкой кавалеріи и что изъ старыхъ казацкихъ полковъ никто не будетъ принятъ во вновь сформированные полки.

Когда этотъ приказъ былъ объявленъ полку, то онъ вызвалъ всеобщую радость; всѣ говорили: «хотя бываютъ Хржановскіе, но зато есть и Скржинецкіе. Наконецъ-то мы въ Польшѣ».

Мундиры были почти всѣ окончены, и розданы эскадронамъ, которые въ новой формѣ имѣли чрезвычайно красивый видъ. Ружицкій рѣшилъ по этому случаю устроить угощеніе: на площадь выкатили бочки съ виномъ и водкой и доставили огромное количество всякихъ снѣдей, какъ на настоящій Лукулловскій пиръ. Чтобы дать людямъ возможность отдохнуть, было приказано оставить въ караулѣ только одинъ взводъ, а командовавшему имъ офицеру было предписано не пропускать евреевъ, пробирающихся изъ города въ поле. Лошади были разсѣдланы, и мы уже собирались приступить къ угощенію, когда Ружицкій получилъ извѣстіе, что нѣсколько евреевъ перешло черезъ цѣпь ча-

совыхъ. Тотчасъ было приказано сѣдлать коней, усилить караулы, коимъ строго приказано не пропускать ни одной души, велѣно разбить бочки, изъ коихъ вино и водка ручьями полились по улицамъ, и разобрать съѣстные припасы.—Въ тотъ же вечеръ мы выступили изъ Томашева, увозя съ собою всѣ наши пожитки. Черезъ часъ послѣ нашего ухода, на городъ съ трехъ сторонъ напали гусары, увѣренные, что захватятъ насъ врасплохъ. Обманутые въ своихъ разсчетахъ, они, не найдя насъ, не разъузнали, куда мы пошли, и донесли въ главную квартиру, что мы отступили въ Галицію.

По дорогѣ въ Звѣржинецъ мы напали на гусарскій патруль, высланный Маріупольскимъ полкомъ, и захватили въ плѣнъ двухъ рядовыхъ. Отъ нихъ мы узнали, что генералъ Кайсаровъ въ Криницѣ и стягиваетъ пѣхоту, такъ какъ ему приказано взять Замостье, куда онъ и направляется. Въ Звѣржинцѣ мы застали Верещинскаго съ сформированнымъ имъ подольскимъ легіономъ; это было отличное войско, — все красавцы уланы. Тутъ мы узнали о пораженіи повстанцевъ подъ Остроленкой, о подвигахъ 2-го уланскаго полка, въ которомъ всѣ четыре эскадронные командира были убиты, о чудесахъ храбрости, оказанныхъ генераломъ Бемомъ и его артиллеріей. Вѣсти были не веселыя и не предвѣщали ничего хорошаго. Наши русины постоянно твердили: «трудно, чтобы Польша существовала безъ короля». Теперь же всѣ провозглашали королемъ Адама I и повторяли слова княгини Анны Чарторыйской, супруги князя Адама, которая, упавъ къ его ногамъ, умоляла его или принять царскій вѣнецъ, или уѣхать изъ Варшавы и Польши, такъ какъ, вступивъ на престолъ, онъ можетъ спасти Польшу и даже навѣрно спасетъ ее; оставаясь же только княземъ Чарторыйскимъ, онъ скорѣе повредитъ польскому дѣлу, нежели принесетъ ему пользу.—Въ этихъ словахъ было много правды, но Станиславъ Малаховскій и Владиславъ Замойскій насмѣхались надъ патріотизмомъ княгини и, дѣйствуя своимъ умомъ, позаимствованнымъ у нѣмцевъ, навлекли на бѣдную Польшу новыя бѣды.

Въ Звѣржинцѣ мы застали и референдарія Валицкаго, ѣхавшаго въ Константинополь въ качествѣ посла отъ ржонда народоваго къ турецкому султану. При немъ состоялъ помощникомъ маіоръ Вережчинскій. Ни изъ словъ посла, ни изъ его бумагъ не было видно, чего желалъ или могъ желать ржондъ отъ султана. Въ грамотахъ были пышныя фразы о Карловицкомъ трактатѣ, о пріязни Мустафы IV къ полякамъ, о покровительствѣ, оказанномъ турками барскимъ конфедератамъ, но много было словъ, а мало дѣла. Новому послу очень хотѣлось все намъ разсказать, все прочитать.—Я замѣтилъ, что надо бы испросить позволенія султана поднять казаковъ, оставшихся на Дунаѣ послѣ войны 1828 г., вторгнуться съ ними въ Бессарабію и на Украйну и возбудить тамъ среди народа возстаніе во имя казачества и короля польскаго.

Валицкій съ изумленіемъ посмотрѣлъ на меня, вытаращивъ глаза.

— Какіе казаки?—что это за казаки? Казаки насъ бьютъ, а мы будемъ обращаться къ нимъ за помощью?

Едва растолковали ему, что это за казаки. Онъ задумался, пробормоталъ молитву и сказалъ:

— Да вѣдь это схизматики,—и замолчалъ.

Вережчинскій съ нимъ не поѣхалъ, предпочитая остаться со своимъ отрядомъ. Что сдѣлалъ Валицкій въ Константинополѣ, чего онъ тамъ добился, объ этомъ я не могъ узнать ни тамъ, ни въ Варшавѣ. Я знаю только, что онъ былъ въ Константинополѣ, что у него была красивая дочь и самъ онъ былъ ревностнымъ католикомъ и горячимъ сторонникомъ австрійскаго двора.

Мы пришли въ Замостье вмѣстѣ съ подольскимъ легіономъ. Этотъ разъ насъ ожидалъ иной пріемъ: генералъ Крысинскій вышелъ намъ на встрѣчу со всѣмъ войскомъ и устроилъ великолѣпное угощеніе для всѣхъ офицеровъ и солдатъ нашего полка. Зала мѣстнаго собранія была роскошно убрана; въ ожиданіи танцевъ уже собрались хорошенькія барышни; мы танцовали и веселились, какъ будто о русскихъ не было и помина. Добрый генералъ Крысинскій плакалъ, глядя на нашу молодежь. Не было Хржановскаго, и все было по польски, словно на другой день по заключеніи уніи между Польшей, Литвою и Россіей.

Исполнить приказаніе, переданное нашему отряду отъ имени Хржановскаго, было весьма затруднительно. Онъ уже выступилъ съ войскомъ изъ Замостья, оставивъ обозъ съ негоднымъ оружіемъ, испорченныя пушки и болѣе 500 человѣкъ больныхъ и приказавъ Ружицкому препроводить все это на лѣвый берегъ Вислы, по той самой дорогѣ, по которой онъ прошелъ со своимъ корпусомъ и по которой шли за нимъ слѣдомъ два корпуса русскихъ войскъ подъ начальствомъ Крейца и Ридигера. Отряды этихъ двухъ корпусовъ стояли эшелонами, начиная отъ стараго Замостья. Къ инструкціи, составленной въ штабѣ Хржановскаго, генералъ присовокупилъ собственноручно:

— По вышеуказанной дорогѣ я прошелъ самъ, слѣдовательно она доступна для войска; если же г. маіоръ найдетъ другую, болѣе доступную дорогу, то ему разрѣшается, на его личную отвѣтственность, провести по ней ввѣренную ему команду.

Видимо въ Хржановскомъ заговорила совѣсть. У него было до шестнадцати тысячъ храбраго войска съ орудіями, съ самымъ малымъ обозомъ; неудивительно, что онъ могъ пройти, имѣя непріятеля только въ тылу. Мы же находились въ совершенно иномъ положеніи.

Получивъ этотъ приказъ, Ружицкій сказалъ Крысинскому, что на слѣдующій день выступаетъ въ походъ, но поведетъ обозъ къ назначенному мѣсту по той дорогѣ, которую признаетъ наиболѣе удобною.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Указъ Правительствующему Сенату объ уничтоженіи орудій пытки.

9 февраля 1827 года.

«Изъ представленнаго намъ на утвержденіе мнѣнія Государственнаго Совѣта по дѣлу о служиломъ сотникѣ войска Донскаго Григоріи Левицкомъ, сужденномъ за истязаніе малороссіянина Климова, усмотрѣли мы, что Климовъ посаженъ былъ Левицкимъ въ станичной избѣ въ какую-то неподвижную колоду, каковаго рода колоды узаконеніями не допускаются, и потому быть не должны. А какъ таковый произвольный способъ содержать въ неподвижныхъ колодахъ арестантовъ есть ни что иное, какъ родъ пытки;—изъ дѣла же видно, что Климовъ отъ послѣдствій сей пытки умеръ;—событіе ужасное и доказывающее совершенное небреженіе мѣстнаго начальства объ отвращеніи жестокостей;—то по сему обстоятельству повелѣваемъ Правительствующему Сенату, наистрожайше подтвердить повсемѣстно, дабы никто и нигдѣ не осмѣливался, подъ предлогомъ удержанія отдаваемыхъ подъ стражу лицъ отъ побѣговъ, изобрѣтать и употреблять иныхъ способовъ наказанія или содержанія, кромѣ тѣхъ, какіе въ узаконеніяхъ опредѣлены; сверхъ того предписать начальникамъ губерній, чтобъ по осмотрѣ повсюду мѣстъ, гдѣ содержатся арестанты, если окажутся еще гдѣ подобныя орудія, то ихъ истребить, подъ личною въ противномъ случаѣ отвѣтственностію гражданскихъ губернаторовъ и губернскихъ прокуроровъ».

Изъ бумагъ Виктора Григорьевича Теплякова [1]).

В. Г. Тепляковъ—Н. В. Кукольнику [2]).

22-го февраля 1837 г. [3]).

Вы, можетъ быть, изволите на меня гнѣваться, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Несторъ Васильевичъ, за неисполненіе обѣщанія писать вамъ съ очарованныхъ береговъ Воспора; но надобно поцвѣсти, подобно намъ, подъ его зачумленнымъ небомъ, чтобы вполнѣ оправдать насъ, брошенныхъ въ среду всѣхъ 10-ти язвъ, коими Господь Богъ покаралъ нѣкогда рабовъ фараоновыхъ. Я до сихъ еще поръ почти не видѣлъ Константинополя. Отъ 4-хъ до 9-ти тысячъ жертвъ должны еженедѣльно задыхаться въ объятіяхъ черной жницы или чумы, говоря презрѣнною прозою. Теперь алчность ея начинаетъ ослабѣвать; но одному Богу извѣстно, когда зараза совсѣмъ перестанетъ скитаться по слѣдамъ человѣка. Однимъ словомъ—дѣло покамѣстъ шло совсѣмъ не объ ученыхъ изслѣдованіяхъ, но о томъ, какъ бы не умереть съ голоду или съ холоду, или въ безпрерывной бесѣдѣ съ одною своею особой. Красны бубны за горами, гласитъ пословица. Большая притомъ разница—мимолетный взоръ путешественника или узы прикованнаго къ здѣшнимъ мѣстамъ чинодѣя.

Какое горестное извѣстіе привезла намъ отъ васъ послѣдняя почта. Такъ, нѣтъ уже на землѣ нашего Пушкина! Сердце надрывается при мысли, какимъ образомъ и кѣмъ похищена подобная жизнь у гордив-

---

[1]) См. Русскую Старину 1896 г. № 4.

[2]) Несторъ Васильевичъ Кукольникъ (р. 1809 г. † 1868 г. въ Таганрогѣ) принадлежалъ къ числу плодовитыхъ русскихъ писателей; онъ писалъ прозою и стихами, но пріобрѣлъ извѣстность своими драматическими пьесами. Лучшія произведенія его въ прозѣ заимствованы изъ русской старины.

[3]) Съ черноваго подлинника.

шагося имъ отечества. Не оставьте, если возможно, сообщить подробности этого роковаго событія. Дошедшія о немъ сюда вѣсти до того разногласны, что я не могу составить себѣ никакого опредѣленнаго понятія объ узлѣ этой кровавой драмы.

Если ослабѣвающая чума (этимъ здѣсь все начинается и все оканчивается) дозволитъ прогуливаться, наконецъ, по Стамбулу, то я обѣщаю вамъ со временемъ нѣсколько посильныхъ эскизцовъ, если буду, впрочемъ, увѣренъ, долетаютъ ли по крайней мѣрѣ до васъ мои грамотки, sine qua non. При этомъ случаѣ считаю за нужное вамъ сказать, что самъ Пиѳагоръ не больше моего обожалъ симпатическое эхо. На этотъ конецъ благоволите препровождать свои ко мнѣ грамотки черезъ азіатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ, и именно черезъ служащаго тамъ Николая Ивановича Любимова. Ради Бога повѣдайте (?) [1]) о томъ, что дѣлается на родномъ Сѣверѣ и особенно въ мірѣ литературномъ и художественномъ. Всего же больше о вашихъ личныхъ занятіяхъ. Во время кратковременнаго нашего знакомства, первобытность вашей природы возбудила всю мою симпатію. Надѣюсь, что судьба сблизитъ насъ когда-нибудь покороче.

Не оставьте сжать отъ меня крѣпко-накрѣпко руку Бенедиктову [2]) и поклониться отъ всей души Ю. Н. Бартеневу. Все, повидимому, препятствуетъ мнѣ измучить нѣсколько верблюдовъ на пескахъ ливійскихъ, начертать его имя на обелискахъ луксорскихъ и помолиться за него въ Іерусалимѣ, ибо, кромѣ невѣроятнаго самоотверженія для странствованій по Востоку, мое крайне разстроенное здоровье и милліонъ другихъ препятствій возбуждаютъ въ душѣ моей неодолимую тоску по отчизнѣ.

Прощайте почтеннѣйшій Несторъ Васильевичъ; сердцемъ и душею вашъ В. Т...

В. Г. Тепляковъ—К. К. Родофиникину [3]).

1.

8-го января 1837 г. [4]).

Въ дополненіе къ сообщеннымъ уже министерству свѣдѣніямъ, имѣю честь представить вашему высоко-превосходительству нѣкоторыя по-

---

[1]) Это слово трудно разобрать.

[2]) Владиміръ Григорьевичъ Бенедиктовъ, поэтъ (р. 1807, † 1873.).

[3]) Константинъ Константиновичъ Родофиникинъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, былъ въ то время управляющимъ азіатскимъ департаментомъ министерства иностранныхъ дѣлъ; онъ умеръ 30-го мая 1838 г. на 78 году отъ роду; погребенъ въ Духовской церкви Александро-Невской лавры.

[4]) Съ черноваго подлинника. Приблизительно такого же содержанія

дробности происшествія, окровавившаго здѣсь, наканунѣ латинскаго новаго года, Софійскую мечеть.

Али-Риза-эффенди [1]), турецкій государственный казначей присутствовалъ тамъ въ теченіе Рамазана, вмѣстѣ съ другими министрами, при вечернемъ намазѣ. Въ концѣ богослуженія, одинъ изъ предстоявшихъ протѣснился до мѣста, занимаемаго обыкновенно высшими сановниками, и пронзилъ одного изъ нихъ своимъ ятаганомъ. Въ схваченномъ тогда же убійцѣ узнали одного изъ прежнихъ слугъ Али-Риза-эффенди, а въ его жертвѣ самого государственнаго казначея.

Судъ совершился такъ-же быстро, какъ самая кара преступленія; но его истинная причина унесена за предѣлы здѣшняго міра.

Спустя нѣсколько дней случилось мнѣ плыть въ турецкомъ яликѣ по Босфору. Занятый мысленно этимъ трагическимъ событіемъ, принялся я допрашивать о подробностяхъ его своего рейса, Османлы, надѣленнаго здравымъ смысломъ, подобно большинству правовѣрныхъ. Онъ объявилъ, что находился въ мечети при убіеніи эффенди и на площади при казни Муссы, его прежняго чегодара. «За что поднялъ онъ руку на своего господина?» За то, что сей послѣдній, любя его нѣкогда больше другихъ своихъ служителей, выслалъ внезапно изъ дому и не переставалъ преслѣдовать всѣмъ своимъ могуществомъ. Желая удалить Муссу изъ Константинополя, эффенди приказалъ вручить ему 500 піастровъ [2]), съ условіемъ, чтобы онъ непремѣнно возвратился въ Лазистанъ, свою отчизну. Мусса покорился волѣ министра и только въ началѣ послѣдняго Рамазана появился снова въ столицѣ. Тамъ гоненія Али-эффенди возобновились надъ нимъ непримиримѣе прежняго, и слѣдуя по пятамъ Муссы, тѣснили его прочь отъ всякаго средства къ существованію. Приведенный въ отчаяніе, сей послѣдній посягнулъ на жизнь, его угнетавшую, съ явной увѣренностью заплатить за нее своею собственною, ибо, совершивъ убійство, не искалъ даже въ бѣгствѣ спасенія. При отрицательномъ отвѣтѣ на вопросъ: живъ ли еще эффенди, Мусса возразилъ: «воля Аллаха да совершится теперь надо мною!» Ровно черезъ 24 часа его голова откланялась туловищу.—Но какихъ свойствъ былъ этотъ Мусса?—«Самыхъ кроткихъ и миролюбивыхъ!»—А эффенди?—«Душа благая и чистая: Пророкъ да пріиметъ ее на свое лоно».—Вслѣдствіе чего же сей послѣдній перемѣнилъ столь внезапно на ненависть милость и столь упорно желалъ отдѣлаться цѣлымъ пространствомъ отъ прежняго своего любимца?—Кто знаетъ?

письмо было написано В. Тепляковымъ князю А. Н. Голицину; черновой списокъ его на французскомъ языкѣ сохранился въ бумагахъ В. Т.

[1]) Эффенди, турецкое слово, обозначающее—„господинъ“, „повелитель“.

[2]) Піастръ=5,5 копѣйки.

Въ самомъ дѣлѣ, никто ничего не вѣдаетъ. Разстройство ли умственнаго организма, глухая ли ревность какой-нибудь гаремной страсти, или ярость обманутаго честолюбія раздули эту таинственную ненависть и воспламенили жаръ мести, переходящей, какъ извѣстно, изъ рода въ родъ между соотчичами преступнаго чегодара ..

Чума начинаетъ мало-по-малу ослабѣвать. Въ рапортахъ обоихъ лазаретовъ (католическаго и греческаго) было показано по истеченіи предпослѣднихъ 15-ти дней 282 жертвы и только 141 въ концѣ послѣдняго полумѣсяца. Аллахъ да исполнитъ къ будущей чумѣ благое намѣреніе падишаха касательно огражденія столицы карантинами, коихъ линіи должны, по слухамъ, возникнуть съ четырехъ противоположныхъ сторонъ, а именно: въ Скутари, въ Фанаракіи, въ Дарданеллахъ и въ окрестностяхъ Адріанополя. Говорятъ, что султанъ назначилъ уже на этотъ конецъ 20 милліоновъ піастровъ—предпріятіе столь благодѣтельное, но неодинаково во всѣхъ частяхъ сбыточное, судя по закоренѣлости оттоманскаго фанатизма. Въ доказательство я бы не желалъ окончить письма своего, не прояснивъ его сумрачнаго начала разсказомъ о забавномъ судѣ надъ здѣшнимъ бимъ-башою и не подтвердивъ такимъ образомъ въ тысячу первый разъ неоспоримой истины, что горе и смѣхъ суть двѣ нераздѣльныя стихіи здѣшняго міра.

Бывшій сераскиръ Хозревъ-паша приказалъ начальнику расположеннаго здѣсь (въ Буюкъ-Дере) батальона сообразоваться насчетъ карантинныхъ мѣръ съ наставленіями европейскихъ министровъ, что и руководствовало до сихъ поръ всѣ операціи Мустафы-бея: окурка мусульманскихъ бородъ, гоненіе собакъ и проч., и проч. начали производиться съ такимъ усердіемъ, что комендантъ Босфора, Гафизъ-паша, вызванный воплемъ и скрежетомъ правовѣрныхъ, явился лично въ Буюкъ-Дере и, погонявъ порядкомъ бимъ-башу, приказалъ ему прекратить всѣ г я у р с к і я хитрости. Нѣсколько выписокъ изъ корана, пригвожденныхъ къ воротамъ добрыхъ мусульманъ, казались ему талисманами, гораздо болѣе существенными. Черезъ нѣсколько дней ворота запестрѣли таковыми рецептами; но не взирая на то, о г я у р и в ш і й с я бимъ-баша не переставалъ прибѣгать къ европейскимъ средствамъ. Вслѣдствіе такого упорства былъ онъ недавно позванъ къ суду и по приказанію новаго сераскира отвѣчалъ, между прочимъ, на слѣдующіе вопросы:

1) Какъ онъ осмѣлился окуривать проходящихъ?

2) Почему, вопреки явному запрещенію корана, допустилъ тереть больныхъ солдатъ своихъ водкою?

3) Какъ дерзнулъ онъ осудить на смерть въ Керенъ-Бурну (батарея между Буюкъ-Дере и Тарапіей) трехъ собакъ, что должно быть противно совѣсти всякаго добраго мусульманина и проч. и проч.

Отвѣтъ на это уголовное обвиненіе нисколько не уступаетъ ему въ оригинальности, вотъ онъ:

Г. Дойль, секретарь англійскаго посольства, былъ ко мнѣ присланъ отъ своего посланника съ извѣстіемъ, что эти три собаки бѣшеныя, и потому просилъ истребить ихъ. Сначала я предпочелъ уд алить собакъ но получа ихъ назадъ послѣ трикратнаго изгнанія въ Азію отъ коменданта противоположнаго берега, рѣшился исполнить желаніе англійскаго посольства.

Кончилась эта знаменитая процедура перемѣщеніемъ Гафизъ-паши въ Родосъ и двухнедѣльнымъ арестомъ Мустафы-бея съ воспрещеніемъ мѣшаться во что бы то ни было, кромѣ обязанностей его прямой службы. Черезъ нѣсколько дней, впрочемъ, новый сераскиръ, усмотрѣвъ, вѣроятно, изъ рапорта бимъ-баши, участіе европейскихъ министровъ въ его преступленіи, позвалъ къ собѣ Мустафу-бея и осыпалъ его многоразличными привѣтствіями. Это, безъ сомнѣнія, какъ нельзя больше любезно со стороны его свѣтлости; но я конечно не осмѣлился бы наполнять письма своего подобными фарсами, если бы, соединенные съ безконечностью другихъ доводовъ, они не вели къ заключенію, что сѣмена иноземнаго просвѣщенія падаютъ здѣсь изъ горсти сѣятеля на невоздѣланную или мало имъ сродную и слѣдовательно до сихъ еще поръ непокорную почву. Много бы, впрочемъ, можно было бы сказать кое-чего объ этомъ любопытномъ предметѣ.

На дняхъ намъ сказанъ походъ въ Перу. Оттуда надѣюсь я расцвѣчать инымъ разнообразіемъ свои письма и находить предметы, больше достойные вашего ободрительнаго вниманія.

Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и безконечной преданности имѣю честь быть навсегда.

2.

6-го (18) февраля 1837 г. Пера [1]).

Спѣшу принести вашему высокопревосходительству чувства своей новой, живѣйшей признательности за объявленное мнѣ наконецъ асессорство. Пусть множество кораблей, выплывшихъ гораздо позже изъ пристанища, оставили мою ладью давнымъ давно позади на морѣ жизни, но благопріятный вѣтеръ, округливши нѣсколько на этотъ разъ ея паруса тѣмъ отраднѣе сердцу плавателя, чѣмъ очевиднѣе драгоцѣнное участіе,

[1]) Съ черноваго подлинника.

склонившее наконецъ желѣзные вѣсы жребія въ его пользу. Всего-жъ утѣшительнѣе мысль, что высшая ступень общественной лѣстницы достигается не всѣми съ единой цѣлью отталкивать ближняго. Непонятно одно то, почему, вопреки высочайше дарованному мнѣ старшинству съ 1830-го года, Сенатъ считаетъ меня въ настоящемъ чинѣ только съ мая прошлаго 1836-го года. Я впрочемъ лишь мимоходомъ осмѣливаюсь касаться этого обстоятельства, ибо предаю себя безусловно столько же въ настоящемъ, сколько въ будущемъ одному внушенію вашего, милостивый государь, благодѣтельнаго къ себѣ расположенія.

Въ прошломъ письмѣ своемъ не успѣлъ я представить вашему высокопревосходительству достаточныхъ свѣдѣній о трагической смерти Али-Ризà-эффенди, турецкаго министра казначейства. Предшествовавшія ей обстоятельства до того странны и поразительны, что, не взирая на свой баснословный характеръ, они кажутся мнѣ достойными вниманія ума наблюдательнаго даже по одному тому, что могутъ служить отличительной чертою народа, сохранившаго до сихъ еще поръ свою младенческую вѣру въ чудесное, главную стихію его жизни — внѣшней и внутренней.

Разсказываютъ, что наканунѣ постигшаго его бѣдствія, мудрый сонъ посѣтилъ душу эффенди. Хазрети-Халедъ, одинъ изъ спутниковъ Мухамидовыхъ, прозванный мечемъ Божіимъ ради неимовѣрной его храбрости, предсталъ министру во всемъ своемъ грозномъ величіи и пригласилъ его къ себѣ въ гости; пенялъ, что онъ (Али-Ризà) совсѣмъ позабылъ т ю р б е (надгробный памятникъ), воздвигнутый ему въ Эйюбѣ. Извѣстно, что этимъ именемъ называется теперь одно изъ предмѣстій Константинополя, отъ мечети, сооруженной Мухаммедомъ II [1]) на мѣстѣ, гдѣ была обрѣтена могила Эйюба, знаменоносца пророкова, погибшаго во время семилѣтней осады Византіи при Іезидѣ [2]), первомъ халифѣ омміадскомъ въ 52-мъ году Эгиры (672 Р. Х.). Возмущенный столь дивнымъ видѣніемъ, Али-Ризà поспѣшилъ передать его на другой день своему ходжѣ. Должно замѣтить, что каждый почетный турокъ, не исключая даже самого султана, имѣетъ своего х о д ж у (чтеца, наставника, и вмѣстѣ нѣчто въ родѣ древняго vates). Ходжа истолковалъ Али-Ризà-эффенди его сонъ не въ добрую сторону и совѣтовалъ отправить немедленно к у р б а н ъ (умилостивительную жертву) на могилу Халеда. Али-Ризà-эффенди отозвался желаніемъ поклониться лично гробу святаго и, занятый этой мыслью, поѣхалъ къ вечернему н а м а з у въ храмъ св. Софіи. Тамъ, у входа въ мечеть, одинъ престарѣлый нищій остано-

---

[1]) Магомедъ II—завоеватель Константинополя (1453 г.).

[2]) Іезидъ (Езидъ) халифъ изъ династіи Омейядовъ, сынъ Моавіи, царствовалъ съ 680—683 по Р. Х.; онъ убилъ Гуссейна, сына Алп.

вилъ его просьбой о подаяніи. Терзаемый какимъ-то неотразимымъ предчувствіемъ, Али-Риза вынулъ моментально изъ-за пазухи цѣлую горсть мелкой золотой монеты и наполнилъ ею простертую руку нищаго. Столь неожиданное благополучіе привело сего послѣдняго въ изступленіе такого восторга, что (онъ) успѣлъ только вымолвить: «Аллахъ да ниспошлетъ тебѣ вѣнецъ шехида (мученика вѣры!)» Предстоявшій убійца не проронилъ этого желанія и совершилъ злодѣйство, оправдывая его между прочимъ намѣреніемъ доставить эффенди вѣнецъ шехида въ самую душеспасительную для него минуту. Вслѣдствіе столь благого произволенія вымолилъ онъ отъ сераксира-паши обѣщаніе предать землѣ его казненное тѣло, обреченное морскимъ волнамъ по приговору закона. Такъ кончилось это изумительное событіе. Ровно черезъ двое сутокъ послѣ вѣщаго приглашенія Халедова, Али-Риза-эффенди покоится не вдалекѣ отъ его тюрбе на кладбищѣ Эйюбской мечети. Если трудно утвердить это роковое сцѣпленіе обстоятельствъ на какомъ бы то ни было раціональномъ основаніи, то можно ли, съ другой стороны, отказать ему въ мѣстѣ подлѣ тѣхъ происшествій, которыя ускользаютъ въ исторіи отъ всякаго анализа умственной нашей гимнастики и не подобному ли сновидѣнію былъ, между прочимъ, обязанъ завоеватель Мухаммедъ II одной изъ самыхъ блистательныхъ побѣдъ своихъ въ Азіи!

Недавно привезенъ сюда плѣнный Ревендисъ-бей, начальникъ одной изъ Курдинскихъ тайфъ, или обществъ, кочующихъ на границѣ Персіи, въ пашалыкѣ Багдадскомъ. Взятъ онъ, говорятъ, главнокомандующимъ таврской арміею, покойнымъ Решидъ-пашою, вслѣдствіе жалобъ персидскаго правительства на разбои курдинцевъ. Свиту Ревендисъ-бея составляютъ между прочимъ около 80-ти лошадей, навьюченныхъ по слухамъ большею частью золотомъ. Съ ними вмѣстѣ прибыло также 60 лошадей съ имуществомъ умершаго Решида, коего султанъ Махмудъ II есть самый прямой и законный наслѣдникъ. Относительно его особы разсказываютъ, что, по смерти отца его, подданные или вассалы бея не хотѣли признать надъ собой его власти подъ предлогомъ, что онъ одаренъ слишкомъ слабымъ характеромъ для управленія народомъ, столь воинственнымъ, и больше, нежели сомнительной храбростью для участія въ ихъ удальствѣ и опустошеніяхъ. На первый пунктъ этого обвиненія, Ревендисъ-бей отвѣтствовалъ, что время покажетъ, умѣлъ ли онъ учить ослушниковъ плясать съ веревочнымъ ожерельемъ на воздухѣ; касательно же своей личной твердости духа, Ревендисъ разсудилъ за благо послѣдовать примѣру неустрашимаго римлянина, вырвавъ одинъ изъ своихъ собственныхъ глазъ и бросивъ его передъ, окаменѣлое столь мужественнымъ поступкомъ, собраніе. Все это заставляетъ нѣсколько сомнѣваться въ совершенной точности разсказа автора «Исторіи воен-

*

ныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи» [1]) касательно демократическаго управленія т а й ф ъ курдинскихъ и политической ничтожности ихъ предводителей. Извѣстно, что народъ сей, принадлежащій большею частью къ расколу Іезидовъ, раздѣляетъ уваженіе знаменитой леди Стенгопъ къ злому духу. Языкъ и вѣра курдинцевъ ожидаетъ еще ученыхъ изслѣдованій, которыя, по словамъ приведеннаго писателя, могли бы озарить Азію новымъ свѣтомъ. Таковыя изслѣдованія тѣмъ заманчивѣе, что, кромѣ свидѣтельства Ксенофонта и римскихъ историковъ, г.г. Клапротъ и Малькольмъ [2]) указываютъ намъ въ Ш а х ъ - Н а м е, извѣстной эпопеѣ Фирдоуси, на любопытный миѳъ о древнемъ происхожденіи курдинцевъ. Поэтъ говоритъ, что Зочукъ (по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, еврейскій Нимродъ, умершій 1790 лѣтъ послѣ потопа) убилъ, наущенный злымъ духомъ, отца своего Мурдаса и рѣшился, вопреки религіозному запрещенію, употреблять мясную пищу. За доставленіе ему этого наслажденія сатана просилъ дозволеніе поцѣловать Зочука въ плечи. Едва уста лукаваго къ нимъ прикоснулись, какъ вдругъ два змѣя, свистя возникли изъ плечъ Зочука. Полагали, что онъ погибнетъ немедленно отъ ихъ жала; но демонъ, явившійся въ образѣ лекаря, увѣрилъ царя, что ему совершенно нечего страшиться, если только зміи будутъ питаться мозгами человѣческими. Это лекарство произвело желаемое дѣйствіе. Изъ двухъ ежедневныхъ жертвъ одна была спасаема и отправляема въ горы царскимъ поваромъ. Эти-то, избавленные отъ гибели, образовали впослѣдствіи племя курдинцевъ и проч.

Здѣшнія насущныя новости не представляютъ покамѣстъ ничего особенно замѣчательнаго. О послѣдствіяхъ Триполискаго [3]) событія нѣтъ еще никакихъ слуховъ. Вашему высокопревосходительству извѣстны уже, вѣроятно, подробности чумы, закравшейся въ чертоги нашихъ дипломатовъ. Слава Богу, что изъ этого не вышло ничего гибельнаго. Другая здѣшняя новость есть похищеніе брильянтовъ Капитанъ-паши и пытка, выдержанная по сему случаю его челядинцами. Все это кончилось смертью одного молодаго грека, любимца Агмедова, уличеннаго въ воровствѣ и застрѣленнаго собственноручно Капитанъ-пашею.

---

[1]) „Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи въ 1828 и 1829 годахъ". Соч. Ушакова. 3 ч. Спб. 1836.

[2]) Малькольмъ—дипломатъ и англійскій историкъ († 1833), написалъ много важныхъ сочиненій, касающихся исторіи Востока.

[3]) Когда въ г. Триполи султаномъ былъ назначенъ намѣстникъ, Рауфъ-паша, то мѣстныя партіи, недовольныя своимъ зависимымъ положеніемъ отъ султана, подняли возстаніе, которое только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ было усмирено появленіемъ турецкаго флота передъ этимъ городомъ.

Американецъ Броунъ, заключившійся добровольно въ одномъ изъ здѣшнихъ чумныхъ лазаретовъ для наблюденій надъ свойствами заразы, оставилъ на дняхъ въ вожделѣнномъ здравіи гнѣздище этой ужасной болѣзни и объявилъ, что достаточно ознакомился съ ея симптомами для употребленія лекарства своего брата, предохранительнаго отъ чумныхъ міазмовъ, но отнюдь не исцѣляющаго зараженныхъ, по его собственнымъ словамъ.

Французскія газеты толкуютъ о появленіи своихъ пароходовъ въ здѣшнихъ водахъ около будущаго марта мѣсяца; члены здѣшняго французскаго посольства говорятъ, что едва ли это предпріятіе осуществится даже къ концу іюля. Англичане назначаютъ сюда равномѣрно, по свидѣтельству смирнской газеты, нѣсколько огромныхъ пароходовъ. Говорятъ, что австрійское пароходное плаваніе по Дунаю грозитъ также расширить кругъ своей дѣятельности. Какое раздолье для коммерціи и для толпы праздношатающихся по обширному Божьему міру!

Миссія представила уже вѣроятно министерству подробности отбытія лорда Понсонби [1]) въ Англію (со) всей надлежащей отчетливостью.

За всѣмъ тѣмъ, крайне ослабѣвшая чума не перестаетъ еще напоминать намъ отъ время до времени о своемъ здѣсь существованіи. Недавнее переселеніе въ Перу возбуждаетъ во мнѣ надежду разнообразить бо́льшей занимательностью свои донесенія, если только горестное положеніе моего разстроеннаго въ конецъ здоровья не пересилитъ милліона другихъ окружающихъ меня затрудненій.

Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія...

3.

4-го (16) мая 1837 г. Аѳины [2]).

Можетъ быть вашему высоко-превосходительству уже извѣстно, что константинопольской нашей миссіи угодно было отправить меня въ концѣ прошлаго марта курьеромъ въ Грецію. Нѣтъ сомнѣнія, что знакъ столь обязательнаго вниманія былъ бы для меня еще драгоцѣннѣе, если

---

[1]) Лордъ Понсонби—англійскій дипломатъ; онъ былъ назначенъ въ 1832 г. посломъ отъ англійскаго правительства въ Константинополь въ то самое время, когда въ Лондонѣ поняли ошибку въ томъ, что оставили Порту безъ помощи въ войнѣ съ Мегмедомъ-Али.

[2]) Съ черноваго подлинника.

бы отдалили отъ Стамбула во всякое другое время года, кромѣ того, въ которое слабость чумы заставляетъ сближаться съ предметами, большею частью неприступными по причинѣ ея свирѣпости. Ознакомленный кромѣ того довольно коротко съ Элладой еще прежнимъ своимъ путешествіемъ [1]), я долженъ признаться, что не безъ сожалѣнія простился съ надеждой извлечь наконецъ какую-нибудь пользу изъ своего пребыванія въ Константинополѣ. Впрочемъ, какъ бы то ни было—вотъ уже слишкомъ мѣсяцъ, какъ я обитаю подъ небомъ Аттики, въ ожиданіи своего обратнаго отправленія. Вмѣняю себѣ, между тѣмъ, въ обязанность представить вашему высоко-превосходительству нѣкоторыя изъ своихъ наблюденій надъ Аѳинами древними и современными.

Возстановленіе храма побѣды, составляющаго лѣвое крыло Пропилей, поразило меня, вмѣстѣ съ очисткой сего послѣдняго зданія отъ массы постороннихъ стѣнъ и пристроекъ, совсѣмъ не той подавляющей красотой и величіемъ, которымъ я столько удивлялся въ 1834 г. Самое замѣчательное слѣдствіе этихъ работъ есть открытіе одной изъ Каріетидъ, которой существованіе предполагалось до сихъ поръ въ Римѣ, по милости копіи, выдававшейся тамъ же за подлинникъ. Всѣ эти статуи за исключеніемъ одной, похищенной Л. Эльгиномъ, будутъ вмѣстѣ съ архитектурными обломками поставлены по мѣстамъ, сообразно съ обозначеніемъ Павзанія и другихъ древнихъ писателей. Множество другихъ статуй, вазъ, барельефовъ, мраморовъ съ надписями и проч. отысканы со времени послѣдняго моего путешествія въ Грецію. Образцы, современнаго Периклу ваянія и зодчества, многія изъ этихъ драгоцѣнностей открыты станутъ, безъ сомнѣнія, на ряду съ тѣми извѣстными памятниками древности, которыми Италія привлекаетъ къ себѣ путешественниковъ, и по своей исторической важности обогатятъ археологію свѣдѣніями, которыя будутъ, вѣроятно, не совсѣмъ безполезны для новѣйшихъ наукъ и художествъ. Жаль только, что вещественныя средства здѣшняго правительства столь несоразмѣрны съ его просвѣщенною любовью къ изящному.

Новый королевскій дворецъ, котораго до сихъ поръ существуетъ одинъ фундаментъ и начало нижняго этажа, поразилъ меня, впрочемъ, столько же огромностью своего основанія, сколько ослѣпительнымъ блескомъ пантеликскаго мрамора, долженствующаго составить всѣ колонны, пилястры, карнизы и внутреннюю отдѣлку зданія. Принятый для него

---

[1]) В. Г. Тепляковъ въ октябрѣ и ноябрѣ 1834 г. по порученію графа Воронцова совершилъ путешествіе по Турціи и Греціи. О пребываніи въ послѣдней сохранился путевой дневникъ, въ которомъ не мало интересныхъ свѣдѣній о древностяхъ классической Греціи, со снимками надписей съ античныхъ мраморовъ.

іонійско-дорическій орденъ зодчества заимствованъ у древнихъ храмовъ, вѣнчавшихъ вершину Акрополиса. Счастливый выборъ мѣстности соотвѣтствуетъ вполнѣ будущей красотѣ чертоговъ, коихъ главный фасадъ господствуетъ надъ всей панорамой города, надъ опоясывающей его оливковой рощею, надъ всѣмъ горизонтомъ, прегражденнымъ цѣпью горъ, въ концѣ залива Аѳинскаго.

Что могу я сказать вамъ, милостивый государь, о современныхъ Аѳинахъ и нестройности, противоборствующей здѣсь успѣхамъ общественнымъ. Физіономія Греціи сохраняетъ, повидимому, все прежнее выраженіе ненависти къ ея баварскимъ полкамъ и чиновникамъ. Ихъ продолжаютъ почитать главнымъ источникомъ этой политической болѣзненности, на которую каждый здѣсь жалуется. Господствующее мнѣніе превозноситъ устройство правительственной машины въ совершенномъ разногласіи съ коренными народными потребностями; государственные доходы въ пущемъ, нежели когда-нибудь, разладѣ съ расходами, между тѣмъ какъ налоги на внутреннюю промышленность, пошлины на товары привозные возрастаютъ по мѣрѣ уменьшенія денежныхъ оборотовъ. Нѣсколько возникшихъ въ городѣ и въ Пиреѣ домиковъ, нѣсколько встрѣчаемыхъ тамъ лавокъ и магазиновъ, нѣсколько дорогъ, проложенныхъ вокругъ столицы, не ручаются почти нисколько за прочность передвиженія вещей, за ту общественную довѣренность, которая благопріятствовала бы иммиграціи—главному условію народнаго благосостоянія въ странѣ, столько же плодородной, сколько бѣдной жителями. Г. Рутгардъ, которому я былъ представленъ съ самого своего прибытія въ Грецію, кажется полнымъ искренняго стремленія къ ея пользамъ; но сколько трудовъ потребно для окончательнаго примиренія партій, перешедшихъ, повидимому, отъ прежнихъ бурь къ изворотамъ глухихъ интригъ, разъединяющихъ составъ политическій! Жажда порядка проявляется, впрочемъ, довольно сильно между большинствомъ жителей, ибо увѣряютъ, что самые заклятые враги покойнаго президента жалѣютъ о немъ до того, что начинаютъ служить панихиды за упокоеніе его души, неразгаданной отъ ослѣпленія. Замѣчательно, между прочимъ, что во время недавняго землетрясенія въ Идрѣ народъ не переставалъ его приписывать толчкамъ, которыми Каподистрія преслѣдуетъ Мавромихали въ земной утробѣ.

На дняхъ имѣлъ я честь быть представленнымъ королю и королевѣ Греціи. Его величество удостоилъ между прочимъ воспоминаніемъ, что видѣлъ уже меня тому назадъ два года у себя въ Навпліи. Относительно же королевы всѣ похвалы ея очаровательной наружности отступаютъ далеко отъ существенности. Говорятъ, что ея внутреннія качества не уступаютъ внѣшнимъ ни умомъ, ни любезностію.

Переходя съ вершины Акрополиса ко дворцу короля Оттона, изъ

плѣнительной Кифисіи (древнее сельское убѣжище правителей Аттики, Екатерингофъ нынѣшнихъ Аѳинъ) къ обрядамъ дипломатическимъ, вчера попалъ я на открытіе новаго аѳинскаго университета. Послѣ обыкновеннаго молебствія пять ораторовъ произнесли королю, присутствовавшему на устроенномъ для него возвышеніи, пять рѣчей, превыспренныхъ, какъ увѣряютъ, единственно по ихъ неизмѣримой длиннотѣ и надутости. Великія имена Ѳермопилъ, Саламина, Мараѳона и проч. звучали ежеминутно въ соединеніи съ терминами, болѣе микроскопическими, со всѣми школьными снарядами математики, логики и риторики. Король произнесъ риторическій отвѣтъ свой по-гречески.

Не слишкомъ яркимъ блескомъ поражаетъ путешественника и здѣшняя публика, а наступающіе жары грозятъ растопить ее совершенно. Домъ нашего министра, полнаго увлекательной вѣжливости сердца, которая столь предпочитается условіямъ свѣтской любезности, составляетъ едва ли не единственное сборное мѣсто аѳинскаго общества.

Не знаю, удастся ли мнѣ порыскать снова по Греціи. Знакомый впрочемъ довольно хорошо съ нѣкоторыми ея частями, я не слишкомъ ропщу въ отношеніи къ самому себѣ на чуму, завезенную въ Паросъ пришедшимъ изъ Сиріи судномъ. Увѣряютъ, между тѣмъ, что появленіе заразы ограничилось однимъ усугубленіемъ карантинныхъ предосторожностей по всѣмъ островамъ и берегамъ Греціи.

А. Ѳ. Шидловскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Два письма князя Александра Ивановича Чернышева къ В. И. Фрейгангу.

1.

С.-Петербургъ 11 (23) іюля 1817 г.

Я никакъ не хочу упустить перваго удобнаго случая, не выразивъ вамъ благодарности за всѣ тѣ доказательства дружбы, которыя вы мнѣ оказали во время моего пребыванія въ Брюсселѣ; повѣрьте, что мое сердце умѣетъ ихъ цѣнить по достоинству; кажется нами остались очень довольны въ Парижѣ. Судя по письму Поццо (ди Борго) ко мнѣ, все будетъ зависѣть отъ того, на сколько добросовѣстно исполнятъ у насъ то, что нами обѣщано. Я вручилъ вашъ мемуаръ его величеству и говорилъ ему о васъ, какъ думаю, и ручаюсь, что вамъ болѣе и желать нечего. Я ему сообщилъ, что мы будемъ съ вами въ перепискѣ, что, казалось, ему доставило удовольствіе; теперь, когда онъ изъявилъ согласіе показывать ему то, что вы мнѣ будете писать, вы должны въ своихъ письмахъ подробно и правдиво излагать все то, что можетъ обращать его вниманіе; старайтесь всегда ясно отличать все достовѣрное отъ однихъ предположеній; при характерѣ государя это необходимо. Его величество согласился на просьбу генерала Фуля относительно его желанія какъ для себя, такъ и для васъ, и пока вы получите небольшое пособіе, которое вамъ не зачтется въ награду. Я самый счастливый человѣкъ подлѣ моей жены, которая красивѣе, нежели когда-либо; она была восхищена всѣмъ тѣмъ, что я ей привезъ, и любитъ меня все болѣе и болѣе, какъ она сама выразила на подаренной мнѣ ею печати. Я жду съ нетерпѣньемъ музыкальную тетрадь, которую Іогансонъ долженъ привезти изъ Парижа. Пишите мнѣ часто о принцѣ (Оранскомъ), старайтесь его видѣть и быть посредникомъ того, что онъ пожелаетъ передать мнѣ; будьте впрочемъ предусмотрительны въ предположеніяхъ, которыя вы сдѣлаете на его счетъ, если бы онъ нарушилъ свои обѣщанія; скажите ему также, что считаютъ весьма важнымъ возвращеніе извѣстнаго письма. Прощайте, мой дорогой другъ; то что я вамъ пишу, не имѣетъ ни начала, ни конца; отвѣчаю вамъ за одно, что люблю васъ отъ всего сердца и весь вашъ А. Чернышевъ.

Извините за мое маранье; спѣшу въ Царское Село. Мое почтеніе вашей женѣ и поклонъ вашему сыну.

Пишите мнѣ о графѣ де Ко и о принцѣ Августѣ. Получилъ ваше письмо.

2.

С.-Петербургъ 16 (28) января 1818 г.

Я получилъ, къ моему большому удовольствію, нѣсколько вашихъ писемъ, мой любезный Фрейгангъ; я ихъ всѣ показывалъ государю и многія изъ нихъ имѣли счастіе заслужить его одобреніе, тѣмъ болѣе, что вы предвидѣли событія и ихъ намъ сообщили почти прежде, нежели мы ихъ получили оффиціально. Прошу васъ продолжать мнѣ писать; вѣрьте, что хотя я и лѣнивъ противъ васъ, тѣмъ не менѣе вы занимаете мѣсто въ моемъ сердцѣ, и я вамъ искренно преданъ. Я предлагалъ здѣсь оставить васъ постоянно въ Брюсселѣ съ увеличеніемъ вамъ содержанія. Вы могли бы тамъ слѣдить за многимъ и сообщать ваши наблюденія министру и двору, между тѣмъ какъ ваше пребываніе въ Гагѣ очень мало выгодно во всѣхъ отношеніяхъ [1]). Каподистрія понялъ мою мысль, но Нессельроде ей воспротивился, не знаю почему; надѣюсь, что будущею осенью мы увидимся, когда великіе политическіе интересы насъ приблизятъ къ Рейну [2]). Я написалъ принцу Оранскому два письма, которыя мнѣ продиктовала моя преданность къ нему; не знаю, будетъ ли онъ ими доволенъ, но на его мѣстѣ я бы смотрѣлъ на нихъ, какъ на самыя сильныя доказательства моей къ нему привязанности. Прощайте, мой любезный другъ, простите за мое маранье, я очень тороплюсь; только что пріѣхалъ сюда на двѣ недѣли съ государемъ. Преданный вамъ сердцемъ и душою А. Чернышевъ.

Мое почтеніе вашей женѣ и поклонъ вашему сыну. Засвидѣтельствуйте мое усерднѣйшее высокопочитаніе принцу (Оранскому) и передайте мой дружескій поклонъ Фулю.

Сообщилъ **А. В. Фрейгангъ.**

---

[1]) Для удовлетворенія интересовъ и самолюбія какъ голландцевъ такъ и бельгійцевъ, нидерландскій дворъ, со всѣми министрами и съ дипломатическимъ корпусомъ, пребывалъ попеременно годъ въ Гагѣ, и годъ въ Брюсселѣ. Изъ предложенія А. И. Чернышева видно, что онъ уже тогда придавалъ особенный вѣсъ Брюсселю и не довѣрялъ Бельгіи, которая 12 лѣтъ спустя отложилась отъ Голландіи. А. Ф.

[2]) Конгресъ въ Ахенѣ происходилъ въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ 1818 г. А. Ф.

Издатель **С. Зыковъ.** Редакторъ **Н. Дубровинъ.**

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1896 г.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

	стран.
I. Императоръ Николай I въ 1828—1829 гг. (Изъ записокъ графа А. Х. Бенкендорфа). Гл. II. (Окончаніе). Сообщ. Н. К. Шильдеръ	3—27
II. Воспоминанія, мысли и признанія человѣка, доживающаго свой вѣкъ смоленскаго дворянина. Гл. XVII—XIX	201—226
III. Записки Михаила Чайковскаго. Перевела съ польскаго В. В. Тимощукъ. Гл. XII—XIV. стр. 367—404,	647—659
IV. Петръ Ильичъ Чайковскій. Ив. Липаева.	545—552

Портреты.

I. Портретъ Виктора Григорьевича Теплякова. Грав. К. Адтъ.
(При 7-й книгѣ).

II. Портретъ графини Роксандры Скарлатовны. Эдлингъ. Грав. К. Адтъ.
(При 8-й книгѣ).

III. Портретъ Егора Егоровича Замысловскаго. Грав. К. Адтъ.
(При 9-й книгѣ).

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

		стран.
I.	Попытки къ заведенію торговли Россіи съ Японіей въ 1791 г. сообщ. Нарановичъ.	28
II.	Россія и Англія въ Турціи въ 1877—1878 гг. Гл. II—III.	31—44, 295—311
III.	Князь В. А. Черкаскій и гражданское управленіе въ Болгаріи 1877—1878 гг. Окончаніе Д. Г. Анучина. . . . . стр. 45—81,	231—254
IV.	Приказъ помѣщицы П. М. Черниковой о выборѣ рекрутъ. Сообщ. кн. А. Л. Голицынъ . . .	82
V.	Собственноручныя письма В. А. Жуковскаго къ Д. П. Северину (1830—1833 гг.)	83—98
VI.	Основаніе русскаго флота. Историческій очеркъ Професс. Дм. Цвѣтаева.	99—112
VII.	Замѣтки о домѣ Романовыхъ. Г. М.	113—117
VIII.	Замѣтки о родѣ князей Шуйскихъ вообще и о младшей его вѣтви князей Горбатовыхъ-Шуйскихъ. Г. М.	118—125
IX.	Высочайшій указъ отъ 8 мая 1801 г. о снятіи амбарго съ англійскихъ судовъ	126
X.	Императоръ Александръ I и гр. Армфельдъ 1811—1812 гг. Гл. I—VIII. стр. 127—152,	323—348, 591—615
XI.	Густавъ IV и вел. княжна Александра Павловна 1794—1796 гг. Гл. VI—VII. Барона Н. В. Дризена. стр. 153—162, 349—366,	627—645
XII.	Автобіографія Юрьевскаго архимандрита Фотія. Книга третья.	163—199, 423—443

XIII. Указъ изъ С.-Пет. Губерн. Правленія объ именованіи прапорщика Шервуда — Шервудъ-Вѣрнымъ. 200
XIV. Два письма по поводу кончины императора Николая I, отъ 25 февраля 1855 года. 255
XV. Духоборцы, ихъ ученіе, организація и настоящее положеніе: 1) нѣкоторые черты объ обществѣ духоборцевъ*_* 2) Правда о духоборцахъ М. Тебенькова. . . . . стр. 257—293, 493—526
XVI. Графъ М. М. Сперанскій въ Тюмени 294
XVII. Къ біографіи Ѳеодосія архіепископа новгородскаго Сообщ. А. Подвысоцкій 312
XVIII. Два письма изъ эпохи Восточной войны 1853—1856 гг. А. Гирса . . . . . 313—322
XIX. Графиня Р. С. Эдлингъ въ письмахъ къ В. Г. Теплякову А. Ѳ. Шидловскаго. . . . . 405—422
XX. Къ характеристикѣ нравовъ въ XIX вѣкѣ. Сообщ. А. Е. Мерцаловъ 444
XXI. Сперанскій и два Никитина. Проф. В. Бильбасова. . . . . 445—447
XXII. О ввозѣ иностр. книгъ въ Россію; Высочайшій указъ князю Голицыну 18 августа 1802 г.— Письмо Н. Н. Новосильцева Ѳ. И .Шуберту отъ 5 сентября 1804 г. 448
XXIII. Поправка къ статьѣ «Т. Гр. Шевченко въ Астрахани». А. Конисскаго . . . . . 449—450
XXIV. Борьба академиковъ съ директоромъ С. Г. Домашневымъ. Академ. К. С. Веселовскаго. 457—492
XXV. Графиня Анна Орлова-Чесменская и архимандритъ Фотій: 1) Письмо крестьянъ графини Орловой-Чесменской « » янв. 1826 г. Сообщ. А. А. Комовская; 2) Къ біографіи Фотія. Сообщ. А. Слезкинскій . . . . . 527—540
XXVI. Императоръ Павелъ I въ своихъ письмахъ и распоряженіяхъ. Сообщ. Н. В. Дризенъ и Е. В. Чешихинъ. . . . . 541—544
XXVII. Изъ Семейной хроники Льва Павлищева. . . 553—572
XXVIII. Александръ Семеновичъ Шишковъ и двѣ всеподданнѣйшія его записки. . . . . 573—589
XXIX. Письмо католикоса всѣхъ армянъ Нерсеса кн. Димитрію Ивановичу Долгорукову отъ 6 марта 1854 года 590

XXX. Письмо князя А. Н. Голицына М. М. Сперанскому отъ 16-го января 1819 г. Сообщ. акад. А. Ѳ. Бычковъ . . . . . стран. 616
XXXI. Егоръ Егоровичъ Замысловскій . . . . . 617—620
XXXII. Наставленія по поводу сбора милиціи въ 1806 г. Сообщ. Г. И. Студенкинъ . . . . . 621—625
XXXIII. Запрещеніе исторіографу Миллеру заниматься генеалогіей. Сообщ. акад. К. С. Веселовскій. 626
XXXIV. Рескриптъ императора Александра I-го о свободныхъ хлѣбопашцахъ отъ 9-го іюня 1805 г. Сообщ. Г. И. Студенкинъ 646
XXXV. Указы Правительствующему Сенату объ уничтоженіи орудій пытки отъ 9 февраля 1827 г. 660
XXXVI. Изъ бумагъ Виктора Григорьевича Теплякова. А. Ѳ. Шидловскаго . . . . . 661—672
XXXVII. Два письма князя Александра Ивановича Чернышева къ В. И. Фрейгангу 673

Библіографическіе указатели.

Библіографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи, вышедшихъ въ 1896 года . . . . . стр. 227—230, 451—455.

Библіографическій листокъ.

1. Д. И. Иловайскаго мелкія сочиненія, статьи и письма. Выпускъ второй. Москва. 1896 г. Н. К-ш-а. (на оберткѣ іюльской книги).
2. Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека. Ф. Павленкова. В. Г. Бѣлинскій, его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ М. А. Протопопова Н. К-ш-а (тамъ же).
3. Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго въ четырехъ томахъ. Съ портретомъ и факсимиле автора, гравюрой съ картины Наумова и статьей Н. К. Михайловскаго. Дешевое изданіе Ф. Павленкова. Н. К-ш-а (тамъ же).
4. Императоръ Александръ II Освободитель въ памяти своего народа.— По поводу открытія памятника Александру II въ Казани. 30 августа 1895 г. проф. А. А. Царевскаго. Казань 1896 г. Н. К-ш-а. (на оберткѣ августовской книги).
5. Л. М. Савеловъ. Родъ дворянъ Савеловыхъ. (Савелковы). Москва. 1895 г. Напечатано въ количествѣ 150 экз. Н. К-ш-а (тамъ же).

6. Сочиненіе Н. В. Гоголя. Изданіе десятое. Текстъ свѣренъ съ собственноручными рукописями автора и первоначальными изданіями его произведеній Николаемъ Тихонравовымъ и Владиміромъ Шенрокомъ. Съ приложеніемъ портрета Н. В. Гоголя, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, и трехъ снимковъ съ собственноручныхъ рисунковъ Гоголя. Томъ VI. Москва и Спб. Изданіе А. Ф. Маркса. 1896 г. 832+VIII. Цѣна 3 руб. Н. К-ш-а (на обертѣ сентябрьской книги).
7. То-же. Томъ VII. Съ приложеніемъ собственноручныхъ рисунковъ Н. В. Гоголя: портрета Пушкина и домиковъ Гоголя. Спб. 1896 года. 1090+V. Цѣна 3 руб. 50 коп. Н. К-ш-а. (тамъ же).

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Съ 1-го сентября 1896 года, въ г. НЬЮ-ІОРКѢ Сѣверо-Восточной Америки будетъ издаваться новый журналъ

„ПРАВОСЛАВНЫЙ АМЕРИКАНСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

(Органъ православный американской миссіи).

Болѣе важныя и существенныя статьи будутъ печататься въ два текста—русскій и англійскій—параллельно.

Журналъ будетъ выходить дважды въ мѣсяцъ,—каждаго 1-го и 15-го числа. Подписная цѣна на годъ: въ Америкѣ три доллара, въ Россіи шесть (6) рублей съ пересылкой.

Подписка принимается — въ Америкѣ: America. New York, City, 323 second avenue, Reverend Alexander Hotovitzky. Въ Россіи: С.-Петербургъ. Редакція «Церковнаго Вѣстника» — для перевода въ Нью-Іоркъ. Статьи и корреспонденціи направлять исключительно по первому адресу.

Соотвѣтственно задачамъ Русской Православной Миссіи въ Америкѣ, нашъ журналъ имѣетъ цѣлью: возвѣщать въ инославной средѣ догматическую и историческую правду Православія, какъ путемъ раскрытія положительнаго ученія церкви, такъ и путемъ разъясненія и опроверженія заблужденій противниковъ. Защищать правоту русскаго православнаго дѣла отъ непріязненныхъ выходокъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ газетъ, враждебно относящихся къ успѣхамъ русскихъ миссіонеровъ въ этой странѣ. Всѣмъ православнымъ—переселенцамъ изъ «Стараго края» внушать чувства любви и преданности своей вѣрѣ и родинѣ, воодушевляясь которыми они могли бы не только противостоять неблагопріятному вліянію окружающей инославной среды, но и сами—вліять на нее. Пріобщая путемъ печати душу и сердце этихъ людей къ жизни роднаго народа,—одновременно и въ читателяхъ Стараго Свѣта вызывать участіе къ жизни и быту ихъ далекихъ земляковъ. Постепенно знакомить мѣстныхъ иностранныхъ читателей—американцевъ съ дѣйствительнымъ типомъ русскаго человѣка, съ духомъ и обычаями русской страны, поселяя въ американской средѣ—на мѣсто предубѣжденія—симпатіи къ нашему родному народу...

Начиная изданіе въ скромныхъ размѣрахъ, редакція «Православнаго Американскаго Вѣстника» твердо убѣждена, что сочувствіе лицъ, которымъ близки интересы русскаго православнаго дѣла вообще, облегчитъ тѣ исключительныя трудности, съ которыми неизбѣжно сопряжено изданіе русскаго журнала за границей,—подаритъ ей читателей и сотрудниковъ и позволитъ, такимъ образомъ, постепенно расширять программу журнала и тѣмъ самымъ—возводить дѣло отъ малаго къ большому.

Редакторъ, Настоятель Русской церкви въ г. Нью-Іоркѣ,
Священникъ А. ХОТОВИЦКІЙ.

позднѣйшія „Рецензіи, написанныя для „Современника".

Далѣе помѣщена „Коляска" въ первоначальной редакціи, которая замѣтно отличается отъ печатныхъ редакцій, начиная съ первой помѣщенной въ „Современникѣ" 1836 года. „Особенно подвергалось передѣлкѣ, — по замѣчанію В. И. Шенрока,—описаніе послѣобѣденнаго настроенія и разговоровъ всего общества, собравшагося у генерала, послѣ приглашенія Чертокуцкимъ къ себѣ какъ генераловъ, такъ и офицеровъ; здѣсь въ значительной степени переработана цѣлая страница рукописнаго текста".

Изъ переводныхъ статей Гоголя въ VI томѣ помѣщена комедія „Сганарель, или мужъ, думающій, что онъ обманутъ женою" (Sganarel, ou le cocu imaginaire), соч. Мольера, которое какъ и „Дядька въ затруднительномъ положеніи" (Z'ajo nell'imbarazzo); соч. Джіованни Жиро [1]), были переведены Гоголемъ для М. С. Щепкина. Первоначально переводъ комедіи Мольера былъ сдѣланъ друзьями Щепкина, но Гоголь взялся исправить этотъ переводъ и передѣлалъ почти каждую фразу.

За небольшою статьею о Мериме слѣдуютъ: „Учебная книга словесности для русскаго юношества" и „1846 годъ"—небольшая записка, которыя,—какъ предполагаетъ г. Шенрокъ, — Гоголь имѣлъ обыкновеніе писать предъ наступленіемъ каждаго новаго года, высказывая въ нихъ мечты и желанія вмѣстѣ съ мольбою объ ихъ исполненіи.

По содержанію статьи „О сословіяхъ въ государствѣ" видно, что этотъ набросокъ принадлежитъ къ послѣднимъ годамъ литературной дѣятельности Николая Васильевича. „Объявленіе объ изданіи русскаго словаря" написано не ранѣе 1847 года, такъ какъ въ этомъ объявленіи Гоголь упоминаетъ о „Словарѣ Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ", вышедшемъ въ 1847 году. Послѣ отрывковъ и набросковъ разныхъ лѣтъ редакторомъ помѣщенъ полный текстъ карманныхъ записныхъ книжекъ Н. В. Гоголя и наконецъ примѣчанія и варіанты.

Вотъ содержаніе шестаго тома. Что касается внѣшности изданія, то мы не погрѣшимъ, если назовемъ его образцовымъ: книга напечатана крупнымъ, четкимъ шрифтомъ и на хорошей бумагѣ. Къ этому тому приложены: портретъ Гоголя, гравированный Брокгаузомъ, и три снимка собственноручныхъ рисунковъ Николая Васильевича, относящихся къ послѣдней сценѣ „Ревизора".

То же. Томъ VII. Съ приложеніемъ собственноручныхъ рисунковъ Н. В. Гоголя: портрета Пушкина и домиковъ Гоголя. СПБ. 1896 г. 1090+V. Цѣна 3 р. 50 к.

Седьмымъ томомъ заканчивается собраніе сочиненій Н. В. Гоголя. Въ этомъ томѣ помѣщены „Мертвыя души", а именно: первая и вторая полныя редакціи перваго тома; сохранившіеся отрывки изъ первоначальной редакціи; страницы, передѣланныя Гоголемъ по выходѣ въ свѣтъ перваго тома; размышленія автора о нѣкоторыхъ герояхъ перваго тома; вновь найденныя страницы изъ второй части и новые наброски изъ первой части.

Такъ какъ „Мертвыя души" представляютъ собою еще неокончательно выработанный матеріалъ, исправлять который было бы противно цѣлямъ изданія, не допускающаго никакихъ произвольныхъ измѣненій— то В. И. Шенрокъ, слѣдуя авторитетному примѣру Н. С. Тихонравова, при которомъ были уже набраны [1]) двѣ первыя полныя редакціи „Мертвыхъ душъ", – вполнѣ сохранилъ текстъ этихъ черновыхъ редакцій даже и тамъ, гдѣ онъ является испорченнымъ.

Вслѣдъ за примѣчаніями редактора и варіантами, занимающими болѣе трети книги, помѣщены: описаніе рукописей, хронологическій и четыре алфавитныхъ указателя (два—собственныхъ именъ и два предметные); при чемъ указатели къ тексту отдѣлены отъ указателей къ примѣчаніямъ и варіантамъ. Въ эти указатели всѣ названія лицъ и предметовъ внесены въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они встрѣчаются въ каждомъ данномъ мѣстѣ Гоголевскаго текста, а также текста примѣчаній редактора. Кромѣ того приложены: портретъ А. С. Пушкина, набросанный Гоголемъ, и факсимиле собственноручной акварели Николая Васильевича, изображающей переднiй и заднiй фасады дома въ Васильевкѣ.

Внѣшняя сторона изданія не оставляетъ желать лучшаго.

Н. К-ш-ъ.

V т. разсматриваемаго изданія, стр. 486 — 507, а впервые были напечатаны въ Пушкинскомъ „Современникѣ" за 1836 годъ.

[1]) Она напечатана во II т. этого изданія.

[1]) Сохранить этотъ наборъ,—говоритъ г. Шенрокъ, — оказалось невозможнымъ, и вся работа должна была повториться вновь.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1896 г.

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста заграницу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ѳ. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°.), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «**Русская Старина**», Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать въ конторѣ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина»	1876 г., второе изд.	(*35 экз.*),	съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина»	1877 г., 12 книгъ	(*24 экз.*),	съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина»	1878 г., 12 книгъ	(*20 экз.*),	съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина»	1879 г., второе изд.	(*1 экз.*),	съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина»	1880 г., 12 книгъ	(*40 экз.*),	съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина»	1881 г., 12 кн., изд. второе	(*13 экз.*),	съ портр., 9 руб.
«Русская Старина»	1884 г., 12 книгъ	(*38 экз.*),	съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина»	1885 г., 12 книгъ	(*38 экз.*),	съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина»	1888 г., 12 книгъ	(*45 экз.*),	съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина»	1889 г., 12 книгъ	(*206 экз.*),	съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина»	1890 г., 12 книгъ	(*144 экз.*),	съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина»	1891 г., 12 книгъ	(*25 экз.*),	съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина»	1892 — 1895 гг., 12 книгъ,		съ портретами, 9 руб.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.